

**ПОСОЛ БЕЗ ВЕРИТЕЛЬНЫХ
ГРАМОТ**

**СЕРГЕЙ
ЧЕГОВ**

**ПОСОЛ БЕЗ
ВЕРИТЕЛЬНЫХ
ГРАМОТ**

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

**СЕРГЕЙ
ЧЕГОВ**

КЛАССИКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

СЕРГЕЙ
СНЕГОВ

**ПОСОЛ
БЕЗ ВЕРИТЕЛЬНЫХ
ГРАМОТ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **act** МОСКВА 2003
TERRA FANTASTICA САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С53

Серийное оформление Александра Кудрявцева

Художник Владимир Ненов

Подписано в печать 27.09.2002. Формат 84х108 $\frac{1}{32}$
Усл. печ. л. 42. Тираж 8 000 экз. Заказ № 3039

Снегов С.А.

С53 Посол без верительных грамот: Сб. / С.А. Снегов. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 797, [3] с. — (Классика отечественной фантастики).

ISBN 5-17-016036-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0591-X (TF)

Сергей Александрович Снегов (1910—1994), один из классических авторов российской фантастики, начал писать собственно научную фантастику очень поздно (первая публикация — в 1964 г.), однако успел стать одним из признанных мастеров жанра, вошедшим в историю отечественной фантастики прежде всего как автор единственной «советской космической оперы» — «Люди как боги».

Но — кем был Сергей Снегов?

На этот счет, как известно, попросту не существует единого мнения, поскольку даже сам этот классик отечественной научной фантастики сплошь и рядом давал своим произведениям оценки ДИАМЕТРАЛЬНО ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ оценкам как критиков, так и поклонников его таланта.

Так КЕМ был Сергей Снегов?

Прочитайте — и узнайте сами!

В эту книгу вошли произведения разных лет, относящиеся к циклам «Космические детективы» и «Хрононавигаторы».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© С. Снегов, наследники, 2002
© Послесловие. А. Ермолаев, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002
® TERRA FANTASTICA

КОСМИЧЕСКИЕ
ДЕТЕКТИВЫ

ПРАВО НА ПОИСК

1

Чарли присел к моему столику, деловито пробежал глазами меню — что бы в нем ни значилось, он закажет омлет с помидорами и апельсиновый сок, это неизменно — и порадовал:

— К Латоне приближается рейсовый звездолет «Командор Первухин». На нем очередная цистерна с тремя миллионами тонн сгущенной воды. И некто Рой Васильев. Этот землянин на Латоне пересекает в планетолет на Уранию. Сгущенная вода прибудет позднее. Ты что-нибудь слышал о Рое Васильеве? В общем, готовься к трудным объяснениям.

Меня порой раздражает обстоятельность, с какой Чарли изучает совершенно ненужные ему фантазии поваров. Как-то, спустя час после десятиминутного углубления в роспись первых, вторых и третьих блюд, я поинтересовался, не помнит ли он, что нам сегодня предлагали на обед. «Конечно, помню, — бодро заверил он. — Омлет с помидорами и сок». Даже бифштекса с фруктами и торта не запомнил, а я их жевал перед его носом! На вопрос о Рое я не ответил. Я промолчал сознательно и вызывающе. Молчание — единственное, что молодой академик, мой начальник Чарльз Гриценко способен слушать объективно. На молчание он реагирует быстро и толково. «Молчание информативно, — утверждает он. — Это самый красноречивый сигнал несогласия, самое категорическое оповещение о протесте».

— Омлет с помидорами и апельсиновый сок, — произнес Чарли в микрофон. — Эдик, ты меня слышишь? Почему молчишь?

— Не вижу причин кричать.

— Кричать не нужно. Но хоть бы промычал что-то. Рой возьмется прежде всего за тебя. Павел был твоим помощником, связь между его гибелью и взрывом сгущенной воды на складе почти несомненна. Рой прибывает для того, чтобы исследовать эту связь... Тебе мало этих фактов?

— Что мне мало и что много — несущественно.

— Правильно, единственно важное — что будет думать о трагедии сам Рой. Но снова и снова повторяю...

Ему не дал договорить Антон Чиршке, Повелитель Демонов Максвелла. Этот долговязый, крупноносый, большерукий, белокурый физик известен на Урании больше по прозвищу, чем по фамилии. На кличку «Повелитель Демонов» он откликается охотно, даже гордится ею. Если просто крикнуть на улице: «Повелитель!», он тоже обернется без раздражения. Злость он приберегает для работы. В лаборатории он неистов. Он дьявольски вспыльчив, Антон Чиршке, Повелитель Демонов. Если ему кажется, что прибор висит криво, он кричит на него. Я сам видел, как Чиршке закатил оплеуху командному механизму, включившему не ту программу. Механизм, правда, пострадал куда меньше, чем рука Антона.

Кроме вспыльчивости и нетерпимости к чужим мнениям, Антон еще и талантлив. Все мы талантливы, конечно, — бесталанных на Уранию не командируют, я вовсе не хочу сказать, что в этом смысле Чиршке какое-то исключение. Просто он талантливее нас. Таково мое убеждение, его разделяют не все, но я никому не навязываю своих оценок. Его ошеломительно простой механизм, сепарирующий молекулы воздуха по их скорости, вызвал множество возражений; каждый помнит, какие страстные дискуссии шли пять лет назад — не было обидных слов, которые бы не бросали Антону в лицо. Но, между прочим, все отопление на Урании, все холодильники на нашей экспериментальной планете сегодня работают от сепараторов Чиршке, от его небольшого заводика, пущенного в прошлом году: с одной стороны воздух засасывается в приемную трубу, а с другой две трубы отправляют сепарированный воздух потребителям, по одной — горячий поток, по другой — ледяной. И те, кто придумал Антону в насмешку прозвище «Повелитель Демонов Максвелла», давно прикусили языки, а само прозвище ныне выражает не иронию, а уважение. И еще одно. Антон щедро наделен величайшим даром всюду видеть загадки. Любая вещь мира, любое обычнейшее яв-

ление вызывает у него тысячи недоумений. Павел шутил: «Антон возмущает даже то, что дважды два четыре. Он не опровергает этой истины, он только ошеломлен ею». А Павел был не просто талантлив, как Антон, Павел был гениален. И он серьезно говорил об Антоне: «Не хотел бы попадаться этому человеку под горячую руку. Но если мне захочется услышать что-нибудь совершенно новое о чем-то совершенно тривиальном, я обращусь к Чиршке».

— Парни, вы слышали, к нам летит какой-то Рой Васильев, — объявил Антон, присаживаясь к нашему столу и бесцеремонно отодвигая от Чарли стакан с апельсиновым соком.

— Тебя это, естественно, выводит из равновесия? — Чарли снова пододвинул стакан к себе.

— А как может быть иначе?

— Что же тебя поражает в прилете Роя?

— Во-первых, сам прилет. А во-вторых, кто таков Рой? Какого шута мне в нем и ему в нас?

— Шута нет ни в тебе, ни в нем, а неприятности будут нам всем. Между прочим, мы их заслуживаем.

И Чарли с обычной своей проницательностью обрисовал ситуацию. Рой Васильев — физик, даже, скорее, астрофизик; во всяком случае — неплохой знаток космоса. Кроме того, он детектив. Ну, не простой сыщик, хватающий за шиворот преступника, этим Рой не занимается. Но вряд ли на Земле есть другой такой же специалист по расследованию непонятных несчастий. Его стиль — искать в различных бедах не злоумышления, а неизученные явления природы. Незученных явлений в природе, особенно в космосе, — бездна. Очевидно, на Урании Рой займется любимым делом: будет выискивать что-то неизвестное в недавнем взрыве сгущенной воды и гибели Павла Ковальского.

— По-твоему, ничего неизвестного не было? — Антон нервно жевал какое-то блюдо, голос звучал глуше и невнятной обычного. Ясностью речи Антон вообще не отличается — разве только когда говорит спокойно и уравновешенно. Но спокойным и уравновешенным я видел Антона очень редко.

— Суть не в неизвестном, а в том, чтобы хорошо объяснить известное, — спокойно отпарировал Чарли.

— Ты педант! — закричал Антон, отрываясь от еды. — В жизни не встречал большего педанта!

— Ты, наверно, хотел сказать: более точного человека? Тогда это я. Я правильно понимаю словечко «педант»?

Антон мигом вышел из себя. Он сильно хлопнул кулаком по столу, Чарли поспешно схватил полный стакан сока и отпил немного.

— Ты консерватор, Чарли! Я всегда это говорил. Чего ты ухмыляешься? В древности такие издевательские усмешки приравнивались к уголовному преступлению. Жалею, что наша эпоха пренебрегла многими хорошими обычаями старины.

Улыбка Чарли говорила не об издевке, а о том, что он собирается придать дискуссии неожиданный поворот. Чарли великий мастер на парадоксы. Я пять лет провел под его начальством и сотни раз терялся до немоты, когда Чарли принимался выворачивать привычные понятия. Если Антон ко всему придирается, то Чарли обычно усмехается — и нередко делает это с таким серьезным выражением лица, что охватывает дрожь, а не смех. В те древние времена, о каких вспомнил Антон, Чарли провозгласили бы великим софистом, мастером невероятного толкования слов. Я не сомневался, что он готовится нанести Антону именно такой удар, каким неоднократно сражал и меня, и противников посильней, — обернув против Чиршке собственные его аргументы.

— Как понимать странный термин «консерватор»? — сказал он так мягко, что легко обманул Антона.

Меня, естественно, он обмануть не мог. Я с интересом ждал продолжения.

— Как все люди понимают!

— Как понимать фразу «понимают, как все люди»?

Антон потерял терпение. Его глаза засверкали. Он даже поднялся на стуле. С людьми Антон не дерется, но хватить стулом об пол способен, случаи такие бывали.

— Возьми словарь международного языка. Можешь перелистать и словари всех пяти тысяч мертвых языков.

— Я хотел бы узнать разъяснение от тебя, а не из словарей.

Повелитель Демонов все же сдержался.

— Слушай же. Консерватор — человек, который остается всегда одним и тем же, как бы ни менялось все вокруг; человек, который, однажды установив для себя систему взглядов, манеру обращения... В общем — придерживается одного типа поведения. Тебя устраивает толкование?

Настал час торжества Чарли. В спорах подобного рода Антон перед Чарли — мальчишка перед мастером. Антон к тому же задал нашему академику достаточно простую задачу.

— Вполне устраивает. Ты прав, я — консерватор. И горжусь этим!

— Ты хотел сказать: стыжусь?

— Я сказал то, что хотел сказать. Да, я не меняюсь. У меня ко всему один подход. Я стараюсь понять все новое, постигнуть все неизученное, овладеть всем труднодающимся. Для меня каждый шаг вперед сулит открытия. Я всегда в поиске и не позволю себе успокоиться на однажды достигнутом. И не стану выдавать чужой успех за собственный. Но я не всеяден, не равнодушен, не безучастен. Я пристрастен и односторонен, тут тоже не собираюсь меняться: всегда поддерживаю доброе против злого, честное против подлого, справедливость против хищности, несправедливо обиженного против обидчика. О нет, я не из тех, кто добру и злу внимает равнодушно, — кажется, так в древности говорили об иных мудрецах. Я человек, никогда не изменяющий человечности. Ибо мое постоянство в том, что я всегда, везде, при всех обстоятельствах за истину против заблуждения, за талант против бездарности, за вечный поиск против бесплодной самоудовлетворенности. Тебе не приходило в голову, что именно этой моей неизменностью и объясняется, что я горячо поддерживал тебя против твоих противников и что само приглашение тебя на Уранию вызвано моими долгими хлопотами в Академии наук? Не я назвал тебя Повелителем Демонов Максвелла, но если ты сегодня с достоинством носишь это прозвище, то поблагодари и меня, ибо я способствовал его появлению.

Чарли мог бы и не говорить последней фразы. Антон был сражен. Всех его душевных сил хватило только на то, чтобы промямлить:

— Ты выворачиваешь мои слова наизнанку, Чарли!

— Тогда говори словами, которые не выворачиваются наизнанку, — холодно посоветовал Чарльз Гриценко, руководитель Института Экспериментального Атомного Времени, мой начальник, мой лучший друг, по специальности физик, по душевным влечениям — великий софист.

И для него так естественно было одерживать верх в любом споре, что он и не порадовался, только подмигнул мне.

Антон перехватил его взгляд.

— Послушайте, — сказал он с удивлением, — мы с Чарли битый час надрываем глотки, а Эдик не выговорил и словечка. Что кроется за такой отстраненностью?

У этого человека, Антона Чиршке, Повелителя Демонов Максвелла, было редкое чутье на необычность самых, казалось бы, ординарных поступков! С этим надо было считаться.

2

«С этим надо считаться», — мысленно остерег я себя. Из столовой мы вышли втроем. Повелитель Демонов шагал, широко размахивая длинными ногами. «Ходит ножницами», — острили о нем, а одна из его лаборанток как-то обругала своего руководителя: «Журавль!» По-моему, очень точная характеристика. Когда до Антона дошли эти две клички, он деловито поинтересовался: «Ножницы я знаю, а что такое журавль?»

— Чарли, сообщай новости, — сказал на прощание Антон. — И я буду тебе звонить. Эдика не тревожим, от этого молчуна ничего интересного не узнать.

Заводик Антона приткнулся к биостанции, Повелитель Демонов свернул к ней. Мы с Чарли молча прошли мимо ее корпусов.

Мардека светила тускло, вот уже месяц — после взрыва сгущенной воды — даже полдень на Урании вряд ли ясней земного зимнего вечера. Правда, потоп закончился, из двух миллионов тонн в пламени и пару вознесенной воды больше полутора миллионов по внезапно возникшим рекам и ручьям излились в котлован строящегося Института Мирового Вакуума. Образовалось глубокое озеро длиной с километр и шириной метров в двести. На берегах этого озера не будут расти деревья и травы, его не заселят рыбы, даже птицы, завезенные на Уранию, стараются летать в стороне. Оно мертво и останется мертвым. Энергетики утверждают, что вода, восстановленная из сгущенной, по структуре аномальна: не образует нужных разновидностей льда, плохой растворитель, не утоляет жажды и вообще, чтобы она снова стала обыкновенной водой, нужна почти такая же технологическая обработка, какая потребовалась, чтобы сгустить первичную воду в сто тысяч раз. Литр сгущенной воды, это известно из школьного учебника, весит сто тонн. Между прочим, вода, месяц назад огненным вулканом взметнувшаяся над Уранией, по заводскому сертификату (я сам его видел) была сгущена даже в сто тридцать тысяч раз.

Чарли остановился на краю котлована. Внизу, в бледном свете полускрываемой облаками Мардеки, расплавленным металлом поблескивала водная гладь. Я залюбовался мертвым озером. Оно все же было красиво.

— Помнишь? — спросил Чарли.

Я помнил. И до самой смерти сохраню в памяти эту картину еще никем не виданного чудовищного взрыва. Мы с Чарли одновременно выскочили из наших лабораторий и увидели, как впереди взмывало нечто напоминающее вулкан. Не пар, не исплинских размеров гейзер, как, вероятно, сочли на Земле, когда пришло известие о несчастье. Это было пламя, странное пламя: сине-фиолетовое, бурное, пышущее диким жаром. Вода, ставшая вдруг огнем, — таким мы увидели взрыв. И водяные тучи, быстро затянувшие всю планету, были поначалу не тучами, а дымом. Повелитель Демонов клялся потом, что ощущал ноздрями гарь, даже видел в воздухе хлопья копоти.

Так это или нет, проверить трудно: хлынувший после взрыва ливень вычистил все окрестности энергостанции, он едва не смыл нас в провал котлована. А в это время Павел Ковальский, мой помощник, катался по полу лаборатории, отчаянно борясь с удушьем. Я возвратился слишком поздно, чтобы спасти его, он умер у меня на руках. Никогда себе этого не прощу!

— Ты должен предупредить Жанну о приезде Роя Васильева, — сказал Чарли. — Я мог бы и сам поговорить с ней, но лучше это сделать тебе.

— Развернуть перед Жанной программу ответов на возможные вопросы следователя? — хмуро уточнил я.

— Чепуха, Эдик! Жанна не всегда способна отделить важное от пустяков. Она слишком пристрастна. Это может ввести Роя в заблуждение. Он ведь не очень разбирается в жизни на Урании. Будем помогать ему, а не запутывать пустяками.

— По-твоему, взаимоотношения Павла и Жанны — пустяки?

— Прямое касательство к взрыву и гибели Павла они вряд ли имеют. Или ты думаешь иначе?

— Я ничего не думаю, Чарли. В моей голове нет ни одной дельной мысли.

— Тогда поразмысли о моей гипотезе взрыва. Положи ее в основу своих рассуждений и независимо от меня рассмотри возможные следствия. Без этого тайны не раскрыть.

Я промолчал. Чарли не догадывался, что с первой минуты несчастья я пришел именно к тому, что он называл своей гипотезой взрыва, и что для меня это вовсе уже не гипотеза, а неопровержимая истина. И что из нее следуют выводы, которые терзают мою душу неутраченным отчаянием. Он говорил о тайне. Тайны не было. Была действительность, до дрожи ясная, до иступления

безысходная. Ровно месяц я бьюсь головой о стену, чтобы предотвратить новое несчастье. Я мог рассказать ему об этом. Он мог все понять. Но помочь он не мог. Вероятней другое — он помешал бы мне искать выход. Он имел на это право и воспользовался бы своим правом. Я вынужден был молчать.

— И еще одно, друг мой Эдик, — сказал Чарли, когда мы подошли к моей лаборатории. — Повелитель Демонов вчера работал с Жанной, она принесла изготовленные ею пластинки для сепараторов молекул. Он позвонил мне вечером очень обрадованный. Пластинки отличного качества, но обрадовали не они, а сама Жанна. Она оправилась от потрясения, выглядела сносно, говорила если и не весело, то без скорби. В общем, опасения, что она не переживет гибели Павла, можно считать неосновательными. Значит, не надо бояться, что любое упоминание о Павле вызовет новый взрыв отчаяния. Молодой организм берет свое не только на Земле, но и на Урании, не так ли? Учти это, когда будешь касаться весьма болезненных для нее вещей. Почему ты молчишь?

— Учту все, — пообещал я.

Говорят, последняя капля переполняет чашу терпения. Я чувствовал себя чашей, в которую слишком много налили. Я готов был пролиться — какой-нибудь безобразной вспышкой гнева, каким-нибудь нелепым поступком. Входя в лабораторию, я впервые понял, почему Антон в ярости бьет кулаком по приборам. Но мои приборы работали исправно, кулачная расправа с безукоризненными механизмами не дала бы выхода раздражению. «Возьми себя в руки», — приказал я себе. Эту странную формулу успокоения — «взять себя в руки» — внушил мне Павел. Сам он знал только одно душевное состояние — вдохновение: был то иступленно, то просто восторженно озаренным. Иным я его не видел. А мне он со смехом советовал: «Остановись, Эдуард, ты уже готов выпрыгнуть из себя!» И я брал себя в руки, то есть присаживался на стол или подоконник, минуту молчал, две минуты бормотал что-нибудь песенное — и неистовство утихало, гнев усмирался.

— Возьми себя в руки, Эдуард, — вслух сказал я себе, сел в кресло и закрыл глаза.

Меня стало клонить ко сну. Я не спал уже пять суток.

— Ты меня звал, Эдик? — услышал я голос Жанны и открыл глаза. Жанна хмуро глядела со стереозэкрана.

— Приходи, — сказал я. — Или я к тебе приду. Нужно поговорить.

— Жди. — Экран погас.

Надо было быстро подготовиться к ее приходу. Я задал аппаратам код ее психополя, проверил точность настройки. Жанна вошла, когда я подгонял программу командного устройства.

— Брось! — приказала Жанна. — Мне надоела роль подопытного кролика. Садись, Эдуард.

— Все мы теперь подопытные кролики, Жанна, — возразил я, но отошел от механизмов.

Она внимательно осматривала меня. То же делал и я: выискивал в ее лице, фигуре, движениях, в звуках ее голоса что-либо неизвестное. Жанна сидела в кресле — похудевшая, побледневшая, усталая. Нового в этом не было, она и раньше бывала такой — не все эксперименты проходили удачно, результат каждого отчетливо выпечатывался на ней. Но в каком бы физическом и духовном состоянии она ни была, Жанна оставалась красивой.

Красивой она была и сейчас, измученная, почти больная. Я привык доверять прозорливости Антона. То, что он сказал об улучшившемся состоянии Жанны, тревожило. Ни он, ни Чарли не догадывались, какую информацию несла мне невинная, казалось бы, фраза: «К Жанне возвратилось хорошее настроение». Она тоже не могла этого знать.

— Ты раньше боялся на меня смотреть, — грустно сказала она. — Взглянешь и потупишь глаза. И при каждом взгляде краснел. А сейчас...

— Раньше я был влюблен в тебя.

— Сейчас уже не влюблен?

— Сейчас меня терзают чувства гораздо сильнее любви. Можешь не страшиться других признаний. Гибель Павла ничего не изменила в наших с тобой отношениях, так я считаю.

— Я тоже. Ну, давай ближе к делу. Для начала устанавливаю: внешне ты не изменился. Что скажешь обо мне?

— Ты выглядишь нездоровой. После всех терзаний такой вид естественен. Больше ничего сказать не могу.

— На этом наша беседа закончится?

— Она еще не начиналась. К нам вылетела с Земли следственная комиссия. Правда, в составе одного человека, зато такого, что стоит десяти.

Я рассказал Жанне о Рое Васильеве. Она поморщилась.

— Опросы, расспросы, допросы... Он очень вьедливый человек, этот Рой.

— Ты его знаешь?

— В отличие от вас с Павлом, занятых только своими работами, я интересуюсь и знаменитыми современниками. Рой и его брат Генрих очень известны на Земле.

— Для нас имеет значение их известность на Земле?

— Непосредственное, Эдуард. Рой доискивается истины там, где другие пасуют. Приготовься к откровенности с ним.

— Именно это и советует нам Чарли. Быть с Роем предельно откровенными, помочь ему установить истину. Под истиной Чарли понимает свою теорию взрыва: поворот времени на обратный ход.

— Ты придерживаешься иного мнения?

— Чарли абсолютно прав. Но его теории недостаточно, чтобы объяснить все... И в это нельзя посвящать Роя. Во всяком случае, пока.

— Не понимаю, — хмуро сказала Жанна. — Хитрости я в тебе еще не наблюдала. Лукавство и ты — категории несовместимые. Ты краснеешь при каждом неточном, не говорю уж — лживом, слове. И собираешься обманывать изощренного в распутывании немыслимых хитросплетений Роя Васильева?

— Должен это сделать.

— Объясни: почему?

— Жанна, это же просто. Чарли считает, что совершил великое открытие, указав на обратный ход времени. Гипотеза его парадоксальна, но убедительна. Она вполне может устроить самую придирчивую комиссию. Чарли хочет, чтобы Рой Васильев пришел именно к такому выводу.

— И это будет правильный вывод.

— Да, если это будет только выводом.

— Опять не понимаю тебя.

— Жанна, вдумайся в мою аргументацию. Ты сама считаешь этого Роя проницательным исследователем. Вообрази себе и такую возможность: Рой приходит к гипотезе Чарльза Гриценко не в конце долгого пути розысков, а сразу принимает ее. Тогда она будет не выводом, а предпосылкой. На выводах останавливаются, от предпосылок отталкиваются. Рой неизбежно двинется дальше. Он поставит перед собой вопрос: как стал возможен поворот времени на обратный ход?

— Тебя это страшит?

— Мы должны завершить исследования! Павел погиб, но расчеты его подтверждены. Они должны из набора формул стать реальным физическим процессом. Не прощу себе, если этого не

сделаю! Чарльз пока не догадывается о наших экспериментах, но Рой может догадаться...

Я видел, что в ней происходит борьба. И знал заранее, какое продолжение сейчас последует. Павел незадолго до гибели предупредил, что все наши секреты не для Жанны, она постепенно сгибается под их тяжестью. Он советовал даже для нашего общего спокойствия отстранить ее кое от чего.

— Эдуард, мне надоело скрываться, — сказала она то, чего я ждал. — Давай объявим, чем занимаемся, и попросим официального разрешения на эксперименты.

— И немедленно получим категорический отказ!

— Я устала, Эдуард...

— И теперь готова примириться с тем, что нам не удастся раскрыть великую загадку природы?

— Боюсь, я не рождена раскрывать великие загадки природы. Павел убедил меня в другом. Но его гибель опровергает его доводы. Я уже думала об этом, Эдуард. Поверь, я креплюсь, но сколько можно крепиться?

В том, что она говорила, одно было утешительным. Повелителю Демонов отказало его ясновидение. Она отнюдь не вернулась от горя к веселью.

С моей души спала большая тяжесть. Теперь я был уверен, что мне удастся переубедить ее. Я ходил по лаборатории, она сидела и молча слушала мои объяснения и просьбы. И прежде она садилась в сторонке, а мы с Павлом шагали от стены к стене, говорили, кричали, ссорились, мирились, радостно хлопали друг друга по плечу, с ликованием утверждали, что совершили открытие, с сокрушением признавались в неудачах, обвиняли себя в бездарности, восхваляли свои таланты... Она переводила глаза с одного на другого, щеки ее охватывало пламенем от внутреннего напряжения — всегда красивая, она в такие минуты становилась прекрасной.

Так было и на этот раз: я говорил, она слушала. Наши эксперименты трагически оборвались, но их надо довершить, чтобы не повторилось новой трагедии. Их нельзя прервать, вызванные ими процессы продолжают сами собой, и сегодня невозможно остановить, как далеко они зашли и чем окончатся. Отказ от продолжения породит свои опасности.

— Даже если нашим соседям мало что грозит, то под угрозой мы с тобой, Жанна, и в первую очередь — ты! — говорил я. — Только завершение экспериментов способно гарантировать

безопасность. Мы знали, начиная опыты, что нас подстерегают многие неожиданности, и готовы были с ними бороться, но всех предугадать не смогли. Жанна, Жанна, ты же ученый, физик, мастер эксперимента, как ты не понимаешь, что мы вызвали к жизни злого джинна и не будет нам спокойствия до тех пор, пока не удастся загнать его обратно в бутылку!

— Ты прав, эксперименты надо закончить, — сказала она, когда я высказался. — Постараюсь скрыть от Роя их суть. Если он ими заинтересуется, а это для меня пока не очевидно.

— Он ими заинтересуется, Жанна!

Она ушла. Я подошел к окну, следил, как она перепрыгивала через маленькие лужи, оставшиеся от недавнего потопа, обходила большие. Она ни разу не оглянулась. У нее удивительная походка — упругая, стремительная. Жанна, подпрыгивая, как бы взлетает. Сколько раз я украдкой любовался тем, как она ходит между институтскими лабораториями! У меня было скверно на душе. Я убедил ее, но не назвал реальных опасностей. Я не смел говорить о них. Их надо было предотвратить, а не разглагольствовать на тему грядущих ужасов. Я подошел к регистратору. Прибор писал нормальную кривую психополя Жанны. Прогноз Антона Чиршке не подтверждался. Времени было еще достаточно, чтобы противодействовать новым опасностям, которые меня пугали. Теперь я ждал Роя Васильева.

3

Я ждал Роя Васильева, а Рой задерживался на Латоне. Вероятно, у него были и другие задания, кроме расследования взрыва на складе сгущенной воды. С Латоны прибыли два рейсовых планетолета с грузами для биостанции. Для энергостанции и Института Времени не поступило ничего. Энергетики нервничали. До установления причин взрыва воды их обязали ориентироваться на ядерные генераторы, хотя они гораздо менее эффективны.

— Придется и нам ужать эксперименты с атомным временем, иначе говоря, временно ограничиться безвременьем, — острил Чарли. — Это, естественно, плохо, но ведь именно мы — основной потребитель энергии на Урании. Зато другое хорошо: на Земле отдают себе отчет в серьезности аварии. Предвижу полезное дополнительное внимание к работам Института Времени.

Особое внимание к нашим исследованиям было как раз то, чего я хотел бы избежать. Но после катастрофы об этом не при-

ходило и мечтать. Я улыбался и отмалчивался. Однажды утром меня вызвал Чарли.

— Эдик, подними свои бранные кости и выметаю их наружу, — почти весело сказал он. — Мы идем встречать гостей с Земли. Нет, — поспешно добавил он, — я вижу по твоим губам, что ты собираешься послать меня к черту. К черту я не пойду. Жду тебя у входа через пять минут.

Одна из особенностей Чарльза Гриценко — точность. Он гордится, что все у него минута в минуту, и говорит о себе: «Я повелитель времени, ибо рабски ему покоряюсь. Я командую им в соответствии с его законами». Между прочим, его успехи в экспериментировании с атомным временем обусловлены именно уважением к законам времени, о чем я постоянно напоминал Павлу в разгар иных его увлечений.

Я вышел из лаборатории на исходе последней из дарованных мне пяти минут, и мы зашагали в космопорт.

Вероятно, это был первый ясный день после катастрофы. Теоретически могу представить себе, что и до того случались кратковременные прояснения, но они прошли незамеченными. А сегодня на планету вернулся полный дневной свет. Мардека светила ярко, было тепло, воздух, еще недавно мутный, как дым, стал до того прозрачным, что от нашего института виднелись башни космопорта, а это около двадцати километров.

— Авиетки я не вызывал, сядем в рейсовый аэробус, — сказал Чарли.

До отправления аэробуса было минут десять, мы присели на скамью. Отсюда открывался всхолмленный простор зеленой, цветущей равнины. Если бы я не знал, что нахожусь невообразимо далеко от Земли, на недавно мертвой планетке, переоборудованной специально для опасных экспериментов, недопустимых в окрестностях Солнца, я чувствовал бы себя как на Земле. Впрочем, это и было «как на Земле», строители Урании постарались создать на ней главные земные удобства. Нового в таком ощущении не было, каждый хорошо знал, как на Урании творились «земности»: мы восхищались нашей планетой как великим достижением астроинженеров и космостроителей.

— Понимаю, ты тревожишься, — сказал Чарли; мое молчание и сейчас действовало на него информативно. — И хорошо, что тревожишься. Тревога — рациональная реакция на любые опасности. Недаром один древний бизнесмен телеграфировал жене: «Тревожусь. Подробности письмом». Но тревога не должна

превращаться в панику. Роя мы преодолеем. Эксперименты с временем он бессилён запретить.

— Смотря какие эксперименты, — пробормотал я.

— Любые! Мы работаем по плану, утвержденному Академией наук. И только Академия правомочна внести изменения в свои планы. Между прочим, решения Академии в какой-то мере зависят и от меня. Маловероятно, чтобы этот землянин, неплохой космофизик, но никакой не хронист, взял на себя ответственность за направление наших исследований. Думаю, в проблемах атомного времени Рой Васильев разбирается не глубже, чем воробей в интегральном исчислении.

Чарли хотел меня успокоить, но встревожил еще больше. Я предпочел бы, чтобы Рой был полузнайкой, а не профаном в загадках атомного времени. Полузнайка, так я считал, будет углублять уже имеющиеся у него знания, то есть идти традиционной дорогой. Но профану все пути равноценны, он способен зашагать и по тем, что полузнайке покажутся невероятными, а среди невероятных, не исключено, попадется и наша с Павлом исследовательская тропка.

— Ты не согласен? — поинтересовался Чарли.

— Согласен, — сказал я и молчал до космопорта.

В космопорте собралась вся научная элита Урании. Каждый начальник лаборатории, не говоря уже о руководителях заводов и институтов, считал своей почетной привилегией присутствовать при встрече знаменитого землянина. Впереди компактно сгустились энергетики, это я еще мог понять: их катастрофа на энергоскладе затрагивала прежде всего. Но зачем позвали биологов, было непонятно. Я так и сказал Антону Чиршке, возбужденно вышагивающему в стороне от толпы. Он мигом перешел от возбуждения к гневу. Он закричал, словно в парадной встрече видел мою вину:

— А я? Я тут для чего, объясни?

— Вероятно, необходимо, чтобы ты предварительно пожал руку следователю в присутствии всех, на космодроме, а уж потом с глазу на глаз отвечал на его строгие вопросы. Без предварительных парадных церемоний, я слышал, следствие не идет.

Антон сердито пнул ногой берерозку — хилое белоствольное деревцо с листьями березки и цветами, похожими на пионы. Берерозка закачалась, осыпая ярко-красные лепестки. Это немного успокоило Повелителя Демонов.

Я подошел к Жанне, она разговаривала с Чарли. Бледная, очень печальная, очень красивая, она так невнимательно отвечала на его

остроты, что я бы на его месте обиделся. Но тонкость ощущений не для Чарли; она не молчала, а что-то говорила, большего от нее и не требовалось. Чарли отозвали в группу энергетиков, и Жанна сказала мне:

— Мне трудно, Эдуард, но я креплюсь. Не тревожся за меня. Что нового принесли вчерашние эксперименты?

Так она спрашивала каждое утро: вызывала по стереофону и задавала один и тот же вопрос. И я отвечал одним и тем же разъяснением: нового нет, идет накопление данных. Она грустно улыбнулась, выслушав стандартный ответ, и пожалела меня:

— Ты плохо выглядишь, Эдуард. Не собираюсь отговаривать тебя от круглосуточных дежурств у трансформатора атомного времени, ты все равно не послушаешься. И не посылаю к медикам, ты к ним не пойдешь. Но все-таки иногда думай и о себе.

— Я часто думаю о себе, — заверил я бодро.

Так мы перебрасывались малозначащими для посторонних фразами, с болью ощущая сокровенное значение каждого слова. А потом на площадку спустился планетолет с Латоны, и вышел Рой Васильев. Он прошагал через расступившуюся толпу, пожал с полсотни рук — мою тоже, — столько же раз повторил: «Здравствуйте!» Это звучало почти приказом: «Смотрите: чтобы были здоровыми!» Мне почудилось в ту минуту, что я воспринял его приветствие как предписание лишь потому, что только что говорил с Жанной о здоровье, а реально не было ничего, кроме заурядной обычности. И понадобилось несколько встреч, чтобы я понял: у этого человека, астрофизика и космолога Роя Васильева, не существует обыденности выражений и притупленной привычности слов, он говорит их каждый раз почти в изначальном смысле, и даже такое отполированное до беззначности словечко, как «спасибо», меньше всего надо воспринимать как простую признательность. Дикарское полуиспуганное-полумолящее «Спаси Бог!» куда точнее — заклинание, а не вежливая благодарность. В наших последующих встречах эта особенность Роя сыграла немалую роль, но в тот первый день я и помыслить не мог, что вскоре понадобится вдумываться в многосмысленность, казалось бы, вполне однозначных слов.

Зато в аэробусе я составил себе твердое представление о внешности гостя с Земли. Рой Васильев сидел в переднем кресле, у коробки автоводителя, лицом к пассажирам. То один, то другой обращались к нему с вопросами, он отвечал неторопливо и обстоятельно, пожалуй, излишне обстоятельно, не быстрыми репликами,

обычными на Урании, а сложно выстроенными соображениями, в каждую фразу вкручивалось с пяток придаточных предложений, уводящих то вправо, то влево, то вперед, то назад от главного смысла. Я украдкой запечатлел на пленке один из вычурных ответов о цели его командировки на Уранию и ограничился этим: ничего важного он сегодня сказать не мог, важное начнется, когда он по-деловому ознакомится с Уранией. Я молча разглядывал посланца с Земли. Смотреть было на что.

Он был высок, этот Рой Васильев, почти на голову выше любого уранина. Правда, как-то получилось, что на Уранию приезжали, в основном, люди среднего роста и малыши, ни один из земных исполинов командировок сюда не выпрашивал. На Земле Рой ростом никого бы не поразил, но здесь выделялся. Худой, широкоплечий, длинноногий и длиннорукий, он плохо умещался в низком кресле и то протягивал вперед ноги, то, поджимая их, высоко поднимал колени. Лицо его тоже было не из стандартных — большая голова, собранная из крупных деталей: широкий, мощный плитой, лоб; нос из породы тех, какие называют «рулями»; внушительный толстогубый рот и сравнительно маленькие на таком крупном лице голубые, холодные, пронизательные глаза. Рой методично обводил всех взглядом, ни на ком — до меня — не задерживался, в глазах светилось пристойное равнодушие. Так было, пока он не бросил взгляд на меня. То, что совершилось при этом, и сейчас кажется мне удивительным.

Глаза его вдруг вспыхнули и округлились. Он словно чему-то поразился. Он не мог знать, кто я такой, никто при знакомстве не называл своей должности. И подозревать, что именно я имею какое-то особое отношение к трагедии, у него оснований не было. А он впился глазами в мое лицо, как бы открыв в нем что-то важное.

Многие заметили, как странно он рассматривал меня, а сам я, уже в лаборатории, долго стоял у зеркала, стараясь понять, чем поразил его: лицо было как лицо, некрасивое, немного глуповатое, кривоносое, большеглазое, узкоскулое, со скошенным подбородком — в общем, по снисходительной оценке Чарли, из тех, что восхищения не вызывают, но и кирпича не просят.

Мы подлетели к гостинице, и Рой объявил свою программу: сперва он детально ознакомится с Уранией, его давно интересует эта замечательная планета, на Земле о ней ходит столько историй!.. Потом побывает на энергостанции, на биостанции и в Институте Экспериментального Атомного Времени. Дальнейшее выяснится в дальнейшем.

Мы возвращались в свои лаборатории вчетвером — Жанна, Антон, Чарли и я. Повелитель Демонов кипел, Чарли иронизировал, Жанна изредка подавала реплики, я молчал, старательно молчал — так потом определил мое поведение Чарли.

— Нет, зачем нас заставили терять драгоценное время на пустые встречи и ничего не значащие разговоры? — негодовал Антон. — Ну прилетел кто-то, ну проехал в гостиницу, ну что-то маловразумительное пробормотал, а я при чем? Какое мне дело до этого? Вызовут на объяснение, пойду объясняться. Каждый будет говорить в меру своего понимания. А пока одно прошу: не тревожьте попусту!

Раздосадованный, он даже остановился и топнул ногой. Чарли потянул его за руку.

— Не теряй свое драгоценное время еще и на остановки. Ты ошибаешься в главном. Каждый будет говорить в меру своего непонимания. Наука состоит из интеллектуальных приключений. Приключения науки классифицируются как загадочные, важные и пустячные. Считай, что сегодняшняя экскурсия относится к приключениям пустячным. Для тебя заполненное время — некое божество, которому все подчиняется. Но каждый бог имеет своего черта, а черти, особенно из любимцев бога, народ вздорный и непоследовательный. Я в студенческие годы читал это в древних курсах демонологии.

Антон опять остановился. Он любил замирать на месте, когда в голову приходили интересные мысли. Но сейчас он только закричал:

— Надоели твои парадоксы! Ты способен перевести свои туманные изречения на человеческий язык?

— Способен. Перевод будет примерно такой: Рой Васильев ровно на порядок умней тебя, хотя по габаритам — всего лишь средней руки медведь. Ты требуешь примитива, тебе немедленно подавай отполированные формулировки. А Рой разговаривает полуфабрикатами, он лишь намечает силуэты мыслей, а не вырисовывает каждый завиток. Он и допрашивать будет так: на подтекстах, многозначительно, а не однозначно.

— Допросы на подтекстах? — Жанна невесело засмеялась. — Очередная острота, Чарли?

— Очередное точное постижение действительности. Ожидаю неожиданности. И делаю из этого важные для нас всех выводы.

— Выводы? — Антон сделал вид, что безмерно удивлен. — Что-то новое. До сих пор ты не выбирался из сферы доводов,

предоставляя другим делать выводы. Твой конек — о каждой простенькой вещи высказывать ровно десять противоположных мнений, громоздить загадку на загадку, а что верно, ты не успеваешь установить.

— На этот раз я отступаю от своего обыкновения. Я прослушал вступительный словесный взнос Роя в общую сумятицу суждений о взрыве и наметил дорогу, по какой нам всем шагать.

— Объясни в двух словах.

— Двух слов не хватит. Дай сто.

— Даю сто, но ни одного слова больше.

В сто слов Чарли уложился. Он гнул все ту же свою линию. Ему не понравилась туманность первых высказываний Роя. Он, Чарльз Гриценко, и раньше предупреждал, что будет несладко, теперь в этом нет сомнений. Рой заранее готов обвинить хронистов больше, чем энергетиков или биологов. Когда он познакомится с гипотезой Чарли, мнение, что виноваты работники Института Времени, превратится в убеждение. Он замахнется на исследования по трансформации атомного времени. Так вот — не поддаваться! Если даже уступить в чем-то второстепенном, то ничем важным не поступаться.

— Ты уже говорил мне об этом, — напомнил я.

— Тебе — да, Жанне и Антону — нет. В общем, сплотимся. Нас будут вызывать по одному. Предлагаю после каждой встречи с Роем информировать остальных о его словах, о том, как он слушал, как глядел, с какими интонациями говорил...

— Вопросы, опросы, расспросы, допросы!.. — повторила Жанна то, что уже говорила мне. — Как противно! Ну скажи, пожалуйста, какое значение могут иметь интонации голоса Роя!

— Первостепенное, Жанна. Эдик, я видел, как ты что-то записывал в аэробусе, включи-ка!

Я вынул карманный магнитофон. Антон опять остановился. Мы, выслушали длинную фразу, записанную не с самого начала: «...а потому необходимо, учитывая заинтересованность Земли в благополучии Урании и ответственность каждого, поскольку мои особые задания не выходят за эту границу, а сам я чрезвычайно в этом заинтересован и могу заверить: только так и буду действовать; стало быть, задача выясняется как картина дальнейшей безопасности, хотя неизбежны отклонения, то именно это и подчеркнуть, а после разработать окончательные условия, учитывая, что и Земля, и Урания тут одинаково согласны».

— Абракадабра какая-то! — рассердился Антон.

— По-моему, все понятно, только длинно и витиевато, — возразил Чарли. — Надо воспринимать высказывания Роя, как некогда спартанские вожди воспринимала двухчасовую речь афинских послов, явившихся в Спарту с просьбой о мире.

— Никогда об этом не слышал.

— Тогда послушай. Афины жаждали мира, Спарта хотела продолжать удачную для нее войну. И спартанцы ответили афинским послам, что ничего не могут ответить на их речь, потому что не поняли ее конца, а не поняли конца потому, что забыли начало.

— Остряки. Но какое отношение это имеет к Рою?

— Умницы, а не остряки. Они сделали вид, что не понимают речи афинян именно потому, что отлично ее понимали. Рой Васильев совместил в себе афинянина со спартанцем: говорил длинно и всесторонне, как афинянин, каждый завиток предложения имеет точный смысл, а в целом все звучит для моего уха спартански — «Идите, друзья, пока что подальше, а придет время — получите разъяснения поточней».

— Мне пора к себе, — сказала Жанна и ушла от нас.

Антон повторил, что Жанна выздоравливает от потрясения. Разве она не засмеялась, когда Чарли заговорил о допросах на подтексте? Если после гибели Павла было опасение за ее здоровье, то теперь такой угрозы нет. Интенсивное лечение дало результаты.

— Смеялась-то она смеялась, но уж очень нерадостно, — заметил Чарли. — И в надежном излечении я не уверен. Ее лечили от второстепенных хворей: нервного потрясения, истощения, головокружений. А надо было лечить от основного заболевания. Основное заболевание — то, что она живет после гибели Павла. Лекарства от болезни, даже от преждевременной смерти, есть. Лекарства от жизни нет.

— Для излечения лишить ее жизни? — съехидничал Повелитель Демонов.

— Кто из нас любитель парадоксов, дорогой Антон? Не лишать жизни, а изменить жизнь — вот что излечит ее. Скажем, возвращение на Землю, полное прекращение всех исследований, в том числе и тех, что она делает для тебя.

— Исключено! Или хотите, чтобы в ваши теплые лаборатории вторгся космический холод? Не забывайте, что теплоснабжение Урании обеспечивают мои сепараторы молекул. — Антон подумал и добавил: — Все же я вижу в Жанне хорошие

перемены. Возможно, душевное ее состояние остается скверным, но физически она поправилась, даже похорошела.

На развилке шоссе, где наши дороги расходились, Чарли снова напомнил:

— Итак, друзья, держимся твердо: уступать, но не поступаться!

4

«Уступать, но не поступаться» — для меня в такой краткой формуле тайлось все, чего я мог пожелать. Чарли, при всем его остроумии, и не догадывался, сколь много значили его слова. «Уступать, но не поступаться», — твердил я, шагая по лаборатории, заставленной механизмами и приборами. Самописцы писали все те же кривые, процесс шел своим ходом — от пункта к пункту, от этапа к этапу. Всеми фибрами души, всей силой мысли я стремился убыстрить его, но он двигался по своим законам, а не по моему хотению. Мы с Павлом, как некие могущественные волшебники, вызвали к жизни еще никому не ведомые потенции природы, но не подчинили их себе: гибель Павла, взрыв двух миллионов тонн сгущенной воды стали свидетельством нашего бессилия. Дознается ли Рой Васильев до тайны трагедии на Урании, если сам руководитель Института Экспериментального Атомного Времени, сам блистательный академик Чарльз Гриценко далек от ее понимания? Скоро ли дознается? Сколько времени нужно нам с Жанной, чтобы овладеть коварным, бесконечно опасным джином, так безрассудно вызволенным нами из атомного заточения? Даст ли нам землянин Рой это время? Чего он потребует от нас? Что разрешит? Что запретит? У меня голова распухла от трудных мыслей. «Уступать, но не поступаться», — твердил я себе как заклинание. И понятия не имел, в чем именно уступать, чем именно не поступаться.

День шел за днем. Рой не торопился. Цистерна со сгущенной водой оставалась на Латоне. Энергетики жаловались, что ресурсы ядерных аккумуляторов на пределе. Биологи ворчали, что им установили слишком жесткий энергетический лимит. О нашем институте и говорить не приходилось: любой эксперимент со временем требовал бездны энергии — девять десятых мощностей энергосистемы работали на нас. Между прочим, хронисты вели себя сдержанней энергетиков и биологов. Гипотеза Чарли, что причина аварии в неполадках с атомным временем, пугала всех. Никто не требовал немедленной доставки с Латоны заветной

цистерны, ибо каждый опасался вопроса: а как вы предотвратите новую аварию, если причина ее в ваших работах, но что за причины, вы сами толком не знаете?

Рой, повторяю, не торопился. До него, казалось, не доходили сетования энергетиков и биологов. Он безмятежно гулял по Урании. Его видели на берегах неширокой Уры, он карабкался по сопкам и спускался в долины, осматривал дома и заводские здания, облетал на авиетке южные леса и саванны. Он держал себя как турист, а не как следователь. И когда заговаривал с кем-либо, то лишь для того, чтобы высказать свое восхищение пейзажем планеты, выбранной людьми для самых опасных экспериментов, какие стали доступны науке. Он разглагольствовал о благоустроенности, о том, что всего за два человеческих поколения каменный дикий шарик в космосе превратили в цветущий сад. «Кажется, этот Васильев считает Уранию космическим домом отдыха», — говорили те, кого он удостоивал своими «пейзажными» беседами, а иных он пока не вел.

И к выполнению своего задания Рой приступил иначе, чем ожидали. Он заинтересовался работой биологов. Посетил все биологические лаборатории, вызывал биологов к себе для собеседований и расспрашивал о том, что не имело отношения к взрыву. Его занимало, как ведут себя искусственно синтезированные звери, рыбы, птицы, растения, какая от них польза, будут ли биологические искусственники вывезены на Землю и другие планеты для расселения там или жизнь их ограничится лишь индивидуальным, а не видовым существованием. Даже сами биологи (а они безмерно гордятся своими удивительными созданиями: наши, мол, успехи — вершина человеческой науки, такова их скромная самооценка) — даже они удивлялись расспросам Роя.

Затем пришла очередь энергетиков. Этих-то несчастье на энергоскладе касалось непосредственно. Теперь в разговорах посланца Земли слышались словечки «взрыв», «катастрофа», «трагедия», «меры предосторожности». Чарли не сомневался, что ни один энергетик не способен дать толковое объяснение события, для них сгущенная вода была тем же, чем для древних энергетиков уголь или нефть: они использовали готовый продукт, не задумываясь о его происхождении.

— Пока Рой не поставит себе вопроса, как получается сгущенная вода, он и не приблизится к раскрытию загадки, — утверждал Чарли. — Технологию сгущения воды надо было изучать на Земле. Судя по всему, он этого не сделал.

Последним из энергетиков Рой пригласил к себе Чиршке.

Повелитель Демонов так заторопился предстать перед следователем, что забыл известить нас о вызове. Чарли узнал о его уходе к Рою и предложил мне и Жанне срочно прибыть в лабораторию Антона. Не скажу, что я охотно оторвался от процесса, кое-что еще надо было сделать, и все же поспел до возвращения Антона. Чарли развлекал Жанну, но это плохо ему удавалось.

— Ужасно хочу спать, — пожаловалась Жанна. — Если засну, не будите до появления Антона.

— Все нормально, — объявил Чарли. — Сон — это здоровая реакция на нездоровую действительность. Любое выздоровление начинается с позыва ко сну.

Я хотел было напомнить Чарли, что недавно он доказывал невозможность излечения, если не ликвидируют основное заболевание, — а основное заболевание Жанны, по его словам, тот факт, что она живет, — но вовремя сообразил, что парадоксы такого рода не для слуха Жанны. Тут ворвался Антон Чиршке и с порога закричал:

— Вы у меня? Я каждого вызывал, никто не откликается! Понять не мог, куда вы все подевались. Черт возьми, что произошло! Нет, этот Рой — штука, можете мне поверить!

— Садись! — приказал Чарли. — Не топай ногами и не размахивай руками. Постарайся говорить связно. Точно передать разговор ты, конечно, не сможешь, но хоть ни о чем не умалчивай и не мекай.

Не сомневаюсь, Чарли хотел, чтобы Антон обиделся. Обиженный недоверием к своим способностям, Антон начинает следить за собой, и тогда с ним все проще. Чарли добился большего: Повелитель Демонов вознегодовал. Он обругал Чарли и взял себя в руки. Это дало ему возможность десять минут изъясняться толково.

— Знаете, с чего начал этот белобрысый землянин, этот медведь средней руки, как ты его определил, Чарли? Ни за что не поверите, друзья! Пожал полутонным усилием мою руку, как будто не пожимал, а выжимал ее. И объяснил, что больше всего его интересует, почему я ношу странную кличку Повелитель Демонов? Я, естественно, поправил: не Повелитель Демонов вообще, а Повелитель Демонов Максвелла. Он скептически осведомился, есть ли в названиях разница. Я заверил, что разница весьма существенная. Он попросил разъяснить эту существенную разницу. Я ответил, что ее должен видеть каждый здравомыслящий и куль-

турный человек, в особенности физик по образованию. У Роя железная выдержка, он и глазом не моргнул, даже голос стал мягче.

«Если это вас не затруднит, — сказал он и так улыбнулся, словно я его одарил, а не высмеял, — то я бы хотел узнать подробнее, что должен видеть в разнице демонов».

«Общеизвестные демоны, — сказал я тогда, — это нечто вроде злых или там не очень добрых духов, непрерывно общающихся с людьми, то есть чаще всего вредящих людям: всякие черти с рогами и хвостами, домовые в лохмотьях, заросшие шерстью крысообразные бесы, безрогие и бесхвостые гномы и кобольды, эльфы и сильфиды в развевающихся одеждах, а также уродливые старухи ведьмы, лесные бродяги лешие, коварные речные русалки, прожорливые горные драконы, глуповатые джинны в бутылках и прочие в том же роде. Объединяет всех этих многообразных демонов то, что все они сверхъестественные существа, каждое со своим именем, и норовом, и непохожим на других обликом, и что эти сверхъестественные существа реально — в смысле «физически» — не существуют. Они — плод воображения».

«Понятно, — сказал он. — Общеизвестные нормальные демоны имеют свои особые фигуры и лица, носят особые имена, по-особому общаются с людьми, а реально их нет. Этими красочными плодами воображения вы не командуете. Насколько я помню, такими демонами повелевали в древности некий царь Соломон и два-три арабских халифа. В общем, с ними просто. Ну, а демоны Максвелла? Они тоже имеют имена и телесный облик? И существуют физически?»

«Нет, — пояснил я. — Демоны Максвелла — это научные понятия. Им не присвоили телесного образа, их не наделили именами. Великий физик прошлого Джеймс Кларк Максвелл предположил, что если бы существовал демон размером с молекулу, и если бы этот демон стоял у забора с отверстием, прикрытым дверкой, и если бы к отверстию подлетали молекулы, то он смог бы их сепарировать по скоростям: открывал дверцу перед быстрой молекулой, поспешно закрывал перед медленной. В результате быстрые перелетали бы по другую сторону забора — и там повышалась бы температура, а медленные оставались бы по эту сторону — и здесь температура падала бы. Мне удалось реально осуществить гениальную идею Максвелла».

«Поэтому вас и называли Повелителем Демонов Максвелла?»

«Совершенно верно».

«И эти демоны, эти абстрактные научные понятия, не имеющие ни имен, ни физического образа, у вас приняли вид...»

«Особого рода пористых перегородок, которые я изобрел еще на Земле и которые поставляет мне на Урании лаборатория Жанны Зориной. Быстрые молекулы пролетают сквозь них, не теряя скорости, а медленные отталкиваются. Вроде бега с препятствиями: хороший бегун легко перепрыгивает через поставленный на пути забор, тогда как плохой задевает его ногами и падает...»

«Я слышал, все отопление на Урании производится вашими демонами, то есть сепараторами молекул?»

«И охлаждение тоже. Все холодильные установки работают от моих сепараторов».

«Как это осуществляется технически?»

«Проще простого. Специальные насосы под давлением вдувают в сепараторы воздух. Быстрые молекулы проскакивают через перегородку и отводятся по горячей трубе, медленные рушатся в трубу холодную. Вот и всё».

Так я ему растолковал конструкцию моих сепараторов. Он кивал, улыбался — демонстрировал, что его восхищает простота объяснений. А потом задал стандартнейший вопрос всех невежд: не опровергают ли мои демоны, принявшие телесную форму пористых перегородок, второе начало термодинамики? Вот, мол, есть такое понятие «энтропия» — мера вырождения энергии, мера хаотичности движения молекул. Он затвердил еще в восьмом классе, что энтропия во всех физических процессах должна расти, увеличивая хаос и беспорядочность, — как у меня с этим священным понятием термодинамики? Ему почему-то кажется, что мои демоны ополчились на фундаментальные законы физики. Я не постеснялся сказать, что хороший физик не должен ограничиваться знаниями, приобретенными в школе. И популярно растолковал, что и в моих установках энтропия растет. И что если снова соединить горячий и холодный потоки, то воздух возвратится к прежней температуре — повышение ее в одной трубе компенсируется понижением в другой, а к этому еще добавляется потеря энергии на работу насосов, весьма немаловажная величина.

«В общем, можете не волноваться, Рой, — объяснил я, — энергия в моих установках не создается и не уничтожается, а лишь трансформируется».

Он любезно заверил, что уже не волнуется, и предложил перейти от сепарации молекул к взрыву сгущенной воды. Я согласился, что пора перестать попусту терять время. Он снес и этот

выпад. У него дьявольская выдержка, вам нужно заранее с этим считаться. Он сказал почти вежливо:

«На Земле мне объясняли, что не существует физических процессов, которые могли бы вызвать нарушение структуры сгущенной воды. Вы согласны с этим?»

«Абсолютно, — ответил я. — Превращение сгущенной воды в обычную происходит только с открытой поверхности, и при этом выделяется огромное количество энергии, которая и утилизируется. Процесс подобен испарению, только несравненно более энергоемок и несет обратный знак — при испарении энергия поглощается, а не выделяется. И как нельзя заставить воду превращаться в пар во всей массе, если температура ниже точки кипения, так и сгущенную воду нельзя заставить менять во всей массе свою структуру. Вам правильно говорили на Земле, друг Рой: не существует условий, вызывающих превращение сверхплотной массы в обычную. Даже если вы бросите цистерну со сгущенной водой в звездные недра, то и там температура в миллионы градусов не вызовет мгновенного взрыва. Напомню, что баллоны со сгущенной водой испытывались в термоядерном пекле, и теория подтвердилась».

«Однако взрыв на Урании произошел, — сказал он. — Вы не будете этого отрицать?»

«Не буду».

«И стало быть, теория опровергнута?»

«Стало быть, опровергнута».

«У вас есть объяснение?»

Я рассердился. Его вопросы раздражали примитивностью, почти невежеством. Если бы я знал, какой удар готовит мне Рой, я бы сдержался. Но он глядел так наивно, так легко сносил мои выпады, что я зло напомнил: расследует катастрофу он, а не я. Если бы мне стали ведомы причины катастрофы, ему не понадобилось бы прилетать на Уранию. Не вижу объективных причин для несчастья, не могу обсуждать даже абстрактных возможностей. У него похолодели глаза. Он не взглянул, а ударил взглядом.

«В самом деле? А я собираюсь предложить вам для рассмотрения одну абстрактную возможность. Она, между прочим, непосредственно вытекает из вашего рассказа о своих работах».

«Вот как? Интересно!»

Надо было вскочить, топнуть ногой, в крайнем случае — стукнуть кулаком, с вами бы я так и поступил, но с ним постеснялся, только постарался, чтобы слова прозвучали язвительно:

«Очень хочется знать, какие возможности катастроф таятся в моих работах».

«К примеру, вообразите, что стенки энергетической цистерны каким-то способом превращены в разновидность ваших пористых перегородок и что сквозь них бурным потоком вдуваются в сгущенную воду под давлением быстрые молекулы. Вы уверены, что это не приведет к немедленному взрыву?»

Я бы жестоко соврал, ребята, если бы не признал, что его слова меня ошеломили. То, что Рой говорил, было дико, но абстрактная возможность такого объяснения существовала.

«Но ведь этого не было!» — воскликнул я.

«Я с вами говорю о возможностях, а не о реальностях», — холодно напомнил он.

Он, похоже, радовался, что ему удалось меня поразить. Но я ответил:

«А не кажется ли вам, друг Рой, что привлекать для объяснения взрыва сепарационные перегородки ничем не лучше, чем вызывать для этого реальных демонов?»

«Реальных — в смысле “реально не существующих”? — деловито уточнил он. — Вы говорите о бесах и дьяволах, феях и ведьмах, леших и эльфах?»

«Именно о них. Почему бы не объяснить катастрофу на энергоскладе вторжением в цистерну сгущенной воды зловредных джиннов или кобольдов?»

«Попробуйте изучить и эту возможность, вы ведь крупный специалист по демонологии, — хладнокровно отпарировал он. — Надо, надо вам оправдывать прозвище Повелитель Демонов, друг Антон».

На этом беседа закончилась. Он снова мощно выжал мою руку и милостиво отпустил. Вот такой разговор, други мои. Не стану притворяться — конец был иным, чем начало. Боюсь, что не так я иронизировал над его наивными вопросами, как он подшучивал надо мной. Бросаю вам эту психологическую кость, погрызьте ее.

— Погрызем, погрызем! — сказал Чарли. — Но раньше послушайте, как я оцениваю сцену, описанную Антоном.

Толкование Чарли было простым. Рой Васильев работает по системе. Он подбирается к решению загадки исподволь: последовательно отсекает все, что не может иметь значение. Его прогулки по Урании — отнюдь не пейзажное времяубивание. Если бы это было не так, то он продолжал бы их, а он как отрезал все выходы

на природу — видимо, установил, что природные условия не связываются с катастрофой. И, верный своей системе, он начал опросы с биологов и опять установил, что они далеки от тайны, — такое на первых порах пытливое изучение новых биологических объектов, такой глубокий интерес к искусству геноконструирования в считанные часы сменяются полнейшим равнодушием. Подходит очередь энергетиков — следующий этап приближения к загадке. Опросы превращаются в расспросы. А в случае с Антоном, последним из энергетиков, расспросы завершаются насмешками. Рой подшучивает над нашим вспыльчивым другом. Он ни одной минуты не верит, что исследования Антона Чиршке могли вызвать внезапное катастрофическое изменение структуры сгущенной воды.

— Этот Рой Васильев, космофизик и детектив, — штука с ручкой, — покачал головой Чарли. — Я назвал его медведем средней руки. Но шкура этого бурого медведя шита белыми нитками. Круги его поисков сужаются. В фокусе его внимания скоро окажется мы трое — Жанна, Эдуард и я. Это опасно. Нужно готовиться к тому, что опросы, превратившиеся в расспросы, теперь станут допросами.

— Не понимаю тебя, Чарли! — воскликнул Антон. — Последовательностью ты никогда не отличался, хлесткая фраза для тебя важнее факта. Но такой поворот! Не ты ли недавно доказывал, что исследованиям времени ничего не грозит? «Уступать, но не поступаться» — не твои ли слова?

— Мои, мои! От себя не отрекусь. Но видишь ли, сценка, разыгранная Роем с тобой, очень странна. Я уже не уверен, что удастся избежать осложнений. Очередь теперь за Жанной. Посмотрим, как пройдет ее допрос.

— Буду говорить правду, и только правду — точно как ты советовал.

— Правда чаще всего выглядит совершенно неправдоподобной, Жанна.

— Постараюсь доказать Рою, что правда — это правда. Надеюсь, он не остряк и не любитель парадоксов, как ты.

— Надежда — это изнанка неуверенности. В ней что-то от «авось» и «небось». Предпочел бы расчет, а не надежду.

— Хорошо, выражусь по-твоему. Рассчитываю на ясный ум и научные знания Роя Васильева.

— Круги все сужаются, — сумрачно повторил Чарли. — Жутко не нравится мне этот разговор. Говорю вам: круги сужаются!

5

«Круги сужаются», — молчаливо твердил я себе. Всю беседу у Антона мне удалось промолчать. И ни Антон, столь остро ощущающий любой отклонение от обычности, ни Чарли, воспринимающий всякое молчание как красноречивое высказывание, ни, тем более, Жанна молчания моего не заметили. Поведение Роя казалось им более важным, чем мое поведение. Уже это одно было успехом. У меня сдали нервы. Если бы меня вызвали сейчас на разговор, я наговорил бы глупостей. Никто от меня не ждет сияющих откровений и пронзительных озарений, списали бы мои неудачные реплики на плохое настроение. Но я мог наговорить и лишнего — в старину это называли бы «неосторожным раскрытием карт». Друзья по-прежнему были далеки от истинного понимания того, как скверны наши дела, и я не имел права просвещать их. Круги сужались. Новая трагедия уже надвигалась, и лишь я один знал, какой она будет. Я это понял, глядя на Жанну.

Проклятый прозорливец Антон Чиршке, Повелитель Демонов Максвелла, и на этот раз не ошибся. Он говорил Чарли, что Жанна повеселела и похорошела, он увидел в этом свидетельство выздоровления, как бы там ни острил Чарли насчет основных и второстепенных хворей. Мне же Жанна казалась, как и раньше, ослабевшей и похудевшей, бесконечно измученной, такой она сидела в моей лаборатории, когда я ввел ее пси-поле в датчик самописца и самописец не уловил важных изменений в ее психике. Несколько дней я с ней не встречался и сегодня сам увидел то, о чем первым заговорил Антон. Нет, я не раздражал Жанну пытливым взглядом: она не терпела, когда на нее засматриваются; даже у Павла пресекала любованье собой, что же говорить обо мне! Я только бросил на нее взгляд и молчаливо ужаснулся. Она похорошела, она пополнила, на еще недавно серые щеки возвратился румянец, в потускневшие глаза — блеск, в голосе, так долго усталом и слабом, зазвучали звонкие нотки. Антон, чутко воспринимающий и малые изменения, не мог проникнуть в тайную суть перемен. Не здоровье возвращалось, происходило нечто иное — и совсем не радостное!

Самописец пси-поля по-прежнему записывал душевное состояние Жанны. Прибор был из короткофокусных, далеко не брал, Жанна, выходя за пределы научного городка, выпадала из обзора, но пока находилась дома или в лаборатории, он надежно фиксировал ее душевный настрой. Я запрограммировал компьютер на

оценку изменений в Жанне за последние дни. Каждый день компьютер выдавал, что существенных изменений нет, так, обычные колебания от настроения похуже к настроению получше, повышенная нервность, усиленная раздражительность. Такую же оценку он объявил и сейчас.

— Идиот! — обругал я компьютер и пригрозил кулаком самописцу.

Неистовство Антона, дубасящего кулаком по приборам, охватывало и меня. Но такое поведение, все же соображал я, не будет решением. «Надо поразмыслить», — сказал я себе.

Я бегал по лаборатории и размышлял. Приборы не открывают того, что давно обнаружил Повелитель Демонов, что сегодня увидел и я. Приборы описывают душевное состояние, а не внешний вид Жанны. Внешний вид изменился, психическое состояние осталось прежним. Вот так надо понимать несовпадение записи самописца и свидетельства моих глаз.

«Психика запаздывает, — рассуждал я. — Ведь основные отправления организма — дыхание, пищеварение и прочие — мало зависят от сознания. А психика — пленница сознания, она побочная функция разума. Хорошо, что тебя не слышат наши биологи, но в порядке бреда допусти и такое приближение к истине. Понимаешь ли ты тогда ужас того, что надвигается?.. Не задавай себе, глупец, риторических вопросов! — гневно оборвал я себя. — Ты давно предвидел возможность этого. Нужно срочно действовать!»

В столе Павла хранился альбом фотоснимков. В альбоме была и моя страница: одна фотография с Земли, четыре — я на Урании. Жанне Павел отвел половину альбома. Жанна на первых снимках выглядела чуть ли не девчонкой, такой она прибыла на Уранию, Павел фотографировал ее тогда почти каждый день. Последние фотографии показывали Жанну, когда она стала женой Павла. Это была незначительная часть альбома: Павел мог любоваться Жанной и не обращаясь к снимкам и охладел к фотографированию.

Я всматривался, соотносил многочисленные портреты Жанны с тем, какой она была сегодня. Еще недавно, вынув альбом, я видел, как Жанна подурнела по сравнению с той, на последних фотографиях. Я горевал вместе с ней, гибель Павла была тяжка и ей, и мне, — внешний вид отвечал внутреннему состоянию, странно было бы, выгляди Жанна хорошо. Сегодня она походила на ту девушку, еще не жену моего друга, которая глядела со множества снимков.

Она была привлекательней и моложе женщины, изображенной на последней странице альбома.

«Не преувеличивай! — сказал я себе. — Ты уже впадаешь в панику. Время еще есть. Форсируй решающий эксперимент».

Но форсировать решающий эксперимент я не мог. Я был способен по-разному использовать законы природы, однако отменить их было сверх моих сил. Я снова и снова изучал кривые стабилизации времени. И снова и снова видел, что ускорения нет, процесс идет на пределе. «Время еще есть», — утешал я себя. Внешний вид Жанны предупреждал, что времени оставалось все меньше. На засветившемся стереоэкране возник Чарли.

— Спешу порадовать, дружок, нас просит к себе посланец Земли. — Недавняя озабоченность, какую Чарли старательно внедрял и в нас, видимо, отошла. Он снова готов был сыпать парадоксами и остротами. — Почему не вскакиваешь? Мало бодрости!

— Иди к дьяволу!

— Намек понят. Исполнение отложим. Раньше посетим Роя. Впрочем, возможно, это и будет реализацией твоего желания.

— Жанну вызывают?

— Жанна, очевидно, пойдет после нас. Видимо, Рой считает, что она ближе всех к тайне катастрофы. Древние французы во всех запутанных случаях советовали: ищите женщину. Тебе не кажется, что Рой Васильев если не по рождению, то по образованию — француз?

— Мне надоели словесные выверты, которые ты считаешь остротами.

— Тогда деловой совет. Приведи себя в порядок. У тебя нос по фазе не совпадает со ртом, с этим уже ничего не поделаешь. Но совершенно излишне к кривому носу еще так злодейски кривить губы.

Насмешкой над моим носом он временно исчерпал запас своих шуток. За дверью лаборатории он встретил меня озабоченным — очень нечасто можно видеть его в таком настроении. Хотя я и не люблю зубоскальства, а сейчас вообще было не до шуток, я не удержался:

— Ты тоже по фазе не в своей обычности. Боишься Роя?

— Боюсь, — признался он. — Следствие, которое мы с тобой проводим, показывает, что возможны неожиданности.

— Следствие, которое мы проводим? Я думал, следствие ведет Рой Васильев.

— Он ведет следствие открытое. А мы скрытно следим за ним самим. Мы ведем следствие о следователе. Для него тайна — катастрофа на Урании, для нас тайна — что думает о таинственной катастрофе землянин Рой Васильев, облеченный, не сомневаюсь, значительными полномочиями.

— Следует ли понимать, что для тебя тайны взрыва уже не существует?

— Сердечный мой друг Эдуард! — сказал он с досадой. — Я давно догадываюсь, что ты свой природный ум, правда, небольшой и неупорядоченный, намеренно экранируешь от посторонних глупейшими вопросами. У каждого своя форма самозащиты, но, пожалуйста, не перебирай. Особенно у Роя. Он не поверит, что ты так туп.

Я промолчал. Мы дошагали до гостиницы. Зеленый глазок в дверях приглашал войти. Рой занимал стандартный номер из двух комнат. Стены в гостиной были увешаны фотографиями взрыва: локаторы космостанции, следящие за поверхностью планеты, успели зафиксировать катастрофу в ее первые мгновения. Я собственными глазами видел черную тучу из двух миллионов тонн воды, я помнил, как она взметнулась над планетой, как потом из недр ее хлестал ливень. Но фотографии, собранные в гостиной Роя Васильева, показывали детали, мне не известные. Мы с Чарли переходили от снимка к снимку, а Рой сидел в кресле и глядел на нас — внимательно и задумчиво.

— Ну, и что вы думаете обо всем этом, друг Рой? — поинтересовался Чарли, усаживаясь в кресло. Я сел рядом с Чарли.

Рой тихо засмеялся.

— Я пригласил вас, чтобы узнать ваше мнение, а не для того, чтобы делиться своим.

— Да, так обычно ведут расследования. Но случай необычный. Давайте вести его нестандартно. И начнем с того, что не вы нам, а мы вам будем задавать вопросы.

— Можно и так.

— Тогда жду ответа на мой первый вопрос.

— То есть какое у меня создалось мнение о происшествии? Я мог бы ответить: пока никакого. И будет достаточно правдиво. Но не вполне точно, ибо формула «никакого мнения» — тоже своего рода мнение.

— Согласен. И уточняю: какое конкретно мнение выражает абстрактное утверждение, что мнения нет? Уверен, что за внешней неопределенностью вашего ответа таится нечто определенное.

— Вы угадали. Мое мнение таково: взрыва сгущенной воды не могло быть. Все, что я знаю о технологии изготовления и хранения этого продукта, решительно исключает возможность катастрофы. А взрыв совершился.

— Вы хотите сказать, что причины катастрофы лежат вне уровня современной науки?

— Именно это!

— И вы собираетесь требовать, чтобы мы — я и Эдуард Барсов — подняли вас над уровнем современной общеизвестной науки?

— Уверен, что вы можете это сделать.

— Мы это сделаем. Начну с того, что причина катастрофы, по нашему мнению, таится в характере исследовательских работ в Институте Экспериментального Атомного Времени, который я возглавляю. И скажу больше — ничто иное, кроме экспериментов над атомным временем, не может явиться научным объяснением катастрофы.

— Стало быть, вы принимаете на себя ответственность за трагедию?

— Что называть ответственностью, друг Рой? Понятие это неопределенное. Его можно понимать и как сознательное устройство катастрофы. Этого не было. Мы и не догадывались, что катастрофа возможна, до того, как она совершилась. Лишь оглядываясь назад, анализируя обстоятельства трагедии, мы допускаем, что вызвать ее могли некоторые из наших исследований.

— Не предвидели, значит, преступления не было. Но и определенности тоже пока нет. «Не вызвали, но могли вызвать», «оглядываясь на прошлое», «анализируя», «допускаем»... Вряд ли такие уклончивые формулировки сочтут доказательными.

— Вам придется удовлетвориться ими, ибо никто другой, кроме нас, и до такой неопределенной определенности не дойдет. Поверьте, друг Рой, ни один человек ни на Урании, ни на Земле и не подумает заподозрить нас в несчастье. Мы спокойно могли бы сказать: не знаем, не понимаем, столкнулись с загадкой. Как бы вы поступили в таком случае?

— Власть закрыть ваш институт у меня есть...

— Нет у вас такой власти, Рой! Вам прежде понадобилось бы доказать, что эксперименты с атомным временем явились причиной взрыва на энергоскладе. А как бы вы это сделали? Где бы нашли факты? Какие бы выставили аргументы? И второе: в наших работах заинтересовано все человечество, они отражены в пла-

не Академии наук в разделе важнейших. И то, что их перенесли на Уранию, местечко для самых опасных исследований, свидетельствует, что какая-то неизвестная угроза от опытов с атомным временем заранее учитывалась, но полагалась менее важной, чем возможный успех. Это вам ни о чем не говорит?

Я не сомневался, что Чарли идет на встречу с Роем Васильевым как на сражение. И что Чарли не постесняется припереть Рою к развилке из двух одинаково рискованных решений: либо прервать наши работы без строгого обоснования, либо оставить их без твердых гарантий безопасности. Но чтобы Чарли повел дискуссию с такой дерзостью и так бесцеремонно показал Рою Васильеву его беспомощность — это было неожиданно! Я переводил взгляд с одного на другого. Чарли раскраснелся, глаза его сердито блеснули. Я иногда видел его таким, но то были минуты крайнего раздражения, приступы злости при больших неудачах. Сейчас не было ни поводов раздражаться, ни причин злиться. Чарли временами актерствует, особенно когда ударяется в парадоксы, позы в такие минуты просто поражающие. Однако и позы нынче не было, он не актерствовал: и нападал, и защищался по-серьезному.

А Васильев, глубоко откинувшись в кресле, слушал с безмятежным хладнокровием, как бы показывая всем своим видом: ему даже нравится запальчивость директора института, он, мол, способен слушать не прерывая столько, сколько Чарли вздумается говорить.

Но Чарли выдохся и замолчал, и заговорил Рой.

— Очень интересно и по-своему убедительно, — объявил он, лениво покачивая ногой, закинутой на ногу. — Чего-то в этом роде я и ожидал. В дороге я штудировал ваш рапорт о взрыве, посланный в Академию наук, там вы коснулись и этого вопроса, правда, сослагательно: не могут ли изменения атомного времени, волнообразно распространяясь, сказаться и на расстоянии от ваших лабораторий? Уже сама формулировка — волны времени, проникающие сквозь стены хорошо экранированных лабораторий, — поражает... Неподготовленному трудно снести... Но столько на Земле говорят об Урании вообще, о вашем институте в особенности! Многие убеждены, что вы конструируете машину времени, любимый механизм в романах старых фантастов. Один филолог, проведавший о моей поездке на Уранию, просил меня прокатиться в прошлое лет на восемьсот и записать два-три горных языка на Кавказе — у него какая-то своя теория их происхождения, но

он не может ее обосновать, те языки давно вымерли. В общем, друг Чарльз, если вы подробнее введете меня в существо ваших изысканий, это будет не только в моих, но также и в ваших интересах.

И Чарли ответил блестящей лекцией. Он совмещал в себе софиста не только с глубоким экспериментатором, но и с мастером популярного изложения. Он сел на одного из любимых коньков и сразу погнал в галоп. Вот такой же сверкающей лекцией десять лет назад он убедил президента Академии наук Альберта Боячека разрешить строительство на Урании нашего института. Мы с Павлом тогда сидели в зале рядом и то и дело издавали невнятные возгласы восторга, в такое возбуждение Чарли привел нас, тоже неплохо разбиравшихся в атомном времени. Не берусь сейчас восстановить ту форму, в какой Чарли вдохновенно ораторствовал перед Роем, попробую передать хотя бы смысл его лекции.

Пусть не говорят при нем о какой-то дикарской машине времени, так Чарли начал. Он, Чарльз Гриценко, — физик и инженер, а не автор фантастических повестей. Его захватывают лишь реальные возможности науки, а не заоблачные полеты неупорядоченного мечтательства. Переброс больших материальных масс из настоящего в будущее или, тем более, в прошлое — детская сказочка. И столь же далеки от реальности все воображаемые конструкции, названные машинами времени. Цель Института Экспериментального Атомного Времени, между прочим, состоит и в том, чтобы доказать вздорность подобных сказок. Да, конечно, мы в своих установках искусственно меняем ток времени — то замедляем, то ускоряем его. Но это совершается лишь в недрах атома. Эксперименты с ядерным временем мы освоили, теперь шагнули из теснин ядра в атомное электронное облако. О выходе из атомов в толчею молекул мы пока и не мечтаем.

Время — это всеобъемлющая река, в ней плывут все события жизни, продолжал Чарли — как соловей, увлеченный только своей песней и не слышащий ничего больше. Иначе он бы заметил, что Рой Васильев слушает его вовсе не так внимательно, как можно было ожидать.

А Рой тем временем бросал на меня быстрые взгляды, словно проверяя, какое у меня впечатление от вдохновенной речи моего начальника; я так же — и по возможности, незаметно — пытался определить, что думает сам Рой. И уж конечно, Чарли и помыслить не мог, что Рою известно все, о чем ему говорят, что он дьявольски осведомленный парень, этот невозмутимый следовательно,

и ловко прикрывает свою эрудицию ширмой внешнего интереса. Вдруг развернувшаяся безмолвная борьба — борьба между Роем и мной — до Чарли и намеком не доходила, меня самого она застала врасплох; я молчаливо защищался, не было иного выхода — ведь дело, в конце концов, касалось не только меня. Ни один звук, ни одно движение не говорили о разгоревшейся схватке. Был именно тот случай, когда пси-поле собеседника, я скажу сильнее — противника, ощущается без специальных датчиков, фиксируется не на ленте самописца, а реакцией души. Я уже знал, что отныне пронизательное, как удар копья, внимание Роя направлено в меня как в фокус тайны. И что он, не думая это показывать Чарли, знает, что мне об этом известно. Чарли выстраивал для Роя стартовую площадку, чтобы облегчить тому понимание. Если бы я мог закричать: «Перестань, не ведаешь, что творишь!» — я бы крикнул.

Да, время — это всеобъемлющая река Вселенной, вдохновенно доказывал Чарли. Но каждая река складывается из тысяч струй, ее колеблют миллионы волн. Именно так обстоит дело и с могучей рекой нашего общего физического времени. Оно складывается из миллиардов локальных времен, в нем слиты мгновения ядерных превращений, атомных взаимодействий, молекулярных реакций, каждая мельчайшая молекула, каждая атомная комбинация частиц, каждая упорядоченная молекулярная микроструктура атомов вливается в общий поток времени своим крохотным ручейком. Нет, мы еще не способны повелевать суммарным временем, величественным потоком, текущим в космосе из прошлого через настоящее в будущее, мы плывем в нем безвольной щепочкой, куда нас бросают волны: кораблей, прокладывающих самостоятельный путь в этой грандиозной реке Вселенной, долго еще не сконструируют. Но в глубочайших глубинах потока космического времени мы уже способны кое-что сделать. В наших лабораториях мы замедляем и ускоряем течение ядерного и атомного времени. Отдельные атомы искусственно, раньше их соседей, выдвигаются в будущее, так же искусственно задерживаются в прошлом. Но дальше эксперименты пока не идут. В отчетах института за прошлый год указано: «Методы воздействия на кванты времени найдены, методы слияния искусственно деформированных квантов времени в единый микровременной поток разрабатываются».

Рой задумчиво сказал:

— Стало быть, вы все же нашли способ преобразования настоящего в прошлое или будущее?

Слишком элементарное толкование, возразил Чарли. Оно отдает все той же примитивной машиной времени. Что такое настоящее и что такое прошлое и будущее? Настоящее — всегда приход из прошлого и уход в будущее, это разрез по живой линии временного потока. Прошлое еще живет в настоящем, будущее уже в нем живет. Выход в будущее лишь постепенно ослабляет прошлое, а не уничтожает его сразу и целиком. Поэтому изменение временного тока отдельных атомов не выбрасывает их сразу из молекул, а лишь ослабляет связь с остальными частями молекулы. Молекула как бы расшатывается. Она уже частично в будущем, еще частично в прошлом. Но любая разновременность грозит разрывом структуры. Здесь база для многих опасностей.

— Сколько я понимаю, друг Чарльз, сейчас мы подходим к вашей гипотезе взрыва на энергоскладе, — сказал Рой. — В докладе Земле вы только осторожно упомянули о ней. Сейчас, вероятно, разовьете подробнее?

— Вы не ошиблись, Рой, я перехожу к моей концепции катастрофы. В этой связи должен поговорить о Павле Ковальском, помощнике Эдуарда Барсова. Павел обеспечивал экранирование нашего института. Вас, конечно, информировали, что лаборатория Эдуарда называется «лабораторией стабилизации времени». В ее программу входит поддержание постоянства поля времени — в той мере, какая нужна, чтобы волны времени не выходили за безопасный предел. И Павел взял на себя охрану окружающего институт пространства от выноса наружу хроноколебаний. Он не один год надежно вел свое дело, но вот допустил какой-то просчет, и пульсирующая волна атомного времени вырвалась острым лучом в направлении энергосклада, который, к сожалению, находился слишком близко от института. Так произошло нарушение спокойного тока внутреннего времени воды. Павел собственным телом, как экраном, погасил пульсацию времени, но было уже поздно: вода на складе высвободилась из чудовищного сгущения, а в клетках самого Павла произошел разрыв биологического времени. Спасти его мы не сумели.

— Как, по-вашему, произошла деформация атомного времени сгущенной воды: в будущее или прошлое? — спросил Рой.

— В прошлое. Ибо в обозримом будущем сгущенная вода должна оставаться сгущенной водой, если не производится энерго съемка с ее поверхности. А в прошлом было время, когда сгущенная вода была просто водой. Достаточно возвратить ее в это время, даже в одно мгновение этого времени, чтобы мигом высво-

бодилась вся чудовищная энергия сгущения, что, к несчастью, и произошло.

Рой Васильев задумался. Чарли бросил на меня вопросительный взгляд: убедительна ли аргументация? Я взглядом же успокоил его: отличная речь, возражений по существу гипотезы не будет.

Рой заговорил медленно, как бы вслушиваясь в каждое произносимое слово:

— Возражать вам не могу, да и не хочу. Гипотеза, вероятно, правильная. А объяснение откровенное. Вы не ждете, чтобы вам предъявили обвинение, вы сами признаете свою вину.

— Свою часть вины, — поправил Чарли. — В конечном итоге, авария произошла от недостаточного экранирования трансформаторов времени. Это мой просчет. Постараюсь больше не допускать таких просчетов.

— Вы продумали, как повысить безопасность?

— Конечно. Новый энергосклад строится подальше от нас. Вы могли заметить, что около столовой заканчивают здание, это для него. Между прочим, вас не удивило, что все мы едим в столовой, отдаленной от институтов? На этом настояли биологи, они боялись заражения пищи вблизи их лабораторий. Мы, как и они, будем удалять все, что не имеет непосредственного касательства к нашим экспериментам. А экранирование лабораторий от пульсаций времени усилено, за этим следит Эдуард Барсов.

Рой, наконец, обратился ко мне:

— Что вы добавите к объяснениям друга Чарльза?

— Решительно ничего, — спокойно ответил я.

— Значит, вы с ним полностью согласны?

— Полностью согласен.

— Друг Чарльз, по-вашему, исчерпал проблему?

— Мне добавить нечего, — повторил я.

Рой, казалось, хотел спросить что-то еще, но передумал. Он теперь говорил снова с одним Чарли, так демонстративно игнорируя мое присутствие, что мой начальник, опасался я, должен был это почувствовать. Но Чарли и не заметил, что Рой поворачивается ко мне чуть ли не спиной.

— Буду думать, друг Чарльз, — сказал Рой. — Вы наполнили меня интереснейшей информацией, надо ее переварить. Когда придет к какому-либо решению, снова с вами посоветуюсь.

Мы ушли из гостиницы, и по дороге Чарли радостно сказал:

— Он, наверно, думал, что мы будем юлить, оправдываться заранее. А мы обрушили на него правду, нигде не затесывая ее острые грани. Он ошеломлен это минимум.

— Будет еще и максимум, — сказал я. — В максимуме, очнувшись от ошеломления, он может счесть недостаточными наши защитные меры. Подумай об этом.

— Подумаю, — пообещал Чарли. — Зайди ко мне, проинформируем Жанну.

Жанна возникла на экране. Я сел подальше и постарался не глядеть на нее. Она вновь была недопустимо хороша. Мне и взглядом нельзя было доводить до ее сознания, что я вижу в ней перемены. Чарли весело передал ей наш разговор с Роем и попросил приготовиться к вызову.

— Сколько ты еще собираешься внушать мне свои инструкции? — резко оборвала она. — Чарли, я по горло сыта вашими с Эдиком наставлениями.

— Ты такая красивая и умная, Жанна, — умильно сказал Чарли. — В общем, восхитительная. А Рой слабый мужчина. А все мужчины считают ум в мужчине обыденностью, а ум в женщине необычайностью. И когда женщина не только красива, но и дьявольски умна...

— Чарли, в старину, на которую ты так часто ссылаешься, ежедневно молились Господу: избави меня от лукавого!

Он воскликнул с хохотом:

— Жанна, всеми чертями прошу: не избавляйся от лукавого!

6

— Не избавляйся от лукавого и ты, Эдик, — посоветовал Чарли мне. — Ведь лукавый — вовсе иной, чем он виделся предку. Я тебе это быстренько разъясню...

— Не старайся, — сказал я. — У меня дела поважнее выслушивания твоей трепотни. Будет что серьезное, вызывай. Софизмы я способен слушать только в столовой, там они вроде перца к еде.

Я ушел к себе. Чарли еще был в возбуждении от разговора с Роем, ему надо было остыть в одиночестве. Он мыслил всегда ясно, был, я неоднократно упоминал это, превосходным логиком, но сейчас его глаза застил туман удачи. Он вообразил себе, что все заканчивается на успешном разговоре, больше от Роя неприятностей можно не ждать. И странная просьба к Жанне — очаровать посланца Земли — виделась ему точкой, подбивающей итог:

Рою будет еще и приятно, в угоду нашей уранийской красавице, сделать то, что он и без нее — и, возможно, без приязни — неизбежно должен сделать. Свою часть проблемы Чарли понимал превосходно. Он не понимал одного: то была лишь часть проблемы!

Возвратившись к себе, я проверил процесс и присел на подоконник. Наступал вечер, Мардека закатывалась, на сумрачном, зеленоватом — такова его обычная окраска — небе горели костры трех облачков: впечатляющая картина; покажись она мне до катастрофы, я бы не отрывал от нее глаз. Все бы во мне волновалось, все бы во мне ликовало оттого, что мир, в котором довелось жить, так прекрасен. Я безучастно наблюдал, как разгорались и гасли золотые и красные краски заката, повода для ликований не было. «Есть ли еще время?» — спрашивал я себя. И не находил ответа. Ответ мог дать только Рой Васильев. Он был далеко, в гостинице, он странно, угрожающе странно держался сегодня со мной.

Я вспоминал его слова, вспоминал, как он сидел, покачивая ногой, закинутой на ногу, с какой почти равнодушной заинтересованностью слушал. Дикое сочетание: «равнодушие» и «заинтересованность», в стиле острот Чарли, но более точной формулировки я найти не мог. И снова, без автоматических фиксаторов пси-поля, ощущал, как все напряглось в нем, когда он бросил на меня быстрый взгляд. Чем я поразил его? Чем возбудил внимание? Тем, что молчал? Чарли часто говорит: молчание — красноречивый сигнал несогласия, категорическое оповещение о протесте. Рой не мог заподозрить во мне несогласие, тем более — протест. Все, что излагал сегодня Чарли, было азбучной истиной, я готов подписаться под каждым его словом. Или Рой почувствовал, что я мог бы чем-то дополнить рассказ Чарли, но не захотел? Что из этого впоследствии? Будет ли время завершить так лихорадочно ускоряемый и так и не поддающийся ускорению процесс? Вопрос элементарно прост, но простого ответа не было...

Я снова достал заветный альбом Павла, снова всматривался в портреты Жанны. Все сходилось: она теперь была иной, чем на последних снимках, она была много красивее, много моложе. Я закрыл глаза, Жанна предстала передо мной такой, какой появилась сегодня у Чарли на экране. «Нет, — сказал я себе, — это же девчонка, как в студенческие годы, в ней вытравлены все следы трагедии с Павлом, даже печать, наложенная тремя годами труда на Урании, двумя годами сумасбродной, сжигающей их обоих любви, — даже этого не видно». Я задал компьютеру все ту же,

изо дня в день повторяемую программу анализа ее пси-поля. Компьютер выдал на экран данные, которых я с таким беспокойством ожидал: инерция скорби преодолена, психика Жанны приходит в соответствие с физическим состоянием ее организма, она полностью — душой и телом — поправилась после несчастья. В моем сознании зазвучал голос Жанны, голос смеялся: «В старину молили Господа: избави меня от лукавого!» Ее уже не нужно было упрашивать не избавляться от лукавого, в ней возродились все женские инстинкты, все жизненные интересы. Все сходилось, все страшно сходилось в одном беспощадном фокусе. Времени могло не хватить.

«Она должна тебя возненавидеть, Эдуард, — сказал я себе то, о чем думал уже давно, к чему все больше склонялся как к неизбежности. — Страстно, самозабвенно, безмерно возненавидеть. Иного выхода нет».

Я соскочил с подоконника и заметался по лаборатории. Меня захлестнуло отчаяние. Дело не в том, что я отказался от мысли завоевать любовь Жанны. От надежды быть ею любимым я отрекся, когда она влюбилась в Павла. И трагедии из ее равнодушия ко мне не сделал. Жанна выбрала достойнейшего, нельзя было в том усомниться. Стоило мне и Павлу подойти вместе к зеркалу, стоило увидеть нас за расчетами, у компьютеров, которым мы задавали программу поиска, и сразу становилось очевидным, кто орел, а кто кукушка. Даже Чарли временами говорил: «Ты подобрал себе удивительного помощника, Эдик: красивого, умного, талантливого, работоспособного. Тебе повезло, что в наше время не носят поясов, он заткнул бы тебя за пояс. В старину, я слышал, подобные странные операции совершались часто». Эмоции командуют мною редко, страсти во мне не горят, а тлеют. Я не сентиментален, не романтик, не сумасброд, не себялюб, не карьерист — к очень многим человеческим особенностям, анализируя меня, надо прилагать это существенное уточнение «не». И мне, если честно, одинаково безразлично: равнодушна ли Жанна или ненавидит меня. Она меня не любит — это единственно важно, все остальное почти одинаково, так мне воображалось. А любовь Жанны я не завоевал, когда Павел жил, не завоеую и после его гибели — и пытаться не буду. И отчаяние шло не оттого, что Жанна возненавидит меня. Суть была в другом: я не хотел умирать.

Желание жить — вот единственная жгучая страсть моей души. Все люди хотят жить, инстинкт существования внедрен в каждого. Никто в здоровом состоянии не жаждет смерти, это естествен-

но. Но я настаиваю, что во мне этот инстинкт особенно силен. Жажда существования для меня — жажда всесуществования. Безразлично — как жить, только бы жить, жить, жить! Не знаю, почему я родился, именно я, такой внешне тихий, такой некрасивый — «рот по фазе не совпадает с носом», как справедливо указывает Чарли, не знаю, есть ли особая цель, высокая или глумливая, в том, что меня вызвали из несуществования к бытию, но я бесконечно благодарен, что это совершилось. Древний поэт как-то скорбно допытывался: «Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал?» Могу понять его, вполне могу, но скажу: благословенно то, что одарило меня существованием. Ибо жить — величайшее блаженство! Видеть мир в его буйстве и тишине, в его пылающих красках и сумрачных полутонах, ежечасно, ежеминутно, ежесекундно и вечно ощущать себя частицей этого великолепного мира, любоваться им, погружаться в него, все познавать и познавать, и снова, и снова — жалкая частица Вселенной — всеполно ощущать себя всей Вселенной! О нет, не стандартно выкручивалась в житейских стремнинах пока еще недлинная река моего бытия, но ее беды и бури — ничтожность перед тем основным и восхитительным, что она текла. Сколько раз я утешал себя — очень действенное лекарство — дошедшим из древности изречением: «Мне бывало хорошо, даже когда было плохо». И вот теперь своим собственным решением, жестоким итогом неопровержимого рассуждения я должен уничтожить мою радость, мое счастье — что я существую в мире!

Я бегал от окна к двери и разговаривал вслух с собой, и кричал на себя:

— Почему я? Нет, почему я? Не я вызвал к реальности диких джиннов одновременности, я только не запретил эксперименты. А если бы и запретил, Павел нашел бы способ обойти запрет, для его гениального ума обход любого запрета — пустяк! Но Павла нет, а расплачиваться за его просчеты должен я, расплачиваться неминуемой смертью. Какое пустое словцо — «неминуемая»! Смерть неизбежна, она никого не обходит, даже на биостанции великие мастера новых геноструктур, творцы невиданных живых тварей не способны ни в старые, естественно возникающие, ни в искусственно создаваемые организмы внедрить ген бессмертия, а как это нужно! Да, смерть неизбежна, но в свой час. Мой час пока еще где-то вдали. А требуют, чтобы я сам вызвал его из тумана грядущего, чтобы прервал себя преждевременно. Какое кощунство! Какое злое кощунство!

Поворачиваясь от двери к окну, я видел снаружи угасающее пламя заката и кричал себе:

— Ты скоро перестанешь восхищаться красками вечернего неба! — И, повернувшись от окна к двери, горестно шептал: — Тебя вынесут в эту дверь... — И, глядя на пол, вспоминал, как бился Павел на этом полу, инстинктивно пытаюсь руками разорвать удушающую петлю разновременности и, в последних проблесках сознания страшась, что разорвать ее удастся, иступленно не допускал спасти себя. Будет час, и я забьюсь на полу и, как Павел, разорвусь душой в страдании двойного страха — что смерть наступает и что ее могут предотвратить. Я бросал взгляд на самописцы и регуляторы — их не исковеркает разновременность, они останутся, только меня не будет, только меня одного не будет! Они доведут процесс до конца, на их лентах, на кристаллах их бесстрастной памяти запечатлится успех одного из величайших научных экспериментов, им тот грядущий успех «до лампочки», как пошучивали наши предки. А мне, которому так важно знать, как завершится эксперимент, он останется навечно неведом — меня не будет!

— Нет! — закричал я в неистовстве. — Нет, никогда! Я этого не сделаю!

Почти в беспамятстве я рухнул в кресло. В окне медленно погасал закат. На небе зажглись ярчайшие звезды, они сверкали на меня живыми глазами. Земля прекрасней Урании, это общеизвестно, но небо Земли несравнимо с небом Урании. Уже ради одного этого радостно жить: еженощно вбирать в себя свет трех тысяч голубых и желтых, красных и зеленоватых светил, сложившихся в сто прекраснейших созвездий космоса. Небо Урании — праздник Вселенной. Тот, кто хоть раз видел этот праздник, с сожалением расстается с ним, когда на рассвете небо бледнеет, и с нетерпением ждет его возобновления. Нет, и земные звезды прекрасны, но они бесстрастны, лишь чуть-чуть перемигиваются, а здесь, в темно-зеленом ночном небе Урании, в ее непрерывно волнуемой атмосфере, звезды переливаются, приливают, вспыхивают... Они величаво выплывают на ночной свой совет, на какие-то свои переговоры и несогласия, разговаривают между собой, кричат мятежным непостоянством сияния. Мы лишь зрители, допущенные на грандиозный вселенский совет сверкающих небожителей. И я сам вскоре откажусь от зрелища этого божественного звездного торжества: оно останется — меня не станет.

— Не сделаю! — прокричал я чуть не с рыданием. — Не хочу! Не хочу!

Меня била истерика, она истощила мои силы. Похоже, я потерял сознание. Потом, стараясь восстановить обстановку, я догадался, что беспамятство перешло в обыкновенный сон. И он был таким глубоким, что лишь вызов Жанны пробудил меня.

— Не спи! — приказала она с экрана. — Я только что вернулась от Роя. Приди ко мне.

Я мигом вскочил. О том, чтобы идти к ней, не могло быть и речи.

— Не могу оторваться от механизмов, Жанна. Сделай одолжение, приходи в мою лабораторию.

— Буду через пять минут.

Экран погас, и я кинулся к аппаратам. Пяти минут еле-еле хватило, чтобы ввести новую программу. От недавней скорби и нерешительности не осталось ничего. План был ясен, его надо было выполнять без колебаний. Теперь меня беспокоило одно: не совершу ли в спешке ошибки? Я быстро регулировал автоматы и дважды повторял — для верности — каждую операцию.

Жанна вошла, когда я отошел от аппаратов и уселся на подоконник — самая безмятежная из моих поз, она это знала.

— Какой трудный день! — со вздохом сказала она. — Если бы не наставления Чарли и не твои упрасивания, вряд ли беседа с Роем сошла бы благополучно. Это был самый настоящий допрос по правилам старины.

— Он спрашивал тебя о Павле?

— И о нем тоже. Я сказала, что о Павле лучше узнавать у тебя. Вы вместе вели исследования. Ты присутствовал при его гибели.

— Что он ответил?

— Он сказал, что не увидел в тебе желания распространяться о Павле.

— Он и не спрашивал меня о Павле, ограничился тем, что услышал от Чарли. Впрочем, он не ошибся: у меня не было желания распространяться о Павле.

— Примерно так я и объяснила.

— Ты сказала, он расспрашивал и о Павле. Значит, его интересовали и другие?

— Другие — это ты один.

— Вот как! Он не интересовался ни Чарли, ни Антоном?

— Он сказал, что Антон и Чарли ему ясны, а ты — загадка. Он попросил подробно расшифровать таинственную природу существа, именуемого хронофизиком Эдуардом Барсовым.

— Ты это сделала?

— В меру своего понимания.

— Это много — мера твоего понимания? Чарли шутит: каждый говорит в меру своего непонимания.

— Суди сам. Если, конечно, ты способен судить о себе объективно и беспристрастно. Павел часто говорил, что ты в себе не разбираешься.

— Думаю, что и он во мне не очень-то разбирался. Тайны природы ему были ясней, чем человеческие характеры. Законами мира он интересовался больше, чем странностями людей.

— Тобой он интересовался. Возможно, он видел в тебе одну из тайн природы. У Роя я начала рассказ о тебе словом, которое Павел назвал сутью твоей души. Ты помнишь это слово?

— Нет, естественно.

— Между прочим, Павел часто говорил его. Ты должен был его слышать.

— Я мало увлекался собой. Наверно, пропускал это слово мимо ушей.

— Не смотри на меня. Меня раздражает твой взгляд.

— Буду смотреть в сторону. Так хорошо?

— Лучше. Теперь слушай. В разговоре с Роем я вспомнила, как познакомилась с вами четырьмя. Я прилетела на Уранию с направлением на энергостанцию и каким-то грузом для Института Времени. Институт достраивался, груз свалили в общежитии. Трое из вас пожертвовали для груза своими номерами, вы переселились к Чарли, его директорская квартира была обширнее ваших комнаток. Каждый внес что-то свое в украшение временного жилья. Чарли радостно подчеркнул беспорядок в комнате красивым плакатом, он повесил его на двери: «Выходя на улицу, вытирайте ноги!»

— Плакат в стиле его остроумия. Я помню это его воззвание.

— Антон нарисовал чертенят с хвостами, рожками и руками — гибкими, как хвосты. На чертенят падали молекулы, они ловко отшвыривали их — большие направо, маленькие налево. В общем, оправдывал прозвище Повелитель Демонов Максвелла. Павел прибил к стене схему переключений регуляторов в каком-то процессе, а ты повесил над своей кроватью портрет древнего философа Декарта.

— Было... Отличная репродукция знаменитой картины Франца Гальса. Я очень любил эту картину, хотя к творчеству Гальса равнодушен.

— Вот-вот! К творчеству Гальса равнодушен, а этот портрет любил. Я с уважением спросила у Павла — так странно в наше время встретить поклонника старых философов: «Этот твой друг, Эдуард Барсов, наверно, большой знаток учения Декарта?» Павел ответил: «Сомневаюсь, чтобы Эдик держал в руках хоть одну книгу Декарта». «Но почему он повесил его портрет?» — спросила я. «А ты присмотрись к портрету, — посоветовал Павел, — на этой картине изображена душа Эдика».

— И ты присмотрелась к портрету Декарта?

— Много раз присматривалась. Мне очень хотелось узнать ваши души. С портрета, ты помнишь, глядел мужчина средних лет, длинноволосый — кудри прикрывали плечи, — длинноносый, тяжелые веки наполовину закрывали большие выпуклые глаза, он недавно побрился, но плохо побрился, художник лукаво изобразил и порез на подбородке, и недобритый островок у шеи. А Декарт не просто глядел на зрителя, он радостно удивлялся тому, на что падал его взгляд. Франц Гальс с совершенством воссоздал душевное состояние философа, тот словно говорил каждому, кто подходил к портрету: «Боже, как удивителен, как прекрасен этот мир! Восхищайтесь им, поражайтесь ему!» И Павел сказал мне: «Теперь ты понимаешь, почему Эдуард выбрал в наставники портрет Декарта? Не учение Декарта — только его портрет. Здесь образ души самого Эдика, его вечное удивление перед всем, что его окружает. Если Антона Чиршке раздражают законы природы, то Эдуард им восторженно удивляется».

— Так вот оно, это загадочное словечко! Удивление — формула моей души! Так, по-твоему?

— Это сказал Павел, и я ежедневно убеждалась, что он прав.

— Ты поведала это и следователю?

— Конечно. Он ведь интересовался твоим характером, как я могла скрыть главную твою особенность? И я рассказала, что ты способен замереть от восхищения, когда мимо твоего носа пролетит гудящий жук, и, забыв на время обо всем, ты будешь следить зачарованными глазами за тяжелым полетом жука. Что когда на обочине дороги вдруг раскроется короткоживущим цветочком какой-нибудь вздорный сорняк, ты остановишься перед ним и упоенно удивишься, сколь совершенны невзрачные лепестки, до чего прекрасно, какой-то особой каемкой, их облепила придорожная

пыль! И ради такого дурацкого времяпрепровождения опоздаешь к началу важнейшего эксперимента. А в эксперименте, объяснила я Рою, тебя захватывают порой такие пустяки, что тормозится исследование. Я сказала, что пришла как-то к вам, и ты воскликнул с сияющими глазами, словно случилось нечто абсолютно неожиданное: «Жанна, посмотри результат, как все поразительно сошлось!» Я спросила Павла, в чем неожиданность, а он захохотал: «Никакой неожиданности, все по расчету, но не будем мешать Эдуарду безмерно поражаться тому, что в науке отклонений от законов природы не наблюдается». А когда ты вечером смотришь на небо, Эдуард! Со стороны кажется, что тебя весь день одолевал тайный ужас, что звезды не выйдут на ночное дежурство, и ты радостно ошеломлен, что они все же появились, и поэтому должен насладиться их красотой, ибо она дана только на одну ночь. Вот ты каков! И в наших с тобой отношениях до предела сказалась эта твоя привычка всему поражаться, любой штамп воспринимать как открытие. Ненасытная твоя любопытность, обращенная одинаково на важное и неважное. Любознательность без разбора!

— Ненасытная любопытность в наших с тобой отношениях? Или лучше второе словечко — «любознательность»?

— Ты, конечно, опять впадаешь в удивление!

— Постараюсь на этот раз никуда не впадать. Ты говорила Рою о наших отношениях?

— С чего бы мне их скрывать? Он спрашивал, я отвечала. Не хочешь ли и ты спросить, что я сказала о нас с тобой?

— Хочу, Жанна.

— Он интересовался, крепка ли наша дружба. Я ответила, что не очень. Ты опять впился в меня глазами, Эдик. Ты ведь знаешь, я этого не терплю! Итак, я сказала Рою, что ты влюбился в меня почти мгновенно, как увидел. Надеюсь, ты не будешь этого отрицать? И еще я сказала, что твоя любовь показалась мне такой привлекательной, меня так трогало твое неизменное восхищение мной, ты с такой доброй радостью следил за каждым моим движением, что и я стала влюбляться в тебя.

— Этого не было, Жанна!

— Это было, Эдуард. Но тут вмешался Павел, сказала я Рою. Павел, в отличие от тебя, был настойчив, когда чего-нибудь хотел добиться. И он был... В общем, Павел был Павлом, тебе этого не нужно растолковывать, а Рою я кое-что объяснила. Но был момент, Эдуард, когда я заматалась между вами, не зная, кого выб-

рать. Очень короткий момент, но он был, и увлечение мое могло тогда переломиться в твою сторону. Но ты отошел от соперничества. Тебя поразило, что Павел, так страстно увлеченный наукой, может испытывать и другие страсти. Тебя вмиг заинтересовало, а как я отвечу на его домогательства. Перед тобой появилась замечательная картина: некто бесцеремонно прививает девушке свою любовь, стремительно заражает ее своей страстью — ну как этим не полюбоваться? Как не поразиться могуществу чувства, ведь он буквально теряет голову, когда перед ним появляется та девушка? «Деятельный обсерватор» — разве не так шутит о тебе Чарли? Он еще говорит: «неистовый наблюдатель»... А что до нас с Павлом, то я объяснила Рою, что все совершилось по другой шутке того же Чарли Гриценко: «Кто ухватил, тот и отхватил». Очень точная оценка, доложу тебе. Павел всю меня охватил своим чувством, у меня не стало желания сопротивляться. Так я полюбила его. Так мы стали мужем и женой. Мы были счастливы, пока он не поставил, а ты не разрешил последний злосчастный эксперимент. И разрешил, вероятно, из того же восторженного любопытства: как удивительно, что опыты наши удаются! Вот она, наша удивительная удача: Павел погиб, я не восстановлю здоровья. Есть чему радоваться!

Теперь я знал, как мне держаться.

Я не впивался в нее глазами, чтобы не раздражать, но видел ее всю. Она сидела у самописца пси-поля, я заранее поставил стул около него: каждое движение ее души, каждый оттенок настроения фиксировались. Она позволила себе раскрыться, после гибели Павла это был первый случай. И она так изменилась, что не только Повелитель Демонов, ясновидец Антон Чиршке, не только я сам, но и любой знакомый не мог бы не порадоваться: «Вы отлично выглядите, Жанна, помолодели и похорошели». Я не смел разрешить себе трусости. Времени оставалось только на одно решение.

И я заговорил спокойно, даже издевательски — потому что она, несомненно, сочтет это издевкой:

— Ты представила мне замечательный анализ моего характера. Восторженное удивление перед всем, от всего!.. Неплохо бы продолжить и дальше твоё проницательное исследование. Ну, хотя бы на те минуты, когда я восторженно любовался — другая формула не уложится в твоё понимание меня — фонтаном пылающей, дымной воды, забившей на месте энергосклада. Именно в эти минуты я вспомнил о Павле, испугался, что с ним плохо, и опрометью

кинулся назад в лабораторию, забыв и о водном огненосном вулкане, и о метавшемся неподалеку Чарли. Я вбежал к себе и увидел Павла, в агонии рвущего руками с шеи петлю разновременности, ощущение ведь было такое, что его душит какая-то петля.

— Зачем ты вспомнил это? — голос Жанны стал глухим. Она побледнела, положила руку на сердце.

Я холодно говорил:

— Хочу понять свое собственное поведение, используя твой психологический анализ. Итак, он метался, а я стоял над ним. Что мне надо было сделать? Наверно, выключить аппараты, погасить расширяющийся разрыв времени в теле Павла. А меня удивило — ну, не восторженно удивило, этого все-таки не было, просто удивило — зрелище необыкновенной агонии. Согласись, еще ни один человек не наблюдал, как в душе человека реальным физическим взрывом распадается связь времен. Хоть взглядом окинуть такую картину, хоть секундным снимком запечатлеть ее в сознании. А когда я опомнился от своего ненасытного любопытства — так ты глубоко и верно определила его, — когда я кинулся к аппаратам, было уже поздно.

Она подошла ко мне вплотную. Секунду мне казалось, что она ударит меня по лицу. Но она лишь выговорила сквозь сжатые зубы свистящим шепотом:

— Эдуард, ты пошутил, правда? Так страшно, что ты сказал!

Лишь усилием воли я принудил себя и дальше говорить спокойно:

— Жанна, все было, как я рассказывал.

Она уже верила — и еще не верила. На бледном лице округлились нестерпимо сверкающие глаза. Она пошатнулась. Я сделал движение поддержать ее. Она отшатнулась от меня, как от змеи.

— Убийца! — прошептала она. — Эдуард, понимаешь ли ты это? Ты убийца!

— Убийца! — согласился я. — Что было, то было. Прошлого не изменить.

Я разил безошибочно. Я знал, к чему подталкиваю ее, и не оставлял иного выхода. Отомстить мне действием она не могла. Выход был один: ненависть. Сейчас она заговорит о Рое Васильеве.

— Прошлого не изменить; — выговорила она посеревшими губами. — Ты прав, прошлого не изменить. Но почему не изменить будущее? Ты знаешь, что я сейчас сделаю? Я пойду к Васильеву и расскажу, какие эксперименты ты поставил с Павлом.

Хоть это будет мне утешением — тебя выгонят с Урании, тебе закроют двери в лаборатории. Не видеть тебя! Никогда не видеть!

— Ты этого не сделаешь. Никогда не сделаешь, Жанна!

— Пойду! — иступленно выкрикнула она. — Прямо от тебя — к нему!

— Нет. Ты все же любила Павла. Не верю, что ты надругаешься над его памятью!

Ей понадобилась почти минута, чтобы обрести дыхание на ответ. Ее захлестывало неистовство. Она была готова на все. Но в ее верности Павлу я мог не сомневаться.

— Ты убил Павла, Эдуард, — сказала она наконец. — А теперь измываешься надо мной! Какой честности ждать от презренного убийцы? Но сказать, что я не любила Павла, что я хочу надругаться над его памятью!.. Боже мой, какая низость! Какая низость!

— Я убил Павла, не отрекаюсь. А ты собираешься плюнуть на его могилу. Вот что будет означать твой поход к Васильеву.

Она кинулась на меня. Не знаю, что она хотела: задушить насмерть или только выцарапать глаза? Я схватил ее за руки. Она вырывалась с такой силой, что меня мотало то вправо, то влево. Но я не выпустил ее рук, и она ослабела. Я швырнул ее в кресло. Она опустила голову, громко зарыдала. Я снова заговорил. Дело было не завершено. Надо было забить еще пару гвоздей в гроб нашей былой душевной дружбы.

— Тебе не удастся заставить меня замолчать, Жанна. Я продолжаю. Ты знаешь, что у Павла в жизни была одна цель, одна пламенная страсть: реализовать практически свое великое открытие. Даже любовь к тебе лишь соседствовала с этой страстью, не умаляя ее. Формально Павел был моим помощником, но реально я был его учеником. Я его убил, так уж получилось, но все силы своей души, все свои способности отдам завершению дела его жизни. Пусть мир узнает, каким гением был твой муж Павел Ковальский. Пусть не истлеет он безвестным в могиле! Он заслужил памятник в Пантеоне великих людей человечества. И его воздвигнут, тот нетленно-вечный памятник, если ты не помешаешь. Скажи, скажи мне, Жанна, кому протянул бы руку Павел, если бы мог хоть на минуту встать из гроба: тебе, его возлюбленной, его жене, столько подарившей ему ласк при жизни и столь беспощадной к его памяти после смерти? Или мне, его убийце, его верному ученику, думающему лишь о том, как показать миру величие своего учителя?

Все совершилось, как и должно было совершиться. Поводов для удивления, тем более восторженного, не нашлось: не все во мне Жанна увидела верно, вряд ли в ту минуту последних уговоров мне было легче, чем ей. Она с трудом поднялась, поправила растрепавшиеся волосы, она боялась смотреть на меня, чтобы снова не взорваться.

— Пусть будет по-твоему, — сказала Жанна тусклым голосом. — Я не помешаю завершению опытов. Но ты должен знать: ненавижу тебя! Безмерно, бесконечно ненавижу! Теперь это будет единственной моей отрадой — ненавидеть тебя! Ты просишь моей помощи в лаборатории, я вынуждена помогать, но ненависть не смягчится. Помощь будет, а ненависть останется. Вечно тебя ненавидеть! Боже мой, боже мой! Вечно ненавидеть!

Она ушла, хлопнув дверью. Я должен был сесть, чтобы не упасть, так у меня дрожали ноги. Несколько минут не двигался, ни о чем не думал, ничего не сознавал. Это не было беспамятство, потеря сознания или сон. Врачи, наверно, заговорили бы об остром приступе нервного истощения. Я назвал бы свое состояние острым истощением души, чем-то вроде кратковременной смерти: я был в этом мире — и меня не было.

Придя в себя, я подошел к самописцу пси-поля, подал выход на диаграмму. Все было, как задумывалось. Нервное потрясение Жанны отразилось в дикой пляске кривых, ее гнев — в их пиках и изломах, ее отчаяние — в их падении вниз, почти к горизонту, к зловещей оси абсцисс небытия. Я проверил программу процесса, задал сравнение со старыми записями. Компьютер доложил, что процесс восстановлен на высоком уровне, он идет, как при жизни Павла. Большого и не требовалось.

Теперь оставалось совершить последнее вычисление: сколько мне осталось жить?

7

— Сколько мне осталось жить? — вслух спросил я себя.

В общем, я успокоился, интерес к дате конца был, скорее, академическим, чем практическим. Даже если бы вычисление показало, что жизнь быстро шагает к распаду, это не стало бы теперь поводом рвать на себе волосы. Завершение экспериментов именно таким способом было моим свободным решением, негодовать на себя нелепо. Я только с интересом отметил, что самоубийцы кон-

чают с собой в состоянии аффекта, а у меня аффекта не было, неистовство мутило сознание лишь до решения, страх небытия терзал до внутренне принятого отказа от бытия. Конечно, я не радовался, но и уныние не одолевало. Была даже некоторая удовлетворенность, что найден выход из совершенной, казалось, безвыходности, да практическое любопытство: много ли еще успею совершить всяких не имеющих отношения к эксперименту дел, разных необязательностей, которыми всегда полно наше существование. «Раньше в подобных случаях писали завещания и заверяли их подписями и печатями», — подумал я. И почти весело рассмеялся — раньше не было подобных случаев. Никто, даже после моей гибели, не должен догадываться, что я ее предвидел, — она предстанет случайностью эксперимента, а не его рассчитанным результатом.

Компьютер выдал утешительный расчет: жизни хватало и на дело, и на безделье, можно и всласть выпасться, и разика два погулять по холмам Урании. Я зевнул и потянулся. Желание сна — одно из самых сильных проявлений жизни, но меня, пока я просто жил, на сон не хватало.

— Отказываясь от жизни, можно разрешить себе солидно поспать! — сказал я вслух и засмеялся. Все получалось по любимой формуле: «Мне бывало хорошо, даже когда было плохо».

Я пошел к двери. Неожиданно появившийся на экране Антон задержал меня.

— Эдик, что такое! — заорал он. — Я возмущен, можешь мне поверить!

— Охотно верю, — ответил я. — Ты всегда чем-нибудь возмущен. Что на этот раз вывело из себя Повелителя Демонов? Наверно, взбесил закон сохранения энергии? Или ты по-прежнему недогуешь на таблицу умножения? Или стало непереносимо, что электроны существуют независимо от позитронов?

— Независимо они не существуют, я берусь это доказать. Но меня возмущаешь ты, а не позитроны. Это гораздо хуже.

— Раньше назови мою вину, потом будешь убеждать, что я хуже возмутительных законов природы.

— Твоя вина — в Жанне!

— В Жанне? — На мгновение я растерялся. Все, что связано с Жанной, имело особый смысл. Любое упоминание о ней звучало опасностью.

— Да, в Жанне! В чем же еще, спрошу тебя?

— Повелитель, воля твоя...

— Не прерывай! Я встретил Жанну, когда она возвращалась от тебя. Она уже выглядела поздоровевшей, даже помолодевшей, а ты ее чем-то так расстроил... Я, естественно, спросил, скоро ли она принесет очередную партию пластинок для сепарации воздуха. Она послала меня в преисподнюю и убежала.

— Ты уверен, что у нее не было причин посылать тебя в преисподнюю и без того, чтобы предварительно посетить мою лабораторию? Для Повелителя Демонов...

— Я запрещаю тебе острить! Ты не Чарли, у тебя остроты не получаются. Скажи прямо, чем ты так расстроил Жанну?

Повелителя Демонов надо было успокоить. Его необузданность не грозила непосредственно ходу моих экспериментов, но он мог привлечь внимание к дурному настроению Жанны. Даже такую мелочь следовало предвидеть и предотвратить. Я сказал:

— Мы говорили о Павле. Я наконец показал ей место, где Павел упал. Раньше я боялся это делать. Она плакала, я тоже не плясал. Поводов для веселья не было.

Антон мигом перестроился.

— Понимаю. Будем надеяться, что это последнее потрясение. На время ее надо оставить в покое, пусть она выплачется. Обещаю не торопить с новой партией пластинок, хотя, поверь, они ох как нужны!

Он отключился, и я выбрался наружу. Была глубокая ночь, короткая ночь Урании, прекраснейшая из ночей, какие мне удалось увидеть в жизни. Всего восемь земных часов отвели космостроители на суточное вращение Урании вокруг своей оси. В природной своей первозданности планета вращалась еще быстрее, ее прежнее шальное кружение замедлили чуть ли не вчетверо. Первые поселенцы жаловались, что не успевают от заката до восхода Мардеки сосредоточиться ни на одной толковой мысли; а быстрый бег дневного светила по небосклону вызывает головокружение. И при нас старожилы ворчали, что космостроители могли бы расстараться и на большее, мол, ночь осталась такой короткой, что не успеваешь перевернуться с одного бока на другой, как уже пора вставать. Мы, новое поколение исследователей, не предназначали ночи для сна, бывало, не спали и по неделям — драгоценное время не стоило тратить на такое примитивное занятие, как сон. Зато если выпадал спокойный часок, мы торопились на торжество звездной ночи. «Ты — своя собственная обсерватория», — шутил обо мне Чарли, изредка соглашаясь на совместные прогулки. «Ты восторженный созерцатель, ты всему радостно удивляешься», — сказала сегодня

Жанна. В отличие от Чарли, ни ее, ни, тем более, Павла мне ни разу не удалось уговорить полюбоваться праздником звезд. У них была иная радость — побыть лишним раз друг с другом. Звезды им не требовались.

Выйдя из научного городка, я зашагал по темной равнине. «Дойду до изгиба реки и поверну назад», — сказал я себе. Я шел не торопясь, и небо двигалось мне навстречу. Быстрое вращение планеты добавляло своей красоты в ночное колдовство. Звезды неплыли, как на Земле, они торопились, не шествовали друг за дружкой, а — казалось глазу — стремились одна другую обогнать. Силуэты созвездий менялись: расплывчатыми выплывали из-за горизонта, сжимались, становились четкими в зените, снова расплывались, рушась за горизонт. Пока я шел до речки, небо стало другим. «Оно еще раз изменит свой облик, когда я вернусь», — думал я растроганно.

На долинки и холмы лился серебристый свет, близкие окрестности выступали отчетливо. Урания не имеет спутников, но ночи и без лун полны сияния. Повелитель Демонов утверждает, что при свете звезд он свободно читает старинные книги. Возможно, это правда, но я и днем не видел Антона с книгами, он черпает свои знания из пленок, а не из книг. И сотни раз прогуливаясь по ночным просторам, я ни разу не встречал на них Чиршке.

Вот и сейчас я был, вероятно, один на всем обширном ночном пространстве планеты. Я шел и шел — никто не приближался ко мне, никого я не видел.

Я постоял у речного обрыва. По воде плыли сияющие жгуты: каждая звезда, поднимаясь на небо, торопилась прочертить след своего небесного пути. Выбрав самую яркую звездную ниточку, я любовался ею: расплывчатая, очень длинная — через всю реку, — она сжималась, сияла все ярче, пока звезда карабкалась вверх, а там, в зените, линия превратилась в пылающую точку. Всю поверхность воды среди сотен живых, меняющихся полос и жгутов усеяли такие неподвижные сверкающие точки. Я наслаждался водным отображением звезды, а когда она двинулась из зенита вниз и точка снова растянулась в расплывающуюся и тускнеющую ниточку, я оторвался от реки и пошел домой.

Впервые за много коротких ночей Урании, за долгие часы лабораторных бдений я, отрешенный от суетных мыслей, крепко и сладко спал на своей кровати примитивным сном предков, не ведавших ни антиморфена, ни радиационного душа, ни острой

необходимости жертвовать необязательным сном ради настоящего бдения. И проснувшись к концу следующего дня, я удовлетворенно сказал себе:

— На жизнь мне отпущено семь дней. Для завершения эксперимента хватит пяти. Процесс идет автоматически.

Процесс шел автоматически, это вернее. Но, как вскоре выяснилось, не было ни семи дней, предоставленных на жизнь, ни даже пяти. С экрана меня вызвал Чарли. Еще никогда я не видел его столь расстроенным.

— Приходи ко мне, Чарли, — сказал я. — Поверь, мне нельзя оторваться от аппаратов.

— Оторвись! Когда ты около своих механизмов, с тобой не поговоришь.

На его двери горел красный глазок, запрещающий вход. Ко мне он относиться не мог.

Я вошел не постучав. Чарли ходил по своему большому кабинету, как волк в клетке. Он молча показал рукой на кресло, но я присел на подоконник. В окне творился очередной закат Мардеки. Мне недолго оставалось любоваться закатами, этим тоже не удалось. Чарли раздраженно, совсем как Антон, крикнул даже голоса у них стали похожи, раздражение подавило все иронические интонации, столь обычные у Чарли):

— Слезай с подоконника! Скоро у тебя будет вдосталь времени обсервировать красоты Урании и без того, чтобы делать это из моего окна.

Я знал, что именно этого-то и не будет — времени для любования красотою Урании из какого-либо окна, ибо время для меня вскоре кончится. Тем не менее, сел в кресло и вопросительно поглядел на Чарли. Он продолжал ходить и на ходу говорил:

— Проклятый Рой нанес-таки нам удар! Энергетики нажимают на него, он поддался. Он дает разрешение на доставку с Латоны сгущенной воды. Энергетики обещают отменить ограничения в использовании энергией.

— Ты считаешь это ударом?

— Ударом, и почти смертельным, если мы с тобой не восстанем. Условием для получения воды Рой поставил прекращение всех работ по трансформации времени. Ибо ему, видишь ли, неясно, как конкретно произошел на энергоскладе сдвиг времени в обратную сторону. Он опасается, что и с новой цистерной сгущенной воды произойдет такая же катавасия. Он со всем своим зем-

ным изяществом так и выразился — «катавасия!..» Удивительно точный язык для знаменитого космофизика!

— Но ведь и на самом деле точно неизвестно, каким образом волна обратного времени достигла энергосклада, — осторожно заметил я. Не мог же я показать Чарльзу Гриценко, что знаю о причинах взрыва гораздо больше, чем он...

— Да, разумеется, мы далеко не все понимаем. Но какое это имеет значение? В свой час попытаемся и подробностей. Сегодня важно одно: такая волна была, ее генерировал Павел Ковальский, она вызвала взрыв. А Павла Ковальского больше нет, волны обратного времени никто не генерирует, опасностей для энергосклада, к тому же ныне отнесенного далеко от наших лабораторий, не существует. Я рисую ситуацию неправильно?

— Правильно рисуешь. Уверен, как и ты, что условия для новой катастрофы полностью отсутствуют.

— Так почему, тысячу раз черт его подери, Рой Васильев отказывается это понять?

— Спроси у него самого.

— Уже спрашивал. Он притворяется дурачком. Разводит руками — не физически, а фигурально, с этакой наукообразной грацией: доказательства неубедительны, ситуация остается темной, мои, мол, мозолистые мозговые извилины не способны разобраться во всех тонкостях вашей хронистики.

— Так прямо и высказывается?

— Не прямо, а криво! Придумал новый тип аргументации. Нас учили, что «ульtima радио» логики — доказательство от абсурда. А у него — доказательство от невежества. Аргументирует своим невежеством! А за его невежеством стоят обширные полномочия. Все могу понять, одного не понимаю: как Альберт Боячек, наш светлоразумный, наш пронизательнейший президент Академии наук, мог снабдить этого Роя Васильева таким солидным мандатом!

— Что собираешься предпринять?

— Завтра вылетаю на Латону, оттуда на Землю. На время моего отсутствия директором Института Экспериментального Атомного Времени назначаю тебя. Продолжать борьбу с Роем Васильевым будешь ты. Тебе понятны твои задачи?

— Мои задачи мне понятны. Мне непонятно, что ты собираешься делать на Земле.

— Буду стучать кулаком по всем начальственным столам! Схвачу мудрого Боячека за его старческое горло, вытряхну душу из этого милого человека.

— А если по-серьезному?

— По-серьезному? Буду доказывать, что эксперименты с атомным временем слишком важны для науки, чтобы так безапелляционно их запрещать. Думаю, в Академии наук к моим аргументам прислушаются больше, чем к безграмотным велениям какого-то дознавателя. О чем ты так напряженно думаешь? Откажись хоть разок от привычки многозначительно молчать! Надеюсь на твою полную откровенность.

Полной откровенности я не мог себе разрешить. Но на многие просчеты Чарли указал. Я напомнил, что еще недавно он предвидел пользу вызванного аварией дополнительного внимания к работе института. Пользы не получилось, ожидается вред. Он думал, что доказав правильность гипотезы обратного времени, заставит Роя удовлетвориться этим объяснением аварии. Рой пошел дальше, он, судя по всему, основательно напуган возможностями, какие таятся в искусственном изменении тока времени. Теперь Чарли делает новую ошибку. Конечно, он докажет Боячку важность хроноэкспериментов. Это тем проще, что Боячек и не сомневается в их важности. Разве тот факт, что Чарльза Гриценко, физика, создавшего первый в мире трансформатор времени, единогласно избрали в члены Академии наук, и Боячек после голосования публично объявил: трудами нового академика открывается особая глава в изучении природы — создается новая наука хронофизика, — разве это не свидетельствует о признании важности наших работ? Но Чарльз Гриценко, академик и директор Института Экспериментального Атомного Времени, любитель парадоксов и острот, человек, умеющий ко всякому несомненному факту немедленно подобрать другой несомненный факт, ставящий под сомнение несомненность первого, этот блестящий софист и столь же блестящий экспериментатор, этот наш общий друг Чарли почему-то упорно закрывает глаза на то, что всеми понимается не только важность, но и опасность любых искусственных изменений хода времени.

— Я ни в одном пункте не отошел от утвержденной на Земле тематики наших работ! Будь справедлив ко мне, Эдуард!

— Буду справедлив. Не отошел от утвержденной тематики, все верно. Но сама эта утвержденная тематика оказалась такой опасной, что колебались, можно ли ее выполнять на Урании, далекой от Земли планете, специально оборудованной для сверхопасных работ. Разве не изучали предложение оборудовать вторую планетку, подобную Урании, и передать ее одному тебе? И разве не ты убедил не делать этого, ибо тебе не терпелось поскорей раз-

вернуть исследования? Вспомни, что ты говорил: работы наши, конечно, опасны, но вряд ли опаснее творений биоконструкторов. Те способны выпустить в мир искусственно созданные смертоносные бактерии, новых гигантских цератозавров, всякое невиданное зверье, перед которым земные тигры — что божьи коровки перед осой, — в общем, тысячи рукотворных, биологически реальных демонов зла. А мы, хронофизики, и близко не коснемся таких страхов. Так ты говорил, верно? А что получилось? Погиб Павел Ковальский, прекрасный человек, великолепный экспериментатор. И только счастливая случайность, что все мы в тот миг сидели в своих сверхэкранированных казематах, именуемых лабораториями, только эта случайность предотвратила гибель еще десятков, если не сотен людей. Так с кем посчитаются теперь на Земле? С тобой или посланцем Боячека Роем Васильевым? Не надейся, что Земля отменит распоряжение Роя, она его подтвердит. Ты предлагал нам уступать, но не поступаться. Ты поступишься всем. Знаешь, чего ты добьешься? Что возвратятся к предложению, которое ты когда-то уговорил снять: станут спешно выискивать другую планетку для наших работ. А все те годы, которые понадобятся для ее оборудования, мы будем поплевывать в потолок или прогуливаться по равнинам Урании. Если нас, конечно, не отзовут на Землю, чтобы поручить совсем иные исследования.

— Проклятый молчун! — с досадой сказал Чарли. — Сто лет держишь рот на замке, но если заговоришь!.. Так что же делать?

— Просить Роя отменить свой запрет. Объяснить ему ситуацию так, чтобы он взглянул на нее нашими глазами. Все иное неэффективно.

Чарли, шагая по кабинету, с минуту размышлял.

— Согласен. Надо опять идти к Рою. И немедленно. Поднимайся, отправимся вместе.

— Нет, — сказал я. — К Рою пойдет один человек. Этот человек — я. Ты останешься у себя.

Чарли выглядел таким удивленным, что я едва не рассмеялся, хотя мне было не до смеха.

— Ты слишком волнуешься, Чарли, — продолжал я. — И ты увлекаешься собственной аргументацией. Боюсь, на педанта Роя это действует плохо. Доверь переговоры мне.

Чарли принимал решения без долгих колебаний.

— Иди один. Если ты переубедил меня, то с ним будет проще: все же не переубеждать, а убеждать. Превратить его дремучее невежество хотя бы в еле брезжащий рассвет знания.

— Та самая простота, которая хуже воровства, — ответил я в его стиле, и он захохотал: реплика отвечала обстановке.

От института до гостиницы было метров пятьсот, но я потратил на них полчаса. Уверенность, с какой я разговаривал с Чарли, вдруг испарилась. Убедить Роя я мог только исповедью, а не вывязыванием цепочки аргументов. На исповедь я не пошел бы ни к Жанне, ни к Чарли. И я не был уверен, что скорбная откровенность подействует на сухого землянина. Что, если и последняя моя отчаянная попытка спасти процесс будет напрасной? Нужно тысячу раз подумать, сотни раз взвесить все «за» и «против», прежде чем постучать в дверь Роя. Я шел, останавливался, стоял — ни одной мысли не возникало в голове, — снова шел. Меня вела неотвратимость.

На двери Роя горел зеленый глазок: он был у себя и не запрещал входа. Я постучал и вошел. Рой стоял у окна. Он сделал шаг ко мне и показал рукой на кресло. Ни на лице, ни в голосе его не было удивления. Он очень спокойно сказал:

— Хотя и поздно, но вы пришли!

8

— Хотя и поздно, но вы пришли! — повторил он, усаживаясь против меня.

— Почему поздно? — Это была единственная возникающая мысль, и я высказал ее, ибо надо было что-то сказать. И, еще не закончив, сообразил, что начать следовало не так.

Но Рой, похоже, не нашел в моей реакции на его слова ничего странного. Возможно, именно такого начала беседы он и ожидал.

— Почему поздно? Мне кажется, вы это должны понимать. Вам лучше было прийти до того, как я наложил запрет на все работы с трансформатором времени. Не появилось бы протестов у ваших коллег.

— Да, пожалуй, так было бы логичней, — согласился я и удивился тому, что он сказал, и тому, что я ответил. Так можно было говорить только после исповеди, а я еще ни в чем не повинился.

Рой смотрел пристально, но без настороженности и отстраненности, раньше я видел в его глазах только эти два настроя: настороженность и осязаемое, как рукой, отстранение. Он знал, с чем я пришел, — не конкретные факты, конечно, но мою готовность искренне поведать о фактах. И я ответно на его знание знал, что ничего теперь не утаю. И, понимая это, я понял, что и мне

предоставлено право требовать ответа на мои недоумения и что лучше мои вопросы ставить сразу. Я начал так:

— Рой, разговор наш будет не из легких, для меня, по крайней мере. И я хотел бы, чтобы раньше разъяснились некоторые ваши странности. Почему вы еще в аэробусе выделили меня среди других? Вы не знали, кто я, какая связь между мной и взрывом, ваши глаза невозмутимо обегали наши лица, ни на ком не задерживаясь, а на мне задержались. Ваш взгляд словно споткнулся, когда упал на меня. Не знаю, заметили это другие или нет, но я не мог не заметить. Скажу больше: я содрогнулся. Надеюсь, мой вопрос не показался вам нетактичным?

Рой вопрос показался естественным. Он отвечал с исчерпывающей обстоятельностью. Чарли, тоже поклонник обстоятельности, выдал бы ответ в форме деловой справки, присоленной для оживления остротой, приперченной неожиданным парадоксом. У Роя была иная манера: он преобразовал ответ в исследование, представил мне продуманную концепцию, как я выгляжу при первом знакомстве и какие мысли порождает даже случайный взгляд, брошенный на меня. Он выделил меня среди прочих пассажиров аэробуса потому, что я сам выделился. Все пассажиры просто смотрели на него, а я всматривался, я изучал, размышлял о нем. То, что это настойчивое изучение и что оно отражает какую-то важную мысль, Рой понял сразу. И, поняв, заинтересовался мной, а заинтересовавшись, удивился, а удивившись, сам стал размышлять обо мне. Я непрерывно менял выражение лица и позу: то мрачнел, то светлел, то замирал на сиденье, то вдруг нервно дергался — таким я увиделся ему в аэробусе. Все это явно шло изнутри, не от реплик пассажиров и Роя, а от собственных мыслей. «Каких мыслей? — спросил себя Рой и ответил: — Тех, которые возникли в этом молчаливом человеке вследствие того, что я прибыл на Уранию и сейчас сижу перед ним. Стало быть, он, этот уранин, крепче всех связан с трагедией, и самого точного анализа происшествия я должен ждать от него». Рой вполне укрепился в таком убеждении, прежде чем аэробус оказался перед гостиницей.

— Я вскоре узнал, кто вы такой, узнал о гибели вашего помощника Павла Ковальского, — продолжал Рой. — Ваш приход ко мне становился необходим. Я ожидал, что вы потребуете, чтобы я принял вас раньше всех. Но вы не торопились. Это было странно. А потом явились вместе с Чарльзом Гриценко и позволили ему вести всю беседу. Объяснить ваше настороженное молчание особым почтением к своему начальнику я не мог, у вас с ним

отношения свободные, вы, я заметил, иногда так на него огрызаетесь, что на Земле это сочли бы развязностью. Вы предоставили ему привилегию разговора, ибо боялись что-то выдать каким-нибудь неосторожным словом. Ваше молчание шло от предписания себе молчать. И тогда я захотел показать вам, что понимаю вашу задумку, — стал демонстративно игнорировать вас, повернулся к вам спиной. Я был уверен, что вы встревожитесь и чем-либо выдадите себя.

— Вы не ошиблись: я встревожился. Но я не выдал себя.

— Упорно сохраняемым молчанием вы подтвердили, что таите секрет. И я подумал, что секрет этот, видимо, нельзя открыть директору института, а ведь вы пришли с ним.

— Правильный вывод. Я не мог поделиться известной мне тайной с Чарльзом Гриценко.

— Но если вы хотели рассказать ее мне, вы должны были потом прийти сами. А вы не шли. Я вызвал Жанну Зорину. Она поведала немало интересных фактов о себе, о Ковальском, о вас. Но тайны она не раскрыла. Если она и знает ее, то сумела сохранить при себе.

— Она знает лишь часть тайны, и я умолял ее даже намеком не касаться этого. А всего она не могла бы вам поведать, если бы и захотела.

— После разговора с ней я окончательно утвердился, что только вы можете пролить свет на причины взрыва. А вы по-прежнему не шли. Это означало, что вы хотите сохранить секрет. Ради чего? Загадка взрыва, несомненно, связана с вашей лабораторией, стало быть, ваша цель — продолжать исследования, как прежде. И тогда я объявил о запрете экспериментов с трансформацией атомного времени. Основание достаточное, хотя друг Чарльз его запальчиво оспаривает: его собственная теория обратного хода времени указывает на возможность новых катастроф. Перспектива закрытия вашей лаборатории подействовала — вы пришли. Теперь я слушаю вас.

Он слушал, я говорил. Порой он врывался репликами в мою долгую речь. Я отвечал и снова вывязывал невеселый рассказ.

Все началось с того, объяснил я, что Чарльз Гриценко доказал возможность изменения скорости времени и построил первый в мире трансформатор, позволяющий менять его течение в атомных процессах. Это было великое открытие, таким его и восприняли на Земле. На Урании выстроили специальный институт для хроноэкспериментов. Чарли пригласил меня на Уранию, мы с ним

друзья еще со студенчества. Я возглавил лабораторию хроностабилизации — тематика прямо противоположная той, какую исследовали в других лабораториях института, там ведь доискивались, как время изменить, а не стабилизировать. С Земли прилетел Павел Ковальский, Чарли направил его ко мне. Павел, молодой доктор наук, мой давний знакомый, специалист по хронофизике — дисциплине, созданной, в основном, трудами Чарли, — привез отличную характеристику: широкообразован, умело экспериментирует, годен для выполнения сложных заданий. Павел не оправдывал своей характеристики, он был гораздо выше ее. В характеристике не было главного: Ковальский всегда шел дальше задания. Он был ненасытен в научном поиске. Я долго не понимал, почему Чарли определил Павла в мою лабораторию, у меня ведь трудно совершить открытие, задача у нас — поддерживать постоянство, а не выискивать чрезвычайности. Я попенял Чарли, что он не уловил научного духа Павла. Чарли ответил:

«Полностью уловил, поэтому и направил его к тебе. Хочу вытравить из Павла этот самый дух чрезвычайности. Лучше это делать у тебя».

«Чарльз Гриценко в роли душителя научной инициативы — зрелище если и не для богов, то для дьяволов!» — воскликнул я со смехом. Кто-кто, а уж Чарли не из тех, кто глушит научную инициативу.

«Стремление всегда совершать открытия — не научная инициатива, а научная халтура! — выдал Чарли очередной парадокс. — Настоящий ученый — изучает. Халтурщик — ошеломляет. Наша задача сегодня — изучить закономерности тока времени, а не выламывать его в циркаческих трюках».

«Я раньше думал, что развитие науки идет от открытия к открытию, — сказал я, — что великие открытия — ступеньки подъема науки и что гении научной мысли...»

«Гении, гений! — прервал он сердито. — Гений доходит до открытия в результате великого постижения проблемы. Он планирует для себя понимание, а не открытие. Павел не гений. Его жадное стремление к необычайности неизбежно вырождается в поверхностное пустозвонство. Его так и подмывает работать на публику, а не на науку!»

Кое в чем Чарли был прав, но в одном ошибся. В Павле гнезился гений, а не халтурщик. Он вышел за грань стабилизации времени ради интереса узнать, что там, за межой, а не для того, чтобы ошеломить заранее ожидаемой неожиданностью. Он был

ненасытен именно к пониманию, всей натурой заряжен на изучение. Объяснять это Чарли было бы пустой тратой времени. Чарли составил о Павле свое твердое мнение, и никакие уговоры не заставили бы его изменить свою позицию. Аргументом могли быть только реальные результаты, а не слова.

В моей лаборатории Павел скоро поставил опыт на себе. Он сделал это тайно, не только Чарли, но и я не разрешил бы столь рискованных экспериментов. И опыт увенчался блистательным успехом. Павел совершил воистину великое открытие, даже не одно, а два.

— И тогда впервые поделился с вами, чем втайне занимался? — вставил реплику Рой.

Так и было, подтвердил я. Павлу захотелось узнать, можно ли воздействовать трансформаторами атомного времени на биологические процессы. Еще Чарли установил, что в атомной области выход в прошлое имеет нижний и весьма близкий предел — в дальние древности не уйти. Зато выход в будущее не имеет границ. Идея Павла звучала просто. Биологические системы, в отличие от неорганики, с которой оперировал Чарли, построены иерархически. В мертвой материи изменение времени отдельных атомов мало влияет на соседние. Взять кусок гранита, перебросить половину его атомов на тысячу лет вперед или тысячу лет назад — что изменится? Миллионы лет назад этот кусок гранита был гранитом, миллионы лет спустя будет гранитом. А в биологических системах изменение времени какого-нибудь управляющего центра в мозгу немедленно отзовется на всем организме. Перебросьте тысячу важных нейронов мозга в будущее, отодвиньте их в прошлое — весь организм испытает потрясения. Центр управления организмом, искусственно переброшенный в будущее, властно потянет в будущее всю подчиненную ему биологическую систему — все процессы ускорятся, организм как бы заторопится жить, зато и старение наступит скорей. А затормозив ток времени, мы замедлим пребывание организма в его настоящем, законсервируем его «сейчас», хотя вокруг все будет идти вперед, в свое будущее.

— Что-то вроде этого я читал в старинных книгах по фантастике, — сказал Рой. — Не вижу пока, какие открытия совершил Павел Ковальский. Вы говорили даже о двух.

Да, речь идет именно о двух открытиях. Первое состояло в доказательстве того, что ток обратного времени в биологических системах возбуждается легче, чем в неорганических. Не остановка времени, не консервирование наличного «сейчас», а реальный уход

в прошлое, до полного обращения в ничто. Иначе говоря, омоложение до уничтожения. Ибо развитие организма всегда ограничено двумя близкими пределами: моментом рождения и моментом смерти, он может балансировать только между этими двумя межами. И его движение в узких границах жизни — процесс автоматический. Все, что рождается, должно умереть. Можно замедлить поступательный ход к естественному концу, но нельзя его отменить. Все это укладывалось в хронобиологические уравнения Чарли. И вот Павел установил, что обратный ход из искусственно возбужденного неминуемо превращается в автоматический. Уход назад, в прошлое, становится столь же естественным, как движение вперед, в будущее. Стабилизация настоящего, вечное пребывание в «сейчас» практически неосуществимы. Малейший толчок — и возобновится ход времени вперед, к привычному концу, или назад — к началу, которое в этом случае станет и концом. Таково было первое великое открытие Павла.

— Иначе говоря, никакой старик, впадая в детство, на стадии юности не задержится, — прокомментировал мое сообщение Рой. — Открытие довольно грустное. Хотя, конечно, забавно было бы поглядеть со стороны, как старец растет — можно применить такой термин? — в молодого мужчину, потом в юношу, потом в отрока и младенца... Что будет дальше? В конце, который был когда-то началом?

— Старец на каком-то этапе просто погибнет. В зародыш не превратится, ведь обратное развитие совершает он один, матери ему не возвратят. Повторяю, открытие Павла состояло не в грустном признании невозможности омоложения, а в том, что сам этот процесс непременно становится автоматическим, независимо от того, как вы его возбудили.

— Понятно. Слушаю второе открытие Павла Ковальского.

Второе открытие, говорил я, в том, что Павел нашел удивительную возможность стабилизировать обратный ход времени, то есть опроверг пессимизм теории Чарли и своих собственных доработок. Надо лишь подстраховать один организм другим. Если связать их взаимодействующим психополем, то получится нечто вроде психологического диполя. И тогда уход в прошлое одного организма вызовет ускоренное движение в будущее другого. При чем первый противоположным ходом своего времени будет тормозить ускорение второго. Психополе сыграет роль амортизатора. И чем сильнее будет душевное родство, тем безопаснее станут любые хроноэксперименты.

Дойдя в своих изысканиях до этого вывода, Павел поделился им со мной. Я ужаснулся, говорю без преувеличения и наигрыша. Переносить куда менее опасные опыты с трансформацией атомного времени минералов на хрупкое, недолговечное время биологического существования было больше чем рискованно — недопустимо. На меня давили страшные прогнозы хронотеорий Чарли, я не смел подвергнуть их сомнению. В такой форме я и высказал свое отношение. Павел в ответ вдохновенно предложил мне составить с ним психодиполь. Он всегда выглядел вдохновенным. Вдохновение усиливало силу его аргументов. Да, конечно, никто не даст разрешения на хроноэксперименты с организмами, соглашался он. Но почему нам самим не выдать себе такое разрешение? Ведь мы ставим опыты над собой, никого не привлекаем к опасному сотрудничеству. Каждый имеет право сделать с собой что вздумается: жить, влюбляться, ненавидеть, тосковать. Кто посмеет крикнуть самоубийце: «У тебя нет формального права лезть в петлю!»? Кто объявит юноше: «Мы официально запрещаем тебе влюбляться!»? Кто придерется: «Ты любишь стихи, а есть ли у тебя юридическое обоснование любви к стихам?» Человек одарен свободой воли, свобода воли дает право делать с собой все, что не ущемляет права других людей. Этого единственного ограничения мы не нарушаем. Стало быть, наш поиск правомочен. Мы свободны в любом обращении с собой. Права на эти эксперименты мы ни у кого не должны выпрашивать. И никого не обязаны о них информировать.

Так он настойчиво уговаривал меня, и я стал поддаваться. Проблема была захватывающе интересной. Но я не мог пойти к Чарли за разрешением на новый поиск, он бы не только категорически запретил этот эксперимент, но и немедленно убрал бы от меня Павла, чтобы оборвать соблазн в зародыше.

— Жанна Зорина утверждает, что главные черты вашего характера — любопытство и удивление всему, что порождает ваше любопытство, — заметил Рой.

Так мы с Павлом составили первый психодиполь, продолжал я. Крепость общего пси-поля была невелика, но мы и не отваживались на глубокие колебания времени. Вскоре мы установили — это было уже нашим общим открытием, — что колебания нашего физиологического времени относительно центра диполя несколько запаздывают по сравнению с общим временем на Урании. Колеблясь то вперед, то назад, наше биологическое время замедлялось в общем поступательном движении вперед. Мы то «микромолоде-

ли», то «микростарели», а в результате старели медленнее, чем другие жители Урании. Павел ликовал. Пусть это не омоложение, поскольку омоложение выйдет из-под контроля и превратится в губительный автоматизм, утверждал он, но замедление старения — несомненно. Продление человеческого века — вот что дает нам психодиполь. Скоро, скоро мы объявим миру о нашем успехе, вытребуем официальное разрешение на дальнейший поиск и создадим свою особую лабораторию. Он даже придумал название для нее: «Лаборатория продления жизни путем дипольного регулирования физиологического времени».

И тут в нашей лаборатории появилась Жанна Зорина. Энергофизик по образованию, она на Земле считалась хорошим специалистом по сгущению воды и на Урании должна была помочь местным энергетикам в использовании этого энергоемкого топлива. Она участвовала в монтаже «трехмиллионника», все прошло отлично, ведь обращение с энерговодой много проще, чем с углем и нефтью, проще даже, чем с ядерными аккумуляторами. Наши энергетики могли управиться и без нее, но все же это был «трехмиллионник», таких мощностей в одной цистерне земные заводы еще не выпускали. Для транспортировки и монтажа применили новые антигравитаторы, вот с ними-то и знакомила нас Жанна.

— Та самая цистерна, что взорвалась? — спросил Рой. — За три года пользования вы израсходовали один миллион тонн, верно?

Я подтвердил: та самая цистерна, выработанная на треть. После монтажа Жанна хотела вернуться на Землю, но за нее ухватился Антон Чиршке. Повелитель Демонов узнал, что она изучала прозрачные стали, сверхпрочные пластики и прочие материалы высоких структур. Для восстановления его пористых пластинок такой специалист был даром фортуны. Институту Времени тоже требовались знатоки высокоструктурных материалов, и мы уговорили Жанну остаться. При первой же встрече с ней — я пошел с Антоном — Жанна меня покорила.

Вот так и получилось, что я влюбился в Жанну. Мы начали встречаться и в нерабочее время, гуляли по пустынным равнинам Урании, с крутых берегов Уры наблюдали красочные закаты Мардеки. Я рассказывал Павлу о встречах с Жанной, он равнодушно слушал — его не интересовало, в кого я влюбляюсь. Однажды Жанна побывала в нашей лаборатории. После ее ухода Павел сказал мне:

«Эдик, я удивлен. Самописец вел запись колебаний нашего с тобой пси-поля. Так вот, в присутствии Жанны диполь практически не функционировал. Зато прибор зафиксировал колоссальную душевную связь между тобой и Жанной. Что бы это значило, Эдик?»

Я шутливо ответил, что наши приборы заново открывают то, что в древности было ведомо каждому парню и девушке, и слыхом не слыхавшим о психофизике. Любовь сильнее дружбы — вот что означает запись прибора. Если бы я знал, какие следствия вызовет мое объяснение, я остерегся бы откровенничать с Павлом, не стал бы больше приглашать Жанну в лабораторию. Но она продолжала бывать у нас. Павел какое-то время держался спокойно, а потом — взрывом, словно пробудившись от сна безразличия, — повел на нее наступление. Он бесцеремонно оттеснил меня, встречал и провожал Жанну, старался всецело завладеть ее вниманием. И он не постеснялся сказать мне, что уж если наш с ним психодиполь ослабел и не годится для хроноэкспериментов, то он заменит его гораздо более активным — своей собственной душевной связью с Жанной. Наступление Павла оказалось успешным. Они стали мужем и женой.

— Судя по вашему рассказу, его любовь была заранее запрограммированной операцией, — сказал Рой. — В ней не было искренности. В общем, любовь, которая, собственно, и не любовь. Что вы качаете головой?

Я ответил, что Павел заранее запрограммировал любовь к Жанне, но от этого она не стала неискренней. В программу, заданную им себе, входило все, что делает любовь любовью. Павел влюбился в Жанну душой и телом — беззаветно, страстно, беспредельно... И она ответила тем же. Они годились в герои древних романов о трагической любви. Я говорю «трагической», потому что сила их взаимной любви и привела Павла к гибели. Он и не подумал прекращать хроноэксперименты. Душевная связь, превратившая их с Жанной в одно психическое целое, открывала такие возможности для опытов, какие никогда не могли возникнуть при нашем с ним психодиполе. Павел без колебаний продолжал с Жанной исследования, для которых вначале использовал меня. А мне отныне была отведена роль стороннего наблюдателя — «неистового обсерватора», как пошучивает обо мне Чарли, — всего того вдохновенного безрассудства, какое позволял себе Павел. Жанна говорит, что я всему удивляюсь, всем восхищаюсь. Павел ту же мысль высказал короче и бесцере-

моннее: «Смотри и учись, но Боже тебя упаси помешать! Наблюдения фиксируй, потом разрешаю докладывать!»

— Странные взаимоотношения! — заметил Рой. — Насколько я знаю, начальником лаборатории были вы, а не он.

Начальником лаборатории стабилизации атомного времени был, конечно, я, но душой тайных экспериментов по хронофизике являлся Павел. И вообще на Урании, разъяснил я Рою, должностную иерархию не культивируют. Мы безоговорочно подчиняемся Чарльзу Гриценко, академику, директору института, создателю научной школы хронофизиков, но в личных отношениях с ним — свобода, немыслимая на Земле. Итак, Павел исследовал психодиполь, созданный его душевным единением с Жанной. Первые месяцы он не торопился переходить от этапа к этапу. «Ставлю эксперимент в полной чистоте», — так он характеризовал свои опыты. В понятие чистоты эксперимента входило, например, и то, что он не захотел детей.

«Ребенок — это третий полюс, — объяснил он мне. — Проблема трех душ в психохронистике столь же трудна, как проблема трех тяготеющих тел в астрономии. Не вижу пока, как эту трудность преодолеть. О детях мы подумаем, когда завершим эксперименты. Это будет нескоро».

К важным достижениям первого периода относилось окончательное подтверждение общего замедления биологического времени при колебаниях психодиполя. То, что давал наш с Павлом диполь, его единение с Жанной увеличило многократно. Оба они, Павел и Жанна, не молодели, естественно, но их старение совершалось куда медленней, чем общее старение людей на Урании или на Земле. Мы установили, что мои с Павлом хроноэксперименты продлевали нашу жизнь на 4–5 лет, а такие же эксперименты с Жанной продлят им существование на 15–18 лет.

«Любовь — великий замедлитель старения! Любовь — великий стабилизатор жизни! — ликовал Павел. — Люди знали об этом с тех пор, как почувствовали себя людьми. Но только мы доказали это с точностью количественного закона природы. Отныне среди других законов физики в институтах будет изучаться теория физического поля любви. Ты представляешь себе, друг мой Эдик? Математические уравнения нежности, интегралы ревности и страсти, потенциалы свиданий и разлук. Бурные эмоции и глухие томления души на языке логарифмов и матриц! Каково?»

Он приложил свое новое понимание к одному давно известному факту. Еще наши предки заметили, что супруги, долго

прожившие вместе, к старости становятся очень похожими. Резкие отличия внешности ослабляются, муж и жена на склоне лет выглядят как брат и сестра. Павел утверждал, что причина такого увеличивающегося с годами внешнего сходства в хроноколебаниях психодиполя. Супруги обмениваются не только ласками и придирками, радостями и заботами, но и своим индивидуальным временем, а физиологическое время определяет жизненные функции едва ли меньше, чем изначальная генопрограмма организма.

«Ручаюсь, что у таких состарившихся в единстве супругов и продолжительность жизни больше, чем у одиноких или мало связанных душевно людей, — говорил он. — Мы доказали продление жизни в искусственном эксперименте. Но жизнь — тоже хроноэксперимент, только естественный, медленный. Принципиальные закономерности одни и те же!»

Так прошло несколько месяцев. Любовь служила эксперименту. Но мало-помалу возникла и новая закономерность: эксперимент стал служить любви. Я первый заметил зловещую новизну. Мое двусмысленное положение — друга Павла и его отвергнутого соперника — не позволяло мне сразу поднять тревогу. Опыты действовали на них весьма странным образом, оба выглядели потом как бы не в себе. Павел, начав с небольших хроноколебаний, осторожно увеличивал их размах. Я контролировал процесс, не допуская выхода за границу физической безопасности.

Появления опасности психической ни я, ни Павел не предвидели. После завершения каждого хроноколебания Павел и Жанна описывали свое состояние, а я фиксировал их информацию. Однажды Жанна со смехом рассказала:

«Сначала я почувствовала себя в полете. Я мчалась среди звезд. Вселенная вращалась вокруг меня, а я чувствовала, что диковинной рыбой в море космоса уношусь в будущее».

Павел захохотал, его восхитило красочное видение. А я содрогнулся. Я понял, что колебания времени действуют наркотически.

Вскоре видения появились и у Павла, он с наслаждением расписывал их. Он еще изучал физику хроноколебаний, но его все больше привлекал «побочный продукт эксперимента», так он радостно именовал возникающий у него и Жанны бред. Они отдавались сладкому дурману, попеременно то микростарая, то микромолодая. Наступил момент, когда порождение галлюцинаций стало главной целью эксперимента, а его побочным продуктом — физический смысл процесса. Павел все усиливал размах

хроноколебаний, ему хотелось глубже вторгаться в будущее, дальше уноситься в прошлое. Я начал спорить. Я говорил, что он опасно увеличивает амплитуду, может появиться неконтролируемый автоматизм в колебательном процессе. Он успокаивал меня: «До автоколебаний не дойдет, стабилизаторы вполне надежны». Я видел, что ресурсы механизмов на пределе, но убедить его не мог. Оба они, как на качелях, раскачивались между прошлым и будущим. Однажды мне показалось, что наступает автоколебание, и я прервал процесс. В нормальном состоянии Павел проанализировал бы обстоятельства перерыва, но он был в наркотическом трансе. Вы знаете, что происходит, когда наркомана насильно выводят из транса? Павел не стеснялся в выражениях. Мне пришлось напомнить, кто руководит лабораторией, это подействовало. Но с той минуты между нами пробежала черная кошка. Он вбил себе в голову, что я лишаю их возможности новых открытий. А я при каждом опыте думал не о том, что он даст для науки, а о том, как обезопасить Павла и Жанну от неудачи. Под неудачей я понимал тяжелое нервное потрясение, мысль о физической катастрофе мне не являлась.

Катастрофа произошла, когда я отсутствовал в лаборатории. Мы с Чарли обсуждали доклад в Академию наук. Взрыв на энергоскладе разнесся по всей Урании. Энергосклад превратился в бушующий вулкан. Вода, ставшая огнем и дымом, — такой картины до нас еще не наблюдал никто. Я воскликнул в ужасе: «Чарли, это невозможно, в мире не существует физических причин, вызывающих взрыв сгущенной воды!» Чарли иногда соображает с такой быстротой, что рождающиеся в нем идеи сверкают как озарение. Он мигом ответил на мое восклицание: «Эдик, а если атомное время сгущенной воды возвратилось к тому моменту, когда она была простой водой? Неужели твои стабилизаторы времени отказали?» «Проверю, потом доложу тебе», — сказал я и умчался.

Чарли остался у огненного водяного вулкана, а я бежал изо всех сил. Основное в несчастье я уже понимал. Павел воспользовался моим отсутствием и самостоятельно запустил хроноколебания. Вероятно, чтобы не терять времени, он даже не вызвал к себе Жанну, только попросил, чтобы она не выходила из своей лаборатории: их психодиполь был так прочен, что на него почти не влияло небольшое отдаление.

Я ворвался в лабораторию, когда Павел, извиваясь в судорогах, подползал к командному аппарату. Он из последних сил старался подняться и перекрыть процесс, но судороги бросали его

на пол. Я кинулся его поднимать, он оттолкнул меня. Он шептал, выбрасывая из себя отдельные слова, как застрявшие в горле комья: «Жанна!.. Спасай!.. Автоколебание!.. Эдик!.. Я держу!.. Спасай!..»

Нужно было отрегулировать процесс, прежде чем оборвать его. Я отдавал себе отчет, что автоколебание, ставшее неподконтрольным, нельзя просто отключить. Это могло привести к такому разрыву связи времен, что оба полюса диполя — Жанна с Павлом — неминуемо погибли бы. И, стараясь синхронизировать трансформатор времени с автоколебаниями психодиполя, я со всей остротой ощутил, как далеко пошел Павел в попытке спасти Жанну. Он не прерывал автоколебания, как мне показалось, а тормозил вызванную им бешеную пляску времени всеми атомами своего тела, он сжигал себя, чтобы не дать одновременно истерзать Жанну. Он иступленно рванулся к собственной гибели, чтобы отвратить гибель от Жанны. Павел продолжал извиваться на полу, но не дал себе и миллисекунды передышки, а мог бы. Он не только жертвовал собой — он отчаянно боролся за то, чтобы грозные дьяволы разновременья не отвергли его жертвы.

Синхронизация удалась, я остановил процесс. Павел вытянулся и замер. Я вызвал врача и наклонился над Павлом. Он еще жил. Он шептал: «Эдик... Я без тебя... Прости... хочу... сказать...»

«Молчи! — приказал я. — Знаю все, что скажешь. Ты запустил хроноколебания на полную амплитуду. Процесс вырвался на автоколебательный режим. Тебя и Жанну стало трясти. Ты пытался удержать собой пульсирующее время. Теперь успокойся. Процесс остановлен на равновесии, а не на разрыве. Жанне больше ничего не грозит. А тебе придется долго лечиться, очень долго, Павел».

«Спасибо... — шептал он, впадая в беспамятство. — Теперь... умереть». Он умер на моих руках. Явившемуся врачу оставалось лишь официально установить прекращение жизни. Вы знаете медицинское заключение, Рой. Вскрытие показало ожог нервных клеток. Медики отнесли причину смерти к очередным загадкам жизни на Урании. Но могу вам сказать, что тот же Павел заранее очень точно рассчитал картину гибели организма, когда одни его клетки прорываются в будущее, а другие отодвигаются в прошлое. Те, что в будущем, полупризрачны, они малодейственны. А те, что в прошлом, словно больны, они тоже ослаблены. Настоящее время — всегда время господствующее. При разновременье иерархическое взаимодействие клеток пре-

вращается в анархию. Клетки, живущие в настоящем, пожирают клетки-рудименты, энергично противодействуют клеткам, материализующимся из будущего. «Будет впечатление, что организм сжигает себя! — посмеиваясь, говорил Павел и добавлял: — При очень большом разновременье, естественно. И достаточно долго!» В своем наркотическом ослеплении он своевременно не понял, что создает в себе именно такое гибельно большое и долгое разновременье.

— Вы ничего об этом не говорили следственной комиссии, Эдуард?

— Нет, конечно. Ни комиссии, ни Чарли. Даже Жанна не знает всей правды о гибели Павла.

— Такое ваше поведение имеет смысл только в одном случае: если вы и после гибели Павла Ковальского тайно продолжаете работы, вызвавшие его гибель.

— Совершенно верно. Я без Павла продолжаю исследования, вызвавшие его гибель.

— С возможностью столь же трагического конца?

— С неизбежностью столь же трагического конца.

Рой долго глядел на меня. Мне показалось, он растерялся, не знает, как держаться: высказать возмущение?.. показать сочувствие?.. Он сказал:

— Вы по-прежнему присваиваете себе индивидуальное право на опасный поиск? Вы считаете морально правильным продолжать неразрешенные исследования?

— Они прежде всего незавершенные, Рой.

— Они прежде всего неразрешенные, Эдуард.

— Выслушайте меня до конца, Рой.

— Именно этого и хочу, Эдуард.

После гибели Павла, говорил я Рою, у меня была одна мысль: немедленно прекратить биологические хроноэксперименты. И хотя я горевал о потере друга, было и утешение: его гипнотическая власть надо мной кончилась, я мог поставить крест на его исследованиях.

Но как отнесется к этому Жанна? Она боготворила Павла как хронофизика и могла счесть своим долгом завершить то, что он не успел. Я наметил, как держаться, если Жанна потребует продолжения исследований: объявлю Чарли, чем мы втайне занимались, попрошу официального благословения на хроноизыскания, получу строжайший отказ и взыскание за научное самоуправство — и с претензиями Жанны будет покончено.

Так я намеревался действовать. Но действовать так не сумел. Вы понимаете, Рой, первойшей задачей было установить, как отразилось случившееся на здоровье Жанны. То, что совершилось с Павлом, могло быть одновременно и с нею. Она объяснила, что во время опыта с ней ничего особенного не произошло: она просто вдруг ослабела и прилегла, потом потеряла сознание и пришла в себя лишь после взрыва на энергоскладе. Я сам отвел ее к врачу, в те первые дни после катастрофы она, измученная, лишенная воли, покорно выполняла все мои требования. Осмотр показал, что кроме большого нервного истощения, других недугов нет. Врачи уверили: выздоровление гарантировано, но потребует времени. «Времени у нас довольно» — так я тогда легкомысленно посчитал. И снова удивился гению Павла. Даже погибая, он четко оценил происходящее и понял, как спасти Жанну, — собственная гибель была сознательно взята им в расчет. Чтобы не дать хроноколебаниям разорвать в Жанне жизненную синхронность, он всей силой воли, всей мощью трансформатора времени фиксировал клетки своего мозга в том будущем, куда их выбросило автоколебанием. Он насильственно удержал себя в будущем. Возможно, Павел заранее продумал варианты на случай катастрофы — он был мастер на предвидения и расчеты. Чем глубже я вникал в трагедию, тем сильнее покоряла меня сила его любви к Жанне.

И вот, рассматривая кривые хроноэкспериментов, я вдруг обнаружил свою ошибку. В дикой спешке я разорвал процесс не в точке равновесия, как мне показалось, а чуть в стороне от нее. Для Павла это не имело значения, он уже и в тот момент был недоступен спасению. Но положение Жанны беспокоило. От автоколебаний внутреннего времени ее удалось предохранить, однако восстановится ли его естественный ход, если синхронизации в точке жизненного равновесия не произошло? Я с тревогой смотрел на выданный компьютером анализ. Наш автоматический мудрец, последняя модель марки «УУ» — усиленный, умный, — предупреждал о возможности новых несчастий, только не расшифровывал, каковы они будут.

Один вывод был очевиден: Жанну нельзя выпускать из психодиполя, пока не появится полная гарантия от произвольных автоколебаний времени. Только я мог теперь составить второй полюс такой психологической связи. Но как убедить Жанну в необходимости нового диполя? Не подумает ли она, что я хочу воспользоваться этим для того, чтобы завладеть ее душой? Она ведь знала, что я люблю ее. Была, конечно, возможность — расска-

зять, как реально обстоит дело. Пойти на это я не мог. Я скрыл, что Павел пожертвовал собой ради спасения ее жизни. Жанна не перенесла бы правды. Она сочла бы себя убийцей мужа. И если бы не покончила с собой, то, несомненно, отказалась бы принять мою помощь.

И тогда я решил воздействовать на Жанну, используя ее любовь к мужу. То, против чего еще недавно я собирался категорически возражать, стало единственным шансом на удачу. Я сказал Жанне, что хочу закончить исследования Павла. Человечество должно узнать, каким научным исполином был ее муж. Пусть она докажет свою любовь к Павлу тем, что завершит погубившие его хроноэксперименты. Для этого ей придется составить со мной новый психодиполь, ввести его в аппараты и проделать несколько опытов.

Так я уговорил ее продолжить тайные исследования. Нас связало единое психополе, оно было достаточно прочным, хотя один полюс — Жанна — показывал явное безучастие. Зато я мог ругаться за второй полюс — себя. Я готовился энергично нейтрализовать любое колебание времени. Тревожиться за Жанну, да и за себя, не было поводов. Новые обстоятельства помешали осуществлению так хорошо рассчитанного плана. В Жанне обнаружились совсем не те изменения, каких я ожидал. Колебаний времени не произошло, время осталось целостным. Но течение времени изменилось. Павел, отчаянно выбрасывая себя в будущее, одновременно ввергал Жанну в ее прошлое. Очень близкое прошлое, вполне по теории нашего директора Чарльза Гриценко, доказавшего, что уход в дальнее прошлое — не больше чем тема для фантастических романов. Но прошлое! Хроноколебания психодиполя имеют свои проклятые закономерности! В самом горячем бреде я не мог вообразить того, что случилось с Жанной. В ней не было разрыва времени, в ней не появилось разновременности, которую надо преодолевать новым психополем. Время в ней полностью пошло в обратную сторону. Жанна вся уходила в прошлое. Она стала молодеть.

Рой, поймете ли вы мой ужас? Могу ли передать, какими глазами смотрел я на страшное заключение компьютера: «Атомное время нервных центров объекта идет в обратном направлении»? Объектом была Жанна, обратный ход ее времени означал приговор: Жанна невозвратно убегает назад, убегает к недавнему своему жизненному началу, которое станет вскоре ее жизненным концом!

Именно так описал вам в этой комнате Чарли биологическое значение обратного хода времени. Именно так и произошло, в точности по его прогнозу, хотя он и отдаленно не догадывался, что неподалеку от его кабинета без его ведома осуществляется этот грозный процесс.

Я был в отчаянии. Теория обратного хода времени подтверждалась беспощадным физическим фактом. Жанне предстояло пойти по дороге высчитанного ее мужем «омоложения до уничтожения». И в полном согласии с прогнозом Павла, процесс ухода назад, постепенно убыстряясь, из искусственно возбужденного должен превратиться в автоматический — конец не заставит долго ждать себя!

Как вы понимаете, Рой, я не мог позволить себе всецело предаться отчаянию. Главным был поиск возможности предотвратить ужасный финал. Вы сказали, что было бы забавно поглядеть, как древний старец растет в юношу. Но, я уверен, вы не найдете ничего забавного в том, что выпало молодой, красивой женщине Жанне Зориной. И тут я вспомнил о втором великом открытии Павла. Анализ показывал, что и этот обратный рост можно задержать и повернуть на нормальное развитие, используя психодиополь. «Не все потеряно, — твердил я себе, настраивая аппаратуру на противодействие, — поворот вполне возможен, если падение в прошлое будет медленным». Для нейтрализации стремительного хода назад у нашей с Жанной слабой душевной связи не хватало прочности. Это я сознавал уже и тогда. Но как быстро идет обратное развитие? Где та роковая точка, в которой оно автоматически убыстрится?

Я не мог оторвать взгляда от Жанны, когда мы встречались. Это ее раздражало. Она вбила себе в голову, что я по-прежнему люблю ее, что во мне возникает желание завоевать ее, вдруг ставшую свободной. Она думала обо мне оскорбительно. И я не мог отвергнуть ее оскорбительного заблуждения, ибо не имел права оскорбляться. Любое опровержение могло стать разоблачением. Надо мной, как топор, нависал грозный вопрос: выдержит ли Жанна правду уже не одного, а двух несчастий — правду гибели Павла и правду грозящей ей собственной гибели? Я не смел позволить себе риска правды, что бы Жанна ни думала обо мне.

Первые недели после катастрофы надежда на удачу была. Жанна выглядела ужасно: похудела, постарела, ослабела. Это радовало. Радовало и ее пси-поле: в душе Жанны господствовало горе, все мысли были привязаны к воспоминаниям о Павле —

она не выходила из подавленности. И хотя компьютер выдавал свое неизменное: «Атомное время объекта идет в обратном направлении», я с тихой радостью разглядывал записи пси-поля Жанны, с той же скрываемой от всех радостью наблюдал за ней самой. «Время еще есть», — говорил я себе, убеждаясь, что Жанне по-прежнему плохо. Психодиполь не давал Жанне рухнуть в прошлое, но методично, по элементам, по частицам, поворачивал атомное время на прямой ход из обратного. Уже и в анализах компьютера звучали обнадеживающие нотки: «В объекте появилось разновременье, некоторые группы атомов приобретают прямое направление времени, хотя в целом время течет обратно». Разновременье было опасно само по себе. Именно от его разнузданности Павел в последние минуты своей жизни пытался уберечь Жанну. Но только этот опасный путь мог сегодня обезопасить ее от гораздо худшего. «Время еще есть, — подбадривал я себя, регулируя созданное мной разновременье на плавный ход. — Главное, не допускать бури противоборствующих времен, и я постепенно вытяну Жанну из затягивающего ее болота небытия!»

Энергетик Антон Чиршке первый подал сигнал, что времени осталось слишком мало. Этот человек, Повелитель Демонов Максвелла, наделен воистину демоническим ощущением необычайного. Жанна изготавливает для него сепарационные пластинки, Антон встречается с ней ежедневно. Частые встречи отнюдь не способствуют остроте восприятия медленно накапливающихся изменений. А Повелитель Демонов обнаружил их раньше Чарли, даже раньше меня, с таким беспокойством ожидавшего их появления. Он с радостью сказал Чарли и повторил потом при мне: «Жанна справляется с потрясением, выглядит уже сносно. За ее здоровье можно не опасаться».

Антон и не подозревал, какой зловещий смысл таится в его утешительном, как он думал, наблюдении. Несколько дней — вы как раз в эти дни прилетели, Рой, — еще можно было сомневаться: запись психополя Жанны неизменно показывала подавленность и горе. Но вскоре уже и сам я увидел, что Жанна избавилась от физического недомогания. Душа ее еще скорбела, а тело возрождалось к жизни — к прошлой жизни, не к будущей! Я смотрел на ее старые фотографии и молчаливо ужасался: она неотвратимо становилась похожей на ту девушку, которая три года назад появилась на Урании.

— Видимо, этот возраст и есть та роковая точка, где движение назад должно стремительно убыстриться, — сказал Рой.

— Пожалуй, так, — согласился я. — Точку убыстрения вероятнее всего искать в пределах таких переходных моментов. Я проверил свои расчеты. Наш слабый диполь гарантировал поворот на прямой ход времени в три-четыре месяца. Катастрофическое падение в прошлое могло начаться в ближайшие дни. Времени у меня не было.

— Догадываюсь, что дальше, — сказал Рой. — Оставалось одно: усилить вашу душевную связь с Жанной. Но это могла сделать только любовь. Неужели вы думали, что она сможет вдруг так сильно, так безмерно сильно полюбить вас?

— Вы угадали, Рой. Только огромное усиление нашего психополя могло еще дать надежду. Но на любовь я не рассчитывал. Я не мог заставить Жанну вдруг полюбить меня, да еще с такой силой, и тут вы правы. Я использовал другую могучую душевную силу. Я прибег к ненависти.

— К ненависти? — воскликнул Рой. Если в начале беседы он демонстрировал невозмутимость, лениво покачивая ногой, то чем дальше уходил мой рассказ, тем меньше Рой заботился о соблюдении какой-либо позы. Он не просто с интересом вникал в мои разъяснения, он старался их предугадать, домысливал факты и выводы раньше, чем я их высказывал. Но того, что услышал от меня теперь, он не ожидал.

— К ненависти, — повторил я. — Рой, противоположности сходятся, разве не так мы учили? И многие проявления противоположных сил одинаковы. Ненависть — тоже форма душевной связи. Сила ненависти так же огромна, как сила любви. Так же быстро вспыхивает, так же жжет душу, так же мобилизует все резервы организма, как и любовь. С обратным знаком, конечно. Но знак в этом случае не имеет значения. Мне важна была связь наших душ, острая ненависть эту связь давала. Я легко возбудил у Жанны такую ненависть к себе. Это было просто.

— Понимаю! Вы в свое время скрыли от Жанны, как погиб Павел. Вы сказали, что вам пока еще не все ясно в его смерти. Жанна не могла не уловить вашей уклончивости, не могла не подозревать, что причины хуже, чем вы туманно намекаете. И вот сейчас вы признались, что причина гибели Павла — в каких-то ваших действиях. Она, разумеется, сразу поверила и мигом возненавидела вас, верно?

— Все верно.

— Что было дальше?

— Дальше был расчет крепости психодиполя, один конец которого — ненависть, а другой — любовь. Диполь оказался достаточно прочным, чтобы в течение примерно пяти дней, форсируя аппаратуру, вырвать Жанну из падения в прошлое.

— И этих пяти дней я не дал, запретив работы в институте?

— Да, Рой.

— Но исповедь не закончена, правда ведь?

— Не закончена, Рой.

— И конец ее будет в том, что вы надумали обеспечить спасение Жанны собственной гибелью? Что вы повторите самопожертвование Павла, только подрастчитали надежней? Он-де был гениален, но в панике не все учел. А вы в тот момент, когда ворвались в лабораторию, в панике же не сумели остановить процесс в точке равновесия. Зато сейчас ошибки не сделаете.

— Все точно, Рой.

— Думаете, разрешу вам самоубийство ради жизни Жанны?

— Да, Рой.

— Какие у вас основания так думать?

— Рой, это же просто! Если не погибну я, погибнет Жанна. В создавшейся ситуации одна смерть неизбежна. Но моя гораздо моральнее.

— Моральнее?

— Да, Рой. Я должен понести какую-то кару за то, что разрешил эти эксперименты. Жанна их участник, но в происшедшем неповинна, к тому же она уже жестоко наказана. Считите мою смерть формой самонаказания, продиктованного собственной совестью. Неужели вы думаете, что я смогу продолжать жить, отягченный двумя смертями по моей вине? Не преувеличивайте моей научной любознательности. Через два трупа она не перешагнет.

Рой заметался по комнате. От его невозмутимости не осталось и следа. Он негодовал, он был в неистовстве. Даже у вспыльчивого Антона Чиршке, Повелителя Демонов, я не знал такого приступа гнева.

Рой кричал, что наложил запрет на работы в институте, ибо догадывался, что в нем идут какие-то тайные исследования, ставшие причиной катастрофы. И был уверен, что веду их я, именно я, а не кто другой, — я всем видом показывал, что таю за душой секрет. И что он, Рой Васильев, абсолютно не сомневался, что рано или поздно я приду с повинной. Даже тематику тайных исследований он смутно подозревал, во всяком случае, очень уж большой неожиданности в моих объяснениях не нашел. Но что я сделаю

его участником неразрешенного поиска, он и помыслить не мог. Заставить его решать — кому жить, кому умереть! Ведь это что!.. Я исповедался и теперь ожидаю отпущения грехов, так? А ответственность за новую неизбежную трагедию возлагаю на него, да? И я думаю, что он должен это вытерпеть?

— Не предворяю ваших решений, Рой, — сказал я, когда он выкричался. — Но хотел бы знать: что вы решили?

— Ничего не решил! — сердито ответил он. — Даже представления не имею, какое возможно решение.

— Но какое-то мнение вы составили — и что-то, несомненно, предпримете?

Он с усилием взял себя в руки.

— Предприму я вот что. Вызову Чарльза Гриценко и передам ему наш разговор. Пусть и ваш директор знает, какие исследования совершались втайне от него. Будем вместе искать выход. А мнение мое таково: права на тайный научный поиск у вас нет, но право на помощь вы имеете.

9

— Права на поиск у тебя нет, право на помощь ты имеешь, — сказал мне Чарли, словно слышал последние слова Роя в моем разговоре с ним.

А вспыльчивый Антон Чиршке, Повелитель Демонов, сердито добавил:

— Я разобью все твои аппараты, измочалю тебя — в этом не сомневайся. Но это будет потом. Раньше надо тебя спасти.

Они пришли ко мне втроем. Рой молча уселся в сторонке, подальше от аппаратов, — мне кажется, он испытывал к ним недоброжелательство: не то опасение, не то прямое отвращение. Впрочем, он постарался показать, что по-обычному невозмутим: забросив ногу на ногу, лениво покачивал ею. Он только слушал, не вмешиваясь в обсуждение. Это, наверное, была наиболее типичная для него манера поведения: спокойно переводить взгляд с одного на другого, ничем не выдавать, какое предложение нравится, какое вызывает протест. Таким его знали все, кто встречался с ним на Урании. И мне уже не верилось, что этот человек метался по комнате, кричал, ругался и, похоже, готов был закатить мне здоровенную оплеуху. В те минуты гнева от рукоприкладства его удерживало, по-видимому, лишь то, что оплеухи не могли предотвратить надвигавшуюся беду и, даже самые увесистые, не способ-

ны были стать веским аргументом. Своей нынешней подчеркнутой отстраненностью он показывал, что больше не позволит себе несдержанности.

А Повелитель Демонов кипел и бурлил. Он первым вошел, точнее — ворвался в лабораторию и минуты три только ругался, яростно доказывая, что на наши с Павлом научные достижения ему чихать, а губить Жанну он не позволит. Она прелестная женщина, и лучше ее никто не изготовит пластинки для сепарации молекул по скоростям. И меня он тоже не позволит губить, я хороший парень. Вот еще вздор — ценой своей жизни исправлять глупейшие научные ошибки, нет, куда это годится, он спрашивает! Боюсь, в таком возбуждении Антону показалось, что имеются два Эдуарда Барсова. Один — его приятель Эдик, тихий скромница, неплохой экспериментатор, в общем — добряк, и попал тот добряк в беду, из которой его надо немедленно вызволять! А второй Эдуард — мрачная бестия, нарушитель научной этики, губитель хороших людей. И того, второго Эдуарда, следовало бы четвертовать, да жаль — в наше время такое естественное обращение со скверными людьми запрещено.

— Перестань, Антон! — приказал Чарли. — Ты преувеличиваешь. Эдика надо спасать не от Эдика, а от ошибки в эксперименте. Вот этим мы и займемся.

Я всегда восхищался Чарли — как ученым и как научным руководителем. И понимал сложность его теперешнего положения. Поэтому, несмотря на серьезность ситуации, все же с некоторым любопытством ожидал, как он поведет себя. В отличие от Повелителя Демонов, которому в запальчивости виделись как бы два Эдуарда Барсова, Чарли сам ощутимо раздвоился. В одной своей ипостаси он был крупным администратором, академиком и директором института, эта его половина поворачивалась ко мне гневным и укоризненным лицом. Директор возмущался, что в его институте ведутся необъявленные и неразрешенные работы и ведет их его душевный друг, его главный помощник. Можно ли простить этому человеку, другу и помощнику Эдуарду Барсову, его самоуправство? Как его наказать? Какие установить запреты для тех, кто вздумает, впадая в азарт научного поиска, последовать за человеком, подавшим столь соблазнительный и опасный пример?

— От кого угодно мог ожидать, только не от тебя, Эдик! Так безрассудно втянуться в безумные эксперименты! — говорил он. — Разве я не доказал, что выход в обратное время губелен для

биологических структур? И разве ты не понимал, что эксперименты, придуманные Павлом, преждевременны? Мы не научились контролировать время на молекулярном уровне, а он при твоём попустительстве пытался воздействовать на целостное время сложнейших биологических систем! Перепрыгнули через добрую сотню неизученных промежуточных ступенек! Правда, эффект научного поиска огромен, но какой ценой!

Уже в этом строгом выговоре директора института сказалась вторая сторона личности Чарли — его чисто научная ипостась. Он сразу оценил открытия Павла. Он не одобрил их, этого не было, но не скрыл, что удивлен их значительностью. При иных обстоятельствах Чарли, наверное, выразился бы по-иному. «Я восхищен!» — сказал бы он, если бы речь не шла о жизни Жанны. Для его научной проницательности не составило труда сразу понять, как велики оба открытия Павла: то, что искусственно возбужденное омоложение до уничтожения в какой-то критической точке, становясь автоматическим, приобретает неконтролируемую скорость и что психодиполь, связующий души двух людей, является единственным тормозом от такого «падения в ничто».

Необыкновенные возможности психодиполя — замедление общего времени и продления жизни с помощью качелей микромолодения и микростарения — захватили Чарли. И он без возражений признал, что мой отчаянный план спасения Жанны вполне реален.

— Ты, конечно, спасешь Жанну, — сказал он. — И конечно, погибнешь сам. Расчет твой безукоризнен, я не нашел в нем ни единой ошибки. Вообще такого рода сложные и рискованные расчеты тебе вполне можно доверить, они в пределах твоих знаний и способностей. Но мы не можем примириться, с тем что ты определил себе безрадостный финал. Самопожертвование — твоё личное решение, мы не вмешиваемся в то, какой тебе рисуется твоя судьба. Но агония — не та картина, которая способна нас восхитить. Мы решили внести поправки в твой расчет. Павел был вдохновенно пытлив и одарен воображением, спорить не стану. Но ему не хватало научной солидности. Он, как тебе ни покажется странным, проявлял трусость в иных трудных случаях. Он отступил перед проблемой трех связанных душ, посчитав её равнозначной проблеме трех тяготеющих тел в астрономии. Аналогия есть. Но ведь и три взаимно тяготеющих тела в космосе не редкость. И три взаимно связанные души — типичны для человеческого общения. Безусловно, проблемы взаимодействия трех душ во

все времена решались не проще, чем задачи трех тяготеющих тел, однако решение все же отыскивалось...

— Не уясню, к чему ты клонишь, — прервал я Чарли. Мне показалось, что он готовится разразиться очередным парадоксом. Для шуток можно было бы выбрать иное время.

— Вижу, что не догадываешься. И жаль, ибо в проблеме трех душ — реальный путь к спасению вас обоих, тебя и Жанны, друг мой Эдик! Вот мой план, слушай. Мы образуем треугольник: Жанна, ты, Антон. В треугольнике три полюса: ненависть — это Жанна, любовь — это ты, дружба — это Антон. Три полюса образуют три диполя, три стороны треугольника: Жанна — ты, Жанна — Антон, ты — Антон. Твой психодиполь с Жанной выволакивает ее из катастрофического падения в молодость, диполь Жанна — Антон добавляет своего старания в том же направлении, а диполь Антон — Эдик сыграет роль тормоза, когда ты станешь уноситься в будущее. Антон погасит тряску одновременности в твоём теле, не допустит разрыва в тебе связи времен. Для роли дружеского психотормоза Антон годится лучше всех на Урании. Руководство операцией беру на себя я. И можешь не сомневаться, в панику не впаду и прерву процесс точно в положении равновесия для всех трех полюсов. Тройное равновесие высчитаем заранее, думаю, для твоего «УУ» задача не из самых сложных. А что до нашего друга Роя, то ему поручим твою любимую роль — вдохновенного обсерватора.

Не знаю, как я удержался от слез. Еще за минуту до того, как он заговорил о своем плане, я видел только один выход. Но был, оказывается, и другой путь. Чарли нашел его. Я хотел сказать, что согласен, что благодарен, что выполню все, мне в плане отведенное, но не справился с голосом. Антон внезапно впал в восторг.

— Приступаем немедленно! — заорал он, вскакивая. — Терпеть не могу тянуть резину, как это когда-то называли. Ох, Эдик, покажем тебе теперь, до чего ты недооценивал друзей! И если не попросишь у нас извинения, надаю тебе потом оплеух, будь спокоен!

Когда Чарли говорит: «Предлагаю план», это означает, что у него готова не только идея, но и расчет. Жанну решили вызвать завтра, в программу не посвящать, просто обязать вести себя, как наметил для нее Чарли. Мы с Антоном занялись подготовкой своей части программы. Повелитель Демонов с его дьявольским чутьем к необычному и вправду идеально подходил для создания прочной душевной связи и со мной, и с Жанной. Такая связь с нами у него существовала всегда, но одно дело — просто дружить,

другое — вводить свою дружбу в аппараты в качестве физической силы. К тому же еще синхронизировать течение его индивидуального времени с биологическим временем моим и Жанны!

Включение Антона в качестве третьего полюса в наши психополя прошло блестяще. Чарли был доволен, а доволен он, если программа выполняется с блеском.

— Завтра вызовем Жанну и начнем последний эксперимент, — сказал он; шло к полуночи.

Жанна смутилась, застав у меня Роя, Чарли и Антона. Мы с Павлом так таили от всех наши исследования, а я недавно так перепугался, когда она посетовала, что надоело вечно секретничать... Она бросила на меня гневный взгляд, к ее ненависти добавилось и негодование, что я, не предупредив и не спросив согласия, открыл наши тайны. Антон незаметно для Жанны подмигнул мне: все в порядке, говорило его подмигивание, лишняя капля возмущения ненависти не испортит, стало быть, сработает на наш план.

— Жанна, мы все знаем, — сказал Чарли. — Эдик рассказал, какие Павел разрабатывал темы. Грандиозно — вот наше мнение. Подробнее обсудим потом, а сейчас тему надо завершить, пока нам не нагорело за неразрешенный научный поиск. Мы решили ускорить исследования. Психодиполь, соединяющий тебя с Эдиком, будет сегодня проверен на разные изменения времени. Пройди в соседнюю комнату и немного побудь там в одиночестве. Можешь соснуть, если хочется.

Жанна опять метнула в меня ненавидящий взгляд. Я постарался изобразить на лице наглую развязность — она вся вспыхнула от возмущения. Уходя, она подошла к зеркалу и поправила волосы. Она любовалась собой, это было новое в ней.

— Совсем девчонка, — задумчиво сказал Антон, когда Жанна скрылась в соседней комнате. — Она помолодела даже с того дня, как я ее впервые увидел. В ней, похоже, появилось и кокетство.

— Кажется, мы захватили процесс впадения в юность на критической точке, — высказался Чарли. — Будем торопиться, друзья, будем торопиться!

Торопливость у Чарли всегда быстрая, но без спешки. Я сидел в кресле, Антон напротив меня; Рой в сторонке, прислонясь плечом к стене, молчаливо наблюдал за нами. Чарли ходил от кресла к креслу и от кресел к аппаратам. К креслам были прикреплены датчики от командных механизмов. Компьютер «УУ» непрерывно выдавал ход процесса, на лентах самописцев извива-

лись записи наших состояний — Жанны, Антона, моего. Чарли вел программу с интенсивностью, на которую я бы не осмелился. Он знал, что делает. Я задыхался. Меня терзала боль. Она была в каждой клетке тела. Вероятно, что-то похожее, только безмерно усиленное, испытывал и Павел. Антон испуганно закричал:

— Эдик, ты превращаешься в старца! Это ужасно, Эдик!

— Рой, подойдите к двери в другую комнату, — распорядился Чарли. — И если Жанна попытается вырваться, не давайте. А ты молодец, Антон! Помни, от тебя зависит не дать завершиться уходу Эдика в будущее. Старайся, Антон!

— Я стараюсь, — пробормотал Антон, не отрывая от меня широко распахнутых глаз. Вероятно, я очень плохо выглядел, раз он так перепугался.

Не знаю, сколько времени прошло, — я потерял ощущение времени. Как бы сквозь сон я услышал крик Жанны, громкие уговоры Роя. Потом была опять тишина, и ее разорвали два крика, два вопля — торжествующий и негодующий.

— Готово! — ликующе кричал Чарли. Я с усилием открыл глаза. Он в дикой спешке отключал аппараты и все кричал: — Тройная точка равновесия схвачена! Точно тройная точка! Точно тройная точка!

А посередине комнаты стояла Жанна, вырвавшаяся из своего временного заточения, и тоже кричала:

— Прекратите пытку! Прекратите пытку!

Я опять стал терять сознание. Но взгляд на Антона придал мне какие-то силы. Антон был страшно бледен, бескровные щеки отвисли, нос заострился. Он казался мертвецом. Я попытался вскочить, чтобы помочь Антону, хотя и не знал, как это сделать. Чарли положил руку мне на плечо, рука была безмерно тяжела, я со стоном опустился в кресло. Чарли сказал очень радостно и очень торжественно:

— С Антоном все в порядке. Антон сделал свое дело, теперь отдыхает.

— А мы? — с трудом прошептал я.

— Ты жив, это главное. А Жанну спасли!

Больше говорить я не мог. Рой, Жанна и Чарли превратились в призраки, туманными силуэтами реяли в воздухе. Один Антон не двигался в кресле, он был все так же бледен. До меня, как сквозь стену, доносились голоса, я изо всех сил старался разобраться в них. Я понимал, что и Жанна, и Чарли, и Рой говорят громко, может быть, даже кричат, но слышал шепот.

— Что это значит: «Жанну спасли»? — негодовала Жанна. — Эдуард устроил какую-то новую подлость. Я хочу знать, что он сделал!

— Жанна, подойди к зеркалу, — говорил Чарли. — Полюбуйся на себя. Ты теперь настоящая, тебе уже ничего не грозит.

Она, очевидно, всмотрелась в зеркало. До меня донесся ее новый — шепотом — крик:

— Боже мой, что он сделал со мной! Как я подурнела! Я же выгляжу старухой. Как вы смеете говорить: «Полюбуйся на себя»! Вы издеваетесь!

— Мы радуемся за тебя, Жанна!

Среди голосов выделился голос Роя:

— Жанна, вы сказали, что Эдуард устроил вам новую подлость. Подберите слова из другого лексикона. Самые высокие слова будут бледны...

Он еще что-то говорил, но я не слышал. Потом пробудившееся сознание сигнализировало, что меня несут на носилках, — и наступил долгий провал. Очнувшись, я увидел, что лежу в палате. Около меня на столике стоял микрофон. Я попросил дежурную сестру, пришел врач. Я сказал, что слишком долго спал, наверно, не меньше суток, хорошо бы мне встать. Он засмеялся. Пояснил, что не спал, а был в беспамятстве. И не одни сутки, а ровно двадцать. И что встать мне, конечно, было бы неплохо, но только вряд ли это осуществимо. Некоторое время мне придется передвигаться лишь на костылях. Окончательное выздоровление он гарантирует, но это будет не завтра. Моего первого прихода в сознание ожидают трое гостей. Он сейчас разрешит им посетить меня.

В палату вошли Чарли, Рой и Антон.

— Неплохо выглядишь, Эдик! — сказал Чарли. — Врач сказал, ты отлично выздоравливаешь. Похоже, ему можно верить.

— Ты жутко похудел, — посетовал Антон. — В чем только душа держится! А как настроение? Неплохо, правда?

— Опыт был проведен блестяще, — сказал Рой. — Вы вскоре сами все узнаете, когда изучите записи процесса. Конечно, таких опытов вам больше не разрешат.

— Будем двигаться поэтапно, — бодро уточнил Чарли. — Следующие наши эксперименты не выше молекулярного уровня. Надо же что-нибудь оставить и будущим поколениям хронофизиков.

Я спросил о Жанне. Жанна, узнав правду, приходила в больницу, но я лежал без сознания. Несколько дней назад Жанна улетела на Латону, оттуда на Землю. Перед отлетом она великолепно

справилась с монтажом «трехмиллионника». Она играла на могучих антигравитаторах, как на клавиатуре рояля. Цистерна с тремя миллионами тонн сгущенной воды плыла от космопорта к новому энергоскладу как легкий воздушный шарик. Антон внезапно рассердился.

— Никогда не прощу тебе, что она улетела! — закричал он. — Ты знаешь, какие мне суют теперь сепарационные пластинки? Посчитаемся после выздоровления. Хорошего не жди! Выздоровливай поскорей!

Они ушли. Я закрыл глаза, вспоминал, огорчился, радовался. То, что Жанна не захотела оставаться на Урании, было, вероятно, хорошо, а не плохо. Многое соединяло нас, еще больше разделяло, я не мог разобраться во всей этой путанице.

И настал день, когда — пока на костылях — я смог выбраться в столовую. К моему столу присел Чарли, деловито пробежал глазами меню, заказал, естественно, омлет с овощами и апельсиновый сок и порадовал:

— Вчера с Латоны ушел на Землю рейсовый звездолет «Командор Первухин». На нем отбыл Рой Васильев. Он передает тебе привет.

ПОСОЛ БЕЗ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ

Глава первая ПРИЗРАКИ В ЗВЕЗДОЛЕТЕ

1

Рой спрыгнул, не дожидаясь остановки самодвижущегося трапа. Навстречу шел крупноголовый рыжий мужчина в форме звездолетчика. Рой много раз видел этого человека, Эраста Винклера, начальника звездопорта, во время телепередач с Марса. Страх, терзавший Роя все дни перелета, стал непереносим. Винклер слишком торопился, чрезмерно размахивал руками... Рой быстро проговорил:

— Скажите одно!..

— Жив, жив! Сегодня ему лучше! — ответил Винклер. — Разве вы не получили моей последней мыслеграммы, друг Рой?

Рой вздохнул, провел рукой по лицу. На трапе показались операторы следственной бригады. Большинство впервые видело Марс. Если бы впереди не шагал подавленный несчастьем начальник, они выскакивали бы наружу с изумленными восклицаниями, они шумно приветствовали бы новую в их жизни планету. Так и он когда-то выскакивал здесь из планетолета. Он был тогда в тяжелом скафандре, а не в легком комбинезоне, как эти операторы, но и скафандр не помешал ему восторженно кричать, топтать ногами, метаться то вправо, то влево... Они вели себя куда сдержаннее, они лишь молчаливо замирали на ступенях трапа, взволнованно осматривались.

Не отвечая Винклеру, Рой перевел взгляд с востока на юг и запад. Унылая каменистая равнина, стертая плоскогорье. Столько раз он уже блуждал по этим однообразным полям, ничего нового не открывая, как бы далеко ни шел. Марс есть Марс, место не для жилья, перевалочная база космоса — так ее именуют в логиях, — унылый мир, не одаренный способностью к переменам, неудавшаяся модель, созданная и выброшенная природой. Что здесь искать? Чего бояться? Неожиданности на Марсе исключены — разве не так их учили в школах? Как же могла произойти катастрофа? Где угодно — на Земле, на Венере, на Плутоне, — но только не здесь!

— Он по-прежнему бредит, — сказал Винклер. — Его горячечные видения я тоже передал по мыслепроводу.

Рой молча смотрел на Винклера. Рослый, рыжеволосый, рыжеглазый, с коричнево-золотистым лицом — венерианского, а не марсианского загара, — в новенькой, очень нарядной форме, начальник звездопорта склонился в поклоне чуть более глубоко и чуть более длительном, чем принято; его рукопожатие было чуть более почтительным, чем следовало бы. Он чувствует себя виновным. Авария произошла в зоне действия тормозных механизмов планеты. Он обязан был остановить рушащийся корабль, вышвырнуть его обратно в космос, превратить, пока подоспеет помощь, в спутник планеты. Ничего этого он не сделал! Чепуха все это! Все было бы слишком просто, если бы вина лежала на Винклере. Не стоило лететь на Марс только для того, чтобы схватить за шиворот нерадивого межпланетного диспетчера.

Маленькое Солнце заливало красным сиянием невысокие холмы. Солнце тоже было какое-то равнодушное к этому неудавшемуся миру — не озаряло, а словно отстранялось от него. Рой вспомнил стихи Андрея Корытина о Солнце: «Терзающее Венеру, взрывающее Меркурий, ты холодно поглядываешь на Марс, ты только поглядываешь на Марс — такое всегда не наше!» Андрей провел на Марсе восемь земных лет — и половины этого срока было бы достаточно, чтобы возненавидеть эту планету. При Андрее и сейчас нельзя говорить о Марсе, он мигом приходит в дурное настроение.

— И еще я передавал, друг Рой, что не разрешил что-либо менять на месте гибели планетолета. — Голос у Винклера потускнел, он был уверен, что следственная комиссия настроена против него.

«И я бы на его месте держался не лучше, — упрекнул себя Рой. — Его нужно успокоить. Пусть дает объяснения, а не

оправдывается». Рой опять оглянулся. Молодые операторы усердно разевали рты: искусственный марсианский воздух пах озоном, на Земле такой воздух бывал лишь после грозы.

— В прошлый мой прилет свободное дыхание было затруднено, — сказал Рой. — На прогулки мы захватывали кислородные аппараты. Сейчас можно обходиться без них.

— Мы запустили третий атмосферный завод. Он добавляет ежегодно несколько миллиардов тонн воздуха высших земных кондиций. С водой хуже, но и воды прибавляется. Кроме того, мы рассаживаем созданное специально для Марса дерево кали-опис.

— Значит, и зелень появилась?

— Мы говорим «красень»: растения здесь красноватые. Надемся, что скоро зашумят леса.

— Марс всегда был планетой безмолвия. Андрей Корытин считал это единственной привлекательной чертой Марса.

— Думаю, что вскоре заговорят о марсианских бурях, уступающих лишь ураганам на Венере. Если вас интересуют наши метеорологические...

Рой жестом прервал Винклера:

— Я получил все ваши мыслеграммы. Мы еще поговорим о них. Ведите к брату.

2

Генрих лежал с закрытыми глазами, недвижимый, исхудавший, на бледном лице зловеще отчеркивались темные губы. Даже после гибели Альбины, когда Рой опасался за его жизнь и разум, Генрих не выглядел так страшно. Рой положил руку на грудь брата, стараясь уловить биение жизни в его теле. Рука была слишком слабым приемником, жизнь без усилителей не ощущалась. На самописце, висевшем у кровати, змеилась красная кривая суммарной жизненной функции больного; она была всего на три сантиметра выше черной полосы внизу — жизнь едва теплилась, она была в опасной близости от небытия.

— Двенадцать процентов нормального энергетического расхода, — сказал Винклер, заметивший взгляд, брошенный Роем на самописец. — В первые дни было три процента. Электронный медик определяет поворот на выздоровление.

— Глаза, — задумчиво сказал Рой. — Те дикие глаза... я говорю о видениях его бреда...

— Не только глаза. Вы ведь знаете, друг Рой, автоматические врачи на планетах не так совершенны, как медицинские механизмы на Земле. Боюсь, мы зафиксировали лишь часть болезненных картин, пронесившихся в мозгу вашего брата.

— И, вероятно, еще проносятся.

— Да, но, к сожалению, мы их не узнаем.

— Все узнаем. Я привез аппаратуру, позволяющую перевести в открытую запись даже самые слабые мысли и видения.

— Я очень рад! — с облегчением сказал Винклер. Он старался показать, что жаждет самого тщательного расследования.

Рой невольно поморщился. Люди остаются людьми, в какую служебную форму ни обряжаются, но имеются все же проблемы куда важнее чьей-то личной ответственности. Винклер уловил настроение Роя и быстро взял себя в руки: теперь он показывал выражением лица и спокойно-сдержанным голосом, что готов помогать комиссии с Земли, даже если выводы обратятся против него. Иного отношения Рой, впрочем, и не ждал.

Рой поднялся. Движение на космических трассах было остановлено. Каждая минута, потраченная не на исследование, была потерянной. К тому же он ничем не мог помочь Генриху. Но Роя пришлось сделать усилие, чтоб оторвать взгляд от брата. Винклер сказал с сочувствием:

— В смысле лечения на нашего электронного врача можно положиться.

— Да, конечно. Тем более, что ничего другого нам не остается. Пойдемте, друг Винклер, — Рой все же не сумел заставить себя назвать начальника звездопорта по имени, как принято у работников космслужбы.

— На место катастрофы или посмотрите еще раз записи бреда?

— Начнем с записей, пока выгружают аппаратуру.

3

Мозг Генриха работал толчками, в нем изредка вспыхивал сумбурные видения — без системы, расплывчатые, нечто без начала и конца: летела птица, таких не было ни на Земле, ни на других планетах; кружились туманные облачка, временами все пропадало в тумане; кто-то (возможно, пилот) прсбежал по салону корабля; в темных окнах посверкивали звезды, быстро уменьшалась Земля; она становилась из яркой крупной горошины светящейся точкой,

одной из многих точек неба; на диване лежал второй пассажир, тоже с Земли, Василий Арчибальд Спенсер, астроботаник, он появлялся часто и в одной позе: руки закинута за голову, глаза устремлены в потолок, ординарнейшая внешность — средний рост, средний вес, невыразительное лицо, тусклые глаза. Генрих не присматривался к Спенсеру, он просто бросал на него равнодушные взгляды. И вдруг все менялось; какие бы образы ни наполняли в эту секунду мозг Генриха — салон ли, звезды, пробегающий пилот, второй пассажир, — все вдруг пропадало в огромных глазах, пронзительно засиявших на экране. Глаза неслись с экрана в зал, они полонили все клетки мозгового вещества Генриха, в его сумеречном сознании уже ничего не было, кроме беспощадных глаз — четырехугольных, исполинских, скорее, прожекторов, чем ласковых человеческих приемников внешнего света; и все-таки это были глаза, а не аппараты, память Генриха сохранила и ресницы, и взметенные в подбровные расщелины веки, и окраску радужной оболочки, и блеск роговицы, и зрачок. Нет, это были глаза, иступленно засверкавшие на чьем-то сразу стершемся в тусклой серости лице, — человеческие глаза...

Рой вздохнул. Всю неделю полета ему передавали с Марса такие же картины.

— Не густо, — словно извиняясь, сказал Винклер.

— Возможно, наша аппаратура добавит, — пробормотал Рой.

В зал вошел один из операторов.

— Мозговые излучения больного введены в приборы, улавливаются и основные волны, и обертоны, — сказал он.

— Продублируйте запись сюда, — попросил Рой.

Но на экране повторились те же картины, многие были даже слабее прежних — больной мозг Генриха успокаивался, воспоминания теряли прежнюю лихорадочную яркость. Только одна картина была новой: Спенсер вдруг стал приподниматься на диване, лицо его исказилось, глаза выражали ужас — это была, вероятно, та минута, когда корабль, потерявший управление, стал рушиться на поверхность планеты и защитные поля Марса не сумели его затормозить. Новая картина не имела продолжения, она не развивалась, а прерывалась: Спенсер исчезал, пропадал салон и все, что в нем находилось; в сгустившейся темноте появлялись все те же глаза, и опять ничего уже не было в сознании Генриха, кроме них.

— Между прочим, в видениях Генриха не сохранилось облика планеты, — сказал Винклер. — А ведь мы не только отчаянно

генерировали тормозные поля, но пытались всей мощностью космических маяков пробудить в пилотах сознание приближающейся катастрофы... Пассажиры не могли не увидеть, куда их несет.

— Вы хотите сказать, что внутри корабля разыгрались события, так потрясшие людей, что никто не взглянул на несущуюся навстречу планету?

— Я не сказал — никто. Я говорю о вашем брате. Пилоты и Спенсер мертвы, и мы никогда не узнаем, что они видели.

— Пойдем же все посмотрим, что совершалось внутри планетолета, когда стали отказывать его штурманские автоматы, — предложил Рой, поднимаясь с кресла.

У Винклера озадаченно взметнулись брови.

— Не понял, друг Рой. Наши стереокамеры зафиксировали все обстоятельства аварии. Впрочем, если нужно повторить снимки обломков...

— Ваши снимки мы повторять не будем. Внутренние стенки звездолета покрыты пленкой, сохраняющей изображение всего, что совершалось в нем. Каждый внутренний кусочек звездолета — история его полетов, галерея портретов побывавших в нем людей. Проявлять эти изображения можно лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Наш случай как раз такой. И я запасаюсь соответствующим разрешением.

— Впервые слышу о таких пленках, — признался Винклер.

— О них не распространяются. Фиксирующие пленки предназначены лишь для расследования несчастий.

4

Операторы продолжали монтировать аппаратуру: приборов было много, среди них и громоздкие. Остатки корабля покоились в выбитой звездолетом воронке, напоминающей небольшой кратер. Охваченные паникой работники звездопорта, когда защитные поля не действовали, использовали последнее средство — взрывной выброс нейтрального газа: только это и предохранило гибнущий корабль от превращения в пыль. Винклер в те трагические секунды действовал быстро и грамотно. Рою это становилось все очевиднее. И он уже раза два обратился к начальнику космопорта со словами: «Друг Эраст!»

В рубке, единственном помещении на корабле, где возник пожар, фиксирующая пленка была уничтожена. В отделении механиков и в каютах имелись уцелевшие участки стен, но на них

была зафиксирована обычная жизнь корабля, ни одно проявленное изображение не могло быть отнесено к аварии.

— Посмотрим салон, — сказал Рой.

Операторы расположили свои приемники среди обломков корабля, Рой и Винклер надели оптические дешифраторы. В общем, расшифровка пленки повторила картины болезненного сознания Генриха: в небольшом овальном помещении — два человека, единственные посторонние люди на небольшом грузовом корабле, обычно не берущем пассажиров. Рой увидел Генриха. Брат с любопытством смотрел в окно — звезды и приближающийся Марс интересовали его больше, чем сосед, он не оборачивался к Спенсеру. Так тянулись минуты, они казались нестерпимо долгими; двое в салоне молчали, один о чем-то думал, уставясь в потолок, другой всматривался в окно.

— Через пять секунд — начало катастрофы, — предупредил оператор, поворачивая голову от прибора.

Несчастье ворвалось внезапно изменившейся картиной салона. Генрих смятенно отпрянул от окна, где навстречу потерявшему управление планетолеу уже летела его каменная могила. На диване, очень медленно для бешено убиравшихся событий, приподнимался Спенсер; его губы свела судорога, он от чего-то отстранялся рукой... И тут же все стерлось в темной неразличимости, пленка на сохранившихся переборках не фиксировала больше предметов и людей; в черноте засияли те же сумасшедшие глаза, терзавшие Генриха в бреду: перехода от одного к другому не было.

Рой подозвал оптика.

— Пленка-то сохранилась, а фиксации нет. Почему она не запечатлела и падение корабля?

— Запись вдруг обрывается, — ответил оптик. Он казался смущенным.

Рой и без объяснений понял, что оптик озадачен. Вероятно, в его практике не было случая, когда бы фиксирующая пленка не фиксировала.

К Рою подошли механик и физик с диаграммами в руках. Механик протянул свою запись.

— Это суммарная сводка команд звездопорта и ответных действий автоматов корабля. Мы искали неверных приказов с планеты, неправильных штурманских реакций.

— Что вы нашли?

— Команды с планеты были правильны, ответные действия на корабле точны.

Рой всмотрелся в схему. Причальная программа совпадала с причаливанием корабля. Все совершалось по предписанию, точно, как и десятки раз до этого, когда не происходило несчастий... Винклер вздохнул. Горестный вздох говорил: абсолютно все, что от нас требовалось, мы сделали. Нет, на тебе — совершилось...

— Мы трижды проделали измерения, — продолжал механик. — Поставили контрольную проверку, потом снова проверяли. Общих выводов я делать не могу, но, по нашим данным, катастрофы не должно было быть. Она произошла, но она остается невозможной.

Рой повернулся к физику.

— Ты тоже не нашел отклонений от нормы, Арман?

Физик пропустил мимо ушей язвительный тон вопроса. Этот человек, Арман Лалуба, сотрудник лаборатории Роя, большой друг Генриха, сам при случае любил иронизировать.

Он был серьезным исследователем, поэтому Рой и взял его с собой.

— Рой, я ничего не понимаю! — Арман возбужденно помахивал записями. Все, что он чувствовал, рельефно выражалось на его смуглом, с негритянскими чертами лице. — Эти чертовские уники показывают черт знает что! Я тоже три раза перепроверял! Ты сказал — отклонений нет? Рой, это слишком мягкая формулировка!

— Стало быть, и у тебя получается, что корабль не разбивался? Команды с планеты правильны, ответы точны.

— Правильность команд и ответов — не моя сфера. Но я могу гарантировать, что ответы совершались мгновенно. И это непредставимо, Рой! Даже не невероятно — немыслимо! Физика наизуворот. Светопреставление крупным планом!

— Спокойнее, Арман! — с досадой сказал Рой. — Ответы и должны возникать мгновенно после приема сигнала. Штурманская аппаратура звездолетов работает без инерции — разве не так?

— Мгновенно после принятия сигнала — да! А она срабатывала мгновенно после отправки сигнала!

Арман подал стандартную диаграмму, развернутую по оси времени, — команды, ответы, команды на ответы... Десятки раз рассматривал Рой такие же записи — стандартный штурманский бланк, по нему можно судить и о работе портов, и о надежности корабельной аппаратуры, и о квалификации диспетчеров и командиров кораблей. В школах эти бланки давались на экзаменах, чтобы по времени, отделяющему сигнал и прием, определить

расстояние корабля от порта, скорость затормаживания, вычертить причальную кривую...

Там, в школах, считалось достаточным, если время измерено с точностью до миллисекунды, здесь оно было дано в микросекундах. А узлы на кривых свидетельствовали, что в момент, когда корабль находился в трехстах тысячах километров от Марса и сигналы с планеты должны были приниматься лишь через секунду, они вдруг стали приниматься точно в мгновение отправки. Даже одну миллионную этого интервала восприняла бы контрольная аппаратура, но и одной миллионной не было! Время словно перестало существовать для приемных устройств корабля. И мгновение, когда время словно бы исчезло, было тем мигом, когда приборы зафиксировали начало катастрофы и Генрих вдруг отпрянул от окна. Две минуты четырнадцать секунд летел после этого корабль, пока не врезался в коричневые камни Марса, но этих долгих минут не существовало ни для ходовых механизмов, ни, возможно, уже и для людей, ни даже для бесстрастной фиксирующей пленки на стенках салона...

— Обрати внимание, Рой! — Арман тыкал пальцем то в одну, то в другую точку. — Время перестало существовать лишь для сигналов с планеты, ответные сигналы корабля принимались точно через положенное для света время. Дикая разноголосица, полное рассогласование!.. А в итоге — гибель корабля!

— Ты сам-то веришь, что измерения показывают точную картину?

— Кем ты считаешь меня, Рой? Разве можно поверить в то, что противоречит всем законам физики?

— Значит, измерения неверны?

— А вот это — извини! Приборы показывают то, что есть. Сама реальная действительность физически невозможна — вот о чем надо поразмыслить!

Рой размышлял. Сверхсветовые скорости, мгновенная передача сигналов через пространство? Или одностороннее исчезновение времени: вперед — времени нет, назад — время есть? Да, конечно, простых решений не существует. Но разве это решение? Распутать одну локальную загадку путем нагромождения исполинской, поистине вселенской путаницы?

— Мистика какая-то! — Рой возвратил Арману записи. — Призраки в звездолете, глаза без лица... Время вдруг исчезло, сверхсветовые скорости! Фантастическая мелодрама, а не наука, вот что я скажу вам, друзья! Идемте в морг.

5

Рой с тяжелым чувством отошел от стола, где под простынями лежали тела пилотов.

— Вы знали Спенсера? — спросил Рой Винклера. — Он, кажется, летел на Марс по вашему вызову?

— Нет, не знали. Мы запросили астроботаника — в связи с расширением марсианской красени. Нас информировали, что посылают на Марс специалиста по внеземной растительности.

Спенсер казался уснувшим, а не умершим. На его теле не было повреждений, на бледно-желтое лицо почти не легла восковатость. И опять Роя поразила внешность астроботаника, до тусклости непримечательная: все рядовое, ничто не поражало, даже внимания не привлекало. Но если глаза, наполнявшие видение Генриха и так зловеще отпечатавшиеся на фиксирующей пленке переборок, принадлежали человеку, то они могли быть лишь глазами Спенсера, покоившегося сейчас на столе. И Рой всматривался и всматривался в умершего, с напряжением понуждая себя вообразить, что могло тогда произойти: Спенсер приподнялся, что-то его потрясло, глаза его засверкали... Генрих отпрянул от окна, отшатнулся, закричал... Да-да, Спенсер мог, конечно, ужаснуть впечатлительного брата, но пленка не имеет нервов, однако она тоже запечатлела эти надвигающиеся, расширяющиеся факелы — так их назвать всего точнее.

— Знаете, друг Рой, — с удивлением сказал Винклер, — мне кажется, Спенсер как-то уменьшился. Может быть, я ошибаюсь, но тело вроде было и длинней, и массивней. Неужели оно так быстро ссыхается? И еще одно: гамма-анализаторы показали, что мозг его сильно поврежден — пепел вместо мозговых клеток...

Рой шагнул к Спенсеру, приподнял одно веко, потом другое. Глаза были мертвые, маленькие, грязновато-голубой цвет оболочки размылся, они уже не отражали света — вряд ли они могли при жизни излучать какое-либо сияние. Призраков не существует, это известно каждому ребенку, но в звездолете был призрак — не мифический фантом, а физический феномен! Вещественное, осязаемое привидение! Воистину, простых решений не существовало.

— Я привез контейнеры с нейтральной атмосферой, — сказал Рой. — Распорядитесь, друг, чтоб погибших перенесли в них. Там они будут гарантированы и от ссыхания, и от гниения.

6

Рой задремал у постели брата. Его пробудило осторожное прикосновение руки Винклера.

— Операторы закончили обследования. Погибшие перенесены на корабль. Вы можете отдохнуть в нашей гостинице, друг Рой.

— Отдохну на корабле, — пробормотал Рой. — Передайте ребятам, чтобы шли по каютам.

— Вы раскроете наш порт? — с надеждой спросил Винклер.

— Такой приказ может отдать только Земля. Не забывайте, что в загадке мы не разобрались.

Винклер со вздохом согласился, что нельзя торопить важные решения, когда возможность повторения трагедии не предотвращена. Рой дружески положил руку на плечо Винклера. Он сочувствовал состоянию начальника звездопорта.

— Между прочим, друг Рой, Земля сегодня устраивает передачу на планеты, — сказал Винклер. — Артемьев вторично выступает с новой художественной программой «Гориллы у космопульта», а Кoryтин докладывает об удивительных открытиях его лаборатории.

— Я не поклонник творчества Артура Артемьева, — проговорил Рой. — Что до Кoryтина, то у Андрея каждую неделю совершаются удивительные открытия. Неудивительных он не признает.

Рой вышел наружу. В аэробусе порта сидел Арман, уткнувшийся в ленту вычислений. Рой прошел мимо. До звездолета было всего четыре километра. Солнце клонилось к горизонту, оно закатывалось на Марсе раза в два медленнее земного, но Рой помнил, что сразу после его исчезновения наступала тьма, а еще до того, как Солнце пропадало за каменистой кромкой неглубокого ооема, небо усеивали звезды — крупные, много ярче земных, безучастно неживые, как и все на этой неживой планете.

Нет, многое изменилось с его прошлого прилета! Сгустившаяся атмосфера породила не только низенькую растительность, но и сумерки. После заката наступала не ночь, а вечер, он быстро погасал, но был — на севере сгушалась тьма, запад горел, вверху переливались красновато-голубоватые тона, побежалые цвета проносились по небу, как по нагретому металлу. А сквозь них пробивались звезды, и они тоже уже не казались унылыми огоньками, вкрапленными в однообразную черноту, они обрели жизнь, мерцали, то словно падали, то словно вздымались.

С востока надвигалось темное пятно; поглотив Фобос, оно обволакивало Деймос. Рой остановился — это была настоящая тучка, нечто немыслимое на прежнем Марсе. Он не опускал головы, пока тучка не растаяла. Неяркие, мало похожие на огромную земную Луну, оба спутника висели над равниной, они двигались быстрее Луны. Рою казалось, что, оправдывая свои названия, они конвоируют Марс: Фобос — страх — шествует впереди, Деймос — ужас — крадется за спиной. Но и они потеряли прежнюю неприкрытую голизну и четкость, они двигались в прозрачной дымке, вокруг них, как и возле Луны, простиралось колечко сияния. Рой вспомнил, что именно резкость очертаний, четкая граница яркости спутника и черноты неба поражали его когда-то больше всего. Скоро на Марсе нечему будет поражаться, кроме, разве, того, что он так быстро превратился из каменистого мертвого шара в удобную космическую гостиницу.

Аэробус нагнал Роя. В салоне сидели операторы, Арман по-прежнему был погружен в бесконечное вычисление. Аэробус, неслышный, как летучая мышь, промчался не притормаживая; один из операторов махнул рукой, показывая, что надо торопиться. Рой покачал головой. Они спешили на корабль, чтобы, приняв освежающий радиационный душ, насладиться выдумками Артемьева и открытиями Корытина. Рой не захотел ради артемьевских фантазий и каких-то новых находок Андрея поступиться одинокой прогулкой по каменистой саванне, озаренной двумя бегущими по небу спутниками.

Вспоминая потом эту ночь на Марсе, Рой не переставал удивляться, что по странной прихоти не пожелал узнать о событиях, имевших столь важное значение для расследования катастрофы. «Все пошло бы по-иному, прояви я больше любознательности», — упрекал он себя, хотя, конечно, ничто не могло пойти иначе, чем оно уже шло.

Глава вторая

ДВА ТРУПА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

1

Генрих прислал брату письмо. Полный курс лечения в их санатории могут вынести только отменные здоровяки: он чувствует себя неважно, лечение ему не под силу. Генрих просил

забрать его домой. Рой по стереопередатчику пообещал выполнить просьбу, когда врачи дадут гарантию выздоровления, а пока надо терпеть, памятуя, что предки в аналогичных ситуациях утешали себя сентенцией: лечение горше болезни.

Рой постарался, чтоб отповедь звучала бодро, он говорил с улыбкой: раз уж к Генриху вернулось чувство юмора, брат не обидится, что просьба вызывает сочувствие, но остается без исполнения. Был час, когда Генриху по режиму полагалось спать, Рой намеренно выбрал эту пору: Генрих, проснувшись, выслушает Роя со стереоэкрана, а спорить будет не с кем.

В комнату быстро вошел Арман. Медленно ходить он не умел. Когда он испытывал возбуждение, в заставленных приборами лабораториях ему было трудно. А выводили его из спокойствия, как он сам признавался, только три вещи: неудача, успех и отсутствие того или другого.

— Все исполнено, Рой. Твой друг Корытин хотел выставить меня за дверь, но потом сменил гнев на милость. Скоро он будет здесь. Ты прокомментируешь расшифровку сам?

— Мне хватит забот с обхаживанием Андрея. Ты напрасно думаешь, что со мной он будет вежливее. Как с отождествлением мозговых излучений Генриха?

— Нового ничего. Ты неточно представляешь себе масштаб работы, Рой. Перебрать одиннадцать миллиардов волновых характеристик! Даже для сверхскоростной машины это непросто. И я не уверен, что твоя гипотеза правильна. Гениальное озарение все же могло посетить Генриха самостоятельно. А если и вправду кто-то стимулировал видения Генриха, передавая ему собственные открытия, то мы обязательно найдем этого человека... А вот и твой друг. Готовься к буре.

Щуплый, почти на голову ниже Роя, тонконосый, с узким косявым лицом и большими, темными, всегда блестящими глазами, Андрей Корытин не вошел, а ворвался. Бесцеремонность и доброта, грубость и доброжелательность соединялись в нем так неразделимо, что общаться с Андреем могли только люди, стерпевшиеся с его странностями.

Еще в дверях он что-то сердито прокричал, погрозил кулаком, сердечно тряхнул руку Роя, свирепо покосился на Армана, не сел, а рухнул в кресло и заговорил как обычно — запальчиво, нервно, сливая в одну фразу различные по смыслу предложения.

— Вид у тебя приличный; жаль, твой помощник, этот вот, — он ткнул пальцем в Армана, — врал о болезнях, иначе черта с два

я пришел бы сюда. Говори же, раз вытащили, терпеть не могу, когда люди таращат глаза, это неуважение, короче, я думаю...

Рой так искренне рассмеялся, что смех остановил Андрея. Рой сказал:

— Ничего ты не думаешь, ты извергаешься! Дай мне спокойные две минуты, об одном прошу.

— Три! — великодушно разрешил Андрей. — В две ты не уложишься, вы с Генрихом дьявольски болтливы, если бы у нас на дворе был допотопный двадцатый век, не цивилизованное двадцать пятое столетие, вы читали бы ветхие книги, разговаривали бы докладами, раздел первый, глава вторая, параграф четвертый, впрочем, Генрих молчаливее, с ним приятно, он умеет слушать, не в пример тебе, печально, что с ним такое несчастье, я ведь хотел поехать к нему, надо, надо проведать, давай полетим, я как раз свободен, ну, раз, два, встали!..

— Начинаем! — Рой сделал знак Арману.

На стереоэкране вспыхнули картины катастрофы на Марсе. Андрей, уже было вскочивший, снова опустился в кресло. Он был плохим собеседником, но отличным наблюдателем, вдумчивым аналитиком. Разглагольствования об известном или малозначительном порождали в нем раздражение, в нетерпении он старался скорее выговориться, чтобы отделаться от неинтересной темы. Но встречаясь с неизвестным и неожиданным, он сосредоточивался, вопросы его делались четкими и сжатыми. На эту особенность Рой и рассчитывал, когда задумал привлечь Андрея к расследованию несчастья на Марсе. Загадочные физические явления, открытые Арманом, не могли не заинтересовать Корытина.

И все-таки главная причина, заставившая Роя пригласить Андрея, была совсем не в том, чтобы пробудить в друге любознательность. Мало ли чем интересовался Андрей в своей научной работе! Он был из тех, кто часто переходит от проблемы к проблеме, он сам о себе говорил с удовольствием: «Застолбить идейку — это мое, а всю жилу до крох выпарапывать из породы найдутся энтузиасты и без меня!» Рою как-то пришлось сотрудничать с Андреем. Воспоминание было не из приятных. Андрей то загорался, то погасал, то на ровных местах удивлял пронзительной остротой мысли, то возмущал безучастностью, поражал равнодушием в тех поворотных линиях исследования, где — Рой твердо в этом был уверен — только и открывался простор научному увлечению, только и становилась обоснованной придирчивая старательность.

Андрей Корытин обладал удивительной способностью покидать намеченную столбовую дорожку эксперимента ради того, чтобы нырнуть в случайно открывшиеся боковые тропки. Его захватывала непонятность как таковая, вообще непонятность, а не конкретные загадки конкретных тем. Если бы Рой мог обойтись без Андрея, он и не подумал бы о друге. Но еще в звездолете, на обратном пути с Марса на Землю, Рой понял, что Андрей необходим. Только в лаборатории Корытина можно выяснить загадки аварии. Только там имеется сложнейшая аппаратура для проверок вневременных передач, только там они с Арманом найдут человека — этого самого Корытина — несравненно лучше них разбирающегося в существе явления, породившего аварию. «Ради Андрея нам придется примириться с Андреем», — со вздохом охарактеризовал Арману ситуацию Рой.

— Рассогласование во времени команд с планеты и ответных действий корабля вполне объясняет катастрофу, — прокомментировал Арман картины на экране. — Но такое объяснение, в свою очередь, порождает столько новых и сложных проблем...

Андрей прервал его нетерпеливым взмахом руки.

— Какие новые проблемы — чепуха! Пульсирующее течение времени — вздор, плохо знают физику в вашем институте, никуда время не пропадает! А сверхсветовые скорости — не исключено, я недавно выступил в передаче, надо прислушиваться к новым идеям...

— Мы слушали ваше сообщение на Марсе, — вежливо сказал Арман. — И нас поразило, как близки ваши исследования к явлениям, с которыми столкнулись мы. Я еще на Марсе сказал об этом Рою.

— Я не слышал твоей передачи, — признался Рой. — Я был подавлен несчастьем с Генрихом, ужасной картиной в морге... И что твои работы могут пролить свет на наши загадки, я в тот момент и вообразить...

— ...не мог, знаю, иного и не ожидал: для воображения нужна работа мысли, на это тебя всегда не хватало, Рой, говорю как друг, ты мыслишь слишком медленно, это уже не подходит. Поймай, дай сказать! — закричал он на протестующий жест Роя. — Я же пришел не обсуждать тебя, не отвлекать! Катастрофа на Марсе соприкасается с нашими работами, твой помощник прав, только не прерывай, ненавижу, когда прерывают!.. Мы совершили величайшее открытие века, и от такой формулировки не отрекусь, она

самая точная. Я полностью потерял покой с минуты, когда узнал, что дважды два четыре!

— А ты раньше не подозревал, что дважды два равняется четырем?

Рой знал, о чем говорит Андрей, но не удержался от насмешки.

Андрей был незаурядным математиком. Он легко оперировал рядами Нгоро, сложнейшие же суперматрицы Петровского были знакомы ему, как сам он утверждал, «не только в лицо, но и за руку».

— Ты грубиян, Рой! Или хочешь, чтобы в потоке света, мирно льющемся из скопления Кентавр-3, а оно на периферии Галактики, почти двадцать тысяч парсеков от Солнца, нам сразу преподнесли высшую математику? Спасибо, что хоть это удалось расшифровать!

И он с восторгом стал описывать, как приняли необыкновенное сообщение из далекого шарового скопления. В тот день испытывали большую шифровальную машину, разлагающую суммарный световой поток на отдельные фотоны. «Самая совершенная станция приема из созданных человечеством!» — воскликнул Андрей. Свет в ней используется как рабочее тело, но не как агент передачи. Для космической связи свет не годится, свет движется слишком медленно. Разумные цивилизации Вселенной разделяют тысячи, сотни тысяч, миллионы световых лет. Человечество успеет состариться и погибнуть, а Солнце погаснет, пока от далеких собратьев придет ответ на вопрос, заданный при помощи света на заре развития человечества. Космические цивилизации не выберут в качестве агента связи медленный свет, это заведомо обречет на неудачу попытки знакомства.

— Но ты же сам говоришь... — вставил реплику Рой.

— Не говорю, нет, отвратительная привычка вторгаться с пустячными вопросами в объяснение, слушай и молчи!

Рой больше не задавал вопросов, и Андрей возвратился к большой шифровальной машине. В их лаборатории заранее решили рассматривать все виды электромагнитных излучений, поступающих из космоса, как некий канал, внутри которого распространяется несравненно более быстрый реальный агент межзвездной связи. Для ясности он приведет такой пример. Свет подобен древней железнодорожной колее. Рельсы строились медленно, они продвигались вперед на километры в сутки. Но потом по ним мчались быстрые поезда! Свет тысячелетия, миллионы лет ползет от звезды к звезде, от галактики к галактике. Но протянувшись от светила

к светилу, он становится соединяющей их колеей, по ней можно пустить скоростные агенты, самостоятельно не движущиеся в космосе. И тогда межзвездная связь становится практически мгновенной. Между прочим, волны со сверхсветовой скоростью были открыты еще в двадцатом веке, их тогда называли волнами материи. Тогда же установили, что они не несут энергии, — и к ним потеряли интерес. Предки воображали, будто все виды энергии исчерпываются теми, какие им были известны. Их ошибок не повторили. Любое чудовищное предположение принималось для проверки.

— Чего мы только ни делали, Рой! Но эффект дало лишь замедление света. Не изображай недоверия, Рой, знаю твои возражения. Да, свет медлителен, но когда? Когда пересекает космические бездны! А для пленок, на которых его фиксируют, слишком быстр! Частота световых колебаний даже в видимом спектре так велика, что можно все человеческие знания, миллиарды старинных книг, миллионы лент полностью уложить в десятиминутной передаче! А теперь вообрази в том же световом потоке информацию от агента побыстрее, да ведь тогда всю тьму человеческой премудрости впихнешь в микросекундную передачу! Как же уловить ее начало, ее конец, не говорю — расшифровать полностью!.. Вот и задача: замедлить свет, чтоб открыть в нем сверхсветовые передачи! Мы теперь принимаем излучение по фотону: свечу, зажженную на отдалении Веги, — вот такую яркость. Потом, естественно, усиление, запись, анализ... И на диаграммах появились позывные первой внеземной цивилизации, уровнем развития, вне сомнения, превосходящей земную — наши звездные соседи, как ты знаешь, пока далеко уступают человеку. Вот эта пульсация: два-два-четыре, два-два-четыре...

Он наконец выговорился и замолчал. Рой спросил с недоверием:

- Запись одноразовая или повторяется?
- Чудак ты, Рой, разве можно быть уверенным, что дважды два — четыре, если бы непрестанно не повторялось все то же!
- И ничего, кроме этой арифметической истины, не принято?
- Пока ничего. Это же позывные, чего еще ждать от позывных!

— Чем ты объясняешь, что основная передача не принята?

Андрей стал терять живость речи:

— Вариантов тысячи, тысячи... А самый вероятный: мало ослабляем свет. Не могут же позывные и основная передача идти в одном темпе — позывные медленнее, только тогда их уловят ма-

лочувствительные приборы, не все же цивилизации одинаково развиты! А привлечь внимание — дело сделано, на приемных станциях знают, что это не просто свет, в нем информация, надо настраивать аппаратуру на тонкое улавливание!

— Готовите проверку этого предположения?

— Готовим, готовим, эксперимент будет сложным, очень! —

Андрей повернулся к Арману: — Вы со мной, собирайтесь-ка поживей!

Арман вопросительно посмотрел на Роя. Рой усмехнулся:

— Так сразу? И зачем тебе нужен Арман?

— Не мне — ему самому нужно, вам всем: вы же интересуетесь сверхсветовыми передачами, вневременными — так вы их по глупости называете, только в моей лаборатории имеется подходящая аппаратура.

— Мы воспользуемся твоим разрешением, но раньше познакомим тебя с последними болезненными видениями Генриха.

Андрей нетерпеливо дернулся.

— Мне хватит бреда Артемьева, до такой ерунды Генриху все равно не добраться. Не хочешь в лабораторию, летим в санаторий, с радостью погляжу на самого Генриха, нет времени на ваши пустые зрелища.

— Времени, потраченного на эти зрелища, ты не пожалеешь. Дело в том, что в бреду Генрих проделал удивительное математическое вычисление.

2

На стереоэкране менялись краски и контуры, зрелище походило на картину сумасшедшего художника — мир разноцветных призраков, пространство, пронизанное взрывами, фигуры, напоминающие скорее диаграммы, чем живых существа. Вскоре стало ясно, что это мысли, но закодированные не словами, не чертежами, а как-то по-иному — полупредметное-полусимволическое мышление.

Арман комментировал, тыкая указкой в экран:

— Вот здесь клубится фиолетовое облачко биологических переворотов, расшифровка дала фантастическую картину диковинных существ. Обратите внимание на бурно проносящиеся силуэты, это демоны физических закономерностей; институтской машине понадобилось шесть часов, чтобы разобраться, — рейс до Сириуса она рассчитывает за два часа. Результат: школьная физика, Генрих мог бы сдать курс на четверку, но не больше. Зато

те красные змеи, крадущиеся в лиловом тумане, интересней. Приглядитесь к извивам, к гребням на туловищах... Все эти обертоны мозгового излучения после расшифровки оказались ответвлениями ряда Нгоро.

— Расшифровку! — нетерпеливо потребовал Андрей. — Змеи не интересуют, давайте математику!

На стереозкране засияла математическая структура: переплетения посылок, разброс следствий, обобщенная конструкция результата. Рой торжественно произнес:

— Ты видишь формулу движения трех тяготеющих тел вокруг общего центра. Кроме того, Генрих вывел формулы для любого числа взаимно тяготеющих тел, но они слишком сложны, чтобы показать на экране. Все вычисления правильны...

Андрей вскочил и возбужденно заходил по комнате.

— Это же значит, что Генрих совершил открытие, которое не удавалось ни одному математику! — крикнул он, останавливаясь перед Роем. — Он самый выдающийся гений из живших на Земле!

— Никакой он не математик, — с досадой возразил Рой. — Тем более не гений. Мы со всем тщанием проверили математические способности Генриха.

— Ты хочешь сказать...

— Да, именно! Ординар. Генрих так же способен создать новую математику, как репа заколоситься.

Андрей ошеломленно смотрел на Роя.

— Но тогда мозг его послужил приемником чужой мыслительной работы, стал полем, на котором разыгралась не им порожденная буря?

— Похоже, так.

— Значит, все-таки есть этот гений, этот математический титан, который добился огромного результата, но сам его не обнаружил, а навел в мозг твоего брата! Так в чем дело? Немедля вывести его на свет! Предки выражались еще ярче: «При жизни поставить памятник!»

— Мы ищем, — невесело сказал Рой, — неведомого человека, настроившего свое сознание на мозг Генриха, или непостижимое явление, превращающее рядового жителя Земли в научного исполина... Мы ищем разгадку катастрофы на Марсе, ибо ни я, ни Арман не сомневаемся, что гибель звездолета и чудесные возникновения математических способностей у Генриха — звенья одной таинственной цепи.

3

Генрих, опираясь на палку, ковылял по аллее парка. Когда прилетели Рой и Андрей, он радостно махнул рукой и заторопился, но ноги еще плохо слушались его.

Рой, подбежав, успел поддержать брата. Он упрекнул Генриха:

— Не рано ли в бег? Тебе лежать и лежать.

— Бежать — рано, в остальном я здоров, — весело ответил Генрих.

Он опустился на скамью, Рой и Андрей сели рядом. Андрей молча глядел на друга. Генрих похудел; в нервном, раньше легко менявшем выражение лице появилась восковая оцепенелость, странно противоречившая глазам, по-прежнему живым. Генрих усмехнулся: он знал, как выглядит.

— Когда человек рассыпается на атомы, Андрей, его трудно собрать в старом виде, — сказал он.

— Да, конечно, конечно, — поспешно согласился Андрей. — Жуткая же была авария, просто жуткая! И столько загадок, столько тайн, столько всякой удивительности!..

И он опять замолчал, не отрывая испуганных глаз от Генриха. И молчание всегда словоохотливого, импульсивно исторгающего из себя слова друга показывало яснее любых слов, каким страшным выглядит Генрих. Генриху это даже понравилось. Плохой внешний вид соответствовал ужасу катастрофы. Генрих по-человечески порадовался бы, если б Андрей счел, что он пышет здоровьем: он тяготился болезнью, особенно в те первые дни на Земле, когда, возвращенный в сознание, еще не знал, хорошо ли пойдет выздоровление, и с опаской думал о будущем.

Сейчас каждая клетка тела ощущала возвращение здоровья, будущее было светло, скверный внешний вид уже не соответствовал внутреннему состоянию; он лишь свидетельствовал о глубине той ямы, из которой Генрих выбрался. Генрих, с удивлением поймав себя на этой мысли, ощутил удовольствие, что так напугал Андрея.

И он сказал шутливо:

— Насчет тайн и удивительностей промолчу. В том, что считать удивительностью, а что стандартом, ты знаток более нас всех. Но так утомительно почти месяц бесцельно валяться на постели, когда другие...

Андрею почудилась в ответе Генриха не шутка, а жалоба. Он запротестовал, чтобы не дать Генриху углубиться в жалость к себе — жалость плохой помощник выздоровления:

— Не надо, Генрих, какие бесцельности! Ты столько во время болезни сотворил поражающего воображение!..

Генрих грустно усмехнулся:

— Ты насчет моего превращения в великого математика? Это уже прошло. Поболел гениальностью и выкарабкался в нормальность.

— Все-таки это твои открытия, — пробормотал Андрей.

— Вряд ли. Каким-то образом мой больной мозг стал приемником чужих откровений, к тому же плохим приемником: сразу же выплеснул их наружу. А тот, кто реально генерирует великие мысли, носит их в себе. Так ведь, Рой?

Рой сдержанно сказал:

— Пока ты можешь еще претендовать на авторство.

— Это было бы слишком простое решение, Рой. А ты ведь сам доказывал, что самое бесплодное дело — искать простых решений. Трудно и вообразить себе, Андрей, как Рой мучил меня вопросами, расспросами, допросами и повторными запросами с той первой минуты, когда я стал способен на что-либо отвечать.

— А каков результат? — осторожно спросил Андрей. — Я имею в виду...

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Моя память обрывается на моменте, когда Спенсер стал приподниматься на диване. Что было потом, даже и не представляю себе.

Андрей взглядом спросил Роя, не повредит ли Генриху дальнейший разговор об аварии. Рой, отвернувшись, не поймал взгляда Андрея. Поколебавшись, Андрей продолжал задавать новые вопросы, лишь постарался говорить помедленнее и наблюдал при этом за лицом Генриха, чтобы прервать выпрашивания, если при каком-либо воспоминании оно болезненно исказится. Но Генрих отвечал спокойно, то пожимал плечами, то недоуменно улыбался, то задумчиво смотрел куда-то вдаль — такова была его обычная манера разговора. Андрей понемногу успокаивался: Генрих был прежним, несмотря на свой новый страшный вид.

— Твое сознание, однако, сохранило многие картины, Генрих?

— Знаю. Чьи-то дикие глаза. Они отпечатались в моем мозгу, а не в сознании. Картинки любопытные, я их сейчас с интересом рассматриваю на экране, но ощущение такое, будто ко мне они не имеют касательства.

— Что ты можешь сказать о Спенсере?

— То же, что об экипаже: практически ничего. Мы встречались в столовой и салоне, изредка перекидываясь словами.

— Полет проходил нормально?

— Точно по графику. Если бы рейс закончился благополучно, я сказал бы — удивительно скучный перелет.

Рой, запрокинув голову, рассеянно глядел на листву. Лето переламывалось в осень — та особая пора, когда в воздухе глухо и сонно, листья почти не шелестят, птицы не перекликаются. В парке было пусто — выздоравливающие, видимо, отдыхали в своих комнатах. Андрей обвел глазами тронутую желтизной зелень и с удивлением сказал:

— Знаешь, Генрих, хороший же месяц сентябрь, я его всегда люблю, а тут забыл о нем, мне казалось — еще весна. Нет, до чего же хорошо!

Насмешливая улыбка чуть обозначилась на лице Генриха. Улыбался он по-новому — сдержаннее и суше.

— Это у нас с Роем тоже бывало — забыть, какое время на дворе. Расскажи о своих достижениях, Андрей. В эфире поминают вашу лабораторию больше, чем все другие. Значит, вы открыли новую галактическую цивилизацию? Поразительно!

Андрей о своих работах всегда распространялся с охотой, а сейчас еще хотелось отвлечь Генриха. И он знал, как и раньше интересовался Генрих всем, что совершалось в его лаборатории.

— Не новую — уникальную! Внеземных цивилизаций немало, но цивилизация на Кентавре намного превосходит человеческую: еще недоступные нам методы связи, все на сверхсветовой скорости...

— Не так быстро, — попросил Генрих. — .Прежней скорости восприятия я еще не восстановил.

Как ни был увлечен своим рассказом Андрей, он заметил, что Рой подает осторожные знаки. Вскочив со скамьи, Андрей оборвал себя на полужае:

— Остальное узнаешь, когда выйдешь, к тому времени накопим новые наблюдения. Выздоровливай! Выздоровливай!

Генрих остался в парке. Рой шел не торопясь, пока Генрих мог их видеть, потом убыстрил шаг. Андрей недовольно сказал:

— Дикая же спешка! Разве могли повредить мои объяснения, не понимаю, почему не дал досказать, он же заинтересовался...

— Скорей, скорей! — Рой уже не шел, а бежал к авиетке, оставленной у входа. — Я получил мыслеграмму от Армана, что

уловлены мозговые излучения такой же характеристики, что у Генриха во время болезни.

— Человек? Машина?

— Человек. И находится в Столице.

4

Когда Арман волновался, его смуглое лицо не краснело, а темнело. Сейчас оно казалось угольно-черным. Он что-то раздраженно выкрикнул, увидев Роя с Андреем. Рой догадался, что Арман ругается: Арман гордился, что знает старинные клятвы, заклятья и проклятья, заговоры и наговоры; он часто, когда опыты не шли, отводил душу в странных восклицаниях. Рой считал, что так облегчать себя все же лучше, чем швырять приборы, как иногда делал вспыльчивый Генрих.

— Я же просил, просил поскорей! Неужели потом нельзя было наговориться?

— Я не хотел при Генрихе вынимать передатчик из кармана и не все отчетливо слышал. Значит, нашли?

— Не нашли, а потеряли! Засекли, стали пеленговать — вдруг замолк!

Прерывая себя раздраженными восклицаниями, Арман рассказал, что институтская МУМ — малая универсальная машина — приняла излучение той же сумбурной характеристики, что и больные видения Генриха. Электронный медик санатория информировал, что Генрих мирно беседует с другом и братом в парке и что его мозг излучает на спокойных частотах. И в этот момент излучения оборвались, генерирующий их мозг выключился так внезапно, словно погасили лампочку.

Ничего существенного в уловленных излучениях не было, обычная мозговая работа — возможно, человек читал книгу, или любовался телезрелищем, или с кем-то разговаривал. Но что характеристика совпадает с мозговыми записями Генриха, Рой увидел, едва взглянув на перепутанные кривые. Он часто с волнением, с тревогой, с восхищением вглядывался в точно такие же кривые — странные линии, сумятица, судорожные выплески пиков, стремительность падений: одни были вызваны тяжелой болезнью, другие свидетельствовали о пронзительных озарениях...

— Если торопишься к себе, я не держу, — сказал Рой Андрею, с любопытством рассматривавшему изображение. — Завтра продолжим беседу.

Рой постарался, чтобы предложение оставить их прозвучало достаточно убедительно. С Андреем можно было беседовать о его открытиях, но не налаживать погоню за каким-то незнакомцем, мыслительная работа которого так странно повторила болезненные видения Генриха. В сыщики Андрей не годился. Но он был иного мнения о себе. Бледноватое лицо Андрея побагровело.

— Ну нет, на самом интересном месте, вот еще что придумал — завтра! Будь покоен, не помешаю, еще похвалишь!

Рой махнул рукой:

— Тогда сиди и молчи! Будем педантично рассматривать каждый вариант, Арман. Первая возможность, по-моему...

— Да. Излучающий мозг удалился из зоны, где могут засечь его работу.

— Конкретней — источник излучений улетел из Столицы.

— Отпадает. По мере удаления излучение ослабевало бы постепенно, а кривые обрываются круто.

— Вторая: человек заснул.

— Те же возражения. Когда человек засыпает, мозг еще некоторое время работает, ты это знаешь не хуже меня.

— Смерть?

— Маловероятно. Был бы взрыв, перестройка всей картины.

— Сумбура хватает.

— Нормального сумбура, я бы так сказал. Необычная картина, которая непрерывно продолжается. Смерть — все-таки обрыв непрерывности, а не ее продолжение.

— Больше я не могу ничего придумать, — сказал Рой.

— Я придумал! — воскликнул Андрей. — Есть еще возможность, теперь слушай меня, я самым простым и коротким...

— Да, пожалуйста, коротким.

— Переключился на иную мозговую генерацию, вот и все! Подробнее хочешь?

Рой согласился выслушать подробнее. Андрей настаивал, что от человека, умеющего переадресовать свою умственную деятельность другому, да еще внедрить в чужой мозг способность на величайшие открытия, можно ожидать и умения менять свои мозговые излучения. Правда, с такими явлениями пока не сталкивались; считается, что каждый мыслит в характеристике, созданной генами, теперь удастся углубить наши знания, только и всего.

— Хорошенькое «только и всего»! — с досадой сказал Рой. — Был дураком, стал гением, снова обратился в дурака — вот чему равноценно твое «только и всего»!

— А что? Каждое невероятное явление требует своего объяснения.

— Но вероятного, Андрей! Объяснить — значит свести странное явление к нормальным причинам. Если принять на минуту твою версию, то это значит: кто-то в Столице прогенерировал в мозговой характеристике Генриха и, сменив свой мозг — иначе я это и назвать не могу, — выпал из нашего наблюдения.

— Есть возможность проверить, был ли раньше когда-либо среди жителей Столицы человек с такой характеристикой, — сказал Арман. — Наша машина сейчас изучает мозговые паспорта, хранящиеся в архиве.

Он набрал вызов МУМ и покачал головой, получив ответ.

— Рой, машина дает справку, что среди постоянного населения города нет ни одного, кто бы генерировал в этой характеристике. Она проверила мыслительную работу нескольких миллионов человек с момента рождения — отождествление исключено!

— А переменное население? — спросил Рой. — Командированные, гости, туристы?..

— Проверка их сложнее, но делается и она. Машина изучает архивы гостиниц.

— Мы с Андреем полетим в гостиничный городок, — Рой сделал знак Андрею, — а ты передашь нам ответ по мыслепроток.

Андрей, опередив Роя, первым вскочил в авиетку и вынесся наверх. Рой лишь поднимался над деревьями институтского парка, когда Корытин уже парил над крышами небоскребов Большого Кольца, нетерпеливо поджидая там замешкавшегося друга. Андрей не только демонстрировал усердие, но и захватывал инициативу. Это, впрочем, не показалось Рою неожиданным: стремление всегда первенствовать было неистребимо в Андрее; он не желал выделяться, но просто не мог не выделяться — вторые роли были не для него, за какое бы дело он ни брался. И увидев, что Рой, наконец, выбрался на высоту, Андрей сердито махнул рукой, чтобы он поторопился, и умчался вперед.

Они проносились над зелеными массивами, над улицами и проспектами; внизу было много пешеходов, еще больше людей носилось в воздухе. Ни один из прогуливающихся или летящих не мог быть тем, кого они разыскивали, перемена характеристики мозга — операция вообще невыполнимая, тем более в какие-то считанные минуты. Рой понимал это, но несуразная мысль все возвращалась.

— Крепко же в меня засели невероятные вероятности Андрея! — пробормотал Рой, усмехнувшись.

Андрей, летевший метров на двести впереди, услышал в передатчике свое имя и спросил, чего Рой хочет. В это время Арман дважды выкрикнул по мыслепроводу: «Сектор шестой, корпус первый, двадцать девятый этаж, номер сто шестьдесят первый!» Рой продублировал Андрею сообщение Армана.

— Высаживаемся на причальном балконе тридцатого этажа! — крикнул Андрей.

Гостиничный городок, район самых высоких зданий Столицы, располагался на острове, возведенном в центре Восточного озера. Островок сам по себе был невелик — всего один квадратный километр, но, заселенный полукилометровой высоты домами, с воздуха казался собранием гигантских глыб, взметнувшихся над сравнительно невысоким пейзажем, — жилые дома вокруг Восточного озера не превышали сорока этажей, лишь на кольцевых проспектах были повыше. Шесть секторов разделяли гостиничный городок на равные участки, в центре каждого возвышался двухсотэтажный корпус, номер его в каждом секторе был первым — шесть гигантских малиново-белых факелов обозначали своим сиянием секторы. Особенно красочным зрелище было в ночи, когда верхние этажи, казалось, пропадали среди звезд.

К одному из высотных корпусов и устремил свою авиетку Андрей. Он подлетел к двухсотому этажу, но не остановился на его посадочной площадке, а заскользил вниз. Каждый десятый этаж опоясывал гигантский балкон, на третьем снизу балконе Андрей остановился. Рой добавил скорости и догнал Андрея, когда тот выскакивал из авиетки. Андрей, прыгая через три ступеньки, сбежал на двадцать девятый этаж и помчался по коридору к диспетчеру этажа. Диспетчер — металлический щит, на нем вспыхивали разноцветные глазки номеров и красные цифры оказываемых услуг — показал в приемном окошке лицо миловидной женщины и заговорил приветливым женским голосом: гостиничные автоматы последней модели были устроены так, что с мужчинами разговаривали в женском образе, а с женщинами — в мужском: по утверждению конструкторов, это предохраняло от многих раздражений.

— Федор Ромуальд Гаррисон, да, Федор Ромуальд Гаррисон, — учтиво говорил диспетчер.

— С ума сойти! — восторженно заорал Андрей подходившему Рою. — Знаешь, кто живет в номере? Мой сотрудник Федя

Гаррисон, паренек с Плутона, чудеснейший мастер по многомерной внеалгоритмике!.. Голубка, вы не ошиблись, двадцати семи лет, рост двести двенадцать, глаза голубые, холост, специалист по эн-мерным непорядкам?

Автомат подтверждал все, что выкрикивал Андрей:

— Да, с Плутона, двадцать семь лет, рост двести двенадцать, восемьдесят девять килограммов, холостой.

— Почему же он не в лаборатории? — вдруг возмущился Андрей. — Черт знает что, достаточно разок не явиться, все сотрудники разбегаются — он, правда, неделю хворал, но ведь поправился, неужели опять?.. А вы не ошиблись, милая, он у себя?

— Он выходил утром, постоял в коридоре и возвратился.

— Задам я ему, пошлите-ка вызов!

— Гаррисон не отвечает на вызовы, друг.

— Как не отвечает? Дайте-ка снова!

— Не надо! — Рой положил на приемный столик жетон — свое удостоверение: оно выдавалось лишь тем, кто имел право вести розыск в Столице. Жетон провалился в недра диспетчера и вновь вернулся.

— Слушаю, друг! — сказал автомат совсем другим голосом, такие голоса называли «информационными» — в отличие от «обслуживающих».

— Ключ к Гаррисону!

На столике появился ключ, его схватил Андрей.

— Я побегу вперед!

Он мигом исчез за поворотом коридора.

Когда Рой подошел к номеру, оттуда выскочил Андрей, он что-то силился выговорить и не мог. Рой схватил друга за руку:

— Да что там? Что? Не молчи же!

— Доктора! — пролепетал Андрей. — Федя... Федя!..

Рой вбежал в номер, повернул на стене рычажок медицинского вызова — Андрей в ошеломлении забыл о нем, — огляделся: на кровати лежал прикрытый простыней человек, на столике была записка. Рой прочитал: «Андрей, простите меня, не могу иначе!»

— Это и вправду твой сотрудник? — хмуро спросил Рой.

Андрей с трудом прошептал:

— Он, он! Такая страшная смерть!

— Мертв?

— Пустил себе разряд в ухо. Из лабораторного разрядника. Восемь тысяч вольт!.. Мгновенная смерть, абсолютно мгновенная... А твой Арман говорит — смерть маловероятна...

— Прикрыл его ты, Андрей?

— Я, я! Такой ужасный вид!.. Я набросил простыню и побегал.

Рой отдернул простыню. На кровати неестественно скорчился человек среднего роста. Рой сразу узнал его. Он десятки раз рассматривал этого человека, вспоминал его, размышлял о нем...

Андрей в испуге крикнул:

— Что с тобой? Как ты побледнел!

Рой опустился на диван, трясущиеся ноги не держали. С трудом выговорил:

— Андрей! Повтори — кто он?

— Федор Ромуальд Гаррисон! Разве не ясно?..

— Ты уверен? Отвечай, уверен?

— Абсолютно! Мне ли не знать Федю! Да и записка мне, разве не видишь? Он, он!

Дрожь в ногах все нарастала. Рой медленно проговорил:

— Человек этот — Василий Арчибальд Спенсер, тело которого я привез с Марса.

В номер вбежал врач с двумя санитарями.

Глава третья

ОБЕЗЬЯНКА ОЛЛИ

1

Сначала надо было совершить дела, не допускавшие промедления: наскоро объяснить врачу, как они очутились здесь и что увидели в номере; вызвать в гостиницу Армана; прикрикнуть на Андрея, снова впавшего в отчаяние, — этот человек, несмотря на энтузиазм, с каким вызвался в помощники, решительно не годился в следователи; объяснить Арману — все с той же косноязычной торопливостью, — что они опоздали к Гаррисону и тот успел сам распорядиться собой; попросить врача отправить умершего не в общий морг, а в институтский, а там поместить рядом с трупом Спенсера, ибо потребуется отождествление обоих погибших; а когда врач с санитарями вынесут Гаррисона в коридор и уложат в санитарный автокар, имевшийся на каждом этаже, поспешить за ними и сопровождать на авиетке медицинский аэробус.

— Можешь идти с нами, — сказал Рой Андрею, в полной страсти следившему, как выносят из номера тело его помощника. — Но лучше вернись домой и прими радиационный душ.

Арман, взглянув на Гаррисона, тоже сразу признал в нем Спенсера. Это еще больше расстроило Андрея. Он негодуяше воскликнул, что не может — как бы ему это ни доказывали — допустить, что один человек существует в двух телах. Арман хмуро возразил:

— Не существует, а дважды погибает в одном обличье.

Андрей не нашел разницы.

— Послушай, ты пойми меня, — почти умоляюще говорил Андрей Рою, шагавшему по коридору за медиками. — Я уйду к себе, ты прав, зрелище не для меня, вы расследуете аварии и катастрофы, там везде мертвые, вы привыкли, а у меня звезды, это же совсем другое, пойми! Но как ты можешь говорить, что это не Федя, мне ли не знать Федю, это же мой лучший сотрудник, моя правая рука, артистическое понимание непорядков и сумбура, виднейший исследователь антилогик, как он может стать другим человеком, как, я тебя спрашиваю?!

— Могу сказать одно: он, видимо, захотел свое артистическое понимание нелогичностей претворить в жизнь, — хмуро ответил Рой. — Ибо, согласен с тобой, нет человеческой логики в том, что один является в двух ипостасях, как говорили в старину. — Он с иронией посмотрел на Андрея. — Но для специалиста в антилогике, для теоретика сумасбродства природы все невозможное — возможно. Ибо в любом безумии есть система, и для самих безумцев она в том, что безумие — норма.

— Они близнецы! — с горячностью объявил Андрей. — Уверяю тебя, Спенсер и Гаррисон — близнецы, вот ты увидишь сам, когда прилетишь в морг, не сомневаюсь ни минуты, категорически потребуй, чтобы твой Арман немедленно запросил у Справочной...

— У меня нет охоты обижать своих сотрудников. Уверен, что Арман и без моих приказов уже послал Справочной все нужные запросы.

Когда Рой и Андрей вышли на балкон тридцатого этажа, от него отваливал медицинский аэробус. Вслед за медиками помчалась авиетка Армана.

Андрей внезапно переменял решение. Он должен собственными глазами посмотреть на таинственного Спенсера, должен сравнить его с Федей Гаррисоном. Вскочив в авиетку, он помчался за Арманом.

Рой не торопился в морг. Сейчас там укладывают один загадочный труп рядом с другим загадочным трупом. Специалисты уже вызваны. Им нужно время, чтобы сформулировать свое заключение, он не хотел им мешать. Он будет думать. Выпало несколько спокойных минут: не надо ничего объяснять, командовать, принимать срочные решения, можно размышлять, а не действовать.

Итак, Гаррисон и Спенсер... Возможно, они и вправду близнецы, но это маловероятно — ведь даже у близнецов не совпадают полностью мозговые излучения. И оба настолько схожи, что их не различить. И оба кончили трагически. И оба связаны с Генрихом — каждый по-особому, но связаны. Генрих и Спенсер — жертвы аварии, Гаррисон через Спенсера и Генриха, с которыми связан — с каждым по-особому, — тоже, не исключено, к ней причастен. Они оба, Спенсер и Гаррисон, — звенья какой-то единой цепи. Зловещая цепь! Кто управляет ее движением? Чья злая рука вершила судьбами этих двух несчастных?

Ни на один из вопросов ответа не было, но Рой и не жаждал немедленного ответа. Еще на Марсе он убедил себя: простых решений не ждать. Надо искать решений неожиданных, решений удивительных — таких, чтобы о них сказали: «непостижимо!». Лишь они соответствовали сложности явления. Рой мрачно усмехнулся. Хорошо бы познакомиться с Гаррисоновой разработкой антилогии — возможно, там и вправду найдется что-либо более подходящее к случаю, чем их логические построения. Он иронизировал на эту тему с Андреем, но ограничивается ли дело одной иронией? А если природа сама иронизирует над собой? Рой покачал головой. Он заходит слишком далеко. В любом безумии имеется не только система, но и мера. А значит, и законы, управляющие безумием.

Одно несомненно: еще ни разу не приходилось сталкиваться с такой трудной проблемой. Были и раньше глубокие тайны, были запутанные загадки, были ужасные события, но все они лежали в границах реальной действительности: результат трагического столкновения известных сил и факторов, драматический плод нарушений режимов и правил, вторжение стихий в планомерную деятельность. Много, много было странного и страшного, что на спокойном языке отчетов называется «происшествиями». И гибель космических кораблей при посадках и взлетах и в рейсах, и гибель людей на дальних планетах, и гибель людей на Земле. И все это было — иное! Неудачно сложившаяся комбинация естественных причин,

естественная необычность, так бы он сказал. Но два трупа одного человека, внезапное превращение обычного человека в гения и снова «падение в обычность» — где тут нормальные причины?

— Сверхъестественно, как говорили предки, когда чего-либо не понимали, — пробормотал Рой. — Ладно, ладно, не будем преждевременно делать широкие обобщения.

Он приземлил авиетку у служебного входа в университетскую клинику — отсюда был самый короткий путь в морг, помещавшийся в десятом подземном этаже.

На залитых светом столах лежали два тела, над одним склонялись эксперты. Среди них Рой увидел и Андрея с Арманом.

Андрей поспешил к Рою.

— Ужас, Рой! — воскликнул Андрей, нервно сжимая руки. — Ты прав, они не близнецы, даже не родственники, но такое удивительное сходство, такое невозможное сходство!

Рой вопросительно посмотрел на приблизившегося Армана. Арман молча подал ленту с записью ответа Справочной. Спенсер родился на Земле в 320 году нового летосчисления в весенний день 9 мая. Гаррисон, уроженец Плутона, на той далекой планете провел детство и кончил школу, впервые на Землю попал, лишь когда подошли годы поступать в университет. Но различие между Гаррисоном и Спенсером этим и исчерпывалось, если не считать еще и различия профессий: один — математик, другой — астроботаник. Все остальное совпадало: рост, вес, цвет волос и глаз, внешний вид. Справочная педантично отмечала даже родинки на шее и на спине. И хотя происходили они от разных родителей, родились в один и тот же день одного и того же года.

Рой молча вглядывался в запись, смутно ощущая, что держит в руках разгадку тайны. Но разгадка была закодирована непонятными символами, их надо было в свою очередь разгадывать.

Арман сказал:

— Различие между ними есть, но не физическое. Разные места рождения, имена, образование. В общем, биографии непохожи, а в остальном — полное совпадение!

Рой приблизился к группе медиков. Полного совпадения в обликах двух умерших все же не было. Спенсер был меньше Гаррисона. Это было настолько явно, что Рой обратился к справке. Там стояло: «Рост у обоих одинаков — 2 метра 12 сантиметров». Но Спенсер был меньше, по крайней мере, на десять сантиметров.

Один из медиков, Кон Араки, заметил, с каким недоумением Рой переводит взгляд с мертвых на запись и снова на них.

— Нас это тоже удивляет, — сказал Араки. — Спенсер мумифицируется, хотя и помещен в нейтральную атмосферу. — Тело Спенсера покоилось в прозрачном саркофаге. — Мы не ожидали, что он с такой интенсивностью будет терять вес. Вероятно, это связано с неизвестными нам особенностями его гибели.

Рой вспомнил, что еще на Марсе начальника астропорта Винклера поразило быстрое ссыхание трупа. Очевидно, и специальная атмосфера, обрывающая все реакции в клетках мертвого тела, в этом случае оказалась малоэффективной: новая странность, доказывающая необычность этого трагического происшествия. Рой сказал медику:

— Я, как и вы, не знаю, почему труп так быстро теряет вес, но мне это представляется очень важным для расследования аварии. Нельзя ли сохранить тела в таком виде, как они есть? Особенно это относится к Гаррисону.

— Попробуем. У нас имеются и более сильные консервирующие средства, чем нейтрализующая атмосфера.

— Оживление Гаррисона решительно невозможно? — на всякий случай уточнил Рой.

— Решительно, друг Рой! Тело практически не повреждено, но мозга не существует, все мозговые клетки переплавлены. Дня через два мы пришлем вам подробный доклад.

Рой кивнул головой и отошел. Арман сказал, что останется с медиками, пока они не закончат исследование трупа. Андрей бросил прощальный взгляд на Гаррисона и догнал Роя.

Они молча вышли в сад. Рой ласково положил руку на плечо Андрея.

— От всей души сочувствую тебе — потерял друга, хорошего работника...

Нервное лицо Андрея исказилось от боли.

— Нет, Рой, при чем здесь сочувствие мне, все куда страшнее! Я знаешь о чем думаю? Это ведь самоубийство, а почему, нет, объясни, зачем понадобилось Феде умирать, ведь не было причин, не было, не было, я-то ведь хорошо знал Федю!

Рой сумрачно возразил:

— Были причины, и вероятно — важные. Боюсь, Гаррисон жил какой-то двойной жизнью; а ты об этом и не подозревал.

Андрей вызвал авиетку, сказал, что ждет Роя с Арманом к себе, и взмыл ввысь. Рой вышел на радиальную улицу, завернул с

нее на кольцевой проспект, выбрал тенистое местечко. Здесь было хорошо сидеть и размышлять. Он откинулся на спинку скамейки, но не размышлял, а отдыхал. Высоко над деревьями проносились одиночные авиетки с жителями, торопившимися по своим делам, важно проплывали туристические аэробусы, мчались спортивные машины. В воздухе была толчея, сумятица на всех разрешенных для движения уровнях. Такая же сумятица открылась бы, вероятно, и на подземных этажах, если бы удалось снять верхний покров и разом увидеть все эти «минусовые горизонты». А на Земле, на видимой ее поверхности, была удивительная, берущая за душу тишь.

Рой сперва вяло удивился тишине — низовой ветер на этот день, видимо, разрешен не был: ни один листочек на липах и кленах не подрагивал, даже всегда беспокойные тополя не шелестели листвою, и густая трава на газонах высилась надменно, — потом с удовлетворением подумал, что человечество, все дальше погружаясь в недра, все выше забираясь в воздух, оставило, наконец, поверхность если и не в покое, то для покоя. Сегодня первый день бабьего лета, вспомнил Рой. Инженеры Управления Земной Оси хорошо разбирались в значениях древних слов; они и оттенки давно изжившего себя словаря педантично переводили на язык современных метеорологических понятий — вдохновенно переводили, поправил он себя с удивлением: до него вдруг дошла прелесть дня.

Солнце выбралось за край высотного корпуса гостиничного городка, оно шествовало по опускающейся небесной кривой — жаркое, томное, упоенное собой. Утром шел дождь; дождь всегда начинал этот знаменательный день, первый день бабьего лета. Бабье лето начиналось со свежести, свежесть лишь к полудню превращалась в жаркое дыхание, а сейчас уже шло к вечеру. Могучие соки земли струились в жилах трав и деревьев, исторгались наружу пьянящими ароматами. Рой вдыхал, как пил, дурманивший дух земли. Это было воистину бабье лето. Он закрыл глаза, голова немного кружилась, мысли путались, уже не было мыслей, было отрешение от дел, разрешение от забот, то облегчение от тягот, с какого начинается истинный покой, — ощущение завершенности.

— Хорошо, ах, до чего же хорошо! — пробормотал он.

И когда слово «хорошо» дошло до сознания, и больно укололо своей несвоевременностью, и напомнило, что до хорошего далеко, ничего нет пока хорошего, кроме вот этого великолепного дня, созданного не столько вольной прихотью природы, сколько

запланированным старанием метеорологов, он, повысив голос, упорно повторил себе, как заклинание:

— Хорошо, просто невозможно как хорошо!

2

Генрих переходил от стенда к стенду, от прибора к прибору, до каждого с наслаждением дотрагивался, с нежностью провел рукой по схеме переключений, дружески похлопал по щиту с командными аппаратами. Остановившись в углу, он обвел растроганным взглядом лабораторию.

— Здорово же ты изголодался по работе, — заметил Рой.

Генрих присел около брата.

— Ужасно, Рой! Я ведь уже потерял веру, что возвращусь к нормальной жизни.

— Медики не считали тебя безнадежным ни на Марсе, ни на Земле.

— Я сам считал себя безнадежным. Чем ты нагрузишь меня? Чем вы сейчас занимаетесь?

— Легче сказать, чем мы не занимаемся! Лаборатория особых космических проблем, а под особыми все больше понимаются несчастья в космосе... Что до меня с Арманом, то мы заняты тобой. Отчего ты чуть не погиб?..

— И для чего выздоровел, да? — Генрих нахмурился. — Вряд ли по этой проблеме я буду тебе хорошим помощником. Древние говорили, что познать самого себя — самая трудная штука.

— Они же говорили, что самопознание — предпосылка всякого иного знания. Впрочем, ни минуты не сомневался, что ты выберешь тему сам, и обязательно не ту, какую тебе порекомендуют.

Генрих засмеялся. У него и раньше были обычны быстрые переходы от дурного настроения к веселью и от веселья к хмурости. После болезни внезапная смена настроений стала резче. Обдумывая, как держаться с братом, Рой предписал себе подтрунивать, но не противоречить.

Не встречая отпора, Генрих легко «перегорал», эта черта в нем сохранилась.

— Но если деятельно участвовать в расследовании мне непосильно, то интересоваться им буду, — предупредил Генрих.

— Это не противопоказано, — согласился Рой.

— В этой связи у меня много вопросов к тебе.

- Задавай их.
- Доказано ли, что Спенсер и Гаррисон — одно лицо?
- Доказано, что их нельзя различить физически.
- Как-то они все-таки различаются?
- Биографически. Анкетно, как говорили наши предки.
- А как понимать физическое тождество?
- Буквально. Совершенные близнецы, хотя и от разных родителей. Высокомудрая МУМ едва не впала в электронное безумие при обработке их данных, на третьем запросе она уже путала их.

Генрих, помолчав немного, заговорил опять:

- Зачем Спенсер летел на Марс? Ты объяснял, но я забыл.
- Изучить энергию марсианской растительности. Физики считали тему важной.

- А его двойник? Они не были знакомы? Разумеется, если не исходить из посылки, что оба — одно существо.

- Они сейчас лежат рядышком, повергая студентов-медиков в трепет своим сходством. Наличие двух тел доказывает, что существа они разные.

- Что значит предсмертная записка Гаррисона?

- Этого никто не знает.

- Это может знать Андрей, записка адресована ему.

- Он и понятия не имеет, что подразумевал Гаррисон.

Генрих опять помолчал, размышляя.

- Доказана ли сверхсветовая скорость команд Марса?

Рой пожал плечами.

- Я бы сказал осторожнее: не доказано, что сигналы распространялись со скоростью света. Мгновенность передачи остается пока единственным объяснением загадки.

- Но это противоречит законам мироздания, Рой.

- Да, известным... Напомню тебе, что сама авария тоже не может быть объяснена действием известных нам законов.

- Мгновенность передачи возвращает нас к работам Андрея. Ты считаешь их обоснованными?

- Не мне судить о таких проблемах. Общее же мнение таково: уловлена передача, но позывные ли это иной цивилизации или результат природного процесса, случайно приводящего к повторению арифметических азов, — неведомо. Мысль, что прием идет при помощи сверхсветового агента, пока не больше чем блестящая гипотеза. Андрей подготавливает решающий опыт. Он приглашает нас познакомиться с его аппаратурой. Ты пойдешь?

— С охотой. Ещё вопрос, Рой.

— Хоть сто.

— Сообщение с Марсом восстановлено?

— Только грузовое. Пассажирское — в порядке исключения, туристское на неопределенное время отменено.

— Воображаю, как тебя торопят с расследованием, Рой!

Рой сумрачно усмехнулся.

— Каждый день вызывает Боячек. Задал, задал ты работы, Генрих!

На экране засветилось улыбающееся лицо Армана.

— Поздравляю с возвращением в родные места, Генрих! Рой, ты поклонник бредотворчества? Величайший снотворец нашего времени Артур Артемьев просит незамедлительно принять его.

Генрих с недоумением взглянул на брата:

— Не ожидал, что мои видения породят в тебе любовь к художественному бреду!

— Если у нас появился Артемьев, то, значит, это нужно ему, а не мне, — ответил Рой.

— Прими его повежливее, Рой, — посоветовал Арман. — Он все-таки знаменитость, и характер — по славе!

В лабораторию вплыл круглый подвижный человечек. Рой учтиво пошел ему навстречу.

3

Предупреждение Армана было излишне: и Рой, и Генрих хорошо знали, кого принимают. В странном роде искусства, именного художественным снотворчеством, Артур Артемьев давно был признан выдающимся мастером, чем-то вроде классика-сновидца. Правда, полного собрания сновидений ему не удалось выпустить, но лишь потому, что и сейчас, уже пожилой, он продолжал систематически продуцировать сны, яркие, как у ребенка, и сюжетно весьма стройные (запутанность острого сюжета была важнейшим художественным приемом Артемьева). «Мое бредовое академическое издание возможно лишь после моей смерти», — утверждал он. Зато ежегодно пополняемая катушка «Избранных бредовидений Артемьева» не залеживалась на полках: у молодежи, склонной к экстравагантности, Артемьев ходил в любимых авторах. К тому же техника бреда у Артемьева была столь отработана, что сновидения его транслировались непосредственно из сна, без черновой записи и «доводки», он, как это говорилось у

профессионалов-сновидцев, «творил заверченный бред». Даже великий Джексон Петров, создатель бредоискусства, не сумел бы похвастать таким мастерством.

И, крепко пожимая гостю руку, Рой начал разговор с того, что поблагодарил Артемьева за посещение их лаборатории.

— Правда, мы далеки от вашей отрасли техники, — честно предупредил Рой, усаживая гостя. — И если, случается, бредим сами, то относимся к этому как к браку в работе. Но, в общем, мы с Генрихом понимаем, сколь велико ваше...

Артемьев, невысокий, толстенький, с коротенькими — до бедер — руками, одутловатым лицом и такими блестящими глазами, что он, казалось, не глядел, а озарял ими, нетерпеливо оборвал Роя. Сновидец говорил отрывисто, слова его складывались скорее в лай, чем в речь.

— Чепуха! — прогавкал он. — Какая техника? Бред — искусство. Вам не понять. Собственные ваши сновидения... Вы наблюдаете — я переживаю, ясно? Я спрашиваю: ясно?

— Мы не хотели вас обидеть, — мягко сказал Рой. — И если вы изложите, что привело вас...

Артемьев со злостью попросил не прерывать его. У него путаются мысли, когда его прерывают. Прерывать человека невежливо. Он ненавидит тех, кто его прерывает. Когда шесть лет назад на Марсе, в безводной пустыне, он транслировал прямо из головы свой знаменитый шедевр «на тонущего в океане человека бросается акула», один из наглецов-марсонавтов уронил на него угловой шест палатки и, вместо того чтобы молча поднять тот проклятый шест, не обрывая захватывающего сновидения, стал бесцеремонно извиняться. Возмутительные извинения погубили конец сна, человеку не удалось заглотать акулу, как складывалась вначале бредоситуация, утопающий сам угодил акуле в пасть. Вот к какому шаблону привело невежественное вмешательство в искусство!

— Я ненавижу извинения! — гневно прокричал Артемьев. — Начнете беспардонно извиняться — поставлю крест на обоих! Можете вы, наконец, ответить по-человечески: ясно?

— Ясно, — успокоил Артемьева Рой.

Братьев стала забавлять воинственная нетерпимость прославленного сновидца. Генрих, повеселев, придвинулся поближе.

— Извиняться не будем. Тем более, что еще не прови...

Артемьев опять не дал договорить. Он явился в институт не для болтовни. Болтовня — способ общения у сумасшедших, име-

нующих себя нормальными, то есть ординарными людьми. Бредовики общаются между собой лишь видениями. Сновидец клочкотал минуты три, потом извилисто подобрался к теме прихода. С ним несчастье. Когда других людей постигает беда, это их личная драма, но неудачи искусного бредовика — горе для всех, ибо художественный бред — продукция, с увлечением потребляемая зрителями. Его заслуги известны каждому. После Джексона Петрова еще не существовало сновтворца столь умелого и разнообразного, столь широкоохватного и своеобразного, столь глубокого и увлекательного, столь, наконец... В общем, такого мастера, вот что он хочет сказать.

— Вы говорите, конечно, о себе? — деликатно уточнил Рой.

Сновторец зло сверкнул глазами.

— Не о вас же! В области бреда от вас пока еще... Оригинальность. Неповторимость. Непохожесть. Несравнимость. Особость. Своевыражаемость. Своекартинность. Своекрасочность. Своемузыкальность. Весь — свой. И потому — для всех. Ибо общий бред уже не бред, а реальность. Вы меня понимаете?

Из дальнейшего объяснения стало ясно, что несчастье сновтворца как раз и состоит во внезапной утрате оригинальности. Недавно он после веселой прогулки в горах пошел, не отдыхая, на работу, то есть уснул. По многолетнему обычаю (а также, добавил он, в соответствии с пунктом третьим договора с Управлением телеискусства), подключенный к кровати ретранслятор передал в эфир его сон. Сновидение было красочное и впечатляющее.

— Вы, очевидно, видели его? — сказал сновидец, подозрительно вглядываясь в братьев. — Не поверю, чтоб вы не... Мое творчество столь популярно... Насчет горилл во Вселенной. Было повторение на планеты.

— Я слышал об этой передаче, но мы не видели ее, — ответил Рой. — Я в это время на Марсе расследовал аварию, а брат лежал без сознания. Мне говорили, что зрелище было восхитительное.

— Да, это верно, сновидение захватывало. В лаборатории, заставленной механизмами, — вот примерно такой же, как эта, — испанская горилла орала человеческим голосом: «Мы вас не звали! Вы несете смерть! Вы сами погибнете! Удалитесь! Живей! Живей!» И сама горилла была удивительна, и еще удивительнее — загадочные механизмы, а всего поразительней — молнии, вылетающие из мохнатой головы обезьяны при каждом жесте. К тому же

она кричала не словами, а вспышками разрядов, она гремела, а не говорила, так было выполнено телезрелище. Люди отшатывались от экранов, две женщины упали в обморок, они сами написали об этом на студию. Дело не в нервных женщинах. Искусство хорошего производителя снов захватывает и терзает, печалит и радует даже флегматиков!

— Короче, вас можно поздравить с созданием нового бредового шедевра, — вежливо промолвил Рой. Он переглянулся с братом.

Да, его можно поздравить, сам он тоже так думает об этом трижды неладном сновидении, оно ему удалось, хотя и принесло множество огорчений. Коротенькая жуткая картинка, фантастическое эссе — вот как он сам воспринимает это произведение, названное сжато и точно: «Гориллы у космопульта». А на другой день посыпались письма и на телестудии зазвенели звонки: точно такое же видение имеется и в четырнадцатой завершающей катушке полного собрания сновидений Джексона Петрова, и даже название похожее: «Обезьяны в космосе»... Нет, он спрашивает, отдают ли братья себе отчет в трагизме ситуации? Оригинальнейший снотворец сегодняшнего века эпигонски повторяет ветхий бред полузабытого древнего мастера — гениального, конечно, но допотопного, как ихтиозавр! Что общего между ним и стариком Джексоном? Каким образом видения давно истлевшего человека могли повториться в мозгу современного бредовика? Вот какую задачу он ставит перед братьями, вот почему приехал к ним. Генрих и Рой распутали тайну гибели Фреда Редлиха, восстановили доказательства великой теоремы Ферма, а теперь могли бы потрудиться над загадкой передачи бреда из одного мозга в другой. Буквальное повторение одного и того же видения через сто лет после его первой трансляции — величайшая тайна века, он и такой формулы не побоится!

Когда снотворец умолк, Рой осторожно сказал:

— А может быть, тайны-то нет? Вы когда-то познакомились со сновидением Петрова, оно отпечаталось в вашем мозгу...

Артемьев остановил его возмущенным взмахом руки:

— Нет! Сто тысяч раз — нет! Я не хотел говорить... Будет ужасно, если телекритики узнают...

Рой со скукой пожал плечами:

— Чтоб распутать загадку, мы должны быть уверены, что она реально существует. Такой убежденности у меня пока нет.

Снотворец теперь запинался на каждой фразе:

— Дело в том, что... Оригинальность видений — такое бесценное качество... Любое чужое видение столь ужасно на меня влияет... Даже мастер превращается в эпигона. — Он набрался духу и выпалил: — Я никогда не видел этого сновидения Джексона Петрова! И других его сновидений не знаю. Вот полная правда о моем отношении к Джексону.

— Но можете ли вы поручиться, что его сновидения не стали вам известны иным путем, кроме стереоэкрана?

— Два миллиона раз — нет!

— Я подразумеваю книги, рассказы бредозрителей...

— Еще один миллион! Книг я не читаю, а рассказы о снах выношу, когда говорят лишь о моих собственных сновидениях. Оригинальность — нежный цветок, ее надо оберегать от постороннего воздействия. Я, конечно, могу быть уверен, что вы займетесь срочным распутыванием моей загадки?

Рой развел руками.

— К сожалению, это зависит не только от меня. И боюсь...

Генрих, до этого молчавший, вмешался:

— Можете не сомневаться, друг Артур, мы сегодня же приступим к выполнению вашей просьбы.

Рой, проводив снотворца до двери, упрекнул брата:

— У нас столько проблем, срочных и важных, неужели ты и вправду собираешься погрузиться в этот вздор?

— Как понимать определение «вздор»?

— Обыкновенно, нормально, общепринято, стандартно! Вздор — иначе: чепуха, ерунда, пустопорожность, вранье, околесица, бессмыслица, нелепость, ахинея, галиматья, дичь, чушь, мура... Еще уточнения требуются?

— Что-то в этом человеке поражает, — задумчиво сказал Генрих. — Я тоже не любитель сновидений на публику, но ведь многие этим увлекаются, а почему? Что их захватывает? И ведь странно, согласишься, неожиданное возобновление через сотню лет отнюдь не стандартного зрелища — каких-нибудь облетов планет, встреч с пришельцами из космоса, в общем, распространенных сюжетов...

— Ничего странного. Врет снотворец. Плагиатор! Знает он Джексона.

— А если не плагиатор?

Рой раздраженно махнул рукой.

— Ты, кажется, заявил, что не присоединяешься к расследованию аварии? Вот и занимайся снотворчеством, а нас с Арманом не отвлекай.

— Я хотел предложить как раз такое разделение тем, — миролюбиво сказал Генрих.

Рой ответил сердитым взглядом. Он гораздо лучше брата знал древнюю историю и нередко ввертывал в свою речь старинные словечки. Больше других старинных словечек он любил слово «вещий». Он говорил, что слово это пахнет секретами, что в нем таится загадочность, что оно возбуждает любознательность, погружает во вдумчивость. Рой и не подозревал во время спора с братом после ухода Артемьева, что не так уж много времени пройдет до момента, когда он сам охарактеризует внезапное желание Генриха помочь сновидцу именно этим емким словом: вещее!

4

Дня через три Генрих попросил Роя и Армана прийти к нему.

— Хочу продемонстрировать сновидения Джексона и Артемьева, чтобы вы сравнили их. Рассматривайте это как отдых, если по-прежнему не пожелаете принять участие, — сказал Генрих.

На стереоэкране последовательно сменились два зрелища: почерпнутое из четырнадцатой катушки полного собрания сновидений Петрова и то, о котором говорил Артемьев.

— Ваше мнение? — спросил Генрих, выключив экран.

— Они, прежде всего, разные, — первым отозвался Арман. — Артемьев преднамеренно видит забавные сны, он тешит нас кошмарами, но и во сне не верит в свой сон. Бред у Артемьева — хорошо отработанное ремесло. А видения Джексона художественно убедительны.

— Покажи Джексона еще разок, — попросил Рой.

Среди кубических механизмов, чудовищно несоразмерных, скорее силуэтов, чем вещей, металась и вопила безобразная обезьяна с искаженной мордой и кроткими испуганными глазами. С головы ее срывались молнии, ударявшие в кубики механизмов и погасавшие в них, грохот разрядов складывался в слова; слова не грозили, а умоляли. Старая обезьяна, сновавшая меж диковинных аппаратов, кого-то тревожно предупреждала об опасности, руки ее хватались то за один кубик, то за другой, лихорадочно их перетасовывали, потом вдруг всеми когтями впивались в лохмы головы, и обезьяна безвольно качала потупленной головой, из глаз ее катились слезы... Плач обрывался внезапно, как и начинался, и снова обезьяна бросалась то к одному, то к другому нагромож-

дению кубиков, энергично с чем-то сражаясь, чему-то изо всей мочи противодействуя...

— И вправду, не очень развлекательно, — заметил Рой. — Для чего Джексон продуцировал такие сны, Генрих?

— Я бы поставил вопрос по-другому. Не для чего, а почему? Какие мысли, какие чувства, какое душевное состояние порождало в его мозгу эти фантастические картины?

— Все-таки я хочу разобраться, — сказал Рой.

Генрих спорил слишком запальчиво. Сновидения, даже художественно отработанные, не заслуживали такой пылкой защиты.

— Ты хочешь понять, что означает эта странная картина?

— Нет, хочу понять, для чего ты вызвал нас.

— Я вчера изучал биографию Петрова и столкнулся с некоторыми странностями. Дело в том, что у Петрова была обезьяна, и очень любимая.

— Домашняя обезьяна?

— Раньше бы надо условиться, как толковать этот термин — домашняя. Шимпанзенок Нелли. Джексон, впрочем, звал ее Олли. Эту Нелли, или Олли, он получил в дар от галактического штурмана Михаила Борна, когда тот умирал.

— Михаил Борн? — переспросил Рой. — Не тот ли, что один вернулся на Землю после аварии звездолета «Цефей» неподалеку от Ригеля?

— Он самый. Но он вернулся не один.

— Сколько знаю историю звездоплавания, весь экипаж «Цефея» погиб. Посланный на помощь галактический курьер «Орион» обнаружил на «Цефее» двадцать три трупа и одного полумертвеца — Михаила Борна. Его выводили лишь на Земле. Так?

— Так, Рой, но не совсем. Борн остался парализованным и немым. Понимал его лишь Джексон — они были друзьями с детства. Никаких сведений о трагической гибели экипажа у Борна выведать не удалось. Суть не в этом.

— В чем же?

— Я уже сказал, Михаил вернулся не один. С ним был шимпанзенок Нелли, тоже член экипажа. Нелли, как и Михаил, не погибла. Самое интересное было знаешь в чем? Джексон разобрал одну фразу, часто повторявшуюся Борном, не знаю уж, как он ее произносил: губами ли, руками или движением глаз. Фраза такая: «Олли нас всех спасла».

Джексон объяснил, что Михаил называл обезьянку Олли, а не Нелли, как она значилась в судовых списках.

— Всех спасла, в то время как все погибли? Обезьянка удивительная!..

— Многое в ней еще удивительней! Олли прожила на Земле несколько лет и ничего не ела и не пила.

— Это установлено?

— Я вчера был в Музее Джексона Петрова и побеседовал с роботом-хранителем, слугой Джексона. Вы знаете этих старинных забавных андроидов, фиксирующих на пленке каждое слово хозяина. Так вот, я прослушал все распоряжения Джексона относительно Олли. Он никогда не требовал для нее еды и питья, никогда не брал ее в столовую. Добавлю, что он редко показывал ее гостям, редко выводил гулять.

— Но ее видели другие? — спросил Арман.

— Да, конечно. Она иногда выбиралась из комнатухи и сидела на диване, очень смиренная и тихая. Гости ее не любили. Им казалось, что она прислушивается к разговору... О чем ты думаешь, Рой?

Рой не сразу вышел из задумчивости.

— Интересно! Но по-прежнему не вижу, какой можно сделать конкретный вывод из твоего розыска.

— И я не вижу, — признался Генрих. — Но мне все больше кажется, что делом этим следует заняться поглубже. Если вы оба не переменили отношения к развлекательным зрелищам...

— Ты внимательно осмотрел квартиру Джексона, Генрих?

— Я ее не осматривал, музей был уже закрыт. Я поговорил с роботом и обещал зайти сегодня. Хочу вам предложить пойти со мной.

Арман покачал головой:

— Через час меня ждет Андрей. Контрольная проверка аппаратуры перед экспериментом. Идите вдвоем.

5

Робот был старый, замшелый, только антикоррозийный лак спасал его от проржавления; он разговаривал тем скрипучим голосом, что появляется у всех дряхлых роботов перед отправкой на перемотировку. И если Чарли — так звали робота — еще существовал, то лишь потому, что принадлежал Джексону: он был уже не слугой, а музейным экспонатом. И стоял он на своем обычном месте в прихожей квартиры Джексона и, хоть по-прежнему мог ходить по всем шести комнатам, уже семьдесят лет не двигался.

ся с этого поста. Табличка на стене извещала, что первые тридцать лет после смерти хозяина Чарли непрерывно, днем и ночью, медленно, безнадежно слонялся по квартире, всматривался тоскующим красным глазом в вещи, вслушивался в шорохи и прокручивал старые свои пленки с голосом хозяина — людям, входившим в музей, казалось, что сам Джексон бродит по квартире, отдает приказания Чарли, разговаривает с друзьями.

— Старина! — сказал Генрих дряхлому роботу. — Ты знаешь о Джексоне Петрове больше всех на Земле. Нам нужно познакомиться подробнее с его жизнью.

На лбу Чарли тускло засветился красный глазок. Потеряв подвижность, робот не утратил разума. Он прохрипел — голос доносился словно бы издалека:

— Если это не повредит хозяину...

— Твой хозяин давно умер, — мягко сказал Генрих.

— Он жив. Он во мне. Он со мной. Он со всеми нами.

— Да, в памяти твоей и человеческой.

— Слушайте! — торжественно сказал робот. — Живой голос моего живого хозяина.

Из недр Чарли доносилось лишь потрескивание, неясный шум, всегда сопровождающий работу разлаженного электронного механизма. Потом из сумятицы помех вынесся молодой, звучный голос: «Чарли! Чарли! Где ты? Я уйду поесть, а ты посмотри, чтоб не падало напряжение! Шесть тысяч триста семнадцать вольт — такое сегодня задание! И никого не пускай к Олли!»

— Вы слышали живого Джексона Петрова! — торжественно возвестил робот. — Не смейте говорить, что он умер.

— Генрих, я поражен! — пробормотал Рой. — Такой голос!..

— Друг, повтори этот разговор, — попросил Генрих. — И, пожалуйста, вспомни другие приказания. Мой брат никогда не слышал голоса твоего хозяина.

Генрих, хоть он любил ходить по комнате и временами этим раздражал медлительного брата, поспешно сел на диван и закрыл глаза. В Музее Джексона, только впад в временную неподвижность, можно было слушать со вниманием. Ни в одной из комнат не действовали интерьерные поля, здесь все оставили, как было при владельце — громоздкая постоянная мебель, постоянные картины, вещественные, а не силовые ковры. Ходить было неудобно, даже опасно — забыв на минуту, что движешься среди мебели, легко удариться о столик, о шкаф, о диван и кресла, споткнуться о ковер, запутаться в портьере, зацепиться за дверную

ручку. Двери в этих архаичных комнатах не втягивались в стены при приближении человека, их надо было рукой тянуть на себя или отталкивать.

Рой подумал, что жить в такой квартире можно лишь на свету: в темноте человек становится беспомощным, а вещи, загромождавшие комнаты, всеильны и враждебны, они перестают обслуживать, превращаются в притаившиеся помехи.

В комнате, куда их ввел робот, имелись три огромных окна для дневного света, а с потолка свисала люстра с электрическими светильниками — уже по крайней мере сто лет ни в одной квартире не существовало ни окон, ни специальных светильников, ни, тем более, постоянной мебели.

Робот с минуту поскрипывал — прочищал голосовые контакты, — потом комнату снова наполнил голос Джексона Петрова.

Хозяин квартиры смеялся и сердился, он выговаривал роботу и хвалил его, он напевал, расхаживая по комнате, вслух читал стихи, вслух разговаривал с собой. Сквозь помехи — несовершенство старинной записи — прорвался обрывок его разговора с каким-то другом, клочок беседы с телестудией, раза два заглушено — видимо, услышанный через стену, — прозвучал призыв: «Олли, Олли, хорошая моя, это я, выходи!»

И о чем бы ни говорил Джексон, как бы ни менялись его интонации, был ли сам Джексон весел или печален, устал или бодр, раздражен или счастлив, воспроизведенный механическим слугой голос хозяина создавал одну картину, звукописал один образ. По квартире расхаживал молодой, энергичный, жизнерадостный человек, он был остроумен и добр, это было главное в нем — наполнявшая все его существо доброта. И (что было, может быть, всего удивительней) о доброте этого человека свидетельствовали не слова, а голос; слова порождались обстановкой и соответствовали ей, такие слова мог говорить любой другой — голос принадлежал одному Джексону, голос был своеобразен неповторимо — волновал и тревожил, покорял и очаровывал...

И когда голос Джексона умолк, Рой ответил на восхищенный взгляд молчаливого Генриха словно на высказанную вслух мысль:

— Ты прав — человек поразительный! Жаль, что мы так мало о нем знаем.

— Сегодня узнаем больше. — Генрих обратился к роботу: — Твой хозяин чаще всего сидел в библиотеке, так?

— Да, он любил библиотеку, — сказал робот.

— Проведи нас в библиотеку, — приказал Генрих — И поторопись, у нас мало времени!

Робот тяжело зашагал в последнюю комнату; за ним, подталкивая его в спину рукой, пошел Генрих. Рой удивился, но промолчал.

Не так уж часто бывало, чтобы деликатный Генрих властно кому-то повелевал и кого-то бесцеремонно поторапливал.

Библиотека в этом музее старого быта была самой музейной комнатой. Ее тоже наполняла стационарная мебель — диван, два кресла, свисающая с потолка люстра, гардины на неизбежных окнах. Кроме мебели, в ней были еще книги, обязательная принадлежность старых квартир, — сотни книг на застекленных стеллажах: маленькие и большие, тоненькие и толстые, с яркими иллюстрациями и заполненные одними буквами.

Рой не любил книг: это был несовершенный способ передачи информации — медлительный, с малым коэффициентом полезного действия. Он бросил скучающий взгляд и устроился как мог в неудобном постоянном кресле. Зато Генрих обошел стеллажи, вглядываясь в корешки, некоторые книги вынимал.

В библиотеке Джексона была одна принадлежность, роднившая его архаическое обиталище с современными жилыми помещениями: между стеллажами втеснился стереоэкран. Рой вспомнил, что во времена Джексона стереоэкраны только входили в быт и с ними еще конкурировало кино, а Джексону в признательность за снотворческое мастерство поставили лучшую из тогдашних стереомоделей. В сравнении с теперешними, эта диковина, поражавшая воображение современников, казалась убогой. Рой скользнул по экрану взглядом. Генриха тоже не заинтересовал дедушка нынешних стереоэкранов, он лишь задержался у рукоятей управления, одну из них, чему-то усмехнувшись, осмотрел.

В углу комнаты стояло странное сооружение, и на него засмотрелся Рой. Это был лакированный цилиндр в рост человека, с проводами и сигнальными приборами. Небольшой барьерчик отгораживал аппарат от комнаты.

Рой кивнул Генриху на цилиндр с проводами.

— Забавное сооружение! Для чего оно могло служить?

— Ты говоришь о высоковольтном аппарате? Олли пользовалась им для подзарядки. — Генрих говорил так уверенно, словно годы работал с аппаратом. Он с такой же уверенностью властно потребовал от робота подтверждения: — Два раза в день, так? Утром и вечером?

— Утром, — ответил робот. — Хозяин в это время уходил поесть.

— Естественно. Воздух слишком ионизировался, к тому же возможность разряда... Напряжение регулировал ты?

— Потом и Олли научилась.

— Она говорила тебе, когда выключать аппарат?

— Я знал и без нее. Мне объяснил хозяин.

— Но она разговаривала с тобой?

— Очень мало.

— А сидела она чаще всего здесь?

— Да, здесь.

— Твой хозяин беседовать с ней приходил сюда?

— Чаще сюда, иногда в гостиной. Я не понимаю...

— Это неважно, понимаешь ты или не понимаешь. Спрашивать буду я, ты — отвечать. Так ты говоришь, Олли любила читать? Какие же книги она читала?

— По астрономии и физике, еще — по биологии и по... — Единственный глаз робота вдруг налился малиновой яростью. Он прохрипел с угрозой: — Вы — недруги. Я не говорил, что Олли любила читать, вы сами... Вы сделаете Олли зло. Вам нужно уйти.

Генрих засмеялся и похлопал старого робота по плечу. Теперь он заговорил своим обычным голосом:

— Не сердись, милый. Мы знаем, что Джексон запретил тебе говорить об Олли. И мы не хотим ей делать зло, даже мертвой. Поверь, я отношусь к ней с не меньшим уважением, чем он.

— Вам нужно уйти, — повторил робот хрипло. Голосовые контакты опять отказали, и он уже не старался их продуть. — Вы заставили меня нарушить запрет хозяина.

Не сделав и трех шагов к двери, Генрих опять остановился. В узком промежутке между двумя стеллажами висела фотография — хозяин квартиры со своей обезьянкой. Джексон на снимке стоял у окна. Это был человек среднего роста, он соответствовал своему голосу — улыбающееся лицо, веселые глаза. На его плече лежала рука обезьянки — перед ней-то и замер Генрих. Олли не доставала Джексону и до плеча и очень напоминала шимпанзенка — длиннорукая, рыжеволосая, широкомордая, с ртом до ушей, с синими губами, выпирающими челюстями...

Но была одна странность в ее облике. Всякому, кто внимательно вглядывался в фотографию, просто нельзя было не заметить печали на мордочке Олли: пронзительно умными, бесконеч-

но скорбными глазами всматривалась обезьянка в остановившихся перед нею людей.

Генрих снова повернулся к роботу.

— Друг мой! Старина! Не сомневаюсь, что Джексон запрещал тебе записывать голос Олли, но если хоть звук ее речи сохранился, хоть один звук!..

Ответ робота донесся словно из-за десяти дверей:

— Если вы знаете, что хозяин запрещал мне сохранять голос Олли, то должны также знать, что я ежедневно стирал с пленок все, что случайно она запечатлевала на них...

6

На улице Рой с улыбкой посмотрел на брата:

— Не мытьем так катаньем ты приобретаешь меня к анализу сновидений. Согласись все же, что прямого отношения к терзающим меня загадкам жизнь Джексона Петрова не имеет.

— Самое прямое, — убежденно ответил Генрих. — После второго посещения музея я в этом уверен. Послушай доказательства...

— Если ты о том, что Олли не имеет ничего общего с шимпанзенком Нелли и вовсе не обезьянка, а великолепно исполненный робот с электрическим питанием, так не стоит трудиться.

— Разве я давал тебе повод считать меня глупцом, Рой? Что между Нелли и Олли нет ничего общего, не требует доказательств.

— Тогда что же ты хотел сообщить?

— Ты узнал бы об этом две минуты назад, если бы не перебивал. Помнишь, в какой катушке напечатано бредовое эссе «Обезьяны в космосе»?

— Помню. Четырнадцатая катушка.

— А чем она отличается от других?

— Она последняя. По словам Артемьева, она завершает полное собрание сновидений Джексона Петрова.

— Вот тут ты ошибаешься. Четырнадцатая катушка — дополнительная к собранию, а не просто последняя. В ней посмертно собраны все ранние вещи Джексона, которые он не хотел вносить в свои сборники, считая художественно слабыми.

— Ты хочешь сказать, что сновидение «Обезьяны в космосе» — из ранних произведений Джексона?

— Я хочу сказать, что это было первое сновидение Джексона, передававшееся в эфир. Именно с «Обезьян в космосе» начался этот странный вид искусства.

Рой даже остановился от удивления.

— Генрих, ты и не подозреваешь, как это важно!

— Может быть, все-таки подозреваю? — Генрих потянул брата за руку. — Терпеть не могу, когда ты ни с того ни с сего каменеешь на ходу.

— Куда мы идем?

— Ты не догадываешься?

— В Музей космоса, наверно?

— Куда же еще?

7

В огромных залах Музея космоса всегда было полно посетителей. На стенде экспедиции «Цефея» цветные фотографии показывали экипаж галактического корабля. На одной была изображена и Нелли рядом с командиром Сергеевым и штурманом Борном.

Рослая шимпанзе положила руки на плечи астронавтов, уродливая морда ее была вровень с головами людей.

— Ты знаешь, что меня удивляет? — сказал Рой. — Что эту тупую рожу спутали с тонким и умным лицом Олли, я еще могу объяснить — людям все обезьяны на одно лицо. Но заметить, что молодая шимпанзе в экспедиции не подросла, а стала меньше, — это, согласись, не требовало особой наблюдательности.

— Возможно, кто-нибудь и заметил эту несуразность. И, может быть, узрел в ней новый закон природы: обстановка в космосе, в частности, авария «Цефея», вызывает уменьшение тел животных.

Во всех музеях около человека, надолго задержавшегося у какого-нибудь экспоната, вскоре собирается кучка любопытных. Рой с Генрихом не обошли и трети стенда «Цефея», как им стали мешать толкающиеся посетители: «Скажите, а что здесь показывают?», «Что-нибудь новое есть?», «Да ничего интересного, старая катастрофа. И чего люди толпятся!»

— Уйдем, — сказал Генрих.

Рой показал дежурному по залу карточку института. В музей, впрочем, братьев узнавали и без документов: в одном из помещений среди портретов исследователей космоса висели и их фото-

графии. Дежурный посоветовал посмотреть в демонстрационном зале фильм о «Цефее» и выслушать заключение экспертов, расследовавших трагедию.

На стереоэкране вспыхивали знакомые еще по школьному курсу кадры: первые звездолеты с аннигиляторами пространства, позволяющими развивать сверхсветовые скорости, портреты великих завоевателей космоса, отлеты, причаливания к незнакомым небесным телам, снова отлеты, торжественные возвращения...

«Цефей» в семействе сверхсветовых кораблей не был уникален — рядовой галактический лайнер. Задание, врученное команде, тоже не показалось необычайным. Отклониться от освоенных космических трасс, посмотреть еще не изученные уголки всюду, в общем, одинакового галактического пространства — что тут особенного? Десятки кораблей бороздили межзвездные просторы, везде было как возле родного, хорошо изученного Солнца; трудность представлялась одна: чем дальше от Солнца, тем больше надо брать активного вещества для двигателей.

Уже через полстолетия такой наивный расчет, восторженное опьянение от первых успехов безвозвратно прошли: космос был не только обширен, но и грозен — каждый неизученный район таил опасные непредвиденности. И трагедия «Цефея» была одним из событий, что привели человечество к трезвому пониманию своих возможностей и величины опасностей.

Астронавты, поднимаясь на корабль, весело прощались с Землей. И обезьянка Нелли визжала, металась меж людей; повисала на перилах трапа — забавная хлопотунья, существо в рост мужчины и с умом годовалого ребенка.

Все четыре года полета к Ригелю регистраторы, фиксирующие жизнь в отсеках, изображали одни и те же, без изменений повторяющиеся картины. Первая неожиданность совершилась, когда внезапно и все сразу отказали корабельные автоматы: штурманские и бытовые приборы, командные аппараты аннигиляторов. Все, связанное с электричеством, полностью замерло.

Уже не могущественный корабль, свободно меняющий структуру пространства и тем создающий себе сверхсветовую скорость, а безжизненный ящик мчался в темной пустоте. О панике экипажа свидетельствовали записи в бортовом журнале: и командир Сергеев, и штурман Борн пытались аварийным способом — чернильной пастой на бумаге — передать человечеству известие о беде. Но паста испарялась с листа, неведомая сила стирала назавтра все

написанное сегодня, лишь по вмятинам на страницах можно было как-то разобрать, о чем стремились поведать миру командир и штурман.

На экране появились журнальные записи, торжественный голос диктора скорбно читал обрывки фраз: «Дьявольское поле, все автоматы... Вероятно, электрическое... Только в телескоп... Две планетки, назвали Сциллой... несет на Харибду... Каждая молекула тела пронизана... Вручную люк очень трудно... Так удивительно похожа!.. Бедная Нелли... Мы пока...»

— Дальше идут страницы, несомненно, заполненные, но даже вмятин не разобрать, — комментировал диктор показанные чистые листы журнала. — И только на обратном пути, когда звездолет, по-видимому, обогнул опасную планетку, названную Харибдой, снова появляются записи, и снова они свидетельствуют о смятении и отчаянии.

На экране загорались и погасали отдельные разобранные буквы, диктор читал наиболее вероятную расшифровку: «...терпеть две недели, когда каждая минута ужасна... Борн возражает, он уверовал... Убежден, что аннигиляция не усилит... Почему верить!.. Аннигиляторы теперь можно... спрашиваю — почему... общее мнение — да!.. Борн... однажды спасенные, снова... я очень резко... Убежал с обезьянкой... последнюю запись — включаем...»

— Это и точно последняя запись, — сообщил диктор. — Посмотрите теперь, как галактический курьер «Орион» обнаружил «Цефей».

Навстречу зрителям летел мертвый корабль с безжизненными аннигиляторами, с погашенными ходовыми огнями. Он не откликался на запросы, не менял скорости. К нему устремился с «Ориона» разведывательный космолет, спасатели вскрывали аварийные люки, с осторожностью проникали внутрь. И то, что они увидели на «Цефее», страшными картинками разворачивалось на экране. Сергеев и старший механик лежали бездыханными в рубке, их руки впивались в рычаги — командир с помощником, уже умирая, судорожно выключали запущенные аннигиляторы. Весь экипаж, кроме Борна, был на рабочих местах — и все мертвы. Борн распластался на полу в салоне, на нем, обхватив его руками, лежала обезьяна. И Борн, и обезьянка были живы, но без сознания.

Врач с «Ориона» высказал предположение, что гибель экипажа совершилась от электрического поражения нервных клеток, диагноз подтвердили на Земле. Эксперты единогласно сошлись,

что «Цефей» попал в гигантское электрическое поле между загадочными планетами Харибда и Сцилла и что оно заблокировало механизмы корабля. Описав траекторию вокруг Харибды, звездолет понесся в открытый космос. Экипаж, измученный электрической пыткой, постановил, когда появилась такая возможность, запустить аннигиляторы, чтобы поскорее отсюда выбраться. Против преждевременного включения механизмов возражал один Борн. Не исключено, что в момент уничтожения пространства произошло гигантское сгущение электрических потенциалов внутри корабля.

Вывод экспертов был таков: пока взаимодействие пространства и полей всесторонне не выяснено, новых звездолетов в опасные районы не посылать.

— Именно тот вывод, которого, по-видимому, желала Олли, — сказал Генрих. Экран погас. — Выйдем, Рой.

— Ты хочешь возвратиться в институт?

— Я бы погулял по парку. Не знаю, как чувствуешь себя ты, а мне сегодня не до работы.

— Я тоже не машина, и у меня тоже нервы, — хмуро ответил Рой.

8

В центральном парке Столицы всегда можно было найти пустынную аллею. Нарядно окрашенные клены понемногу сбрасывали листья, хотя до Недели листопада оставалось около двадцати дней. Генрих поймал в воздухе багровый листочек, зажал его в руке. Давно Рой не видел брата таким грустным.

— Эта ужасная картина — парализованный штурман и так беззаветно спасающая его обезьянка Нелли... — сказал Генрих.

— Олли, Генрих. Нелли погибла задолго до этого, и труп ее, вероятно, донныне вращается где-то вокруг злополучной Харибды.

— Да, Олли. Разве я назвал ее Нелли? И вот я пытаюсь связать мысль в логическую цепь, но вспоминаю об этой картине, и цепь обрывается. И я начинаю жалеть, что не жил сто лет назад и что меня не было на «Цефее». Вдвоем с Борном мы отговорили бы экипаж от безрассудного решения — еще не выбравшись из электрических полей, включать аннигиляторы пространства. Ведь гибель произошла именно от включения аннигиляторов.

— Ты переоцениваешь свое красноречие, Генрих. Тебе пришлось бы иметь дело с людьми, обезумевшими от страданий. И сам ты тоже был бы истерзан до полусмерти. Вряд ли такое состояние помогает вывязыванию четких логических цепей.

— Борн, наверное, и сам не знал полностью, что им грозит. Как ты думаешь, Олли уже овладела тогда человеческой речью? Она могла с ними беседовать, как беседовала потом с Джексоном?

— Вряд ли. Но какой-то способ общаться с экипажем у нее, наверно, был, иначе они не выбрались бы так далеко от Харибды, что стало возможно включение аннигиляторов. По словам Джексона, штурман сообщал, что Олли спасла их всех. Последующая трагедия явно стерлась из его памяти, но начало ее — как Олли выводила корабль из электрических полей — он запомнил.

— Об этом, кстати, свидетельствует запись: «Борн... однажды спасенные, снова...» Борн, похоже, доказывал, что, уже раз спасенные, они снова собираются идти ва-банк против гибели.

— Эта-то часть трагедии не самая темная.

— Что тебе темно, Рой?

— Лучше расскажу, что ясно, чтоб отделить факты от гипотез. Первый твердый факт — «Цефей» попал в электрическое поле, генерируемое Харибдой или Сциллой. На Харибде обитает цивилизация разумных существ, похожих на наших обезьян. Их отличает от нас то, что они, выражаясь фигурально, питаются электричеством. Диковинное существо Олли у Джексона — доказательство. Правильно?

— Я бы добавил, что харибдяне — существа не биологической, а какой-то иной природы.

— Как рабочую гипотезу, можно принять и это. Бесспорен важный вывод: прямое общение между людьми и харибдянами исключено. Что человеку здорово, то жителю Харибды — смерть. Контакт между этими двумя цивилизациями затруднен, хотя и возможен: Олли некоторое время прожила среди людей. Между прочим, харибдяне яснее, чем люди, понимали опасность прямого контакта. В сновидении Джексона харибдянин — по-видимому, оператор на космической станции — рвет на себе волосы от отчаяния, когда приближается корабль людей. К твердым фактам я отношу и высокую моральную культуру электрических обезьян. Харибдяне пытались спасти людей ценой жизни своего гражданина. Усилением поля они могли уничтожить непрощенных гостей, но взамен этого всемерно, до угрозы собственному существованию, ослабляли губительные для людей электрические потенциалы.

— Что они ослабляли свои поля, не доказано, Рой.

— Зато доказано, что они послали на звездолет харибдянина — эту самую Олли. Запись: «Вручную люк очень трудно...» говорит о том, что астронавты впустили Олли на корабль, а она пыталась вывести потерявший управление звездолет из опасной зоны. И если бы экипаж не изнемог от терзаний, ей удалось бы это, и в историю человечества была бы вписана новая яркая страница — установление контакта с цивилизацией развитых, рыцарски благородных существ.

— А как ты объясняешь, что Олли нашли распростертой на теле Борна?

— Думаю, она знала о всплеске напряженности поля, когда заработают аннигиляторы, и пыталась своим телом защитить штурмана. Возможно, харибдяне обладают свойствами электрических экранов. А дальше все просто. Увидели погибший экипаж, парализованного штурмана, обезьянку, вспомнили, что на звездолете имелся шимпанзенок, и без долгих раздумий отождествили харибдянина с животным. А сама Олли не захотела раскрывать свою природу и так, не узнанная человечеством, окончила свой недолгий век на Земле. У тебя имеются возражения против такой концепции?

— Давай присядем, — сказал Генрих.

Несильный ветер раскачивал ветви, деревья шумели. Генрих рассеянно любовался яркими листьями, сыпавшимися на землю. После короткого молчания он заговорил:

— Мне кажется, против твоей концепции могла бы возразить сама Олли. Что значит — не узнанная человечеством? Джексон знал, что она не обезьяна. Мне кажется, разгадка последующей жизни Олли у Джексона много драматичней. Это печальная история, Рой. Не могу сказать, чтобы люди того времени вели себя наилучшим образом.

— Мы, выходит, дошли до обвинения всего человечества? Как назовем судебное дело: «Харибда против Земли»?

— Не надо насмешек, Рой. Я не хочу обвинять. Я хочу разобраться в событиях столетней давности. И я не согласен, что Олли послали, только чтобы вызволить попавший в беду звездолет. Она была полномочным послом, а не техником по авариям. Она должна была завязать отношения с людьми, так безрассудно вторгшимися в их электрическое царство. Поэтому она и не покинула звездолет, когда он стал удаляться от Харибды.

— Но почему же она тогда не раскрыла себя на Земле?

— Причин много было. Еще на звездолете Олли узнала, что люди — существа иной физической природы, чем харибдяне. Нужно было не просто вступить в контакт, а предварительно разработать систему безопасности, чтобы общение не стало для обеих сторон гибельным. А экипажу было не до контактов, они жаждали одного — спастись! И умная электрическая обезьянка с грустью убедилась, что новыми ее знакомыми — Борн был единственным исключением — страсти души руководят сильнее логики разума.

— А на Земле, Генрих? Человечество в целом ведь не погибало, не впадало в панику, как экипаж звездолета!

— Вероятно, она хотела раньше изучить людей и лишь потом раскрыться. Она, конечно, знала, что электрические бури стирали все журнальные записи и что диктофоны не работали, — догадаться, кто она, было непросто. Не сомневаюсь также, что Джексона она объявилась сразу и что все ее последующее поведение — плод взаимного согласия Джексона и Олли.

— Так ли, Генрих?

— А вспомни голос Джексона, его лицо, вспомни все, что знаем о нем. Это был обаятельный человек, добрый, увлекающийся, обуреваемый фантазиями... Он, не сомневаюсь, пылко сочувствовал бедственному положению Олли, он сделал все, чтобы скрасить ее существование на Земле. И он уступил ее настоянию — никому не раскрывать, что за существо у него обитает.

— Но почему, Генрих, почему?

— Помнишь книги, которые читала Олли? Она пыталась сама изучить возможности безопасного общения между людьми и харибдянами. Ей было ясно, что люди на Харибде жить не могут. Сама она на Земле чахла. А что было бы, если бы человечество узнало тогда о цивилизации на Харибде? Одно космическое открытие сменялось в те годы другим, мироздание становилось своим, близким. Немедленно были бы снаряжены новые экспедиции на Харибду, и, плохо подготовленные — а в те времена их и нельзя было готовить лучше, — они стали бы источником бед для нас и харибдян. Изучая людей и нашу науку, Олли поняла, что не пришло еще время для тесного общения ее народа с нами, и обрекла себя на добровольное затворничество. И если бы я сегодня так сурово не разговаривал со старым роботом, мы и не узнали бы, что Олли умела объясняться по-человечески, что она читала книги и любовалась телезрелищами, что гостям Джексона казалось, будто забавная обезьянка прислушивается к их беседе...

— И сновидение Джексона, переданное в эфир, было единственной информацией, которую она разрешила дать человечеству?

— Совершенно верно. Придя к выводу, что информировать человечество о реальной обстановке на Харибде рано, Джексон Петров изобретательно нашел такой не слыханный еще способ сообщения. А может, его подсказала Олли — не исключено, что на Харибде сновидения включены в сферу общественной информации. Но на Земле ориентация была на потомков, странные видения Джексона Петрова могли оценить лишь в будущие века. Именно для такой далекой цели он и воспользовался только что изобретенной записью сновидений. Джексон, возможно, и не подозревал, что этой передачей кладет основание новой отрасли искусства — художественного снотворчества. Он мог и не видеть того сна, все это были рассказы Олли, выданные за художественный бред. Снотворцем он стал после триумфального успеха его первой телепередачи.

— Вероятно, все-таки это был сон, — сказал Рой. — Замечательной особенностью Джексона было как раз то, что мозг его непрерывно рождал поразительно яркие сны. Захваченный событиями на Харибде, он думал о них и наяву, и в постели. Но почему он потом не включал это сновидение в свои сборники?

— А потому, что Олли интересовалась телезрелищами. Я видел на регуляторах стереоэкрана следы ее коготков. Она, конечно, внимательно всех на Земле смотрела ту передачу.

— Логика тут есть: неожиданный успех сновидения грозил преждевременным раскрытием тайны, и она упростила Джексона больше не транслировать эту картину. А он, чтобы отвлечь внимание от первой передачи, согласился и дальше опубликовывать свои сны и, можно сказать, поневоле стал создателем нового художественного жанра.

— Да, наверно, так.

Братья замолчали. Ветер усиливался, липы и клены шумели. Небо потемнело, в гуще листвы загорались светильники. Генрих больше всех времен года любил сухую холодную осень и такие вот вечера на аллеях, освещенных призрачно сияющими деревьями.

Рой вернул брата к теме разговора:

— Мы не все выяснили, Генрих. Я бы даже сказал, тьма сгустилась. Правильно, мы узнали много нового о Джексоне Петрове, созданном им искусстве и обезьянке Олли. Анализом полузабытых фактов мы доказали существование в ближних районах

Галактики некоей разумной цивилизации, и с ней можно будет возобновить связи, основанные на взаимной безопасности.

— По-твоему, это не значительно?

— Значительно. Но эти факты — попутные открытия. А то, ради чего ты предпринял поиск, не выяснено.

— Ты говоришь о сновидении Артемьева?

— Да. Почему очень важная, как мы теперь понимаем, информация Джексона, нечто вроде закодированной межзвездной ноты, возобновилась через сто лет в путаном сознании какого-то...

— А разве ты не предложил заранее решение этой загадки? — Генрих зевнул: он после болезни быстро уставал. — Врет Артур, знает он Джексона.

— Теперь я отказываюсь от такой упрощенной гипотезы. В сновидении содержится столь важная информация, что любая поверхностность опасна. Существуют особые причины, почему человечеству напомнили о давнем событии.

— Если бы Олли была жива... Что, если она не умерла, Рой?

— Можно проверить. Место ее захоронения, наверно, известно. Но я бы обследовал Артемьева.

— Зачем?

— Получить полную картину его мозговой деятельности — структуру излучений, подсознательную сферу...

— Попросить его, конечно, можно. Если снотворец по-серьезному заинтересован, он даст согласие на любое обследование... Что случилось, Рой?

— Мыслепередача от Армана! — Рой выхватил из кармана передатчик.

— Да что там? — Генрих в испуге вскочил.

Рой побледнел, передатчик в его руке дрожал.

— С Андреем беда! Нас просят немедленно прилететь.

Глава четвертая

ДАЛЕКОЕ ШАРОВОЕ СКОПЛЕНИЕ...

1

Лаборатория Андрея занимала один из корпусов Института космической физики. Здесь размещались командные механизмы, операционные залы, центральная щитовая. Шифровальные аппара-

ты были вынесены в отдельное здание, на девять десятых погруженное в землю. Когда Рой с Генрихом подбежали к щитовой, где Андрей устроил свой рабочий кабинет, около нее стояла группа работников лаборатории, среди них директор института и Арман.

— Андрей жив, но плох, его сейчас вынесут, — сказал Арман.

Никто толком не знал, что произошло. Арман находился в операционном зале, когда в щитовой грохнуло. Взрыв был несильный, его покрыл вопль Андрея: «Какой ужас!» Сотрудники ринулись в щитовую. Андрей лежал на полу без сознания. Вызванные врачи удалили из помещения всех.

К щитовой подошел президент Академии наук Боячек и отвел Роя в сторону.

— Несчастье одно за другим, — сказал он, очень расстроенный. — Попали в полосу невезений. С Марсом еще не прояснилось?

Рой хмуро смотрел на подавленного президента — тому приходилось нелегко: от него требовали ясных результатов, а он все надежды возлагал на расследование, зашедшее в тупик.

— Нет ли связи между этими событиями? — продолжал Боячек. — Я не физик, но мне кажется, что одно событие как-то корреспондирует другому.

— Возможно, связь есть, — сдержанно ответил Рой, — но мы ее пока не открыли. Правда, мы нашли интересные факты о неизвестных инозвездных цивилизациях, о них я вас информирую позднее.

Из щитовой выкатилась койка, на ней лежал Андрей. Президент остановил врача, шедшего позади.

— Сильное нервное потрясение, таков предварительный диагноз, — ответил врач. — Я бы сказал — нервный взрыв.

— Корытин будет жить?

— Пока удастся поддержать жизнь — и это уже хорошо.

Койка покатила дальше. Боячек спросил директора, можно ли входить в щитовую или подождать, пока произведут фотографирование. Директор ответил, что во всех помещениях установлены обзорные теледатчики. Корытин, правда, свой выключал: он объяснял, что не может сосредоточиться, когда за ним наблюдают. Но сейчас каждая мелочь многократно зафиксирована на пленке. Президент первый шагнул внутрь.

— Повреждений не вижу, — сказал он, осматриваясь.

Щитовая получила название от щитов с приборами, дублирующими командные аппараты операционных залов. В отличие от

лаборатории Роя с ее множеством механизмов, у Андрея не было ничего, кроме стола, стереоэкрана над ним и самописцев на щитах, да еще стоявшего посреди комнаты четырехугольного сооружения с телескопическим глазом и вращающимся креслом.

— Коротин редко прибегал к экрану, он предпочитал оптический искатель, — директор показал на аппарат с телескопическим глазом. — Несчастье произошло во время расшифровки сигналов из скопления Кентавр-3.

— Здесь все? — Боячек обвел глазами вошедших сотрудников. — Давайте восстанавливать картину происшествия.

— Прослушаем запись, — предложил директор.

Обзор щитовой был выключен, но звуковая связь поддерживалась. Коротин голосом отдавал распоряжения.

Генрих присел около щита, рядом встали Рой и Арман. На экране появилось изображение операционного зала: сотрудники работали за пультами. Изредка голос невидимого Андрея требовал, чтобы ослабили или усилили сигналы. В четыре часа тридцать две минуты, когда шла интенсивная обработка непрерывно принимаемого светового излучения Кентавра-3, внезапно раздался восхищенный голос Андрея: «Наконец-то!», еще через минуту: «Вот это да!», почти непосредственно за этим новое восклицание, в нем слышалась досада: «Нет, не успели!», и еще после трех минут молчания вопль: «Какой ужас! Помогите же!» Вопль был полон отчаяния и так невнятен, словно Андрея что-то зажал.

Генрих приподнялся и вновь опустился — все в нем рванулось бежать на этот прорывавший короткий призыв. Рой молча положил руку на плечо брата.

— И это все, — хмуро сказал директор. — Первый же расшифрованный сигнал оказался гибельным. К счастью для остальных, Коротин вел расшифровку один. Он недавно подал мне рапорт, что пока не убедится в безопасности приема, никого в щитовую не допустит.

— Запись сигнала, расшифровка которого привела к катастрофе, сохранилась? — спросил Боячек.

— Да, конечно.

— И ее можно снова попытаться расшифровать?

— Да, конечно.

— В той же последовательности, в том же темпе?

— В той же последовательности, в том же темпе. И, вероятно, с теми же результатами: новый наблюдатель пострадает так же загадочно, как Коротин.

Президент задумался.

— И однако, нужно повторить расшифровку. Сигналы, судя по всему, генерирует высокоразвитая цивилизация. Возможно, она враждебна всему живому и, как сказочный джинн, платит гибелью каждому, кто пытается с ней познакомиться. Но даже в этом случае мы должны знать характер опасности, угрожающей человечеству.

Он посмотрел на Роя. Рой нахмурился:

— Вы хотите поручить и эту задачу нашей лаборатории? Немного ли заданий?

— А кто другой может провести такие исследования? — спросил президент. — Вы как-то специализировались на неожиданностях космоса, другие лаборатории работают по заранее определенной тематике.

Рой колебался недолго.

— Хорошо, мы займемся этим. Андрей — наш друг, несчастье с ним касается нас близко. И я согласен, что беды последнего времени имеют какую-то общую основу.

Вскоре Рой попросил разрешения удалиться. Арман пошел с Роем.

— Не могу сосредоточиваться на людях, — пожаловался Рой Арману. — Временами я завидую Генриху: он способен размышлять в любой обстановке, ему нужно только увлечься. И размышляет он легко и стремительно, а я тугодум.

Арман поинтересовался, что обнаружено в Музее Джексона.

— Надо проверить труп обезьянки, — сказал он, выслушав Роя. — Это сделаем гамма-искателями, не вскрывая могилы. Думаю, Артемьева удастся уговорить на обследование. Если не возражаешь, этим займусь я.

2

В сознании Андрея не возникало ни четких мыслей, ни бредовых картин: мозг то пробуждался — слабенькое пульсирующее излучение свидетельствовало, что клетки живут, — то снова погружался в дремоту. Жизнь на самом низком энергетическом уровне — такой формулировкой определил состояние электронный медик.

— Почти начисто сгорел парень, — отвечал главный врач университетской клиники Кон Араки на запросы о пострадавшем.

И если вначале у Роя была надежда, что Андрей очнется и поможет распутыванию нового происшествия, то скоро он с этой надеждой расстался. Он так сумрачно и объявил Генриху и Арману, явившимся после его очередного разговора с врачами.

— Зато есть новости об обезьянке! — сказал Арман. — И не только о ней, друг Рой, но и о Спенсере с Гаррисоном, и о сновителе Артемьеве!

— Начинайте с обезьянки, — сказал Рой. — В каком состоянии труп? Труха? Сто лет все-таки прошло после ее смерти.

— Обезьянки нет. В гробу, в котором ее хоронили, нет никаких останков.

Рой с недоумением посмотрел на Генриха. Улыбающийся брат молчал. Это было его любимое состояние во время общего разговора: внимательно всех слушать, улыбаться каким-то своим мыслям, а если вступать в беседу, то лишь при вопросах, от которых нельзя отмолчаться.

— Выходит, Джексон похоронил пустой гроб?

— Тело было, но за сто лет оно испарилось.

— Сгнило — так говорили когда-то, Арман. Словечко грубое, но точное. Не вижу причин, почему надо от него отказываться.

— Есть такие причины. Не гниение, а испарение или возгонка. Если тебе нравится больше другое словечко, пожалуйста, — сублимация. На стенках гроба образовался налет, плотный, как эмаль, — и это все, что сохранилось от Олли. Но это лишь часть новости, Рой, и не самая важная. Химический анализ осадка показал, что Олли была не углеродо-водородо-кислородного строения, как земные существа, а кобальто-стронциево-гелиевого.

— Что ж, мы и раньше предполагали, что Олли — внеземной гость, — сказал Рой. — А что о Спенсере и Гаррисоне?

Было ясно, что Арман выкладывает главную новость:

— Помнишь странное явление, замеченное Винклером на Марсе?

— Тело Спенсера там быстро ссыхалось. Неужели и в консервирующей атмосфере...

— Да, Рой, точно такое же явление, как с Олли. Тело Спенсера испарялось и оседало на внутренних стенках его саркофага. И если бы Араки не принял более действенные меры консервации, Спенсер скоро превратился бы в куколку.

— А как же Гаррисон? — с волнением спросил Рой. — Ты понимаешь, как нам важно полностью сохранить хотя бы Гаррисона!

Арман успокоил Роя. Тело Гаррисона не подвергалось возгонке, теперь прекратилось и высыхание Спенсера. Кстати, высыхание, или мумифицирование, как назвал это явление Араки, — термин неточный, он характеризует лишь начало процесса, когда из клеток тела испаряется вода.

— Такой воды в теле девяносто процентов, — возразил Рой. — Вполне достаточно, чтобы потеря ее непоправимо изменила облик...

Арман подтвердил кивком, что именно так. Пример Олли показывает — процесс на испарении не закончится. Нет сомнения, что без мощных консервирующих средств Спенсер, а вероятно, и Гаррисон сублимируют без остатка, то есть превратятся, в конечном итоге, в плотный, как эмаль, осадок, который равномерно покрывает внутренние стенки их гробов.

— Подожди, Рой! — закричал Арман на протестующий жест Роя. — Все знаю, что скажешь: Олли не человек, с ней это возможно, а Спенсер и Гаррисон — люди, твердая основа человеческого тела рассыпается в прах, но не испаряется. Так вот, слушай самое поразительное. Клеточная структура Спенсера и Гаррисона во многом отличается от человеческой!

И Арман с торжеством объявил, что, не ограничившись установлением возгонки Спенсера и Гаррисона, он проделал химический анализ. До детального изучения клеток не дошло, такое исследование наспех не произвести, но составлено общее представление о том, из каких элементов состоят тела погибших. Так вот, химический состав тела Спенсера и Гаррисона существенно отличается от состава кобальтово-стронциевой Олли, но не совпадает и с человеческим. И главное отличие — в теле Спенсера раза в три больше гелия, раза в четыре больше стронция, в восемь раз больше кобальта и фосфора, чем у нормального человека. Те же отличия, только количественно более слабые, найдены и у Гаррисона.

Рой пристально глядел на излагающего свои открытия Армана.

— Ты все свои новости выложил? Я жду самой потрясающей. Неужели и Артемьев...

— Человек, человек! — Арман захохотал: мысль, что сновидец не земной структуры, показалась ему забавной. — Между прочим, он с охотой согласился подвергнуться исследованию. Но и тут есть новость: волновая характеристика «Горилл у космопульта» резко отличалась от типичной для Артемьева, но зато всеми волнами и обертонами...

Рой прервал Армана:

— Догадываюсь. Совпала с характеристикой бреда Генриха и с излучением, которое генерировал мозг Гаррисона?

— Совершенно верно! — воскликнул Арман с восторгом: — Наконец-то ситуация проясняется! Что ж не радуешься, Рой?

Рой нажал на кнопку. Глухая наружная стена стала прозрачной для света, проницаемой для звуков. Рой подошел к стене, превратившейся в исполинское окно.

С двадцать четвертого этажа был хорошо виден северный сектор Большого бульварного кольца — разноцветные стоэтажные здания, мосты над улицами и площадями, причальные пятачки для авиеток на крышах и террасах. По мостовым переходам ходили люди, бегали веселые мальчишки и девчонки; эти дороги, проложенные на головокружительной высоте, издавна служили для беготни и прогулок, их любили больше, чем пустынные аллеи парков и бульваров, — с них открывался величественный пейзаж огромного города.

И всюду, куда Рой ни обращал взгляд, в воздухе мелькали авиетки — сотни, тысячи авиеток — многокрасочных, ярких, бесшумных, стремительных, надежных. За безопасностью их полетов следили автоматические диспетчеры. В Столице люди привыкли жить в трех измерениях, они предпочитали высоту поверхности, они лишь касались земли, чтобы тут же взмыть ввысь. А между ними, между пятнадцатью миллионами веселых, энергичных, трудолюбивых жителей Столицы, еще недавно ходили странные существа, псевдолюди, маски среди лиц... Зачем они появились? Что они несли с собой?

Даже сюда, на восьмидесятиметровую высоту, доносились птичьи голоса, шум деревьев бульвара — над ним поднималось здание института. Вчера метеорологи объявили в Столице осеннюю пору, ветры пока запущены небольшие, «пейзажные, а не деловые» — так их с иронией именуют. Через семь дней, в первый день Недели листопада, приятное совместят с полезным: будет дан старт осенним штормам, над землей ошалело взметнутся пожухлые листья, на водах разыграются бури, миллионы людей поднимутся над лесами и морем, наслаждаясь посвежевшим воздухом, любясь сыплющими яркое убранство кронами, белыми валами прибоев. Обычная осенняя картина, о ней в подробностях заранее объявлено в метеографии — так происходит уже почти сорок лет, так будет и в этом году.

А после живописного листопада хлынут дожди — тоже запланированная сырость. Столько было просьб иных сибаритов

поумерить хляби небесные, раз уж не принята просьба сделать весну вечной, — нет, человечество не захотело менять традиции: раз уж осень — так холод и слякоть, многим нравятся и такие погоды. Все будет в этом году, как и в прошлые годы; жизнь на Земле устоялась, крупные изменения совершаются теперь лишь на планетах, туда перенесена основная активность человечества, там же можно ожидать и непредвиденностей — на Земле все спланировано до деталей.

Но вот она, абсолютно неожиданная непредвиденность: псевдолюди среди людей! Да, конечно, ситуация прояснялась. Но свет, озаривший тьму, таил в себе больше загадок, чем сама тьма. Арману свойственна горячность мысли, он с убежденностью отстаивает все, что логично вытекает из посылок или фактов, его не останавливает невероятность следствий, неожиданность выводов.

Нет, но почему невероятность и неожиданность? Произошло лишь то, чего давно ожидали. Уже в древней литературе описывались встречи с иноземными существами, это была любимая тема — вторжение звездожителей на Землю, появление среди людей лазутчиков иных цивилизаций. Реально совершалось по-иному — лишь в прошлом веке космонавты человечества открыли разумные общества в ближайших районах Галактики, но все это были существа, далеко уступавшие людям в развитии. Правда, Андрей доказывает, что найдена цивилизация, безмерно превосходящая нас в могуществе, но та цивилизация отчаянно далеко, отнюдь не звездный сосед...

Генрих негромко сказал:

— Чему ты так поражаешься? Знакомство с Олли доказывает, что еще сто лет назад нас посещали звездожители.

Рой возвратился на свое место, выключил прозрачную стену и хмуро возразил:

— Ее мы привезли на Землю. Спенсера и Гаррисона мы не привозили. Псевдолюди появились сами. В стихийность их появления верить неразумно. Должна быть какая-то цель в их пребывании на Земле.

— И твое мнение, Рой?

— Зло! — твердо ответил Рой. — Присутствие Спенсера привело к аварии корабля. Гаррисон проник в лабораторию Андрея — Андрей едва не погиб.

— Однако Гаррисон покончил с собой, — заметил Арман. Он явно не разделял мнения Роя. — И перед смертью внедрил в

болезненное сознание Генриха важнейшие для человечества математические истины.

— Я не знаю, почему он покончил с собой. А насчет истин — ты сам сказал: в болезненное сознание. А почему не в здоровое? Почему сам не опубликовал своих открытий? Твой пример как раз и доказывает, Арман, что добро совершилось в форме болезни, что оно несет в себе ненормальность. А это значит, что в нормальном бытии и Спенсер, и Гаррисон — вестники зла, в отличие от Олли, о которой я этого сказать не могу.

— Ты считаешь, что Олли и они — посланцы одной цивилизации?

— Ни утверждать, ни отрицать не берусь. Арман, тебе особое задание. Мы с Генрихом будем выяснять, какие все-таки депеши отправляет таинственная цивилизация на Кентавре, а ты займись поисками новых псевдолюдей. Продолжай проверку мозговых излучений. И особенно выискивай те, которые по характеристике...

— ...совпадают с видениями Генриха и снами Артемьева, так? Будет исполнено! — Арман, получая четкие задания, любил говорить четко.

3

Директор положил фотографию на стол.

— Расшифровка будет проецироваться на экран. Вот снимок Кентавра-3.

Это было обычное шаровое скопление, каких на границах Галактики больше сотни: диаметр около сорока парсеков, а в этом сравнительно небольшом объеме подсчитано почти сто пятьдесят тысяч ярчайших звезд.

— На вас работают все механизмы института, — повторил директор. — Все ваши требования будут немедленно исполняться.

Он ушел, и Рой занял место за пультом. Пульт стоял вплотную к одноглазому аппарату, с которым работал Андрей, — сейчас на него был натянут чехол. Рой обернулся к Генриху.

— Начнем?

— Покажи дешифратор, — попросил Генрих.

Рой подал на экран изображение дешифратора. Сложная металлическая решетка отделяла экран от людей, между прутьями пульсировало защитное поле. При опасности защитное поле, усиливаясь, становилось непроницаемым. Решетка была нововведением, Андрей работал без нее.

На экране показался приземистый купол, чья-то невидимая рука раскрыла его, засветились механизмы, смонтированные в подземелье. Их было множество, больших и малых, похожих на чаны и вытянувшихся трубами, — гигантский энергетический завод, заполнивший площадь в тридцать гектаров. Порция фотонов, уловленная во время почти мгновенной съемки шарового скопления Кентавр-3, должна была пробежать по внутренностям всех этих механизмов, здесь фотоны классифицировали, подвергали действию гравитационных, ротонных и многих иных, уже известных, а возможно, одновременно с ними и еще неизвестных сопутствующих полей.

Генрих размышлял о том, что Андрей перебрал в дешифраторе тысячи вариаций полей, пытаясь уловить присутствие предугаданного им сверхсветового агента. Андрей провел за пультом, где сейчас сидит Рой, несколько лет, проверил, вероятно, миллионы комбинаций, пока какая-то одна удалась. Что удалось? Каким образом загадочный сверхсветовой агент вступил во взаимодействие с полями в дешифраторе? Какие при этом были порождены явления? Какова мера их важности и их опасности?

— Может быть, оторвешься от своих мыслей? — спросил Рой.

— Начинай, — сказал Генрих.

На экране шаровое скопление Кентавр-3 было больше и ярче, чем на снимке, но отдельные звезды по-прежнему терялись в светящемся месиве. А затем скопление пришло в движение, оно разбухало, распадалось на тысячи светил — и вдруг погасло. Темнота, окутавшая экран, через доли секунды уступила место ночному пейзажу, звездному небу — до того красивому, что Генрих вскрикнул от восторга, даже Рой что-то восхищенно пробормотал. Ни на Земле, ни в космических странствиях по окрестностям Солнца братья еще не встречались с таким великолепным зрелищем.

Небо пылало десятками тысяч сверкающих точек, среди них мятечно сияли светила величиной с орех, белые, зеленоватые, красные, темно-фиолетовые... А звезд величиной с земную Луну Генрих насчитал сорок три, четырнадцать образовывали причудливое многоцветное созвездие.

— Рой, поглядеть бы! — дрогнувшим голосом прошептал Генрих.

— А ты и так глядишь, — отозвался Рой. — И глядишь изнутри. Передача, по-видимому, совершается с одной из внутренних звезд.

Картина скопления опять изменилась, звезды тускнели и пропадали. Лишь одна продолжала сиять — ординарная звездочка, не больше горошины; она терялась рядом с другими светилами, хоть была ярче Сириуса на земном небе. Вскоре сияние ее стало зыбким: она то сжималась, то расширялась, то ярко вспыхивала, то почти погасала. А на экране возникла шифрограмма: светящиеся пики прерывались долинами, снова вздымались пики — чередование их складывалось во фразу: два-два — четыре; два-два — четыре... Затем экран погас.

— Сделаем остановку, — попросил Генрих. — Формула дважды два — четыре и вправду похожа на позывные. Не кажется ли тебе, что передающая станция — это и есть та меняющая свою светимость звезда?

— Я тоже подумал об этом. И пока ты любовался звездой, запросил расшифровку ее пульсации. Дешифраторы не нашли разумной информации в колебаниях яркости.

— Я не говорю, что передача информации осуществляется колебаниями яркости звезды — это противоречило бы теории Андрея о сверхсветовом агенте телесвязи, — но не являются ли попутным следствием передачи перемены ее яркости? Иначе зачем нам показывают звезду то в спокойном, то в возбужденном состоянии?

— Мысль тут имеется. Но тогда как же должна быть могущественна цивилизация, если она способна превратить звезду в сигнальный фонарь!

Несколько минут прошло в темноте, затем засветилась новая картина.

Это было, несомненно, искусственное сооружение, но размером с планету. Сперва его изобразили в схеме: в центре та же пульсирующая звезда, а вокруг нее вращались семь планет — шесть круглых тел и одно дискообразное, шесть естественных — одно искусственное.

— Показывают масштаб, — сказал Рой.

Искусственная планета выросла во всю площадь экрана, теперь она была похожа на исполинский человеческий дом с надстройками, флигелями, крытыми переходами из корпуса в корпус.

Рой заметил, что если здесь и обитают живые существа, то каждое должно быть высотой километров в пять.

Жители этой планеты-дома были длинные, а не высоки. Из одной башни что-то потекло и зазмеилось между надстройками

и флигелями — меж искусственных сооружений бежала река. Когда существо вытекло все, стало видно, что оно начинается ярко поблескивающей головой, а завершается сверкающим хвостом. На голове возвышались острия короны, срывающиеся с них молнии сумрачно озаряли темную поверхность планеты-дома. На хвосте тоже виднелись острия, но поменьше, и они не исторгали молний. Рой сказал, что корона — энергетическое устройство, а хвост — приемо-передающая станция.

Рекообразное существо подтекло к шару, стоящему на крыше приземистого флигеля, потекло вверх по стене — молнии чаще срывались с гребней, теперь они были толще и ярче — и стало вливаться в шар; сперва пропала голова с короной, потом втянулись туловище и хвост. Вскоре на крыше опять стоял один шар, и было ясно, что он металлический — так сильно он отражал свет.

Вскоре он унесся в пространство. И по мере того, как шар отдалялся, он огибал то одну, то другую планету — Рой восхищенно прошептал, что управление космическими аппаратами в этом мире совершенно — и причалил к той, что была ближе к центральному светилу. Теперь и оно было видно — звезда класса В, синевато-белая, как Вега, по облику — из породы ранних гигантов, лишь начинающая звездную эволюцию.

Шар опустился на поверхность новой планеты, рядом были другие шары; всего на видимой стороне — около полусотни, но, очевидно, имелись и на невидимой, шары нигде не сгучивались.

Планетка напоминала Марс — желятая каменистая пустыня. Но было и отличие от Марса: на поверхности, правильно расположенные, возвышались башни, похожие на гигантские рога.

Из шара стала выливаться живая река — голова с короной, извивающееся туловище, хвост с частоколом антенн. И еще не успело диковинное существо полностью вытечь, как голова влилась в какое-то отверстие на поверхности планеты, и вслед за головой туда стало низвергаться туловище. Рой начал длинную шутку, что кентавряне на родной планетке — реки, в своих космических кораблях-шарах — озера, а на станции приземления превращаются в водопады, но закончить ее не успел. Все башни вдруг запульсировали. Они расширялись, превращаясь в подобие бочек, вытягивались, снова расширялись. И, как бы под действием их пульсации, стала накаляться звезда. И до этого она была огромной светимости — в тысячи раз ярче Солнца, — сейчас светимость ее увеличилась в миллионы раз, звезда распухала, летела к своим планетам; из ореха, какой предстала, превратилась в тарелку, летела дальше...

Рой усилил защитное поле — так нестерпимо ярко стал мертвенно-синий пожар, запылавший на экране.

Вдруг вся картина разительно переменилась. Звезда и планета пропали. Взамен на экране снова заплясали черные пики, складывающиеся в прежнюю формулу: дважды два — четыре. Генрих взволнованно прошептал, что теперь-то начинается настоящая передача, все остальное было своеобразной визитной карточкой, простым уведомлением далеких корреспондентов, что в недрах одного из звездных скоплений существует высокоразвитая цивилизация и что она выглядит так-то, а ведет себя так-то. Рой пробормотал, что осмысленной передачи пока нет, картинки на экране скорее напоминают хаотическое переплетение случайно возникающих геометрических фигурок.

Но уже через минуту он признал, что какой-то смысл в пляшущих на экране фигурках все же есть. Среди них возникали отчетливые треугольники и эллипсы, ломанные линии; быстро проносились светящиеся шары, весь экран внезапно заполнило что-то мутное, очень похожее на гигантскую каракатицу. Генрих воскликнул, что мутное пятно напоминает обыкновенную клетку. Рой хотел возразить, но не успел — мутное пятно стёрлось; на экране пульсировало новообразование, подобное обыкновенному и очень простому кристаллу, но едва братья согласились, что оно — кристалл, как из него посыпались лучи, кристалл взрывался, пропал в черном дыму, прорезанном искрами; он стал теперь эпицентром взрыва, расширявшегося на все стороны, рвавшегося с экрана в зал.

Передача эта оборвалась так же внезапно, как началась. Экран потускнел. Бесстрастный электрический голос дешифратора доложил, что расшифрована одна миллиардная секунды светового потока, прошедшего обработку в аппаратах. Следующий интервал, примерно в две секунды, настолько сложен, что никакой расшифровке пока не поддается, а завершается он теми же позывными: дважды два — четыре, дважды два — четыре.

Рой выключил экран и с удивлением посмотрел на брата.

— Знаешь, что напоминает показанная нам чертовщина? Видения, томившие тебя во время болезни!

Генрих с сомнением взглянул на белый экран.

— Я своих видений не помню.

— Зато в мою память они врезались. Я говорю, конечно, не о том видении, когда ты вдруг объявил себя выдающимся математиком, а о бессмысленных образах, пронесившихся в твоём мозгу.

— Любой сумбур на экране или в мозгу кажется нам одинаковым. Лишь специалист по антилогикам Гаррисон смог бы классифицировать разные роды сумбура, но Гаррисон мертв. Включай экран, Рой.

Рой медлил. Он вспомнил восклицание Андрея: «Какой ужас!» Не к следующей ли стадии расшифровки относился его крик? Если это так, то картины, которые им предстоит увидеть, несут в себе опасность. Недаром Андрей сразу закричал: «Помогите же!»

— Не они! — нетерпеливо бросил Генрих.

— Ты уверен?

— Уверен. Андрей кричал не о себе. Он, конечно, узрел в своем приборе что-то страшное, почему и выкрикнул: «Какой ужас!» Но призыв «Помогите!» был произвольным, так люди кричат, когда с кем-то совершается беда, а они не могут помочь. Андрей не бежал от аппарата, а всем лицом прильнул к нему, потому крик и прозвучал так глухо. Не беспокойся, мы будем осторожней Андрея. Включай, включай!

4

И сразу же на экране вспыхнула картина катастрофы, разразившейся где-то в недрах шарового скопления.

Звезда — шарик величиной с орех — расширялась, накаливаясь до нестерпимости. И на этот раз было что-то зловещее в ее разбухании. В нем отсутствовала мера, это уже была не гармоничная пульсация — работа космической передающей станции, — а нечто стихийное. Звезда вышла из повиновения. Она мчалась на свои планеты, чтобы превратить их в облачко плазмы. Движение больше не возвещало, что некая цивилизация делится с другими богатством знаний: это был пейзаж гибели.

На экране опять появилась планета-здание — ярко запыхавшаяся, безжалостно разрушаемая. Из недр сжигаемой планеты огненными фонтанами выбрасывались наружу еще недавно величаво струившиеся кентавряне. Погибая, они стремились к своим транспортным шарам, кое-кому удавалось влиться туда, полностью или частью, шары взлетали, отдалялись от планеты, но и в отдалении гибли — жадное пламя превращало их в факел, несущийся в темной пустоте; затем факел гас — лишь тусклое плазменное облачко продолжало мчаться в космосе. А на поверхность выбрасывались все новые кентавряне; их было много больше, чем шаров, ни один не дотекал до корабля. А еще через какое-то время — для

зрелища на экране это был интервал лишь в несколько секунд — уже ни один не появлялся, только облачка пара вырывались из глубин то здесь, то там — плотные, разноцветные, быстро рассеивающиеся... И люди, остолбенело впившиеся глазами в страшную картину, понимали, что каждое облачко, взвившееся вверх, — еще один погибший в недрах житель.

— Какой ужас! — потрясенно пробормотал Генрих.

И словно отвечая ему, космическое здание исчезло с экрана, и опять возникла планета с башнями-рогами. Взорвавшееся светило неслось на нее, борьба между разумом и стихией продолжалась. Звезда разлеталась, управляющая планета отчаянно пыталась ввести ее в режим. Все башни пульсировали, быстро меняли форму. Какое-то мгновение казалось, что победа останется за разумом и на распоясавшуюся стихию будут, наконец, накинuty узы. Пульсация башен достигла предела — и все явственнее, продолжая разлетаться, пульсировала ответно звезда. Она еще расширялась, но медленнее и толчками; толчки постепенно впадали в ритм башен, это была уже синхронизация. Вероятно, в этот миг Андрей и крикнул: «Помогите!»

Минутная надежда исчезла, новый взрыв оборвал пульсацию. Братья увидели, как распадается регулирующая планета, как вся она становится пламенем, дымом и газом. А в пламени и дыму, медленно наклоняясь и падая, продолжали пульсировать рушащиеся башни...

Экран погас. Расшифрованных передач больше не было.

Глава пятая

ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЛЫ И ЗЕВСА

1

Рой с волнением всматривался в бледное лицо Андрея. Семь дней, семь долгих дней оно было лишь безжизненной маской, муляжом, окостенившим одно из тысяч непрестанно сменяющихся выражений этого прежде удивительно подвижного лица, — окаменевшая гримаса страдания и боли. Сейчас к щекам возвращалась кровь, затрепетали веки, дыхание делалось глубже.

Араки предостерегающе положил руку на плечо Роя, властно шепнул:

— Соблюдайте спокойствие! Он не должен видеть, как вы волнуетесь.

Рой откинулся в кресле, постарался, чтобы с усилием вызванная улыбка не казалась вымученной. Андрей безучастно смотрел в потолок. Во взгляде была пустота, отрешенность от внешнего. Больной был уже в сознании, но еще погружен в себя. Он вяло привыкал к своему телу. Он должен был раньше осознать, что существует, потом лишь дознаваться — как и среди кого? Все шло, как предсказывал Араки. Минут через пять Андрей повернется и узнает Роя, нужно терпеливо ждать.

Андрей повернул голову уже через минуту, поглядел на Роя — с той же безучастностью вначале, с постепенно нарастающим интересом потом. В пустом взгляде внезапно зажглось удивление — первое осмысленное выражение, оно знаменовало возвращение к сознанию. Сознание пробудилось скачком. Андрей приподнялся на кровати, Рой и Араки поспешно схватили его за плечи, принудили снова лечь — он не должен был делать резких движений.

Андрей с радостным удивлением прошептал слабо и сипло, но внятно:

— Вот те раз, жив! Я-то ведь думал, погиб!

— Если б погиб, то ни о чем бы и не думал, — радостно возразил Рой.

Араки сделал предостерегающий жест. Рой глазами показал, что будет соблюдать объявленные ему условия. Араки хмуро усмехнулся, покачал головой. Условия не выполнялись — слишком много радости звучало в словах Роя, дальше будет не лучше. Араки, впрочем, уже и сам не был уверен, лучше ли то, что раньше представлялось лучшим: возвращение больного в сознание было неожиданно быстрым.

— Рой, аппаратура?.. Не пострадала? Такой удар! — прошептал Андрей.

— Удар нанесен страшный, — подтвердил Рой. — Трудно оценить его силу. Но аппаратура в целости. И расшифровка сигналов продолжается. Хотя ничего тебе не известного пока не получено, — поспешно добавил он, заметив, что Андрей сделал новую попытку приподняться.

Больной некоторое время отдыхал. Слабая улыбка оживила его лицо. В глаза Андрея возвращался прежний блеск.

— Не было удара извне, — внятно проговорил он. — Разряд в мозгу... Вот отчего аппаратура... Что-то случилось со мной... Со мной одним, так?

Рой взглядом посоветовался с Араки. Тот решил, что настал его черед разговаривать:

— Вы совершенно правы, произошло сильное внутриклеточное потрясение мозга. Причины неясны, сразу хочу вас информировать. И еще одно: разрыва клеток не было, вы скоро вернетесь в нормальное свое состояние.

Андрей опустил веки. Рою показалось, что он засыпает. Рой тихонько приподнялся, чтобы уйти, но Андрей снова раскрыл глаза. Теперь он глядел на Араки.

— Не надо быстро возвращать здоровье, — произнес он. С каждой новой фразой он говорил ясней и тверже. — Хочу поболеть...

— Не волнуйтесь, все в порядке, — поспешно сказал Араки. — Мы свое дело знаем, можете не сомневаться. И все, что потребуется...

— Нет. Не понимаете... — он с мольбой посмотрел на Роя. — Ведь больше не повторится!.. Рой, пойми!

Рой знал теперь, что ничего от Андрея скрывать не нужно.

— Все твои видения записываются, Андрей. И могу тебя заверить, что мы делаем это гораздо тщательнее, чем когда болел Генрих. Ни одна минута твоей болезни не была для нас потеряна.

— Я ничего не открыл в бреде? — с надеждой прошептал Андрей. — Помнишь математические откровения Генриха...

— Нет, открытий не было, но выяснено много интересных закономерностей. Мы познакомим тебя с ними, когда ты окрепнешь. Этого уже не так долго ждать.

Лицо Андрея снова выразило неудовольствие. Он по-прежнему не хотел быстрого возвращения здоровья. Из его то ослабевающего, то возвращающегося к внятности шепота Араки и Рой уловили, что Андрей просит лекарства, не подавляющего, а усиливающего бред. Он все снова повторял, что такой редкостный случай терять нельзя: видения его порождены мощными силами, в природу которых надо обязательно проникнуть. Его личная неудача может явиться счастливым событием. Он требовал, чтобы ему ввели стимулятор безумия, усиливающий болезнь, — без угрозы конечному выздоровлению, погибать он отнюдь не хочет.

— Ни о каких специальных стимуляторах безумия и речи быть не может! — категорически объявил Араки. — Любой препарат такого рода станет для вас смертельным ядом. Повторяю, не беспокойтесь, вы с самой первой минуты явились для нас не только объектом лечения, но и объектом изучения.

Андрей снова повернул лицо к Рою и горестно прошептал:

— Рой, та цивилизация... Неужто погибла?

— Новых передач нет, старые повторно изучаются.

Андрей снова впал в беспамятство. Араки, поднявшись, попросил Роя идти с ним. Рой молча прошагал несколько помещений, примыкавших к палате, где лежал Андрей. Приборы, записывающие работу мозга больного, были размещены в кабинете Араки. Добрую треть стены занимал экран, изображавший расшифрованные картинки недавнего бреда Андрея. Рой, бросив рассеянный взгляд на пульсирующие фигурки и линии, подошел ко второму экрану, вмонтированному в стену несколько поодаль.

Он долго стоял перед этим небольшим, два метра на полтора, полупрозрачным, полутемным листом в рамке из светлого пластика. Посредине экрана струилась широкая серебристо-золотая река. Она бежала справа налево: то вспыхивала яркими точками, то приглушалась, края ее изгибались, из общего потока выдвигались заливы, высеивались тонкие параллельные ручейки — и снова возвращались в главное русло. Река неслась как бы в постоянно меняющейся бахrome и кружевах. Удивительный поток — его открыли три столетия назад, но долго не могли выразить формулами и кривыми; он оставался логической категорией, общественным понятием, несомненным, но неизученным, скорее психическим, чем физическим полем, его так и называли: общественное пси-поле. Не прошло и двух десятилетий с того дня, как Альберт Боячек продемонстрировал найденные им математические формулы для пси-поля, и стало возможным моделировать творческий уровень общества. Духовный потенциал человечества, прежде нечто неосоздаемое, превратился в предмет точного измерения. Картина на экране в кабинете Араки была копией непрерывно фиксируемого в Управлении Государственных машин потенциала пси-поля — Араки разрешили продублировать его у себя для исследований психики Андрея.

И сейчас Роя привлек к себе неподвижный пейзаж духовных возможностей человечества. На экране он менялся мало, лишь в масштабе десятилетий обнаруживались изменения; прежде довольно частые, скачки гениальных открытий становились все реже, подъем творческого потенциала все больше определялся суммарным старанием всего человечества, а не вдохновенными порывами особо одаренных одиночек. «Все общество у нас теперь одаренное», — недавно резюмировал Боячек свои многолетние исследования. Рой так часто, и до болезни Генриха, и особенно

во время ее, всматривался в такую же развертку на экране, что для него в ней уже не было чего-либо неизвестного или удивительно-го. И смотрел он не на широкий серебристо-золотой поток, всеми своими бесчисленными сияющими точками перемещающийся на экране справа налево, а на тоненькую, как нитка, линию, змеившуюся у рамы, — на языке медиков она называлась графиком психофакторов Андрея. И хоть Рой хорошо знал, что тонкая струйка, протянувшаяся ниже широкой реки, не выдаст так просто своих тайн, он все не мог оторвать от нее глаза. Так всегда бывало, когда он приходил в этот кабинет: часами стоял перед экраном пси-поля, всматривался, вдумывался.

Араки сказал, пожимая плечами:

— Не могу понять, что вас так тревожит в пси-факторе Андрея Корицина!

— Я уже объяснял вам, Кон, — сдержанно ответил Рой, присаживаясь к столу Араки.

— Да, объясняли: большое пси-поле Андрея может воздействовать на духовный потенциал всего общества. Я думал над вашим объяснением. Общественное пси-поле складывается из двенадцати миллиардов индивидуальных пси-факторов...

— Здоровых пси-факторов, Кон!

— Так же и десятков тысяч больных, Рой. Или вы думаете, что Андрей единственный, кто находится на излечении? Травмы, старческие недомогания, хоть и редкие, но еще не изжитые полностью случаи атаксизма и дегенерации — все они тоже там! — Араки показал на экран. — Не они, однако, определяют могучий уровень наших духовных возможностей.

Рой недоверчиво усмехнулся:

— Звучит убедительно. Но не для моего уха. Да, конечно, пси-фактор Андрея — капля, влитая в озеро. Но если это капля яда? — Араки хотел возразить, Рой не дал. — Вы физиолог, Кон, ваша научная, ваша человеческая задача — искать причины заболевания и ликвидировать их. А меня тревожит не причина, а назначение заболевания — та цель, ради которой, возможно, болезнь вызвана.

— И это вы уже говорили: не скрывают ли гибель Спенсера, самоубийство Гаррисона, несчастье с Андреем Корициным сознательное зло, передающееся через них всему человечеству? — заметил Араки. — Подготовленный мной эксперимент, возможно, даст какой-то ответ на этот ваш вопрос. И все же, мне кажется, мы могли бы поспорить...

Рой не хотел спорить. Спор ничего не даст, нужны опыты, а не слова. Никем не доказано, что поражения индивидуальной психики могут повредить духовному потенциалу общества, но ведь не доказано и обратное: что общественное пси-поле застраховано от таких ударов. Духовный уровень общества отнюдь не арифметически связан с индивидуальными уровнями людей. Разве не отвечает пси-поле общества всплеском вверх на появление Аристотелей, Ньютонов, Эйнштейнов, Шекспиров, Нгоро, Толстых? Или не бывало в истории примеров того, как массами людей овладевает что-то вроде безумия? Разве не безумными кажутся нам теперь религиозные войны, разве не актом социального безумия были кровавые преступления фашизма? И неужели не болезненным психозом отдают теории сверхлюдей, высшей расы, того, что избранным, в отличие от массы, все позволено, что они — вне морали? Он ставит вопрос: можно ли, воздействуя на психику отдельного человека, нанести болезненный удар пси-полю общества? Если такая возможность осуществима, то реальна возможность гигантского злостворения. Тайный враг, коварно поразив мозг попавшего в его тенета простака, способен будет привести к безумию все общество, овладеть им, превратить великое содружество гордых, свободолюбивых индивидуумов в серую массу покорных рабов!

Рой, как и Араки перед тем, показал на экран пси-поля:

— Кон, взгляните на могучий поток пси-потенциала общества. Внешне он схож с графиком наших энергомощностей. Безмерно велика энергосистема Земли — триллионы киловатт. А управляют ею командные аппараты, а командными аппаратами управляют люди. Энергосистема блестяще защищена от всяких трагических случайностей, в ней давно не происходит аварий. Но если дежурные инженеры, вдруг сойдя с ума, захотят вывести из строя командные аппараты... Страшно и подумать, что произойдет тогда! И вот я хочу твердо знать: возможен ли во взаимоотношениях пси-поля с индивидуальными пси-факторами тот срыв равновесия, который отнюдь не исключен в наших энергосистемах. Дайте мне, наконец, ответ: может ли психика отдельного человека сыграть роль кнопки пускателя, приводящего в действие или останавливающего исполинскую энергосистему, называемую общественным пси-полем? Вот о чем прошу!

Рой редко выходил из себя, но сейчас так разнервничался, что невольно повысил голос. Араки размышлял. Рой сердито отвернулся от задумавшегося ученого. Он сам попросил Боячека

поручить Кону Араки исследование странных психических явлений, число которых с момента гибели звездолета все накапливалось. Рой оговорил, что оставляет своей лаборатории общую физику загадок, а психофизику передаст более компетентным экспериментаторам. В мире сегодня не существовало пси-физика крупнее Кона Араки. Давно прошли времена, когда исследователи были специалистами, знатоками узкой отрасли знания — ущелья знаний, иронически говорил о таких людях Рой. Сам Рой мог послужить примером универсала, но и ему в этом отношении было далеко до Араки — блестящего медика, физиолога и психолога. Рой не сомневался, что совместная работа пойдет прекрасно. Она шла трудно. Араки быстро ставил эксперименты, но не разделял сомнений и страхов Роя. Он вносил какой-то дух иронии даже в опыты, которые не оспаривал. Целевую же установку он оспаривал. Рой ничего не мог с собой поделать — такое отношение его раздражало,

— Я, собственно, не понимаю, почему вы так противитесь проверке моей гипотезы? — с возмущением добавил Рой, когда убедился, что Араки не собирается нарушать затянувшееся молчание.

Араки медленно заговорил:

— Я не противлюсь, нет, друг Рой. Я размышляю. Вы хорошо сказали: не причина, а назначение болезни... Вы видите в потрясениях психики, которые мы исследуем, зло, творимое человечеству, попытку взорвать нашу пси-систему. Но ведь возможна и обратная гипотеза: не зло, а добро, не нападение, а защита. Вынужденная, уродливая форма защиты, но — защита!

— Безумие как акт защиты? И вы можете это обосновать?

— Нет. Могу лишь высказывать, а не доказывать. Согласен с вами: тут нужны не слова, а факты. Добавлю лишь: уверен в прочности пси-системы человечества. Уверен, что у нее имеются могущественные методы противодействия любому испытанию ее прочности. А теперь идемте в лабораторию синтеза новых форм — посмотрим, как подготовлен опыт с Гаррисоном и Спенсером.

Лаборатория синтеза новых форм помещалась в другом конце Института физиологии. Идти туда пришлось долго, Араки к тому же заглядывал то в одну комнату, то в другую и каждый раз просил у Роя извинения, Рой каждый раз лишь выразительно пожимал плечами. Когда они спустились на восьмой подземный этаж и зашагали по гигантскому бетонированному коридору без дверей, Араки спросил, бывал ли Рой здесь. Рой знал все

лаборатории института, бывал и там, где выводили синтетических живых существ. Работы лаборатории синтеза до сих пор мало его интересовали. Ему хватает загадок, создаваемых естественными существами, чтобы еще добавлять хлопот с искусственными.

Араки рассмеялся.

— С точки зрения добавляемых хлопот мы искусственников не рассматривали. Но вот создание искусственного мозга для Гаррисона и Спенсера хлопот доставило. Как вы знаете, того миллиона клеток, которые имелись в «Охранительнице» в качестве паспортов Гаррисона и Спенсера, было слишком мало для нашего эксперимента.

Рой молча кивнул. Машина, называемая «Охранительницей», имела лишь те данные о каждом человеке, которые нужны для безопасности его полетов, передвижения по воде и суше, охраны его здоровья. И даже с этими простыми задачами она не справлялась, что и выявилось в самоубийстве Гаррисона и несчастье с Андреем; в аварии звездолета обвинять «Охранительницу» было нельзя, зона ее действия ограничивалась Землей. О том, чтобы «Охранительница» крохотной клетушкой, отведенной в ней каждому человеку, могла заменить живой мозг, и говорить не приходилось. И то, что Араки удалось из сохранившихся скудных данных воссоздать работоспособный мозг, было таким успехом, что Рой, уговаривая Араки заняться этим, не очень и надеялся, что тому удастся выполнить его просьбу.

Араки, подойдя к помещению, куда перенесли тела Спенсера и Гаррисона, пропустил Роя вперед.

Посреди зала на специальном столе возвышались два саркофага из свехплотного пластика. Сквозь прозрачные стенки были хорошо видны два трупа. Никаких изменений сравнительно с тем днем, когда Рой видел их в последний раз, с ними не произошло. Гаррисон был крупнее Спенсера, тот успел больше высохнуть, все остальное было одинаково: не два близнеца — два тождества, один копировал другого, и оба были как бы лишены индивидуальности — средние, до того обычные, до того во всем повторяющие всеобщие черты, что лишь одна эта непостижимая всеобщность и была удивительным индивидуальным отличием. И снова Рой думал о том же, о чем всегда думал, когда вспоминал их: если бы существовал могущественный мастер, пожелавший сотворить искусственного человека для наблюдения за людьми, то он сотворил бы того соглядата именно таким, из одних общих, расчетных

признаков, каждой внешней черточкой повторяющего сразу всех, подражающего сразу всем...

Перед Роем в прозрачных саркофагах лежали два мертвых человека — не могло быть таких людей, они были немыслимы, он не мог в них поверить. Это были псевдолюди, а не люди. Псевдолюди живут среди людей. Сегодня это только его зловещая догадка, завтра она, возможно, станет неоспоримым фактом!

Араки проворно ходил вокруг саркофагов, придирчиво трогал руками толстые кабели и гибкие трубки, опутывавшие постамент, — по ним должна была поступать и отсасываться энергия, химические вещества, вода и газы. А вдоль трех стен, гигантским овалом очерчивая зал, тянулись механизмы, регулирующие движение питательных веществ в оживленных телах.

Два искусственных мозга — высокие цилиндры с кабельными выводами на саркофаги и проводной связью со всеми питательными механизмами — возвышались в центре овала.

Араки положил руку на плечо Роя.

— Завтра в двенадцать, друг Рой. Приходите с Генрихом и Арманом. Будет Боячек.

Рой шел пешком по Кольцевому проспекту. В метеографике сегодня планировали ветер и дождь, ливень должен был хлынуть после обеда. Рой присел на скамью. На этой скамье он сидел месяц назад. Тогда начиналось бабье лето, было тепло и томно — последняя нега природы перед осенним угасанием. И тогда его мучили трудные мысли, со всех сторон теснили загадки, он терялся среди них, но верил, что пройдет день, другой, неделя — все высветится, все станет понятно и закономерно. Прошли четыре недели, ничего не высветилось, стало темней. Природа перешагнула порог равенства, день скатывается, как ковер, ночь расширяется на две трети суток. Даже в полдень сумрачно, сквозь заполнившие небо тучи тускло льется свет. Старые загадки не разрешены, добавились новые. Были Спенсер и Гаррисон, была болезнь Генриха. Он с той поры выздоровел, это единственная радость: Генрих — прежний. Энергичный, увлеченный, всех увлекающий...

Но к Спенсеру и Гаррисону пристроилась Олли, обнаружены передачи какой-то могущественной цивилизации; вряд ли можно ожидать от них добра — и Андрей Корытин едва не повторил трагедию Спенсера, и среди людей появились какие-то псевдолюди...

Рой поднял воротник плаща. Ветер ударил сразу, в воздухе заматались листья, тонко засвистела трава, загрохотали кроны

дубов и каштанов. Нагрянувшая внезапно темнота сгустилась, стало холодно. И снова вдруг прояснилось. Наконец-то хлынул дождь — светлый, обильный, громкий.

2

О Боячке было известно, что он является ровно на минуту раньше условленного времени. «Моя точность предупредительна, а не надменна!» — пошучивал о себе президент Академии. Рой принадлежал к людям, точность которых точна — надменна, по выражению Боячка. Они с Генрихом и Арманом вошли в лабораторию синтеза новых форм без пяти секунд двенадцать. Боячек уже стоял около саркофагов с телами Спенсера и Гаррисона и выслушивал объяснения Араки, Рой с Арманом знали все, о чем говорил Араки, но еще раз мысленно прошли с ним все стадии эксперимента. Генриху была известна лишь общая идея опыта, он слушал с интересом.

Араки, показывая рукой на прозрачные ящики — тела, лежавшие в них, были сегодня прикрыты датчиками и питателями, опутаны проводами и трубками, — сказал, что опыт назван оживлением, но практически оживления мертвых не произойдет. Только в мифах некий бог велел мертвецу: «Возьми одр свой и иди!» — и мертвец покорно встал и пошел. Ни Спенсер, ни Гаррисон уже не встанут. Не будет ни единой минуты, даже ни единой микросекунды, когда бы стало возможным сказать: «Они ожили!» И все-таки каждая клетка их тела оживет, в каждой возникнут жизненные процессы, клетки будут делиться, нарождаться и умирать. Миллиарды жизней возникнут в мертвых телах Спенсера и Гаррисона, не будет лишь того общего, что объединяет в нормальном бытии эти миллиарды частных, крохотных, микроскопических жизней, — живых Спенсера и Гаррисона. Ибо воскрешение мертвых еще не стало предметом эксперимента, оно пока лишь сокровище мифологии. Могущественная, бесстрастная машина, называемая искусственным мозгом, промоделирует элементарные жизненные процессы на клеточном уровне, но не сотворит заново того сложнейшего, невосстановимого их сочетания, которое называется живым телом. Это дело далекого будущего.

— И еще одно, — продолжал Араки. — Мы воскрешаем клеточную жизнь в телах Спенсера и Гаррисона не в прямом, а в обратном направлении. Мы заставим клетки во всех тканях

пробежать обратные стадии развития: от состояний, характеризующих взрослых мужчин, до комплекса юноши, потом подростка, ребенка, зародыша. Точнее бы назвать наш эксперимент генооперацией, ибо мы сможем дойти до момента, когда оба тела, лежащие сейчас перед нами, распадутся на первоначальные родительские клетки. Приемники и питатели, смонтированные в зале, доставят клеткам тел все вещества, нужные для обратного процесса, отсосут все отходы, все формы когда-то поглощенной телами и ныне возвращаемой энергии. Во время обратного развития тел будет непрерывно анализироваться состояние на общеклеточном уровне. С особой же тщательностью — природа генетических молекул, ответственных за построение каждой клетки. Анализ показал, что Спенсер и Гаррисон лишь внешне полностью повторяют людей, а в клеточной структуре их тканей содержатся важные отличия от среднечеловеческих. Наша сегодняшняя задача: узнать, созданы ли Спенсер и Гаррисон с внутренними отклонениями от человеческой структуры еще на стадии зародыша или приобрели эти отличия позже. Рождены они нелюдью или только выросли в нелюдей.

Когда Араки замолчал, Боячек задал вопрос:

— Развитие человека из родительских клеток до взрослого состояния охватывает примерно двадцать лет. Мы знаем, что моделирование обратного развития — процесс ускоренный. Насколько он ускорен? Долго ли нам дожидаться результата?

— Процесс ускорен примерно в сто тысяч раз, — ответил Араки. — Двадцать лет прямого развития будут втиснуты нами в два часа при моделировании обратного развития.

— Два часа прождать можно, — согласился президент.

Араки попросил пройти в аппаратную. Аппаратная возвышалась над залом прозрачной закрытой верандой. Отсюда можно было наблюдать за тем, что совершается внизу, где стояли два саркофага, и следить за механизмами, смонтированными на внутренней стене. Боячек — огромный сутулый — заложив руки за спину, медленно прохаживался вдоль линии аппаратов. Арман и Рой сели напротив «сумматора расхождений» — так назвал Араки этот сложный прибор, показывавший степень отличия структуры Спенсера и Гаррисона от средней человеческой. Генрих лишь бросил рассеянный взгляд на командные и анализирующие аппараты и, подойдя к прозрачной наружной стене, посмотрел вниз.

Внизу лежали два мертвых человека, о которых лишь после смерти стало известно, что они вовсе не люди, а псевдолюди, как

называл их брат. С одним из этих псевдолюдей Генрих провел вместе несколько дней в салоне звездолета — вместе ели, разговаривали, любовались звездным небом на экране. Человек был как человек: суховатый, немногословный, рассудительный, редко улыбающийся, но как-то мило улыбающийся — улыбка красила его невыразительное лицо. Он не вызывал большой приязни, но и не был неприятен, он просто казался замкнутым, из породы тех, с кем надо съесть пуд соли, чтобы его узнать. Последующие события показали, что и миллиона тонн совместно съеденной соли не хватило бы на познание этого странного существа. Брат объясняет аварию звездолета нечеловечностью этого внешне такого обычного человека — одна загадка являлась простым следствием другой загадки. Возможно, Рой прав.

Слишком уж тяжкие последствия тянет за собой такая возможность!

Другого человека, Гаррисона, Генрих увидел впервые лишь в специально для него созданном прозрачном гробу. Он тоже не человек — так показывает бесстрастный химический анализ. И он, этот не знакомый Генриху псевдочеловек Федор Ромуальд Гаррисон, как-то загадочно связан с самим Генрихом: его удивительные математические озарения повторились в бредовой форме в мозгу Генриха. Что их связало? Почему они связаны? Как осуществлялась связь? И что заставило Гаррисона покончить с собой? Его предсмертная записка Андрею — ведь это же вопль отчаяния! Что породило такой неистовый взрыв чувств? Араки и Роя с Арманом занимает одно: сразу ли они возникли псевдолюдьми или их нечеловечность — результат заранее рассчитанного развития? Нет спору, все это важно. Но не менее важен вопрос, отчего Гаррисон впал в отчаяние. Здесь истинный ключ к тайне! Ну хорошо, Араки докажет сегодня, что оба они не обычные человеческие уроды, какие иногда возникают среди людей, а нечто сознательно кем-то и как-то сконструированное. Объяснит ли это, почему один вызвал аварию звездолета, а второй пустил себе разряд в мозг?

Задумавшийся Генрих пропустил момент, когда аппараты заработали. Рой позвал его и показал на сумматор расхождений. На экране прибора возникли две ярко-красные кривые: одна, неподвижная, условно обозначала суммарную структуру человеческого тела, вторая, подвижная, плавно изгибающаяся, рисовала Спенсера, а под ней, такая же, лишь в мелочах не совпадающая со второй, бежала по горизонтали экрана кривая Гаррисона. Различие между

первой кривой и двумя другими сразу бросалось в глаза. Араки обратил внимание зрителей на то, что между нормальными людьми, если выразить их кривыми на сумматоре расхождений, тоже не будет тождества, но и такого расхождения никогда не наблюдается.

«Не наблюдалось», — мысленно поправил его Генрих. Араки был абсолютно уверен, что Спенсер и Гаррисон не люди, а это еще предстояло доказать.

Генрих снова посмотрел вниз. Тела в саркофагах уже перестали быть видны. Возможно, гробы наполнили светопоглощающие газы или на стенки напозл специальный экран. А в темноте кипели мертвые тела! Надо было подобрать иное выражение, не такое вызывающее, но оно понравилось Генриху, оно хорошо выражало стремительность реакций, забушевавших в умерших было клетках. И подошедшему Араки Генрих так и сказал:

— Кипят! — и показал рукой вниз.

Араки покачал головой.

— Неправильное представление, друг Генрих. Кипение — процесс, обращенный вовне: что-то вырывается наружу. А здесь обратное: опадение в себя. Ссыхание, растаивание, растворение, сгущение — такие слова тоже неточны, но правильное передают направление процесса.

Вдоль линии приборов прохаживался Боячек, грузный, стареющий, насуспенный. Генрих с нежностью посматривал на пожилого ученого. Ему все нравилось в этом человеке: и его пронительность, и какая-то только ему присущая вдумчивая доброта, и даже категоричность его настояний и решений, и особенно — умная насмешливость, с какой он слушал, когда не соглашался. К Генриху подошел Рой и потянул за руку. Араки взволнованно показывал на кривые, вычерчиваемые сумматором. Линии Спенсера и Гаррисона, вдруг утратившие свою особость, шли на сближение с основной кривой. Араки переключил процесс на торможение, еще через минуту вовсе остановил его.

Обе индивидуальные кривые вытягивались на экране параллельно основной, почти сливаясь с ней.

— Генетические нарушения на стадии зародыша, — торжественно объявил Араки. — Родители обоих были люди. Изменение программ развития произошло на первой неделе внутриутробного существования.

— Изменение генетической программы совершилось одновременно у обоих? — поинтересовался Боячек.

Араки не мог дать точного ответа. Одновременность не исключена, но и не доказана. Одно несомненно: и Спенсер, и Гаррисон начали свое внутриматеринское бытие как люди. А затем возникла мутация: гены зародышей испытали внезапное изменение, очень сложное, можно даже сказать — коварное. В результате возникли не уроды, не калеки, а внешне совершенно человекоподобные, здоровые, жизнедеятельные существа, но с каким-то пока еще полностью не выясненным существенным отличием, особенно, вероятно, касающимся мозга. К сожалению, именно эта сторона проблемы исследована быть не может, так как у обоих сохранились тела, а мозг погиб. И это не случайно! Если в одном случае это может быть приписано внешним обстоятельствам, то Гаррисон сознательно расправился со своим мозгом.

— Итак, псевдолюди существуют, — хмуро констатировал Рой.

— Обсудим результаты эксперимента, — предложил Боячек. Он повернулся и, грузный, неторопливо пошел вперед.

3

Араки захотел вести обсуждение в своем кабинете. Он зашагал впереди, беседуя на ходу с Арманом. За ними, сутулясь, заложив руки за спину, неторопливо двигался Боячек. Рой и Генрих шли рядом. Рой молчал, молчание было понятней слов — Рой готовился переводить в свою веру инакомыслящих, а к ним, вероятно, причислял и брата, и Араки, и самого Боячека. Рой настраивался на словесное сражение.

А Генрих не знал, будет ли спорить или отмолчится, как отмалчивался прежде, когда брат, уверовав в какую-либо концепцию, настойчиво навязывал ее всем. Генрих с удивлением поймал себя на мысли, что нет у него твердой концепции. Он даже хотел, чтобы на него запальчиво напали, усердно перетаскивая в свою веру, — тогда, сопротивляясь, он, возможно, свяжет свои возражения во что-то стройное. Во время споров с Роем так иногда бывало. И единственный, с кем он наверняка не согласится, будет брат.

В кабинете Араки Рой снова остановился перед экраном псиполя: хмуро всматривался в серебристо-золотой поток, струившийся в темной глубине экрана, в тонкую змейку пси-фактора Андрея. Араки, ни к кому в отдельности не адресуясь, известил, что перемен у Андрея нет: выздоровление несомненно, но затянется. Боячек сел, вытянул огромные ноги, откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе: президент Академии наук был

слишком громоздок и плохо вписывался в обстановку. Генрих подумал, что если бы понадобилось нарисовать посланца иных миров, то вот она, эта массивная голова, широкое лицо с чересчур даже для него крупным носом и отвислыми щеками, сутулая фигура, разлапистая походка, руки, похожие на рычаги, ладони с детскую лопатку — нет, вышел бы инозвездный житель куда убедительнее, нежели ничем не поражающие внимание Спенсер или Гаррисон! Они были слишком свои, он — нездешний, с удивлением сказал себе Генрих, именно такой путаной формулой вдруг охарактеризовав Боячека.

Президент подождал, когда все рассядутся, и заговорил. И голос у него был какой-то очень уж свой, отличный от любых голосов, мощный, конечно, — все в этом человеке было мощно. Глуховатый, но не хриплый, он выносился из глубин груди, он был многоинтонационен. Генрих с тем же насмешливым удивлением определил: разнообразен — в нем были и настойчивость, и доброта, и доброжелательная ирония, и недоверие; все это выражалось одними звуками, а не мыслями — звуки, не сочетаясь в логические категории, ясно высказывали себя. Президент был из тех, кто может спорить без вывязывания силлогизмов интонациями голоса.

— Итак, философия, — сказал Боячек. — Какую же философскую систему вы преподнесете нам, друг Рой?

Рой не собирался преподносить новые философские системы. Он будет придерживаться фактов. Он высказал это сухо и точно. Он последовательно перечислил недавние открытия. На далекой окраине Галактики обнаружена новая разумная цивилизация. И степень ее технического развития выше человеческой — это видно хотя бы из того, что она превратила звезды в широкоэвещательные станции и ведет свои передачи при помощи агентов, распространяющихся практически мгновенно. Оставляя в стороне загадочный вопрос, для чего ей понадобились такие передачи, следует отметить, что в технике превращения звезд в передатчики не все доработано — картины катастрофы в Кентавре-3 убедительно о том свидетельствуют. Неясно, существует ли еще эта цивилизация или уже погибла. Таковы главные новые открытия в галактическом космосе.

— А на Земле и солнечных планетах свои открытия, — продолжал Рой. — И нельзя их не соотнести одно с другим. На Земле появились разумные существа, но не человеческой природы. Первое такое существо — обезьянка Олли. Генрих считает, что

она была послом общества электрических обезьян, встреча с которыми вызвала трагедию «Цефея». И Рой недавно так считал. Теперь он отказывается от такой концепции. Она слишком примитивна. Олли не была посланцем добрых электрических обезьян, во владения которых безрассудно вторглись люди. Она посланец куда более мощной цивилизации, чем харибдяне, — возможно, той самой, крохи передачи которой удалось уловить. И ее облик свидетельствует лишь о том, что она приспособилась к условиям жизни харибдян. И если уж считать ее послом, то не к людям, а к жителям Харибды — она передавала информацию о харибдянах тем, кто ее создал. И когда неожиданно появились люди, естественно, еще никому не знакомые, так как человечество только вышло в космос, создатели Олли предписали ей срочно сменить местопребывание. Нельзя было упускать случай познакомиться с людьми поближе. Так она появилась на Земле космическим шпионом.

— Ты обещал придерживаться фактов, — напомнил Генрих.

— Я обещал не развивать философских концепций, — спокойно возразил Рой. — Комментировать факты я волен как мне угодно.

Хорошо, он не настаивает на термине «шпионаж», если слово «шпион» выражает что-то скверное. Не доказано, что Олли принесла людям зло, скорее, известно обратное. Ограничимся названием благороднее: «космический разведчик». Телесная форма, целесообразная на Харибде, среди людей не годилась. Олли, нет сомнения, передавала своим господам массу сведений о человечестве, среди них — и о структуре человеческого тела. Недаром же она так старательно изучала человеческие науки, а среди них и биологию. Связь осуществлялась при помощи того сверхсветового агента, к раскрытию тайны которого мы вплотную приблизились. Выполнив свои задания, Олли умерла, а ее создатели и господа разработали план засылки на Землю новых разведчиков, столь же приспособленных к местным условиям, как Олли была приспособлена к жизни у харибдян. Выслать к нам живую куклу, имитирующую человека, они не сумели. Любую информацию и команды они передают практически мгновенно, а для передачи тел нужно снаряжать корабли, и скорость звездолетов, даже в сверхсветовой области, не безгранична. Проект их был точен и надежен. Они не создали людей, но породили мутации в генах зародышевых клеток. Они переконструировали человека. И так хитро, так умно, так блестяще, что человек, внешне оставаясь человеком,

превращался в датчик нужной им информации, в исполнителя их команд, в живую станцию мгновенной связи. Так среди людей появились псевдолюди — Спенсеры и Гаррисоны. И, возможно, не только они, открытые и погибшие, а еще и десятки других, нераскрытых и необезвреженных.

Араки кивнул головой. Пока он согласен с Роем. К сожалению, полностью погиб мозг Спенсера и Гаррисона. Наибольшие отличия были, вероятно, там — в клетках, укрытых за черепной коробкой. И допустимо, что специализированный мозг способен принимать и передавать сверхсветовые сигналы. Даже в обычном состоянии он настроен на излучение и прием — на этом основана вся работа с пси-факторами и пси-полями. От усовершенствованного мозга можно ожидать результатов более значительных.

Боячек прогудел, насмешливо улыбнувшись:

— Что называть усовершенствованием? Развитие методов злотворения? Насколько я догадываюсь, друг Рой будет склонять нас к мысли, что вся разыгрываемая среди нас спенсериада ведет ко злу и иного назначения у нее нет.

Рой игнорировал насмешку президента. Он по-прежнему придерживался одних фактов. Факты свидетельствуют, что присутствие псевдолюдей узнается лишь по создаваемым ими несчастьям. Спенсер, обладая способностью принимать сигналы, распространяющиеся со сверхсветовой скоростью, применил вдруг эту способность в салоне звездолета к командам марсианского астропорта — и звездолет потерпел аварию. Гаррисон передал свои математические знания Генриху, но передал в форме бредовых видений. И не исключено, что в те часы математические истины были ядом для больного мозга Генриха и что они должны были сыграть роль внутреннего пламени, сжигающего обессилевшие мозговые клетки. Гаррисон погиб, его намерения остались невыясненными. Зато есть Андрей, руководитель Гаррисона, и несчастье с Андреем сомнения не вызывает. Андрей воспринял передачи далекой цивилизации в Кентавре-3 — и мозг его получил удар, лишь немного уступающий тому, что сжег содержимое черепной коробки Спенсера. Можно ли отрицать влияние на Андрея совместной работы с Гаррисоном? Все, что связано с послами или разведчиками иноземной цивилизации, таит в себе грозную опасность для людей!

— Не могу с вами согласиться, — сказал Боячек, когда Рой замолчал.

— Вы отрицаете несчастья, вызванные присутствием среди нас псевдолюдей? — спросил Рой.

Боячек отрицательно покачал головой. Невозможно отрицать уже совершившиеся беды. Но позволительно усомниться в том, что их кто-то зачем-то сознательно вызывал. Друг Рой уклонился от философской концепции. Он, Боячек, собирается затронуть именно эту область, тот ее конкретный раздел, который трактует взаимоотношения добра и могущества.

Рой пожал плечами:

— Хороша конкретность! Есть ли понятие абстрактнее?

— Есть, и много. А теперь не протестуйте, если мои соображения покажутся азбучно простыми.

Генрих не любил областей, где лишь общие понятия являлись единственной конкретностью. Брат тоже не жаловал отвлеченностей, он часто говорил об этом. Но у Роя протест против абстракций был не больше чем абстракцией — Рой охотно вязывался в споры любой сложности. Генрих, хватая рассуждения Боячека с пятого на десятое, с любопытством разглядывал, кто как слушает и говорит. Араки суживал и без того узкие глаза, поджимал губы: он соглашался и возражал, он дополнял и уточнял, не произнося ни слова, — лицо его, отнюдь не такое выразительное, как у Роя или Армана, изображало речь без слов. Арман, обычно нетерпеливо выражающий себя жестами и гримасами, — временами казалось, что он вскочит, оборвет, начнет страстно опровергать, стремительно дополнять, — только слушал; различные выражения, торопливо сменяющиеся на его лице, были лишь признаком внимания — он старался постигнуть чужую мысль. А Рой отстранялся от чужой мысли, он стремился заранее ее опровергнуть, он опровергал ее всем в себе, не выговорив еще ни слова, — откинулся, полузакрыв глаза, полуулыбался, полуморщился — он, казалось, высокомерно-скучающе говорил: «Ладно-ладно, ну, что еще?» Генрих тихо рассмеялся. Он знал, что после такого молчаливого, почти обидного неприятия Рой, когда доходила очередь высказываться, часто вдруг менялся и спокойно объявлял: «Да, вы правы, у меня будут лишь незначительные замечания». «Ты слушаешь не уважительно, а провокационно, — говорил ему Генрих нередко, — ты заставляешь подыскивать все новые и новые аргументы, а потом выясняется, что из пушек били по воробьям».

А Боячек говорил. И не говорил, а гудел. И хмурый бас, выносящийся из груди так легко, словно Боячеку и не нужно было набирать дыхание, настойчиво вторгался в сознание. Звучит

музыкально убедительно, думал Генрих о голосе. Боячек заставлял слушать себя, мысль его давила, а не скользила; с ней соглашались, даже когда она вовсе не была бесспорной, а сейчас, определил Генрих, Боячек, как и предупреждал, высказывал истины почти тривиальные. Настоящее могущество, говорил он, неспособно противоречить добру. Злоторение — черта несовершенства, оно может быть особенностью силы, но не могущества. Другому причиняют вред тогда, когда нужно получить что-то для себя. Могущество предполагает изобилие благ и возможностей. Вспомните человеческую историю: сколько в ней было вражды, порожденной лишениями! По мере развития человечества совершенствовалась и мораль: еще в первобытной общине изжили индивидуальную войну — войну каждого против всех; затем стихали племенные, религиозные, национальные, расовые, государственные распри, пока не забыли и о самой стойкой борьбе — классовой.

— Вы распространяете человеческие законы на Вселенную, — заметил Рой. — Но разумные существа бесконечно различаются по строению, форме и цели жизни.

Нет, Боячек не распространял человеческих законов на Вселенную. Он просто находил в человеческой жизни действие более общих законов. Он не верил, что существуют высокоразвитые цивилизации, враждебные разуму, а в понятие разума входит понимание общности мыслящих существ. Когда-то человечество написало на своем знамени великие слова: «Человек человеку — друг, товарищ и брат». Кто докажет, что этот принцип не может быть распространен на всю Вселенную? В этом случае он будет звучать так: все высокоразумные цивилизации — дружелюбны. И чем выше цивилизация, с которой завязывается контакт, тем вероятней, что встретим в ней друга, а не врага. Какие бы удивительные формы жизни ни открывались, с какими бы социальными структурами ни знакомились, человечеству не придется пересматривать основы своей морали. Если биология всюду — местная, то этика — всеобщая. Всюду помощь друг другу будет добром, а издевательство над соседом, стремление сосать его соки — злом.

— А нет ли материальной основы морали? — с живостью поинтересовался Арман. Он при каждом подходящем случае старался перевести отвлеченные понятия на более близкий ему язык физических величин. — Скажем, доброта на молекулярном уровне. Химическая структура доброжелательности. Электронные по-

токи коварства. Квантовая фокусировка неприязни и ненависти. Атомная картина эксплуатации одного живого существа другим. Почему бы и нет? Физические причины безумия ведь существуют! Не исключено, что будет обнаружено и мезонное поле несправедливости.

Боячек ответил с улыбкой:

— Мы, социологи, скажем спасибо, если вы переведете наши понятия на свой язык. Но сомневаюсь. Безумие, здравый ум — физические состояния человека, их вы опишете физическими величинами. Несправедливость — понятие социальное, оно характеризует нравственный уровень общества.

Рой сухо сказал:

— Я бы все-таки предложил возвратиться к самой важной сегодня проблеме: кто такие Олли, Спенсер и Гаррисон? Какие цели преследует их появление на Земле? Я этот вопрос ставлю конкретно, но конкретных ответов пока не слышу.

Боячек не считал, что Олли, Спенсер и Гаррисон ставят очень уж трудные вопросы. К тому же ответы на них уже даны. Здесь упоминаются термины: посол, шпион, разведчик. Термины древней дипломатии мало соответствуют межзвездным отношениям. Раньше все проблемы исчерпывались взаимосвязями внутри биологически однородного общества, сейчас мы говорим об общности разума, об общности высших принципов нравственности, но отнюдь не об общности биологических форм существования, а это порождает свои особые трудности. И первая — проблема физической несовместимости, та самая, с которой столкнулся несчастный «Цефей». Люди неосторожно сунулись к харибдиям — и поплатились жизнью.

— Современные полеты к звездам повторяют ситуации древних мифов, — размеренно гудел Боячек. — Греков волновала проблема контактов богов и людей. Вспомните, как Зевс являлся своим смертным подругам: в образе орла — Семеле, быка — Европе, лебедя — Леде, золотого дождя — Данае. Изобретательность Зевса, согласитесь, была незаурядна. Семеле захотелось увидеть своего друга в истинном его облике. Но чуть он предстал перед ней, она была испепелена. Почему погибла неразумная Семела? Не оттого ли, что Зевс, поддавшись ее мольбам, нарушил им же изобретенные правила безопасности при общении с людьми?

— Поучительная история, — холодно констатировал Рой.

— Об этом я и говорю! Предварительное изучение форм существования непременно условие общения разных цивилизаций.

И раньше, чем контакт примет форму связи всех членов общества, отправляют тайного посланца. А тот должен обладать внешностью сродни изучаемой цивилизации, он должен быть близок ей — имманентен ей, я так скажу.

— Божество в образе неандертальца?

— Скорее уж — ген божества в теле неандертальца, если шутить по-вашему, Рой. Ибо мозг посланца должен, в общем, действовать на уровне цивилизации, внутри которой оперирует. Посланец способен выступать и как бродильное начало, но лишь в меру возможностей общества. Теперь возвращаемся к Олли. Вы правы: она была на Харибде посланцем более высокой цивилизации. На Землю она попала, как вы и доказываете, неожиданно, а здесь убедилась, что мало подходит для налаживания связи с людьми. И отосланная ею информация дала возможность разработать иной способ терпеливого знакомства с нами. Так появились Спенсер и Гаррисон, а может быть, и еще не открытые нами другие Спенсеры и Гаррисоны, которые благополучно бродят среди нас. Думаю, между прочим, что эти существа до чрезвычайных происшествий искренне считают себя людьми. Роль их остается тайной для них.

Рой заметил, что в ответ на его точку зрения лишь выдвинули другую. Каждый доказывает возможность своей концепции. Но возможность — не больше чем возможность. Требуется достоверность, а не гипотезы. Достоверно существование инозвездных посланцев. Но как объяснить вызванные ими несчастья?

— Могу это сделать по тому же принципу «ежели бы да кабы», — спокойно сказал президент. — Вы с братом развернули перед нами яркую картину гибели широкоэвентальной станции кентаврян. Не логично ли допустить, что произошло внезапное изменение сигналов, которые и запутали Спенсера и Гаррисона? Несчастья на Земле — лишь отзвуки разразившейся вдалеке катастрофы.

Рой недоверчиво покачивал головой. Нужно, наконец, вырваться из сферы догадок. Его могут убедить только факты.

Генрих сказал, что может сообщить о некоторых фактах. Брат удивленно уставился на него. Какие еще неизвестные факты? Генрих объяснил, что он лишь сегодня закончил проверку одного предположения и еще не успел поделиться выводами.

— Мы слушаем вас, — сказал Боячек.

— События на Земле и Марсе как-то связаны, против этого никто не спорит. Я сверил время событий. Спенсер стал припод-

ниматься на диване точно в ту секунду, когда Андрей уловил расшифровку два-два — четыре. Точно в ту секунду! Но это еще не все. Мы сегодня ничего не говорили об Артемьеве, а его нельзя оставить в стороне. Трансляция сна, как это обычно бывает у Артемьева, подготовлялась заранее, но само сновидение началось в ту же минуту. И авария планетолета, и сновидение Артемьева совершались во время приема сигналов с Кентавра, свидетельствовавших о катастрофе.

— Убедительно! — сказал Рой. — Но ты не говорил, что собираешься сопоставлять эти события во времени.

— Мысль об этом явилась, когда ты недавно доказывал, что инозвездные посланцы — агенты злотворения. Олли — и зло! Для меня это не вяжется, Рой. Вред высокоразвитая цивилизация может причинить и не засылая агентов — прямым нападением, например. И я вспоминал безумные глаза Спенсера, Рой! До той секунды они были нормальны — смирные приемники внешнего света, а не пронзительные излучатели! Даже если бы вскоре не произошло трагедии, то такое мгновенное изменение само по себе свидетельствовало об ужасном событии. Я помню охвативший меня в ту секунду страх. Он был вещим, по твоему любимому выражению.

Рой практически уже был убежден, но хотел обсудить выводы из сделанных ему возражений. Хорошо, пусть добро в качестве нормы, а несчастья — от неведомых катастроф. Резон в таком толковании есть. Но не отменяется вопрос: как бороться со Спенсерами, порою катастрофически впадающими в безумие? Чем грозит их безумие человечеству?

Он обращался к молчавшему весь диспут Араки — хотел закончить в присутствии Боячека завязавшийся раньше спор.

Араки сдержанно сказал, что разработка методов защиты относится скорей к компетенции физиков, чем физиологов. Все беды, о которых шла речь, — авария звездолета, болезнь Андрея, — произошли от физических причин. Что до безумия, то он повторит: безумие — реакция на удар; реакция эта — иногда форма защиты от более грозных последствий. Обществу такие акты безумия не грозят. Если гениальность становится общественным достоянием, то безумие остается индивидуальным несчастьем.

— Очень глубокая мысль, — с волнением сказал Генрих. — И мне кажется, из нее вытекают важные выводы. Я буду думать об этом!

— Закончим на этом, друзья! — предложил Боячек. — Резюме: исследования продолжаются, немедленные выводы откладываются.

Братья возвращались к себе пешком. Генрих молчал почти всю дорогу. Рой спросил, о чем он размышляет.

— О Гаррисоне, — сказал Генрих.

— О Гаррисоне? Что в Гаррисоне нашлось удивительней, чем у Олли, чем у Спенсера?

— Многие загадки, связанные с Олли и Спенсером, нам ясны, — задумчиво сказал Генрих. — А у Гаррисона остается одна загадка, и она все больше меня тревожит. Мне кажется, пока мы не поймем ее, мы ничего не поймем!

Рой иронически посмотрел на брата. Генрих преувеличивал, такова уж была его натура. Все, чего он не понимал, казалось ему самым важным. Потом, разобравшись, он сознавался, что неизвестное скрывало в себе пустячок; раскрытие пустячка лишь дорисовывало детали, а не раскрывало новые горизонты.

— Какое же непонятное действие Гаррисона кажется тебе ключом к тайнам? — спросил Рой.

— Самоубийство, — ответил Генрих.

Глава шестая

ДОБРОМУ БОГУ БАЛЬДРУ СТАЛИ СНИТЬСЯ ДУРНЫЕ СНЫ...

1

Сон был из тех, какие классифицируются категорическим словом «бессмысленный».

Но он повторился трижды — образ в образ, звук в звук, тень в тень. Генрих озадаченно усмехнулся, проснувшись после первого сновидения; удивился после второго, сказав брату: «Вот же дурь в голову лезет, Рой! Скоро я начну отбирать у Артемьева лавры»; был потрясен после повторившегося в третий раз сумбурного видения. Вскочив с кровати, он тут же — уже сознательно — возобновил в мозгу увиденную картину: выжженная пронзительно-черным солнцем пустыня, белое небо; две размахивающие черные руки,двигающиеся по пустыне, одни руки — ни ног, ни туловища, ни головы; руки шагали, как ноги, не опираясь на пе-

сок; раздавался громовой вой, свист, грохот — небо раскалывалось, руки пускались в бег, заплетались, хватались за отсутствующую голову, заламывались, сцеплялись пальцами, падали; черное солнце распадалось на ослепительно сияющие зеленые куски, один из огненно-зеленых кусков рушился на спасающиеся руки; руки вдруг отрывались от несуществующего туловища и, царапая пальцами почву, проворно уползали в разные стороны, вызмеивались, прыгали, судорожно метались; они жили и двигались вместе, умирали порознь — становились, умирая, желтыми, солнечно-желтыми, это был цвет гибели; «И-и-и!» — пронзительно переливался вопль по холмам, он вещал о конце сна, надо было просыпаться — Генрих просыпался.

В самом видении не было смысла. Смысл был в том, что оно повторяется. Но Генрих не мог постичь значения того, что непрестанно возобновляется одна и та же бессмыслица. Рой нетерпеливо отмахнулся, когда Генрих рассказал о втором «приступе сна» — так он назвал повторение, — проворчал, что до Артемьева Генриху далеко: у того все же сновидения сюжетно выстроены. Еще он посоветовал обратиться к Араки или записывать свои сны. Генрих после второго повторения подключил ночью регистратор сонных видений, но сон больше не возобновлялся. «Не хочет записываться», — с новым удивлением сказал себе Генрих.

Рой в эти дни вместе с Арманом занимался расшифровкой новых уловленных сигналов Кентавра-3. Генрих не мог дать себе отчет, почему вдруг отказался участвовать в работе, им же начатой. В лаборатории всегда хватало дел с незавершенными темами, авария со звездолетом и последующие события оттеснили, но не отменили старые вопросы. Рой даже обрадовался, что Генрих хочет отойти от острых проблем к плановым темам. Рой сказал, что Генрих все же не полностью поправился — посещающие его болезненные видения не свидетельствуют о железном здоровье. А если будет что интересное, они с Арманом известят его.

Три раза в неделю Генрих посещал клинику Араки. Андрей оставался в том же состоянии — ни хорош, ни плох. Временами он бывал в полном сознании — они беседовали о цивилизации на Кентавре и о земных новостях. Нередко Андрей впадал в забытие, и тогда Генрих тихо сидел у его кровати, всматривался в него. Андрей изменился, изменения накапливались. Он пополнел. Худое лицо округлилось, вобрало в себя резко выдававшиеся скулы. И говорил Андрей гораздо спокойней. Лишь глаза оставались такими же огромными. «Неприличные для мужчины глаза, для

девушки подошли бы», — говорил Генрих раньше Андрею. В них вспыхивал прежний блеск, но если спокойные, умные, резко меняющие выражение глаза до болезни гармонировали с подвижным лицом — сейчас, на сонном лице, они казались чужими.

Однажды, вдруг пробудившись, Андрей увидел, что Генрих рассматривает его.

Генрих смутился, как если бы его поймали на нехорошем поступке:

— Что ищешь во мне? — резко спросил Андрей.

— Изучаю, скоро ли тебя покинет хворь, — шутливо ответил Генрих.

— Нет, — объявил Андрей с обычной категоричностью. — Ты хочешь знать, скоро ли я превращусь в Гаррисона, не надо обманывать, я все понимаю, Генрих.

Глаза Андрея так блеснули, что Генрих не сумел ответить взглядом на взгляд.

— Я уже передавал тебе, к каким выводам мы пришли. Нарушение генетической программы на стадии зародыша, а ты все-таки взрослый мужчина...

Андрей нетерпеливо прервал его.

— Чепуха, зародыш — одна из возможностей, не думай, что кентавряне, если это они, а нет сомнения, что это они, так вот, они не глупее нас, — говорил он, напластывая одно предложение на другое. — Посланцы, живые приборы связи, должны быть всегда, это же невозможно, если гибель одного не вызывает немедленно возникновения другого, не говорю уж, что их может быть множество, уже известные — двое, множество неизвестных, разве не так?

Генрих, наконец, прервал несущийся поток речи Андрея.

— Рой с Арманом инструментально ищут подозрительные излучения. На поиск выделена совершеннейшая аппаратура. Пока результатов нет. Новых Спенсеров и Гаррисонов не обнаружено.

Андрей некоторое время молчал.

— Слушай, — наконец, сказал он и снова уставил на Генриха блестящие глаза. — Если эта судьба ожидает меня, то и тебе она грозит, хрен редьки не слаще, ты думал об этом? Только не вилай, говори прямо!

— Не думал, — признался Генрих. Такая дикая мысль и вправду не приходила ему в голову.

— Тогда думай! — приказал Андрей, откинулся на подушки и закрыл глаза. Он был и похож, и не похож на себя. Генрих,

прождав с минуту, чтобы Андрей отдохнул, хотел заговорить, но Андрей рывком повернулся, раздраженно повторил: — Думай! И обо мне, и о себе; самое худшее возможно, жестко думай, без страха, надо нам знать!

— Буду думать, — ласково сказал Генрих. — И хотя не о нас с тобой, но все-таки каждодневно, повсечасно думаю все о том же.

— Растолкуй, вы с Роем всегда так витиеваты и многословны...

— Я думаю о Гаррисоне. Его самоубийство для меня загадка. Ты его знал лучше всех. Не мог бы ты подсказать мне какую-либо путеводную нить?

Андрей удовлетворенно мотнул головой, словно мысль о загадке самоубийства Гаррисона была той самой, которая должна была всех больше волновать друга.

— Я тоже — каждый день, каждый час... Вывод один — потрясающе темная загадка, ровно десять возможностей решения, начну с тривиальных: женщины, несчастная любовь — отпадает...

— Арман проверял — не было у Гаррисона близких женщин, — вставил фразу Генрих.

— О чем я и говорю, не прерывай. Парень неплох, молод, лаборантки заглядывались — нет, Федя не прельщался. Вторая возможность — неудачи по работе, ссоры с начальством, начальство — я, чепуха, все шло в ажуре, перспективы сияющие — отпадает. Третья — тайные болезни, наследственные хвори, роковые житейские секреты в прошлом, чушь такая, что и не стоит дальше, — отпадает. Четвертая — осознал, что посланец иных миров, пришел в ужас, растерялся, сдался — не отпадает. Пятая — вариация четвертой, понял, что способен натворить бед, ужаснулся, сдался — не отпадает. Шестая — вариация пятой, я, всегда рядом я, воздействие на меня, видит, что тянет меня в пропасть, не захотел, ужаснулся... Еще надо?

— Пожалуй, хватит.

— Тогда иди, я устал, — приказал Андрей. — И думай!

Он повернулся лицом к стене. Генрих тихо удалился. Уходя, он бросил осторожный взгляд на друга, теперь надо было следить даже за выражением своих глаз, чтобы Андрей не прочел в них того, о чем и сам Генрих не догадывается. Это тоже было новой чертой: прежде Андрею хватало других забот, он и не старался особенно разбираться в настроениях друзей.

Генрих направился к Араки. Главный врач рассматривал в настольном экране изображение какой-то сложной химической

структуры. Не отрываясь от изображения, он жестом пригласил Генриха сесть. Генрих ждал и осматривался. Если лаборатория Роя и Генриха была вся заставлена приборами самых разнообразных конструкций, то у Араки доминировали экраны — большие и маленькие, прямоугольные, овальные, круглые, темные, полупрозрачные, цветные, однотонные. На рабочем столе Араки стояло несколько аппаратов, и каждый — со своим экраном.

Араки наконец оторвался от изображения.

— Вас интересует Андрей Корытин, друг Генрих? Ему лучше. Через месяц выпустим, если не произойдет осложнений.

— Я хотел поговорить о себе.

— Вы заметили в себе что-то новое, чего мы не знаем?

— Только одно: меня мучают странные сны. Странность их в том, что они повторяются с буквальной точностью.

Араки не нашел в снах ничего странного, обыкновенные фантазии. Удивительность, нездешность, необычность — типичная черта сновидений. Сон странен, если в нем нет ничего странного. Очень уж реалистические сны говорят скорей о расстройстве психики, а не о ее нормальности.

— Не волнуйтесь, пока серьезных нарушений нет, — сказал Араки на прощание.

Генрих возвратился в лабораторию. Роя вызвал к себе Боячек, Арман возился с аппаратами. Генрих присел на диван и задумался.

Арман что-то сердито бормотал про себя — вероятно, какое-то из любимых древних ругательств вроде «Черт возьми!», «Остолоп!», «Чистая дьявольщина!», он изобретательно варьировал архаические выражения.

— Слушай, Арман, вы с Роем знатоки древности, — сказал Генрих. — Особенно ты. Как в старину относились к сновидениям? Видели в них только забавные развлечения, какими они стали у поклонников Джексона и Артемьева?

— Ни в коем случае! — воскликнул Арман. Он сел рядом с Генрихом. — Какие-нибудь новости об Артемьеве? Я думал, мы с ним все распутали.

— Нет! Просто меня тяготят нелепые сны, — со вздохом сказал Генрих.

— Доброму богу Бальдру, сыну отца богов Одина и богини-матери Фригг, стали сниться дурные сны! — нараспев заговорил Арман. — И великая Фригг, встревоженная, пошла по Земле упрашивать все вещи мира не делать зла ее светозарному сыну.

И все камни, металлы, растения, вода, животные, птицы и рыбы с охотой давали обещание не вредить Бальдру. Лишь с одной омелы Фригг позабыла взять слово, слишком уж невзрачна на вид была омела. Об этом проведал злой дух Локи. И ветка омелы, пущенная по наущению коварного Локи рукой брата Бальдра слепца Хеда, пронзила сердце солнценосного бога. Так пелось в древних скандинавских сагах.

— Не то чтобы дурные, — сказал Генрих. — Непонятные. Не могу уяснить, что за чушь лезет в голову и почему лезет...

Арман мигом перескочил из сферы древней мифологии в сферу современной науки.

— Отлично! — воскликнул он с воодушевлением. — Я хочу сказать, что ты ставишь перед нами интереснейшую математическую проблему — моделирование сновидений. Мне кажется, я давно о чем-то таком подумывал, но все руки не доходили. С нами до сих пор занимались медики и мастера искусства, а дело это надо поручить физикам. Итак, мы вводим в нашу институтскую МУМ все данные твоего мозга, а также и схемы увиденных сновидений, и машина определяет, могли эти картинки сна зародиться сами в твоём мозгу, вырастая лишь из той информации, что хранится в их клетках, или они наваяны со стороны. Не возражаешь против такого эксперимента?

— Не возражаю, — сказал Генрих.

2

Когда на Генриха наваливалась апатия, он лежал дома на диване и бессмысленно смотрел в потолок, и тогда к нему лучше было не подходить. Рой научился безошибочно определять приближение у брата приступов беспричинного равнодушия. Он обычно оставлял Генриха в покое, терпеливо ожидая, пока апатия пройдет. Он заходил в комнату Генриха и, увидев, что «на брата нашло», спокойно говорил что-либо вроде «хороший сегодня день по метеографику» или «после работы погуляю» — и уходил.

Сегодня Рой не зашел. Генрих проснулся, поднялся, хотел одеться, но передумал и снова лег. В комнате было темновато — надо было засветить потолок и внутренние стены. Генрих нажатием кнопки сделал прозрачной наружную стену, теперь она была сплошным окном. Светлее почти не стало, за холодной прозрачностью стены были видны лишь быстро несущиеся лохматые тучи. Вторым нажатием кнопки Генрих распахнул стену. В комнату

ворвался холодный ветер и шум, в теплой комнате наступила осень. Генрих вышел на балкон.

Бульвар, как всегда, был пустынен, и, как всегда, в воздухе носилось много авиеток и мчались аэробусы. Генрих закрыл глаза, втянул в себя воздух. Проносящиеся воздушные машины не создавали шума, шум шел снизу — ветер трепал сады на бульваре, и деревья кричали как живые. «Они не как живые, а живые, — поправил себя Генрих, — жизнь их иная, чем у людей, — но жизнь!» Он вспомнил, что давно уже хотел настроить дешифратор на поиск смысла в голосах травы и листьев, но что-то всегда заставляло откладывать.

Он лег на кровать и включил инфракрасные излучатели внутренних стен. Снаружи врвался холод, его оттесняло струящееся со стен тепло, попеременно тянуло то ледком, то жарой. Генрих то поеживался, то вытягивался — в воздухе было смятение, как на душе. Все путалось, не было ничего устойчивого. И хоть еще вчера Генрих понял, что надо делать, он все же не находил душевной силы на задуманное.

И, поеживаясь от налетавшего холода, он возвратился мыслью к тому, о чем размышлял весь вчерашний день; к тому, что Рой во время споров у Араки назвал загадочным вопросом, но не захотел обсуждать — истинная глубина всех загадок таилась здесь. Собственно, и загадки не было, вопрос был прост, ответ еще проще. И Генрих все снова беззвучно, не шевеля губами, повторял и этот вопрос: «Зачем цивилизации в Кентавре-3 понадобилось вещать о себе на всю Вселенную и повсюду рассылать своих посланцев?» — и удивительно ясный, до изумления убедительный ответ: «Захотелось».

— Захотелось, просто захотелось! — вслух сказал Генрих.

Он закрыл глаза. Мысль летела быстрее таинственного сверхсветового агента связи кентаврян. Генрих мчался в красочном звездном скоплении, небо вокруг — и над головой, и под ногами — сверкало тысячами ярчайших глаз, оно было не пейзажное, а живое. Генрих не любовался небом, он тосковал. Он представил себя кентаврянином. И ему было тяжело в этом прекраснейшем из уголков мира, ему и всем его братьям, кентаврянам. Все здесь, познанное и покоренное, было свое: он мог менять сияние звезд, сдвигать и разбрасывать их — могущество, столь огромное, становилось неизмеримым! Но не было соседей, не было родственного разума, друга, с которым можно было бы перекинуться сиянием звезд. Звезды, и не сознавая этого, разговаривают друг с

другом — у него не было друзей. Он был одинок. Он жаждал общения: услышать о других разумах, рассказать о себе, помочь тем, кто нуждался в помощи! Вселенная была слишком велика. Было страшно, было горько ощущать себя единственным разумом в таком огромном мире.

Генрих вдруг вспомнил, как еще в начальной школе читал пьесу древнего писателя, где герой, некто Бобчинский, просит другого героя всем, кого тот повстречает, не исключая, если придется, самого государя, говорить, что в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский, только одно это и сообщать — живет, мол, в том городе Бобчинский, и все! Товарищи смеялись, читая забавную сценку, а Генриха поразила тоска, звучавшая в просьбе. Глуховатый помещик жаждал известности, но подспудно лежало глубинное чувство общения, такой связи со всеми, чтобы равнялась миллионорукости — и каждая рука протянута другу! И если кто еще недруг, того сделать другом!

— Конечно, конечно! — пробормотал Генрих. — Жажда общения! На каком-то этапе развития она стала острее жажды существования, та примитивней. Здесь истоки добра, разносимого ими, здесь корень невольно творимого зла. Все сходится! Все сходится!

Генрих вскочил. Время размышлений кончилось: надо было действовать. Он подошел к столу, придвинул к себе диктофон, проверил, есть ли пленка, негромко сказал:

— Рой, милый, прости, дальше тянуть опасно. Не сердись. Лучше участь Гаррисона, чем Спенсера.

Он положил диктофон на видное место. Брат вечером придет и, не увидев Генриха, включит запись. Теперь надо было торопиться, Рой мог прийти и раньше вечера. Он постарается помешать.

Генрих снова вышел на балкон и вызвал авиетку. Давно он не мчался с такой торопливостью над улицами Столицы. Лишь пролетев над Окружным парком, он сбросил скорость. Среди деревьев открылось одноэтажное здание. Генрих приземлился у входа, торопливо прошел в вестибюль. Суховатый голос первого сторожа — здесь все автоматы настраивались на предупреждающе строгий тон — поинтересовался, что нужно посетителю.

— Первая срочность, — сказал Генрих и бросил жетон во входное отверстие сторожа.

Генрих знал, что жетоны не могут не сработать. Рой уже не раз пользовался своим розыскным жетоном, и сбоев не было. Но Генрих еще не прибегал к разрешающей силе жетона, и от волнения

вдруг перехватило дыхание. Жетон возвратился через минуту, первая дверь открылась. Генрих торопливо шел по ярко освещенному пустому тоннелю, тоннель завершился полукруглым залом. Посередине зала, выступая из стены, возвышался цилиндрический второй сторож, от него двумя крыльями отходили панели со встроенными в них дверьми.

— Слушаю вас, — сказал второй сторож. Голос его, медленный и хмурый, доносился как бы отовсюду.

— Склад силовых экранов, первая срочность, — сказал Генрих и бросил жетон.

На панели справа открылась крайняя дверь, Генрих поспешил туда. Здесь идти пришлось всего несколько шагов. Очередной сторож повторил тот же вопрос. Генрих ответил теми же словами о первой срочности и бросил жетон. В этом помещении не было дверей, а сторож представлял собой массивный столб, стоявший посреди комнаты.

Жетон не возвращался. Сторож прогудел:

— Уточните тип экрана.

— Последняя модель лаборатории академика Ивана Томсона, — сказал Генрих. — Я имею в виду защитный костюм, создающий гравитационную, оптическую и электромагнитную прозрачность, а также...

— Автономность высшей категории тип Н-5, — прервал его сторож. — Сожалею, друг. Первая срочность недостаточна.

— Как — недостаточна? Я вас не понимаю. Первая срочность всегда давала право вести розыск в любой одежде, создающей невидимость.

Ответ последовал незамедлительно:

— Только не в этой. Для модели Н-5 установлена особость К-12. Ваш жетон старого образца, он не дает права на гравитационную невидимость, а только на электромагнитную. Очень сожалею, друг.

Генрих в отчаянии глядел на пластиковую тумбу, разговаривавшую голосом человека. Он знал, что препятствия к получению костюма возможны, но опасался лишь того, что его не допустят на эти самые труднодоступные склады. И на такой случай он придумал выход: они с Роем уже осматривали разные модели экранных костюмов, осмотр с одеванием равносильно использованию, а что раз было разрешено, то разрешено вообще. Но, оказывается, память электронных сторожей хранила однажды полученное разрешение. Гравитационные экраны он не осматривал и не испыты-

вал, разрешения на них не запрашивал. Но только эти костюмы были нужны, все остальные не могли защитить от розыска, который вскоре предпримет Рой.

— Очень сожалею, друг! — непреклонно повторил сторож.

Надо было удаляться или просить другой костюм. Генрих, судорожно сглотнув ком, вдруг возникший в пересохшем горле, воскликнул:

— Одну минуточку! Можно ли узнать, что значит особость К-12?

— Ваш жетон разрешает получить ответ на этот вопрос, — сказал сторож. — Особость К-12 означает, что только двенадцать человек допущены к пользованию костюмами высшей категории автономности.

— У вас есть список людей, которым разрешено?

— Нет, друг. Список ежедневно подтверждается в памяти «Охранительницы» в Управлении государственных машин. Я обязан запрашивать «Охранительницу», кому на сегодняшний день и час разрешено получать такие костюмы.

Генрих быстро сказал:

— Запросите «Охранительницу». Возможно, я имеюсь в этом списке.

Сторож замолк, потом торжественно произнес:

— Совершенно верно, друг Генрих. Вы находитесь в особости К-12 под номером одиннадцать. Прошу вас войти.

Сторож раздвинулся на две половинки, каждая отошла к стене, между половинками образовался проход. Новое помещение было собранием ниш, в каждой нише висел экранирующий костюм. Сторож прогудел, что надо идти к нише номер три и брать костюм номер восемь — восьмой номер будет сидеть на Генрихе лучше других. Генрих протянул руку и погладил массивный ящик, похожий скорее на поставленный торчмя саркофаг, а не на костюм, — последнее великое творение Ивана Томсона: он выпустил эту модель из лаборатории всего за два месяца до своей трагической гибели. Генрих с грустью подумал, что, вероятно, сам Томсон внес его с Роем в список тех, кому позволено пользоваться его изобретением. «Вам с Роем моя последняя работа очень пригодится во время исследования катастроф на других планетах», — порадовал их тогда Томсон. Он и не подозревал, что катастрофы произойдут на Земле, что в одной из них погибнет он сам и что самый совершенный костюм для поиска будет использован его другом для защиты от поиска.

— Передвижение осуществляется внутренним двигателем, — гудел сторож. — Кнопочное включение гарантирует прозрачность в оптической, тепловой, магнитной, электростатической, гравитационной и всех гамма- и радиообластях. Входите и закрывайтесь. Выведу наружу своими полями. Доброго поиска, друг Генрих.

Генрих влез внутрь ящика, и ящик ожил. Он задвигался, зашевелился, из твердого стал гибким; теперь он и вправду был костюмом, а не саркофагом: громоздким, массивным, но оберегающим, а не только хранящим в себе тело. Генрих вытянул руки — стена костюма легко выдалась наружу, образуя рукав, но не выпустив наружу пальцы. Сторож посоветовал использовать костюм как кокон, обеспечив себе свободу внутри него, в противном случае будет впечатление, что тело облеплено тестообразной массой.

— Доставьте меня для начала на Второй Кольцевой бульвар, в пятнадцатый сектор, — ответил Генрих на вопрос сторожа, куда его транспортировать до того, как он включит свои охранные экраны и двигатели.

Это была боковая аллея — уединенное местечко, огражденное высокими пирамидальными тополями. Аллея вела к полянке, полянку окаймляли густые кусты роз; посреди стоял фонтан, в жаркие дни он создавал влажную прохладу, сегодня — по случаю хмурой погоды — не работал. Вокруг фонтана тянулись скамейки, над спинками их наклонились ветви кустов. Генрих любил бульвары Столицы, а сюда, в пятнадцатый сектор, приходил весной и летом чаще, чем в другие уголки. Здесь, под нависающими яркими, нежно пахнущими розами, перед причудливо перекрещивающимися струями фонтана хорошо отдыхалось и думалось.

Сегодня в метеографике после полудня значился дождь. Время шло к полудню, тучи уже сгущались. Ветер гремел в ветвях, шипел на гравии дорожек, свистел в чаще молодых деревьев. В воздухе метались листья. Генрих включил все формы электромагнитной невидимости; теперь он был недоступен для глаза и для всех приборов, использующих частицы и волны. Он оставался еще в этом мире, но уже был вне его. Поколебавшись, он погасил экраны. Было рано наглухо закрываться. Он еще мог побыть в своем личном бытии. Часа два он еще имеет. Он не будет торопиться. Еще не все продумано, еще не все окончательно решено, еще не опровергнуты последние сомнения...

«Нет, все продумано, — безжалостно сказал себе Генрих. — Все решено».

Сомнений больше нет. Загадок не стало вчера, с той минуты, когда он внезапным озарением постиг причины гибели Гаррисона. Это была последняя тайна. Он так трудно и так настойчиво размышлял о ней, он предугадывал, какое значение она имеет для всех, для него в особенности. Он искал в разгадке решения собственной судьбы — нашел и ужаснулся. Он отшатнулся от решения, не захотел принимать; то была тяжелая ночь споров с собой, нападков на себя, жалости к себе! Ночь кончилась, а с ней и сомнения. Все стало ясно. Хмурая ясность! Ясность или самообольщение?

«Не было самообольщения, — с жестокой честностью возразил себе Генрих. — Было понимание. Могущественная цивилизация, создававшая всюду свои живые датчики связи, свои опорные умы, через которые получала нужную информацию и исподволь передавала свои знания и умения, одного лишь не учла: возможности своей гибели. О, конечно, Боячек прав, она никому не желала зла; стремление к связи, к вселенскому общению бескорыстно — зло возникло непредвиденно. Произошла катастрофа в далеком звездном скоплении, и все связные гибнущей цивилизации из послов добра стали агентами злоторения. Спенсер не понял происходившего, его мозг сгорел сразу, а Гаррисон в отчаянии сообразил, что может стать для людей так же губительно страшен, как Спенсер. И он ушел из жизни, предварительно навеяв в мой мозг важные математические истины, послав через Артемьева сообщение об Олли. И я, силой аварии на Марсе, стал наследником Спенсера, вероятно, и Андрея подготавливали к этому, но у Андрея не зашло так далеко, как у меня. Я теперь их представитель на Земле — канал, через который может пролиться яд. А я не хочу быть источником зла, не хочу, не хочу!.. Нет, — сказал себе Генрих, пораженный новой мыслью, — нет, все не так, как вообразилось. Нет, как же смел я подумать, что одного они там, в своем невообразимом далеке, не предугадали, не поняли, не учли: возможности собственной гибели. Все они учитывали, от всего защищались. Вот она, их защита: мое внезапное понимание! Да, так! Так, и не может быть иначе! Живые датчики связи осуществляют свои функции бессознательно, это их вторая жизнь — тайная, неподозреваемая. Нет, они не сознательно творящие свое дело Олли! А в момент опасности они или гибнут, как Спенсер, или их озаряет понимание, как Гаррисона. И Гаррисон уходит из жизни сам. Безопасность — здесь, в мгновенно пробуждающемся сознании, что ты опасен. Они уверены в тех, кого выбрали! Какое

уважение в том, что осужденного одаряют пониманием его судьбы!»

Генрих включил двигатель шага. В костюме стало легко ходить. Генрих прошелся по аллейке, постоял у пирамидального тополя, задрал голову вверх. Тучи мчались быстрее, опускались ниже: становилось темней. Генриха наполнил еще не изведанный, острый, как сердечная боль, приступ любви к миру, к любой его вещи, движению и звуку. Он когда-то лишь жил в мире, мир был его окружением, а теперь он стал сопричастен всему в мире, с радостной болью ощутил кровную связь с ним.

Он подошел к розовому кусту. Еще недавно это был пышный кудряш, сейчас он простирал оголенные ветки и всеми ветками дрожал на ветру. Генрих погрузил в него руку, пошевелил в чаще скользких, в колючках, прутиков, с нежностью сказал: «Не бойся, я не сделаю тебе зла!» Он погладил забронированными в пластик пальцами ствол покачивающегося тополя и ему тоже сказал: «Не бойся!» Потом сел на гранитный барьер и пообещал пустому, тускло поблескивающему розовым мрамором фонтану, что зла и ему не будет. Рядом возвышались три валуна: в центре серый гранит из Скандинавии, справа базальт с Луны, слева красный вулканит с Марса. Раньше Генрих лишь бросал на них рассеянный взгляд — ни земные, ни небесные камни его не интересовали. А сейчас он подошел к трем камням, внимательно пригляделся к ним. В угрюмости их чудился страх, недвижимая надменность их тел скрывала боязнь... Он гладил поочередно камни Земли, Луны и Марса и растроганно шептал им: «Я ваш, я не изменю вам». И гравию, шумящему под ногой, он грустно сказал: «Ты говоришь моим голосом!» И, опершись рукой на спинку скамейки, он с болью заверил ее: «Я сидел на тебе не для того, чтобы вредить тебе!» А ветру, гремевшему кругом, он взволнованно крикнул: «Твой, твой, всегда твой!»

Хлынул дождь — неистовый, мощный, громогласный. И сразу стих ветер, перестали испуганно метаться деревья, ошалело извиваться кусты и травы — все голоса замолкли, движение замерло. Все звуки были теперь отданы рушащейся воде, и лишь она одна двигалась в окружающем мире. И Генрих, прислонившись к тополю и открыв лицо холодным потокам, с закрытыми глазами упоенно шептал: «Я — дождь! Я — дождь!» Это было новое ощущение, новое понимание, новое озарение — все прежние приникновения к истине потонули и растворились в нем. Генрих сказал радостно: «Я — тополь!» и пошел по аллейке. Гравий

молчал под ногами, по гравии гремела вода, Генрих прошептал: «Я — земля! Я — вода!» Он глянул вверх: туч не было, была плотная белесая мгла. И Генрих медленно и торжественно произнес: «Я — тучи! Я — небо!» и возвратился к скамейке. Время исчерпало себя, время перестало быть — надо было исполнять задуманное.

Генрих проглотил приготовленные еще вчера пилюли, надавил на пусковые кнопки электромагнитного и гравитационного экранов и, выпадая из мира, которым с такой всеощутимостью вдруг стал сам, успел лишь прошептать: «Я — жизнь!»

3

— Только вы можете это сделать, — взволнованно сказал Боячек. — Модель Н-5 вышла из вашей лаборатории.

— Только ты, Рорик! — эхом откликнулся Рой.

Роберт Арутюнян, после смерти академика Ивана Томсона возглавивший лабораторию нестационарных полей, хмуро уперся глазами вниз. Экранный костюм высшей автономности был создан еще при жизни Томсона. И их, сотрудников Томсона, тогда занимала проблема обеспечения максимальной защиты от внешних воздействий — задача, прямо противоположная той, что ставилась сейчас. Труднейшая проблема, захватившая их тогда, была решена блестяще. Высшая автономность среди вещей и сил мира стала высшей отстраненностью от вещей и сил. Экранированный выпадал из мира почти совершенно. Средств воздействия на экранированного не существовало.

— Но как он сумел получить этот костюм? — растерянно пробормотал Арутюнян. — Сколько я знаю...

— Вы правы, разрешение на пользование таким костюмом дается крайне редко, — прервал его Боячек. — Но Генрих имел разрешение. Я сам внес его в список. Себя не внес, а его поставил. Вы тоже имеетесь в том списке, друг Роберт.

— Ты уверен, что он жив? — спросил Арутюнян Роя после некоторого молчания.

— Уверен! — быстро сказал Рой. — Если бы он хотел немедленной смерти, он пустил бы себе в мозг разряд. Он принял медленно тормозящие жизненные процессы пилюли. Он умирает, но пока жив и еще некоторое время будет жив — сутки, во всяком случае.

— Ты убежден, что он не бежал с Земли на другие планеты? — снова спросил Арутюнян.

Ему ответил Боячек:

— Исключено. Я послал предупреждение всем космопортам, астропортам и аэропортам.

— Никто не сможет узнать, что он проникнет в машину, — заметил Арутюнян.

— Мы это учитывали. Все рейсы временно отменены. Машины — земные и межпланетные — задержаны на своих местах. Генрих может передвигаться только при помощи собственных двигателей или на авиетке. Авиетка будет казаться пустой.

— Пустую летящую авиетку засечь легко, — согласился Арутюнян.

— Он не двигается никуда, — настойчиво указал Рой. — Он притаился где-нибудь в укромном уголке и медленно впадает в небытие. Говорю вам, он захватил пилюли не для того, чтобы они лежали в кармане! Я знаю Генриха!

Арутюнян обвел глазами заставленное механизмами помещение — разговор происходил в аппаратном зале лаборатории нестационарных полей — и сказал, колеблясь:

— Каких-либо надежных средств захвата экранированного не существует. Мы ведь специально все делали так, чтобы этого не могло случиться. Но если разработать новый метод...

— Какой? Сколько времени на него понадобится? — нетерпеливо спросил Рой.

— Времени немного, несколько часов... Но поиск будет удачен, только если Генрих на Земле, а не в космосе, не в стратосфере, не в вакууме. Не забывайте, что жизнедеятельность внутри костюма гарантируется независимо от условий внешней среды. Конечно, если не принимать опасных пилюль. Дело в том, что экранированный недоступен для любых внешних воздействий, но остается материальным телом, вытесняющим воздух. Его можно открыть по ямке в атмосфере, по провалу в воздухе. Можно быстро собрать поисковые анализаторы и ручные искатели, определяющие местные пустоты в воздухе. Но разве можно в короткий срок обследовать всю поверхность Земли, выискивая крохотные атмосферные провалы?

— У нас нет иного выхода — значит, займемся обследованием атмосферы Земли. Арман в твоём распоряжении, Рорик, — сказал Рой. — Я тоже буду помогать.

— Будем надеяться, что Генрих остался в Столице, — со вздохом сказал Боячек.

— Он в Столице или недалеко, — сумрачно повторил Рой.

Арутюнян, взяв Армана под руку, отошел с ним.

— Я удивляюсь вам, Рой, — с возмущением сказал Боячек. — Неужели вы не понимали, в каком Генрих состоянии? Могли бы уделить ему побольше внимания, не оставлять одного...

— Я боялся быть с ним, — грустно ответил Рой. — С того момента, как мы решили с Араки проверить, не передалось ли что Андрею и Генриху от тех двух... Мы ведь хотели оставить это в тайне и от Андрея, и от Генриха, чтобы не волновать их. Генрих, часто встречаясь со мной, мог догадаться, что ведется все-стороннее изучение.

— Он все-таки догадался, хотя вы и старались пореже быть с ним.

— Он сам пришел к этой мысли. Он не знает о нашей проверке. Собственно, не сам, а по подсказке Андрея. Тот раньше беспокоился.

— Вы в этом уверены?

— Уверен. Окончательно Генрих утвердился в мысли, что заражен излучениями Спенсера, после того как ему стали сниться нелепые сны. Все это я знал. Я только не ожидал таких быстрых мер со стороны Генриха. И я надеялся, что он поделится со мной опасениями, а я к тому времени буду иметь ответ. Раньше он советовался...

— Раньше не возникало такой трудной ситуации. — Боячек опять вздохнул. — Все энергетические станции Столицы будут работать на вас, Рой. Если не хватит резервов, мы на время остановим автоматические заводы.

Рой молча наклонил голову.

Арутюнян с Арманом собирали схему поиска: Арутюнян высчитывал, какие потребуются механизмы, и отдавал команды на их подключение, Арман согласовывал с энергетическим центром канализацию энергии. Рой вызвал авиетку.

— Если понадобится, я у Араки, — сказал он Арману.

— Я передал вчера Араки разработанную мной схему моделирования сновидений, — сказал Арман. — Вероятно, он уже провел первые эксперименты по этой схеме.

Араки уже знал о поступке Генриха. Рой спросил, сколько часов в их распоряжении, если допустить, что Генрих принял пилюли сразу после получения экранирующего костюма. Араки ответил, что смерть наступит не раньше чем через сутки. Рой безразлично заметил, что сутки — слишком незначительный срок

для успешного поиска: придется ведь обшаривать каждый уголок пространства в Столице, а возможно, и за ее пределами. Араки возразил, что Рой неправильно поставил вопрос и поэтому получил неутешительный ответ. Реально важен не момент наступления смерти, а момент, когда невозможно обратное возвращение к жизни, — моменты эти существенно разнятся.

Дело в том, что пилюли затормаживают не только процессы жизни, но и необратимые процессы смерти.

— Найдите брата в пределах трех суток, и я его возвращу к жизни. Я приготовлю нужные для этого лекарства сегодня же. Немедленно вызывайте меня, когда обнаружите Генриха.

— Как Андрей? Как проверка сновидений Генриха? — спросил Рой. — Как с этим... — он на мгновение запнулся, — со спенсеризацией обоих?..

Араки ответил, что Андрей все в том же состоянии — медленно выздоравливает. О поступке Генриха он ничего не знает. Экспериментальное моделирование сновидений по методу Армана Лалубы показало, что ничего сверхъестественного в снах Генриха не было: ни в одном не обнаружено информации, которая бы раньше не содержалась в памяти Генриха.

Сны вовсе не навеваны неизвестными излучателями, а представляют обычную фантастическую комбинацию вполне реальных деталей.

— Что до того, что вы называете спенсеризацией, Рой, — Араки выразительно пожал плечами, — то могу вас заверить, ее нет. И Андрей, и Генрих — нормальные люди. Вчера я в это только верил, сегодня — знаю.

— Итак, я вызову вас, Кон, — сказал Рой и удалился.

В лаборатории Арутюнян, сидя за пультом (Рой и раньше часто видел его на этом командном пункте, когда Томсон изучал свойства нестационарных полей), быстро перебирал пальцами белые, красные, черные кнопки: отдавал команды автоматам, принимал мыслеграммы от невидимых механических и живых помощников. Во всю стену перед ним сияла карта Столицы, на ней то там, то здесь вспыхивали красные поисковые огоньки. Арман сидел в стороне, глаза его бегали по светящейся карте. На полу лежали два прибора, похожие на старинные пневматические буры. Рой присел рядом с Арманом.

— Ручные поисковики, — пояснил Арман, кивнув на приборы.

Арутюнян перевел поиск на автоматическое управление и подошел к Рою.

— Допустим, — сказал он, — мы обнаружим Генриха. Как мы раскроем его, если он без сознания или если он в сознании, но не захочет раскрываться?

— Ты конструктор костюма, Рорик, — сказал Рой. — Ты сумел создать автономность для тех, кто пользуется твоими экранами. Уверен, что у тебя имеются и способы снимать автономность. Или не так?

Арутюнян помедлил с ответом.

— Безопасных способов не существует, Рой.

Рой долго всматривался в слишком спокойное, почти бесстрастное лицо Арутюняна. Арутюнян и Арман были внешне похожи: та же темная кожа лица, те же черные глаза, черные волосы — у Армана они сильнее курчавились, — тот же невысокий рост. Вряд ли существовало среди друзей Роя двое других столь же разных людей, как они. Арман вспыхивал «даже от трения, от прикосновения», говорил о нем Генрих, он мог споткнуться на ровном месте. Арутюнян сохранил бы и в огне внешнюю бесстрастность. Если он ровным голосом говорил: «Это нехорошо», надо было понимать: «Ужасно!»

— Ты объяснял нам, что трудно обнаружить экранированного человека! — воскликнул Арман. — Об опасности раскрытия ты ничего не говорил, Рорик.

— Раньше надо найти, потом раскрывать... Раскрытие — вторая задача.

— Она еще труднее? — спросил Рой.

— Опасней. Имеется ротоновый ключ, Рой. Излучатель ротонов, которые снимают экранные поля.

— Ты умеешь пользоваться ротоновым излучателем?

— Умею.

— Так в чем тогда дело? Пусти в ход излучатель, когда найдем Генриха.

— Не буду: опасно.

Арман хотел вмешаться, Рой взглядом остановил его. Арутюнян объяснил, что воздействие ротонов на силовой экран протекает бурно. Малейшая неточность при манипуляции излучателем может привести к гибели экранированного. Арутюнян недостаточно уверен в своих нервах, чтобы пустить в ход излучатель.

Рой усмехнулся.

— Понимаю тебя. У меня нервы крепкие. И погибнет мой брат, если я не приду ему на помощь. Где ротоновый излучатель?

— Пойдем, я выдам его тебе и научу, как им пользоваться.

Ротоновый излучатель походил на кинжал в ножнах. Рой прикрепил излучатель к поясу и возвратился к карте Столицы. Арутюнян занял свое место за пультом. Арман с досадой сказал, что почти вся Столица проверена, но Генрих не обнаружен.

Рой задумчиво глядел на карту. Поиск был методичен, но сух. В нем чувствовалась система, но отсутствовала догадка. Работа как работа — без вдохновения...

— Рорик, у Генриха были любимые места для прогулок, — сказал Рой. — В частности, восточные секторы Второго Кольцевого бульвара. Что, если заняться ими?

Арутюнян молча кивнул головой и перевел поиск на бульвары, оставляя обширные неизученные районы рядом с проверенными.

Вскоре он сказал, что в пятнадцатом секторе обнаружена небольшая гравитационная пустота. Полная оптическая прозрачность, такая же проницаемость для тепловых, магнитных и электрических импульсов, но явный островок вакуума в атмосфере.

— Не радуйтесь преждевременно, — остановил он поспешно схватившего поисковик Армана. — Я уже десятки раз обнаруживал похожие пустоты, а после они оказывались баллонами или механизмами с хорошо поглощающей черной поверхностью и разреженным газом внутри.

Через минуту он объявил, что по одной из полянок бульвара медленно передвигается материальный объект — невидимый, не испускающий тепловых лучей, прозрачный для частиц и волн, но, несомненно, образующий небольшой воздушный провал — в объеме человека в автономной одежде.

— Похоже, что это он, — сказал Арутюнян. — Наденьте обычные защитные костюмы. Я буду дистанционно подстраховывать вас. Перевожу все механизмы на инструментальную облаву. Если он попытается скрыться, ему это уже не удастся.

Арман проворно влез в защитный костюм, схватил поисковик и бросился наружу, где уже ждала авиетка. Рой послал вызов Араки и поспешил за Арманом. Дождь, начавшийся точно в объявленное время, хлестал упругими струями. Арман, влезая в авиетку, посоветовал Рою послать в метеоцентр просьбу отогнать от города тучи: ради чрезвычайного случая можно изменить график погоды. Рой покачал головой — пусть уж ливень льет, раз запланирован. Арман исчез в серой пелене дождя. Рой мчался за Арманом, не видя его. Авиетка Армана приземлилась на круглой поляне, окаймленной высокими пирамидальными тополями, ря-

дом села авиетка Роя. Рой осмотрелся. Он хорошо знал это место — Полянка Роз, так он и Генрих называли это место, здесь они часто отдыхали. Арман крикнул, проведя поисковиком вдоль потерявших листья голых кустов:

— Он тут!

И кинулся к скамейке с другой стороны фонтана.

Скамейка была пуста, дождь шумно низвергался на нее, в изгибе сиденья виднелась лужица воды, на поверхности ее вскипали пузыри. Поисковик свидетельствовал, что пустота таит в себе невидимую материальную массу. Арутюнян по мыслепроводу предупредил, что Арман и Рой вышли на искомую точку, надо быть осторожнее — они не видят Генриха, но он видит их. И если он рванется в сторону, удар при столкновении будет тяжек.

— Какое совершенное экранирование! Подлинное привидение! — сказал Арман, бледнея. — Рой, он не движется. Он потерял сознание, Рой!

Рой сделал знак Арману стоять на месте и осторожно приблизился. Минуты две он молча всматривался в струи, текущие по спинке, в пузырящуюся воду на сиденье. Генрих был здесь — и его не было. Его надо было раскрывать вслепую. Рой оглянулся на Армана. Неподалеку приземлилась авиетка, из нее вылез Араки. Рой и ему жестом велел держаться поодаль.

— Сдвигаю к вам все защитные поля, — донесся до Роя спокойный голос Арутюняна. — Но будь осторожен, Рой, будь предельно осторожен!

Рой сделал еще шаг вперед. Снова и снова он водил поисковиком по скамейке, всматривался в контуры, которые тот рисовал в пустом воздухе. Еще никогда он так не напрягал зрение. И хотя и для Армана, и для Араки, наблюдавших за его действиями, скамейка оставалась пустой, Рой все отчетливее видел на ней согнутую, потерявшую человеческие очертания фигуру — замысловатый кокон, схоронивший в себе человека. С каждым новым движением поисковика невидимая фигура делалась определенной, отпечатывалась в памяти отчетливой. Она оставалась невидимой, но Рой ее видел. Он должен был видеть ее — и во всех деталях, — иначе могла произойти ошибка. Ошибка была бы непоправимой.

И когда вынув из ножен ротоновый излучатель, он направил его на пустоту, где со всей отчетливостью мысленно вообразил себе бесформенную фигуру, он знал, что ошибки не будет и что вырвавшаяся узкая — острием кинжала — струя ротонов ударит

именно в тот узел экранного костюма, который, по объяснению Арутюняна, является замком конструкции.

Упругий толчок отшвырнул Роя к фонтану. Скамейка, прочно врытая в грунт шестью ножками, взлетела вверх и стала рассыпаться в воздухе, словно раздираемая могучими руками. Рой схватился рукой за барьер и крикнул в передатчик, чтобы Арутюнян еще теснее сдвинул внешние защитные поля. Арман, бросившийся было на помощь Рою, попал в извивы схлестнувшихся невидимых сил и, пронзительно закричав от боли, упал на землю.

Схватка столкнувшихся полей переместилась с полянки в аллею, в воздух взвивались вырванные с корнем кусты, стал рушиться столетний пирамидальный тополь, за ним другой — стволы и кроны еще при падении разрывало на ветки, листья и щепки. Дождь, с прежней интенсивностью секший землю, вдруг стал косым, силовые поля отбрасывали струи в сторону, швыряли вверх. В парке бушевал удивительный ураган, беззвучный и яростный, — буря противоборствующих полей. Арман, вскочив, хотел снова броситься в самый их центр, но Рой задержал его.

— Наша защита может отказать. Рорик справится теперь и без нас.

Безмолвный ураган, только что рушивший деревья, стал превращаться в обыкновенный ветер. Кроны тополей заматались, ветви засвистели, на земле зашелестел переметаемый гравий. Потом все затихло, один дождь монотонно гремел. На дорожке у выхода в аллею медленно обрисовывался — из силуэта в тень, из тени в тело — человек. Все трое разом кинулись к нему.

Генрих был страшно бледен, не шевелился. Рой приподнял его, Арман торопливо обнажил грудь. Араки приложил к коже присоску инъекционного аппарата. Минуты две все трое молчали, ожидая действия лекарства. Щеки Генриха постепенно порозовели, он вздохнул, медленно раскрыл глаза, обвел взглядом Араки, Армана, Роя.

— Вы нашли меня? — прошептал он с удивлением. — Разве экранизация отказала?

— Не отказала, но преодолена, — ответил Рой. — Сейчас мы полетим домой, Генрих.

Генрих оттолкнул руки Армана и Араки, сел.

— Рой, — сказал он, — ты мне никогда не лгал. Кто я?

— Тот же, кем был всегда, — ответил Рой. — Ну, может, немного поглупел от сонных наваждений. Я не лгу, Генрих. Все в порядке!

ПРЫЖОК НАД БЕЗДНОЙ

1

Рой знал, что новое задание по номенклатуре проблемного отдела Академии наук относится к высшей категории трудности. Боячек не скрывал опасений:

— Ни с чем похожим на это мы не встречались. И пока не способны оценить, что сулит возня с таинственным шаром. Возможны открытия ошеломляющей важности, а всего вероятнее, что проблема вообще не имеет решения. Мы пока слишком мало знаем о структуре Вселенной, хотя и астрофизики, и космологи уверяют обратное.

Вряд ли президент Академии наук употребил бы столь сильные выражения, если бы не имел серьезных оснований. Рой иронически поинтересовался:

— Нам, стало быть, предстоит найти решение проблемы, которая вообще не имеет решения? Я верно понял?

— Нет, конечно, и сами это знаете, Рой. Вам надлежит всесторонне исследовать загадку, а что получится — решение загадки или доказательство, что решения нет — будет видно. Я просил Корытина помогать вам. Он придет к вам в лабораторию.

Рой мог многое возразить против нового задания. В лаборатории братьев было полно незавершенных работ. Рой не считал себя подготовленным к распутыванию астрофизических тайн. Вылет на Виргинию был несвоевременным. И если бы Рой надеялся, что Генрих его поддержит, он выложил бы полный набор убедительных возражений. Но Генрих, отмахивавшийся от любых новых тем, делал исключение для заданий Боячека. На нежность

к нему старого ученого Генрих отвечал горячей привязанностью и просьбы Боячека считал несотвергаемыми приказами. А взаимоотношения братьев давно сложились так, что когда Генрих запальчиво кричал «нет», это вовсе не означало реального «нет». Генрих легко отказывался от своих отказов. Зато если он объявлял «да», то это было «да», и ничто иное. На всякий случай, Рой усилил неопределенность задания и сгустил черные краски трудностей.

— Старик не уверен, имеет ли загадка шара физическое решение, — сказал Рой осторожно. — Во всяком случае, привидение с того света...

— Ты прав, привидение! — с восторгом воскликнул Генрих. — И мы с тобой установим меру материальности космического призрака!.. Если тебе нужно мое согласие, считай, что оно у тебя есть.

— Я рад, что ты не возражаешь против рейса на Главную Космостанцию, Генрих. — Хоть немного и разочарованный быстрым согласием брата, Рой немедленно перешел к действию. — Планетолет на Марс уходит завтра, там переседем на рейсовый звездолет. Лабораторию оставим на Армана.

Вечером в Институт Космоса ворвался Андрей Корытин. Этот человек не приходил, а вторгался, не появлялся, а возникал, не здоровался, а накидывался. И говорил с такой страшной торопливостью, не оставляя пауз для знаков препинания, что речь лилась сплошным потоком, не разделяясь на фразы и не останавливаясь на точках. А он любил поговорить, спешил поделиться мыслями. Беда была в том, что мыслей у него всегда было больше, чем слов, и мысли проносились быстрее, чем он мог их высказать, — речь Андрея превращалась в столкновение мыслей, они вспыхивали и погасали в беге фразы. Генрих как-то пошутил: «Понять Корытина трудно, его слова — взрывающиеся искры, зато его хорошо слушать без света: речь Андрея тысячами вспышек озаряет физическую темноту».

Андрей пришел с двумя сотрудниками; оба — миловидная женщина и юноша — были братьям незнакомы, но Корытин и не подумал представлять их: надо было немедленно освободиться от распивавших его идей. Он закричал, едва распахнув дверь:

— Здравствуйте, братцы мистикофизики, здоровы, здоровы, и я тоже, не надо пустых пожеланий. Замечательное событие, правда, удивились, не сомневаюсь, что распутывать назначено вам, тут посодействовал я, у вас обоих дьявольский нюх на необыкновен-

ное, я так и бухнул президенту: «Только они, никому другому!», ведь главное в чем, поймите, ведь тайна какая: куда девается поглощаемая шаром энергия, пропасть без дна, одно слово — непостижимо, вот почему я думаю...

Рой мог так форсировать голос, что легко заглушал скороговорку Андрея. Он воспользовался своим преимуществом:

— Может, начнешь с того, что познакомишь со спутниками?

Андрей редко обижался, если его обрывали, он знал свои недостатки. Он засмеялся: добродушный смех над собой, так он считал, вполне извинял любую нетактичность. Юноша, казавшийся мальчишкой, был уже известным космологом, Андрей с увлечением перечислял его работы. Об одной братья слышали — гипотеза пузырчатой вселенной, так автор назвал ее. В ответ на восхваления шефа он покраснел, умоляюще замахал рукой, но братья заметили, что глаза Курта Санникова, так звали юношу, смотрели холодно и уверенно. «Парень знает себе цену», — сказал потом Генрих.

А миловидная женщина, Людмила Корзунская, астроэнергетик, свободно протянула руку, открыто глядела в глаза, ни в движениях, ни в словах, ни в выражении лица не показывала стеснительности или смущения. И хоть братьям имя ее ни о чем не говорило — а сами они, знаменитые, размноженные в миллионах фотографий, были ведомы каждому, и это накладывало отпечаток неравенства при любом знакомстве, — Корзунская держалась так, словно понятия не имела о каком-то неравенстве: возраста, званий, научного авторитета, того, что она женщина, а четверо ее собеседников мужчины, и о троих — Генрихе, Рое, Андрее — известно, что они одиноки и что многие женщины с радостью «составили бы их счастье», как именовалось такое событие. И Генрих, после гибели своей невесты Альбины сторонившийся молодых женщин, с приятным удивлением почувствовал, что ему нравится свобода Людмилы, и что он сам может держать себя с ней раскованно, и что вообще это изящное, хрупкое, коротковолосое, сероглазое существо в обычном рабочем комбинезоне — чуть лишь покрасивее скроенном — из тех, о ком говорят «парень свойский».

— Надеюсь, нам удастся распутать все тайны, — сказала она просто, как если бы говорила: «Надеюсь, не холодно, надевать пальто не будем».

Голос — низкий, звучный, медленный — не очень вязался с фигуркой, в нем было больше силы, чем обаяния, но и голос понравился Генриху. Когда гости ушли, он сказал брату: «В этой

девушке прекрасно даже не прекрасное». И Рой, не столь увлекающийся, согласился, что новая их помощница показывает себя с лучшей стороны одним тем, что не старается этого делать.

Андрей вскочил.

— Представления закончены: программа ясна, теперь пойду, терпеть не могу напрасно болтать, а у вас так забалтываешься, спасу нет, не забывайте, что тайна — одна, на другие не отвлекайтесь, выясните, куда девается энергия, все остальное — пустяк, пропасть без дна, говорю вам. Люда, это по вашей части, Курт, не зарывайтесь, шар Петра Кэссиди — это не то волшебное яйцо, из которого возникла Вселенная, иду, иду, тысяча дел, просто удивительно, до чего вы задерживаете занятого человека, Генрих, проводи меня, Рой, не таращись, у меня к Генриху важное дело, он потом тебе расскажет.

За дверью Андрей говорил так же торопливо и бессвязно, лишь понизил голос. Он вручает своих спутников персональному попечению Генриха. Собственно, о Курте он не беспокоится. Этот человек зарывается в идеях, но не в поступках, он точен, исполнитель и осторожен. А Людмила, по древней поговорке, — «большой джентльменский набор» сумасбродства. От нее надо ждать любых неожиданностей, предвидеть одно непредвиденное, считаться только с нерассчитываемым, и вообще, самое вероятное в ее поведении — устраивать самое невероятное. Она из породы тех, кто на посту раньше стреляет, а потом кричит: «Кто идет?» И, стало быть, пусть братья поберегутся выставлять ее на передовые посты исследований — втянет в опаснейшие эксперименты, целым из них не вылезти. Зато прислушиваться к ней стоит, в десяти случаях она врет, просто рукой махнуть, такие глупости, а в одиннадцатый раз выдает ослепительную идею, только зажмуривайся от яркости!

— Твоя черта! — Генриху удалось найти щелочку в плотно летящей речи друга. — И ты десять раз — носом в лужу, один раз — на такую высоту, что голова кружится, у меня, во всяком случае.

— Моя черта, моя, Генрих. Кое-чему научилась, третий год вместе работаем, только я о другом, последнее по счету, но не по важности, в общем, не хочу скрывать, если суждено мне быть женатым, то на ней, я на женщин не падаю, а здесь вот просто споткнулся и рухнул...

— Неужели ты?..

— Не прерывай, отвратительная у вас с Роем привычка, никогда не даете договорить! Короче, она согласна, но поставила

условие — раньше командировка на Главную Космостанцию, замужество по возвращении, блажь, но уступил, возьми ее под персональную опеку, тактично, мягко, дружески, без роевского диктата, в очень опасные дела не назначай, у тебя хорошая душа, ты понимаешь!

— Невесту мы тебе возвратим в добром здравии и хорошем расположении духа, — пообещал Генрих с улыбкой.

Просьба Андрея немного растрогала Генриха, он и не подозревал, что властный, страстно преданный науке Корытин способен на такие «посторонние делу» поступки, как любовь. Генрих возвратился, не погасив радостно-сочувствующей улыбки, она мигом стерлась, когда на него поглядела Корзунская. Чувства на ее лице проступали отчетливо: ей не нравилось, что Генрих улыбается. Она нахмурилась, глаза потемнели, она показывала, что поняла, о чем шел разговор за дверью, и что ее возмущает покровительство: она такой же сотрудник экспедиции, как и остальные, она не позволит к себе относиться по-особому.

Генрих смешался, он всегда терялся, встречая отпор — молчаливый, но явный. Рой вопросительно поднял брови, он уловил что-то неладное. Генрих чуть заметно кивнул головой — правильно, кое-что есть, после расскажу.

2

На Марсе братья с сотрудниками пересели в рейсовый звездолет. До Виргинии было больше месяца пути, и добрая треть рейсового времени тратилась в окрестностях солнечной системы, где сверхсветовые скорости, связанные с разрывом пространства, запрещались. Этот первый, досветовой этап, был самым интересным — звездолет облетал дальние планеты. На Уране и на Нептуне разрешалось выбраться наружу и побродить по древнему космическому льду обеих планет. Генрих, забывший счет своим посещениям дальних планет, с охотой играл роль экскурсовода. Курт с часок походил по Урану, еще меньше отдал нептуновым прогулкам, зато Корзунская резвилась. Она все взбиралась на холмы и катилась вниз, даже старалась скользить по гладким поверхностям, но мертвые льды держали крепко, по ним можно было катиться и бегать, но не скользить: коньки примерзали ко льду, она тут же падала, пытаясь оторвать от него ногу.

— Возьмите пример с Курта, Людмила, — советовал Генрих. — Он знает, что на морозе в двести градусов коэффициент

скольжения почти равен нулю, и не думает бороться с этим непреложным фактом. Он мудро усвоил, что до возвращения на Землю нечего и думать о конькобежных развлечениях.

— Вы путаете мудрость с вялостью, — возражала Корзунская. — Ему просто лень восстать против скверных физических законов. Он раб, а не революционер науки! — И быстро сменив пренебрежение на лукавую мечтательность, добавляла: — А как бы хорошо потом похвалиться: я каталась на аммиачном льду, присыпанном кислородным снежком, при минус двухстах или двухстах тридцати, точно не помню, только было холодновато.

Она хохотала, Генрих улыбался. Так — со смехом — они бегали по планетному космодрому. Рой не выходил из каюты: ни Уран, ни Нептун его не интересовали, надо было изучить материалы, полученные от Боячека, — доклад Петра Кэссиди, командира «Протея», штурманский дневник, рассказы участников экспедиции — материалов было уже столько, что, показав на ленты и кристаллы с записями, Рой двумя словами мрачно охарактеризовал Генриху их содержание: «Голова пухнет!»

На Нептуне Санников учтиво попросил Роя о разрешении поговорить наедине. Рой все не мог привыкнуть к противоречию смущенно краснеющих щек, вежливых до униженности фраз и холодного, почти дерзкого взгляда. «Парень нетривиален», — говорил себе Рой.

— Давайте договоримся, Курт, — предложил Рой. — Мы разговариваем друг с другом, не спрашивая разрешения. Прошу заходить ко мне в любое время.

Санников вскоре постучался к Рою.

— Прежде всего объясню, почему разговор наедине, — начал он. — Собственно, против вашего брата у меня возражений нет. Но Людмила стала бы меня обрывать, она без этого не может. Она считает меня рабом науки.

— Следует считать, что такое обвинение ложно и вы вообще не раб науки? — уточнил Рой.

— Нет, почему же? Все верно. Вообще, замечу в скобках, Людмила редко ошибается в оценках, у нее дар схватывать существенное. И во мне она уловила главное мое свойство — не разрешаю себе отступаться от науки. При желании поиронизировать это можно квалифицировать и как научное рабство.

Санников сидел на диване пригнувшись, положив руки на колени. Гораздо проще было бы откинуться на спинку, закинуть ногу на ногу — сам Рой признавал только непринужденные позы, а

юноша показывал, что скромен, смирен, почти смиренен. И он, похоже, искренне не сознавал, что сама его старательно культивируемая скромность — вызывающая, что нарочитая робость сходна с дерзостью. Рою захотелось подразнить Санникова.

— Вам нравится моя каюта, Курт? — Рой обвел рукой стены.

Санников непроизвольно повел головой вслед движению руки Роя. В его глазах засветилось удивление.

— Какие странные краски! Вы сами выбирали их?

Каюта мерцала безднами оттенков фиолетового цвета, в ней не было двух одинаковых участков: красно-фиолетовое сияние превращалось в золото-фиолетовое, золото-фиолетовое становилось зелено-фиолетовым — все было фиолетовым: и стены, и мебель, и потолок, и полы, — и все светилось по-иному, чем рядом, и ярко-фиолетовое погасало в сумрачно-фиолетовом.

— Я люблю фиолетовый цвет, Курт. В нем что-то увлекательно нездешнее, недаром ваш шеф назвал нас с братом мистикофизиками. Фиолетовость, по-моему, равнозначна таинственности. Я и попросил окрасить мою каюту в цвет, напоминающий, что великие тайны — типичность мира. Ведь фиолетовость — крайняя граница видимого спектра, она предвещает закат в невидимость.

— Нет, я реалист, — сказал юноша. — Мир, по-моему, очень прост, только мы не всегда понимаем его простоту. У нас не хватает фантазии на простое; мы нагромождаем сложности. Это от нашей собственной примитивности.

— Сложность от примитивности? Я правильно понял, Курт?

— Совершенно правильно, Рой. Вы не изучали дикарский период человечества? Мне пришлось. Дикарь — интеллектуально примитивен, а ведь как дьявольски сложно его представление о мире! Всюду непонятное, необъяснимое, загадочное, всюду потусторонние силы, призраки, привидения, духи, боги, черти — в общем, мистика. А в основе мистики лежит мистификация. Дикарь мистифицирует природу тем, что видит в ней лишь то, что открывается его скудным чувствам, и пытается внести логику в хаос восприятий. Вот так он придумывает сложнейшую теорию эпициклов Птолемея, чтобы объяснить себе видимое движение планет.

— Дикарь придумывает теорию эпициклов Птолемея? Впервые слышу!

Курт разрешил себе показать небольшое раздражение:

— Птолемей, я знаю, писал книги, принимал ванны, умащивался благовониями: не дикарь, но примитивный по логике человек, строивший координатную систему отсчета от себя как от пупа

мироздания. Полагать себя центром природы примитивно, от этого мир жутко усложняется, в его простые законы вторгаются разные фиолетовости, граничащие с провалом в потусторонность.

Рой с интересом наблюдал, как спадает с молодого космолога напаянная на себя смиренность. Рой вежливо уточнил:

— Вы пришли изложить мне философию того, как примитивное понимание природы порождает мистику?

— Вы сами знаете, что не для этого. Меня тревожит практическая программа поисков, а не общеполитические проблемы.

— Я все-таки не понимаю...

— Выслушайте меня терпеливо, Рой! Знаете, почему-то никому не могу методично рассказать все свои... Людмила взрывается на второй фразе, но у других внимание тоже быстро исчерпывается. Вероятно, я чем-то раздражаю слушателей...

Рой засмеялся.

— Валайте, Курт. Обещаю внимательность. Догадываюсь, что вы хотите связать проблему шара с гипотезой пузырчатой вселенной.

Да, именно это он и хотел сделать. Он постарается быть кратким. Его теория происхождения вселенной абсолютно проста и логична — как, впрочем, и сама вселенная. Мировой вакуум — бесконечно сжатая среда, нечто вроде теста, распираемого внутренним брожением и порождающем пузыри. Пузыри вырываются из вакуума. Они и есть то, что мы называем материальными частицами. Иначе говоря, вся наша материальная вселенная — не больше чем собрание пузырей вакуума.

— Это и есть ваша теория пузырчатой вселенной? И вы считаете ее новой?

Санников явственно подводил Роя к какой-то новой идее, но зашел очень уж издалека. Он, вероятно, всегда так изъяснялся, от ветхого Адама. Не удивительно, что слушатели теряли внимание, пока он добирался до сути. Рой постарался показать, что интереса не потерял, юноша может спокойно продолжать. Санников продолжал, но беспокойно. Предписанная себе почтительность позы стесняла, он стал вдруг поворачиваться на диване, то откидывался, то снова наклонялся, порывисто поднимал руки с колен, опять опускал их на колени — «Как рвущийся в бег конь, которого ездок, (в данном случае собственная воля) осаживает», — с любопытством думал о юноше Рой. Нет, Санников отнюдь не выдает за свою идею пузырчатости вакуума, ее обсуждали еще в двадцатом веке старой эры. Он просто определил, при каких условиях ваку-

ум вспучивается, выпенивая то, что мы называем веществом, а при каких — вещество намертво сковано в вакууме. В доказательстве, что вакуум неоднороден, что в нем появляются слабины и перенапряжения, и заключено все новое, что он внес, на большее он не претендует, он готов удовлетвориться этим скромным вкладом.

— Хорош маленький вклад! — Рой покачал головой. — Теперь, надо полагать, мы перейдем от общих проблем мироздания к делам Космостанции? Я правильно понял ваши намерения?

Да, именно это Санников и хотел предложить. Он напомнил, что звездолет «Протей» обнаружил шар, когда пролетал мимо звезды, превращавшейся в тот момент из нормального светила в «черную дыру». «Черных дыр», то есть небесных тел размером с Луну и массой Солнца, в космосе не меньше, чем блох в шерсти бродячей собаки. Но еще ни один человек не присутствовал при коллапсе звезды, то есть при космической катастрофе, когда гигантский газовый шар за считанные секунды чудовищным взрывом опадает в себя, превращаясь в крохотное тельце с веществом в миллиарды раз более плотным, чем вода. И едва штурманские аппараты установили, что чуть в стороне от курса готовится опадеть в себя, как в бездну, какая-то звезда, командир «Протея» без колебаний повернул корабль в район катастрофы. И он сообщает в отчете, что неподалеку от «черной дыры», в которую превратился звездный гигант, обнаружен шар размером с их звездолет. «Протей» взял его на буксир своими силовыми полями. Петр Кэссиди считает шар искусственным сооружением, может быть, даже летательным аппаратом, внутри которого — неведомые разумные существа, и видит одну загадку — как наладить с ним контакт?

На контакте с инозвездными цивилизациями чуть не свихнулись все наши астронавигаторы, раньше на эту тему писали одни авторы фантастических романов, теперь районы возможного обитания инопланетян внесены в космические лоции. Кэссиди поддался моде и выискивает в космосе «братьев по разуму». И никто не дает себе отчета, что тайна не столько в конструкции шара, объявленного инозвездным кораблем, — он, Курт, голову положит на плаху, что никаких разумных существ в шаре нет, — а совсем в ином: в месте, где увидели шар, во времени, когда он возник. Он, Курт Санников, утверждает, что коллапс звезды и возникновение шара — два явления одного физического процесса, возникшего в районе мирового пространства, где пролегал курс «Протея». Не нужно искать контакта с несуществующими существами, все это от примитивного восприятия мира, все это дикарство. Когда-то

кругом виделись духи и призраки, а планеты изворачивались на небе в эпициклах, а не в простеньких коперниковских орбитах, а сейчас выдумывают призрачных разумных братьев и в любом космическом шатуне выискивают искусственное сооружение. Все тысячекратно проще — надо только понять физику процесса, поглотившего в бездне звезду и выбросившего наружу крохотный шарик. Остальное несущественно.

— Разве мы делаем не то, что вы хотите, Курт? — Рой искренне не понимал, к чему клонит молодой космолог. — Изучить все, связанное с шаром, — таково наше задание. Что, собственно, вам не нравится? Доказывайте, что шар не больше чем забавное физическое явление. Никто вам не мешает.

Санников смотрел так, словно не знал: то ли вспылить, то ли расплакаться. Он выглядел растерявшимся ребенком — губы подрагивали, лицо покраснело, глаза влажно блестели. Он тихо сказал:

— Не умею объяснять. И вам не сумел.

— Я слушал вас внимательно. И не прерывал.

— Не в том дело — не прерывали... Я хотел короче, а все краткое — сложно. На длинные мысли у людей не хватает терпения.

— Вы сегодня говорите одними парадоксами, — добродушно заметил Рой. — Примитив сложнее простоты. Фундамент мистики — мистификация. Еще и длинные мысли. Никогда не думал, что истинность мысли можно измерить в метрах.

— Шар должен скоро исчезнуть, — печально сказал Санников. — Я проделал все вычисления... Шар, трофей космического поиска «Протея», с которым так возятся на Виргинии, от курса появления перешел на курс уничтожения. Он должен бесследно раствориться в вакууме.

— Знаете что? Устроим теоретическое собеседование, — предложил Рой. — Отчет Кэссиди я усвоил, в нем нет ничего неясного, кроме, конечно, непонятной природы самого шара. А в ваших объяснениях не разобрался. Может быть, совместно поправим дело?

Генрих, узнав о беседе брата с Санниковым, равнодушно пожал плечами. У Генриха бывали периоды увлечения, периоды безучастности, периоды легкомыслия. Рой отнес его состояние к третьепериодному. Он шутил, отвлекался на пустяки, говорил о мелочах. Рою казалось, что брат увлекся Корзунской: до любви не дошло, но душевная приязнь проглядывала. Рой не был уверен, что увлечения такого рода способствуют делу, у Генриха две стра-

сти в душе не умещались. Рой утешил себя: послушаем доклад Санникова, тот столько всякого наговорит, что не сможет Генрих остаться безучастным.

Санников докладывал два часа, идеи его Рою снова показались весьма смутными, но математика была безупречна: получалось, что шар от гибели удерживала только вливаемая в него энергия, но и ее надолго не хватит.

— Интересно? — спросил Рой, когда братья остались одни.

— Не хуже многих других теорий мирового вакуума! — отозвался Генрих. Поняв, что брата такой ответ не удовлетворяет, добавил: — Не будем торопиться, Рой, поглядим собственными глазами на загадочный шарик.

— Мне кажется, ты слишком много времени посвящаешь Корзунской — и это тебя отвлекает, — упрекнул Рой.

Брат отшутился:

— Она столь очаровательна, что становится безопасной. Я не Андрей, господ себе, даже в женском облике, не ищу. А Людмила из тех, кто главенствует. И потом, я обещал Андрею вернуть ее неведимой на Землю. Я слово держу, ты это знаешь.

3

В посещении Главной Космостанции для Роя была своя радость — он встретился со старым другом, командиром «Протей» Петром Кэсиди. Восемь лет они не виделись, и — судя по тому, что Петр готовил свой звездолет в новый рейс, — встречи не было бы еще восемь лет, не появись сам Рой на Виргинии — планетке, где разместили Галактическую базу и ремонтные заводы.

Рой с волнением, радостно и грустно рассматривал друга. Петр был тот же — и иной. Он постарел. Одного года рождения с Роем, он выглядел человеком другого поколения. На Земле больше ста лет говорили, писали, свято верили в то, что при околосветовых скоростях возраст как бы консервируется и звездопроходцы, воротившиеся после дальних рейсов, должны выглядеть среди земных сверстников юнцами.

Петр своим обликом опровергал это утверждение. Он согнулся, посерел, поседел, лицо исполосовали морщины, в нем мало что осталось от того жизнерадостного, энергичного, средних лет мужчины, какой сохранялся в памяти Роя. Прежним в нем были, пожалуй, милая улыбка, неторопливая походка, только ему присущая доброта голоса, внимательность, с какой он каждого слушал,

да еще, пожалуй, нападавшая на него порой задумчивость, почти отрешенность...

Петр встретил друзей на космодроме. Он вызвал авиетку, чтобы лететь на Космостанцию, но Генриху захотелось размять ноги, Людмила заверила, что обожает пешие прогулки, особенно по незнакомым местам, а Рою и Санникову было безразлично — шагать или лететь.

По дороге Корзунская спросила:

— Мы сможем сразу увидеть шар? Не терпится познакомиться с ним.

Звездoproходец с улыбкой покачал головой.

— Шар на другой стороне Виргинии, а Виргиния — с нашу Луну. Но завтра мы туда полетим, обещаю.

— Скажите, с шаром изменений нет? — поинтересовался Санников. — Вам не кажется, что он... вроде бы... Я хочу сказать, он не собирается исчезнуть?

Кэссиди с удивлением посмотрел на молодого космолога.

— Нет, — сказал звездoproходец, подумав. — Признаков исчезновения нет. Зато поглощение энергии увеличивается, что создает трудности у энергетиков.

— Увеличивается — это хорошо, — сказал Санников.

Впереди шагали Рой с Петром, Генрих с Людмилой двигались за ними, девушка то останавливалась, осматривая окрестности, то, хватая Генриха за руку, догоняла первую пару.

— Как удивительно красиво! — твердила она. — Генрих, мы все знаем, что Виргиния прекрасное место, столько раз видели ее на стереоэкранах. Но только живому взгляду открывается вся прелесть! И воздух! Честное слово, не хуже земного!

Атмосфера на Виргинии была хуже земной, но ходить разрешалось без скафандров: повышенное содержание озона компенсировало недостаток кислорода. И ходилось здесь легче, чем по Земле: Виргиния была много меньше, но сказывалось урано-платиновое ядро планеты — предметы весили на ней меньше лишь процентов на сорок. Людмила, подпрыгивая, со смехом убеждалась, что способна взять высоту, о какой рекордсменам по прыжкам и не мечтается.

На небе светили три звезды. Первая — в зените, очень яркая, желтая, как Солнце; вторая — оранжевая, поменьше, не такая блестящая, — шла неподалеку от главного светила; а третья — красноватая, тусклая, — лишь поднималась над горизонтом. И все три светила пробивались сквозь пелену красноватого тонкого тумана,

он всему придавал особый цвет. А на почве от каждого предмета разбегались три тени: одна короткая, густая, медленно меняющая очертания, вторая — подлиннее и побыстрее и третья, от красного солнца, — самая длинная и быстрая, она явственно сокращалась.

— Я излучаю тени, я вся истенена! — с восторгом воскликнула Корзунская. — И вы все истеняетесь, чудо как хорошо!

— Вот и Космостанция, а рядом — гостиница, — сказал Петр, показывая на группу зданий. — Отдыхайте, вечером встретимся в салоне Станции.

Спустя час к Рою вошел брат — умытый, побритый, в новом комбинезоне.

— Прихорашиваешься, — сказал Рой и с удовольствием втянул в себя запах духов: Генрих душился редко, но сильно, иногда даже чрезмерно. — Снова повторяю: не теряй головы!

— Голова на месте, Рой. Как тебе показался Петр?

— Изменился в чем-то, а в чем-то прежний. Ты вот позади все болтал с Людмилой, а Петр сказал мне с десяток слов и задумался, спотыкался на колдобинках, потому что не видел их. Мы и раньше так с ним прогуливались, не произнося ни слова, а потом он мне говорил с благодарностью: «Как хорошо мы с тобой потолковали, Рой». Он принимает свои молчаливые раздумья за оживленную беседу.

— Это и была беседа — телепатический обмен мыслями.

— самого важного не было — обмена. Он о чем-то размышлял, а во мне ответных мыслей не рождалось.

— Мне нравится на Виргинии, — сказал Генрих. — Планета достойна того, чтобы ею любоваться. Сюда надо приезжать для развлечений.

— Пока здесь ни один не выдерживает больше года. Энергетические заводы запущены на полную мощность, каждый виргинец обязан четыре часа в день сверх обычной своей работы дежурить у аннигиляторов. Выражение «падает с ног от усталости» здесь деловая характеристика состояния. Так мне сказал Петр в те три-четыре минуты, когда разговаривал, а не молчал.

— Возможно, завтра мы с тобой будем падать с ног от усталости, а сегодня мне хочется любоваться планетой, — сказал Генрих и вышел на веранду.

С веранды открывался вид на Виргинское море, освещенное тремя солнцами. По морю мчался катер, он покачивался на волнах, вместе с ним качались три его тени, он метался меж них, как бы

удирая от одной и набрасываясь на две другие, от него уносящиеся. Генрих отметил, что тени на виргинской воде гораздо отчетливее, чем на земных морях, на Земле тень резка лишь на почве. Он любовался метанием черных силуэтов на море — одного телесного, трех призрачных. Рой крикнул из комнаты:

— Тебе еще не надоело бездельничать? Пора на Космостанцию.

Главная Космическая Станция, управляющая галактическими полетами в звездных окрестностях Солнца, была трехэтажным зданием с высокой глухой башней. И башню, и здание прикрывали купола: один высокий, как богатырский шлем, другой немного побольше, приплюснутый — сегмент на основном здании. Навигационные аппараты станции находились в башне, под большим куполом разместился салон — обычный зал с креслами, столами и столиками, обзорными экранами на стенах и потолке: одни высвечивали свои районы в звездном пространстве, другие служили для стереопередач.

В салоне было человек десять, обширный зал казался почти пустым. Генрих уселся рядом с Людмилой.

— Парадного приема мы устроить не смогли, столько у всех на Виргинии работы, друзья, — сказал Кэссиди. — С нами штурманы «Протея», работники энергозаводов, будем отвечать на ваши вопросы. Посмотрите теперь для начала встречу с шаром.

Один из экранов вспыхнул, он высвечивал путь «Протея» среди светил галактического региона ТК-273. Тысячекратно убыстренные на экране, звезды мчались на зрителей и, так и не ворвавшись в зал, разбегались в стороны — «Протей» как бы врезался в густое звездное месиво, расшвыривая светила. Кэссиди комментировал картину. Вся команда взволновалась, когда анализаторы донесли, что крейсер приближается к звезде, готовой в чудовищном антивзрыве внутри себя превратиться из гигантского светила в крохотный темный шарик. Было безмерно опасно ворваться в район исполинской катастрофы — было захватывающе интересно стать свидетелем еще никем не увиденного антивзрыва. Он спросил экипаж, стоит ли зрелище риска, ни один не сказал «нет». Были усилены экранные поля, боевые аннигиляторы приготовлены для уничтожения любого опасного излучения, любого несущегося навстречу материального тела. Но антивзрыв произошел раньше, чем «Протей» прибыл в район катастрофы, — звезда вдруг просто исчезла. А «черная дыра», комочек невообразимо плотной материи, какой стало недавнее светило, вообще не

разглядывалась, это было черное пятнышко, что-то вроде типографской точки, и только сверхзоркие анализаторы свидетельствовали, что черное пятнышко все же мерцает, от него лился слабый свет — призрак, а не тело, воистину, черный паук вселенной.

— Теперь посмотрите наш трофей, — сказал Кэссиди.

Это был темный шар идеальной сферичности, вырвавшийся вдруг из беснования взрыва. Звезда рушилась в себя, а он мчался из центра катастрофы, он был в самом пекле, в горниле невероятно мощных сил, — и выскользнул, гладкий, тускло блистающий. Он летел сквозь район катастрофы как сквозь пустоту, исполинские гравитационные поля, мгновенно сжавшие звезду в крохотный комочек, на него не действовали, он был словно из иного мира, чуждого законам космоса. «Протей» осветил космического незнакомца, шар повернул к звездолету, словно откликаясь на приглашение познакомиться. Именно в этот момент корабельный компьютер объявил, что шар — космический корабль, управляемый разумными существами.

— Если и вправду внутри шара обитают разумные существа, то в контакт с нами они не пожелали вступить, — говорил Кэссиди. — Они не отвечают ни на какие сигналы. Посланец чуждого мира, призрак в металлическом образе существует, мы его наблюдаем, возможно, и нас из него наблюдают — и ничего больше!

— Но энергию нашу шар принимает, — заметил Рой. — Как вы пришли к мысли, что незнакомца надо подкармливать? Это произошло случайно?

— Да, случайно, — подтвердил Кэссиди. — Среди прочих попыток наладить контакт испробовали и обстрел потоком ротонов. На «Протее» ротонный генератор смонтирован приставкой к аннигиляторам пространства, обеспечивающим сверхсветовые скорости. Он не собирается читать лекций по астрофизике, но должен напомнить, что когда аннигиляторы уничтожают пространство, то взамен образуются хорошо известные всем протоны, нейтроны, электроны, мезоны, нейтрино. Эти частицы — результат, так сказать, чистого сгорания пространства, но стопроцентной аннигиляции не бывает, какая-то доля деформируется в эти самые полуматериальные ротонны — частично уже вещество, частично еще пространство. Для астронавигаторов ротонны — как угольная пыль из труб для энергетика, они свидетельствуют, что коэффициент полезного действия рейсовых аннигиляторов до ста не достиг — звездолет, рассеивающий много ротонов, пора отправить в ремонт. Исторгнутые из аннигиляторов ротонны обычно

выбрасываются в космос и там постепенно сливаются с вакуумом — генератор ротонов, вроде старой трубы, рассеивающей несгоревшую угольную пыль, служит как раз для их выброса. Кому-то пришла в голову мысль направить эту пыль несгоревшего пространства на шарообразного незнакомца, мчавшегося за «Протеем» в его силовых полях. Эффект был ошеломляющим. Шар поглотил все ротонны. Мы увидели в этом возможность контакта, нам показалось, что ротонны — тот самый агент информации, который мы ищем. Никогда еще аннигиляторы «Протея» так скверно, по космическим нормам, не работали, скорость звездолета упала ниже навигационных границ, зато поток ротонов становился все обильней, и шар жадно поглощал их. На Виргинии «Протею» дали отдых, питание шара энергией взяли на себя местные заводы — и могу вас заверить, они трудятся на пределе.

— А каков эффект в смысле контакта? — спросил Рой.

Кэссиди пожал плечами. Никакого! Контакт — двусторонняя связь, один передает, другой отвечает. Связь, несомненно, есть — наши передачи воспринимаются. А ответов — ноль.

— Сколько энергии уже влило в шар? — спросил Санников.

— Можете посмотреть запись.

На экране появился график подачи в шар энергии. Санников воскликнул:

— Вы затратили столько энергии, что можно было изготовить десять таких шаров из чистого железа. Вы знаете, что отсюда следует?

— По-моему, отсюда следует, что шар не из чистого железа. У вас другое мнение?

— Абсолютно другое! Никакое вещественное тело не может принять такую бездну энергии не взорвавшись, не превратившись из скромного шара в пылающую планетку. Вся доставляемая вами энергия рушится в шар, как в яму, проносится сквозь него, как автомашина в открытые ворота.

— Куда проносится?

— Очевидно, в вакуум. Шар — открывшиеся в вакуум двери. В этом его загадка и в этом его значение.

Рой снова спросил:

— На чем вы все-таки основываете мысль, что внутри шара — разумные существа?

— Мы их видим, — сказал Кэссиди. — А сейчас и вы увидите.

Шар, увеличиваясь, захватил половину экрана — по-прежнему идеальная сферическая конструкция, похожая на маслянистую

каплю, взвешенную в жидкости. Цвет шара менялся при каждом повороте изображения, словно и не было у него собственной окраски, а впечатления цвета привносились извне: он виделся то густо-красным, то желтел, то зеленел, синел, снова краснел. И вдруг — Кэссиди молчаливым жестом призвал зрителей к вниманию — все краски шара стали слабеть, он казался уже холодно-беловатым, потом и беловатость ослабла, теперь он был как бы затянут туманом, и туман рассеивался — шар обретал прозрачность: возникшее в нем собственное освещение сделало видимым, что совершалось внутри.

— Картинка! — удивленно бормотал Генрих.

В шаре перемещались странные фигурки, скорее, силуэты, а не тела: темные, расплывчатых очертаний, к тому же менявшие форму, то круглые, то вытягивающиеся из круглых в цилиндрообразность, то превращавшиеся в блин, то сворачивающиеся змеями. Силуэты переплетались, удалялись один от другого, снова сходились, ошетинились отростками, как будто взаимно ощупываясь, снова расходились... Внутри шара толкалась толпа теней, все казалось беспорядочным в их перемещениях, а когда представилось, что какой-то порядок смутно улавливается, шар утратил прозрачность и снова окрасился разноцветно — из желтого становился синим, из синего зеленым, из зеленого красным.

— Любопытные эти картинки мы видим в пики потребления энергии, — комментировал зрелище Кэссиди. — Но что означает пляска теней, понятия не имеем. Компьютеры квалифицируют силуэты как изображения живых существ. Но разумных сигналов от них мы ни разу не получали.

— Может, непосредственное наблюдение даст больше данных? — спросила Людмила.

— Вы поглядите на шар завтра, — повторил Кэссиди. — И могу заверить, что это ничего не даст. Шар отчетливее на экране, чем в натуре. Не забывайте, что анализаторы совершеннее наших глаз.

Рой спросил Генриха, когда они вышли из зала:

— У тебя демонстрация шара вызвала какие-либо интересные мысли?

— Никаких, — весело отозвал брат. — Зато у Курта таких мыслей — тысячи, погляди, как он хмурится. Ручаюсь, он перекачивает в голове новые идеи, как валуны, — прямо-таки физическая работа. И Людмила раскраснелась, у нее блестят глаза, это свидетельство обжигающих мозг идей. Почему бы тебе не поспросить обоих?

— Они сами придут ко мне докладываться, — предсказал Рой. — Что собираешься сейчас делать, Генрих?

— Гулять, Рой. Провырнусь по-земному в виргинских парках, надышусь до головокружения виргинским озоном.

— Вместе с Людмилой?

— Не с тобой же, Рой. Ты, несомненно, погрузишься в проекты и графики срочных действий, — хотя тебе самому непонятно, зачем их делать.

— Непонятно, — подтвердил Рой. — Но что-то же надо делать.

4

Как и предупреждал Петр Кэссиди, осмотр шара вблизи ничего не дал. Шар покоился в облаке пыли. Дежурный энергоинженер объяснил, что пылевой туман — результат непрерывного внедрения в шар огромных масс энергии — состоит из захваченного вещества самой Виргинии. Посторонних веществ нет.

Людмила объявила, что пыль мало интересна. Генрих зевал. Санников один многозначительно качал головой, словно объяснение инженера подтверждало самые смелые его догадки.

В гостинице он пришел к Рою, на этот раз не испрашивая предварительного разрешения.

— Вы с новыми, невероятно сложными простыми идеями, Курт? — спросил Рой. — У меня просьба — не развивайте долгих объяснений. Боюсь, я неспособен вникать в слишком длинные доказательства.

— Хочу предложить план исследований шара, — сказал юноша. — Доказательства буду излагать, если вы потребуете их сами.

Прежде всего, надо выяснить, говорил Санников, правильно ли, что шар — пузырь, выбросившийся из вакуума и теперь вытягивающийся обратно. Он настаивает именно на таком толковании. Если оно верно, проблема упрощается. Энергия, вливаемая в шар, тормозит его исчезновение. Отсюда первое действие — сократить подачу энергии и понаблюдать, как поведет себя шар.

— Принимается, — сказал Рой. — Но допустим, что при сокращении подачи энергии шар — в соответствии с вашей гипотезой — покажет стремление сбежать из нашего мира. Разрешим ему улизнуть?

— Ни под каким видом! — поспешно сказал Курт. — Только тогда и начнется настоящее изучение.

Он постарался, помня условия Роя, быть кратким. Если шар станет быстро втягиваться в вакуум, подача энергии немедленно восстанавливается. Будет доказано, что внутри шара имеется провал в мировой вакуум, куда и рушится энергия. Превращение гигантского газового светила в сверхплотный комочек вызвало разрыв вакуума. И шар не что иное, как защитная пленка вокруг разрыва. Разрыв затягивается, пленка вбирается внутрь. И стало быть, следующее действие — найти в центре шара этот самый разрыв. Для этого проникнуть в его недра в специальной капсуле — сперва автоматы, потом и люди...

— Вы с ума сошли, Курт! Какая безумная идея! Вы соображаете — при таком потоке энергии! Да это же в миллионы раз опасней, чем вплавь одолеть Ниагару. Любая капсула мгновенно превратится в плазму.

— Я все продумал! — заверил юноша. — Во-первых, при запуске капсулы подача энергии прекращается. Во-вторых, мы применим ваше собственное изобретение. В вашей лаборатории разработана антигравитационная защита академика Томсона. Сквозь стену, не нарушая ее целости, у вас свободно проскальзывает снаряд с человеком. Андрей говорил, что вы сами проходили сквозь гранитную скалу толщиной с десятков метров. Почему не воспользоваться вашими экранными полями? Игра стоит свеч!

Юноша серьезнее, чем показался поначалу, думал Рой, искоса поглядывая на Курта. И если даже идея его неверна, почему не доведаться, в чем ошибка? И отчего не проверить экранирование на важном деле, а не только на проскальзывании сквозь стены? Испытания, произведенные на Земле, отдают все же фокусничеством — игровые спектакли, красочные демонстрации возможностей экранных полей.

— Хочу обратить ваше внимание, Рой, еще вот на что, — продолжал Санников. — Силуэты, появляющиеся в шаре, глубоко убежден, лишь оптические свидетельства неведомых физических процессов, а не фигуры живых существ. И доказательство этого прекратит распространение необоснованных надежд и нереальных планов.

— Вы уже беседовали с кем-нибудь о своих предложениях?

— Только с Корзунской.

— Она, конечно, выдвинула массу возражений?

Санников удивился.

— Что вы, Рой, Людмилу, правда, раздражает моя манера излагать мысли... Она истерпеливая, а я медлителен... Но еще не

было случая, чтобы она не соглашалась по существу дела. Она ведь сама захотела лететь со мной. Андрей намечал меня одного, она сказала: «Нам с Куртом вместе хорошо работается». Это правда, Рой. Мы с Людмилой работаем дружно... когда я не огрызаюсь на ее насмешки, этого она не любит.

— Насмешек не любит? — иронически поинтересовался Рой.

— Нет, насмехаться она любит, — серьезно сказал Санников. — Она не любит, когда не любят ее насмешки. Я стараюсь терпеть.

— Я поговорю с братом, Курт.

У Генриха продолжался период легкомыслия. Он не захотел обсуждать идеи Санникова. Пусть Рой решает сам, он доверяет мудрости брата. Рой сказал, что для создания экранирующего поля понадобится вызвать с Земли Арутюняна с аппаратурой. Генрих воскликнул, что будет рад обнять Рорика на Виргинии. Рой пожал плечами. Было хорошо, что Генрих соглашался без спора. В дни «третьего периода» бывало, что он восставал против любого предложения Роя. И поспешное согласие, и столь же поспешные возражения одинаково выражали одно: что Генрих временно потерял интерес к работе. Но неаргументированное согласие было все же лучше неаргументированных возражений. Рой сказал:

— Если Петр примет программу Курта, я дам ротонограмму Боячеку с просьбой прислать Рорика Арутюняна.

5

Арутюнян привез столько механизмов, что один из трюмов звездолета загрузили доверху. Пока аппаратуру монтировали в специальном здании около шара, Арутюнян познакомил своих руководителей с делами их лаборатории на Земле.

— Рорик, ты знаешь, что предписывает нам старик? — Рой показал на письмо Боячека, доставленное Арутюняном.

— Знаю. Боячек устно высказал то же самое. Нам троим — тебе, Генриху и мне — запрещено пилотировать капсулы, проникающие в недра шара. Боячек советует ограничиться засылкой автоматических анализаторов, он считает, что этого достаточно.

— Этого недостаточно, Рорик. Боюсь, беспилотное зондирование немного даст. Поговори с Куртом Санниковым, его мысли относительно природы шара пока что подтверждаются: при сокращении подачи энергии шар явственно уменьшается в размерах, как и предсказывал Курт.

Арутюнян после объяснений Санникова признался братьям, что у него не лежит душа видеть в загадочнейшем объекте, когда-либо найденном в космосе, только пузырь, вынырнувший из разрыва в мировом вакууме: звездная катастрофа, самоуничтожение гигантского светила — и какой-то пузырь! Рой посоветовал не распространять на природу человеческие эмоции, пусть он назовет шар благопристойней, скажем, бриллиантом, выскочившим из пекла звездной катастрофы — и успокоится на таком наименовании. Их задача — расследовать природу таинственного объекта, это физика, а не семантика. И готовить капсулу к безопасному проникновению в недра шара, что бы он собой ни представлял — пузырь из вакуума, разновидность космических бриллиантов или, не исключено, корабль с экипажем разумных существ.

Генрих засмеялся. Арутюнян с недоумением посмотрел на него. Генрих весело сказал:

— Рою свойственно воспринимать события драматически, а я смеюсь, когда чего-либо не понимаю.

— У тебя есть представление, что такое этот шар?

— Только одно — непонимание. Я уже сказал о нем.

— Ты будешь помогать мне в оснащении капсулы?

— Я механик неважный. Но среди инженеров Космостанции ты найдешь много специалистов. Тебе помогут и Курт с Людмилой.

Санников отговорился от помощи Арутюняну. Он с печалью показал свои маленькие, тонкие пальцы: его руки не просто слабые, у них отвратительное свойство — все, за что они берутся, ломается или разлаживается. Корзунская пошла в помощники с восторгом. Она мастерила у Корытина приборы, монтировала сложные установки, а экранирующие поля захватывают ее, она сочтет за честь принять участие в сборке генераторов таких удивительных полей. Арутюнян сказал Рою, что загрузит Людмилу тонкими сборками, он не знает, какой она космоэнергетик, но в наладчики аппаратуры и на Земле взял бы ее без раздумий.

Рой с иронией сказал брату:

— Как тебе теперь прогуливаться без спутницы по райским уголкам Виргинии?

— Обойдусь без прогулок! — Генрих засмеялся. — Когда-нибудь придется же забросить приятное времяпрепровождение. Я вижу, как ты нервничаешь, Рой.

— Пора, пора приступать к делу, Генрих. Нам не хватает твоего живого участия в выборке программы.

— Не торопи меня, Рой, — попросил Генрих. — Программу испытаний ты наметишь и без меня. Поверь, ни одной стоящей мысли мне пока не приходит. Подождем, пока испытания принесут новые данные.

Рой привык, что их трудовое содружество мало напоминает нормальное сотрудничество. И он понимал, что Генриха надо порой освобождать от мелочей, от методичного накапливания фактов — девять десятых лабораторного труда сводилось к такому медленному сбору материала. Зато мыслительные силы Генриха вспыхивали, когда исследование тормозилось непредвиденными коллизиями. Так установилось с первых лет их сотрудничества, такие отношения особенно усилились после двух болезней Генриха — аварии планетолета на Марсе и неудачного испытания аппарата для индивидуальной музыки.

Первое испытание капсулы дало меньше, чем ожидали. Капсула проникла внутрь шара без осложнений, ее анализаторы фиксировали все, что совершалось во время проникновения. Записи подтверждали то, что знали и раньше, — вокруг шара пылевое облако, за пылью — оболочка из сплава десятка тяжелых металлов, за оболочкой — рыхлая пемзообразная сердцевина, тоже металлический сплав. Никаких помещений, никаких механизмов, никаких существ! И никаких странных силуэтов, похожих на движущиеся живые тела. Анализаторы капсулы дали меньше данных, чем такие же анализаторы, фиксировавшие шар с поверхности.

— Может быть, слишком велико экранирование? — сказал Арутюняну огорченный Рой. — Возможно, оно не только защищает капсулу, но и, так сказать, ослепляет ее.

Рой подал на экран запись внешних анализаторов. В салоне возникла знакомая картина: в недрах шара перемещались расплывчатые силуэты. Приборы оконтурили и капсулу, неторопливо скользящую к центру, и вызванное ею усиленное движение силуэтов: одни как бы разбегались от надвигающегося на них чужого снаряда, другие как бы стремились к нему с периферии, извивались вокруг аппарата — порядка ни в разбегании, ни в сгущении не улавливалось.

Рой предложил расширить программу исследований. Капсула снова вводится внутрь, и экранирование ее меняется от самого мощного до такого, где появляется угроза разрушения, — может быть, тогда и произойдет реальная встреча с призраком. Рисуем и разрушением, чтобы поглядеть, как оно пойдет. На этот случай надо собрать другие капсулы для замены.

— Для меня и брата ваша теория провалов в вакууме не очень привлекательна, — объявил Рой Курту Санникову. — Куда приятней было бы встретить братьев по разуму. Мы уже как-то сжились с мыслью, что предстоит деловой контакт с инозвездной цивилизацией. Но с огорчением констатирую: факты опять складываются в вашу пользу. В первых экспериментах, во всяком случае.

— Дальнейшие эксперименты еще убедительнее подтвердят мою концепцию, — пообещал молодой космолог.

Арутюнян выполнил новую программу. Капсула, при полном снятии экранирования, растворилась в массе непонятного вещества в центре шара. Рой констатировал, что науке разрушение капсулы ничего не дало, кроме знания факта, что без защитного экранирования материальные тела внутри шара существовать не могут. «Это, возможно, тоже имеет значение», — сказал он, пожимая плечами. Гораздо существеннее было, что анализаторы капсулы фиксировали канализацию энергии к центру шара, а там она вдруг пропадала бесследно.

— Можно, конечно, принять, что центр шара — бездонный колодец в вакуум, куда рушится вся энергия, — обратился Рой к Санникову. — В этом, сколько понимаю, сущность вашей теории. Но это, по-моему, равносильно объяснению одной загадки при помощи другой, вовсе не более ясной. Что делать дальше, не знаю. Хотел бы услышать все мнения.

— Пришел час человеку проникнуть в шар, — сказал Санников. — Прошу оказать мне честь быть первым пилотом капсулы.

— И мне! — воскликнула Корзунская. — Напоминаю, что я космоэнергетик и меня специально командировали на Виргинию для исследования, куда исчезает энергия. Я участвовала в сборке капсулы, мне знаком в ней каждый прибор. Роберт Арутюнян может подтвердить.

Рой подвел итоги обсуждению.

— Начинаем пилотное зондирование шара. Первыми пилотами капсулы будут астрофизик Курт Санников и космоэнергетик Людмила Корзунская.

6

— У тебя другое решение? Тогда объяви его! — сказал Рой брату. — Твое унылое лицо действует мне на нервы. Впечатление такое, что ты готовишься не к эксперименту, а к похоронам. Можешь, расскажешь, что тебе не нравится?

— Мне все не нравится. Все, Рой. Способен ты это понять?

— Нет, не способен. Все — это ничего. Мы учили когда-то, что истина — конкретна. Подави раздражение и объяснись поконкретнее.

Генрих постарался сдержать раздражение. Ему не нравится теория провалов в вакуум, это главное. Опытные данные подтверждают фантастическую гипотезу космических пузырей, но он ничего не может с собой поделаться: пузыри ему, как и Рорику Арутюняну, неприятны. Он не может противопоставить пузырьной теории ни одного стоящего возражения, но от этого его отношение к ней не меняется. И его беспокоит пилотное зондирование. Он боится вторжения людей в шар.

— Опыт показал, что капсула свободно проникает туда и беспрепятственно возвращается. Ты не веришь опыту?

— Рой, ведь речь идет не о том, во что я верю, а во что — нет. Да, экранирование пока надежное, это я вижу. Но ты спрашиваешь меня не о надежности экранирования, а почему у меня плохое настроение. Вот я и отвечаю: плохое настроение у меня оттого, что мне не нравится затея с проникновением в шар людей. Обосновать, почему не нравится, не могу.

— Зато я могу обосновать это, — спокойно сказал Рой. — Тебя беспокоит, что в капсулу сядет Корзунская. Не так?

— А хотя бы и так! — сердито крикнул Генрих. — Здоровые мужчины будут покоиться в креслах салона, а женщину отправляют черт знает в какой мир. Или ты забыл, что мы обещали Андрею позаботиться о безопасности Людмилы? Хороша забота, скажу тебе.

— Рассмотрим твои соображения по порядку, — предложил Рой. — Ты знаешь, я педант, я люблю так: пункт первый, пункт второй. Итак, пункт первый. Мы покоимся в креслах, ибо нам прямо запрещено пилотировать капсулу. Пункт второй. Если бы мы находились в капсуле, толку было бы кот наплакал: мы не инженеры, с навигационным оборудованием капсулы не знакомы. Пункт третий. Людмила и Курт имеют тысячи преимуществ перед нами: он вооружен расчетами, с которыми ни ты, ни я не удосужились детально ознакомиться, она превосходно справляется со всеми механизмами капсулы. Рорик меня в этом заверил категорически. Пункт четвертый...

— Хватит, Рой! — взмолился Генрих. — У меня от твоих бесчисленных пунктов судорога в мозгу. Делай, как все вы решили, только снова и снова повторяю: мне эта затея не нравится!

Рой задумчиво сказал:

— Главная опасность связана с энергией, подаваемой в шар. Даже томсоновское экранирование может отказать в бешеном вихре частиц. Мы будем следить с пульта за продвижением к центру, но сумеем ли справиться с аварийными ситуациями? Курт просит манипулировать величиной энергии, чтобы точно определить место, где она пропадает. Он хочет исследовать шар при максимальной подаче энергии и полном ее прекращении. По моему, это резонно. У тебя нет возражений?

— Никаких, — устало сказал Генрих.

— Тогда завтра, — решил Рой. — Твое место на пульте.

— Я провожу их и со стартовой площадки полечу на пульт.

На стартовую площадку Генрих прибыл с Арутюняном, вместе с ним влез в пустую капсулу. Она походила на штурманскую рубку, столько в ней было всяческих механизмов. Арутюнян сказал:

— Генрих, эта капсула сквозь любой металл пройдет так же свободно, как раскаленный нож через масло.

— Твоя капсула уже показала свои достоинства, — хмуро сказал Генрих. — Не знаю, схоже ли вещество шара с маслом, но капсула уже прорезала его.

Он вышел и прохаживался возле капсулы. Арутюнян возился с механизмами. Из авиетки вышли Людмила и Санников. Корзунская побежала к Генриху, издали протягивая руку.

— Генрих, благословите меня на важные открытия в рейсе! — сказала она весело.

— Благословляю вас на благополучное возвращение, — сказал он.

— Нет-нет, — настаивала она. — Благополучное возвращение — норма, оно предусмотрено программой. А важные открытия — удача. Нечто, что заранее трудно планировать. Благословите меня на удачу!

— Благословляю вас на удачу! — сказал он, с усилием засмеявшись.

Курт первым влез в кабину. Корзунская помедлила у входа в капсулу.

— До скорого свидания! — радостно крикнула она. — Генрих, выговорите себе на завтра выходной — мы после отдыха устроим большую прогулку по виргинским просторам. И Курта заставим пойти с нами.

Курт проворчал, не улыбнувшись:

— Найду занятие поважнее прогулок.

Арутюнян дал старт. Продолговатый, похожий на огурец снаряд неторопливо двинулся к пылевому облаку и скоро пропал в нем. Арутюнян взял Генриха под руку. На стартовой площадке больше нечего было делать. Генрих поспешил к авиетке.

На пульте Рой встретил их восклицанием:

— Все по программе, никаких сбоев!

На экране была картина, какую уже неоднократно видели. Продолговатая капсула вползала в темную массу — в сплошной сплав десятка металлов, человеческой технике такие сплавы были неизвестны. Без томсоновского экранирования нельзя было бы и думать о рассечении столь плотного вещества.

Капсула двигалась свободно. У Генриха тяжело стучало сердце. В какой-то момент Санников включил оптические преобразователи, кабина ярко осветилась. Санников держал обе руки на регуляторах хода, Корзунская обернула радостное лицо к передатчику, ликующе крикнула:

— Мы в центре. Варьируйте подачу энергии.

Рой повел регулировку подачи, два инженера энергостанции, сидевшие по бокам, молча следили за его командами, готовые в любой момент подстраховать оператора. Санников погасил свет, на экране виднелась только темная масса неизвестного вещества вокруг капсулы, рыхлая масса, — то удивительное место, где энергия, вопреки всем законам космоса, превращалась в ничто. Генрих, не отрывая глаз от экрана, мысленно видел то, что экранные пленки были бессильны изобразить. Ему чувствовалось, как ум заходит за разум. Все, что совершалось в эту минуту там, в центре шара, вокруг маленькой капсулы с двумя пилотами, было больше, чем непредставимо, — невысказано! Реальность, которой не может быть! Бездна энергии от генераторов Космостанции мчалась потоками частиц и волн от поверхности к центру, она концентрировалась здесь, около капсулы с двумя людьми. Даже секунды такой подачи хватило бы, чтобы возник чудовищный взрыв, чтобы забушевало пекло раскаленной до миллиона градусов плазмы, — так вещали фундаментальные законы мира, мир не допускал ни единого исключения для своих фундаментальных законов. Вот оно — невысказанное исключение! Может, и прав юный космолог Курт Санников — и в центре дыра в тартарары, в потусторонний мир, в чуждую нам вселенную? Но почему грандиозный водопад энергии, рушащийся в подпол космоса, не увлекает с собой и капсулу, она ведь из тех же материальных частиц?

Капсула повисла над неведомой бездной. Не швырнет ли и ее туда же?

Рой обернулся к брату и негромко сказал:

— Передача уменьшена вдвое. Опасность стала меньше.

— Опасность стала меньше, — бесстрастно повторил Генрих.

— Уменьшаю еще на треть, — сказал вскоре Рой.

Некоторое время подача шла на четверти обычной нормы.

Санников попросил еще уменьшить подачу. Рой с удивлением сказал инженерам Космостанции:

— Впечатление, что команды стали тормозиться. Почему бы это?

Один инженер связался с генераторами, другой проверял, нет ли неполадок на пульте. На экране вдруг возникли и забегали силуэты — Генриху показалось, что хаоса в их мстаниях сегодня было больше. Снова вспыхнула внутренность капсулы, Курт вертел какой-то регулятор, Корзунская кричала в передатчик:

— Друзья, что там у вас? Никаких изменений. Продолжайте уменьшать подачу.

Инженер Космостанции сказал Рою:

— В генераторной вдруг возникли неполадки, они устранены. Можете продолжать операцию по программе.

Рой повернул регулятор на очередное половинное уменьшение подачи. Опять ярко вспыхнула внутренность капсулы. На полу судорожно катался Курт Санников, Корзунская хваталась обеими руками за стенки, без перерыва кричала, передатчик донес ее исступленный, на одной мучительной ноте крик: «Спасите! Спасите!»

На мгновение опередив брата, Генрих рывком из-за спины Роя перевел регулятор на увеличение подачи. Рой быстро сказал:

— Буду выводить капсулу наружу, а ты поскорей на площадку!

Генрих бросился к выходу. У авиетки его догнал Арутюнян. Подлетела вторая авиетка, в нее сели врачи. Генрих задал максимальный ход. Стартовая площадка была пуста. Генрих прыжком выбросился из авиетки. Врачи вынули носилки, спешно готовили инструменты. Арутюнян тронул молчаливого Генриха за плечо:

— Пожалуйста, успокойся. Что можно сделать для их спасения, будет сделано.

Генрих не ответил. Ничего нельзя было сделать, он понял это, когда увидел свалившегося на пол Санникова, услышал

предсмертный крик Корзунской. Произошла непоправимая катастрофа, он один предчувствовал ее — и не предотвратил! Из пылевого облака медленно выползала капсула, она казалась неповрежденной. Из третьей авиетки выскочили Рой с Петром. Капсула остановилась в центре площадки. Арутюнян разгерметизировал двери, первый шагнул внутрь, за ним врачи, за врачами Генрих с Роем и Кэссиди. Тесно сомкнувшись, чтобы не наступить на то, во что превратились их товарищи, вошедшие молча глядели на пол. На полу лежали два мертвых тела. Санников мало переменялся — скрюченный, с искаженным лицом, он только казался несколько меньше. А Корзунская как бы опала, она выглядела девчонкой, странной девчонкой, без кровинки в лице, тощей, с руками-палочками, такими же тонкими ногами — это был другой человек, совсем не тот, которого видели ежедневно. Врач сказал:

— Друзья, выходите. Мы будем выносить пострадавших.

На площадке Рой подошел к брату. Генрих сказал:

— Рой, в их гибели виноваты мы с тобой. Мы убийцы, Рой!

— Возьми себя в руки! — приказал брат. — Когда освобожусь, мы обсудим, кто виноват и что виновато. А сейчас возьми себя в руки! Слышишь, Генрих, возьми себя в руки!

7

Рой пошел с врачами в операционную, узнал там, что воскрешение из мертвых, к тому же столь странно деформированных, выше сил медицины, единственно возможное — законсервировать тела в нынешнем состоянии, чтобы потом их обследовали земные медики. Арутюнян, осмотревший капсулу, доложил, что в ней отсутствуют и внешние, и внутренние повреждения. Рой влез в капсулу и тоже убедился, что капсула была такой же, какой ушла в последний эксперимент. Энергоинженеры доложили, что затруднений в подаче энергии в шар нет, все совершается так, как совершалось все дни. Рой попросил проверить, возникают ли тормозные препятствия при уменьшении подачи энергии, именно после них и произошла катастрофа. Подача трижды уменьшалась почти до нуля, Рой сам проверил переход через величину, вызвавшую противодействие, — противодействия больше не было. Рой сказал Кэссиди: «Мне кажется, где-то здесь таится причина катастрофы, только пока я не знаю, как связать ее с затруднениями в подаче энергии».

Кэссиди согласился, что причину трагедии надо связать с неожиданным торможением подачи, но тоже не мог сказать ничего определенного — затруднения не возобновлялись и было непонятно, почему они вообще возникли. Надо посоветоваться с Генрихом, решил Рой и подумал, что уже несколько часов не видел Генриха: тот исчез сразу со стартовой площадки и больше не давал о себе знать. Рой с тревогой вспомнил, в каком отчаянии был брат, когда выносили из капсулы трупы, как побелел, как тряслись его губы, как подрагивали руки. Рой гневно упрекнул себя: нельзя было покидать Генриха в таком состоянии, нужно было придумать ему какое-то срочное задание по расследованию катастрофы, только не оставлять его одного с мыслями, что он виновен в гибели товарищей.

— Петр, меня беспокоит Генрих, — сказал Рой. — Пойдем поищем его.

Генрих отыскался легко, он был у себя: ходил взад и вперед по небольшой гостиничной комнате и не прекратил нервного хождения, когда вошли брат и Петр, только жестом предложил им усаживаться.

— Генрих, хочу тебя информировать обо всем, что мы узнали, — сказал Рой. — Новостей немного, но кое-какую пищу для размышлений они дают.

Он говорил и вглядывался в молчаливо шагнувшего перед ним брата. Генрих взял себя в руки, это было несомненно. И следов отчаяния, так встревожившего Роя, не было ни в лице, ни в словах. И нервное хождение не выдавало недавнего исступления, Генрих нередко — особенно когда одолевали трудные мысли — пускался в такой комнатный бег. И еще одно стало видно Рою: брат стряхнул с себя так долго владевшую им вялость. Несчастье преобразило его, он снова был собранным, быстрым на мысли: то, что он называл «моя рабочая форма». Именно в таком состоянии он находил свои лучшие идеи. «Слишком поздно», — с печалью подумал Рой.

— Каковы ваши планы? — спросил Генрих, когда Рой закончил.

— Пришли посоветоваться, Генрих.

Генрих обратился к Кэссиди:

— Вы не собираетесь прекратить перевод энергии в ничто? Раньше вы высказывали столько недовольства по этому поводу.

— И сейчас высказываем. Но какое-то время мы еще можем уничтожать наши энергетические запасы.

— Рой, капсула годится для новых зондирований шара?

— Рорик хоть сейчас может запустить ее в работу. — Рой проницательно посмотрел на брата. — Генрих, я должен тебя предупредить — больше никаких экспериментов с пилотами в кабине. Ни один человек не сделает попытки проникнуть в недра шара.

— Это меня устраивает. Хочу продолжить беспилотное зондирование. Капсула внесет в недра шара один небольшой груз.

— Какой груз, Генрих?

— Цветы.

Рой так удивился, что не нашел ответа, Кэссиди, привыкший больше слушать, чем говорить, невольно хмыкнул — таким странным ему показалось предложение. Генрих нахмурился.

— Что вас так ошеломило? Да, цветы, обыкновенные цветы в вазонах — хорошие, в доброй поре. Хочу дознаться, действует ли на растения обстановка в шаре. Как на Виргинии с цветами, Петр?

— Никогда цветами не интересовался. Но оранжерея у нас есть. Отсюда можно заключить, что и цветы имеются.

— Будут тебе цветы, — сказал Рой. — Сам пойду в оранжерею. Но скажи на милость, зачем они понадобились?

Генрих задумался и ответил не сразу:

— Разрешите мне пока помолчать. Одна идея... Без убедительного доказательства она покажется слишком фантастической.

— Цветы сыграют роль убедительного доказательства?

— Надеюсь на это.

Рой поднялся, Кэссиди тоже встал.

— Не будем терять времени, Генрих. Завтра запустим капсулу с самым пышным букетом цветов, какой мне удастся достать.

Рой постарался — набор цветов занял один из столов в салоне. Все, что выращивалось в виргинской оранжерее, было представлено лучшими экземплярами. Рой вызвал брата. Его в комнате не было. На стартовой площадке, где Арутюнян подготавливал капсулу к очередному запуску, Генриха тоже не нашли. Рой отправился в больницу. В прозрачных саркофагах, водруженных на топчаны, покоились останки погибших. Генрих стоял около саркофага Корзунской. Рой увидел в глазах брата то же отчаяние, что и на стартовой площадке. Рою показалось, что Генрих расплещется. Но Генрих сказал почти спокойно:

— Рой, какие изменения ты находишь у Курта и Людмилы?

Рой обошел оба саркофага. Санников изменился мало: врачи выправили гримасу боли, так искажавшую его лицо, он теперь

походил на себя живого, только похудевшего и измученного, словно от долгой болезни. А Корзунская по-прежнему была иной, чем в жизни, Рой не узнал бы ее такую, встретиться они на улице. Не изуродованная, сохранившая прежние изящные очертания, и раньше довольно хрупкая, она теперь казалась девчонкой, только-только выбравшейся из отрочества.

— Оба изменились по-разному, — сказал Рой. — А общее у них то, что они оба уменьшились в размерах. Если бы это не звучало кощунственно, я бы сказал, что оба в смерти как-то помолодели.

— И мне так кажется, — глухо сказал Генрих. Он еще раз глянул на Корзунскую и пошел к выходу.

В салоне Генрих так осматривал цветы, словно искал в них что-то иное, кроме красивого вида и приятного запаха, — поднимал вверх ветки, ощупывал лепестки, проводил пальцами по листьям. Выбор его пал на молодой розовый куст — большинство бутонов недавно распустились, некоторые лишь готовились к цветению. Генрих залюбовался кустом.

— Вот это — в капсулу. Остальные цветы поставьте у саркофагов.

— Ты пойдешь на стартовую площадку? — спросил Рой. — Или на командный пульт?

— Я останусь в салоне. В одиночестве хорошо думается. Не буду наблюдать за операциями, какие вы проводите, а постараюсь вообразить, чем вы заняты. Иногда это дает более правдивую картину.

Говорил он ровно, даже улыбался. Приказ брата — взять себя в руки — он выполнял. Рою захотелось шуткой поддержать его.

— Ты натурфилософ, Генрих. Фигура в двадцать пятом веке довольно странная. Вместо того чтобы экспериментально исследовать загадку, ты доискиваешься ее философской сути. Знаешь анекдот о художниках, которым поручили рисовать осла?

— Я не любитель анекдотов. Особенно когда анекдоты об ослах.

— Ослы в них действуют за экраном. Итак, трем художникам — англичанину, французу и немцу — выдали заказ на портрет осла. Англичанин пошел на конюшню и спокойно срисовал осла. Француз поспешил во дворец, чтобы доведаться, какие ослы всего приятнее фаворитке короля. А немец заперся в кабинете, стараясь мысленно обрисовать себе философское понятие, выражаемое образом осла.

Генрих принужденно засмеялся.

— Вас понял, как говорят на уроках радиосвязи. Ты вроде художника-англичанина, а я философ-немец. Какая-то доля правды в этом есть. Но не очень большая, Рой. Напомню, что ты сейчас будешь проводить эксперимент с цветами, но эксперимент придумал я. Так что и я не чужд экспериментальных конюшен.

Рой шутил не только для того, чтобы подбодрить брата, и уж, во всяком случае, не для того, чтобы поддразнить, хотя в иной обстановке не преминул бы это сделать. Ему не хотелось отпускать Генриха. Брат уединялся, чтобы свободно размышлять, так он сказал. Не превратится ли размышление в новый приступ горя? На людях Генрих сдерживается. Сумеет ли он сдержаться, когда на стереоэкране в затемненном салоне развернется точно такая же картина, которая привела к катастрофе? Но противиться столь явному настроению Генриха Рой не мог.

— Мы придем к тебе по окончании эксперимента. И цветы из капсулы доставим, — пообещал он.

— Как условились, Рой: на минимальной подаче держите капсулу всего несколько мгновений, — напомнил Генрих.

8

Если бы Рой знал, зачем Генрих настаивал на одиночестве, ему стало бы спокойнее. «Пора отчаяния прошла: случившегося не поправить», — так сказал себе Генрих, когда метался в гостиничной комнатухе. Он весь ушел в трудное размышление; постороннее — люди, разговоры, вызовы — отвлекало. Он развивал странную мысль, длинную мысль; она была похожа на сюжетную историю, возникавшую сразу со всеми картинными деталями и скачком перебрасывающуюся от главы к главе. Так бывало и раньше, когда монотонно воспроизводимые измерения утомляли Генриха. Среди диковинных гипотез, прихотливо вспыхивающих в мозгу, Генрих всегда ориентировался свободнее, чем в столбцах цифр. В цифрах разберется машина, это дело компьютера, — не раз защищался он от нападков брата; цифры имеют лишь ту ценность, что опровергают или подтверждают идеи. Они и наводят на идеи, доказывал Рой. Генрих огрызался: если тебя наводят, возись с ними. Рой мог ворчать сколько угодно, превратить брата в исправного лаборанта он был бессилён: экспериментальная точность, экспериментальное изящество, так восхищавшее Роя, оставляли Генриха равнодушным.

Генрих включил стереоэкран. Покоясь в удобном кресле — не в модном силовом, как на Земле, а старого типа, из дерева, тканей и металла, — Генрих вглядывался в пейзаж, много раз виденный, но видел не только его. Рой показывал пылевое облако, сигарообразную капсулу, медленно исчезающую в пылевой завесе, но то была одна картина, в мозгу была и вторая, независимая, не показываемая операторами. В черной пустоте космоса, среди льдинок далеких звезд недвижно висел странный шарик; он временами менял окраску: то был совершенно синий, то красный, потом зеленый, сейчас выглядел голубоватым; голубизна бледнела, словно выцветая, в ней была зелень, начинало теплиться золото, это были как бы побежалые цвета, но не мчавшиеся торопливо сменить друг друга, а выраставшие один из другого. И, тускло просвечивая сквозь наружные краски, в шаре сновали темные расплывчатые фигуры, не тела, скорее, силуэты, нечто призрачное, нечто из иного мира, не космической материи — капсула много раз углублялась в шар и ни разу реально не натапливалась на привидения, они вещественно не существовали, они были изображениями, как и картинки на стереоэкранах: яблоко на рисунке тоже не схватить рукой, не укусить зубом.

— Вздор, — вслух сказал Генрих, — за экранным образом яблока стоит реальное яблоко, оно и породило изображение. А что стоит за силуэтами на виргинских экранах?

Рой вел капсулу в центр шара, Генрих следил, как сигарообразный аппарат скользит в неизвестном веществе, словно торпеда в воде, и снова видел то, чего на экране не было — меняющие свою форму неторопливо-подвижные силуэты. Он закрыл глаза, так было лучше видеть. Погибшему юноше Курту Санникову вообразилось, что внутри шара открытые ворота в неведомые подспудные миры, поглощающие нашу энергию. Нет, что за нелепая картина: вампир, присосавшийся к человечеству, неистово жадный рот, возникший вдруг в космической пустоте! Куда приятнее вера звездопроходцев, что они, ухватив за собой иноземный корабль, ведут за собой на силовом аркане плененных незнакомцев. Нехорошие для межзвездного контакта словечки — «ухватили», «ведут на аркане», «плененные незнакомцы». Слова нехорошие, а точные: если и существуют эти незнакомцы из иных миров, то в контакт пока не вступают, их принуждают к контакту — и безрезультатно. Не хотят или не могут? Сколько дней он ломает голову над этой тайной! Может, прав Санников: никаких незнакомцев нет, нашли неизвестное до того, удивительнейшее астрофизическое явление — и все тут! Нет,

не все, не все! Почему тогда погибли Санников и Людмила? Никуда они не провалились, остались в нашем космосе, но остались иными, чем были, — мертвыми, непонятно преобразенными. Ошибался Курт Санников, милый юный космолог, так нелепо, так непредвиденно погибший. Истинно другое — та странная мысль, что впервые возникла у него, Генриха, когда он рассматривал два мертвых тела.

Генрих откинулся в кресле, что-то бормотал вслух. Размышление не шло. Мысль расплывалась, превращалась в грезу, в красочный полубред. Он уже не покоился в удобном кресле, не смотрел на экран, где в центре шара замерла капсула, — он был одним из тех силуэтов, мимо которых проскользил, не обнаруживая их, зондирующий снаряд: он был мыслящим существом, диковинным существом, он корчился от боли жить не в своем мире. На все стороны простиралась бесконечная вселенная, миллиарды световых лет черной пустоты с зернышками взвешенных в ней светил — и пустота была чужой, и скопления звезд чужими. Это был не его мир, его вырвали в него взрывом — произошла катастрофа, он оказался в горниле чудовищного разрыва пространства и времени. И теперь он чужестранец в незнакомой стране, слепой в мире красок, безногий на шляху, безрукий в воде. И он не тонул, он даже потонуть не мог, это был не его мир — в нем не было простора для жизни, не было возможности смерти, и жизнь, и смерть были привилегиями существ этого мира, он не принадлежал к ним. Он мчался в чужой вселенной, не соприкасаясь с ней, был ей потусторонен — навечно, всецело отстранен от ее предметов и существ: одиночество, равное бесконечности. Печаль томила его — безнадежная, непостижимо величавая, самое сверхчеловеческое из человеческих чувств.

Генрих положил руку на сердце, так вдруг стало больно. В салоне из невидимых калориферов струился напоенный влагой и ароматами воздух — воздуха не хватало. Генрих задыхался, его душила вдруг познанная безмерность одиночества. Воздух не насыщал, словно и он был чужим.

— Чертовщина! — нервно сказал Генрих вслух и, вскочив, взволнованно прошелся по салону.

В салон вошли Рой и Кэссиди.

— Эксперимент закончен, Рорик спустя несколько минут доставит сюда твой розовый куст, — сказал Рой. — Знаешь, как проходило понижение подачи энергии?

— На малых подачах снова появилось торможение? Я его ожидал.

Рой переглянулся с Кэссиди.

— А какие изменения ты ожидаешь в розовом кусте, Генрих?

— Думаю, вазон не изменится. А цветы погибнут. И странно погибнут: не завянут, а распадутся в труху, втянутся в себя.

Вошедший Арутюнян поставил на стол вазон с розовым кустом. Распустившиеся розы уменьшились и сжались, они казались скорее вялыми бутонами, чем недавними роскошными цветками.

— Нет, друзья, нет, — сказал Генрих, когда Рой, Кэссиди и Арутюнян, оторвавшись от роз, расселись в кресла. — Не ждите от меня обстоятельной теории. Ничего в таком роде не будет. Я хочу изложить одну гипотезу, скорее даже фантазию, чем гипотезу. И начну с того, что установлю некоторые исходные пункты. Если они ошибочны, то и моя гипотеза неверна. А если верны, то...

— То и твоя гипотеза верна, ты это хочешь сказать?

— Почему ты всегда считаешь меня примитивнее, чем я есть, Рой? Я хочу сказать, что если предпосылки верны, то моя гипотеза становится одной из возможных, и следует проанализировать ее вероятность.

Генрих остановился, ожидая реплики. Никто из слушателей не отозвался. Генрих продолжал:

— Итак, исходные пункты. Первое: шар появился в космическом пространстве при коллапсе звезды. Второе: он вырвался прямоухонько из того ада, каким стал центр звезды в считанные секунды. Третье: при коллапсе звезды, превратившейся в «черную дыру», деформируется не только пространство, но и время. Таковы мои исходные пункты. Считаете ли вы их правильными?

— Все три пункта — правильны, — подтвердил Кэссиди. — Но ведь в них не содержится ничего нового.

— Новое привнесет в них моя фантазия. Допустим, что — кроме нашего — существует еще и другой материальный мир. Например, столько говорили о звездах, о целых галактиках из антивещества. Мы пока их не встречали, но возможность антимира никто оспаривать не будет, ведь так? Так вот, представим необычный мир, существующий рядом с нашим космическим, но отличающийся одной чертой — у него иное течение времени.

— Иное течение времени? — разом воскликнули Рой и Кэссиди. Арутюнян только изобразил на лице удивление.

— Да, иное течение времени. Под каким-то углом, может быть, даже перпендикулярное нашему. Миры с разным временем не

стыкуются, один не может перейти в другой. Мы с вами ведь не можем встретиться с Юлием Цезарем или Аристотелем, хотя и обитаем в одном с ними физическом времени: мы в разных точках этого единого времени. А если бы время было еще и физически разным по течению своему — ведь тогда невозможность встречи, немыслимость соприсутствия в пространстве стала еще очевиднее. Но времена разного течения могут один раз пересекаться, как пересекаются непараллельные линии. И только одна физическая возможность дается в космосе, чтобы мир одного времени мог проникнуть в мир времени иного.

— Ты подразумеваешь коллапс звезды, Генрих? — спросил Кэссиди.

— Именно это, Петр. При катастрофическом антивзрыве светила не только вещество невообразимо плотно сжимается, но столь же невообразимо плотно сжимается и время. Оно становится внеисторичным, внефизичным, оно, собственно, здесь, в точке чудовищного сгущения массы, уже вовсе не время, а некая всевременность, некое слияние в одно месиво всего прошедшего со всем будущим. Представьте себе теперь, что в мире иного времени развилась разумная цивилизация с очень высоким техническим уровнем, скажем, такая, как мы, возможно, будем через десять или сто тысяч лет. И цивилизация эта дозналась, что существует иновременный мир (наш космос) и что проникнуть в него можно лишь в точке, где коллапсирует одна из наших звезд, — а в каждой галактике ежегодно схлопывается какое-нибудь светило, «черных дыр» везде полно, так что ворот из своего мира в другой хватает. И вот, подчиняясь главному свойству всякого разума — пытливости, — эта иноцивилизация захотела проникнуть в наш космос, чтобы завязать контакт с другими разумными цивилизациями, если они повстречаются. Выбрать местечко, где готовится рухнуть в собственные свои недра какое-нибудь светило, для иноцивилизации при ее техническом развитии труда не составляет.

— И случайно около таких раскрывшихся в иномир ворот оказался и мой «Протей», — продолжил Кэссиди мысль Генриха. — И мы притащили на буксирных полях разведочный корабль иномирян? Что ж, это соответствует нашим прежним предположениям. Мы ведь с самого начала думали, что имеем дело с кораблем, а не с мертвым телом.

— Генрих, твоя концепция порождает добрый десяток трудных вопросов, — сказал Рой.

— Тысячу, Рой, тысячу вопросов, а не десяток. Называй их, попытаемся найти ответы.

— Буду удовлетворен, если дашь ответы хоть на пяток из тысячи. Итак, корабль и внутри него разумные существа. Почему же они не дают о себе знать? Почему нет контакта?

— Они не в нашем времени, Рой. Они нам иновременны. Не требуешь же ты контакта с фараоном Эхнатоном, хотя он в едином с нами времени, только в другой его точке. Возможно, странные силуэты, возникающие в шаре при усиленной подаче энергии, и являются попытками иновременников дать о себе знать в наших оптических образах.

— Хорошо, соглашаюсь, — иновременники. Но ведь и сам шар, примчавшийся из иного мира, тоже иновременен. А мы его видим, он физически присутствует в нашем мире.

— Он из тех же материальных частиц, что и космические тела. И хоть время, в котором находится вещество корабля, иное, но оно в нем течет так медленно, что какой-то интервал нашего времени, раз уж корабль попал в него, он может существовать. Возьми кусок гранита. Не один миллион лет должен пройти, чтобы он изменился. Чем больше срок существования предмета, тем больше он может пробыть в чужом времени, не исчезая из него.

— Малым сроком существования ты и объясняешь гибель друзей?

— Да, Рой. Все дело было в подаче энергии в шар. Она предохраняла капсулу от подчинения местному времени. А когда подача упала до нуля, капсула попала во власть иновременных процессов. На мертвом материале капсулы это сказалось мало, а хрупкая биологическая ткань не вынесла. Жизнь — процесс краткосрочный. И судя по характеру изменений в телах наших погибших друзей, собственное время шара убыстрено сравнительно с течением космического времени и направлено в обратную сторону, может быть, и не строго обратно, а под углом, но назад. Большая скорость времени объясняет быстроту гибели. Иное направление объясняет, почему за короткий срок существования в чужом времени развитие шло назад. И Курт, и Людмила как бы возвращались в детство, они, погибая, молодели.

— Для проверки обратного хода времени ты и придумал эксперимент с цветами?

— Растение — тоже жизнь, Рой. И продолжительность существования цветка несравнима с продолжительностью существования камня или металла. Эксперимент с цветами должен был дать

ответ на два вопроса: верно ли, что внутри шара иновременность, и верно ли, что собственное время шара имеет по сравнению с нашим обратный ход. На оба даны утвердительные ответы.

— Но убедительные ли? Ибо появляются новые вопросы. Один из них — почему в момент, когда капсула попадает под действие того, что ты называешь иновременем, возникает торможение? Ведь торможение в этом случае означает, что кто-то или что-то старается предотвратить гибель наших друзей и цветов.

— Рой, ты коснулся самого важного и самого трудного пункта. И четкой постановкой вопроса даешь на него столь же четкий ответ. Да, именно это — существа иновременного мира стремились предотвратить гибель наших друзей и растений, ибо понимали, что биологическая ткань не способна вынести переориентацию времени. Здесь моя гипотеза стыкуется с почти фантастическими идеями, не знаю, как и подойти к ним...

— Подходи любым способом: мы уже столько наслушались фантастического и столько в экспериментах с шаром навидались фантастики, что можем без ошеломления принять еще парочку ошеломляющих идей.

Генрих некоторое время собирался с мыслями. Еще на Земле сформулировали основную проблему — куда девается вводимая в шар энергия? Свою попытку разъяснить это сделал Курт Санников. Он, Генрих, предлагает иное решение. Шар — разведочный корабль, проникший в космос через туннель времени, созданный антивзрывом звезды. Возможно, некоторый срок продержавшись в нашем времени, разведочный корабль без помех возвратился бы в свое время. Аналогия примерно такая: чтобы взлететь вверх на Земле, нужен мощный толчок, а для падения обратно толчка не понадобится — достаточно исчерпать начальную энергию подъема. Не исключено, что иновременная цивилизация неоднократно предпринимала подобные проникновения в космос, чтобы ознакомиться с его природой. Но получилось так, что на траектории вылета разведочного корабля оказался наш звездолет «Протей». Звездолет энергично ухватил чужой корабль своими силовыми полями. Иновременники могли скрыться в свое время, вряд ли это составило бы чрезмерную трудность. Но — пытливые, жаждущие прикоснуться к неведомому, настоящие исследователи и разведчики — они воспользовались энергией звездолета, а потом и заводов Виргинии для смелой попытки — вывернуть свое время на время космическое. Вот куда девается энергия наших генераторов: при ее помощи меняют течение времени шара, иновремен-

ники хотят стать современниками, больше чем современниками — нашевременниками, космовеременниками. Неизвестно, как далеко они продвинулись в своей попытке, но намерение ясно: стать существами нашего тока времени, выйти к нам не только разведчиками — друзьями.

— Не заносись, Генрих, — предупредил Рой.

— Друзьями! — с силой повторил Генрих. — Настаиваю на этом, Рой. Разве при уменьшении подачи энергии они не тратят вещество своего корабля, чтобы поддержать выкривление времени? Вот почему его размеры при этом уменьшаются. Разве они не пытались предотвратить гибель жизни, уловленной в капсуле: торможение, обнаруженное Роем, свидетельствует, что они пытались донести до нас весть об опасности. Я верю в их разум и в их доброту, друзья мои!

Наступившее молчание прервал Рой:

— Петр, твое мнение обо всем этом?

— Гипотеза Генриха вызывает во мне двойственное чувство, — задумчиво отвечал Кэссиди. — Она, если верна, порождает радость и печаль. Радость, что мы повстречались с цивилизацией высокого технического и духовного уровня. И печаль, что настоящего знакомства не произойдет, ибо мы не можем долго тратить запасы активного вещества, Земля предупредила, что лимиты его не увеличит.

— Тогда шар вскоре выпадет из нашего времени. Он расплывется, станет призрачным, потом исчезнет, — сказал Генрих. — Прыжок над бездной чужого времени не удастся. Как не удался он нашим погибшим друзьям...

— Вряд ли шар возвратится в свое время, — педантично поправил Рой. — Время его мира тоже течет, пока он обретается с нами в космосе. И, согласно твоей гипотезе, течет быстрее космического. Стало быть, шар угодит или в будущее, или в прошедшее своего времени — если ток времени у них обратный по сравнению с нашим. Так что прыжок над бездной удастся, но не над бездной, разделяющей наше и их время, а над бездной между будущим и прошедшим их собственного мира. — Рой встал. — Не будем терять времени, друзья. Нам троим — мне, Генриху и Рорику — нужно срочно возвращаться на Землю. Это важно для дела.

— Для какого дела, Рой? — с удивлением спросил Кэссиди.

— Того самого, для которого мы прибыли на Виргинию. Неужели оставим на полусвершении знакомство с иновременной цивилизацией? Нужно информировать Землю о всех возможностях

и обо всех трудностях, пусть там решат, выделять ли сверхлимитное активное вещество или не выделять. В старину говорили: овчинка стоит выделки.

— Не стоит выделки, говорили в старину, — сказал Петр, улыбаясь.

— В данном случае — стоит. Генрих и Рорик, идемте в гостиницу, будем собираться в обратный путь.

В гостинице Рой обратил внимание на сумрачный вид брата.

— Неужели не хочешь возвратиться на Землю? — спросил он. — Ты предложил замечательную гипотезу. Если она подтвердится, совершится одно из крупнейших открытий нашего времени. Или ты не веришь, что нам предоставят такую возможность?

— Не в том дело, Рой, я хочу вернуться домой — и боюсь...

— Чего боишься?

— Как мне смотреть в глаза Андрею? — грустно сказал Генрих. — Я сказал: «Возвращу тебе невесту в добром здравии и хорошем расположении духа». И возвращаю — саркофаг!

УМЕРШИЕ ЖИВУТ

1

Петр потерял нить спора: Рой и Генрих спорили всегда. В мире не было явления, которое братья оценили бы одинаково. Если один говорил: «Да», другой сразу же откликался: «Нет». Даже по виду они были не разные, а противоположные. Рой — два метра тридцать, голубоглазый, белокурый — был так обстоятелен, что отвечал речами на реплики. Генрих — всего метр девяносто восемь, черноволосый, непоседливый — даже на научных совещаниях ограничивался репликами вместо речей. Словоохотливость Роя раздражала Генриха, он насмехался над стремлением брата не упустить ни одной мелочи. Исследования по расшифровке слабых излучений человеческого мозга, уловленных приборами в межзвездном пространстве, они выполняли совместно. Еще когда Генрих заканчивал школу — Рой был на семь лет старше, — братья стали работать вместе и с той поры не разлучались ни на день. Достаточно было одному чем-либо заинтересоваться, как другой тотчас загорался этим же. Трудно было найти столь же близких друзей, как эти два человека.

— Ты не желаешь слушать! — упрекнул Генрих Петра.

— ...и потому надо переработать огромный фактический материал, фиксируя сразу десятки и тысячи объектов, — невозмутимо продолжал Рой какой-то сложно задуманный аргумент.

— Тумба! — с досадой продолжал Генрих. — Даже тумба — и та внимательнее тебя, Петр.

— ...а на основе проделанного затем подсчета и отбора наиболее благоприятных случаев...

— Я отвлекся, — сказал Петр с раскаянием.

— ...учитывая, конечно, индивидуальные особенности каждого объекта, ибо на расстояниях в сотни светолет искажения неизбежны, и, кроме общей для всех характеристики, они будут пронизаны своими неповторимыми особенностями...

— Твое мнение? — потребовал Генрих.

— У меня его нет, — сказал Петр. — Я наблюдатель, а не судья.

— ...вывести общее правило поиска и применить его к расшифровке других объектов, которые, в свою очередь...

Генрих вскочил:

— Выводи общие правила, а я начну, как все люди, с самого простого.

Генрих вышел, хлопнув дверью. Рой замолчал, не закончив фразы. Петр засмеялся. Рой с укором посмотрел на него.

— Неужели вы рассчитывали, что с первого испытания все пойдет как по маслу? — спросил Петр.

— Вторая неделя, как механизмы запущены, — пожаловался Рой, — и ни одной отчетливой картины!

Петр сочувственно посмотрел на него. Братьям, конечно, не до веселья.

Сверхсветовые волны пространства, в считанные минуты уносясь за Сириус и Капеллу, фиксировали множество сфер излучения, удалявшихся от Земли, но расшифровать их не удавалось. На экране порой вспыхивало что-то туманное, нельзя было разобраться, где лица, а где деревья, где животные, а где здания, — посторонние шумы забивали голоса.

— Вы сумели разрешить самое важное: волны пространства оконтуривают все уносящиеся мозговые излучения, — сказал Петр. — Доказано, что человек оставляет после себя вечный памятник своей жизни. А что буквы на памятнике так сложны...

— На Земле уже двести лет отлично расшифровывают излучения мозга, — возразил Рой. — Но что это может оказаться так трудно по отношению к волнам, давно путешествующим в космосе...

— Вот-вот! А теперь вы тщательно разберетесь в помехах и найдете способы преодолеть их.

В комнату вошел взволнованный Генрих.

— Все механизмы уже переведены на мою систему поиска, Рой! Советую тебе убедиться, что ничего от твоих предложений в программах не сохранено.

— Если все собрано точно по твоей схеме, то не сомневаюсь в провале. — Рой вышел.

— Устал! — сказал Генрих, опускаясь в кресло. — Две недели почти без сна... Тошнит от мысли о восстановительном душе. Рой обожает душ. А терять часы на сон жалко! Как вы обходились в своей дальней дороге?

— Мы спали, Генрих. У нас тоже имелся радиационный душ, и мы порой, особенно за Альдебараном, прибегали к нему. Но любить его — нет, это противоестественно! Когда была возможность, мы спали обычным замечательным земным сном.

— Я посплю, — пробормотал Генрих, закрывая глаза. — Минут десяток...

— Только не сейчас!.. — Петр потряс Генриха за плечо. — Когда вы запальчиво спорите, я никого из вас не понимаю. Объясни, пока Роя нет, чем твоя схема отличается от его.

— Схема? — сказал Генрих, открывая глаза. — У Роя нет схем. Рой педант.

Генрих вскочил и зашагал по комнате. Если приходилось объяснять, ему легче это было делать на ходу.

Петр, наконец, уяснил себе, что Рой настаивает на фиксации всех излучений мозга, обнаруженных в галактическом пространстве, а после изучения того, что объединяет их, хочет искать индивидуальную расшифровку. Генрих же предлагает, чтобы поиск начали с излучений выдающейся интенсивности, с резкой индивидуализацией — горных пиков своеобразия на плоской равнине схожестей.

— Во все времена существовали люди с особо мощной работой мозга. Пойми меня правильно, Петр, я не о признанных титанах умственных усилий... Нет, обычные люди, может, неграмотные мужики, а может, и гении, не зарекаюсь, — те, у кого мозг генерировал особо мощно...

— Мне кажется, резон в твоих рассуждениях есть.

— Скажи это Рою! Обязательно скажи!

Генрих снова опустился в кресло. Рой все не появлялся, и Петр осторожно спросил Генриха:

— Рой намекнул, что у тебя есть какие-то личные причины заниматься этой работой... Извини, если вторгся в интимное...

— Я не скрываю. Ты слыхал об Альбине?

— Знаю, что она была твоей невестой.

— И больше ничего?

— Я был в командировке на Прочионе, когда она погибла при катастрофе с планетолетом. Нас всех потрясло это известие. Очаровательная, очень красивая женщина.

— К тому же — редкая умница... Гибель ее... в общем, я думал о ней ежеминутно, говорил с ней во сне и наяву. Мне захотелось возвратиться в ее жизнь, увидеть ее девочкой, подростком, девушкой... Так явилась мысль заняться волнами мозга, излученными в пространство. Механизмы разрабатывал Рой.

— А то, ради чего ты начал работу?

— С Альбиной пока не получается... Радиосфера ее мозга не-сется где-то между тридцатью двумя и восемью светогодами. Она умерла восемь лет назад, двадцати четырех лет от роду. Но на таком близком расстоянии — дикий хаос мозговых излучений. Слишком уж интенсивно думают наши дорогие современники...

В комнату быстро вошел Рой.

— В восьмистах пятидесяти светогодах от Земли, за Ригелем и Бетельгейзе, приемники зафиксировали мощное излучение мозга! Идемте смотреть.

2

На стереозэкране вначале прыгали цветные блики, световорот крутящихся вспышек накладывался на круговорот предметов. Потом в хаосе внезапно наступил порядок. На экране выступили цифры, знаки и буквы, они выстраивались цифра за цифрой, буква за буквой, знак за знаком.

— Формулы! — воскликнул Генрих.

— Формулы! — подтвердил Петр. — Стариннейший способ, начало алгебры. Сколько помню, такие формулы применялись на заре науки.

— Похоже, мы уловили мыслительную работу какого-то математика, — сказал через минуту Генрих. — Рой, ты все знаешь. Какие математики были в ту эпоху?

Расшифрованное излучение походило на доказательство теоремы. Неизвестный математик рассчитывал варианты, принимал одни, отвергал другие: некоторые буквы исчезали, словно стертые, другие выступали отчетливей — доказательство шло от посылок к следствиям.

— Нет, какая мощная мыслительная работа! — снова не выдержал Генрих. — Этот парень так погружен в вычисления, что не видит ни одного окружающего предме... Что это?

На экране возникло изображение старинной улицы — кривая, круто уходящая вверх мостовая, трехэтажные красные дома с балкончиками и флюгерами, в отдалении — крестьянская телега,

запряженная быком. По улице шел толстый человек в берете и темном плаще, из-под плаща выступал кружевной воротник. У человека было обрюзгшее лицо, под глазами багровые мешки, губы зло кривились. В руке он держал суковатую палку.

— Вы так задумались, господин советник Ферма, что не видите, как наталкиваетесь на прохожих, — сказал человек в берете и стукнул палкой по булыжнику. Голос у него был под стать лицу — хриплый, сварливый. — Скажите спасибо, что столкнулись со мной, а не со стеной, а не то у вас появилась бы на лбу преогромнейшая шишка!

С экрана зазвучал другой голос, растерянный и добрый:

— Простите, господин президент парламента, я временами бываю... Поверьте, я очень смущен!..

— Рад за вас, что вы смущены своей бестактностью, Ферма, — продолжал человек в кружевном воротнике. — И что вы временами «бываете», я тоже знаю. Весь вопрос, где вы бываете. Бывать на службе вы не имеете времени. Ну-с, я слушаю. О чем вы размышляли?

— У меня сегодня счастливый день, господин президент. Я наконец осуществил давно задуманное!

— Вот как, счастливый день? Осуществили задуманное? А что вас так обрадовало, Ферма? Неужели вы задумали разобраться наконец в том ворохе дел, что накопился у вас в ратуше, и осуществили задуманное? Неужели теперь никто не будет тыкать в вас пальцем как в лентяя? Ферма, может быть, вы задумали взяться за ум, как этого требует ваше благородное происхождение и незаурядные знания, а также общие пожелания граждан нашего города, и осуществили это? О, если это так, Ферма, я вместе с вами воскликну: «Да, он имеет право быть счастливым!» Что же вы опустили голову?

— Господин президент... Я сегодня нашел доказательство одной замечательной теоремы, и какое доказательство!

Толстяк взял за локоть невидимого на экране Ферма.

— Сделаем шаг в сторону, господин советник. Вот цирюльня нашего уважаемого Пелисье, вот его реклама — уличное зеркало. Вглядитесь в зеркало, Ферма, и скажите, что вы видите?

— Станный вопрос, господин президент! Я вижу себя.

Теперь с экрана глядел второй собеседник — худое, удлиненное лицо, высокий, плитою, лоб, резко очерченный нос над крохотными, ниточкой, усиками, черные волнистые — свои, а не накладные — волосы, белый, платком, льняной воротничок.

— Я видел его портрет в музее, — прошептал Генрих. — Как похож!

— Какие лучистые глаза! — отозвался Петр. — И какое благородство и доброта в лице!

— Вы мешаете слушать! — пробормотал Рой. — Глаза как глаза — глядят!

А люди на экране продолжали беседу.

— Я скажу вам, что вы увидели в зеркале, Ферма. Вы увидели удивительного мужчину — не добившегося положения в обществе, теряющего любовь невесты, уважение окружающих... Вот кого вы увидели, Ферма! И после этого не твердите мне о дурацких доказательствах каких-то дурацких теорем. Я друг вам и как друг говорю: вы конченный человек, Ферма! Вся Тулуза издевается над вами! Арифметикой Диофанта в наше время не завоевать ни денег, ни положения, ни любви. Оставьте это старье древним грекам, которые находили в цифрах и чертежах противоестественное наслаждение, и станьте наконец вровень с веком. До свиданья, Ферма!

— Одну минуточку, господин президент!.. Я ведь шел к вам, чтобы... Я третий месяц не получаю жалованья, господин президент!

Толстяк снова стукнул тростью о булыжник.

— И еще три месяца не получите! Жалованье! Вас не за что жаловать. Подумайте над моими словами, Ферма.

Толстяк медленно поднимался по крутой улице, а дома стояли неподвижно. Потом дома пришли в движение, теперь улица опускалась. Дома уходили вверх, их сменяли новые — Ферма шел вниз. Улица стала тускнеть, сквозь кирпич стен и булыжник мостовой проступили буквы и знаки — мозг Ферма снова заполнили формулы. Вскоре от внешнего мира не осталось и силуэтов — на экране светило лишь сызнова повторяемое вычисление.

А потом сквозь математические знаки проступила заставленная вещами комната — картины и гобелены на стенах, высокие резные шкафы по углам. В сумрачной комнате, освещенной одним узким окном, всюду виднелись книги — заваливали диван, возвышались горками на полу. Одна, огромная, в кожаном переплете, лежала на столике — на экране руки Ферма перелистывали страницы фолианта.

На пороге комнаты стояла старуха в чепце.

— Отвлекитесь от Диофанта, господин Ферма, — говорила старуха. — Удалось вам достать хоть немного денег? У меня не на что покупать провизию, господин Ферма. Вы меня слышите?

— Слышу, слышу, дорогая Элоиза, — донесся с экрана торопливый голос Ферма. — Я слышу тебя самым отличным... Что ты хочешь от меня?

— Я хочу вас накормить, а на это нужны деньги.

— К несчастью, Элоиза, поход был неудачен. Президент пригрозил, что не будет платить еще три месяца.

— Боже, что вы говорите! Еще три месяца без жалованья!

— Пустяки, Элоиза! Всего девяносто один день. Продай что-нибудь, и мы отлично проведем эти три месяца.

— А что продать? Самое ценное у вас — книги, но вы не разрешаете даже пыль с них стирать.

— И не разрешу, Элоиза! Книги святей икон.

— Не кошунствуйте! Может, продать шкаф?

— Правильно! На что нам так много шкафов?

— А куда вы будете класть свои книги? Я лучше предложу старьевщику господину Пежо наши гобелены.

— Ты умница, Элоиза! Гобелены давно мне надоели. Сейчас я их сниму со стен.

— Пойдите, господин Ферма! Я вспомнила, что они закрывают места, где отлетела штукатурка. Лучше шкафы!

— Вот видишь, я первый сказал о шкафах. Зови Пежо, а пока, пожалуйста, оставь меня. У меня важное вычисление.

— У вас всегда важные вычисления. Я должна сказать еще кое-что.

— Говори, только поскорее.

— Вчера у Мари был день ангела. Вы забыли об этом?

— Что? Я забыл о дне ангела своей дорогой невесты? Как у тебя язык повернулся сказать такое! Неразумная Элоиза! Да я вчера только о Мари и думал! Весь день думал о ней.

— И не пошли ее поздравить! Вас пригласили к ней, но вы не явились.

— Ах, черт! Правильно, не пошел... Потому что именно вчера мне явилась великолепная идея, и я сразу сел ее разрабатывать. Поздравь меня, Элоиза, я добился необыкновенного успеха!

— Все ваши успехи в арифметике не помогут мне сварить даже постного супа. И они не восстановят потерянных надежд на устройство семьи!

— Что ты каркаешь? Какие потерянные надежды?

— Я так хотела вашего счастья, я так любила Мари!..

— Элоиза, твои слезы разрывают мне сердце! Вытри глаза! Ты сказала что-то странное о Мари, я не понял.

— Она недавно приходила, ваша Мари. И она сказала, что по настоянию родителей и по решению своего сердца освобождает вас от вашего обещания... Она раздумала связывать свою жизнь с вашей... Что с вами, господин Ферма?

— Ты что-то спросила, Элоиза? Нет, я...

— Что вы собираетесь делать?

— А что я могу?.. Если вдуматься... Правда, я люблю ее... Но еще не было на свете женщин, которые довольствовались бы одной любовью!

— Много вы знаете о женщинах! Вы свою арифметику знаете, а не женщин. Слушайте меня, господин Ферма. Мари от нас ушла к вечерне. Вечерня кончается через час. Идите к собору, объяснитесь с ней. Дайте обещание зажить по-иному. Она любит вас, поверьте старухе!

— Это, пожалуй... Пообещать с завтрашнего дня зажить по-другому!.. Элоиза, ты возвращаешь меня к жизни! Так ты говоришь, вечерня кончается через час?

— Ровно через час, не опоздайте! А я пойду упрашивать господина Пежо раскошелиться на один из ваших шкафов.

Вещи пришли в движение, они перемещались — хозяин комнаты метался из угла в угол. Постепенно вещи стали замирать, а на экране, пока еще туманные, проступали математические знаки.

Теперь весь экран занимала книга, тот фолиант, что лежал на столе. Ферма перелистывал пергаментные страницы, потом схватил перо и пододвинул бумагу. Знаки и числа теснились друг к другу. Ферма заносил на бумагу вычисление, неотступно стоявшее в его мозгу. Только раз он отвлекся и, посмотрев на стенные часы, сказал:

— Я что-то должен был сделать? Ладно, придет Элоиза...

А затем, доведя вычисление до конца, он снова обратился к фолианту и торопливо, брызгая чернилами, стал писать на его полях. Это было уже не вычисление, а излияние. Ферма перекликался с великим математиком древности, умершим за полторы тысячи лет до него. Ферма сообщал ему и миру о событиях сегодняшнего дня.

«Я нашел поистине удивительное доказательство этой теоремы, — записывал он и читал вслух свои записи, — но поля Диофанта слишком малы, и оно не уместится на них...»

Он взял листочек с вычислением, минуту любовался им — весь экран закрыли знаки, буквы и числа — и, свернув листочек, вложил его между страницами Диофанта. На экране появилось

его лицо. Ферма подошел к зеркалу. В зеркале засияли огромные, чуть выпуклые, очень добрые глаза, они смеялись, все лицо смеялось.

— Ты счастливый человек, Пьер! — торжественно сказал Ферма. — Какой день! Нет, какой благословенный день! Я скажу тебе по чести, Пьер: вся прожитая тобой жизнь не стоит одного этого необыкновенного, этого восхитительного дня! Говорю тебе, истинно говорю тебе — нет сегодня счастливей тебя в целом мире!

Радость так и лучилась из Ферма, и потомки, через восемьсот пятьдесят лет ставшие свидетелями его торжества, радовались вместе с ним. А потом излучения мозга Ферма стали забиваться другими — на экране заплясали световые блики.

— Каково? — с торжеством сказал Генрих.

— Согласен, кое-что твоя схема дает, — признал Рой. — Но случай с Ферма пока единичен.

— Мы, очевидно, присутствовали при создании того знаменитого доказательства великой теоремы Ферма, которое впоследствии утеряли и которое, сколько помню, не сумели восстановить соединённые усилия математиков мира в течение многих столетий, — сказал Петр.

— Я наведу справку, доказана ли уже теорема Ферма! — крикнул Генрих и скрылся.

— Думаю, все записанное Ферма на том клочке бумаги будет теперь восстановлено полностью, — заметил Рой. Генрих вернулся сияющий.

— Нет! До сих пор — нет! Почти девять столетий протекло с того дня, и человечество не сумело повторить его удивительное доказательство! Естественно, что он так радовался! Но вот что интересно: работы Ферма после его смерти издал его сын Самюэль. Очевидно, Ферма все-таки женился.

— Не каждый день он доказывал по великой теореме, — возразил Рой. — Нашлись свободные часы и для невесты. Важно другое: в тот знаменательный день мозг Ферма работал с такой интенсивностью, что далеко обогнал среднюю интенсивность мозга людей его поколения. Даже рассеянно оглядывая свою Тулузу и обстановку комнаты, он сохранил нам яркий рисунок домов и вещей, и лица, и голоса того президента и той старушки Эло...

На экране вспыхнула новая картина. Генрих нетерпеливо сказал:

— Рой, повремени с комментариями! Дешифраторы передали в зал, что на расстоянии в тысячу световых лет от Земли приемники

уловили еще одно излучение мозга такой четкости и силы, что оно сравнительно легко поддается переводу в образы и слова. — Тысячу лет назад! — воскликнул Генрих. — Кто бы это мог быть?

— Твои восторженные крики не лучше моих комментариев, — сказал обиженный Рой.

3

Это была тюремная камера. На полу вповалку лежали заключенные, в квадратик окошка под потолком лился солнечный свет — сноп его не рассеивал, а лишь пронзал полумрак. Фигуры спящих людей, закутанных в рванье, были неразличимо схожи, и лишь один выделялся в сумрачной массе. Этот человек был так же скверно одет, так же скрючился на полу, чуть ли не подтягивал колени к подбородку — над спящими возносился белый парок дыхания, в углах камеры тускло поблескивала наледь, — так же тяжело дышал, сомкнув глаза, так же стонал не то во сне, не то в забытии. И только единственное выделяло его среди товарищей: он выступал в полумраке отчетливо, с такими подробностями, словно кто-то со стороны пристально рассматривал его, все остальное охватывая лишь как фон.

Кого-то неизвестного, чьи мозговые излучения были расшифрованы через тысячу лет, интересовал только один из всех людей, лежащих на полу тюремной камеры, и он всматривался в этого заключенного со скорбью и жалостью.

Человек на полу лежал в стороне от проникшего в камеру солнечного луча, но голова его была освещена так ярко, словно свет падал на нее одну. Достаточно было взгляда на эту странную голову, чтобы выделить ее среди других и запомнить: круглый череп, лишенный волос, круглое безбровое лицо, острый тонкий нос, тонкие губы насмешника, остроконечный подбородок человека безвольного, гигантский лоб мыслителя над маленькими глазами, впалые щеки туберкулезника, окрашенные на скулах кирпичным румянцем. Человек, не открывая глаз и жалко морщась, кашлял и прижимал руку к груди — в груди болело. Так же, по-прежнему не открывая глаз, он внятно — и грустно, и насмешливо — проговорил стихами («перевод с французского на современный международный», — доложили дешифраторы):

А я уже полумертвец,
Покрыт холодным смертным потом
И чую: близок мой конец,
И душит липкая мокрота...

— Послушайте, это он себя рассматривает! — зашептал Генрих. — Он словно бы рассматривает себя со стороны!

— Стихи Франсуа Вийона, — добавил Рой. — Был такой французский поэт, и жил он как раз тысячу лет назад.

На громко произнесенные стихи поднял голову один из лежавших на полу. И сейчас же картина переменялась. Камера сохранилась, но тот, кто читал стихи, пропал, лишь голос его слышался ясно, и все стало таким, как будто происходившее в камере рассматривалось теперь его глазами.

Человек, поднявший голову, был одноглаз и свиреп на вид.

— Плохо тебе, Франсуа? — прохрипел он. — Ну и слабенькое у тебя здоровье!

— Побыл бы ты с полгода в Менских подвалах проклятого епископа д'Оссины Тибо, посмотрел бы я на твое здоровье, Жак! — проворчал человек, читавший стихи. — Вот уж кому не прощу! — Он снова — и неожиданно весело — заговорил стихами:

...церковь нам твердит,
Чтоб мы врагов своих прощали...
Что ж делать! Бог его простит!
Да только я прощу едва ли.

Их разговор заставил приподняться еще нескольких заключенных. Почесываясь и зевая, они приваливались один к другому плечами, чтобы сохранить тепло.

— Черта ему в твоём прощении! — продолжал одноглазый Жак. — Д'Оссины живет в райском дворце, его моления прямо-хонько доставляются ангелами в руки Всевышнему. А тебе доля — светить лысой башкой в камере. Отсюда не то что скромного моления — вопля на улице не услышишь.

— Все же я буду молить и проклинать, друг мой Громила-Жак! — возразил Франсуа. — И если я как следует, с хорошими рифмами, со слезой, не помолюсь за нас за всех, вам же хуже будет, отверженные! Или вы надеетесь, что за вас помолятся кюре и епископы? Святая братия занята жратвой и питьем, им не до вас! Теперь послушайте, как у меня получается моление.

Изменив голос на пронзительно-скорбный, Франсуа не то пропел, не то продекламировал:

О Господи, открой нам двери райа!
Мы жили на земле, в аду сгорая.

В разговор вступил третий заключенный. Этот лежал в углу, где поблескивал на стене лед, — и даже голос его казался промерзшим:

— Зачем тебе молиться, Франсуа? Ровно через двое суток тебя благополучно вздернут на виселице, и ты, освобожденный от земных тягот, взмoeшь на небеса. Побереги пыл для личного объяснения с господом, а в разговоре со Всевышним походатайствуй и за нас. Если, конечно, тебя с виселицы не доставят в лапы Вельзевулу, что вероятней.

На это Вийон насмешливо откликнулся другими стихами:

Я — Франсуа, чсму не рад.
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько вссит этот зад,
Узнает скоро шея.

Камера ответила хохотом.

Теперь проснулись все, и все смеялись. Заключенные глядели с экрана в зал на невидимого Франсуа и гоготали — очевидно, он скорчил очень уж умильную рожу. Лязгнули запоры, и на шум вошел сторож — высокий, как фонарный столб, и такой же худой. В довершение сходства, удлиненная голова напоминала фонарь. На багровом, словно подожденном лице тюремщика топорщились седые усы в локоть длиной. Он с минуту укоризненно разглядывал Вийона.

— Опять шутовские куплетики? — проговорил он неодобрительно. — Разве вас заботливо засадили в лучшую тюрьму Парижа, чтобы вы хохотали? Ах, Франсуа, послезавтра тебе отдавать Богу душу, а ты своим нечестивым весельем отвлекаешь добрых людей от благочестивых мыслей о предстоящей им горькой участи!

С экрана раздался дерзкий голос невидимого Франсуа:

Я не могу писать без шуток,
Иначе впору помереть.

— Именно впору, — подтвердил сторож. — Говорю тебе, послезавтра. По-христиански мне жаль тебя, ибо в аду за тебя возьмутся по-настоящему. Но по-человечески я рад, ибо с твоим уходом тюрьма снова станет хорошей тюрьмой — из того легкомысленного заведения, в которое ты ее превращаешь.

— Послушай, Этьен Гарнье, я согласен, что веду себя в тюрьме не слишком серьезно, — возразил Вийон. — Но ведь вы можете избавиться от меня, не прибегая к виселице. Я не буду возражать, если ты вытолкнешь меня на волю невежливым пинком в зад.

— На волю! — Сторож захохотал. — Из того, что ты мало подходишь для тюрьмы, еще не следует, что тебе будет хорошо на воле. Франсуа, ты должен вскрикивать от ужаса при мысли о воле. Воля на тебя действует плохо, мой мальчик.

— И ты берешься доказать это?

— Разумеется. Я не бакалавр искусств, как ты, но что мое, то мое. И общение с вашим братом, отпетыми, научило меня красноречию. Думаю, мне легко удастся переубедить тебя в трех твоих заблуждениях: в любви к воле, в ненависти к тюрьме и в противоестественном отращивании к виселице.

— Что же, начнем наш диспут, любезный магистр несвободных искусств заточения Этьен Гарнье.

— Начнем, Франсуа. Мой первый тезис таков... Впрочем, надо раньше выбрать судью, чтобы все было, как в Сорбонне!

— Ты считаешь, что тюрьма подобна Сорбонне?

— Она выше, Франсуа. В Сорбонне ты был школяром, сюда явился бакалавром! Школяров мы держим мало, зато магистры и доктора встречаются нередко. И мы кормим своих обитателей, кормим, Франсуа, кормим, а кто вас кормит в Сорбонне?.. Как же насчет судьи?

Камера, сгрудившаяся вокруг Гарнье и Франсуа, дружно загомонила:

— Жака Одноглазого! Жака в судьи!

— Пусть будет Жак! — согласился сторож, и Одноглазый выдвинулся вперед. — Итак, мой первый тезис: воля плохо действует на тебя, Франсуа. Она убивает тебя, друг мой. Тебе тридцать два года, а ты похож на старика. Ты лыс, у тебя выпали зубы, руки дрожат, ноги подгибаются. Ты кашляешь кровью — это от излишеств воли, Франсуа Вийон! Тебя сгубили вино и женщины. Я бы добавил к этому и рифмы, но рифмами ты балуешься и в тюрьме. Чего ты добился, проведя столько лет на воле? Ты имеешь меньше, чем имел в момент, когда явился в этот мир, ибо

растерял здоровье и добрые начала, заложенные в тебя девяти-месячным трудом твоей матери. У тебя нет ни жилья, ни одежды, ни денег, ни еды, ни службы. Что ждет тебя, если ты вырвешься на волю? Голод, одиночество и верная смерть через месяц или даже раньше — мучительная смерть где-нибудь под забором или на лежанке какой-нибудь подружки, приютившей тебя из жалости. Я слушаю тебя, Франсуа.

— Гарнье, жестокий, бестолковый Гарнье, ты даже не подозреваешь, как прав! Все же я опровергну тебя. Да, конечно, я пострадал от излишеств воли, но я знал вволю излишеств! Не всегда, но часто, очень часто я бывал до усталости сыт. Меня любили женщины, Гарнье, тебе этого не понять, тебя никто не любил, ты сам себя не любишь! А друзья? Где еще есть такие верные друзья, как на воле? Кулак за кулак, нож за нож! И я согласен, что, выйдя на волю, через две недели умру. Но что это будут за две недели, Гарнье! Я напьюсь вдоволь вина, нажрусь жирных яств, набегаясь по улочкам Парижа, наплююсь у щедрых на ласку потаскух, пожарюсь у пылающих каминов и позабуду холод твоей камеры — вот что будет со мной в отпущенные на жизнь две недели! Таков мой ответ тебе, Гарнье. А скорой смерти, так щедро обещанной тобой, я не боюсь, нет!..

...судьба одна!

Я видел все — все в мире брешу,
И смерть мне больше не страшна!

— Ты губишь не одно тело, но и душу, Франсуа. Воля иссушает твою заблудшую душу, мой мальчик. А душа важнее тела, поверь мне, я много раз видел, как легко распадается тело. Сохрани свою бедную душу для длинной жизни, Франсуа!

— На это у меня есть готовый ответ:

Легко расстанусь я с душой,
Из глины сделан, стану глиной;
Кто сыт по горло нищетой,
Тот не стремится к жизни длинной!

— Что ж, и тезис убедителен, и возражение неплохо! — объявил Жак Одноглазый. — Будем считать, что ни один не взял верх.

— Слушай теперь мой второй тезис, Франсуа. Ты должен любить, а не ненавидеть тюрьму. Ни дома, ни в монастыре, ни в церкви ты не встретишь такого воистину христианского обраще-

ния, как в тюрьме. Здесь тебя по заслугам ценят и опекают, Франсуа. Тебе предоставили место для сна, а всегда ли ты имел такое место на воле? Тебя регулярно кормят — не жирными каплунами, конечно, но знал ли ты каплунов на воле? За тобой следят, заботятся о твоём здоровье, дают волю спать. А если ты позовешь на помощь, разве немедленно не появлюсь я? Разве наш добрый хирург мосье Бракке не пустит тебе кровь, если ты станешь задыхаться? Тюрьма — единственное место в мире, где не примирятся с твоей болезнью, не допустят твоей преждевременной смерти. Господин судья сказал мне: «Гарнье, Вийон должен своими ногами взойти на эшафот». И можешь поверить, дорогой Франсуа, я недосплю ночей, но не допущу, чтобы болезнь осилила тебя. Такова тюрьма.

— На это я отвечу тебе: прелести воли не потускнели в моих глазах оттого, что ты красноречиво расписал удобства тюрьмы.

— Тезис силен, а возражение неубедительно! — объявил Жак Одноглазый. — По второму пункту победил Гарнье.

— Тезис третий: ты должен стремиться на виселицу, а не увилывать от нее, — возгласил торжествующий Гарнье. — Нет большего счастья для тебя, чем добропорядочная виселица. Для тебя, Франсуа, виселица — не кара, а избавление. Избавление от недуга, что гнетет тебя, от мук неизбежного умирания, от боли в костях и легких, от голода и холода, от неизбывных долгов, от нищеты, от коварных друзей, от всех напастей, от всего горя, что переполняет твоё сердце. Виселица для тебя — выход в истинную свободу из юдоли скорби и слез. Один шаг, всего полувздох — и ты в царстве вечного облегчения и радости. А если по заслугам твоим ты угодишь не в рай, а кое-куда пониже, то горших мук, чем твои земные, и там не узнаешь. Разве ты не орал полчаса назад в этой камере как оглашенный: «Мы жили на земле, в аду сгорая»? И подумай еще о том, Франсуа, что в тех подземельях под раем тебе уже никогда не придется жаловаться на недостаток тепла, а здесь ты трясешься даже в солнечные дни. Говорю тебе, спеши на виселицу, спеши на виселицу, Франсуа!

— Перестань, проклятый Гарнье! Чума, чума на твоё злое сердце! Не хочу умирать, слышишь, не хочу умирать, Гарнье! Боже мой, жить, только жить! Любая жизнь — в тысячу раз хуже этой, но жизнь, жизнь, жизнь!

— Еще минуту назад ты хвастался: смерть мне не страшна!

— Замолчи, Франсуа! — сказал Жак Одноглазый. — Не узнаю тебя. С чего ты разорался? Слушайте мое решение о споре.

Восхваление виселицы меня не убедило. Истинный христианин не должен стремиться на виселицу. По этому пункту победа за Франсуа Вийоном, хоть он не удосужился подыскать дельные возражения. А в целом, диспут окончен безрезультатно.

— Ты необъективен, Жак Одноглазый! — возразил уязвленный сторож. — В тебе заговорили личные антипатии, и ты заставил молчать внутренний голос справедливости. В скором времени и тебе придется подставить шею объятиям волосяных рук, и ты заранее ненавидишь виселицу. Так порядочные люди не поступают, поверь мне, Жак, я опекал в моих камерах многих порядочных людей.

— Выбирай выражения поосторожней, Гарнье! — зарычал Жак. — Меня обвиняли в разбое, грабежах, насилиях и убийствах, и я не опровергал обвинений. Но в непорядочности никто не смел меня упрекнуть, и я никому не позволю...

— Успокойся, Жак! — дружелюбно сказал Гарнье. — Никто больше меня не ценит твоих достоинств. Я знаю, что ты с честью носишь прозвище «Громила». Но выше всего для меня объективность и справедливость; эта неразлучная парочка понятий — мои фамильные святые, если хочешь знать. Сейчас я покажу вам, что такое настоящая объективность, друзья. Франсуа! — обратился он к Вийону. — Ты просил передать свой письменный протест на приговор парижского суда. Лично я считаю, как уже доказывал тебе, что виселица — лучший для тебя исход. Но, скрепив свое сердце, я доставил твое обжалование по назначению. Жди скорого решения.

— Спасибо, Гарнье! — воскликнул обрадованный Франсуа. — За это я отблагодарю тебя по-королевски: я напишу балладу в твою честь, чтобы обессмертить твое имя!

— Лучше бы ты орал свои стихи не так громко, — проворчал сторож, открывая дверь. — Столько хлопот с тобой, Франсуа! В парижской тюрьме нет чиновника серьезнее меня, но и меня своими непотребными куплетами ты порою заставляешь хохотать, вот до чего ты меня доводишь, Франсуа!

Дверь захлопнулась, снаружи залязгали затворы. Солнечный сноп снова превратился в луч, луч тускнел. Один из заключенных с тоской смотрел в окошко: За окном густели тучи.

— Кажется, снег пойдет! — сказал он. — Только снега нам не хватало!

— Когда валит снег, морозы спадают, — возразил Жак. Он подошел к Вийону, положил ему руку на плечо. Половину экрана

заняло его лицо, единственный глаз Жака смотрел зорко и сочувственно. — О чем задумался, Франсуа? Лучше прочти что-нибудь из Большого Завещания, что ты недавно написал.

— Прочти! Прочти, Франсуа! — раздались крики. — Что-нибудь позабористей, Франсуа!

— Я прочту балладу о дамах минувших времен, хорошо?

— Давай о минувших дамах, — согласился Жак. — Минувшие дамы — тоже неплохо.

Теперь снова был слышен один голос Вийона. Камера превратилась в нечто неопределенное и серое — Вийон, читая, закрывал глаза:

Где Элоиза, та, чьи дни
Прославил павший на колени
Пьер Абеляр из Сеп-Дени?
Где Бланш, чей голос так сродни
Малиювке в кустах сирени?
Где Жанна, дева из Лорени,
В огне окончившая век?..
Мария! Где все эти тени?
Увы! Где прошлогодний снег?

— Изрядно! — сказал Жак. — Просто слеза прошибает, так жалко погибших дам. Но я просил стихов повеселее. Помнишь, ты издевался над офицерами полицейской стражи, ну, и о прекрасной оружейнице или о толстухе Марго. Что-нибудь поострее, Франсуа!..

— Тогда я прочитаю вам стихи, написанные во время поэтического состязания в Блуа при дворе герцога Карла Орлеанского. Он сам задал нам тему — доказывать недоказуемое, сам вместе с другими поэтами писал баллады, но я его переплюнул, и, кажется, ему это не понравилось.

От жажды умираю над ручьем.
Смесь сквозь слезы и тружусь, играя.
Куда бы ни пошел, везде мой дом,
Чужбина мне — страна моя родная.
Я знаю все, я ничего не знаю.
Мне из людей всего понятней тот,
Кто лебедицу вороном зовет.
Я сомневаюсь в явном, верю чуду.
Нагой, как червь, пышнее всех господ,
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Голос Вийона сделал остановку. Камера ответила на остановку хохотом и восклицаниями:

— Вот это да! Ах же дает, стервец! Всеми принят, изгнан отовсюду — слышал, Жак? Нет, ты послушай — лебедицу вороном!.. И над ручьем, над ручьем — от жажды, ха-ха-ха! Франсуа, нет, для тебя и виселицы слишком уж мало! Говорю вам, он может, братцы, он может!

Когда шум стал затихать, Франсуа продолжал:

Я скуп и расточителен во всем.
Я жду и ничего не ожидаю.
Я пицц, и я кичусь своим добром.
Трещит мороз — я вижу розы мая.
Долина слез мне радостнее рая.
Зажгут костер — и дрожь меня берет,
Мне сердце отопреет только лед.
Запомню шутку я и вдруг забуду,
И для меня презрение — почет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду...

Внезапно чтение прервалось, послышалось рыдание. Экран заполнило растерянное, безобразное лицо Жака Одноглазого.

— Франсуа, что с тобой? Проклятый Гарнье, это он тебя расстроил! Да успокойся же, успокойся!

— Никто не понимает, никто! — лепетал голос Вийона. — Я так несчастен, Жак! И вы тоже, даже вы!..

— Перестань плакать! Кто тебя не понимает? О чем ты говоришь, Франсуа? Ты говоришь о виселице, к которой тебя...

— Я говорю об этих стихах, что я в Блуа... Это ведь правда, Жак, здесь каждое слово правда! Я плакал, когда писал их, ибо ничего более искреннего о себе... А все смеются, всем кажется, что я острою. Вы хохотали, будьте вы прокляты все!

Жак хотел что-то сказать, но его оборвал грохот дверных запоров. В камеру вошел Гарнье.

— Франсуа, — сказал он, — парижский суд помиловал тебя, лысый мальчик. Суд заменяет тебе виселицу десятилетним изгнанием из Парижа. Можешь уходить на волю. Но помни, что в душе я дружески скорблю о тебе, ибо выпускаю тебя не на радость, а в лапы мучительного умирания. Ты еще скажешь мне, Франсуа, я верю в твою честность, хоть ты пишешь неприличные стихи, которые не переживут тебя, ты еще воззовешь ко мне в сердце своем: «Друг мой Гарнье, ты прав, виселица была бы мне лучше жизни!..»

4

Камера потускнела, страстные импульсы мозга Вийона, уже тысячу лет, постепенно ослабевая, мчавшиеся в галактическом пространстве, забивались шумами других излучений. На минуту показался древний Париж — темный переулочек, кривые дома, смыкавшиеся верхними этажами, золотарь с переполненной бочкой, распахнувший пасть в половину экрана: «Ах, Франсуа, ты ли это! Иди сюда, крошка, я тебя поцелую!» Еще на минуту запылали дрова в камине, пламя выхлестывалось наружу, оно то отдалялось, то близилось — Вийон, озябший, лез к огню и, обжигаемый, отскакивал. Затем и эти видения пропали. На экране больше не возникало никаких картин. Рой выключил аппараты.

— Неужели мы не разрешим загадку его смерти? — сказал огорченный Генрих. — Сколько помню, гибель Вийона окутывает тайна.

— Давайте подведем итоги, — предложил Рой, игнорируя сетования брата. — Мне кажется, можно подискутировать и о результатах, и о новых задачах.

О чем говорили работники института, Петр слушал с пятого на десятое. Его томило удивительное ощущение, он хотел разобраться в нем и уже собирался уходить, когда Рой спросил:

— Разве тебя не интересуют наши предположения?

Петр заставил себя слушать внимательнее. Сотрудники института одобряли идею Генриха — искать излучения большой интенсивности, чтобы с их расшифровки начать знакомство с летописью давно умерших людей. Но этого мало. Надо усовершенствовать аппарат, чтобы читать любую волю, излученную любым человеческим мозгом. Выяснить и записать события жизни, мысли и чувства всех людей, живших когда-либо на Земле. Нет человека, от неандертальца до современника, чья жизнь не заслуживала бы изучения. То, что в прежние времена называлось наукой историей, пока лишь каталог действий и дат отдельных выдающихся людей: сильных интеллектом ученых, инженеров, мастеров искусств и важных должностью полководцев и монархов. Их институт ныне покончит с таким унижительным обращением с людьми, простые станут равны великим. За время существования человечества на Земле жило около двухсот миллиардов человек. Составить двести миллиардов биографий, разработать новую науку о человеческой истории — такова задача.

Петр вслушивался в споры и предложения, честно старался во всем разобраться, но мысль его, прихотливая и яркая, уходила в сторону... Он снова видел крутую улицу Тулузы, холодную камеру, грязные переулки Парижа, с ним разговаривали президенты парламентов, тюремные сторожа, беспутные бродяги и воры. И Петру хотелось, оборвав споры, отчаянно крикнуть: «Послушайте, да понимаете ли вы, что это такое?! Это же иной мир, совершенно иной мир, и он отдален от нас всего одной тысячей лет!»

Да, конечно, и он, и сотрудники института, и тот же Рой, и тот же Генрих — они все учили историю; по книгам, по лекциям, по стереокартинам в музеях им известно прошлое человечества, так неожиданно зазвучавшее сегодня с экрана. Нового нет ничего, он знал все это и раньше... Все новое, все! Он раньше воспринимал ту эпоху спокойной мыслью, не чувством. Сегодня он ощутил ее, испытал потрясенной душой, сегодня он побывал в ней — и в ужасе отшатнулся!

И Петр подумал о том, что и ему, и работникам института, и всем людям его времени, вероятно, так до конца и не понять своих предков, горевавших и насмехавшихся сегодня на экране — и все дальше от Земли уносящих отлитое крепче, чем в бронзе, волновое воплощение своего горя и смеха. Три четверти их забот, девять десятых их страданий, почти все их напасти, да что таиться, и две трети их радостей чужды современному человеку. Нет уже ни советников, ни президентов парламентов, ни тюрем, ни тюремщиков, ни воров, ни бродяг, ни чахоток, ни потаскух, ни голода и холода, ни преждевременной старости, ни насилия над творчеством. Ничто, ничто теперь не объединяет людей с мучительно прозябавшими на Земле предками, незачем пылать их отпылавшим страданиям — о них нужно эрудированно рассуждать, больше ничего не требуется.

Так молчаливо твердил себе Петр, чтобы успокоиться. Но успокоение не наступало, смятение терзало все горше. Он стал сопричастен чужому страданию и боли — и сам содрогался от боли, и сам страдал за всех незнакомых, давно отстрадавших... Генрих толкнул друга рукой:

— У тебя такое лицо, словно собираешься плакать! Ответь Рою.

Петр поднялся.

— Боюсь, ничего интересного для вас не скажу. Разрешите мне уйти, я устал.

5

Была ночь, и Петр один шагал по пустому бульвару. Он мог бы, конечно, вызвать авиетку, но домой не хотелось — ему вообще никуда сейчас не хотелось.

Он присел на скамью, отыскал в небе созвездие Стрельца. Отсюда, без приборов, созвездие было маленьким и тусклым. Петр закрыл глаза. К нему вдруг вернулись чувства, томившие его во время долгой экспедиции к центру Галактики.

— Пустота, — прошептал он, вспоминая пережитые и преодоленные страхи. — Боже мой, абсолютная бездна! И мы ее вытерпели!

Вытерпели? Все осталось позади, все совершалось сызнова. Он сидел с закрытыми глазами на скамейке ночного бульвара — и мчался в гигантское сгущение звезд. Светил было так много, что в страшном своем далеке они казались туманным облачком — сияющее расплывчатое пятно, чуть мерцающее сквозь космическую пыль... Нет, как они тогда говорили? В Галактике пылает звездный пожар, и пламя заволок дым. Да, кажется, так они говорили. Они подшучивали и трудились, надо было поддерживать себя шуткой и работой — кругом была бездна! Машины звездолета уничтожали впереди пространство, корабль вырвался в сверхсветовую область, оставил за собой релятивистские эффекты повседневного мира, но, изменяя метрику космоса, он не отменил безмерности мирового простора: кругом по-прежнему была бездна, и они падали, все падали, все падали в бездну, в три тысячи раз обгоняя свет, — бездне не было дна!

Да, в этом была главная мука, если уж говорить о муках. Ни один человек на Земле и окружающих Солнце звездах не способен понять те ощущения. Может, лишь первые космонавты, двигавшиеся с досветовыми скоростями, пережили это. Разве сытый поймет голодного? Кругом близкие звезды, экспрессы твои уже третье столетие далеко оставляют за собой свет; дни, недели пути — и ты на месте. Пустота лишь разделяет светящиеся шары с планетами вокруг них, она не сама по себе, она легко преодолима — таков этот район Вселенной, звездная родина человечества. Здесь не заболевают болезнью бездонности, такая болезнь здесь немыслима!

А их терзал непреходящий страх перед неизмеримостью пустоты — ужас вечной, без дна, бездны. Они голодали особым голодом — томлением по вещной материи, будь то звезда или

пылевая туманность, планета или рой метеоритов — только не зловещая пропасть. «Пустота для себя и в себе», — так они остригли о ней. Вот каково было их состояние во время многолетнего падения в той бездне!

Нет, больше эти ощущения не появятся в звездном просторе, как бы далеко ни умчался он в новой экспедиции.

Беспредельной бездны, неизмеримого провала во Вселенной отныне не существовало. Мировая пустота была не пуста.

Петр снова поднял голову к звездному небу. В космических просторах мчались волны новооткрытых излучений. Они пересекались и сталкивались в каждой точке мира, они неслись со всех направлений и во все направления. Двести миллиардов расширяющихся волновых сфер, творение и летопись жизни когда-то существовавших людей, миллиарды миллиардов волновых облаков, созданных иными разумными существами, может, и не миллиарды миллиардов, а триллионы триллионов. Звезды рождаются и умирают, галактики образуются и распадаются, а в мировых просторах, сравнимые со звездами по долголетию, всюду несутся, слабея, но не уничтожаясь, волновые знаки жизни, что некогда зародилась в мире. Нет, не безмерность зловещей пустоты, но радостное соприсутствие всего живого и разумного, что когда-либо существовало, — вот что суждено им отныне ощущать в межзвездных просторах!

И Петр испытал чувство еще удивительнее того, в институте... Он словно посмотрел на себя со стороны и увидел: сквозь его тело мчатся — со всех направлений и во все направления — волны, порожденные давно и недавно погибшими разумными существами. Он словно стал фокусом, где переплеталась эти не открытые еще излучения. В маленьком его теле, жившем своей маленькой жизнью, бушевали миллионы иных, давно отгремевших существований.

Его пронзил озноб. Ему стало тесно от толкотни чужих жизней, наполнявших каждую клетку тела. Засмеявшись, он мотнул головой, отбрасывая видения. И в той далекой экспедиции к центру Галактики они встречались со многим таким, что трудно было вообразить, но что отлично поддавалось научному анализу. Важно понимать. То новое, что открылось ему, было просто, в основе его лежали вещественные законы.

Он шел, радуясь новому пониманию. Больше его никогда не настигнет страх одиночества. Всюду с ним будет безмерная, разнообразная, вечная, как материя, жизнь.

СТРЕЛА, ЛЕТАЮЩАЯ ВО ТЬМЕ

1

— Только вы можете распутать загадку! — президент Академии наук перевел взгляд с Генриха на Роя. Генрих пожал плечами. Рой пристально посмотрел на губы Боячека, словно его занимало, как те двигаются.

Боячек продолжал с волнением:

— Мы все скорбим о гибели Редлиха, а я особенно: он был моим другом. Рука неведомого преступника...

— Вы все-таки считаете, что Редлих — жертва преступления? — сдержанно спросил Рой. — Но Альтона — покинутая планета, и где теперь ее бывшие жители — неизвестно. А что Редлих перед смертью назвал Аркадия Замойского — недоказательно, раз члены экспедиции обладают абсолютным алиби.

— Их алиби установили профессиональные детективы, обследовавшие Альтону, — сказал президент, — и они пришли к выводу, что преступления не было. Но Редлих погиб, и это факт. Мы считаем, что в созвездие Лиры нужно командировать ученых, а не сыщиков. После того как вы раскрыли тайну великой теоремы Ферма, загадка гибели Редлиха не будет для вас такой уж трудной.

Генриху нравилось, когда вспоминали об этом блистательном успехе его и Роя. Но чтобы президенту не показалось, что он тщеславен, Генрих иронически заметил:

— Два космических детектива, специализирующихся на раскрытии мрачных тайн времени и пространства.

— Два ученых, — сухо повторил Боячек. Было ясно, что он не примет отговорок. Рой, раньше Генриха уяснивший себе ситуацию,

больше не спорил. — Два исследователя, свободно ориентирующиеся в проблемах космоса и истории. В этой папке вы найдете доклад следственной комиссии, возвратившейся с Альтоны. Рейсовый звездолет в созвездие Лиры отбывает завтра в полночь. Вы, кажется, еще не бывали в окрестностях Веги? Уверен, что вам понравится.

2

Генрих с досадой бросил на стол доклад следственной комиссии. Детективы Управления космоса были слишком обстоятельными людьми, чтобы читать их творения. Генрих с гримасой потрогал голову обеими руками.

— Не распухла, — успокоил его Рой. — Между прочим, я очень внимательно прочитал весь доклад — и, как видишь, все еще жив.

Они сидели в салоне грузового звездолета. На экране разбегались звезды, и созвездие Лиры постепенно заполняло всю полусферу. Сине-белая Вега сверкала так ослепительно, что без защитных очков смотреть на нее было трудно. Альтону, седьмую планету в системе Веги, наблюдать можно было лишь в оптические умножители, но две первые, самые крупные планеты уже мерцали на экране. Звездолет в триста раз обгонял свет — на заднем экране, затемняя далекое Солнце, разбрасывалась дымка вещественной плазмы, выброшенной аннигиляторами корабля взамен уничтоженного пространства. Рой и Генрих были единственными пассажирами, и капитан предоставил в их распоряжение почти всегда пустой салон: работать здесь было удобнее, чем в тесной каюте.

— Что ты живой, я вижу. Но нормален ли ты?

— Сейчас ты сам в этом убедишься. Я не сторонник древних методов записи буквами на бумагу, но у сыска свои традиции, и с этим приходится считаться. Все существенное мы перенесем на пленку, чтобы больше не возвращаться к докладу. — И Рой стал излагать содержание доклада своими словами.

Генрих сначала слушал со скукой, потом заинтересовался. Этого у Роя нельзя было отнять — в любой запутанной проблеме он безошибочно вскрывал самое существенное. Генрих часто выходил из себя, когда брат осаживал его, кричал в запальчивости, что Рой — машина, незнакомая с вдохновением. Но когда совместное исследование подходило к концу, право опубликовать результаты Генрих предоставлял Рою, у того выходило лучше.

Генрих, слушая, рассматривал брата. Невозмутимость была главным свойством Роя. О чем бы он ни говорил, какие бы чувства ни переполняли его, лицо Роя не менялось. Белокурый, с массивной головой, крупноносый, крупногубый, он медленно, почти бесстрастно диктовал хорошо подобранными словами. И Генрих с уважением отметил, что, сокращая раз в двадцать перенасыщенный фразами следственный доклад, Рой не упустил ничего важного

— Будем пользоваться этим конспектом. — Рой пододвинул Генриху диктофон. — А доклад останется для справок.

Генрих прокрутил пленку. Прибор говорил голосом Роя, но вплетал свои интонации. Бесстрастность, свойственная Рою, превратилась в безличность. В таком изложении, отжатом от подробностей, трагедия на Альтоне становилась ясной. Ясной во всей своей загадочности, невесело подумал Генрих. Задание им досталось необычное.

Альтону, седьмую планету Веги, некогда населяли разумные существа, говорил прибор. Какого облика были альтонцы, каков уровень их культуры, куда они делись — тайна. Когда экспедиция Карпентера и Сидорова высадилась на планете, она обнаружила пустыни, остатки городов и непонятные металлические сооружения. Жители покинули планету, по крайней мере, миллион земных лет назад, и она теперь была совершенно безжизненной в земном смысле — ни животных, ни растений, ни бактерий... Карпентер предположил, что разумная цивилизация на Альтоне была не биологической, а какой-то иной природы. Он указывал, что в руинах городов, к тому же мало похожих на человеческие, не обнаружено ни плантаций, ни заводов, изготавливавших пищу, ни хозяйственной утвари. «Альтонцы не знали, что такое еда», — таков был вывод Карпентера. От них не осталось также ни библиотек, ни фильмотек, ни картин, ни статуй, ни иных свидетельств духовной деятельности. Вместе с тем, загадочные металлические сооружения, прекрасно сохранившиеся на лишенной атмосферы планете, равно как и развалины городов, свидетельствуют о разумности исчезнувших обитателей. Заместитель Карпентера Василий Сидоров не согласился с его выводами. Спор их донине не разрешен.

Сейчас на Альтоне работает вторая экспедиция, возглавляемая тем же Василием Сидоровым. В составе ее — научные работники Анна Паркер, Аркадий Замойский, Анри Шарлюс, Фред Редлих. Год назад (по земному счету) Редлих вышел наружу, одетый для

дальней прогулки. Связь с ним поддерживалась по радио. Приборы дистанционно записывали его жизненные параметры — дыхание, температуру, запасы биоэнергии, потенциалы мозга и сердца. Минут через двадцать все графики испытали неожиданный излом. Одновременно Редлих закричал в микрофон: «Аркадий, что ты?» Крик завершился воплем: «Меня убивает Замойский! Меня убивает...»

Все остальные члены экспедиции, включая и Замойского, находились в это время в операционном зале. Сидоров отдал приказ выходить наружу. Впереди бежали Замойский и Паркер. Редлих лежал километрах в двух от станции. Он был уже мертв — скафандр пробит чем-то острым... Возле трупа никого не было, в окрестностях не обнаружили ничьих следов, что естественно, ибо планета необитаема, а все члены экспедиции, кроме самого Редлиха, находились на станции.

Следственная комиссия считала, что повреждения скафандра, вызвавшие гибель Редлиха, могли произойти от случайного удара о скалу или от метеорита, а предсмертный крик ученого порожден бредовым видением гаснущего мозга. Метеоритное вещество в районе гибели найдено, но давнее. Острых скал, падение на которые могло бы вызвать такое катастрофическое повреждение прочной ткани скафандра, комиссии обнаружить не удалось, а бесспорное алиби всех членов экспедиции доказывает отсутствие преступления.

— Заключение честное, — заметил Генрих, когда прибор умолк. — Искали, не нашли — и успокоились на том. Даже на след не напали, как говорили в старину.

На экране тускло засветились малые планеты Веги — самой слабой была точка, изображавшая Альтону.

Когда Рой задумывался, его глаза теряли свою яркую голубизну. Сейчас они были водянисто-тусклыми. Рой медленно заговорил:

— Детективы Управления космоса исследовали происшествие по нормам земного бытия. И в этом их ошибка. Земные нормы поведения могут оказаться неприменимыми в условиях иных планет и иных цивилизаций. Они искали наиболее вероятное земное объяснение катастрофы, а событие совершилось на Альтоне.

— Ты предлагаешь, насколько я тебя понимаю, поискать самое невероятное объяснение?

— Раз вероятное бессильно, поищем невероятное, другого не остается.

— Самое невероятное — Редлих не погибал, на Землю привезли вовсе не его труп.

Рой игнорировал насмешку. Размышляя, он не возбуждался, как Генрих, а становился сдержанным.

— Самое невероятное в том, что Редлих прав и его убил Аркадий, который в момент убийства находился совсем в другом месте, в окружении своих товарищей. Вот эту гипотезу я и предлагаю в качестве отправной версии. Теперь слушаю возражения.

— А против чего возражать? Нормальное раздвоение личности! Одна ипостась Замойского мирно трудится у пульта, другая разбойничает на каменистых плоскогорьях Альтоны. — Генрих засмеялся. — Рой, в этой мысли что-то есть! Если принять твою версию, нам остается только дознаться, как физически возможно подобное раздвоение личности. Это значительно сужает круг поисков.

— Скорее, значительно его расширяет, — задумчиво отозвался Рой.

3

— Нет, — сказал Сидоров, — причин, объясняющих гибель Фреда, мы не открыли. Смерть его по-прежнему загадочна.

— Я говорю о метеоритах, выбросе газа из кислородного баллона... — уточнил Рой.

— И о многом прочем той же природы, — сухо закончил начальник экспедиции. — Повторяю — нет! Опасных факторов на Альтоне не существует. А если бы они и появились, их немедленно бы зафиксировали наши автоматы.

Аркадий Замойский, энергетик станции, пояснил:

— Аппараты записывают даже космическую пыль. И крохотный метеорит не остался бы необнаруженным.

Сидоров, сухонький старичок с выцветшими глазами под густыми жесткими бровями, держался агрессивно — отвечал резко, подавал язвительные реплики: появление новой следственной комиссии для него было равнозначно оскорблению — он не верил, что люди с Земли сумеют разгадать то, чего не разгадал он с помощниками. Замойский, красивый парень с умным лицом, нервными тонкими руками, беспокойно вглядывался то в Роя, то в Генриха, голос его поминутно менялся: из спокойного становился напряженным, временами в нем слышалось смущение. Анри Шарлюс, астроном и физик, толстый, громко сопящий мужчина,

не стесняясь показывал, что ему до смерти надоели выпрашивания: он чуть ли не зевал, отвечая. А всех настороженной была Анна Паркер, историк. Некрасивая, она сразу чем-то поражала. «В такую можно влюбиться», — подумал Генрих, с интересом наблюдая, как она то вспыхивает, то бледнеет. С трудом сдерживаемой порывистостью она напоминала Альбину, его невесту, погибшую пять лет назад. Рой хмуро возразил Замойскому:

— Смерти без причин не бывает. Если внешние случайности отпадают, остается одно: Редлих не лгал, и убийца вы, Аркадий.

Замойский развел руками. Он все же не сдержал дрожи в голосе:

— Логично. Но тогда объясните: как я мог убить Фреда, если я находился здесь, а он — в двух километрах от меня?

— То есть одна загадка разъясняется путем создания второй загадки, не менее таинственной. — Сидоров раздраженно пожал плечами. — Между собой мы обсуждали и эту гипотезу: Аркадий — убийца. Он сам попросил, чтобы мы проанализировали ее.

— К какому же выводу вы пришли?

— К такому же, к какому вскоре придете и вы: чепуха! Между прочим, за месяц до гибели Фред спас Аркадия. Спасителей не убивают.

— Все же я ставлю гипотезу на обсуждение, — сказал Рой. — И прошу отнестись к ней не как к оскорблению, а как к исходному пункту, вероятность которого надо оценить. Подойдем к проблеме смерти Редлиха как к научной, а не криминалистической загадке.

Шарлюс опять зевнул и с тоской посмотрел на стену. Беседа происходила в салоне с обзорным экраном, заставленном приборами.

— Через час мой выход на планету, прошу первым допросить меня...

— Допросов больше не будет. Будем совместно рассуждать. И начнем с того, что в каждом преступлении необходимо различать мотивы и способ осуществления. Убийство в какой-то мере обоснованно, если убийца недолюбливал убитого — убивают все-таки врагов, а не друзей.

— Убивали, — быстро поправила Анна. — Этот древний способ сведения счетов...

— Мы расследуем возможность рецидива древнего явления и будем описывать его в древних терминах. Итак, вы враждовали с Фредом, Аркадий?

— Я не испытывал к нему приязни... Во всяком случае, пока он, рискуя собой, не выручил меня из беды.

— Вы с ним ссорились?

— Вообще — нет.

— Что значит «вообще»? А в частности?

— В частности — один раз поссорились.

— Расскажите подробнее.

— Мне бы не хотелось вдаваться в подробности.

— Для анализа происшествия это важно.

— Это сугубо личное дело. И оно касается уже третьего человека...

— Третий человек — я! — вмешалась в допрос Анна. — И что неудобно говорить Аркадию, я могу рассказать спокойно. Фреду вздумалось поухаживать за мной. Я предупредила, что допущу лишь товарищеские отношения. Но Фред был настойчив, чтобы не сказать сильнее...

— Нахален?

— Да. Как-то вечером он особенно бесцеремонно... мы были с ним одни в этом салоне...

— Вам трудно рассказывать?

— Нет, почему же. Я расскажу. Я позвала на помощь Аркадия. Аркадий вбежал и накричал на Фреда. Аркадий в гневе часто говорит лишнее... А Фред слушал и усмехался. Меня всегда бесила его усмешка — он усмехался так, словно давал пощечину... Потом Фред сказал: «Рыцарь приходит на помощь своей возлюбленной. Это естественно. Но у рыцаря должны быть два качества...» Впрочем, неважно, что он сказал дальше. Я объясняла — Фред порой бывал бесцеремонен.

— Анна не хочет меня обижать, — сказал Аркадий. Он побледнел, но говорил спокойно. — «Два качества эти, — сказал Фред, — бесстрашие и физическая сила». После этого он вытолкнул меня из салона и предупредил, что если я войду, измочалит меня. Он так и выразился: «Измочалю»... Надо вам сказать, Фред был очень силен, а в гневе — необуздан. Я постоял у салона, Анна больше не звала... А вскоре вышел Фред и бросил: «Подслушиваешь? Вполне рыцарское занятие!»

— Больше у вас с Фредом недоразумений не было? — после короткого молчания спросил Рой у Анны.

— Встречались мы ежедневно. Он держался так, словно ничего и не произошло.

Рой обернулся к Аркадию:

— Что вы делали после ссоры?

— Возвратился к себе на энергостанцию, где шла проверка генераторов.

— Вы стали работать?

— Я не мог работать. Я задал генераторам программу малой мощности и размышлял о Фреде. На другой день внешне было все как обычно. На людях мы разговаривали, даже шутили.

— Больше ссор не было?

— Нет.

— Он не извинился перед вами за грубость?

— Нет, конечно.

— И вы не просили прощения за резкие слова в салоне?

— Разумеется, нет.

— Расскажите, как Фред выручил вас?

— Мы вышли вместе наружу. Я свалился в глубокую расщелину, а сверху на меня обрушилась глыба. Фред сбежал вниз и среди скал, которые могли свалиться на него, схватил меня и потащил наверх. Когда я очнулся, он лежал рядом и еле дышал от усталости. Один из больших камней ударил его по плечу, потом он недели две ходил с повязкой.

Рой закончил расспросы. Сидоров предложил гостям осмотреть планету и знакомство с ней начать с общего обзора на экране. Шарлюс удалился, за Шарлюсом ушли Анна и Аркадий. В салоне погас свет, и озарился обзорный экран.

4

Сперва были одни звезды, среди них далекое Солнце — крохотная звездочка, едва воспринимаемая взглядом. Вега закатилась. В темноте неясным пятном обрисовывалась Альтона, безжизненный каменный шар в космосе... Экран постепенно светлел, Альтона расширялась за пределы экрана. Сидоров сказал, что стереоизображения планеты получены со спутников, запущенных над ней.

— Большинство из них — двигающиеся. Но над некоторыми местами мы повесили неподвижные датчики. Цель — зафиксировать изменения, если они появятся в объекте. Сейчас я покажу ближайший из городов планеты. Все они, в общем-то, одинаковы.

Груды мрачных камней, появившиеся на экране, сохранили лишь некое подобие формы — полустертые параллелепипеды, полуразрушенные пирамиды, что-то отдаленно напоминающее шары...

Атмосферы на планете не было, предметы сохраняли первозданную угловатость, вечную свежесть изломов. Обширное нагромождение руин могло свидетельствовать о совершившейся некогда неведомой катастрофе или о непонятных коррозионных процессах. Рой поинтересовался, не потому ли Сидоров считает городами эти глыбы, что угадывает их прежнюю правильную геометрическую форму? Начальник экспедиции возразил, что всякий город — обиталище живых существ, а внутри странных камней имеются пустоты столь совершенных пропорций, что иначе чем жилыми комнатами их не назвать.

— Вы нашли там мебель или предметы обихода?

— Я сказал — пустоты! — ответил Сидоров, нахмурясь. — Это означает, что, кроме пустоты, мы там ничего не обнаружили. Ни следа каких-либо изделий. Что до атмосферы, то если она на Альтоне когда-то и была, то полностью растеряна в космосе миллионы лет назад.

— И после этого вы утверждаете, что Альтону населяли живые и притом разумные существа?

— Да, утверждаю. И в этом суть моих расхождений с Карпентером. Карпентер — величайший из звездопроходцев, его призвание — наносить на карту планеты. Колумб звездных миров — вот что это за человек. Но такие мелкие объекты, как живые существа, его уже не интересовали. Если он сталкивался с жизнью на планетах, он добросовестно отмечал ее, и только. Можете мне поверить, я десять лет работал главным помощником этого великого астронавта. Мыслителем он, к сожалению, не был.

— Я все-таки не усматриваю доказательства...

— Подождите. Я не закончил о Карпентере. Он признавал жизнью лишь те ее формы, которые распространены в звездных окрестностях Солнца — мышление, только схожее с нашим. Я же допускаю жизнь, отнюдь не аналогичную нашей, и разум, отличный от человеческого.

— Вы не отвечаете на мой...

Когда начальник экспедиции раздражался, его глаза уже нельзя было считать бесцветными. А он раздражался при малейшем несогласии с ним.

— Я сказал: подождите! То, что я называл городами, носит явные черты искусственности. Даже эта размытость очертаний... Ведь все остальное на планете выпирает острыми гранями и углами! Города необычны для местного пейзажа, а жизнь, между прочим, везде творец необычайности. Посмотрите сами на эти сооружения,

и если вы не признаете в них искусственные механизмы, то я объявлю вас слепыми.

На экране теперь громоздились сооружения, похожие на старинные машины, наполнявшие земные музеи. И их было много: гигантское кладбище машин, расставленных в каком-то своем порядке, — покинутый творцами, омертвевший завод...

— Металлический сплав, — ответил Сидоров на вопрос Роя о том, каков материал агрегатов. — Никель и еще восемнадцать элементов. Вот вам, кстати, новое доказательство искусственности. Альтона — каменная, а механизмы на ней — металлические. И компоненты сплава нигде не варьируются даже на миллионную долю процента. Земной металлургии такая точность плавки и поныне не снилась.

— По-моему, я вижу приемные антенны, — сказал Генрих, всматриваясь в экран. — А неподалеку — отражатель радиоволн...

Начальник экспедиции усмехнулся:

— А когда пошатаетесь среди этих механизмов, то обнаружите колеса, рычаги, емкости, сопротивления, токопроводы и еще тысячи известных вам элементов машин, а заодно и десятки тысяч неизвестных. И назначение их нам непонятно, и мертвые машины не могут продемонстрировать работу. Нам остается добросовестно все фотографировать и описывать и отсылать на Землю для размышления. Пусть они там строят гипотезы.

Генрих задумчиво сказал:

— Гипотезы строить можно. Допустим, механизмы созданы исчезнувшими разумными существами. Но для чего они могли служить на планете, лишенной воздуха и воды?

— Может, как-то обеспечивали жизнедеятельность альтонцев.

Сидоров погасил экран. Рой спросил, каковы взаимоотношения внутри экспедиции. Сидоров считал их нормальными. Когда пять человек ежедневно видятся, они порядком приедаются друг другу. Но ссора Фреда и Аркадия была единственной за годы изучения Альтоны. К тому же каждый сотрудник представляет собой особую отрасль науки — соперничество исключено. И, естественно, в своей области любой талантлив: людей, лишенных дарования, не послали бы в такую экспедицию.

5

Генрих, просматривавший альбом снимков Редлиха, сказал, что будь он женщиной, он бы влюбился в такого мужчину. Редлих

был красив своеобразно: на худощавом, энергичном, почти суровом лице смеялись добрые глаза. Мужественность сочеталась в Редлихе с детскостью.

Рой диктовал в прибор сводку фактов и серию предположений. Перед этим братья посетили и города, и завод. Городов было много, завод один. Непонятные машины казались новенькими, хотя они, несомненно, были созданы миллионы лет назад. Города, наоборот, выглядели полуразрушенными — если только это и вправду были города.

— Скажи что-нибудь, — попросил Рой, окончив диктовку. — Сейчас на Альтоне самая большая загадка — ты. В салоне ты всю беседу промолчал. Ослепи новой идеей. Я истосковался по несуразностям.

— Несуразность — в твоей сводке событий, — отозвался Генрих. — И в ней — разгадка тайны.

— А яснее?

— Аркадий мог желать беды Фреду сразу после ссоры — гнев, туманящий голову, ощущение своего унижения... Но в это время он не причинил Фреду никакого зла. Потом тот спас ему жизнь — враждебные действия против спасителя немыслимы, тут я согласен с Сидоровым. А погибает Редлих именно во время улучшения их отношений. Здесь парадокс, и я ломаю над ним голову.

— А если Аркадий такой человек, у которого обида лишь усилилась, когда соперник, спасая его, продемонстрировал превосходство?

— Ерунда, Рой. Посмотри на Аркадия — это же очаровательный парень: мнительный, вспыльчивый, самолюбивый и душевный. И права Анна — он живет не в древние времена, когда люди сводили счеты при помощи личной мести.

— У тебя есть свой вариант гибели Редлиха?

— Нет. И потому занимаюсь твоим — беру за исходный пункт самое невероятное. Ты сказал: надо различать в преступлении мотивы и способ. Способ — загадка. Но если Аркадий и вправду убийца, то не меньшая загадка — мотивы. Почему он убил Фреда тогда, когда испытывал к нему благодарность и дружба их вновь стала налаживаться? Фред ежедневно выходил на планету, то, что совершилось через три месяца после ссоры, могло совершиться раньше. Если бы убийство произошло до спасения Аркадия, мотивы были бы естественней.

— Очевидно, имеются причины, почему смерть Редлиха не могла совершиться раньше.

— Именно. Иначе говоря, появляется новая загадка: слишком, так сказать, поздней расправы с Редлихом.

— И получается по Сидорову: одна загадка разъясняется путем создания другой загадки.

— Даже двух других загадок, — хладнокровно заметил Генрих. — Я имею в виду, что убийцей был Аркадий, а это физически невозможно. И что он свел счеты с Фредом в тот миг, когда уже не мог желать ему вреда, ибо был ему обязан собственным спасением.

В дверь постучали. В комнату вошла Анна. Рой, поднявшись, предложил ей сесть. Она села, положив руки на колени. Бледное лицо и неровное дыхание показывали, что она волнуется. В салоне во время общего обсуждения она держалась гораздо спокойнее. Она смотрела на одного Роя. Рой учтиво ждал.

— Я не помешала? Вы, вероятно...

Она говорила с таким смущением, что Рой пришел ей на помощь:

— Вы хотите сказать нам что-то важное, друг Анна?

Она справилась с голосом, но говорила медленнее, чем в салоне:

— Не знаю, важное ли. Для меня это, конечно, важно. Я не сказала вам о моем отношении к Фреду... Я не хотела при всех говорить о своих чувствах..

Она опять замолчала, нервно сжав руки. Рой, немного подождав, заговорил сам:

— Мы с братом, кажется, догадываемся. Вы были влюблены в Редлиха?

Анна только молча кивнула.

— А Аркадий влюблен в вас? И он ревновал вас к Фреду?

— Он жалел меня, — сказала она глухо.

Рой переглянулся с Генрихом. Генрих, не вмешиваясь в разговор брата с Анной, наблюдал за ней. Рой стал задавать Анне вопросы. Он не собирается вторгаться в душу, его служебная обязанность — исследовать действия, а не чувства, но в непостижимом происшествии на Альтоне чувства, вероятно, диктовали действия...

— Я не хочу ничего скрывать, — прервала Анна. — Для того я и пришла сюда. Дело в том, что я — невеста Аркадия. И уже давно, еще до командировки на Альтону.

Теперь она говорила свободней. Был какой-то барьер, препятствовавший признанию, и она его преодолела. Она рассказывала, как познакомилась с Аркадием за месяц до отлета на Альтону, как

он понравился ей, а она ему, как они колебались, объявить ли о своем решении пожениться и отказаться от интереснейшей командировки, так как на дальние планеты супружеские пары не берут, или воздержаться от близости на три года, до возвращения с Альтоны. Аркадий упрасивал ее остаться на Земле, решение лететь принадлежало ей. Они дали друг другу слово не переступать на Альтоне границ дружбы. Они держались этого слова. Никто бы не мог упрекнуть их, что они нарушают законы, установленные для дальних экспедиций.

А на второй год на Альтоне появился Фред Редлих, заменивший заболевшего пятого члена экспедиции...

Голос Анны снова стал глухим, она опять нервно сжимала руки. У нее попеременно вспыхивало и бледнело лицо. Фред Редлих был человеком с трудным характером. Репутация блестящего исследователя внеземных цивилизаций, вдумчивого и смелого ученого, к тому же — красивый, сильный... На Земле его избаловали, надо прямо сказать. Легкие победы над женщинами он рассматривал как что-то естественное. И, появившись на Альтоне, он дал понять, что далеко не со всеми экспедиционными запретами будет считаться. Просто дружеские отношения с Анной его не устраивали. Трудно даже назвать ухаживанием его поведение, правильнее другое слово — наступление. Она как-то пригрозила, что пожалуется Сидорову. Фред язвительно расхохотался: «Как вы думаете, это меня остановит, Анна?» Она ничего не ответила и вышла. Он догнал ее в коридоре, с силой схватил за руку и прошептал: «Идите к Сидорову, прошу вас. Надо же вам знать, насколько вы для меня важнее всех Сидоровых на Альтоне и в мире!» В эту ночь Анна не спала. Она поняла, что события ведут к беде. Рой мягко сказал:

— Значит, он по-серьезному влюбился в вас, Анна, если так повел себя?

Она покачала головой.

— Он не влюбился, он увлекся. Фред был неспособен на серьезные чувства, он мог увлечься. По-настоящему он был влюблен только в археологию. Каменным богиням, найденным на Зее-2, он отдал больше страсти и времени, чем всем своим возлюбленным, вместе взятым. Открытые им изделия древних цивилизаций навсегда сохранились в его памяти, он мог часами с восторгом говорить о них. Женщины же в его жизни появлялись и исчезали, он часто не мог правильно назвать имени той, в которую был когда-то влюблен, он смотрел на фотографии своих подруг и путал их

имена. Любовь, накатывавшая на него временами, была стремительна, бурна, настойчива, но оскорбительна. Она мучила, ей было трудно противиться — радости в ней не было.

— Все это было до вас, — вдруг сказал Генрих. — Вы не допускаете мысли, что Фред переменялся, встретив вас? Что чувство к вам — впервые в его жизни — было серьезным?

Анна повернулась к Генриху, долго всматривалась в него, словно не понимая вопроса. Она колебалась, это было ясно. Генрих знал ответ и не сомневался, что она его тоже знает. Он хотел определить, какова мера искренности в ее словах, исчерпывающая ли ее честность перед собой. И когда она заговорила, Генрих, удовлетворенный, взглядом показал Рою, что больше вмешиваться в беседу брата с Анной не будет. Она сказала то, чего он ждал.

— Посмотрите на меня, — попросила она с горечью. — Разве я похожа на тех красавиц, которым он дурил голову? В сравнении с ними я дурнушка. У него был альбом — друзья, сотрудники по прежним экспедициям, возлюбленные... Он с охотой показывал его нам, я могла определить свое место в их ряду. Да и не в одной внешности дело. Духовно я тоже проигрывала... Он вращался среди блестящих людей, мужчин и женщин. Я сразу поняла, что лет через пять, показав на мою фотографию, если она займет место в его альбоме, он скажет: «А вот эта — Таня... Нет, кажется, Мэри... Не помню точно. Мы с ней провели отличные два года на Альтоне. Просто не могу понять, почему я так скоро охладел к ней!»

Она замолчала и перевела дух, стараясь усмирить поднявшееся волнение.

— Возвращаюсь к тому вечеру... Ну, когда Фред сказал, что он подождет... Аркадий вбежал в салон. Я рыдала, положив голову на стол, он стал на колени, успокаивал меня. Я была вне себя, не могла совладать с собой. И я наговорила лишнего. Я призналась Аркадию, что люблю Фреда, и что любовь Фреда ко мне ужасает и оскорбляет меня, и что у меня нет сил защищаться, и что если он не оставит своих настояний, я не смогу устоять. «Недолго ждать ему, недолго!» — прокричала я со слезами. До сих пор не могу простить себе, что впала в истерику... В моей жизни не было человека, столь же великодушного и нежного, как Аркадий. Он мог бы мне простить все проступки и словом не упрекнуть, но разве это оправдывает, что я его так мучила? И я все говорила, все говорила, пока вдруг не взглянула на него и не испугалась того, что делаю. У него было ужасное лицо... нет, не ужасное, это

не то слово, а какое-то отчаянно-отрешенное. Мне вдруг стало так страшно, что я начала оправдываться, стала умолять Аркадия о прощении. Он погладил мои волосы и сказал очень тихо: «Анна, уедем с Альтоны! Подадим рапорт и уедем. Иначе нас ждет большое горе!» Я ответила: «Подождем, Аркадий. Если ничего не изменится, подадим рапорт». Мы еще поговорили немного, и Аркадий ушел в генераторную, а я — в свою комнату.

— Рапорта вы не подавали? — уточнил Рой.

— Не было нужды. С того вечера и до своей смерти Фред вел себя безукоризненно. Мне кажется, начинались дружеские отношения. Налетевшая на него страсть ко мне оказалась недолговечной.

«Во всяком случае, меньшей, чем твоя страсть к нему», — подумал Генрих, услышав, как дрогнул ее голос от внутренней боли.

Анна встала.

— Не знаю, поможет ли вам мое признание, но во всяком случае я облегчила свою душу. Прошу вас: не надо рассказывать Аркадию о моем приходе. Я искренне его люблю, поверьте. Ему было бы очень больно, если бы он узнал, что я призналась вам в своем отношении к Фреду. Я не хочу огорчать Аркадия. И не хочу лгать вам.

— Аркадий ничего не узнает о нашем разговоре, — заверил Рой, провожая Анну до дверей.

Когда дверь закрылась, Генрих возбужденно воскликнул:

— Рой, пригласи Аркадия! С ним нужно поговорить!

— Нужно ли? — с сомнением переспросил Рой. — Мы дали Анне слово...

Генрих нетерпеливо махнул рукой.

— Все твои обещания будут выполнены! На этот раз я сам буду разговаривать с ним. И речь пойдет только о нем и его поступках, а не о чувствах Анны.

Рой вызвал Аркадия. Энергетик явился через минуту.

— Простите, что мы снова отрываем вас от дела, — начал Генрих. — Нужно выяснить одно важное обстоятельство. Можете ли вы самым точным образом вспомнить, что вы делали, когда возвратились в генераторную после ссоры с Фредом?

Аркадий пожал плечами. Нет ничего проще, чем вспомнить, что он делал тогда. Он ничего не делал. Он сидел перед пультом такой обессиленный, что даже трудно было руку поднять. Он бессмысленно смотрел на схемы управления механизмами и размышлял о разных вещах. В мыслях он продолжал нападать на

Фреда, даже завязал с ним драку, повалил его — в общем, расправился. Мстительные мечты вскоре угасли, ни одна не превратилась в поступок. И не потому, что он побаивался сдачи — с Фредом любая драка могла обернуться плохо, — нет, просто одно дело обидчивое воображение, другое — реальное действие.

— У меня с детства стремление рисовать себе всякие картины, — признался энергетик. — Если мама меня наказывала, я воображал, что умер от горя, а мать, раскainyaсь, убивается надо мной. А если ссорился с другом, то в мыслях жестоко мстил, и картина воображаемой мести быстро успокаивала меня... К сожалению, я и сейчас не отделался от этой детской привычки.

— Итак, вы сидели у пульта? — уточнил Генрих.

— Тогда как раз начались пусковые испытания генераторов. Я уже говорил, что они шли на малой мощности. Мы проверяли предположение, что непонятный завод — энергетическое сооружение, и пытались воздействовать на него электрическими полями.

— А как работали генераторы спустя три месяца, в день, когда произошло несчастье с Фредом?

— В тот день мы запустили их на максимальную мощность. Для наблюдения за экспериментом мы и собрались в салоне, хотя обычно работаем в своих комнатах. Но и мощные электрические потоки не оживили ни одного из загадочных механизмов.

— Вы сказали: собрались в салоне все?..

— Фред тоже был с нами. Но ему надоело следить за приборами, он оделся и вышел на планету. Потом раздался крик о помощи и вопль, что я его убиваю... Я в это время сидел у экрана.

— Достаточно, спасибо, друг Аркадий, — сказал Генрих.

Аркадий ушел, Генрих весело объявил Рою:

— Как ты уже догадываешься, меня полоснула ослепительная идея. Из тех, что ты так жаждешь. И если она подтвердится, загадок больше не будет. Ты сказал Анне, что чувства диктовали действия. Если я прав, то на этой удивительной планете чувства и есть действия. Но потребуются опасный эксперимент...

— Раньше такие эксперименты называли следственными, — с удовлетворением объявил Рой, когда Генрих изложил свою идею. — Будь покоен, я сделаю все, что ты требуешь.

6

Генрих, выходя, подбодрил Роя веселым взглядом. Генераторы работали в надежном режиме, случайностей быть не могло.

Рой нервничал. В последнюю минуту он стал просить брата остаться в салоне, но Генрих отверг его домогательства: менять программу эксперимента было поздно, выход наружу Роя мог породить новые неожиданности, отнюдь не развясняя старых.

С Роем осталась Анна. Она следила, чтобы генераторы не сбрасывали мощность. Сидоров, Замойский и Шарлюс сопровождали Генриха. Братья объяснили им, что сегодня надеются оживить машины и что увидеть их возвращение к деятельности лучше во тьме на планете, а не на экране.

Молящие глаза Аркадия Замойского и усердие, с каким он готовил генераторы к работе на максимальном режиме, яснее слов рассказывали, сколько надежд он связывает с удачей эксперимента.

Над Альтоной забушевала электрическая буря: заряды, выбрасываемые генераторами, насыщали поверхность планеты, накапливались на каменистых остриях и гранях. Четыре человеческие фигуры, двигавшиеся во тьме, превратились в своеобразные разрядники. «Жалко, что здесь нет атмосферы, — думал Генрих, всматриваясь в черноту впереди, где размещалось кладбище странных машин, — вот была бы феерическая картина, если бы такая электрическая вакханалия разразилась в земном воздухе, ионизируя его молекулы!»

И Генрих, с нетерпением ожидавший именно этого, первым увидел, что от машин приближается новая человеческая фигура — в скафандре, с копьем в руке. Но двигался незнакомец быстрее, чем ожидалось. Он не шагал, а мчался, почти летел.

— Да это же Рой! — с изумлением закричал Сидоров в микрофон. — Как он сумел опередить нас? Он же остался в салоне.

— Оружие! — скомандовал Генрих и выхватил электрический пистолет.

Он не успел выстрелить, как незнакомец, выбросив вперед копьё, ринулся на Генриха. И если бы Генрих не знал заранее, что произойдет, он не сумел бы увернуться от стремительного выпада. Генрих потом говорил, что был тот случай, когда секундное промедление могло стоить жизни. Незнакомец слишком походил на Роя, это была вторая неожиданность. Это был словно сам Рой, внезапно вынырнувший из темноты, — Генрих не осмелился разрядить пистолет.

Зато выстрелил начальник экспедиции, но промахнулся. Выстрелы Шарлюса и Замойского слились. Заряд взволнованного энергетика тоже промчался мимо, зато хладнокровный физик

угодил в незнакомца. Тот пошатнулся, но, устояв, снова замахнулся копьем.

Все остальное совершилось в считанные секунды. Вдруг с той же стремительностью незнакомец стал удирать.

Сумрачный ореол уносился в сторону мертвого завода, быстро стираясь в вечной черноте планеты.

— За ним! — крикнул Сидоров и помчался за беглецом. Генрих нагнал его и остановил.

— Пустите! — Начальник станции яростно вырывался. — Преступника нужно схватить!

— Вы никого не схватите. Преступника нет. Он существовал всего несколько минут.

— Выгораживаете своего вероломного брата? Мы все видели, что это Рой!

— Рой мирно сидит около Анны и наблюдает, что совершается с нами на планете. Возвратимся на станцию, и сам Рой расскажет нам, в чем суть эксперимента.

7

Рой любил такие минуты — увлеченные глаза, раскрасневшиеся от волнения щеки.

Сегодня он не мог пожаловаться на недостаток внимания у своих слушателей.

— Нам с самого начала было ясно, что нормы древней криминалистики не подходят, — говорил он в салоне. — Земные детективы установили, что убийства в обычном смысле не произошло, и были правы. Но Редлих погиб физически, и, стало быть, существовали физические причины его гибели. Мы были уверены, что столкнулись с еще не слыханным явлением, и поэтому искали лишь таких объяснений, которые самим представлялись невероятными. Самым невероятным было, согласитесь, что на Фреда совершил нападение Аркадий. Это стало бы достоверным, если бы удалось доказать, что на Альтоне возможно физическое раздвоение личности — появление некоего материального дубля Аркадия, способного хоть на короткий миг совершать самостоятельные действия, так сказать, от его лица.

— И вы предположили, что механизмы, оставленные на Альтоне неведомой цивилизацией, могут телесно воспроизвести любого из нас? — уточнил начальник экспедиции.

Рой кивнул.

— Идея эта появилась у Генриха. Человеческая техника способна создавать изображение любого существа и передавать это изображение на любое расстояние. Но наши изображения бестелесны, это всего лишь рисунки, только силуэты на экране, а не тела. Цивилизация, существенно обогнавшая человеческую, могла бы не только создавать оптические изображения, но и снабжать их иными материальными характеристиками, например телесностью, подвижностью и так далее. Дубль — смесь рисунка и скульптуры, телесное изображение, запрограммированное на некое действие, короче — роботизированная копия... Как она создается машинами. Альтоны — это мы оставляем вам в качестве проблемы для исследования. Но то, что дело обстоит именно так, мы доказали экспериментом: я пожелал напасть на Генриха с копьем, а механизмы осуществили это мое желание, создав мою телесную копию. Главная трудность, кстати, была не в том, чтобы физически меня скопировать, коль скоро загадочные механизмы на Альтоне заработали, а в том, чтобы доказать, что они вообще могут работать. Была и еще одна трудность — мотивы преступления (я применяю этот термин условно, поскольку более точного нет). И если бы не откровенность Анны, рассказавшей нам о ссоре Аркадия с Фредом, и не искренность самого Аркадия, признавшегося, о чем он думал в те тяжелые минуты, у нас в руках никогда не очутилась бы путеводная нить к разгадке тайны.

— Я и понятия не имел, что мои озлобленные мечтания могут привести к таким страшным последствиям, — проговорил расстроенный Аркадий.

— Все мы привыкли думать, что разыгравшееся воображение, — пустяк. Оно меньше значит, чем даже плохое слово, брошенное сгоряча. В мыслях мы зачастую позволяем себе то, чего никогда не выскажем словесно, тем более — не осуществим. На Земле такой дуализм воображения и действия не опасен, но на Альтоне любая мечта — уже поступок. И если мечта нехороша, поступок превращается в проступок: воображение неотделимо от действия.

— Вы не объяснили, как разгадали тайну механизмов, — сказал Шарлюс. Толстого физика моральные проблемы интересовали меньше, чем инженерные.

— Разгадка пришла естественно. Аркадий, мечтая о мести Фреду, сидел у только что запущенных генераторов энергетических полей. Вполне можно было допустить, что эти поля, усилив как-то биоволны его мозга, передали его мечты механизмам на

Альтоне в качестве вводной информации. Машины, восприняв сигналы, создали план осуществления мечты в образе дубликата Аркадия, нападающего во тьме на Фреда. Вероятно, среди картин, пронесившихся в возбужденном мозгу Аркадия, была и похожая на эту. И если Редлих не погиб сразу после ссоры, то лишь потому, что механизмам, материализующим воображение, не хватило энергии, притекающей со станции. Впервые генераторы заработали на полную мощность в день убийства. Мы обратили внимание и на это многозначительное совпадение. Оно свидетельствовало в пользу Аркадия, ибо за эти три месяца его раздражение против Фреда превратилось в благодарность за спасение. Запоздавшее убийство было вызвано внезапно усилившимся притоком энергии.

— Стрела, летящая во тьме, как говорили древние! — побледневшая Анна передернула плечами. — Я буду теперь бояться ходить по планете. И каждого подозревать, что он плохо думал обо мне!

Начальник экспедиции взволнованно сказал:

— Нет, Анна, бояться планеты нам нечего, тем более не придется бояться самих себя. Будем знать, что на Альтоне нужно контролировать не только действия и слова, но и тайные свои мысли. Научимся и этому, как ребенок учится тому, что не все позволено делать и не всякие слова можно безнаказанно произнести. Да и Земля, отправляя новые экспедиции, будет отныне подбирать людей, воспитанных не только в смысле внешнего поведения, но и обладающих хорошо воспитанным воображением. Все это не такая уж тяжелая проблема. Я думаю о них, о загадочных создателях этих удивительных механизмов. Вы, друзья, распутав загадку, открыли нам поистине удивительные горизонты.

Сидоров помолчал, собираясь с мыслями.

— Вы доказали, что механизмы, найденные на Альтоне, для действия нуждаются лишь в притоке энергии извне. Вы установили, что они способны материализовать смутные мысли, пронесшиеся в нашем мозгу. Вероятно, вскоре мы установим и многие другие функции этих механизмов. Но уже и сегодня ясно, что обитатели Альтоны пользовались ими для осуществления своих мысленных пожеланий. Люди на Земле придумали машины, производящие материальную продукцию, и роботов, оказывающих услуги непосредственно человеку. Как неизмеримо дальше ушли жители Альтоны! Армия слуг, возникающих, когда в них появляется надобность, и бесследно потом исчезающих! Ни ремонтиро-

вать, ни смазывать! Никакого обслуживания, в то время как люди так много времени тратят на уход за машинами... Я не могу отделаться от мысли, что цивилизация альтонцев могла бы многому нас научить — не только в материальной культуре, но и морально. Когда механизмы заработают полностью, нам придется деспотически следить за собой, чтобы неосторожная мысль, внезапная опасная фантазия снова не привели к катастрофе. И это при условии, что мы сидим взаперти на станции, лишь изредка выбираясь наружу. А альтонцы жили среди своих механизмов, непосредственно общались с ними! Мне бы хотелось познакомиться с этими удивительными существами — не так позаимствовать инженерные достижения, как завоевать сердечное доверие, стать им другом.

Рой с улыбкой глядел на раскрасневшегося от волнения седенького начальника экспедиции.

Сидоров продолжал:

— Но для этого нам необходимо решить другую загадку: куда они все-таки могли подеваться?

— Раскрытие тайны механизмов бросает свет и на тайну исчезновения альтонцев, — заметил Аркадий. — Механизмы работают лишь при притоке энергии извне. Органических источников энергии на Альтоне нет, а лучистая энергия Вегги слишком мала. Надо поискать на планете атомные установки. Если здесь имелись энергетические руды и если запасы их истощились, то альтонцам пришлось или погибнуть, или переселиться на иные планеты.

— Мы попросим Землю послать специальные экспедиции на поиск альтонцев, — пообещал Рой.

В разговор вступил молчавший Генрих. Он не любил публичных выступлений и, если в них возникала необходимость, представлял их Рою.

— Разрешь теперь и мое недоумение, Рой. Почему твой призрачный дубль вдруг так проворно удра?

— Ах, это! — сказал Рой. — На экране нам с Анной было видно, что вы там замешкались с отпором и от волнения плохо целились. Вот я и послал механизмам мысленную команду, чтоб дубль мой провалился в тартарары. Исполнители они первоклассные, это вне сомнения.

МАШИНА СЧАСТЬЯ

1

После расследования трагической гибели Фреда Редлиха Генрих стал жаловаться, что их с Роем превращают из физиков в космических детективов. Рой попробовал было опровергнуть брата. Он рассудительно доказывал, что детективы ищут преступников, совершивших убийства или иные крупные нарушения человеческих законов, а они исследуют загадочные явления в космосе и обществе, которые представляют опасность для человека.

Доказательства не убеждали, а раздражали Генриха. Генрих временами становился глух к любому разумному доводу, если тот, по словам Роя, «не попадал в жилу» настроению. Разговоры кончались тем, что Генрих начинал кричать на брата, или убегал из лаборатории, или — и это казалось Рою хуже всего — в полной прострации заваливался в кресло и часами не откликался. Наконец Рой потерял терпение.

— Что ты хочешь? — спросил он. — Объясни по-человечески, чего тебе надо?

«По-человечески» Генрих объясняться не умел. Ему что-то не нравилось в их новой специализации, он неспособен точно сформулировать — что, пусть к нему не пристают с педантическими вопросами. У него скверно на душе, это он знает. И еще он знает, что физику не пристало наклоняться над трупами, искать на теле следы насилия и потом рысью бежать по горячему следу; ему, Генриху, безразлично, чей именно это след — злоумышленника на двух ногах или зловещего, никому еще пока не известного космического явления.

У других работа как работа, открытия и находки совершаются на стендах с приборами, а не на операционных столах и в

моргах. Он хочет вычислять, а не копаться в следственных докладах. Ему надоело отталкиваться от изуродованных тел как от основы для теоретических изысканий. Он будет основываться на формулах и интегралах, отталкиваться от формул. И все, что не имеет отношения к письменному или лабораторному столу, может безмятежно ухнуть в преисподнюю.

Рой обладал способностью быстро облекать смутные ощущения Генриха в одежды точных формулировок.

— Понимаю, — сказал он спокойно. — Ты хочешь разработать прибор, который автоматически разыскивал бы укрывающихся преступников и сам обнаруживал неведомые опасные явления.

Генрих, развалившийся в кресле, даже привскочил от удивления.

— Знаешь, Рой, в этой мысли что-то есть, — сказал он.

— Конечно, — подтвердил брат. — Это ведь твоя мысль, а на глупости ты не способен.

Рой любил изображать их отношения так, будто все значительное в их работе придумано Генрихом, он же лишь помогал превратить блестящие идеи брата в практическое действие.

Генрих забегал по комнате. Он должен был выплеснуть в движении охвативший его восторг. В нем клокотал и пенился проект новых изысканий.

— Так-так, — радостно бормотал он. — Совершенно верно! Не руками, а электроникой хватать за шиворот преступников. Испытывать опасные ситуации не на живом теле, а на модели. Моделировать опасность. Создать электронную схему уголовного деяния. Но как? Вот он, вопрос вопросов: как?

Через минуту Генрих остановился перед братом, хладнокровно наблюдавшим за его метаниями, и сообщил, что у него все разработано. Уже давно открыт способ физически измерять уровень общественного счастья. Любое преступление и несчастье понижают этот уровень. Им остается отыскивать случаи падения общественного благополучия, все крохотные ямки и впадины на плавной кривой и определять, кто и что вызвало их. В чем причина таких падений — в преступлении или в непредвиденной беде. А созданный ими прибор сам отыщет места падений, сам обнаружит причины, сам укажет, кто преступник или в чем состоит неизвестная опасность.

— Отлично, — одобрил Рой. — Я предлагаю назвать наш новый аппарат розыскным прибором.

— Согласен! — Если криминалистика превращалась в электронный процесс, Генрих ничего не имел против нее.

Два месяца братья с увлечением работали над розыскным прибором. На испытании он показал неплохие результаты — удалось отыскать пропавшие несколько лет назад индукционные эталоны тихой радости, психической удовлетворенности и хорошего физического самочувствия. Исчезновение эталонов в свое время наделало много шума. Их изготовили для колонии на планете Сигма-3, с планеты долго поступали запросы и жалобы на невыполнение заказа. Институту космических проблем пришлось срочно изготавливать дубликаты уникальных катушек. Теперь они нашлись в собачьей будке в саду. Розыскной прибор указал и виновника — веселую овчарку Приму. Собака, по-видимому, проникла в лабораторию через открытое окно, изящные катушки ей понравились, и она утащила их к себе.

Розыск эталонов, скорее забавный, чем серьезный — катушки, основательно изгрызенные, в дело уже не годились, — показал, что прибор надежен. Генрих, однако, досадовал, что не пришлось испытать его на крупном деле. Он несколько успокоился, когда братьям сообщили, что прибор затребован на контрольную проверку в Управление общественного благополучия. Рой, наоборот, разнервничался, что с ним бывало не часто. Все испытания в Управлении общественного благополучия происходили в присутствии членов Большого совета. Это означало, что любая неудача становилась катастрофическим провалом. Правда, и любой успех превращался в триумф.

2

Братья привезли прибор в Управление и установили его в операционном зале.

Это было одно из немногих мест, где педантично хранились традиции старичы. Все здесь поражало древней примитивностью — и самосветящиеся стены, и щиты со схемами, и стереоэкраны связи с городами на других солнечных планетах, и допотопные пластиковые диваны.

Порывистый Генрих, забывший, что здесь нет силовых стульев, появившихся в момент, когда в них возникала нужда, немедленно растянулся на полу. Он поворчал, что не понимает, как жили предки; они были, очевидно, рабами вещей и не то что лечь, но и

сесть не могли, если поблизости не имелось специальных приспособлений.

Точно в назначенное время явилась проверочная комиссия — почти все были членами Большого совета. И возглавлял ее Альберт Боячек. У Роя несколько отлегло от души. Президент Академии наук хорошо относился к братьям. О Генрихе можно было даже сказать, что он — любимец Боячека.

— Начнем, друзья! — предложил Боячек.

Розыскной прибор подключили к третьему щиту. Всего щитов было пять, они полукругом охватывали центральный пульт, тоже древнее устройство. Первый щит вмещал интеграторы общественного здоровья, на втором размещались уровнемеры наличного общественного счастья, третий показывал развитие человеческого благополучия с начала истории человечества, а четвертый суммировал положение на других планетах, заселенных людьми и звездными их друзьями. Этот щит был поновее, и показатели можно было бы изображать не такими архаическими приборами, как самописцы и автоматические интеграторы, но Большой совет и тут не пожелал нарушать традиции.

А на пятом щите красовался экран общественного пси-поля, это был регистратор суммарного творческого потенциала общества, механизм, разработанный самим Боячеком. Генрих подошел было к этому щиту, но Боячек показал на второй и третий.

— Нас прежде всего интересует, что мешает подъему общественного благополучия, — сказал президент. — Подъем и падение творческого духа — явления столь сложные, что пока нет нужды вручать их исследование приборам.

У третьего щита розыскной прибор вел себя отлично. Ему задали первобытную историю, период Древнего Рима по всем годам римской истории. Прибор с большой точностью перечислил причины, препятствовавшие в те годы общественному благополучию: малую экономическую эффективность рабовладельческого строя, войны с соседями Рима, борьбу за власть в правящей верхушке, религиозные суеверия, неурожаи, болезни, стихийные бедствия... Члены комиссии только кивали головами, когда розыскной прибор выпечатывал на выходной ленте свои комментарии для каждого года римской истории.

Боячек сделал знак, чтобы прибор передвинули ко второму щиту.

Рой вздохнул. Регистраторы наличного общественного счастья показывали такой ровный уровень, что поисковым лучам прибора

не за что было уцепиться. И он был сконструирован вовсе не для таких случаев. Он, по расчету, исследовал особые события, нарушения и выпадения из норм, поэтому братья и назвали его розыскным, а не оценочным. Рой в унынии уже предвидел провал.

Но Боячек неожиданно остался доволен и теми маловразумительными пояснениями, какими прибор сопроводил кривую имеющегося общественного благополучия.

— Великолепный механизм! — сердечно сказал Боячек братьям. — Меня просто взволновала показанная им высокая энтропичность общественного счастья.

— Высокая энтропичность? Я правильно понял? — с опаской переспросил Рой.

— Именно высокая энтропичность. Счастье в современном обществе — категория сугубо энтропическая. Ибо счастье, как и энтропия, не может уменьшаться, но только расти. Сумма человечности и благополучия, этих главных компонентов нашего социального счастья, непрерывно увеличивается. Наша эпоха полностью исключает такие антигуманистические энтропии, как голод, эпидемии, войны, которые столь часты были в прошлом. И этому основному требованию энтропичности счастья ваше изобретение удовлетворяет полностью.

— Вот как? Я очень рад, — ошеломленно сказал Генрих.

Остальные члены комиссии единодушно присоединились к поздравлению президента Академии наук.

— Можно ли считать, что розыскной прибор экзамен выдержал? — осторожно поинтересовался Рой.

— Можно, — ответил Боячек. — В связи с этим поговорим о практическом применении вашего аппарата. Вы назвали его розыскным? И предназначаете для обнаружения преступлений?

— И явлений, нарушающих общественное и личное благополучие, — поспешно добавил Рой. Ему не понравилось сомнение, вдруг зазвучавшее в вопросе президента.

— Второе лучше, — сказал Боячек. — Дело в том, что преступления в нашем обществе давно уже не совершаются. Мы хотим предложить вам иную специализацию изобретения. Мы хотели бы, чтобы вы занялись обратной проблемой — разысканием возможностей увеличивать счастье. Это осуществимо?

Рой быстро взглянул на Генриха. Генрих молчаливо развел руками. Рой уверенно сказал:

— Ничего трудного нет. Переменим знак минус на знак плюс в программах, только и всего.

— Тогда мы присваиваем вашему аппарату официальное название — Машина Счастья. И просим немедленно приступить к практической работе. Задание будет такое. На планете Дельта-2 в системе Капеллы нарушены социальные энтропические законы. Нас тревожит, что в человеческой колонии на этой планете уже два поколения не растет сумма счастья. Подъем благосостояния и душевного довольства вызывается там исключительно притоком переселенцев и командированных с Земли, а сами аборигены застыли на раз достигнутом уровне.

— А каков этот уровень? — осторожно поинтересовался Рой. — Я хочу сказать, не подошел ли он к максимальному?..

Боячек не дал Рою договорить:

— Предела для счастья, как и для горя, не существует. Пути совершенствования беспредельны, как и дороги деградации. Таков основной закон социальной энтропии. Разница лишь в том, что в прогрессивном обществе энтропично счастье, а в гнущем в образе общественной энтропии выступает горе. Вы уловили разницу? Завтра на специальном сверхсветовом звездолете ваш аппарат и вы будете направлены на Дельту-2, чтобы восстановить там здоровую энтропичность счастья. Желаю успеха.

Когда братья возвратились в свой институт, Генрих долго ходил по лаборатории. Рой молчал.

— В кого они нас превращают? — сказал Генрих, останавливаясь перед братом. — На какую дорогу мы вступили?

— Дороги изобретательства темны, — задумчиво сказал Рой. — Пошагаем немного и по этой тропке.

3

— Планетка, однако! — проворчал Рой. — Я и не подозревал, что существуют люди, столь всеобъемлюще упоенные собой, как некоторые местные жители.

— Не бубни! — устало попросил Генрих. — Что за скверная манера говорить под руку одно плохое! Я отказываюсь признать этого Пьера Невилля обыкновенным человеком. Второй раз машина возводит его в ранг небожителя.

— Раз он не кодируется, проверь, нет ли у него на спине ангельских крылышек, — посоветовал Рой. — Это будет лучше, чем перегружать машину непосильным заданием.

Генрих в отчаянии пробормотал:

— Такие душевные добродетели, что плаваются предохранители и пробивает конденсаторы! Куда ему еще повышать уровень своего счастья?

Вскочив, он вышел наружу. Домик Хранителя Туманов, отведенный для работы Машины Счастья, располагался на вершине холма. Отсюда открывался великолепный обзор города и долины. Из каменистой почвы били фонтаны тумана, город сверкал золотыми крышами домов.

Генрих присел на камень. Все шло плохо, надо было успокоиться. Рядом с Роем, упрямо добивавшимся невозможного, Генрих раздражался. Только хорошая порция тумана могла возратить утраченную ясность духа. Так недолго и пристраститься, невесело подумал Генрих.

Он посмотрел вверх. По сине-фиолетовому небу катились два светила. Капелла-А была подобна Солнцу, Капелла-Б, такая же оранжево-желтая, была чуть поменьше. Генрих расстегнул рубашку. Планета Дельта-2 находилась от звезд-близнецов раза в четыре дальше, чем Земля от Солнца, но и на полюсе здесь пекло, как в Сахаре.

— Пойду, — вслух сказал Генрих и торопливо, чтобы не передумать, заскользил вниз по крутому склону.

Вскоре около него взметнулся первый гейзер цветного ароматного тумана. С каждым шагом дымов становилось все больше, они были ярче и благоуханней. У Генриха кружилась голова. Так всегда происходило, когда он начинал вдыхать этот удивительный воздух, вырывающийся из недр планеты.

Генрих постоял около одного гейзера. Голова понемногу прояснялась, постепенно возвращалось хорошее настроение, тело становилось легким. «Минут через пять захочется пить и танцевать», — с веселым удивлением определил свое состояние Генрих.

— Здравствуй, друг! — услышал он из цветного сумрака голос Хранителя Туманов.

Генрих зашагал навстречу, стараясь обходить молодые гейзеры — неосторожный шаг мог непоправимо попортить эти слабые создания.

Хранитель Туманов был рослым молодым мужчиной, сдержанным, внутренне словно бы отсутствующим: он разговаривал, не глядя на собеседника, часто отвечал невпопад, глаза его постоянно обрывались окрестности, словно отыскивая гейзерок, нуждающийся в срочной помощи. В руке у него была небольшая электропалата, он держал ее клинком вперед, как боевое оружие.

— Не наглатывайся, для землян наши туманы небезопасны, — поглядев на Генриха, сказал Хранитель Туманов.

— Обойдется, — ответил Генрих. — Я человек здоровый.

Хранитель Туманов, не дослушав, отошел. Генрих последовал за ним.

Изогнувшись, Хранитель не то вглядывался, не то вслушивался во что-то на почве. Местечко было как местечко: камень, густо пронизанный нитями золота, — обычный здешний грунт. Генрих прошел бы мимо, не обратив внимания. Хранитель осторожно коснулся почвы острием лопаты и стал медленно передвигать клинок. Лопата вибрировала, вибрация то усиливалась, то уменьшалась, и там, где она показалась максимальной, Хранитель вонзил острие в почву. Клинок запрыгал, загрохотал, в воздух полетели осколки камня и крупинки золота. Генрих заслонил ладонью лицо, чтобы шальная золотинка не вонзилась в глаз.

Почва быстро разрыхлилась. Хранитель нажатием рукоятки превратил клинок в совок и стал выбирать землю. Вскоре образовалась лунка диаметром и глубиной с полметра. Хранитель вторым нажатием превратил совок в метлу и подмел дно и бока лунки.

— Скоро народится, — предсказал он.

Новорожденный гейзерок сообщил о своем появлении на свет тонким свистом, потом вырвался язычок синего пламени. Пламя устремилось вверх, разрастаясь, из синего становилось зеленым и оранжевым, теряло пронзительную яркость — туманный султан заколебался над головами людей, края его размывались. Генрих шагнул вперед и жадно ухватил ртом гейзерок в том месте, где пламя было еще пламенем, а не теряющим цвет и форму туманом.

Но и здесь, в фокусе огня, это был воздух, только воздух; правда, великолепно выделанный — ароматный, легкий, — он словно сладостно звучал, наполняя легкие: Генрих понимал, что сравнение выпендрено, но оно было единственно точным.

— Не наглатывайся! — повторил Хранитель. — Переедать тумана нехорошо.

— Отличный фонтанчик! — похвалил Генрих. — И много тут нарождается таких детишек?

— Пять-шесть в сутки. Столько же иссякает старых. Горожане не жалуются на плохой воздух.

— Я их вообще здесь не вижу.

— Им хватает и того, что доносится ветром. Однако, друг, выйдем из леса.

Хранитель шел впереди, осторожно выбирая дорогу между гейзерами. Генрих честно впечатывал шаги в его следы.

Приспособиться к условиям странной планеты было нелегко. Необыкновенны были и два одинаковых солнца на фиолетовом небе, и недра каменистого шарика, порождавшие питательный воздух, — если здесь разок в два дня приходилось прибавлять еды к калориям и витаминам, вводившимся в тело при дыхании, то это уже было много. Генрих не ел здесь по неделе; он ворчал, что Рой обжора, когда тот, скорее по привычке, чем по необходимости, вскрывал консервы. Но всего странней были дельтяне — рослые, неторопливые, рассудительно-уравновешенные.

— Скажи, друг, тебе ничего не хочется? — спросил Генрих, когда они поднялись над лесом цветного тумана. — Я говорю о больших стремлениях и целях, а не о желании делать каждодневную работу получше.

— Нет, ничего, — отвечал Хранитель, подумав.

Не подумавши, здесь никто не отвечал, даже если спрашивали, какая погода на дворе или день сейчас или ночь. Рой утверждал, что местные беседы на три четверти состоят из взаимного молчания и лишь на четверть — из слов.

— Но значит ли это, что ты полностью счастлив? — допытывался Генрих. — Понимаешь, друг? Абсолютно счастлив!

Хранитель с удивлением взглянул на Генриха.

— Счастлив, конечно. — Он подумал с полминуты. — А насчет абсолютно... Я не уверен, что знаю, что это за штука — абсолютное счастье.

Генрих со вздохом отвернулся. Над головой жарко сияли два солнца, вдали сверкал золотыми крышами город, в долине клубились цветные султаны гейзеров.

— Я пойду, друг, — сказал Хранитель. — Вечером прибывает звездолет с Земли, надо подготовиться.

— А тебе-то что? Автоматы сами погрузят золото в трюмы.

Хранитель раздумывал больше минуты.

— Надо провести экипаж в Долину Туманов. Земляне любят принимать воздух в местах его выделения.

Генрих постоял перед домиком, потом рванул дверь. Успокоение не пришло, хоть он до дурной сытости наглотался тумана. «Поссоримся с Роем, — подумал Генрих — обязательно поссоримся. Удивительный это человек, Рой! Обязательно он к чему-нибудь придерется, а я не выдержу, обязательно не выдержу, это уж точно!»

Рой задумчиво шагал по комнате.

— Все в порядке, Генрих, — сказал он. — Единственная возможность усовершенствования таится в этом треклятом беспорочном Пьере. Теперь-то швырнем в горние высоты счастья всех этих местных ангелочков без крылышек... Чего ты молчишь, как истукан?

«Нельзя нам не поссориться, — думал Генрих, — обязательно начнем сейчас ссориться».

А вслух он сказал:

— Я не молчу, а размышляю! Итак, ты что-то открыл?

Рой долго глядел на него. «Не хочет ссориться, — подумал Генрих. — Вот же человек — ни за что не хочет ссориться!»

— Ладно, — сказал Рой. — Ты ведь ищешь ссоры, я это вижу. Так вот условие: никаких ссор, даже если тебе не понравятся мои расчеты. Хотя до такой дури, чтобы опровергать математику, ты не дойдешь, надеюсь.

4

Рой, по своему обыкновению, начал с начала. Он просто не мог не быть обстоятельным. Они второй месяц по местному счету, то есть земных полгода, торчат на планете Дельта-2. Первую неделю они познакомились с бытом дельтян, помогали грузить на звездолет добытое здесь золото и удивлялись, зачем так много золота понадобилось на Земле, там этого строительного материала и своего хватает.

— Удивлялись, — подтвердил Генрих. — Не понимаю, к чему ты клонишь.

— Ты обещал сдерживаться, — напомнил Рой.

Вторую неделю они налаживали Машину Счастья и испытывали ее на холостом ходу. Лишь после этого они начали вводить в приемное устройство характеристики дельтян, запрошенные у местной МУМ, серийной малой универсальной машины, впрочем, достаточно точной. В объективности ее данных ни разу не возникло сомнения.

— Если ты собираешься клепать на МУМ, Рой...

— Успокойся! Я уважаю МУМ не меньше твоего. Дело не в МУМ, а в дельтянах.

Итак, они стали работать с дельтянами. Дельтяне — неудачный материал для машин: счастье здесь на таком высоком энергетическом уровне, что не хватает емкостей и сопротивлений для

его закодирования в физические величины. Похоже, что на Дельте-2 не действует основной закон социальной энтропии, столь четко сформулированный Боячком: пути совершенствования беспредельны, верхнего предела счастья не существует. На Дельте существует верхний предел счастья, и он уже достигнут — пути совершенствования перекрыты. Так им в унынии казалось, когда они занялись Пьером Невиллем. Парадоксально, что Пьер был не только последним, но и самым трудным объектом исследования. Этот странный человек не поддавался цифровой зашифровке, все добродетели у него были лишь в превосходной степени. Но сейчас его характеристика проработана, и выяснилось, что он, единственный среди дельтян, может быстро повесить свое счастье, хотя и не подозревает о том.

— Короче! — не выдержал Генрих. — Что за натура — или отвлекаешься на пустяки, или мямлишь!

— Короче так: Пьер должен встретиться со Стеллой.

Генрих изумленно воззрился на Роя.

— Стелла? Это еще что за существо?

— Дельтянка. Двадцать три года, рост сто восемьдесят четыре, волосы подобраны под цвет глаз, окраску глаз меняет раз в три месяца, сейчас они салатно-зеленые. Живет в Южном полушарии, оператор на втором южном руднике, увлекается теннисом, обожает маслины — их, ты знаешь, привозят с Земли, здесь они не прижились, — отличный альпинист. Что еще... Хорошо танцует. В общем, одна из трех тысяч восьмисот сорока четырех дельтянок, которые не являются женами Пьера.

— Естественно, ибо его жена — некая красивая ведьма по имени Мира, что, кажется, означает «удивительная». Ты это хотел сказать?

— Нет, другое. Если женой Пьера вместо Миры станет Стелла, не только индивидуальному счастью Пьера будет дан толчок вверх, мы ведь с тобой здесь не для того, чтобы устраивать счастливые альянсы, нет, общий уровень дельтянского общественного счастья испытает подъем, которого здесь не было уже примерно полтора столетия.

— Ты это берешься доказать?

— Я это уже доказал.

Рой подал выходное отверстие Машины Счастья на экран, висевший между окон.

На экране вспыхнули две кривые: оранжевая, кривая общественного счастья дельтян, и над ней зеленая, личная кривая Пье-

ра. Оранжевая шла параллельно абсциссе, это был график монотонной повторяемости, уровень счастья не рос и не падал, сегодня было так же хорошо, как и вчера, как и сто лет назад, ни на атом хуже, но и не лучше. Кривая индивидуального счастья Пьера тоже шла параллельно абсциссе и тоже монотонно возобновлялась от дня ко дню, но уровень ее был так высок, она так близко подобралась под верхний край экрана, что вид ее изумлял. Генрих почувствовал возмущение. Рой безобразно подшучивал. Повысить личное счастье у этого невообразимо счастливого человека было невозможно не только морально, но и физически.

— Подожди! — невозмутимо сказал Рой. — Посмотри, что получится, когда я задам программу встречи Пьера со Стеллой.

Он проворно вложил в приемное устройство карточку с расчетом свидания Пьера и девушки с салатными глазами и такими же волосами. То, что произошло вслед за этим, заставило Генриха вскочить. Обе кривые, и зеленую и оранжевую, свела внезапная судорога. Концы их заплясали, изогнулись, глубокое потрясение взорвало размеренную жизнь дельтянского общества: кривая Пьера полетела вниз, с высот достигнутого счастья в низины горя и отчаяния, общественная оранжевая кривая тоже испытала падение, но не такое сильное.

— Помолчи! — закричал Рой. — Молчи и смотри!

Генрих медленно опустил в кресло. После кратковременного падения обе кривые устремились вверх. Если и прежде кривая Пьера изумляла своим уровнем, то теперешний ее рост ошеломлял. Кривая его счастья унеслась за пределы экрана. Рой изменил координатную сетку, но и в новом масштабе, уменьшенное вдвое, счастье Пьера ошалело росло, безудержно распухало. Этот удивительный человек и раньше, с Мирой, был счастливее любого другого, теперь, со Стеллой, он был безмерно, невероятно, нечеловечески счастлив.

Но главным, что заставило Генриха промолчать, был ход общественной кривой. Она тоже устремилась вверх — с запаздыванием против кривой Пьера, не так круто, с двумя остановочками, даже крохотным падением, но в целом — на новый, куда более высокий уровень. И лишь достигнув его, кривая общественного счастья стабилизировалась, теперь она опять шла параллельно оси абсцисс, ни на миллиметр не сбрасывая степени достигнутого общественного довольства.

— Надеюсь, ты не проглотил язык, Генрих? — насмешливо поинтересовался Рой.

— Все ясно, — восторженно заговорил Генрих. — Этот Пьер повстречал Стеллу и влюбился в нее без памяти. Вначале помучился, что приходится бросать нелюбимую жену Миру...

— Ужасно сварливая особа, между прочим. Ведьма, как ты справедливо заметил!

— ...ради любимой Стеллы. Колебания и муки Пьера, естественно, понизили уровень общественного довольства, к тому же колония дельтян была возмущена неэтичным — так им, видимо, показалось вначале — поступком Пьера, и это придало кривой те зигзаги и всплески. А потом Пьер успокоился, и счастье его стало бурно расти, дельтянское общество тоже утихомирилось, и к его обычному удовлетворению добавилось новое блаженство Пьера. Соответственно умножению личного счастья Пьера повысилась и сумма общественного счастья. Так это рисуется мне в первом приближении.

— самого важного ты не указал, Генрих.

— Правильно. Самое важное состоит в том, что взлет общественного счастья значительно превышает ту долю, что вносит в него личное блаженство Пьера. Чем-то соединение Пьера и Стеллы полезно обществу, настолько полезно, что революционизирует устоявшийся уклад дельтян. По-твоему, что может тут таиться?

— Могу лишь гадать. Возможно, у них родится ребенок, который все перевернет какими-нибудь изобретениями, либо Пьер со Стеллой сотворят что-то полезное...

— Скажи мне вот что: комбинацию Стелла — Пьер придумала машина?

— Неужели же я? Когда она обсчитала Пьера, я снова задал программу усовершенствования, которая до сих пор не удавалась с другими дельтянами, и машина указала на Стеллу.

— Остается одно: осуществить рекомендацию машины.

— Сделаем это так. Вызываем под любым предлогом Пьера и Стеллу и устраиваем им свидание, а машине задаем излучение, создающее в них взаимное притяжение. Просто, правда?

— Та самая простота, которая хуже воровства, Рой.

— Ты разработал проект получше?

— Никаких проектов я не разрабатывал. Надо бы посмотреть в отдельности на Пьера и Стеллу, прежде чем порождать у них взаимное притяжение.

Рой думал ровно столько, сколько было нужно, чтобы обойти опасные рифы в предложении брата.

— В тебе чувствуется непонятный холодок, — объявил он. — Не спорь, я вижу тебя насквозь. К Пьеру и Стелле пойдешь ты сам. Кстати, машина указала на одну опасность. За Стеллой ухаживает превосходный парень, тоже из южных дельтян. Если мы в ближайшие дни не познакомим Стеллу с Пьером, она выйдет за того парня, и радикальное усовершенствование дельтян не осуществится. Я пробовал энергетически заблокировать парня, но он, понимаешь, слишком ее добивается. Надо заблаговременно создать у Пьера со Стеллой взаимную неосознанную тоску друг по другу. — Рой протянул Генриху карманный передатчик. — Если они тебе понравятся, дай сигнал включения машины. А я пока настрою ее на их взаимную тоску, и тогда предотвратить их соединение в любящую пару не удастся самым расчудесным южным паренькам.

5

Мира оправдывала свое имя — она была удивительна.

Среди медлительных плотных дельтянок эта стройная быстрая женщина казалась чужеродной ветвью. Чем-то она напоминала древних земных цыганок, какими они сохранились в стереофильмах. Вероятно, она лихо плясала, возможно, умела и петь. Еще лучше она, несомненно, при необходимости ругалась. «Бой-баба или баба-яга», — подумал Генрих, представляясь Мире.

Она небрежно, полуоткинувшись, сидела на почти невидимом силовом диване в пустой — по последней земной моде — комнате.

На Дельте-2 земные интерьерные поля были уже внедрены: Генрих уверенно присел, зная, что под ним развернется удобное кресло. Он положил руки на радужные прозрачные подлокотники, полуприкрыл веки. У Мира был острый взгляд, она слишком пристально вглядывалась. «Неприятное лицо, — размышлял Генрих, красивое, но неприятное: сочетание, конечно, нетривиальное». Вслух он сказал:

— Да. Некоторые земные дела. Проблемы экспорта.

— Я не люблю, когда Пьера отрывают даже ради дел. Для экспортных дел я не делаю исключения.

Генрих снисходительно усмехнулся:

— Насколько я знаю, друг Мира, Земля не давала гарантии, что будет делать лишь то, что вы любите.

Мира порывисто поднялась, подошла к окну. Генрих спокойно глядел на место, где недавно проступал силуэт силового дивана.

Он слышал сзади шуршание длинного платья — Мира одевалась с изысканностью, давно позабытой на Земле, это было единственное немодное в ней. Женщина, жертвующая модой ради красоты, уже одним этим была необычайна. Шуршание платья раздавалось то справа, то слева. Мира, как пленная тигрица, ходила за спиной Генриха. Он безмятежно покоился в кресле, снова прикрыв веки. Он и не подумает поворачиваться вслед за каждым движением сумасбродной женщины. Молчание разорвал резкий голос Миров:

— Я не хочу вашего свидания с Пьером. Я прошу вас уйти.

Генрих медленно приподнялся. Кресло исчезло, чуть он оторвался от него. Интерьерное поле работало безупречно.

— Попросить меня уйти вы можете, но не допустить моей встречи с Пьером не в ваших силах. Мы встретимся с ним завтра на космодроме, если свидание в вашем доме исключается.

Мира боролась с собой. В ее черных глазах появились растерянность и мольба.

— Почему Пьер? Он не занимается экспортом золота. В его ведении погрузка нерудных ископаемых.

— Именно нерудные ископаемые меня и интересуют. Золотые крыши на домах давно уже не в моде на Земле и других планетах. Лишь у вас еще увлекаются этими архитектурными излишествами.

Мира сделала жест, и в комнате появился диван.

— Садитесь. Лучше вам встретиться с Пьером в моем присутствии, чем у него на работе. Не выношу, когда он делает что-либо без меня!

Генрих присел и со скукой посмотрел на Миру. Она была очень хороша. Генрих и не подозревал, что глаза, настороженные и тоскующие, вдруг могут так увеличиваться. Красота этой женщины тяготила.

— Мне кажется, друг Мира, что вы и тут ошибаетесь. Да, я действительно собираюсь встретиться с Пьером у вас на квартире, но вовсе не в вашем присутствии.

Только теперь, растерянная и негодующая, Мира стала похожа на дельтянку.

— Почему вы так неприязненны ко мне, друг Генрих? Я вижу вас впервые, но знаю, что вы пришли с недоброй целью...

— Ничего вы не знаете! У вас скверный характер, Мира. На Земле, между прочим, различают обязанности жен и нянек. Не кажется ли вам, что на Дельте-2 такого различия не делают?

Женщина так напряженно раздумывала над словами Генриха, что ему стало ее жалко. Чувство неведомой опасности у нее было развито отлично.

Вообще эта Мира предстала неучтенным фактором. И Машина Счастья, и Генрих с Роем сосредоточились на Пьере со Стеллой, Мира же осталась в стороне. «Ей придется несладко, — думал Генрих, — те падения общественной кривой, очевидно, вызваны ее реакцией на потерю мужа. Хорошо, что они крохотные, всего лишь маленькое личное горе». Мира сказала очень медленно:

— Не знаю, что вы подразумеваете, когда говорите о жене и няньках. Я, возможно, с земной точки зрения плохая жена, тем более нянька, но, смею надеяться, Пьер мной доволен...

— Не говори неправды! — раздался громкий мужской голос.

В комнату вкатился веселый краснолицый человечек, до того округлый, коротконогий, короткорукый, что он походил скорее на шарик, чем на дельтянина. Безбровый, почти безволосый, на голову ниже Миры, к тому же с уродливо несимметричным лицом, он разительно отличался от красавицы жены.

— Что за нелепое слово: доволен! Я не доволен — я восхищен, я очарован, я околдован!

Лицо Миры вспыхнуло, потом побледнело. «Прилила и отлила кровь», — деловито оценил ее состояние Генрих.

— Ты опоздал на сорок семь минут, — сказала она. Голос ее дрожал. — Ты опоздал на целых сорок семь минут, Пьер!

— Я опоздал на сорок семь минут! — пропел мужчина фальцетом. Он схватил жену за руки и закружился с ней по комнате. — Я опоздал на сорок семь минут! — Он отпустил ее руки и заплясал вокруг нее.

— Ты бы мог предупредить, Пьер. Ты ведь знаешь, что мой индивидуальный приемник настроен только на твое излучение! — Она кружилась с охотой, временами обгоняя мужа, тогда он смешно топтал, догоняя ее.

— Я ничего не излучал! Я ничего не излучал! — пропел мужчина еще веселее. Он катился по большому кругу возле жены. — Я погружал, я разгружал, я автоматы снаряжал! Я ничего не излучал! — Внезапно лицо его из веселого превратилось в озабоченное. — Постой! — сказал он, останавливаясь. — Ты опять не обедала? — Он грозно насупил. — Сколько говорить, что не надо ждать, если я опаздываю на обед! — Он опять повеселел, закружился и запел, запрокинув голову: — Меня не надо ждать к обеду! Меня не надо ждать к обеду!

— Перестань! — сказала жена. — У тебя ни голоса, ни слуха, Пьер. Я не могу больше слушать твое пение. Лучше уж танцуй. Только не упади, пожалуйста.

— Я слушать не могу, как ты поешь! — громко пропел мужчина и еще усердней заплясал по комнате. — Я слушать не могу, как ты поешь! — пел он с упоением.

И при каждом обороте вокруг жены взгляд его падал на Генриха.

Но Генрих знал, что Пьер только глядит, но не видит его. Генрих вначале опасался, что Пьер в самозабвенном кружении налетит на стоящее посреди комнаты кресло, но Мира осматрительно держалась подальше от гостя, а Пьер, хоть и не сознавал, что в комнате кто-то третий, физически все же ощущал неведомое препятствие.

— Есть! — закричал Пьер, останавливаясь. — Хорошую порцию тумана. Ты, я и туман! Живо, Мира, живо!

— Мы не одни, — сказала Мира. — У нас в гостях землянин. Только сейчас Пьер увидел Генриха.

— Прошу прощения за невнимательность! — сказал он не принужденно. — Мы с Мирой, когда танцуем, забываем все на свете. — Он плюхнулся на тускло мерцающий диван и обернул к Генриху радостное лицо. — Счастлив познакомиться, друг! Пообедаем и поговорим.

— Раньше поговорим, — предложил Генрих.

— Можно и так, — быстро для дельтянина согласился Пьер.

— И разговор в моем присутствии, — предупредила Мира, садясь рядом с Пьером.

Генрих долгую минуту молча смотрел на них.

На Земле такая пауза была бы сочтена за вызов. Здесь можно было молчать и дольше, не рискуя вызвать недоумение и обиду. В Генрихе мутно клубилась злость на эту красивую и неприятную женщину, так ревниво оберегающую своего безобразного и веселого мужа.

Генрих нащупал в кармане передатчик. Пусковая кнопка торчала сбоку, на нее можно было незаметно надавить пальцем. «Надавливаю — и кончится твоя тирания, — думал он. — С лица твоего Пьера мигом исчезнет улыбка. Пронзенный непонятной тоской, он отвратит от тебя лицо, твои заигрывания станут ему противны, твои настояния — омерзительны. Вот как оно будет, стоит мне нажать кнопку. И я ее нажму, можешь не сомневаться в этом!»

— Я, однако, настаиваю на разговоре наедине.

— Ничего не выйдет, раз Мира не хочет, — добродушно разъяснил Пьер. — Ужасная женщина моя Мира, вы такой еще не встречали.

«Я и такого, как ты, пожалуй, еще не встречал, — подумал Генрих. — Недаром машина так долго билась с твоей зашифровкой. У тебя, собственно, и зашифровывать нечего, ты весь на виду».

Пьер продолжал, шумно засмеявшись:

— Я открою вам страшную тайну: без меня Мира худеет за сутки на килограмм.

— А ты без меня за сутки на килограмм толстеешь, — заметила Мира.

— Худеет? — переспросил Генрих мрачно. Он недоверчиво поглядел на Пьера. — Толстеете?

— Худеем и толстеем! — воскликнул толстяк. — Она без меня ничего не ест от тоски, а я обедаюсь веселящимся туманом, чтобы заглушить скорбь. Так что не заставляйте нас уединяться, а говорите спокойно.

«Ничего я говорить не буду, — размышлял Генрих. — Вот нажму на кнопку — и оборвется наша говорильня, и не понадобятся объяснения. Все равно я не скажу, какую роль ты можешь сыграть в общественном подъеме дельтян, даже о Стелле я не скажу, к Стелле ты устремись всей душой, еще не зная ее, а узнаешь — полюбишь без памяти, куда сильнее влюбишься, чем в эту Миру, и не будет больше в твоей жизни Миры, а будет предназначенная тебе высшей справедливостью Стелла...»

Он вынул из кармана передатчик и положил на колени кнопкой вверх.

Всего одно нажатие пальца — и будет поставлена желанная точка в затянувшемся разговоре.

— Дело в том, что мое предложение секретное, — начал Генрих.

Начало было неудачное: секретов Генрих не имел.

Пьер, подумав, опроверг слова Генриха:

— У вас, возможно, есть секреты от меня, но тогда зачем ими делиться со мной? А у меня секретов от Миры нет.

— И не будет, — добавила Мира с вызовом.

«Нажму кнопку — и точка на объяснении», — вяло думал Генрих, падая духом.

На уродливом лице Пьера играла беззаботная улыбка, черные глаза Миры впивались в Генриха. «Интересно, — думал Генрих, — как она почувствовала, что над ее головой собралась гроза? Вот

же дьявольская настройка души — и без специальных излучений ощущает таинственную опасность!»

— Я собирался пригласить вас на Землю в командировку, — сказал Генрих. — Но одного...

— Исключено! — одинаковыми голосами воскликнули Пьер и Мира.

— Теперь-то я и сам вижу, что исключено, — согласился Генрих.

Он встал, и передатчик со стуком ударился о пол. Прежде чем он успел схватить его, передатчиком завладела Мира. Вскрикнув, Генрих вырвал коробочку из ее рук.

— Что с вами? — спросила Мира с испугом. — Вы так поbledнели, друг!

— Вы не нажали на эту кнопочку? — волнуясь, спросил Генрих. — Вот эту кнопочку — видите? Вы случайно не нажали на нее? Только не скрывайте правды!

— Нет, не нажала! — быстро ответила Мира. Ужас Генриха мгновенно передался ей. — Даже не дотронулась, уверяю вас!

— А на кнопочку надо нажать? — поинтересовался Пьер. — Дайте-ка эту штучку мне, я отлично нажму.

Генрих с грустной улыбкой спрятал передатчик в карман.

— Именно этого и не надо делать. Разрешите пожелать вам долгой жизни, друзья. Счастья вам не желаю, у вас его, судя по всему, хватает.

6

— Не мог я этого сделать, — оправдывался через час Генрих перед братом. — Она так на меня смотрела... Поищем других путей. Впрочем, можешь назвать меня дураком...

Рой молча переливал из бутылки в стаканы плотный цветной туман. Когда синеватый дым за клубился у краев, Рой протянул свой стакан Генриху.

— Выпьем за дураков! — сказал Рой. — Я имею в виду хороших дураков, — добавил он педантично.

— Все-таки лучше было бы специализировать нашу машину для розыска преступников и опасностей. Напрасно мы уступили Боячеку, — запоздало посетовал Генрих после того, как осушил стакан.

ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОФЕССОРА БРАНТИНГА

1

Когда Генриха одолевала хандра — а это случалось регулярно после каждого завершенного эксперимента, — он сторонился людей. Даже сотрудники лаборатории старались в эти дни поменьше его беспокоить, а Рой вставал между ним и посетителями прямо-таки непреодолимым барьером. Любая мелочь раздражала Генриха, когда он впадал в такое состояние, — по мнению Роя, общение с другими людьми становилось для брата слишком трудным.

Собственно, Рой опасался не того, что Генрих может сорваться и наговорить посетителям грубостей. Дело обстояло как раз наоборот.

Генрих так боялся впасть в резкость, что становился преувеличенно мягким. Он быстро уступал, без сопротивления взваливал на себя и брата нежелательные задания, слишком легко давал отнюдь не легко выполнимые обещания. «Самая скверная твоя черта — это твоя поспешная доброта, когда ты не в духе!» — выговаривал Рой брату, и тот сокрушенно опускал голову, если был и в этот момент не в духе, или с раскаянием отшучивался, если настроение выпадало хорошее.

И странное дело Сильвестра Брантинга — Рой долго вспоминал о нем с неудовольствием — свалилось на плечи братьев как раз в момент, когда Генрих после какого-то сложного эксперимента отдыхал в тоскливом одиночестве, а Рой, срочно вызванный на Меркурий, оставил его на три дня без опеки.

Генрих лежал на диване с закрытыми глазами и не то дремал, не то грезил в полной уверенности, что он один в своей комнате. Но когда он раскрыл глаза, то обнаружил, что напротив в

очень неудобной позе, словно на деревянном стуле, сидит в силовом кресле незнакомый мужчина.

— Что вы здесь делаете? — возмущенно спросил Генрих, вскакивая.

— Жду, пока вы проснетесь, — быстро ответил незнакомец. — Только это, только это, уверяю вас!

— Но я не сплю! С чего вы взяли, что я заснул?

Генриху показалось, что незнакомец растерялся. Он выпрямился, подумал, поджал губы и нерешительно сказал:

— Тогда... Нет, наверно, не так! Лучше по-другому... Да, определенно, лучше! Значит, так: наверно, я просто жду, когда вы обратите на меня внимание.

— «Наверно», «определенно»! Способны ли вы объяснить, зачем явились ко мне?

Незнакомец оживился. Во всяком случае, в его голосе пропало напряжение. И сразу стало ясно, что он словоохотлив.

— Собственно, я только этого и желаю — объясниться. Не буду скрывать: ради объяснения я сюда и явился без приглашения и разрешения. И можете не сомневаться, объяснение будет искренним и полным, таким, я бы даже выразился, всеосвещающим... Вам не придется сетовать, что я что-либо утаиваю, или недосказываю, или — говоря проще — искажаю.

Генриху страшно захотелось взять болтливого незнакомца за шиворот и добрым пинком выставить наружу. И тут Генрих, как он потом осознал, сделал первую грубую ошибку. Он испугался, что незванный гость догадается, какие желания пробудил в хозяине, и сказал с вымученной вежливостью:

— Я и не сомневаюсь, и ни на что не собираюсь сетовать. Но я не совсем ясно представляю себе, чем могу быть вам полезен.

Незнакомец сделал успокаивающий жест. Он был не старше двадцати пяти лет, подвижен, легко возбудим — разные выражения на его худощавом лице сменялись с такой быстротой, что начинало казаться, будто для каждого произносимого слова оно имеет особую гримасу. Генрих вскоре убедился, что гостя можно и не слушать, а только смотреть на него — по одной мимике угадывалось, о чем он толкует. Еще никогда Генриху не приходилось встречать столь нервно подвижного лица. Он подумал было, что гость просто кривляется — тело и руки он держал в послушании, не разрешая себе ни резких движений, ни чрезмерной жестикуляции. Интонации голоса тоже были гораздо беднее мимики.

— Меня зовут Джон Цвиркун, — представился гость. — Да, не буду скрывать: я — Джон Цвиркун. Джон Цвиркун, о котором вы столько слышали. Я понимаю, вам удивительно, что я начинаю с признания, но между нами недомолвок быть не должно, этого я не допущу.

Генрих напрягал все клетки памяти, но ни из одной не выдавливалось какой-либо информации о Джоне Цвиркуне. Гость был решительно незнаком Генриху. Среди гримас, с непостижимой быстротой сменявшихся на лице Джона Цвиркуна, промелькнуло и удивление.

— Вы забыли мою фамилию? Невероятно! Но Брантинга вы помните? Профессора Сильвестра Брантинга с Марса? Того самого, что вывел калиопис, знаменитое дерево, меняющее природу Марса. А я ассистент Брантинга, его любимый ученик — не единственный ученик Брантинга, этого я не утверждаю, нет, но единственно любимый и, так сказать, доверенный и наперсник. Зовите меня просто Джоном, я не люблю, когда со мной обходятся церемонно, у нас на Марсе обычаи проще, чем на Земле, гораздо, гораздо проще, смею вас уверить. Итак, я для вас отныне Джон, а вы для меня Генрих, дорогой друг Генрих!

Лишь теперь Генрих понял, кто к нему явился. Имя директора Марсианской астроботанической станции Сильвестра Брантинга было известно и на Земле.

Это он десять лет назад вырастил калиопис — ветвистое дерево с толстым стволом, с могучими корнями и физиологией, разительно непохожей на физиологию всех других растений.

Удивительным было уже то, что калиопис размножался спорами. И то, что он без затруднений рос в безводных пустынях, почти при полном вакууме, отсутствии освещения, при морозах, падающих ниже пятидесяти градусов.

Жизнестойкие в трудных условиях дальних планет растения выводили, кроме Брантинга, и другие земные ученые, но калиопис получился уникальным: никакому ботанику еще не удавалось столь совершенное создание. Гигантская корневая система калиописа не только поглощала соки грунта, но и выделяла свою клейкую, не замерзающую при морозах жидкость, растворяющую твердые частицы почвы и разлагающую почти все соединения, где имелись кислород, водород и углерод. Из высосанных в почве элементов калиопис выстраивал свой ствол, свои ветви и листья, а излишек выбрасывал наружу: вокруг каждого дерева стояло облако водяного пара, насыщенного кислородом и углекислотой.

На многих равнинах Марса уже появились леса калиописа, непрерывно обогащающие скудную атмосферу. По расчетам, лет через пятьдесят атмосфера Марса должна была сравняться с земной по содержанию в ней кислорода и углекислого газа. Специалисты по Марсу предсказывали появление в будущем столетии на безводной ныне планете рек и озер, а впоследствии и морей — так много водяного пара синтезировали и выделяли разрастающиеся калиописовые леса.

Но не одно это научное достижение сделало Сильвестра Брантинга знаменитым. На одной из сессий Академии наук Брантинг предложил внедрить калиопис и на Земле. Ученые с редким единогласием восстали против его проекта. Жадно захватывающие земную почву калиописы быстро подавили бы всякую иную растительность. И так как калиопис рос и днем, и ночью, и летом, и зимой, то дыхание его вскоре изменило бы состав земной атмосферы, а это могло привести к опасным последствиям... «Переселение в древние времена в Австралию кроликов покажется безобидной шуточкой рядом с разведением в той же Австралии одной калиописовой рощицы», — высказался на сессии президент Академии наук Альберт Боячек. В другом выступлении старый ученый прибегнул к формуле более резкой: «Я скорей предпочел бы узнать, что нашу милую зеленую Землю засыпали чумными бактериями, чем увидеть на ней хоть один калиопис, который, не отряца, необходим и полезен на Марсе».

Брантингу надо было отступить, когда он встретил дружное сопротивление специалистов. Он проявил непонятное упорство. Он потребовал всенародного обсуждения. Формально он имел право выносить любое свое предложение на суд человечества, но всех поразила запальчивость, с какой он использовал свои конституционные права. Как и следовало ожидать, обсуждение завершилось полным провалом Брантинга. Из шести миллиардов людей на Земле и на планетах лишь около ста человек поддержали Брантинга. Большой совет объявил запрет на ввоз спор калиописа на Землю. С той поры о Брантинге, обиженно замкнувшемся на своей марсианской станции, никто на Земле не слышал. Во время порожденной им шумихи часто назывались имена его помощников, среди них, вероятно, и Джона Цвиркуна...

Все это мигом пронеслось в голове Генриха, когда Цвиркун назвал своего научного руководителя. Но это не объяснило, почему гость явился именно к братьям, и Генрих сказал об этом.

— Сейчас все станет ясно, до изумления ясно! — заторопился Цвиркун, еще быстрее сдергивая с лица гримасу за гримасой. — Не беспокойтесь, я ничего, абсолютно ничего... — Он вдруг окаменел, выпучил глаза, прикрыл рот и, медленно раскрывая его, снова выдал из себя, как бы через силу: — Брантинг на Земле! Он взял отпуск.

Генрих, однако, не усмотрел криминала в поездке ученого на Землю. Каждый работник имеет право проводить свой отпуск, где ему хочется. Уважаемый Джон Цвиркун тоже, очевидно, прилетел с Марса, однако это еще не повод, чтобы Генрих рвал на себе волосы.

— Я не требую, чтобы рвали на себе волосы, отнюдь нет! — поспешно объявил гость. — Подобные экстремальные требования, тем более, совершенно бесцельные... Но вдумайтесь в ужас ситуации, вдумайтесь в ужас... Мне страшно об этом говорить, но я не могу умолчать. Гений человечества профессор Сильвестр Брантинг сошел с ума!

Генрих сделал нетерпеливый жест рукой:

— Болезнь профессора меня не касается. Я его лично не знаю и не стремлюсь завязать знакомство.

— Безумие Брантинга не может вас не касаться, друг Генрих! И вы, конечно, захотите увидеть его, когда узнаете...

— Что узнаю? Что? — чуть не закричал Генрих.

— Что Брантинг привез на Землю споры калиописа, целую коробочку спор, достаточную, впрочем... Вы и без моего пояснения понимаете всю грозную, так сказать, достаточность одной маленькой коробочки спор калиописа.

— Но ведь ввоз этих спор на Землю запрещен специальным указом Большого совета, — с удивлением сказал Генрих. — Неужели Брантинг решился на преступление?

— Он помешался! Ему представляется, что он совершает подвиг, вот что ему представляется, только такое злополучное представление способно...

— Вам надо немедленно заявить в Управление государственных машин, Джон. Там установят, где находится Брантинг, и выдадут ордер на его задержание.

Все выражения, пробегавшие по непрерывно кривящемуся лицу Джона Цвиркуна, забивала теперь мина скорби.

— Там ничего не могут установить, ничего, ничего, друг Генрих. Я уже обращался туда. Вся милиция Земли поднята по тревоге, все города, все парки, все пустыни контролируются, все места, куда Брантинг может высеять споры, буквально все!..

— Надо задержать его самого и отобрать споры.

— Его нельзя задержать. Он скрылся. Он исчез. Таинственно пропал на Земле, вот что он сделал!

— Чепуха! — нетерпеливо сказал Генрих. — Вы плохо представляете себе возможности земной техники. Мозговые излучения Брантинга со дня его рождения закодированы в машинах. По этому энцефалопаспорту найти его проще простого, если только он жив. Кстати, у помешанных нарушается гармония мыслительной деятельности, но индивидуальный мозговой код сохраняется.

— Ах, энцефалопаспорт! Брантинг его изменил.

— Это невозможно!

— Для Сильвестра Брантинга нет ничего невозможного. Он гениален, только я один знаю, до каких поистине непредставимых пределов простирается его гениальность.

— Ваше утверждение надо доказать. Я говорю не о гениальности, хотя и это не бесспорно. С того момента, когда Брантинг сошел с космолета в земном космопорту, его мозговые излучения введены в приемные устройства охранных машин...

— И через час выпали из машин! Его мозговая деятельность внезапно прекратилась... нет, не прекратилась, а переключилась или, возможно, заэкранирована. У профессора так много приемов самопереконструирования!

— Может быть, он просто погиб?

— Тогда бы нашли его труп, а трупа нет, ибо он живой, а не мертвый, но уже не Брантинг, а какой-то другой человек: он ведь разработал метод такого изменения черт лица, что человек становится неузнаваемым — даже голос, даже рост, даже цвет глаз и волос. Это-то совсем просто: принять таблетки — и блондин, не сразу, но скоро, довольно скоро, превращается в брюнета, а черноглазый выцветает до голубоглазости...

Генрих подумал, что если бы сфотографировать разные гримасы Цвиркуна, то очень трудно было бы допустить, что люди со столь непохожими лицами — один человек. Трескотня непрошеного гостя все больше раздражала Генриха, он уже едва удерживался от того, чтобы не выставить его за дверь. И хотя Генрих понимал, что принесенные Цвиркуном известия важны, он знал также и то, что на Земле имеется множество людей, которых эти известия касаются гораздо больше, чем его. Он сказал нетерпеливо:

— Кончим на этом, Джон. Если Брантинг неуловим, нам придется примириться с тем, что на Земле скоро зашумят калиописо-

вые леса. Думаю, правительство найдет методы борьбы с этим бедствием. Очень рад был с вами познакомиться.

Цвиркун огорчился так сильно, что на несколько секунд стал безгласен и молча, с пронзительным укором взирал на Генриха. Генрих потом признавался, что кратковременное молчание было еще тягостней, чем прежняя скороговорка.

— Вы не сделаете этого! О, вы этого не сделаете, нет! — воскликнул Цвиркун, обретая способность говорить. — Я ведь сказал, я ничего не буду... Все тайны, самые секретные секреты, ибо только вы с братом можете... Вот смотрите, теперь вы все поймете!

Он торопливо вытащил из кармана и положил перед Генрихом большую золотистую пластинку. Он умолял взять пластинку в руки, осмотреть ее и оценить, ибо она даст ключ к поиску исчезнувшего профессора. Генрих взвесил пластинку на ладони, пощупал, осмотрел с двух сторон, даже понюхал.

Она была продолговатая, шесть на четыре сантиметра, пяти миллиметров толщиной и такая тяжелая, что прогибалась руку. Ни один из земных материалов не обладал подобной тяжестью. И она была очень холодна. Генрих заметил, что Цвиркун вытаскивал ее из нагрудного кармана — металл не мог не принять теплоту тела, но от пластинки несло морозом, она дышала своим, внутренним, особым холодом.

Потом Генрих узнал, что сплав, из которого изготовлена пластинка, сохраняет постоянной заданную ему по расчету температуру. Пластинка оставалась бы холодной даже в пламени.

Пока Генрих знакомился с изделием, словомётный гость тараторил с удвоенной энергией. Фразы неслись с такой быстротой, что Генрих успевал разобрать не больше половины слов. Но и этого оказалось достаточно, чтобы понять самое существенное.

Цвиркун недавно заподозрил своего научного руководителя в том, что тот собирается нарушить строгий запрет Большого совета. Брантинг вел себя странно, многие замечали ненормальности его поведения. Но только Цвиркун, не единственный, но единственно любимый, доверенный ассистент профессора, понял, что тот попросту сошел с ума — стандартным, древним помешательством, какое было столь распространено в прошлые эпохи и какового на Земле уже сто лет никто не наблюдал.

Цвиркун не собирается скрывать, что в анализе состояния Брантинга ему помогли книги. Это его хобби — книги; сейчас предпочитают более совершенные методы усвоения информации, а он обожает книги, и в книгах он читал о случаях сумасшествия,

и признаки в точности совпадали с теми, какие сотрудники Марсианской астроботанической станции стали замечать у профессора. И любимому ассистенту Брантинга вскоре стало ясно, что тот замыслил преступление и что если он, Джон Цвиркун, не окажет противодействия, то станет сам невольным соучастником злодеяния.

Что было делать? Послать донесение на Землю? Брантинг легко бы опроверг обвинения, они ведь не выходили из сферы догадок. Помешать профессору провести свой отпуск на Земле? Неосуществимо! Не дать Брантингу захватить с собой некоторое количество спор? Еще менее осуществимо. Джон Цвиркун нашел блестящее решение. Он скромненький, мало среди крупных ученых таких скромных людей, как он, но в данном случае он просто обязан объявить, что совершил научный подвиг, более слабая формулировка была бы нетактичной!

Дело в том, что споры калиописа испускают особые лучи, специфическое излучение, крайне слабое и такой запутанной характеристики, что никакие известные приемники не способны его обнаружить.

Три последних года в лаборатории Брантинга занимались изучением калиописовых лучей, и Джону Цвиркуну удалось разработать резонатор, воспринимающий излучение калиописа.

— Вот эта пластинка из сверхплотного пластика и есть тот единственный в мире камертон, который начинает звучать в ответ на позывные калиописовых спор! — восторженно воскликнул Цвиркун. — Ах, друг Генрих; если бы я рассказал вам, сколько мук, сколько ослепительных озарений, сколько черных провалов сопровождало мою работу!.. Но дело сделано, дело сделано! Перед вами индикатор спор калиописа, единственный в мире сыщик, гениальный детектив, способный найти ящик с губительными спорами, а при ящичке, естественно, и профессора, нашего бедного, нашего великого, нашего бесконечно дорогого и еще бесконечнее, если можно так выразиться, опасного профессора. И еще добавлю: экрана для излучения спор не существует, даже Брантинг не сумел его сконструировать, даже Брантинг!

— Так в чем дело? Пустите вашего сыщика по следу и хватайте опасного профессора за шиворот. Простите меня, но я все меньше понимаю, зачем вы пришли ко мне!

Цвиркун ответил новой путаной речью. Он разработал индикатор, но нужен еще и анализатор самого индикатора. Он может сказать и так: им создан великолепный камертон, но без

уха, воспринимающего звучание камертона, и сам камертон ни к чему.

Короче, он предлагает чудодейственный приемный механизм для обнаружения спор калиописа, но к нему надо прибавить специальный прибор, делающий явными для восприятия внутренние колебания самого индикатора. Такой прибор в марсианских мастерских изготовить невозможно. Только на Земле и только в Институте космических проблем задачу эту можно решить просто и скоро. А в Институте космических проблем самая совершенная поисковая лаборатория, это каждому известно, возглавляется братьями Васильевыми. И братья Васильевы прославились распутыванием сложнейших загадок, и среди раскрытых ими тайн были такие, что иначе, как космическими детективами, братьев не назовешь.

— Вот почему я здесь, вот почему! — закончил Цвиркун.

— Вы ошибаетесь, мы не детективы, а физики, — попробовал возразить Генрих. — Мы и вправду порой встречаемся с криминалом, но он обнаруживается при распутывании странных физических явлений. Детективная часть нашей работы носит производный, а не основной характер.

— Вот-вот! Именно так! — восторженно закричал Цвиркун. — И в данном случае будет то же: вы разрабатываете прибор для обнаружения нового физического излучения, собственно, не обнаружения, это сделал я, а для трансформации обнаруженного в воспринимаемое... Надеюсь, ясно, правда ведь?.. А поимка нашего бедного, нашего великого, но, к скорби нашей, преступного профессора явится побочной или, точнее выразиться, производной функцией основного, так сказать, аргумента!

И тут Генрих почувствовал, что его нервы не выдержат, если Джон Цвиркун дотянет до точки хоть одну из своих стремительно выносящихся фраз. Генрих вообразил себе, как мстительно вышибает посетителя наружу, как, спуская вниз по лестнице, оделяет прощальными выражениями, отнюдь не предназначенными для научных дискуссий. И эта картина была так ярка, и Генрих так испугался собственной несдержанности, что ослабел и потерял волю к дальнейшему сопротивлению.

Он хмуро сказал:

— Ладно, оставляйте пластинку. Завтра приезжает брат. Он руководитель нашей лаборатории, и он решит, будем ли мы вам помогать или вы обратитесь к другим физикам.

Цвиркун сотворил самую умильную из гримас.

— Нет, а вы? О, если бы вы знали, друг Генрих, как мне бесконечно, я не побоюсь и такой сильной формулировки, да, бесконечно важно, чтобы именно вы...

Генрих торопливо сказал, изнемогая:

— Я согласен. Я так и скажу брату — с моей стороны возражений нет. А теперь извините меня...

Цвиркун вскочил. Он понимает. Другу Генриху надо отдохнуть. Джон Цвиркун больше не будет занимать драгоценное время знаменитого физика Генриха Васильева. Джон Цвиркун придет завтра в лабораторию братьев в это же время, можно?

Исчезая в дверях, гость одарил Генриха такой чудовищно признательной гримасой, что Генрих содрогнулся.

2

Роя рассердила мягкотелость Генриха. Рой считал, что лаборатория Управления государственных машин отлично справится с задачей инструментального поиска преступника или сумасшедшего, ему совершенно безразлично, как называть потерявшегося на Земле марсианского деятеля. И Рой уже собирался отослать в другую лабораторию оставленную Цвиркуном пластинку вместе с кратким описанием задания. Но Генриха угнетала мысль о новых спорах с Цвиркуном. Генрих с тоской признался, что готов взвалить на себя еще два неприятных задания, только бы не выслушивать умильных просьб, сопровождаемых диковинными гримасами.

Рой внимательно поглядел на брата и сказал, что обследует пластинку, а потом они еще раз поговорят о преступном профессоре и его не единственном, но единственно любимом ассистенте.

Вечер Рой провел в лаборатории без Генриха, ночью куда-то уезжал, а утром пришел к брату, когда тот еще лежал в постели — вялость, периодически одолевавшая Генриха, проявлялась и в том, что он много лежал.

— Знаешь, пластинка, оставленная надоедливym гостем, очень интересна, — сказал Рой, усаживаясь рядом с Генрихом. — Загадочен и материал, и структура. В ответ на любое излучение извне в ней рождаются удивительные колебания, и каждое колебание — особого характера. Думаю, она и вправду может служить индикатором разнообразных процессов. Во всяком случае, рост древовидной герани, стоящей в моем кабинете, порождает у нее мелодичное звучание, только очень тихое. Я бы хотел побольше раздобыть этого материала.

Генрих напомнил, что пластинка вручена вовсе не для того, чтобы изучали ее разнообразные возможности. Рой невозмутимо продолжал, игнорируя возражение Генриха:

— Сегодня наши химики сделают молекулярный анализ пластинки, и тогда многое станет ясней. — Он поднял руку, предупреждая новое запальчивое возражение брата. — Теперь о Брантинге. Информация Цвиркуна подтверждается. Брантинг прибыл на Землю, машина зафиксировала его энцефалопаспорт, но вскоре излучение прекратилось. Трупа не найдено, новых излучений не добавилось, так что сумасшедший профессор и не думает перекодировать себя под какую-то иную личность.

— Стало быть, экранизация мозговых излучений?

— Стало быть, экранизация. И, очевидно, с недоброй целью, ибо при всех иных условиях профессору не понадобилось бы так скрываться от земного наблюдения. Признаться, и меня смущает это обстоятельство.

— Иначе говоря, Брантинг — преступник?

— Преступник тот, кто совершил преступление. Относительно Брантинга этого не доказано. Но что причина его появления на Земле не может быть официально им объявлена, теперь достоверно.

— Его нужно остановить, пока он не совершил зла! — Генрих в волнении вскочил с кровати. — Рой, ты понимаешь, как важно срочно изготовить прибор, расшифровывающий колебания пластинки?

Рой кивнул.

— Вполне согласен. Прибор уже изготовлен. Один из переносных дешифраторов отлично воспринимает колебания пластинки.

— Значит, поиск Брантинга начат?

— Нет, конечно.

— Но почему, Рой?

— По твоей вине.

— Не понимаю тебя.

— Ты взял пластинку, но не поинтересовался, какие звучания в ней вызывает излучение спор калиописа. Пока у нас нет кода колебаний пластинки, мы не можем начать поиск профессора. Между прочим, ты уверен, что экрана для радиации спор калиописа не существует?

— Так утверждал Джон Цвиркун. Он, наверно, уже в лаборатории. Идем к нему.

Рой остановил схватившего пальто Генриха.

— Говорить с Джоном буду я. По твоему описанию, он человек малопрятный. Я постараюсь убедить его, что он должен приспособливаться к нам, а не мы к нему. У тебя такие разговоры не получаются.

...Цвиркун, уже сидевший в лаборатории, поспешно вскочил и, сияя кривящимся лицом, пошел навстречу братьям. Рой холодно пригласил его в свой кабинет, жестом показал на кресло. Цвиркун заторопился говорить. Рой оборвал его таким же молчаливым властным жестом. Гость, предчувствуя, что его ждет отказ, переводил молящий взгляд с одного брата на другого.

— Я считаю, что предложенная вами тема не соответствует профилю нашей лаборатории, — ледяным тоном начал Рой. Цвиркун побледнел так сильно, что Рой невольно заговорил быстрее. — Брат придерживается другого мнения. — Цвиркун с благодарностью посмотрел на Генриха, снова ничего не сказал, только сморщил лицо в гримасе, соединившей вместе губы, нос и глаза; возможно, он так выражал высшую степень признательности. — Мы обычно друг другу уступаем. Брат не захотел мне уступить, пришлось это сделать мне. — Цвиркун, вскочив, хотел рассыпаться в благодарностях, но Рой, повысив голос, раздраженно продолжал: — Прошу вас помолчать, я не окончил. И, пожалуйста, не кривляйтесь. Я не понимаю выражений вашего лица.

— Я постараюсь, — тихо сказал Цвиркун. — Поверьте, это произвольно. На Марсе мы привыкли ко многим вольностям. На Земле иные порядки...

Он теперь с таким усердием удерживался от гримас, что Генриху стало жаль его. Рой перечислял условия, необходимые для успешного поиска. Цвиркун вручает таблицу колебаний пластинки, отвечающих на излучение спор калиописа, с полным расчетом направлений на излучающий объект и расстояний до объекта.

— Да-да, пластинка укажет, в какой стороне и сколько километров до... — не удержался Цвиркун и тут же осекся под взглядом Роя.

Среди условий были и такие, что поиск совершается лишь на Земле, без вылетов на другие планеты, и что в благодарность за поимку опасного беглеца Цвиркун передает лаборатории братьев информацию о материале пластинки. Цвиркун, без спора приняв все условия, вытащил из кармана металлическую ленту и вручил ее Рою.

— Здесь записи колебаний, создаваемых спорами калиописа, друг Рой. — Цвиркун так страшился чем-нибудь рассердить старшего из братьев, что даже говорил без обычной торопливости и повторений, тщательно выговаривая каждое слово.

— Достаточно ли чувствительна ваша пластинка для успешного поиска? Вы меня понимаете? За те несколько суток, что прошли с момента прибытия Брантинга, он мог значительно отдалиться от Столицы.

На это последовал уверенный ответ:

— От моего индикатора Брантингу на Земле не скрыться. Даже если он сейчас в противоположной точке земного шара! Конечно, если он всюду беспорядочно разбросал споры...

— Но и в этом случае мы его найдем по оставленным им следам, не так ли? Идемте к испытательным стендам.

Генрих хорошо знал брата и привык ничему не удивляться: Но Цвиркун не скрывал, что поражен: Установка была уже смонтирована, оставалось лишь ввести поисковый код в анализирующее устройство. Едва Рой вложил ленту в дешифратор, комнату наполнил мелодичный звон. Аппарат выпевал тонкую мелодию из одних звонов — тысячи серебряных колокольчиков зазвучали в лаборатории. Цвиркун, выкатив глаза, окаменев, как зачарованный воспринимал музыку аппарата.

— Это... Это... — с трудом выговорил он.

— Да, — сказал Рой. — Похоже, что каждая спора создает свой отдельный звон. Вы не ошиблись, Брантинг на Земле.

Цвиркун метнулся к стенду.

— Где он? Где? Ради всего на свете, где?

Рой усиливал и уменьшал звук, на шкале плясали зеленые змейки, они складывались в четкие линии. Брантинг был в Столице, он летел по ее улицам. Рой быстро подал на экран, занимавший половину стены, план города, сфокусировал на экран траекторию движения профессора. Брантинг выбирался из Столицы — кривая полета пересекла центр, прошла по Кольцевому проспекту, вновь углубилась в радиальные улицы.

— Он мчится в космопорт! — раздался истошный вопль Цвиркуна. — Совершил преступление и спасается от возмездия!

Генрих с тревогой посмотрел на Роя. Рой покачал головой.

— Дешифратор настроен на споры, а не на самого Брантинга. Если семена калиописа при нем, значит, он не совершил преступления. Пусть он уезжает, для Земли это лучше.

Цвиркун умолял, хватая руки Роя:

— Задержите его, не дайте бежать! О, вы и представить не можете, какой это будет ужас, если он скроется! Дамоклов меч, вечно висящий над головой! Надо его обезвредить, а не отпустить!

Рой вызвал космопорт. На экране высветился кабинет начальника. Начальник поднял руку, приветствуя братьев, — они были давние знакомые, — внимательно посмотрел на скрючившегося от волнения Цвиркуна.

— Миша, важное происшествие, — сказал Рой. — В космопорт сейчас прибудет профессор Сильвестр Брантинг с Марса. Его надо задержать. Есть подозрение, что он собирается совершить запрещенное на Земле деяние. В Столице он неуловим, так как экранировал свой мозг и изменил внешность. В ближайшее время с Земли на планеты отходят какие-либо космолеты?

— Через полчаса стартует рейсовый на Марс, — ответил начальник космопорта. — Если ваш Брантинг решил сегодня улететь с Земли, то только на нем. Два лунных экспресса уже ушли, рейсовый на Меркурий перенесен на завтра.

— Отлично, Миша! Мы можем быть уверены?

— Разумеется. В космопорту Брантингу придется расстаться с экранизацией. Без сверки энцефалопаспортов мы никого не выпускаем в космос. Сейчас я затребую в Управлении государственных машин полную электронную характеристику вашего проштрафившегося профессора.

Рой погасил изображение.

— Мы тоже поедem в космопорт и прихватим с собой дешифратор, — сказал он Генриху и Цвиркуну.

В авиетке Цвиркун молчал, и молчание красноречивее, чем прежняя торопливая речь, выдавало, в каком он нервном возбуждении.

Авиетка опустилась у главного входа. Прибывших встретил сам начальник космопорта Михаил Ван-Вейден, высокий невозмутимый блондин.

— Задержали? — спросил Рой, выпрыгивая на землю.

Ван-Вейден пожал плечами.

— Среди пассажиров Брантинга нет. Он не явился к нам.

— Но космолет ушел? — запальчиво крикнул Цвиркун. — Неужели космолет уже стартовал? Как вы могли допустить это?

— А почему, собственно, мы должны были задерживать корабль? — сухо осведомился Ван-Вейден. — Вы просили о проверке одного пассажира, а не об отмене графика межпланетных

рейсов. Проверить пассажира я могу, для задержки рейса нужны обстоятельства чрезвычайные.

— Он скрылся! Он скрылся! — бормотал Цвиркун, судорожно сжимая руки. — Всех перехитрил и скрылся! Ах, я ожидал этого, я же ожидал! Итак, ничего не предотвратить!

— Сейчас мы точно будем знать, куда делся Брантинг, — сказал Рой. — Миша, отведи нам свободную комнату для установки дешифратора. И еще раз сверь все энцефалопаспорта пассажиров.

Цвиркун впал в такую апатию, что не стал помогать братьям, возившимся у дешифратора. Лишь когда в комнате зазвучала мелодия звонков, Цвиркун вскочил, подошел к прибору. Дешифратор показывал направление в космос. Брантинг со своими спорами находился на корабле. Корабль шел с полной рейсовой скоростью, и, по мере того как он отдалялся, музыка в приборе затихала. В комнату вошел Ван-Вейден со списком пассажиров.

— Я был прав, Рой. Главная справочная машина еще раз проверила все энцефалопаспорта пассажиров и не обнаружила среди них Сильвестра Брантинга.

Цвиркун схватил список, торопливо пробежал его глазами. Вскрикнув, он стал тыкать пальцем в одну из фамилий.

— Как это? Как это возможно? Нет, это чудовищно!

— Джон Цвиркун, — громко прочитал Ван-Вейден. — Не понимаю, что вас смущает, друг? Справочная установила, что среди вылетевших пассажиров, согласно их энцефалопаспортам, находится некий Джон Цвиркун.

— Некий Джон Цвиркун — я! Я, я некий! И я нахожусь здесь, а не в космолете! — яростно закричал Цвиркун.

Рой обменялся с Генрихом быстрыми взглядами.

— Впервые попадаю в такую ситуацию, — растерянно сказал начальник космопорта. — Излучения мозга всех пассажиров были ясные, глубокие, все свидетельствовали о хорошем здоровье... Больных или ослабленных мы не выпускаем в космос. Значит, кто-то излучал в вашей мозговой характеристике? Но ведь это физически невозможно!

— Можете сверить мой энцефалопаспорт с фальшивкой, которую вам излучил Брантинг, и тогда вы убедитесь, что имеются возможности, которые выходят за пределы вашего понимания, вот что я вам скажу, вот что! — едко ответил Цвиркун.

Рой еще раз обменялся взглядом с Генрихом. Генрих наклонил голову, соглашаясь с тем, что ему сказал взглядом брат. Рой властно остановил беснующегося Цвиркуна.

— Интересный человек этот Брантинг, — спокойно сказал Рой. — И поступки его заслуживают, чтобы с ним познакомиться поближе. Раньше всего мы проверим, не оставил ли он все же где-нибудь на Земле опасных спор. А после проверки поспешим за ним в космос. Когда отходит ближайший космолет на Марс, Миша?

— Послезавтра, — сказал расстроенный начальник космопорта. — Внести вас троих в списки на Марс?

3

— Нет, разумеется, его не было, — уверенно сказал дежурный диспетчер Марсианского космопорта. — Кто же не знает профессора Брантинга? Такой уважаемый ученый! А что до Джона Цwirкуна, то как, спрошу я вас, он мог бы прибыть предыдущим рейсом, если он прилетел с вами и сидит сейчас передо мной? — И диспетчер дружески улыбнулся мрачному Цwirкуну.

Тот сделал усилие, чтобы ответить хотя бы подобием улыбки. Рой пожал плечами.

— Да, в самом деле, как? Ваша аргументация убедительна. Но все-таки, если бы попросили проверить каждого, кто прибыл предыдущим рейсом, вы смогли бы это сделать? Скажем, вызвать их в космопорт. Или дать нам возможность посетить любого на дому. Видите ли, у нас имеются подозрения, что один из пассажиров, и как раз профессор Брантинг, прибыл на Марс, назвавшись другой фамилией и изменив свой облик.

— Боюсь, это неосуществимо. — Диспетчер не скрывал удивления, что его ответ не удовлетворил Роя.

О том, что кто-то может скрываться под чужой фамилией и в чужом облике, на Марсе еще не слыхали. Диспетчер старался вспомнить инструкцию по обслуживанию пассажиров космических рейсов. Он был уверен, что пункта о проверке облика там не было.

— Я хотел бы знать, почему это неосуществимо? — холодно спросил Рой. — Потому ли, что вы не желаете такой проверки, или на Марсе невозможно установить, где кто проживает? Мне странно ваше нежелание...

В диспетчеры космопортов подбирали людей энергичных, ни при каких обстоятельствах не теряющих спокойствия. Диспетчер ответил с подкупающей вежливостью:

— Мои желания значения не имеют. Всех, кто находится на Марсе, можете пригласить сюда или посетить на их квартирах.

— Нам больше пока ничего и не нужно. Встречи со всеми пассажирами предыдущего рейса вполне нас удовлетворяют.

— В том-то и дело, что со всеми не выйдет. Вчера семь из ста восьми пассажиров, прибывших с Земли до вас, улетели дальше.

— Дальше? Куда?

— На Нептун, — торжественно сказал диспетчер. — А там, как вы знаете, действуют особые правила. Если интересующий вас человек, — диспетчер явно не мог произнести уважаемого имени Брантинга, — если этот человек на планетолете, то он мог назваться любой фамилией, и мы не имеем права допытываться, кто он реально.

Рой хорошо знал правила, установленные для Нептуна. Когда-то они имели серьезное значение, сейчас в них сквозил элемент игры, но то была игра, правила которой выполнялись с педантичной строгостью. Триста лет назад группка бежавших с Земли авантюристов учредила на Нептуне свою колонию. Беглецы, вооруженные аннигиляторами, долго не подпускали к планете земные корабли. Капитулировали они, лишь когда убедились, что без помощи Земли погибнут от голода и вырождения, но поставили при этом условие, что возьмут себе выдуманные фамилии и никто не станет дознаваться, кем они были раньше. Условие это было утверждено Большим советом в качестве закона для Нептуна.

Отныне каждый поселявшийся на планете брал новую фамилию и придумывал себе прошлое, какое нравилось. У обитателей Нептуна не было биографий, только легенды. Вначале казалось, что со странным обычаем будет покончено, когда исчезнут беглецы, боявшиеся наказания за проступки перед обществом. Но вскоре обнаружилось, что многим нравится игра в инкогнито. Молодые люди, не удовлетворенные ровным течением земной жизни, нанимались на Нептун и там разыгрывали из себя тех, кого хотели бы в себе видеть. По планете, как по сцене, ходили не простые жители, но актеры. Иногда кто-то улетал, менял использованную и надоевшую фамилию и легенду на другие, еще красочнее, и возвращался обратно на новые роли. Существование на Нептуне было трудным, работа изнурительной — игра в придуманную жизнь скрашивала бытие. Теперь она была невинной, и на Земле посматривали с улыбкой на далекую планету.

Родители, отправлявшие взрослых детей на Нептун, сами с увлечением выдумывали им легенды и при обмене письмами и радиограммами строго хранили святость инкогнито.

Если Брантинг бежал от розыска, то лучшего места во всей Солнечной системе, чем Нептун, он найти не мог.

— Мы все-таки проверим всех оставшихся на Марсе пассажиров, — сказал Рой. — Надежда, что Брантинг здесь, небольшая, но убедиться, что Брантинга нет, мы обязаны.

Понадобилось несколько дней, чтобы такое убеждение стало твердым. Рой вызвал в гостиницу Цвиркуна.

— Брантинг, по всем данным, бежал на Нептун, — подвел Рой итог неудачным розыскам на Марсе. — Остается, правда, возможность, что он хитро перемаскировался, а вместо него летит на Нептун кто-то, передавший ему свою внешность и биографию. Считаю такое допущение вздорным.

— Согласен, — поспешно сказал Цвиркун.

Генрих лишь молча кивнул. Рой сказал, что поиски на Марсе бесперспективны еще и потому, что здесь множество калиописовых рощ — дешифратор звенит не переставая и показывает все направления и все расстояния. Безрезультатно потрачено столько усилий! Надо решить, продолжать поиск вне Марса или отказаться. Бегство Брантинга наводит на нехорошие мысли. С Нептуна, где действует правило инкогнито, он может в любое время вернуться на Землю с гарантией, что никто не будет интересоваться его прошлым. Не открывает ли это ему более спокойную дорожку к осуществлению задуманного?

— Именно, друг Рой, точно и именно! — в страшном волнении закричал Цвиркун. — Ах, вы даже не подозреваете, даже не способны заподозрить, до чего вы правы!

— Как знать, может быть, и подозреваю. — Рой усмехнулся. — Но если мысль о возвращении на Землю с Нептуна не оставила Брантинга, то он должен взять с собой запас спор калиописа. И тогда он и на Нептуне окажется в сфере анализа нашего аппарата.

— Он взял споры с собой, он взял их, чем угодно поручусь! — воскликнул Цвиркун.

— А если он прихватил споры калиописа, чтобы рассеять их на Нептуне? — сдержанно поинтересовался Генрих.

— Совершенно исключено! — быстро сказал Цвиркун. — Даже для калиописа на Нептуне слишком низкая температура. Выделяемый калиописом кислород может находиться там лишь в твердом состоянии. Не забывайте, что Нептун получает от Солнца в триста раз меньше тепла, чем Марс, в девятьсот раз меньше, чем Земля!

Рой вопросительно посмотрел на брата:

— Вызовем Армана? Он не очень загружен.

Генрих пожал плечами.

— Как хочешь. Но мне кажется, если мы начали это дело, то мы должны его и завершить.

— Летим на Нептун, — решил Рой. — Следующий планетолет идет туда через неделю.

4

Генрих колебался. Преследование Брантинга лежало на его совести. Он имел достаточно причин впутывать брата в это дело: речь шла о безопасности Земли. Но бегство профессора на Марс, а с Марса на Нептун бросало новый свет на действия Брантинга. Калиопис на дальних планетах солнечной системы не запрещен. Имеют ли они право гнаться за профессором на дальнюю планету, где в принципе исключено наведение справок и поиск?

Рой так убежденно поддержал Цвиркуна, настаивавшего на дальнейшей погоне, что Генрих оставил сомнения при себе. Лишь в полете, продолжавшемся более месяца, Генрих побеседовал с братом по душам. Роя нелегко было в чем-либо убедить, но, убежденный, он держался твердо. Он опроверг сомнения Генриха. Если Брантинг не замышляет ничего скверного, зачем ему скрываться? Он покинул марсианскую станцию, свое детище, дело всей жизни, — почему? Без очень серьезных причин серьезные ученые — а Брантинг из них — в авантюры не пускаются. Что он замыслил какую-то авантюру, неоспоримо. Его надо обезвредить, пока не совершено преступление. Чтобы обезвредить, надо его найти. О чем, собственно, спорить?

— Неужели ты и впрямь считаешь, что Брантинг сошел с ума? Действия его по-своему разумны. Он знает, что его преследуют, и пока что отлично обводит нас вокруг пальца.

— Он хитер, верно. Говорят, безумным хитрость заменяет утеранный разум. Но разве одно его стремление обмануть нас не свидетельствует против него?

— На Нептуне никто не поможет нам в розысках, — хмуро предсказал Генрих.

— На Нептуне нам будет помогать наш прибор. — Рой уверенно показал на стоявший около него дешифратор.

Переговоры в Управлении нептунианской экспедиционной колонии вел Рой. Рою вежливо разъяснили, что администрация

колонии справок о жителях Нептуна не дает, за исключением случаев, когда предъявляют официальный указ Большого совета о задержании опасного преступника, бежавшего сюда, чтобы укрыться от кары.

— Указа о задержании Брантинга у нас нет, ибо он не успел совершить преступление, — ответил Рой на поставленный прямо вопрос.

— В таком случае, мы не знаем никакого Брантинга, — последовало холодное разъяснение.

— Значит ли это, что сами мы, без помощи администрации, не можем разыскивать интересующего нас человека? Будет ли запрещено побеседовать с ним, если мы его обнаружим? — допытывался Рой.

Представитель администрации ответил:

— Можете вести любые поиски и любые разговоры. Вам запрещаются лишь задержания и аресты.

— Что ж, и сердечная беседа с Брантингом может кое-что дать, — сказал Рой, когда все трое возвратились в гостиницу. — Будем налаживать прибор. У Брантинга теперь лишь один шанс уклониться от обнаружения: если он спрятал где-либо споры калиописа, а сам убрался подальше от них.

— Коробочка со спорами при нем, — с той же непоколебимой убежденностью возразил Цвиркун. — Я скорее поверю, что у меня две головы и четыре ноги, чем в то, что профессор расстанется с коробочкой хоть на минуту... нет, на секунду, на тысячную долю секунды!

Номер нептунианской гостиницы наполнил мелодичный перезвон колокольчиков, едва Рой включил аппарат. Дешифратор давал пеленг на северо-запад, указывал расстояние в сто двадцать два километра от гостиницы. Рой сверился с картой. В этом месте находился основной карьер треста «Нептунианские самоцветы» — самые крупные кристаллы зеленого нептуниана, незаменимого в производстве мощных гравитаторов, шли с этого карьера.

— Он там, он там! — бормотал Цвиркун, лихорадочно сжимая руки. — На карьер, немедленно на карьер, ни единой секунды, ни единой!..

— Торопиться не будем! Брантинг теперь от нас не уйдет! — оборвал его Рой и вызвал трехместную авиетку.

Генриху тоже не нравилось нервное возбуждение Цвиркуна. Цвиркун вносил нехороший азарт в дело, требовавшее ясного ума и спокойствия духа. Он походил скорее на охотника, обнаруживше-

го желанную дичь, чем на исследователя. Рой сухо предупредил Цвиркуна, чтобы тот не позволял себе никаких резкостей, когда они приблизятся к Брантингу. Цвиркун, съжившись, жалко забормотал, что на него могут положиться. В доказательство готовности вести себя прилично он затих, прикорнув на заднем сиденье.

Солнце было в зените, но, крохотное и холодное, лишь немного превосходило по сиянию земную Венеру. Температура снаружи была около минус ста девяноста градусов; даже в хорошо утепленном скафандре ощущалась сила космического мороза, навечно окаменившего тот гигантский сгусток водорода и аммиака, который назывался Нептуном. Авиетка шла на малой скорости. В стороне среди сумрачно-белых просторов показался черный треугольник космодрома; там стоял доставивший их сюда звездолет. За космодромом засверкали сигнальные огни второго подземного города — на Нептуне их было всего три, — а потом горизонт залило сияние карьера.

Это была гигантская чаша в окаменевшем газе нептунианского грунта. Именно в этом месте редкая аномалия природы связала немногочисленные тяжелые атомы, рассеянные в веществе планеты, в то удивительно красивое, поразительное по свойствам образование, которое называлось нептунианом. Ради добычи этого минерала и была устроена экспедиционная колония, все остальное на Нептуне не представляло интереса даже для энтузиастов геологии.

Рой сделал круг над карьером. Дешифратор надрывался в звоне. Внизу копошились нептунианские экскаваторы — «пауки» — машины, сконструированные для работы при морозах ниже двухсот градусов. Быстро передвигающиеся на восьми гибких ногах, они и вправду казались гигантскими пауками. Единственное внешнее отличие от пауков заключалось в том, что от кабины экскаватора отходил гибкий хобот, оканчивающийся пламенным ртом. Машина вела ртом по поверхности, мгновенно расплавляя застывшую массу, беловатое облачко вилось над ней — пары ненужного газа, исторгнутые наружу и вновь на лету замерзающие. Лишь куски нептуниана, остающиеся твердыми даже в пламени, оседали в чреве машины.

На одном из «пауков» работал оператором бывший ученый, светило марсианской астроботаники, профессор Сильвестр Брантинг. Мелодия дешифратора говорила об этом яснее слов.

Рой уменьшил звучание, так легче было вести авиетку. Тихая, то усиливающаяся, то замирающая музыка вызванивала

направление на экскаватор, обрабатывавший центр площадки. Рой направил авиетку в середину карьера и сфокусировал на обзорный экран кабину «паука». На экране вспыхнул прозрачный водительский колпак машины, мелькнуло чье-то испуганное лицо, чей-то голос с ужасом вскрикнул:

— Джон! Ты? Ты?

Цвиркун, перегнувшись через плечо Роя, завопил в переговорную трубку:

— Теперь ты не убежишь, преступник! Теперь не убежишь!

Его истошный крик еще звучал в ушах братьев, когда экскаватор ринулся из карьера. Гигантский паук пронесся мимо других машин, стремительно выскочил на поверхность и огромными скачками унесся в морозный простор, лишь тускло просветленный заходящим крохотным Солнцем. Экскаватор убежал на восток, в ночную темноту. Он мчался с такой отчаянной быстротой, что уже через минуту стал стираться в отдалении. Рой форсировал двигатель, но авиетки на Нептуне были тихоходных моделей. Мощности двигателя хватало лишь на то, чтобы не слишком отставать. Рой крикнул в трубку:

— Профессор Брантинг! Нам нужно с вами побеседовать!

В ответ донесся отчаянный вопль:

— Ни за что! Ни за что! Опыт не закончен! Я не могу...

Цвиркун снова перегнулся через плечо Роя, чтобы крикнуть что-то в трубку, но сделал это так неловко, что слишком резким движением оборвал воспринимающий контур. Связь с убегающим механическим пауком прекратилась. Генрих сердито сказал Цвиркуну:

— Вы слишком порывисты! Предоставьте действовать нам!

Цвиркун, опустившись на сиденье, что-то покаянно бормотал. Рой манипулировал питанием двигателя, Генрих, не отрывая глаз от медленно уменьшавшегося темного пятнышка на темнеющей равнине, включил прожектор. Пятно стало отчетливо видно, но продолжало уменьшаться.

— Похоже, что он скроется от нас и на этот раз, — со вздохом сказал Рой.

Ни Рой, ни Генрих больше не обращали внимания на прекратившего бормотание Цвиркуна. И когда вперед вдруг унесся огненный шар, до них не сразу дошло, что Цвиркун тихонько приоткрыл смотровое окно в куполе авиетки и выстрелил из плазменного пистолета. Гигантский паук взметнулся вверх и упал, ломая ноги. Теперь он лежал на брюхе, темный, неподвиж-

ный, все увеличивающийся, по мере того как авиетка приближалась.

— Зачем вы это сделали, Джон? — сказал пораженный Рой.

Цвиркун крикнул, задыхаясь:

— Другого выхода нет! Он может скрыться!

Рой затормозил возле поверженного «паука». Генрих, следивший за Цвиркуном, успел предостерегающе воскликнуть:

— Не пускай его, Рой!

И сам вцепился в Цвиркуна, пытавшегося первым выскочить из авиетки.

Рой слишком поздно отреагировал на крик Генриха, Цвиркуну удалось вырваться. Генрих побежал вслед, но Цвиркун далеко опередил его.

Рой бежал быстрее Генриха, но замешкался.

Генрих мчался метрах в пятидесяти за Цвиркуном и видел, как тот рванул дверь, защищавшую кабину от наружного вакуума. Генрих вскочил в промежуточную камеру, когда Цвиркун был уже внутри. Давление в камере выравнивалось быстро, но не настолько, чтобы Генрих смог помешать тому, что увидел за прозрачной стенкой.

На полу кабины извивался и звал на помощь сухонький старичок, а Цвиркун, придавив его коленом, рвал на нем одежду.

— Прошу тебя! Очень, очень прошу! — кричал старичок, стараясь оторвать от себя руки Цвиркуна. — Будь благоразумен, препарат недоработан! — Старик увидел Генриха, в бессильном гневе ожидавшего, когда откроется внутренняя дверь, и пронзительно закричал: — Помогите, я все объясню!

Цвиркун обернулся, увидел Генриха и еще сильнее затряс старичка. Голова Брантинга стучала о пол, Брантинг хрипел. Автоматическая дверь распахнулась, когда Цвиркун с небольшой коробочкой в правой руке отскочил от Брантинга. Генрих кинулся к расprostертому на полу телу.

Седые волосы на голове ученого стояли дыбом, в распахнутых глазах окаменел ужас. Теперь в промежуточной камере находился разъяренный Рой, ожидавший своей минуты ворваться внутрь.

— Вы убили Брантинга! — с негодованием крикнул Генрих.

Цвиркун ответил с презрением и ненавистью:

— Я не хотел его убивать. А если и помог подохнуть, так собаке собачья смерть!

Генрих всматривался в озаренное торжеством лицо Цвиркуна. Все, что открывалось раньше, было маской. Генриха раздражало

кривлянье Цвиркуна, калейдоскопическая смена гримас. Не было лица Цвиркуна в его кривлянье, в гримасах и минах. Все это был камуфляж, примитивная игра. Вот оно, настоящее лицо, открытое во всей своей беспощадной четкости — сумрачное, пронзающее убийственно острыми глазами.

Рой наконец ворвался в кабину и тоже кинулся к Брантингу, потом выпрямился и сердито посмотрел на Цвиркуна.

— Может быть, объясните, что произошло? И покажите коробку со спорами! — Он протянул руку.

— Стойте на своих местах! Опустите руки! — властно потребовал Цвиркун. — Я дам исчерпывающие ответы на любые ваши вопросы, но при условии, что ни один из вас не сделает и шага ко мне, пока я не закончу.

Рой наверняка не посчитался бы с настояниями Цвиркуна, но, как и брата, его поразила перемена в ассистенте скончавшегося профессора. Рой медленно опустился на скамью и знаком показал Генриху, чтобы тот сел рядом. Цвиркун прислонился к стенке кабины, как если бы боялся нападения сзади. Генрих хотел поправить запрокинутую руку профессора, Рой сказал, что все надо оставить без изменений, пока не явятся медики колонии. Генрих сел возле брата. Рой нетерпеливо заговорил:

— Вы превысили свои права, Джон. На Нептуне за нападение на другого человека отвечают так же строго, как и на Земле.

— Кары я не боюсь, — спокойно сказал Цвиркун. И говорил он по-новому, без торопливости, без повторений, с каким-то почти пренебрежительным хладнокровием. — Я уже объяснил вашему брату, что не собирался приканчивать мерзкого старикашку, что, надеюсь, подтвердят местные медики, если они достаточно квалифицированы. Между прочим, больше всего я боялся, что Брантинг умрет раньше, чем я доберусь до него. Оператор на «пауке» — только на Нептуне могли придумать старому ученому такую должность! Но Брантинг дождался меня. Он умер если не на руках моих, то в моих руках. Уже одно это делает меня счастливым. Но не только это!..

— Второе, очевидно, захваченная вами коробка со спорами?

— Да, коробка, но не со спорами! — Цвиркун выкрикнул это с таким диким торжеством, что Генрих вздрогнул. — Никаких спор калиописа искать не нужно. Умерший был сумасброд, но чтит закон. Он мог бы взорвать весь мир, подвергнуть все человечество уродующей операции, но правил уличного движения не нарушал даже на Марсе, где они не так уж строги. Выходя, он тихонько

притворял дверь и аккуратно гасил свет, а приходя, не забывал вытереть ноги.

— Стало быть, вы обманывали нас?

— Я рад, что истина, наконец, дошла до вас, Рой.

— С вашей нескорой помощью, Джон! Но что же содержится в коробочке, которая, видимо, так вам нужна, что вы вцепились в нее прямо-таки мертвой хваткой?

— Да, мертвой. Вы и не догадываетесь, как близки к сути! Ответьте мне на один вопрос. Сколько мне, по-вашему, лет?

Он смотрел на Генриха, и Генрих ответил первым:

— Двадцать два... Или двадцать три. Вы очень молоды.

— Двадцать четыре, плюс-минус два года, — ответил Рой.

В смехе Цвиркуна прозвучало торжество и ожесточение.

— Мне ровно шестьдесят пять. Не таращите глаза и не пожимайте так недоверчиво плечами! На этот раз я не обманываю. В день, когда я появился у вас в лаборатории, Генрих, мое сердце отстучало именно эту круглую цифру.

— Вы хорошо сохранились, — сдержанно заметил Рой.

— Не надо иронии. Не хорошо — абсолютно сохранился! Боюсь, разница до вас не доходит. Сорок один год я не меняюсь, вот правда обо мне. Я таков же, каким был в тот день, когда Брантинг поставил на мне свой проклятый опыт.

— Новый вариант древней истории о некоем Дориане Грее? — Рой не удержался от недоверчивой усмешки.

— Нет, Рой, нет! — Цвиркун покачал головой. — Я тоже читал о том доисторическом Дориане Грее. Он сохранял лишь молодость, а меня сделали бессмертным. И если долгая юность Дориана была плодом его страстного желания, то мое бессмертие — плод ошибки. Да, не больше чем плод ошибки. Брантинг не рассчитал правильно силы введенного мне препарата. Он хотел продлить мою жизнь, а взамен этого отменил мою смерть. Он намеревался сделать меня юным долго, вроде Дориана, а сделал бессмертным.

Рой скептически оглядел Цвиркуна.

— Вы так уверены, что тело ваше неразруσιμο? Скажем, плазменный пистолет или атомная бомба наших предков...

— Даже простая дубина еще более далеких наших предков — неандертальцев! Ее тоже будет достаточно. Или камня, упавшего на голову! Я разрушаем, но не смертен. Тайна моя в том, что в себе самом я не несу зародыша своей гибели. Меня могут погубить внешние причины, но не мое собственное развитие. Я не

эволюционирую. Слушайте меня внимательно, вам предстоит узнать то, о чем вы и не догадываетесь. Перед вами человек, воплотивший в себе совершенство и бесконечность. Я совершенен, ибо завершен. Я не меняюсь, ибо достиг абсолютной гармонии. Я настолько уравновешен во взаимодействии своих органов, своих тканей, своих молекул, даже атомов своих, что взорвать мою внутреннюю гармоническую уравновешенность силы, действующие внутри меня, не могут. Я способен изменяться лишь в той мере, в какой меняется природа молекул. Это значит, что эволюция моя продолжительна, как эволюция всего человечества. Я равновелик всему человечеству, хотя и остался самим собой. Я превратился из индивидуума в вид. Я стал из личности категорией. Вы все остаетесь частностями, даже ощущая в себе одну для всех нас общность. Я, став общностью, перестал быть частностью. Я — абстрактность конкретности. Я — конкретность абстрактности. Ибо я — завершенность! Воплотившееся совершенство.

Рой иронически прервал его страстную речь:

— Вы и вправду думаете, что так совершенно прекрасны? На бога вы не похожи.

Цвиркун уставил на него бешеные глаза.

— Я совершенен, но не прекрасен! Нечего путать божий дар с яичницей. — Холодная реплика Роя дала новое направление его мыслям. В его голосе послышалась горечь. — И совершенство мое не идеально, я этого не хочу сказать. Брантинг наделил меня божественным бессмертием, не переменяв моей внешности, далеко не божественной, как справедливо вы заметили. И он не погасил моих человеческих страстей. Он оставил в моем ставшем вечным теле тленную душу. Я любил траву и деревья, оттого и стал астроботаником, — миллиарды раз умрут все травы, миллионы раз сменятся поколения деревьев, прежде чем я состарюсь. Вдумайтесь, прошу вас: миллионы, миллиарды раз возникнут и сгинут, а я все буду пребывать. Я влюбился в Аврору, чудесную девушку, на время покинул ее для марсианской командировки. А когда вернулся на Землю, увидел женщину, перешагнувшую свой лучший возраст, а я был таким же, все таким же молодым! Тысячи Аврор возникнут еще и выпадут из моей жизни, тысячи раз я буду внушать смущение своей нестираемой молодостью, столько же раз меня будут пытаться ужасным одряхлением моих подруг. Вдумайтесь, вдумайтесь! Вы, каждый из вас, обретаєте возлюбленных, и они с вами, они все крепче, все тесней с вами, до самой смерти с вами. А я приобретаю, чтобы потерять, ибо каждое новое утро не

сближает, но разделяет нас на один день, а сколько нужно дней, чтобы все потерять, все, все!

— Трагедия ваша проистекает только из вашей уникальности, — спокойно заметил Рой. — А если бы все люди обрели бессмертие, подобное вашему...

Цвиркун раздраженно махнул рукой.

— Тысячу раз обсуждено! Говорю вам, я плод ошибки. Была какая-то небрежность в приготовлении препарата, а какая, Брантинг не запомнил. И не сумел ее воспроизвести. Бессмертие мое — результат неряшливого эксперимента, глупейшего просчета.

— И вы возненавидели свое бессмертие?

— Да! Да! Да! Моя душа, такая своя, такая неповторимо личная, восстала против моей бесстрастной всеобщности. Я жаждал смерти, не сиюминутной гибели, не внешней катастрофы, нет, внутренней возможности подвести жизнь к естественному уничтожению, ибо без перспективы смерти нет упоения жизнью!.. Нет, вы меня не понимаете, не можете понять! А Брантинг понимал, но я для него был лишь экспонатом, вечным памятником его гению. Из жалости ко мне, используя споры калиописа, он разработал нейтрализатор бессмертия, но не решился дать его мне. А когда я пытался силой завладеть препаратом, Брантинг бежал с Марса. Он знал, что я сконструировал индикатор, обнаруживающий препарат, и постарался уйти подальше. Но не ушел! — Цвиркун поднял вверх руку и восторженно выкрикнул: — А теперь из бессмертного я стану живым, просто живым, упоительно живым!

Резким движением он опрокинул в рот содержимое коробочки. Генрих, вскрикнув, кинулся к нему. Рой удержал брата. Цвиркун испустил протяжный вопль, зашатался и рухнул на тело Брантинга. Глаза его закатились, на губах выступила пена.

— Зачем ты помешал мне? — горестно воскликнул Генрих. — Брантинг кричал, что препарат недоработан!..

Рой с ужасом смотрел на два распростертых тела. Он с трудом сказал:

— Я и не думал, поверь мне...

Генрих поднял и опустил руку Цвиркуна. Ассистент Брантинга коченел на глазах. Генрих задумчиво сказал:

— Пожалуй, для него лучше, что недоработанный препарат нейтрализует бессмертие, лишь одновременно прерывая жизнь. К нормальному бытию Джон Цвиркун все равно бы не вернулся. Он ненавидел бессмертие, но он вкусил вечности...

СВЕРХЦЕНТР БЕССМЕРТИЯ

1

— Я пригласил тебя, Генрих, чтобы ты спас меня от ужасной опасности! — так Франц начал то, что минуту назад назвал «это будет моей исповедью». — На мою жизнь замышляется покушение.

— Ты лежи, лежи спокойно, — ласково сказал Генрих. — Ты слишком ворочаешься. Я медик плохой, но мне кажется, так размахивать руками вредно.

— Ах, мне все сейчас вредно! — простонал Франц. — Ты и представить не можешь, до чего сузился спектр возможностей моего существования. Тонкий желобок жизненных допустимостей, тонкий желобок! И шаг в сторону, маленькое отклонение от желобка — неотвратимая гибель. Опустит, пожалуйста, штору — на улице светит солнце, для меня это опасно.

— Да, трудно тебе стало, Франц, — с сочувствием проговорил Генрих, возвращаясь от окна к постели больного. — Что, кстати, врачи говорят о твоей болезни?

— Они ничего не говорят. Они разводят руками. Самому гениальному и в голову не может прийти, чем я болен. Только я один знаю свою болезнь, потому что сам сотворил ее. И она даже не болезнь, если по-серьезному... Ох, Генрих, пожалуйста, немного приоткрой штору, этот полумрак так убийствен!.. Не сильно, не сильно... вот так, спасибо. Я ничего от тебя не скрою, будет настоящая исповедь. Дело в том, Генрих, что я захворал бессмертием. Ты понимаешь? Моя болезнь — бессмертие!

— Ты все-таки не отчаивайся, — осторожно сказал Генрих и легонько поправил сползшее одеяло. — Теперь и не с такими заболеваниями научились справляться. Сама смерть отступает перед современными лекарствами и оздоровительными приемами,

что же там толковать о бессмертии. Уверяю тебя, через месяц ты будешь здоров, как тяжеловес, вырывающий на штанге рекорд.

— Пожалуйста, не говори так быстро, Генрих. У меня молоты бьют в мозгу, когда я слышу торопливую речь. И медленно тоже не надо, это еще хуже. Ах, Генрих, мне так трудно стало разговаривать с людьми! Только с тобой я еще могу: ты мой старый, мой добрый друг, тебе одному я способен довериться. И только ты можешь спасти меня.

Генрих хотел было сказать, что постарается спасти от любой опасности, даже от бессмертия, но вовремя сообразил, что больной может не понять шутки. Он еще раз молча поправил одеяло.

Франц болезненно покривился. Вероятно, и молчать надо было как-то по-особому, но Генрих побоялся расспрашивать.

— Итак, ты теперь знаешь, что я хвораю бессмертием, — продолжал больной. — О, это сладостная болезнь, но такая беспокойная, такая беспокойная! Так мало возможностей жизни оставляет бессмертие, если бы ты знал! И если бы я это раньше знал! Возможно, я никогда бы не начал работ, приведших меня к бессмертию, представь я себе заранее, что оно с собой несет. И не давал бы Лоренцо углублять его исследования, вместо того чтобы подзадоривать его, как делал все эти три года с такой губительной неосторожностью... Нет, все равно бы продолжал исследования! Ах, мне так трудно говорить, Генрих!

Он в изнеможении замолчал. Генрих, стараясь не беспокоить пристальным взглядом, украдкой рассматривал его. Они с Францем не виделись два года. Франц и раньше не отличался ни железным здоровьем, ни физической силой, ни особенной общительностью: худенький, замедленный в движениях, застенчивый человек — таким он был в школе, таким остался в университете, таким являлся перед студентами и сотрудниками, когда приобрел известность как крупнейший исследователь жизнедеятельности нервных клеток. В дружеском кругу о нем шутили: «Франц потому и занимается синтезом жизни, что ему самому природой отпущено мало жизни».

За те два года, что Генрих не встречался с ним, Франц прямо-таки зловеще переменялся. Если бы кому-нибудь понадобилось продемонстрировать человека, вконец измученного болезнью, Франц бы подошел отлично. Его природная худоба превратилась в ужасающую костлявость, неизменная бледноватость стала мертвенной бледностью, а щеки и лоб так сжались, что как-то и не воспринимались при первом взгляде. Когда больной поворачивался на бок,

голова топориком-профилем выставлялась перед грудью. Но болезненно блестящие глаза глядели разумно, это Генрих отметил сразу и с некоторым недоумением: умный взгляд мало вязался с путаной речью.

Франц догадался, с каким чувством Генрих поглядывает на него, и постарался, чтобы слабо наметившаяся на губах улыбка выглядела насмешливой. Он прошептал:

— Да, конечно... Я упустил из виду, что мои слова кажутся тебе бредом. Через несколько минут ты убедишься, что такое впечатление ошибочно. Дай мне немного собраться с силами.

— Может быть, лучше поговорить потом? — Генрих придал голосу тон беззаботного равнодушия. — И вправду, Франци, ты немного поправишься, подкрепишься... Нам не к спеху.

Больной покачал головой.

— Мне к спеху. И я просил тебя не говорить так быстро. Это ужасно, как ты выбрасываешь слово за словом! — Он страдальчески прикрыл веками глаза, снова раскрыл их, сказал с упреком: — Не хочешь понять, Генрих... или не веришь. От бессмертия не поправляются, от бессмертия не выздоравливают. Пойми, наконец! Бессмертия можно только лишиться — и лишь с жизнью, лишь с жизнью! Бессмертие и жизнь во мне неразрываемы, Генрих, вот где источник ополчившихся на меня несчастий. Очень прошу тебя, выслушай меня со всем вниманием.

— Я слушаю тебя со всем вниманием, — покорно повторил Генрих.

Франц в университете, несмотря на свою болезненность, числился в десятке лучших профессоров. У него был прирожденный лекторский дар. Не прошло и минуты, как бессвязная речь превратилась в аргументированную лекцию. Генрих вскоре поймал себя на том, что слушает с интересом. Он намеревался усердно демонстрировать внимание, чтобы не волновать обидчивого друга. Усилий не понадобилось, внимание пришло само. Если Франц серьезно задумал исповедоваться, то он позаботился облечь свою исповедь в добротные логические одежды. Будь рядом доска, он чертил бы на ней схемы. Но доски не было, одно это сковывало больного.

Все началось с того, что года три назад Франца Мравинского посетил Лоренцо Нгага, уроженец Южной Африки, блестящий знаток и исследователь хромосом. Он приехал в Столицу докладывать о своих работах по физике клеточного деления. Франц запальчиво поспорил с Лоренцо, вспыльчивый Лоренцо назвал

Франца «завершенным образцом научного идиота»! Франц презрительно бросил ему «бездаря». Обмен оценками происходил не в зале, а в лаборатории Франца, куда Лоренцо завернул перед официальным диспутом. Выговорившись в лаборатории, оба вели себя на диспуте с яростной вежливостью. Они так словесно расшаркивались один перед другим, что на них поглядывали с недоумением. После диспута Лоренцо снова явился к Францу.

— Вы обскурант, друг Мравинский, — сказал Лоренцо с почти дружеской откровенностью. — Из-за того, что вы не понимаете физических явлений, происходящих при делении хромосом, вы отрицаете их значимость вообще. Разве это достойно настоящего экспериментатора?

— А вы, друг Лоренцо, открыв малозначительную зависимость деления хромосом от магнитных полей, гиперболизируете ее, — отпарировал Франц. — Вы похожи на человека, изучавшего свечение лампочки, но забывшего, что имеется рука, включающая и выключающая свет. Я уже объяснил вам, что не встречал столь совершенного пня, как вы. Надеюсь, вы не заставите меня повторяться?

— Я открыл способ сделать клетку бессмертной! — настаивал Лоренцо. — Почему вы так страстно нападаете на меня, Франц?

— Кому нужна ваша бессмертная клетка, если умирает управляющий ею мозг? Она бессмертна лишь в колбе, но не в теле.

— По-вашему, мозг нельзя заставить так же управлять делением собственных клеток, как это делает изобретенный мной прибор?

— Для этого нужно создать в мозгу, наряду со множеством центров, заведующих функциями организма, еще один центр, специально ответственный за абсолютную регенерацию всех тканей. Некий сверхцентр, обеспечивающий бессмертие. Когда-нибудь, возможно, его создадут — и тогда человек обретет вечность. Но пока никакого сверхцентра в мозгу нет.

— Послушайте, Франц, а почему бы нам не вырастить такой сверхцентр? — вдруг предложил Лоренцо. — В мире не существует человека, так блестяще разбирающегося в физиологии мозга, как вы. Надеюсь, вы не будете отрицать, что сегодня ни один не сравнится со мной в понимании процессов клеточного деления? Давайте объединим усилия!

— Мы еще немного поспорили, — вспоминал Франц с неожиданной нежностью, на миг преобразившей его измученное лицо, —

и кончилось тем, что Лоренцо перевел свою лабораторию в Столицу. Теперь я должен сказать о самом Лоренцо, чтобы ты понял последующую трагедию. Я не буду говорить о нем как об ученом. Он гениален... был гениален... так точнее. Равных ему по творческой силе интеллекта я просто не знал. Я уж не говорю о том, чтобы кто-то мог превзойти его. Но он был гениален не только в своей специфической области, нет, он был уникально, сверхвозможно одарен способностями вообще, разнонаправленными способностями, он лишь сконцентрировал их в одной области, лишь нацелил их на одно направление. С таким же успехом он мог бы стать величайшим математиком, или астрономом, или историком, или лингвистом. Но он пожелал стать биологом, таков один из важнейших факторов всей истории человечества, и это уже не переделать.

— Мы, кажется, немного отвлеклись, Франци, — мягко заметил Генрих. — Может, все-таки...

Франц нетерпеливым жестом остановил Генриха. Он и не думает отвлекаться. Ему виднее, о чем говорить, пусть Генрих помолчит. Нет, не надо так вызывающе молчать. Генрих слишком сжимает губы, это ужасно раздражает! Итак, Лоренцо. Лоренцо разместил свою лабораторию неподалеку. Он часто забегал к Францу, они столько разговаривали и захватывали все области знания, все уголки жизни, просто удивительно, как этого человека, Лоренцо Нгага, на все хватало. А на дружную работу его не хватило. Он оказался неспособным сотрудничать, он мог только руководить. Он изрекал, а не доказывал. Вскоре стало ясно, что совместные исследования не пойдут, дело шло к ссоре. Ссора, возможно, и не произошла бы, если бы исследование уперлось в тупик. Но успех обозначился сразу — и такой огромный, такой ошеломляющий успех, что голова кружилась. Успеха Лоренцо не вынес. Есть много людей, которые терпеливо сносят неудачи, но мало, очень мало таких, что выдерживают торжество. Природа не снабдила Лоренцо тормозным устройством, обеспечивающим ясность мысли при крупном успехе.

— Вы, стало быть, открыли в мозгу сверхцентр бессмертия? — с удивлением спросил Генрих. Понемногу, захваченный странным рассказом, он позабыл, что обещал Францу хранить молчание.

Нет, сверхцентра бессмертия они не открыли. Нельзя открыть то, что реально не существует. Они изобрели, а не открыли сверхцентр, они сотворили его. В человеческом мозгу сконцентрировано пятнадцать миллиардов клеток, сколько-нибудь активна из них

лишь тысячная часть, остальные — резервные. И без особого труда удалось изъять из резерва сто миллионов незагруженных клеток и поручить им новую функцию — функцию обеспечения бессмертия в организме.

Выделением этих клеток занимался Франц — структуру мозга он изучил гораздо глубже, чем Лоренцо. А переконструирование отобранных клеток на новую функцию взял на себя Лоренцо — этот человек орудовал внутри клеток лучше, чем садовник на грядке, тут ничего не скажешь.

Вначале они экспериментировали с бабочками и мухами, потом с кроликами и курами. И каждый раз, без единого исключения, все удавалось. И у Лоренцо, и у Франца в лаборатории имеются мухи, пережившие своих прапраправнуков, столь же старые куры — те, возможно, переживут весь свой род, такие в них вконструированы возможности.

И тогда на очереди встал вопрос о сотворении сверхцентра бессмертия в человеческом мозгу.

— Ты согласился поставить эксперимент на себе, так? — высказал догадку Генрих. — Ты разрешил Лоренцо поэкспериментировать с тобой?

Нет, все было по-иному. Оба решили одновременно стать объектами эксперимента. И каждый переконструировал себя сам, не прибегая к помощи другого. На этом настаивал Лоренцо. Франц согласился, ибо исследование так продвинулось, что они, не вскрывая черепной коробки, могли самостоятельно прооперировать свой мозг. Ох, пусть Генрих не делает удивленного лица, нет ничего столь раздражающего, как неумеренное удивление вместо внимания! И пусть он задернет шторы, ужасно, как светит солнце в саду! Сюда оно не проникает, но одна мысль, что там оно такое яркое, может свести с ума. Техника самой операции в мозгу слишком сложна, он не может на ней остановиться, он сделает это завтра, на сессии Академии наук, Генриху надо набраться терпения. И не в ней суть, в операции, а суть в том, что операций не одна, а две, и одна из них, рациональная и дальновидная, полностью разработана Францем, а вторая, искаженная, уродливая, содержит усовершенствования Лоренцо — он именно так, усовершенствованием, провозглашает свое чудовищное творение.

— Иначе говоря, его операция в мозгу неудачна, то есть не создает сверхцентра бессмертия? — деловито уточнил Генрих.

Лицо Франца перекошилось от возмущения. До чего примитивны иные люди, даже считающиеся разумными! Операция,

разработанная Лоренцо, неудачна, конечно, — именно поэтому Франц и не принял ее, — но о том, что она не творит сверхцентра в мозгу, не может быть и речи; так же просто и надежно творит, как и первая операция. Но только какое обеспечивает бессмертие, вот о чем спор!

— Генрих, прошу тебя, не взмахивай руками, это так ужасно, когда ни с того ни с сего начинают размахивать руками! И не егози в кресле, неужто нельзя сидеть безмятежно, я же лежу спокойно, не вскакиваю, не действую другим на нервы своей суетливостью, почему же мои друзья не могут вести себя так же невозмутимо?

— Прости, жест вырвался случайно. Итак, две операции, создающие сверхцентры? И, соответственно, два разных типа бессмертия?

Да-да, наконец-то Генрих разобрался! Два сверхцентра и два типа бессмертного существования — и настолько разные, что даже мысленно их не соединить! Еще при работе с мухами они обнаружили, что существует не один, а два способа консервирования жизни. И каждый из этих способов создания бессмертия приводил к быстрой гибели подопытного организма.

В этом месте Генрих снова не удержался от жеста удивления. Бессмертие приводит к гибели? Как понять такой парадокс? Франц не видел никакого парадокса. Бессмертие осуществляется, но порождает свои особые требования к внешней среде. В одном случае сильно сужается область внешних условий, при которых бессмертие, так сказать, действенно. И смертная жизнь не функционирует при высоких и низких температурах, больших давлениях и в вакууме, в сильных электрических и гравитационных полях, при полной неподвижности, при огромной скорости... Бессмертное существование еще придирчивее к внешним условиям. Бессмертие осуществляется лишь в безмерно суженном спектре жизненных условий.

— Взгляни на меня. Пойми меня, — потребовал Франц. — Вдумайся в меня, Генрих! Я ныне, в принципе, бессмертен. Я могу существовать, не меняясь, тысячелетия, десятки тысяч лет. Этого я достиг. Но бессмертие мое реально лишь тогда, когда температура воздуха не больше чем на два градуса отличается от двадцати, давление не падает и не поднимается больше чем на два процента, никто меня не толкает, не заставляет бегать, не ослепляет чрезмерным светом, не терзает темнотой... Ох, как много «если» требуется для жизнедеятельности бессмертного организма! Мне

требуются особые условия, но если их обеспечить, я буду жить вечно. И это главное — я буду жить вечно!

— Живым экспонатом бессмертного организма, существующего лишь в тепличной обстановке! — не удержался Генрих, потрясенный. — Как это ужасно!

Замечание его произвело на Франца меньшее впечатление, чем Генрих мог ожидать. Франц усмехнулся. Улыбка казалась неумело нарисованной гримасой, невязавшейся с истерзанным лицом. Он остановился на этом возражении.

— Что значат формулировки «тепличные условия», «искусственный мир»? Вся история человечества сводится к созданию в естественном мире своего, искусственного мирка, внедрению в быт тепличной обстановки. Огонь, дар Прометея, одежда, дома, скафандры, корабли — разве все это не обеспечивает нам условий, не существующих в натуральном мире? А наши книги, музыка, стихи, танцы, картины, фильмы? Ведь это же искусственно созданный мир, и без него мы давно не можем жить! Кто осмелится утверждать, что в природе, самой по себе, существуют симфонии Бетховена, драмы Шекспира, стихи Пушкина? Нет, подбери возражение убедительней, это слабовато, Генрих! Я лишь продолжаю тенденцию создания искусственного мирка, характерную для всего человечества. Да, правда, я довожу до высокой остроты, до пронзительной узости спектр жизнеобеспечивающих условий, но зато дарую людям бессмертие! Что труднее — обеспечить постоянство температуры в жилом помещении или сделать существование вечным? И что важнее? На иных планетах люди не снимают с себя скафандров, но зато они в других, пусть неудобных для житья, мирах, а не на своей праматери Земле, такой удобной и такой недостаточной. Непросто, непросто бессмертному среди смертных людей! Он всегда должен быть в каком-то скафандре, в коконе специально подобранных жизненных условий. Но зато он бессмертен! Но зато он бессмертен!

Франц закончил страстную тираду ликующим возгласом. Генрих некоторое время молчал, затем сказал:

— Кажется, понимаю. Бессмертие в узком желобке жизнеобеспечивающих условий. А что сделал Лоренцо?

Лицо Франца страдальчески искривилось. Генриху показалось, что друг разрыдался.

Лоренцо восстал против сужения спектра условий, обеспечивающих жизнедеятельность. Он, как и Генрих, обругал полученное в экспериментах над курами существование тепличным. Он

потребовал расширения, а не сужения возможностей. Он хотел просторного, как саванна, беспредельного, как море, существования, узенькие желобки его не устраивали. И он добился своего, глупец!

Две недели назад он три часа просидел на обрыве Этны, вдыхая сернистые испарения вулкана, и даже насморка не схватил. А перед тем подверг себя месячной голодовке, неделю не утолял жажды — и все ему как с гуся вода. Он и не такое делал! Он разможил камнем палец на левой руке — через час рана затянулась, через день палец полностью зажил. Он хвастает, что может вынуть глаз и вставить его обратно — и глаз будет видеть. А если не вставит глаз, то вскоре вырастет новый! Правда, такого эксперимента он на себе еще не ставил, но на курах они удались, отрицать это невозможно.

— Но ведь это великолепно! — Генрих не сумел удержаться от восторженного восклицания.

Франц смотрел на него с безмерной скорбью. Вот оно, суждение невежды, — великолепно! Что великолепно? Какой ценой достигается великолепие? Может быть, стоимость так чудовищно велика, что перекрывает все мелкие выгоды? Не приводят ли крохотные приобретения жизнеустойчивости к потерям иного рода, гораздо более важным? И если подойти с этой стороны, то не окажется ли жизнеустойчивое бессмертие Франца выше, неизмеримо выше тупого всесуществования Лоренцо? Дело в том, что он добился своих, на поверхностный взгляд, столь поразительных успехов ценой прогрессирующего разжижения интеллекта!

— Да-да, события оборачиваются именно такой драмой, — продолжал Франц, выдержав минуту, чтобы до Генриха дошло значение его слов.

— Лоренцо — великий мастер операций над клеткой, но плохо разбирается в общей структуре мозга. До него не доходит высшая гармония, подчиняющая себе это величественное соединение пятнадцати миллиардов клеток. Мозг для Лоренцо — не более чем одна из тканей организма, орган, равноценный десяткам других. И, безмерно укрепляя центры мозга, ведающие защитой организма, он одновременно ослаблял интеллектуальное поле. Он нарушил равновесие в том самом, что составляет высшую функцию мозга: его способность порождать мысль. Бессмертный идиот — вот венец творения Лоренцо. Нечто, всюду существующее, всеядное, всеустойчивое, но лишенное разума!

— Ты тоже не остановился перед нарушением жизненного равновесия, — деликатно заметил Генрих. — Очевидно, при создании бессмертия без нарушения возможностей существования не обойтись. Ты только выбрал иной путь жизненной диспропорции, если можно так выразиться.

Да, так выразиться можно! Иной тип жизненной диспропорции, совершенно правильно! У Франца в лабораторин, под стеклянным колпаком, в условиях, которые иначе чем тепличными не назвать, проживает бессмертный петух Кешка. Кешка будет жить тысячелетия, если хоть на часок не выйдут из строя калориферы, кондиционеры и пекарни, поставляющие белый хлеб. Зато интеллект Кешки пронзительно остер. Он уже сегодня свободно ориентируется в четырех действиях арифметики, отлично вычитает и множит и с особым наслаждением, прямо-таки плотским наслаждением, делит. Деление — хобби бессмертного петуха Кешки. В программу обучения, составленную для Кешки, вставлены теория многоугольников, логарифмы и бином Ньютона, но это дело будущего. Лет через сто петух Кешка станет выдающимся математиком, до которого будет далеко прославленным Декартам, Гауссам и Нгоро. Так обостряет интеллект бессмертие, создаваемое по методу сужения спектра жизнеобеспечивающих условий.

— Я предвидел, что ты мне не поверишь, Генрих, — говорил Франц, все более возбуждаясь. — И я придумал эксперимент, который сможет тебя убедить. Дело в том, что не только у петуха Кешки, но и у самого себя я безмерно обострил умственные способности. Ты отлично знаешь, что математику я не терпел.

— Мало занимался ею — скажем так.

— Будем говорить точно — ненавидел. А ненавидел потому, что не имел к ней способностей. И вот, готовясь к разговору с тобой, я просмотрел твой с Роем отчет о вашей последней работе. Вы под руководством академика Томсона разрабатываете аккумулятор гравитационной энергии, так? У вас решена проблема концентрации тяготеющего поля, но вы не можете найти способы постепенного, а не взрывного ее высвобождения, правильно? Постепенно раскрывающийся кран из гравитационного бассейна — вот что нужно найти, по вашим словам. Читая вашу статью, я мигом нашел решение. Запиши его. Пиши, пиши.

Чтобы не спорить с больным, Генрих послушно достал записную книжку.

— Я высокого мнения о тебе и твоём интеллекте, — сказал Франц, когда Генрих рассматривал сделанную запись, — но все

же он у тебя не таков, чтобы ты сразу разобрался в моем решении. Потрудишься над ним мозги позже. Дай мне отдохнуть, я устал. И раскрой немного шторы, солнце, наконец, ушло в тучи. Я чувствую себя хорошо только в первые минуты после заката, это так непривычно, Генрих. Посиди и помолчи, пожалуйста.

Франц закрыл глаза и минуты три лежал не шевелясь. Генрих без шума раздвинул шторы, на цыпочках возвратился в кресло. Только теперь он разглядел, что комната, в которой лежал Франц, была овальная, без острых граней и углов: пол переходил в стены плавными изгибами, такими же изгибами со стенами смыкался потолок, а переходы от стены к стене вообще нельзя было заметить, настолько они были мягко вычерчены. Мебель соответствовала комнате — округлая, зализанная, мягких кривых линий. Франц, несомненно, не выносил теперь никакой прямолинейности. «В рассуждениях его, впрочем, особой округлости нет, — с удивлением подумал Генрих. — В мыслях он разрешает себе резкость, ставшую ему отвратительной в вещах».

— Ты не забыл, для чего я пригласил тебя? — спросил Франц, открывая глаза.

— Нет, конечно, — поспешно сказал Генрих. — На твое существование замышляется покушение, и ты просишь спасти тебя. Догадываюсь, что опасность исходит от Лоренцо.

Франц слабо кивнул. В неярком свете, лившемся от единственного в комнате окна, сходство профиля Франца с топориком, установленным на шее, сделалось сильнее. Франц раскрыл еще не все тайны, он переходит к последней. Расхождение методов творения бессмертия не исчерпывается проблемами устойчивости телесного бытия и остроты интеллекта. Расхождение трагически шагнуло дальше. Бессмертные по методу Франца физически несовместимы с бессмертными по методу Лоренцо!

Вернее, не физически, а химически. Сама структура их клеток претерпела такие удивительные изменения, что при малейшем соприкосновении они вступают в бурные реакции, как натрий с водой или порох с огнем.

— Это кажется невероятным, но это так, — с волнением продолжал Франц. — Впервые это стало ясным, когда Лоренцо захотелось получить потомство от своего бессмертного петуха Васьки при сочетании его браком с бессмертной курочкой Катенькой, выведенной Францем. Васька был дикарь, горлопан и забияка, Катенька — тоненькая, нежная бессмертница (такой у них в лаборатории прижился термин для выведенных насекомых и птиц:

«бессмертник» и «бессмертница»). Васька, только его пустили в прозрачный баллон, где хранила свое бессмертие Катенька, ринулся прямо к ней и мигом вскочил ей на спину. Раздался взрыв, взвился столб пламени, баллон разлетелся вдребезги, а на Франца с Лоренцо просыпалось облачко горячей пыли — ничего другого не осталось от испепеленной бессмертной пары. Они погибли от простого соприкосновения.

— Ты уверен, Франци, что нет других причин, объясняющих взаимное сожжение твоих бессмертников?

— Абсолютно! Лоренцо с его слабеющим интеллектом не способен понять эту трагическую истину, но для меня она очевидна. Я бы подтвердил ее новыми опытами, взяв для этого еще одного-двух бессмертников у Лоренцо, но, скажу откровенно, я боюсь прикоснуться к ним.

— Надо бояться, если вы химически несовместимы, благодаря... благодаря...

— Благодаря разной структуре нашего бессмертия. Теперь я могу, наконец, сформулировать свою просьбу. Завтра я выступаю на сессии Академии наук с докладом о наших работах. После меня докладывает Лоренцо — если он сумеет: говорю тебе, интеллект его с каждым днем деградирует. Он, дубина, не понимает, насколько опасно для него самого прикосновение ко мне. Я ужасно боюсь, что он полезет здороваться рукопожатием или похлопает по плечу, он страшно любит такие вульгарные жесты. Охрани меня от него, Генрих! Не позволяй касаться меня! Оттесни, если он станет приближаться ко мне. Сможешь это сделать?

— О, несомненно! — сказал Генрих. — Можешь быть уверенным, Франци, я раньше всех завтра приду в Академию и постараюсь защитить тебя от Лоренцо.

— «Постараюсь»... Не надо такого слова! Оно угловатое, такие резкие грани... Просто защити, Генрих! Так круглее...

2

— Я с самого начала был уверен, что Франц не в своем уме, — задумчиво сказал Рой. — Между прочим, все, кто общался с ним в последнее время, замечали прогрессирующую ненормальность. О Лоренцо Нгага и говорить не приходится. Мне охарактеризовали его как сумасброда и грубияна, не лишнего некоторого таланта экспериментатора, но и не больше. Таким образом, расспросы подтвердили первоначальное впечатление. Но, видишь ли, имеется одно смущающее меня обстоятельство.

— Оно связано с решением гравитационной загадки?

— Да, Генрих. Я показал Томсону формулу «гравитационного крана», принесенную тобой от Франца. Томсон ошеломлен. Именно так он охарактеризовал свое состояние.

— Иван очень увлекающийся человек.

— Но преувеличения его не переходят определенных границ. Он назвал решение Франца гениальным. Он считает, что нам с тобой нужно немедленно поискать конструктивное оформление идеи Франца. Согласись, такое отношение многозначительно.

— Ты будешь завтра на сессии?

— Я опоздаю к открытию. Но доклада Франца не пропущу.

Генрих пришел даже раньше, чем обещал. Приглашенных было мало. Он прогуливался по залу Истории цивилизации, это был его любимый зал, наполненный статуями и картинами. Генрих словно бы здоровался со всеми этими знаменитыми людьми, реально существовавшими и вымечтанными так рельефно, что они стали реальной множества существовавших. В уголке великих путешественников он постоял перед статуями Одиссея, Колумба и Дон-Кихота. Колумб властно показывал вдаль. Одиссей с испугом и радостью озирался, он словно бы увидел что-то восхитительное и страшное. Дон-Кихот дружественно протягивал освобожденную от железной перчатки руку. Обычай требовал, чтобы посетители пожали руку благородного рыцаря, Генрих выполнил обычай.

Мимо неся Томсон, он всегда мчался как на пожар, но, разглядев Генриха, академик притормозил.

— Это же черт знает что! — крикнул он возбужденно. — Что до меня, то я ночь не спал! Такие открытия, такие открытия!.. Ожидая и сегодня сногшибательных сообщений!

Генрих догадался, что Томсон не спал ночью из-за тех открытий, какие углядел в гравитационных формулах Франца.

— Сегодня нас ожидает... — заговорил было Генрих. Но Томсон умчался: он больше любил высказываться, чем прислушиваться к чужим высказываниям.

Встреча с Томсоном напомнила Генриху, что он может пропустить приезд Франца. Он поспешил к выходу. На площади одна за другой садились авиетки, из кабин вылезали академики и приглашенные. В толпе, поднимавшейся по наружной лестнице, показался президент Академии Альберт Боячек. Генрих постарался, чтобы старый ученый его не заметил. Боячек мог и подзвать Генриха, он с охотой разговаривал с ним, но разговоры могли помешать наблюдению за входом.

Франц приехал в старинном электромобиле с давно вышедшими из моды удобствами — просторная кабина древней машины имела фильтры воздуха и кондиционеры. Автошофер подвел электромобиль к самому входу, распахнул дверцы, услужливо протянул рычаги, чтобы помочь Францу выбраться. Франц кутался в странный костюм, непостижимо объединявший в себе шубу со скафандром. Из-под шляпы наружу высовывался лишь острый нос, щеки прикрывали прозрачные щитки. Франц просто-напросто, подавая Генриху руку:

— Ох, как трудно было ехать! Ты не заметил, какая температура в зале? Я просил держать ровно двадцать.

— Ровно двадцать и держат, — успокоил его Генрих.

Он помог Францу раздеться, проводил в зал, уселся рядом. Температура Франца устраивала, все остальное раздражало. Он жаловался, что его ранят и невыносимая угловатость помещения, и еще более нестерпимая угловатость мебели: всюду ужасающие прямые линии, которые к тому же пересекаются, образуя острые грани. Мучил его и цвет, слишком разнообразный: в одной комнате стены были зеленые при белом потолке, желтом полу и кремовых дверях, в других обнаруживалось еще более хаотическое сочетание красок, а в конференц-зале к той сумятице добавлялись малиновые гардины и золотые светильники.

Генрих, с сочувствием слушая жалобы, видел, что больше всего Франц страдал от яркого света, заливавшего зал. Франц надел темные очки, теперь он мог свободнее смотреть по сторонам и здороваться со знакомыми, но облегчение не пришло.

— Я понимаю, тебе смешно, — с безнадежным смирением сказал он, и в голосе зазвучало такое отчаяние, что Генриху до боли в сердце стало жаль его. — Но меня сводит с ума мысль, что если я сниму очки, то меня снова ослепит беспощадный свет. Так тяжело сознавать, что всюду подстерегает это терзающее сияние!

На возвышении, за столом президиума, появился Боячек. Президент поднял руку, призывая гомонящий зал к тишине.

— Много удивительных сообщений нам довелось слышать в этом зале, — начал президент традиционную вступительную речь, — но сегодня вы услышите об открытии, которое поразит вас всех. Мечта о бессмертии всегда являлась одной из самых пленительных фантазий человека. Сейчас мы узнаем, каким образом можно претворить мечту о вечной жизни в реальную действительность. О своих работах по созданию бессмертия нам будут докладывать два известных наших ученых — Франц Мравинский и Лоренцо

Нгага. Почему-то Нгага задерживается, но друг Мравинский может занимать трибуну.

— Проводи меня до трибуны и останься поблизости, — шепнул Франц, вставая.

Генрих заботливо поддерживал его под руку, пока они шли к столу президиума. В раскрытую дверь торопливо вошел Рой и приветливо кивнул Францу. За спиной Роя показался Лоренцо. Франц страдальчески охнул и судорожно прижался к Генриху. В тупом лице второго бессмертного не было ни мысли, ни чувства, ошалело-веселые, пронзительно-светлые глаза яростно уставились на собрание.

— Здорово, ребята! — оглушительно гаркнул Лоренцо. Взгляд его упал на съжившегося от страха Франца. Лоренцо заревел еще восторженнее и свирепее: — Привет, дружище!

— Держи его, Рой, держи! — крикнул Генрих.

Рой кинулся между Лоренцо и Францем, но тут же отлетел к стене, таким мощным был ответный толчок Лоренцо. Генрих попытался увести Франца, у Франца подогнулись ноги, он схватился за спинку кресла, чтобы не упасть. Генрих выскочил вперед, заслоняя его, но попал под кулак Лоренцо и рухнул на пол.

— Слабаки! — ликующе орал Лоренцо. — Куда вам против бессмертного! Давай поцелуемся, Франци!

Генрих успел вскочить на ноги, когда Лоренцо соприкоснулся с Францем. Нгага лишь протянул руку, чтоб поздороваться, но Франц сумел отшатнуться, и Лоренцо ухватил друга за плечо. Надрывный вопль Франца и удивленный рев Лоренцо потонули в грохоте столба пламени, взметнувшегося на том месте, где они стояли. Перепуганные ученые кинулись кто куда, а на них падали быстро гаснущие огненные языки и сыпался пепел. Обоих бессмертных уже не существовало, а людям в зале все казалось, что отчаянные голоса, вырвавшиеся из пламени, звучат и звучат.

Взрывная волна снова опрокинула Генриха. Рой подскочил к брату и помог ему подняться. Генрих метнулся к месту катастрофы. Облачко пепла, взвившееся к потолку, понемногу оседало. К братьям, с ужасом взиравшим на угасающий костер, приблизился Боячек. Старый ученый был страшно бледен, руки его тряслись, губы еле шевелились. Следом за ним подскочил бледный Томсон.

— Какой финал! — едва прошептал Боячек. — Какой ужасный финал!

Он наклонился, осторожно тронул кусок несгоревшей одежды, снова выпрямился, с отчаянием поглядел на подавленных братьев и насупленного Томсона.

— Бессмертные погибли на наших глазах! — горестно сказал президент Томсону. — И мы, смертные, не могли им помочь, ничем не смогли помочь! Такие надежды возлагали мы с вами на их исследования! И вот финал!

СКВОЗЬ СТЕНЫ СКОЛЬЗЯЩИЙ

1

Известие о гибели академика Ивана Томсона передали, когда Генрих с Роем находились в институтской столовой. Рой побледнел и на минуту потерял голос, Генрих уронил ложку. Обширный зал, всегда полный гула разговоров, мгновенно сковала тишина. Испуганные лица дружно повернулись к репродуктору, из которого зазвучал печальный голос президента Академии наук Альберта Боячека.

Президент извещал институты, что сегодня ночью во время сложного опыта взорвался главный агрегат лаборатории нестационарных полей. Дежурный оператор Арутюнян получил тяжелые повреждения черепа. Томсона, работавшего в экспериментальной камере, пронизало короткофокусное гравитационное поле. Смерть наступила мгновенно. Расследование обстоятельств аварии ведет специальная комиссия.

— Невозможно поверить! — сказал потрясенный Генрих. — Кого угодно мог представить внезапно умершим, только не Томсона. И так страшно умереть — в тисках короткофокусного поля!

— Да, — сказал Рой. Бледность все не отпускала его. — Ты прав, представление о гибели не вязалось с образом Томсона.

К их столику подсел Арман. Он видел Томсона вчера. Академик проконсультировал их вариант аккумулятора гравитации и отверг его. Он сперва иронизировал, указывая на просчеты, потом набросал новый вариант механизма, более надежный, чем разработанный Роем и Арманом, и, вручая Арману эскиз, нетерпеливо потребовал, чтобы братья с сотрудниками перестали отвлекаться на расследования бытовых загадок, а сконцентрировались, наконец, на серьезных проектах. Он хлопнул рукой по чертежу и сердито ска-

зал, что жаждался аккумулятора гравитации. Чепуховский же механизм, а нужен позарез, вот так, и полоснул себя рукой по горлу.

— Уверен, он и вправду в это время думал, что гравитационные аккумуляторы — конструкция элементарная и только ленивый ее не разработает, — грустно делился впечатлениями Арман. — Не сомневаюсь, что вручая мне эскиз, он тут же забыл, что это его разработка, и впоследствии вспоминал бы об аккумуляторе лишь как о нашем самостоятельном творении. Поразительная щедрость, с какой он дарил идеи и потом искренне хвалил за умные мысли тех, кому сам их подсказал!

— В нем совмещались противоположности, — задумчиво сказал Рой. — Он сочетал в себе трезвого инженера с сумасбродом, аналитика — с романтиком, стремительность — с глубиной, душевную деликатность — с резкостью. Он был всякий. Вероятно, потому так расходились мнения о нем.

— Научные его дарования никто не оспаривал, — заметил Арман. — Он был избран в Академию наук в двадцать лет — случай беспрецедентный.

— Я говорю о его характере, а не о научных работах.

Сотрудники Института Космических проблем расходились по своим секторам, продолжая взволнованно обсуждать страшное происшествие. Рой возвратился к себе, попытался сосредоточиться, но не смог. К нему пришли Генрих и Арман, работа у них тоже не шла. Кроме боли, вызванной гибелью близкого человека, Роя мучила мысль, что теперь некому будет квалифицированно консультировать гравитационные исследования в их лаборатории.

А Генрих, молча сидя на диване, вспоминал самого Томсона. Они были одногодки, он и Томсон, их связывала давняя дружба. И хоть жизнь их сложилась по-разному — Ваня Томсон рано стал знаменитым, быстро поднимался по лестнице научной славы, а Генрих медленно зарабатывал свой негромкий авторитет, — приязнь друг к другу оставалась неизменной. Рой мог рассудительно говорить о теориях Томсона и о том, какое они окажут влияние на последующие поколения ученых, на их собственные работы, — Генрих думал о потерянном друге: из жизни вырвали большой кусок, рана кровоточила. Арман обратил внимание на упорное молчание Генриха.

— Генрих, сумеем ли мы теперь завершить к сроку гравитационный аккумулятор? Если сконцентрируем все силы лаборатории и ты сам ни на что другое не будешь отвлекаться... Ты думаешь об этом?

Генрих хмуро усмехнулся:

— Я вспоминал первый полет Ивана над Столицей.

Его ответ придал разговору новое направление. Арман лишь слышал об этом событии, а Рой был очевидцем нашумевшего испытательного полета Томсона на первой модели антигравитационной машины. Томсон, за шесть месяцев до того избранный в Академию, сконструировал гравилет в форме помела. Над Столицей, в черном трико, с развевающимися длинными волосами, носился на помеле самый молодой академик мира, а позади, с прутьев гравитационной антенны, срывались длинные искры: Томсон постарался, чтобы и этот побочный эффект выглядел впечатляющим.

В Академии наук испытание гравилета породило сумятицу: кто смеялся, кто возмущался. Президент Академии был из тех, кто вначале смеялся. Потом Боячек вспомнил, что обязан поддерживать мир среди светил науки, и строго потребовал, чтобы Томсон переделал легкомысленную конструкцию гравилета.

Томсон пообещал сделать вторую модель совсем иной. Она и была иной. Теперь Томсон летал в гигантской ступе, управляя ею при помощи метлы. Хохочущим зрителям, заполнившим площади Столицы, особенно нравилось то, что метла гасит искры, ярким шлейфом тянущиеся за ступой. Впечатление было такое, будто метла в энергичных руках академика сметает сияющий сор.

Выступая по стереовидению, Томсон сказал, что вполне доволен испытанием: вторая модель помогла установить новые важные закономерности. Академик Леонидов придерживался диаметрально противоположной точки зрения и высказал ее в той же передаче. Он пообещал доказать на ближайшей сессии Академии наук, что нельзя отождествлять озорство с глубиной настоящего научного поиска.

— На сессии я был и хорошо помню триумф Томсона, — сказал Генрих. — Ты провел меня по своему пригласительному билету, Рой. Помнишь, как Иван опроверг старого педанта?

Рой не успел ответить, его вызвали к президенту Академии. Генрих продолжал предаваться воспоминаниям об успехе друга на сессии. Томсон доказал, что озорство не мешает глубине. Весь зал бил в ладоши, когда Томсон разъяснил, какие простые уравнения нестационарного поля управляли движением его моделей. Но и в этом торжественном зале он не изменил себе.

Леонидов доказывал с кафедры, что уравнения выведены не строго, а схемы гравилета некорректны, поэтому антигравитаци-

онный импульс не может иметь места в хулиганском полете его многоуважаемого друга Ивана Томсона. Именно этот патетический момент речи Леонидова Томсон и выбрал для того, чтобы взметнуть оппонента в воздух.

Старый академик, раскинув руки, жалко перекосив лицо, тихо парил над кафедрой, а с его седых волос, вдруг превратившихся в проволочный частокол, лилось дымное сияние. Через минуту, обретя под ногами твердую почву, Леонидов закричал среди всеобщего смятения: «Не было! Не будет! Это не антигравитация! Вы нашли какое-то иное поле! Требую, чтобы вы извинились передо мной за то, что выдвигаете в качестве серьезных аргументов наспех придуманные цирковые трюки!»

Томсон, добившись молчания в развеселившемся зале, в свою очередь потребовал, чтобы его друг Чарльз Леонидов извинился перед ним, ибо многоуважаемый оппонент нанес Томсону тяжкое оскорбление, обвинив в придумывании наспех цирковых трюков. Ученому собранию был продемонстрирован не развлекательный трюк, а решающий опыт, подлинный «экспериментум круцис». И разрабатывался он не наспех, а в течение четырех месяцев. «Я могу засвидетельствовать это рабочими записями! — объявил Томсон. — Ровно сто девятнадцать дней назад в лабораторный журнал были внесены отправные данные эксперимента — ваш рост, вес, объем туловища, обычная одежда, даже то...» Конец фразы потонул в общем хохоте.

Рой возвратился, когда Генрих и Арман перешли от давних воспоминаний к впечатлениям совместной работы с Томсоном, проводившейся в течение последних двух месяцев. Генрих с испугом посмотрел на брата: Рой ушел расстроенным, вернулся подавленным. Он умел сдерживать свои настроения. Очевидно, Боячек сообщил нечто такое, что Рой не мог совладать с собой.

— Ужас! — сказал он, тяжело опускаясь на диван. — Всего можно было ожидать, только не того, что произошло!

— Новые данные об аварии? — спросил Арман.

Рой покачал головой.

— Новые данные, да. Но только не об аварии, потому что аварии не было. Было преступление.

— Преступление? — Генрих вскочил. — Ты хочешь сказать, что Иван стал жертвой злого умысла?

— Его убили!

— Убийство? — недоверчиво переспросил Арман. — В наше время? На Земле? И кого? Знаменитого ученого!

— И тем не менее, совершилось убийство!

— Но кто же убийца, Рой?

— Его ассистент Роберт Арутюнян.

Генрих изумленно вскрикнул:

— Рорик? Этот тихоня? Это живое собрание всех школьных добродетелей? Этот сосуд вежливых фраз и приторной обходительности? Невероятно, Рой, невероятно!

Рой сердито возразил:

— Я передаю то, о чем узнал у Боячека. Рорик пришел в себя и признался в убийстве Томсона.

— Но мотивы, Рой? Не мог же он ни с чего...

— Похоже, что Томсон отбил у своего ассистента его невесту Агнессу Антонелли. В час аварии Томсон направлялся на свидание к Агнессе, а Рорик улучил момент, чтобы беспощадно расправиться...

— Позволь, Рой, — сказал Арман. — Томсон ведь погиб в испытательной камере, а не у Агнессы. Что она по этому поводу говорит?

— Она, как и Рорик, в больнице. У нее тяжелейшее нервное потрясение.

Арман развел руками.

— Я плохо понимаю твоё объяснение, Рой.

— Я и сам мало что понимаю, — признался Рой. — Рорик, придя в себя, пробормотал то, о чем я вам сказал, и снова потерял сознание. Я слушал его показание, записанное на ленту. Он путался, не договаривал фраз.

Генрих гневно ходил по комнате.

— Вот уж кого я не любил! Я раньше стеснялся своей недобужелательности к Арутюняну, старался ее не показывать. А это было не пристрастие, а прозрение! — он с мстительным выражением лица остановился перед Роем. — Ты знаешь, я не злой человек. Если меня вызовут в качестве свидетеля, знавшего Томсона, я расскажу обо всем, что чувствовал, когда встречался с Арутюняном.

— Ты сам будешь вызывать кого захочешь. Боячек пригласил меня, чтобы поручить нам расследование технических обстоятельств катастрофы. — Он сердито добавил, заметив протестующий жест Генриха: — Я не мог отказаться. Томсон был нашим руководителем, твоим другом. Мы не имеем морального права стоять в стороне. Но если ты все-таки не пожелаешь участвовать в расследовании, объясни мотивы самому Боячеку. Я посредником между вами быть не хочу, тем более, что его любимец ты, а не я.

— Я буду участвовать в расследовании, — хмуро ответил Генрих. — Я только поставлю единственное условие: чтобы ты не говорил мне своих привычных фраз о беспристрастности и объективности! Я пристрастен и субъективен, знай это заранее. Смягчающие обстоятельства я выискивать не стану. И сделаю все, чтобы виновник преступления получил максимальное наказание!

— Ты будешь не один, мы с Арманом тоже имеем право голоса. — Рой обратился к задумавшемуся Арману: — Я, впрочем, не спросил, согласен ли ты участвовать...

— И спрашивать не надо! — Арман грустно улыбнулся. — Знаешь, о чем я думал? Убийство из ревности, конечно, отвратительный пережиток... Но если бы мы жили во времена Шекспира или Пушкина... В общем, в те доисторические эпохи, когда соперники сводили счеты при помощи оружия... Такая девушка!

— Агнесса, конечно, красавица, — согласился Рой. — Она могла бы позировать для статуи античной богини, если говорить о ее внешности. И с ней всегда интересно разговаривать. Но это не оправдывает Рорика.

2

Генрих знал, что предстоит увидеть ужасное зрелище, и настраивал себя не волноваться. Он и не взволновался, когда их троих впустили в лабораторию нестационарных полей. Он был так подавлен, что уже не мог волноваться. Трупа не было. Сгущение гравитационного поля произошло внутри Томсона. Он был сжат, а не раздавлен, но сжат с такой силой, что на какой-то миг превратился в шарик, не больше футбольного мяча. А когда губительное поле отхлынуло, ни одна клетка тела не смогла вернуться в прежнее состояние.

— Только такой механизм аварии способен объяснить клиническую картину смерти, — сказал медицинский эксперт. — А как могло появиться подобное поле, почему произошел взрыв гравитационных сил, нам должны объяснить вы.

Рой долго стоял перед пультом. Генрих с Арманом влезли в испытательную камеру. И пульт с его контурами управления и мнемоническими схемами, и сферообразная камера были хорошо знакомы по прежним посещениям лаборатории Томсона. Рой закрыл глаза. Он вообразил себя Робертом Арутюняном в момент гравитационного взрыва. Рорик должен был положить правую руку

на тот, дальний разрешающий контур, левая рука в это время лихо-радожно вращала вентиль, управляющий гравитационными конденсаторами, чудовищное поле сгущалось в центре камеры, а в камере — Томсон. Догадался ли он в этот последний миг, какая участь ему уготована? Какие исполинские тиски сожмут его мозг и сердце? Во Вселенной нередки случаи, когда коллапсирует утратившая равновесие звезда. В течение нескольких минут гигантское светило диаметром в миллионы километров превращается в крохотный, невообразимо плотный шарик: чудовищное — взрывом — сжатие, катастрофическое падение в себя. В лаборатории нестационарных полей сколлапсировали человека — руководителя, академика, умницу и озорника, одного из талантливейших ученых современности! Зачем совершилось такое преступление? Как его сумели совершить?

Рой внимательно посмотрел на Генриха и Армана, вылезавших из камеры

— Стенки не повреждены, — сказал Арман. — Гравитационный взрыв был сфокусирован в центр камеры. И, очевидно, он был мгновенно погашен защитными гравитационными емкостями агрегата. Выпустили на микросекунду джинна из бутылки и мигом засосали обратно.

Рой хмуро возразил:

— Рорик позаботился о том, чтобы не погибнуть вместе со своим руководителем. Гравитационные джинны куда опаснее мифических.

— Повреждение черепа Рорик все же получил, — заметил Арман. — Между прочим, в схеме катастрофы, которая рисуется мне после осмотра, нет места для ранения Рорика.

— Он мог намеренно поранить себя, чтобы запутать дело, — предположил Генрих.

Рой сразу же отвел эту версию.

— Я согласился бы, если бы Рорик отрицал свою вину. Но он признался сразу. Человек, который после преступления отдает себя в руки правосудия, не будет запутывать следы.

Арман добавил:

— Тем более, что удар в голову был такой силы, что вполне мог завершиться гибелью. Думаю, что все было гораздо сложнее, чем нам сейчас представляется.

Армян стал собирать ленты рабочих журналов, хранившихся в сейфе Томсона.

Генрих, отойдя в сторонку, долго глядел на сферическую камеру, в которой погиб его друг.

— Придумалось что-нибудь новенькое? — поинтересовался Рой.

Генрих медленно покачал головой.

— Я сейчас проинформирую Боячека о нашем первом впечатлении от осмотра лаборатории, а ты помоги Арману, — попросил Рой.

Рой отсутствовал достаточно долго, Арман с Генрихом успели собрать все, что им показалось нужным.

— Боячек сказал тебе что-то новое, — догадался Арман, поглядев на Роя.

Рой кивнул:

— Не просто новое, а важное новое. Имеются записи бреда Агнессы. И Агнесса заговорила.

— Она подтверждает признание Рорика? — уточнил Генрих.

— Она повторяет лишь одну фразу: «Я убила Томсона!»

Арман удивленно присвистнул.

— Еще один преступник! Зачем же ей понадобилось его убивать? Девушка расправляется со своим поклонником! Даже в древние эпохи на любовь могли не обращать внимания, на нее могли не отвечать, но за любовь к себе не мстили. Не тот повод!

Генрих недобро усмехнулся:

— Ты, конечно, большой эрудит в делах любви. Но замечу тебе, Агнесса была не просто объектом поклонения Ивана, а еще и невестой Рорика. Тебе не приходит в голову мысль, что Агнесса и ее жених попросту соучастники преступления?

— Она тогда бы сказала «мы», а не «я». И он сказал бы «мы».

Но Генрих опроверг возражения Армана. Если человек влюблен, он даже ценой самообвинения будет выгораживать того, кого любит. Рорик спасает Агнессу, Агнесса спасает Рорика — что может быть естественнее?

Рой прервал их спор. Он не возражает против создания любых рабочих гипотез, но их надо высказывать, а не навязывать. Ему не нравится запальчивый тон Генриха. Когда Генрих отмалчивается, его позиция убедительней, чем когда он зло нападает на несогласных.

— Буду впредь доказывать свою правоту молчанием! — сердито сказал Генрих.

3

То было не признание, а вопль, исторгнутый в приступе отчаяния. Генрих три раза прокручивал запись. К постели Агнессы склонялись врачи, она вырывалась из их рук и кричала: «Это я! Это я убила его! Я убила!» К ее голове поспешно прикладывали вибратор. Под действием излучения она успокаивалась, замолкала, закрывала глаза. Вибратор осторожно отводили от головы, Агнесса некоторое время лежала в беспамятстве, потом сознание возвращалось, она поднимала веки, осматривалась, что-то вспоминала и впадала в ту же истерику: рыдала, металась в постели, хотела вскочить и куда-то бежать: «Это я, я!»

Рой выразительно посмотрел на Генриха.

— Прокрути теперь ее бред, — попросил Генрих.

Бред был однообразен, как и вопль, в нем повторялось одно и то же. Около стены, украшенной картиной, изображавшей лес, стоял Томсон. Его голова пропадала среди тесно сгрудившихся древесных стволов, а ноги были в комнате. Он надвигался, выпятив грудь и откинув назад голову, отделялся от стены, медленно, печатая шаг, шел в комнату. Он хохотал. В зале, где сидели братья с Арманом, возникал его голос, Томсон ликующе восклицал: «Теперь ты видишь? Теперь ты веришь?» Он падал на колени. Он стоял на полу на коленях и протягивал руки, весь экран был заполнен его двумя руками, двумя властными, настойчивыми, радостно простертыми вперед руками... И вдруг все пропадало в темноте, а потом темнота рассеивалась — и Томсон стоял у стены, как бы наполовину в стене, и медленно отделялся от нее, и снова надвигался, ликующе хохоча...

— Ничего ни до, ни после этой одной сцены, — подвел Генрих итог повторному просмотру бреда. — Есть ли смысл в такой фрагментарности видения?

— Несомненно, есть, — уверенно заявил Рой. — Запоминаются самые поразительные события. Очевидно, сцена, с такой силой врубившаяся в память Агнессы, и есть самое поразительное воспоминание.

Арман не согласился с Роем:

— В любой сцене, даже в простом пейзаже, имеется свой сюжет, какое-то свое важное содержание. Но нам совершенно неизвестно, для чего появился Иван у Агнессы, что между ними про-

изошло. Мы видим, что он возникает в ее комнате, но как он вел себя там? А это, мне кажется, самое важное.

Генрих спросил Армана:

— Ты осматривал комнату Агнессы. Стена нормальная?

— Плотные стеновые блоки. Картина — авторский экземпляр тропического пейзажа Нормана Макмиллана, художника из средних. И, как я узнал, картина находится в комнате лет десять, Агнесса к ней, несомненно, пригляделась. Почему же с такой жуткой отчетливостью воспроизводится в ее бреду каждая деталь каждого дерева?

— Я настаиваю, что Агнесса запомнила самое важное, — продолжал Рой. — Значит, приход к ней Томсона был важнее, чем то, что он потом у нее делал. Почему это так, а не иначе, не имею представления. Ты ничего не хочешь сказать, Генрих?

Генрих нервно дернулся, как будто вопрос брата застал его врасплох, и неохотно ответил:

— Что я могу сказать? Мы расследуем обстоятельства гибели Ивана Томсона. И хорошо знаем, что она совершилась в камере короткофокусного гравитационного агрегата. А бред Агнессы, обвиняющей себя в убийстве Томсона, показывает нам странные сценки в ее будуаре. Связать эти два события я пока не могу.

Арман обратил внимание братьев на то, что развертка бреда во времени показывает примерно тот же час, когда в лаборатории совершился гравитационный взрыв. К сожалению, анализ видений больного мозга далек от совершенства, и погрешность в десять — пятнадцать минут лежит в пределах точности измерений. Но при любых неточностях несомненно, что оба события — появление Томсона у Агнессы и его гибель — по времени близки одно к другому. Его предположение: Томсон своим приходом вызвал гнев у Агнессы, она пожаловалась жениху, и Рорик, разозленный, расправился с академиком, едва тот вошел в испытательную камеру. При такой версии понятно, почему Рорик и его невеста оба признаются в преступлении.

— Версии, версии! — с досадой сказал Рой. — Мы сидим в кабинете и строим гипотезы, которые могут быть опровергнуты первым же словом Арутюняна или Агнессы.

— Можно попросить врачей привести больных в сознание хотя бы на краткий срок, — сказал Арман. — Что до Агнессы, то это довольно просто — у нее, кроме нервного потрясения, другого заболевания нет. С Рориком сложнее, но жизнь его вне опасности, значит, можно надеяться и на возвращение сознания.

— Давайте разделимся, — предложил Рой. — Арман продолжит выяснение технических обстоятельств аварии, а я с Генрихом попробую получить от Рорика и Агнессы объяснения более внятные, чем покаянное бормотание и истерические вопли.

Генрих поморщился:

— Ты превращаешь меня в настоящего криминалиста, Рой! Я все-таки физик, а не следователь. Предпочитаю помогать Арману.

— Боюсь, что физика гибели Томсона тесно связана с психологией, если не прямо определяется ею, — холодно сказал Рой. — Распутать психологические загадки трудней, чем выяснить просчеты в конструкции гравитационного агрегата. Один я тоже не хочу браться за такое дело.

4

Она молча смотрела на братьев, сидевших перед ее кроватью. Поверх одеяла лежали обнаженные, похудевшие руки, бледное лицо с впавшими щеками было повернуто к посетителям. Болезнь очень изменила Агнессу. Но даже такая — похудевшая, посеревшая — она была красива. Генрих вдруг почувствовал себя виноватым перед этой женщиной, в душу которой они собирались бесцеремонно вторгаться. Он молчаливо выругал себя и Роя. Рой должен был идти один.

Но и Рой испытывал смущение. Он закашлялся и заговорил без обычной спокойной уверенности:

— Вы знаете, Агнесса, зачем мы просили привести вас в сознание?

— Да, — у нее был низкий, звучный голос.

— Вам не трудно говорить?

У Агнессы был слишком понимающий взгляд. Она печально усмехнулась и тихо ответила:

— Мне трудно жить. Можете задавать вопросы.

Рой снова прокашлялся. Задавать вопросы было далеко не так просто, как ему представлялось, когда он настаивал на свидании с Агнессой. Генрих, стараясь не беспокоить больную, украдкой рассматривал ее. У нее были серые глаза, опущенные длинными ресницами, очень большие; на похудевшем лице они казались неправдоподобно огромными. Генрих не сумел бы объяснить себе, что поражает в Агнесе, но знал, что не смог бы держаться с ней, как с другими красивыми женщинами. И раньше он чувствовал себя напряженно, когда встречался с Агнессой, — с

ней нельзя было обходиться по-приятельски просто. Она внешне напоминала Альбину, погибшую при катастрофе звездолета невесту Генриха, но Альбина, милая и остроумная, порой резкая, была из тех, о которых говорят: «Она отличный парень». Агнессу невозможно было так назвать даже мысленно.

— Как вы понимаете, мы пришли в связь...

Агнесса остановила Роя слабым жестом.

— Лучше я сама начну. Вы спросите, если что останется неясным. Дайте мне только собраться с мыслями.

Врачи выполнили свое обещание: она говорила свободно, лишь часто останавливалась, отдыхая. И она ничего не таила, это было ясно. Генриха угнетала мысль, что они идут устраивать больной женщине придирчивый допрос. Допроса не было, была исповедь.

И мало-помалу, захваченный, он незаметно отдалился от самого себя, перестал быть только слушателем, обязанным оценивать меру истинности и лживости каждого слова, вины и невиновности каждого поступка.

Он шел с ней по улице, сидел с ней в театре, видел то, что видела она, думал ее мыслями, говорил ее словами. Оно было удивительным, такое слияние; он хотел одернуть себя, смести магию уговора, он сердито так и определил про себя действие ее слов — уговор. «Смешно, — сказал он себе с досадой, — я же другой, я просто не способен жить чувствами женщины, не говоря уж о том, чтобы жить ее, Агнессы, чувствами». Протест этот возник, когда она заговорила о Роберте. Он не был для нее тем Рориком, какого видели они все, — увальень, скромник, тихоня, во всем до того примерный, что тошно становится. Он был хороший, внимательный, отзывчивый, даже красивый, лучшего и желать нельзя, таким она навязывала его Генриху. Он не знал его таким, но должен был верить ей, если хотел ее понять. Влюбленная девушка, все ясно, попробовал он объяснить себе ее отношение, но не было ясно главное — почему ее любовь так слепа. Агнесса была умна, среди астроархеологов считалась крупной специалисткой; это была профессия, особенно развивающая критические способности, — по одной косточке, по отпечатку лапы нужно было воссоздать облик и поведение давно вымершего существа, — как могла Агнесса так ошибаться в близком человеке, которого воспринимала не по внешнему облику, не по отпечатку ног на земле, даже не по льстивым словам, а по делам, по всей его жизни в течение многих лет знакомства?

Рой молча кивал, ему все было понятно, он не собирался вступать в спор. «Ладно, — вяло думал Генрих, — верь во все, что она

скажет, потом мы с Арманом опровергнем твою веру в каждом пункте». Он начинал утрачивать интерес к объяснениям Агнессы. Они уводили в сторону от реальности, так он их воспринимал. Они не разъясняли, а запутывали.

— Роберт сказал, что пригласит на нашу свадьбу Томсона, — говорила Агнесса. — Мне было все равно, я ведь его не знала. Роберт решил познакомить нас заранее, чтобы для меня в этот день не было чужих. Я очень жалею, что согласилась: может быть, все было бы лучше, если бы не было этого знакомства и свадьба состоялась без гостей, мы ведь могли бы и уехать в свадебное путешествие на другие планеты, я часто улетаю на Марс, на Плутон... Томсон мне не понравился: некрасивый, маленький, такой быстрый, на месте не усидит, все разговаривает — интересно, конечно, но только о своих работах. Нет, он показался мне утомительным, я устала от его разговоров.

— Вы сказали Роберту о впечатлении, произведенном на вас Томсоном? — спросил Рой.

— Да. Мы друг от друга ничего не скрывали. Томсону я тоже сказала, что он мне не нравится. Это было позже, когда он влюбился. Впрочем, он влюбился сразу, с первой встречи, так он всегда говорил. Я сказала ему, что он мне неприятен, он клялся тогда, что без меня ему жизнь не в жизнь, я ответила, что он поступает плохо по отношению к своему помощнику, что это возмущает меня, что все в нем возмущает меня.

— Он оставил мысль завоевать вас после такого отпора?

— Нет, он вообще не был способен отступить. Если вы его знаете... Он считал, что для больших желаний не существует ничего непреодолимого. Он сказал: «Агнесса, хотите, ударю себя ножом в грудь, чтобы увидели мою кровь, кипящую страстью к вам, она будет пениться от любви, вам понравится...»

— Вы, конечно, посмеялись и протянули ему ножик?

— Я испугалась. Нет, вы не знаете Томсона! Один Роберт понимал его, потом и я стала... Роберт говорил, что Томсон сделает все, что обещает, абсолютно все, он такой, раньше все взвесит, а потом пообещает. Если бы я дала ему нож, он ударил бы себя, Роберт тоже так считал и хвалил меня за осторожность.

— Странные у Томсона создались взаимоотношения с помощником.

— Его не останавливало, что есть Роберт. Он говорил, что Роберт влюбился в меня, потому что я появилась в поле зрения, а не было бы меня, спокойно женился бы на другой. А он остался бы

навек одиноким, если бы не встретил меня, я та часть его души, которой ему единственно недостает, одна среди миллионов, среди миллиардов... Он умел говорить!

— Чем же кончились ваши странные отношения?

— Он пришел как-то вечером. Я сказала, что буду женой Роберта, так я обещала и выполняю обещание. Томсон поклялся, что уговорит Роберта отступить. Я показала на дверь. Я сказала, что дверь моей комнаты навеки закрыта для него.

— Он рассердился?

— Он со смехом закричал: «А стены? Неужели вы их тоже замкнете от моей любви? А что значит для нее какой-то камень? Стены раздвинутся, только их коснется моя любовь!»

— Объяснение в духе развязных пареньков двадцатого века.

— Ох, как мне хотелось ударить его! Я сказала, что проучу его. «Хвастун, пустомеля, идите сквозь стены, — сказала я, — проскользните сквозь камень, сквозь вот эту стену, наружную». Я ткнула в нее рукой. Ох, какая я была безумная!.. Никогда не прощу себе!

— Ты плохо слушаешь, Генрих, — тихо сказал Рой и снова обратился к Агнессе: — Томсон продолжал дразнить вас? Я очень уважаю его научный талант, может быть, даже гений, но в обыденной жизни он вел себя не очень заботясь о такте.

Агнесса прикрыла веки, по щеке скатилась слеза. Рой замолчал. Прошла долгая минута, прежде чем Агнесса снова заговорила:

— Он уже не хохотал, когда я осыпала его насмешками, он страшно побледнел... У него срывался голос и так блестели глаза... Он медленно сказал: «Значит, договариваемся: я проскользну к вам сквозь стену, чтобы вы уверились в силе моей любви, но тогда и вы скажете, что любите меня, и согласитесь быть моей женой». Я крикнула: «Во всяком случае, я скажу это не раньше, чем вы превратитесь в призрак, для которого стены не преграды, а теперь уходите!» Он быстро ушел.

Рой обменялся с братом взглядом.

— И он осуществил обещанное? Насколько я понимаю, именно проникновение сквозь стену мы видели в записи вашего бреда?

— Я не знаю, о чем я бредила и что вы открыли в записи, — устало сказала Агнесса. — Прошло около месяца, я его все это время не видела, Роберта тоже, он был занят в лаборатории. Он очень огорчился, когда я рассказала о последней встрече с Томсоном. Роберт молчал и грустно качал головой... Я тогда не понимала...

— Томсон проник к вам в день своей гибели?

— Да, он выпрыгнул из картины. Я страшно перепугалась.

— Можно себе представить! Он засмеялся, упал на колени, протянул к вам руки — так запечатлелось в вашем бреде.

— Да. Еще он сказал: «У меня две минуты, иначе я погибну! Скажи: люблю!»

— Что сделали вы?

— Уже не помню. Кажется, подтолкнула его обратно к стене... Да, так это было. Я умоляла скорее уйти. А он твердил, что погибнет, если я не потороплюсь с ответом, и что без признания в любви не уйдет. И тут я услышала крик Роберта...

— Он тоже появился в комнате?

— Нет-нет! Он кричал на Томсона, он зазвучал из него, изнутри. Это было непостижимо! Я смотрела на Томсона. Он вдруг замолчал, а в нем раздавался отчаянный крик Роберта: «Возвращайтесь, ресурсы выработаны! Скорей! Скорей!»

— Что произошло потом?

— Томсон крикнул Роберту: «Не паникуй, еще половина осталась! Держи меня в луче, держи в луче», а мне быстро сказал: «Еще минута вашего молчания — и меня не станет!» И тогда я...

— И тогда вы?..

— Да. Я обняла его, крикнула: «Люблю! Люблю!» Он в ту же секунду пропал в стене. И в ту же секунду... нет, в то же мгновение... Это было так ужасно!

— Успокойтесь, Агнесса. К сожалению, прошлого не поправить. Если вам тяжело, не говорите.

— Я хочу досказать. Я услышала одновременно два крика, они были такие...

— Пронзительные? Отчаянные?..

— Нет... Хуже всего, что можно вообразить! Они были совершенно одинаковые. Но я знала, что кричали оба, Роберт и Томсон, только кричали одинаковыми голосами! Абсолютно, абсолютно неразличимыми... И я поняла, что оба погибли! Больше ничего не помню!

— Вам уже известно, что Роберт будет жить? — сказал Рой после краткого молчания. — Правда, ему долго придется лечиться.

Агнесса ничего не ответила, по щеке ее поползла слеза.

Рой долго молчал, когда они вышли из больницы, и Генрих не мешал ему размышлять.

Когда они подходили к зданию Института Космических проблем, Рой сказал:

— Боюсь, что твоя версия заранее обдуманного Рориком и Агнессой злоумышления на жизнь Томсона подтверждения не получила. Впрочем, если ты не веришь Агнесе...

— Я верю ей, — сказал Генрих.

Уже в коридоре он хмуро добавил:

— Но обвинения против Рорика не снимаю. То, что Агнесса слышала два совершенно одинаковых крика, еще ничего не доказывает. Мало ли какими ей могли померещиться их крики в эту ужасную минуту! Будем проверять. Будем придирчиво проверять.

— Да, ты прав, — отозвался брат. — Будем проверять. И прежде всего, нужно проверить самое важное из того, о чем мы сегодня узнали: что Томсон разработал способ безопасного проникновения сквозь плотные тела. Не слишком, впрочем, безопасного, как показали последующие события, — педантично поправил себя Рой.

— Между прочим, я подозревал, что в лаборатории нестационарных полей занимаются чем-то в этом роде, — задумчиво сказал Генрих. — Иван любил поражать воображение. Научное открытие без озорства было для него, что суп без соли.

5

Арман не удивился, когда узнал о рассказе Агнессы. Ему удалось выяснить, что в лаборатории Томсона были созданы особые поля. В рабочем журнале их называли по-разному: охранные, экранирующие, антипараллельные, скользкие.

— Название, видимо, варьировалось в зависимости от частной служебной функции полей, — объяснил Арман. — А суть их в том, что они экранируют каждую материальную частицу от внешних сил, как-то сохраняя внутренние связи. Я читал удивительнейшую запись, сделанную за месяц до объяснения Томсона с Агнессой... Ну, то ее требование насчет стены. Так вот, в лаборатории кусок золота свободно прошел сквозь стальную плиту, не испытав даже микроскопической деформации.

— После этого ему захотелось самому выступить в роли такого проникающего куска золота, — сказал Рой. — Эффектно, конечно. Галактика свободно проходит сквозь галактику, а относительное расстояние между звездами меньше, чем между атомами и внутри атомов. Он захотел использовать этот удивительный факт.

— В одном из журналов записано определение: материальное тело — это точки вещества, разделенные гигантскими объемами

пустоты и скрепленные слабыми полями, — продолжал Арман. — Здесь дана суть задуманного Томсоном опыта. Агнесса подсказала в качестве неосуществимого условия то самое действие, которое он уже разрабатывал. Заявление, что стены не устоят перед его любовью, показалось ей пошлым хвастовством, а это был увлеченный рассказ об уже совершенном открытии. Она напрасно признавалась в убийстве.

Рой пожал плечами.

— Убийство, возможно, и было, но признания Агнессы силы не имеют. Мало ли что наговорит на себя потрясенная женщина! В древности некоторые женщины сознавались, что они ведьмы и летают на помеле. Думаю, что до самого Томсона никто таких полетов реально не совершал.

— Можно мне идти с вами к Рорику? — спросил Арман.

Рой вопросительно посмотрел на Генриха, Генрих утвердительно кивнул. Арман охотнее возился с механизмами, чем спрашивал людей. Он с удовлетворением объявил, что после расшифровки принципа действия гравитационного агрегата займется выяснением природы того луча, удержать себя в котором требовал от Рорика Томсон.

Арман сказал:

— Не сомневаюсь, что этот луч создавался в фокусе испытательной камеры и обеспечивал Томсону всепроникновение. И, очевидно, луч имел ограниченное время существования. Я имею в виду крик Рорика, что ресурс выработан.

— Рорик сам скажет, о чем кричал и почему кричал. — Рой взглянул на часы. — Нам пора, Генрих.

Врачи предупредили братьев, что больной к моменту разговора будет в сознании, но физически очень слаб. Говорить с ним можно о чем угодно, но вопросы формулировать надо так, чтобы ответы могли быть короткими.

Роберт лежал в полутемной палате. Голова его была окутана повязками, восстанавливающими поврежденные ткани и кости. Он безучастно посмотрел на братьев, не ответил на приветствие. Рой ласково коснулся руки, бессильно лежавшей на одеяле. Генрих не смог заставить себя сделать то же. Старая неприязнь — Генрих стыдился ее и скрывал, так она была беспричинна, — нахлынула с новой силой. Роберт, черноволосый, темнолицый, с неизменно скорбным взглядом, всегда напоминал Генриху образы мучеников на картинах древних мастеров; уже одно это тревожило и раздражало.

— Да, я готов отвечать, — бесстрастно произнес Роберт. — Но ведь я все сказал. Могу повторить, что я...

Рой поспешно остановил его. Они знают о самообвинении Роберта, и оно, естественно, очень волнует их. Но раньше всего они хотели бы выяснить природу эксперимента, поставленного Томсоном. Правда ли, что в их лаборатории открыты или изобретены особые поля, экранирующие материальные частицы от внешних воздействий?

— Канализирующие внешние воздействия... — сказал Роберт. — Мы называли их скользкими...

Да, канализующие, или скользкие, или охранные, или экранирующие, — они познакомились со всеми этими определениями в журнальных записях. Физическую природу экранирующих полей они пока выяснять не намерены, вопрос этот слишком сложен. Итак, Томсон вошел в испытательную камеру, короткофокусные генераторы облучили его, он стал всепроникающим и двинулся в свое необыкновенное путешествие, а Роберт, сидя у пульта, держал академика в луче, то есть не выпускал из фокуса излучения генераторов. Так ведь?

Роберт сказал с той же безучастностью:

— И так, и не так. Я тоже был в фокусе.

Рой кивнул и мягко сказал:

— Хорошо, диполь. Своеобразная растягивающаяся палка, один конец которой легко протыкает стены, а другой восседает в кресле перед пультом. Долго мог существовать такой диполь?

— По расчету — пятнадцать минут. Мы могли ошибиться на минуту. Но ошиблись гораздо больше.

— Мы к этому тоже еще вернемся, Рорик. Я хочу поговорить о самом путешествии Томсона, если позволите. Он отправился на свидание к Агнессе, и вы знали, куда он собрался. Зачем вы решили ему идти к Агнессе?

Печальная улыбка слабо обрисовалась на обррамленном повязками лице Арутюняна.

— Как я мог что-либо ему запрещать?

— Она — ваша невеста!

— Он полюбил ее, Рой.

— Вы ведь ее тоже любили. И она вас любила, иначе не была бы вашей невестой. Почему вы разрешили ему отбивать Агнессу?

Роберт с застывшей на лице грустной улыбкой молча глядел куда-то в пространство.

— Томсон, — сказал он тихо, — был удивительный человек. Другого такого не существовало.

— Вы сказали — он любил Агнессу. Но мало ли кого он мог любить в своей жизни.

— Он никого не любил. Она была первой. И — последней.

— Он говорил это ей. Вы считаете его слова правдой?

— Он никогда не лгал.

— Признаться, его экстравагантные выходки...

— Он проказничал, да, но не лгал. Он не умел лгать.

— Простите, что я так настаиваю на трудном для вас объяснении, Рорик. Но ведь тогда правдиво и то, что он говорил Агнесе о вас. Я имею в виду, что вы влюбились в нее лишь потому, что она появилась в поле вашего зрения, а не было бы ее, была бы другая?

— Не знаю. Вероятно, так. Одиноким бы я не остался, если бы и не познакомился с Агнессой. Не успел проверить...

— Томсон в этом смысле был иной?

— Уверен, он не женился бы, если бы не встретил Агнессу.

— Если бы вы не познакомили их, так точнее. Итак, она единственная среди всех женщин мира являлась недостающей половинкой его души. Так он сказал, и вы, сколько понимаю, согласились с ним. На этом основании вы решились отречься от нее в его пользу?

— Я не отрекался.

— Но ваши действия, Рорик...

— Нет. Вы неправильно толкуете мои действия, Рой. Мне надо было отречься...

— Надо?

— Надо, да. Я не нашел в себе такого великодушия... Я значительно хуже, чем вы все думали обо мне...

— Не понимаю вас, Рорик.

— Я предоставил решение Агнесе. Она должна была выбрать между нами.

— И вы смирились бы, если бы она ушла от вас? Но ведь вы любили ее, Рорик!

Роберт медленно повернул лицо к братьям. Генрих в смущении отвел глаза. Он вдруг почувствовал, что напрасно всегда с раздражением посмеивался над этим странным человеком.

— И люблю, Рой.

Рой продолжал настойчиво ставить трудные вопросы:

— Надеялись, что она выберет вас? Ставили эксперимент по проверке силы ее любви? Я правильно понял, Рорик?

Роберт долго смотрел на Роя, и такая тоска засветилась в его глазах, что Генриху захотелось схватить брата за ворот и поскорее увести из этой комнаты.

Больной сказал шепотом:

— Ах, как же вы все... Неужели нельзя не поверхностно?..

— Я как раз хочу доискаться глубины, — осторожно возразил Рой. — И это так непросто, Рорик.

— Это так просто, Рой! Но говорить об этом! Хорошо, я скажу... Я люблю Агнессу — значит, хочу ее счастья. Ее счастье — это также и мое счастье. И если бы она выбрала меня, значит, мне быть рядом с ней, всегда рядом с ней, заботиться о ней... Что здесь непонятного, что?

— Лежите, лежите, Рорик! — с испугом сказал Рой.

Роберт с усилием приподнялся, схватил Роя за руку. Рой хотел уложить больного в постель, но Арутюнян не дался.

Он говорил все быстрее и быстрее — и Рой больше не осмеливался прерывать его.

— А если бы она выбрала его... Насколько же крепче она полюбила его, если решилась нанести мне такой удар!.. Вдумайтесь, Рой, — насколько крепче? И неужели мне мешать? Ему мешать? Ей мешать? Я мог быть счастлив с ней, да, Рой, да. Но препятствовать ее счастью — нет. Вы понимаете меня?

Он откинулся на подушку, обессиленный. Генрих шепнул Рою, что больному нужно дать время прийти в себя после вспышки. Минуты две тянулось молчание.

— Спрашивайте, — сказал наконец слабым голосом Роберт. — Я уже в состоянии вам отвечать.

Рой заговорил о трагедии в испытательной камере. Как Томсон отправился в свой удивительный рейс сквозь стену, они себе представляют. Но почему произошла катастрофа? Он кричал у Агнессы, что у генераторов сохранился половинный ресурс. Очевидно, он ошибся?

— Мы оба ошиблись. Нас подвели какие-то погрешности расчета.

— Как вы узнали об ошибках расчета?

— Я вдруг почувствовал, что устойчивость нашего диполя нарушилась. Нужно было немедленно отзывать Томсона.

— Вы и отзывали его. А он не пошел. Он, очевидно, слишком верил в расчет, который оказался ошибочным. Вы могли насильственно выволить его из опасного отдаления?

— Мог.

— И не сделали этого?
— Не сделал.
— Почему? Хотели, чтобы объяснение между ними завершилось?

— Да. Нужна была ясность...
— Но вы представляли себе опасность промедления?
— Не знаю. Не помню, на что я надеялся... Хотя я старался...
— Что — старались?
— Старался сфокусировать разрыв диполя на себе. Схема это позволяет. Один страхует другого ценой собственной безопасности. Если бы я на секунду раньше вырвал Томсона из комнаты Агнессы!.. Во мне произошел разряд, это на мгновение оттянуло гибель Томсона, но он все-таки не успел вырваться из камеры!..

Рой положил руку на плечо Роберта, с волнением сказал:

— Больше мы вас не будем расспрашивать, Рорик. От всего сердца желаем быстрого выздоровления!

Когда они вышли из палаты, Рой спросил брата:

— Ты по-прежнему настаиваешь на виновности Рорика?

Генрих ответил не сразу:

— Нет. Он невиновен в подлости, которую я приписал ему. Но мне кажется, он и сейчас не очень ясно отдает себе отчет в том, что реально произошло в их лаборатории.

— Значит, именно об этом ты так напряженно размышлял, когда я расспрашивал Рорика?

— И об этом тоже, — ответил Генрих.

— В палате ты не проронил ни одного слова. Боюсь, Рорик истолкует твое молчание превратно:

— Я постараюсь потом оправдаться перед ним. А заодно извиниться и за прежнее недружелюбие.

— Ты бы все же сказал о своих новых идеях, Генрих.

Генрих усмехнулся.

— Идей нет. Разные туманные соображения. Узнаем, что нового разузнал Арман, и побеседуем о тех возможностях, которые почему-то не предвидели Иван со своим ассистентом.

6

— Вы, несомненно, ждете от меня сенсационного сообщения, — сказал Арман. — Так вот, есть! И такое, что вы и помыслить о нем не могли.

— Если оно не о том, что энергетический ресурс агрегата вовсе не был исчерпан, то я и вправду не знаю, что и думать, — спокойно сказал Генрих.

— Именно это я и обнаружил! В общем, Томсон был прав, генераторы не исчерпали своего ресурса и наполовину. Произошел пробой экранного поля по какой-то внешней причине.

Рой сказал Генриху:

— Можешь огласить туманные соображения, которые занимали тебя в палате Рорика.

— Они оглашены Арманом. Я думал именно о том, что какая-то внешняя сила спутала расчеты Ивана. Я мог допустить что угодно, только не ошибку в его вычислениях. Небрежность в экспериментах Ивана — самая невероятная версия. И если Рорику явилась мысль о таком просчете, то это объясняется лишь его смятением.

Рой согласился, что гипотеза о внешней причине аварии весьма вероятна. Но что это за причина? Где ее искать? Может быть, она в душевном состоянии Рорика? Если человек превращает себя в полюс гигантского всепроникающего диполя, разряды нервных потенциалов в его мозгу становятся своего рода командными сигналами, а что Рорик нервничал, сомнений нет.

— Не берусь оспаривать, — сказал Генрих. — Возможно, состояние психики экспериментаторов как-то связано с равновесием поля, создающего всепроникаемость. Но только вряд ли. Иван теоретически исследовал бы такую возможность, он ведь знал, что и он, и Рорик являются физическими элементами эксперимента.

— Тогда остается действие каких-то непредвиденных факторов извне. Скажем, блуждающие в космосе неизвестные нам частицы.

— Да, это вполне допустимо.

Арман тоже присоединился к такой мысли.

Томсон не просто открыл неизвестные до него поля. Физические процессы, протекающие вокруг нас, отлично изучены, среди них нет «томсоновских», так бы их следовало назвать, полей. Томсон изобрел новые виды сил. И как они связываются с другими полями и частицами, нужно еще изучать. Какая-нибудь шальная космическая частица пронеслась сквозь сконструированную короткофокусную камеру и внесла трагическую поправку в его, казалось бы, безукоризненные расчеты.

— Это и надо будет исследовать, — подытожил Рой обсуждение. — Но это уже не наша забота. Наш вывод — замечательное,

но грозное открытие Ивана Томсона надо временно прикрыть, пока у нас не появится гарантия полной безопасности. Нужно сообщить Агнессе о результатах расследования. Кто пойдет снимать с ее души ощущение собственной вины и вины Рорика?

— Ты, конечно, — поспешно сказал Генрих. — Ты ее расстраивал своими вопросами, ты теперь и успокой.

— Пойдешь ты, — строго сказал Рой. — Я ее расстраивал, верно, но вины на мне перед ней и Рориком нет. А ты подозревал их заранее, до проверки запальчиво доказывал их вину. Пусть твое объяснение будет твоим извинением.

Когда брат разговаривал таким тоном, спорить с ним было бесполезно.

...Генриха ввели в палату, когда Агнесса спала. Врач хотел ее разбудить, Генрих попросил не делать этого. Он молчаливо сидел в кресле перед кроватью и терпеливо ждал, пока больная проснется.

В истории болезни — Генрих просмотрел ее — было отмечено быстро прогрессирующее выздоровление после тяжелого нервного потрясения. Генрих думал о том, до чего прогнозы расходятся с впечатлением. Болезнь так изменила девушку, что он не узнал бы ее, встретив на улице или в институте. За несколько дней, что он не видел ее, она еще похудела, у нее обнажились скулы, заострился нос, кожу на лбу, прежде очень гладкую, прощерчивали морщины, новорожденные морщинки разбежались от глаз. Прогноз был утешительный, вид — страшный.

И еще Генрих с удивлением думал о том, что, несмотря на все изменения, одно в Агнессе сохранилось: ее красота. Это было странно, почти непредставимо. Прежняя красота Агнессы складывалась из черт, гармонично сочетавшихся между собой, в ней все было прекрасно: глаза, и губы, лоб, волосы, шея, руки, фигура... Сейчас все было искажено, каждая черта казалась в отдельности почти уродливой. Всего уродливей были исхудавшая шея и истончившиеся руки; тело, скрытое одеялом, Генрих не сомневался, тоже потеряло прежнюю гибкость и стройность. Но все это, такое некрасивое в отдельности, складывалось в образ иной, чем прежде, но не менее совершенной красоты.

Генриху стало страшно, у него гулко забилося сердце. «А ведь Иван видел ее, вероятно, такой, он предугадывал такую Агнессу в той, прежней, — подумал Генрих. — Недаром она представлялась ему единственной в целом мире...»

Веки Агнессы дрогнули. Она повернула голову к Генриху, всмотрелась в него.

— Вы опять? — прошептала она. — Для чего?

— Мне поручено информировать вас об итогах расследования, — заторопился Генрих. — И прежде всего хочу с радостью сообщить, что вам незачем винить себя в гибели Томсона. И Рорик тоже не виноват, все было иначе, чем вам вообразилось!

Он рассказал об итогах расследования. Она стала плакать. Рыдания все сильнее сотрясали ее тело, она отвернула голову, уткнулась лицом в подушку. Растерянный, Генрих замолчал.

— Зачем мне это все это знать? Зачем?.. Зачем?.. — повторяла она сквозь слезы.

Подождав, пока она немного успокоилась, он грустно сказал:

— Мне показалось, вам будет легче, если вы узнаете...

Она с болью прервала его:

— Как мне может быть легче? Неужели вы думаете, что я лгала, когда сказала Томсону, что люблю его? А его нет! И уже никогда не будет! Не надо, не надо!

ПРИНУЖДЕНИЕ К ГЕНИАЛЬНОСТИ

1

Дом был как дом — трехэтажное здание в саду. Генрих включил экран карманного телеискателя. На экране появился фасад, украшенный колоннами, балкон, опоясывавший весь второй этаж, башенка, ошестинившаяся антеннами. «Особняк», — сказал себе Генрих. Он называл этим старинным словом все здания особой архитектуры. На современные дома строение в саду ни с какой стороны не походило, если не принимать во внимание частокола антенн на башенке. К тому же оно и стояло особняком.

Кто-то тронул Генриха за плечо. Генрих обернулся. Над ним возвышался насуспенный верзила.

— Что вы здесь делаете? — спросил гигант, пронзая Генриха недобрым взглядом.

Генрих знал, что особняк в саду — вероятно, единственное здание в Столице — охраняется специальными людьми, для которых недавно ввели в употребление позабытое было древнее словечко «сторож». Генрих, однако, сделал вид, что не догадывается, кто этот незнакомец.

— Не понимаю, почему вы меня об этом спрашиваете! — как ему казалось, он отлично разыграл удивление.

Провести сторожа не удалось.

— Отлично понимаете, друг Генрих!

На этот раз Генрих удивился искренне:

— Разве вы знаете меня?

— Неужели я похож на дикаря? — отпарировал сторож. — По-вашему, на Земле имеются люди, которые не посещают Музей космоса и не смотрят стереопередач? Вам с братом не приходится жаловаться на недостаток внимания к себе.

Генрих сдался.

— Я, конечно, знаю, что Институт Специальных Проблем получил свою, тоже специальную, охрану. Но я думал, что рассматривать особняк издали можно, друг... друг...

— Дженнисон. Джеймс Василий Дженнисон, если не возражаете. Рассматривать, разумеется, не возбраняется, но не при помощи ближнего телеискателя марки ТИБ-812, модель 13, специальный выпуск для работников следственного отдела Управления космоса. Лишь в том единственном случае, если вы позаботились получить разрешение на пользование телеискателем этой модели и выпуска и там нет оговорок по пунктам 14 и 15, касающимся как раз нашего института...

Генрих рассмеялся и спрятал телеискатель в карман. Сторож Джеймс Василий Дженнисон оказался орешком не по зубам.

— Телеискатель мне дал во временное пользование следователь названного вами отдела в Управлении космоса. Я еще не работал с такими приборами, и мне было интересно...

— Фамилия вашего друга, если не секрет?

— Почему же секрет? Прохоров. Александр Платон Прохоров. Одолжив мне прибор, разрешением он меня не снабдил.

— И не снабдит, — важно уточнил Дженнисон. — Сомневаюсь, что у него самого есть разрешение. Я говорю лишь о пунктах 14 и 15, остальные меня не касаются. Эти два пункта подписывает один президент Всемирной Академии наук Боячек.

— Я в хороших отношениях с Боячком, — заявил Генрих.

Дженнисон величественным жестом остановил его.

— Попробуйте. Но сомневаюсь. Президент, насколько я знаю, не раб дружеских чувств. Он сказал директору нашего института Павлу Эдгару Домье, что станет мощной преградой на пути всех любопытных и даже сам не будет нас излишне беспокоить. Только в том случае, если вы понадобится нам для работы...

Сторож, несомненно, отлично ориентировался во всех проблемах Института специальных проблем. Беспольный разговор надо было прекращать. Генрих сделал последнюю попытку добиться хоть какого-то результата.

— Не буду скрывать, друг Дженнисон, пока никто в вашем институте мной не интересовался. Но зато я очень интересуюсь одним из ваших сотрудников. Вы не могли бы передать ему маленькое сообщение от меня?

Генрих вытащил из кармана блокнот, чтобы напечатать на листок несколько слов. Дженнисон протянул руку.

— Только для вас, друг Генрих. Такому знаменитому ученому совестно отказывать. Можете быть спокойны. Через десять минут ваша словечня, — он со вкусом употребил жаргонное название для записанной на пленке речи, — ляжет на стол Домье, а через час ее услышит ваш друг.

— Я бы хотел, чтобы адресат получил мою запись без посредничества директора института.

— Отпадает, — с сожалением сказал Дженнисон. — Разве вы не знаете, что наши сотрудники находятся на казарменном положении? Я не имею с ними прямого контакта. Я вижу только директора и его заместителей.

— На казарменном положении? — переспросил Генрих. — Что означает это странное выражение?

В первый раз Дженнисон оказался в затруднении.

— Нам объясняли... Столько диковинных старинных словечек — всех не запомнишь! Если разрешите, я посмотрю в своем служебном словарице. — Он вытащил пластинку с клавиатурой и набрал какое-то слово. — Казарма, казарма, — повторил он, приставив к уху пластинку, нашептывающую объяснение. — Казарма — это казенное здание, общежитие для сотрудников — служащих и рабочих, живущих в условиях особого режима, обязательного для каждого жильца. Какое удивительное название — казенное здание! Вам что-либо понятно, друг Генрих?

— Все и вполне, — объявил Генрих и удалился.

2

— Вы уверены, что он в том особняке? — с сомнением спросил Генрих. — Отсутствие его мозгового излучения еще ничего не доказывает. Может быть, сейчас Джок Вагнер спокойно летит на Нептун, где энцефалопаспорта принципиально не фиксируются и каждый работник может назвать любую фамилию вместо родной и объявить любую легенду вместо реальной биографии. Я уж не говорю о том, что он мог просто умереть.

Александр Прохоров, молодой следователь Управления космоса, последовательно опроверг все предположения Генриха. Звездолет на Нептун отправился восемь дней назад, на нем было сто семнадцать мужчин и шестьдесят девять женщин, пожелавших остаться неизвестными. Но Джока Вагнера среди них не было. Дело в том, что его мозговые излучения прекратились за сутки до отлета корабля на Нептун.

Он не мог оказаться на звездолете в качестве мертвого груза, то есть трупа. Подозрительных грузов корабль не принимал.

— Вы не допускаете, что Джок мог быть доставлен на звездолет без сознания? Усыплен или оглушен... Или в анабиозе...

— Невероятно. Пока человек жив, мозг хоть и слабо, но работает. Мощные анализаторы космопорта уловили бы жизнедеятельность мозга в любом грузе, опускаемом в трюмы. Без такого контроля грузы не принимаются. И не для предотвращения преступлений, а по гораздо более элементарной причине: чтобы на другие планеты тайно не вывезли животных, на экспорт которых нет лицензии.

— Вы ничего не сказали о гипотезе, что Джок мертв?

— Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть ее. Тела Джок Вагнера нет, никто не сообщал о несчастье с ним.

— Кроме него самого.

— Да, кроме него самого. И это его показание — важнейшее свидетельство в пользу версии, что он экранирован и находится в лабораториях Института специальных проблем. Во-первых, он упоминает Домье, а Домье — директор института. И во-вторых, институт Домье — единственное на Земле учреждение, где разрешено экранирование. Дженнисон сказал вам, что сотрудники института на казарменном положении. Его сообщение совпадает с моими данными. Работники института, входя в него, обрывают все личные связи с Землей. Они пропадают для нас. Нет, друг Генрих, нет, Джок Вагнер у Домье!

Генрих задумчиво проговорил:

— Версия, конечно, убедительная, хоть и удивительная. Мне бы хотелось еще раз услышать обращение Джок, которое вызвало необходимость расследования.

— Необходимость расследования порождена исчезновением Джок, а не его письмом, — возразил следователь. — Письмо является лишь стартовой площадкой нашего розыска.

Прохоров положил вырванный из блокнота листок в свой настольный дешифратор.

«Риччи, важные новости, помоги, если не хочешь меня потерять», — доносился из приборчика тонкий голосок Джок. Генрих часто слышал его, когда работал с Вагнером на Марсе, голос с совершенной точностью обрисовывал самого Вагнера, такого же нервного, подвижного, неуравновешенного, вспыльчивого и очень доброго. — Меня преследуют агенты Домье. Они пристают с такой чепухой, я уже хотел жаловаться, но они предупредили, что

раскрытие тайны... Нет, никого, мне показалось, что вошли! Так глупо прервался отпуск, лучше бы не прилетать на Землю. В конце концов, я мог отдохнуть и в тамошних санаториях, нет, дернул же черт помчаться сюда! Риччи, дорогой, они сейчас придут, я брошу незаметно записку. Я мог бы позвонить тебе, но боюсь, что мои разговоры блокированы, и сам я заблокирован, у этих негодяев такие совершенные механизмы, какие нам с тобой не снились. Выручай, выручай, иначе погибну, это уж как пить дать! В такую неприятность влип, ты даже представить не можешь... Какое у них требование, просто дурацкие намерения, при встрече расскажу. Риччи, милый, поубедительней стукни кулаком по столу, только это поможет, но скорей, иначе полная крышка. Говорю тебе, эти сукины дети ни перед чем не остановятся. Позови на помощь братьев Васильевых, это мои друзья, и они вызволят меня, они сумеют доказать, что другие гораздо больше, чем я... Идут, идут! Риччи, помоги, кулаком покрепче...»

Запись обрывалась воплем. Генрих улыбнулся.

— Воображаю, в каком неистовстве Джок выкрикивал свое послание. Вы поставили в известность Риччи Варавию?

— Вчера послали радиogramму вслед планетоletу «Изумруд», на котором Риччи улетел на Марс. Вряд ли это разъяснит ему происшествие с Джоком.

— Риччи очень взволновался, когда увидел, что Джокa нет на планетолете?

— Он просто известил нас, что один из его сотрудников задерживается на Земле без объяснения причин. О каком-либо несчастье с Вагнером он и помыслить не мог. Он с досадой сказал мне по видеофону: «Напрасно вы всех красивых девушек стараетесь задержать на Земле, это мешает планомерно осваивать планеты». Он считает Вагнера человеком влюбчивым. Юбчиком, так это, кажется, называлось в старину.

Генрих засмеялся:

— И не ошибается, если так считает. Но в данном случае вряд ли замешана девушка.

— Я тоже так думаю. Записка Вагнера, как я уже вам говорил, была доставлена нам после отлета «Изумруда». Джок бросил ее в ящик в такой спешке, что не успел наговорить адрес, и вначале не знали, что с ней делать. А когда я ознакомился с содержанием записки и узнал, что мозговые излучения Вагнера внезапно выпали из регистрации в Оперативном архиве, то сразу попросил, чтобы вы с Роем пришли...

— Очень жаль, что вы опоздали на день. Рой, наверно, не улетел бы на Меркурий, если бы знал, что с Джоком какая-то пердрыга. Поговорим теперь об Институте специальных проблем. Что вы предлагаете делать?

— Что бы предложили вы, друг Генрих?

— По-моему, ситуация ясна. Я бы потребовал свидания с директором института.

— Я уже говорил вам, что это было первой моей мыслью. Мне ответили, что директор никого не принимает и никаких разговоров ни по каким темам не ведет, что других объяснений я требовать не должен. А как можно проникнуть на территорию института, вы сегодня сами проверили.

— В таком случае, надо добиться ордера на обыск в институте и его казармах, как назвал Дженнисон жилые помещения.

Прохоров мрачно глядел в пол.

— Пробовал и это. Неделью назад я напросился к Боячеку на прием.

— Боячек разговаривал с вами?

— В кабинете Боячека сидел один из его заместителей — толстый старичок...

— Хромин. Личность довольно неприятная. Что он сказал?

— Он на третьем слове заорал на весь этаж: «Нечего совать нос к Домье! Дела этого института вас не касаются. Преступлений там не совершают. Уходите, да поживей!» Редкий грубиян.

— Хромин способен на резкость. Но, может быть, он прав, и действительно нелепо видеть в происшествии с Джоком преступление?

Прохоров нахмурился. Его лицо вдруг приняло упрямое выражение. Генрих понял, что с этим человеком спорить не надо, можно лишь подсказывать ему пути розыска, отвечать на вопросы, но не критиковать его действия.

Генрих ошибся в характере следователя. При первом знакомстве Прохоров показался добродушным парнем, изнывающим в своем отделе, где давно ничем серьезным не занимались, потому что ни на Земле, ни на планетах не случалось серьезных происшествий. Округлое, румяное лицо Прохорова, пухлые губы, крохотный подбородок, носик кнопкой внулили Генриху убеждение, что перед ним легкомысленный юноша, вызвавший его к себе для выполнения обязательной формальности: братья Васильевы упоминались в записке Вагнера, не поговорить с ними было нельзя. А Прохоров был фанатик, один из тех энтузиастов следственного

искусства, которые могут и равнину заподозрить, что она неспроста ровная, и горы обвинить, что они с намерением высятся.

Генриху изредка встречались такие люди, общаться с ними было непросто. Генрих удивился происшествию с Джоком, но и помыслить не мог, что в институте Домье совершаются преступления. Прохоров в преступление уверовал сразу и с нестигаемой последовательностью нагромождал одно доказательство на другое.

И даже в том, что ответил он с подчеркнутой сдержанностью, чувствовалось, как раздражают его сомнения Генриха:

— Человек исчез. Он предупреждал, что какие-то мерзавцы и сукины дети — это его слова, Генрих, — что они ни перед чем не остановятся, подразумевается — ни перед чем скверным... И напоминаю вам, что на мой официальный запрос, не находится ли Джок Вагнер в институте, мне так же официально — и бесцеремонно — ответили, что никаких объяснений от них я требовать не должен.

Генрих понимал, что нужно посочувствовать стараниям следователя.

— Думаю, что имеется управа и на руководителей института, и даже на руководителей Академии наук.

— Я тоже уповал на это. Я обратился в Управление общественного порядка.

— Неудачно?

— Из Управления ответили, что, пока я не представлю доказательств, что над Вагнером совершено насилие, и совершено именно на территории института, я допуска туда не получу.

Генрих пожал плечами. В Управлении общественного порядка, по всему, разделяли его сомнения. Сознывая, что возмущает Прохорова, он все же рискнул повторить вопрос.

— Вы не ответили: следует ли ожидать преступления?

— Как вы думаете, почему существуют законы, гарантирующие общественный порядок? — сердито ответил Прохоров вопросом на вопрос.

— Вероятно, именно для того, чтобы гарантировать порядок.

— Совершенно верно: чтобы не допускать нарушения порядка. Нет закона, обязывающего нас ходить ногами, а не руками. Вы ходите ногами и без предписания о том. Когда нарушения порядка отомрут, люди позабудут и о законах, регулирующих нашу жизнь. И моя профессия следователя станет отжившей. Но при моей жизни этого еще не будет.

Генрих молчал, размышляя. Нахмуренный Прохоров не прерывал молчания. Генрих сказал:

— Вы, между прочим, не интересовались, чем занимается институт Домье?

— Интересовался, конечно. Тематика института могла пролить определенный свет на происшествие с Вагнером.

— Что же вы узнали?

— Только то, что ничего не вправе знать. Тематика работ института имеет гриф «Особая засекреченность».

— «Особая, особая»! — Генрих с удивлением смотрел на Прохорова. — При такой всесторонней особости, отличающей институт, я начинаю думать, что там и вправду могут твориться странные дела.

— Я в этом ни секунды не сомневаюсь!

— У вас возник какой-нибудь новый план розыска? Или вы согласны примириться с пропажей Джока?

Вспыхнувшее гневом лицо Прохорова показывало лучше слов, каковы его намерения. И опять он постарался, чтобы его раздражение не очень прорывалось.

— Я хочу проникнуть в институт к Домье и вблизи посмотреть на его сотрудников.

— Без официального разрешения?

— Я не собираюсь вникать в существо работ института — они засекречены. Но нельзя засекретить существование человека. Домье смешивает разные понятия.

— И ему, кажется, разрешают смешивать засекречивание работ с засекречиванием людей, — напомнил Генрих.

— По отсутствию опыта. Не забывайте, что засекречивание, столь обычное в древности, с момента образования мирового правительства и прекращения межгосударственной вражды быстро отмерло. Домье почему-то возродил этот отживший обычай. Я ничего не имел бы против, если бы не подозревал, что он использует засекречивание для неблагоприятных действий, а может быть, и прямого преступления. Я не могу превратить мои подозрения в убедительное доказательство для тех, кого Домье чем-то очаровал, но я привык верить своей интуиции, она меня пока не обманывала. Домье творит грязные дела! Я выведу его на чистую воду. И вызволю бедного Вагнера.

— Если он жив.

— Уверен, что он жив, только попал в беду. Будете ли вы и дальше мне помогать, друг Генрих?

— А что вы задумали? — осторожно спросил Генрих.

— Моя профессия дает право на личное экранирование. Без этого, вы понимаете, было бы трудно вести иные розыски. Правда, это не оптическое экранирование — разрешение на невидимость у нас тоже не выдается без специального ходатайства, — но, во всяком случае, гарантированная недоступность для различных поисковых лучей. В частности — защита от инфракрасных искателей. Это дает возможность спокойно передвигаться ночью. Я могу дать вам второй костюм.

Генрих заколебался. У него сейчас так много дел в лаборатории... Возможно, через неделю, когда Рой вернется из командировки.

— Сегодня ночью, — непреклонно сказал следователь. — Я не вправе медлить, когда речь идет о спасении человека.

3

Ночь выдалась как по заказу. Тучи еще днем заволокли небо, а с десяти часов вечера возник туман. К полуночи он так сгустился, что в пяти шагах уже не было ничего видно. Экранирующие костюмы походили на обычные спортивные, только были значительно тяжелее и теплы не по сезону. Прохоров предупредил Генриха, чтобы тот ничего не пил. Генрих для гарантии и не пообедал, но, тем не менее, обливался потом. Следователь с тревогой попросил почаще вытирать лицо: испарения не экранировались — охранные автоматы института могли засечь струйки пара.

— Туман нам, конечно, на руку, это тоже пар, — сказал он, — но все же, друг Генрих...

Улица, на которой располагался институт, была освещена, как все улицы Столицы, но туман поглощал свет. Прохоров все же побоялся перелезть через ограду институтского сада перед зданием, а выбрал местечко сбоку, где сад почти вплотную подходил к темному озеру. Ограда была высотой метра в два, но Прохоров легко подтянулся, без шума перепрыгнул ее и подал обе руки Генриху. Генрих спортивными дарованиями не блистал. Несмотря на помощь Прохорова, он свалился на землю. Следователь минуты две напряженно вслушивался. Высокие лиственницы и липы стояли так тихо, словно уснули, в большие туманы деревья как бы цепенели. Из сада не доносилось никаких звуков.

— Теперь главное — идти тихо, — шепнул Прохоров и нажатием кнопки на поясе переменил синевато-туманный защит-

ный цвет костюма на темный, больше соответствующий сумраку сада. — Предупреждаю: звук шагов не экранируется.

Он чуть-чуть высветил экран телеискателя. На экране появились стволы деревьев. Следователь погасил их и повел луч телеискателя дальше. Когда в глубине засветился трехэтажный особняк, Прохоров определил направление и расстояние и спрятал телеискатель.

Прохоров шел впереди и ступал так тихо, что Генрих не слышал его шагов. Генрих тоже старался не производить шума, но ему это удавалось гораздо хуже: шагая по дорожке, он слышал скрип гравия под подошвами, а когда сбивался в сторону, влажно шелестела потревоженная ногами трава. Генрих с тревогой думал о том, что человеческое ухо вряд ли услышит, как он крадется, но звукоискатели могут засечь. И когда они выбрались на полянку перед зданием, он облегченно вздохнул, хотя только здесь начинались настоящие опасности.

Два нижних этажа института были темны, сверху светилось несколько окон. Прохоров извлек из кармана ручной бесшумный стеклорез. Генрих усмехнулся. В незапамятные времена этот нехитрый электронный приборчик был любимым инструментом громил, сейчас им собирался орудовать следователь.

Прохоров сделал Генриху знак, чтобы он оставался на месте, и новым нажатием кнопки сменил темный цвет костюма на лунно-желтый — именно так светились дорожки у здания.

Полной невидимости смена окраски не давала, но примитивную мимирию обеспечивала.

Генрих, притаившись в кустах, лишь восхищенно покачал головой, когда Прохоров лег на землю и пополз к зданию. Следователь полз, как плыл, — легко и бесшумно. Он так проворно пересек освещенное пространство и тело его так совершенно сливалось с дорожкой, что Генрих видел лишь что-то неясно колеблющееся и передвигающееся, а не человеческую фигуру.

Следователь исчез за изгибом здания. Генрих выдвинулся из кустов.

В это мгновение его схватили. Чьи-то могучие руки с такой силой закрыли лицо и сдавили голову, что, полуослепленный и полузадушенный, Генрих не успел ни вскрикнуть, ни вырваться. Он лишь судорожно вцепился в схватившие его руки, сделал отчаянный рывок в сторону. Вторая пара рук сдавила мертвым узлом икры, Генрих вдруг потерял почву под ногами и понял, что его подняли и несут.

Он еще пытался вырваться, но на лицо вдруг подуло что-то влажное и удушающее. «Одурманивают, ловкачи!» — мелькнула мысль, перед тем как он потерял сознание.

Очнулся он на диване в большой светлой комнате. В кресле напротив Генриха сидел ухмыляющийся Дженнисон, а рядом стояли двое, вряд ли уступающие ему в росте. Генрих с гримасой ощупал ребра.

— Вы не пробовали бороться с медведями в цирке, друг Джеймс? Успех будет обеспечен.

— В цирке не боролся, а в зоопарках приходилось, — с охотой ответил Дженнисон. — Говорят, в древности медведи считались могучими зверями. По-моему, легенда.

— Я не иду в сравнение даже с современными слабосильными медведями, не так ли? — Генрих старался не показать, что ему больно.

— Хороший медведь обычно держится против меня две минуты. Вам о таком времени и не мечтать, друг Генрих. Между прочим, в троеборье на штанге мое лучшее достижение — семьсот двадцать килограммов. Не чемпион, но все же...

— Ваши рекорды штангиста еще не являются достаточным основанием, чтобы внезапно хватать меня и тащить как поле-но! — раздраженно заметил Генрих.

— А что я должен был сделать, если вы внезапно проникли на охраняемую мною территорию? Я и мои друзья, ночные сторожа, — он показал на радостно, как и он, посмеивающихся помощников, — ужасно не любим, когда нас критикуют за просчеты. От нас ждут работы по способностям. Мы способны и не на такое, будьте покойны, друг Генрих! А подробнее основания вашего ареста вам разъяснит директор института Павел Домье.

— В таком случае позовите его! Я протестую против ареста!

— Он появится в институте утром. Вы сможете неплохо отдохнуть до его прихода.

Два новых сторожа ввели под руки еле передвигавшегося Прохорова. Истерзанный вид показывал, что захватить его врасплох, как Генриха, не удалось. Охранники заботливо подвели Прохорова ко второму дивану и помогли ему лечь. Дженнисон поднялся.

— Теперь мы на время покинем вас. Не вздумайте выпрыгивать в окно. Пустой номер. Из этой комнаты не бегут.

— Разговаривать можно? — слабым голосом поинтересовался Прохоров.

— Разговоры записываются, — честно предостерег Дженнисон. — Но если о погоде или кому какая девушка нравится...

Прохоров окатил его ненавидящим взглядом.

— Преступление, организованное по всем правилам науки! Дженнисон пожал плечами.

— Я до сих пор думал, что преступники — те, кто нарушают запреты, лезут непрошеными на охраняемые территории, со взломом проникают в закрытые помещения... Впрочем, о философии преступления вам лучше поговорить с нашим директором, он хорошо разбирается в этом деле, как, впрочем, и во всех остальных.

Дженнисон с охранниками удалился. Генрих спросил Прохорова, что теперь надо делать. Следователь устало опустил веки.

— Я посплю. Итак, Домье примет нас утром? Что ж, хоть этого результата достигли. Без попытки насильственно проникнуть в его загадочный институт он, конечно, нас бы не принял. Когда-то говорили о подобных случаях: не было бы счастья, да несчастье помогло.

4

О том, что наступило утро, Генрих узнал, когда в комнате появился Дженнисон.

Сторож приветствовал пленников легким взмахом руки.

— Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете, друг Генрих? — добродушно осведомился он.

— Я чувствую себя как медведь, продержавшийся против вас не две, а три минуты, — проворчал Генрих. — С такими, кажется, вы не церемонитесь.

— И мы будем жаловаться на вас, — строго добавил Прохоров. — Я потребую, чтобы вас наказали за возмутительное нападение.

— Я дам вам возможность пожаловаться, — бодро пообещал Дженнисон. — Я проведу вас к Домье. Наш директор ждет вас, друзья.

Когда они шли по коридору, Генрих старался побольше увидеть и запомнить, но делал это, не показывая чрезмерного внимания. Прохоров, не стесняясь, поворачивал голову вправо и влево, оглядывался, останавливался, чтобы лучше разглядеть. Разглядывать, впрочем, было нечего. Генрих плохо знал архитектуру старинных зданий, но впечатление, что они находятся в особняке,

подтвердилось, он только отнес этот особняк к разряду гостиниц или общежитий — он вспомнил, что подобные здания строились по-особому и главным их признаком были длинные коридоры на каждом этаже и комнаты справа и слева.

Они как раз шли по такому коридору с комнатами справа и слева. «Особняк с коридорной системой, типа общаги, так их, кажется, называли», — окончательно определил Генрих архитектуру здания. Он был не очень силен в древних терминах.

Около двери, ничем не выделявшейся среди других, Дженни-сон остановился.

— Здесь. Прошу.

В глубине комнаты сидел за столом невысокий человек лет сорока. Он знаком показал вошедшим на кресла и кивнул Дженни-сону.

— Вы свободны, Джеймс. Я доволен вами, отличная работа.

— Рад стараться! — гаркнул Дженни-сон и закрыл дверь.

Домье обратился к пленникам:

— У меня к вам вопросов нет. С вами все ясно — пытались без разрешения проникнуть на охраняемую территорию, вас задержали. Но, вероятно, у вас имеются вопросы ко мне? Наверно, вас интересует, почему наша территория охраняется? Почему мы вынуждены задержать вас? И какова ваша дальнейшая судьба? Я правильно сформулировал ваши вопросы?

Прохоров сухо сказал:

— Добавьте еще один: почему мы вообще должны были проникать к вам таким путем?

Домье высоко поднял брови.

— Вероятно, вам лучше известно, почему вы избрали такой способ.

— Нет! — сердито сказал Прохоров. — Почему мы выбрали именно этот способ, нам ясно. Но почему мы были должны выбрать его? — он подчеркнул голосом слово «должны». — Почему не оказалось иного пути проникнуть к вам?

— Это все тот же вопрос: почему территория охраняется? — возразил Домье. — На все вопросы я дам исчерпывающие ответы. Но должен начать издавна — с работ, которые в нашем институте были начаты ровно два года назад. Эти работы...

Следователь упрямо прервал его:

— Может быть, начнем с событий более близких, чем позапрошлогодние работы? Снова формулирую основной вопрос: какие обстоятельства вынудили нас тайно проникать к вам?

— Насколько я понимаю, — учтиво сказал Домье, — вас интересует Джок Вагнер, астрозоолог с Марса?

— Совершенно верно! Этот человек пропал при загадочных обстоятельствах. Мы хотим знать, где он и что с ним произошло. И мы подозреваем, что если он не погиб, то находится где-то у вас! Вот на этот главный вопрос, пожалуйста, и отвечайте.

Генрих, не вклиниваясь в перепалку между директором института и следователем, молча рассматривал Домье. Давно ему не приходилось встречать столь красочно уродливого человека, именно такими словами Генрих охарактеризовал про себя внешность директора. Домье был из тех, кто в ширину захватывает больше пространства, чем в высоту. На тонких ногах — что они болезненно-тощи, стало видно, когда Домье привстал, приветствуя вошедших, — массивно поконлось трапециеобразное туловище; ширине плеч директора мог позавидовать сам Дженнисон, хотя сторож был выше, по крайней мере, на полметра. А на гигантских плечах взмetyвалась крохотная лохматая голова с такими огромными глазами и таким исполинским, хищно изогнутым носом, что казалось, будто голова состоит из этих трех частей: копы жестких седых волос, пронзительных, черно-сияющих глаз и носа, похожего на небольшой хобот, — кончик его почти доходил до нижней губы.

Домье посмеивался, слушая раздраженные требования следователя. Смеялся он столь же удивительно — не раскрывающимся ртом, не суживающимися глазами, не расплывающимися щеками, как другие люди, а изменением блеска глаз и тем, что нос, вдруг становясь подвижным, начинал шевелиться. Улыбка и смех директора не порождали ответного веселья. «Когда он хохочет, собеседников, наверно, пронзает ужас», — с любопытством подумал Генрих. Он любил своеобразие, даже если оно исчерпывалось одним безобразием. Директор ему нравился. От человека с такой незаурядной внешностью можно было ожидать необыкновенных поступков. Генрих вспомнил, что президент Академии высоко ценит Домье. Альберт Боячек посредственностей не жаловал.

— Нет ничего проще, чем удовлетворить ваше любопытство, — сказал Домье. — Вы не ошиблись, друг Александр... так, кажется, вас зовут? Джок у нас.

— Он здоров?

— Абсолютно. Никогда еще Джок Вагнер не был в таком отличном физическом состоянии.

— Как он попал к вам?

— Мы его похитили. Собственно, не мы, а я. Операция похищения Джокла была поручена мне одному.

Следователь долго смотрел на Домье. Директор института спокойно вынес его взгляд. Кончик носа Домье шевелился.

«Улыбается носом», — констатировал Генрих.

Прохоров снова заговорил:

— Вы похитили Вагнера? Я не ослышался?

— Нет, не ослышались. Именно так мы и назвали операцию: насильственное похищение Джокла.

— Лишнее словечко «насильственное», — тоном эксперта возразил Прохоров, — добровольных похищений не бывает. Но сама операция похищения — в двадцать пятом веке?

— Вы считаете, что в этом смысле наш двадцать пятый век хуже пятнадцатого, когда похищения были повседневностью? — язвительно поинтересовался Домье.

— Я считаю, наш век лучше пятнадцатого! — Прохоров еще усилил свою гневную отповедь. — И потому для меня формулировка «похищение» — нелепость, анахронизм, дикая чушь.

— Тем не менее, мы его похитили, — вежливо сказал директор. — К сожалению, только эта формулировка точно определяет совершившееся событие. Вероятно, мы просто не знали, что она считается анахронизмом и дикой чушью.

Мысли следователя пошли по иному направлению. Он явственно примирился с анахронической формулировкой.

— Вы сказали: «Мне поручили операцию похищения». Кто поручал вам операцию? Итак, ваше преступление является плодом коллективного замысла, хотя непосредственным исполнителем и были вы один. Я верно вас понял?

— Послушайте, друзья, — ласково сказал директор, — вы не знаете сути проблемы, поэтому все ваши вопросы — вокруг да около, а две трети их вообще излишни. Дайте наконец рассказать, что у нас происходит. Раз уж пропажа Джокла породила волнение и вы применили типичные для древности методы проникновения в чужие дома, что я тоже считаю анахронизмом, если и не дикой чушью, то скрывать, чем мы занимаемся и почему нам понадобился Джок, нет решительно никакого смысла.

Прохоров вопросительно посмотрел на Генриха. Генрих молча кивнул. Домье одобрительно улыбнулся Генриху — в своей манере: изменением блеска глаз и пошевеливанием кончика носа.

— Итак, наши позапрошлогодные работы, — лекторским тоном начал Домье. — Мы тогда решали астронавигационную зада-

чу, связанную с прохождением звездолета около коллапсирующего светила... Впрочем, тематика той работы значения не имеет. Нас было тогда в лаборатории всего восемнадцать человек, в основном, математики, и кого-то поразило, что когда мы сидим в старом здании, вот в этом самом, то расчеты идут быстрее, чем в новых корпусах Института космических проблем. Мы захотели проверить наблюдение. Оно подтвердилось при решении следующей задачи. Задача сводилась к разработке логики нелогичностей с математическим обоснованием возможности невозможного и достоверности невероятного. Как вы сами понимаете, проблема не из простых. И то, что она в старом здании шла легче, чем в новом, уже не могло не стать объектом нашего внимания. Мы поставили себе вопрос, и я ставлю тот же вопрос вам: чем помещения нового корпуса отличаются от наших здешних комнат?

Он смотрел на Генриха, и ему ответил Генрих:

— Я тоже работаю в Институте космических проблем, — Домье кивком подтвердил, что этот факт ему известен. — В наших помещениях предусмотрены все удобства для научного исследования. В частности, каждый кабинет и лаборатория экранированы, чтобы соседи не мешали друг другу ни шумом, ни излучением своих механизмов.

— Вот-вот — экранирование! — воскликнул Домье. — Вы уловили суть загадки, друг Генрих! Кабинеты Института космических проблем обеспечивают каждому полный покой — чересчур полный, как мы установили. Вы хорошо знаете, что существуют методы определения творческих способностей, вы сами проверялись этими методами и получали оценки. Но все это для индивидуальных исследований. А мы разработали метод определения творческих способностей коллектива, такой же точный, как и для индивидуума. И оценили наш коллективный творческий потенциал числом 9,4. Вам это что-нибудь говорит, друзья?

— Четвертая степень таланта большого, — со смесью уважения и удивления сказал Генрих. Ему еще не доводилось слышать, чтобы творческая способность, явление сугубо индивидуальное, рассматривалась в качестве коллективного свойства.

— Верно! Теперь заметьте две поразившие нас особенности. Первая такова. Среди нас имелось трое людей с индивидуальными оценками выше 9,4. В частности, ваш покорный слуга, как говаривали в старину, оценен баллом 9,8. Но среднеарифметическая оценка коллектива — я имею в виду простое сложение наших творческих баллов — давала лишь цифру 8,9. Иначе говоря,

в целом, мы, вроде бы, не должны были выходить за пределы высшей степени таланта простого, а мы вышли из простого таланта в талант большой. Нас это удивило.

— Очевидно, коллектив ваш подобрался так, что вы одухотворяете один другого, — заметил Генрих, все с большим интересом следивший за объяснением Домье.

— И мы так считали. И специальным экспериментом подтвердили эту гипотезу. Мы пригласили к себе известного... впрочем, называть его не буду, дело не в личности, а в явлении. Короче, этот ученый был оценен баллом 10,6 — гигантская величина, не правда ли?

— Шестая степень таланта уникального! На всей Земле имеется едва ли десяток ученых, характеризующихся такими баллами. Мне кажется, я догадываюсь, кто это.

— Не сомневаюсь, что он хорошо вам известен. Важно другое. С его приходом творческий потенциал нашего коллектива должен был, казалось бы, повыситься, а не понизиться, а он понизился. Теперь выше 9,1 мы не вытягивали. Человек этот был талант уникальный, о чем свидетельствует его балл, а нас он не зажигал, а тушил. Он подавлял нас. Он был вреден для коллектива. И когда мы избавились от него, отпустив в прежнее индивидуальное существование, наш творческий потенциал снова поднялся до 9,4.

— Не понимаю, зачем вы нам рассказываете все это! — воскликнул следователь. — Речь о Вагнере, которого вы насильственно...

— Именно о Вагнере! Все, что я говорю, имеет к Джоксу непосредственное отношение. Итак, вторая поразившая нас особенность. Она вам известна: различие экранированного и неэкранированного корпусов. В новом здании наш творческий потенциал был 9,4, а в старом, вот в этом самом, но еще не перестроенном, — 10,1. Мы становились здесь, почему-то, из таланта большого талантом уникальным. Здесь взаимное одухотворение делалось интенсивней. Мы объяснили это так. Не только наши беседы и споры, но и само наше соприсутствие увеличивает творческий потенциал. Мы воздействуем друг на друга мозговыми излучениями. Мы составляем, в целом, единое умственное поле, каждый произвольно генерирует в него свои лучи. Мы экспериментально проверили и этот вывод. Мы, перестроив, экранировали здание — не кабинеты, отгораживающие каждого сотрудника от других, а всех нас в целом — от остального мира. И что же? Творческий потенциал подскочил до 10,7.

— Приближение к гениальности! — заметил Генрих, усмехнувшись.

— Да, если принять, как обычно, что степени гениальности лежат между одиннадцатью и двенадцатью баллами. Еще мы открыли, что выпадение одного из работников во время разработки какой-либо проблемы — скажем, прогулка его в город, уход в отпуск — болезненно отзывается на величине творческого потенциала. Мы добровольно согласились на время работы над особо важными проблемами ввести для себя также и особый режим жизни.

— Перевели институт на казарменное положение, — насмешливо уточнил следователь.

— В словаре имелось древнее слово «казарма», мы воспользовались им. Думаем, впрочем, что придали и ему иной смысл. У нас оно означает интенсивное духовное общение, не прерываемое внешними факторами. Защита от внешнего воздействия — посещений, встреч с другими людьми и прочего — становится для нас в период формирования коллектива абсолютно необходимой. Это и вызвало тот режим, который характеризуется древним термином «система секретности». Кстати, могу порадовать вас, друг Александр: вскоре мы закончим создание полноценного творческого коллектива и откажемся от секретности. У нас, так сказать, пусковой период, он не может длиться долго. Смешно было бы засекречивать содержание наших научных работ, не правда ли? Сама по себе тематика наша открыта, как и во всех других институтах... Но я отвлекся от рассказа о подборе сотрудников. Продолжая само исследование, мы установили, что наш творческий потенциал — величина векторная. Он был разным при решении разных проблем. Мы — почти гениальность при решении одной задачи, но лишь собрание способностей при переходе к другой. Мы вычислили общую формулу творческого потенциала и назвали ее матрицей гениальности. И вскоре обнаружили, что для решения любых проблем, если не хотим понижения творческого потенциала, нужно выводить из коллектива те или иные умы и вводить новые. И ум, порождающий в одном случае особую остроту коллективной мысли, то есть гениальность, в случае другом искусственно отупляет коллектив, как я вам показал на примере того знаменитого ученого, фамилию которого не называю. У нас имеется один сотрудник. Он доводит свою группу до инженерной гениальности, но стимулирует у нее в целом поэтическую бездарность. Матрица гениальности требовала частой перестановки членов при перемене изучаемых задач.

— Вот мы и переходим к бедному Джоку, — заметил Генрих. — Он, сколько понимаю, оказался полезным членом для вашей матрицы?

— Еще несколько слов, перед тем как займемся Джоком Вагнером. Мы обследовали многих ученых на предмет их пригодности для нашего коллектива. Разумеется, обследование шло негласно, результаты, если они неудачны, способны ударить по самолюбию... Необходимость щадить спокойствие талантливых ученых тоже явилась одной из причин, почему мы выхлопотали для себя «особую секретность». Между прочим, среди проверенных были и вы с братом, друг Генрих. Не краснейте, мы вас не попросили к себе не потому, что вы понижали наш потенциал. Просто вы с братом и своими сотрудниками составляете такое гармоничное целое, что прибыль от перевода вас к нам не покрывала ущерба от развала ваших собственных работ. Сам Боячек рекомендовал мне обследовать вас и брата и утвердил наш вывод, что вас можно оставить в покое.

— Я очень рад, что он утвердил такой вывод, — с облегчением сказал Генрих. — Мне, знаете ли, почему-то совсем не улыбается перспектива дополнять кого-то до гениальности.

— Не кого-то, а также и себя как члена коллектива, ставшего гениальным. Теперь о Джоке. Мы натолкнулись на него случайно. У нас в лаборатории имеется прибор, суммирующий отдельные мозговые излучения и рассчитывающий степень их совместимости с коллективными. Прибор показал гигантскую пригодность Джока для нас и нас для Джока. Мы, так сказать, созданы друг для друга. Но убедить в этом Джока мы не сумели. Он был, наоборот, убежден, что создан для астрозоологии. Он объявил нам, что мечтал о Марсе с детства и не собирается менять милые марсианские пустыни на осточертевшие ему земные сады. Он послал нас к дьяволу и пригрозил размозжить голову каждому, кто станет уверять, что его голова годится еще на что-нибудь, кроме наблюдения за хлевами марсианских свиней. Вы знаете Джока и можете вообразить себе, какие он подбирал выражения.

— И тогда вы решили похитить Вагнера? — деловито осведомился следователь.

Домье пожал плечами.

— Что нам оставалось делать? Он улетал на Марс. Это была последняя возможность приобщить его к коллективу. Боюсь, вы неясно представляете себе, чем дорог для нас Джек Вагнер. Он весь как бы струя внимания к неизвестному. Там, где для дру-

гих — тусклый шум неопределенностей, для него — арена остро звучащих загадок. Шум обычно усыпляет пытливость, у Джока же обостряет ее. Введение его творческих способностей в нашу коллективную матрицу повысило наш потенциал до 11,3. Сам он, как вы, вероятно, знаете, выше 8,9 никогда не поднимался. Как член нашего коллектива, он почти равновелик Ньютону, вот что мы, в свою очередь, значим для него.

— Это не оправдание. Он сам, добровольным решением, должен присоединиться к вам. Никакая софистика не может оправдать такого возмутительного самоуправства: свободного человека хватают, возможно, и связывают, отрывают от близких, друзей, насильно и навсегда переводят на какое-то выдуманное казарменное положение.

— Не навсегда, друг Прохоров, отнюдь не навсегда. На определенный, точно оговоренный срок, достаточный для его самопроверки.

— Когда кончится оговоренный срок? Мы хотим увидеть похищенного Джока Вагнера.

— Срок самопроверки уже кончился, — Домье вскочил. — Идите за мной. Вы будете разговаривать с самим Джоком.

5

Домье так проворно уносил на тонких ногах свое массивное тело, что следователь и Генрих отстали. У одной из дверей Домье подождал их, затем пригласил внутрь.

В комнате, заставленной аппаратами, сидел Джок Вагнер.

Он вскочил при виде вошедших, шагнул к Генриху, восторженно обнял его.

— Я знал, что ты придешь вызволять меня! — воскликнул он с благодарностью. — Только вы с братом могли!.. Тебе Риччи сообщил о моем исчезновении?

Домье сидел в сторонке и со странной своей улыбкой — оживленно пошевеливая носом — наблюдал за встречаей друзей. Прохоров церемонно протянул руку Вагнеру:

— Следователь экспедиционного отдела Управления космоса Александр Платон Прохоров. Можете звать меня просто Александром, Джок. Дело о вашем похищении веду я, поскольку Марс в компетенции моего отдела. У нас только что был весьма тяжелый разговор с директором Института специальных проблем другом Павлом...

Джок нетерпеливым нервным жестом прервал следователя:

— Ваша беседа транслировалась во все лаборатории. Могу представить себе, как сотрудники в других комнатах надрывали животики от смеха. Они сплошь негодяи, им дай только повод посмеяться!

— Рад, что вижу тебя в добром здравии и хорошем настроении, Джок, — сердечно сказал Генрих.

Следователь проговорил с предостерегающей холодностью:

— Могу ли я толковать ваше высказывание, что сотрудники института — все сплошь негодяи, в том смысле...

— Именно в том! Отличнейшие ребята, Генрих, я был такой идиот, что отказывался от работы в институте! Теперь я отсюда никогда не уйду. Такие проблемы, такие поиски! Жаль, что ты не подошел при тайном обследовании, ты был бы так рад — самым нахальным образом счастлив! А Риччи я передам, чтобы он со своим Марсом убирался ко всем чертям! Ко всем чертям!

— Негодяи — и отличнейшие ребята! — Прохоров пожал плечами. — Надо сказать, у вас своеобразный способ доносить до других правдивую информацию.

— Она в характере Джока, — весело возразил Домье. — Зато к тем, кого недолюбливает, он относится с изысканной вежливостью. Можно ли считать наши разногласия исчерпанными, друг Александр?

— Если не возражаете, я сделаю официальную запись, мы скрепим ее нашими голосами и поставим точку на деле о похищении астрозоолога Джока Вагнера.

Джок вдруг схватил следователя за руку и объявил, охваченный внезапным вдохновением:

— Павел, нужно испытать Александра! Вы не смотрите, что он держится дурачком, я угадываю в нем такого умницу!.. И потом, нам нужен железный тормоз против сумятицы, эдакий ледяной пресекатель пустого взлета! Короче, мыслитель с горячим внутренним накалом педантизма. Столько хаоса в наших озарениях! Ставлю свою голову против кочана капусты, что Сашка именно тот, кого нам сегодня не хватает.

Домье вопросительно посмотрел на следователя. Тот сказал, колеблясь:

— Если я и вправду окажусь полезным... Работа следователя, по-честному, мне приелась, такая однообразница!.. В общем — пожалуйста, я согласен обследоваться!

ТЯЖЕЛАЯ КАПЛЯ ТЩЕСЛАВИЯ

1

Рой, конечно, не согласился бы заняться распутыванием загадочной смерти Ричарда Плачека, если бы не был другом Армана. В Столице функционировали идеально оснащенные лаборатории Охраны общественного порядка, установление обстоятельств гибели любого человека являлось их прямой обязанностью. Иногда Рой с Генрихом помогали следственным лабораториям, но лишь когда имело место какое-то странное физическое явление, в природе которого работники охраны не могли разобраться. Самоубийство Плачека, как считал Рой, к таким случаям не относилось.

Но Арман, три дня дежуривший у постели Плачека, когда медики боролись за его жизнь, был так подавлен, что Рою захотелось утешить помощника. Арман сидел у пульта, не начиная подготовленного эксперимента — в лаборатории братьев в эти дни изучался гравитационный пробой пространства, — и вяло просматривал запись вчерашнего опыта. Рой понимал, что Арман не видит ни одной цифры.

— Поговорим, — сказал Рой. — Я не собираюсь тебя утешать. Смерть есть смерть. Ричард сам захотел уйти из жизни.

Арман покачал головой:

— Он не хотел уходить из жизни, Рой. Я хорошо знал Ричарда. Среди моих друзей не существовало большего жизнелюба.

— Насколько я знаю, он сказал своему ассистенту: «Меня больше не будет!», капнул в ухо какое-то снадобье и умер.

— Впал в беспамятство, Рой.

— Да, я знаю, он несколько дней бредил. Яд оказался из медленно действующих.

— Был ли это яд? — задумчиво сказал Арман. — Все дни я мучаю себя вопросом: был ли это яд?

Рой пожал плечами.

— Но ведь определить это проще простого. Снадобье, которым он отравился, сохранилось?

— Целая ампула.

— Надо сделать анализ.

— Сделали, конечно.

— И результат?

— Безвреднейшее химическое вещество! Правда, структура молекулы очень сложная, но это второстепенно, раз доказано, что токсического действия препарат Ричарда не имеет.

— На ком производились контрольные опыты?

— На животных. Собаки, кролики, обезьяны...

— То, что безвредно для животного, может оказаться смертельным для человека.

Арман странно посмотрел на Роя.

— На человеке препарат тоже опробовали.

— На ком? Неужели ассистент Плачека решился...

— Нет. Решился я. Вчера вечером я влил себе в ухо каплю препарата Ричарда.

— Ты сумасшедший. Когда ты разучишься считать себя полигоном для диких экспериментов? Ну, и каков результат?

— Как видишь, я жив.

— Полужив. Еще не видел тебя таким вялым.

— Во всяком случае, это не следствие моего поступка. Препарат совершенно безвредный. Для меня, по крайней мере.

— Но для Ричарда он стал причиной смерти. Этого ты не будешь отрицать?

— Не буду. И вот здесь загадка. Почему безвредный для других препарат мог погубить Ричарда? Для чего он принял его? Чего хотел добиться?

Рой задумался.

— Насколько я понимаю, ты не веришь в самоубийство Ричарда?

— Я просто знаю, что самоубийства не было.

— Смелая гипотеза! Она противоречит медицинскому заключению.

— Медицинское заключение основывается на схеме поступков Ричарда: то-то сказал, то-то сделал, то-то получилось. Но это внешнее. Меня занимает суть.

— Суть далеко не всегда противоречит внешности.

— В случае с Ричардом, противоречит. Все во мне протестует против мысли, что Ричард покончил с собой. Самоубийство несовместимо с его характером.

— Ты уже говорил: жизнелюб и все такое. Бывают трагические ситуации, когда и жизнелюбы накладывают на себя руки.

— Такой ситуации не было. Я тебе расскажу о последней встрече с Ричардом. Я гулял с Линой в парке, когда мимо нас пронесся Ричард. Ты знаешь, он всегда торопился. Я окликнул его, и он подошел. Он был в страшном возбуждении.

— Я плохо его знал, но не помню, чтобы он бывал невозбужденным. Удивительно неуравновешенная натура.

— В тот день он был в совершенно особом состоянии. Он ликовал. Он с восторгом объявил, что поставит в ближайшие дни опыт, который опрокинет все представления об интеллектуальных возможностях человека. Я спросил, не собирается ли он поразить нас каким-либо новым своим талантом. Я имел в виду то его замечательное достижение, когда после трех месяцев затворничества он вдруг показал себя полиглотом. Это, конечно, было ошеломляюще.

— За три месяца упорной работы, при известных способностях, можно изучить несколько языков.

— Я знаю Ричарда с детства. Никто не замечал в нем выдающихся лингвистических способностей. И он изучил не несколько, а ровно десять языков, и не просто изучил, а стал знатоком их. Слишком уж неожиданным и крупным был успех.

— Он не рассказывал, какой собирается ставить опыт?

— Он не любил рассказывать о своих экспериментах. Он терял интерес к исследованиям, когда узнавали, чем он занимается. Вероятно, это объяснялось тем, что он был страшно тщеславен. Он хотел поражать, блистать, занимать первые места. «Вот он я! Каков?» — по этой формуле строились все его рассказы, даже официальные отчеты. Он считал себя научным гением и очень расстраивался, когда убеждался, что не все в это верят.

— Знакомые, вероятно, недолюбливали его?

— Мало кого так любили, как его. Он с увлечением помогал каждому, кто просил о помощи, с радостью одаривал интересными мыслями, шумно ликовал, если у друга получалась работа. И делался совершенно счастливым, если его благодарили за помощь словами: «Если бы не ты, то...» Тщеславие его было странно: огромно, но не эгоистично; я бы даже сказал — великодушно и щедро.

— Он исследовал микроизлучения мозга, если не ошибаюсь?

— Да, эту странную радиацию клеток мозга. Он занялся микроизлучениями, когда они только были обнаружены. И очень досадовал, что не он автор открытия экранирующего действия черепа. Он запальчиво утверждал, что, по справедливости, это его открытие, он лишь замешкался с опубликованием, а в Институте мозга нашлись исследователи попроворней.

Рой некоторое время размышлял, потом задал новый вопрос:

— Ты, значит, считаешь, что самоубийства не было, а был...

— Да, Рой. Ричард поставил на себе опыт. И опыт оказался смертельным.

— Неудачный опыт, неудачный опыт... Давно не слыхал, чтобы в наших лабораториях производили опасные эксперименты над собой. И еще одно, Арман! Ведь перед смертью Ричард должен был понять, что произошло несчастье, и хотя бы предостеречь от повторения неудачного опыта.

— Видишь ли, Рой, ты коснулся того, что меня самого волнует. Ричард бредил. Но бред его был радостным. Он ликовал, умирая. Ему воображалось, что он добился того, чего хотел. Он повторял: «Как удалось! Как удалось!» Он и не подозревал, что произошла катастрофа.

— Весь его бред и состоял в подобном бессмысленном ликовании?

— Ричард воображал себя математиком. Он развивал в бреду какие-то математические теории. Видения его мозга записаны, но математики не нашли в них ничего интересного. Математический бред прерывался хриплыми выкриками: «Как удалось!» И столько в них было восторга, Рой!

— Интересно. Даже очень интересно! Ты меня убедил: в гибели Плачека таится загадка. Может быть, нам заняться ею?

Арман с благодарностью посмотрел на Роя.

— Генриха мы тоже привлечем?

— Зачем? Он не способен разрываться между двумя проблемами. Пусть он возится с аккумуляторами гравитационной энергии. Запроси, пожалуйста, все материалы о работе и обстоятельствах гибели Плачека.

2

Анализ предсмертного бреда Плачека не показался Рою интересным: хаотичные видения — сплетения кривых, фрагменты

формул, геометрические фигуры и тела, вернее — обломки фигур и тел, валящихся одно на другое в диком беспорядке. Эксперты, расшифровавшие сумбурные картины, указывали, что больной пытался разобраться в некоторых вопросах геометрии, но знания его были скудны и решения школярски-примитивны. Типичный болезненный бред, указывали эксперты.

Рой согласился с ними, когда посмотрел записи видений. Он лишь отметил для себя, что в картинах бреда удивительно одно: именно то, что все они без исключения имели математический характер.

— Бред Плачека напоминает мне говорящую лошадь, — сказал Рой Арману. — Самым поразительным у говорящей лошади является не содержание ее слов, а тот факт, что она разговаривает. Сколько я знаю, Ричард ведь никогда не интересовался математикой?

— Не терпел математики, — подтвердил Арман. — Он говорил, что математика внушает ему отвращение. Он, конечно, знал ее в объеме, какой необходим нейрофизиологу, но этим и ограничивался.

Значительно больше заинтересовали Роя отчеты Плачека о работах его лаборатории. Они все касались микроизлучений мозговых клеток. Экранирующее действие черепа открыл не Плачек, это сделали до него, но он подробно изучил, какие именно лучи отражаются от внутренней поверхности черепной коробки и как создаются те суммарные волны, генератором которых является мозг и которые свободно уносятся в пространство. Мозг в отчетах Плачека представал хаосом излучений, клубком переплетенных волн, а череп был вроде фильтра, выпускающего наружу нечто упорядоченное.

Роя особенно понравилась теория глаз, подробно развитая Плачком. Ричард считал их не столько органами зрения, сколько каналами, по которым мозговое излучение исторгается наружу, почти не испытывая упорядочивающего влияния черепного фильтра. Глаза — и уши тоже, но в меньшей степени — описывались как отдушины для давящих мозг излучений, как окна, сквозь которые открывается внутреннее кипение мысли. Плачек доказывал, что при помощи глаз можно обмениваться любой информацией, особенно если разговаривающих взглядами снабдить специальными усилителями.

В одном из отчетов была описана схема прибора, по глазам определяющего не только о чем думает человек, но и в какой области он специализируется, и каков объем и характер его знаний,

и велики ли его возможности в избранной отрасли работы. В приложении к отчету Плачек указал, что экспертная комиссия отвергла его прибор как ненадежный. Рой покачал головой. Эксперты сразу требовали полного совершенства. Живая мысль в предложении Плачека имела, и она характеризовала самого Плачека, его научные интересы и методы работы, а сейчас это было для Роя главным.

— Будем разговаривать с ассистентом Плачека, — сказал Рой, изучив доставленные ему материалы. — Как его зовут?

— Карл Клаусен, — ответил Арман и предупредил: — Карл — человек тяжелый, несловоохотливый. Объяснения из него надо вытягивать клещами. Ричард, впрочем, говорил, что ни с кем другим ему так легко не работалось. Я не пойду с тобой. Мне тяжело в лаборатории Ричарда.

Уже после десятиминутной беседы с Клаусеном Рой понял, почему Плачеку легко работалось с ассистентом. Полный, рыхлый, неторопливый, он был из тех, кого при рождении забыли одарить «железой» любопытства. Он был, по-видимому, идеальным исполнителем — и не более того. Он равнодушно заверил Роя, что заботился лишь о том, чтобы точнее выполнить задания Плачека, а смысла их не доискивался.

— Ричард сердился, когда его спрашивали: зачем, почему? Он мог и накричать. Очень не люблю, когда кричат.

Со стены лаборатории, над столом, глядел с портрета Плачек — весело ухмыляющаяся молодая рожица, хитрые маленькие глаза, нос такой крохотный, что даже и не замечался на лице, округлый подбородок, массивные оттопыренные уши, до того несообразные голове, что казались приделанными, а не своими. Плачек был уродлив, но особым, жизнерадостным, дружелюбным уродством. Одного взгляда на портрет было достаточно, чтобы понять: этот человек не скорбит о своем физическом несовершенстве. «У потенциальных самоубийц, — подумал Рой, — лица иные».

Под портретом висел небольшой прибор — указывающая шкала с делениями от одного до ста, валик регистрирующей ленты, стрелка, бегающая по шкале, перо, небольшой экран, клавиатура настройки.

— Что это за аппарат? — спросил Рой.

— Высокочастотный измеритель таланта, — равнодушно сказал Клаусен.

Рой с удивлением обернулся к нему.

— Я не ослышался? Вы сказали — таланта?

Клаусен пожал плечами.

— Что вас удивляет? Схема элементарная. Подходите и смотрите на экран. А в это время аппарат записывает вашу энцефалохарактеристику: область интересов, глубину, широту, интенсивность...

— ...мыслительных способностей?

— Чего же еще? После анализа, записанного на ленте, стрелка укажет, кто вы. Ричард применял десятибалльную систему классификации, десять оценок по десять ступенек в каждой.

На шкале Рой прочитал названия над каждым из десяти интервалов:

ДУРАК ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ
ДУРАК САМОДОВОЛЬНЫЙ
БЕЗДАРЬ ОРДИНАРНАЯ
БЕЗДАРЬ АГРЕССИВНАЯ
СЕРЕДНЯК РЯДОВОЙ СМирный
СПОСОБНОСТЬ ВЕКТОРИАЛЬНАЯ
СПОСОБНОСТЬ ОБЩАЯ
ДАРОВАНИЕ
ТАЛАНТ
ГЕНИЙ

Рой засмеялся и покачал головой.

— Интересная классификация! И многие соглашались подвергнуть себя исследованию? Уже одни названия внушают страх. Слишком обширную область на шкале занимают дураки и бездари.

Клаусен невозмутимо возразил:

— Дураки к нам не ходили. Любой считал себя талантом, а то и гением. И ведь обычно не знают, что анализ уже идет, пока рассматривают прибор.

— А когда узнают результат анализа?

— Анализ сразу не раскрывается. Вас, например, уже проанализировали, а стрелка не шелохнется, пока я не включу резюмирующее устройство. В первой модели резюматора, правда,

не было, от этого возникали неприятности. К Ричарду как-то пришел приятель из Института косможурналистики и пожелал проанализироваться. Мы два дня потом собирали осколки прибора. Во второй модели Ричард конструктивно учел недостатки человеческого характера.

Рой пожелал узнать свою оценку. Стрелка указала на восьмую ступень способности общей. Рой высказал полное удовлетворение. У Клаусена была вторая ступень способности векториальной, он считал свою классификацию вполне справедливой. Рой спросил, может ли он взять измеритель таланта к себе в лабораторию, чтобы познакомиться с ним обстоятельнее. Против обследования прибора Клаусен не возражал и вручил Рою подробную схему измерителя, составленную самим Плачеком. Рой поинтересовался, пользовался ли Плачек измерителем таланта для самоанализа. Клаусен ответил, что ничто так не занимало Плачека, как этот прибор. Не было дня, чтобы он не провозился с измерителем час-полтора.

— Он знал свою оценку?

— Конечно.

— Она его удовлетворяла?

— Не она, а они. У него было много оценок.

— Как это понимать?

— Он исследовал каждый вектор своих способностей. Вы ведь знаете, что он все опыты ставил на себе. И каждый эксперимент должен был что-то в нем изменить. После опыта он мог весь день просидеть перед измерителем.

— Как измеритель классифицировал Ричарда?

— Обычно он не поднимался выше девятой ступени даровитости. Возможно, такая оценка его и огорчала, но он старался не показывать этого. Он говорил, что упреки нужно адресовать отцу и матери, которые не постарались снабдить его гениальностью. Он не унывал. Он хвалился, что прыгнет выше собственных ушей. Он разрабатывал единственно правильную теорию гениальности, это его собственные слова. Я в его теории не вникал, хватало своих дел.

— Вы сказали: «Обычно не поднимался выше девятой ступени даровитости». А необычно?

— Однажды он достиг седьмой степени таланта. Он выглядел очень подавленным в тот день.

— Подавленным? Так крупно повысить способности — и огорчаться!

— Видите ли, он надеялся, что достигнет хотя бы первой ступеньки гениальности. Он говорил, что эксперимент поставлен безукоризненно, гениальность обязательно должна получиться. А она не получилась. Он так расстроился, что взял двухнедельный отпуск. Я тоже отлично отдохнул в эти две недели.

— В чем заключался эксперимент?

— В конкретное содержание его работ я не вникал. Даже когда он сам рассказывал о них, я старался запоминать поменьше. Так было спокойнее. А отчеты он составлял лишь по завершении исследований. Он не терпел рабочих журналов. Они фиксировали бы его ошибки. Он считал это унижением для себя.

— Неужели ничего не запомнили?

— Помню, что он тогда создавал в себе полиглотство. Арабский, английский, китайский, суахили, хинди... Разные были языки. Он трещал на них на всех со скоростью водомета. А выше таланта не вытянул. Я бы на его месте тоже огорчился. Препараты мои, впрочем, были синтезированы добросовестно, я не позволял себе никаких отклонений от заказа. Ричард сказал тогда: «Ты не виноват, дело во мне!» Он чуть не плакал.

— Какие препараты вы ему синтезировали?

— Все, какие он заказывал. У меня сохранились рабочие журналы. В отличие от него, я все записывал. Если хотите ознакомиться...

— Да, пожалуйста. Итак, вы синтезировали химические препараты, какие он заказывал. А чем определялись его заказы? Почему он хотел того, а не иного?

— Не знаю. Он бы страшно рассердился, если бы я вздумал допрашивать, почему он нуждается в данном, а не в другом препарате. Знаю лишь, что выдаче каждого заказа предшествовали месяцы работы. Он вычислял, чертил, анализировал кривые... Девять десятых его времени занимала разработка заказа на новый препарат. Проверка препарата обычно была кратковременной.

— В чем состояла проверка?

— Сначала Ричард при помощи анализаторов устанавливал, что препарат соответствует заказу. Приходилось повторять синтез по пять-шесть раз, прежде чем он оставался доволен. Это были тяжелые дни. Зато когда проверка заканчивалась и он садился за расчет нового препарата, я мог отдохнуть. Он не возражал, чтобы я в эти дни повалялся на диване. Он только требовал, чтобы я лежал тихо. Лежать тихо я любил.

— Возвратимся к препаратам. Допустим, синтезированное химическое соединение его удовлетворило. Что он делал с ним?

— Как — что делал? Принимал!

— Что значит — принимал?

— Вводил себе в мозг. Впрыскивал в ухо или закапывал в глаз.

— То самое, что он сделал в последнем, гибельном эксперименте?

— Методика использования препаратов была отработана. Не помню, чтобы он ее менял.

— Значит, ничего экстраординарного в последнем эксперименте не было? Попытку самоубийства вы отвергаете?

— Какое самоубийство! Нормальный эксперимент.

— Вряд ли нормальные эксперименты заканчиваются смертью экспериментатора. Вы знаете вывод медиков? Плачек ввел себе в мозг яд! Яд синтезировали вы.

Клаусен хмуро смотрел в угол лаборатории.

— Яда я не синтезировал. Ричард и не думал о ядах.

— Экспертиза приводит его фразу: «Меня больше не будет», сказанную вам перед введением себе яда.

— Препарата, а не яда! Слова его, это верно.

— Их считают своеобразным уведомлением о самоубийстве.

— Чепуха! Он всегда что-нибудь такое говорил. Когда принимал лингвистический препарат, он сказал: «Ты меня теперь не узнаешь. Я вторично рождаюсь — но уже другим». Перед испытанием ему все рисовалось в радужном свете. Когда получалось не по расчету, он сокрушенно бормотал: «Опять я, опять я!» Один раз сказал со вздохом: «Знания — еще не талант».

— Слова «опять я» можно толковать как желание переделать себя и разочарование, что он остался тем же?

— Тем же он не оставался. В чем-нибудь да менялся. Он ставил опыты, чтобы изменить себя. Он производил в себе гениальность.

— Производил в себе гениально! Отлично сказано. А препараты, синтезированные вами, должны были перестроить связи клеток его мозга, стимулировать за черепной коробкой иные, более интенсивные излучения. Не так ли?

Клаусен подумал.

— Возможно, и так. Я раньше думал, что препараты мои являются резервуарами полезной информации. Ну, что Ричард разработал метод записи целых наук на молекулярном уровне. Я так

и называл свою работу: синтезирование информационных капель. Однажды я сказал Ричарду о своих догадках. Он сперва высмеял меня — а потом рассердился. Он кричал: «Вы тупица, Карл! Не могу понять, почему измеритель приписал вам какие-то способности. Вы средство рассматриваете как цель!»

Рой пожал Клаусену руку.

— Спасибо, Карл. Арман почему-то считает, что вы необщительны. У меня другое впечатление. Вы хорошо разъяснили все существенное, что связано с гибелью Ричарда Плачека.

3

Рой передал Арману прибор, измеряющий способности, и два препарата, полученные от Клаусена. Арман поинтересовался, какое мнение составил себе Рой о смерти Плачека. Рой сказал, что о самоубийстве и вправду не может быть и речи. Похоже, что Плачек изобрел новый способ усвоения знаний при помощи инъекций специальных химических соединений. Изобретение его не удовлетворило. Он, несомненно, поставил перед собой цель гораздо более трудную, чем простая замена долголетнего пребывания в школе впрыскиванием в мозг сразу целых наук. Он стремился усовершенствовать интеллектуальные способности человека. И раньше всего — свои собственные. И не просто усовершенствовать, а сотворить совершенство.

— Он исчерпывающе сформулировал свое намерение: прыгнуть выше собственных ушей, — сказал Рой, усмехнувшись. — На меньшем, чем гениальность, он мириться не собирался. Нам нужно выяснить, чего он достиг на этом пути и какие допустил просчеты. Отчета он за смертью не написал, а рабочих журналов не вел.

— Им, конечно, руководило тщеславие, — согласился Арман. — Но, с другой стороны, он ведь был осторожнейший экспериментатор. Без идеальной предусмотрительности нельзя и помыслить о том, чтобы превратить свой организм в испытательный полигон. Столько раз проводил на себе опыты — и ни разу не ошибался!

— Один раз все же ошибся. Думаю, Арман, тебе надо на время отключиться от других работ нашей лаборатории.

...Арман с неделю возился с прибором Плачека и препаратами Клаусена. Когда он закончил исследование, Рой позвал Генриха. Другом Ричарда Генрих не был, но странные обстоятельства смерти Плачека не могли его не взволновать.

— Предположения подтверждаются, — доложил Арман. — Ричарду и вправду удалось разработать метод записи научной информации на молекулярном уровне. Структура молекулы первого препарата разработана так хитроумно, что хранит в переплетениях своих атомов целую библиотеку лингвистических сведений.

Он положил на стол две схемы. На одной были показаны связи атомов молекулы препарата и характеристические колебания клеток мозга самого Плачека. Каждая связь выражала в особом коде какой-либо основной элемент языка. Колебания атомов вокруг положения равновесия образовывали слова, сочетания отдельных колебаний — фразы. Плачеку удалось записать в молекулах основной словарный фонд десяти языков, так огромно было число вариантов состояний каждой молекулы. Арман обратил внимание братьев на то, что характеристики колебаний молекул препарата и клеток мозга Плачека совпадали.

— Это-то понятно, — сказал Рой. — Если бы совпадения не было, то не произошло бы и обогащения мозга новыми знаниями. Вся соль в этом совпадении.

— Ему с дьявольской тщательностью пришлось изучить свой мозг, чтобы разработать столь совершенно резонирующий с ним препарат, — продолжал Арман. — Еще больше поражает, что Клаусену удалось синтезировать столь сложное химическое соединение.

В разговор вступил Генрих:

— В интересной идее Плачека содержится внутренний дефект. Во-первых, прибавка знаний не равнозначна появлению таланта, что, впрочем, и сам он признал в разговоре с Клаусеном. А во-вторых, введенные в мозг посторонние вещества рано или поздно должны быть выведены из него. Это равнозначно превращению скороспелого эрудита в прежнего невежду.

— Он мог предусмотреть такой оборот событий и принять меры против него, — заметил Рой. — Медленное школьное обучение образует в мозгу долго сохраняющиеся связи, которые мы называем памятью о полученной информации. Плачек мог предполагать, что вещества, введенные в мозг, сотворят такие же связи. Тогда эрудиция, созданная простой капельницей, сохранилась бы навсегда.

Генрих скептически покачал головой.

Арман продолжал:

— Между прочим, трудность, указанная Генрихом, самого Ричарда очень тревожила. Он вовсе не собирался ограничиться со-

зданием краткосрочных эрудитов, хотя сам попал в их разряд, так как его лингвистические знания довольно быстро исчезали. Основную задачу он видел в том самом, о чем говорил Рой: в переконструировании себя в гения. Посмотрите материалы, связанные со вторым препаратом.

На молекулах второго препарата Плачеку удалось записать энциклопедию математических наук. И так как он пользовался справочниками, а не специальной схемой выборок, то было видно, с какой наивной тщательностью он переносит во внутримолекулярные связи все понятия и формулы, начиная с самых простых.

Зато кривые колебаний молекул так идеально совпадали с кривыми колебаний клеток мозга, что временами нельзя было различить их.

— Резонанс совершенный, — оценил Рой находку Армана. — Мозг Плачека должен был впасть в унисон с препаратом и не только проглотить введенную ему научную пищу, но и продуцировать ее дальше. Не знаю, как с гениальностью, но если бы Ричард не стал математическим талантом, то я просто отказался бы понимать, что такое талант. Капля такой жидкости, введенная в мозг, должна была полностью удовлетворить его тщеславие.

— Она слишком тяжела для него, эта капля. Он перекалил клетки своего мозга, — сказал Генрих. — Он просто-напросто сжег свою голову. Он проглотил пищу, которая у него не переварилась.

— Кривые резонанса говорят о другом, — возразил Арман. — Я согласен с Роем — совпадение совершенное...

— Ну и что? — сказал Генрих с досадой. — Вы забываете о крепости материала, в данном случае мозга. Детская задача: при резонансе, вызываемом шагом полка, колебания моста через реку усиливаются так, что мост обрушивается. Не всякое усиление своих колебаний мозг выдерживает.

Рой, подумав, сказал:

— Но усилие до огромной эрудиции в области языкознания мозг Плачека все же выдержал без повреждений.

— В этом и суть! — воскликнул Генрих. — К языкам у Плачека были потенциальные способности. Он, возможно, стал бы выдающимся лингвистом, если бы с детства изучал языки. А к математике была идиосинкразия. Обширная математическая информация превзошла возможности его мозга. Усилением математических акций мозговых клеток он разорвал их внутренние связи, так как именно в этой области интеллектуальная прочность

мозга была всего меньше. Где тонко, там и рвется. Препарат, возможно для другого безвредный, обернулся Ричарду губительным ядом.

— Жаль, — со вздохом сказал Арман. — Жаль самого Ричарда. Жаль, что из его изобретения мы извлечем мало пользы.

Рой рассудительно возразил:

— Почему мало? Он оставил нам измеритель творческих способностей. Думаю, прибор можно доработать, чтобы ввести в употребление — скажем, для экзаменов научных работников. И если наши химики смогут усовершенствовать придуманные им информационные капли, они тоже пригодятся. Есть множество ситуаций, когда даже краткосрочная эрудиция полезна. Вместо того чтобы привлекать к исследованию справочные машины, введи в мозг одну-две капли, содержащие в себе целые науки, — и разбирайся в сложнейшей проблеме, требующей бездны знаний.

— Особенно это может пригодиться в дальних путешествиях, — сказал Арман. — Не на все планеты потащишь с собой Большую Академическую Машину.

К ПРОБЛЕМЕ СРЕДНЕГО

1

— Не поеду, — сказал Генрих. — Что я потерял на Леонии? И что там найду? Такие командировки не для меня. Я физик, а не социолог.

— Я тоже физик, — сдержанно заметил Рой. — И добавлю к этому, если разрешишь...

Генрих вспыхнул. Когда он выходил из себя, спорить было напрасно.

— Не разрешаю! Поезжай сам. С твоего благосклонного согласия, нас превращают в оракулов, важно объявляющих разгадки любых тайн. Роль пифии, даже вооруженной инструментарием двадцать пятого века, меня не устраивает. До скорого свидания!

Рой удалился к себе. Генриху и вправду нужно было некоторое время провести в одиночестве. Исследование «пропасти без дна» отняло у брата слишком много нервных сил. И если раньше он быстро преодолевал усталость, то теперь предписанный медиками отдых смахивал на обыкновенное лечение. Рой понимал, что непрестанно возникающие задания перенапрягают душевные ресурсы брата. И Рой предложил поездку на Леонию лишь потому, что рассматривал командировку как своеобразную форму отдыха. Генрих же почему-то сердился от одного упоминания о Леонии. Убеждать его было легко, переубедить — невозможно.

Перед выездом в космопорт Рой все же зашел к брату. Электронный секретарь сообщил, что Генрих взял туристскую путевку на Меркурий. Рой покачал головой. Экскурсии по сожженному яростным светилом Меркурию много труднее прогулок по сумрачной Леонии. Вряд ли кому другому подошли бы те методы восстановления сил, которые применил к себе Генрих. С предписаниями медиков он считался еще меньше, чем с уговорами брата.

В космолете Рой завершал незаконченные земные дела — радировал распоряжения по лаборатории, распределял задания между сотрудниками. Лишь перейдя на Марсе с космолета на звездолет, Рой передвинулся из сферы земных интересов в сферу космических загадок. Пассажиров в звездолете было немного. Рой любовался в салоне сверканием светил на звездных экранах и размышлял о Леонии. Для физика Леония была малоинтересна — мир погасающей звезды, деградирующая цивилизация слабосильных существ, похожих на тысячекратно увеличенных земных кузнечиков. Генрих имел основания отказаться от поездки — Леония нуждалась, по общему мнению, в социологах, а не в физиках. В отличие от него Рой испытывал удовлетворение, что согласился. Просил о помощи социолог Крон Квама. Никому на Земле не пришло бы в голову усомниться в способностях Квамы. Если такой человек признавался в бессилии, значит, задача выпала трудности необычайной.

Иногда Рой включал информационный отчет Управления дальних маршрутов. В салоне звучал приглушенный голос: Квама, докладывая Большому совету о порядках на Леонии, неторопливо разматывал путаную историю междоусобных распрей и кровопролитных войн. Общество на Леонии погибало, скудное существование становилось все скудней. В преданиях леонийцев сохранились воспоминания о золотом веке относительного материального благополучия, но о хотя бы кратковременном периоде общественного спокойствия не было даже и легенд.

Примерно сто местных лет назад власть захватил некий Карр. Диктатор отменил все права и привилегии, упразднил все общественные различия, а крылатых объединил одной священной обязанностью — поклоняться ему. После короткого, свирепо подавленного сопротивления леонийцы покорились. Карр с приближенными неистовствовали в пиршествах вокруг фонтанов симбы, измывались над покорной массой. Со смертью Карра власть тихо выскользнула из пьяных лап его друзей, и ее столь же тихо подобрали средние леонийцы — так стали называть себя новые правители планеты.

Правители Леонии — в точном значении средние, докладывал Земле Крон Квама, они подбираются из средних слоев общества, проходят проверку на среднесть роста, веса, интеллекта, образа мыслей, привычек и пристрастий. Идеальными считаются особи, лишенные свособразия. Кабинет министров — и такой имеется на Леонии — составляется из леонийцев, выдержавших испытание на

взаимную схожесть. Официальное наименование правителей — «неразличимые». Жизнь протекает под лозунгом: «Никаких происшествий!» Леонийцы утверждают, что история Леонии, полная ярких событий, себя исчерпала. Отныне не должно быть истории, а лишь одно непрерывно повторяющее себя существование. Только то, что уже было. Та же пища, те же жилища, те же позы, одежда, слова, краски, мысли. Полное запрещение нового. Новое равнозначно преступному. Леониец, передавший соседу новость, подлежит суду. Он будет оправдан, если докажет, что новости не было, сурово оштрафован, если в сообщении обнаружится забытая «прежнестъ», и арестован, если суд установит, что инкриминируемое сообщение — «из небывалых». Четыре раза в сутки с вершин городских скал дикторы поют мелодичным среднегласием: «Радуйтесь — новостей нет!»

И извещение встречается воплем восторга точно размеченной звучности, громкости, продолжительности и душевной удовлетворенности.

Леония — рай для уставших, делился печальными наблюдениями земной социолог. Это царство нищих духом чем-то напоминает секту «безмолвия мысли», возникшую на заре человеческой цивилизации в эпоху распада Рима. Леония уродливо пытается осуществить консервацию обретенного благополучия, превратить в жизнь старинное изречение: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Но мгновение — мгновенно. Абсолютизируя «сегодня», леонийцы уничтожают свое «завтра». Внутреннее тление сжигает ячейки леонийского общества. Редкие попытки уйти от страшного конца лишь приближают его. Философия, выражаемая формулой «только известное», возникла как глубокий, по-своему искренний протест против надвигающейся гибели. И парадоксом, недоступным разуму леонийцев, является то, что такой философией они лишь ускоряют бег к гибели.

«Мы стараемся помочь леонийцам, — заканчивал доклад Квама. — Но любая помощь связана с нововведениями, а их категорически отвергают. Возглавляемая мною группа социологов извещает о неосуществимости разработанных проектов помощи. Прошу командировать на Леонию опытного физика».

2

— Я рад, что приехали именно вы, — сказал Квама, обнимая Роя. — Даже и не мечтал о такой удаче!

— Удача небольшая, — Рой, польщенный, засмеялся. — Не смог бы я — приехал бы другой.

— Другой — это другой! — серьезно возразил социолог. — То, что легко сделаете вы, другим может оказаться не по силам.

— Пока я не представляю себе, что должен делать... Какой унылый пейзаж на Леонии, друг Квама!

Они летели с космодрома на открытой двухместной авиетке.

Внизу простиралась гористая сумрачная планета. Красноватые мхи и трава окантовывали коричневые склоны холмов, между холмами открывались озерки — черно сверкала леонийская смоляная вода. На вершинах вспыхивали оранжевые огоньки; там размещались пещерные поселки леонийцев. Ни лесов, ни кустарников на планете не водилось, а высокорослые растения, создававшиеся для Леонии на земных астроботанических станциях, еще не были конструктивно доработаны. Все было низкорослое, со стертыми очертаниями, приглушенных тонов — господствовали красный и фиолетовый.

Странное это сочетание поражало взгляд. Рой привык, что красный цвет противоположен фиолетовому: на планетах, где ему приходилось бывать, красный соседствовал с оранжевым, а фиолетовый — с синим. Законы спектра на Леонии были свои. Совершенно черная вода была совершенно прозрачной — на трехметровой глубине виднелся каждый камешек. Плотная атмосфера окрашивала предметы в фиолетовые тона. Рой хорошо знал, что Лон, источник жизни Леонии, — звезда типа М-6, стандартное красное светило, звездный старичок, основательно поживший и своевременно тускнеющий. Но странная атмосфера преобразила и Лон — в сумрачном небе планеты, озаренном синими облаками, сияло удивительное красно-фиолетовое солнце. Оно давало мало света и еще меньше тепла.

— Жизнь здесь возможна лишь в экваториальной области, — сказал Квама. — Кислорода, впрочем, хватает.

— Вы уверены, что удастся изменить к лучшему физические условия Леонии?

Квама пожал плечами.

— Наши астроинженеры настроены бодро. Прервать прогрессирующее старение звезды мы не в силах. Но это процесс, продолжающийся миллиарды лет. Леония слишком далеко от своего светила, в этом ее горе. По проекту, аннигиляционные двигатели, заложенные в тело планеты, смогут изменить ее орбиту. Но ведь

осуществление такого проекта потребует сотен лет, а что будет за это время с леонийцами?

— Вы опасаетесь, что их цивилизации грозит гибель?

— Они деградируют, — грустно сказал Квама. — Вам нелегко вообразить себе, Рой, с какой скоростью идет распад общества, начавшийся еще до нашего появления. И мы его пока не можем остановить.

Авиетка опустилась на крышу здания, выстроенного людьми. Квама пригласил Роя внутрь. Рой задержался на террасе. Вдалеке поблескивало черное озерко, тускло мерцали оранжевые огоньки пещерных поселений, сумрачно светила красно-фиолетовая звезда. Здесь дышалось без труда, но воздух был лишен легкости, он тоже был какой-то сумрачный. Все здесь было сумрачно — вечер существования.

— Итак, помочь леонцам вы не можете, — сказал Рой, когда они вошли в салон. — Речь идет не о материальных благах, а о социальном устройстве, так я понял ваш доклад Земле, Крон?

— Не совсем так, — возразил социолог. — Мы упорядочили плантации питательных мхов, удобрили почвы, ввели пещерный обогрев. Материальные лишения леонийцев удалось значительно ослабить. И они это ценят.

— Я говорил о социальном устройстве.

— Оно по-своему удовлетворительно. Здесь больше нет враждующих классов, нет эксплуатации. Трагедия в том, что Леония — общество средних. Трудности здесь не столько социальные, сколько моральные, я бы даже сказал — психологические.

В салоне было по-земному светло. Самосветящиеся стены бросали мягкое сияние на лица. Квама один встречал Роя, один и беседовал с ним — сотрудники его были на дежурстве или отдыхали. Социолог, плотный, широкоплечий, большегубый, был на голову ниже Роя. От негритянских предков у него сохранился черный цвет кожи: он не пожелал изменить его на солнечно-бронзовый, модный теперь на Земле. Он говорил с волнением — этот человек во все свои дела вносил страсть. Рой старался определить для себя, какова мера объективности в анализе Квамы. И, вдумываясь в объяснения социолога, Рой размышлял о нем самом. Крон Квама не принадлежал к старожилам Леонии. Когда он появился здесь, на планете уже функционировала отлично оборудованная астроинженерная станция. До Леонии Квама двенадцать лет трудился на страшном Тиболде-3. Он получил назначение в систему семи Тиболдов сразу после университета и вылетел

туда с молодой женой Региной, тоже социологом. Командировка у супругов была на три года. За эти три года Крон с Региной сумели далеко продвинуть социальное развитие трудной планеты. Но полного спокойствия не установилось. В день отлета Крона с Региной в столице Тиболда-3 произошло восстание бывших властителей планеты. Оно было подавлено самими жителями, но Регина в схватке погибла. Крон погрузил тело жены на звездолет и остался на планете.

Кое-кто высказывал опасение, не станет ли социолог мстить существам, убившим его жену. Крон Квама был безукоризненно справедлив. В сфере его понятий не существовало категории мести. Он девять лет усвершенствовал то, что не успел закончить в годы командировки. И когда Земля затребовала Крона на Леонию, на Тиболде-3 снова чуть не вспыхнуло волнение: тиболдяне не хотели отпускать своего друга. Они засыпали Большой совет жалобами, а покоровшись, устроили Кваме удивительные проводы.

Крон Квама считался теперь лучшим в мире специалистом по социальному оздоровлению обществ, нуждавшихся в срочной помощи. И он принадлежал к тем представителям Земли, требования которых Большой совет удовлетворял быстро и полно, даже если они вызывали огромные траты материальных ресурсов. Жителям Леонии повезло, что они заполучили такого защитника своих интересов. Но Квама мог и сгущать краски.

— Все дело в проклятой философии средности, — со вздохом повторил социолог. — На Леонии я убедился, что средность — самое абстрактное среди абстрактных понятий. И оно фальшивое! Ему не соответствует никакой реальный объект. Средних не существует, а убедить в этом леонийцев я не могу.

— Боюсь, что и меня вы тоже не убедили, — сдержанно заметил Рой.

Социолог нетерпеливо махнул рукой.

— Но это же проще простого! Нужно лишь вдуматься в понятие, называемое средним леонийцем. Это нечто математическое, а не физическое, набор цифр, каталог размеров и весов, таблица названий! Берут всех леонийцев и выводят среднее арифметическое ста четырех показателей — роста, веса, формы и цвета крыльев, окраски глаз, характера, влечений, призваний и еще черт знает чего! И полученную грудку цифр любовно раскладывают в четырехугольную матрицу и называют матрицу нормальным леонийцем. Нет реально этого нормального леонийца! Есть раса

слабосильных существ, которая опускается все ниже, потому что старается сохранить свою норму. Рой, постарайтесь вдуматься! В природе не может быть стабильности, в ней все меняется. Не будем даже говорить о мутациях, достаточно и того, что трудные условия жизни порождают уродства и болезни, значительно ухудшают расу. Но ведь и уродства включены в расчет средней нормы! Еще до нас на Леонии устраивали госпитали и с некоторым успехом подтягивали выпадающих из нормы. Боролись, конечно, и с отклонениями вверх — чрезмерно сильными, даровитыми экземплярами, но таких было гораздо меньше, и поэтому они не казались большой опасностью. Зато с уродствами и болезнями, по мере того как множились уродства и болезни, борьба ослабевала.

Рой поднял брови.

— Мне кажется, должно быть наоборот — чем шире распространяются болезни, тем сильнее с ними борются.

— Да, должно быть! — с досадой воскликнул социолог. — Но по нашей логике! А у них своя. В расчет нормы они включают и больных, и уродливых. И чем таких больше, тем норма ниже. А чем норма ниже, тем уродства менее уродливы, болезни менее болезненны. Если этот кошмар продолжится дальше, полностью здоровый леониец станет у них социально опасным.

— Разве улучшение социальных условий не вызовет прекращения заболеваний и уменьшения уродств?

— Да, конечно! Но если резко улучшатся условия жизни, появится много совершенно нормальных леонийцев — и тогда их объявят чрезмерно несредними. И начнут усердно лечить от здоровья, избавлять от дарований! Вы забываете о социальной философии этой расы. Она так отличается от нашей, что кажется безумной. Быстрое улучшение условий жизни леонийцев не менее опасно, чем нынешняя медленная деградация. Их мрачная философия — главный враг на пути социального подъема.

— Вы просили на Леонию физика, а не философа.

— Да, Рой, физика. Хочу попытаться спасти леонийцев в рамках их философии. Психика леонийцев не справится с крутым поворотом, нужно действовать осмотрительно и неторопливо. Для начала, принять категорию среднего леонийца в качестве нормальной общественной единицы, но изъять из подсчета хотя бы уродства. Это сразу повысит среднюю норму. Они страшатся новшеств. Я убеждаю их, что уродства — новшества, а не обычность, и что Министерству обеспечения средности — у них есть и такое — нельзя включать их в расчет нормы. Отсечение уродств дало бы

возможность удержать норму от падения, и уже это одно явилось бы крупным шагом вперед. А впоследствии мы подвергли бы сомнению законность самой философии средности.

— Я должен помочь вам в этом инструментально, Крон?

— Именно, Рой. Мне нужен фильтр, автоматически отсекающий из подсчета нормы все уродливые новообразования. Нечто вроде электронной приставки к схемам расчетов Министерства обеспечения средности. И такой, в который они сами поверят как в надежного помощника. Вы меня понимаете? Чтобы он находился в их пещерах, под их печатями, работал по их критериям. Но чтобы при этом он вычерчивал линию на улучшение расы!..

— Что ж, поработать над таким прибором можно. Ответьте мне еще на один вопрос, Крон. Я понимаю, у вас такая профессия — помогать бедствующим звездным братьям. Ну, не профессия — миссия, — поправился Рой, заметив протестующий жест Квамы. — Всем известно, что в астросоциологи выбирают людей с незаурядными душевными качествами. Но вы в службу спасения расы леонийцев вносите такую страсть... Трудно объяснить ее одним чувством долга.

Квама тихо засмеялся. Его удлинненное, в резких линиях лицо стало шире и мягче. Он вдруг на мгновение превратился из сдержанного стареющего человека в доброго, по-ребячьи наивного мальчишку.

— Нет ничего легче, чем ответить на ваш вопрос. Ответ заключается в одном слове: любовь!

— Значит, не одно только профессиональное сочувствие к бедствиям...

— Рой, я просто не знаю другой звездной расы, которая столь же заслуживает любви! Это очаровательные существа, вы скоро сами убедитесь. Они добры, приветливы, очень искренни, очень привязчивы. Анализаторы показывают гигантскую потенцию мозга — только человек превосходит их. В умственном отношении они выше всех известных звездных народов. И они так беспомощны, Рой, у них такое трудное существование!..

Рой встал.

— Я хочу отдохнуть. Когда можно приступить к работе?

— Я подниму вас, Рой. Вы познакомитесь с важнейшими леонийцами — из самых средних, конечно. Мы вместе посетим госпитали и профилактории.

Отведенное Рою помещение совмещало в себе кабинет и спальню. Щиты с аппаратурой — отводы от экспедиционной МУМ,

обзорные экраны, музыкальная приставка — соседствовали с постелью и санузлом, напротив постели возвышалась пустая стена. Это была стандартная экспедиционная комната. Рой и раньше часто жил в таких. Он уверенно нажал одну из кнопок, расположенных на стене, стена расступилась, открывая выход наружу. Рой вышел на веранду.

Леония была такой же, какой увиделась с авиетки: сумрачная, тихая, фиолетово-красная, — вечер существования. Несколько блекло-фиолетовых существ пролетело вдали, неслышно и плавно махая крыльями. На вершине скалы, близко подступавшей к экспедиционному зданию, загорелся неяркий огонек. Оттуда донеслась мелодичная музыкальная фраза, ее внятно выпевал тонкий, печальный голосок: «Дзидзинано — дзидан дзень!» Голос три раза произнес эту фразу и замолк. Рой поглядел на наручный дешифратор, оставленный на столике, но не взял его. Фраза была понятна и без перевода. «Радуйтесь — новостей нет!» — уверял печальный голосок. Рой усмехнулся. Он был уверен в своих силах. Взорвать изнутри философию леонийцев было несложно. И проще простого — сконструировать прибор, выполняющий роль взрывного запала.

3

Они влетали один за другим — четыре фиолетовых кузнечика, только гигантски увеличенные сравнительно с земными. Когда первый из посетителей опустился перед Роем на четыре ноги — две задние и две средние, — голова его оказалась на уровне глаз стоящего Роя. На шее каждого поблескивал гибкий дешифратор, преобразующий речь леонийцев в человеческую, а человеческую — в леонийскую. Тонкий голос, неразлично схожий с тем, что вчера извещал об отсутствии новостей, пропел приветствие.

— Группа неразличимых в составе министра и его помощников радуется тебе, Рой! Неразличимый Изз, министр обеспечения средности, средний до трех миллионных в периоде, допуск переменный, — услышал Рой перевод; дешифратор говорил по-человечески, но тем же мелодичным голоском леонийца.

— Неразличимый Узз, помощник по статистике, средность до одной десятитысячной, допуск плюсовый, — представился второй гость.

— Неразличимый Озз, помощник по восстановлению нормы, средность до пяти десятитысячных, допуск плюсовый, — доложил третий.

— Неразличимый Язз, помощник по пресечению сверх- и ниженормальностей, среднесть до одной тысячной, допуск плюсовый, — закончил знакомство четвертый и склонился в церемонном поклоне.

Рой молча кланялся, протягивал руку — ее дружески касались своими длинными усиками крылатые «неразличимые». У Роя перехватило горло. Он знал, что встретится с разумными существами, милыми и беспомощными, так и аттестовал их Крон Квама, и не было причин не доверять социологу. Но Рой и помыслить не мог, что существа, внешне так непохожие на людей, будут глядеть такими умными глазами, что во всем облике их, в каждом движении и звуке, в блеске крыльев обнаружится такая грациозность, такое сдержанное благородство. И что они будут изъясняться так по-человечески ясно и так по-детски важно!

— Пойдемте, друзья! — предложил Квама. — Знакомство продолжим в профилактории.

Леонийцы вылетели в порядке ниспадающей средности — сперва сам министр, за ним Узз, Озз и Язз. Квама вызвал авиетку. В сумрачном воздухе тускло мерцали фиолетовые крылья леонийцев, уносящихся к дальней горе. Рой обратился к Кваме:

— Что означает допуск переменный и плюсовый? Видимо, это важная характеристика, если они так значительно упоминают о нем.

— Допуск — характеристика существенная, — подтвердил социолог. — Он показывает отклонение от среднего леонийца. Положительный допуск означает, что носитель его превосходит норму в допустимых пределах. Отрицательный — что леониец ниже нормы. А переменный — что отклонения случайны, то плюсовые, то минусовые, то есть что налицо точное совпадение с высчитанным образом среднего леонийца.

— Для министра такая идеальная среднесть, видимо, обязательна?

— Совершенно обязательна. Между прочим, общество леонийцев устроено по-своему даже демократично. Каждый может стать правителем, если он достаточно средний. Министры переизбираются периодически — из тех, кто в данный момент наиболее средний. И они должны быть очень близки друг другу, почему и называются неразличимыми.

— Между прочим, все помощники имеют плюсовый допуск, то есть немного выше средних.

— Вы уловили самую суть проблемы в этом «между прочим». Плюсовый допуск у них появился после последнего подсчета. В момент избрания они были идеально средними. Изз имел минусовый допуск и был помощником Язза. После очередного обследования Язз передвинулся в плюсовики и уступил место Иззу, ставшему идеально средним. И так как норма постепенно понижается, то следующее статистическое выравнивание выведет Язза из группы правителей, в этом у меня нет сомнений.

— Это ему чем-нибудь грозит?

— Ничем, кроме уязвленного самолюбия. Язз превратится в обычного гражданина общества. Действующий ныне норматив — одна десятая отклонения от идеала. Яззу с его одной тысячной до предела далеко.

— Еще вопрос, Крон. Если эти милые кузнечики так ненавидят всякие новшества, то как они отнеслись к высадке людей на их планете? Были возмущения в связи с таким чрезвычайным происшествием?

— Возмущений не произошло, а смятение было. Но наши астроразведчики быстро снискали дружбу леонийцев. Сейчас экспедиционная станция в глазах леонийцев — обычное явление их действительности. Взаимоотношения с людьми включены в норматив средности.

— В этом есть что-то обнадеживающее, — задумчиво сказал Рой. — Было бы хуже, если бы мировоззрение леонийцев исчерпывалось тупой консервативностью...

— Оно консервативно, — со вздохом возразил социолог. — Просто оно тоньше и гибче обычного грубого консерватизма.

Склон горы был испятнан темными отверстиями. Четверо «неразличимых» исчезли в одном из них. Социолог сказал, что надо выходить из авиетки, дальше придется идти пешком. Он первым проник в отверстие. Рой шел за ним.

«Неразличимые» поджидали людей в узком туннеле. Конец его терялся в густой черноте, но вблизи все было хорошо видно — в том же типичном для планеты красновато-фиолетовом свете. Рой с удивлением обнаружил, что источником света являются сами леонийцы — сияли их тела, их гибкие крепкие ноги, глаза казались фонариками, особенный, мягкий свет испускали крылья. Еще на станции Рой обратил внимание, что крылья леонийцев покрыты рисунками тех же фиолетовых и красноватых тонов, — теперь каждая линия, каждое пятнышко на крыльях сверкали; когда лео-

нийцы поводили крыльями, то приближая, то отдаляя их от стен, стены то озарялись, то темнели.

В туннеле «неразличимые» уже не летели, а; сложив крылья, передвигались на ногах. И было видно, что им тяжело соразмерять свой бег с неторопливым человеческим шагом. Они останавливались, распускали крылья, поджидали, снова устремлялись вперед, снова останавливались. Когда они начинали бег, в туннеле темнело, только четыре светящихся пятнышка мерцали поодаль. Зато когда они останавливались, туннель сразу озарялся сумрачным сиянием, — темнота и свет, причудливо борясь, сменялись попеременно.

— Мы в профилактории, — сказал социолог. Рою показалось, что он попал в гигантский зал старинного земного вокзала. Сходство с вокзалом усиливалось и тем, что кругом сновали леонийцы: усеивали почву, мельтешили в воздухе, пропадали в недоступной глазу высоте. И хотя гигантское помещение было щедро освещено, всюду был один и тот же свет, тот, что создавали сами леонийцы, — факелы их тел, светильники их крыльев.

Обитатели профилактория заметили, что пожаловали гости. Сперва взлетели и приветственно закружились над людьми ближние леонийцы, затем взмывали те, что гнездились подальше. Рою чудилось, что в пещере забушевала цветовая буря, гигантское красно-фиолетовое пламя разбегалось круговой волной. Прошла минута — и Рой с Квамой и «неразличимыми» стояли уже как бы в фокусе взрыва, ликующего и озаряющего.

— Что же вы стоите как истукан? — с упреком сказал социолог. — Помашите рукой, они поймут.

Рой помахал двумя руками. На первый световой взрыв наложился второй, так забушевало сияние крыльев и тел. А затем наступило успокоение, кузнечики разлетелись по своим местам, крылья складывались. «Неразличимые» все в том же субординационном порядке торопливо перебирали крепкими сухими ногами, люди двигались за ними.

— Странное для кузнечиков жилье — пещера, — сказал Рой.

— Для земных кузнечиков — странное, — возразил Квама, — но леонийцы не кузнечики, а особая раса мыслящих существ. На Леонии временами возникают атмосферные бури. Если бы леонийцы устраивали жилища снаружи, первый же ураган погубил бы их. Вас не удивляет, Рой, что это помещение названо профилакторием?

— Я просто жду объяснений.

— Здесь все, кто выпадает из узаконенных допусков среднестисте. Те, кто выше среднестисте, и те, кто ниже.

— А что делают с несчастными, отошедшими от стандарта?

— Почему с «несчастными»? У вас чрезмерно земные критерии счастья... В профилактории всех отклонившихся от стандарта стараются вернуть в норму.

— Их лечат?

— Лечат в госпиталях. Леонийцы выработали особые приемы возвращения в норму. Попавших в профилакторий окружают заботой, сердечной теплотой...

— Дом отдыха!

— В профилактории работают, так что это не дом отдыха. Но здесь особая пища, для каждого своя, физические и умственные упражнения, в общем — оздоровительный режим.

Рой пожелал узнать, кого и от чего оздоравливают. Изз вызвал дежурного, такого же леонийца, только без звука «з» в имени: его звали Агг. Агг выкликал оздоравливаемых, они подлетали один за другим. У одного погнулось крыло; у другого ослабло зрение; третий жаловался на слабость в ногах; у четвертого выросли слишком большие крылья, полет его был недопустимо шумным; кто-то, по натуре меланхолик, впадал временами в беспричинную апатию; кто-то столь же беспричинно радовался.

Попадались и ленивцы, отлынивающие от труда, но с охотой поглощавшие пищу.

— Вы считаете, что не следует помогать этим существам избавиться от их недостатков? — с удивлением спросил Рой социолога.

Квама с укором посмотрел на него:

— Вы все-таки не уяснили моих намерений, Рой! Во всех цивилизованных обществах с недостатками надо бороться, недостатки выправлять. Я лишь против того, что недостатки здесь включают в расчет нормы, иначе говоря — считают чем-то если и не нормальным, то нормообразующим. В госпитале, куда мы сейчас перейдем, вам это станет ясней.

Госпиталь, отделенный от профилактория новым туннелем, представлял собой такой же обширный зал, тоже подземный, но освещенный значительно хуже. Здесь появление гостей не породило столь бурной световой радости. Тусклое сияние от копошащихся тел стало лишь немногим ярче. Изз подозвал дежурного. Его звали Апп. Он показался Рою менее услужливым, чем Агг. Он не торопился знакомить Роя с обитателями госпиталя.

Они и сами не торопились представляться. Рой переходил от одного к другому. На каждом лежала зловещая печать уродства или вырождения. Нормальные леонийцы обладали четырьмя крыльями, шестью ногами, двумя глазами, гладким туловищем, звучной речью, все они были проворны, логично мыслили... А здесь перед Роем возникали однокрылые инвалиды, одноглазые полуслепцы, трехногие, со скрюченными ногами, с перекореженным туловищем, шипящие, шелестящие, смутно светящиеся, вовсе лишённые сияния, трудно мыслящие, начисто лишённые речи...

— Какая страшная больница! — воскликнул побледневший Рой. — Скажите, друг Квама, все они безнадежны? Наша станция не может помочь своими лекарствами?

— Большинство не поддается лечению. Мы помогаем леонийским врачам, но земные лекарства созданы против болезней, а не против вырождения. Предотвращать мутации мы пока бессильны.

К гостям приблизился один из обитателей госпиталя. Он казался совершенно нормальным, только крылья светили сильнее, чем у больных и «неразличимых», стоявших компактной группой. Рой залюбовался мощным сиянием незнакомца.

Умные выпуклые глаза подошедшего были обращены на министра и его помощников.

— Язз, ты был мне другом! — прозвучал леонец. — Вспомни, Язз, ты был мне другом! И ты обещал ввести потребление осадков симбы!

— Илл, ты ведешь себя нестандартно! — вмешался Арр. — Возвращайся на свое место, Илл!

Дежурный махнул на Илла крылом. Тот стоял, не отрывая глаз от опустившего голову помощника министра. По телу Язза пробежала судорога, он потускнел. И без объяснений Квамы Рой догадался, что уменьшение сияния выражает смущение. Ответ Язза подтвердил это:

— Ты превзошел плюсовый допуск, Илл... Ты слишком выпал из нормы. Осадок симбы тоже выпадает... Я не могу тебе помочь!

Ничего больше не сказав, Илл унесся в полутьму. Рой следил за ним, пока он не скрылся, потом обратился к Яззу:

— Что означает жалоба Илла, друг Язз? Чем он болен или в чем виновен?

Вместо потерявшего голос Язза Рою важно ответил Изз:

— Ты видел перед собой, друг Рой, нашего бывшего врача, нашего бедного Илла. Он лечил переломы крыльев и ног. Он

обнаружил, что осадок симбы помогает сращиванию костей. В этом его единственная вина.

— Разве вина — найти хорошее лекарство?

— Симба у нас запрещена. Правда, на осадок симбы запрет не распространяется. Но осадок не только помогает сращиванию, но и усиливает сияние. Ты видел это у самого Илла. Он испытывал лекарство на себе. Допустить такое увеличение сияния мы не можем.

— Что было бы плохого, если бы все сияли сильнее?

— Было бы новшество. Новшества запрещены. Мы долго терпели опыты Илла, пока сам он сохранялся в плюсовом допуске. Мы его очень любили. Он хороший. Но после последнего пересчета он из-за чрезмерного сияния превзошел допуск, и его пришлось поместить в госпиталь. Когда он потускнеет, его выпустят. Озз, мой помощник по восстановлению нормы, старается, но хорошего результата пока нет.

— Теперь понимаете, Рой? — хмуро поинтересовался социолог, когда они двинулись к выходу.

— Да, кажется, теперь понятно, — отозвался Рой.

— Я требую от вас не слишком много?

— Наоборот, вы просите меньше того, что мне хотелось бы совершить!

— Быстрые меры опасны, — с грустью сказал социолог. — Мы на станции думали об этом. Психологию надо менять исподволь.

Четверо «неразличимых» двигались в новом туннеле, который вел наружу в обход профилактория. Они по-прежнему уносились вперед, останавливались, поджидали людей, снова убегали. Дорогу открывал Изз, помощники цепочкой устремлялись за ним. Рою казалось, что Язз изнемогает от усталости. Помощник по пресечению сверх- и ниженормальностей спотыкался, никак не мог восстановить прежнее сияние. Рой испытывал жалость и к нему, и к несчастному Иллу, ответившему таким гордым молчанием на безнадежный ответ бывшего друга, и к двум помощникам, молчаливо догонявшим своего руководителя, и даже к самому руководителю, самодовольному и доброму Иззу, — ко всем, кого Рой узнал и кого еще не успел увидеть на Леонии, кто медленно вырождался на этой странной планете. Рой понимал Крона Кваму. Так, вероятно, и у Крона начиналась любовь к народу Леонии — с острой жалости.

4

Посреди салона возвышалось внушительное сооружение с двенадцатью сигнальными окошками. Техники станции потрудились

на славу. Даже на Земле любой контроль принял бы этот механизм — специальную анализирующую приставку к экспедиционной МУМ.

Квама так волновался, что темная кожа его лица превратилась в серую.

— Вы уверены, друг Рой?.. — спрашивал он в сотый раз.

— Абсолютно, — сказал улыбающийся Рой. — Механизм надежен и полностью реализует заложенный в него критерий. Не знаю только, удастся ли доказать леонийцам выгоды разработанного вами алгоритма средности, тем более что вы в таком возбуждении...

— Я воззову к их логике, это единственный путь, — пробормотал социолог. — Смотрите, они уже летят!

Окно в салоне было раскрыто, и четверо «неразличимых», не утруждая себя блужданием по коридорам, влетели в окно.

Они уселись на полу в обычном порядке: впереди министр Изз, по бокам, чуть отдаляясь, Озз и Узз, а позади всех Язз.

— Мы поделились с народом вашим предложением, — церемонно сообщил Изз. — Всем оно нравится. Упрощение подсчета средности нам по душе. Сейчас между двумя подсчетами проходит слишком много времени, ведь надо получать сведения по ста четырем показателям... Если непрерывный анализ будет осуществлен, мы примиримся, что вводим новшество. Новшество, делающее более твердыми наши традиции, может рассматриваться как продолжение традиций. И если сама машина и является новшеством, зато своей работой она должна реализовать принцип «никаких новшеств». Таково наше главное требование. По этому вопросу мы ждем от вас дополнительных разъяснений.

Социолог подошел к прибору.

— Дополнительные разъяснения будут кратки. Шесть световых окошек с правой стороны сигнализируют о шести градациях плюсовых допусков, шесть окошек с левой — о шести минусовых.

— Очень хорошо! — одобрил Изз. — Но ты не ответил на вопрос о реализации основного принципа, друг Квама.

— Он реализуется полностью. Никаких новшеств — таков критерий работы машины. И смею заверить, друзья, в машине он осуществляется гораздо строже, чем в нашей житейской практике.

— Великолепно! — Изз взмахнул передними ножками и пошевелил сложенными крыльями, выражая крайнюю степень восторга.

Сидевшие по бокам помощники тоже зашевелили крыльями и прозвенели о своей радости. Один Язз за их спинами, молчаливый и неподвижный, не выразил довольства.

Он был слишком близок к шестой верхней степени допуска, чтобы радоваться.

— Вы вводите в машину данные о каждом леонийце, — продолжал социолог. — И не только о существующем поколении, но и обо всех предшествующих, по которым сохранились подсчеты. И машина выдает средний образ леонийца. Она исключает из подсчета лишь тех, кто резко выпадает из нормы и не имеет аналогов в предшествующих поколениях.

— Исключает кого-то из подсчета? — Изз с сомнением посмотрел на помощников. — До сих пор мы этого не делали.

— Не делали! — одинаковыми голосами подтвердили Озз и Узз. Язз промолчал.

— И тем, что не делали этого, вступали в противоречие с принципом «никаких новшеств»! — холодно отпарировал социолог. — Ибо если попадается индивидуум, выпадающий из допусков, но повторяющий кого-то, кто уже существовал, то здесь имеется нарушение нормы, но новшества еще нет. Но если он выпадает, никого не повторяя, он образует новшество. Впрочем, если вы желаете отказаться от своего священного критерия...

— Никогда! — поспешно объявил Изз.

— Тогда берите машину, закладывайте в нее формулировку основного принципа и загрузите ее память данными обо всех предшествующих поколениях. И машина будет непрерывно выдавать вам расчет нормы и отклонения от нее для каждого жителя Леонии.

— Отлично! — Министр встал и расправил крылья. — Прикажи доставить машину в пещеру правительства, друг Квама.

Он первый вылетел в окно, за ним унеслись помощники.

Когда машину увезли, Квама устало опустился на диван. Рой сел напротив.

— Я сделал все, что вы просили, — сказал Рой. — Но уверены ли вы сами, что теперь начнется улучшение этого народа или хоть прекратится деградация?

— Абсолютно уверен! — Социолог вскочил и стал возбужденно ходить по салону. — Вы видели леонийцев в госпитале. Машина удалит их из подсчета, ибо они жертвы мутаций, которых раньше не было.

— Машина отсекает не одни уродства, но и совершенства.

— Уродств на Леонии много больше. И еще одно учтите, друг Рой: совершенства продолжают наши естественные способности, достоинства лишь усиливают и гармонизируют нас, не вступая в противоречие с натурой. А уродства опровергают натуру! Они именно новшества, зловещие новшества! Говорят: истина одна, отклонений от истины — тьма. В какой-то степени это справедливо и для совершенства, и для уродств.

— Буду надеяться, что вы не ошибаетесь. Итак, мое задание выполнено, и я завтра улетаю. Меня интересует еще одно, друг Квама. Когда вы пришли к выводу, что только машина может вам помочь?

— Мысль о такой машине возникла у меня при посещении госпиталя. Там всего нагляднее парадоксы Леонии. Я уже говорил вам, что леонийцы мягки, отзывчивы, дружелюбны, честны, по-своему умны... А нелепо возникшая у них концепция обязательной средности становится философией раздора и вражды. Ведь нижесредние жаждут понижения соседей — тогда им не грозит чрезмерное удаление от нормы. Каждое излечение ухудшает шансы остальных, ибо излеченный увеличивает норму. Не забывайте, выпиской из госпиталей командуют статистики, а не врачи. Но теперь, не сомневаюсь, все пойдет по-другому!

Рой задумчиво сказал:

— Ситуация на Леонии вызывает у меня одно желание. Фильтр от уродств вам что-то даст, но он очень несовершенен. Хорошо бы сконструировать машину, автоматически регулирующую уровень общественного и личного благополучия для любого общества и выдающую программы его усовершенствования. На Земле такие приборы созданы давно, но они годятся лишь для человечества. Нужно бы переконструировать один из таких аппаратов на все формы разумного существования.

— И опытный экземпляр пришлите на Леонию. Здесь он наверняка понадобится.

— Будете ли вы еще на Леонии? — возразил Рой, улыбаясь. — Как виднейшего специалиста по усовершенствованию недоразвитых цивилизаций, вас передвинут на какую-нибудь новую планету.

— Почему вы мне не верите, Рой? — с упреком спросил социолог. — Я везде буду выполнять возложенную на меня миссию помощи бедствующим цивилизациям. Но здесь меня задерживают не одни доводы разума. Думаю, что до конца моей жизни хватит на Леонии радостной для меня работы.

5

Рой садился в авиетку, чтобы лететь на космодром, когда примчался чрезвычайно расстроенный Изз. На этот раз он был без помощников.

— Я протестую, друг Квама! — прозвенел он на самой высокой ноте. — Совершилось возмутительное новшество! Требую пресечения!

Крон Квама холодно посмотрел на расстроенного министра. Изз нервно переминался на всех своих шести ногах и беспорядочно шевелил опущенными крыльями.

— Друг Изз, у вас есть специальный помощник по пресечению ненормальностей.

— Я уже вызвал моих помощников, просто они задержались. Но они здесь бессильны. Требуется ваше срочное вмешательство, друг Квама!

— Объясните, во что я должен вмешаться.

Из взволнованной речи Изза стало ясно, что машина выдала новый уровень средности и что министр из абсолютно среднего передвинут в минусовый допуск и находится на опасной грани одностысячного отклонения. Он, совершеннейший из абсолютно средних, выброшен в минусовики! Как это вытерпеть? Как с этим примириться?

Вдали показались быстро несущиеся помощники министра. Изз гневно обратился к ним:

— Вы недопустимо задержались! Сообщите: ошибки в расчете найдены?

Ему ответил, вежливо склонив голову, Узз, помощник по статистике:

— Расчет подтвержден. Я с Оззом тоже передвинут в минусовики из плюсовиков. Правда, у нас не столь большое отклонение, как у тебя, Изз.

— Вы слышали, люди? — закричал Изз. — Ваша машина плохо функционирует. Срочно измените ее алгоритм. Я требую этого не только как несправедливо оскорбленный леониец, но и как облеченный высокими полномочиями министр...

Вперед выдвинулся Язз и прервал разгневанного Изза:

— Ты больше не министр, Изз. Ты слишком отошел от нормы. Министром стал я, ибо достиг совершенной средности. Ты мой помощник, как Узз и Озз. Машина, предложенная людьми,

функционирует исправно. У народа Леонии нет причин требовать изменения ее алгоритма.

У бывшего министра был такой растерянный вид, что Рой едва удержался от смеха.

Язз обратился к социологу:

— Спешу тебя порадовать, друг Квама. По новому расчету врач Илл находится в хорошем допуске. Он выпущен из госпиталя. Употребление осадков симбы тоже вошло в приемлемость. Илл спешно готовит лекарство для излечения инвалидов. Он обещает возратить к нормальной жизни половину больных! Я с охотой покажу пример своему народу и без страха приму осадок симбы.

— И все вы теперь будете ярче сиять, — радостно сказал социолог. — В ваших темных помещениях добавка света просто необходима!

Рой сел в авиетку и помахал рукой четырем леонийцам и социологу. Ему ответили взмахами рук и крыльев. Примирившийся со своей судьбой Язз тоже, хотя и несколько неуверенно, приветственно взметнул крылья.

РОЖДЕННЫЙ ПОД НЕСЧАСТНОЙ ЗВЕЗДОЙ

1

Школьный товарищ Роя Шура Панов говорил о себе, что родился под звездой Великих Провалов в созвездии Скорбных Путаников, и его друзья соглашались не только из вежливости.

В школе Рой вел подробный мартиролог Шуриных неудач. В длинном списке значились и приборы, вдруг сами собой распадавшиеся на составные части, когда к лабораторному стенду подходил Панов; и электронные схемы, упорно не желавшие работать, если к ним прикасались Шурины руки; и невинные химические вещества, годами мирно покоившиеся в банках, но внезапно воспламенявшиеся, едва он их брал. А завершало тот список драматическое происшествие на экзамене: машина-математик на все ответы Шуры сперва бесстрастно выдавала одну и ту же оценку: «Неверно!», а когда Шура, доведенный до отчаяния, воскликнул: «Но ведь дважды два — четыре», электронный экзаменатор громовым голосом рявкнул: «Никогда не слыхал подобной чепухи!» и перегорел.

В университете, где Шура и Рой учились на разных факультетах, Панова с прежним усердием преследовали неудачи. Курсовая работа «Математические основы телепатии» два раза возвращалась обратно, а диссертация «Физический смысл категории небывалости и элементарные приемы расчета невозможного и неисполнимого» расколола надвое ученый совет. Кандидатскую степень Шура все же получил, но Боячек, председательствовавший на защите, так сформулировал отношение к его открытиям: «Кандидатом сумасшествия соискатель Александр Панов будет не один, а на доктора безумия, осмелюсь утверждать, его труды пока не вытягивают».

В последние годы Панов изучал воздействие стереокино на зрителя. Когда до Роя дошел слух, будто Шура увлекся доказательством того, что в восприятии и нереальности реальны, Рой с усмешкой внес в свой список очередную запись: «Неудача расчета степени вещественности привидений и градуса призрачности материальных предметов».

Роя, сохранявшего чувство реальности даже в ситуациях, которые иначе как фантастическими и назвать было трудно, всегда раздражало, что Панов в любой обыденности выискивал парадоксы. Даже надоевшие всем трюизмы становились загадочными или экстравагантными, когда о них начинал рассуждать Шура. Насмешки Роя меньше всего свидетельствовали о злонамеренном нападении на друга, они, скорее, являлись своеобразной формой защиты от его необычных умозаключений.

Встреча Роя с Пановым в Музейном городке произошла случайно. Друзья не виделись уже два года, и Рой очень обрадовался.

Шура сидел на скамейке у фонтана в Садики поэтов. Он пристально глядел на мраморного Пушкина, шагавшего между Байроном и Гете. Не похоже было, что дела Панова идут хорошо.

Он похудел и почернел за те два года, что они не виделись, и смотрел так, словно не узнал друга. Рой присел рядом.

— Здравствуй, Шура! Добрался, наконец, и до древних поэтов? Что тебя не устраивает в их творениях? Уж не задумал ли ты поупражняться в уничтожении поэзии? Очередная тщетная попытка восстановить несбывшееся и ввести в разговорный обиход несказанное? Могу предложить любопытную тему, касающуюся как раз этого человека, на которого ты так загадочно взираешь. Сформулируем ее в твоей манере: «О пронзительном красноречии и высокой интеллектуальности любовных признаний Пушкина в связи с его утверждением о себе: "Но я, любя, был глуп и нем"».

Панов улыбнулся. В его улыбке было много печали. Он никогда не сердился, когда его высмеивали, только огорчался. Впрочем, он быстро отходил и, захваченный новой идеей, забывал о насмешках. Сдачи он не давал и зла не помнил, что облегчало иронизирование над его увлечениями. К тому же он только высказывал, но не навязывал никому свои парадоксальные идеи. Он сказал задумчиво:

— Ты попал в точку, Рой. Я думал как раз о Пушкине, но только в связи с другими его стихами. Меня волнует загадка памяти. Нет, не химические реакции, протекающие в мозгу, а

сущность воспоминания, его огромное психическое воздействие, его способность могущественно влиять на все наши поступки. Я бы назвал эту тему так: «Энергетическая мощь воспоминания».

Рой не мог пропустить такой удачный случай поиронизировать:

— Великолепно! Память, измеряемая в киловаттах! Два миллиона килограммометров воспоминаний повесы о совершенных им изменах! Ты это имеешь в виду?

Панов тихо засмеялся. Рой умел поиздеваться, зато слушал хорошо. Шура ценил в друге вдумчивого слушателя и мирился с его иронией. Иногда Рой давал дельные советы, это тоже было немаловажно. И он по натуре был добр — шутил, не оскорбляя.

— Как ни странно, именно это. Ты вдумайся: откуда такая власть у воспоминаний? И время прошло невозвратно, и людей тех нет, и события не повторяются, а ты все переживаешь заново былую радость и былую горечь. И порой переживаешь острее, чем в реальности, а главное — многократно. Событие — одноактно, воспоминание о нем воспроизводится бесконечно.

Рой не мог не признаться, что некоторый здравый смысл в рассуждении Шуры имеется. Он с удивлением отметил про себя, что Панов подошел к воспоминанию не как к тривиальному факту, а как к довольно запутанной проблеме. Скорее для уточнения, чем для иронизирования, Рой сказал:

— Воспоминание как консервант и усилитель быстротекущей реальности! Я правильно формулирую твою мысль?

Шуре показалось, что друг продолжает насмехаться, и он ответил сухо:

— Довольно поверхностно, как всегда, когда остришь. Ты просто не хочешь понять парадокса: мир воспоминаний, благодаря своей бесконечной воспроизводимости, несравненно обширнее мира реального. И от этого вся наша жизнь — диковинная равнодействующая давления бездны воспоминаний о прошлых событиях и крохотного импульса, исходящего от сиюминутности. А что до силы памяти — вспомни, как говорил тот же Пушкин о свитке воспоминаний в мозгу:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклипаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

— Не хочешь ли предложить какое-нибудь снадобье, ограничивающее власть воспоминаний?

— Во всяком случае, хотел бы серьезно разобраться в природе парадокса памяти. Я намерен поработать над этой проблемой. Я поищу нетривиальное решение...

Рой возразил, пожимая плечами:

— Все твои решения нетривиальны. О любом объекте можно сказать только одну правду — и она тривиальна, ибо одна у всех, кто ищет правды. А ошибиться можно бесконечным количеством способов. Ложь безмерно многообразнее правды. К тому же ты не только одарен артистической способностью ошибаться, но также изумительно отыскиваешь самые далекие, самые неожиданные отклонения от истины!..

На этот раз Панов обиделся всерьез, что у него бывало редко. Он отвернулся, хмуро глядя на статуи трех великих поэтов. С деревьев падали листья. Шел третий месяц осени, пора дождей и ветра. Рой с наслаждением глубоко втянул в себя воздух.

Пахло горечью увядания. Рой любил этот терпкий запах. Липы, обступившие статуи, медленно шумели широкими ветвями. Рой понял, что перегнул палку. Он сказал мягче:

— Ты, кажется, совершенствовал стереокино? Ну и как?..

Панов странно посмотрел на Роя. Казалось, он раздумывал, стоит ли продолжать разговор.

— Да нет, ничего особенного... И не стереокино, а стереотеатр. Впрочем, ты на зрелищные представления не ходишь, тебе разницу не объяснить. Кое-какие открытия совершены, из ряда тех же... неожиданных! — он опять тихо засмеялся.

Когда он смеялся вот так, шепотком, лицо у него становилось таким грустным, что Рою немедленно хотелось утешить друга. Панов, улыбаясь, продолжал, не ожидая реплики Роя:

— Как ты знаешь, я родился под магическим многоугольником созвездия Скорбных Путаников, это сказало и тут.

— Ты родился под звездой Великих Провалов, — педантично напомнил Рой и засмеялся.

— Нет, провалов не было, — задумчиво отозвался Панов. — Я уже сказал: неожиданности... Как бы это назвать?.. — он подбирал слова так осторожно, будто каждое было приговором.

— Несуразности, — охотно подсказал Рой.

— Надо бы раньше условиться, что называть несуразностью, а что «суразностью», но вот значения этого последнего словца никто не знает. И вообще — с какой стороны подойти...

— Подойди с той стороны, с которой ты не мекаешь, а говоришь нормально.

Панов вскочил и потянул Роя за руку:

— Пойдем быстренько.

— Куда? Я сейчас отдыхаю. Вечером у меня трудный опыт в лаборатории.

— До вечера мы управимся. В экспериментальном зале я покажу тебе стереозапись событий на Саргоне. Запись сделана по моей системе. В широкое обозрение ленту пока не пустили, да и вряд ли пустят.

— Догадываюсь, почему. Очередная неудача?.. Постой, ты имеешь в виду тот жуткий случай, когда Северцов попал в руки туземцев и его чуть не съели? Его спас кто-то из наших космонавтов, но я не помню, кто. Кстати, правда, что саргоны нечто среднее между человеком и летучей мышью?

— Через полчаса ты увидишь Северцова и саргонов и сможешь сам определить, на кого они похожи.

2

Они сидели одни в зрительном зале, а с экрана надвигался красочный лес Саргоны — удивительные деревья с зелеными, желтыми, красными и молочно-белыми стволами и пышными кронами, сверкавшими таким разнообразием красок, что хотелось их притушить. Рой поспешно надел темные очки. Он не помнил, как они очутились в руках, но они появились вовремя, без них глазам было бы больно. В воздухе плыли резкие ароматы, вызывающие головокружение. Над Роем не то пролетела бесшумная птица, не то обезьянка прыгнула с дерева на дерево. Рой испуганно отшатнулся и схватил рукой слетевшую шляпу.

— Тебе не кажется, что здесь слишком много правдоподобия? — недовольно сказал он Панову. — Настоящее искусство требует...

— Тише, пожалуйста! — нервно шепнул Панов. — Или ты хочешь, чтобы нас услышали саргоны? Вон они идут!

Саргоны и вправду появились в зрительном зале, перепархивая через кресла; впрочем, это были не кресла, а кусты, причудливо напоминавшие кресла, такие же яркие, всех цветов радуги, как и все здешние растения. Рой с бьющимся сердцем соскользнул с сиденья и затаился за передним кустом; теперь он сознавал, что это не кресло, как померещилось ему, а самый настоящий куст,

густой, остро пахнувший, к тому же колющий. Правда, облекавший Роя походный костюм смягчал уколы, в земном одеянии было бы хуже. Рой порадовался, что, выходя из планетолета, натянул этот мешок, тяжелый, плотный, но оказавшийся неожиданно удобным. За соседним кустом, прильнув к рыжей, светящейся, как и все здесь, земле, прерывисто дышал Панов. Рой догадывался, что он охвачен страхом. Шура был не из смельчаков, он брал остротой мысли, а не тяжестью кулака. Рою было не до Панова. Рой не мог оторвать глаз от поляны. На поляне стоял Павел Северцов, кинооператор экспедиции. Рой содрогался от страха за друга, от возмущения его нелепым поведением, еле удерживался, чтобы не встать и не разразиться громкими, на весь лес, проклятиями. Он не понимал Северцова. Павел ведет себя как недоучка. Странно, что такого недотепу выпустили в далекий космос. Экзаменаторы определенно ошиблись, вручив ему диплом космонавта. Единственная возможность исправить ошибку — это немедленно подать Павлу сигнал бежать, поскорее бежать, во всю прыть умчаться в лес!

— Не смей! — тревожно зашептал Панов, когда Рой все-таки сделал попытку приподняться. — К нам они ближе, чем к нему, и позади него деревья, он может скрыться в лесу, а нас переловят в кустах как зайцев.

Рой медленно опустился на землю. Павел Северцов невозможно орудовал стереоаппаратом у шатра на краю полянки, где они трое — Панов, Рой и Павел — собирались устроиться на ночлег. Туземцы появились неожиданно. Ближайшее их поселение находилось отсюда километрах в ста; они просто не могли очутиться в этом лесу, таковы были данные инструментальной разведки, выяснившей, что лишь птицы и обезьянки, или, точнее, зверьки, похожие на земных обезьянок, твари надоедливые, но не опасные, — что лишь эта живность имеется в лесу на берегах озера, а саргонов и в помине нет.

Они были здесь, саргоны, анализаторы возмутительно врали! Саргоны вдруг высыпали из леса, с визгом понеслись через кустарник на поляну. Рой и Шура сумели притаиться в ветвях, а Павел, вместо того чтобы спастись в лес, с преступной беспечностью, иного слова не подобрать, наставил на пришельцев свой аппарат и увековечивает сцену нападения на него!

Передовой туземец — наверно, предводитель отряда, он был покрупней — промчался мимо Роя и Шуры. За предводителем торопились воины. Анализаторы не соврали лишь в том, что объа-

вили аборигенов Саргоны существами, обладающими признаками и человека и летучей мыши. От людей было туловище, две ноги, две руки, еще, может быть, оружие — мечи и колчаны со стрелами, — а от летучих мышей густая шерсть, два мешковидных крыла за спиной и морда с хищным, зубастым ртом взамен носа, ну и, конечно, уши: странные эти существа разговаривали, быстро двигая ушами, слушали тоже ими.

Роя и Шуру при первом знакомстве с саргонами удивила странная функция похожих на листья лопуха ушей, а Павел пришел в восторг. Он доказывал, что человеческое разделение функций произнесения и восприятия речи куда менее совершенно — надо, надо подетальней зафиксировать на пленке процесс разговора саргонов... Вот он и фиксирует на свою голову.

— Больше нельзя ждать! — гневно пробормотал Рой и вытащил карманный гравимет. Шура протянул руку.

— Рой, я не позволю!

— Кто начальник поисковой партии, ты или я? — надменно поинтересовался Рой. — И разве я не вправе действовать по своему усмотрению в особых ситуациях?

— Мне показалось, что ты собираешься убивать туземцев, — пробормотал Шура. — Пойми, мы ведь не для убийств высадились на этой планете!

— Знаю. Но и не для того, чтобы безучастно смотреть, как туземцы убивают наших товарищей!

— Мы не знаем намерений саргонов. Прошу тебя, повремени применять оружие.

Рой спрятал гравимет. Применять оружие было уже поздно: саргоны вплотную окружили Павла. Гравитационные разряды теперь были для него не менее опасны, чем для них.

Туземцы, остервенело визжа, набросились на Северцова, опрокинули его наземь, скрутили, связали и подняли на крылья — Павел лежал на крыльях саргонов, как на носилках. Он и не думал сопротивляться. До последнего мгновения он так и не верил во враждебность ринувшихся к нему диковинных существ.

Предводитель завладел стереокамерой и, повторяя движения Северцова, наставлял аппарат то на одного, то на другого воина — те со скрежещущим визгом отшатывались, отчаянно взметывая морщинистые, кожистые, без перьев крылья. Не было сомнения, что непонятный предмет внушает им ужас.

Предводитель один не боялся стереокамеры: вероятно, ему по сану не полагалось испытывать страх.

Но и он не искушал судьбу долго — положил аппарат на сияющую белую траву около огненно-рыжего дерева, там, связанный и беспомощный, уже покоился пленник: он не шевелился и молчал.

Предводитель быстро заверещал ушами, до притаившихся в кустах людей донеслось жужжание, похожее на усиленный в сотню раз треск цикады. Вероятно, это был приказ — саргоны, услышав, разбежались по полянке. Панов боязливо тронул рукой плечо Роя. Не следует ли им заблаговременно отступить? Саргоны могут направиться в их сторону, тогда спастись не удастся. И помочь Павлу они отсюда не сумеют: подобраться к нему можно только по лесу, не пересекая открытой полянки.

— Хороши товарищи! Оставили друга в беде! — с горечью сказал Рой, когда они укрылись за стволами деревьев. Он вынул бинокль и направил его на полянку: было хорошо видно и Павла, и спящих вокруг него саргонов.

— Что будем делать? Не подошло ли время прямым нападением вызволить Павла?

Шура, бледный и подавленный, был непреклонен:

— Ты руководитель разведочной группы, ты вправе принять любое решение. Но снова напомню: мы явились сюда изучать, а не убивать саргонов. Мне отвратительна даже мысль о нападении с гравиметом в руках на бедолаг, вооруженных лишь стрелами и собственными когтями!

— Вызовем подмогу со звездолета?

— Он далеко от Саргоны. Подмога опоздает.

— У тебя есть, очевидно, какой-то иной план? Без истребления хищных туземцев?

— Саргонов нужно не истреблять, а ошеломить. И когда они растеряются, освободить Павла.

— Ахнуть предводителя дубиной? Гравиметы исключаются, лазеры — тем более, а иных средств ошеломления я не вижу.

— Скоро увидишь. Мне нужен час, чтобы добраться до планетолета и вернуться обратно. Если за это время саргоны захотят сделать что-либо плохое с Павлом... В общем, постарайся протянуть время до моего возвращения.

— Я обойду лесом полянку и выйду к месту, где лежит Павел. Ищи меня в той стороне. Но помни, что если они покусятся на его жизнь, я церемониться с ними не буду.

Панов бесшумно скрылся. Рой потратил минут пять, чтобы, держась на безопасном расстоянии, подобраться к Павлу. Северцов лежал на том месте, куда его бросили. На поляне дымил костер.

Несколько кольев, косо вбитых в землю, сходились над центром костра, на переплетении кольев висела туша. Рой с отвращением узнал в ней такого же саргона, как и те, что жарили его. Несчастный, предназначенный для шашлыка, был только без крыльев — крылья, наверно, оборвали как не представляющие гастрономической ценности. «Каннибалы! — с отвращением думал Рой, сжимая рукоять гравимета. — Вот пошлю импульс в разрешающее устройство, и гравитационный удар разнесет вас облачком молекул. И я обязательно это сделаю, если Шурка запоздает. Даже хочу сделать, как бы потом ни корили меня на Земле!»

Закончив с устройством одного костра, саргоны соорудили неподалеку другой. Четыре воина подошли к Павлу, взвалили его на крылья и понесли ко второму костру. Рой вздохнул и выдвинулся вперед. Шура все не появлялся. Ничего другого не оставалось, как применить оружие. Рой мысленно послал в разрешающее устройство гравимета формулу, снимающую блокировку гравитационного конденсатора. Теперь оставалось лишь нажать на спуск. Рой медленно поднял гравимет и прицелился в предводителя, важно восседавшего в центре поляны.

И тут из леса раздался мощный рев. Саргоны в ужасе заматались по поляне, визгливо прядая ушами и судорожно треща кожистыми крыльями. Рой радостно засмеялся и опустил гравимет. На поляну вырвалось существо, напоминавшее гигантскую обезьяну. Раздутая грудная клетка зверя исторгала пламя, глаза свирепо пылали. Пришелец, вытянув две раскаленные до синевы гофрированные лапы, снова трубно заревел. Светящийся состав, каким Панов обмазал свой скафандр, сверкал так устрашающе, что саргоны, бросив костры, устремились в лес.

Рой подбежал к Северцову, быстро перерезал веревки и крикнул:

— Беги к планетолету! Мы с Шуркой прикроем отступление... Куда ты, сумасшедший?

— Не пропадать же добру, — хладнокровно возразил Северцов и направился к стереокамере.

Панов продолжал реветь и размахивать светящимися лапами. Но саргоны быстро пришли в себя, в пылающее чудовище полетели стрелы. Северцов скрылся в чащобе. Рой схватил Панова за руку и увлек за деревья. В лесу Шура упал, поднялся, сделал несколько шагов и снова упал.

— Тебя подстрелили! — крикнул Рой и выдернул стрелу из шеи Панова. — Стрела отравлена!

Панов пытался идти и не мог. Рой взвалил его на плечи и помчался к реке, где стоял планетолет. На берегу он свалился. К ним подскочил Северцов.

— Скорей лекарства! — крикнул Рой. — Боюсь, это мгновенно действующий яд! Скорей, скорей!

Северцов бросился к планетолету. Панов последним усилием приподнялся, слабо улыбнулся Рою.

— Помнишь, Рой, — прошептал он. — Звезда Великих Провалов... Не везет мне...

— Все! — с отчаянием сказал Рой, бросая на землю бесполезные лекарства. — Он умер. Все, Павел!

3

— Все, Рой! — сказал Панов, встряхивая друга. — Очнись. И довольно плакать. Ты же видишь, я живой.

Однако прошло немало времени, пока у Роя перестали трястись ноги и руки и восстановилось умение говорить.

— Так вот оно, твоё новое изобретение! — сказал он, когда они вышли наружу.

— Да, Рой. Изображение становится реальностью, а зритель превращается в одно из действующих лиц. Скажи мне, пожалуйста, мы спасли Павла от саргонов?

— А разве ты не видел, как мы его спасали?

— На моем стереотеатре каждый может смотреть свой особый спектакль. Для себя я выбрал другую программу. Она немного связана с занимающей меня проблемой воспоминаний, правда, уже не моих личных, а, так сказать, общечеловеческих... В моей стереокартине мы с тобой перенеслись в прошлое, в далекий двадцатый век, прогуливались по Москве... И где-то на окраине увидели горящий деревянный дом, откуда доносился плач девочки.

— Ну и...

— Конечно! Я вскочил первый, за мной в пылающее здание вбежал ты. Лопались стекла, мы перепрыгивали через горящую мебель...

— Ты мне скажи, что с девочкой?

— Ее вынес ты. Она даже не обгорела, только очень перепугалась.

— А ты, Шурка?

— Я погиб в огне, — грустно сказал Панов. — Все это очень странно, но как-то всегда получается так, что во всех моих стереокартинах сам я всегда погибаю.

БРИТВА В ХОЛОДИЛЬНИКЕ

1

— Эрвин Кузьменко — жулик, — заявил Михаил Хонда, руководитель цеха аккумуляторов энергии. — Ты, конечно, не согласен, Эдуард?

Эдуард Анадьрин, директор энергозавода, только грустно улыбнулся.

— Я всегда считал Эрвина гениальным. И даже авария в твоей лаборатории не переубедила меня.

Рой взглянул на третьего собеседника, главного инженера завода Клавдия Стоковского — тот еще не высказал своего мнения. Клавдий иронически пожал плечами и негромко сказал:

— Вероятно, вы оба правы. В Эрвине совмещаются крупный ученый и мелкий жулик. И от того, какое свойство берет верх, зависит успех в твердом консервировании энергии.

— Зависел, — с горечью поправил Хонда. — О возобновлении работ говорить еще долго не придется. Боюсь, друг Рой, ваш заказ на ядерные конденсаторы в этом году не будет выполнен. После гибели Карла Ванина и выхода из строя Эрвина некому продолжить их работу. Только они разбирались в твердом консервировании энергии.

— Как здоровье Кузьменко? — спросил Рой.

— Кузьменко жив! И, вероятно, от гибели ускользнет. Такие, как он, и в огне не горят, и в воде не тонут. Единственный выход для вас, по-моему, переориентироваться на лучевые аккумуляторы, они гораздо мощнее.

— Они и гораздо крупнее, друг Михаил, — возразил Рой. — А в нашей с Генрихом конструкции плазмодога габариты — важнейший параметр. Вы хотели мне показать место, где совершилась авария, не так ли?

— Пойдемте, Рой. — Анадырин встал первым. В отличие от раздраженного Михаила Хонды, директор энергозавода старался сохранить спокойствие — во всяком случае, не хотел создавать у представителя Академии наук плохого впечатления о себе.

Клавдий Стоковский тоже не навязывал своих оценок, только усмехался, когда Хонда очень уж выходил из себя — усмешка была выразительней слов. Этот человек понравился Рою еще при знакомстве на космодроме, в его спокойствии, в его светлых веселых глазах, ровном разговоре, пронизанном легкой иронией, была привлекательность непростоты — Рой любил людей, сразу не открывающихся: странности события лучше обсуждать с немногословным Клавдием, а не с импульсивным Хондой, не с дипломатично-вежливым Анадыриным.

Сектор конденсации энергии размещался в стороне от остальных цехов, это было самое опасное местечко на заводе, считавшемся и без него самым опасным предприятием на Меркурии. Роя еще на космодроме предупредили, что на Меркурии вообще, а на заводе в особенности, все подчинено строжайшей регламентации, люди, привыкшие на Земле держать себя вольно, здесь не задерживались и часа. Услышав, что ходить надо только по охлажденным дорожкам, носить только жаронепроницаемые костюмы, по сторонам не глазеть, на небо не засматриваться даже в светофильтрах, Рой поинтересовался: «А можно ли у вас плевать?», на что получил немедленный ответ: «Лучше воздерживаться — бывали несчастия и от неосторожных плевков!» Ответ даже не звучал иронически.

— Садитесь в капсулу. Можно идти по туннелю, но это довольно далеко, — сказал Анадырин, открывая дверь сигаровидного электровагона: передвижение на Меркурии, это Рой знал, обычно совершалось в таких снарядах, мчавшихся в трубах.

Сектор конденсации энергии, по земным понятиям, мог сойти за немалый завод. Хонда спросил, не хочет ли Рой осмотреть все помещения, их тридцать восемь, в том числе четырнадцать лабораторий. Рой пообещал первое же свободное время отдать экскурсионному любопытству, но сейчас его интересует та единственная лаборатория, где выполнялись его заказы на твердую энергию и где погиб во время непонятной аварии ее руководитель Карл Ванин. Рой вежливо уточнил:

— Я верно сформулировал причину аварии: непонятная?

— Непонятная, конечно, это все мы понимаем, — проворчал Хонда и, внезапно вспыхнув, сердито добавил: — А еще больше — безобразная, возмутительно безобразная!

Он с таким негодованием поглядел на Роя, словно тот был виновником непонятной безобразной аварии. Рой подумал: «Этот человек, Михаил Хонда, не разберется в сути несчастья, у таких раздражение заменяет понимание». Вслух он сказал с учтивой многозначительностью — сработала привычка заставлять собеседников взвешивать свои слова, когда разговаривают с ним:

— Я попрошу во время осмотра подробно объяснить, в чем вы находите то, что назвали возмутительным безобразием несчастья. Мне кажется, определения подобного, скорее психологического, чем физического, свойства весьма интересны, если обоснованны, конечно.

По тому, как покраснел Хонда, Рой понял, что удар попал в цель: Хонда больше не будет навязывать ему описание своих чувств! Повеселевшие глаза Стоковского показывали, что главный инженер внутренне расхохотался. Анадирин что-то учуял, но не разобрался — сперва с недоумением посмотрел на разозленного Хонду, потом на Роя. Рой отвлек директора от посторонних мыслей:

— Стало быть, взрыва энергопластинки не было. Именно так вы написали в докладе на Землю.

— Совершенно верно, друг Рой. Если бы взорвалась хоть одна пластинка, от цеха не осталось бы и кучки пыли. В лаборатории твердого конденсирования не пострадал ни один аппарат. Карл Ванин был испепелен молнией лучевого генератора, включенного по страшной ошибке несколько раньше, чем следовало по программе.

— И по другой страшной ошибке — нацеленного на Карла, а не в горнило консервирующей печи, — добавил Хонда.

Лаборатория твердого конденсирования энергии (Рой не сразу дознался, что термин «твердое консервирование» — местный жаргон, укоренившийся так прочно, что стал проникать и в документы) мало отличалась от других промышленных лабораторий. Узкое и длинное помещение заполняли громоздкие механизмы и установки.

— Накопители энергии, — Анадирин широким жестом обвел один ряд установок. — Преобразователи энергии, — показал он на второй ряд механизмов и остановился в торце помещения, здесь выстроились приземистые аппараты, похожие на громадные сундуки. — Последняя стадия переработки энергии — твердое консервирование, — сказал он торжественно. — Можете посмотреть, друг Рой, на нашу товарную продукцию — к сожалению, экземпляр недоделан, но представление о нем получить можно.

Он вынул из последнего аппарата продолговатую пластинку и подал Рою. Тот еле удержал ее в руках, так она была тяжела — в восемь раз плотнее железа, в три раза тяжелее самого тяжелого естественного металла осмия. Уже это одно — тяжесть — внушало почтение. Еще больше внушало почтение то, что Рой знал из теории твердых энергетических конденсаторов: одна сторона пластинки была зеленой, другая красной, их можно было хоть сотни раз класть красной стороной на красную, зеленой на зеленую. Но если складывались разноцветные стороны, две сомкнувшиеся пластинки становились генератором энергии — и мощность его определялась силой прижатия одной пластинки к другой.

— Посмотрите на генератор в сборке, друг Рой, — Аनाдырин подал Рою нечто вроде чемоданчика с гибкими шлангами отвода энергии. — Вот этот движок сбоку управляет пружинами сжатия, а величина сжатия — выдачей энергии. В минимуме — энергии не больше, чем от электрической лампочки, а в максимуме она равна той, что развивает двигатель межпланетного лайнера. — Анадырин вздохнул. — Сколько, знаете, мы связывали надежд с этим уникальным аккумулятором энергии, такие двигатели планировали создать на его основе... И даже не завершили опытного образца!

Рою давно следовало отложить в сторону недоделанный аппарат, похожий на ручной чемоданчик, и приступить к делам более важным. А он все гладил пальцами шероховатые черные бока, все крутил регулятор настройки, все вслушивался в сухой скрип пружин, сжимавших одна другую, вместо того чтобы сжимать чудодейственные конденсаторы — две небольшие, сомкнувшиеся разноцветными сторонами пластинки. Именно о таком двигателе, компактном и мощном, сердцем которого должен был стать этот ящик, и мечталось им с Генрихом, когда брату явилась идея торпедообразного аппарата, способного невредимо прорезать толщи плазмы, нагретой до звездных температур. Какой шальной поначалу показалась идея, как он высмеивал тогда сумасбродные фантазии брата — и как все обрело реальность, когда на Меркурии приняли заказ на твердые энергоконденсаторы! И Генрих, и он-сжились с мыслью, что плазмоход будет изготовлен не позднее будущего года и тогда же отсюда, с Меркурия, нырнет в бушующее озеро плазмы, именуемое солнечным пятном; именно в будущем году ожидают самое интенсивное в столетии пятнообразование. Уже и обещания такие были даны Боячеку, уже отбоя не

стало от смельчаков, просящихся в экипаж плазмодода. Вины его и Генриха в том, что фантазия так и останется фантазией, нет — но огорчение от этого не меньше. Рой повернулся к Хонде.

— Вы сказали, что первым прибыли на место трагедии и успели поговорить с умирающим Карлом. Я бы хотел узнать, как все происходило.

Хонда переходил с места на место, показывая, кто где стоял и что делал.

Вот на этой подставке покоился лучевой генератор, он и сейчас здесь стоит, этот ящик с дулом, похожим на пушечное, — великое творение лаборатории твердого конденсирования, он даже сильнее выразится: величайшее из созданий Карла Ванина, несравненного экспериментатора, и его помощника, бессовестного Эрвина Кузьменко, устроившего аварию.

Карл наклонился над столом, он вкладывал пластинку в конденсаторную печь на доконденсацию, он собирался щелкнуть затвором и отойти, после этого Эрвин должен был сфокусировать лучевой генератор в горнило печи и включить конденсацию. А Эрвин включил генератор раньше. Карл еще не отошел. Карла всего охватило пламенем, Эрвин тоже попал в огонь, сигнализация оповестила все уголки цеха о несчастье в лаборатории, все сразу же ринулись сюда, он, Михаил Хонда, примчался первым, он уже говорил об этом, но спасти Ванина не удалось, он прожил всего несколько минут.

Эрвин пострадал меньше, но тоже с неделю боролся со смертью, врачи теперь выздоровление гарантируют, жулики всегда выворачиваются из беды, а честные люди всегда страдают. Рой сердито прервал Хонду:

— Вы не находите, что слово «жулик», непрерывно вами повторяемое, не соответствует сути события? Если Эрвин Кузьменко сознательно направил генератор на Карла Ванина, то Эрвин преступник. А если это произошло неумышленно, то Эрвин тоже пострадавший. Не вижу жульничества в том, что человек неделю боролся со смертью.

Второе напоминание о том, что надо сдерживаться в оценках, действовало сильнее, чем первое. Руководитель цеха аккумуляторов энергии смешался. Теперь он говорил извиняющимся тоном, почти оправдываясь:

— Что вы, какое преступление! И мысли такой не было. Несчастье, конечно, и расхлябанность, граничащая с безответственностью. Эрвин любит демонстрировать свое пренебрежение к

людям. Вы в этом убедитесь при первом же разговоре с ним. Если он согласится разговаривать с вами, впрочем...

— Он так плох, что не может разговаривать?

Как ни старался Хонда сдержать злость, она прорывалась:

— Простите, друг Рой, вы не совсем ясно представляете себе, что у Эрвина термин «может» отличен от термина «хочет». Мы уже привыкли считаться с этой его особенностью, а вам еще с ней знакомиться. И вряд ли она вас порадует, особенно если Эрвин пожелает поиздеваться над вашими мыслями.

— Михаил, не стоит... — дипломатично сказал директор энергозавода, а Стоковский снова беззвучно засмеялся.

— Я постараюсь не высказывать мыслей, способных дать повод для издевательств, — холодно отпарировал Рой.

— Буду рад, если вам это удастся, — буркнул Хонда и снова заговорил о том, как пытались спасти Карла, какие разрушения вызвал пожар и почему лабораторию твердого конденсирования энергии быстро не восстановить.

— В катастрофе погибли все рабочие журналы, все записи обсуждений — словом, весь набор пленок. Они были сложены в сейфе, вот здесь, возле конденсаторной печи, — Хонда нервно водил рукой по стене, усеянной пятнами ожогов. — Когда я ворвался в лабораторию, сейф пылал костром на ветру, но мы все, вы понимаете, пытались спасти Карла... И Эрвина, естественно, он рвал на себе пылающую одежду. В общем, когда обратились к сейфу, было поздно, архив лаборатории погиб. Вряд ли можно его восстановить, даже если Эрвин возвратится в сознание и захочет это сделать. Остатки сейфа вынесены. Вообще, в лаборатории мало что уцелело.

— А это что? — Рой показал на шкаф в противоположном углу.

— Это холодильник. Нашей особой конструкции, на Меркурии они совмещены с кондиционерами. Некоторые хранят в них разные вещи, даже одежду, холод здесь — самая ценная вещь.

Рой раскрыл холодильник. На нижних полках лежали детали скафандра, над ними лабораторные инструменты, выше — съестные припасы. На самой верхней полке покоилась электрическая бритва. Рой повертел ее, но оледенелый корпус обжигал пальцы. Рой положил бритву на место.

— Имущество Эрвина, — сказал Хонда. — Одно из его чудачеств. Он брился, надевая теплые перчатки. Теплые перчатки на

солнечной стороне Меркурия! Он говорил, что только ледяной металл приятен его щекам.

Рой отвернулся от холодильника. В лаборатории, чисто прибранной, все носило следы недавней катастрофы, но осматривать было нечего. Да и не затем он сюда приехал, чтобы разыгрывать детектива.

— Так что успел вам сказать умиравший Карл Ванин, друг Михаил?

— Ну, что он мог сказать? Что Эрвин включил генератор раньше времени... Вот, собственно, и все. Он быстро потерял сознание... А Эрвин молчит. У него обожжены губы, руки плохо двигаются — вряд ли он скоро заговорит.

— Пойдемте отсюда, — сказал Рой. — Единственное, что меня по-настоящему интересует, — сможет ли завод выполнить наш заказ на батарею твердых конденсаторов энергии?

— Надежды нет, во всяком случае, в текущем году, — повторил Хонда. — Лаборатория твердой конденсации разрушена, вы это видите. Возможно — где-нибудь, другая лаборатория...

Рой усмехнулся.

— Иначе говоря, в собственной неспособности выполнить обещанное вы уверены. А что до остального человечества, то гарантировать его неспособность отказываетесь. Я правильно вас понял, друг Михаил?

— Совершенно правильно! — с вызовом отозвался Хонда. Теперь он сам явно хотел поставить Роя на место. Рой первым вышел из лаборатории.

2

Он стоял у окна и рассеянно глядел на простиравшиеся вдаль солнечные поля. Если что и заслуживало внимания на раскаленной яростным Солнцем планете, то, пожалуй, только эти бескрайние равнины, покрытые, как кустами, термоэлементами, преобразовывающими солнечную энергию в электричество. «На Меркурии выращиваются термоэлектрические сады», — твердили в стереопередачах, посвященных переоборудованию планеты в главную энергостанцию человечества. Сколько говорилось о том, что тысячи квадратных километров «термосадов» превратят в неиссякающий поток электричества разницу между температурами на разных сторонах Меркурия: солнечной, раскаленной, — и ночной, погруженной в вечный космический холод и мрак! Рой вспомнил, как

глава Меркурианского проекта Альберт Бычахов восторженно описывал будущее этой самой маленькой и самой близкой к Солнцу планеты.

— Человечество получит источник энергии, действующий непрерывно и вечно, во всяком случае, до тех пор, пока солнце пылает, а в мировом пространстве — космическая стужа, — говорил он, вдохновенно сияя на стереоэкранах круглым добрым лицом. — А Меркурий превратится в райский уголок, ибо оборудуем на нем заводы, создающие вполне приличную атмосферу. Тогда и на солнечной, и на ночной стороне будут гулять в теннисках и с непокрытой головой, термоэлементные сады поглотят и неистовую жару одной половины планеты, и столь же неистовый мороз второй ее половины. И я приглашаю тех, кто сегодня ходит в детские сады, начать свою трудовую жизнь на благословенных равнинах еще недавно столь страшного Меркурия. Приглашаю от всей души, со всей ответственностью — работы хватит не на одно поколение.

Да, именно так вещал на всю Солнечную систему Альберт Бычахов, главный инженер Меркурианского проекта. Сколько раз с замиранием сердца слушал Рой его прекрасные речи. Тридцать лет прошло с того времени, многое осуществилось, многое так и не стало реальностью. Обещанная энергия получена, и на равнинах — и на раскаленных солнечных, и на погруженных в абсолютный холод ночных — раскинулись похожие на сиреневые кусты термоэлектроды.

Но только никто не назовет эти чудовищные чащи пластин, прутьев и проволок прекрасными садами, и прогуливаться в них никто не решится не только в летней одежде, но и в теплопрочных — для огня и мороза — скафандрах: Меркурий — планета рабочая, не для веселого времяпрепровождения. Да, солнечные термоэлектрические поля единственное, что на Меркурии еще можно посмотреть: бросить на них взгляд, промчаться над ними в планетолете...

Поездка на Меркурий — неудачна, размышлял Рой. Генрих предупреждал, что она ничего не даст, кроме досады. Отложим конструирование плазмодода, говорил он. Мы ведь не виноваты, что твердых энергоконденсаторов нам не дадут, а без них мы бессильны. Мало ли у нас других интересных тем, убеждал он Роя. Генрих ошибался чаще брата, но в данном случае он не ошибся. Надо возвращаться на Землю.

В комнате прозвенел сигнал вызова. Рой обернулся. С экрана смотрел Стоковский. Он негромко сказал:

— Позвольте вас посетить, друг Рой. Мне кажется, вы собираетесь нас покинуть. Мне хотелось бы поговорить с вами. Я буду через минуту.

Рой молча показал рукой на кресло, сам сел напротив. Стоковский, похоже, знал, что его улыбка вызывает приязнь, он не убирал ее с лица. Рою часто встречались люди, превращавшие свое лицо в подобие визитной карточки, — демонстрировали себя улыбающимися, хмурыющимися, сосредоточенными, озабоченными, веселыми, каждая мина культивировалась и, подобранная заранее, служебно закреплялась. Вероятно, и у Стоковского было так же, к его улыбке нужно было отнестись вежливо и равнодушно. Но этот человек нравился Рою, в нем угадывалась умная душевность, а не служебность демонстрируемого настроения. Рой ответно заулыбался, хотя улыбаться было нечему. И Стоковский первыми же словами подтвердил, что Рой не ошибается в его характере.

— Нам не радоваться, а печалиться надо. Сам не понимаю, чему мы с вами смеемся. Скажите, что вы собираетесь предпринять?

— Вы угадали мои намерения: отбываю на Землю.

— Вы не хотели бы сначала посетить Эрвина Кузьменко?

— Выспрашивать, как произошла авария? Что это даст? Я приехал как заказчик оборудования.

Стоковский перестал улыбаться.

— Мы вас, конечно, подвели. Но неужели вы вообще прекращаете разработку плазмохода?

— Именно это. У нас с братом нет второстепенных тем, которые могли бы заполнить простой в полгода или год. Если мы отложим плазмоход, то отложим его надолго, возможно, к нему уже не вернемся.

— Я догадывался об этом, — задумчиво сказал Стоковский. — Эдуард боится, что вы потребуете срочного восстановления лаборатории Карла, Миша заранее выходит из себя, потому что понадобится всячески обхаживать Эрвина, когда он встанет. Вы сами могли заметить: Миша Хонда Эрвина недолгоблудит, это самое мягкое, что можно сказать об их отношениях. А мне показались важными ваши слова, что вас не интересует, как мы теперь будем выполнять ваш заказ.

— Просто я сразу понял, что выполнять его вы не будете. Вы об этом хотели спросить?

— Да, спросить... А еще больше — попросить.

— Просите. Если смогу, выполню.

— Уберите Эрвина Кузьменко.

— Убрать Эрвина? — Рой уставился на Стоковского. Что разговор будет необычный, Рой знал заранее, — обычные разговоры не надо вести наедине. Но просьба звучала странно. — В каком смысле убрать, друг Клавдий?

— Не убивать, конечно. — Стоковский любовался недоумением Роя. — Хотя некоторые порадовались бы... Не убийству, а если бы, скажем, Эрвин и Карл в день аварии поменялись судьбами — и не Эрвин, а Карл готовился сегодня к выздоровлению. Нет, просьба моя не столь ужасна, пусть Эрвин живет. Но почему его не отправить на Землю? Он там довершил бы выздоровление. И лабораторию твердой консервации можно разместить на Земле, в твердых конденсаторах энергия дана в высочайшем сгущении, но запасы ее в них вовсе не так исполински велики, чтобы производство их можно было вести только на Меркурии. Вам тоже было бы удобнее, если бы нужная лаборатория находилась от вас неподалеку.

— А какое же было бы в этом удобство для вас?

— Я уже сказал: рядом с нами не будет Эрвина. Сами мы воротить его на Землю не можем, нет убедительных оснований. А вам потребовать его возвращения — проще простого.

Стоковский, судя по всему, не находил в своей просьбе ничего предосудительного. И он, казалось, не сомневался, что Рой не найдет возражений.

— Понятно, Эрвина рядом с вами не будет, — медленно заговорил Рой. — Его отсутствие на Меркурии желанно, но не может быть обосновано убедительно. А какие основания — из разряда тех, что вы считаете неубедительными, — заставляют вас ждать его отъезда?

— Мы не любим Эрвина Кузьменко, друг Рой. Даже наш директор Эдуард Анадырин, искренне считающий Эрвина гением... Даже он будет рад уходу Эрвина. У Кузьменко дурной характер.

— Не любим, дурной характер... Аргументы неубедительные, верно.

— Только в служебном смысле, — спокойно поправил Стоковский. — В психологическом они представляются нам очень вескими. Вы понимаете, Меркурий — не Земля с ее миллиардами жителей. Мы — маленький коллектив, работников энергозавода и сотни не наберется, каждый на виду. Эрвин — как заноза в теле. Он ненавидит нас — всех вместе, каждого особо. По-моему, это достаточное основание, чтобы и мы его недолюбливали.

— Я все-таки не понимаю. Никакое штатное расписание не требует взаимной любви сотрудников. И Меркурий не звездолет, а планета, здесь не требуется экзамена на психологическую совместимость.

— О чем и речь! Мы не можем требовать от Эрвина, чтобы он нам всем нравился. Но и работать с человеком, который всем неприятен, трудно. Может быть, подробнее рассказать вам, друг Рой, каким видится нам Эрвин Кузьменко?

— Вероятно, так будет лучше.

— Эрвин Кузьменко появился на Меркурии восемь лет назад и сразу определился в экспериментальные цехи, прошел стажировку, начал самостоятельные исследования, — рассказывал главный инженер энергозавода. — Тогда это был молодой милый парень, красивый, энергичный, словоохотливый, работоспособный — в общем, ничем не выделяющийся, таковы все, кто добровольно меняет прекрасную Землю на трудное существование в адской жаре и адском холоде Меркурия. Таким он был, пока не попал в лабораторию Карла Ванина. Не проработав у Карла и года, Эрвин стал совершенно иным. В нем развилось то, что Эдуард Анадырин называет гениальностью, а Михаил Хонда — жульничеством.

— Сочетание нетривиальное. Помнится, вы признали обе оценки справедливыми.

Стоковский подтвердил — да, именно так, и гениальность, и жульничество. Гениальность выразилась в том, что Эрвин вдруг стал генератором интереснейших идей. И не только тех, что относились к его делу, нет, он превратился в знатока всех работ во всех лабораториях и цехах, он словно бы сотрудничал со всеми — и каждому давал очень дельные, порой настолько глубокие советы, что все поражались. Эдуард считает, что вмешательство Эрвина в чужие функции стало важнейшим стимулятором, очень многое у очень многих шло бы гораздо хуже, если бы не Эрвин.

— Вы считаете это недостатком?

— Я уже сказал: та особенность ума, что Эдуард называет гениальностью, у Эрвина неоспорима. К сожалению, она не единственная.

Наряду со способностью предлагать замечательные идеи, у Эрвина появилось и пренебрежение к товарищам, продолжал Стоковский. Он унижал тех, кому предлагал мысли и планы: сами они ни на что значительное не способны без его помощи — так он показывал всем своим видом. Впрочем, это можно бы стерпеть,

да и отпор не труден: на усмешку ответить резкостью, на пренебрежение — презрением. Все было хуже и сложнее. Очень скоро выяснилось, что идеи и проекты, объявляемые Эрвином, вовсе не его единоличные. Его собеседники обдумывали те же самые идеи, что он предлагал, это были их собственные идеи, только недоработанные, необъявленные, в правильности их еще были сомнения. «Да я и сам об этом думал! — с удивлением говорил то один, то другой. — И вот надо же — Эрвин высказал раньше, а ведь это вовсе не его область!»

— Вероятно, ваш Кузьменко — телепат.

Стоковский покачал головой.

— Слишком примитивное решение, Рой. Оно способно быть только первым подходом к пониманию. Каждый, естественно, допускал — кто с удивлением, кто с негодованием, — что Эрвин научился проникать в чужие мысли. Чтобы выяснить это, я поставил тайный эксперимент, о нем знал один Эдуард. Я пытался донести до Эрвина некоторые мысли, очень неприятные для него, они сказались бы на его поведении, узнай он их. Результат — ничего! Он неспособен читать мысли, неспособен даже постигать, что испытывает говорящий с ним, если тот не хочет показывать своих чувств. В этом смысле он менее проницателен, чем любой из нас, он, я бы сказал, даже туповат. А одну мою великолепную идею Эрвин объявил в тот же день, как она у меня возникла, — и, поверьте, она была совершенней, чем моя. Я не могу считать, что он каким-то способом заимствовал ее у меня. Она своим появлением у меня возбудила такую же идею у него, вряд ли наоборот, ибо это была все же моя область работы. И посмотрели бы вы, с каким издевательством он кинул ее мне, как он презирал меня за то, что я не способен сам так дорабатывать свои мысли. Мне надо было испытать радость от подарка, а я испытывал унижение от собственного ничтожества. Нет, Эрвин Кузьменко не телепат. А если это телепатия, то неизвестной еще природы, избирательная, чувствительная только на значительные мысли — и не простое их чтение в головах знакомых, а совершенствование, доведение до конца. Выразусь вашими словами, Рой: случай нетривиальный.

— Теперь я понимаю, почему вы так опасаетесь дальнейшего общения с ним. Эрвин вам полезен, но психологически непреносим.

— Вы исполните нашу просьбу, Рой? — с надеждой осведомился главный инженер энергозавода.

— Пока не обещаю. Но ваш странный гений меня заинтересовал. Я хочу с ним побеседовать.

3

Рой молча глядел на Эрвина Кузьменко, тот отвечал таким же молчаливым взглядом. Эрвин лежал в отдельной палате — наглухо закрытый ящик, куда не мог проникнуть даже отраженный луч яростного меркурианского солнца. Врач предупредил Роя, что больной разговаривает с трудом, его лучше не беспокоить долгими расспросами.

Рой пообещал, что долгих расспросов не будет, вошел, сел у кровати, Эрвин повернулся к нему лицом. Ни один не сказал ни слова, так прошло несколько минут — оба молча смотрели друг на друга.

Если Эрвин когда-то казался милым, красивым, молодым парнем, то от облика той поры мало что осталось: он не был ни мил, ни красив, ни молод. На Роя глядел худой, поседевший мужчина с исполосованным морщинами желтым лицом. Лицо было хмурое, маловыразительное, неприязненное. В небольших тусклых глазах не светились ни острая мысль, ни живое чувство. И видно было, что Рой его не заинтересовал — он глядел на посетителя как на пустое место, равнодушно, почти безучастно. «Неприятный тип, — подумал Рой и опасливой мыслью одернул себя: — Может, Эрвин все-таки телепат и поймет, какое чувство вызывает во мне».

— Здравствуйте, друг Эрвин! — вежливо сказал Рой.

Приветствие не сразу дошло до больного. Он подумал, тусклые глаза стали еще тусклей, потом хрипло отозвался:

— Не здравствую, как видите. — И снова подумав, добавил: — До здравствования не скоро.

— Я заказчик твердых конденсаторов, — сообщил Рой. — Вы их делали для плазмоходов, которые разрабатываются в моей лаборатории.

— Знаю, вы прилетели с Земли. Как вас зовут?

— Рой Васильев. По профессии физик.

Кривая улыбка медленно выступила на хмуром лице Эрвина.

— А по призванию — детектив. Не так ли? Кто не слышал о вас! — Он отдыхал после каждой фразы. В глазах понемногу появилось что-то похожее на интерес. Рой догадался, о чем Эрвин спросит, и терпеливо ждал. Эрвин снова заговорил: — И сейчас с этим? Расследование, да?

— Нет, не с этим. Выполнение заказа — единственное, что меня интересует. И когда нас уведомили, что на энергозаводе авария, я решил слетать на Меркурий, чтобы воочию увидеть, каковы перспективы.

— И увидели? — Рою почудилась насмешка в бесстрастном голосе больного.

— Увидел, что перспектив никаких. И с тем возвращаюсь.

Рой не сомневался, что Эрвину остается равнодушно поблагодарить гостя за посещение и пожелать доброго пути. Разговор пошел примитивный — общие фразы, ни одной нетривиальной мысли. Все люди, с какими знакомились они с Генрихом, немедленно сообщали, что знают, какие братья знаменитые дознаватели загадок. Генрих в таких случаях нервничал и сердился. Рой холодно пожимал плечами, хотя и ему было бы приятней, если бы новые знакомые показывали знание их научных работ, а не вспоминали, как они распутывали чужие неприятности.

Эрвин мог бы отойти от шаблона, ведь если Рой явился расследовать трагедию на энергозаводе, то главной фигурой дознания станет он, Эрвин Кузьменко; и ему не следовало бы забывать о личной своей заинтересованности в том, как будет официально изображено несчастье в лаборатории твердых конденсаторов энергии. «Он попросту слишком болен, — сказал себе Рой, — в его состоянии все, кроме болезни, представляется второстепенным».

Следующая фраза больного показала Рою, что он ошибается.

— Итак, вы возвращаетесь, — сказал Эрвин. — И плазмоход оставляете. Чем же вы теперь займетесь, Рой Васильев?

— Тем у нас много, — заверил Рой. — Пусть это вас не беспокоит, друг Эрвин. Подберем что-нибудь стоящее.

— Может быть, гравитационный генератор проникающих полей? Разве вы не собираетесь доработать это великое изобретение академика Ивана Томсона? Я слышал, Томсон был вашим другом. Верно?

Хотя Стоковский и предупреждал, что Эрвин способен узнавать чужие мысли, и сам Рой готовился познакомиться с незаурядным телепатом, нсожиданность была слишком велика. Даже малейшего воспоминания о Томсоне не явилось Рою, пока он сидел у постели Эрвина. И никому на Меркурии он не говорил, что среди тем его лаборатории есть и такая: пригласив Роберта Арутюняна, ассистента Томсона, довершить последнее исследование Ивана, ставшее причиной его смерти. Об этом плане знал один

Генрих, они вдвоем прикидывали, на чем сосредоточиться, если плазмоход придется бросить на полусвершении. Но то было на Земле, а не здесь.

— Почему вы молчите? — бесстрастно спросил Эрвин.

— Думаю, — сказал Рой. — Вы столь проницательны... Да, академик Томсон был наш друг, мой и брата.

— Значит, генератор проникающих полей? Они же скользкие, антипараллельные, экранирующие, охранные... Рекомендую остановиться на термине «экранирующие», он всего точнее описывает физическую суть проблемы.

— И я того же мнения. И признаться, это меня удивляет...

На безжизненно-желтых щеках Эрвина появилась живая краска, глаза приобретали блеск. Он даже сделал попытку приподняться, но не сумел, только выше поднял голову на подушке. И он говорил свободнее, не запинаясь на каждом слове — он явно начинал интересоваться разговором. Он сказал:

— Что удивляет? Что наши мнения совпадают? Они и должны совпадать, раз мы без ошибок говорим об одном предмете.

Рой взял себя в руки. Неожиданность была все же не так велика, чтобы показывать Эрвину свою растерянность.

— Я неправильно выразился. Я не говорил с вами о Томсоне и его изобретениях. Следовательно, у нас не может быть ни совпадающих, ни разных мнений на эту тему. Вот это меня и удивляет.

Впервые на лице Эрвина появилась улыбка.

— Вас информировали, что я телепат? Все только об этом и твердят. Считайте, что я прочитал ваши мысли, Рой.

Рой наклонился к постели больного. Загадка была серьезнее, чем ее рисовал Эрвин.

— Вы не можете прочесть то, чего нет. Никакой телепат не проникнет в мысли, которые не появились. Я не думал о Томсоне. Если вы телепат, то вы это знаете.

Слабая улыбка Эрвина превратилась в злую ухмылку. Если он с такой миной на лице разговаривает со всеми, подумал Рой, то понятно, почему его дружно не терпят.

— Какой же вы делаете вывод из своего открытия, Рой?

— Открытия? Я, кажется, ничего не открывал.

— Разве? А то, что вы нашли у меня способность читать мысли, которые у вас не появлялись? Психологи заинтересуются таким феноменом.

— Поражен, не скрою. Но и только. Для выводов этого мало.

Эрвин прикрыл глаза. В его голосе появилась неуверенность.

— Значит, я ошибся: вы не собираетесь дорабатывать изобретение Томсона?

— Вы не ошиблись. Я именно это и буду делать, вернувшись на Землю. Вы не прочитали мои мысли, а предугадали мои действия. И сделали это, не зная ни меня, ни брата, не имея и представления о наших научных работах, в этом нет сомнений. Не могли бы вы объяснить, как достигаете таких результатов?

Ответ звучал насмешкой:

— Просто вижу по вашему лицу, что вы предпримете по возвращении домой. Что до существа дела, то могу лишь одобрить его. Гибель Ивана Томсона не должна задержать реализацию его великого открытия. Когда к науке примешивается любовь мужчины и женщины, хорошего не получится. Томсон спутал любовь с наукой, спутал, не довершив ни любви, ни науки, — отсюда и трагедия. Раньше увещевали: не смешивайте божий дар с яичницей. Не знаю, впрочем, что отнести к божьему дару, а что к яичнице. Теперь о самом изобретении. В построениях Томсона имеется существенная недоработка, вам она тоже будет мешать. Хотите знать ее?

— Очень хочу.

— Гравитационные поля Томсона легко меняет постороннее гравитационное воздействие. Скажем, воздушный грузовик, пролетевший в эту минуту над вашей лабораторией, — вполне достаточная причина для взрыва. Нужно экранирующие поля экранировать, если не собираетесь погибать, как Томсон. Теперь вы скажете мне, что у вас была точно такая же идея.

— Похожая. Вы изложили ее гораздо определенной. Пользуюсь случаем поблагодарить вас за великолепную подсказку.

Кратковременный подъем энергии у Эрвина истощился. Он снова закрыл глаза, вяло пробормотал:

— Чихать мне на вашу благодарность!

Рой не хотел заканчивать беседу на такой грубой ноте.

— Эрвин, мне говорили, что вы высказываете идеи, похожие на те, что появляются у других, только ваши, как и в моем случае, яснее и убедительнее. И когда вас искренне хотят поблагодарить за ценную помощь, вы отвечаете чуть не издевкой. Впечатление, будто вы помогаете не с радушием, а с недоброжелательством. Почему такое странное поведение?

Новая вспышка энергии дала Эрвину силы приподняться. Полулежа, он уставил на Роя злые глаза. Он ненавидел гостя, которого впервые видел.

— Радужие? А вы не подумали, что радужие происходит от слова «радоваться»? Почему я должен радоваться с вами? И чему? Вашему будущему успеху? Тому, с чем он связан для вас лично? Ах, как прекрасно — поставить свой памятник погибшему другу! Слышать всюду лесть: «Вы с братом сделали то, чего не сумел сам Томсон, вы талантом не уступаете Томсону». И золотая медаль Томсона, ее недавно утвердили, как она украсит вашу грудь, вашу и брата! Вы заранее воображаете сцены на всех стереоэкранах мира: вы с братом свободно проходите сквозь стены, проникаете в гранитную гору, как в воду, величественно выходите с другой стороны скалы. А помощники в три погибели гнутся у пульта, чтобы, не дай бог, шальной гравитационный толчок не погубил руководителей. Какая великолепная картинка! Какая пища тщеславию! Этому радоваться, да? Что вы так всматриваетесь в меня? Углядели что-нибудь страшное?

Рой встал.

— Что я углядел, оставлю пока при себе. Разрешите пожелать вам скорого выздоровления.

Эрвин крикнул:

— К черту выздоровление! Оно ни меня, ни вас не тревожит. Лучше скажите, не разочарованы ли? С тем ли уходите, с чем намеревались? Ведь вас интересовало, почему и как погиб Карл Ванин, мой великолепный и недостойный руководитель. Не лицемерьте, именно это и готовились выяснять! И ни слова не проронили о его смерти. Исчезаете, так и не узнав ничего важного об аварии в нашей лаборатории.

Рой обернулся.

— Я вернусь, Эрвин Кузьменко. И тогда поговорим и об аварии в лаборатории, и о гибели вашего руководителя.

Эрвин, откинувшись на подушку, глубоко вздохнул. Рой еще слышал, как он не то со смехом, не то со стоном пробормотал:

— Чертов гость! Меня хотел обмануть, меня!

4

Немного было в жизни Роя случаев, когда он чувствовал себя столь раздраженным. Разговор с Эрвином не только поставил загадку — Рой распутывал десятки загадок, многие были, он чувствовал это, посложнее, — но и нанес оскорбление. И это тоже было загадочным — почему незнакомому больному человеку понадобилось издеваться над ним, изображать его мелким

честолюбцем, приписывать ему низменные мотивы? Никто еще не бросал Рою таких обвинений!

На экране вспыхивали сигналы вызова — с Роем хотели встретиться и Анадирин, и Стоковский, Хонда просил зайти к нему, диспетчер космопорта интересовался, бронировать ли билет на ближайший планетолет. Первым трем Рой кратко ответил, что занят, диспетчеру объявил, что задерживается на Меркурии. Рой возбужденно ходил из угла в угол своей комнаты, движение давало какое-то облегчение. Лучше всего было бы вызвать авиетку и помчаться на ту узкую полосу планеты, где царит вечное утро или вечный вечер, там можно бы и погулять среди настоящих растений, а не похожих на кусты термоэлектродов, там можно бы не опасаться ни солнечного жара, ни космического оледенения.

Рой представил себе, сколько времени займет вызов авиетки, выход наружу, сам полет, пригрунтовка машины — и махнул рукой. Он не мог отрывать себя от размышлений надолго, это было сейчас самое важное — размышлять о непонятном и удивительном в беседе с Эрвином. И он продолжал шагать из угла в угол гостиничной комнаты. Раздражение стихало, мысли, поначалу беспорядочно прыгавшие, становились последовательными, негодование наконец превращалось в размышление: эмоции уступали место логике.

— Итак, логика, — вслух сказал Рой. — Уверен, разгадка проще всего, что навоображали на Меркурии об этом типе. Нужно только звено за звеном добраться до нее. Это я и должен сделать. И первое: телепат ли Эрвин Кузьменко?

Рой пожал плечами. Чушь! Эрвин прикрывается телепатией, чтобы замаскировать что-то иное. Рой уже сказал ему, что о телепатии и речи не может быть, ибо нельзя прочесть в чужой голове мысли, которые в ней не появлялись. И Эрвин промолчал. Впрочем, нет, именно когда Рой отверг телепатию, Эрвин стал издеваться. Важно это или не важно? Останавливаться на этом или идти дальше? Остановка ничего не дает, идем дальше.

Итак, никакой телепатии. Телепатия — слишком сложное объяснение, оно нагромождает новые загадки, а не проясняет старые. Следующий вопрос: врал ли Эрвин, когда описывал, что собирается делать Рой на Земле? Нет, все верно... Они, Генрих и Рой, год назад колебались, что разрабатывать: плазموход или генератор экранирующих полей. Они остановились тогда на плазмоходе, он показался легче. И, естественно, они возвратятся к генератору, раз плазмоход отпадает. Никакая не телепатия, простая логика.

«Да, но логика здесь только для меня, вовсе не для Эрвина, — размышлял Рой. — Эрвин не мог знать о наших с Генрихом работах. Догадался о них? Чепуха! Каким интеллектом надо обладать для такого проникновения в чужую душу! Сверхъестественное озарение, раскрывающее не мысли (те хоть дают о себе знать какими-то излучениями), а замыслы, которые, раз принятые, сохраняются в мозгу как в складе, никакими волнами их потом не оконтурить».

Рой вспомнил невыразительное лицо Эрвина и усмехнулся. Неподходящий объект для сверхъестественных озарений! Туповат, дубоват, грубоват — такие характеристики куда точнее, чем слова об остром интеллекте, способности к сверхглубокому психологическому анализу. Проще, проще, сложные решения не годятся, истина будет элементарна как блин, ясна как солнечный день — не просто лишь добраться до нее.

«Итак, догадаться о том, чем будем заниматься, Эрвин не мог. Значит, я сам подсказал ему наши планы. Каким образом они стали ведомы Эрвину? Ни с кем на Меркурии я ими не делился, во время встречи с Эрвином о них не думал. А Эрвин безошибочно их описал. Снова возвращаемся к отвергнутой телепатии. Я ведь думал о работе, только не в больнице, а в гостинице и при осмотре лаборатории. Гостиницу оставим в стороне, несущественность, отрывочные мысли. А лаборатория интереснее, там я понял окончательно, что с конструкцией плазмодода нужно распрощаться. Осматривая поврежденное оборудование, я думал о дальнейших планах. Пищу для прорицаний Эрвина могли дать только те размышления. Что-то донесло их до Эрвина».

Рой остановился у окна. За окном уходили к горизонту дикие кусты термоэлектрических кустов. Рой смотрел на них и не видел их. Он снова ходил — мысленно — по лаборатории, осматривал полусожженную конденсаторную печь, место, где стоял сейф с архивными материалами, клал ладонь на лучевой конденсатор, брал в руки электрическую бритву, выслушивал путанные объяснения Хонды, морщился от его вскриков... «Да, все верно, именно тогда, никому этого не высказывая, я размышлял о том, что надо доделывать изобретение Ивана Томсона, и с печалью подумал, что золотая медаль Томсона украсит грудь Генриха и мою, и в этом будет и скорбь, и справедливость, ибо нам бесконечно дорога память о погибшем друге и мы сделаем все, чтобы достойно завершить его открытие. И стоя у холодильника с бритвой в руке, я увидел в окне холм, гранитную скалу, единственное местечко, не

утыканное термоэлектродами, и грустно вообразил себе, что сделаю то, что хотел сделать Иван, — свободно войду в гранитную глыбу с одной стороны, свободно выйду из нее с другой!»

Рой засмеялся, снова зашагал по комнате. Вот откуда ваши непостижимые озарения, Эрвин Кузьменко! Это, конечно, много сложнее обыденной телепатии, тут Стоковский, пожалуй, прав — если говорить о смысле загадочного явления. И куда примитивнее, если посмотреть на средства, какими оно достигалось. Вы раскрыты, Эрвин Кузьменко! Найдете ли оправдания? Погибший Карл Ванин — барьер, которого не преодолеть никакими хитрыми, никакими лживыми оправданиями!

Рой послал вызов Стоковскому.

— Друг Клавдий, — сказал он возникшему на экране главному инженеру, — я хочу еще раз посетить лабораторию Карла Ванина. Может быть, вы с Анадыриным и Хондой тоже туда придете?

Трое руководителей завода встретили Роя у лаборатории. Рой прошел к холодильнику и вынул бритву.

— Вот вам разгадка многих ваших тайн, — сказал он. — Этим аппаратом можно, конечно, и побриться. Эрвин не раз демонстрировал и такую его функцию. Но функцию камуфлирующую, а не основную. Перед вами приемник и дешифратор ваших мыслей. С его помощью Эрвин узнавал, над чем вы размышляете, и пользовался своим воровским знанием, чтобы удивить вас и поиздеваться над вами. Больше он этого делать не будет. Дайте отвертку.

Рой развинтил крышку бритвы. На стол посыпались освобожденные детали. Одну из них Рой сунул в карман, беспорядочную кучку других положил обратно в холодильник.

— Вы нам, конечно, расскажете, как дошли до истинной роли этого замороженного приборчика, — сказал Хонда. — Признаться, всех удивляло, почему Эрвин держит его в холодильнике, место для бритвы неподходящее. Но даже подумать о том, что вы открыли!..

— По-вашему, все загадки разъяснены с находкой дешифратора чужих мыслей? — спросил Стоковский, проницательно глядя на Роя.

— Нет, конечно! Тысячи непонятностей остаются. Ну, хотя бы, зачем держать дешифратор в холодильнике, а не в ящике стола, не носить в кармане, это ведь удобнее? Каким образом Кузьменко узнает расшифрованные мысли — вероятно, существует специальный приемник, с которым Эрвин не расстанется даже в больни-

це? И зачем вообще сконструирован дешифратор? Но все эти второстепенные загадки бледнеют перед основной, отнюдь еще не просветленной!

— Что вы подразумеваете, Рой?

— Почему Эрвин всех ненавидит? — нахмурился Рой. — Я испытал это на себе. Он возненавидел меня с первого взгляда, даже до того как кинул на меня первый взгляд. Что вызвало такое отношение к людям? Вот, по-моему, главная тайна — но я раскрою и этот секрет, обещаю вам.

5

Врач сказал, что сегодня больному лучше, ограничения на продолжительность посещения снимаются, если, разумеется, Рой не станет этим злоупотреблять. Рой заверил, что злоупотреблений не будет, и вошел в палату. Эрвин скосил хмурые глаза и не ответил на приветствие. Рой спокойно положил на столик вынутую из бритвы деталь и уселся у кровати. Эрвин усмехнулся. Улыбка признавала вину и поражение. В ней было больше горечи, чем злости. Он как бы оправдывался улыбкой, а не издевался ею, как прежде. И холодное возмущение, не отпускавшее Роя со вчерашнего дня, стало смягчаться. Рой был чувствителен к улыбкам, он не раз говорил брату: «Генрих, улыбка — визитная карточка души, у плохого человека не будет хорошей улыбки, у таких только гримасы: усмешки и ухмылки». Вчера на лице Эрвина была такая гримаса — злобная усмешка, язвительная ухмылка.

— Дознались, — сказал он тихо.

— Догадался, — поправил Рой. — И это было не так трудно, как, возможно, вам представлялось. Идея, в сущности, примитивная, ее обсуждали когда-то в научных кругах. Но исполнение — мастерское, не отрицаю. Еще никто не создавал такого хитрого аппарата-шпиона. Говорят, ваш шеф был великим экспериментатором. Его золотые руки не участвовали в изготовлении приборчика?

— Карл своими золотыми руками проломил бы мне голову, если бы узнал, чем я занимаюсь, когда остаюсь один. И для него это было бы лучше. Да и для вас тоже: он остался бы жив, а вы получили свои твердые конденсаторы энергии.

— Его гибель и этот ваш механический телепат связаны какой-то общей связью?

— Я убил Карла, — спокойно сказал Эрвин. — И намеревался убить себя, помешали ворвавшиеся в лабораторию люди. Прибор,

который вы назвали механическим телепатом, имел к происшествию непосредственное отношение. — Он приподнялся и внимательно посмотрел на Роя. — Вы растеряны, Рой Васильев, физик и сыщик? Вы ведь явились сюда принуждать меня к тяжким признаниям. Я признаюсь без принуждения в убийстве своего руководителя. Почему же вы молчите? Продолжайте задавать уличающие вопросы. Начнем классическую борьбу преступника и стража законности. Ведите свое очередное удачное дознание. Уверю, Рой, вас ждет успех.

Все было, казалось бы, как Рой заранее представлял себе: он припрет Эрвина к стене неотвержаемыми фактами, обезоружит неопровергаемой логикой, Эрвину некуда будет деться, он признается — никаких непредвиденностей. Была одна непредвиденность — отчаяние, зазвучавшее в таком спокойном внешне голосе человека, лежавшего на постели. Отчаяния Рой не ждал, не таков был его вчерашний собеседник, чтобы подозревать у него что-либо похожее. С тем, вчерашним, надо было бороться, отражать его враждебность, его ненависть. Этого, сегодняшнего, хотелось пожалеть. Рою нужно было время, чтобы хоть немного привыкнуть к новому облику Эрвина Кузьменко.

— Жду ваших вопросов, следовательно, — с горечью повторил Эрвин. — Может быть, помочь? Вероятно, вы захотите узнать, зачем мне вообще понадобилось изобретать этот дьявольский приборчик?

— Да, мне хотелось бы это знать, — сказал Рой. Эрвин прикрыл глаза, помолчал, выстраивая мысли, потом заговорил. Рой слушал, изредка врывался репликами в речь, снова молчал, снова слушал. Эрвин сказал, что идет дознание, он будет отвечать на уличающие вопросы — классическая борьба преступника со стражем законности. Не было такой борьбы, да и дознания не было, была исповедь — Эрвин раскрывал душу. И Рой молчаливо удивлялся, сочувствовал, сострадал, негодовал, возмущался: сколько же лишних мук вносил в свою жизнь Эрвин, скольким ненужным страданиям подвергал себя!

Он начал с того, что еще в университете у него открылся странный талант: он легко усваивал чужие идеи и быстро совершенствовал их. Эту особенность впервые обнаружил в Эрвине профессор химии. Профессор на курсовом экзамене рассердился: «Коллега, вы перевираете все, что прочитали в учебнике!» Эрвин обиделся: «Ничего не перевираю, проверьте сами!» Профессор взял учебник, стал проверять, тогда и выяснилось, что

Эрвин передает прочитанные факты и методы со своими поправками и что поправки улучшают, а не путают то, о чем он читал. Раздражение профессора сменилось восторгом: «Коллега, вы гений усовершенствований!» И он предложил Кузьменко поработать вместе над улучшением некоторых химических процессов, у профессора есть парочка замечательных идей, только никак до реализации не доходит. Эрвин без труда нашел путь их реализации, идеи профессора, точно, были из числа незаурядных, профессор ликовал: «Коллега, теперь меня выберут в академики, вам обеспечена ученая степень по ядерно-лучевой химии, чего еще желать, не правда ли?» Все совершилось по профессорскому хотению: он стал академиком, Эрвину присвоили ученую степень. Профессор мечтал о дальнейшей плодотворной работе со своим бывшим студентом, Эрвин постарался поскорей распрощаться с ним: тот хотел из любой своей работы извлечь пользу для себя, не только для науки, его честолюбие стало непереносимо. Эрвину предложили перебраться на Меркурий, он согласился. Он вырвался из лаборатории профессора, как из духоты на чистый воздух. Теперь он поработает для науки, не для своекорыстной выгоды — так ему тогда воображалось.

На Меркурии он определился к Карлу Ванину, тот начинал разработку твердых конденсаторов энергии. С жидкими конденсаторами в других лабораториях шло отлично, то одна, то другая извещали о выпуске своих моделей. У Карла не получалось. Карл нервничал. Карл ворчал: «Насытили цистерну энергоемкими веществами, вот и вся проблема. У меня каждый молекулярный слой на пластинке должен таить в себе больше энергии, чем эшелон с углем, тут есть над чем поломать голову». И он ломал голову так, что временами ощупывал ее руками — не распухла ли? — а все выдавливаемые решения не давали эффекта. Карл, уставая от неудач, подбадривал себя хвастовством: «Есть один проектик, доработаю — весь Меркурий удивится». Никто не умел так точно, так всесторонне, так глубоко провести лабораторный опыт, испытание, точное измерение, недаром его считали мастером эксперимента, он и был таким. Но это все была работа руками, инженерные расчеты, конструктивное оформление готовых проектов. А на идеи его не хватало. И даже не то чтобы не хватало, они непрерывно рождались в его мозгу, но он был лишен того, чем в избытке обладал Эрвин — способностью превратить туманную мысль в осуществимый проект. И, ревнивый к своим идеям, он не желал ими делиться. «Что мое, то мое, — твердил он, — вот доведу мыслишку

до блеска, всех потрясу! А пока не торопись, делай свое маленькое дело!» Эрвин делал свое маленькое дело. Карл хватался то за одну, то за другую из своих «мыслишек», ничего толком не разъяснял, никаких ясных заданий не выдавал — три четверти дня Эрвин скучал, притворяясь, что трудится. И вот тогда ему и явилась мысль самому доведаться, какие идеи обуревают руководителя лаборатории. В это время работники завода проходили энцефалопаспортизацию — у каждого перепроверялось мозговое излучение: на Меркурии часты патологические изменения, вызванные усталостью мозга, их надо своевременно обнаруживать и посылать захворавших на Землю. Эрвин быстро установил, что не только само мозговое излучение может легко записываться аппаратурой, имевшейся в их лаборатории, такие записи давно известны, — но и мысли, вызвавшие излучение, поддаются расшифровке. Он сконструировал приемник и дешифратор собственных мыслей, эта первая модель удовлетворительно наносила на пленку, о чем Эрвин думает, он слушал себя словно дважды: размышляя и потом — как бы со стороны — выслушивая свои размышления. При комнатной температуре иногда возникали шумы, записанная мысль не всегда отчетливо пробивалась сквозь фоновую неразбериху.

— Вот для чего вы морозили дешифратор, — догадался Рой.

Эрвин кивнул. В холодильник он поместил последний вариант дешифратора, придав ему вид бритвы. Борода на Меркурии растет раз в пять быстрее, чем на Земле, вероятно, виновата дьявольская радиация Солнца, — кто хочет щеголять гладкими щеками, должен бриться два или три раза в день. Правда, некоторых удивляло, почему Эрвин хранит бритву в холодильнике, но к этому привыкли, у каждого свои чудачества: Эрвин объяснял, что ему приятно, когда кожи касается холод. Чтобы узнать, о чем думает собеседник, достаточно было вынуть бритву, подкрутить регулятор резкости, сделать вид, что бреешься, — и все, что в ту минуту рождалось в голове, записывалось.

— Вам не казалось, что проникновение в чужие мысли равноценно подслушиванию чужих разговоров? — не удержался Рой.

— Я признался в убийстве Карла Ванина, Рой, это хуже выведывания чужих мыслей, — огрызнулся Эрвин.

Он помолчал, снова заговорил. Итак, прибор был настроен на мысли Карла. И тут полезла такая дрянь, что Эрвин рассердился на себя за никчемное изобретение. В мозгу Карла толклись тыся-

чи разнокалиберных мыслей — сущая каша, к тому же неудобоваримая. То он вспоминал, что жмет ботинок; то мысленно сетовал, что болит живот, надо бы кое-куда сбегать, но лучше подождать, может, пройдет; то вдруг вспыхивала ослепительная идея перевести лучевой генератор на сверхжесткое излучение, оно одно способно энергоемко трамбовать молекулярные слои пластинок; тут же возникала мысль, не прожжет ли сверхжесткое излучение саму пластинку, и ослепительная идея — именно ее потом и доработал Эрвин — тускнела и погасала; и снова все забывали пустые мысли о каких-то отчетах, докладах, встречах, еде, питье, одежде, наградах, выговорах... Невероятно густо трудились мозговые полушария Карла Ванина, но пустячным трудом: девять десятых всех мыслей годились лишь на то, чтобы тут же отбросить их как шелуху. Эрвин уже готовился разбить дешифратор, но нашел иное решение: встроить в приборчик сепаратор важного и неважного, некий фильтр, пропускавший только мысли большого накала, высокого энергетического потенциала. Теперь мыслительная малоценка отсеивалась, дешифровывались лишь мысли крупные, мысли важные, мысли повышенной затраты мозговой энергии.

И сразу же обнаружилось, что только два класса мыслей обладают у Ванина высоким энергетическим потенциалом: попытки внести что-то новое в свою работу и стремление извлечь личную выгоду из лабораторных удач. И мысли второго класса забывали мысли класса первого: второсортные замыслы перешумливали первоклассные идеи.

Как только у Карла появлялась стоящая мысль о том, как дальше вести эксперимент, тут же разворачивался мыслительный бал, какая-то праздничная вакханалия преждевременного торжества — Карл упивался, как все будут поражены его успехом, как он вознесется над всеми, какие хорошие слова скажут Анадырин и Стоковский, как Михаил Хонда будет внешне радоваться, а про себя досадовать, что ему такая удача не выпала, и какие прекрасные телеграммы пришлет президент Академии Боячек, и какую гордость почувствует оставшаяся с детьми на Земле жена Екатерина, когда узнает об успехе мужа... И вся эта мыслительная толкотня и трепотня полностью заглушала сверкнувшую хорошую идею — вот почему ни одной из них Карл не мог додумать до конца, ни одной не был способен довести до конструктивного оформления...

— И когда я доработал сам одну из его сверкнувших и погасших идей, — рассказывал усталым голосом Эрвин, — Карл

безмерно удивился, но, конечно, ничего не понял: «Вы знаете, я сам думал о чем-то похожем. Как хорошо, что мы с вами приходим к одним и тем же мыслям. Но у вас разработано куда детальнее, можно прямо приступить к осуществлению, поздравляю вас, Эрвин». Я не удержался от насмешки: «Теперь вы получите академическую награду, сам Боячек поздравит вас, Карл, с научным достижением». Посмотрели бы вы, как он покраснел. Будто пойман на преступлении! Он забормотал, что работает не для славы и наград, ради науки, ради пользы людей и всякое такое. Но я-то знал его тайные мысли, я молча стерпел его лицемерие и только выразительно посмотрел. Он не выдержал: «Вы словно презираете меня, Эрвин, что это значит?» Я не мог объяснить ему, что это значит, но именно в тот момент начал ненавидеть его, вот что это значило. Он был недостойным лицемером, мне все труднее становилось проводить дни с человеком, у которого так двойственна личность.

— Вы могли перестать пользоваться дешифратором — и раздвоение личности вашего руководителя перестало бы вас раздражать, Эрвин.

— Я не мог этого сделать, мы продолжали трудное исследование, без непрерывно возникающих идей, переделок и усовершенствований оно не шло. Идеи генерировал Карл, и с каждой следующей они были все туманнее. Я превращал их в осуществимые, выдирая из хаоса фантазий здоровое семечко реальности и выращивал из семени дерево, так это всего лучше назвать. И все сильнее ненавидел этого честолобца. Мне скоро стала противна и работа, которую мы вели.

— Вам скоро стали отвратительны и все сотрудники энергозавода, с которыми приходилось встречаться. Возвратись вы с вашим приборчиком на Землю, вы вскоре возненавидели бы все человечество.

Да, именно так, Эрвин не опровергал обвинений. Он лежал, отвернувшись от Роя, уставя глаза в потолок, тихо говорил — не оправдывал себя, не скрывал проступков, не утаивал сомнений и мук. Собственно, он потому и надумал шпионить за мыслями других, что счел уникальной двуликость Карла Ванина. Остальные — люди как люди, никаких предосудительных стремлений за ширмой добропорядочности, дешифратор покажет это убедительно, так говорил он себе. А что получилось? Никакой исключительностью Карл не обладал, точно такими были и другие. У всех честолобие, себялюбие, властолюбие шло на том же энер-

гетическом уровне, что и творческое начало. Фильтр отсекал все мелочное, вторичное, случайное, а тщеславия с себялюбием не мог отсесть, это было коренное, на эти свойства натуры тратилось не меньше мозговой энергии, чем на научные усилия, а ведь это все люди выдающиеся, крупные специалисты, незаурядные характеры — иных на Меркурий и не посылают. И таких людей любить? Уважать их? Доброжелательствовать им? Не будет ли это формой того же двуличия? Не превратится ли в примирение со скверной?

— И вы стали показывать окружающим, что они вам отвратительны? И они благодушно терпели такое непостижимое для них отношение?

Эрвин усмехнулся с хмурой иронией.

— Благодушия не было. Но вы забываете, как сложились обстоятельства. Я ведь не издеваться приходил, я приносил ценные предложения, мне были благодарны за них — и никто не догадывался, что это его собственные идеи, только доведенные до завершения. А я посмеивался: вот вы думали, ничего не выдумали, а все так просто, получайте и пользуйтесь. Я унижал тем, что благодетельствовал, без облагодетельствования не было бы и унижения. И поверьте, после каждой моей неожиданной помощи у людей на время пропадало самовосхищение. Другой сделал то, чего не смогли они: это впечатляло каждого.

— Расскажите, как погиб Карл Ванин.

— Что еще рассказывать: погиб — и все тут. Я же не отрицаю убийства — разве не достаточно?

— Убийство убийству рознь. Хочу знать подробности.

— Подробности? Ладно, пусть подробности. В тот день мне хотелось лезть на стену. Бывают состояния, когда бить себя кулаками по лицу — успокаивает. Вот такой выдался денек: от любого слова душу воротит. А Карл вдруг впал в экстаз и уже не мысленно, а вслух расписывает, как удалась работа, как нас вознесут за технические находки. Я вытащил аппарат — в мыслях та же восторженная бормотня, только гуще. В общем, я крикнул Карлу: «Убирайтесь от печи, я сейчас ее сожгу!» Он стал белым, весь задрожал, руку протянул: «Эрвин, опомнись, Эрвин, прошу тебя!» Я навел лучевой генератор на корпус печи. А Карл не ко мне бросился, а к печи — и попал под луч. Что еще сказать? Отчаянье было такое, что сам кинулся под луч. А в это время — люди. Не знаю, как я выключил генератор, а не успел бы — и вбежавшим пришлось бы худо. Помню, что на мне тушили пламя, сам я срывал

с себя одежду... Вот и все вам подробности. Какой вы сделаете вывод из моих признаний?

— Что вы идиот, Эрвин! Вы мнили себя проникательным, все знающим обо всех, проникшим в тайное тайных каждого человека — таким вас рисовало ваше тщеславное воображение. А были идиотом: нарушили элементарные законы морали и получили искаженную картину поведения людей. Ну, может быть, не идиотом, идиотизм — болезнь, а вы не больны. Глупцом, наивным глупцом, так точнее! Глупцом, неспособным понять людей, даже когда под рукой прибор для инструментального шпионажа за мыслями, — и главным образом потому, что имелся такой преступный, все искажающий в людях прибор. Я не буду говорить об ответственности за действия, наказания — не моя область, этим займутся другие. Я оцениваю ваш характер, вашу житейскую философию — и вот мой вердикт: глупец!

Эрвин явно ожидал другой оценки. И его, вероятно, меньше удивили бы обвинения в преступности, угрозы жестокого наказания — он предвидел их. Но то, что сказал Рой, было неожиданно и, наверно, обиднее, чем обещания кары. Обида отчетливо прозвучала в дрогнувшем голосе Эрвина:

— Вы беретесь доказать, что я глупец, Рой?

— Докажу! — пообещал Рой. — Убедительно докажу, Эрвин Кузьменко, человек, пожелавший стать самым проникательным в мире и превратившийся в тупого, ограниченного, полуслеплого глупца. Снова повторяю, это объективная, хладнокровная, квалифицированная оценка вашего поведения, а не запальчивость ругани. Слушайте меня внимательно и старайтесь поменьше прерывать, даже если будет трудно молчать.

6

Впоследствии, уже на Земле, Рой рассказывал Генриху, какие сложные чувства одолевали его во время последней беседы с Эрвином. Сильней всего было негодование, но была и жалость. «Я помнил, — говорил он брату, — что моральное падение Эрвина началось с того, что его потрясло тщеславие профессора химии, не скрывавшего, что научные успехи помогут ему пройти в академии. Видимо, Эрвин был лопухом, воображавшим, что люди вроде дистиллированной воды, что в их душах никакие примеси не мутят сплошную прозрачность. В конечном итоге, он возненавидел людей за то, что они не ангелы. Он стал делать зло из

добрых побуждений — пытался по-своему исправить недостатки природы. Впрочем, и дорога в ад вымощена благими намерениями — истина, выстраданная человечеством и потому неопровержимая. Мне было порой бесконечно жаль этого наивного, не очень умного, запутавшегося парня». Эрвину Рой описывал свое отношение несколько по-иному.

— Одна из главных ваших ошибок, Эрвин, была в том, что вы пристроили к своему преступному приборчику фильтр, отсекающий все мысли и чувства невысокого энергетического уровня, как вы их квалифицируете. Вы вообразили, что избавляетесь от помех, от шума, забивающего остроту главных мыслей и переживаний. Но реально вы избавились от фона, на котором только и возникают эти высокие мысли и переживания, а фон чувств и мыслей — то же, что тон в музыке. Вы ведь учили, что тон создает музыку? Вы улавливали отдельные громкие звуки, но музыка исчезла: картина мыслей и чувств людей неузнаваемо искажалась. Я приведу такой пример, чтобы вам стало яснее. Вы не раз пролетали над Землей, не раз любовались прекрасными пейзажами, картиной рек, лугов, лесов, городов, гор. Теперь вообразите, что вы подлетаете к Земле, когда ее затянуло туманом высотой с полкилометра. Что вы увидите тогда? Унылую площадь синеватой мглы и над ней пики отдельных гор, вершины особо высоких небоскребов. Будет ли такая картина Земли правдивым ее изображением?

— Пример — не доказательство, — желчно возразил Эрвин. — Удивительно, что вы забыли об этой прописи логики.

— Подождите. Я приведу и прямое доказательство. В лаборатории я вынул из холодильника бритву, повертел ее в руках, и приборчик донес до вас, лежавшего вот на этой кровати, не окрашенную эмоциями суть мыслей: что доработкой изобретения Томсона мы с братом поставим памятник погибшему другу, что нас наградят недавно утвержденной медалью Томсона, что я пройду сквозь такую гору, как та, что увиделась в окне, и Арман с Робертом будут надежно страховать меня, никакие гравитационные толчки, погубившие Томсона, мне отныне не страшны... Я правильно излагаю информацию о моих мыслях? Вы соглашаетесь, вы не можете не согласиться! Но теперь посмотрите на другое. Приборчик не донес до вас фона — тех чувств, которые были чуть ниже энергетического потенциала самих мыслей и через фильтр не прошли. Вы не узнали о печали, с какой я думал о Томсоне, о радости, что дело его не погибнет, как погиб он, что для нас с

братом будет великим утешением довершить его изобретение, что медаль, какую мы получим, станет наградой его гению, славой его творению и что, пройдя сквозь гранит горы, я с гордостью скажу: «Возможность этого придумал Томсон, вот на что он был способен». Все эти человеческие, все эти добрые, грустные мысли приборчик отсек, вы получили мои рассуждения без фона, скелет, а не живое тело чувств. Что же вы сделали тогда? Вы сами добавили недостающий фон. Вы присочинили мне тщеславие, себялюбие, вы заставили меня не с грустью, а с упоением мечтать, как я совершу то, чего Томсон не сумел, как в глазах всех, и в своих глазах особенно, буду выше, буду глубже, буду талантливей гениального Ивана Томсона. Вы оболгали меня, Эрвин, вы чудовищно исказили мой характер. И возненавидели меня — не того Роя Васильева, который сидит у вашей кровати, нет, другого Роя, несуществующего, карикатуру на меня, какую сами придумали. Возненавидели за карикатурность, за несоответствие реальности, короче — за вами же придуманную ложь обо мне.

— Вы хотите сказать, что так было со всеми людьми, чьи мысли мне стали открыты? — глухо спросил Эрвин. Щеки его посерели; в глазах было смятение. Слова Роя падали как глыбы: он не был забронирован от силы доказательств. И приборчика, коварно все искажавшего, больше не существовало: истина представлялась в суровой подлинности.

— Да! — гневно сказал Рой. — Вы всех искажали, лгали на всех. Все люди представляли перед вами в кривом зеркале. И ваша ненависть к ним за то, что они столь кривы, была, в сущности, ненавистью к самому себе, сделавшему их кривыми. Вот кого вы должны презирать, кого ненавидеть — себя. Ибо вы — главный виновник того, что люди виделись вам мелкими и порочными. Но это еще не все, я только подхожу к главной вашей ошибке.

Жалкая гримаса исказила все больше бледневшее лицо больного.

— Еще ошибки?

— Эрвин! Ошибки ваши к одной не свести, их много. Наберитесь терпения, я буду говорить об очень сложных понятиях. Я называл вас наивным, но в том, что вы искажали людей, присутствует не наивность, а злонамеренность, скверный характер. Теперь послушайте и о наивности. Вы почему-то вообразили, что люди — автоматы, заряженные программой одних высоких стремлений. Но люди есть люди, им свойственно все, что принято назы-

вать человеческим. Один философ назвал свою книгу «Человеческое, слишком человеческое». Под словами «слишком человеческое» он подразумевал: «плохое человеческое». Что же, существуют и плохие чувства: себялюбие, эгоизм, неумеренное честолюбие, властолюбие и прочее — много таких чувств, у одних людей одни, у других другие, у одних сильнее, у других слабее. Люди — не ангелы, ни один не таскает на спине крылышек. Но в наше с вами время, Эрвин Кузьменко, ни один человек не позволит скверным мыслям и чувствам стать главным двигателем своих действий. Они подавляются, им не позволяют проникнуть наружу. Люди стыдятся их, как дурного запаха. Вы бросили в лицо Карлу Ванину, что он стремится к академическим наградам. Вы сами сказали: Карл покраснел, словно вы поймали его на преступлении. И стал уверять, что это не так. Вы выкрали из его мозга мысль о награде, а он отрекся от нее, как от плохого поступка. Вам это ничего не говорит, Эрвин? А ведь это значит, что люди не позволяют мелким, обывательским мыслям, всяческому мусору своей мыслительной работы, всяким отходам своих чувствований вознестись до роли главенствующих... Вы совершили отвратительный поступок, Эрвин. Вы изобрели аппарат не для узнавания человеческой природы и подлинного стимула человеческих действий, нет, аппарат для ворошения грязного белья, для проникновения в отхожие места. Кто же вы такой сами, Эрвин Кузьменко? Все, к чему прикасается ваша рука, приобретает мерзкий запах гнилья...

— Перестаньте! — попросил больной. — Я больше не могу вас слушать, не могу, не могу! — крупные слезы катились по его желтым щекам.

И снова Рой почувствовал жалость к человеку, которого так беспощадно казнил правдой о нем. Рой остановил себя: зачем добивать уже поверженного?

— Я ухажу, Эрвин. Не знаю, как сложится ваша дальнейшая жизнь. Думаю, вам следует рассчитывать на доброту людей. Впрочем, это ваше дело, не хочу ничего предсказывать.

— Уберите эту штуку, — сказал больной, показывая на принесенную Роем деталь дешифратора. — Мне стыдно глядеть на нее...

В гостинице Рой вызвал Стоковского.

— Друг Клавдий, обеспечьте мне место в ближайшем планетоете на Землю. И выбросьте в помойку остатки дешифратора мыслей, изобретенного Эрвином. Это его собственное желание.

ОГОНЬ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА В ТЕБЕ

I

Создателем индивидуальной музыки общепризнан Михаил Потапов. На концерте Потапова — он состоялся первого мая 2427 года по старому летосчислению — изумленное человечество познакомилось с новой и такой ныне популярной формой музыкального самозвучания (Потапов, как известно, употреблял термин «музыкальное самопознание»). Но не стоит думать, что новая форма музыки появилась сразу, как Афродита из морской пены. У великого творения Потапова есть не только история, повествующая о том, как оно заполонило в короткий срок умы и чувства, но и предыстория — и, к сожалению, трагическая.

Недавно разбирали архив известных физиков прошлого века — братьев Генриха и Роя Васильевых. Среди прочих документов нашли в нем и материалы, которые бросают свет на истоки индивидуальной музыки. Материалы эти будут опубликованы в сорок седьмом круге пленок «Классики науки», а здесь мы воспроизведем лишь речь Роя на собрании членов Общества классической музыки. Речь эта никогда не передавалась в эфир и не печаталась на официальных пленках общества. Возможно, это объясняется тем, что классическая музыка, сегодня снова имеющая массу поклонников, в те годы была почти полностью позабыта и собрания ее немногочисленных адептов не привлекали к себе широкого внимания.

Ниже дан сохранившийся текст речи; начало, к сожалению, утрачено.

«...Это произошло незадолго перед последней болезнью Генриха. Он уже прихварывал: ранения, полученные при загадочной аварии звездолета на Марсе, — тайна, впоследствии им же с та-

ким блеском распутанная, — были залечены, но не преодолены. Внешне Генрих оставался бодрым, красивым, быстрым, но я уже смутно догадывался, куда идет дело, и в один нехороший день — я потом объясню, почему он нехорош, — силой вытащил брата из лаборатории.

— Ты дурак, Генрих, — сказал я. — А я скотина. Не спорь со мной. Я не терплю преувеличений и если говорю, то объективную истину.

— Я не спорю, — возразил он кротко. — Но я хотел бы знать, что тебе от меня надо?

— Сейчас мы выйдем наружу. И будем ходить по городу. И погуляем в парке. А возможно, слетаем на авиетках к морю и покувыркаемся на волне. И если мы этого не сделаем, я буду чувствовать себя уже не скотиной, равнодушно взирающей, как брат неразумно губит себя, а прямым убийцей.

Он с минуту колебался. Он глядел на приборы с грустью, словно расставался с ними надолго. Мы в это время исследовали записи второго механика звездолета “Скорпион”, единственного человека, оставшегося в живых после посадки галактического корабля на планетку Аид в системе Веги. Загадок была масса, многие не разъяснены и поныне, а тогда все казалось чудовищно темным.

Генриху не хотелось бросать эту работу ради прогулок, мне тоже не хотелось, но это было необходимо, так ослабел Генрих. И я бы за шиворот оттащил его от приборов, если бы он не уступил.

Но он покорился, и мы вышли за город. Я не буду описывать прогулку. Самым важным в ней, как вскоре выяснилось, было то, что, на общую нашу беду, мы повстречали в парке Альберта Си-магина.

Он несся по пустынной аллее, словно запущенный из пращи камень. У него был полубезумный вид, рот перекосялся, он молчаливо, без слез, плакал на бегу. Генрих остановил Альберта. Генрих дружил с ним еще в школе. Мне же в Альберте не нравилась несдержанность, слишком громкий голос, глаза тоже были нехороши: я не люблю хмурых глаз.

— Откуда и куда? — добродушно спросил Генрих. Я особо подчеркиваю добродушие тона, с Альбертом Генрих всегда разговаривал только так. Я и сейчас не понимаю, чем этот шальной фантазер привлекал Генриха.

Альберт закричал, будто о несчастье:

— Из музея! Откуда же еще?

— Зачем же бежать из музея?

Как вы понимаете, это спрашивал Генрих, а не я. Я лишь молча рассматривал Альберта.

— Ничего ты не понимаешь! — произнес Альберт яростно. — Просто удивительно, как некоторые люди бестолковы!

— Объясни — пойму.

Объяснением путаную, шумную речь Альберта можно было назвать лишь условно.

Я понял одно: в музее Альберт рассматривал четверку несущихся коней — недавно законченную картину Степана Рунга, не то “Фазтон на взлете”, не то “Тачанки в походе”, названия не помню.

Лихие лошадиные копыта сразили Альберта. Он ошалел от облика коней, его истерзала экспрессия бега, опьянила музыка напрягшихся мускулов — именно такими словами он описал свое состояние. Картина ему звучала, он не так видел, как слышал ее. Он сказал: “Трагическая симфония скачки”. С этого и начался его спор с Генрихом. Генрих удивился:

— Вещь Степана я знаю, во мне она вызывает иные ассоциации. И если уж оперировать музыкальными терминами, то я бы сказал, что картина звучит весело, а не трагически.

— Чепуха! — прогремел Альберт. Черноволосый, лохматый, с очень темным лицом, с очень быстро меняющимся выражением диких глаз, то вспыхивающих, то погасающих, — он всегда казался мне малость свихнувшимся. Колокольню гремевший голос Альберта меня раздражал, и я опасался, что разговор взволнует Генриха, а ему было вредно волноваться. Генрих, правда, улыбался, а не сердился. — Ты примитивен! Ты не понимаешь главного: каждый слышит в картинах свою собственную музыку.

— Ты отрицаешь объективную реальность?..

— Я не отрицаю, я утверждаю. Отрицают люди, не умеющие создавать. Я создатель. Я утверждаю, что там, где тебе послышится хохот, для меня раздастся плач.

— Но это и есть отрицание объективной всеобщности восприятия.

— Вздор! Это есть утверждение объективной всеобщности своеобразия. Ты проходишь мимо тысяч женщин равнодушно, а одна потрясает тебя — та самая, мимо которой равнодушно прошли все твои товарищи. Она зазвучала тебе, а другие не зазвучали. А если бы прав был ты, то все парни влюблялись бы в одних и тех же женщин, в тех, в которых больше объективных женских

совершенств. Но ты ищешь в женщине свою музыку, а не глухие объективные добродетели.

— Странный переход от картины в музей к женщинам!

— Нормальный. Живопись — музыка красок, а любовь — музыка чувств и поступков.

— Короче, все звучит?

— Все звучит! Все музыкально: вещи и дела, слова и чувства. И каждый человек воспринимает мир по-своему — музыка мира у каждого своя. Для тебя скачка коней на картине Рунга — веселая пляска, для меня — мрачный реквием.

Генрих радовался диковинам. Он лукаво поглядел на меня.

— Выходит, я слышу в Пятой симфонии Бетховена шаги судьбы, а ты, Рой, драку у кабака.

— Не говори о Бетховене! — зарычал Альберт. — Древние мастера писали принудительную музыку. Они бесцеремонно навязывали слушателям созданные ими мелодии. Я же толкую о свободной музыке, которая звучит в твоей душе вот от этой тучи, этого солнца, этой зелени, этих домов, этих прохожих, от самого тебя, наконец, хотя, сказать честно, ты не очень хорошо звучишь!

Запальчивость Альберта все больше веселила Генриха. В ту минуту и я порадовался, что он с увлечением спорит, я и догадаться не мог, к чему приведет этот странный спор.

— Как жаль, что твоя индивидуальная музыка — нечто абстрактное, ни на каком инструменте не услышать.

— Опять врешь! Такой инструмент есть! Я его сконструировал сам. Он записывает музыку моего восприятия. Я бежал из музея, чтобы не потерять ни одной ноты из зазвучавшей во мне мучительной симфонии бега. Встреча с тобой спутала гармонию инструментов моей души: вместо симфонии получается какофония. Идите оба к чертям! До нескорого свидания!

Генрих помахал ему рукой, я сказал:

— До свиданья, Альберт! — И это были единственные слова, произнесенные мною за все время встречи.

2

А на другой день мы узнали, что Альберт умер. И еще оказалось, что мы были последними, кого он видел перед смертью, это засвидетельствовал он сам, прокричав роботу-швейцару: «Повстречал Роя и Генриха! Вот же бестия Генрих, он жутко меня расстроил дурацкими сомнениями, но теперь я ему покажу, теперь я

ему покажу!” После этого он заперся в кабинете, откуда слышались непонятные звуки, тоже запечатленные на пленке швейцара, а часа через два наступило молчание. Робот воспринял молчание как сон, но это была смерть.

Утром Генриха и меня вызвали в квартиру Альберта.

Альберт лежал на полу около исчезнувшего силового дивана — очевидно, скатился в агонии, так и не успев ни крикнуть о помощи, ни выключить интерьерное поле. Я часто видел мертвых и на Земле, и в космосе, в последние годы мне с Генрихом приходилось распутывать загадки многих непонятных смертей, но такого странного трупа мы еще не видели. Тело Альберта свела жестокая судорога, и руки, и ноги были столь невозможно выкручены, что, казалось, это невысказанно совершить, не ломая костей, но кости были целы, так установила медицинская экспертиза.

Первое, что бросалось в глаза, был этот ужасный облик тела, молчаливо кричавший о безмерном страдании. И вот тут начинается странное: на лице Альберта закованно выражение счастья, он радовался своей гибели, он ликовал, он восхищался — такое у меня создалось впечатление; и чувство, возникшее у Генриха, было таким же. И вторая странность: тело почернело — Альберт словно бы обгорел.

Я с минуту стоял около трупа, потом отошел. Мне было страшно глядеть на Альберта. Я не дружил с этим человеком, как Генрих, но неожиданная его гибель была так ужасна, что разрывалось сердце.

— У тебя трясутся губы, Рой, — сказал Генрих. Он еле держался на ногах от волнения. — Мне кажется, тебе плохо.

— Не хуже, чем тебе, — возразил я, сияясь улыбнуться. — На тебе тоже лица нет. Смерть — это смерть, ничего не попишешь.

В комнате уже были следственные врачи. Я обратился к ним:

— Что случилось с Альбертом?

Один из врачей ответил:

— Похоже на отравление каким-то ядом, вызывающим губительное повышение температуры. Ожоги на теле, судя по всему, произошли от внутреннего огня. Точно узнаем на вскрытии, а пока скажу: в моей практике еще не было столь загадочной смерти.

— В моей тоже, — сказал я.

Генрих молчал и осматривался. Не помню случая, чтобы Генрих сразу высказал свое мнение в трудных ситуациях: ему предвзвешенно надо было посмотреть сто вещей, продумать сто мыслей, прежде чем он решится выговорить одну фразу.

В комнате стоял незнакомый аппарат, и вокруг него стал кружить Генрих, после того как справился с первым волнением. Труп отнесли в морг. Я отвечал и за себя, и за Генриха на вопросы следователей-врачей, сам задавал им вопросы — на три четверти их они ответить не смогли, — потом поинтересовался, что обнаружил Генрих. Ничего важного он не открыл. Аппарат был усилителем электрических потенциалов, довольно сложное сооружение, но для чего он предназначен и как действует, понять из осмотра было непросто, а отпечатанной схемы ни на приборе, ни в комнате мы не нашли.

— По-моему, эта штука связана с работой мозга, — проговорил наконец Генрих. — Вот эти гибкие зажимы накладываются на руки, эти — на шею...

— А эти проглатываются, — хмуро сострил я, показывая на два шара, похожие и величиной, и цветом на апельсины. — Закуска неудобоваримая, что, впрочем, Альберт доказал своей трагической гибелью.

Так мы еще некоторое время перебрасывались словами, а потом на стереозкране зажглась картина вскрытия трупа, и мы, не выходя из комнаты Альберта, стали свидетелями того, что происходило в морге. Вывод прозектора был таков: Альберт скончался от ожога, охватившего все его тело. Это был редчайший случай внутреннего самовозгорания, гибель от пламени, промчавшегося по нервам, бурно закипевшего в артериях и венах, безжалостно обуглившего кости и мышцы. Один из медиков сказал, что в древние времена насковзь проспиртованные алкоголики, у которых в крови было больше спирта, чем кровяных шариков, вот так же воспламенялись, когда к ним подносили спичку. Другой возразил, что Альберт алкоголиком не был и горячей спички к нему не подносили. Этот врач считал, что Симагин погиб от электрического тока: если на тело наложить электроды, подвести напряжение в несколько тысяч вольт, то сквозь ткани промчится ток такой силы, что порожденная им теплота изнутри убьет человека. Третий медик заметил, что электрической казни Альберта не подвергали, а сам он не смог бы выбрать подобный вид самоубийства, ибо у него не было высоковольтной аппаратуры. Этот рассудительный врач собственного суждения о причинах смерти Альберта не имел.

Я попросил следователя, вместе с нами наблюдавшего стереокартину вскрытия:

— Разрешите нам остаться в квартире Симагима. Мы хотели бы на месте трагедии поразмыслить о ее причинах.

Он ответил, по-моему, с большим облегчением:

— О, пожалуйста! Мы будем признательны, если вы прольете свет на загадку этой смерти.

3

— Ну? — сказал Генрих, когда мы остались одни. — Не сомневаюсь, что у тебя уже готова версия драмы, и настолько невероятная, что только она одна справедлива. Ибо ты не раз говорил, что загадки только потому и загадки, что в основе их лежат редкие причины, а мы, чаще всего, ищем тривиальностей. Или не так?

Он шутил с усилием, у него было грустное лицо. Вы понимаете, что и мне было не легче. Но я поддержал его иронический тон, чтобы не дать расходиться нервам. Меня все больше беспокоило состояние Генриха. Мы, в свое время, раскрыли тайну гибели Редлиха, были свидетелями трагической кончины Андрея Корытина, очень близкого нам человека. Все это были грустные истории, наш успех в распутывании тех тайн не доставил радости ни Генриху, ни мне. Но еще ни разу я не видел Генриха таким подавленным. Теперь я знаю, что он уже был болен, но тогда еще не понимал этого, сверхмудрые медицинские машины тоже не обнаружили проницательности. Одно я представлял себе с отчетливостью: Альберта уже не воскресишь, нужно, чтобы рана, нанесенная его гибелью Генриху, не оказалась для брата непосильной тяжестью.

— Искал, конечно, невероятного, но в голову лезут одни тривиальности, — сказал я.

— Ладно. Объяви свою тривиальность, если на невероятное стал неспособен.

Все было в традициях наших обычных разговоров. Генрих часто издевался над моим методом работы, хотя все важные идеи, принесшие этому методу известность, принадлежали ему, а не мне. Он был такой: сперва насмехался, потом загорался. И в тот день, начиная рассуждение, я не сомневался, что где-то в середине он, увлекаясь, прервет меня и продолжит сам — и гораздо лучше продолжит, чем мог бы сделать я.

— Альберта сжег внутренний пламень, — сказал я. — Так установили медики. Остается раскрыть, что породило гибельный огонь. Алкоголь отпадает, электрический разряд тоже. Тем не менее, был какой-то физический агент, породивший испепеляющий свет.

— Иначе говоря, смерть произошла не чудом. С таким пронизательным выводом можно согласиться.

Я спокойно продолжал:

— Итак, глубинное потрясение. Что могло потрясти Альберта? Он умер через несколько часов после встречи с нами. Робот свидетельствует, что, раздраженный твоими возражениями, Альберт собирался тебе что-то доказать. И оно, это пока непонятное нам “что-то”, его доконало.

— Значит, я — косвенная причина его непонятной смерти?

— Не ты, а то, чем он собирался побить тебя в споре. Какой-то неопровержимый аргумент против тебя, который он разыскал, — вот что погубило его.

— Постой, постой! — проговорил Генрих. Брошенная мной и неясная мне самому, признаюсь честно, мысль уже превращалась у него во все озаряющую идею. Так бывало и раньше, так было и в тот раз. — Давай вспомним, о чем мы спорили с Альбертом. Я утверждал, что музыку великих композиторов все люди воспринимают, в общем, одинаково, а он возражал. Говорил, что у каждого в душе творится своя особая музыка и что при помощи такой индивидуальной музыки люди познают мир. “Все звучит: вещи, слова, чувства” — разве не так он сказал?

— Именно так. Но чем он мог опровергнуть тебя? Я говорю об этом: “Теперь я ему покажу!”

— Только одним: показать физически, что различные вещи и события создают в его психике музыку. Он сказал, что картина Рунга звучит ему трагической симфонией, неким мрачным реквиемом. Я был бы опровергнут, если бы ему удалось записать эту симфонию, и не просто записать — как нечто им сотворенное, так работают все композиторы, но и показать, что каждая нота порождена картиной, он лишь звучащий инструмент, а не творец.

— Итак, Альберта сожгла музыка, порожденная картиной Рунга. А накал ее вызван страстным желанием убедить тебя, что мелодия вещей реально существует. Но как и где зазвучала убийственная музыка?

Генрих быстро-быстро заходил по комнате. Он всегда молчаливо, возбужденно бегал взад и вперед, когда его озаряла новая идея.

— Вот он, убийца Альберта! — сказал Генрих и показал на аппарат, возвышавшийся посреди комнаты.

4

Мне тот аппарат тоже показался подозрительным, но утверждать, что в нем корень несчастья, я бы не решился. Ни одно из моих сомнений Генрих не опроверг. Он умоляюще поднял руки:

— Не требуй от меня слишком многого! Я еще не нашел, а ищу. Это пока голая идея.

— Любые идеи, голые и одетые, надо доказывать. Лишь диспетчерам, объявляющим посадку в планетолеты, верят на слово.

Мы опять с осторожностью осмотрели аппарат. Он не кусался, но и яснее не стал. В нем таились, по крайней мере, две загадки: непонятно было, для чего он, и еще темнее — как он действует. Генрих стоял на своем: в аппарате материализовалась музыка, испепелившая беднягу Альберта. И до самой кончины несчастный не понимал, что гибнет, вот отчего на лице его окаменело выражение счастья, когда тело перекутила судорога паралича.

— Я приду к тебе на помощь, — сказал я Генриху. — Я знаю, где источник питания таинственного аппарата. Если в нем творилась музыка души Альберта, то питался он жизненной энергией его тела. Не надо искать подключений к внешним энергетическим станциям. Это аппарат-вампир, высасывающий тело, чтобы усладить душу.

Генрих задумчиво смотрел на гибкие провода с зажимами на концах; от аппарата шло пять таких проводов.

— Это можно проверить, Рой. Если я закреплю зажимы на своих руках, ногах и на шее...

— Ты некрепишь их, Генрих. Ты меня часто раздражаешь, это верно, но погибнуть на моих глазах я тебе не разрешу.

— Если это будет на твоих глазах, я не погибну. И ты должен понять, что иного способа проверки не существует.

Тут я приближаюсь к самому трудному пункту моего рассказа. Как я осмелился поставить такой опасный эксперимент на человеке с расстроенным здоровьем, к тому же на моем брате? Ответить на этот вопрос сейчас, после известных событий, непросто, тем более, что я хочу объяснить факты, а не оправдываться.

В продиктованной мной большой биографии Генриха, где я подробно рассказывал о наших совместных работах, я уже отмечал, что Генрих бывал невыносимо упрям. Он мог кричать и упрашивать, был то мучительно молчалив, то еще мучительней красноречив, умел находить такие неожиданные аргументы, что

парировались они лишь с трудом, если их вообще удавалось парировать. Об этой особенности его характера часто забывают историки наших работ, но я не мог с ней не считаться.

Но главное было все-таки не в этом. С упрямством Генриха я бы как-нибудь справился, противопоставив ему собственное упрямство.

Была и другая причина, почему я согласился, и очень важная причина, смею вас уверить! Вначале мы ставили опыты над собою попеременно, даже чаще подопытным бывал я, с детства у меня здоровье крепче. Ничего хорошего из этого не вышло. Генриху не хватало хладнокровия, чтобы руководить рискованными опытами. Он то увлекался экспериментом и забывал обо мне, то, пугаясь моего состояния, раньше времени обрывал опыт. В своей выдержке я был уверен больше. Но вы вскоре убедитесь, что если в общем это правильно, то в том конкретном случае я переоценил себя, и это едва не породило новую трагедию.

— Согласен, но ставлю жесткие условия, — объявил я. — Первое: мы раньше обследуем этот прибор в нашей лаборатории, и, пока не получим его подробной схемы, никаких экспериментов не будет. Второе: если в этом дьявольском сооружении творится музыка, то ее должен воспринимать не ты один, но, по крайней мере, и второй слушатель — я. Стало быть, раньше разработаем приставку, делающую явными неслышные внутренние звуки, потом начнем вызывать их к жизни, или, вернее, к смерти, ибо звуки эти — убийцы. И последнее: чтобы установить, насколько музыкальна продукция этого треклятого аппарата, мы пригласим на испытание еще двух человек — толкового медика и настоящего музыканта, умеющего и воспроизводить музыку, и критически в ней разбираться.

— Медика ты найдешь легко, — сказал Генрих, усмехаясь. — Но отыщешь ли столь разностороннего музыканта?

— Уже отыскал. И могу тебя заверить — парень что надо!

5

Так в нашей компании появился Михаил Потапов.

Мы с ним вместе учились в школе. В детстве Михаил был медлительным, молчаливым увальнем. Я не могу сказать, чтоб его тогда увлекала музыка. Его ничто по-настоящему не увлекало, а если увлечения нарождались, то они долгие годы созревали в

латентном состоянии, внешних плодов созревания никто не видел. Он был в те годы до серости неприметен. А вскоре после школы он вдруг прославился как создатель своеобразной музыки, неровной и непонятной, временами вызывающей боль, а не наслаждение. Она ввергала слушателей в транс. “Гипнотическая симфония” — так он сам назвал одно из своих произведений. Не сомневаюсь, что все эти факты вам, знатокам классических мелодий, — их сейчас многие обругивают “принудительными”, по несчастному словечку Альберта, получившему столь широкое распространение, — вам, повторяю, эти общеизвестные истины знакомы куда лучше, чем мне.

Итак, в нашей лаборатории, в то утро, когда мы возились со звучащей приставкой к аппарату Альберта, возник Михаил Потапов.

Он вошел без стука, не поздоровался, не проговорил ни слова, только хмуро и молча огляделся. Генрих его не знал, он ведь был на семь лет моложе нас с Михаилом, но догадался, кто пришел.

— Ага, это вы! — сказал Генрих приветливо.

— Да, я, — ответил Потапов и, посмотрев в мою сторону, деловито моргнул. Моргание и раньше заменяло у него кивок головой.

Я вызвал интерьерное поле и усадил гостя в кресло. Михаил всегда сидел охотнее, чем ходил, к тому же ходить в нашей заставленной механизмами лаборатории было неудобно. Он сидел и молча смотрел на меня. Он не любил говорить. Он говорил так, словно его рот набит камнями. В древности один оратор закладывал за щеку камня, чтобы речь звучала ясней. Михаил на того оратора не походил.

— Ты уже слышал о загадочной смерти Альберта Симагина, — сказал я. Он опять моргнул. — Но ты, вероятно, не знаешь, что, отличный инженер, Альберт увлекся музыкой — не старинной и даже не твоей, а какой-то особой, отвергающей и опровергающей всех до него существовавших композиторов.

Потапов шевельнулся в кресле и промямлил:

— Моя музыка самая современная. Она неопровержима и неотвергаема.

— Всех вас! — повторил я. Мне захотелось его позлить. — Он утверждал, что вы своевольно навязываете слушателям свои звучания, насильственно порождаете желаемые вами эмоции. Он обругал вашу музыку принудительной. Он стремился создать музыку вольную, исполняемую для всех одновременно, но для каждого слушателя — свою.

— Интересно, — пробормотал Михаил. Глаза его оставались тусклыми. Пробить этого человека было нелегко. Он подумал и добавил: — Даже очень интересно. — Он еще подумал. — А результат?

— Альберт погиб, вот результат. А теперь сиди и смотри. Мы с Генрихом подготавливаем к испытанию созданный Альбертом аппарат, у каждого творящий свою музыку.

Потапов сидел, смотрел и молчал, временами закрывал глаза, и тогда казалось, что он засыпает, но через минуту-другую медленно приподнимал веки, снова всматривался в нашу работу, взгляд его становился понемногу осмысленным, на серых щеках забрезжил румянец. Мы с Генрихом переговаривались. Собственно, говорил я, Генрих откликался. Думаю; однако, из нашего отрывистого разговора любой мог уяснить себе, к чему мы готовимся, а Михаил тупицей, конечно, не был.

Через некоторое время он заволновался.

— Рой, — пробормотал он, — у меня мысль. Я хочу вместо Генриха.

— Если это мысль, то неудачная. Испытание опасно. Генрих опытный экспериментатор, чего нельзя сказать о тебе.

— Моя мысль не в этом, Рой. Я не ищу этого... опасностей. Я хочу проверить, как понимал музыку Альберт.

— Мы этого тоже хотим. И сейчас будем проверять. А ты по-прежнему молчи и слушай. Скоро музыка, вызванная к жизни Альбертом, зазвучит в твоих ушах. И твоя задача эксперта — сказать, стоит ли она чего.

После этого уже ни словом, ни движением он не прерывал подготовки к эксперименту. В лаборатории появился медик с ассистентами. Руки, ноги и шею Генриха сковали зажимы от аппарата, другие провода и теледатчики сигнализировали о состоянии жизненных параметров, а музыкальная приставка готова была усладить наш слух любыми мелодиями, рождавшимися в мозгу Генриха.

— Начинай, — сказал Генрих, и я включил аппарат. Минуты две мы ничего не слышали. Генрих лежал с закрытыми глазами и о чем-то думал. Мы обалдело таращили глаза один на другого. Лицо Михаила стало апатичным. Могу поклясться, что в эти первые две минуты он забыл и о нас, и о нашем эксперименте — вероятно, творил свои путанные симфонии. А затем музыка Генриха зазвучала в приставке, усилители доносили ее до наших ушей, аппарат же Альберта словно ожил, в нем засверкали глазки и

сигнализаторы, разноцветные вспышки озаряли его изнутри. Объективности ради должен признаться, что вначале я больше следил за аппаратом, чем вслушивался, но вскоре музыка захватила меня всего, и, кроме нее, уже, казалось, ничего не было ни во мне, ни вокруг.

После моего доклада вы сами услышите музыку Генриха, поэтому не буду ее описывать, тем более — я не музыкант и обязательно в чем-нибудь да совру. Скажу лишь, что за всю свою жизнь я не слыхал другой мелодии столь красивой и столь печальной. Не знаю, какие инструменты могли порождать этот гармоничный плач, нечеловечески прекрасный, нечеловечески терзающий душу плач. Он доносился отовсюду, исторгался из меня и во мне, все вокруг пленительно рыдало. Я просто не могу подобрать другого эпитета, кроме вот этого: «пленительный», он единственно точный, и я был пленен, я тоже молчаливо рыдал в такт этому плачу, это была уже не мелодия Генриха, а терзаемая душа всего мира, и она рыдала во мне, со мной, рыдала всем мною!

Чувство, захватившее меня, повторялось у каждого слушателя, все мы как ошалелые, как бы внезапно ослепнув, уже не видели ни друг друга, ни Генриха, и всем в себе отдавались магии тоскующих звуков.

Вдруг я очнулся. Не знаю, как удалось прорваться сквозь коварную сеть полонящей мелодии, но я пришел в себя и увидел, что Генрих почти бездыханен и кривые на самописцах, фиксирующих жизненные параметры, все до единой катятся вниз.

— Доктор, он умирает! — заорал я и кинулся сдирать с Генриха зажимы.

Медик, охнув, выключил аппарат. Его ассистенты суетились вокруг Генриха. Кто облучал его из живительных радиационных пистолетов, кто делал инъекции, кто прикладывал к щекам и ко лбу примочки, кто из индукционных аппаратов пронизывал нервы электрическими разрядами. Прошло минут пять, прежде чем Генрих открыл глаза. Мы подняли его и поставили, он не удержался на ногах. Мы опять положили его на диван, опять энергично обстреливали, примачивали, вводили растворы, терзали электрическими потенциалами.

— Что с тобой? Скажи, что с тобой? — спрашивал я. Он, наконец, откликнулся — бессвязно, на полуслове останавливался, повторялся. Даже после страшной аварии на Марсе, даже после отравления диковинным мхом, когда мы с ним открыли обще-

ственное радиационное кси-поле, он не был так ослаблен. Он объяснил, что, ожидая музыки, вспомнил Альбину и захотел опять разобраться в тайне ее гибели, но, как и раньше, ничего достоверного не установил, и его охватило отчаяние, что она умерла такой молодой, а он не сумел ей помочь и даже не понимает причин ее смерти.

Рассказ Генриха прервало громкое рыдание Михаила. Композитор скрючился на диване и заливался слезами. Я подумал было, что и ему плохо от порожденных Генрихом мелодий, но Михаил с раздражением отмахнулся от меня.

— Вы не понимаете! Вы не способны понять! — лепетал он. — Самый страшный тупица — я! В мире еще не существовало человека бесталаннее меня! Был только один гений, только один — Альберт, теперь я знаю это!

— Обстреляйте его успокаивающими лучами! — приказал я медику. — А если ваши средства не помогут, я надаю этому болвану оплеух! — Нервы у меня сдали, я и в самом деле мог полететь в драку.

Михаил вскочил. Глаза его иступленно горели. Даже не верилось, что это те сонные зенки, какими он обычно озирает мир.

— Альберт был величайшим гением, но и он ошибался! Он ошибался, я не ошибусь! Я сотворю то, что ему не удалось!

И, продолжая что-то кричать на бегу, он ринулся вон.

6

Только через несколько дней мы с точностью установили, что вырвали Генриха из тенет смерти, буквально в последний момент. Еще две-три минуты такой убийственной музыки — и он был бы испепелен. Это не словесная фиоритура, а беспощадный факт: болезнь, поразившая Генриха, больше всего напоминала внутренний ожог. И лечили его, как мне сотню раз объясняли медики, и знаменитые, и обыкновенные — они стадами паслись у постели Генриха, — от ординарного ожога внутренних тканей. Я сказал “ординарный ожог” и печально усмеяюсь: вероятно, во всей истории медицины не было болезни удивительней той, что погубила Альберта и едва не прикончила Генриха. Я приведу лишь один факт, чтобы вам стала понятна серьезность события: за час музыкального сеанса Генрих похудел на семь килограммов, так велик был отток энергии из тела.

В эти суматошливые дни борьбы Генриха с хворью я позабыл о Михаиле, он тоже не давал знать о себе, даже не поинтересовался здоровьем Генриха. Он словно бы не ушел, а бежал — и боялся снова с нами соприкоснуться.

Он появился недели через две. Генрих уже вставал на короткое время, он хотел побольше ходить, но медики сомневались, полезно ли это ему, и я не давал. Я, как вы понимаете, и работал, и ночевал в комнате Генриха, и если выходил из нее, то ненадолго.

— Жив? — приветствовал я Михаила. — А мы думали, тебя взяла нелегкая.

Он понял “нелегкая” в смысле “нелегкая музыка” и торжествующе засиял:

— Мелодия губительная, но я превратил ее в свою противоположность. Расскажите, как вы объясняете изобретение Альберта? Я посмотрел на Генриха. Он прошептал:

— Говори ты.

Мы с Генрихом много размышляли о происшествии, я высказал не свое, а общее мнение. Я начал с того, что человек и вправду, познает окружающее и себя не одним разумом, но и эмоциями, и среди них немаловажно музыкальное восприятие. Вещи мира не только видятся, не только осязаются, не только пахнут, но и звучат. Каждому предмету мира, каждой комбинации их соответствует в психике человека особое музыкальное звучание. Древние греки говорили о “гармонии сфер” — и они не были такими уж дураками. Один поэт некогда писал:

И все звучит. На камсьь иль траву
Ступасшь, как на клавиши рояля.
И прислонясь к стволу, росу роняя
На звезды, облепившис листву,
Звучишь и сам.

Обратное тоже верно — каждому психическому состоянию человека соответствует мелодия, выражающая это состояние. Разумеется, все эти звучания — симфонии внешнего мира, музыкальные ритмы психики — обычно так слабы, что составляют неопределенный шумовой фон восприятия и размышления.

Альберту удалось — и в этом сила его изобретения — гигантски усилить внутреннюю музыку человеческого познания и страстей. Но изобретение таит в себе и угрозу. Природа недаром скрыла музыку чувств и мыслей в микрозвучании, растворила ее в шумо-

вом фоне. Альберт распахнул зловеший ящик Пандоры, скрывавший страсти души. И в своем натуральном виде эмоции почти всесильны, под их действием люди гnevаются, рыдают, тоскуют, впадают в неистовство, бесятся, сходят с ума. Тысячекратно же музыкально увеличенные, они убивают. Любое ощущение, крохотное и неприметное, усилитель Альберта делает великим чувством. Человек не способен вынести ни великое горе, ни великую радость, человек гармоничен, такова его природа — все чрезмерное губительно для человека. И сам Альберт, испытывая свой аппарат, был сожжен гигантским наслаждением и, уже умирая, не понимал, что гибнет, а не наслаждается. И Генриха едва не испепелила вечно тлеющая в нем печаль об Альбине, когда печаль из обычного чувства выросла в обжигающе громадную. И чтобы больше не повторялись такие трагедии, мы теперь постараемся наглухо закрыть грозное открытие Альберта Симагина...

— Нет! — закричал Михаил. — Вы этого не сделаете! Я не позволю!

— Не позволишь? Между прочим, мы пригласили тебя в качестве музыкального эксперта, а не на роль верховного судии. Улавливаешь разницу?

— Выслушайте меня! — попросил он. — Только об одном прошу: выслушайте меня спокойно. Не надо так волноваться.

— Волнуешься ты, а не мы. Говори. Обещаю слушать без усиления эмоций.

Он говорил путано и торопливо, воспроизвести его бессвязную речь в ее буквальности я не сумею. Он соглашался с нами: гениальный аппарат Альберта — он так его и назвал — безмерно усиливает звучания, уже существующие в психике, они и впрямь становятся опасными. Защищать усилитель Альберта в его сегодняшнем варианте он не намерен. Но Симагин совершил великое открытие, об этом надо твердить, об этом надо кричать: окружение порождает в человеке музыку, в эти внешние звучания впе­таются мелодии психики — удивительная, но, к сожалению, почти неслышная симфония творится в душе каждого человека, индивидуальная его музыка, музыка его восприятия, его мыслей, его чувств, не навязанная волей композитора. Он, Михаил, намерен эту музыку сделать явной, не усиливая страсти души, а гармонизируя их. Душа неизменно алчет не умножения того, что уже есть в ней, а противопоставления. Если человек яростен, то все в нем жаждет умирения, если он горюет — радости, если буйно весел — тишины.

— Гасить страсти? — сказал я. — Так, что ли? На огонь лить воду, под лед подводить пламень?

— Не так! — запротестовал он. — Не гасить, а гармонизировать, неужели вы не понимаете? Совмещать противоположности, свет отчеркивать тенью. Полная, совершенная гармония — и особая для каждого человека!

— В идее звучит неплохо. А как в осуществлении?

— Уже осуществлено! — объявил он торжественно. — Я написал изумительную вещь, никто еще до меня... С принудительной музыкой отныне покончено, только та, что создается самим слушателем... Называется "Твоя собственная симфония". Публичный концерт — через месяц, первого мая.

— Придем, — пообещал я. — К тому времени Генрих поправится. А пока извини, разговор затянулся.

— Пожалуйста, — поспешно сказал Михаил, но не ушел. Лицо у него стало жалким.

Генрих удивленно взглянул на меня. Всю беседу он промолчал, это с ним случалось. Но если собеседником он бывал не отменным, то слушателем — образцовым. Я нетерпеливо сказал:

— Говорю тебе, мы придем. Что еще?

— Без вашей помощи концерт не состоится, — промямлил Михаил. — Дело в том, что... Мне нужен аппарат Альберта. Я его немного переделаю... Знакомые конструкторы обещали... Понимаешь?

Я обернулся к Генриху. Генрих засмеялся.

— Отдай, — сказал он с облегчением. — И пусть он покрепче переделывает эту чертову машину. Сказать по совести, я боюсь смотреть на нее.

7

О первом концерте индивидуальной музыки мне говорить нечего, он у всех вас в памяти.

И вы, конечно, помните речь, произнесенную Потаповым перед концертом. Я лишь добавлю, что Генрих смеялся, а я удивлялся. Михаил держался заправским оратором. Он так развязно нападал на музыку прошлых веков, что уже это одно покорило молодых буянов, начинающих утверждение своей личности со словечка "нет", обращенного на все и на всех. Тогда впервые публично и прозвучал изобретенный Альбертом термин "принудительная

музыка", отныне столь обычный, что уже не замечают его ругательной природы. Зато общепринятое сегодня название "индивидуальная музыка" Михаил употребил всего раз или два; он напирал на формулировки "свободная музыка" и "музыкальное самопознание".

Что до самого концерта, то меня смешило, что в зале собралось почти двадцать тысяч человек и все молчат и чего-то ждут, а ничего не происходит: оркестра нет, наушники тоже отсутствуют и только на сцене возвышается небольшой деревянный ящик — переделанный аппарат Альберта. Во мне индивидуальная музыка всегда звучит слабо, я, вероятно, воспринимаю мир не музыкально, а рационально. Михаил не раз сетовал, что я феномен и его творения не про меня.

Но эта забавная музыка все-таки зазвучала и во мне. Я назвал ее забавной, потому что во мне она, скорее, была иронической, звуки смеялись, особенно когда я опять озирался сосредоточенно молчавший зал. Генрих же, когда концерт закончился, оказал мне со вздохом:

— Опять те же печальные мелодии! — Он увидел, что я беспокоился, и добавил: — Но не было ничего страшного, на такую музыку я мог бы ходить каждый день.

Пока мы выбирались наружу, я прислушивался к разговорам вокруг нас.

— Гигантское произведение! — говорил один, растерянно улыбаясь. — Нет, это поразительно, почти сверхъестественно! Никогда в жизни не слышал такой величественной симфонии!

— Я плакал, — признавался другой. — Я ничего не мог с собой поделать, слезы лились сами. Просто невероятно, как Потапову удалось построить такую большую вещь на вариациях одного траурного мотива, правда, нежного и красивого — этого отрицать не могу.

— Вот же было веселье! — восторгался третий. — Если бы не соседи, я пустился бы в пляс, так хороши те радостные мотивчики! А тебе они понравились? — спрашивал он свою подругу, немолодую женщину.

— Веселые? — переспросила она. — Я что-то их не услышала, — она содрогнулась. — Больше я на такие концерты не пойду. Звуки были грубы, некоторые мотивы непристойны. У меня впечатление, будто меня раздевали и освистывали. Если и слушать такую музыку, то запершись в одиночестве.

— Этот концерт нужно слушать в постели, а не в зале, — утверждал еще один. — Удивительно успокаивающая вещь, после нее хорошо заснуть.

Впрочем, я ломлюсь в открытую дверь: вы не хуже моего знаете, как действует индивидуальная музыка. И что она теперь публично не исполняется, а стала интимным занятием, совершаемым в одиночестве, по-моему, естественно. Мы с Генрихом не раз потом говорили об этом с Михаилом. Он, как вы знаете, долго боролся против переселения его индивидуальной музыки из концертных залов в спальни, он видел в этом реванш, взятый ненавистной ему классической принудительной музыкой».

ХРОНОНАВИГАТОРЫ

Часть первая

КОСМИЧЕСКИЕ ПРИШЕЛЬЦЫ

1

День, когда юный дилон Уве Ланна получил первый государственный чин Сына Конструкторов Различий, был отмечен в его личной Программе Судьбы еще двумя важными событиями. Кандидат в Сыновья Уве Ланна на рассвете животворящей звезды Гаруны Голубой, то есть в зените свирепой Гаруны Белой, явился в ратушу, чтобы предстать перед проникновенными зеркалами Отцов Экзаменаторов. И точно в этот миг ему передали приказ немедленно прибыть к Рина Ронне на собеседование. Уве Ланна, естественно, поспешил к руководителю своей недавно разработанной Программы Судьбы и даже порадовался, что экзамен на государственный чин немного отдалается.

Сын Стирателей Различий, выдающийся Брат Дешифратор Рина Ронна ожидал своего ученика в лаборатории Дешифраторов, где ему принадлежал особый кабинет. Овальную комнату, накрытую теряющимся во тьме куполом, освещало мягкое сияние стен. На Ронне была светящаяся фиолетовая мантия, она мерцала теми же красками, что и стены: сын Стирателей Различий любил подходить при беседах то к одной, то к другой стене и, подстраивая свечение мантии к светоизлучению стен, вдруг как бы пропадать на их фоне. Впрочем, это была единственная причуда — даже Конструкторы Различий не концентрировали на ней своего внимания, хотя выискивать любые отличия от обыденности входило в их государственную задачу.

Уве Ланна уперся руками в пол, вытянул на удлиняющейся шее голову и опустил ее ниже груди: у него с Рина Ронной давно

установились столь дружественные отношения, что приветствий почтительнее этих уже не требовалось. Выпрямившись, Ланна залюбовался старшим товарищем. В кругу величавых и изящных Сынов Ронна был самым величественным и изящным. Правда, продвижение по иерархии ему затрудняла молодость — всего три полных перевоплощения с одной частичной сменой личности, — зато он брал энергией и расторопностью. И он знал о своей красоте и умел высветить ее и позой, и освещением, и особенно ценным для Стирателей Различий искусством непринужденного обмена мыслями.

Сейчас он стоял посередине кабинета, высоко подняв голову на тонкой шее и почти дважды обвив свою талию левой рукой. Правую руку он вытянул навстречу входившему Ланне и, цепко ухватив ладонь ученика десятью гибкими пальцами, мягко повлек его к себе. Больше всего восхищало в Ронне — и не одного влюбленного в него Ланну — это высокое мастерство рукопожатия. Он так плавно сокращал тянущую руку, так ласково подтягивал собеседника, что даже неуклюжий дилон не оступался, подходя к Ронну.

— Сядем на хвосты, — благожелательно протелепатировал Ронна в сознание ученика. — Беседа будет долгая.

И, выпростав из мантии свой хвост, Ронна упруго свернул его на конце в опорное колечко и откинулся назад. Он любил эту непринужденную позу полусидения-полустояния на хвосте, и Ланна последовал примеру учителя, но с осторожностью: ибо и сам был грузней телом, и хвост имел не такой массивный и крепкий. Ронна продолжал транслировать ученику свои мысли.

— Две новости, Ланна. Первая: тебе разрешено перевоплотиться с полной сменой личности. Ты, конечно, понимаешь, что и неполная смена личности — столь же важное событие в жизни, как первая любовь. И даже важнее, ибо любовь возникает произвольно, объект ее часто случаен и на нее, раз уж она возникла, воздействовать трудно. А в смене личности случайность исключена, ибо ты выбираешь себя именно таким, каким захочется быть, а не таким, какой ненароком подвернется, а именно это несовершенство характерно для любви. Впрочем, все это ты знаешь сам.

Уве Ланна — хотя еще ни разу не менял личности, а любовь, испытанная им, недавно трагически прервалась, — знал, конечно, все, о чем извещал старший друг. Но его страшило перевоплощение, хотя он и понимал, что оно открывает дорогу в высшие сферы. Он не стремился к возвышению, он был доволен собой, уже

совершившимся. Он опасался, что Салана не узнает его в новом образе. Впрочем, Саланы не было, Салана похищена — и неизвестно, удастся ли ее вызволить. Все же Ланна осторожно осведомился, нельзя ли еще немного пожить в нынешнем образе.

Ронна отверг колебания ученика.

— Самое время, Ланна. Дальше медлить опасно. Разновременность в тебе угрожающе накапливается. Время, в котором функционирует мозг, уже ровно на полтора годовых оборота Гаруны Голубой опережает время твоего туловища. Неужели ты сам не чувствуешь, что перестаешь свободно командовать своими руками, своими ногами, своим хвостом? Анализаторы установили, что сытость наступает в тебе с таким запозданием, что ты способен съесть в полтора раза больше, чем нужно. И ты это часто делаешь; ты молод, но уже отяжелел. Нет, дорогой Ланна, пора, пора тебе синхронизироваться! И к тому же я не затрагиваю возможности резонансного нападения проклятых рангунов. А если они снова потрясут нашу прекрасную Дилону? Сколько уже погибло дилонов от разрыва времени в их телах, к моменту атаки наших врагов уже пораженных внутренним рассогласованием!

Все эти мысли Ронна неторопливо внедрял в сознание Ланны — и тот понял, что сопротивление бессмысленно. Ронна ласково освещал ученика оранжевым сиянием выпуклых глаз и переливчатым мерцанием мантии — свечение стен лишь дополняло лучистую убедительность облика. Рина Ронна, Сын Стирателей Различий, упруго покачивался на хвосте, его вытянутое лицо улыбалось, он обнажил все сорок зубов верхней челюсти — никто так обаятельно не приподнимал мохнатой губы, как Ронна, этим одним он располагал к себе даже противников. Негромкий визг, вырывавшийся из пасти при телепатировании, тоже придавал мыслям вескости.

Уве Ланна только попросил, чтобы новый облик не потребовал больших изменений: он не хотел бы слишком отличаться от прежнего своего образа. Рина Ронна широко распахнул рот и громко пристукнул нижней челюстью о верхнюю — знак уважительного согласия. Во всех своих поступках, даже в момент трудных споров, Рина Ронна оставался изощренно-вежливым.

— Правильное настояние, — промыслил он. — Ни один из вещей Стирателей Различий не воспротивится твоему желанию, это я тебе гарантирую как их уполномоченный и верный Сын. Задача лишь в том, чтобы синхронизировать течение времени в клетках твоего мозга, в которых оно несколько убыстрилось, с

течением времени в остальных клетках тела, в которых оно замедлилось. Ибо в твоём прекрасном сознании господствует благотворное влияние нашей великолепной Гаруны Голубой, а в остальном теле, к сожалению, пересиливает энергетическое поле Гаруны Белой. Должен признаться, что мы немного удивлены: у большинства дилонов, как свидетельствует статистика, благотворное действие Голубой звезды гораздо эффективней влияния Гаруны Белой, а у тебя наоборот.

— Разве я виноват в том? — возразил Ланна.

— Не виноват, — великодушно установил старший друг. — Это не твоя вина, а твоя беда. Как ты предпочитаешь синхронизироваться? Сменишь туловище или сознание? Я подобрал по картотеке десятков дилонов, у которых рассогласование времен противоположно твоему, то есть сознание замедлено сравнительно с физиологией. Все они нуждаются в перевоплощении. У тебя выбор: либо принять новую голову с замедленной мыслью, либо согласиться на новое тело с убыстренной физиологией.

— Я бы хотел сохранить свой мозг.

— Хвалю! Решение истинного звездопоклонника Гаруны Голубой. Теперь выбирай, кто больше нравится для перевоплощения.

На стене вспыхнули фигуры дилонов, подготовленных к перевоплощению. Уве Ланна всматривался в них с унынием — ни один ему не нравился. Он выискивал похожего на себя, но похожих не было: один отвращал несообразным носом, у другого слишком торчали уши, у третьего так щерился рот, словно он вот-вот готовился укусить, и почти у всех хвосты были либо безобразно мясисты, либо ещё более безобразно худы. Только руки у претендентов выглядели прилично, но — Ланна это хорошо знал — внешняя приличность недостаточна, ибо руки свободно должны удлиняться и сокращаться втрое, а с какой легкостью они у претендентов удлинняются и сокращаются, по рисунку не определить.

Наконец Уве Ланна ткнул пальцем в молодого дилона, показавшегося наиболее похожим на него самого. Рина Ронна одобрил выбор.

— Номер шестьдесят третий. Мат Магон. Отличный экземпляр кандидата в Конструкторы Различий. Теперь вам остается познакомиться и понравиться друг другу. Право выбора мы предоставили тебе, но и Мат Магон должен согласиться на обмен телами. Встречу организуем после экзамена. Теперь можешь идти в ратушу на экзамен.

— Ты говорил о двух важных событиях, — напомнил Ланна. — Какое же второе?

— Второе событие? Ах, да! Второе событие, собственно, касается не твоей личности, а будущей твоей профессии, если ты хорошо сдашь экзамены, в чем я, впрочем, не сомневаюсь. Итак, слушай меня, Ланна.

И Сын Стирателей Различий, Брат Дешифратор Рина Ронна поведал кандидату в Сыны Конструкторов Различий юному Уве Ланне, еще не прошедшему ни одного перевоплощения, о воистину удивительном новом происшествии в звездном мире. Из недр Вселенной вдруг вынесся неведомый материальный объект — идеально выглаженный эллипсоид. И не приблизился издалека, а сразу возник вблизи, как бы вынырнув из разверзшихся люков иного мира. И, возникнув, помчался к двойной звезде. Сперва облетел на отдалении обе Гаруны, потом унесся к Гаруне Белой и трижды описал вокруг нее очень близкое кольцо. Немедленно после этого тройного облета устремился к Гаруне Голубой и повторил такой же тройной облет на таком же приближении ко второй звезде. Вот главная, но не последняя странность!

— Это не странность, а невозможность! — мысленно воскликнул взволнованный Ланна. — Ведь переброс из прямого времени Гаруны Голубой в обратное время Гаруны Белой равносителен мгновенному уничтожению. Именно от такого разрыва своего времени и погибла та планета, осколки которой кружат возле Дилоны. Но ведь взрыва эллипсоида не произошло, я так тебя понял, Ронна?

Рина Ронна засмеялся, распахнув рот и чуть ли не до середины шеи опустив нижнюю челюсть, красиво очерченную двумя рядами голубых зубов. Рина Ронна гордился сообразительностью младшего друга.

— Для будущего Конструктора Различий — неплохо, Ланна! Ты сразу указал на главный парадокс. Да, последовательно облетел обе Гаруны — и так близко от каждой, что могучее поле времени обеих звезд не могло не пронизать его. И если допустить, что собственное время космического незнакомца полностью совпадало с хронополем Гаруны Белой и потому в первом полете никакого внешнего эффекта не наблюдалось, то переброс в хронополе Гаруны Голубой должен был вызвать мгновенную аннигиляцию — ты абсолютно прав. Но катастрофы не произошло: незнакомец трижды обогнул голубую звезду — и только отразил на своих зеркальных боках ее спектр. Фантастично до физической недопустимости!

Но факт, приходится это принять. Какой сделаем вывод из реальности невозможного явления?

— Не могу сообразить, — признался смущенный Ланна.

— Что же, ты специализируешься на Конструктора Различий — анализ возможности невозможного даже хорошему Различнику не всегда доступен. Но нам, Стирателям Различий, приходится решать и не такие парадоксы. Наш вывод таков: таинственный незнакомец обладает собственной хронозащитой. Он умеет парировать возмущения хронополей. Резкие повороты физического времени лишь обтекают, а не проникают в него. В общем, ни хроновороты, ни хроноциклоны на него не действуют. В нашем мире не существует объектов с такой совершенной нейтрализацией полей времени, но кто гарантирует, что в иных звездных мирах физические законы такие же, как у нас? Незнакомец, — судя по всему, пришелец из других миров.

Логика рассуждений Рина Ронны была убедительна, но Уве Ланна запротестовал. Как? Существовать во времени и быть защищенным от его скачков? Спокойно нестись то в прямом, то в обратном хронополе, хотя каждый объект может двигаться либо только вперед, в будущее, либо только назад, в прошлое? Никто и ничто не перемещается одновременно и в прошлое, и в будущее — его мигом разнесет на атомы! И вот Рина Ронна, крупнейший Стиратель Различий, хладнокровно утверждает, что именно этим немислимым свойством — сразу шествовать и вперед, и назад — характеризуется пришелец из иных миров!

— И это еще не все, Уве Ланна, — продолжал Стиратель Различий. — Незнакомец, прочертив два тройных кольца вокруг обеих Гарун, изменил направление полета. Он не собирается обречь себя на вечное спутничество в системе двойной звезды. Он легко преодолел притяжение обеих Гарун, что тоже удивительно, ибо свидетельствует о его чудовищной энергетической мощи, и теперь мчится на Дилону. Он намерен опуститься на нашу планету. Вот такая ситуация, друг мой Уве Ланна.

— И ты мыслишь об этом спокойно! Опасного гостя надо отбросить от Дилоны! Пусть проваливается в бездну, из которой возник!

Ронна смеялся с мелодичным визгом, со всхлипами в горле. При смехе его оранжевые глаза задорно вспыхивали, сияние их освещало не только собственное лицо, но и лицо собеседника.

— Отбросить пришельца, легко нейтрализующего и гравитацию двух звезд, и мощь их хронополей? Даже если мы анниги-

лируем всю Дилону, у нас не хватит энергии для этого. Возможно, рангуны ударят по незнакомцу из своих резонансных орудий — у этих бессмертных бестий хватит безумия, чтобы пойти на это. Чего им бояться? Но мы смертны, нас не всегда спасают даже перевоплощения. И мы не нападаем, только защищаемся от нападений. Нет, если незнакомец опустится на нашей половине планеты, мы встретим его приветом и почетом. Еще одно важное обстоятельство, Ланна, и оно касается нас с тобой. Анализаторы уловили генерируемое незнакомцем излучение. Возможно, он посылает нам сигналы, передает какую-то информацию — и мы должны в ней разобраться.

— Рангуны тоже принимают сигналы пришельца.

— Конечно. Но вряд ли поймут их, эта задача не для их интеллекта. Так вот, Ланна, Старейшины поручили мне раскодировать сигналы незнакомца. Я попросил помощника, мой помощник — ты, Уве Ланна.

— Готов немедленно!..

— Раньше сдай экзамены на Сына Конструкторов Различий. Иди!

Уве Ланна возвращался в Ратушу без поспешности, какую показал, отправляясь в лабораторию Дешифраторов. Слишком уж необычны были известия, надо о каждом поразмыслить. Он начал с предстоящего перевоплощения, чтобы уже потом переходить к другим новостям. Перевоплощение — операция неприятная, но без нее не обойтись, если не хочешь преждевременной гибели от разрыва времени в теле. К тому же ему повезло, Рина Ронна избавил его от полной смены личности, а сколько по Дилоне слоняется несчастных, многократно терявших самих себя! Ланна припомнил прекрасную фигуру Мат Магона, с которым предстоит поменяться телами, и повеселел. Мат Магон, пожалуй, даже красивее, чем Уве Ланна. Светлая голова Уве в сочетании с совершенным телом Магона — это же отличнейшая комбинация! Салане, когда она отыщется, понравится его новый образ. И Мат Магону не будет резона уклоняться от обмена телами — он получит, правда, фигуру похуже, зато с добротным течением внутреннего времени и так идеально синхронизирует голову и тело, как вряд ли сумел бы с дилонами покрасивей.

Закончив на этой бодрой мысли размышление о предстоящем перевоплощении, Уве Ланна собрался сосредоточиться на второй новости — появлении в их звездных окрестностях объекта, столь удивительно нарушающего законы материального мира.

Но воспоминание о Салане порвало цепь размышлений. Уве Ланна увидел подругу, как если бы она шла рядом с ним: почти одного с ним роста, только гибче и тоньше, прекрасные руки дважды обвивают талию — она любит так шествовать, вся как бы спеленутая собственными руками. А на плечи вздымается хвост, и кончик его изящной лентой окольцовывает шею. Его, Уве, порой охватывал испуг, не удушит ли она себя этой лентой. Салане нравились опасения друга, она признавалась: «Самое приятное в тебе, Ланна, что ты так заботишься обо мне. Рядом с тобой я как в бронированном подвале, экранирующем от резонансных атак мерзких рангунов». Нет, не удалось ему позаботиться о подруге в единственную грозную минуту ее жизни. Где она? Что с ней? Жива или погибла? Неужели эта разлука уже навеки?

Воспоминание о Салане так разволновало Уве Ланну, что он не сумел сосредоточиться на новости о пришельце из иных миров. Он со стыдом вспомнил, что неумение сконцентрироваться на нужной мысли — тяжкий интеллектуальный проступок и что никогда раньше за ним не числилось таких прегрешений. Он испугался за себя. Все дилоны, встречавшиеся ему по дороге в ратушу, могли воспринять его мозговую эманацию. И тогда они поймут, что он проваливается на простейшей интеллектуальной операции. И когда? Перед экзаменом на чин Сына Конструкторов Различий! А кому не известно, что первой обязанностью любого Различника является способность всем в себе концентрироваться на нужной мысли?

По улице к Ратуше двигалось много дилонов. Кто просто шел, кто торопливо обгонял других, кто даже бежал, а кто-то неспешно шествовал, опустив голову — полностью отдаваясь неотложному размышлению. Вокруг Ланны вспыхивали фиолетовые, красные, зеленые мантии, метались сокращаемые и удлиняемые при ходьбе руки, по-парадному распушивались и деловито сжимались хвосты. Кто-то на ходу взвизгивал, звучно сопровождая своей мысли, кто-то хрипло рычал. А вверху мягко сияла нежная Гаруна Голубая, сменившая в зеленоватом небе двинувшуюся на закат Гаруну Белую. День переходил в сумерки — обычный день столицы, точно такой был вчера и такой должен быть завтра.

Впоследствии, вспоминая то впечатление обычности дня, юный Ланна, всегда гордившийся своей проницательностью, запоздало удивлялся, до чего непророческим было его понимание обстановки. Ибо день, когда он, встревоженный новостями, шагал на эк-

замен, воистину был последним днем обычности на прекрасной планете Дилоне.

Только встреча со Старейшиной Старейшин, с великим Стирателем Различий Гуннарар Гунной разительно выпала из обычности. Когда Уве Ланна приблизился к Ратуше, у входа опустился летательный шар Старейшин, из шара первыми выбрались два охранника, за ними и сам Вещий Старец.

Ланна поспешно отошел в сторонку, чтобы не помешать Верховному Стирателю Различий прошествовать в Ратушу. То же сделали и другие дилоны, подходившие к правительственному зданию. Великий Гуннар Гунна прошел, ни на кого не глядя, никому не отвечая на приветствия, ни с кем не перекинувшись одной-двумя глубокими мыслями. Соскользнувшая с зенита Гаруна Голубая светила на высочайшего мыслителя страны, он не мог не радоваться ее ласковому сиянию, а он не радовался, он был чем-то удручен. И такая печаль была на его широком лице, что у Ланны пронзило болью сердце.

2

Уве Ланне достаточно было одного взгляда на Рина Ронну, чтобы понять, что у Дешифраторов дела неважны. Только высокая воспитанность не позволила Ронне сразу сконцентрировать внимание друга на собственных затруднениях. Ронна душевно поздравил Ланну со вступлением в государственную иерархию.

— Ты теперь полноправный Различник, Ланна. Я узнал в коллегии Экзаменаторов, что давно не фиксировалось столь блестящего ответа. Проникновенные зеркала не обнаружили ни одной проплешинки на плодотворном поле твоих знаний. Теперь можно приступать к перевоплощению. Синхронизация физиологии и интеллекта превращается теперь из просто желательной в срочно необходимую.

Ланна не пожелал концентрироваться на перевоплощении, это была операция неизбежная, но не захватывавшая ум. Поведение космического незнакомца гораздо больше занимало его мысли. Ронна помрачнел. Даже оранжевое сияние его выпуклых глаз приугасло, обе челюсти плотно сжались, а голова на утолтившейся шее опустилась так низко, что почти упала на плечи. Все это были признаки великого недоумения. Нет, чего-либо определенного не установлено. Пришелец вращается вокруг Дилоны, с векторной прямолинейностью направляя излучение на те места на

планете, какие находятся в этот миг под ним. Возможно, выбирает место посадки.

— Ты предполагал, что незнакомец генерирует информационные сигналы?

— Да, такое предположение было. И оно остается. В луче, ощупывающем Дилону, уловлены колебания с постоянной периодичностью. Естественно предположить, что это речь пришельца к нам. Вероятно, запрашивает разрешения на посадку — повторяющуюся группу обертонов можно расценить как некую электромагнитную просьбу. Но этого мало для расшифровки. Мы не знаем, как кодировать наш ответ. Поэтому сосредоточились на приеме сигналов — и в ответ молчим.

— И рангуны молчат, Ронна?

Ронна распахнул рот в насмешливой улыбке и широким извивом правой руки обхватил свою грудь — он любил эту красивую позу, выражающую сразу и суровое осуждение, и издевку. Рангуны не молчат. Рангуны беснуются. Они окатывают незнакомца пучками волн. Они сами не знают, чего хотят. Они обращаются к пришельцу на своем языке, которого тот, разумеется, не знает. Рангуны не умеют сосредоточиться, они действуют, а не мыслят. И хотя командует их передачами пленный дилон, наш бывший друг Кун Канна, они не дают ему передавать пристойно. И что же они генерируют гостю из иных миров? Вот передача во время его первого облета их стороны планеты: «Кто ты? Чего тебе надо?» Вторая: «Добро пожаловать! Предлагаем три отличных места для посадки». Третья: «Чего слоняешься? Садись или проваливай!» И последняя, она уже трижды повторялась: «Вот пошатайся еще над нами, так жаждем из всех орудий, что разлетишься на атомы!» В общем, обычное рангунское хамство — они не изменяют себе, даже встречаясь с непостижимым явлением. Датчики передают, что по всей Рангунии объявлена боевая готовность. У больших резонаторов полные комплекты obsługi, о малых и говорить не приходится, они навешаны на каждом воине рангунов.

— Если столкновения с незнакомцем у них не произойдет, они могут обратить большие резонаторы и против нас. Ты не исключаешь такой возможности, Рина?

— От рангунов всего можно ожидать. Особенно с того дня, когда Вагута захватил верховную власть. Эта бестия ради одного любопытства способен испепелить всю Дилону. Но мы защищены надежней, чем ему хотелось бы. В конструировании хронобой-

ных аппаратов он все же далеко не продвинулся. Теперь пройдем в Обсервационный зал, посмотрим на пришельца.

Все помещения Коллегии Дешифраторов были заполнены аппаратами приема и декодирования сигналов. Одни механизмы работали автоматически, у других дежурили операторы-мыслители. Недавно и Уве Ланна сидел за одним из таких аппаратов в качестве дежурного мыслителя и по перехваченным передачам с той стороны планеты выстраивал умозаключения о намерениях рангунов. Теперь, произведенный в более высокий чин, он мог позабыть о скучном рядовом мышлении. Уже никогда ему не вдумываться в неумные высказывания Ватуты и его камарильи, не выискивать рациональный смысл в их бессвязных выкриках.

Но хоть со службой у аппаратов было покончено, Уве Ланна не мог отказать себе в удовольствии подойти то к одному, то к другому щиту с приборами, поздороваться с операторами. Он радовался встречам, радовались и ему. «Доброго настроения! Поздравляем, Ланна! Будь светел, Ланна!» — телепатировали прежние товарищи. Ронна поминутно останавливался, поджидая друга, — ему нравилась популярность у трудяг Дешифраторов нового специалиста Различника.

В Обсервационном зале во всю стену сияло звездами небо над планетой. В правом углу небосвода перемещалась Гаруна Белая — был ее рассвет, экран притушивал яростное излучение звезды, чтобы не слепило глаза. В левом углу нежно мерцала уходящая за горизонт Гаруна Голубая. Ронна сказал:

— Сейчас покажется пришелец.

Пришелец вынырнул из левого угла и помчался по экрану навстречу медленно плывущей по небосводу звезде. Он пересекал видимую половину неба вдесятеро быстрее, чем двигались обе Гаруны. Ланна впился глазами в экран. Темный, гладкий, непроницаемый эллипсоид был огромен. Такое тело свободно накрыло бы любую площадь в столице.

— Думаю, мы имеем дело с космическим кораблем из иных миров, а не с естественным телом, — высказался Ланна. — Вы не рассматривали такое предположение, Ронна?

— Рассматривали, Ланна. Много «за» и много «против».

Пробежав треть небосвода, эллипсоид вдруг остановился. Теперь он висел над планетой, а не летел вокруг нее. Он затормозил над какой-то облюбованной точкой. Планета, вращаясь, перемещала замершего в высоте незнакомца в сторону, обратную той, откуда он вынырнул. Так продолжалось некоторое время, затем эллипсоид

снова пришел в движение, но он уже не облетал планету, а падал на нее — в ту точку на Дилоне, над какой завис.

— Садится, — установил Ронна. — Информировать тебя, Ланна, что Старейшины приказали не мешать посадке, если пришелец решится на нее. Проклятые рангуны! Нет на этих дьяволов кары!

Возмущение Ронны вызвала вылетевшая из-за горизонта ракета. Сверкающая белокалильным жаром, распушив дымный шлейф, она мчалась на опускавшегося незнакомца. Ракета была запущена точно в подбрюшье массивного космического тела. Ланна в страхе прикрыл глаза. Все было безобразно ясно: рангуны не захотели пустить пришельца на территорию дилонов. Вот сейчас ракета ударит в цель, вспыхнет багровое облако пламени с дымом — и из облака посыплются осколки небесного гостя!

Ланна раскрыл глаза. Взрыва не было. Ракеты тоже не было. Пришелец продолжал опускаться. Где-то за ним, уже в отдалении, рассеивалось облачко пыли и красноватого газа.

— Какая защита! Нет, какая защита! — взволнованно повторял Ронна. Он не закрывал глаз и видел, как ракета, еще не долетев до цели, вдруг сама взорвалась и разлетелась пылью и газом. — Ланна, друг мой, неужели безумцы и теперь не угомонятся?

Из-за горизонта вынеслась уже не одна, а десяток ракет. И все, не долетев до пришельца, одновременно взорвались, образовав широкое кольцо пламени и дыма. В свободном центре этого кольца плавно опускался темный пришелец — гладкие бока мертво отражали оконтурившее их пламя. Обстрел прекратился. Рангуны, видимо, убедились, что атаки бесперспективны.

— Опустился в район Голубой Чащи, — сообщил Ронна. — Место, конечно, укрытое, внешне оно кажется очень надежным. Но слишком близко от мертвых лесов, где свирепствует хронобой. Хорошо, что не угодил в разнотык времен, — это было бы губительней ракетной атаки рангунов. Оставайся здесь и следи, что предпримет пришелец. Я иду к Старейшинам.

3

Что бы ни представлял собой пришелец из дальних миров — космический корабль с экипажем или естественный объект — одно твердо знал молодой Конструктор Различий Ёве Ланна: еще никогда ни у самих дилонов, ни у их вековых врагов рангунов не появлялось такого гостя из космоса. И готовой программы кон-

такта с подобными объектами не существовало. Возникла новая проблема, на ней надо было сосредоточиться. Уве Ланна впал в отрешенность: закрыл глаза, отменил все движения тела и, окаменев перед пультом, пребывал в активном мыслительном состоянии, пока опасно понизившаяся температура тела не принудила выходить на уровень меньшей концентрации мысли: все дилоны знали, что сильное охлаждение тела плохо сочетается с озарением.

— Доложите, что совершилось, пока я размышлял, — потребовал Ланна от оператора.

Дежурный мыслитель доложил, что новостей нет: пришелец покоится в Голубой Чаше — неподвижен, темен и загадочен. Туда посланы разведочные шары, они анализируют параметры гостя: размеры, температуру, структуру вещества, гравитационные, энергетические, оптические характеристики, фиксируют все виды излучения. Ничто особо не поражает. Физика пришельца своеобразна, но не парадоксальна, если оставить в стороне тот факт, что он вынырнул как бы из ничего и взорвал все выпущенные в него боевые ракеты рангунов, даже близко не подпустив эти смертоносные снаряды. Да еще, пожалуй, одно смущает, но, впрочем, нет точного доказательства...

— Знаю, — прервал оператора Ланна. — Незнакомец существует в едином времени. Он синхронизирован от края до края. Ты на это хотел обратить мое внимание? Я установил это в результате собственного размышления.

— Именно это, уважаемый Различник, — оператор вложил в тембр своей мысли неподдельное восхищение. Все операторы в Коллегии Дешифраторов радовались, что их новый начальник одарен могучей интеллектуальной энергией — в ней была гарантия их собственной удачной работы.

Ланна уточнил:

— Судя по тому, что ты мне об этом не доложил, расшифровка сигналов незнакомца не удалась?

— Еще не удалась.

— А есть уверенность, что эманация незнакомца — все же разумные сигналы, а не стихийное излучение мертвого предмета?

— Такая уверенность есть, Уве Ланна.

— Тогда подготовь два поисковых шара со всеми аппаратами боя и разведки. Пусть Братья Опровергатели выделяют самое совершенное из арсеналов. Ибо при встрече с незнакомцем и война, и мир пока равноценно возможны.

— Братья Опровергатели потребуют санкции Старейшин...

— Они ее получают. Остановка не за санкциями, а за Опровергателями.

Дежурный мыслитель отключился. Ланна обхватил себя руками и постарался удлинить их так, чтобы получилось два полных извива, как делал Ронна. Но два извива не вышло — у Ронны руки были длинней и гибче. Впрочем, все Стиратели Различий были из длинноруких, а Конструкторы Различий, все как на подбор, короткорукие — больше, чем на полуторный обхват, рук ни у одного не хватало. Ланна мог гордиться, что в эффектном самоохвате даже превосходит многих товарищей, — ныне он может именовать их, получив сан Сына Различников, своими собратьями.

Уве Ланна гордился собой. Концентрирование мысли на загадках пришельца дало отличные результаты. Он первый понял, что гость из космоса — одновременник. Только полная самосинхронизация в едином времени объясняет главную странность — то, что пришелец приблизился на опасное расстояние к Гаруне Белой, промчался от нее к Гаруне Голубой и не взорвался, не распался — даже и намек не было, что в нем что-то разламывается. Какая совершенная хронозащита! Рина Ронна прав: без надежной отстраненности от местных перекосов времени, без нейтрализации хроноворотов незнакомцу не удалось бы удивительные перебросы от одной звезды к другой. Но и самая совершенная нейтрализация вихрей времени не помогла бы, если бы он сам хоть в крохотной степени был поражен внутренней дисгармонией, какая всегда есть даже у идеально синхронизированного дилона. И это замечательное открытие стало первой интеллектуальной акцией Уве Ланна в его новом чине Различника!

Вошел сияющий Рина Ронна. Старейшины одобрили его доклад. Если пришелец — разумный космический объект или если в нем, как в транспортном аппарате, таятся разумные существа, то надо вступить в благожелательный контакт. Первая задача — раскодировать сигналы пришельца. Вторая — защитить его от новых атак рангунов. На той стороне планеты подготавливают баллистическую артиллерию. Нет сомнения, что рангуны решили нанести удар по пришельцу, как только определят точное место его посадки. Два чужих разведочных аппарата обнаружены недалеко от Голубой Рощи — их отогнали. Рангунам послано предупреждение, что пришелец взят под охрану дилонов. Будем надеяться, что это их образумит.

— Пустить в ход ракеты рангуны теперь побоятся, ибо знают силу ответного удара, — заметил Ланна. — Но генераторы резонанса, Ронна...

Ронна откинул назад голову — это у него всегда означало не то сомнение, не то нерешительность. «А что мы можем сделать?» — как бы ответил он своим жестом. Впрочем, он тут же добавил, что пришелец так защищен от гравитационных, тепловых и электромагнитных воздействий, что и резонансным нападением рангуны вряд ли чего добьются.

Уве Ланна поведал другу о своем открытии абсолютного хрооединства пришельца: это не хроозащита, а хрооцелостность. Рина Ронна всегда относился к ученику с неизменным уважением, продвижение Уве на пост Различника не обошлось и без его усилий. Но, в отличие от дежурного оператора, он заколебался. О том, что пришелец защищен хрооэкранами, говорило его рискованное метание от Гаруны Белой к Гаруне Голубой, а ведь звезды генерируют вокруг себя противоположные токи времени, схлестывающиеся в яростные хроовороты. Правда, таких экранов на Дилоне еще не знали, их никто не конструировал, да и загадочный пришелец появился у них впервые, о «гостях из иномиров» тоже никто не слыхал. Но единое время? Разве оно физически возможно? Ведь основу жизни составляет именно несинхронность различных потоков времени в жилах, костях и клетках? Цельное время у мыслящего объекта — ну не дикость ли?

— Я все же настаиваю на своей концепции. — Уве Ланна был порядком обижен слишком уж резким возражением старшего друга. — И осмелюсь заметить, что разумность пришельца не доказана, пока не расшифрованы его сигналы.

— Да, в этом главное затруднение. Хочу тебя информировать, Уве Ланна, что нам выделен ротонный прожектор, который, как ты знаешь, изготовлен пока в единственном экземпляре. Сейчас его монтируют на одном из поисковых шаров, которые ты велел подготовить. Полетим вместе, Ланна.

— Я готов, Рина Ронна.

Два разведочных шара покачивались на площади. В одном сидели операторы гравитационной и резонансной защиты, оптики и механики, в другом разместился ротонный прожектор. Ронна сел за пульт управления — он любил водить аэроразведчики и иногда залетал на них даже на территорию рангунов, а это всегда небезопасно. Однажды он побывал в приполюсном хроовороте, что было почти гибельно — Ронна потом оправдывался, что

его занёсла на полюс разгармонизация двигателя и что он лишь на внешнем витке хроноворота сумел справиться с неполадкой. Объяснение показалось не только убедительным — лишь безумцы способны добровольно устремиться в такие места, — но и внушающим уважение: не впасть в панику вблизи хроноворота и, сохранив ясность мысли, справиться с непростой неполадкой! После этого происшествия Рина Ронну, тогда обычному оператору в дешифраторской, присвоили сразу два новых чина: Брата Дешифратора и Сына Стирателей Различий. Каждый означал почет, но два, да еще столь несхожих, — были равносильны триумфу. Сам Гуннар Гунна почтил Ронну вдохновенной речью. «Наш новый Брат и Сын, — так говорил Вещий Старец, — не только прекрасно видит и глубоко оценивает беспорядок, что доказывает дарование Дешифратора, но еще прекрасней ликвидирует беспорядок, а это бесценное качество настоящего Стирателя Различий». Старейшины без единого возражения присудили соискателю оба звания и ввели его сразу в два чина — случай неординарный.

И, гордясь своим искусством шаровождения, Рина Ронна дал такое расширение объема, что шар не взлетел, а взвился в высоту. Уве Ланна в эту минуту впадал в очередную отрешенность: надо было вымыслить, какими полями лучше испытать пришельца — гравитацией, оптикой, электромагнитными или корпускулярными импульсами, а без большой сосредоточенности это не удавалось.

— Ты порвал цепь моей мысли, — пожаловался Ланна.

— Зато быстрее прибудем, — возразил Ронна. Он не умел так глубоко отдаваться мысли, как Ланна, да и не считал, что всегда нужно настолько погружаться в размышления. Впрочем, таковы все Стиратели Различий: их способности к анализу существенно уступали аналитическому дарованию Различников, умевших безошибочно определять любые несходства и особенности.

Ронна летел впереди с Ланной и оператором ротонного проектора, второй разведчик с боевыми и поисковыми аппаратами держался позади.

Пришелец покоился на краю поляны среди голубых деревьев с широкими кронами, перекрывавшими половину поляны. Гость из космоса выбрал отличное место для посадки: сквозь чащу к нему не пробраться, а с воздуха его маскировали кроны.

— Облет! — приказал Ронна и опустился ниже, ту же операцию повторил и второй шар. Пришелец был около двухсот пин в

длину, около тридцати в ширину и высоту в центре и не более двадцати по краям: почти идеальный эллипсоид, несомненно — искусственное сооружение, а не метеорит или космический шатун, осколок некогда разлетевшейся планеты, — стихийные создания природы не обладают совершенной выглаженностью поверхности.

Ланна вдруг ухватил друга за плечо.

— Ронна, он исчезает! Он уходит в небытие.

Пришелец стирался — становился из темного серым, пропадала четкость обводов, зеркальная гладкость поверхности. Огромное материальное тело на глазах превращалось в призрак. И не успел Ронна оправиться от изумления, как на поляне больше ничего не было, кроме оранжевых трав и осенявших их голубых крон.

— Твое суждение, Ланна? — Молодому другу после вступления в чин Конструкторов Различий по праву принадлежала первая оценка.

Ланне захотелось поразмыслить, чтобы дойти до всех дальних причин исчезновения пришельца, но Ронна с таким нетерпением ждал ответа, что пришлось телепатировать лишь предположение:

— Выпал из оптики, но вещественно сохраняется на поляне.

— Сейчас проверим.

Ронна отдал приказ поисковику обвести поляну, где находился пропавший пришелец, гравитационными и электромагнитными щупами. С поисковика известили, что для электромагнитных щупов пришельца не существует, но гравитационные показывают его наличие: он лежит на прежнем месте, в прежней неподвижности, только стал прозрачным для всех электромагнитных волн, включая и оптику. Но вещественности своей не потерял.

— Между прочим, примятая им трава так и не распрямилась, когда он ушел в невидимость, — поделился наблюдением Ланна. — Следовательно, и в оптике кое-что от него видно.

— Вот-вот — полное совершенство в маскировке отсутствует. Теперь поинтересуемся, что находится внутри нашего гостя. Есть у него экран от ротонов? Судя по тому, что гравитационные экраны отсутствуют, вряд ли он обладает защитой от этих почти невещественных частиц.

Ронна встал рядом с ротонным оператором, командуя расходом энергии на возбуждение потока частиц. Длина пути ротонов

определялась только их энергией, и Ронна начал с малой, чтобы ротонны только-только достигли поверхности невидимого пришельца. На экране отчетливо вырисовался его силуэт. Ротонны показывали массивное тело, изображение было ярче, чем гравитационное. Ронна увеличил энергию частиц. Теперь они проникали сквозь оболочку и высвечивали внутренность. Сомнений больше не было. На поляне в Голубой Роще лежал космический корабль. Ротонны высветили внутренние помещения, разобщенные перегородками, механизмы, аппараты, ящики, тюки. Ронна то увеличивал, то уменьшал энергию, чтобы отчетливо обрисовать каждый предмет. Корабль казался необитаемым. Ротонный луч пробежал уже половину его, но, кроме мертвых вещей, ничего не обнаружил в помещениях. Потом высветился обширный отсек в конце корабля. В нем передвигалось пять фигур — живые существа, а не автоматы. Еще никогда на Дилоне не видели созданий столь необычных, как те пятеро, что сновали по самому большому помещению корабля.

Они походили на дилонов, но очень отдаленно — одноголовые, двурукие, двуногие... Но на этом сходство кончалось. Руки были так коротки, что не достигали и колен; на кистях виднелось пять пальцев, а не десять, как у дилонов, и пальцы были толсты и негибки. Негибкой была и вся рука, она не удлинялась и не сокращалась — такими руками незнакомцы не могли даже в один оборот обхватывать себя. Ноги были еще топорней рук — правда, как и руки, могли сгибаться посередине, но только в одном месте, а не по всей длине. Всего примитивнее была голова: она тоже сидела на шее, но такой короткой и такой негибкой, что ни вздыматься вверх, ни даже поворачиваться назад не могла. Лицо было неприятным: плоскощекое, плосколобое, с невыразительным ртом, с крупным носом, нависающим над губами, и двумя глазами, — такими тусклыми, что сразу понималось — эти глаза пассивно принимают внешний свет, но генерировать собственное сияние не способны. А на головах пяти обитателей корабля шапкой лохматились волосы, охватывая всю голову, ни у кого не было и намека на благородную гололобость дилонов. У одного густая шерсть вылезала даже по нижней половине лица. И ни один не имел хвоста — важнейшего элемента хорошо скомпонованной фигуры!

— Плох конструктор, который разрабатывал эти тела, — установил Ронна. — Одни грубые детали — ни гибкости, ни изящества. Даже смотреть неприятно.

И хоть суждение это было, скорей, обобщенно-синтетическое, а не аналитическое, Уве Ланна, по профессии призванный к анализу, промолчал, показывая, что принимает оценку Стирателя Различий.

Ронна начал детальное высвечивание экипажа корабля с самого лохматого. Этот был крупней и выше всех. Он сидел на особом приспособлении. Над ним, на стене, висело изображение другого мохнатолицего, но еще лохматее и крупноголовее — оба были схожи, как братья. Около мохнача на таком же приспособлении сидело второе существо — с фигурой потоньше и головой поменьше. По помещению расхаживал третий, он казался всех моложе. Этот размахивал руками, шевелил губами, раскрывал и прикрывал рот — в пасти виднелись зубы, они выстраивались по одному ряду сверху и снизу, и их было много меньше, чем у дилонов. У стены стоял толстенький коротышка, на полную голову ниже мохнатого. И когда юноша переставал шевелить губами и двигать нижней челюстью, точно такие же операции проделывал коротышка; а когда и он прекращал игру губ и челюстей, в нее снова вступал молодой. Всю боковую стену занимал экран, перед ним на вращающемся сидении поместился пятый обитатель корабля — и на нем Ронна остановил особое внимание. Он выделялся среди уродливых фигур — высокий, стройный, тоже короткорукий, зато с гораздо более гибкими руками, такой же густоволосый, с двумя рожками, торчащими из волос, — у остальных и намек на рожки не было. И глаза пятого выгодно отличались от глаз четырех других — не только принимали свет, но и сами светились, а порой, когда он обращал лицо к коротышке, из них вырывались как бы электрические искры.

Ронна перевел ротонный луч на стену с экраном, чтобы разглядеть туманную картину на нем, и увидел все, что окружало корабль снаружи: высокие голубые деревья, оранжевую траву поляны, шествующую по небосводу Гаруну Голубую и два разведочных шара над кораблем.

— Однако! — восхитился Ронна. — Оказывается, став для нас невидимыми, сами они продолжают нас разглядывать! Может быть, даже видят нас с тобой, Ланна?

Ланна после краткого размышления отверг предположение Ронны. Если бы пришельцы видели не только поисковые шары, но и дилонов внутри шаров, то и на их экране появились бы дилоны, а не одни шары, как показывает экран. Зато, продолжал

Ланна, мне удалось сделать очень важный вывод: они разговаривают. То странное шевеление губ, то нервное опускание и поднятие нижней челюсти, та оживленная жестикуляция рук есть их метод передачи информации, то есть разговор.

— Разговор при помощи губ, челюстей и рук? — удивился Ронна. — Какой невероятный способ общения!

— Еще язык, — добавил молодой Различник. — В пасти у пришельцев, как и у нас, язык, но он много подвижнее нашего: дергается и изгибается, когда шевелятся губы и движутся челюсти. Я склонен думать, что у них язык — главный агент информации.

Ронна, однако, не был убежден. Если Ланна прав, то пришельцы могут вступать в общение, только когда видят движение губ, челюстей, языка и рук. А в темноте они, стало быть, беспомощны? Прекращают не только беседы, но и всякое действие, связанное с обменом информацией? Конечно, конструкция их организмов далека от совершенства. Но такая чудовищная недоработка!

В это время молодой пришелец завершил жестикуляцию энергичным взмахом руки и показал на экран, где виднелись два поисковика. Лохматый наклонил голову. Молодой и тот, у которого в волосах торчали рожки, зашагали в другой конец корабля. Здесь они выдвинули из ниши продолговатый предмет и вернулись назад. Корабль вышел из невидимости и засветился. Операторы могли теперь и без ротонного прожектора разглядывать корабль снаружи. В главном помещении корабля лохматый пришелец опять кивнул копной волос, пришелец с рожками задвигал пальцами на доске с кнопками под экраном — продолговатый предмет выскользнул наружу через открывшийся люк и стал подниматься вверх.

— Запустили разведчика, — прокомментировал событие Ронна. — Двинемся за ним, не выпуская из обзора. Второй поисковик остается на месте. Что-нибудь передашь операторам?

Ланна повторил уже отданный приказ — фиксировать все действия пришельцев внутри корабля и установить, какими полями аэроразведчик будет получать информацию во время облета. Ответ последовал незамедлительно. Аэроразведчик работал в световых лучах, а передавал на корабль сведения в других электромагнитных импульсах. Кроме того, он был снабжен небольшим гравитатором. Для боевых ударов этот аппарат мало пригоден, но массы вещественных объектов определяет надежно.

— Отлично! — оценил сообщение Ронна. — Сейчас я настрою наши собственные приемники на информацию аэроразведчика. И мы столь же ясно, как они сами, увидим, что их заинтересовало у нас.

Аэроразведчик сделал несколько кругов над кораблем, потом повернул в сторону больших лесов на границе между территориями дилонов и рангунов. На дисплее следящего за ним поисковика обрисовалось обширное пространство сперва голубых, потом синих деревьев. Видимо, лес не заинтересовал пришельцев, управлявших со своего корабля полетом аэроразведчика: он крутыми витками вздымал все выше — в поле обзора вмещалась все большая часть поверхности планеты.

— Как бы он не полетел к рангунам, эти бестии мигом сожгут его своими ракетами, — забеспокоился Ронна.

Аэроразведчик, словно услышав предостережение, повернул назад. Теперь он мчался к столице дилонов, передавая на корабль пейзаж планеты — каменные сооружения, вытянутые в двойные полосы, возвышения возле них, холмы в стороне от возвышений и башни со светящимися вершинами. Внизу проплывали темные точки.

— Может напороться на охранные маяки, — снова забеспокоился Ронна. — С добрыми или враждебными намерениями он это делает, но его сожгут.

Ланна задумался, выискивая, как донести до пришельцев опасность приближения к охраняемым маякам. Но аэроразведчик отвернул от первого же маяка и опустился ниже. Картина изменилась. Возвышения вдоль полос превратились в цилиндрические здания без окон, темные точки стали летательными аппаратами. На полосах обозначились дилоны, их становилось все больше — перемещались по улицам, собирались в кучки, кучки снова рассыпались, некоторые дилоны удлинляли шеи и задирали головы, чтобы лучше рассмотреть проносящийся над ними аппарат. Видимо, пришельцев, командовавших аэроразведчиком, больше интересовали не здания, а их обитатели — аппарат подлетал то к одной, то к другой кучке жителей, зависал над ней и не удалялся, пока дилоны не расходились. На одного дилона, остановившегося на улице с задранной головой, аэроразведчик спикировал — на дисплее возникла удлинненная безволосая голова, откинутый назад лоб, острые уши, очень вытянутый губастый и зубастый рот. Дилон испугался опускавшегося на него аппарата и сперва отскочил в сторону, а потом убежал — любопытство сменилось страхом.

Аэроразведчик прекратил наблюдение за жителями и стал перелетать от одного здания к другому, описывая вокруг них круги. Но осмотр зданий не породил продолжительного любопытства: здания были похожи одно на другое. Разведчик сосредоточился на средствах передвижения. По улицам проносились рейсовые шары, то один, то другой сокращал в воздухе свой объем, плавно опускался, из него выходили прибывшие жители, входили улетавшие, шар расширялся, быстро взлетал и мчался на другую остановку, где снова выпускал приехавших и забирал отъезжающих. Почему-то простая операция взлета и опускания заинтересовала пришельцев — они перегоняли разведчика от одного шара к другому и держали в опасной близости от них. Но столкновений не было, все движения регулировались очень точно. Уве Ланна после небольшого раздумья установил:

— Пришельцы для передвижения не используют выталкивающую силу атмосферы, поэтому их так поразили наши транспортные механизмы.

— Очень глубокий вывод, — согласился Стиратель Различий и поспешно добавил: — Но что это, Уве Ланна? Они рискуют!

Пришельцы, судя по всему, решили, что информации о зданиях, жителях и средствах передвижения с них хватит, но высокие светящиеся башни надо изучить. Аэроразведчик подлетел к охранному маяку и сделал круг в опасной близости от него. Ронна направил свой поисковик наперерез воздушным эволюциям разведчика, чтобы не дать ему приблизиться к маяку. Но разведчик вдруг камнем полетел вниз, остановился и снова — уже внизу — совершил такую же недопустимую петлю вокруг башни. Ронна со всей поспешностью опустил поисковик за аэроразведчиком, чтобы и внизу оказаться между ним и маяком. Но когда поисковик Ронны опустился до уровня разведчика, тот взмыл и у вершины башни — самое запретное место — снова закружил вокруг нее.

Ронну вызвал Командующий охранными маяками:

— Уважаемый Стиратель Различий, что у вас за игра? Разве вы не знаете, что приближение к маяку запрещено?

Ронна в этот момент пытался настичь взлетевшего вверх разведчика.

— Я-то знаю, уважаемый Командующий маяками. Но не уверен, что пришельцы это знают так же хорошо, как я.

— Вынужден действовать по уставу, — информировал Командующий.

Верхушка мачты озарилась и погасла. Но еще до того как она погасла, вспыхнул и аппарат пришельцев. Поисковик подлетел к нему, когда того уже не было. В воздухе развеивались пыль и пар.

Уве Ланна задумался, выстраивая выводы из печального события. Рина Ронна, по профессии обязанный соображать быстрее, воскликнул:

— Хорошо, что самих пришельцев не было на борту! Я лечу к Старейшинам — объяснить, что мы узнали, и оправдаться в том, что мы совершили.

— Что допустили, а не что совершили, — поправил молодой Различник и добавил: — Я возвращусь в Коллегию Дешифраторов и попытаюсь отыскать ключ к поступкам пришельцев.

4

Ничто не показывало, что уничтожение аэроразведчика вызывает какие-то ответные действия пришельцев. Корабль по-прежнему покоился на полянке в Голубой Роще и не ушел снова в невидимость, а это, по мнению Ланны, доказывало, что он не опасается нападения. Не было и особого волнения среди пятерых пассажиров корабля. Правда, лохматый хмурился и, сердито глядя на юношу с рожками, нехорошо шевелил губами, а тот качал головой и разводил руками. Но больше ничего важного не произошло. Четверо пришельцев разошлись по маленьким помещениям, улеглись на узкие подставки, чем-то накрылись, закрыли глаза, и всякое общение у них прекратилось. Только юноша с рожками на кудрявой голове остался в помещении и то всматривался в обзорный экран — на нем была все та же роща деревьев, полянка, звезды, сменившие дневные светила, и недвижно зависший над кораблем поисковик, — то манипулировал с кнопками и рычагами под экраном. На пейзаж, изображенный на экране, его манипуляции не действовали.

К этому времени подоспела первая расшифровка наблюдений за кораблем. И расшифровка показалась Уве Ланне невероятной. Все снова и снова проверяя соответствие фактов и объяснений, Ланна пришел к выводу, что факты, конечно, практически реальны, но вместе с тем столь же практически невозможны. Был момент, когда новоопределенный Конструктор Различий в отчаянии даже подумал, не отказаться ли ему от дарованного высокого звания,

как незаслуженного, ибо установленные им отличия пришельцев от дилонов вышли за рамки допустимого.

— Ты ошеломлен, Уве Ланна, — заметил вернувшийся Ронна. — Ты открыл что-то странное. Я не ошибаюсь?

— Ты не ошибаешься, Ринна Ронна, — ответил молодой Различник. — Я расшифровал способ информации у пришельцев. Он так отличен от нашего, что кажется попросту невысказанным, хотя реально фактически.

После такой глубокой оценки своего открытия Ланна объяснил, что у пришельцев изучены три разных действия: во-первых, уже замеченная раньше жестикация рук и мимика лица, но они явно вторичны и необязательны — могут быть, но могут и отсутствовать. Во-вторых, более существенно, что движения языка, губ и челюстей порождают звуки, и комбинации звуков очень разнообразны — всего зафиксировано около трех тысяч их. Можно предположить, что таких звуковых комбинаций гораздо больше, пришельцы использовали в разговорах, которые удалось записать, далеко не все богатство слов — так они называют свои звуковые комбинации.

В-третьих, каждое слово сопровождается излучением мозга такой же, примерно, физической природы, как и мозговые излучения дилонов при их размышлениях. И каждая мыслительная волна соответствует той акустической комбинации, которую они называют словом. Любое слово сопровождается излучением, характеризующим именно это слово, а не другое.

— Пока все просто, — сказал Стиратель Различий. — Информация у пришельцев, как и у нас, производится излучениями мозга, а акустика слова — побочный продукт передаваемой информации. И мы при разговорах повизгиваем, поланваем, даже напеваем. И, наверно, есть точная связь попутных звуков нашей речи с самой речью — то есть мыслями, передаваемыми излучением. Но кто будет изучать эту связь звуков и мыслей? Кому она интересна?

— В том-то и дело, что информация у пришельцев совершается вовсе не мозговыми излучениями, а звуками. Передача мыслей идет словами, то есть не прямым, а побочным способом, к тому же весьма неточным: пришельцы не всегда чувствуют соответствие слов и мысли и поэтому часто переспрашивают один другого. Иногда у них возникают споры из-за слов — такие словесные перепалки тоже зафиксированы, — а это невысказанно при прямой передаче мыслей.

— Твое сообщение так удивительно, что в него и вправду трудно поверить, — согласился Ронна. — Но оно бездоказательно.

— Сейчас я тебе изложу и доказательство.

И Ланна объяснил, что слова и у пришельцев сопровождаются адекватными мозговыми излучениями, но те же мозговые излучения происходят и без слов. Такое действие соответствует размышлению у дилонов. Отсюда вывод: пришельцы умеют размышлять, хотя, нет сомнений, их способности к размышлению примитивней наших. Но у них излучения, составляющие мысли, никогда не передаются сами по себе, для передачи они должны предварительно получить акустическую форму.

— Мы тоже не всегда передаем наши мысли, если не хотим такой передачи. Иначе все, что мы думаем про себя, было бы доступно каждому.

— Не передаем, если не хотим, Ронна! А они если и захотят, то не смогут. Их формы общения так примитивны, что меня охватывает ужас, когда я думаю, сколько времени, сколько энергии тратят пришельцы попусту в разговорах, сколько путаницы и непонимания в их беседах! И почти отчаяние овладевает мною, когда думаю о сложностях общения с ними. Оно ведь невозможно без взаимной информации. Мы-то сможем понять их мысли-слова, но как донести до них наши мысли? Нам не воспроизвести ни одного слова! Мы будем понимать пришельцев, они нас — никогда.

Опытному Стирателю Различий положение не представлялось столь безнадежным. Конечно, дилоны не сумеют произносить слова, но каждому слову соответствует излучение мозга, ведь так? Пришельцы не воспринимают собственных мозговых излучений — те слишком слабы. Но разве мы не можем увеличить энергию наших излучений?

— Вот тебе выход, Уве Ланна. Мы оперируем только излучениями, слов не пытаемся воспроизвести. А пришельцы, принимая наши передачи, воспринимают их как привычные им слова.

— Теперь рассмотрим, что расшифровано в записях дешифраторов, — продолжал Ронна. — Пришельцев пятеро. Они из какого-то далекого мира. Главное светило их мирка — звезда Солнце, окруженная населенными планетами. Сами они примчались с планеты Латона — она в стороне от звезды Солнце. Время в их мирке — прямое и цельное, все живое и неживое у них синхронизировано в едином времени. Но на корабле имеются аппараты для замедления и убыстрения времени, для искривления его и

даже для полной перемены хроновектора в будущее на вектор в прошлое. Корабль — космический хронолет. Название — «Гермес», что оно означает, пока неясно. Пришельцы именуют себя людьми или человеками, еще одно наименование — хрононавигаторы. Чем хрононавигаторы отличаются от людей или человек, точно не установлено. Первый хрононавигатор, он же капитан «Гермеса» — самый лохматый — Анатолий Кнудсен. Изображение лохматого мужчины на стене, так сильно схожего с Кнудсеном, они называют портретом бога Хроноса, что это означает — тоже неясно. Коротышка — Михаил Бах, именует себя археологом, пришельцы зовут его «Академик» — возможно, это словесная характеристика маленького роста. Третий пришелец, стройный, золотоволосый, — женщина, имя — Мария Вильсон-Ясуко, геноинженер, это ее специальность, нам незнакомая, но, наверное, важная — к Марии Вильсон-Ясуко все относятся с почтением. Теперь двое молодых. Один, без рогов, — хрононавигатор Аркадий Никитин, мы ничего о нем пока не узнали. Последний, с рожками, — Робот Асмодей, самый подвижный и деловой из пятерки, его красота и умения признаются всеми. Что же до наименования «Робот», то, видимо, это почетное звание, которого удостоиваются только выдающиеся люди, мастера на все руки, так его называют, хотя рук у него всего две и проще было бы квалифицировать таких незаурядных людей как мастеров на обе руки. А имя Асмодей не расшифровано, но, возможно, и в нем есть важный смысл.

— Вот видишь, как много мы узнали о пришельцах, — закончил Ронна. — И можем уже осмысленно воспринимать картинки, появившиеся в луче роторного генератора. Прикажи подать на экран расшифрованную запись.

На экране снова возникло просторное светлое помещение и пять фигур. Но если недавно оба дилона наблюдали лишь жестикацию рук и движение губ и челюстей, то теперь они слышали и сам разговор.

— Нет, это же поразительно! — говорил тот полный и невысокий, о котором расшифровали, что зовут его Михаилом Бахом и что он академик. — Какие деревья, нет, какие деревья! Каждое до ста метров и больше! Ни в одну эпоху на Земле не было таких гигантов, а ведь растительности хватало. И где? На небольшой планетке, в мире какого-то превратного времени!

— Не превратного, а искривленного, — с улыбкой поправил Кнудсен. — Но какое отношение имеют метаморфозы времени к величине деревьев, Миша?

— Знаю: вы, хронофизики, считаете одинаково законными любые уродства времени. Но я — археолог, Анатолий, земной археолог. Для меня не только я сам, но и горы, и океаны, и леса существуют лишь в моем прямом времени — том, которое движется всегда вперед, всегда от прошлого через настоящее к будущему. И хотя физики убеждали меня, что, кроме вещества, существует еще и антивещество, и то антивещество можно изобразить как пребывающее во времени обратном, я понимал это мыслью, а не чувством. И я ожидал, что встречу в мирах иного времени с чем-то столь же удивительным, как удивительно само понятие иного времени — деревья, растущие не вверх, а вниз или вбок, камни, падающие вверх, холодный жидкий металл... Но вот мы сейчас в каком-то дико запутанном времени, оно движется не вперед и не назад, а кружится и петляет. А за стеной хронолета такой же предметный мир, такие же камни и воздух — правда, много плотней нашего земного, такие же вода и растения. Время течет по-иному, а мир в нем такой же. Нет невероятностей и чудовищностей — и это невероятно и чудовищно! И в этом невысказанно не нашем времени живут какие-то развитые народы — вон два их разведочных аппарата зависли над «Гермесом»: изучают нас, возможно, и прикидывают, как нас приветствовать — объятиями или залпами? Земное, слишком земное! Не удивлюсь, если аборигены планеты ходят на двух ногах, несут на плечах по одной голове и обратятся к нам на человеческом языке.

В разговор вступил молодой хрононавигатор:

— Анатолий, я снова прошу — снимем оптическую невидимость и пойдем на разведку.

Кнудсен глядел на экран. Два шара — явные разведчики — покоились в воздухе, как на фундаменте. Недавно они примчались на полянку, вдруг стали сжиматься и опускаться. Потом сжатие прекратилось, оборвалось и падение. По всему, выталкивающая сила местной атмосферы уравновешивала вес шаров. Что могли фиксировать разведчики, упрямо не отрывавшиеся от корабля? Оптический экран для них не помеха: они, перед тем как замереть в неподвижности, облетели весь корабль и так точно повторили извив его корпуса, как если бы видели его на ярком свете. Если аборигены применяют гравитационные индикаторы, то могут не только изучать незнакомый объект, но и наносить по нему гравитационные удары. Гравитаторам корабля задана программа отражения гравитационного нападения. Но не было признаков агрессивности аборигенов. И не было сигналов — гравитационных, оптических,

тепловых, электромагнитных, — которые зафиксировали бы желание контакта: ограничивались наблюдением за кораблем.

— Выпускаем разведчика, — распорядился Кнудсен.

Затем оба дилона увидели то, что уже наблюдали раньше, — вылетевший аэроразведчик и сам корабль, выключивший оптическую защиту. И еще увидели на экране, как они сами на одном из поисковиков помчались вслед за аэроразведчиком.

— Что мы делали, рассматривать неинтересно, Ланна, — заметил Ронна. — Сконцентрируемся на том, что видели в это время пришельцы на экране корабля.

Пришельцы видели то же самое, что совершалось перед глазами Ронны и Ланны, когда они сопровождали разведчик в его метаниях над городом и мешали ему опасно приблизиться к охранному маяку. Интереснее были комментарии пришельцев.

— Настоящий город! — воскликнул Бах. — Правда, здания без окон. Боюсь, они не радуются свирепому сиянию своей белой звезды. Отсутствие окон — наверно, для защиты от нее. Сколько аборигенов на улицах! Асмодей, познакомь нас поближе с кем-нибудь.

Асмодей, сидевший у пульта, направил аэроразведчика на одного дилона, задравшего вверх голову.

Женщина, сидевшая рядом с Кнудсеном, вскрикнула. Дилон, испуганный пикировавшим на него разведчиком, проворно удрал, а женщина сказала:

— Какой уродец! Собачья морда, а не лицо. И сколько зубов в пасти! Но глаза добрые и умные. И как этот уродец выразил ужас, когда наш датчик стал падать на него. Он, похоже, подумал, что его собираются раздавить. Между прочим, все они хвостатые и чудовищно длиннорукие.

Кнудсен задумчиво сказал:

— Не знаю, можно ли так говорить: «между прочим, хвостатые и длиннорукие». А если здесь это важная функция — быть хвостатым и длинноруким? Не между прочим, а по существу, Мария! Напомню, что на Латоне в своей геноструктурной лаборатории ты выводила живые конструкции со множеством необычных и неожиданных органов и деталей. Ведь так? Но у каждого нового органа была своя важная функция, ни один не создавался «между прочим».

Женщина с улыбкой посмотрела на Кнудсена.

— Анатолий, ты продолжаешь попытки обратить меня в свою веру. Но я говорила тебе, что в геноструктурной лаборатории на

Латоне новые живые формы создаются по разработанным разумным проектам. Не верю в разумность природы. Она работает не по чертежу, не по программе. В ней игра сил, а не проникновенность разума. Вынужденная реакция на внешнюю необходимость. Природа — творец, не отрицаю, но плохой конструктор. И я это всегда буду утверждать.

— Мы, между прочим, для того и отправились в наше хронопутешествие, чтобы выяснить, кто из нас прав, — примирительно сказал Кнудсен.

Асмодей, показывая рукой на экран, закричал:

— Аборигены мешают разведчику. Что делать?

В это время разведчик приближался к башне, и поисковик дилонов вклинился между ним и маяком, не давая дороги. Молодой хрононавигатор, Аркадий Никитин, сказал:

— Анатолий, вот прекрасный способ выяснить намерения аборигенов. Они отгоняют от башни — значит, там что-то запретное. Но как они поступят, если продолжим разведку башни? Какие возможности недопущения и защиты?

— Информация методом провокации, — сказала женщина, пожимая плечами. — Не уверена, что это лучший способ знакомства.

— Лезть на рожон не будем, но и сразу отступить не надо, — сказал Кнудсен. — Асмодей, покажи, что способен уйти от контроля, но большим приближением не нервируй.

Асмодей легко увел разведчика вниз, еще легче оторвался от шара, взмыв вверх. Игра, только начавшись, прервалась. Тускло светившаяся верхушка башни вспыхнула и погасла. Аэроразведчик превратился в клубок пламени, пламя стало облачком пыли, пыль рассеивалась в воздухе. Пассажиры трансмирового корабля молчали, не отрывая глаз от экрана.

— Поделом нам, — прервала молчание Мария Вильсон-Ясуко. — Имели ясное указание, что можно и чего нельзя, и вызывающе не посчитались с этим.

— Обращаю внимание, — доложил Асмодей, — что разведчик перед распадом вдруг завибрировал. В него не попадало извне ни снарядов, ни пуль, он не был облучен силовыми полями. Он вспыхнул и взорвался изнутри, а не от удара извне. Он распался от безмерно усилившейся вибрации. Мне такие методы уничтожения неизвестны. На нас напали неведомым мне способом.

— Не напали, а защитились, Асмодей, — поправил Кнудсен. — Итак, аборигены, столь похожие головой на земных собак, только

со змееобразными руками и большим хвостом, искусно защищают свои секреты. Это весьма отраднo.

— Что тебя, собственно, радует, Анатолий? — поинтересовался Бах. — Что наши новые знакомцы, с которыми мы, впрочем, еще не познакомились, обладают мощными средствами уничтожения? Или — конкретнее — что без особых усилий превратили в облачко праха наш разведчик?

— И то, и другое, Миша. Ибо оба факта свидетельствуют об их мирных намерениях. Имея такие могучие средства борьбы, они могли бы напасть на нас, но этого не сделали — значит, войны не хотят. А уничтожением аэроразведчика продемонстрировали, что имеют секреты и предлагают в них не проникать. Напомню, что осмотр города и жителей возражений не вызвал. В общем, я надеюсь на дружбу.

— Что мне делать, капитан? — спросил Асмодей. — Запустить второго разведчика, но держать его подальше от запретных башен?

— Не надо. Тебе — дежурить. Нам четверым — спать. После сна высаживаем десант: начальник — Аркадий Никитин, эксперт — Михаил Петер Бах, помощник и охранитель — Асмодей. Мы с Марией страхуем вас защитными механизмами «Гермеса». Теперь — по каютам.

Пассажиры корабля разошлись.

Рина Ронна притушил экран. На нем виднелся один Асмодей. Этот красивый парень с рожками на голове что-то напевал, трогал гибкими пальцами кнопки и рычаги — важного значения его действия не имели.

— Умный народ эти люди или хрононавигаторы, что, возможно, одно и то же, — с уважением промыслил Ронна. — Даже странно, что существа с такими конструктивными недоработками тела, с таким примитивным обменом информацией — только при помощи слов, не всегда адекватных мыслям, с такими... в общем, что они быстро уловили наши возможности и наши намерения. Ты зафиксировал, что они успели узнать о нас и что мы узнали о них?

Ланна перечислил, что считал самым важным. Они узнали, что защита корабля непроницаема для звука, света, корпускулярного излучения, но бессильна против гравитационных аппаратов — и догадываются, что эти аппараты в любой момент могут превратиться в орудия истребления. О ротонных прожекторах они представления не имеют. О резонансных механизмах

догадываются, ибо аэроразведчик был испепелен перед их глазами. О разрыве времени на Дилоне не знают. Воевать с нами и покорять нас не намерены — и не только потому, что уступают нам в уровне техники. В отличие от рангунов, хрононавигаторы, они же люди, они же человеки, патологической воинственностью не заражены.

— Неплохо, — одобрил Рина Ронна. — Тебе, полагаю, поручат доложить о пришельцах Старейшинам. Основу доклада ты уже выстроил. Противодоклад делаю я. Ты уже обговорил с Мат Магоном ваше взаимоперевоплощение?

— Когда же, Ронна?

— Все же долго не уклоняйся от операции. Появление пришельцев вызовет много событий. Ты должен быть полностью синхронизирован, чтобы не попасть в беду, если возникнут непредвиденности. Говорю это тебе не только как друг, но и как провидец по должности.

— Все сделаю, — пообещал Ланна без энтузиазма.

— Теперь так, — продолжал Рина Ронна. — После сна люди высаживают на Дилону десант. Мы с тобой поведем этот десант в Ратушу. Надо их прозеркалить, без этого — никаких дружеских контактов.

— А если они воспримут прозеркаливание как враждебное действие?

— Не воспримут, Уве. Ты ведь помнишь, что говорил их капитан Кнудсен, так похожий на портрет своего родственника на стене?

— На портрет бога Хроноса, Ронна.

— Я и говорю — не то брата, не то отца. Они поняли, что мы не желаем им зла, а мы знаем, что они явились не воевать, а познавать нас. После прозеркаливания — прием у Старейшин, наши с тобой доклады и окончательное решение Программы Судьбы пришельцев. Подразумеваю программу их пребывания на Дилоне, а не существование вне планеты.

— Ты не боишься, что рангуны помешают приему пришельцев?

— Боюсь. Даже очень. Но надеюсь на разум Кун Канны. Он хоть и служит рангунам, но все же дилон, а не рангун. Он отговорит Ватуту от нового нападения на пришельцев. На всякий случай Братья Опровергатели приняли меры: на всех маяках, на всех батареях резонансных орудий дежурят полные комплекты операторов. Даже хронобойные аппараты задействованы.

5

Киборг Асмодей для первого выхода на незнакомую планету выбрал свою любимую личину № 17. Он охорашивался, поправлял кудри, складки одежды — высокий, темнолицый, остроглазый, с узенькой бородкой на удлинённом лице, с двумя серебряными рожками, красиво выступающими из курчавых волос, с жесткими усиками, в богатом костюме средневекового аристократа: камзол, короткие штаны, шелковые чулки, шпага на левом боку, сверкающий бриллиантами пистолет — на правом. Мария смеялась, Аркадий хохотал.

— Ты похож по одежде на французского маркиза, а усами — на какого-то немецкого монарха. В общем, помесь дьявола с аристократом. А зачем шпага и пистолет? Устраивать дуэли с аборигенами?

Асмодей выхватил шпагу и ткнул в Аркадия. Лезвие при выпаде удлинилось втрое узким снопиком пламени. Выстрел из пистолета прозвучал неслышно, но Аркадий не устоял на ногах. Впрочем, Асмодей успел его подхватить.

— Одна сотая мощности, — сообщил он, сняя. — А если на полной силе оружия?

— Но зачем такое театральное оформление? Разве бластер с переключателем мощности хуже?

Бластер не отвечает личине № 17, объяснил киборг. Зато в личине № 15 — образе юного звездoproходца — ни шпага, ни пистолет в драгоценных камнях, разумеется, не к лицу. Не годятся они и для личин от № 1 до № 14, копирующих змею, кентавра, волка, сфинкса, корову и прочую живность.

— Аборигенам личина № 17 понравится, — заверил Асмодей. — Вы, люди, мало интересуетесь собственной историей, вы устремлены в будущее. А я без истории не могу. Я еще покажусь тебе в образе грека-рапсода, увенчанного лавровым венком, или старшины гильдии палачей в кроваво-красном плаще, с топором на плечах, или казака-разбойника на лихом скакуне, с пикой на перевес. Обалдеешь!

— Расскажи, почему друзья прозвали тебя Асмодеем, — сказала, посмеиваясь, Мария.

Асмодей охотно поведал, что раньше собственного имени не носил и значился в каталоге как «Конструкция опытная многоцелевая на двадцать четыре функции и девятнадцать обликов».

И вот, прикидывая обертоны к личине № 16, то есть облику трудяги-лаборанта с большим научным будущим, он для забавы добавил себе светящиеся рожки, усы и бородку, длинные когти на мохнатых руках и усилил сверкание глаз до зловещего блеска. И в таком виде вдруг появился перед одной лаборанткой. Та сперва отшатнулась, потом захохотала: «Ах ты, Асмодей!» Так состоялось крещение киборга-универсала бесовским именем Асмодей.

— Бесовскую внешность я тогда придумал сам, — с увлечением хвастался Асмодей. — Скопировал картинку из книги «Мифические представления древних народов о нечистой силе». Я только не прирастил себе хвоста. Между прочим, верховных демонов Люцифера и Вельзевула, а также главного Сатану тоже рисуют без хвостов. Хвост — чиновное отличие низших бесов. В низшие бесы мне не захотелось, в верховные дьяволы не пожелал. Стать Люцифером или главным Сатаной — церемониал, жуткая хлопотня, больше парада, чем дела. А я обожаю дело. Оперативность мне по душе, хотя души в меня не встроили. Я спрашивал конструкторов — отвечают: не знаем, как душа выглядит в физической модели, математической формулы души тоже нет. Научная недоработка, по-моему.

Он завершил объяснение нечеловеческим хохотом.

Когда киборг закончил с туалетом, Аркадий попросил разрешения на выход.

— Немного погодим, — ответил Кнудсен. — Меня тревожат новые шары.

Один из шаров недвижно висел над «Гермесом» с того момента, как корабль опустился на полянку в гуще голубых деревьев. Второй шар улетел за аэроразведчиком. А недавно появились еще два шара. Все три были цельные, без иллюминаторов и люков, по их поверхности пробегали цветковые волны, шары казались гигантскими мыльными пузырями, тускло поблескивающими в сиянии двух солнц, — одно катилось на закат, другое восходило...

— Что тебя беспокоит? — спросил Аркадий. — Что в каждом шаре сидят аборигены? Нового в этом нет.

— Новое в том, что два шара появились точно к вашему выходу наружу. Уж не поджидают ли вас?

— Если поджидают, значит, подготовили почетный эскорт.

— Но ведь мы им не сообщали, что выходим! И никаких признаков выхода не показали. Как же они узнали о нашем решении?

— Не рано ли мы приписываем аборигенам умения, превосходящие наши собственные? — возразил Аркадий.

— Во всяком случае, умения, отличающиеся от человеческих, мы допустить вправе, Аркадий. Ладно, выводите десантную авиетку.

Когда авиетка вынеслась наружу, два новых шара пристроились к ее бокам. Скоро стало ясно, что они не просто эскортируют авиетку, а задают направление. Аркадий заколебался, куда направиться, вчера аэроразведчик показал несколько мест, заслуживающих изучения. Но оба шара синхронно повернули вбок и придвинулись ближе. В авиетке свободно помещались три человека, но она выглядела крохотной рядом с шарами.

— Приглашают на посадку, — сообщил Аркадий на «Гермес». — Весьма интенсивно хudeют. Я немного покочевряжусь, посмотрю, как они поведут себя.

Оба шара, сокращая объем, плавно опускались вниз. Это могло сойти и за приглашение на посадку. Аркадий задержал авиетку на высоте. Оба шара остановились, словно поджидая. Вместо снижения Аркадий задал автоматам подъем. Авиетка задрожала и закачалась, как на волне. Что-то внезапно заблокировало автоматы подъема.

— Потеряли собственное управление, — передал Аркадий на «Гермес».

— Не противодействуйте, — отозвался Кнудсен. — Мы все видим. В случае опасности, применим защиту.

Аркадий вторично проверил управление. Подъем отключился полностью, автоматы спуска и поворота вяло отвечали на команду — их тоже блокировали.

— Нам разрешают лишь те действия, которые им угодны, — прокомментировал положение Аркадий. — Бездействие тоже разрешено. Остается сложить руки на груди и безмятежно ожидать встречи с хозяевами. Думаю, выключение всех двигателей сойдет за сложенные на груди руки.

В нормальных условиях при остановке двигателей авиетка должна была камнем рухнуть вниз. Но она с той же плавностью, что и шары, опускалась между ними. Шары одновременно коснулись грунта, за ними мягко опустилась и авиетка. На шарах не было и видимого намека на люки, но один шар вдруг распахнулся, и из него вышли два аборигена. Они походили на сутулых людей, а еще больше на вставших на задние лапы крупных собак с непомерно длинными, гибкими передними лапами. Оба неспешно пошли к авиетке. Хрононавигаторы тоже выбрались наружу.

Аркадий заготовил традиционную фразу знакомства: «Земляне приветствуют вас, друзья!» Затем полагалось радушно поднять руку и присмотреться, кого же зачисляют в друзья людей.

Все уставные варианты знакомства оказались излишними.

Один из аборигенов протянул внезапно укоротившуюся руку с целым гребешком пальцев и заговорил на хорошем человеческом языке:

— Приветствуем тебя, хроноштурман Аркадий Никитин, и тебя, академик Михаил Бах, и тебя, киборг Асмодей в твоей прекрасной личине № 17! Вы прибыли на планету Дилону в звездной системе Гаруны Белой и Гаруны Голубой. Вы — наши гости. Вас ждут властительные Старейшины, Конструкторы Различий, Стиратели Различий, Братья Дешифраторы и Братья Опровергатели.

И Аркадий, и Бах понимали, что ни при каких ситуациях нельзя стоять с вытаращенными глазами и раскрытым ртом: на Земле это сочли бы невоспитанностью, а доказательств, что на Дилоне нормы-общения другие, не было. Бах нашелся первым.

— Вы говорите по-человечески? И знаете наши имена и кто мы? Как это возможно?

— Братьям Дешифраторам пришлось потрудиться, — не то прозвенел, не то пропел дилон. — К тому же вы прикрыли свой корабль оптическими и корпускулярными экранами, даже гравитационные искатели лишь контурно ощупывали его. Но об этом потом. Меня зовут Рина Ронна, я — Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор. Мой друг, Уве Ланна, молодой Конструктор Различий. Мы будем отвечать на ваши вопросы и вводить вас в нашу жизнь.

Все пятеро шли по улице, заполненной аборигенами. Рина Ронна с Аркадием — впереди, за ними Бах с Асмодеем, шествие замыкал Уве Ланна. Почетный эскорт был похож на древний земной конвой для заключенных. Ронна, шагая, разговаривал, Ланна, столь же энергично шагая, не обмолвился ни словом — возможно, не столь хорошо освоил человеческий язык. Бах вдруг обнаружил несообразность: он отчетливо слышал человеческие слова, но звуки, которые дилон произносил ртом, не могли быть словами, — они напоминали тихий визг, напев, иногда приглушенный лай. «Мысленно передают слова, а физически не говорят», — с удивлением зафиксировал Бах.

Аркадий с Бахом рассматривали выстроившихся вдоль дороги дилонов. Их глазами наблюдали жителей и Кнудсен с Марией. Впечатление, что дилоны напоминают поднявшихся на

задние лапы собак, лишь силуэтно отвечало облику. Только голова с вытянутым лицом и острыми ушами сильно разнилась от человеческой, да еще слишком короткие ноги при слишком длинных руках. Бах вполголоса заметил Асмодею, что дилонов на отдалении можно принять за пещерных людей. Аркадий мысленно обратился к Марии: если бы ты в своей геноструктурной лаборатории сочетала гены человека с генами собаки и обезьяны, то получилось бы дилонообразное существо.

Аркадий забыл, что дилоны распознают человеческие мысли и что молчаливая передача на корабль так же ясна им, как и негромкое замечание Баха. Ронна доброжелательно напомнил об этом:

— Итак, у нас есть сходство и с людьми, и с неизвестными нам существами — собаками и обезьянами. Надеюсь, собаки и обезьяны пользуются почетом у людей?

Аркадий ответил с полной искренностью:

— Собака — лучший друг человека. А что до обезьян, то мы считаем их своими предками.

Теперь он знал, что надо не только помалкивать, но и воздерживаться от рискованных мыслей. Аркадий вспомнил, что в курсе «Техника безопасности при знакомстве с инозвездными цивилизациями» начинающему астронавту задавали разные вопросы с требованием не допускать никаких мыслей, относящихся к заданным вопросам, — регистратор мозговых излучений фиксировал, удалось ли это ученику. Астронавты дружно ругали запрет спровоцированных размышлений как насилие над интеллектом. Контроль над мыслями — одно из худших явлений древних времен, так высказывались иные. Впрочем, в каждой учебной группе появлялись и свои рекордсмены-мыслемолчалники. Аркадий к ним не принадлежал. Зато сейчас радовался и своей скромной отметке на экзамене по мыслемолчанию.

Улица складывалась из глухих зданий. Каменные пятидесятиметровые цилиндры не имели ни окон, ни дверей, только подземные входы с падающими вниз туннелями. Цилиндры вытягивались в две линии, полоса между ними и была улицей, а на ней такими же ровными рядами, как здания, выстроились дилоны. Ни один не нарушал невидимую запретную линию, но за ней все толкались, повизгивали, покрикивали и, удлиняя руки, высоко поднимали их над голыми головами. Передатчики хронавтов фиксировали все звуки в толпе, а расшифровку исчерпывали единственным словом: «Радуются!» И Асмодей, легко превраща-

ющий всего себя в огромный приемник, обнаружил в поведении дилонов только радость знакомства.

«Наше появление превратилось в торжественный спектакль», — высказался Асмодей и хохотнул. Ему нравилось, что он — причина дружеского праздника.

Аркадия удивило, что на улице не видно ни одного из транспортных шаров, каких вчера так много обнаружил на той же улице аэроразведчик. Ронна ответил, что шары убраны, чтобы не мешать процессии. Пришельцы могут не беспокоиться о шарах.

Шары появились вскоре после разговора о них. Что-то захотало, тяжкий гул пронесся над городом. Дилоны заматались по улице, большинство бросалось в узкие входные туннели домов, но в толчее застревали и валялись один на другого. Ронна что-то прокричал людям, но его самого оттерла охваченная паникой толпа. Ланна тоже пропал. В этот момент в воздухе и возникли транспортные шары и роем посыпались вниз. Шары распахивались, в их зевы вторгались жители. Наполнившиеся шары захлопывались, взмывали и пропадали за линией цилиндрических глухих громад.

И спустя короткое время хронавты обнаружили, что они одни. Аркадий вызвал хронолет. На экранчике наручного передатчика возник салон «Гермеса». Кнудсен сидел у пюльта.

— Что-то чрезвычайное, аборигены впали в ужас, — сообщил Аркадий.

— Мы прикрыли вас силовым щитом, — ответил капитан хронолета.

В недрах снова грохнуло. Вся планета вдруг загудела, запела, застонала, зазвенела, завывала — исторгала из себя на тысячу тонов фантастическую надрывную симфонию, каждый камешек, каждая прослойка голосили то пронзительно режущим, то гулким, как обвал, то дико рычащим звуком. Все вибрировало и содрогалось. И внезапно все внутренние, надрывные вибрации превратились в одну огромную судорогу недр.

Планета вся как бы взорвалась. Людей швырнуло вверх, все трое закачались на высоте — сработала защита. Небо ошалело качалось. Две Гаруны, Белая и Голубая, то рушились за горизонт, то вырывались наверх и валялись на другой край неба, как отрубленные на плахе головы. И, в такт метаниям солнц, высотные цилиндры глухих зданий тряслись и изгибались, как былинки на ветру.

А спустя еще некоторое время грохот взрыва стал ослабевать. Планета еще содрогалась, но оба светила перестали носиться в небе взад и вперед, тяжкий гул недр затихал, здания, окаменевая, уже не бросались одно на другое. Все возвращалось в то состояние, в каком обреталось перед внезапной катастрофой, как будто и самой катастрофы не было. Десяток минут назад Аркадий не сомневался, что город разрушен и улица, по какой они шли, завалена обломками домов, а под ними погребены дилоны, устремившиеся в туннели. Но здания возвышались невредимые, улица была как улица, только пустая, а с неба лили сияние жаркая Гаруна Белая и ласковая, почти нежная Гаруна Голубая: Белая — большая, Голубая — поменьше.

— Миша, что же это было? — спросил Аркадий. Все трое покачивались на высоте. Кнудсен пока не снимал защиты.

— По-земному — землетрясение, по-местному, наверно, дилонотрясение, — с воодушевлением отозвался академик. Он сиял, как если бы его чем-то порадовали. — Великолепное зрелище! Какая сейсмоустойчивость зданий! Качались и перегибались — но ни одно не разрушилось! Случись такая катастрофа на Земле — и города превратились бы в кучу пыли, и реки вышибло бы из русел, и всюду зияли бы разломы.

На пустую улицу сел вырвавшийся между зданиями шар, из него выскочил Ронна.

— Опускайтесь на грунт, пришельцы!

Кнудсен отключил защиту, и хронавты опустились на землю. У Асмодея восхищение Баха сейсмоустойчивостью преобразовалось по-своему. Он радостно воскликнул:

— Отличный спектакль, дружище Ронна. Игра в паническое бегство разыграна великолепно!

Рина Ронна, Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор — длиннорукий, хвостатый, фигурой смахивавший не то на обезьяну, не то на неандертальца, а лицом — на большую добрую собаку, — так выразительно помрачнел, что сразу стало ясно: спектакля не было, было несчастье.

— Асмодей, киборг и обладатель прекрасной личины № 17 и еще многих других личин, ты стал очевидцем не игры, а преступления. Коварные рангуны поразили нас неожиданным нападением. И если бы Братья Опровергатели не подготовились заранее, число жертв было бы несравненно выше, хотя и сейчас оно, к сожалению, значительно. Хочу вас заверить, пришельцы, что техника опровержения у нас на высоком уровне. Можете не сомне-

ваться: презренных рангунов сейчас трясет и швыряет еще сильнее, чем они хотели потрясти и пошвырять дилонов. Впрочем, им это не страшно, они бессмертны.

— Так это была демонстрация против нас? — спросил Аркадий.

— И против вас тоже. Рангуны захотели показать вам свою мощь.

— Но если нам грозила беда, почему вы покинули нас?

Рина Ронна изобразил удивление на собакообразном лице. Он мог бы разговаривать не мыслями, трансформировавшимися в мозгу людей в слова, а одними гримасами — и было бы понятно.

— Ты забыл, хроноштурман Аркадий, что мы не под силовой броней твоего корабля. Окажись Братья Опровергатели менее бдительны, весь город усеяли бы обломки домов и трупы.

Из туннелей выбирались жители. То тут, то там опускались возвращавшиеся шары, из шаров выпрыгивали дилоны. Но, в отличие от прежней, эта восстановившаяся толпа держалась тихо. Нападение рангунов порядком испортило всем настроение.

Из одного шара вывалился Уве Ланна и молчаливо пристроился на прежнем месте. Асмодей, осклабясь, хлопнул его по плечу. Ланна только взглянул на него большими грустными глазами, не обрадовался и не обиделся — возможно, не понял, что означает этот странный жест — похлопывание по плечу. В отличие от своего товарища, молодой Различник казался замедленным и постоянно погруженным в размышления.

Так все пятеро подошли к цилиндрическому зданию, замыкавшему улицу. Не только самое высокое, но и самое массивное, оно было к тому же ярко-голубым, а не серо-черным, как остальные. И в него вел не узкий туннель, а просторный коридор, выложенный золотым, ярко светящимся камнем. По обе стороны голубого здания вздымались узкие башни с венцами: одна из таких башен, когда к ней слишком близко подлетел аэроразведчик людей, превратила его в облачко дыма и праха.

— Обиталище Старейшин, — торжественно возвестил Ронна. — Шествуйте за мной, пришельцы.

В просторном вестибюле со стенками из плиток золотого камня и малиновыми колоннами из самосветящихся монолитов Ронна остановился.

— Дорогие гости, раньше, чем мы предстанем перед высокими Отцами Конструкторами Различий и могущественными Отцами Стирателями Различий... В общем, мне и Различнику

Уве Ланне поручено вас тщательно прозеркалить. Я сказал «тщательно», чтобы следовать духу вашего языка и образу ваших действий, ибо, как обнаружили Братья Дешифраторы, у вас имеются три меры исполнения: тщательное, посредственное и халтурное, иначе мерзкое. Правда, не установлено, что вы больше любите, халтурное или мерзкое. У дилонов таких различий нет, все наши операции соответствуют вашему «тщательное».

Аркадий поинтересовался:

— Прозеркалить? Что это значит?

— Вас усадят перед проникновенными зеркалами. Проникновенными, ибо они сперва проникают, потом отражают. И вы увидите себя, какие сейчас и какие были в юности и детстве. А после посмотрите, какими станете в будущем. Ибо в проникновенных зеркалах вызеркаливается не ваша внешность, а ваша суть. Простая операция, не правда ли?

— Совершенно простая! — Аркадий обалдело поглядел на Баха.

Но академик выказывал лишь любопытство. Он заранее ожидал неожиданностей и разочаровался бы, если бы неожиданностей не произошло.

6

Комната была как комната, такую можно увидеть и в земных зданиях. Высокий потолок чернее сажи создавал ощущение полного отсутствия потолка. Стены — розово-самосветящиеся, широким обводом замыкали небольшое пространство, в центре его стояло на треноге по виду обыкновенное зеркало. В нем бесстрастно и точно отразились оба дилон и хронавты. Ронна раза в два удлинил правую руку, что-то нажал в стене, стена бесшумно раздвинулась, выползло кресло с балдахином и подъехало к зеркалу. Ронна укоротил руку и помахал ею.

— Аркадий, садись и сосредоточься. Углубись в свою душу — такое я открываю в твоих мыслях название предстоящей операции.

Аркадий не был уверен, что именно углубление в собственную душу прочитал в его мыслях Ронна, но подтянулся, как бы готовясь к прыжку. Ронна отвел в сторону Баха и Асмодея — им, видимо, не полагалось лицеизереть прозеркаливание чужой души. Дилоны встали позади Аркадия, оба следили за сменой изображений в зеркале, впрочем, по-настоящему их рассматривал один

Ронна, а Ланна, только бросив взгляд на изображение, тут же погружался в размышления о нем.

Из зеркала на Аркадия глядел он сам, насупленный, со сжатыми губами, округлившимися глазами. Аркадию захотелось рассмеяться, таким забавным показалось «прозеркаливание». Он удержался от смеха, но улыбка выползла на лицо. Аркадий знал, что улыбка промелькнула, он чувствовал, как губы раздвинулись, он как бы увидел со стороны свою улыбку — насмешливую, тут же опасно сдернутую с лица. Но в зеркале ее не было, зеркало ее не приняло, оно повторяло все тот же облик — румяный, золотоглазый, с длинными оранжевыми кудрями, спадавшими на плечи. Красивый, в общем, парень, но не улыбчивый, а нарочито хмурый — ухмылка такому не шла.

Удивившись, Аркадий стал всматриваться. Удивление тоже не отразилось. Аркадий вдруг понял, что не узнает себя в зеркале. Он выглядел гораздо моложе и все больше молодел. Он сидел в кресле один и тот же, а изображение показывало поначалу взрослого, гордящегося своей красотой мужчину; мужчина преобразовался в юношу; юноша превращался в мальчишку. И хоть сам Аркадий не сдвигался с кресла и, крепко обхватив его ручки, старался не менять окаменевшей на лице сосредоточенности, лицо в зеркале непрерывно менялось. В нем зарождались и боролись чувства, оно было то гневным, то умиленным, то безмерно удивленным, то ошалело ликующим. Но ни разу его не омрачала злоба, оно ни разу не выразило ненависти. Он был очень разный, этот сперва красавец-мужчина, потом нервный вспыльчивый юноша, потом угловатый, совсем некрасивый мальчик. Но кем бы он ни был — в любую минуту жизни он оставался добрым. Это было главное свойство натуры: то скрытая, то выпирающая наружу, но никогда не отменяемая доброта — и в гневе, и в радости, и в печали, и в ликовании...

— С прошлым у тебя благополучно, — произнес Ронна, и изображение пропало. Аркадий по-прежнему всматривался в гладкую поверхность зеркала, но оно, уже ничего не отражая, вдруг стало потухшим экраном. Ронна продолжал: — Переключаю на будущее. Полюбопытствуй, кем ты способен стать.

Теперь Аркадий знал, какие изображения дает зеркало, и не удивился, когда снова появился таким, каким сидел в кресле. Изображение стало ощутимо стареть. На переходе от завершенной взрослости в начинающуюся старость изображение замерло. Из зеркала глядел мощноголовый представительный мужчина, в его

волнистых волосах посверкивала седина, он теперь походил и на капитана Анатолия Кнудсена, а еще больше — на грозного бога Хроноса, висевшего над головой Кнудсена. С минуту Аркадий разглядывал себя, взиравшего из будущего на себя нынешнего, а затем изображение стало меняться. Он оставался тем же, но какая-то огромная ответственность придавила плечи, сделала хмурым лицо. И снова в калейдоскопе сменявшихся изображений зеркало не показало ни злобы, ни иссушающей душу ненависти. Он был суров, но по-своему, по-суровому доброжелателен, — таким увидело необыкновенное зеркало будущего Аркадия Никитина.

— Готово! — сказал Ронна словечком земного фотографа, разрешающего вернуться от парадной позы к обыденности.

— Неужели я и вправду буду таким? — воскликнул Аркадий, вскакивая с кресла.

— Будешь, если будешь, — темно отвечивал Ронна.

— Как понимать — буду, если буду?

Ронна разъяснил, что проникновенное зеркало изображает возможности тех, кто садится перед ним. И оно моделирует обстоятельства, при каких внутренние потенции способны осуществиться: предсказывает поведение согласно характеру. Однако возможности не всегда реализуются. Удар камнем, налетевшая в бурю волна, пожар в доме, нападение врага и, конечно, разрыв связи времен в организме — и нет будущего. И не станут реальностью потенции, которыми так богат.

— Надеюсь, потенций преступника во мне ваше сверхпроницательное зеркало не обнаружило? — со смехом поинтересовался Аркадий.

Нет, в характере хроноштурмана Аркадия Никитина преступные тенденции отсутствуют. Возможность стать злодеем столь маловероятна, что злодеем ему не быть.

— Твоя очередь прозеркалиться, пришелец Михаил Бах, — объявил Ронна.

Знаменитый на Земле академик Михаил Петер Бах с интересом ожидал, что же откроет ему необыкновенное зеркало, чего бы ни сам он о себе, ни другие о нем не знали. Садясь в кресло, он предвкушал удовольствие от знакомства с собой незнакомым, готовился к раскрытию таящейся в нем неведомой подспудности. Но зеркало не раскрыло никаких тайн. Оно показало, что этот человек, археолог Бах, в сущности своей точно таков, каким предстает в явлении. Он был всегда един и целостен — и в детстве, и в молодости, и в нынешней зрелости — и будет таким же в

славной старости, если до нее доживет. Зеркало изображало неутомимого путешественника; «Работаю ногами и головой одновременно, такое наше дело», — говорил он о себе, посмеиваясь. И в грядущем живописало седого, подвижного старичка, веселого и вдумчивого. Старичок глядел умными глазами на себя, сидящего в кресле, жарко и убежденно — не произнося ни слова — что-то доказывал и сердился, что доказательство недоказательно. Миша Бах, так его называли в молодости, так он именовался у друзей, достигнув научных высот, таким же Мишей Бахом подойдет к неизбежной могиле, не обретя имени посолидной.

Бах, однако, почувствовал себя жестоко обиженным. Среди его многочисленных научных успехов был один, последний, значительнейший, — поразительная находка, самое удивительное открытие, какое совершила археология за многие века своего существования. Нет, не просто интересная находка, не просто археологическое открытие, а переворот в воззрении человечества на собственную историю, перемена представлений о развитии всей Вселенной — он и такой огромной формулировки не побоится. Разве это его последнее открытие не породило споры на всей Земле, разве не оно вызвало снаряжение небывалой экспедиции в миры искривленного времени, разве не для его проверки сконструировали и оснастили трансмировой лайнер «Гермес», свободно меняющий в любом уголке мироздания ток физического времени? И вот — и намек нет на величайший подвиг его жизни! Зеркало показало улыбки и гримасы, ноги, неутомимо шагающие по пустыне, карабкающиеся по скалам, морщины на стареющем лице — мелочи, ерунду, а не единственно важное — великое его открытие.

И оскорбленный Бах хмуро заметил, поднимаясь из кресла:

— Маловато раскрывает тайн ваше волшебное зеркало, Ронна.

— Вполне достаточно, можешь мне поверить, — ответил дилон. — Ты один остался, Асмодей.

Асмодей с готовностью уселся в кресло. Он сразу захохотал, и зеркало отразило это — хохот был важной характеристикой киборга. Еще Асмодей покривлялся, наставив на зеркало рожки, изрядно высовывавшиеся на кудлатой голове, лязгнув зубами, выбросил, поднатужась, облачко дыма из ноздрей, но ничего из этого не отразилось в зеркале. Зато оно как бы распахнуло его по груди и развернуло туловище. Асмодей покоился в кресле, застегнутый на все сочленения своего любимого обличья № 17, помеси древнего аристократа и получиновного беса, а в зеркале показывался умело смонтированными переплетениями аккумуляторов,

емкостей, проводов и живых тканей. Затем побежали обличья — кентавр, змея, тигр, человек (то мужчина, то женщина). А после возник лабораторный стенд, и на стенде лежало все то, из чего монтировался киборг. Напоследок зеркало отразило коренную сущность киборга — таблицу цифр и знаков, цифры и знаки сочетались в формулы — программы поведения при разных обстоятельствах.

— Ты ясен, Асмодей, — произнес Ронна, и зеркало превратилось в тусклый экран.

— Вы не полюбовались моими эмоциями, — с сожалением сказал Асмодей. — Мне ведомы все пять человеческих чувств — зрение, обоняние, слух, вкус и осязание; я в них тоньше и острее, чем люди, можешь не сомневаться. Только шестого чувства — любви к особи другого пола — не получил, ибо я внепол. Подчеркиваю, не бесполой, а внеполой. И это, скажу тебе, дилон, мое преимущество, ибо ни страдания неудовлетворенной любви, ни рабское угождение объекту...

— Знаем, знаем, — успокоил его Ронна. — Формулы твоих чувств внушают уважение, ибо составлены с умением и благородством.

— Но вы не посмотрели меня в будущем, — настаивал киборг. — Разве вам не интересно, каким я предстану в грядущем?

— С тобой все ясно, — повторил дилон. — В будущем ты будешь таким же, как в настоящем. А если изобретешь еще десяток личин, это не изменит твоей природы. Теперь, пришельцы, мы перейдем в зал Предварения, там вы зададите мне и Уве Ланне все вопросы, которые придут вам в голову. Затем в зале Утверждения вы предстанете перед Старейшинами — Конструкторами Различий и Стирателями Различий. Старейшин возглавляет великий Гуннар Гунна, главный Прорицатель и Утвердитель. Большая честь для вас, гости, появиться перед Вещим Старцем, который будет вас судить.

— Судить? — Аркадий нахмурился. — За какую же вину нас будут судить?

Ронна пояснил, что слово «судить» происходит не от тревожного слова «суд», который он читает в мыслях Аркадия, а также и не от плохого слова «осуждать», которое тоже появилось в мозгу землянина, а от хорошего слова «обсуждать».

— У вас от одного корня происходят противоположные оценки, — заметил дилон. — Это затрудняет расшифровку. Теперь пойдем дальше.

Пятерка шла в прежнем порядке: впереди Ронна, посередине люди, позади Ланна. Аркадий заметил, что Ланна не произнес ни единого слова в комнате с проникновенным зеркалом. Его постоянное молчание раздражало Аркадия. Аркадий обернулся к нему и спросил, долго ли им идти. Ланна вздрогнул, но промолчал и на этот раз.

За Ланну ответил Ронна.

— Мы у входа. — И добавил: — Ланне предстоит доклад перед Старейшинами. И это первый в его жизни доклад. Естественно, он волнуется. Не будем отвлекать его от трудных размышлений.

— О чем он будет докладывать Старейшинам? — поинтересовался Аркадий.

— О вас, пришельцы. — И показав на внезапно открывшийся в сплошной стене туннель, Ронна произнес с торжественностью: — Входите в зал Предварения, гости с Земли.

7

Вдоль стен пустого зала стояли скамейки. Первым уселся Асмодей. Он совсем не нуждался в сидении, но демонстрировал, что во всем ведет себя как человек. Бах и Аркадий тоже уселись, у них уже болели ноги от блужданий по городу. Ронна показал гостям, что и дилоны умеют сидеть, но не нуждаются для этого ни в креслах, ни в скамейках: выпростав из-под плаща свой хвост, скрутив его кончик в опорное кольцо, он уселся, как на треноге, на хвосте и обеих ногах. Уве Ланна не умел так красиво сидеть на хвосте, он отошел к стене и скромно стоял там, молча поглядывая на людей и стараясь вдуматься в их мысли.

— Задавайте вопросы, — предложил Ронна.

Бах взглядом показал Аркадию, что хочет вести беседу.

— Первый вопрос таков: почему вы не задаете нам вопросов? Мы явились из неизвестного вам мира непредвиденно для вас. У людей раньше расспрашивают гостей о цели их прихода, потом лишь отвечают на их вопросы.

Ответ Ронна прозвучал неожиданно:

— У дилонов, наоборот, до всего доходят собственным размышлением. Именно о цели вашей высадки на Дилону и размышляет сейчас проникательный Различник Уве Ланна. Уверен, вы будете восхищены глубиной, с какой Ланна обрисует в своем докладе ваши намерения и цели.

— Разве не проще узнать намерения и цели от нас самих?

— Возможно, и проще. Но оскорбительно, ибо равнозначно унижению своего интеллекта, мощи своих познавательных умений. Истинное знание достигается активным движением мыслей, а не накоплением знаний пассивными вопросами.

Академику Михаилу Баху понадобилась почти минута, чтобы переварить ответ дилона. Тот спокойно ожидал, пока человек справится с замешательством.

— Мне кажется, вы впадаете в противоречие с собственной практикой, — сказал наконец Бах. — Вы как будто умеете использовать законы природы, но ведь для этого надо раньше узнать эти законы, то есть задавать учителям вопросы и получать ответы.

— Мы сами открывали законы природы, пришелец. Каждый дилон обязан в молодости самостоятельно найти и обосновать хоть один из важных законов мироздания. Наш друг Уве Ланна открыл, что тело, погруженное в воду, теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им вода. И с каким блеском он опроверг Опровергателей, старавшихся доказать неправильность этого закона. А я в свои юные годы открыл закон мирового тяготения.

— Неужели другие до вас не знали закона всемирного тяготения?

— Ты меня поражаешь, пришелец. Конечно, все знают. Но кто же признается в таком — от других — знании? Кто открыто обвинит себя в неспособности к постижению мира? Иные дилоны имеют до сотни собственных законов мироздания — и это не предел. Открытые дилоном в молодости законы природы определяют всю его дальнейшую жизнь. Закон мирового тяготения, найденный и обоснованный мною, внесен в мою личную Программу Судьбы как фундамент для взрослости.

— Я не совсем понимаю тебя, Рина Ронна...

— Но ведь это так просто! Каждый открывает те законы мироздания, которые близки его натуре. В обоснованных закономерностях природы выражается душа, жизненные цели. И когда юноше приходит пора утверждать свою взрослость, составляется его Программа Судьбы, то есть система жизненных целей и методов их осуществления. И в той Программе находят свое место открытые им фундаментальные законы.

— И в твоей Программе нашел место Закон всемирного тяготения?

— Естественно! Ибо о чем твердит этот закон, так блестяще мной открытый и защищенный от критики Опровергателей? О том, что все различия материальных тел поглощаются общим им всем свойством — притягиваться одно к другому. И когда я доказал, что это всеобщее взаимное тяготение усиливается пропорционально массе тел и обратно пропорционально квадрату разделяющего их расстояния, моя судьба была решена: я стал Стирателем Различий. Моя Программа Судьбы была однозначно решена одной моей научной находкой. Элементарно, не правда ли?

— Ты упомянул Опровергателей. Это что же, общественная функция — опровергательство? И в чем оно заключается? В критике законов природы?

— Отлично, пришелец! Хотя и примитивным способом вопросов и ответов, но ты начинаешь нас постигать. Конечно, Опровергатели критикуют законы природы, это их обязанность в юном возрасте. Все дилоны проходят стадию Опровергательства, но далеко не все превращают умелое опровергательство в главную задачу своей будущей Программы Судьбы. В юном возрасте каждый подбирает достаточно важный, лучше свой, но можно и открытый другими закон природы и опровергает его — то есть изыскивает условия, при которых этот закон перестает действовать или даже превращается в свою противоположность. Разве у вас формой познания природы не является опровержение ее законов?

— Нет, у людей законы природы не опровергают. И, честно говоря, я не понимаю, как можно опровергнуть закон мирового тяготения, открытие которого ты закрепил за собой?

— Не закрепил за собой, а просто открыл. Нет одного автора закона мирового тяготения. Тысячи до меня открывали этот закон — и тысячи после меня откроют его. Не только откроют, но и опровергнут, его опроверг Уве Ланна, когда был моим учеником. Он отыскивал условия, когда всемирное тяготение совсем перестает действовать или ослабляется. И как превосходно решил свою задачу! Разве не вес тела является важнейшим параметром тяготения? И разве, погружая тело в воду, он не ослабляет вес? Создавая невесомость, он творит условия, при которых тела теряют самые общие свойства. Такое искусство творить различия там, где они уже стерты в поглотившем их единстве, и стало главной чертой Программы Судьбы Уве Ланны: он сдал экзамен на высокий чин Сына Конструкторов Различий, он ныне — один из выдающихся наших Различников. Вы скоро оцените его по

достоинству, когда в зале Утверждения услышите его доклад о вас самих.

— С удовольствием послушаем. Хотя, повторяю, люди не стремятся критиковать законы природы, тем более, не опровергают их...

— Это означает, что вы не умеете строить свою защиту, — заметил дилон. — Ведь враги нападают, используя законы природы. Не будете же вы применять против них использованные ими законы. Это было бы безнравственно.

— На наших планетах у людей нет врагов. Попадают опасные животные, но они нам не враги.

Ринна Ронна вдруг рассердился.

— Чудовищно жить без врагов! Аморальное существование. Враги необходимы для обострения разума и утверждения собственного достоинства. Если врагов нет, их надо изобрести. Изобретение врагов составляет одну из прерогатив Конструкторов Различий.

— И много времени они посвящают конструированию врагов? — не без иронии поинтересовался академик.

— В нашу эпоху немного. Теперь нам врагов хватает. Наши враги — рангуны, обитатели второй половины планеты. Эти бесмертные твари с избытком удовлетворяют любую потребность во вражеском противостоянии. В других врагах нужды нет. Мы при вашем явлении, конечно, поразмыслили, не враждебные ли у вас цели. Но ничего враждебного не обнаружили.

— И не могли обнаружить, — подтвердил Бах. — Мы существуем в мире в прямом и фазовом временах с миссией дружбы, а не вражды. Таково наше человеческое свойство.

В разговор вступил молчавший до того Аркадий:

— Прости, Ронна, примитивность моего интеллекта, но люди не мыслят познания без вопросов, ответа на которые собственным рассуждением не находят.

— Прощаю. Спрашивай.

— Я астрофизик. Меня интересуют закономерности мироздания. Мы повернули к вам наш хронолет, потому что обнаружили удивительное явление. Ваши две звезды существуют в разных физических временах — та, которую вы называете Гаруной Белой, функционирует во времени, практически противоположном времени Гаруны Голубой. Так?

— Так, но не так. Прекрасная Гаруна Голубая существует во времени истинном, но слабом, интенсивно подавляемом зловещей

Гаруной Белой. Гаруна Белая функционирует во времени лживом. Это время наших врагов рангунов. Продолжай, иновременник.

— Почему ты называешь нас иновременниками? Ведь физически мы пребываем с вами в одном и том же времени.

— Только в данный момент. Ваш корабль, приближаясь к Дилоне, возник сразу из ничего. Он выпрыгнул из пустоты. Он не вырастал из крохотной точки в большое тело, как было бы при подходе издалека. Не приближался, а материализовался. Так могло быть, если ваш корабль возник не из иного пространства, а из иного времени.

— Правильный вывод. Еще вопрос: дилоны и рангуны пребывают в разном времени. Как это сказывается на жизни дилонов и рангунов?

— Вопрос дельный. Жалко, что ты не хочешь самостоятельным ходом мыслей найти на него ответ. Ибо ответ мой будет печален.

Ответ Стирателя Различий походил не на справку, а на речь. По древним преданиям, существовала только одна Гаруна, и вокруг нее вращалась только одна планета Дилона, и обе они, звезда и планета, существовали в едином времени. И жители составляли один народ, также пребывавший в одном времени. Затем откуда-то примчалась вторая звезда. Физическое время новой звезды не совпало со временем первой. Один ток времени путался с другим током, на планете замесились хроновихри. То одна, то другая звезда, притягивая к себе планету, внедряла в нее свое время — и это порождало великие трудности. На стороне Дилоны, захваченной рангунами, периодически воцаряется то время Гаруны Голубой, то время Гаруны Белой. Отвратительные рангуны впадают то в одно время, то в другое. Им удалось использовать эту неполадку для превращения своей жизни в бессмертное существование.

— Ты сказал — бессмертное существование, Ронна?

— Я сказал — бессмертное существование, друг иновременник. Рангуны смогли растянуть свое бытие на полный период одного из двух времен. Рангун теперь начинает свое детство, когда полновластно господствует время одной из двух звезд, взрослеет в этом времени, начинает стариться в нем — и тут одолевает время другой звезды. И стареющий рангун, не успев умереть, переходит в обратный ток времени, и вместо заслуженной гибели от старости — молодеет, пока не превращается снова в ребенка. А к моменту младенчества время опять меняет свой ход, и рангун повторяет путь в обратную сторону.

— Ты сказал, что ответ твой будет печальным. Тебя печалят качели бессмертного бытия рангунов?

— Нет, нас одолевают собственные недуги. У нас нет периодической смены времен, как на другой стороне планеты. У нас властвует прекрасное время красавицы Гаруны Голубой. Но на него накладывается влияние яростной Белой Звезды. Не периодическая смена, а схватка разных времен — вот наша реальность. И от этого нарушается синхронизация в нашем теле. Это тяжкая хворь, человек. Нет большей беды, чем разрыв в тебе твоего единого времени. Иногда мы справляемся с недугом путем перевоплощения — заменяем выпавшие из синхронности органы на другие, естественные либо искусственные. Но и перевоплощение дает лишь временное облегчение. Несинхронизация времени — единственная наша болезнь, и в ней неисчерпаемый источник печали.

Аркадий обернулся к Баху.

— Миша, после твоей археологической находки все мы были покорены идеей, что где-то в глубинах космоса существует Высший Разум — общество инженеров и генотворцов, умеющих распространять по разным звездным системам создания, похожие на нас по образу и интеллекту. В космосе наши звездопроходцы таких жизнесоздателей не обнаружили. Теперь и в фазовом времени...

Рина Ронна, Стиратель Различий и Дешифратор, радостно прервал Аркадия Никитина, штурмана хронолета «Гермес»:

— Иновременник! Вы попали, куда стремились. Дилоны — воплоатели Высшего Разума. Глубже нас немисливо познать природу и себя. Ты это сразу поймешь, когда предстанешь перед собранием Старейшин. Высший Разум мироздания, воплотившийся в Отцах Различниках и Отцах Стирателях, а также частично в Братях Дешифраторах, изобразит вам самим, пришельцы, кто вы по своей сущности, а не только по облику.

8

Люди вошли в круглое помещение с четырьмя амфитеатрами, с таким же черным, пропадающим в незримости потолком, как в двух других залах, с такими же излучающими мягкое сияние стенами. В одном из амфитеатров — всего на три ряда кресел — восседало двенадцать дилонов в малиновых плащах, четверо в каждом ряду: Отцы Конструкторы Различий, — протелепатировал людям Ронна. На втором амфитеатре, напротив первого, засе-

дали двенадцать дилонов в фиолетовых плащах — это были Отцы Стиратели Различий. А в боковом амфитеатре разместились шесть дилонов в зеленых плащах и еще шесть в желтых — Братья Дешифраторы и Братья Опровергатели: первые — справочные кладези знания, вторые — начальники боевых башен, готовых в любой момент отразить любое нападение рангунов, как с уважением обрисовал Ронна их общественную функцию.

Четвертый амфитеатр, напротив Дешифраторов и Опровергателей, предназначался для обсуждаемых. «Для обвиняемых», — подумал по старинной земной терминологии Аркадий, но тут же поправил себя, вспомнив, какое различие провел Ронна между обсуждением и осуждением. В первом ряду пустого четвертого амфитеатра уселись трое хронавтов, рядом — Ронна и Ланна. Ронна вручил людям небольшие шарики, чтобы вставить в уши: посредством таких шариков Братья Дешифраторы переведут мысленную речь дилонов в человеческую. Асмодей немедленно запихнул шарики в оба уха и радостно хохотнул: ему нравилось, что к его богатейшей дешифраторской аппаратуре для всех языков и кодов добавились и эти забавные белые шарики. Бах с Аркадием не торопились вставлять шарики в уши: в зале Утверждения стояло молчание. Малиновые, фиолетовые и зеленые Воплотители Высшего разума не двигались и не разговаривали, только в семьдесят два глаза всматривались в тех, кого собирались обсудить.

Хрононавигаторы быстро обнаружили, что дилоны в одном амфитеатре непохожи на восседавших в другом. Дешифраторы и Опровергатели, как и Ронна с Ланной, тоже были собаководны — вытянутые рты, высокие уши, торчком стоящие на голокожей голове. Лишь розовая кожа щек, способность улыбаться и выпуклые умные глаза сближали их облик с человеческим. Зато Конструкторы Различий гораздо больше напоминали человека, только пещерного — выпяченные губы, скошенные лбы, глубоко посаженные глаза. И вовсе иными выглядели Стиратели Различий: у каждого львиная, а не человеческая и не собаководная голова, огромная, тонущая в пышной гриве зеленых волос; острые светлячки глаз...

Понимая, что показывает свою примитивность, расспрашивая там, где надо бы достичь понимания собственным рассуждением, Аркадий все же обратился к Ронне с вопросом: почему Старейшины так различны? Не связан ли их облик с выполнением государственных функций? Не подбирают ли в Дешифраторы и

Опровергатели только собакоголовых, в Конструкторы — человекообразных, а в Стиратели — львиноликих? Ронна с любезностью разъяснил, что удивляется наивности людей, так странно совмещающих остроту мысли с непониманием простейших явлений. Конечно же, облик связан с государственными функциями. Но не он определяет сан в иерархии, а, наоборот, полученный ранг вызывает перемену облика. Так и он, Ронна, пока Сын Стирателя, выйдя в следующий ранг Отца Стирателя, переменит свою собаководность на львообразность. Операция естественная, не так ли?

— Простая и каждому понятная, — подтвердил Аркадий.

Один из Стирателей выделялся высоким ростом и величавостью, волосы в его зеленой гриве отливали желтизной. Ронна протелепатировал, что перед хронавтами глава Стирателей Различий, Старейшина всех Старейшин Гуннар Гунна. И если бы он стал перечислять все открытые Вещим Старцем законы мироздания и общества, все отличия, чины, саны и ранги, приобретенные Гуннаром Гунной за долгое пребывание в иерархии, то у гостей из других миров не хватило бы ни прямого, ни кривого, ни фазового времени, чтобы уложить все эти сведения в своей голове.

Гуннар Гунна начал заседание Старейшин, как принято у людей, — вступительным словом.

— Слушаем дело о гостях из иных миров. Первый доклад поручен молодому Конструктору Различий Уве Ланне. Он общался с пришельцами с момента их появления на Дилоне. Будьте к нему благосклонны.

Уве Ланна поднялся, люди и киборг уселись боком, чтобы глядеть на докладчика. Ланна волновался — нервно удлинялись и сокращались руки, тело подергивалось, голова подрагивала на шее. Но в мыслях путаницы не было — и Бах, и Аркадий с удивлением обнаружили, что молодой Различник рассуждает логично. От молчаливого спутника, постоянно погруженного в какие-то размышления, они не ожидали такой свободы мыслиезъявления.

Над Дилоной, докладывал Уве Ланна, появился чужой корабль. По мощности — звездолет, по типу — хронолет, способный пересекать мировые потоки времени и менять течение своего собственного корабельного времени. Хронолет сделал несколько облетов планеты, выбирая место для посадки. Проклятые рангуны и низменные хавроны, их воины и операторы, пытались посадить корабль на своей стороне, но хронолет игнорировал их вызовы. В полете над планетой он вначале лишь частично мате-

риализовался в двух местных временах и виделся в каждом скорее призраком, чем вещественно. Овеществившись в нашем времени, корабль опустился в районе Голубой Роши и попал под опеку охранных маяков. В момент спуска пришельцев обстреляли рангуны. Охранным маякам удалось лишь незначительно ослабить удар рангунов, зато корабль собственными средствами легко отразил нападение.

Для предотвращения новых атак корабль прикрыл себя оптическим щитом и впал в невидимость. Наблюдения показали, что у хронолета надежна защита от оптики, ядерных частиц, гравитационных волн и колебаний времени. В лучах ротошного прожектора он прозрачен. И, нет сомнения, удар ротонных орудий отразить неспособен. К счастью, у рангунов нет ротонных аппаратов.

Экипаж хронолета «Гермес» состоит из пяти особей, продолжал Уве Ланна. Четверо — естественной природы, пятый — искусственник. Естественники именуют себя людьми, каждый обладает еще характеризующим названием, приставляемым к кличке «человек».

— Перечисляю их в порядке замеченного различия рангов: человек, он же хронофизик, он же капитан, Анатолий Кнудсен; человек, он же академик, он же археолог, Михаил Бах; человек, она же женщина, она же геноинженер, она же геноконструктор, она же Мария Вильсон-Ясуко; человек, он же хронофизик, он же хроноштурман, он же Аркадий Никитин; и, наконец, киборг, он же Асмодей, он же «конструкция опытная многоцелевая на двадцать четыре основные функции и девятнадцать обликов с оборотами».

Пришельцы, рассуждал Уве Ланна, отдаленно напоминают дилонов, но при разработке конструкции людей допущены серьезные просчеты. Недоработка тела: короткие, негибкие руки, слабые ноги, отсутствие хвоста, неповоротливая шея — даже поворот на ней не сделать голове, — полная неспособность удлинять руки и шею; хотя биоинженеру, конструировавшему людей, наверняка было понятно, что подобная омертвелость органов в однажды заданном размере серьезно осложняет функционирование организма в меняющихся условиях. Трагична незначительность запасов в теле. Людям вечно не хватает воздуха, они вынуждены непрерывно дышать, хотя вмещение в тело хотя бы суточного запаса воздуха составляет вовсе не сложную биоинженерную задачу. Но не только воздуха не хватает людям, они испытывают

частые позывы к еде и питью: трижды в сутки возобновляют в теле запасы пищи и воды. И несмотря на такое постоянное пополнение воздухом, пищей и жидкостью, людьми овладевает порой внезапное бессилие, они тогда впадают в неподвижность, равнозначную короткой смерти. Это непростительное действие, отнимающее у каждого добрую треть его жизнеактивности, они называют сном. И что всего удивительней, незаметно, чтобы впадение в ненужный сон серьезно огорчало их. Еще несовершеннее человеческие методы взаимной информации. Их мозг, как и наш, генерирует отдельные мысли, хотя способность к длительной мыслительной концентрации остается под сомнением. Каждой мысли, как и у нас, соответствует свое мозговое излучение. Но оно так слабо, что не передается из мозга в мозг непосредственно, ибо экранируется черепной коробкой. И вместо того чтобы ослабить поглощающую силу черепа либо существенно усилить энергию мыслиеизлучения, конструкторы человека возложили донесение мыслей на звуки, совершаемые ртом попутно с мыслиеизлучением. Это равносильно тому, как если бы они пытались почесать ухо не рукой, а ногой (хотя, по нашим наблюдениям, ногами люди своих ушей не чешут). И последнее. Чудовищно короток их жизненный срок. Люди в их времени живут не больше ста лет, что, при пересчете на наше время, дало верхний предел жизни, примерно в десять раз меньший, чем у дилона. В пределах такой короткой жизни, да при несовершенной телесной конструкции, да при неэффективных методах общения — ни один человек не способен совершить чего-либо понастоящему выдающегося. Наш общий вывод таков: модель организма, именуемого человеком, выполнена по проекту поспешному и примитивному.

Гораздо совершенней киборг Асмодей, продолжал докладчик. В этой модели видится разумная программа. Но киборг разработан лишь как дополнение к человеку, ибо в него не внедрено стремление к самовоспроизводству. В результате всестороннего размышления мы пришли к заключению, что и людей, и киборгов создали одни и те же биоинженеры, но раньше людей, а потом киборгов. И, сообразив, насколько неудачна первая модель, попытались исправить недоработки в новой конструкции. Остается неразгаданной проблема, почему творцы людей и киборгов вообще не уничтожили свою первую несовершенную модель, то есть людей, и не заменили их полностью второй, более удачной моделью. Этот странный факт сохранения людей при наличии более совершенных асмодеев вызывает обоснованные сомнения в

профессиональном умении и моральном уровне биоинженеров, создавших людей и киборгов.

— Перехожу к цели посещения людьми и киборгами прекрасной планеты Дилоны, — продолжал Уве Ланна. — Это, несомненно, труднейшая из загадок, порожденных появлением пришельцев. Первые попытки высветить ее дали неоправданный разброс ответов. Но в результате сложной серии вычислений, а также длительных эффективных раздумий, мы готовы предложить Высокому Суду ровно восемнадцать возможных целей прилета к нам пришельцев из иного времени.

Аркадий со смехом прошептал Баху:

— Мы с тобой интеллектуально и конструктивно недоработаны, но все же не стали бы при помощи математики допытываться о цели прилета, а просто спросили бы: «Зачем прибыли?» И вместо восемнадцати ответов получили бы один, но он удовлетворил бы нас больше, чем восемнадцать.

Бах ответил:

— Вот ты и доказал свое несовершенство. Уверен, что, выслушав восемнадцать ответов на один вопрос, мы узнаем о своих намерениях многое, о чем сами не подозревали. Между прочим, в той критике, которой молодой Различник Уве Ланна подверг телесные недостатки человека, содержится много правды. Ты не находишь?

— Молодой! После того, как он сравнил пределы жизни людей и дилонов, я начинаю думать, что в его молодости содержится больше лет, чем у любого нашего старика. А что до критики несовершенств человеческого организма, то точно такую же критику мы с тобой слышали от Марии, когда она демонстрировала нам на Латоне свое лучшее творение — Асмодея. Просто удивительно, до чего совпали их рассуждения.

Уве Ланна в это время, нумеруя, перечислял причины прилета пришельцев.

Первая причина — авария. Повреждение хронодвигателей забросило иновременников в поток времени, куда они не собирались проникать. Эта причина недостоверна, ибо ротонное просвещение не показало и намек на какие-либо разрушения в хронолете.

Вторая причина — желание вмешаться во вражду дилонов и рангунов. Очень маловероятно, ибо от рангунов чужой корабль увернулся, а от дилонов пытался опасливо экранироваться силовыми щитами.

Третья цель — попытка завоевания Дилоны для колонизации ее людьми или киборгами, народом искусственников, по всему, ныне более многочисленному на их далекой Земле, чем люди. Такую цель нельзя исключить, хотя неисполнимость ее очевидна и разуму, далекому от Высшего.

В-четвертых, похвальное желание, которое на примитивном языке людей называется «поучиться уму-разуму». Цель осуществима, но трудна в силу интеллектуальной ограниченности людей.

Остальные четырнадцать возможных причин появления пришельцев приведены в сводной таблице, где каждая дана с вероятностью до тысячных долей — более точная оценка недостижима из-за расплывчатости исходных данных.

На потолке засветился экран, на нем вспыхнули знаки и цифры. Бах деловито поинтересовался у Ронны, почему среди восемнадцати причин прилета не упомянуто стремление к знанию, потребность распознать неопознанное.

Ронна разъяснил:

— Этой цели приписана нулевая вероятность. Она включена как теоретический довесок в практическую потребность «поучиться уму-разуму».

— Это не одно и то же, — возразил Бах.

Заключение Уве Ланны было пессимистично. Люди мало пригодны для общения. Чрезмерность конструктивных недоработок в их организмах и несовершенство интеллекта не позволяет им встать вровень с дилонами. В качестве временных гостей их принять можно, в качестве постоянных сожителей — нет. Кораблю, странствующему в разных потоках мирового времени, надлежит покинуть планету.

Ланна сел. Старейшина Гуннар Гунна возгласил:

— Поблагодарим молодого Различника за воодушевляющее сообщение. Второй доклад сделает Сын Стирателей Различий и Брат Дешифратор Рина Ронна. Пожелаем успеха и Рина Ронне.

Рина Ронна, встав, преобразился. Огонь лился из его глаз — они, как и у Старейшины Старейшин Гуннара Гунны, уже не только светились, но и освещали. В каждом движении удлинившихся рук, в каждом резком повороте головы на свободно крутящейся шее ощущался огонь. Тут и Бах, и Аркадий узнали, как развито у дилонов искусство спора и как мастерски пользуются им называющие себя Стирателями Различий. Ронна не отвергал фактов, отмеченных Уве Ланной, только ограничивал их — смягчал выводы, а не исходные положения. Конструктор Различий

безошибочно установил десятки отличий людей от дилонов, Стиратель Различий столь же безошибочно доказывал, что они не могут стать препоной для дружеского общения людей и дилонов.

— Да, конечно, люди и конструктивно недоработаны, и силой интеллекта уступают дилонам, и их передача мыслей несовершенна, и срок их жизни печально невелик. Но что из того? Разве мы обречены общаться только с полноценными представителями Высшего Разума, подобными нам самим? Разве наши дети интеллектуально и физически равноценны взрослым дилонам? И разве жизненный срок детства не меньше вдесятеро полного времени бытия дилона, включающего в себя и краткое детство, и продолжительную взрослость, и непродолжительную старость? Так примем людей как существа, пребывающие в нашем интеллектуальном и физическом отрочестве. Пусть они станут для нас нашими инодестями из дальних миров. Ибо ни одно из справедливо очерченных различий людей от дилонов не способно стать причиной вражды.

— И последняя проблема, — продолжал Рина Ронна, — цель прилета иновременников на Дилону. Мы узнали восемнадцать мотивов их появления у нас. Но общая сумма вероятностей всех целей прилета составляет всего ноль целых шестьдесят одну сотую. Лишь немногим больше половины достоверности! Предлагаю поэтому Дешифраторам и Различникам продолжить свои глубокие изыскания, а Старейшинам не класть в основу своих решений малодостоверные предположения о целях появления пришельцев.

Рина Ронна, закончив доклад, продолжал стоять. Встал и первый докладчик. Аркадий поглядел на Баха — не следует ли теперь встать и им? Бах сказал, что пока дилоны прямо этого не велят, он и не подумает подниматься. Трое землян продолжали сидеть, ожидая приговора Высокого Суда, а над ними, молчаливые и неподвижные, возвышались во втором ряду четвертого амфитеатра два докладчика — Различник Уве Ланна и Стиратель Рина Ронна.

В зале простиралось каменное молчание. Все Старейшины пребывали в неподвижности. Люди понимали, что молчание только кажущееся, реально Старейшины в это время обмениваются мыслями и, возможно, спорят, только людям не переводят свои сообщения и споры.

И когда, по мнению Аркадия, молчание слишком уж затянулось, до них донеслись слова Гуннара Гунны. Вещий Старец все

так же недвижно сидел в первом ряду первого амфитеатра, ни малейшее движение не трогало его губ, а в сознание людей внедрялся приговор:

— Считать отличия пришельцев от дилонов второстепенными и принять иноплеменников как дорогих гостей. Предлагаю также двум пришельцам, оставшимся на хронолете, выйти в город для радостного знакомства с нами. Благодарю докладчиков и Высоких Судей.

Даже в бесстрастном переводе мысли на человеческий язык было явно, как обрадовался Рина Ронна:

— Теперь вы — наши друзья! Поняли мощь мысли Верховного Воплотителя Высшего Разума? Как он постиг вас! Как постиг!

К удивлению хронавтов, радовался решению Высокого Суда и Уве Ланна, предлагавший изгнать людей с Дилоны. Он все повторял, вдруг изменив своей молчаливости:

— Я так счастлив, инновременники! Я боялся, что Высокий Суд согласится с моими доказательствами — и изгонит вас. А он не согласился — большей удачи я и не желал себе!

Бах обратился к Ронне:

— Не мог бы я поговорить со Старейшиной Старейшин Гунной?

Ронна подвел хронавтов к Вещему Старцу.

— Хотел бы задать несколько вопросов, — начал Бах.

— А не кажется ли тебе, что ты мог бы, поразмыслив, и сам высчитать ответ на интересующий тебя вопрос? — дружелюбно поинтересовался Старейшина Старейшин. — Ведь выпрашивание вместо самопостижения унижает Высший Разум.

Бах ответил с живостью:

— У людей выпрашивание не считается зазорным. Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Итак, мой первый вопрос. Почему так разделены функции Различников и Стирателей? Разве для познания любой истины не достаточно ее отличия от всех других истин, тем более, от заблуждений? Если дважды два — четыре, а четыре — это не три, не десять, не козел с рогами и не сапоги всмятку, то зачем еще подвергать такую непреложную истину дополнительной проверке на достоверность?

Старейшина Старейшин ответил, что ему не совсем ясна разница между козлом с рогами и сапогами всмятку, о чем так красиво сказал иноплеменник, эта разница требует особого размышления. Но отличие четырех от трех и, тем более, от десяти

нестираемо и потому должно быть утверждено. Но далеко не всегда возможны такие простые решения. Бывало в истории Дилоны, когда поверхностно установленные причины приводили к вредным действиям. Так возникла ужасная война между дилонами и рангунами, а ведь ее могло бы не произойти, если бы проанализировали на стираемость разделившие оба народа расхождения. Без утверждения стираемости ни одно различие не может быть принято, как реальное.

— Критический подход, достойный Высшего Разума. Вы называли войну между дилонами и рангунами ужасной, а мне объясняли, что существование без врагов на Дилоне считается аморальным, ибо без этого нельзя обострить разум и утвердиться в собственном достоинстве. И что изобретение врагов является одной из прерогатив Конструкторов Различий...

Баху показалось, что на какую-то земную минуту Гуннар Гунна испытал замешательство. Но он не без основания считался Верховным Воплотителем Высшего Разума.

— Да, враги нужны. В смысле — противники. Именно такими противниками предстают между собой Различники и Стиратели. Их противоборство высветляет глубину познания. Но заметить, инновременник: противоборство, а не война. Борьба, а не истребление. Опровержение, а не убийство. А наша война с рангунами, когда-то начавшаяся как взаимное противоборство мнений, давно преобразовалось в схватку на гибель. Ужасная война! Ты был свидетелем, как рангуны пытались резонансными ударами через толщу всей планеты разрушить наш город. Что в этом хорошего? Меня охватывает глубокая печаль, пришелец, когда я думаю о том, что рангуны непрерывно совершенствуют свои резонансные механизмы, а ведь никакому совершенствованию нет предела. А если им удастся поставить себе на службу околуплюсные хроновороты? Поразмысли, инновременник: хроноворот, выпущенный из своих диких пустынь! Да он же истребит все живое! Моя должность — провидение. Провидца не может не терзать страх перед грядущим. Этот страх — единственная гарантия того, что ужасы не выйдут за узкие межи возможностей, ибо страх принуждает искать средства опровержения его.

Даже в словесном переложении этой мысли ощущалось, что сердце Вещего Старца поражено великой печалью. Бах испытывал сочувствие к нелегкой доле Главного Провидца. Ему, однако, показалось, что есть вариант, которого не нашел Старейшина Старейшин.

— Итак, война длится долго и приносит массу горя обеим сторонам, но разве нельзя завершить многолетнюю распря миром?

— К сожалению, невозможно. Чтобы установить мир, нужно стереть причины войны.

— Так сотрите их, черт возьми! Я хотел сказать — с вашим разумом, с вашим умением пренебрегать несущественными различиями...

— Я понял твой благородный порыв, иновременник. Но опровергнуть причины, вызвавшие войну, мы не можем при всем своем, так справедливо тобой оцененном, искусстве Стирания.

— Они так глубоки, эти причины?

— Этого мы не знаем.

— Не знаете причин войны?

— Не знаем. Все было так давно, что и мы, и рангуны забыли, из-за чего началась война. И теперь не способны точно установить, заслуживают ли эти причины сохранения или их можно стереть.

— Вот и отлично! Раз вы не знаете причин войны, то и войны не должно быть. Это же так очевидно!

Старейшина Старейшин протелепатировал с укоризной:

— Иновременник! Как же мы можем прекратить войну, если не опровергнуты породившие ее причины? И как можно опровергнуть их, если не знаем, каковы они? Неужели тебе непонятно, что нельзя уничтожить то, чего нет? А ведь все так просто!

— Та самая простота, которая хуже воровства. Нет-нет, не спрашивайте, что такое воровство, вам этого не понять, у вас этого нет.

— У нас все есть, — с достоинством отпарировал Вещий Старец. — И мы никого не спрашиваем, ибо до разгадки любой тайны доходим мощным усилием своего разума. И легко сами уясним, что такое воровство, о котором ты сказал, что оно лучше простоты, а ведь простота так прекрасна! У тебя еще есть вопросы?

— Последний. При такой мощи мысли вы никогда не пробовали высчитать, сколько ангелов может поместиться на острие иглы? У нас когда-то подобный подсчет считался наилучшей проверкой интеллекта.

Вещий Старец, поразмыслив, объявил:

— Об ангелах я знаю из ваших мыслей. В них дешифраторы обнаружили хорошие слова: «ангельские голоса», «ангельская доброта», «машет крыльями, как заблудившийся ангел», «ангельская наивность». Дешифраторы сделали заключение, что ваши

ангелы — крылатые домашние животные, которых вы опекаете и над которыми иногда дружески посмеиваетесь. Но что такое игла — не установлено. Трудная проблема иглы потребует размышления.

— Не трудитесь! Вот игла!

И Бах показал вынутую из куртки иглу. У Старейшины Старейшин засверкали глаза от воодушевления.

— Великолепная загадка! Давно мы не анализировали столь увлекательных секретов мироздания. Ручаюсь, инновенник, что только мы способны найти удовлетворительное решение мучительной для людей тайны, сколько ангелов можно разместить на острие иглы. Ты вскоре это узнаешь для всех пород ваших домашних ангелов — двукрылых и четырехкрылых. По некоторым расшифровкам, у вас водятся и шестикрылые.

— Водились в сознании древних народов. Их называют серафимами. С тех пор, как мы ликвидировали старинные мифы, серафимы перевелись, а вместе с ними и все другие ангелы.

Гуннар Гунна радостно кивнул львиной головой — взметнувшаяся грива закрыла его лицо. Могучая копна волос, так сильно отличавшая его от гололобых дилонов, очень шла всему его мощному облику.

— Понимаю. Мифы были у вас вроде загончиков, где вы содержали своих крылатых друзей. В общем, не тревожься, инновенник, наши вычисления будут достоверны. А теперь возвращайтесь на свой корабль вместе с Различником Уве Ланной и Стирателем Рина Ронной. Пусть наши посланцы осмотрят ваш хронолет и разберутся, насколько люди отстали в использовании и опровержении законов природы от воплощений Высшего Разума.

9

Аркадий жестоко бы соврал, если бы сказал, что его обрадовало веление Старейшины Старейшин вести обоих дилонов на хронолет. Такие экскурсии мог разрешить только капитан корабля. Аркадий соединился с Кнудсенom и Марней.

— Вас ждут в гости на нашем корабле, — сказал Аркадий обоим дилонам после разговора с Кнудсенom.

На этот раз они шли по пустой улице. Авнетка стояла где-то в ее конце. Аркадий удивился, что нигде не видно дилонов, и хотел было спросить у Ронны об этом, но вспомнил, что дилоны

считают интеллектуально неполноценными тех, кто пристаёт к ним с вопросами, и промолчал — только высказал свое недоумение Асмодею. Киборг ответил, что чувствует какой-то непорядок и в себе, но не может разобраться, что к чему, — его приемники ничего существенного не фиксируют. Бах заметил, что неплохо бы киборгу позаимствовать остроту восприятия у дилонов, тогда бы он смог без специальных приемников и датчиков самостоятельно вычислить смысл любых непорядков. У киборгов обидчивость не была запрограммирована, но Асмодей вдруг огрызнулся, что самоусовершенствованием надо заниматься людям, а не ему — все восприятия у него на порядок острее, чем у человека.

Аркадий бросил взгляд на склонившего голову Ронну и споткнулся. Ронна так вытянул шею и так склонил голову налево, что она почти падала с плеча. Нижняя челюсть отвисла, глаза потускнели, безволосая голова побелела. Он путался в шаге, что-то тихонько вывизгивал. Но еще больше испугали Аркадия руки дилона. Он удлинял их, когда хотел в два обвива охватить свою грудь, а сейчас они волочились по грунту, когти на десяти пальцах каждой руки сухо постукивали по камням.

Аркадий схватил Ронну за плечо и заорал:

— Что с тобой?

Ронна приподнял голову. Ретрансляция мыслей в слова шла неровно, через каждые несколько слов прерывалась. И каждую фразу сильнее обычного сопровождало повизгивание:

— Не понимаю... У меня ломит кости... Мутит... Иновременник, постоим... Уве Ланна, где он? Пусть он...

Уве Ланна плелся позади, так глубоко погруженный в мысли, что непорядок в окружающем мире до него не дошел. Он вздрогнул, когда посмотрел на обессилевшего Ронну, и стал тревожно оглядываться.

Аркадий взглянул на небо. С двух сторон зенита сияли полудневному роскошная Гаруна Белая и нежная Гаруна Голубая — Аркадию почудилось что-то зловещее в ее ласковом блеске. Аркадий перевел взгляд на ручной передатчик. На экранчике возникло встревоженное лицо Кнудсена.

— Торопитесь к авиетке! Что-то нехорошее вокруг вас, но наши анализаторы пока не дают однозначного ответа.

Аркадий потянул каменно застывшего в трудном размышлении Ронну, но тот лишь с трудом пошевелился. Бах, присоединив свои усилия к усилиям Аркадия, энергично приказал дилону:

— Двигайся, дружище! Бери ноги в руки! Да не толкуй мои слова так буквально, это образное выражение. До чего же вы, друзья, неповоротливы и неоперативны!

Асмодей в эту минуту возился с Ланной. Молодой Различник, уяснив себе какую-то опасность, вдруг, как и его старший друг, впал в бессилие. Асмодей взвалил на себя Уве Ланну и побежал вперед. Аркадий с Бахом тянули Ронну, в полной прострации волочившего по камням и ноги, и руки. Бах крикнул Аркадию:

— Спешу к авиетке и готовь ее в полет. Я как-нибудь дотащу этого слабака!

Аркадий оставил Баха с Ронной и быстро обогнал Асмодее.

Авиетка стояла на том же месте, в сторонке покоились два шара дилонов, недавно конвоировавшие хронавтов. Аркадий колебался — пятерым в авиетке не разместиться, дилонов нужно сажать в их шар. Но смогут ли они, обессиленные, управлять своим летательным аппаратом? Аркадий включил ручной переключатель и услышал приказ командира «Гермеса»:

— Пусть Асмодей с Ланной сядут в шар. Страхую охранным полем. Скорей, скорей!

— В шар сяду я с Ронной! — крикнул подоспевший Бах и подтащил Ронну к одному из шаров.

Ронна, протянув длинные руки, ощупью, как слепой, цеплялся за раскрытый зев шара, но не мог впихнуть свое тело. Сильным толчком Бах вбросил дилона внутрь и впрыгнул сам. Асмодей проворно влез в авиетку, положил Ланну на скамейку. Аркадий вскочил следом и мигом задрал дверь. Голос Кнудсена прокричал:

— Ко мне!.. — и прервался, не договорив.

То, что совершилось в следующую минуту, — Аркадий это сразу понял — должно навеки остаться страшной картиной в его памяти. Припав к окну, почти не дыша от негодования, он все же не мог оторвать глаз от того, что совершалось на поляне.

Оба шара — и пустой, и тот, в каком укрылись Бах с дилоном, — вдруг затряслись, завибрировали, зазвенели живыми головами и покатались от авиетки. Отдалившись на десяток метров, пустой шар заметался в траве и стал распадаться на части. В воздухе не было ветра, ни одна травинка не шевелилась, а шар разбрызгивало, как взрывом. Не прошло и десятка секунд, как по земле катились, подергиваясь, лишь осколки летательного аппарата.

Второй шар взлетел, но на первых же метрах полета распад наступил и его. Из шара выпал Ронна, его подбрасывало и катало

по траве, он судорожно хватался обеими руками за стебли и камни, но не мог удержаться: какая-то мощная сила крутила и несла его.

Шар, в котором оставался Бах, беззвучно распадался в воздухе. Аркадий судорожно хватал рычаги, нажимал на кнопки — надо было немедленно взлететь и мчаться за гибнущим шаром, чтобы выхватить Баха, пока тот еще боролся за свою жизнь в разваливающемся аппарате. Но авиетка не слушалась команд: трижды, четырежды, десятки раз давил Аркадий на кнопку взлета, а взлета не было, и остатки шара медленно уносились от авиетки.

Шар повернулся в воздухе, и Аркадий снова увидел Баха. Археолог распластался всем телом по боковине шара, руки вцепились в какие-то обнажившиеся тяги и провода, ноги впились в неровности бывшего пола. Человека трясло вместе с шаром, бросало то вверх, то вниз, то вправо, то влево, а он не отрывался от тех обломков, за которые так отчаянно цеплялся. Остатки шара пропали между деревьями, а затем в чаще синего леса вспыхнуло багровое пламя и донесся грохот. Еще спустя мгновение пламя погасло, а крутящиеся остатки двух шаров, словно гонимые бурей, все уносило и уносило в безветренном воздухе, не способном пошевелить и травинки. И вдалеке от авиетки, на самом краю поляны, смутно чернело уже неподвижное тело Рина Ронны, да в древесной чаще расплывалось светлое облачко — дымное свидетельство взрыва.

До Аркадия, наконец, дошло, что кто-то рвет его руки, судорожно заочневшие на пульте.

Аркадий услышал молящий голос Асмодея:

— Аркадий! Пусти к пульту! Мы гибнем!

Часть вторая

В ФОКУСЕ ХРОНОБОЯ

Аркадий Никитин

1

Аркадий снял руки с пульта. Асмодей быстро заменил его у кнопок управления. Только теперь Аркадий понял, что таинственная вибрация, разметавшая оба шара дилонов, уже терзает и авиетку, но защитный щит с «Гермеса» амортизирует налетающее волнами чужое поле. Асмодей крикнул, что одна волна отражена, вторая нейтрализуется, но охранное поле «Гермеса» слабеет. Усевшись вместо Аркадия у пульта, киборг ввел полную мощность собственной защиты авиетки — беснование внешних полей немного притихло, однако в кабине все содрогалось и звенело. С трудом передвигая трясущиеся ноги, Аркадий подобрался к Ланне. Дилон лежал на скамье, жалко приоткрыв зубастый рот. Ни одной осмысленной передачи от него не шло. Аркадий сказал Асмодею:

— У парня памороки отшибло. Я постараюсь привести его в чувство, а ты налаживай четкую связь с «Гермесом». Анатолий почему-то закричал: «Ко мне!..» Миша Бах погиб, с ним и с Ронной так подло расправились! Неужели и на «Гермес» напали?

Асмодей хмуро ответил, не поворачивая головы:

— Связи с хронолетом нет. Ни четкой, ни нечеткой.

— Как нет связи? Разве может отказать связь, если действует силовая защита «Гермеса»?

— И силовой защиты «Гермеса» больше нет. Мы противоборствуем нападению одним своим полем.

Аркадий схватился за ручной передатчик. Рука подрагивала. Передатчик казался целым, а связи не было. На экранчике не появилось даже размытого изображения корабля. Ни при каких вариантах аварии, кроме больших повреждений корабельных генераторов, не могло произойти столь полное отключение.

— С хронолетом беда! — закричал Аркадий. — Срочно курс на «Гермес»! Чему ты ухмыляешься?

Асмодей и вправду улыбался, но то была ухмылка не радости, а замешательства. Аркадий часто видел киборга радостно хохочущим — растерянным он был впервые.

— Не могу определить курса. Все приборы отказали.

— Летим визуально. Держи на большую рошу. Скорей, Асмодей!

Металлический голос киборга прозвучал глухо:

— Не могу! Мир пропадает. Аркадий, скоро не будет мира!

Два дилона, недавно задававшие авиетке направление полета, посадили ее на полянке неподалеку от города. Аркадий запомнил синествольные деревья с оранжевыми кронами — удивился их густоте, когда вылезал из авиетки. И трава поражала: она была сумрачно-фиолетовой, от нее струился терпкий аромат. Точно такой же предстала эта полянка, когда они впятером: трое людей и двое дилонов — выбежали на нее, спасаясь от неведомой опасности, заставившей обоих дилонов так внезапно потеряться и ослабеть.

Сейчас все переменялось. В закрытую авиетку ароматы извне не доносились, но траву можно было бы увидеть — а травы больше не было, ни густо-фиолетовой, ни обесцвеченной — ее всю словно вырвали до последнего стебелька. Почва, на которой покоилась авиетка, слагалась из одних камней и песка — однотонно-сероватых камней, однотонно-сероватого песка. И деревья, замкнувшие полянку в свой круг, вдруг потеряли листву и окраску — они были без оранжевых крон, стволы из синих стали грязно-серыми. Лишь силуэты прежних могучих растений проступали как бы в мареве. Стерся и труп Рина Ронны на краю полянки — темный и неподвижный, он посерел, расплылся и исчез. Уве Ланна, обретя потерянную было способность мыслить, что-то протранслировал Аркадию, с трудом поднимаясь со скамейки. Аркадий подбежал к дилону. Трясущийся Различник показывал на пропадающий лес и путано телепатировал, что рангуны поймали их в прицел своих хронобойных орудий, надо немедленно бежать!

— Куда бежать? Покажи — куда? — крикнул Аркадий.

— Бежать! — твердил дилон. — Поскорей! Подальше! Нас здесь разбросает по прошлому и будущему. Скорей, скорей!

Киборг быстро проверил ходовые генераторы. Они работали. Авиетка взмыла. Стирающийся лес обесцвеченных, потерявших листву деревьев, почва, лишившаяся своей травы, падали вниз. По курсу сверкала Свирепая Белая Гаруна, другая Гаруна томно сияла левей. Авиетка повернула на Гаруну Голубую. Асмодею показалось, что он сам задал направление, — и до него не сразу дошло, что полетом теперь командует чужая сила, и она гораздо мощнее его собственных решений.

— Мы в фокусе хронобоя! — горестно телепатировал Ланна. — Нас скоро разорвет на прошлое и будущее.

Аркадий сообразил, наконец, чего страшится дилон. Рангуны, похоже, владели искусством путать течение времени — замедлять одни процессы, ускорять другие: то самое, что испытывал в первых своих хроноустановках творец хронистики Чарльз Гриценко. Автор науки о трансформациях физического времени, академик Гриценко создал на Урании, соседке Латоны, специально оборудованную хронолабораторию. И там впервые экспериментально осуществил разрыв физического времени в материальных телах. Для биологического объекта это означало гибель, но на минералы и металлы не действовало. А среди сотрудников Гриценко был и нынешний капитан «Гермеса» Анатолий Кнудсен — по собственному признанию создателя хронистики, самый даровитый из его учеников. Но разве Анатолий не говорил, что для «Гермеса» не опасны местные разрывы времени? Мощные хроногенераторы, хронотрансформаторы и хронозкраны сумеют противостоять любому разрыву связи времен. В лабораторных условиях Латоны и он, Аркадий Никитин, хроноштурман «Гермеса», неоднократно испытывал надежность корабельных аппаратов в любом режиме хроноразрывов. Один из хронотрансформаторов, преобразующих искривленное и пульсирующее время внешнего мира в прямое, смонтирован и в авиетке — небольшой аппарат, вон он покоится на полу у ног Асмодея! Пока он действует, можно не опасаться ни разрывов времени на прошлое и будущее, ни замедлений, ни убыстрений.

И Аркадий стал успокаивать ополоумевшего от страха Различника.

— Возьми себя в руки, Ланна. Нет, не обхватывай себя руками, а перестань трястись. Разрыв времени нам не страшен. Мы нырнем в фазовое время — как раз на точке, где рангуны устроят разрыв.

Асмодей все снова и снова, на разных каналах, выискивал связь с хронолетом. Но для приемников авиетки «Гермеса» больше не существовало. И города дилонов не существовало. С высоты он должен был открыться — но не открылся. На все стороны простиралось скопище сероватых песков и камней, лишенное признаков жизни. А над авиеткой, почти в зените, сверкала Гаруна Белая, и скромно сияла в сторонке Гаруна Голубая. Был точный астрономический полдень — все хронометры показывали глухую ночь. Асмодей захотел изменить курс и повернул на Гаруну Белую. Авиетка затряслась, завибрировала, завизжала каждым сочленением. Ланну швырнуло со скамейки на пол. Аркадий вцепился руками в поручни кресла и крикнул:

— Асмодей! Ты решил вытрясти из нас душу?

— Хочу узнать, крепко ли завладела нашей душой чужая воля, — ответил Асмодей. — Держись, Аркадий!

Он крутанул на прежний курс. Тряска прекратилась. Выждав несколько секунд, Асмодей снова бросил авиетку вправо, и она снова затряслась и завибрировала. У Аркадия сводило каждую жилку, зубы стучали, руки рвало с поручней. Дилон тихо поставил на полу. Аркадий еле выговорил сквозь дребезжащие зубы, когда Асмодей обернулся посмотреть, не нужна ли срочная помощь:

— Продолжай!

Асмодей поднял вверх обе руки, показывая, что больше не командует движением. Авиетка, медленно поворачиваясь, сама ложилась на прежний курс — на Гаруну Голубую. И так же медленно стала затихать тряска. Авиетка, потеряв разбуженные в ней голоса вибраций, молчаливо мчалась по предписанному ей направлению. Аркадий усадил дилона в кресло позади своего и сказал Асмодею:

— Поворачивать нам запрещают, а как с высотой? Не меняй курса, чтоб нас не разнесло на кусочки, но опустись пониже.

Асмодей плавно устремил авиетку вниз. Неведомая сила, командовавшая движением, противодействия не оказала. Из марева стали выплывать очертания гор, потом показался и лес, безжизненно-серый, как бы ободранный, — хлысты и сучья, ни один листочек не оживлял этого мертвого леса. Аркадий толкнул дилона, отрешенно сидевшего с закрытыми глазами:

— Очнись! Что говорит тебе этот пейзаж?

Ланна глянул вниз. Даже со стороны было видно, что его охватил ужас.

— Назад! Скорей назад! Иновременник, нас несет в разнотык времен!

— В разнотык времен? Я правильно услышал?

— Самое страшное место на планете! Здесь природа сошла с ума, здесь она хронобуйствует. Такие хроновороты! Такие хронобури! Живому здесь нет спасения. Назад, назад!

— Наши двигатели заблокированы, мы не можем повернуть назад.

— Тогда сесть! Может, выберемся пешком.

— Снижение не воспрещено, — ответил Асмодей на взгляд Аркадия. — Попытаюсь идти плавно вниз, будто отказывают двигатели.

Вскоре стало ясно, что тех, кто гнал авиетку в область хроноворотов, обмануть не удалось. На высоте в сотню метров снова появилась вибрация. Асмодей вывернул авиетку на горизонтальный полет.

— Посадку тоже не разрешают, — констатировал Аркадий. — Но смогу ли воспретить падение? Асмодей, проверь защитные поля. Дилона я возьму в свое поле. Веди авиетку вниз, пока она не начнет распадаться. Я выброшусь с Ланной, ты за мной.

Асмодей снова начал снижение. На этот раз вибрация появилась сразу. Аркадий обнял дрожащего дилона. Асмодей распахнул дверцу и крикнул:

— Внизу площадка. Прыгаем!

Аркадий, не отпуская дилона, полетел вниз. Защита сработала — на почву и Аркадий, и Ланна не свалились, а встали. Неподалеку опустился киборг. Распавшаяся авиетка грудой лома умчалась за горизонт. Асмодей топал ногами и орал:

— Провели их! Еще минуту — вытрясло бы мозги! Всех рангунов надул — я такой!

По лицу молчаливого Ланны было видно, что он не разделяет ликования киборга. Аркадий скомандовал:

— Теперь шагать! За горизонт этой околуполюсной пустыни, подальше от проклятого разнотыка времен и убийственных хроноворотов.

2

Он показал рукой на юг — так в древности полководцы повелительным жестом бросали свои войска в поход. Асмодей остановил его.

— Аркадий, ты хорошо продумал план спасения?

— Я не способен сосредоточиваться на размышлении, как Различник, но простым человеческим соображением понимаю — спасение там, где нет угрозы. Здесь грозят хроновороты, на юге их нет. Значит, на юг!

— Аркадий, надо на север. Туда улетели остатки нашей авиетки.

— Для чего тебе эта груда лома?

— Оснащение авиетки полностью не уничтожить. Генераторы хода и защиты, хронотрансформаторы, мой компьютер личин, запасы пищи... Что-нибудь да сохранилось.

— Ты прав. Идем на север.

Асмодей зашагал впереди. Аркадий, поддерживая шатающегося дилона, с улыбкой — для приободрения — сказал:

— У нас моряки считают скорость эскадры по самому тихоходному кораблю. Ты у нас тихоход, будем подделываться под тебя, но и сам старайся двигать ножками.

Уве Ланна освободился от поддержки Аркадия. Он старался не отставать, хотя ему было трудно угнаться за Асмодеем — тот оглядывался и сбавлял шаг. Аркадий восстанавливал в уме пережитые события. Все получалось иначе, чем задумывалось. Люди прибыли на Дилону с миссией мира — и сразу ввязались в войну. Они здесь никому не враги, но один из них, крупный ученый, прекрасный человек, погиб — и ни Аркадий, ни оставшиеся на могущественно оснащенном корабле друзья не спасли его. Почему он погиб? Зачем понадобилось уничтожить его? И что с «Гермесом»? Неужели и хронолет уничтожен? И Мария с Анатолием тоже мертвы, как несчастный Миша Бах?

— И как, возможно, скоро будем мертвы и мы! — вслух произнес Аркадий.

Все непонятно! И что загадочные рангуны беспричинно объявили людей своими врагами и с жуткой последовательностью стремятся их уничтожить. И что в своей жестокой вражде применяют средства мощней защиты хронавтов, и что природу этих средств не удастся разгадать. Самое срочное — разобраться в ситуации. Преодолеть враждебные силы. Хотя бы ускользнуть из мест, где они непреодолимы. Гонят в какую-то область хроноворотов, как баранов на убой!

Итак, ситуация. Две соседних звезды связаны взаимным тяготением, но существуют в двух разных потоках времени. И если одна звезда движется в свое будущее, то другая, тоже двигаясь в

свое будущее, одновременно погружается в прошлое соседки, ибо будущее одной — прошлое для другой. «Удивительно просто, не так ли?» — сказал бы погибший Рина Ронна. «Чертовски запутанно!» — так скажет Аркадий Никитин, штурман хронолета, свободно перелетающего из одного потока времени в другой. Просто или запутанно, но реально! Если бы две Гаруны столкнулись, они враз бы аннигилировали, ибо одна из обычного вещества, а другая из антивещества, поскольку антивещество, так сегодня считают иные физики, это то же вещество, только в обратном времени. К счастью для Дилоны, ни одна из Гарун пока не стремится в объятья другой.

Зато оба светила устраивают злодейские хроновороты, размышлял Аркадий. Дилона клонится то к Белой Гаруне, то к Голубой — и каждая возбуждает на обращенной к ней стороне свое время. А столкновение их и есть разнотык времен, так ужасающий дилонов. Вроде как идешь навстречу самому себе, как бы бросаешься на самого себя! Пока все просто непостижимой дилонской простотой. Но хроновороты? Но завихрения времен? Хрооциклоны, так?

Чувствуя, что его размышления неспособны разъяснить всю физику времени, Аркадий заговорил с дилоном:

— Ланна, ты не мог бы объяснить мне то, чего я не понимаю? Люди без вопросов не могут, придется тебе с этим примириться.

Ланна знал о хроноворотах только то, что они существуют и что любое существо, попавшее в хроноворот, непременно погибает. Аркадий допытывался — погибает или исчезает? Ланна поправился: погибает, потому что исчезает, то есть исчезает, потому что погибает. Хрен редьки не слаще, — прокомментировал Аркадий. Так погибла его дорогая Салана, пожаловался Ланна. Ее похитили, но потеряли в хроновороте. Она там навсегда исчезла. Из хроноворотов не выбираются.

Больше ничего из Ланны Аркадий не извлек. «Для воплоти-теля Высшего Разума понимание ситуации могло быть и поглубже, — недовольно размышлял Аркадий. — Что, собственно, такое разнотык времен? Место, где прямое время схлестывается с обратным, территория хронобоя. И могила всего живого — качка то в прошлое, то в будущее. Не такова ли поразившая нас вибрация? Прошлое резонирует с будущим — то прыжок вперед, то прыжок назад, а настоящего нет, настоящее разорвано, настоящее — только вибрация между уже прошедшим и еще не наступившим. Для первого приближения подойдет.

И прав Ланна — из такого местечка надо поскорей бежать, пока тебя не разорвало между прошлым и будущим. Но куда? Делаю следующий шаг. В разнотыке времен рождаются хроновороты. Удар лоб в лоб создает завихрения. Стало быть, время из прямолинейного превращается в кривое? И сам хроноворот — уход от прямой аннигиляции, от взаимного уничтожения не только настоящего, но и прошлого, и будущего. Безвременность, вневременность — категории, чуждые природе, в ней все существует во времени. Наверно, есть и закон, что сумма разновременностей во Вселенной есть величина постоянная, и, стало быть, время физически неуничтожаемо. Вот, кажется, и я открыл свой собственный закон мироздания — да еще какой! Если останусь на Дилоне, попрошу внести этот закон в мой Паспорт Взрослости — как личное открытие.

Но что следует из этого неожиданного открытия, которое когда-нибудь объявят великим? А то следует, что хроновороты неизбежны при столкновении противоположных потоков времени — только искривление времени гарантирует его неуничтожение. Время изгибается, чтобы сохраниться. А раз так, то можно в том же хроновороте проделать полукруг и возвратиться в свое однолинейное время. Дилоны считают, что на полюсах природа сходит с ума. Во всяком безумии есть своя система — и чаще всего, разумная. Безумие хроноворотов — единственная разумная защита от уничтожения. Итак, не бежать от хроноворота, а вынестись на нем, как на взбесившемся коне, в место поспокойней. Должен же, черт побери, любой вихрь где-нибудь ослабнуть и распасться!»

Аркадий почувствовал удовлетворение от силы своей мысли. Немного бы попрактиковаться в самодвижении понятий без подсказок извне — и он, пожалуй, сдаст экзамен на высокий ранг в иерархии дилонов. «Но размышление об опасности отнюдь не отменяет самой опасности», — тут же сказал он себе.

Аркадий стал осматривать окрестности.

Мир был до того уныл, что щемило сердце. И на Земле встречались пустыни — их берегли как достопримечательность природы. И на других планетах не жаловались на недостаток пустынь — мирились с ними как с неизбежным злом. Но в тех пустынях была первозданная величественность, они покоряли грандиозностью. В околполюсном пространстве Дилоны на все стороны простиралась не пустыня, а могила — кладбище окаменелых деревьев, серый песок!

— Вижу! — закричал Асмодей, энергично продираясь сквозь окаменевший кустарник. — Авиевка, Аркадий!

Это была не авиевка, а груда обломков. Асмодей извлекал из лома то один, то другой предмет. Аркадий относил в сторонку то, что могло пригодиться. Ланна, уперев глаза в грунт, сосредоточился на какой-то трудно выходящей мысли. Почти потеряв сходство с человеком, он в эти минуты казался Аркадию настоящей, очень доброй и очень грустной собакой, для чего-то вставшей на задние лапы. Аркадий хлопнул молодого Различника по плечу.

— Не старайся самостоятельно сообразить, для чего нужны предметы, которые мы выживаем из обломков. Лучше помоги перетаскивать.

Ланна от усердия широко открывал удлинённый рот с двумя рядами зубов сверху и снизу. Но аккуратно складировать вещи было ему не под силу. Аркадий остановил Ланну: тот старался взгромоздить компьютер личин Асмодее на переносной, вроде школьного ранца, гравитатор — механизм капризный, но незаменимый, когда надо срочно превратиться из ходящего и скачущего в парящего и летящего.

— Присядь и отдыхай, Ланна. И наблюдай, что делает Асмодей со спасённым снаряжением, слушай, что он скажет о назначении аппаратов. Тебе полезно ознакомиться с человеческой техникой, раз уж совместно выпутываемся из беды.

Корпус авиевки распался, но почти вся аппаратура сохранилась. Асмодей вслух извещал, что можно использовать. Вот этот хрономоторчик — генератор фазового времени, питается и от радиации «Гермеса», и от двигателей авиевки. «Гермес» неизвестно где, а двигатели авиевки повреждены. Но почему бы для питания хроногенератора не использовать сохранившиеся гравитаторы? Или личную защиту Аркадия и Асмодее, смонтированную в их одежде? Индивидуальная защита генерирует слабые поля для экранирования от механических, лучевых, гравитационных нападений. Но ее можно подключить и к хрономотору, чтобы выскользнуть из опасного времени в близкую фазу, в которой опасность отсутствует.

— А вот эта турбинка, — Асмодей с нежностью поднимал и поворачивал небольшой приборчик, — по мощности не заменит настоящих двигателей, но если ее закрепить на обыкновенной доске да спарить с гравитатором, а у нас гравитаторов два, то ведь получится самолет. Рекордов скорости не побить, от оснащенного врага не скрыться, но заменить пешее продирание сквозь чащу

окаменевших веток на неспешный полет над ними — нет, это тоже неплохо!

— А вот этот контейнер, — показывал Асмодей на ящик с пищей, — спасение для Аркадия. Мне, естественно, пищи не надо, дилоны обедают раз в месяц, но Аркадий должен ежедневно подкрепляться: а тут ему еды на добрые три недели.

— И наконец, компьютер личин, — в бодром голосе Асмодее послышались грустные нотки: великое творение Марии Вильсон-Ясуко было сильно повреждено. В нормальном состоянии он способен создать два десятка личин — об этом сейчас и не мечтать. Удовлетворительно функционируют лишь программы трех личин, в том числе и его нынешней № 17. Такая авария, а даже рожки на голове не погнулись!

— Твоя личина доброго дьявола так хороша, что мы согласны видеть тебя в ней всегда, — успокоил его Аркадий.

— Поищу дерево для самолета, — сказал Асмодей и убежал в чашу.

Аркадий позвал к себе Ланну. В зале Предварения Ронна объяснял, что дилоны еще в школе самостоятельно открывают важные законы природы, а кто специализируется на Конструкторов Различий, обязан еще и опровергнуть закон природы — и непременно важный. Какие именно законы природы опровергал Ланна?

Ланна, оживившись от приятных воспоминаний, сказал, что открыл потерю веса предметов в воде, которая у людей называется законом Архимеда, а выбрав профессию Различника, специализировался на опровержении закона всемирного тяготения. Он долго манипулировал с водой, добиваясь, чтобы она полностью лишилась веса и уже не заполняла сосуды, а размазывалась в пространстве. В дипломной работе на Зрелость он сконструировал воду, которая не растекалась, а сохраняла компактность, рушилась не вниз, а вверх. Фонтанирующая антигравитационная вода была удостоена отличной оценки.

— Очень интересно, — сказал Аркадий. — На Земле за такое изобретение ухватятся специалисты по фонтанам. А пока хочу предложить тебе задачку. Открой противодействие хроноворотам. Опровергни закон природы. Вернее, не закон, а безумие природы. Поскольку противоборство с природой — ваше интеллектуальное ремесло, тебе эта задачка вполне по мысли.

— Открою, — заверил Ланна и впал в отрешенность.

Асмодей отыскал массивное сухое дерево. Проворно вытащив шпагу, он сделал выпад. Кончик шпаги удлинился узким лезвием

пламени, киборг повел пламенем по стволу, как пилой. Мертвое дерево было толщиной почти в три обхвата, но киборгу потребовалось всего пять-шесть земных минут, чтобы уложить его на песок — срез обрушенного ствола дымился. Обрезав омертвелую крону, Асмодей той же шпагой, превращенной в огненный резак, стал выпластывать в могучем стволе челнок. Работая, он хвастался:

— Вот вы с Мишей Бахом посмеивались, что личина № 17 — это помесь средневекового аристократа с дьяволом. Но ты же знаешь, Аркадий, дьяволы — народ работающий, не бездельники. А как аристократы владели шпагой, даже ваши дети наслышаны. Я потому и выбрал эту личину для десантного выхода на планету: во-первых, очень красива, а во-вторых, практична — и оружие, и рабочие инструменты под рукой. Вот поглядишь, что за прелесть получится из этого деревца. Люди еще не знали такой летательной конструкции...

— Похожая была. Имею в виду ковры-самолеты.

Асмодей на миг огорчился, что его опередили. Но потом сказал:

— Знаю-знаю! Я ведь досконально изучил человеческую историю. Ваши предки, точно, летали на коврах-самолетах. При тогдашней бедности на моторы это было общепринятое летательное средство. Но ведь ты же не будешь отрицать, что мой челнок-самолет оборудован гораздо совершеннее давно отставленных ковров-самолетов?

— Отрицать не буду.

Ланну пришлось потрясти за плечо, чтобы вывести из сосредоточенности. Нет, решения пока не найдено, но определены три дороги, по которым он усердно шагал, когда Аркадий прервал его раздумье.

— Шагал, не шевеля ногами, и сразу по трем дорогам! — восхитился Асмодей.

Первая дорога — пересечь хроноворот, когда он разразится. Как это сделать, Ланна додумать не успел, но чувствует, что хроноворот приближается. Вторая дорога — умчаться с хроноворотом и сдвинуться к его внешнему краю, а там выскользнуть в невозмущенное время. Если еще поразмыслить, он придумает и способ соскальзывания с хроноворота. И третья дорога — бежать в центр хроноворота. В центре — спокойствие.

Аркадий уточнил:

— Спокойствие надо понимать так, что в центре хроноворота время полностью прекращается. В центре пребывает вечность. Я правильно понял, Ланна?

— Правильно. В центре хроноциклона миг равен бесконечности.

— Нового ты сказал немного, — оценил Аркадий плоды раздумья дилона. — Но омертвление времени в центре! Попасть в такое местечко и стать, не умирая, своей собственной нетленной статуей! Жуть! Между прочим, на нашей Земле центр бури, где прекращается бушевание вихрей, называется глазом циклона. Ты описал око вечности, глаз мертвого времени в центре хроноциклона. Постараемся в вечность не угодить.

— Самолет готов! — доложил Асмодей. — Можно полюбоваться.

Искусство плотничанья числилось в первой десятке двадцати пяти умений Асмодее. В широком стволе он вырезал несколько желобов, как бы перегородженных перекладинами. В трех первых желобах удобно размещались пассажиры, на трех задних закреплялась аппаратура.

— Я сяду впереди, — сказал Асмодей. — Куда держать, Аркадий?

— Пока мы в пустыне, а не в круговороте времени. Дорога на все румбы открыта. Держи на юг, Асмодей, снова на юг, пока не воротимся в гостеприимный город дилонов.

— Или пока нас не вышвырнет на почву новая судорога резонанса... Слушаюсь. Летим!

3

Аркадий никогда не ездил на лошадях, но сказал киборгу, что в креслице, вырезанном в перекладине, еще удобнее, чем в седле. Ланна, сидевший между Асмодеем и Аркадием, с грустью вспомнил, что в их шарах гравитаторы придают телу полувесомость — с полувесомостью легче летать, чем с полным весом. Аркадий мог включить свой индивидуальный гравитатор, но опасался, что после аварии регулировка не такая плавная, как была. Взлететь неожиданно наверх, а после обрушиться на почву Ланна не захотел.

Асмодей вел лодку, ориентируясь по Гарунам: они оставались позади, одна левее, другая правее, — он ощущал их спиной. Высоту киборг регулировал гравитатором, тягу создавал один из сохранившихся моторчиков, а на защиту Асмодей использовал и свои с Аркадием скафандры, и генераторы разбившейся авиетки, и переносной хронотрансформатор.

— Летим в броне, — похвалился он, когда лодка взмыла над мертвым лесом. — Если рангуны напустят резонансы, то потрясет, но не разорвет.

Внизу мелькали унылые картины: оголенные холмы, пустынные озера — и по зеркальной гладкости воды, не оживляемой дуновением ветра, виделось, что и вода мертва. Скорбный пейзаж озаряли двойным сиянием Гаруна Белая и Гаруна Голубая — холодная игра двойного света лишь усиливала впечатление смерти.

— А хроноворотов все нет! И мы все летим! — поразился Асмодей.

Его замечание пробудило Ланну. Дилон пожаловался:

— У меня путаются мысли. Близится хроноворот.

Киборг, не любивший, чтобы сомневались в его способностях, объяснил понуро сидевшему дилону, что в его наборе ощущений каждое гораздо сильнее человеческого, а это что-нибудь да значит. Так вот, все его ощущала пока не предвещают не порядка.

— Такое смятение в голове! — еще унылее ответил дилон. — Мысли — как огоньки... Вспыхивают, погасают...

Вскоре Асмодею представился случай продемонстрировать чувствительность своих ощущений. Он сбросил скорость и, склонив вниз рогатую голову, стал во что-то всматриваться. Аркадий спросил, что случилось. Асмодей ответил нерешительно — нерешительность ни для каких ситуаций не была у него запрограммирована:

— Вдруг запутался... То вижу, то не вижу!..

— Зрение ослабло? Ты же всегда хвалился, что твои глаза — разновидность оружия, а не тривиальные приемники света.

— Аркадий! Выпусти на меня льва — с одного взгляда опрокину, я такой. Но вон тот лес впереди... Появляется и пропадает...

Лес был как лес — мертвый, темный, на стволах смешивалось голубое сияние одной Гаруны с яркой белизной второй. Кроме этого смешения красок, Аркадий ничего не разглядел в приближающемся лесу. Асмодей закричал:

— Мы в царстве привидений! Запускаю защиту!

Теперь и Аркадий увидел, что лес впереди то светлеет, то темнеет. Он огляделся. Позади простиралась лишенная трав и деревьев пустыня, она стиралась в дымке. Справа поблескивало озерко, его блеск разгорался и притушивался, оно то выступало сверкающей чашей в пустыне, то неразличимо сливалось со своими

берегами. Аркадий снова повернулся к лесу. Лес появлялся и исчезал, как будто какой-то густеющий полог то накрывал, то открывал его.

— Разнотык времен? Не так ли? — Аркадий тронул за плечо дилона. — Схлест противоположных потоков времени? Что теперь делать?

Ланна бормотал, что его угнетает неведомая сила, он не способен сосредоточиться. С Асмодея слетела бодрость — даже во время падения авиетки он выглядел уверенней.

— Аркадий, нас то выносит в будущее, то отбрасывает в прошлое.

Один рог Асмодея сиял голубым от левой Гаруны, второй раскаленно сверкал от Гаруны правой — и от такого свечения киборг казался двуликим. Лодка подлетала к лесу. Реальные деревья превращались в призраки, но полностью не пропадали — полустерлись, каждое продолжало слабо обрисовываться, а затем снова восстанавливалось.

Аркадий потряс дилона.

— Ланна, сколько лет живут на Дилоне деревья — вон те, что под нами?

Немалое усилие понадобилось дилону, чтобы во взгляд воротилась осмысленность. Он ответил и снова закрыл глаза:

— По вашему счету этим деревьям лет сорок.

— Отлично! Асмодей, мы залетели в хронобой. Потоки времени, генерируемые одной Гаруной, сталкиваются с противоположным временем другой. В общем, разнотык.

— Вот-вот — разрыв времени. Выдержит ли его наша защита?

— Деревья то показываются в настоящем времени, то отбрасываются в прошлое и будущее. Но они остаются, Асмодей! Стало быть, колебание между прошлым и будущим невелико. Ведь пятьдесят лет назад их еще не было и спустя пятьдесят лет не будет. Колебание в сто лет — вот разрыв времени.

— Разрыв в сто лет наша хронозащита выдержит.

Лес долго не менял своего облика — стирался в призрак, густел кладбищем мертвых стволов, снова превращался в привидение. И, поглощенный созерцанием леса, Асмодей не сразу обнаружил перемены в самой летательной лодке. Обернувшись назад, он вдруг обнаружил, что коробка с едой для Аркадия пропала. Остальной багаж лежал, одной коробки не было, словно она выпала в полете. Но сохранились веревки, скреплявшие коробку с лодкой, они натягивались под прямым углом, словно по-прежнему

схватывали громоздкий груз. Но под ними была пустота — они обхватывали пустоту. Асмодей крутанул лодку влево. Теперь и веревки пропали, словно их и не было. Асмодей повернул лодку направо — веревки появились. Еще круче повернув лодку вправо, он погнал ее под углом к прежнему курсу. Коробка не возникла, но что-то под туго натянутыми веревками затемнело. Это могло быть лишь то, что сохранялось от содержимого коробки в их новом полетном времени.

Ругательства у киборга были не запрограммированы, но вырвавшееся восклицание было равнозначно брани.

— Что с тобой? — спросил Аркадий.

— Надо поворачивать назад. Впереди хроноразрыв увеличивается. Посмотри на корму — там исчезают не только коробки с едой, но и аппаратура.

— Защита перестает нас экранировать?

— Может, дерево, из которого сделана лодка, сохранится долго — мертвая древесина долговечна. Но нас унесет из лодки, Аркадий. Защита будет экранировать пустоту, а мы будем валяться на мертвой почве в мертвом лесу. Нас разорвет — голова затормозится в прошлом, туловище устремится в будущее. Это даже не для меня. Бежим назад!

Аркадий не захотел поддаваться панике. Спасение — на юге. Там ни разнотыков времени, ни хронovorотов. На севере — лишь кратковременная отсрочка гибели. Только на юг. Единственный шанс сохранить жизнь — там, где Асмодей предрекает гибель.

— Я гибели не боюсь, Аркадий! — с достоинством сказал Асмодей. — Страх смерти в меня не внедрен. Я опасюсь за тебя и за этого наполовину безжизненного юношу. Слушаюсь. Держу прежний курс.

Теперь и Аркадий поминутно оглядывался на багажник. Коробка больше не появлялась, пропали и скрепляющие ее веревки — возможно, уже навеки не состыковаться ему в едином времени со своей пищей. «Лучше все же смерть от голода, чем от разрыва времени в теле», — утешал себя Аркадий. Потом на корме стали пропадать и другие предметы. Аркадий закричал. Впереди пропал Асмодей. На первой перекладине качался его смутный силуэт. Аркадий схватился рукой за призрачное плечо киборга. Пальцы прошли сквозь плечо, как сквозь дымок. Лес заметался, обе Гаруны нестерпимо засверкали в глаза. Аркадий потерял сознание.

Когда он очнулся, впереди сидел реальный Асмодей и сосредоточенно вел лодку на две Гаруны: большую, обжигающую белым

жаром, и малую, ласкающую фиолетово-голубым сиянием. Аркадий закричал:

— Ты жив, Асмодей, ты жив!

— Как видишь.

— Значит, ты все же услышал меня? Я кричал, чтобы ты сменил курс.

— Ничего я не услышал. Разве можно услышать человека, который жил за сто лет до тебя? Мы были уже в разных временах. Я сам изменил курс в последний миг, когда это было возможно. А хронозащита восстановила нашу одновременность.

Аркадий обернулся. На корме все лежало в прежнем порядке. Коробку с пищей туго охватывали веревки. Аркадий передернул плечами, избавляясь от тошнотворного страха. Все восстановилось, но путь на юг был закрыт. Внезапная гибель не разразилась, но и спасение не состоялось. Аркадий хмуро произнес:

— Куда же нас вынесет? Или мчаться до вечности?

Ланна поднял свалившуюся на плечи голову, повернулся — мутные печальные глаза уставились на Аркадия.

— Я рад, что тебе лучше, Ланна, — сказал Аркадий. — Мы едва не попали в тяжелый разрыв времени, но благополучно ушли. Как у тебя с головой? Мысли больше не раздувает и не гасит, как огоньки на ветру?

— Меня тревожит только одна мысль, — ответил дилон. — Ты сказал, что из хронобоя мы ушли? Нас настигает хроноворот. Это не лучше.

4

Внизу проплывали лески и озера, холмы и долины — безжизненный мир, арена беспощадных вибраций времени. Асмодей заметил, что их сносит вправо: они летели над новой местностью. Новый пейзаж мало отличался от прежнего: та же мертвая пустыня, те же стволы погибших деревьев, те же тускло поблескивающие озера. Лишь телескопическая острота глаз киборга могла различить в этом однокрасочном мире какие-то непохожести. А когда и обе Гаруны, в момент поворота с юга на север переместившиеся из-за спины в лицо, стали съезжать налево, и Аркадий понял, что их выворачивает.

— Старайся держать прежний курс, — посоветовал он.

— Не могу, Аркадий. Посмотри вниз. Тебе не кажется, что слева мир снова становится призрачным? Вон там, на линии горизонта.

У горизонта все расплывалось. Предметы не отдалялись, а теряли очертания, становились полупрозрачными. Недавно, когда они стремились на юг, тоже совершалось нечто похожее. Но тогда то медленно исчезали, то снова постепенно возникали все ближние предметы и справа, и слева. А здесь пропадал только левосторонний мир и пропадал издалика, а не вблизи — горизонт слева суживался, все дальше тускнело и закатывалось за его надвигающуюся линию, все ближнее сохранялось — мертвое, однотонное, но четкое. Пейзаж становился односторонним, он был только с правого бока.

— Это хроноворот, — размышлял вслух Аркадий. — Ланна обещает что-то страшное, но пока я вижу одни несообразности. Просто выход в фазовое время. Правда, угол много больше того, какой мы применяли на «Гермесе».

— Страхное еще будет, — сказал Асмодей.

— А какой будет страх?

— Не знаю. Потряси Ланну, он должен знать.

Трясти Ланну было пустой затеей. Дилон так измучился, что впал не в сосредоточенность, а в беспамятство. Он откинулся на сиденье, вытянул вверх острую мордочку, одно дыхание — гораздо более редкое, чем у людей, — свидетельствовало, что жизнь не покидает ослабевшее тело.

Аркадий вспоминал, что знает о хроноворотах. По термину — завихрение времени. Рождается в схлесте двух противоположных потоков времени. Попали в хронокольцо времени и несемся в нем. Пока все просто...

Да, но почему так бояться хроноворотов дилоны? Что в них опасно? Изменение скорости вращения времени? Уменьшение диаметра хроноворотов? Вихревой заворот сжимается, хронокольцо превращается в хроноколечко, хроноколечко заворачивается в точку. Какая же бешеная скорость бега времени в схлопывающемся хроноколечке! Если в центре большого хроноциклона время замирает и мгновение оборачивается вечностью, то в ветвях время столь ускоряется, что и вечность равнозначна мгновению. И задолго до того все гибнет. Там, где столетия сжимаются в секунду, не только живые клетки, но и почти бессмертные граниты Скандинавии не устоят. Короче — взрыв!

Аркадий окликнул киборга:

— Тебе не кажется, что диаметр хроноворота постепенно уменьшается?

— Мы не сделали и одного витка, как же судить о том, уменьшается ли диаметр следующих витков? Наберись терпения, Аркадий.

Терпение относилось к свойствам характера, которые были дарованы Аркадию с большим недобором. Он всматривался и всматривался во все, на что падал взгляд. И первый увидел перемену в светильниках: ослепительная Гаруна Белая потускнела, томная Гаруна Голубая разгоралась. Асмодея тоже встревожили эти перемены.

— У тебя есть объяснение, Аркадий?

Аркадий напомнил, что обе звезды существуют в разных временах, одно в прямом, другое в противоположном. От схода этих времен и возникают хронобои и хроновороты.

— Ты не отвечаешь на вопрос, Аркадий. Все это я и сам знаю.

— Знаешь, стало быть, и ответ, которого ищешь. Каждая звезда в своем собственном времени ярче, чем в близком по фазе. И когда, вращаясь в хроновороте, мы пересекаем истинное время звезды, она видится в максимуме. Цикл разгораний и потускнений звезды и есть один виток хроноворота. Так вот, ближайшая задача — определить, сохраняются ли размеры хроновитка или он постепенно уменьшается.

— Буду следить, — пообещал киборг.

И опять терпение Аркадия подверглось трудному испытанию. Гаруна Голубая, достигнув максимального блеска, совсем затмила недавно столь великолепную Гаруну Белую. И она уже не была голубой с сумрачной фиолетовостью, она накалилась добела. Затем ее блеск стал притушиваться, а сверкание Гаруны Белой восстанавливалось.

— Полный цикл, — сказал Асмодей. — Хроноворот сокращается. Горизонт прозрачности приблизился. Жду приказа.

— Может, прокрутимся еще виток?

— Опасно. Ты угадал сжатие хроноворота. Но как угадать, скоро ли кольцо превратится в точку?

Та полоса слева, где даже близкие предметы из материальных тел становились силуэтами, на втором витке приблизилась. «Если выберемся из этого удивительного мира, — думал Аркадий, — поверит ли кто в его реальность, когда стану рассказывать?» Справа, до очень далекого горизонта, простиралась обширная пустыня — все было мертво, но вещественно, предметы отбрасыва-

ли тени, они реально были, и небо над ними было реальное. А слева уже ничего не было, лодка-самолет мчалась как бы по самой кромке горизонта, по четко ограниченной линии пустоты, за этой линией даже неба не было.

Аркадий понял, что дальше медлить опасно.

— Асмодей, выбрасываемся из вихря! От твоего умения зависят наши жизни. Нужно выскользнуть наружу, а не внутрь. Ибо внутри будет взрыв, превращение столетий в микросекунды. Ворваться в хроноворот наперерез. Пересечь его!

Асмодей всегда гордился, что застрахован от человеческих эмоций, хотя способен все ощущать острее, чем люди. Но то выражение, с каким он обернулся к Аркадию, походило на ужас.

— Но ведь это значит — снять хронозащиту!

— Асмодей, не медли. С каждым витком время убыстряется. Хронозащита не сможет противостоять такому бегу времени.

Киборг успокаивался быстро. А пейзаж пустоты, поглощавшей слева предметный мир, действовал сильнее, чем приказы Аркадия.

— Общую защиту отключаю, индивидуальную оставляем. Аркадий, возьми в свое поле Ланну! Раз, два!..

Решительное восклицание не означало, что Асмодей так же решительно сбросит всю защиту. Аркадий не почувствовал изменений, лишь стало труднее дышать. Пробудившийся из пассивной беспомощности Ланна зашевелился, завизжал тонким голоском, но четкой мысли не передал. Хроноворот завершил второе кольцо, Гаруна Белая опять потускнела, Гаруна Голубая опять свирепо накалялась. Аркадия уже не удивляло, а беспокоило, что он ничего необычного не испытывает. Он сказал:

— Ты ничего не замечаешь, Асмодей?

— А что замечать? Убыстрение времени мы тормозим индивидуальными полями. Уж не ожидаешь ли ты, что наш самолет начнет распадаться на щепочки от стремительного старения?

— Я не был бы поражен, если бы это случилось.

— Постараюсь, чтобы этого не случилось. Одно новое: сижу неподвижно, а впечатление, будто пустился в бег. Потребление кислорода увеличилось вдвое. Хотя я могу не дышать, меня тревожит, что для нормального дыхания нужно больше воздуха. Боюсь, что индивидуальная защита слабовата. Нас все же увлекает быстрина времен.

Вскоре и Аркадий почувствовал нехватку воздуха. Он тоже, покойно сидя в углублении на перекладине, всем телом как бы

устремился в бег. Он уже должен был широко распахивать рот, чтобы заглотить побольше воздуха. Аркадий сосчитал вдохи — дыхание убыстрилось чуть ли не в четыре раза. «Хоть и грубая, но все же оценка убыстрения времени», — думал Аркадий.

Потом он заметил, что дышать стало легче — по-видимому, внешнее время стало совпадать с внутренним. Он сказал Асмодею:

— Пора освобождаться от индивидуальной защиты. Я дышу нормально.

— Под хроноэкраном, Аркадий. Мы уже в замедленной области хроноворота, но скорость и здесь больше скорости нашего времени. Освободимся от хроноэкрана, когда внешнее и внутреннее время полностью совпадут.

Пейзаж почти не менялся. Все так же свирепо сверкала белая звезда и томно сияла голубовато-фиолетовая, на них не действовало вращение времени. «Возможно, и нет уже никакого вращения», — подумал Аркадий.

Киборг вдруг резко направил вниз свой диковинный самолет. Аркадий вздрогнул — уж не падаем ли? Ланна дал знать о своем страхе слабым повизгиванием. Асмодей крикнул, что пора снимать хронозащиту, но лучше это сделать на почве, а не в воздухе.

Летающая лодка врезалась в грунт. Аркадия и Ланну вышвырнуло наружу. Аркадий вскочил, помог подняться дилону. Асмодей ходил вокруг посаженной на полянку лодки и ликовал:

— В последнюю микросекунду! Уже совсем времени не осталось! Погляди, Аркадий! — он показывал когтистой рукой на обломки лодки.

Аркадий рассердился:

— Чего веселишься? Разбил уникальный воздушный корабль, повредил аппаратуру. Повод для торжества недостаточный.

— Нет, ты погляди! — орал Асмодей.

Он совал Аркадию обломок развалившейся лодки. Аркадий взял обломок в руки, меж пальцев стала сыпаться труха. Аркадий поднял другой обломок, тот рассыпался еще до того, как его подняли. Еще недавно каменно-прочное, дерево распадалось при легком прикосновении.

Пришедший в себя Ланна тоже попытался поднять с почвы обломок. И когда он раскрылся в гибких пальцах дилона, Ланна сказал человеческими словами, отчетливо прозвучавшими в сознании обоих хронавтов:

— Мне надо сосредоточиться. Потом объясню, что случилось.

— У нас не хватит времени, чтобы ты саморазмышлением все открыл, — сказал Аркадий. — Поэтому не сочти за оскорбление мое толкование. Так скорее, а время — деньги, говорят у нас. Нет, нет, — добавил он поспешно, заметив, что дилон опять собирается задумываться, — ты не дойдешь авторазмышлением до смысла термина «деньги», это древнее понятие, давно забытое человечеством.

И Аркадий объяснил, что киборг снимал хронозащиту двумя этапами — сперва с летящей лодки, потом лишь с них троих. Но за тот десяток минут их собственного времени, что лодка летела во времени убыстренном, внешнем, — там, где для них троих мчались мгновения, для нее уже пробегали годы. Дерево постарело на много лет, а они втроем за это же время, по своему счету, провели лишь несколько минут. Лодка, дряхлея, уже в воздухе стала рассыпаться. Асмодей посадил ее в миг, когда готовилась отвалиться корма с аппаратурой. И было бы истинной катастрофой, если бы их хронометры, гравитаторы и генераторы силовой защиты при падении разбились.

— Но ведь они тоже состарились, когда твой друг Асмодей снял хронозащиту с лодки, — возразил молодой Различник, обнаруживая, что не только внимательно слушает, но иногда и быстро делает выводы. — Я сейчас подумаю и определю...

Аркадий не дал дилону впасть в новую задумчивость. Конечно, и аппаратура состарилась. Но для конструкций из металлов и других долговечных материалов это не так опасно, как для дерева, которое даже в омертвелом состоянии не вечно.

— Проверить, однако, надо, — сказал Асмодей.

Втроем они собрали разбросанную аппаратуру. Асмодей осматривал хрономоторы и силовые генераторы. Его лицо мрачнело.

— Говори! — попросил Аркадий. — Вижу, что преувеличил вечность металла. И готов к худшему. Силовая защита уничтожена?

— Ничего подобного! — запротестовал Асмодей. — Силов защита в порядке, там такая прочность! И гравитаторы работают... Слабей, чем прежде, но если придется падать, не разобьемся.

— Хрономоторы?

— Да, Аркадий. Хрономоторы не вынесли хронотряски. Черт его знает, простого аппарата не смогли по-человечески изготовить. На Латоне буду жаловаться.

— Если воротимся, Асмодей. Если воротимся...

— Я попробую подремонтировать их, Аркадий.

— Что нужно для этого?

— Местечко поспокойней, подальше от хроноворотов. И время — обыкновенное время, но в достаточном количестве.

Аркадий осмотрелся. Асмодей посадил рассыпающуюся от грянувшей дряхлости лодку на лесной прогалине. Кругом громоздились окаменевшие стволы. Еще недавно они шумели голубыми лохматыми головами, а скоро и мертвыми перестанут быть — лодка, вырезанная из ствола, показала, что и в смерти своей мертвый лес не вечен. А на севере, над полюсом, клонящимся то к одной, то к другой звезде, разъяренно калится Гаруна Белая и томно струится почти фиолетовая Гаруна Голубая. Там спокойствия не найти — там короткие островки усмирения, крохотные интервалы между трясками. Спокойствие только на юге, в стране дилонов, — и только в часы, когда их неведомые враги не начинают убийственные резонансные обстрелы. Но туда преграждает путь хронобой. Их, бронированных еще крепкой хронозащитой, вышвырнула оттуда схватка остервенелых хронопотоков. Где гарантия, что, лишенные хронозащиты, они уцелеют в фокусе неистового хронобоя?

— Взваливаем на себя аппаратуру и шагаем на север, — приказал Аркадий.

5

«Предусмотреть последовательность действий, — думал Аркадий, двигаясь за тяжело нагруженным быстро шагающим Асмондеем. — Первое — удалиться от хроноворота. Вокруг бешено убыстренного потока времени область времени замедленного — хроноворот, наверно, всасывает в себя и текущее по соседству время. А подальше к полюсу время до того заторможенное, что это уже не время, а вечность. Оказаться вне времени столь же губительно, как и угодить во время убыстренное. В одном гибнешь от мгновенного состаривания, в другом — от консервации сиюминутности. Хрен редьки не слаще».

Аркадий усмехнулся — сколько бы усилий понадобилось дилону, чтобы своим умом дойти до вкуса неведомых ему хрена и редьки. И как ошибался тот древний философ — а ведь он так нравился в школе! — который придумал для счастья формулу: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Черта с два было бы счастье, остановись мгновенье реально!

— Найти бы межу, отделяющую хроноворот от заторможенного времени, — посоветовал Аркадий киборгу.

— Выйдем куда надо, — пообещал Асмодей. — В этих местах нет чередования дня и ночи, но хронометр у меня сохранился — моторчик, заменяющий сердце. Я сам назначу ночь, и расположимся на отдых. Вы с дилоном поспите, а я подремонтирую аппаратуру.

Вспоминая потом поход на север, Аркадий удивлялся, как они сумели пройти свой недолгий, но бесконечно трудный путь до первой остановки. Асмодей скомандовал привал на голой скале, вздымавшейся над мертвым лесом.

Обессиленный Ланна уткнулся в почву. Аркадий присел рядом, не отключая ни гравитаторы, ни силовую защиту. Вероятно, это и спасло их, когда скала затряслась. Первая же судорога, пронзившая камень, бросила Асмодее вниз — он перед этим отключил защиту, чтобы лучше работать, и, пойманный врасплох, не сразу восстановил связь с генераторами.

Аркадия больше ошеломил гул и грохот, вырвавшиеся из недр скалы, чем ее тряска. Обхватив дилона рукой, он прижался к почве и видел, как киборга швырнуло вниз. Новая судорога в недрах скалы заставила и Аркадия с дилоном заскользить вниз. Теперь они поменялись местами — Асмодей, вцепившись в выступ скалы, задержался на склоне, а Аркадия с Ланной вынесло к подножью.

Аркадий вскочил, попытался поднять и Ланну; одновременно, еще на учебных тренировках усвоенным движением, проверил, есть ли связь с генераторами защиты. Поврежденные генераторы все же действовали, но защита была слишком слабой, чтобы преодолеть судорогу, в третий раз пронизавшую и каменную скалу, и мертвую почву. Аркадия снова швырнуло, он закричал от боли, раздиравшей тело. Вибрировала каждая жилка, трепетал каждый нерв. Сам Аркадий не услышал своего вопля: ему казалось, что все тело его звенит, вопит, визжит — этот внутренний визг и звон были так реальны, что все истинно реальные звуки потонули в звуках воображаемых.

Потом наступили тишина и неподвижность. Почва обрела устойчивость. Аркадий поднял голову. В глазах стояла пелена, пелену прорезали глумливые искры, они образовали полусветящуюся завесу — за ней проступало что-то темное. Аркадий со стоном опустил голову. Темные призраки материализовались. Вокруг троих хронопутешественников кольцом выстроились странные фигуры. До Аркадия донесся как бы издалека голос Асмодее:

— Да это же земные обезьяны! Откуда они на Дилоне?

Ланна тоже приподнялся. На его выразительном лице изобразились ужас и безнадежность.

— Мы в плену, иновременник. Мы у хавронов.

И, как бы обессилив от тяжелого объяснения, Ланна опять повалился на почву.

6

Это, конечно, не были обезьяны, как почудилось Асмодею. Они были слишком высоки и широкоплечи для земных обезьян — даже мощная горилла уступила бы любому хаврону ростом и весом. И одеждой у них была не собственная шерсть, а что-то похожее на юбочку до колен. В юбочках виднелись карманчики и петельки, и каждый карманчик оттопыривался — в нем что-то хранилось, а в каждой петельке висели предметы — некоторые походили на кинжалы и ножи, другие казались аппаратами. Четырехугольный ящичек на петельке у одного особо рослого хаврона был снабжен жезлом, похожим на антенну. «Радиоприемник», — подумал Аркадий.

Но еще больше, чем оснащение хавронов, убеждало, что они не животные, то, что двое из них выкатили вперед громоздкое сооружение — фургончик на колесах, и на фургончике высился на треноге диск, похожий на зеркало. Оба хаврона, поворачивая колеса фургончика, направили зеркало на трех хронопутешественников. Издали было видно, как в зеркальном диске тускло отразилась голая скала и три фигурки, застывшие у ее подножья. Не нужно было длительного размышления, чтобы догадаться, что и фургончик на колесах, и диск на нем — боевое оружие и что хавроны выкатили его для удара, а не для радостного знакомства с людьми.

— Что делать? — спросил Асмодей. — Могу напасть на них.

— Не смей! — сказал Аркадий. — Конечно, хавроны воюют с дилопами — они ведь солдаты рангунов, как объяснял бедный Ронна. Но мы рангунам не враги. И я постараюсь показать, что у нас нет других намерений, кроме дружественных. На всякий случай — охраняй меня.

Аркадий стал приближаться к хавронам, протягивая вперед и вверх обе руки. Еще в школе космонавтов ему внушали, что именно такой жест — безоружные руки, поднятые вверх и немного вперед, — любого инопланетянина непременно убедят в доброже-

лательности людей. Но хавроны явно не изучали языка жестов. Они стали тесниться к боевому механизму, а двое мохнатых операторов еще проворней закрутили колеса фургончика. Диск поворачивался, угрожающе нацеливаясь на приближающегося Аркадия.

— Иновременник, падай! — отчаянно протранслировал Ланна и сопроводил свое предупреждение громким визгом.

Диск вспыхнул тусклым желтоватым огоньком и погас. Аркадию показалось, что его рвут на тысячу частей. Он упал и завертелся, гася резонансную судорогу. Поврежденная силовая защита, не отразив полностью удара, все же самортизировала его.

На операторов резонансного аппарата вихрем обрушился Асмодей.

Не имея сил подняться, Аркадий прижался боком к земле. Потом, вспоминая сражение киборга с хавронами, он не переставал удивляться фантастичности увиденного. Стройная человеческая фигура при шпаге и с пистолетом, в роскошном камзоле и узорных штанах до колен, как у средневекового французского маркиза, с усиками какого-то надменного немецкого императора и изящными рожками придворного дьявола Сатаны, выхватив шпагу, бросилась на двух хавронов, переставших крутить колеса и что-то достававших из своих петелек и кармашков. Из шпаги вырвалось лезвие пламени, пламя полоснуло одного хаврона, он с клекотом рухнул. Второй, наставив на Асмодее какой-то приборчик, сдунул пламя, когда оно уже касалось его груди, пламя метнулось в сторону. Но шпаги он сдвинуть не смог, металл пронзил его грудь — и второй хаврон тоже свалился, заверещав еще пронзительнее. Асмодей перекрестил струей пламени из шпаги боевой диск, и диск распался на четыре куска. Асмодей бросился на других врагов, размахивая длинным огнем своей шпаги. Хавроны посыпались врассыпную. Только один рванулся вперед на киборга.

Это был рослый хаврон с ящичком, из которого торчала шестообразная антенна. Хаврон наставил на Асмодее ящичек: две струйки пламени, как два меча, скрутились и отбили одна другую — струя из шпаги киборга и струя из ящичка. Асмодей снова сделал выпад, и снова пламенный выстрел из ящичка пересек и отбросил вбок пламя шпаги. Хаврон пока не нападал, а защищался, поджидая момента, когда сможет не только парировать выпад киборга, но и нанести собственный удар. Аркадия томил страх, что остальные хавроны, воспользовавшись тем, что киборг поглощен огненной дуэлью, набросятся на него сзади. Но не было признаков, что

воины рангунов, так странно похожие на земных обезьян, собираются нападать со спины и боков. Наоборот — они сгрудились поближе к сражающимся, громко перекликивались и так глазели, словно главным была не победа собрата, а красочный спектакль дуэли.

Рослый хаврон улучил момент и бросил пламя в киборга. Асмодей повернулся, пылающее острие сбоку ударило в боевой приборчик хаврона. Шпага Асмодея, перерезанная у эфеса, отлетела в сторону, а боевой аппарат хаврона вспыхнул. Отбросив комок огня, в который превратилось его оружие, хаврон отскочил. Тут на него ринулся Асмодей. Сбывчив голову, он ударил исполинского врага обоими рожками в живот.

Аркадий всегда считал, что живописные рожки на голове киборга — не больше чем парадное украшение его любимой личины № 17. Асмодей, прихоращиваясь перед зеркалом, так любовно поглаживал их, что становилось ясно: они его восхищают эстетически, деловой ценности в них нет. Но коротенькие рожки были оружием. Когда они коснулись тела хаврона, из них вылетели точно такие же полоски огня, как и те, что генерировала шпага. Два кинжальных огня пронзили насквозь обезьяноподобного воина и вышли из спины. Голова Асмодея свирепо уперлась в живот хаврона, в полтора раза превышающего его ростом; и два потока пламени выскочили двумя мечами наружу. Хаврон завопил и задергался, замахал руками, но не упал, а повис на двух пронизавших его кинжальных огнях, как на железных клинках.

Ошеломленные хавроны молча взирали на гибель товарища, ни один не рванулся на помощь. Асмодей отдернул рога. Две огненные струи, вылетавшие из спины великана, сразу погасли, он зашатался и упал. И словно очнувшись от оцепенения, все хавроны скопом набросились на Асмодея. На мгновение он исчез в их куче, затем все были отброшены, и он стоял один, готовый к новой схватке. Три раза повторялось одно и то же: хавроны набрасывались, погребая Асмодея под собой, — он всех отшвыривал, они снова набрасывались — и снова рассыпались.

Аркадий поднялся, пошатываясь на тряпичных ногах, и полпелся к схватке. Вряд ли он понимал, что, вконец обессиленный, не годится для борьбы, зато знал, что киборгу надо помочь — без помощи тот не справится с такой оравой противников.

Ланна, по-прежнему лежащий недвижно на камнях, удлинит свою правую руку и вцепился в Аркадия десятью когтистыми

пальцами. Дилон был слабей человека, но у Аркадия не хватило силы содрать с себя цепкую руку. Он только крикнул дилону:

— Пусти! Немедленно пусти, Ланна!

— Не пущу, — твердил дилон, — они тебя убьют, иновременник!

И вытянув вторую руку, он и ею ухватил Аркадия и потащил назад. Неспособный сделать хоть шаг к киборгу, Аркадий увидел, как закончилась его схватка с хавронами. Один из нападавших сорвал с киборга моторчик индивидуальной защиты и отскочил с радостным воплем, размахивая трофеем. Двум-трем противникам Асмодей и теперь мог противостоять, но их было больше десятка. Киборга повалили, опутали ремнями, положили связанного на фургончик — на нем уже не было боевого излучателя — и проворно потащили фургончик в лес.

Один из хавронов подошел к Аркадию и Ланне — на мохнатой морде остро посверкивали маленькие злые глазки — и повернулся к дилону. Ланна слабо протранслировал Аркадию:

— Велят быстро идти с ними. Надвигается новый хроноворот, надо всем спастись. Я попытаюсь, а ты сможешь, иновременник?

— Постараюсь. — Аркадий шагнул с большим трудом.

Дилон правой рукой обнял человека.

— До сих пор ты мне помогал, теперь буду помогать тебе.

С помощью дилона Аркадий сумел сделать несколько шагов. Боль в теле усилилась, перед глазами все плыло. Только рука дилона удерживала Аркадия от падения. Ланна что-то громко провизжал — визг, похоже, сопровождала мысль, но мысль до Аркадия не дошла. Конвоирующий обоих хаврон вдруг побежал вперед.

— Ты ему что-то сказал? — спросил Аркадий.

— Велел посадить тебя внутрь фургона. Он поспешил за подмогой.

— Велел? Ты можешь им повелевать?

— Конечно. Эти низшие существа обязаны выполнять волю воплощений Высшего Разума. — Дилон задумался и добавил: — Если мои веления не противоречат приказам рангунов. А посадить или не посадить тебя в их фургон, — я установил это точным размышлением, — рангуны заранее приказать не могли.

Аркадий уточнил ситуацию:

— Хорошо, что ты правомочен отдавать хавронам приказы. Хоть какая-то гарантия безопасности. Но если ты отдашь им приказ освободить нас, они его выполнят?

На этот раз дилон размышлял дольше.

— Не выполнят, иновременник. Им велели взять нас в плен. Они подстерегали нас. И раз есть приказ захватить, то не может быть приказа отпустить.

— Логично. Взять в плен и освободить из плена — операции взаимоисключающие.

— И это хорошо, пришелец.

— Что хорошо? — удивился Аркадий. — Что мы в плену?

— Что мы захвачены по приказу рангунов. Это значит, что мы у хавронов только в плену, но вовсе не в их воле. Нас, так я продумал, доставят к Ватуте. Верховному Злодею Рангунни еще не приходилось встречаться с людьми. Он захочет с тобой познакомиться.

— Не уверен, что я хочу такого знакомства, Ланна. Да еще таким способом — напали, превратили в полуинвалида...

К пленным подошли двое хавронов. Они взяли Аркадия на руки и понесли к фургону. От них пахло зверьем. Аркадию какую-то минуту было страшно, что их когти вопьются в тело. Но несли его осторожно.

Хавроны положили человека рядом с киборгом и отошли. Асмодей изобразил улыбку, но получилась гримаса.

— Не находишь ли, Аркадий, что я сделал все, что мог? — хрипло спросил киборг — и голосовой механизм у него был тоже основательно поврежден.

— Ты сражался как лев, — сказал Аркадий.

Киборг относил львов к низшим конструкциям живого мира.

— Что может лев? Ну, куснуть, ну, разох царапнуть. А я разбрасывал обезьян как щепки. Будут долго помнить. Ты и Ланна не очень пострадали?

— Я немного пострадал, а Ланна переменялся. Полюбуйся, как он вышагивает среди наших похитителей. Знатный гость, а не пленник.

С дилоном и вправду совершилась перемена. Еще недавно он еле передвигал ноги, испытывая панический страх перед хавронами, — увидев их воочию, он свалился почти без сознания. А сейчас двигался среди воинов, гордо вытянув собаководную голову; правая рука величественно, в полный обхват, обвивала туловище, лишь левая безвольно висела ниже колен. И хавроны воспринимали такое его поведение как естественное — окружавший дилона десяток хавронов казался скорее почетным конвоем, чем суровой стражей.

Аркадий сделал знак, чтобы Ланна приблизился.

— Нужна помощь? Вам плохо, иновременники? — осведомился дилон — он понемногу привыкал к человеческому обычаю задавать вопросы. — Что смогу, все сделаю.

— Вижу, что ты многое можешь сделать. Но почему ты держишься так, будто вовсе не пленник? И почему наши похитители разрешают тебе так держаться? Ты ведь недавно боялся их!

Ланна пренебрежительно оскалил зубастый рот.

— Хавроны опасны при случайной встрече — рвут в клочья, а если оставляют в плену, то издеваются. И совсем иные, если выполняют приказ своих повелителей. Тупые исполнители! Зачем же унижаться? Пусть видят величие Высшего Разума. Буду держаться так, пока нас не передадут рангунам или пока все не погибнем в этих страшных местах.

Аркадий показал на левую руку дилона.

— Что с ней? Она висит как плоть. Не сосредоточивайся, плоть это... в общем, у людей — полезный предмет. Ты недавно с такой силой ухватил меня обеими руками, чтобы я не рвался к Асмодею.

— Сейчас бы я не мог этого сделать. Левая рука вдруг ослабела. Я боялся этого, иновременник, но думал, что не настанет столь скоро. Ваше появление на Дилоне помешало мне выздороветь.

— Наше появление? Вот уже не думал, что препятствуем твоему выздоровлению. Ты болен?

— У меня рассинхронизирован организм, — с грустью объяснил Ланна. — Главная наша болезнь — рассогласование жизненных времен органов тела.

— У людей рассогласования времен в теле не бывает, — вдруг вмешался в разговор Асмодей, показывая, что прекрасно разбирается в быте людей. — Люди синхронизированы от рождения до смерти.

Дилон посмотрел на киборга со снисходительностью, которая вполне смогла сойти и за жалость. У людей рассинхронизации в организме не наступает? Но не потому ли, что люди мало живут? За ничтожный период в сто земных лет и у дилонов не возникает рассогласования времен. Он, Сын Отцов Различников Уве Ланна, полагает, что и у людей, доживи они до тысячи лет, непременно появится рассогласование: ноги будут пребывать в одном времени, мозг — в другом. Впрочем, о людях он мыслить не будет, он сообщит о себе. У него убыстрилось время в мозгу, время туловища и ног отстает.

— Разве вы не заметили, иновременники, что я кажусь замедленным? Моя быстрая мысль значительно обгоняет движения тела. Мне достаточно маленького размышления, чтобы разобраться в любой проблеме, но совсем иного времени требуют действия.

Для излечения рассинхронизации, продолжал дилон, применяется простое средство — перевоплощение. Два дилона меняются частями своих организмов — и синхронизация восстанавливается. Конечно, подобрать двух дилонов, подходящих для взаимного перевоплощения, непросто. Но все дилоны находятся на строгом учете Стирателей Различий, а наши Старейшины никогда не ошибаются. Безвременно погибший Различник Рина Ронна подобрал для Ланны отличного перевоплотителя, молодого Мат Магона. У Мат Магона мозг в замедленном времени, зато туловище убыстрено. Снабдив Мат Магона замедленным телом и получив от него в дополнение к своей стремительно мыслящей голове столь же быстрое туловище, и сам Ланна, и его перевоплотитель были бы надолго синхронизированы.хлопоты с пришельцами отодвинули дату перевоплощения, и вот результат — левая рука болезненно замедлилась.

— Но она еще работает, — сказал дилон, пытаясь вытянуть левую руку, — она удлинилась лишь вдвое.

— На человеческий взгляд, твоя левая рука не рассинхронизирована с туловищем и мыслью, а тривиально больна, — сказал Аркадий.

— Я подумаю над этим, иновременник. Ты сказал — тривиально? Тривиально — неизвестная проблема, которую надо...

Аркадий не дал Ланне впасть в размышление. Асмодей изнывает в путах. Если веления Ланны исполняются хавронами, то пусть он попросит их развязать киборга. Оружие у него отобрано, сопротивляться он больше не будет.

— Сделаю, — ответил Ланна и без спешки удалился.

Вскоре двое охранников развязали Асмодея. Киборг замахал руками и ногами, как бы восстанавливая кровообращение. Гимнастика не была у него запрограммирована, но он видел, что люди по утрам, еще в постели, занимаются ею, и считал своим долгом проделывать все, как люди, только лучше людей.

Потом киборг соскочил на почву и громко захохотал металлическим голосом — сейчас, правда, слегка охрипшим из-за небольших повреждений горлового механизма. Оба охранника и другие солдаты, собравшиеся у фургона, с большим почтением наблюдали за действиями Асмодея.

— Так, хорошо! — объявил киборг. — Ужасно люблю быть на свободе. Быть связанным по рукам и ногам — это не моя стихия. По-моему, Аркадий, эти рослые обезьянки — неплохие ребята. Сражаются неважно, но это им можно простить, как и их дурной запах. Уверен, что мы с ними сойдемся по-доброму.

Хавроны пахли не так уж скверно, скорее, необычно для человеческого носа. У киборга, правда, обоняние было острее человеческого.

Аркадий сказал с улыбкой:

— Рад твоему доброму настроению, Асмодей! Ланна, нам остается решить одну важную проблему, тут тебе надо сосредоточиться. Как наладить общение с хавронами? Будешь нашим переводчиком?

Ланна презрительно покривился.

— Хавроны не заслуживают того, чтобы тратить на них размышления. У этих бесхвостых бестий два свойства: они яростно дерутся, пока не победят или не погибнут, и быстро воспринимают любую речь. Я прикажу хавронам быстро освоить ваш язык, внесу в их тупые мозги несколько тысяч ваших слов — и ты будешь доволен!

7

Теперь в повозке лежал один Аркадий. Киборг шагал рядом, поодаль плелись охранники. Впереди четверка мохнатых солдат, схватившись лапами за дышла, тащила боевой аппарат на колесах. По-видимому, других двигателей для него, кроме собственных мышц, у хавронов не было. Картина так напоминала старинные изображения людей, потерявших лошадей и впрягшихся в свои телеги, что Аркадию стало жалко хавронов. Он сказал об этом Асмодею. Киборг отреагировал по-своему:

— Поставить один из наших моторчиков? Они повреждены, но на десяток лошадиных сил каждого хватит. Приказывай!

Аркадий такого приказа не отдал. Неизвестно, куда их везут и что с ними будет, когда привезут. Глупо самому ускорять дорогу к своей гибели. Пусть хавроны надрываются, если у них такой обычай — надрываться.

Кругом простирался все тот же унылый мир — перелески мертвых деревьев, почва, лишенная растений, озерки мертвой воды. На сероватом мрачном небе сверкали два солнца, голубое и белое. И они не закатывались и не восходили, как было еще недавно —

только поворачивались на одном и том же небольшом небесном пространстве. Когда отряд хавронов захватил хронавтов и дилона, Гаруна Белая калила слева. Теперь на том же месте сияла Голубая звезда, а Белая переместилась вправо. Аркадий вглядывался в нерадостное небо и думал, что раз обе звезды описали полный круг на полюсе и раз они в противоположных временах, то и время должно было описать полный круг, и они должны теперь существовать не в своем прямом времени, а во времени обратном, а он такого перехода не ощутил, да и вообще такой переход — полная остановка времени, то есть смерть, а он вроде бы еще не умирал.

К фургончику подошли Ланна и предводитель отряда.

— Я выполнил твою просьбу, — сообщил Ланна. — Можешь убедиться, что рангуны подбирают в отряды похитителей только способных к языкам. Поговори с Клаппой, главным бандитом хавронов: это и чин его, и почетное звание, а имя Клаппа означает — «несгибаемый». Он очень гордится и тем, что бандит, и тем, что Клаппа.

Аркадий сообразил, что почетное звание «бандит» представляет собой результат неверного прочтения Дешифраторами человеческих слов, и не решился обратиться к хаврону с таким наименованием. Еще меньше он мог представить себе, что возможен прямой разговор человеческими словами с обезьяноподобным существом. Его первый вопрос к Клаппе прозвучал довольно невнятно:

— Я хотел... Короче, надо бы... В общем, куда вы нас ведете?

Ответ был дан на хорошем человеческом языке, только с нечеловеческим акцентом:

— Куда надо, туда и ведем.

Беседу перехватил Асмодей. Киборга не удивило, что обезьяна разговаривает по-человечески. Сам он был конструктивно дальше от человека, чем любая земная или инопланетная обезьяна, но ведь отлично овладел человеческим языком. И заметив, что Аркадий растерялся, быстро заменил его:

— А куда надо?

На это Клаппа ответил обстоятельнее:

— Обе Гаруны в противостоянии, неизбежен новый хронovorot. Надо укрыться.

— Есть где укрыться?

— Пещера в скале. Хронovorоты в ней гаснут.

Клаппа отошел. Недоумение Асмодея, однако, не было рассеяно. Сведения по хронистике в него не внедряли. Он знал, что вре-

мя бывает прямым, обратным и фазовым, или криволинейным. В хронолете часто спорили о фазах космического времени, он запоминал такие разговоры. И он умел пользоваться хроноэкранами и хронотормозами, чтобы отстраниться от опасных скачков времени, — и пользовался ими даже лучше, чем люди. Но дальше его знания не распространялись.

Аркадий объяснил жаждущему познания киборгу, что экраны от хронокатаклизмов бывают не только искусственные, но и естественные. Иные материалы малочувствительны к небольшим изменениям времени — например, граниты. Гранит — долгоживущий камень, он числит за собой не годы, а миллионы лет: тысячу лет назад был такой же, через тысячу лет не изменится. А человеку небольшое колебание времени в сотни лет губительно. Ведь сто лет назад этого конкретного человека не было и сто лет спустя не будет. Поэтому большая толща гранита, не изменяясь при небольших перебросах времени с прямого на обратное, тем самым полностью или частично амортизирует эти опасные для человека хроноскачки.

— Для дилона хроноскачки так же опасны, как и для людей?

— Опасны, но не в такой степени. Дилоны живут тысячу земных лет — что для них жалкий скачок на сотню лет в прошлое или в будущее! Немного постареет в одном случае, немного помолодеет в другом. Но перебросы в пять-шесть тысяч лет губительны и для них.

— А в хроноворотах убыстрения и замедления времени достигают, наверно, миллионов лет? Не так? Вот почему наш Ланна так их страшится. Я рад.

— Чему ты рад, Асмодей?

— Тому, что наш хроноэкран спасал не только тебя и меня, но и Ланну. Он должен быть нам за это благодарен.

Отряд мохнатых воинов в юбочках, набитых оружием и инструментами, шагал все быстрее. Хавроны, тащившие повозку, выбивались из сил, чтобы не отстать от отряда. Аркадий все больше жалел их — его собственный вес немало тягчал фургончик. Попросив Асмодее помочь, он слез на землю. Ноги, еще нетвердые, уже кое-как ходили. Почувствовав, что фургон стал легче, солдаты радостно закивали Аркадию и энергичнее поволокли повозку.

— Новая гора. Не в ней ли та пещера? — сказал Аркадий, показывая рукой на холм впереди.

Холм был таким же голым и унылым, как и тот, где на хронавтов напали обезьяноподобные воины. Навстречу небольшому отряду Клаппы высыпала группа хавронов. Два отряда соединились и двигались компактной кучкой. Каталей фургончика сменила другая четверка. Появился пропавший было Ланна. Левая рука все больше тревожила его. В ней появилась боль, особенно при быстром движении. Он сказал, что рассогласование времен в теле опасно увеличивается. Теперь он и сам понимает, что перевоплощение не надо было откладывать. Вероятно, и Мат Магону, милому пареньку, еще не достигшему никаких степеней в иерархии из-за замедленности в мышлении, несладко. Ему жаль несчастного Мат Магона.

— А себя не жаль? — спросил Асмодей.

Себя Ланне тоже было жаль. Но в своей хвори он сам виноват — затянул перевоплощение. А в нынешних недугах Мат Магона виноват он, Ланна, это тяготит его душу. Бедный Мат Магон так ожидал перевоплощения!

В каменистом холме виднелось темное отверстие. Один за другим солдаты пропадали в нем. Хронавты и дилон подождали, пока в отверстие вкатили повозку, потом проследовали за ней. Узкий туннель круто спускался вниз. Аркадий отметил, что каменные стены туннеля светятся, как и стены в помещениях Ратуши, где их сперва «прозеркаливали», потом объясняли жизнь дилонов и вели на суд Старейшин. Только свечение стен пещеры было много слабее, чем в Ратуше. Читать при таком свете было бы трудно, но фигуры и лица виднелись отчетливо. Аркадий припомнил, что еще не встречал на Дилоне искусственных светильников, везде применялись самосветящиеся камни, одни излучали ярче, другие слабее — каждый материал подбирался по силе света, необходимой для определенного места. Миша Бах, если бы не погиб, думал Аркадий, наверно, разузнал бы обстоятельней о самосветящихся минералах, это пригодились бы впоследствии на Земле. Аркадий грустно усмехнулся: Земля далека, Бах погиб, а их, пока живых, гибель поджидает неподалеку.

Самосветящийся туннель расширился и превратился в обширную пещеру, тускло освещенную стенами, затхлую и сырую. К пленникам приблизился Клаппа.

— Здесь будем пережить хронovorот. Отдыхайте. Выходить нескоро.

— Одному из нас надо поесть, — сказал Асмодей, показывая на Аркадия. — Где пакет с запасами пищи?

— Все ваше вон там, — Клаппа показал на дальний угол. — Возьмите что захочется, кроме оружия и аппаратов.

— Пойдем вместе, чтобы не потеряться потом среди обезьян — их тут жутко много, а свету мало, — сказал киборг и добавил: — Ну и дух от здешнего зверья!

Хавронов было и вправду так много, что в просторной пещере они чуть не лежали один на другом. Духота, показавшаяся такой неприятной Аркадию и Асмодею, шла от их мохнатых тел. Но это был не так запах зверья, как запах болезни. Хотя свету было чуть-чуть, хронавты быстро разглядели, что большинство наполнивших пещеру солдат не отдыхает, а страдает. Это было не спокойное убежище от налетающих снаружи хронovorотов, а лазарет искалеченных и умирающих. Отовсюду доносилось жалобное рычание и стоны. Аркадий спросил Ланну, откуда столько пострадавших, — ведь ни Старейшины, ни сам Ланна, ни его друг Ронна не говорили, что в этих местах недавно происходили битвы, а без жестокого сражения не могло бы появиться так много раненых.

Ланна долго не отвечал — то ли впал в трудное размышление, то ли телепатически допытывался разъяснений у самих хавронов.

— Здесь не сраженные в битве, а пострадавшие в хронovorоте, — ответил он потом. — Отряд хотел вторгнуться на нашу половину планеты. Но его покарала природа. Он попал в хронovorот, в солдатах разорвалось время. Часть погибла, часть спаслась в этой пещере. Здесь время единое, но мало кто выйдет отсюда. Только два-три десятка не пострадали, они и захватили нас.

— Разве пострадавшим не оказывают помощи, Ланна?

— Какая помощь, иновременник? От разрыва времени единственное спасение — восстановить синхронизацию. Но и это уже мало кому помогает, если разрыв времени велик. А рангуны никаких перевоплощений...

Ланна, вдруг прервав объяснение, страшно завизжал и бросился в сторону. В полусвете пещеры его невысокая худая фигурка быстро пропала среди массивных хавронов, слоняющихся между лежащими. Некоторое время слышался его голос, в нем смешивались радость и отчаяние. Аркадий побежал на голос. Но Ланна замолчал, и Аркадий остановился, не соображая, куда же идти в беспорядочном навале раненых и искалеченных. Подошедший киборг показал вправо — там особенно густо теснились пострадавшие.

— Он побежал туда. Там споткнулся и упал. Я все видел.

Резко расталкивая ходящих солдат, не церемонясь и с лежащими, Асмодей поспешил в сторону, где упал Ланна. Кто-то охнул, кто-то грозно зарычал, кто-то жалобно взвизгнул — Асмодей не стеснялся наступать то на ноги, то на туловища. Аркадий схватил его за пояс.

— В тебе нет жалости, Асмодей! Разве можно шагать по телам?

— Жалость у меня есть, — с достоинством возразил киборг. — Полный комплекс жалости к людям. К раненым, к больным, к маленьким, к большим. К женщинам, детям и старикам — даже усиленная, так меня запрограммировали. Но ведь это не люди, а обезьяны, да еще враги людей, да еще вооруженные. Зачем их жалеть?

Аркадий сердито сказал:

— Если мы когда-нибудь вернемся на Латону, я попрошу Марию домонтировать в тебе еще один комплекс — человеческую жалость ко всему живому, нуждающемуся в помощи.

Философское мышление у Асмодеев запрограммировано не было, но он иногда собственным старанием прорывался в эту область. Он сказал почти пренебрежительно:

— У людей, Аркадий, много излишних комплексов, понижающих жизненную эффективность. Если бы мне поручили сотворить людей, я применил бы более рациональную программу.

Аркадию вспомнилось, что на Латоне Мария именно так и говорила о своем искусственном создании: что сотворила Асмодей, освободив его от множества человеческих недостатков. Он лишь повторял ее мысли как верный ученик. Надо будет сказать ей, что лучше бы в новых ее искусственных созданиях она не столько освобождала их от человеческих недостатков, сколько внедряла побольше человеческих достоинств.

— Он здесь! — заорал Асмодей и большим прыжком перепрыгнул сразу через троих лежащих. — Ланна! Ланна!

Ланна, стоя на коленях, склонялся над чьим-то расprostертым телом. Он не откликнулся на призыв Асмодеев. Киборг повернул дилон к себе. Мордочка Ланны жалко кривилась, из глаз катились слезы. Аркадий не ожидал, что дилонны способны плакать. У молодого Различника вдруг отказало умение телепатировать свои мысли в человеческое сознание, он только громче обычного повизгивал — мысли не трансформировались в слова.

— Успокойся, Ланна! — твердил Аркадий. — Что так огорчило тебя? Успокойся и скажи!

— Салана! — дошла наконец до хронавтов воплощенная в слово мысль. — Я нашел мою Салану. Ей плохо, инновременник, ей очень плохо, моей дорогой, моей единственной Салане!

Аркадий тоже опустился на колени, всматриваясь в лежачую на полу фигуру. Сияние стен в этом уголке было особенно скудным, но света хватало, чтобы разглядеть дилона, резко отличавшегося от всех, кого Аркадий успел повидать. О том, что дилоны, как и люди, разнополы, Аркадий знал, Ланна уже вспоминал, что у него была невеста, похищенная рангунами. Но ни на улицах, где навстречу хронавтам высыпали толпы дилонов, ни в Ратуше он не видел женщин и уже думал, что если они и имеются, то внешне их не отличить от дилонов-мужчин.

Но одного взгляда на Салану было достаточно, чтобы понять, что она и вправду женщина и что до сих пор хронавтам встречались — преднамеренно, наверно, — одни мужчины. Дилоны ростом не брали: Ланна терялся среди внушительных хавронов, а Салана была еще меньше своего друга. И она разнилась от него не только ростом, но и всем обликом — тонкая, с мордочкой почти вдвое короче, чем у Ланны, она еще имела и волосы на голове, их было немного — рыжих, мягких, коротких, — но они всего больше и выделяли ее и, вероятно, всех женщин-дилонок от гололовых дилонов-мужчин.

Салана лежала на правом боку, Аркадий видел только один ее глаз. Глаз жил, в нем было страдание и страх. Она вся сжалась, когда Аркадий наклонился к ней, еще сильнее вдавилась правым боком в пол.

— Она тебя боится, — протранслировал Ланна. — Она всего боится, а тебя особенно — она еще не видела людей.

— Могу я с ней говорить, Ланна?

— Она не знает, как переводить свои мысли в ваши слова. Она потеряла три четверти своих мыслительных излучений и почти не понимает меня. Ей очень плохо, инновременник. Посмотри сам, что сделали с ней отвратительные хавроны.

Ланна повернулся к Салане, что-то ей внушал, слегка повизгивая, — и в попутном мыслям визге было столько нежности и горя, что по одному этому звуку Аркадий понимал, как глубоко он страдает. Она что-то отвечала — тихий стон сопровождал ответ. Потом она стала поворачиваться на спину, Ланна помогал, обхватив здоровой рукой ее плечо.

Даже в бредовом видении Аркадию не могло примерещиться то, что он увидел. Перед ним на спине, беспомощно раскинув руки,

лежала маленькая, тоненькая, изящная дилонка. Но это было не одно, а два существа в одном теле: одно — правая половина Саланы, другое — левая ее половина. Единое тело складывалось из двух частей, и две эти части столь разнились, что невозможно было вообразить, что они вообще могут составить что-то физически единое.

Левая половина Саланы — та, которую первой увидел Аркадий, — была телом молодого привлекательного дилона; правая, только сейчас увиденная, была телом старухи — дряхлой, морщинистой и уродливой. Левый глаз, в котором Аркадий увидел страдание и страх, излучал все то же молящее, нежное сияние, глаз правый, тусклый, обезображенный нависшей складкой века, глядел дико и отстраняюще. Из левого, молодого глаза покатились слезы.

— Какой ужас! — воскликнул Аркадий.

— Да, ужас! Ты правильно говоришь, иновременник, ужас! И это моя Салана, самая прекрасная девушка на Дилоне. Вот что с ней сделали мерзкие похитители!

— Разрыв времени, Ланна? — Аркадий понимал, что никакое оружие не способно так страшно изуродовать живое существо.

— Разрыв времени! Он был маленький, когда Салану похитили, она могла прожить еще сотню ваших лет без перевоплощения. Но хавроны, когда их настиг хроноворот, бросили ее у пещеры, она прижалась левым боком к почве и так лежала, пока буря не пронеслась. Хроноворот был короткий, это ее спасло от полной гибели, но вот видишь — жизненное время по-разному потекло в двух половинах ее тела.

Салана стыдливо прикрыла левый глаз, но правый, старческий, не закрылся и глядел по-прежнему с дикой безучастностью. Этой половине тела было уже неведомо чувство стыда. Аркадию вспомнилось, как в годы студенчества, на работах в горах страшноватой планетки Лахезы, один из их отряда свалился со скалы и у него парализовало половину тела. Когда его уложили в постель, он лежал вот такой же, наполовину живой, наполовину мертвый. Аркадий мысленно возразил своему воспоминанию: там был единый человек, у него временно отказала половина тела, но он остался в своем возрасте. А здесь были два существа в едином теле, чудовищно разные существа, немыслимо совмещенные, — и каждое жило своей особой жизнью.

Аркадий оглянулся. Повсюду в пещере лежали мохнатые тела, наполнявшие воздух стонами, рычанием, резким запахом ран.

Между лежащими расхаживали здоровые хавроны, их было меньше. Наверно, ходящие — те, которым удалось первыми вскочить в пещеру, когда грянул хроноворот; а искалеченным и раненым не удалось спасение в экранированное каменной толщиной убежище.

— Надо бы ее перенести в местечко поудобней, — сказал Асмодей. — Здесь слишком много раненых.

— Где ты найдешь местечко, свободное от раненых?

— Уже нашел. Вон там, где сложены наши аппараты и твоя еда. Там Клаппа и его охрана, а раненых нет. Салану понесу я. Скажи Ланне, что он может спокойно доверить мне это без предварительного размышления. Пусть только глядит и не мешает.

Аркадий шел впереди, выбирая дорогу между лежащими, за ним двигался Асмодей — Салана покорно лежала на его руках. Ланна то отставал, то шел рядом и, тихо повизгивая, что-то телепатировал своей подруге.

Предводитель хавронов заворчал, что нехорошо без его разрешения менять места в убежище. Несколько охранников потеснились, Асмодей положил Салану на освободившееся место. Ланна прикорнул с ней рядом. Асмодей обратился к Клаппе:

— Ты разрешил нам взять припасы и вообще, все что нам понадобится, — кроме оружия, так?

— Все, что не опасно для нас, — проворчал Клаппа. Обезьяноликий офицер уже так хорошо освоил человеческий язык, что не только словами, но и тоном мог передавать одобрение и недовольство. Ланна не преувеличивал, уверяя Аркадия, что тот скоро сумеет хорошо объясняться с воинами рангунов на своем языке.

— Помоги разобраться в предметах, — сказал Асмодей Аркадию.

Отобранные у хронавтов вещи были не свалены в кучу, а аккуратно разложены. У Асмодее вырвалось радостное восклицание, когда он увидел, что компьютер личин тоже лежит среди прочих предметов.

— Зачем он тебе? — удивился Аркадий. — Ведь он поврежден. Только одну личину и можешь добавить к своему прекрасному образу № 17.

— Две, а не одну, зато какие! Бык, извергающий пламя из золотых рогов, и огнедышащий дракон с радиоактивными излучателями вместо глаз. Каждая личина на мощность в десяток киловатт. А номер семнадцатый, хоть и самый красивый, но всего на полкиловатта — максимум три мушкетера в теле одного маркиза. К тому же я пообтрепался — уже не парадная одежда, а рубище.

И шпага сломана. Вообще для серьезной битвы дракон или бык эффективнее маркиза.

— Жаль, что среди набора личин нет облика хаврона, — советовал Аркадий. — Тогда бы ты сумел выскользнуть из пещеры и как-нибудь добраться до «Гермеса», чтобы вызвать помощь.

— Я бы добрался, Аркадий! Можешь не сомневаться.

Аркадий и Асмодей возвратились к дилонам. Асмодей прижимал к груди компьютер личин. Клаппа скосил на него глаза, что-то проворчал, но отбирать не стал, громоздкая штука на оружие не походила. Аркадий сел около Ланны, тот лежал рядом с Саланой, прижимался к ее больному старушечьему боку, что-то тихо вывизгивал. Салана молодым глазом посмотрела на Аркадия. Аркадию показалось, что взглядом она благодарит человека за сочувствие. Он вдруг почувствовал, что почти преступление — смотреть на чужое страдание, зная, что неспособен это страдание облегчить. Он тихонько заговорил с Ланной:

— Ей не легче, Ланна?

— Немного легче. Она уже не одинока. И может быть, удастся ей помочь. Синхронизировать ее нельзя, но можно попытаться хотя бы немного смягчить хроноразрыв.

— Смягчить хроноразрыв? Без перевоплощения?

— Перевоплощение Саланы невозможно. Можно меняться отдельными органами, но не половинами тел. Старость с юностью в одно хроноединство не слить. Но есть предание, что один дилон смягчал страдания другого, перенося его хроноразрыв в себя.

— Ты хочешь создать у себя в половине тела старость, чтобы смягчить быстрое старение Саланы? Жертвуешь собой?

— Облегчить страдания своей подруги — разве это жертва? Радость, а не жертва!

В мыслях дилонов, перетранслированных в человеческие слова, передавалась информация, а не эмоции — слова прозвучали в мозгу бесстрастно. В страсть и муку, в радость и облегчение их невольно облекал сам Аркадий. И сейчас в передаваемых Ланной мыслях ему чудилась такая человеческая печаль, такая горькая решимость, такая любовь, что у него стеснило сердце. Он смотрел на Ланну, прильнувшего к больной Салане в, наверно, безнадежной попытке отдать свою молодость, чтобы остановить неотвратимое дряхление подруги, и думал, смог ли бы он сам поступить так же, если бы и ему выпала судьба бороться за жизнь своей любимой. Аркадий еще никого не любил и не мог ответить на такой вопрос. Он вдруг почувствовал, что хочет любить — и именно

так любить, чтобы жертва собой ради подруги была и легче, и радостнее трусливого самосохранения.

8

К предводителю хавронов подходили его солдаты, он что-то говорил им, они убегали, снова возвращались. Аркадий догадывался, что среди воинов возникла какая-то тревога. Надо было оторвать Ланну от больной подруги, чтобы он разузнал, что произошло. Но Ланна спасал ее — спасению нельзя было мешать.

Вскоре Клаппа подошел к Аркадию.

— Приближается новый хроноворот — и такой силы, что пещера не защитит. Из Рангунии приказано: срочно уходить. Готовьтесь к выходу, можете взять с собой свои вещи.

— Дорога в Рангунию безопасна? — только и догадался спросить Аркадий.

— Безопасных дорог нет, человек. Был бы безопасный выход домой, мы все давно уже были бы дома. При возвращении мы можем погибнуть, но не наверняка. Здесь погибнем все. Пойдут одни здоровые, пострадавшим дорогу не осилить. Обход обезумевшего леса далекий и тяжкий, а другого пути нет. Через лес идти нельзя.

— С нами Салана, подруга Ланны. Мы возьмем ее с собой.

— Я сказал: пострадавшие остаются в пещере.

— Ты осуждаешь ее на смерть, Клаппа!

— И всех, кто остается!

Клаппа отошел к своим солдатам. Аркадий заговорил с Ланной. Новость дошла до него не сразу.

— Хавроны чтут в тебе воплоителя Высшего Разума, — напомнил Аркадий. — Ты уже отдавал им приказы. Потребуй, чтобы Клаппа разрешил нам взять Салану.

Ланна с трудом поднялся, с трудом направился к предводителю отряда. Он шел согнувшись; совсем не таким он недавно расхаживал перед хавронами. Не воплоитель Высшего Разума, высокомерно взирающий на неразумных солдат-служак, а смиренный и робкий юноша, недавно лишь достигший первого чина в иерархии, — таким он выглядел среди своих собратьев выше рангом и значением. В такого он вдруг снова превратился.

— Что с ним? — встревожился Асмодей. — Идет как на казнь.

— Боюсь, что именно на казнь, — ответил Аркадий. — Он ведь может требовать от хавронов только того, чего прямо не запрещает.

ют рангуны. И он знает, что приказ оставить в пещере пострадавших отдала рангуны.

Достаточно было одного взгляда на воротившегося Ланну, чтобы понять, как принял Клаппа его просьбу. Ланна улегся возле Саланы. Аркадий спросил:

— Что будешь делать, Ланна?

— Останусь с Саланой.

— Клаппа разрешил тебе остаться?

— Он запретил мне оставаться. Но я не могу покинуть Салану. Она со мной проживет столько, сколько проживу я. Я уже задержал старение правой половины. Как же я могу ее оставить?

— Ланна! Хавроны силой уведут тебя из пещеры.

— Клаппа так и пригрозил. Меня требует в Рангунию сам Ватута. Но живым я не уйду от Саланы.

В разговор вмешался киборг.

— Аркадий, у нас два хрономоторчика. Если Ланна останется, я дам им свой. Защиту от несильных хронотолчков он обеспечит. Уверен, что они переживут новый хроноворот.

Ланна улыбался человечески-благодарной и грустной улыбкой.

— Клаппа меня не оставит, а я не оставлю Салану, — повторил он.

Аркадий с киборгом отошли. Аркадий сказал:

— Надо нам четверым бежать из пещеры. Пробраться в Дилонию не сможем, но почему бы не уйти в Рангунию? Если большой отряд хавронов решается на такой путь, то мы с двумя хроногенераторами, проделаем его быстрее.

— Понял. Готовлю побег!

Асмодей отошел к остаткам аппаратуры и стал рыться в них. Аркадий опустился на слабо светящийся камень. Вокруг стонали, покряхтывали, рычали, наполняя воздух тяжелыми запахами, и искалеченные, и раненые. Сколько жизни им отпущено? До близящегося хроноворота? Многие и до него не дотянут. Какая огромная могила! Тех, кого навсегда покидает жизнь, пока выбрасывают наружу здоровые солдаты — там, у входа, уже горка тел. А когда здоровые уйдут? Мертвым хоронить своих мертвецов, как странно посоветовал древний мыслитель. Не будут мертвые хоронить своих мертвецов! Мертвые будут здесь убивать живых — убивать своим запахом, своим тлением, самым обликом неотвратимой смерти.

— Побег будет первого класса! — сказал вернувшийся Асмодей.

И он с воодушевлением объявил, что главный элемент побега — перевоплощение его самого в личину № 3. Действует и личина № 11, но это обыкновенный бык, правда, со стреляющими рогами. Огонь из пасти, молнии из глаз — оснащение почти всех личин, ничего особенного. Так что бык большого страха не вызовет, а на солдат нужно нагнать страху. Личина № 3 тоже не из самых жутких, но все же поужасней. Дракон со всем воинским снаряжением: огнем и молниями, грохотом, маскировочным и боевым дымом и даже гравитационными ударами — и рослому хаврону не поздоровится, если сфокусировать на него.

Аркадий прервал разглагольствования Асмодея:

— Личина! Личина! Речь о побеге, а не о личинах.

Киборг иногда обижался. Именно о побеге речь, он никуда не отклоняется. Итак, они трое — Аркадий, Ланна и Салана — перемещаются поближе к выходу, чтобы, убегая, не запутаться среди лежащих. А он обрягается в огнедышащего ящера и нападает на солдат. Солдаты в панике разбегаются от выхода, Аркадий с дилонами спешит наружу. Асмодей прикрывает их, чтобы ушли подальше, потом догоняет. В общем, отводит себе роль достойного арьергарда их небольшой армии. Но куда направиться после бегства из пещеры?

— Думаю, путь у нас один, — сказал Аркадий. — Клаппа говорил, что идти надо в обход какого-то обезумевшего леса, они его побаиваются. Значит, нам в этот лес, хоть, возможно, он опасен и для нас.

— Знаю его. Мы обходили тот лес по кривой, когда двигались в пещеру. Мертвечина, как и другие погибшие леса. Вряд ли опасен. Ты не сказал — нравится ли мой план побега?

— Нравится уже тем, что другого плана не придумать. Пойду уговаривать Ланну на побег.

— Ради Саланы он согласится на любые муки, а тут все же возможность вызволения, — уверенно сказал киборг.

Предводитель отряда остановил Ланну, когда тот, обвив здоровой рукой Салану, направился к выходу. Уж не намерен ли дилон бежать? Пусть и не старается — у выхода охрана. Аркадию, шедшему вместе с дилонами, Ланна протелепатировал свой ответ Клаппе. Нет, он не собирается бежать, он не безумец. Но Салане нужен воздух посвежей, она задыхается. У входа струя свежего воздуха. Если нет прямого приказа Верховного Злодея Ватуты держать пленников подальше от чистой струи, то он настаивает, чтобы их пустили поближе к ней.

— Запрета дышать воздухом посвежее нет, — сказал Клаппа. — Ложитесь, где нравится, но охрану не беспокойте.

Ланна с подругой разместились у выхода. Рядом опустился Аркадий, положив возле себя коробку с едой. В коробке Асмодей спрятал и переносной хроногенератор. Запрета носить его Клаппа не объявил, но Асмодей позаботился, чтобы приборчик не бросался в глаза. Сам киборг остался на прежнем месте, там было потемнее — это облегчало превращение в дракона.

Киборг возвестил о своем новом появлении взрывом, потрясшим всю пещеру. В углу вознеслось огненно-дымное облако, сияние озарило сумрачные стены. А из пылающего облака вырвался диковинный зверь и с ревом кинулся к выходу, рассеивая вокруг себя короткие молнии и светящиеся облачка дыма.

Киборг в несколько огромных прыжков достиг выхода. Солдаты, охранявшие лаз, в ужасе разбежались. Аркадий первым выскочил в туннель. Какой-то из еще не убежавших стражей преградил дорогу, Аркадий повалил его. Ланна с подругой на руках бежал за человеком. В первую минуту в туннеле показалось темно, Аркадий два раза больно толкнулся о стену. Потом туннель осветился наружным светом, стало видно, куда бежать. Асмодей продвигался за тремя беглецами и сражался — пришедшие в себя после паники солдаты наседали на него.

Выскочив наружу, Аркадий пошатнулся, ослепленный, — так засверкала в глаза Гаруна Белая. Ланна с подругой пробежал мимо, его глаза были привычнее к сиянию обоих солнц.

Асмодей выдвинулся спиной из туннеля. Отбиваясь от хавронов, он закричал:

— Аркадий, торопись! Бестии тащат резонансные аппараты, долго я их не задержу.

Аркадий припустил во всю мочь. Слева от пещеры простирался темный лес мертвых деревьев, справа лежало мертвое озеро. Аркадий помнил, что в пещеру отряд хавронов шел вдоль берега озера, сторонясь леса. Ланна уже пропал среди деревьев. Аркадий добежал до леса и обернулся. У пещеры шло сражение. Несколько хавронов с резонансными орудиями наподобие того, что Асмодей разрезал на четыре части пламенем из шпаги, вырвались наружу. Одного Асмодей сразил вместе с аппаратом, другой успел нанести удар. Асмодей выбросил из пасти длинный язык огня — второй хаврон закрутился на каменной почве, сбивая охватившее его пламя. Из лаза выскакивали солдаты.

Аркадию надо было бежать: любая минута промедления могла стать роковой. Он все стоял, наблюдая картину боя. Асмодей в своей новой личине на открытом месте уже не казался таким ужасным, как предстал в пещере, — и пламя не ослепляло в сиянии двух Гарун, и молнии не так сверкали, и рев, вырывавшийся из пасти, не оглушал, а клубы дыма быстро рассеивались в воздухе. Да и туловище его не выглядело устрашающим, он был лишь немногим крупнее рослого хаврона, а их навалилось с десятков.

Асмодей сражался так яростно, с таким боевым изяществом, что Аркадия охватило восхищение. На него нападали, и он нападал. В него целились резонаторы — от одного он ловко уворачивался, другой уничтожал до того, как попадал ему в фокус. И он не забывал, что за ним человек и двое дилонов. Кто-то из хавронов, оставив Асмодее, припустил за беглецами, киборг приобрелся — длинный луч прошел преследователя. Еще один солдат, выскочив из лаза, бросился за беглецами, но не добежал и до сраженного собрата. Асмодей обещал стать боевым арьергардом их небольшой армии, а стал несокрушимым заслоном.

Клаппа, выскочивший из пещеры, понял, что, пока не сражен киборг, преследовать беглецов опасно. Солдаты больше не нападали на Асмодее, а разбегались, замыкая его в неширокое кольцо: ни молнии, ни струи огня уже не доставали до них. Картина боя переменилась. Один резонансный выстрел угодил в цель: Асмодей закричал, подпрыгнул, завертелся, но устоял. Второе попадание опрокинуло киборга. Асмодей завалился, забил в воздухе лапами, мощный гребень, увенчивающий спину, разорвался и улетел, жиденькое пламя струилось из ноздрей...

Аркадий побежал в лес.

Это было такое же скопище омертвелых деревьев, как и те леса, что встречались раньше. Аркадий смутно удивился: почему хавроны так страшились этого унылого, но вовсе не грозного леса? В чаще, лишенной кустов, травы и листьев, виделось далеко, но Ланны и следа не было. Аркадий закричал, ни один звук не донесся ответно, только где-то хрустнула упавшая ветка — даже треск падения слышался мертвым. Аркадий снова закричал — отклика не было. Аркадий растерянно оглядывался. Неужели Ланна взял другое направление? Нет, он не мог ошибиться. Обе Гаруны стояли у полюса, они должны были оставаться за спиной, чтобы идти точно на юг.

— Иновременник, я здесь! — донесся слабый зов.

Аркадий остановился. Откуда позвал его Ланна? Если бы слова прозвучали, он побежал бы на звук. Зов был телепатирован в сознание, он не имел направления и был очень слаб. Аркадий снова громко закричал. В этом странном лесу, прозрачном для глаза, так легко потеряться, если сам безгласен. «Хоть бы научился кричать “ау!”», — подумалось Аркадию.

— Иди, как шел, — донесся тихий ответ дилона.

Аркадий повернулся спиной к обоим Гарунам — единственно верный ориентир — и побежал на голос.

Ланна с Саланой лежали за большим камнем, прикрывавшем их с севера. Салана прижималась к другу обезображенной правой стороной. Аркадий раньше не слышал, как дилоны дышат, одного вдоха воздуха, много более плотного, чем земной, хватало им надолго. Сейчас, на отдалении, он услышал шум втягиваемого и выдыхаемого воздуха. Ланна, измученный, не повернул к Аркадию головы, только скосил глаза. Аркадий с восхищением сказал, прикидывая пройденный дилоном с Саланой на руках немалый путь:

— Ты молодец, Ланна, бежал так, что еле догнал вас. И хорошо, что присел отдохнуть. Но надо двигаться, хавроны, уверен, уже преследуют нас.

— Где Асмодей?

— Последнее, что видел: Асмодей упал. Его расстреливали из резонаторов.

— Значит, погиб. Надо идти. Я понесу Салану.

— Будем нести Салану поочередно. Сейчас моя очередь. Но, может быть, Салана хоть немного пройдет сама?

Ланна покачал головой.

— Иновременник! Ее правая нога так одряхла, что Салана и ступить на нее не сможет.

Аркадий поднял девушку, прижал к себе обезображенной правой половиной. Салана была не тяжелее пакета с едой и хроногенератора, которые он носил на себе. Она прижалась правой щекой к груди человека, молодой глаз глядел умоляюще и благодарно. Она что-то тихонько провизжала, нежный визг наверняка сопровождал мысли и чувства, но ни мыслей, ни чувств она не умела передать на человеческом языке.

— Она благодарит тебя за доброту, — перевел Ланна, но Аркадий и без перевода понял, что хотела сказать девушка.

Он шел быстро, не заботясь о Ланне. Одно было важно: поскорей положить между собой и преследователями расстояние побольше. Хавроны боялись леса, но нужда поймать беглецов могла

пересилить страх. Ланна старался держаться рядом с подругой — вытягивал здоровую руку, дотрагивался до Саланы, гладил ее плечо, что-то мысленно говорил, тихонько повизгивая. Но шаг Аркадия постепенно становился ему непосилен. Он не просил отдыха, но Аркадий чувствовал, что силы Ланны на исходе.

На крохотной полянке, закрытой мертвыми кустиками — хоть какое-то укрытие, — Аркадий скомандовал:

— Привал! Набираемся сил на новый переход.

Ланна поспешно сел. Аркадий передал ему Салану, девушка все тем же движением — поскорее спрятать обезображенную половину — прильнула правой щекой к дилону. Аркадий долго всматривался в северную часть леса. Оттуда не доносилось ни звука, лес там был недвижим и прозрачен. Неужто хавроны примирились с потерей пленников? Тут была странность, каких-то фактов не хватало, чтобы уяснить истину. Аркадий обратился к Ланне:

— Почему хавроны не преследуют нас, Ланна?

— Они страшатся безумного леса.

— Но я не вижу безумия. Лес как лес. Мертвый, как и все здесь. Но и только.

— Мне надо подумать. Поразмышляю и раскрою тайну.

Ланна отдался размышлению. Аркадий подкрепился едой, выбросил пустую коробку, потом, подумав, прикрепил ее снова к поясу — не следовало оставлять хавронам, если они сюда явятся, следов своего пребывания. Вынутый из коробки хрономоторчик занял свое обычное место на поясе. Теперь можно было двигаться дальше. Посмотрев на задумавшегося Ланну и его подругу, Аркадий решил дать им еще несколько минут отдыха. Салана внешне не изменилась с момента, как Аркадий ее увидел. Правая нога походила скорее на палку, чем на ногу, правая рука висела плетью, а голова не поворачивалась: шея, такая гибкая у всех дилонов, справа окаменела — больше не удлинялась и не изгибалась. Зато левая, здоровая половина тела даже посвежела, в ней возродилась жизнь. «Ожила оттого, что уже не чувствует себя такой безысходно одинокой», — думал Аркадий.

А Ланна сдал. Поврежденная рука выглядела лишь немногим лучше, чем одряхлевшая рука Саланы. Дилон иногда пытался удлинить ее, повернуть, но даже крохотное движение давалось трудно — Ланна страдальчески разевал зубастый рот. И правая рука, которой он прижимал к себе подругу, уже не так свободно вытягивалась и сгибалась, и гибкая шея потеряла какую-то долю подвижности. Поднимать голову вверх Ланна еще мог, но поворачивать

назад уже не был способен. Аркадий подумал, что если дилон и вправду живут тысячу земных лет, то юный Сын Конструкторов Различий за считанные земные часы постарел на добрых четыреста лет. И если бы ему пришлось сейчас снова докладывать совету Старейшин, то даже глаза самого острого Различника не нашли бы значительных различий в возрасте между ним и величественными старцами в фиолетовых и красных мантиях.

— Додумал, Ланна? — спросил Аркадий.

— Додумал. Безумие вперед. Мы до него не дошли.

— Не густо. Но все же ориентир. Итак, торопимся к безумию, ибо, сколько понимаю, только область неведомого нам безумия может стать надежным барьером между нами и преследователями. Нет, Салану понесу я.

Теперь Ланне было уже не по силам держаться вровень с человеком. Он так отставал, что Аркадий несколько раз останавливался и поджидал его. Дилон не просил отдыха, но Аркадий сделал новый привал раньше, чем хотел вначале. Местом отдыха стала ложбинка, ее пологие стены надежно укрывали беглецов.

— Мне кажется, лес оживает, — поделился наблюдениями Аркадий. — Он меняет свой вид. Ты не находишь?

Ланна еле протелепатировал, что изменений не замечает. Но Аркадий видел изменения, которых дилон не обнаруживал. Изменения были несущественные, мертвый лес оставался мертвым, даже легкое движение не шевелило окаменевшие ветви, в лесу по-прежнему не слышалось шорохов зверья, голосов птиц. Но деревья уже не высились недвижными хлыстами, как в том лесу, какой они прошли, на них оставались ветви и сучья, такие же окаменевшие, но не обрушенные. В том лесу ни одно дерево не имело кроны. Здесь кроны попадались — безлистные, неширокие, голые ветви и сучья. «Не оживает, конечно, я, пожалуй, преувеличил, — думал Аркадий, всматриваясь в деревья, — но и не добит до полного распада».

— Вставай, дружище! — сказал он дилону. — Знаю, что не отдохнул, но времени на добрый отдых пока нет. Ты сказал, что безумие ожидает нас впереди. Мне кажется, мы приближаемся к безумию.

Чем дальше они шли, тем гуще на деревьях раскидывались костяшки сухих крон. А под деревьями виднелось все больше кустов — наборы безлиственных палок, цеплявшихся за одежду. Лес перестал быть прозрачным, в таком лесу уже можно было

укрыться. Аркадий сбавил шаг. Было чудом, что преследователи их до сих пор не настигли. Но теперь утаиться от врагов уже не составляло труда. «Пройдем вон до той кучки деревьев, на которых даже сухие листья сохранились, — думал Аркадий, повеселев, — и там расположимся на длинный отдых, там даже треклятые Гаруны не будут припекать спину — сучья с сухими листьями сойдут за навес».

Что-то схватило Аркадия и дернуло назад. Он вскрикнул и едва не уронил Салану. За одежду, за шею, за руки цеплялись ветви дерева, под мертвой кроной которого он пробирался. Аркадий издала прикинул на глаз, что костлявая шапка ветвей гораздо выше головы, веток он не заденет. Но крона вдруг оказалась много ниже, Аркадий очутился в гуще омертвелых, искривленных палок и сучьев, они перекрыли путь. Аркадий окликнул дилон:

— Иди сюда. Да наклонись, а то сам запутаешься в палках. Бери Салану, а я расчищу дорогу.

Ланна склонился так низко, что не коснулся ни одной ветки, пробираясь к Салане. Аркадий отодрал сучья, вцепившиеся колючками в девушку, и положил Салану на правую руку дилон. Ланна, обняв Салану, опустился на почву. Аркадий начал расчищать путь. Каменно-омертвелые, усыпанные крупными колючками, ветки не отпускали одежды. Он стал ломать их. Скоро вокруг высился большой ворох сломанных сучьев и веток.

— Если бы дерево было живым, я бы зачислил его в отряд хищных растений, — сказал он дилону. — В нашем космосе на некоторых планетах попадают растения-разбойники. Одно так и названо — «вампир-дерево». Не дай бог животному пробежать под его кроной, ветви вдруг падают, обхватывают жертву присосками и не оставляют, пока не высосут. Я сам попал под такое дерево и спасся лишь благодаря бластеру-огнемету. Огня вампиры не переносят. Теперь надо набраться побольше сил. Новый переход будет длинным.

Приближаясь к следующему дереву с растрепаной сухой кроной, Аркадий увидел, что ветви медленно опускаются. Аркадий остановился. Дерево было каменно-сухим, но не мертвым. Оно как бы готовилось к нападению — как истинный хищник. И крона, приготовившаяся схватить беглецов, была и гуще, и массивней, чем у прежнего дерева.

— Безумия пока не вижу, но разбой несомненен, — констатировал Аркадий. — Остался бы у меня мой походный бластер, я бы поборолся с этим сухим бандитом. Но переносной хроногенератор,

да еще не вполне исправный, для таких операций не годен. Поищем обхода.

Обойти опасное дерево удалось просто, но впереди были другие деревья, они стояли гуще, проход между ними приходилось заранее выглядывать, чтобы не попасть в рискованную близость сразу к двум хищникам. Стали досаждают и кусты. Их становилось все больше, они хватали за ноги, впивались колючками в одежду. Салана раза три тоненько взвизгивала и стонала. Постаревшая половина тела, плотно прижатая к Аркадию, была защищена, но в наружную, юную, колючки впивались часто. Аркадий осмотрел одну колючую ветку. Ни присосок, способных пить кровь, ни даже длинных шипов, пронзающих одежду и кожу, на ветке не было. Аркадий отломил одну колючку и кольнул свою руку, но не испытал ни жжения, ни боли. Колючка была как колючка: цеплялась и кололась — и только. Ни яд, ни высасывание крови не грозили.

— Странные растения: мертвы и живы одновременно, — сказал Аркадий. — Нападают, чтобы мешать идти. Вроде бы хищники, но ран не наносят. Если бы я не знал, что хавроны сами их побаиваются, я бы решил, что они верно служат хавронам: задерживают, чтобы преследователи сумели догнать. Ты слышишь шум, Ланна? Нет; определенно — лес оживает!

Ланна ничего не слышал. Ланна стоял рядом с Аркадием, приклонив свою голову к голове Саланы, лежавшей на руках хрононавигатора. Они безмолвно переговаривались, разговор был печален; в левом, юном глазу девушки светилась жалоба и покорность судьбе, в глазах Ланны было отчаяние — он плакал, крупные слезы катились по щекам. Аркадий не понимал их мысленного разговора, но догадывался, о чем они могут говорить.

— Положение плохое, но не отчаянное. Ты преждевременно оплакиваешь Салану. Если дойдем до рангунов, ее удастся спасти: они враги, но ведь не палачи. — Аркадий говорил так откровенно, зная, что смысл слов до нее не дойдет, а Ланна не станет переводить.

Аркадий теперь выбирал такой путь, чтобы не только клонящиеся сухие кроны не могли схватить их, но чтобы и кустарник не опутывал ноги. А Ланна спотыкался на ровных местах, два раза вдруг беспричинно падал. Во второе его падение Аркадий воротился назад, чтобы подать руку. Поставив Ланну перед собой — Салану он держал одной рукой, — Аркадий сильно встряхнул дилона:

— Ланна! Ты двигаешься как во сне. Вот уж не думал, что на дилона способна напасть сонная одурь!

— Дилоны не спят, — невнятно протелепатировал Ланна. — Мы не знаем одури. Я очень устал, иновременник.

Обе Гаруны освещали Ланну. Недавно юный Различник показался Аркадию почти равным по возрасту Отцам Старейшинам. Но он не просто казался старцем, он реально стал стариком. На Аркадия глядело незнакомое существо — морщинистое собаководное лицо с глубоко запавшими щеками, тусклые глаза, одеревеневшая шея, одеревеневшие руки, ноги, не гнущиеся от бессилия...

— Хорошо, — сказал Аркадий. — Значит, долгий отдых! Отдых на всю ночь. Хотя в этих местах, где два солнца не сходят с неба, ночи и не бывает.

Он выбрал удобное место — прогалину среди рослых стволов с мощными кронами. Прежде чем положить Салану на почву, Аркадий прикинул, не смогут ли опустившиеся ветви накрыть его и дилонов. Кроны, как бы низко ни падали, достать беглецов не могли Аркадий помог дилону улечься рядом с Саланой, потом улегся и сам.

— Теперь бы поспать, — сказал он вслух. — В палатах «Гермеса» можно принять радиационный душ, чтобы отделаться от сонливости. Здесь радиационные души не смонтированы. Ох, и лихо же я посплю!

Но сон не шел. Аркадий разбирался в ситуации. Хавронов теперь можно не страшиться, они вряд ли сюда доберутся. Если хронавта в гладком костюме так цепляет всякое когтистое сучье, то лохматым в такую чашу не пролезть. Но что это за отдаленный шум? Шума не должно быть в мертвом лесу. Всю долгую дорогу от пещеры до последнего привала томила тишина. И когда они летели над мертвыми полями, недвижными озерами, окостеневшими лесами — всюду стояло каменное безмолвие. Тишина угнетала, терзала тело и душу. Кто-то из древних поэтов сказал: «Тишина, ты лучшее из всего, что слышал». Тот поэт слушал не эту тишину. Он слушал тишину отдыхающей, погруженной в саму себя жизни, то была тишина бытия — временное успокоение от деятельности. А здесь каменело безмолвие небытия, безгласие абсолютной неподвижности: тишина-пытка, а не тишина-отдохновение. И вот в лесу, остающемся окостенелым, пробудился шум — мертвый шум мертвого леса! К чему бы это?

Шум доносился издалека, вблизи ничто не звучало. Аркадий стал прикидывать, на что похож этот отдаленный шум. Грохот

сражения? Нет, конечно. Гул прибоя? Схож, но не очень. Буря, забушевавшая в чаще? И не это. Голоса живых существ? Вопли, стоны, рык и свист, тысячеголосое слившиеся в единое звучание? Маловероятно: откуда здесь столько живых существ, чтобы породить такой хаос звуков?

Шум шел из той части леса, куда лежал путь беглецов. Вокруг была неподвижность и безмолвие, шум накатывался издалека. Аркадий вдруг увидел, что кроны деревьев, обступивших прогалину, зашевелились. Ветви и раньше опускались, пытаясь схватить беглецов, это выглядело странно и дико — такая подвижность у омертвевших растений, но что было, то было, повторение раздражает, но не удивляет — удивляет неожиданное. Всматриваясь в задвигавшиеся кроны деревьев и убеждая себя ничему не удивляться, Аркадий удивился. Движение в окостеневших кронах не было повторением известного. В воздухе не чувствовалось и легкого дуновения, воздух был такой же каменно-застывший, как и все в этом окаменелом мире. А кроны заматались, как от урагана. И заголосили. Тот шум, что слышался издалека, теперь гремел вокруг. Ветки со свистом полосовали неподвижный воздух. Не внешняя буря, а какой-то внутренний ураган, вырвавшийся из стволов наружу, бешено взметал кроны.

А вскоре Аркадий увидел, что два ближайших дерева стали вершинами изгибаться одно к другому, их кроны смешались. Аркадий вскрикнул. Деревья дрались! Ветви одного дерева хватили ветви другого, скручивали и ломали их, осатанело вырывали из стволов. На Аркадия посыпались сучья, превращенная в пыль кора, остатки листьев, еще сохранявшиеся на ветках. Аркадий окликнул дилону. Ланна, не отпуская подругу, приподнялся. И ему, и Салане зрелище битвы деревьев было внове, они глядели с испугом, потом оба обернулись к Аркадию. Ланна что-то провизжал. Самоуверенность, похоже, покинула дилону, он уже не считал, что достаточно глубоким размышлением сможет раскрыть все тайны мира. Аркадий прочитал в его запавших глазах немой вопрос.

— Не знаю, — сказал Аркадий. — Наверно, то безумие, которого страшились хавроны. Пока нам это не грозит бедой. Но не уверен, что без беды обойдется.

Теперь весь лес вокруг представлял собой арену злого сражения. Куда Аркадий ни оборачивался, дерево схватывалось с деревом. Стволы хищно гнулись, кроны схлестывались, снова выпрямлялись, отдирая ухваченную своими ветвями крону соседа. От бешеного метания ветвей появился ветер. Сучья и крупные об-

ломки коры рушились на почву, остатки листьев метались в вышине. Хронавта оглушал свист и грохот, визг раздираемого сухогорья, треск и глухое уханье стволов, тонкие всхлипы рвущихся веток — почти живоголосый вопль. Тот тревожный шум, что недавно слышался издалека, теперь, тысячекратно усиленный, грохотал вокруг.

Аркадий, согнувшись, старался не шевельнуться, чтобы не попасть под удар свирепо качающихся ветвей. И если раньше бредовый пейзаж сражающегося леса его только удивил, то сейчас все оттеснил страх за себя и дилонов. Он выбрал это место потому, что сюда не могли бы достать ветви соседних деревьев, как бы они ни склонились. Но в этом проклятом лесу гнулись и стволы! Если они, прекратив взаимное сражение, наклонятся к беглецам, их кроны перекроют всех троих чудовищной сетью — и выбираться будет некуда.

— Слушай меня, Ланна, — сказал Аркадий. — Предвижу новую опасность. Вzbесившиеся деревья могут перенести свою ярость на нас. Сражаться с мертвыми бестиями, наделенными отнюдь не мертвой хваткой, нам не под силу. Единственная защита — хроноэкран. Мой хроногенератор поврежден, но небольшую хронофазу он обеспечит. На какие-то секунды мы ускользнем из местного времени. Но мы должны двигаться, чтобы за несколько выигранных секунд выиграть и несколько метров. Ты бежать не можешь, Салана тоже. Я понесу вас обоих, а вы хватайтесь за меня покрепче и старайтесь мне не мешать. Вам понятно, друзья мои?

— Нам понятно, — ответил за обоих Ланна.

Аркадий проверил хроногенератор. Небольшое поле он создавал. Шум ослабевал, сражение деревьев иссякало. Стволы выпрямлялись, кроны замирали. Лес снова изменил свой облик, теперь, ободранный, покореженный, он мало чем отличался от того голого и прозрачного леса, куда они вступили. Аркадий не отрывал глаз от ближних стволов, чтобы не пропустить грозного мгновения. Он точно уловил его: стволы окружающих деревьев шевельнулись, стали медленно изгибаться к центру площадки. Их ободранные ветви хищно наклонялись на троих беглецов. Аркадий вскочил.

— Пора! Бежим!

9

Аркадий прижимал дилонов к своей груди: правой рукой — девушку, левой — Ланну. Салана прижалась к Аркадию молодой

щекой, больная рука дилона висела плетью, да и здоровая так обессилела, что он не сумел ухватиться за шею человека, только слабо цеплялся за пояс. Аркадий чувствовал, что если споткнется, Салана с трудом, но удержится, а Ланна свалится. И он изо всей силы притиснул к себе дилона, когда кроны изогнувшихся деревьев не просто опустились, а всей массой упали на них.

Опережение времени, какое мог обеспечить поврежденный генератор, составляло около четырех секунд — Аркадий знал, что большего не достичь. И еще готовясь к побегу сквозь купу деревьев, окруживших прогалину, рассчитал, что за эти четыре секунды сумеет одолеть с двумя дилонами на руках не более двадцати метров. Но и пятнадцати хватало, чтобы вырваться из опасного кольца. Любому космонавту приходилось в годы учения бегать с грузом на груди и в руках по пересеченной местности — и Аркадий в последних по бегу никогда не числился. Но еще ни разу ему не случалось разгоняться так, как он это сделал сейчас.

И, прорвавшись за цепь взбесившихся деревьев на свободное место, он остановился и оглянулся. Деревья плотно сомкнулись кронами, тысячи ветвей и веток шарили по грунту, пытаясь ухватить то, что по времени этого ошалелого мирка еще находилось тут, но по времени самого Аркадия отстояло ровно на четыре секунды — и на двадцать метров дальше. На лекциях в Институте Времени хронавтам часто говорили, что расхождения своего и окружающего времени даже на секунду бывает достаточно, чтобы успеть покинуть опасное место, если соединить сдвиг времени с быстрым движением в пространстве. И сейчас, остановившись и оглянувшись, Аркадий до дрожи в ногах чувствовал, что спасли их от гибели именно эти ничтожные секунды. Упал он, просто замешкайся на бегу — и их всех накрыла бы беснующаяся гора ветвей: вон они снуют там, уже полная минута прошла, а они все копошатся, все впиваются ключками в почву, все пытаются выхватить одна у другой ускользнувшую добычу.

— Первый раз проскочили, — сказал Аркадий трясущемуся от страха Ланне. — И во второй раз проскочим!

— Иновременник, я непрерывно размышляю, — слабо протелепатировал Ланна. — И прихожу к выводу, что у всех деревьев нарушена синхронность, оттого они такие агрессивные, хотя и безжизненные. От этой несинхронности они, в конце концов, упадутся.

— Этот конец концов будет в очень далеком будущем. Раньше они полностью окаменеют.

— Камни от внутренней несинхронности тоже распадаются.

— Да, через миллионы лет, ибо что для камня несинхронность в какое-то тысячелетие? Меня это не устраивает. Я не смогу так долго дожидаться их распада. Секунды мне сейчас важнее миллионов лет.

Теперь надо было избегать скопищ деревьев, там четырех секунд опережения могло и не хватить для бегства. Аркадий выбирал дорогу, пробирался мимо отдельных стволов там, где гарантия в двадцать метров обеспечивала свободный пробег. Вторично ускользнуть от падающих ветвей удалось легко, столь же легким было и третье бегство. Аркадий повеселел от удачного обмана. Он не сражался с удивительным противником, а обманывал его — это была захватывающая, хотя и опасная игра. Лес поредел. Уже можно было пробираться так далеко от деревьев, встречавшихся на пути, что никакой изгиб ствола в сторону беглецов не давал возможности схватить их ветвями.

И на безопасном месте, между двух деревьев — проскочить между ними можно было всего за две секунды опережения, за десять метров бега — случилась беда. Он ее предвидел — и не сумел предотвратить.

Здесь везде были понатыканы скелеты кустов, за один Аркадий запнулся, уже бросившись в бег. Он бы устоял на ногах, одно потерянное мгновение не стало бы роковым в сравнении со спасительным запасом в четыре секунды. Но висевшая левая рука дилона зацепилась за куст, Аркадий дернул Ланну, но не вызволил — и все запасные секунды были потеряны на выпутывание руки дилона. На них обрушились ветви, и Аркадий упал, подмяв под себя обоих дилонов.

В школе Аркадий как-то смотрел стереофильм об освоении Семелы, неплохой планетки в системе Денеба. Один астронавт, безрассудный парень, вступил в единоборство с араном — многоногим чудищем, похожим на паука, только размером с земного бегемота, — а товарищ его спокойно фиксировал их схватку. Затем вышла из неудачных: аран так прижал человека, что стал лопаться прочнейший скафандр, даже гравитатор не преодолел железного объятия мохнатых ног чудища. И если бы товарищ не бросил свой стереоаппарат и сам не схватился за бластер, забава могла бы окончиться трагически.

И теперь Аркадию почудилось, что повторяется ситуация из того стереофильма: хищные ветви будут рвать и ломать его столь

же яростно, как это делали ноги арана. И разница будет лишь в том, что у арана всего восемь ног, а у дерева сотни ветвей и веток. Он уже ощущал, что в тело впиваются колючки, но это было ложное ощущение. Его опутывали, не давали подняться, но не рвали на части, не впивались мертвыми острями в живое тело. Он был как бы в сети — странной сети, шевелящейся, ползущей, хватающей, но не терзающей. С минуту он остро страшился, что его и дилонов, опутав ветвями, куда-то потащат, но и тащить дальше самого дерева было некуда; и похитить их не стремились так же, как не стремились и разорвать: лишали движения, придавливали к почве — и только!

И когда до Аркадия дошло, что физический разрыв тела не грозит, он понял и другую страшную истину. Все деревья в этом безумном лесу были вампирами. Это предположение было первым — и оно оказалось правильным. Но здесь — и во время схваток меж собой, и сейчас, опутывая и сжимая три тела, — сучья пили не кровь, не соки организма, а физическое его время. И мгновенно вспыхнула мысль, что если он немедленно не придумает отпора, то не пройдет и десятка минут, как и он, и оба дилона превратятся в нечто без собственного живого времени — во вневременные окаменелости, которым безразлично, сейчас ли, или на тысячу лет в прошлом, или на тысячу лет в будущем. Ибо из его жил, из его крови, костей, из самого его мозга, секундами и минутами, как каплями крови, вытекает самое животворящее, самое важное, чем он обладает, — физическое время бытия. Вот чего так страшились лохматые обезьяноподобные хавроны, старательно обходившие этот лес: здесь и растения, утратившие собственное жизненное время, уже почти вневременные, испуганно, яростно вырывали у всего, что пока было во времени, а не вне его, остатки живых секунд, минут и часов.

Вместе с пониманием пришло и решение. До сих пор он стремился вперед, выискивая секунды опережения, чтобы пробежать мимо древесных вампиров в их близком будущем, а не в прошлом. Но в будущее он не проскользнул, он схвачен и опутан в настоящем. И если снова выиграет еще недавно столь спасительные четыре секунды, то для них не хватит свободного пространства. Не то что за четыре секунды, но и за четыре минуты он не выберется из этой чащобы навалившихся, ползающих по его телу, жадно прилипающих ветвей. И почти нечеловеческим усилием выдернув руку из переклеста веток, Аркадий переключил хроногенератор на обратный ход.

Теперь он уходил в прошлое — и не на секунды, а на минуты, точного счета он не знал, но в минутах не сомневался. И быстро почувствовал перемену в борьбе с вампирами. Только что все тело томило, из него что-то высасывалось настойчиво и беспощадно: ветви не кололи кожу, не рвали мышцы, но как бы сливались с телом, становились его частями — как язва, губящая организм, всегда часть этого организма, а не внешняя сила. И вот сразу оборвалось отвратительное слияние. Ветви скользили по его телу, отыскивая и не находя соединения. Он был для них как бы смазан жиром, не дающим зацепок. Ибо они существовали в настоящем, а он еще пребывал в прошлом, они хватали его теперешнего, а он отстоял от теперешнего на несколько минут назад, его сейчас еще не было, хотя реально он уже был — но не для них.

Аркадий понимал, что от быстрой гибели ускользнул, но от угрозы гибели в близком будущем отнюдь не избавился. Он продолжал жить, его время шло — и с каждой пройденной секундой прошлое приближалось к настоящему, он не мог вечно пребывать в нем — на это не хватило бы энергии тысяч карманных хрономоторчиков. Одни могучие генераторы «Гермеса» могли бы обеспечить полную отстраненность от настоящего. Но где он, «Гермес»? Аркадию не понадобилось вспоминать инструкции хрононавигаторов, они всегда стояли в памяти, и среди них одна, единственная в этот миг важная: «Сдвиг времени не дает гарантий ухода из опасного места, если не сочетать его с перемещением в пространстве». Аркадий рванулся вперед. Он еще оставался в прошлом, но устремился в будущее, не оставляя врагу ни одного мгновения настоящего.

Он хотел подняться, но не смог. Он полз, вытаскивая за собой Салану и дилона, — извивался, отталкивался от неровностей почвы, цеплялся ногами и телом за каждый бугорок. Шапка накрывших их ветвей становилась все реже, в ней виднелись просветы. Он иступленно полз к просветам, а когда дополз до открытого простора — не остановился, не отдохнул, не встал, а все продолжал ползти, таща обоих дилонов.

И только увидев себя на поляне, лишенной деревьев и кустов, он замер, и, закрыв от бессилия глаза, судорожно и жадно дышал, пытаясь восстановить силы. И еще не надышавшись, потерял сознание. А когда сознание воротилось, оно было спутанным и неполным: мутные ощущения, такие же мутные мысли, неопределенные желания чего-то — Аркадий никак не мог сообразить, чего же. Одно он понял раньше остального — надо встать, надо

убедиться, что не надвигается новая беда. Руки приподняли туловище, но ноги не удержали. Он снова упал, набираясь сил и как-то безучастно удивляясь, почему силы не приходят. Он прошептал вслух — ему казалось, что он говорит очень громко:

— Ну, не высосали же они из меня всю мою жизненную энергию? Дудки! Отдохну еще минутку, и хватит.

В ответ он услышал тихий визг Саланы. Девушка лежала головой на груди Ланны и плакала. Наверно, она еще что-то говорила мыслями, но мысли до него не доходили, а плач ее, очень похожий на человеческий, хватал за душу. Аркадий подполз к дилону. Он плохо видел, неожиданная картина не входила в сознание — смутное видение из другого мира. Перед ним лежал опавший всем телом, иссохший, маленький старичок. Ланна должен был постареть от тяжелых испытаний, он и раньше уже походил на Старейшин, а не на молодого Сына Различников. У него пострадала одна рука, она не могла удлиняться, но другая была здоровой. А старик, лежащий на каменистой почве, раскинул две одинаково сухие крохотные ручки, он весь был крохотный — вовсе не тот дилон, что звался Ланной. И мордочка, такая живая и выразительная у Ланны, у этого была уродлива и много меньше. Но тем же смутным сознанием Аркадий установил, что перед ним именно его добрый товарищ, милый юный мыслитель, внезапно катастрофически одряхлевший, уходящий из бытия, если уже не ушедший.

— Добрались они до тебя, Ланна! — горько сказал Аркадий. — И я не смог защитить! Все твое жизненное время высосали. Нет тебя больше, Ланна!

Что-то дрогнуло в неподвижной мордочке крохотного старца: он раскрыл глубоко запавшие глаза, медленно скосил их на Салану, так же медленно обратил на Аркадия. В глазах не было ни мысли, ни чувства, они были безучастны к окружающему, они, отрешенные, уже ничего не выражали. Но Ланна три раза — все медленнее, все с большим усилием — переводил взгляд с Аркадия на Салану. И Аркадий понял, что хотел передать этим последним в своей жизни движением уже потерявший способность генерировать свои мысли дилон.

— Да! — сказал Аркадий. — Я не покину Салану. Либо сам с ней погибну в этом проклятом лесу, как погиб ты, либо выберемся оба.

Он говорил с Ланной, как с мертвым, он знал, что тот уже не может слышать. На груди недвижимого Ланны тихо плакала его

подруга. Аркадий лег рядом с ним, вытянул ноги, закрыл глаза. Позади, уже ощутимо ниже зенита, две недобрые звезды, Голубая и Белая, очень медленно — им некуда было торопиться, они пребывали в вечности — преследовали одна другую. Аркадий набирался сил. Силы возвращались медленно, но он уже ощущал их слабый прилив.

Почувствовав, что сможет устоять на ногах, Аркадий поднялся, положил Салану в сторонке на обезображенный правый бок, чтобы она могла видеть умершего друга, и стал собирать камни. Он клал их вокруг мертвого тела и на него, пока не возник холмик. Потом подошел к Салане и наклонился над ней.

Она глядела на него здоровым левым глазом и что-то почти неслышно визжала. Аркадий слышал в ее тихом визге такую мольбу, увидел в ее незамутненном глазе такой страх и такую надежду одновременно, что его волной охватило еще не испытанное чувство — горячая нежность к слабому существу, молящему о помощи.

— Девочка, я не покину тебя, — сказал он. — Правда, ты не понимаешь моих слов. Но это неважно. Я без тебя не уйду. Сейчас я подниму тебя и крепко обниму, а ты тоже крепко обними меня, и мы пойдем вместе. До полного спасения вместе! Верь в это так же, как я сам в это верю. Нет — не верю, Салана, ибо верят в то, чего не знают, — а я знаю, я твердо знаю — скорее умру, чем оставлю тебя!

Она вслушивалась в его слова, они как-то доходили и успокаивали. В здоровом глазу пропал страх. Он поднял ее, обнял обеими руками, она обхватила левой рукой шею, уткнулась правой щекой в плечо. Он чувствовал, как расслабилось ее тело: она доверилась его воле — маленькое создание покоилось на груди защитника.

Он еще раз оглянулся по сторонам. Позади сияли два злоежащих солнца и чернел погибший лес — опасный лес, еще не ушедший во вневременность и в последней судороге существования пытающийся оживить себя крохами чужого жизненного времени. Впереди проглядывались разбросанные стволы бывших деревьев — их теперь можно было не опасаться. Он шел к ним, осторожненько переставляя ноги, чтобы не наткнуться на бугорок или яму.

Отчетливое сознание еще не вернулось. Глаза порой затягивало туманом. Мысли не вспыхивали, а медленно вырисовывались: он не постигал уже родившуюся мысль обычным мгновенным знанием, а как бы всматривался со стороны в какие-то возникавшие

в сознании надписи, и лишь после этого они становились ясными. И ноги потеряли устойчивость, он не был уверен в их крепости. Ему все казалось, что если он сильно топнет ногой, то она согнется, как резиновая, или переломится, как высохшая тростинка. Надо было проверить, так ли это — без проверки он не мог доверять ногам долго нести его с Саланой. Но он не смел рисковать такой опасной проверкой, она могла стать роковой.

Смутно соображая, что страшно не только ему, но и Салане, он заговорил вслух. Она не могла понять его слов, да это было и лучше: он говорил о том, что ей не нужно было знать, о том, что могло ее скорее огорчить, чем успокоить. Но она успокаивалась от его голоса — он старался, чтобы в голосе звучала ласка и доброта.

— Бедная моя девочка, теперь я понимаю, отчего погиб твой друг, — говорил он, медленно передвигаясь. — Мне он сказал: «Она будет жить, пока я живу». Я тогда не понял. Вот, думал я, выпренность, человеческие словесные фиоритуры, а не глубокое рассуждение диллона. Вот так я думал — поверхностно — ты права, но не от пренебрежения к нему, он ведь — ты знаешь — достоин восхищения. «Я такой», — как любил говорить о себе наш добрый Асмодей; он тоже погиб, хороший был парень, настоящий человек, хотя и не человек. Я о Ланне, я о твоём друге — ты не сердись, от меня ускользает мысль, я ловлю ее. Ланна погиб от любви к тебе, и это такая прекрасная смерть, девочка!.. Он нес тебя и вливал в тебя свое собственное жизненное время, он не давал тебе состариться, как ты уже начала, ты даже помолодела постаревшей половиной, а другой, юной, так молода, так прекрасно молода, что мне хочется плакать: ну почему свалилась на тебя эта чудовищная хворь раздвоения — разрыв связи времён в едином теле. Он отдавал тебе свое живое время, а сам старел, нес тебя и непрерывно старел. Вот так он любил тебя, девочка, так чудесно, так скорбно тебя любил. А я не смогу передать тебе свое жизненное время — я человек, Салана, люди живут много меньше диллонов, но не в этом дело. Я отдал бы тебе свое маленькое время, если бы оно могло влиться в тебя, но я не знаю, как это сделать. Вы умеете не только открывать, но и опровергать законы природы, а я не научен — прости меня за это. Вот мы идем и идем, а Ланны нет, а без Ланны вдруг опять ускорится твоё постарение, что нам делать тогда? Я же не умею, как он, а мы идем и идем, и я так боюсь за тебя, бедная моя девочка!..

Аркадий помолчал и снова заговорил:

— Итак, я о Ланне, о моем добром друге Ланне, о твоём друге Ланне... Он умер, ты видела, как он умирал, ты плакала на его груди. Он упал под тем деревом уже постаревший, а я не защитил его — я не знал, что моего хрономоторчика не хватит на троих; тебя защитил, а его не сумел, вот так это получилось. И проклятый вампир высосал из него остатки его физического времени, которое он предназначал для тебя, для тебя одной, Салана. Боже мой, как он внезапно одряхлел, каким стал древним стариком, я не узнал его, но ты плакала на его груди, он, уже не знакомый для меня, оставался для тебя все тем же близким, самым дорогим — и это так печально и хорошо, что ты не отшатнулась от страшно преобразенного старика, что ты плакала о нем на его груди... И мы идем, Салана, мы идем, только не знаю, куда — к спасению или к гибели.

Аркадий снова остановился. Салана плакала. Маленькое тельце содрогалось от рыданий. Аркадий прижал ее крепче к себе, погладил растрепавшиеся волосы, поцеловал в голову. Она, заплавав еще немного, затихла. Аркадий пошел дальше, продолжая разговаривать:

— Я человек, Салана; ты не человек, а другое существо — разумное, милое и страдающее. Так много различий между нами, так ужасно много различий! Не нужно быть специалистом по конструированию различий, каким был твой друг Ланна, чтобы разглядеть ту бездну, что нас разделяет. И внешний облик, и все прочее — да, очень, очень многое, ты права, я согласен. Но в тысячу, в безмерную бездну раз больше единства — я этого раньше не знал, теперь знаю. Мы непохожи, мы радуемся по-разному, но страдаем одинаково, твое маленькое сердце так же болит, когда у тебя беда, как и мое в мою беду. И у тебя есть свое добро и свое зло, и у меня свое добро и свое зло, мы не вне добра и зла. Кто может быть по ту сторону добра и зла? Так когда-то у нас писали высокомерные глупцы, а это была ерунда: та сторона, за которой нет добра и зла, вне нашей вселенной, вне любого разума и любой жизни. А мы с тобой живые и разумные, разве не так?

Он еще помолчал, набирая побольше дыхания.

— Салана, я обрадую тебя. Лес уже другой! Не мертвые хлысты и палки, а настоящие деревья. Вот погляди, я чуть-чуть поверну тебя, чтобы ты могла увидеть своим здоровым глазом, видишь — живые листья, такие же голубые, как и на всех живых деревьях на вашей планете. И трава под ногами живая, такая ярко-оранжевая. Ты ведь видишь, правда? Это — спасение! Мы

возвращаемся в мир нормального времени, мы возвращаемся в жизнь, хорошая моя девочка! Правда, там рангуны, там ваши враги, но ты не страшись, я не дам тебя в обиду, пусть лучше меня разорвут на клочья, чем я позволю тебя обидеть. Не дам, слышите вы, не дам!

Аркадий выкрикнул эти слова с гневом и угрозой. Он вдруг ощутил, что в нем самом что-то очень важное переменялось. Он больше не был веселым юнцом-хронавтом, в столь молодые годы наделенным высоким званием хроноштурмана, — он стал суровым мужчиной, какого показывало Зеркало Сущности в зале Предварения. И на руках у него было слабое существо, почти ребенок, доверчиво прильнувшее к спасителю. Он должен был ее защитить, он жаждал ее защитить — это была его священная обязанность, его радостный долг взрослого, собственным телом заслоняющего ребенка от опасности, высочайший долг мужчины, собственной жизнью спасающего женщину. Он вдруг стал как бы всеми отцами мира, людьми и нелюдьми, оберегающими своих детей. Он ощутил себя мужчиной всех мужчин Вселенной — охранителем и надеждой всех женщин мира!

— Я спасу тебя, Салана, спасу, мы уже вышли в хорошее место, — бормотал он и вдруг оборвал бормотание.

Он остановился, вгляделся в девушку. Она холодела. Она преобразалась. Левая здоровая половина тела теряла свою резкую отличность от одряхлевшей правой. Обе половинки сливались, в них восстанавливалась целостность времени. Салана вновь обрела единое время существования — не жизненное неровное время, а постоянное, вечное время смерти. На руках у Аркадия лежала маленькая, почти лишенная веса старушка. Аркадий положил Салану на траву, молча смотрел на нее.

— Не донес, — сказал он горько. — Прости, не донес тебя.

Потом он собрал камни и, как перед тем хоронил Ланну, похоронил и его подругу. Когда вознесшийся холмик полностью закрыл маленькое тело, Аркадий сел рядом с могилой. Надо было идти, спасение было недалеко. В нарядном голубом лесу уже не грозили разрывы времени, хроновороты и хронобои: еще тысяча шагов — и кончатся его страдания. Но у него не было сил сделать эту тысячу шагов. И не было желания искать спасения — такой непреодолимо трудной стала дорога.

Все же он заставил себя встать и пойти. Но он не шел, а плелся: тело стало тяжелым для ног, в глазах все расплывалось и мелькало. Споткнувшись о бугорок, он упал.

Теперь ему было хорошо. Он смотрел на серое небо: где-то вверху одна безжалостная Гаруна преследовала другую; он не видел их, они были вне обзора. Тихо шумела голубая листва деревьев, тонко пела оранжевая трава. Он закрыл глаза. Надо было заснуть, надолго заснуть.

До него донеслись голоса, кто-то с силой схватил его за плечи, потряс, кто-то целовал его щеки, со слезами говорил:

— Сын мой, родной мой! Мальчик мой, скажи что-нибудь!

С усилием он поднял веки. Около него на коленях стояла Мария Вильсон-Ясуко — она тормозила его, по лицу ее текли слезы. Он не поверил, что это Мария, ее не могло здесь быть. Он не хотел отвечать на ее призыв, на ответ не было сил. Он перевел взгляд в сторону. Вокруг Марии толпились какие-то фигуры, он не узнавал их. Только одна показалась отдаленно знакомой: она чем-то напоминала Асмодея. На ней был такой же камзол средневекового аристократа, та же сломанная шпага, рожки, высовывавшиеся из кудлатой головы. Но это не мог быть киборг: тот был строен и элегантен, этот изодран, согнут, изможден — развалина, а не изящный кавалер.

Аркадий перевел взгляд дальше. Справа от Марии стояло незнакомое высокое существо — нечто очень похожее на человека и очень нечеловеческое. Львиной головой и гривой он напоминал Старейшину Старейшин Гуннара Гунну, но был много моложе, не имел таких длинных рук и был лишен хвоста. Он был высок, этот незнакомец, рост гармонировал с величавой осанкой.

Мария встала с колен и сказала величавому незнакомцу:

— Ватута, прикажи положить Аркадия на носилки. Он плох, его надо срочно доставить на «Гермес».

Незнакомец церемонно поклонился настоящим человеческим поклоном и громко ответил на хорошем человеческом языке:

— Будет исполнено, повелительница!

Часть третья

МЕРТВОЕ БЕССМЕРТИЕ

Михаил Петер Бах

1

Михаил Петер Бах, знаменитый на Земле археолог, академик и знаток населенных и пустынных планет ближнего к Солнцу космоса, человек, испытавший множество опасных приключений и неизменно выходивший сухим из воды, ни минуты не сомневался, выпадая из разваливающегося шара, что гибель и на этот раз не близко. Его выбросило наружу, но не разбило; его непреодолимо тащило куда-то, но тащило мягко; он вполне мог разнести свой череп о любой крупный камень, но его увертывало от камней. Это не случайность, понял он. «Меня похищают», — подумал он и перестал сопротивляться уносящей силе.

И он не удивился, когда вдруг почувствовал, что его тело уже не катится, а летит над почвой. «Подняли антигравитационным полем, — хладнокровно думал он, — а зачем подняли? Что-то новое, подождем». Новое предстало в образе такого же шара, из какого его выбросило, но значительно крупнее. Шар подлетел вплотную, в нем открылся лаз, из лаза высунулась рука, схватила человека и втянула в шар. Бах упал на пол, с усилием приподнялся. У пульта сидели трое аборигенов, весьма похожих на людей. Лишь у того, кто втянул его, руки были по-дилоньи гибки; у двух других они, более короткие, явно не удлинялись, а хвостов не было ни у одного. И лица у всех были скорее обезьяноподобными, а не собаководными, как у дилонов; на теле — густая шерсть, губы

выпячены. Все трое повернулись к Баху спиной, как только он поднялся с пола, — похоже, он больше их не интересовал. Один что-то сказал другому, тот что-то ответил — они разговаривали звуковой речью, слова были непонятны, но это были слова, а не однообразный визг дилонов, лишь сопровождающий передачу мыслей. Это приободрило Баха, — акустической речью, как она ни сложна, все же легче овладеть, чем телепатированием неизвестно как закодированных мыслей.

Он обратился к аборигенам, стараясь говорить медленно и членораздельно, чтобы они, если и не поймут сразу, то хоть запомнили слова:

— Вы рангуны? Не откажите в любезности сообщить, куда меня волочите? В смысле: для чего похищаете?

Все трое разом обернулись. Один сказал гортанно, как бы не произнося, а выплевывая каждое слово поодиночке:

— Хаврон. Бедла.

— Хаврон. Кадла, — подхватил второй.

Третий закончил:

— Хаврон. Рудла.

И все трое опять повернулись спинами к Баху.

— Понятно. Хавроны, — сказал Бах в спину троим. — Воины рангунов. Не знаю, будет ли приятным наше знакомство, но все же познакомимся. Я — человек, Михаил Петер Бах, археолог. Впрочем, вряд ли вы поймете, что такое археолог. Да и вообще. сомнительно, чтобы вы хоть словечко мое понимали. Но все же — куда вы меня тащите?

Хавроны, уловив вопросительную интонацию, обернулись.

— Хаврон. Бедла, — выплюнул первый.

— Хаврон. Кадла, — дополнил второй.

— Хаврон. Рудла, — закончил третий.

Бах помолчал. Долго молчать он не мог. Его распирало от мыслей и чувств. В далеких походах он привык общаться со словоохотливым и умным собеседником — самим собой. Он заговорил вслух:

— Итак, хавроны. Дилоны ненавидят хавронов (все они обезьянолики или только эти три молодца?), пожалуй, больше, чем рангунов. Это-то, впрочем, объяснимо. Слуга врага всегда отвратительнее самого врага. И тащат меня эти слуги, естественно, не по своей прихоти, а по велению господина. Возможно, по приказу Верховного Злодея рангунов, как его назвал Старейшина Старейшин, тот милый старец, который сейчас трудит свою высокоумную

голову над мучительной загадкой, сколько ангелов можно разместить на острие иголки. Как его зовут, Верховного Злодея? Да, вспомнил — Ватута!

Трое хавронов поспешно вскочили, услышав громко произнесенное имя, разом обернулись, разом склонили мохнатые головы.

— Хаврон. Бедла, — почтительно сказал первый.

— Хаврон. Кадла, — угодливо добавил второй.

— Хаврон. Рудла, — торжественно завершил третий.

— Заткнитесь, лохматые! — раздраженно попросил Бах. — Мне ваши церемонные самопредставления надоели. Одно важно: кому и зачем я нужен, а этого вы не скажете, даже если бы знали, а наверно, и не знаете. Поэтому помолчим. Сидите ко мне спинами. Спины у вас еще невыразительнее лиц. Один древний писатель по выражению спин определял характер людей точнее, чем по их лицам. Вы его не читали, естественно. Интересно, умеют ли в вашей стране читать? У дилонов, считающих себя воплощениями Высшего Разума, книг нет, но разум есть, хотя, по моему, не высший. Впрочем, это мое частное мнение. Поэтому и о дилонах помолчим. В вашем летательном снаряде все стены изнутри прозрачны, это хорошо. Конечно, взирать на ваши светила: и томную Голубую, и разъяренную Белую — равно нерадостно, зато можно полюбоваться планетой. Хорошая планета Дилона, одно плохо — враждуете, воюете, а зачем? Причины войны позабыли — значит, и прекратить войну не можете, ибо без устранения позабытых причин... В общем, неважная ситуация, лохматые. Вы не находите?

Хавроны уловили не только вопросительную интонацию, но и некоторое сокрушение в голосе Баха. Все трое согласно обернулись.

— Хаврон. Бедла, — печально сказал один.

— Хаврон. Кадла, — грустно добавил второй.

— Хаврон. Рудла, — скорбно вымолвил третий.

2

Шар делал круг над столицей дилонов. На охранной башне — они пролетали вблизи — ярко вспыхнула верхушка, донесся грохот взрыва. Шар уклонился от удара резонансных орудий, отделавшись лишь кратковременной вибрацией, сделал круг и

воротился к той же башне, чтобы ловко сманеврировать при новом ударе. Полет походил на игру, но игру опасную. Бах помнил, как вспыхнул и превратился в раскаленную пыль аэроразведчик с «Гермеса», — и не хотел такой же участи для себя. Надо было сказать об этом хавронам; но ведь они в ответ только обернутся и сообщат, кто они. И тут Бах сообразил, почему они неустанно рекомендуются, — он обращался сразу ко всем, никого не называя особо.

— Бедла! — сказал он громко. Обернулся один Бедла, двое других деловито выворачивали шар на третью петлю вокруг башни. — Бедла, мне не нравится ваша игра с башнями. Во всяком случае, пока я в шаре. Ты не знаешь моего языка, но уверен, что ты меня понял.

Бедла махнул лохмами, изобразил подобие улыбки и так же гортанно, как свое имя, выплюнул одно слово, зато настоящее человеческое слово.

— Понял! — И, помолчав и вторично обернувшись, добавил так же гортанно, скорее звериным рыком, чем речью: — Улетаю.

Шар отвернул от башни и унесся за город. Вскоре он пролетел над местом, где произвели резонансное нападение на авиетки «Гермеса» и шары дилонов. Внизу лежали остатки одного из шаров, но авиетки не было. «Гермес» пригрунтовывался где-то неподалеку, с высоты открывался большой обзор, но корабля и следов не было.

Бах тихонько — чтобы не привлекать внимания хавронов — беседовал с собой:

— Четыре возможности. Первая: погиб. Чуть! «Гермес» может в ответ на нападение разнести все боевые установки на планете, но погибнуть? Исключено! Вторая: улетел. И обсуждать не буду — вздор! Товарищей не оставляют. Третья: закранирован. Возможно, но сомнительно. Кнудсен будет нас вызволять, а не экранироваться. Последняя: сменил место стоянки. Зачем? Не знаю, может быть, толковому Различнику под силу авторазмышлением обнаружить место новой стоянки, но мне — нет. И все же «Гермес» где-то в другом месте!

Шар увеличивал скорость. Внизу проплывала странная планета: безмерные леса, прерываемые острыми скал. Где-то на другой стороне ее разместилась гористая страна рангунов; горы виделись издалека, но Рангунии все не было. На вершинах гор что-то посверкивало — жгучее сияние Гаруны Белой мешало разглядеть детали. «Вероятно, резонансные батареи», — думал Бах. Батареи

его не интересовали, эта техника была ближе Кнудсену и Аркадию. Он поглядывал на хавронов. Согнутые спины трех похитителей свидетельствовали о сосредоточенности. «Нахмуренные спины», — думал Бах. Он любил выразительные словечки, они улучшали настроение при неудачах. Нахмуренные спины, угрюмые затылки, невеселые локти рук — или лап? — варьировал Бах описание пилотов шара.

Потом показалось населенное место, разорвавшее лес, — равнина, утыканная зданиями и сооружениями, похожими на промышленные. А вокруг на все стороны простирались бесконечные леса, уходившие за далекий горизонт.

Шар стал снижаться. Бах увидел толпу на крохотной площадке. Шар опустился, в стене распахнулся лаз. Бедла показал мохнатой рукой на выход. Бах вышел и остановился, оглушенный. От города неся такой грохот, что заложило уши. Из шара вылезли трое хавронов. Бедла лапой подтолкнул Баха к стоявшей поодаль толпе встречающих. Толпа складывалась из таких же хвостатых собаколиких дилонов, каких Бах встречал в Дилонии, даже хавронов не было, кроме троих пилотов шара. «Где же чертовы рангуны?» — с удивлением спросил себя Бах, но не стал придумывать ответа. Бедла подталкивал, надо было идти.

Толпа раздвинулась, вперед выступили три фигуры. Бах понял — рангуны! Эти трое не были похожи ни на дилонов, ни на хавронов — в их облике было много человеческого, но и нечеловеческого хватало: две ноги, две руки, два глаза, два уха, мощная шевелюра, зато голова, скорее, львиная, да и бочкообразное туловище сразу выдавало нечеловечность. Баху показалось издали, что приближаются три вертикальные цистерны с руками и ногами и пышноволодой головой. В рисунках одного детского художника он видел много таких бочкообразных фигур — эти трое сходили за спрыгнувших с тех красочных страниц.

Рангуны встали в ряд перед Бахом: правый — самый высокий, средний — пониже, третий — самый низенький и очень юный.

Правый выдвинулся на шаг вперед и сообщил на неплохом человеческом языке, только со скрипом в голосе — будто одна сухая доска терлась о другую:

— Бессмертный номер двадцать девять. Кагула.

Выступил средний, в его голосе звучал металл:

— Бессмертный номер сорок четыре. Варана.

Юный рангун прозвенел тонким голоском:

— Бессмертный номер одиннадцать. Казана.

Бах постарался не показать, что его поразило и человекоподобие рангунов, и что они, не зная до него ни одного человека, все же знают человеческий язык. Он вежливо отрекомендовался:

— Михаил Петер Бах, археолог, хронавт.

— Знаем, — благожелательно сказал Кагула, Бессмертный № 29. — Путешественники по искривленному времени, хронолет «Гермес», родина — планета Земля, другой поток времени. Верно?

— Верно. Откуда вы все это узнали?

— От вас. Вы о себе рассказали дилонам, всё рассказали... Мы знаем все, что делается у дилонов, что делается... Они отлично раскодировали ваш язык, они это могут, но говорить по-вашему неспособны. Для нас это просто, для нас...

Кагула по-человечески наслаждался удивлением Баха. Он еще добавил, что рангуны могли похитить людей и раньше, но решили дать дилонам досконально изучить пришельцев, а потом изымать их.

— Похищен я один? А мои товарищи?

Рангун любезно разъяснил:

— Пока один. Твои товарищи, некто Аркадий и некто Асмодей Киборг или Киборг Асмодей, его точное имя пока не установлено, попали в хронovorот, попали... Мы велели найти и вызволить их. Будь покоен, они не минуют плена, они не минуют...

— А наш корабль?

Рангун нахмурился.

— Исчез. Но мы его разыщем. Иди рядом со мной. Нас ждут в городе, все нас ждут... Это близко.

Впереди шли три хаврона — Бедла, Кадла и Рудла, потом Бессмертный № 29 и Бах, а замыкали церемонное шествие — уже беспорядочной толпой — дилоны, составлявшие, сообразил Бах, свиту Бессмертных.

Город рангунов походил скорее на промышленный поселок и грохотал, как древний котельный цех на Земле. В городе имелись и здания, и улица, но все окутывала пыль, в пылевом тумане посверкивали искры. Бах, скинувший было шлем астроскафандра, пожалел, что поторопился открыть голову. Можно было натянуть шлем снова, но трое Бессмертных шли с непокрытыми головами. Бах ограничился тем, что натужно закашлялся.

— Много пылят в вашем городе, — сказал Бах Бессмертному № 29.

— Стараются! Вот этот дом, — Кагула показал на облако пыли, в нем что-то смутно темнело, — должны были разрушить только

завтра, а начали разрушать вчера, начали... А это прекрасное здание, — он показал на другое облако пыли, в нем еще меньше можно было что-либо разглядеть, — должны были завершить только через неделю, но строители передадут разрушителям для уничтожения совершенно готовое здание на четыре дня раньше срока, раньше передадут... Великолепная работа, не правда ли?

— Не понял. Разрешите, я повторю: строители завершают сооружение прекрасного здания, чтобы без промедления передать его разрушителям на слом?!

— Правильно. Ведь нельзя разрушить то, что еще не построенно, ведь нельзя...

— Да, уничтожить можно лишь то, что предварительно создано.

— Рад, что понимаешь это. Мы уверены, что найдем с людьми общий язык быстрее, чем глубокомысленные глупцы дилоны, которых вы почему-то предпочли, вы предпочли. Мы сразу поняли: пришельцы — существа такого же разума, как и мы, такого же... Это облегчит взаимопонимание.

— В порядке взаимопонимания... — Бах закашлялся от удушливой пыли. — Ты сказал, что нас ждут. А где? В одном из тех прекрасных зданий, которые немедленно идут на слом, едва их построят?

— Нет, мы идем в пещеру. Иногда и наши боевые операторы могут переусердствовать, иногда и дилоны-Опровергатели возмутительно плохо сдерживаются... Бессмертный № 3, великий Ватута, не любит, чтобы при важных обсуждениях валилась крыша или судорога сводила пол... В глубоких пещерах такие неудобства исключены, такие неудобства...

— Вы меня ведете к Ватуте?

— К Великому Ватуте, так точнее. К Великому!

— А зачем?

— Как зачем? Надо дружески обсудить, какой тебя удостоить казни, какой удостоить. Где это торжественнее совершить, как не на синклите Бессмертных под председательством самого Ватуты.

Бах споткнулся на ровном месте.

— Удостоить казни, ты сказал? А зачем меня казнить?

— Казнь — лучшее, что можно предложить тебе.

— Я не считаю ваше решение наилучшим. Тем более в порядке взаимопонимания... Буду протестовать!

— Непременно протестуй! Протест удостоенного казни входит в ритуал, входит... Если бы казнимые не протестовали, их было бы неинтересно казнить. Дружески информирую тебя, что после того как ты объявишь Бессмертным свой протест, который они, естественно, отклонят, ты сможешь выбрать самую приятную для тебя форму перехода в небытие, сможешь выбрать...

— И с самой приятной формой перехода в небытие не примирюсь, — твердо сказал Бах.

3

Ошеломленный дружеским сообщением Кагулы, Бах все же сохранил наблюдательность. Он не раз в беспокойной жизни исследователя незнакомых планет попадал в отчаянные положения — и никогда не впадал в отчаяние. Минуту-другую он присматривался, нельзя ли сбежать из-под конвоя. Сбежать, наверно, не так уж трудно — рванул в ближайшее облако пыли: в душливом полусумраке теряются целые здания, кто его там быстро отыщет? Быстро не отыщут, но отыщут непременно! Бегство — не выход, надо придумывать другой. И тут он вспомнил простодушный ответ рангуна на свой возмущенный вопрос. «А что еще с тобой делать?» — сказал рангун. Здесь выход — надо самому придумать, что с ним делать. Он должен стать нужен для еще чего-то, кроме казни. Вон сколько у них дилонов, а ведь это их враги, а он никому не враг — ни дилонам, ни рангунам. Местные дилоны им чем-то полезны. Хорошо, он станет полезным проклятым бессмертникам!

Пока эти мысли торопливо проносились в голове Баха, он продолжал набираться впечатлений. Бах любил ощущать себя не только исследователем, но и уличным зевакой. И хоть грохот из облаков пыли мешал что-либо отчетливо слышать, а пыль не давала что-либо отчетливо рассмотреть, Бах быстро установил, что рабочие на стройке и разрушении чаще всего дилоны, но попадают и хавроны, а переноска тяжестей совершается так: груз — иногда и громоздкий, и по виду тяжелый — сам плывет над поверхностью, а рабочий только подталкивает его ногой или поворачивает рукой. И еще Бах разглядел, что главные инструменты — резонаторы, небольшие аппараты, которые все здесь носят с собой: резонаторами, при слабой вибрации, утрамбовывают и закрепляют, резонаторами же, давая большую нагрузку, сваливают

и разрушают. Грохот и пыль, терзавшие уши и горло, свидетельствовали, что резонаторы работают исправно и эффективно.

— Интересный у вас способ переноса тяжестей, — заметил Бах Бессмертному № 29.

— Очень простой, — любезно откликнулся Кагула. — Я рад, что ты это заметил, я рад.

— Не мог бы ты меня проинформировать обстоятельнее о вашем быте и труде? — осторожно продолжал Бах, не зная, как относятся рангуны к чрезмерному любопытству.

Рангуны, в отличие от дилонов, видимо, не считали зазорным задавать вопросы и требовать ответа. С охотой, граничащей с энтузиазмом, Кагула разъяснил, что их общество совершенно, ибо гармонично. А вот общество дилонов уродливо, у них отсутствует гармония, они страдают от несинхронности своего физического времени и, стало быть, смертны. И так углубляются в саморазмышления по любому поводу, что забывают о реальностях бытия. Они...

В этом месте Бах счел возможным прервать Бессмертного № 29:

— Я спрашивал тебя не о дилонах, а о цели вашего строительства и разрушения, ибо мне показалось, вы не различаете эти понятия и строить у вас то же, что разрушать.

Кагула, однако, считал, что отвечает именно на заданный вопрос. Итак, дилоны. Дилоны знают, но не умеют. Дилоны способны многое постигнуть продолжительным размышлением, но не в состоянии реально использовать знания. Им раздумывание важнее применения. Зато рангуны знают и умеют. Кое-что и меньше знают, но зато больше умеют. Уловил ли пришелец Михаил Петер Бах, чем разнятся рангуны от своих вечных противников?

— Очень интересно, — неопределенно прокомментировал Бах.

Рангун с тем же воодушевлением продолжал. До вибрации и резонанса додумались дилоны. Их Конструкторы установили, что при помощи резонанса можно разрушить любой предмет, любую конструкцию, живую и мертвую. Их Опровергатели доказали, что тот же резонанс способен и созидать, превращая конгломераты частиц в прочные предметы. Ну и что? Что сделали значительного дилоны из своего великого открытия? Да ничего! Зато рангуны сумели все свое строительство, все свои разрушения базировать на резонансе. Наши аппараты превращают самые прочные конструкции в осколки при помощи вибраций.

Потом из этих же осколков и пыли, теми же аппаратами воссоздаются прежние величественные стросния. Разве это не великолепно?

— Как ваши резонансные орудия превращают в прах летательные шары дилонов и наши авиетки, я испытал на себе, — заметил Бах.

Вот именно — испытал на себе! Это же восхитительно — испытать на себе действие мощного резонатора! Чтобы все клетки в теле тряслись и стонали! Чтобы и вопль, исторгаемый из груди, распадался на тысячи разобренных звуков, чтобы и в вопле звучала все та же непреодолимая вибрация. Все основано на резонансе! Мы резонируем даже мыслями, ибо мысли одни у всех, они — всеобщий резонанс от главного резонатора: он и создает ту пленительную, ту захватывающую, ту таинственную вибрацию в голове, которая называется мыслью и которая немедленно резонирует во всех головах. Все Бессмертные сообща вибрируют одними и теми же мыслями. А у людей имеются всеобщие идеи, творимые могучим резонансом?

— Всеобщие идеи у нас есть, например, хорошие идеи добра, справедливости, дружбы, любви, совершенствования, да и много других. Но они создаются не вибрацией какого-то резонатора, а всей нашей жизнью — воспитанием, чтением, бытом...

— Несовершенный способ, — установил Кагула. — Вы могли бы у нас поучиться, у нас... Жалко, что из-за казни ты не успеешь перенять наши успехи.

— Ради этого можно бы и несколько повременить с казнью, как по-твоему?

— Это решит ассамблея Бессмертных, это решит.

— Но ты мог подсказать бы... С одним поговорить, с другим...

— Какое это имеет значение? — удивился Кагула. — Идея сохранить тебе жизнь должна одновременно прорезонировать во всех головах.

— Тогда провибрируй во все головы мысль, что мне надо непременно сохранить жизнь.

— А если Ватута провибрирует мысль о твоей казни? Его вибрация так сильна! Ее резонанс забьет любую мою вибрацию, забьет...

Процессия миновала два дома — один строился, другой разрушался. Густой пылью одинаково несло от обоих, грохота каждый производил столько, что Бах невольно ускорил шаг. Кагула придержал его рукой.

— Полюбуйся, пришелец! Сколько энергии! Уверен, что у вас и похожего нет.

— Почему же? — возразил археолог. — И на Земле иногда совершаются подобные операции. Их называют переливанием из пустого в порожнее.

— Звучит неплохо — переливание из пустого в порожнее! — одобрил Бессмертный № 29. — Но согласись: создавать, чтобы разрушать, — еще сильнее! Выразительнейшая формулировка. Самодумы дилоны, определенные на нашу службу, установили, что эта формулировка прорезонирует на всю Вселенную.

— Старайтесь, старайтесь! — хмуро ответил Бах.

Пока Бах разговаривал с Кагулой, двое других Бессмертных молчали, и, как показалось Баху, не просто молчали, а почтительно. «Наверно, и у рангунов табель о рангах — как у дилонов», — думал академик. Тогда решают не сообщая, а высшие в иерархии. Кагула сказал о Ватуте, что тот командует, а остальные вибрируют под него, то есть ответно резонируют... в общем, покорствуют.

Поселок конвой прошел быстро. За поселком высилась гора — безлесная и островершинная. В горе зияло отверстие. У отверстия сторожили два рослых хаврона: голова Баха была ниже их плеч. Наружное отверстие начинало собой туннель — обычные самосветящиеся стены, уклоны и повороты. И на Земле, и на других планетах Бах повидал множество пещер — естественных и искусственных, обитаемых и безжизненных, грандиозных и крохотных. Эта была из средних — не брала ни красотой минералов, ни обширностью пустот. «В этом логове рангунов не придется ничему удивляться, кроме них самих», — невесело думал Бах.

Но когда его ввели в обширную пустоту, он удивился. Удивительное предстало в форме ярко светящегося пятна на потолке. Какое-то естественное вкрапление в массивный камень разбрасывало вокруг столь яркие лучи, что освещение в пещере ненамного уступало дневному свету. Бах быстро прикинул природу светящегося пятна. Конечно, какая-то смесь радиоактивного минерала с минералом, способным выбрасывать фотоны при облучении нейтронами и протонами. Модель естественной ядерной бомбы, только тлеющего, а не взрывного типа. Но ведь этот естественный светореактор не только дарует сияние, но и губит своим излучением! Неужели радиоактивность не действует на рангунов и их прислужников?

Все пространство освещенной естественным фонарем пещеры заполняли рангуны. Один направился к Баху — он был на голо-

ву выше всех. Короткие руки едва доставали до бедер, зато ноги были длинные и массивные. А на массивных ногах покоилось цилиндрическое туловище, и грудь не выпирала бочкой, как у других. «Уродлив, но величественным уродством», — оценил его Бах. И ближе к человекообразию, чем остальные рангуны, не говоря уже о хавронах и дилонах.

Величавый рангун неторопливо проговорил на хорошем человеческом языке — скрип в голосе был слабее, чем у Кагулы:

— Бессмертный № 3. Ватута. Дилоны зовут меня Верховным Злодеем. Горжусь этим званием. Дилоны чтут меня.

— Ваш гость. Человек, археолог, хронавт и академик Михаил Петер Бах, — отрекомендовался Бах. — Друзья обычно зовут меня Миша Бах.

— Пленник, а не гость, — ласково поправил Ватута. — Пленник.

— Гость, — повторил Бах. — Пленные — профессиональный продукт войны. А мы с вами не воюем, брать нас в плен вы не можете.

— Но мы взяли тебя в плен. Ты этого не будешь отрицать?

— Буду. Вы пригласили меня в гости, только выбрали для приглашения не самый лучший способ.

— Ты гость дилонов, ты друг наших врагов. Мы взяли тебя в плен как врага. И против этого будешь возражать?

Бах быстро заметил, что Бессмертному № 3, с гордостью носившему титул Верховного Злодея, по душе их спор. Он улыбался, глаза лучезарно сияли, слова — отнюдь не дружественные — произносились весьма дружелюбно. На этом можно было сыграть.

— У меня тысяча возражений против плена, и все — убедительные! Но прежде хотел бы спросить тебя... как величать столь высокую особу. Не Верховным же Злодеем?

— Можно и Верховным Злодеем, это правдиво и величественно. Можно и Ватутой. Каждое наименование рисует мою исключительность. Ибо у рангунов только один Верховный Злодей и только один Ватута.

— Понял. Именовать тебя просто Бессмертным № 3 не годится, ибо у вас Бессмертных, наверно, много.

— Годится и наименование Бессмертный № 3, но оно, кроме номера, мало выражает мою особость — Бессмертных сейчас девяносто восемь. О чем же ты хотел спросить меня? Об ожидающей тебя казни?

— И об этом. Люди в древности казнили только больших преступников за очень большие проступки. Но я перед вами не провинился. Почему бы вам не перенять благородные обычаи древних людей?

Ватута заулыбался еще шире и благодушной.

— Мне не нравятся ваши порядки, человек. Ты назвал их благородными? Это звучит нехорошо. Кто из Бессмертных согласится все бессмертие пребывать в благородстве? Таких глупцов не найти.

— И все-таки — почему меня надо казнить?

— А почему бы не казнить? И то, и другое возможно. Из двух равнозначущих возможностей я выбираю ту, что приятнее. Приятнее видеть твою казнь, чем постоянно видеть тебя. Казнь врага — радостное зрелище, а какая радость в любовании твоей уродливой фигурой?

— Я могу быть вам полезен, Ватута.

— Не смей! Смертному надо искать пользы, чтобы удлинить свое кратковременное существование. А какая польза искать пользы Бессмертному? Можешь ли ты удлинить мое существование? Оно и так безгранично. К чему же твои услуги, тем более что ты и сам не знаешь, на какую услугу способен. Бессмертные ненавидят полезное. Ты заметил, что мы одновременно строим и разрушаем построенное?

— Заметил.

— И сказал при этом, что на вашей далекой родине подобные действия называют переливанием из пустого в порожнее. Мой министр Прогнозов и Ведовства, дилон Кун Канна, в своей стране некогда величайший из Конструкторов Различий, додумался глубоким саморазмышлением, что переливание из пустого в порожнее равнозначно творению бесполезного и ненужного. Вот единственная операция, роднящая людей и рангунов: с энтузиазмом переливать из пустого в порожнее! Именно с энтузиазмом, ибо без энтузиазма такие совершенные операции не совершить! Вы расцветиваете редкими случаями бесполезности свое скудное существование, оно немыслимо без непрерывно творимой пользы. Вы все делаете по необходимости. А мы, не нуждающиеся ни в чем, заполняем свое бессмертие одним бесполезным. И чем выше степень красивой бесполезности, чем горячее градус великолепной ненужности, тем привлекательнее. Вот если бы ты сказал: могу сделать нечто такое, что никогда, нигде, никоим образом и ни для какой цели не сможет вами быть использовано, еще

можно было бы сохранить тебе жизнь. Но разве ты, раб полезного, мог бы сотворить что-либо прекрасное и абсолютно ненужное?

— Могу, — хладнокровно объявил Бах.

Пока Ватута разглагольствовал, Бах увидел путь к спасению. В студенческие годы Бах среди друзей прославился как остро слов и софист. Создатель хронистики, науки о трансформации физического времени, Чарльз Гриценко, тоже артист в переименовании понятий, с уважением говорил о молодом ученом: «Миша Бах способен убедительно доказать, что “да” это “нет”, а после — еще убедительнее, — что “нет” это “да”. И сообразив, как воздействовать на Верховного Злодея, Бах быстро переориентировался. Но, уже уверенный в успехе, он позволил себе раньше поиздеваться над Ватутой, а уж потом увлечь его абсолютной бесполезностью задуманного плана.

— Мой отец был из немцев, — начал он, — а мать гречанка. Теперь все народы на Земле сильно перемешались, но в древности немцы и греки существовали особо. И каждый народ отличался от другого. Считаю, что от отца-немца я унаследовал трудолюбие, глубину мысли и основательность, а от матери-гречанки — любовь все оспаривать и неверие в незыблемость истин.

— В самовосхвалении тебе не отказать, — одобрил Ватута.

— И, в порядке побочного замечания, — продолжал Бах, игнорируя реплику Ватуты, — я сейчас докажу, что казнив меня, ты совершишь полезный для себя поступок. — Бах почувствовал удовольствие, увидев, что Ватута удивился. — Ведь оставив меня в живых, ты обязан заботиться обо мне, кормить, искать мне дело без переливания из пустого в порожнее — я не из мастеров такого искусства: Тысяча хлопот! А казнив, избавляешься от всех хлопот, то есть совершаешь нечто полезное для себя. Ты не смеешь умертвить меня, поскольку такой поступок тебе полезен и, стало быть, противоречит сущности вашего абсолютно бесполезного бессмертия.

— Интересно, я подумаю, — с уважением промолвил Ватута. — Но ты хотел предложить что-то, а не только оспорить твою казнь.

— Именно предложить. Слушай, Ватута.

И Бах сообщил, что за свою не такую уж короткую жизнь он совершил немало путешествий по ближнему к их солнцу космосу, прежде чем записался в хронавты. На сотнях планет он узнал столько событий, форм жизни, катастроф и расцветов, что одно перечисление открытий заняло бы месяцы местного времени.

И главным из его открытий была недавняя по их земному времени находка в Северной Скандинавии — есть такая малообитаемая местность на Земле. Та находка поколебала все устоявшиеся представления о жизни во Вселенной. Именно для проверки его скандинавского открытия и снарядили «Гермес», первый хроно-корабль, путешествующий не только в прямом времени космоса, но свободно вторгающийся во времена фазовые — под углом к прямому.

— Так вот, Ватута, я согласен рассказать о всем пережитом и обнаруженном и ручаюсь, что рассказ мой, во-первых, будет захватывающе интересным и, во-вторых, ничто услышанное никогда, нигде, никоим образом и ни для какой цели вы не сможете использовать. Все будет для вас абсолютно и всеохватно ненужным!

Ватута задумался.

— А если что-либо из твоей информации будет неинтересно или, что хуже, полезно для нас? Тогда тебе придется немедленно расстаться со своим краткосрочным существованием.

— Кое-какие мелочи моей жизни могут быть вам малоинтересны, — согласился Бах. — Но не буду злоупотреблять скукой. Зато гарантирую собственной головой бесполезность даже интереснейшей информации.

— Гарантируешь собственной головой — это внушительно! Принимаю твое предложение. Немедленно приступим к извлечению из тебя всего интересного и ненужного для нас, что ты успел накопить за жизнь.

Бах быстро сказал:

— Предупреждаю: рассказ займет не один ваш день, ведь перевести в слова все события моей жизни...

Ватута презрительно прервал его:

— Переводить всю свою жизнь в слова? Даже у нас, имеющих в запасе бессмертие, не хватит терпения слушать. Мы не услышим, а увидим твою жизнь. — Ватута повысил голос: — Где Кун Канна, министр Прогнозов и Ведовства? Пусть он говорит так, чтобы его понял и пришелец. Почему я не вижу Кун Канны?

Уже не речью, а телепатированной мыслью до Баха донеслось:

— Повелитель, я всегда рядом. Прости, что не осмеливаюсь попадаться на глаза, твое величие ослепляет меня.

— Прощаю. Выдвинись.

К властителю засеменил худыми ногами дилон — проволочил облезлый хвост по камню, плотно ухватил десятью пальцами

одной руки десять пальцев другой, удлинил обе руки и сложил их, сплетенные, к ногам Ватуты («Вероятно, высший знак покорности и послушания», — подумал Бах).

Ватута недавно назвал Кун Канну величайшим из Конструкторов Различий, но на Старейшин министр Прогнозов и Ведовства походил лишь отдаленно: те, хоть и немолодые, были еще в теле — этот выглядел увядшим старцем; те держались величественно — этот униженно горбился; те транслировали свои мысли с важной неспешностью — у этого даже мысли, так показалось Баху, от торопливости заплетались. Бах на миг закрыл глаза от сострадания к жалкому пленнику, словно в насмешку наделенному высоким званием министра.

— Кун Канна, доложи поведение старого глупца Гуннар Гунны на ближайший срок, — повелел Ватута.

В мозгу Баха зачастили ответы министра Прогнозов и Ведовства. У дилонов не проходит ошеломление. Старейшина Старейшин Вещий Старец Гуннар Гунна пребывает в страдании после недавнего удара по Столице. Новые разрушения ввергли его в полуомертвелость. Ни мыслей, ни приказов он не генерирует. На башнях растерянность и тишина. Окончательный прогноз: дилонны ответных атак не предпримут, на это у них нет сил.

— Очень хорошо. Отмечаю перед всеми, что ты постарался провести последний бой на высоком уровне. Теперь скажи, Кун Канна, ты слышал мой разговор с пришельцем?

— Внимал каждому слову и каждой мысли, повелитель.

— Объясни, что с ним сделаешь. Повернись к пришельцу лицом, Кун Канна.

Кун Канна повернулся к Баху не лицом, а боком — похоже, побаивался встать спиной к Бессмертному № 3. Теперь дилон телепатировал свои мысли без спешки. У каждого непрерывно накапливаются воспоминания о разных событиях жизни. Любое воспоминание имеет свой энергетический потенциал сохранения. Большие события высокопотенциальны — прочно внедряются в память, легко возобновляются, иногда самопроизвольно возникают в сознании, когда вспоминать о них вовсе не хочется. События мелкие легко забываются, но и они полностью не выветриваются из мозга. Особым облучением можно восстановить в мозгу любое событие, даже если оно кажется прочно забытым. Но многое так стерто, что для воспоминания о нем нужно облучение большой мощности, а это не всегда безопасно. В общем, легче восстанавливаются важные воспоминания, а не пустяки. В министерстве

Прогнозов и Ведовства имеются резонаторы любого калибра — от слабоимпульсных, восстанавливающих лишь сильные воспоминания, до мощных, возобновляющих мелочи.

— Восстановленные воспоминания записываются, и ты, пришелец, сможешь собственными глазами увидеть и себя, и все пережитое тобой, собственными ушами услышать свой голос и голоса своих собеседников, — объяснил Кун Канна.

Бах сказал, что это напоминает «прозеркаливание» в зале Предварения. Кун Канна возразил, что там анализировали его характер — каков был в прошлом и каким, всего вероятнее, станет в грядущем, а здесь — только восстановление событий жизни: характер человека и события его жизни — вещи не одинаковые.

Ватута встал.

— Тебе ясно, пришелец? В рассказе ты мог одно приукрасить, другое выдумать. Но воспоминание, сохранившееся в мозгу, не знает лжи. Оно может фиксировать ошибочное понимание, но не лукавое вранье. По прогнозу враждебные действия дилонов пока не грозят. Приказываю для рассмотрения жизни пришельца перебазироваться из пещеры Безопасности в рабочий зал.

4

Они опять двигались по городу, сотрясаемому строительством и разрушением, и вскоре подошли к зданию, по виду вполне законченному, но еще не разрушаемому. Ватута первый вошел внутрь.

Огромный рабочий зал, залитый теплым сиянием самосветящихся стен и потолков, был роскошен, как парадные хоромы королей. Для каждого Бессмертного стояло кресло, похожее на трон. У стен высились постаменты, на них покоились разноцветные камни. Бах узнал старых знакомцев: кусок мрамора — на Земле эту белую глыбу не сочли бы достойной экспонирования, но здесь, видимо, мрамор был в чести; а по обе стороны мрамора, на таких же постаментах, красовались два других камня. У Баха даже дух захватило: бесценный зеленый нептуниан, размером с футбольный мяч, и алмаз такой величины, что на Земле его сочли бы невозможным.

И куда археолог ни кидал взгляд, всюду на постаментах, как драгоценные статуи, высились образцы минералов и каменных пород. Ватута воззвал к Баху:

— Садись, пришелец! И показал на трон рядом с собой.

Бах опустился на трон, подумав, что хорошо бы получить снимок своего как бы восшествия на престол — вот бы посмеялись в Академии наук! Ватута и Бах разместились в первом ряду, остальные Бессмертные расположились сзади. По левую руку Ватуты, на простом стуле, перед столом с аппаратурой уселся министр Прогнозов и Ведовства. Кун Канна обхватил двадцатью гибкими пальцами какие-то приборчики на столе и обернулся к Ватуте. Вероятно, он что-то протелепатировал властителю, но без трансляции для Баха, а на Баха и не поглядел.

— Начинай, — разрешил Ватута и обратился к Баху: — Узнаешь ли себя в молодости? Многие не узнают себя, ибо воображали себя другими.

Кун Канна протелепатировал:

— Изображаю детство пришельца, возобновляю воспоминания на самом малом резонансе — только для крупных событий.

Передняя стена зала исчезла. Пропавшую стену заполнило изображение какой-то комнаты. На плите кипела кастрюля, из нее вкусно пахло — Бах отчетливо услышал аромат варева, — а из-под крышки высовывался красный тряпичный колпачок игрушечного гномика. Женщина в халате с возмущением выговаривала рыдающему мальчику, который натягивал штанишки на голый задок:

— Михель, ты получил по заслугам! Разве это хорошо — в суп из свежей косули бросать грязную куклу? Хорошо? Ответь мне!

— Хорошо! — сквозь слезы упрямо ответил мальчик. — Пусть и Ганс немного поварится. Он любит горячее, ты сама говорила, что гномы опускаются в вулканы и без пара и дыма не живут.

А в стороне стоял рыжебородый мужчина с ремнем в руке и не то гневался, не то смеялся. Женщина обратилась к нему:

— Петер, придется заново варить обед. Ты подождешь?

— Не надо, — сказал мужчина. — Жидкое слей, а косуля, приправленная поркой Михеля, будет от этого еще вкусней. — Он захохотал и весело потрепал мальчишку по плечу, словно не наказывал, а одобрял.

Картина исчезла. Теперь хохотал Ватута — рангуны чувствуют смешное, отметил про себя смущенный неожиданным воспоминанием Бах.

— Интересная, но бесполезная сценка — это хорошо, — сказал Ватута. — Мне нравится твой отец, человек.

— Лучшего отца и не надо было, — сказал Бах.

— Продолжай, — велел Ватута министру Прогнозов и Ведовства.

Второе ожившее воспоминание показало того же мальчишку, бредущего по лесу. Мальчик впервые в жизни отправился в дальнее путешествие. Он знал, что отец работает на краю света, так говорил сам отец. Мальчик понимал, что край света сразу за лесом. Но, наверно, он прошел далеко за край света: отца нигде не было, лишь попадались группки туристов. Мальчик выбрался на береговой простор. Над ним высилась угрюмая громада горы Бастай — отец много рассказывал сказок и о ней, и о соседних горах. Внизу — кружилась голова от страшной глубины — серебряной лентой струилась Эльба. Мальчика заполнила красота мира. Все было так хорошо, что трудно стало дышать. Мальчик, очарованный до неподвижности, вбирал в глаза все, из чего складывался восхитительный мир: поросшую лесом гору, крутые берега, сияющую, как небо, реку внизу... Позади раздался сердитый голос отца:

— Вот он где, негодник! Три часа расспрашиваю всех туристов, не видели ли они моего сорванца. А он на обрыве и поплевывает с высоты в Эльбу. Мне кажется, ты вполне заслужил новую порку, Михель. Как ты к этому отнесешься, хотел бы я знать?

Мальчик показал на реку и сказал:

— Папа, как красиво!

Мужчина присел рядом с мальчиком, помолчал и сказал:

— Да, очень красиво, ты хорошо это увидел, Михель.

Мальчик горячо сказал:

— Когда вырасту, я буду лазать по горам, переплывать реки, проходить сквозь леса... Всю Землю увижу и узнаю!

— Это еще нескоро, Михель. Пока пойдем домой, мама тревожится. Ты не устал? Обними меня за шею, я понесу тебя.

И это изображение погасло. И его тотчас заменило новое. По прекрасному городу Дрездену шагал юноша — невысокий, быстрый, веселый. Сидя в кресле, похожем на трон, Бах понял, что это он сам, но не узнал себя в юноше. Ватута точно сказал — Бах был незнаком себе. Проходя мимо музея Цвингер, юноша напевал песенку. Он торопился, ему надо было в другое место, а не в музей, он отлично знал все, что было в музее. Из картинной галереи вышла девушка — и юноша замер. Он потряс головой, чтобы сбросить наваждение. На него шла святая Инеса с картины Хосе Рибейры, висевшей в галерее. Сколько раз он всматривался в это

прекрасное лицо, сколько восхищался удивительными волосами, закрывшими коленопреклоненное тело! Это была она, точно она, его юная святая Инеса — только не нагая, а в нарядном платье, и волосы не раскинуты свободной струей по всему телу, а собраны в два ручья на спине.

Юноша повернул за девушкой. Он уже не помнил, куда шел. Во всем мире теперь существовала только одна эта девушка, и было только одно дело — идти и идти за ней.

Девушка почувствовала преследование.

— Что вам надо от меня? — спросила она гневно. У нее был звучный голос, низкое контральто.

— Мне нужно смотреть на вас! — он сам ужаснулся глупости ответа.

— Не терплю, когда на меня бессмысленно глазают! — она взмахнула двумя жгутами волос и пошла быстрее.

Он тоже прибавил шаг — она побежала. Бежать за ней по улице он не осмелился. Вдалеке пропадал тонкий силуэт незнакомой девушки, так удивительно похожей на юную страдальицу Инесу с картины великого испанца Хосе Марии Рибейры.

— Важная информация, — насмешливо прокомментировал картину Ватута. — Неплохо бы поглядеть, во что девица потом превратилась.

И словно отвечая Ватуте, на экране показалась та же женщина — уже не юная, а представительная дама со светлой косой, дважды обернутой вокруг головы. Она сидела в первом ряду академической аудитории и слушала лекцию профессора Михаила Петера Баха об открытых им поселениях в Месопотамии, построенных почти шесть тысяч лет назад. Она слушала, а он — впервые в жизни — путался в словах. Он сразу узнал ее, хотя с их единственной случайной встречи прошло почти двадцать лет. Он смотрел на нее, думал о ней и мысленно одергивал себя, чтобы не сбиться. После лекции она собралась уходить, он перехватил ее у двери. Он не придумал вопроса умнее:

— Зачем вы пришли сюда?

Она спокойно ответила:

— Чтобы услышать вашу лекцию, разумеется.

Он все больше волновался.

— Как вас зовут? Я хочу поговорить с вами.

В ее голосе зазвучал металл:

— Мне кажется, я сказала очень ясно: я пришла слушать вашу лекцию, а не беседовать с вами, профессор.

Картина погасла.

-- Вот пока все воспоминания с высоким потенциалом сохранения, Властитель, — донеслось до Баха объяснение министра Прогнозов и Ведовства. — Зато сейчас...

Бах сердито прервал Кун Канну:

— Протестую, Ватута! Ваш импульсатор чудовищно искажает мою жизнь. Ту женщину я видел всего два раза, не знаю даже ее имени. А в промежутке между этими встречами я влюбился в чудесную девушку Ирмгард Вебер, она стала моей женой, у нас трое детей, я люблю их, я люблю свою Ирмгард — каждый день вспоминаю их! Никакой объективности! Так вы ничего важного в моей жизни не обнаружите.

Пленный министр смиренно возразил, что задал наименьший уровень резонанса. На этом уровне воспоминания о незнакомой женщине возникли сразу: в них высокий потенциал сохранения, он скажет резче — высочайший потенциал! Для возбуждения воспоминаний о семье нужны импульсы сильнее. Конечно, пришелец может внутренним позывом — собственным резонансным импульсом — быстро возобновить в себе любые семейные воспоминания. Но одно — субъективные желания, другое — объективная реальность. Наверно, пришелец запрещал себе думать о незнакомке, вот ему и казалось, что она выпала из памяти. Объективно же воспоминание о той девушке куда глубже прочих воспоминаний — потому сразу возникло при самом малом резонансе, а семейные картины не проявились даже силуэтно.

— Дай резонансный потенциал помощнее, — приказал Ватута.

Теперь на экране появилось то, что Бах считал своим семейным счастьем, — добрая жена Ирмгард, здоровые дети, веселые разговоры и игры, когда он возвращался из поездок. Бах узнавал себя — всматривался и вслушивался в лица и голоса близких людей... «Счастливчик Миша Бах», — говорили о нем. Все удавалось: работа, семья, друзья. Но вот память плохо сохраняла картины лучшего в жизни; довольства и удачи не впечатали в нее глубоких зарубин: низкий потенциал сохранения — так это сформулировал пленный дилон, возведенный в сан министра-раба. Всегдашнее и лучшее забывается, мимолетное и неудачное хранится вечно. Для чего он помнит ту женщину? Она пришла на его лекцию — тоже думала о нем, тоже помнила его. Почему? Какая бессмысленная трата энергии памяти! А если не бессмысленная? Тогда что в ней? Или это сумрачный мост, переброшенный от островка достигнутого через бездну неосуществимого на широкие

просторы желанного? Или только ценой такой траты энергии на воспоминания о неосуществленном и сохраняется вечный призыв к тому, чего нет, — в иной мир, в иные края духа? Бах вспомнил стихи Эмиля Верхарна, он часто в детстве читал про себя эти древние строки, не понимая, чем они покоряют его, — возможно, ощущал сопричастность души поэта своей собственной душе. Он снова, мыслью, повторил эти восемь и радостных, и горестных строк:

Жили-были на свете юный принц и царевна,
Но поток разлучал их, грохочущий гневно,
И моста не бывало — разве тонкая жердь
Где-то там, где с землею сливается твердь.
Но любили друг друга юный принц и царевна
Потому ль, что стремнина угрожала им гневно?
Иль им спилась над бездной повисшая жердь
Где-то там, где с землею сливается твердь?

До Баха донесся резкий голос Ватуты:

— Скучная жизнь. Поищи воспоминаний поярче, Кун Канна.

Покорный голосок министра Прогнозов и Ведовства — даже выраженный одними бесстрастными мыслями, он сохранял униженность — ответил:

— Переключаю на самый малый резонанс. Фиксирую яркое воспоминание о какой-то раскопке.

Бах выпрямился в роскошном, но неудобном кресле. Сейчас он увидит со стороны главное дело своей жизни.

5

— Чудовищно! Невероятно! — энергично высказался Бах, вылезая из котлована. — То самое, что не может быть, но есть! У кого имеются соображения?

Группа археологов, окруживших своего руководителя, растерянно молчала. Ни у кого не было соображений, хоть отдаленно отвечающих парадоксу находки. Лишь один неуверенно пробормотал:

— По-моему, это женщина. Хорошо сохранившийся труп древней женщины.

— Конечно, женщина — вы правы, коллега! И достаточно древняя — трупу три с половиной миллиарда лет. Здесь нет ни одного камешка, который был бы хоть на крохотную сотню миллионов лет моложе.

Бах широким жестом обвел окрестности. На все стороны простиралась полярная тундра. Зеленые болотца сменяли покрытые серым ягелем полянки, сверкали сталью озера. Синеватый камень сопок испятнили бурые пятна мхов. Невысокое солнце заливало холодным светом сугробики снега, уплотнившегося во впадинах и на северных склонах. Мир был уныл до боли в сердце.

Тундра потускнела, ее сменила комната, заполненная книгами и фигурками из разных раскопок, — рабочий кабинет Баха в Академии наук. Он с нетерпением смотрел на дверь: кого-то ждал. Дверь открылась, вошли двое мужчин. Бах заторопился навстречу.

Один из вошедших — немолодой, широкоплечий, длинноногий, крупноголовый, с темным лицом, тонущем в могучей волнистой бороде, с такой же могучей копной лохматых волос — шагал неторопливо и мощно, как запущенный на прямой ход механизм: по всему, он был не из тех, кто уступает дорогу другим, таких почтительно обходят.

А его безбородый спутник — пониже на полголовы, тонкий, светлолицый, золотоглазый, тоже длинноволосый, но в ярко-оранжевых кудряшках — спешил за товарищем, поминутно сбиваясь с шага. Они являли собой впечатляющий контраст, эти двое: сумрачный могучий мужчина и его ангелоподобный спутник. И голоса отвечали внешности: у одного — колокольные гуды, у другого — флейта; один как бы гремел, другой вроде бы пел.

— Миша, дорогой, как видишь, отозвались на зов! — прогудел мужчина. — Только с Латоны — и сразу у тебя!

— Сто лет не виделись! — воскликнул Бах. — Конечно, знал, что откликнешься, но все же нервничал, ибо без тебя... В общем, невозможно без тебя, Анатолий! Такие новости! Садитесь, друзья.

— Знакомьтесь, — сказал мужчина. — Собственно, только ты, Миша, знакомься, тебя не нужно представлять — Михаил Бах всемирно знаменит. Но Аркадий тебе незнаком. Итак, официально: Аркадий Никитин, сперва мой ученик в хронолаборатории, потом мой помощник, блестяще сдал полный курс хронистики — мне сдал, а это, Миша, кое-что значит, — теперь хрононавигатор, хроноштурман «Гермеса», первого трансвременного корабля. Больше о нем ничего не скажу, хотя и мог бы. Говори ты.

— Вы, друзья, наверно, знаете об удивительной скандинавской находке? — начал Бах.

— Только то, что находка удивительна. Не возражаю, если прочтешь нам лекцию о своих изысканиях. Всегда любил твои лекции, Миша.

— Тогда слушайте.

Первыми на место находки явились геологи, рассказывал Бах. В Северной Швеции первозданный каменный щит — древние кристаллические породы Земли — образовался еще на раскаленной поверхности и выстоял, не разрушаясь, до нашего времени. Три с лишком миллиарда лет — таков возраст здешних пород. А когда заложили шурф в глубину, чтобы извлечь пробы минералов, геологи наткнулись в недрах гранитов на следы человеческого захоронения и вызвали археологов. «Я сам поспешил туда», — с воодушевлением повествовал академик. В граните обнаружили человеческое тело. Захоронения в обычном смысле не было, останки тела неразделимо слились с гранитной массой. Тело было в своем каменном претворении — и его не было, оно стало из тела камнем. Можно допустить, что расплавленные первозданные породы, застывая, образовали подобие человеческого тела, но в камне нашли все химические элементы реального человека, и сочетания их были точно такими, какими они даны в любом из нас. Облик окаменевшего тела указывал, что погребена женщина.

Вокруг тела, продолжал Бах, обнаружили как бы сгущение растворенных в камне посторонних образований. Их тоже проанализировали. И себе не поверили, когда узнали составы искусственных изделий, немислимых в естественных гранитах. В некоторых случаях они почти с абсолютной точностью повторяли сверхпрочные стали, в других соответствовали элементам пластмасс, в третьих копировали составы одежных тканей современного производства. И во всех пробах комбинации элементов свидетельствовали о жароупорном выполнении. Вывод был один: необычайные вещества не были расплавлены в толще гранита, ибо могли сохраниться и при температурах более высоких — ведь гранит плавится при 700–800 градусах. И это значит, что они растворились в камне в результате постепенной диффузии. А на это требовалось чудовищное время.

— Проблема возраста находок превратилась в главную, — все больше воодушевлялся Бах. — И оказалось, что возраст окаменевшего женского тела и вещей, уложенных в могиле, сравнимы с возрастом замуровавших могилу гранитов. Нет ни одного признака, ни одного показателя, опровергающего такой вывод. Доныне считалось, что человек появился на Земле около трех миллионов

лет назад. Я утверждаю, что уже три миллиарда лет назад человек впервые ступил на поверхность нашей планеты — и это была не полуобезьяна, не питекантроп, а «гомо сапиенс», человек разумный.

— Нет, температура нормальная, — произнес Кнудсен, дотрагиваясь до руки академика. — И глаза не вовсе безумные.

Бах наслаждался произведенным впечатлением.

— Итак, картина рисуется в таких линиях и красках, — снова заговорил он. — Примерно три миллиарда лет назад, когда наша Земля была молодой планетой, снедаемой внутренним жаром, изуродованной чирьями тысяч вулканов, где-то на островах раскаленной суши высадилась экспедиция разумных существ, подобных современным людям. Один из членов экспедиции, по всему — женщина, скончалась. Ее не увезли с собой, а похоронили на Земле. Она была укутана в жаропрочные ткани, около трупа оставили ненужные изделия из жаропрочных пластмасс. В течение последующих тысячелетий на могилу, погребая захоронение, изливалась лава. А затем потянулись уже не тысячелетия, а миллиарды лет. Застывшая лава кристаллизовалась в граниты, и под страшным давлением наваленных на могилу масс произошла взаимодиффузия костей и камня, искусственных изделий и естественных пород. Вот такую гипотезу я представил на суд Академии наук — для мыслей и домыслов.

— И каков результат, Миша?

Бах выразительно пожал покатыми плечами.

— Никакого! Никто не принял моей гипотезы. Никто не представил убедительных возражений. Никто не предложил другой идеи, объясняющей парадоксы находки. Проблема остается открытой.

Кнудсен размышлял, поджав губы и наклонив голову, — мощные кудри соскользнули с плеч на грудь. Юный хроноштурман переводил взгляд с одного на другого. Кнудсен сказал:

— Миша, а можно ли утверждать, что кроме твоей скандинавской находки, за все миллиарды лет существования Земли не открыты другие следы человека? Не инопланетного пришельца, а именно человека, нашего земного предка?

— Да, могу! Миллиарды лет Земля не знала людей. Человеку всего около пяти миллионов лет. И он, появившись, был мало схож с современным. Низкорослый, сутулый, длиннорукий, весь в шерсти, с покатым лбом, с глубоко посаженными глазами, с вытянутыми губами — скорес пастью, чем ртом... В общем, полузверь — телесно и интеллектуально.

Великое чудо истории, что эта полуобезьяна так стремительно пробежала все стадии своего физического и интеллектуального совершенствования. Уродливый дикарь превратился в Аполлона и Афродиту. Таков уникальный исторический бег человека. Ни одно другое существо и за несравненно большие сроки не проделало схожего преобразования. Будешь возражать, Анатолий?

— Не буду. Но хочу поразмыслить. Итак, не человек, а инопланетянин открыт тобой в скандинавской тундре. Об инопланетянах твердят уже пять столетий. Следы их ищут повсюду — и пока не находят. А ты нашел! Разрешил мучительную загадку — одни ли мы во Вселенной или не одни? Но разрешил ее, создав такой новый парадокс, что он, мне кажется, полностью опровергает всю концепцию инопланетной экспедиции.

— В чем парадокс находки, опровергающий ее существование?

— В возрасте ее, Миша. В возрасте! Три миллиарда лет. Да это же черт знает что такое! Вдумайся, Миша! Ведь если ты прав, то уже многие миллиарды лет во Вселенной существует могущественная цивилизация подобных нам существ. Они посещали Землю, посещали, несомненно, и другие планеты. И если эта сверхмогущественная цивилизация людей давно погибла, то не могли же исчезнуть ее следы, не менее впечатляющих, чем окаменелый труп твоей скандинавки. А их нет, Миша. Их нет — ни могущественной цивилизации, ни оставленных ею следов.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно! Вот вопрос, на который отвечаю с убежденностью. Конечно, мы не изучили всю Вселенную. Это просто невозможно. Но наши лайнеры, аннигилирующие пространство для сверхсветовых скоростей, углубились в космос на тысячи световых лет. Наши астронавты проносились мимо миллионов звезд, высаживались на сотнях планет. Мы познакомились с бесчисленными формами жизни. Но нигде не встречали цивилизаций, равных нам технологически и интеллектуально. Вселенная, в общем, однородна. Знаток, чтобы определить качество вина, нацеживает из бочки один стакан, ему нет нужды выпивать всю бочку. Можно обоснованно утверждать, что и в дальнем космосе мы не найдем того, чего не нашли в ближнем. Хочу тебя огорчить, Миша, — думаю, что во Вселенной никогда не существовало цивилизации, так удивительно похожей на современное человечество.

По лицу Баха казалось, что возражения Кнудсена не только не огорчают его, но, напротив, приносят удовольствие. Бах улыбался,

одобрительно кивал. Когда Кнудсен закончил, Бах чуть ли не с ликованием воскликнул:

— Именно то, чего ожидал. Великолепный анализ! Согласен с каждым твоим словом! Ты абсолютно прав.

— Но если я прав, то ты...

— Тоже прав. И сейчас это докажу. Для этого я и попросил вызвать тебя с Латоны. Ты единственный, кто может — и гораздо лучше меня! — превратить мою гипотезу в полную достоверность.

— Воля твоя, Михаил...

— Не перебивай! Формулирую. Ни на Земле, ни в космосе не обнаружено и намека на мощную человекоподобную цивилизацию, тем более возникшую миллиарды лет назад. Но открытие в Скандинавии доказывает, что такая цивилизация существовала и ее представители посещали Землю. В общем, было то, чего не могло быть. И нужно решить непростую задачу: как может быть то, чего не может быть? От имени Академии наук поручаю решение этой задачи тебе!

— И ты хочешь, чтобы я нашел то, чего не может быть. Не слишком ли много взваливаешь на мои слабые плечи?

— Ровно в меру твоих возможностей. Есть еще один человек, который думает о тебе так же, как я.

— Кто же этот человек, которого ты выставляешь против меня?

— Это ты, Анатолий.

— Ты серьезно?

— Вполне. Ибо ты уже нашел решение проблемы. Правда, пока только гипотетически, а не практически. Но от слов к делу перейти не так уж сложно.

Кнудсен начал сердиться.

— Миша, я не такой любитель парадоксов, как ты. Выпусти свои соображения вторым изданием со списком опечаток.

— Никаких опечаток! Ты говорил, что существа, оставившие тело своего представителя на Земле, не могли быть из нашего космоса. Значит, они были из другой Вселенной. Вот ты и нашел решение проблемы.

Кнудсен медленно проговорил:

— Начинаю понимать. Они из миров с иным течением времени?

— Наконец-то снизошло! Ты стал тугодумом, Анатолий! Еще до того как ты пустился в иновременность на опытном хронолете «Протей», меня стала мучить проблема иных вселенных — невидимые черные дыры, звезды из антивещества, схлопнувшиеся га-

лактики... А после возвращения «Протея» стало ясно, что вселенные с иным течением времени существуют реально. И во время раскопок в Скандинавии я уже подумывал об этом. Раз человекоподобных могущественных цивилизаций не существуют в мирах прямого времени, а они все-таки существуют, поскольку побывали на Земле, то, значит, они пришли из миров иного времени. Неотразимое рассуждение, не так ли?

Кнудсен усмехнулся.

— Уж не хочешь ли ты послать нас с Аркадием на поиски человекоподобных цивилизаций в миры с иным течением времени?

— Именно, Анатолий! Академия наук постановила использовать новый хронолет «Гермес» для рейса в иновременные вселенные. Таким образом, проверка моей гипотезы станет одним из пунктов вашей рейсовой программы. Будут и другие, но они вне моих интересов.

— Понятно. Теперь скажи — ты вызвал меня, чтобы получить мое согласие на рейс в иновременность?

Бах вдруг смутился.

— Не только. Хочу просить... Возьми меня в члены экипажа!..

— Да ведь ты не хронавт, Миша.

— Изучу. Сам проэкзаменуюешь меня. Поблажки не попрошу.

Кнудсен пожал плечами.

— Нужно решение Академии, чтобы включить тебя в экипаж. Конечно, разрешение ты получишь. О чем еще проинформируешь нас?

— Только о том, что тебе предложат взять еще одного человека. Не я назвал эту кандидатуру, но горячо поддержал ее, хотя лично не знаю кандидата — только читал работы, знакомился с научными успехами.

— Кто же этот кандидат, которого ты не знаешь, но горячо рекомендуешь?

— Мария Вильсон-Ясуко, директор геноструктурной лаборатории на Урании. Она создала такие искусственные организмы, что поражаешься. Выдающийся геноинженер Вильсон-Ясуко, так считают в Академии наук, будет незаменима, когда мы повстречаем новые формы жизни.

По лицу Кнудсена пробежало темное облачко.

— Не уверен, что хотел бы видеть Марию в своем экипаже. Но для удачи рейса это несущественно. Она, конечно, незаменима в своей области. Вы уже говорили с ней?

— Мы не могли вести с ней переговоры до твоего согласия.

— И вы уверены, что она бросит создание новых типов животных ради участия в экспедиции, цели которой очень далеки от ее специальности?

— Надеемся, что она посчитается с просьбой Академии наук. Пока важно одно: нет ли у тебя возражений против ее участия?

Кнудсен ответил ровным голосом:

— У меня возражения нет.

Эта картина погасла, и сейчас же вспыхнула другая: Бах и Кнудсен вдвоем шли по улице и разговаривали...

Бах с возмущением сказал Ватуте:

— Повторяю снова: ваш импульсатор показывает на экране далеко не самые важные события моей жизни. Против встречи с Кнудсеном и Никитиным не возражаю, она была важна, решалось — быть или не быть хроноэкспедиции в миры искривленного времени. Но ведь происходили события и не менее важные, а где они? Например, мой доклад Академии наук о скандинавской находке, дискуссии в связи с моей гипотезой, разработка проекта экспедиции, штудирование хронистики, очень сложной науки, — я в математике не силен, а там такая математика! Совещания, заседания, встречи, вызовы, лекции!.. Ничего этого и в помине нет. А взамен вот эта прогулка в музей, которую Кун Канна восстановил на экране. Разговоры о личных взаимоотношениях...

Министр Прогнозов и Ведовства поспешно погасил экран и смиренно протелепатировал:

— При низком уровне резонанса восстанавливаются воспоминания с сильной сохранностью. Но если прикажешь, Властитель, я увеличу потенциал резонанса, и тогда оживут события, которые человек считает более важными, но которые гораздо слабей сохранились в его памяти.

— Работай при низком потенциале, — сказал Ватута. — Возобновляй только сильные воспоминания. А почему наш пленник прочнее запоминал пустяки, а не важное — это его личное дело.

Бах больше не протестовал. Он удивился себе. Он всегда думал, что хорошо помнит свою личную жизнь. Он порой оглядывал пережитое как бы с большой высоты — и жизнь представляла как обширная местность, неровная, пересеченная, живописная: ровные долины повседневности, высокие пики успехов, темные болота неудач, уходящий за горизонт океан непознанного... Пейзаж, называвшийся «жизнь», был ярок и впечатляющ, его можно было восстановить любым усилием памяти. Но вот пленный министр

возобновляет жизнь Михаила Баха, фиксируя только сильные воспоминания — и он плохо узнает себя. Он тот же и уже не тот — пропала гармония событий. По-прежнему различима с высоты хорошо знакомая местность, но долины и реки затянуло туманом, над пеленой тумана вздымаются отдельные пики, между ними нет связи, нет переходов — картина дикая и неожиданная...

На экране Бах и Кнудсен шли по улице города.

— Заседание в Академии прошло удачно, — говорил Бах. — Все важное утвердили, против состава экипажа не возражали.

— Опасался, что тебя отведут?

— Сомнения были. А ты за своего Никитина не опасался?

— Почему я должен за него опасаться?

— Не должен, а мог. Уж очень несхожая вы пара!

— В чем ты увидел несхожесть?

— Не я один. Во-первых, внешность. Ты — огромен, хмур, лохмат, грозен; в общем — зверь из бездны, так называл похожих на тебя один старый писатель. Он — ангельский лик, кудряв, румян, нежен, женообразен до неприличия. Скажешь, внешность несущественна? Оставим внешность, присмотримся к сути. Ты — любимый ученик создателя хронистики, продолжатель гениального Чарльза Гриценко, его преемник, создатель «Протей», первого трансмирового корабля, главный конструктор трансвременного «Гермеса». Короче — сотни выдающихся научных работ, десятки первоклассных изобретений. Вот он — ты! Прославленный Анатолий Паоло Кнудсен! А он? Ни одной работой о себе не заявил — ни в теории, ни в эксперименте. Нет, не подумай, что отговариваю брать его. Твое решение — закон! Но почему он? Сотни напрашивались тебе в помощники, в стажеры, в лаборанты. Ты выбрал его.

Кнудсен добродушно посмеивался.

— На простой вопрос — почему? — ответить очень непросто. Начну издали. Много лет прошло с момента, когда я впервые прибыл на Латону. Чарльз Гриценко только приступал к основным хроноэкспериментам. Да и кто тогда разбирался в хронистике? Пожимали плечами, говорили неопределенно: «Да, новая наука, много, много в ней загадочного». А я мечтал о ней, мечтал увидеть ее создателя. И вот вошел в его лабораторию, остановился на пороге — перехватило дыхание! А Чарльз взглянул на меня, улыбнулся и сказал: «Наконец-то вы пришли! Давайте направление, стажер!» Так он открыл меня. Это незабываемо, Миша.

— Отличная лирико-психологическая сценка. Гриценко любил поражать. Но какое это имеет отношение к Аркадию Никитину?

— Прямое, Миша. Их было десятка два, кандидатов в первую хроноэкспедицию, — каждый предъявлял труды, инженерные или теоретические, каждый мог похвалиться усердием в стажировке. Аркадий бледнел в ярком созвездии таких фигур. И он знал, что его физическая красота — недостаток, а не достоинство, с красотой обычно связывают легкомыслие и самолюбование. И собственная молодость угнетала его, она знаменовала отсутствие опыта. А я взглянул на него и понял: единственный, кто нужен! И отвергнутые мне нравились, но Аркадий не просто понравился — покори́л. Так когда-то Чарльз выбрал меня среди многих стажеров лаборатории, так теперь и я выбрал Никитина. Гриценко не пришлось раскаиваться в своем выборе, я пока тоже не разочаровываюсь. Я сразу понял, что ангелоподобный облик Аркадия мало отвечает его характеру. Он решителен и крут, настойчив и вспыльчив, чертовски требователен — не правда ли, это плохо вяжется с кудряшками и румяными щечками? Посмотрел бы ты на него во время монтажа «Протея». Он тогда своими придирками доводил кого до слез, кого до ярости, кого до ухода. Лишь на ходовых испытаниях выяснилось, что не было придирок, было обоснованное требование совершенства, без этого еще невиданный корабль не сумел бы уйти в еще неслыханный рейс.

— Буду рад, если он таков, как описываешь. Но раз уж мы заговорили о личных отношениях, то разреши задать еще один вопрос.

— Задавай.

— Ты сказал при встрече, что не жаждешь видеть Марию Вильсон-Ясуко в составе экипажа. Почему, Анатолий? Такой геноконструктор, такой знаток всех форм земной и неземной жизни... Ты хмуришься? Неприятен вопрос?

— Задумался, как отвечать. Отвечу в Музее Космоса.

— Он сегодня закрыт.

— Не для меня. Ты забыл, что до того, как я стал хрононавигатором, я имел звание астронавта первого класса — это звание открывает двери всех залов музея. Но мы с тобой пойдем не в главные помещения, а на окраину музейного городка, в домик планет, уже потерявших интерес для звездопроходцев.

Они свернули на боковую улицу, подошли к группе зданий, обнесенных оградой. Над входом светилась надпись «Музей Кос-

моса». Кнудсен углубился в улочку между двумя высокими зданиями, остановился перед двухэтажным домом, вынул металлическую карточку астронавта, вложил ее в щель автоматического контроля, и дверь отворилась. Кнудсен прошел два первых зала. Над входом в третий зал висела надпись: «Созвездие Лирь. Звезда № 6. Планета Гефест».

— Смотри внимательнее, Миша, — сказал Кнудсен. — Это важно.

Бах смотрел во все глаза — и не открывал ничего важного. Гефест, небольшая планетка, весь был в струпьях гор, в пламенных опухолях вулканов — его затягивали дым и пар, сотрясали взрывы. На одной серии стереоснимков массивная гора отрывалась от тела планеты и уносилась вверх, а сверху рассыпалась на миллионы раскаленных обломков — огненный дождь камней иссекал поверхность Гефеста. Местечко было жуткое, но страшных планет в космосе и без Гефеста хватало.

— Прежде всего, интересна лава, — сказал Кнудсен. — Она слабо радиоактивна. Воды на Гефесте немного, но в лужицах найдены живые клетки, не организмы, но все же жизнь! Все благоприятствовало здесь творению жизни — теплота, влажность и радиоактивность! Ты помнишь, конечно, геохимика Владимира Вернадского, он ближе к твоей профессии, чем к моей. Вернадский, я читал, относил слабую радиоактивность к синтезаторам жизни, а радиоактивность сильную — к ее губителям. Гефест открыли два века назад, но что это такое горнило непрерывно возникающей и непрерывно гибнущей жизни, узнали недавно. Пятнадцать лет назад сюда послали экспедицию в составе вулканолога Хидаки Ясуко, его сына Алексея Ясуко и руководителя, которого пока не назову. Хидаки было сорок лет, Алексею — шестнадцать, руководителю тридцать семь. Хидаки был мужем Марии Вильсон, Алексей — ее сыном. Во время одного из вулканических выбросов Хидаки и его сын погибли, руководитель даже ранения не получил. Он видел, как мальчика взметнуло вверх огненным факелом. И мальчик кричал, все кричал из пламени! Что до отца, то он сразу провалился в кратер. Расследование показало, что огнеупорные костюмы вулканологов были недостаточно надежны — их конструкцию пришлось перерабатывать.

Бах в негодовании воскликнул:

— Как руководитель экспедиции мог потом смотреть в глаза жене Ясуко?

Кнудсен спокойно сказал:

— Ты прав, он не мог смотреть ей в глаза. Он был так страшно, так непросто виноват перед ней!

Бах вдруг сообразил, зачем Кнудсен привел его в музей.

— Руководителем экспедиции был ты?

Кнудсен продолжал:

— Я должен кое-что добавить к обстоятельствам трагедии. Руководитель был с детства дружен с Марией, а в юношеские годы дружба превратилась в любовь. Односторонне превратилась, только у него. Мария и слышать не хотела о других отношениях, кроме дружеских. А затем появился Хидаки Ясуко — обаятельный человек, умница, талант. Женщины в него влюблялись, мужчины считали радостью общение с ним. Это была удивительная пара — Мария и Хидаки! Семнадцать лет они прожили вместе — и каждый день был днем внимания и любви.

— Руководителем экспедиции был ты? — повторил Бах.

— Руководителем был я, Миша. Так захотели в Совете Космоса — я считался хорошим астронавтом и геофизиком. Я обрадовался назначению, мне хотелось после долгих лет отдаления от Марии хоть служебно приблизиться к ее семье. Прежней любви уже не было, ничто не могло помешать нашей дружбе.

— Мария верила, что ты преодолел прежнюю любовь к ней?

— У нее не было оснований думать, что я лгу. Перед нашим отлетом на Гефест она сказала: «Анатолий, я вручаю судьбу моего сына и моего мужа в надежные руки».

— Что ты сделал после возвращения с Гефеста?

— Что я мог сделать? Она уже знала о трагедии. Следственная комиссия установила, что моей вины в катастрофе нет — неожиданный взрыв вулкана произошел в спокойном месте Гефеста, приборы прогнозировали здесь длительное спокойствие.

— У тебя был разговор с Марией после возвращения на Землю?

— Я ее не видел. Она улетала на Латону, оттуда на Уранию: ей предложили заменить Глесстона — директора геноструктурной лаборатории, тот ставил слишком уж жестокие эксперименты. В общем, никаких объяснений в связи с трагедией на Гефесте у нас не было.

— Но ведь ты сам вскоре прилетел на Уранию. Ты не мог не встретиться с Марией. Надо было объяснить ей свою невиновность!

— Выводы комиссии она читала. Повторять их своими словами? И я не сразу полетел на Уранию, я больше года провел на

Земле. Геофизика мне опротивела. Об экспедициях на планеты, охваченные вулканическим жаром, я и думать не мог. На Землю прилетел Чарльз Гриценко. Он рассказывал о своих экспериментах с фазовым временем в атомных процессах. Ты его знал — он истинный златоуст! И я понял: надо проситься в ученики к творцу науки о трансформациях физического времени. Чарльз, как и ты, Миша, был любителем поэзии. Когда я завершил стажировку, он приветствовал мое превращение из геофизика в хрониста прекрасными словами древнего поэта:

...Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новые тайны,
Глубокие, пленительные тайны,
Не бросил ли я все, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним,
Безропотню, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?

— Так ты очутился на Урании?

— Так я очутился на Урании. Не знаю, что думала Мария о моем появлении у Гриценко, но встретиться со мной не пожелала. Мы иногда виделись в столовой, на ученых советах... Пятнадцать лет прошло с катастрофы на Гефесте, пятнадцать лет мы живем с Марией на одной планете, но не помню случая, чтобы мы перекинулись больше чем двумя-тремя равнодушными словами: «Здравствуй, Мария!», «Добрый день, Анатолий!»

— Она сохраняет такую вечную вражду к тебе?

— Вражды нет. Она безразлична ко мне. Она смотрит не на меня, а сквозь меня. Ей нужно усилие, чтобы заметить меня.

— Может, она и к другим так относится?

— С другими она иная. Она строга, но приветлива. Я один обладаю грустной привилегией не существовать для нее.

— Анатолий, зачем ты привел меня в этот зал? Печальную историю о Гефесте я мог услышать и в другом месте.

— Не мог. Я не сказал тебе, что приборы, фиксировавшие уголок Гефеста, я установил на вершине одного из холмов. Сейчас ты сам увидишь катастрофу. Пойдем в демонстрационную.

В демонстрационной Кнудсен включил экран. На нем вспыхнул пейзаж Гефеста. Планета гудела и погромыхивала, огнеточила из кратеров, похожих на открытые раны. Две фигуры карабкались

на холм, помогая себе присасывающимися жезлами, на спинах висело походное снаряжение.

— Хидаки и Алексей, — бесстрастно сказал Кнудсен. — Меня не видно, я заполнял дневник рядом с регистрационными приборами.

Ничто не предупреждало о возможности катастрофы. Вдруг разверзлась почва, и вверх рванулся исполинский столб багрового пламени. Хидаки пропал сразу, а юношу взметнуло. Секунду он темной фигуркой возносился в диком выбросе извержения, потом тело стало факелом, и огненный факел был ярче возносившего его тока газа и камней. Из факела вынесся пронзительный вопль: «А-а-а!» — и иссяк, а тело, ставшее огнем, распадалось на куски, и куски на лету обращались в пар и дым.

Кнудсен выключил экран. Бах в ужасе смотрел на друга. Кнудсен был смертельно бледен.

— Этот крик будет вечно звучать в моих ушах! — воскликнул Бах.

— Этот крик вечно звучит во мне! — глухо сказал Кнудсен. — Выйдем. Я должен показать тебе еще одну картину.

Кнудсен повел Баха к другому стенду. На нем висели две стереографии. С одной глядели трое — высокий, широкоплечий, тогда безбородый, коротковолосый Кнудсен, Хидаки Ясуко, мужчина пониже и постарше, с умными, улыбчивыми глазами, а между ними юноша — красивый, радостно смеющийся. На второй стереографии к трем мужчинам добавлялась Мария Вильсон. Высокая, статная, серьезная, она обнимала левой рукой мужа, правой Кнудсена; сбоку к Кнудсену доверчиво прижимался Алексей, и Кнудсен, как бы охраняя, охватывал плечи мальчика рукой.

— Послушай, но ведь Алексей удивительно похож на Аркадия, — сказал Бах. — Если бы я не знал, что это разные люди, я бы подумал, что вижу портрет Аркадия, только помоложе.

Кнудсен кивнул.

— Ты правильно разглядел — очень похожи. Сходство странное, у них нет кровного родства. Вот еще одна причина, почему я заколебался, приглашать ли Марию в экспедицию. Она еще не видела Аркадия...

— Ну что ж — увидит, удивится и расстроится, наверно, но примирится, что Аркадий похож на сына! Столько лет прошло, любые душевные раны за этот срок затягиваются.

— У нее не затянулись. И думаю, она не примет приглашения на «Гермес», чтобы не видеть меня.

Они вышли из музея и зашагали по улице. Бах сказал:

— Знаешь, я уже видел Марию, не просто видел, а долго рассматривал. Даже любовался ею.

— Ты же никогда не бывал ни на Латоне, ни на Урании, а Мария с той катастрофы не прилетала на Землю.

— Верно! Я не мог ее видеть, а все-таки видел. И знаешь где? В музее.

— В том, где мы были? В Музее Космоса?

— Нет, в музее живописи. Во всех городах я посещаю художественные собрания. В столичном музее меня числят завсегдатаем. Там я часто стоял перед картиной старого русского художника Врубеля. «Валькирия» — так называется та замечательная картина. Ты знаешь, кто такие валькирии? Девы-воительницы северных саг — полубогини-полуженщины, на полях сражений летают на крылатых лошадях, оказывают помощь раненым. Не то боевые помощницы, не то прототип позднейшей сестры милосердия. Врубель изобразил величественную женщину — одной рукой она держит уздечку коня, — удивительное лицо, удивительная фигура. Так вот, Мария Вильсон-Ясуко похожа на ту валькирию. Правда, на стереографии Мария помоложе и покрасивее врубелевской девы.

— Очень возможно, — рассеянно отозвался Кнудсен; он думал о чем-то своем.

6

Министр Прогнозов и Ведовства, дилон Кун Канна, сделал перерыв в передаче на экран воспоминаний Баха. Ватута зевнул человеческим зевком — широко распахнул рот, долго вбирал воздух, долго выдыхал его, даже — тоже по-человечески — чуть-чуть подвыл, выдыхая.

— Странный народ — люди, — сказал он после зевка. — Самые сильные воспоминания у вас не о делах, которые вы считаете главными в жизни, а о том, что чувствуете, о чем думаете, как общаетесь. Беспреданное выяснение отношений. Если, конечно, все люди — как ты.

— Все люди, в общем, как я, — заверил Бах. — Мы существа общественные, взаимные контакты для нас очень важны.

— Ты сказал, что ты ученый археолог и что вся жизнь твоя — служение науке. По воспоминаниям, которые прочней всего, такой вывод не сделать.

— Дай резонанс посильнее, тогда увидишь, чем была заполнена моя жизнь. Память капризна...

— Много еще прогнозируешь воспоминаний на малом резонансе? — спросил Ватута министра.

Тот сверился с аппаратурой.

— Две-три картинки, Властитель.

— Две-три картинки вытерплю.

На экране появилась небольшая комнатка — стол, три кресла, диван. На диване сидели Кнудсен и Аркадий. Бах у окна любовался пейзажем.

— Замечательная планетка эта Латона, — сказал Бах. — Идеальное место для отдыха и научных экспериментов, которые нельзя проводить поблизости от Земли. Но для чего обустроили Уранию — та ведь хуже?

— Хуже для отдыха, лучше для работы, — возразил Кнудсен. — Если бы заводы и лаборатории Урании были размещены на Латоне, ты не говорил бы, что Латона — идеальное место для отдыха. На Урании сосредоточены предприятия, которые опасно размещать в окрестностях Земли.

— В том числе и твоя хронолаборатория? А чем она опасна?

— Ничем, пока исследования идут нормально.

— Все, что ненормально, опасно. Разве не так?

— Не так, Миша. На Урании однажды произошел взрыв двух миллионов тонн сгущенной воды. Случись он на Латоне, добрая треть планеты лежала бы в развалинах. Урания защищена путаницей гор — пострадали лишь несколько зданий. И если хронотрансформаторы на Урании выйдут из строя... Конечно, и там радости не будет, но соседи уцелеют — горы вокруг Института Гриценко послужат щитом от катаклизмов с временем. Камню безразличны скачки в тысячу лет назад или вперед, а люди не выдерживают больших хроноперебросов. Между прочим, еще в мое стажерство один из хронистов лаборатории погиб от разрыва внутреннего времени в организме. Гриценко тогда очень усилил защиту, не столько нашу собственную, сколько соседей — от нас.

— Почему ты посматриваешь на дверь, Анатолий?

— Мария должна была быть уже десять минут назад.

— Женщины не отличаются пунктуальностью, разве ты этого не знаешь?

— Только не Мария. Она женщина, но точнее тебя.

— Может, ты перестал ее понимать? Ты думал, что она откажется от экспедиции, а она согласилась сразу.

В комнату вошла женщина. Она остановилась на пороге, оглядела троих мужчин. На ее лице возникло удивление, когда она увидела Аркадия. Бах и Кнудсен обменялись быстрыми взглядами. Если женщину что и поразило, то справилась она быстро.

— Здравствуйте, друзья! — она обратилась к Баху: — Знаменитый Бах, автор открытия, которое всех нас скоро бросит в океан иновременности? Столько раз видела твои стереопортреты, что узнала бы при встрече на улице. А юноша — Аркадий Никитин? О тебе я ничего не знаю, но рада видеть. — Только теперь она повернулась к молчаливому Кнудсену, на лице ее высветилась улыбка. — Ты не меняешься, Анатолий. Такой же могучий, серьезный, лохматый. Говорят, что ты внешность скопировал с Зевса, но, думаю, твоим прототипом был отец Зевса, бог времени Хронос, — и по его узкой божественной специальности он тебе больше походит.

Кнудсен ответил без улыбки:

— Учту, Мария, схожесть с Хроносом. Непременно раздобуду его изображение. Жалко, что древние греки не удосужились фотографировать своих богов. Большое упущение, по-моему.

Мария Вильсон-Ясуко опустила в кресло. Высокая, широкоплечая, худая, с нервным и резким лицом, она могла сойти за мужчину, одевшись в мужское, — лишь красные губы на бледном лице да очень женские глаза выдали бы ее. Голос у нее был звучный и сильный.

— Ты, наверно, сердился, что я опаздываю, Анатолий, — сказала она, все так же дружески улыбаясь. — Помню, ты выходил из себя, если кто опаздывал на минуту. Не сомневаюсь, что ты сохранил вызывающую привычку быть педантично-точным.

— Просто точным, Мария, без вызова.

— Так вот — ради точности... Хочу предупредить, друзья, что в нашей встрече примет участие мой друг и помощник. Он явится точно в двадцать один час. У него есть хорошее имя, внесенное в паспорт астронавта, но он охотно откликается на дружеское прозвище Асмодей. Я бы хотела взять Асмодеев в нашу хроноэкспедицию. Он будет полезен и вам, а я просто не мыслю себя без него.

Бах и Аркадий посмотрели на Кнудсена. Кнудсен нахмурился.

— Ты ставишь предварительное условие своего участия?

— Нет. Если не возьмешь моего друга, я от экспедиции не откажусь. И можешь дать ответ после того, как посмотришь на Асмодеев. Уверена, что он всем вам понравится. Теперь задавайте вопросы.

— Пока один. Давая согласие на участие в экспедиции, ты, естественно, ознакомишься с ее задачами?

— В самых общих чертах, Анатолий. Знаю о находке в Скандинавии и о гипотезе, что высокоразвитые антропоиды посещали Землю уже три миллиарда лет назад. И о том, что в нашей Вселенной не обнаружено и следов такой цивилизации. И что вы надумали искать ее во вселенной с иным течением времени. И что для этого снаряжен хронолет «Гермес», в члены экипажа которого пригласили и меня. Этими скудными сведениями и ограничивается мое знание программы хронорейса.

— Но ведь это самое существенное! — воскликнул Бах. — Что-либо добавить не берусь.

— Ты не берешься, другие возьмутся, — сказал Кнудсен. — Не знаю, будет ли верна добавка, но что существенна — ручаюсь.

— Надумали менять программу рейса? — удивился Бах.

— Не я, а наш общий друг Никитин, — и Кнудсен с улыбкой показал на покрасневшего Аркадия.

— Лучшие в другой раз, я не подготовился, — попросил Аркадий.

— Рассказывай, как придет в голову. А чтобы помочь тебе, я изложу вкратце твою концепцию — доказательства представишь сам. Так вот, друзья, Аркадий считает, что наша основная цель — отыскать в иных мирах человекообразную цивилизацию, представители которой миллиарды лет назад посетили Землю, — в принципе своем ошибочна, ибо такая цивилизация невозможна и потому не существует. Я правильно излагаю, Аркадий?

— Правильно. Но это...

— Понимаю. Только вступление к идее, а не сама идея. А вот и идея. Человек — не естественное создание природы, а искусственная конструкция, продукт какого-то эксперимента. Поэтому надо искать не другую антропоидную цивилизацию, а того экспериментатора, который пустил в биологическое существование человека... Но где гарантии, что экспериментатор конструировал человека по своему образу и подобию? Тот неизвестный конструктор разрабатывал не только человека, но и все биологические формы. Какая — его подобие? Амеба, рыба, бык, обезьяна?

— Новый вариант Высшего Разума? Чепуха! — воскликнул Бах.

Аркадий, вспыхнув, с обидой сказал:

— Не мешало бы раньше выслушать мои аргументы, а потом говорить, чепуха или не чепуха.

— Для чего? Идея, что человек — искусственник, отнюдь не нова. Почти во всех религиях людей порождают субъекты, именуемые богами, то есть существа со сверхъестественной мощью и волшебной способностью не считаться с законами природы. Правда, говорится не о конструировании людей, термин туманнее — творение. Но уже в библейской легенде о сотворении первой женщины трактуется, что тело Евы нарастили на ребре, вынутом из тела Адама. Иначе говоря, предлагается ясный метод конструирования с применением исходного материала — ребра. Твоя концепция об искусственном производстве биосуществ не имеет ли истоком такие религиозные сказания?

— Религиозные сказания мне и в голову не приходили. Я слишком мало знаю историю религий. Я исхожу из научных данных.

— В частности, из работ твоей геноструктурной лаборатории, — обратился Кнудсен к Марии. — Когда пришло твое согласие на участие в хронорейсе, Аркадий проштудировал все, что опубликовано тобой и твоими сотрудниками.

Мария ласково посмотрела на Аркадия. Ее доброжелательная улыбка воодушевила его.

Воинственный Бах спросил с вежливостью, какой одаривал лишь противников, заслуживающих не опровержения, а уничтожения:

— Какой же из блестящих экспериментов нашего друга Марии Вильсон-Ясуко породил в тебе, друг мой Аркадий, идею о Высшем Разуме? Или лучше говорить о Высшем Существе, а не о Высшем Разуме?

— Можешь говорить как заблагорассудится — термины Высший Разум и Высшее Существо принадлежат не мне, а тебе, — сдержанно возразил Аркадий. — Я бы сказал по-иному — высококвалифицированный геноинженер. И докажу, что этот термин соответствует реальности.

— Подождем Асмодея, он появится через десять секунд, — сказала Мария. — Ему тоже полезно ознакомиться с темой спора.

Асмодей уже открывал дверь, когда Мария заканчивала фразу. Он на мгновение задержался на пороге — высокий мужчина лет тридцати пяти, стройный, жилистый, крупноголовый, с худым, быстро меняющимся лицом — сейчас оно приветливо улыбалось. И он был наряднее всех мужчин — та же одежда сидела на нем изящнее.

— Общий привет, друзья! — Асмодей поклонился. У него был высокий веселый басок с металлическим звоном. — Я не опоздал?

— Не опоздал! — Мария показала на кресло рядом с собой. — Садись и слушай. Нам предстоит познакомиться с интересными идеями. — Она кивнула Аркадию. — Итак, мы слушаем.

Аркадий начал с того, что еще недавно и не думал о происхождении человека. Изготовление аппаратов для навигации в разных токах мирового времени представлялось ему операцией куда сложнее, чем сотворение человека. Ибо производство хроноштурманских механизмов совершалось в человеческой истории впервые, чего нельзя сказать о создании людей. Знакомство с геноструктурными исследованиями открыло ему новый мир. Нет, он и раньше знал, что биоэкспериментаторы способны сконструировать из маленькой ящерицы огромного дракона, наделить двурогого барана целой бороной рогов, вырастить у коровы крылья. Он не слишком удивился бы, если бы к нему привели говорящего козла и тот скромно попросил просветить его в интегральном исчислении. В принципе, он спокойно примет любую новизну — раз искусственная конструкция практически осуществима, она уже не искусственна, а естественна. Его удивило не новаторство, а, наоборот, консерватизм биоконструкторов.

— Консерватизм! — не удержался Бах от восклицания.

Кнудсен тихо радовался, что помощнику удалось поразить академика. Мария слушала со спокойным любопытством. Бах сверкал глазами, парадоксы мысли призывали его на схватку.

— Да, консерватизм, — продолжал Аркадий. Какая бездна неизменного, давно отработанного сохраняется в каждой новой конструкции! Только потому и удастся переконструировать животных. Основные жизненные отправления у всех одни и те же. И тогда я задумался о человеке. И понял, что человек — биологический автомат. Все основные жизненные процессы в организме человека совершаются сами собой, не требуют осознания и осмысления. Люди автоматически дышат, переваривают пищу, засыпают и просыпаются, рождаются и умирают, автоматически вырастают из зародыша в ребенка, из ребенка во взрослого, автоматически приобретают способность создавать потомство. И сознание, и воля могут лишь крохотно замедлить или ускорить эти процессы, но бессильны взять их под свою власть. Еще ни один человек не отменил неизбежности старения и смерти, хотя многие жаждали. Просто повелеть своему желудку не выделять соки для пищеварения — и такого пустячного воздействия на свои жизненные процессы человек лишен.

— Автоматизм жизненных функций свойствен и животным, — заметил Бах.

— Да, и животным! И животным даже больше: человек способен осознать, что он автомат, а животные лишены такого самопостижения. Вот этот автоматизм и лежит в основе конструирования новых пород животных. Геноинженер меняет у подопытных существ один автоматический процесс на другой, такой же автоматический, одно автоматическое свойство преобразует в другое. Ряд составных частей заменены в генонаборе барана или коровы: и вот на голове барана — частокол рогов, а на боках коровы крылья. И ни сам геноконструктор, ни тем более баран с коровой уже не способны остановить выращивание абсолютно им ненужных рогов или крыльев. Творение новых пород животных становится, в принципе, проще творения новых механизмов.

— Хлестко, хлестко! — произнес Бах, и не понять было, осуждающе или одобрительно.

— Но если возможно переконструировать живые организмы, то неизбежна мысль: а не искусственные ли они создания вообще? Конечно, курица возникает из яйца, а дуб из желудя; живую курицу не собрать искусственно из ее анатомических частей. Но в первом образце той курицы не участвовал ли чей-то расчет? Завтра можно будет ввести в питательный раствор рассчитанный набор генов и потом увидеть, как из бассейна тяжело карабкается наружу лохматый бычок. А через сто лет? А через тысячу? Никто не наложит запрета на возможность такого эксперимента! И народилась новая мысль: вообразить себя творцом геноструктур и поразмыслить, как бы я сам решал проблему создания жизни? И тогда вся история жизни на Земле предстала в форме исполинского эксперимента. Традицией стало описывать великую эволюцию как постепенное движение от первичной клетки в питательном бульоне древнего океана до высших организмов, включая человека. Но можно рассматривать эволюцию как стадии методического эксперимента. Я, хроноштурман Аркадий Никитин, став жизнеконструктором, начал бы с создания живой клетки — и Земля начинала с творения триллионы раз нарождавшихся и погибавших в океане клеток. Если бы этот первый эксперимент удался, если бы клетка показала себя естественной жилищей океана, я перешел бы ко второй стадии: наделил клетку генным аппаратом, заставляющим ее соединяться с другими в определенном соподчинении — создал модель организма. Разве не так шла эволюция? Следующая стадия: наделить коллектив клеток

специальными функциями — инстинктом, чувствами, движением в пространстве, начатками рассудка. На этой стадии немалым соблазном было бы определить, какие организмы наиболее жизнестойки. Но ведь и биологическая эволюция не удержалась от такой любознательности, создавая рядом с вирусами китов и динозавров, слонов и птиц, мхи и деревья. Следующая стадия: сконструировать популяции — стаи, стада, сообщества. Экспериментально проверяются типы жизни, невысказанные вне коллектива, само индивидуальное существование становится функцией коллективного бытия. Существенное усложнение, не правда ли? И последнее — создание разума. Для этой цели и сконструирован человек. Человек — завершение эксперимента, во всяком случае, на современном этапе. Вас не удивляло, что все биологические функции и у животных, и у человека даны в очень скудных границах от средних потребностей? Скажем, максимум десятикратных. Не пробежать в десять раз быстрее обычного шага, не съесть вдесятеро больше нормы, не прожить в десять раз дольше среднего бытия. Все живое запроектировано с большой экономией жизненного потенциала. И только одна жизненная функция и только у одного человека дана воистину в безграничности — разум. Только разуму вы не положите десятикратного верхнего предела. Ни в еде, ни в ходьбе, ни в физической силе, ни в росте мы и двукратно не превзошли нашего предка питекантропа. А в разуме? Тысячекратно! И продолжаем наращивать наш интеллектуальный потенциал!

Аркадий чувствовал себя победителем. Бах сказал с одобрением:

— Отличная речь, друг Аркадий. Весьма горячая, весьма! Но ты не ответил на главный вопрос. Раз обнаружены искусственные конструкции, да еще в таком количестве, то должен существовать и искусник-конструктор. Мы не возвращаемся к идее бога, но все же конструктор, разработавший безграничный, как ты утверждаешь, потенциал человеческого разума, должен сам обладать разумом не меньше нашего, а пожалуй, больше. Где же он, этот Высший Разум? Как его найти? Как вступить с ним в контакт?

— Предлагаю такую гипотезу. Вообразим человечество, ушедшее от нас на тысячу лет вперед. И пусть на новой Урании новая Мария Вильсон геноконструирует организмы. Она тогда, наверно, сможет не просто менять их, но создавать неслыханноновые, необыкновенные. Какому-нибудь дикарю, нашему предку, та грядущ-

щая Мария покажется творящим божеством — ее инженерное умение он расценит как божественное.

— Божественность как инженерное умение! Неплохо! Но как связать все эти твои рассуждения со скандинавской находкой?

— Вижу две возможности. Либо сами представители Высшего инженерного Разума посетили молодую Землю, но потеряли здесь одного из своих. Либо — особенно если они сами не человекообразны — начали оснащение Земли всеми бпоконструкциями, включая и человека, но потерпели фиаско, ибо еще не было условий для высших организмов.

— То есть, иначе говоря, Высшему Разуму не хватило разумного понимания обстановки? Но послушай, друг Аркадий: даже если эксперимент жизни сознателен, а не стихийен, почему его не может произвести сама природа? Напомню тебе об одном старом философе, Фридрихе Энгельсе. Он писал, что природа одарена внутренней потребностью познавать себя. Создание мыслящего человека — один из способов ее самопознания. Но человечество появилось и может исчезнуть, а потребность самопознания в природе остается, поскольку остается сама природа. И вот Энгельс утверждает, что с такой же неизбежностью, с какой природа в какое-то время в каком-то месте уничтожает свое высшее создание — мыслящий разум, с такой же неизбежностью в другом месте и, возможно, в другой форме она снова возродит его.

— Но ведь это не противоречит моей гипотезе! — воскликнул Аркадий. — Вижу подтверждение, а не опровержение.

Кнудсен обратился к Марии, весело смотревшей то на одного, то на другого, но не проронившей ни одного слова:

— Спор интересен, не правда ли? Твое мнение о спорящих?

Она ответила:

— Мне понравилась дискуссия. Благодарю тебя, Аркадий, за доброе упоминание работ моей геноструктурной лаборатории.

Он спросил с вызовом:

— Понравился только хороший отзыв о геноструктурщиках?

— Не только.

— Что же еще?

— Многое. И что тебя с академиком одолевают не совсем стандартные идеи. И что оба вы захвачены силой своих доказательств. Мне приятно, что буду работать с людьми, умеющими мыслить и увлекаться.

— Это значит, друг Мария, что ты согласна с моей гипотезой?

Она ответила спокойно:

— Нет, конечно.

Он сказал с удивлением:

— Не понимаю! Так блестяще использовать разумное начало в трансформировании животных — и отрицать разумность жизни!

— Не разумность, а только то, что в ее создании и эволюции участвовал некий Высший Разум.

— По твоему мнению, Высшего Разума нет?

— Ты меня не так понял. Я хочу сказать другое: если Высший Разум и существует, то он неразумен. Если твой гипотетический Высший Разум надумал конструировать жизнь, то такая попытка ему не удалась.

Бах в восторге воскликнул:

— Черт возьми! Я думал, что спор закончен, а он снова начинается — и по-иному! Друзья мои, спорьте, спорьте! Я весь обратился в слух, как выражались в старину.

— Попытка не удалась? — переспросил Аркадий. — Как же не удалась, если жизнь реально существует?

— Существует, но без предварительного инженерного расчета. Ты ведь не будешь отрицать, что расчет есть основа разумного решения. Я не нахожу его в эволюции жизни. Жизнь не несет на себе печати разумности. Если живые существа — искусственные конструкции, то генеральный конструктор — посредственность. Слово «искусственное» происходит от слова «искусство», не так ли? Твой Высший Разум неискусен, если живой организм его творение.

— И это можно доказать?

— Уверена, что смогу это сделать.

Аркадий в замешательстве посмотрел на Кнудсена. Старший товарищ вмешаться в дискуссию не захотел. Бах, ухмыляясь, наслаждался стычкой. Изящный Асмодей словно набрал в рот воды. Мария сидела невозмутимая, легкая улыбка смягчала серьезность лица.

— Я слушаю, — сказал Аркадий.

Все, знакомившиеся с земными организмами, отмечали в них целесообразность строения и функций, говорила Мария. Но что содержится в той прославленной целесообразности? Только то, что организмы существуют не погибая. Возможно, нарождались и миллионы тварей с меньшей целесообразностью — такие погибали быстро. Целесообразность — набор того минимума приспособлений и умений, без которого не прожить самому, не породить потомства. Но где же здесь разум?

Разум выявился бы и здесь, если бы в строении и функциях организма были найдены оптимальные решения. Ибо разумное творчество изобретает лучшие варианты. Но такого стремления к совершенству и в природе в помине нет. Она немедленно удовлетворяется, едва найдет первое, самое примитивное решение, она конструирует тят-ляп, лишь бы пустить свое создание в мир. Поиск узких щелей существования — такова творческая работа природы. Она создает организмы для жизни в границах десяти — сорока градусов тепла. Попробуй брось их в нулевую температуру, в стоградусную жару! Сконструированы легкие — и всю жизнь непрерывно дыши, остановишься на несколько минут — погиб! А рабская прикованность к еде? Вечная трагедия безостановочного поиска пищи? А разве нельзя найти решение, при котором пища создается в самом организме либо откладывается в длительный запас, чтобы высвободить физические силы и мозг для иных дел? Таких недоделок и скороспелостей в труде природы — тысячи! Даже обычный мыслящий разум не может примириться с ними — а ты еще говоришь о каком-то Высшем! Некогда поэт Владимир Маяковский требовал жить «не на подножном корму, не с мордой, опущенной вниз». Это было требование истинного разума, возмущенного слепой неряшливостью природы.

— Но ведь та великая целесообразность... — попробовал вставить слово Аркадий.

Мария оборвала его властным жестом. Она спорила по-иному, чем Бах. Тот наслаждался нанизыванием аргументов, мог восхититься искусством противника доказывать идеи, с которыми он не соглашался. Для этой женщины, так похожей на древнюю полубогиню-воительницу, красота слов и стройность фраз значения не имела, у нее был один божок — истинность факта. Спор с Бахом закончился вничью — и это удовлетворило обоих, они предоставили решение грядущему опыту. Здесь решение вырисовывалось ясно — и оно опрокидывало концепции Аркадия.

Она продолжала:

— Вот что такое целесообразность природы! Целесообразность казалась успешной, пока человек не проверил ее собственным экспериментальным искусством. Разработка новых геноструктур утвердила тебя, Аркадий, в мысли, что в животворчестве природы есть разумное начало, а должна была утвердить в обратном — что нет разума в миллиардолетнем творении жизни на Земле, только игра слепых сил. Ведь в своей геноструктурной работе мы стремимся прежде всего избежать недоработок природы,

мы поправляем ее, выискиваем оптимальные решения. И только теперь, только с высоты наших успехов, только на фоне нашей геноструктурной работы мы начали доказательно понимать, как далеко от разумного поиска шла природа. Метод проб и ошибок, выхватывание удачного случая — вот ее труд.

Аркадий попытался еще возразить:

— Но автоматизм жизненных функций — разве он не свидетельство искусственного конструирования?

Широким движением руки Мария словно отогнала подлевшую пушинку. Нет, тысячекратно — нет! Автоматизм — продукт слепой эволюции, а не творение разума. Мыслящий творец все же добавил бы сознания и воли в жизненные функции. Для этого ему нужно бы построить их на оптимальном варианте — природа таких вариантов не нашла или, скажем так, до них не дошла. В этих условиях только автоматизм может обеспечить жизнеспособность жизни. Дай сознанию и воле, обычным атрибутам разума, командовать всеми функциями организма, такая бы разыгралась дикая вакханалия, что в ней погибла бы сама жизнь.

— Итак, друг Мария, ты отрицаешь разум в жизнетворчестве?

— Сомневаюсь в нем. Я сегодня могу конструировать организмы совершеннее природных. И мне для этого не требуются миллионы лет. А ведь я не представитель Высшего Разума, а только человек.

Аркадий не удержался от укора:

— Хотел бы я посмотреть, как геноструктурщики превзошли природу. У тебя тоже гипотезы — насчет надежности, резервов, лучших решений жизненных функций.

— Не только гипотезы! — Она повернулась к Асмодею. — Пр продемонструируй себя, друг.

Асмодей вскочил, снял пиджак, бросил его в кресло, туда же полетела сорочка, обнажив волосатую грудь. Нарочито медленным движением руки Асмодей провел от горла до живота — и грудь отверзлась. В ее глубине раскрылось переплетение проводов и механизмов.

— Объясняй! — приказала Мария.

— Прежде всего — питание, — заговорил Асмодей. — Если я в человеческом облике, как сейчас, то могу и питаться как человек: еда утилизируется в желудке. Но основная жизненная энергия — от ядерных аккумуляторов, отличные аппараты последней модели! Их хватает на два года, это время могу прожить без пищи.

Конструкторы не лишили меня и дыхания, но вместо легких — пластины, адсорбирующие кислород. Могу без воздуха прожить восемь месяцев, передам часть своего кислорода задыхающемуся человеку. Обычное дыхание тоже есть, но идет лишь на пополнение запасов. Конструкторы ввели в меня генератор крови и насосик типа сердца. При драке могу истечь кровью, но не погибну, только обману противника. Запускаю кровогенератор и для того, чтобы снабдить кровью человека. Что до мозга, то это компьютер. Мозг работает от желудка... в смысле — от ядерных аккумуляторов. Конструкция моя — комбинация органических тканей и искусственных приспособлений. Типичный облик — человек. Но способен модифицироваться в иные облики — всего их двадцать. Имею набор человеческих чувств, кроме шестого — любви к существу другого пола, ибо сам внеполой. Способен на дружбу и преданность. Имею дар гипноза, генерирую электромагнитные и гравитационные поля. Могу стрельнуть взглядом, как пулей. Список моих умений и возможностей описан в паспорте «Кибернетический организм на живых тканях и механизмах», к которому вас отсылаю. Все. Одеваюсь.

Асмодей захлопнул грудь, надел сорочку и пиджак. Конструкторы не лишили его и такого человеческого чувства, как самолюбование. Он завершил объяснение гулким, не совсем человеческим смехом.

Бах с восхищением сказал:

— Друг Мария, поздравляю! Какое инженерное умение, какое изящество проекта! Конечно, это не тот киборг или кибер, которых так размусоливали древние фантасты. В Асмодее превалирует искусственное, а не естественное начало — электроника, ядерные реакции, полупроводники, генераторы различных полей. Однако, дорогой друг, твой ответ Аркадию не совсем корректен.

— Ты тоже считаешь, что в творениях природы виден Высший Разум? — с удивлением спросила Мария. — Но ведь ты доказывал другое.

— Я не доказывал ничего другого, я только проверял прочность аргументов нашего молодого друга. Опровергала их ты — и лично меня убедила. Но разве этот восхитительный молодец, этот очаровательный парень с сатанинским именем Асмодей, разве он может быть доказательным аргументом? Ты обвинила Аркадия в софистике, но сама же софистически противопоставила живому организму внежизненную модель. Именно внежизненную, а не безжизненную! И если в лабораторной модели найдены

самые оптимальные решения, то это еще не порочит долгий труд природы.

Приунывший было Аркадий воспрянул духом.

— И не доказывает, что в природе нет разума, — продолжал Бах. — Твои геноконструкторы талантливы, но почему считать всех остальных геноконструкторов глупцами? Доверим решение спора нашему хронопоходу.

Мария засмеялась.

— Доверим, доверим!.. Теперь скажите, друзья, принимаете Асмодея?

— Принимаем, — сказал Кнудсен.

— Принимаем, — эхом отозвались Бах и Аркадий.

— Как видите, мои предварительные условия необременительны, — весело продолжала Мария. — Надеюсь, вы не будете возражать еще против одного. И я, и наш теперь общий друг Асмодей беремся выполнять любые обязанности. Но у меня есть свои проблемы. Хочу брать генопробы всех форм иновременной жизни. И если познакомимся с представителями Высшего Разума, — она лукаво поглядела на покрасневшего Аркадия, — то постараюсь разжиться генофондом высшей разумности. А на Урании разберемся, насколько разумность Высшего Разума уступает разумности обычного человеческого, в чем я заранее уверена.

Аркадий молча пожал плечами.

7

— Хватит! — Ватута снова по-человечески, с подвыванием, зевнул. — Скучные вы, люди. Все разговариваете, все разговариваете...

— Не только разговариваем, — возразил Бах. — Еще построили трансмировой корабль «Гермес», прилетели на Дилону.

— На Рапгуну, — поправил Властитель. — Но в твоих воспоминаниях больше разговоров, чем дела.

— Ты просто не перевел на экран другие воспоминания. А если я запомнил прочней наши споры, чем наши дела, то это значит, что наши мысли шире и глубже наших дел, а великие дела — обыденность.

Властитель опять зевнул. Другие Бессмертные тоже раззевались — зевота вдруг стала всеобщей. Отзевавшись, Ватута сообщил:

— Люди как дилоны, те тоже обожают думать. Все смертные размышляют. Мы Бессмертные, нам незачем размышлять. Мне нравится тот парень — Асмодей. Он сейчас мчится на самодельном автолете в разнотык времен. Если уцелеет в хроновороте, его перехватят мои хавроны. Я сделаю его главным министром. Твою судьбу, человек, решим позже. Кагула, обеспечить охрану пленника.

Ватута встал. Бессмертные задвигались. Ватута пошел к выходу, за ним потянулись рангуны, Бессмертный № 29 подозвал троих хавронов.

— Хаврон. Бедла, — преданно сказал первый и стал во фрунт.

— Хаврон. Кадла, — почтительно сказал второй и тоже вытянулся.

— Хаврон. Рудла! — восторженно выплюнул третий и от усердия стал выше на целую голову.

— Слушайте меня, Бедла, Кадла и Рудла, слушайте меня, — Кагула говорил на человеческом языке — очевидно, чтобы пленник знал его распоряжения. И Бах с уважением отметил, что Кагула говорит много лучше, чем при встрече за городом, даже скрипы в голосе почти не слышались — так быстро он перенимал произношение и интонации, когда ожили на экране воспоминания Баха. — Будете охранять пришельца по имени Академик, по возрасту — археолог, по рангу — Бах.

Бах хотел было поправить рангуна, тот все же путал смысл хорошо выговариваемых слов, но удержался.

— Ваши три головы отвечают за его одну, ваши головы... Понятно?

— Понятно, Бессмертный! — одинаково лихо отрапортовали хавроны.

Кагула, удаляясь, дружески помахал Баху рукой — наверное, и этот жест он заимствовал из воспоминаний.

Бах расположился в кресле, похожем на древний трон, и не без внутренней усмешки подумал, что спать на троне древние властители не умели — на тронах только красовались, а он найдет трону новое применение. Но бросив взгляд на Кун Канну, Бах выпрямился. Министр Прогнозов и Ведовства, весь сеанс воспоминаний смиренно просидевший за пультом, теперь, преобразенный, стоял лицом к хавронам — важный, хмурый, на груди его сияла изумрудная звезда — видимо, знак министерского сана. Он мысленно заговорил со стражей, телепатируя Баху свои слова:

— Видите, кто я?

Министр показал когтистой десятипалой лапой на сановный знак.

— Вам ясно мое значение?

Трое хавронов склонили головы, что-то мысленно ответили. Кун Канна продолжал — даже в визге, сопровождавшем, как у всех дилонов, его мысли, слышалась повелительность:

— Мне нужно провести тайный допрос пленника. Выйдите и охраняйте дверь. Никого не пускать, кроме Бессмертных. Идите!

Было ясно, что приказ министра Прогнозов и Ведовства показался охране странным. Трое хавронов переглядывались. Визги в голосе министра зазвучали еще повелительнее — он повторил приказ.

Бедла повернулся к Баху, с колебанием произнес:

— Хаврон. Бедла.

И первый пошел к двери — так медленно, словно его толкали в спину и только потому он двигался.

— Хаврон. Кадла, — покорно сказал второй и последовал за Бедлой.

— Хаврон. Рудла, — угодливо воскликнул третий и поспешил за товарищами.

Кун Канна сделал знак Баху, во всех мирах имеющий одно значение: «Молчи!», и неслышно подобрался к двери. Там он постоял, потом воротился и четырьмя рядами зубов улыбнулся Баху. Бах показал на дверь.

— Что там происходит?

— Телепатня, — непринужденно ответил пленный министр.

— Телепатня?

— Ну, болтовня, говорильня, трепотня — так на вашем языке? Я боялся, что они поднимут тревогу. Но они не осмелились нарушить покой Бессмертных. И убеждают один другого, что, вероятно, допрос раскроет большие тайны, раз я не разрешил им присутствовать. Впрочем, в данном случае они не ошиблись, иновременник.

— Так меня называл погибший Рина Ронна, твой земляк, — грустно сказал Бах.

— Я видел его в твоих последних воспоминаниях, которые не подал на экран, когда ты говорил с презренным Ватутой.

— Ты сказал?.. Я не ослышался?

— Ты правильно услышал. Презренный Ватута, Верховный Злодей Рангунии. Впрочем, он гордится своим мерзким прозвищем. Ватута собирается тебя казнить.

— Кагула говорил, что меня обрекут казни, если коллегия Бессмертных захочет этого.

— Бессмертные захотят всего, чего захочет Ватута.

— А зачем Ватуте казнить меня?

— Незачем.

— Но если незачем...

— Пришелец, ты рассуждаешь слишком по-человечески. У вас для всего должны быть причины. Нет причины для действия, нет и действия — вот ваше понимание.

— Сколько знаю, у дилонов понимание такое же.

— Нет, иное. Чтобы проверить силу причины, мы противопоставляем ей первопричину. И только если причина выдержит опровержение, мы действуем согласно ей.

— Знаю, вы пытаетесь опровергать даже законы природы.

— И опровергаем! Вы мыслите точно, мы мыслим широко, рангуны не мыслят. У них позыв к действию, а не к пониманию. И они не любят действия по воле причин. Любая обоснованность им кажется принуждением. Беспричинные поступки для них — единственно приятные.

— Ватута разъяснял, что ему хочется делать бесполезное, а не полезное. А я доказал, что моя казнь ему будет полезна и потому он не должен меня казнить.

— Я слышал твой ответ. Ты нашел отличный способ избежать смерти, я порадовался за тебя. Но обстановка переменилась. Я составил прогноз его поведения. Прогноз нехороший. Вы, люди, к чему-то стремитесь, вам всегда чего-то не хватает, вы ставите себе цели, вы меняете все вокруг ради исполнения цели. Это опасно. Вы можете внести полезную цель в бесцельное бессмертие рангунов. Это смертный приговор тебе.

— Какая странная логика в их бессмертии!

— Бессмертие и логика несовместимы. Бессмертие алогично. Завтра тебе предстоит доказать, что информация из твоих воспоминаний абсолютно бесполезна рангунам. Но тебя опровергнут. Твой план защиты развалится, как дом на песке.

— Кто меня опровергнет? Ты сам говоришь, что логика рангунам не дарована.

— Опровержение Ватута поручит мне, — сумрачно сказал дилон. — Я докажу, что в твоих воспоминаниях много полезного для Бессмертных.

— Значит, выхода нет? — Бах побледнел. В разговоре с Кагулой и Ватутой угроза казни воображалась чуть ли не шуткой, он

не мог воспринять ее серьезно — игра слов, причуды обращения. Мрачный прогноз министра Прогнозов и Ведовства рисовал иную перспективу.

— Выход есть. Он опасен, но не более опасен, чем грозящая тебе смерть. И если удастся — реальное спасение. Много надо пережить мук, пока вырвешься на свободу.

— Смерть — единственное, чего не смогу пережить, — невесело пошутил Бах. — Все остальное — трудности. Трудности переживу. В чем выход?

— Защищайся оружием, а не словами.

— У меня нет оружия, Кун Канна.

— Я даю его тебе.

Пленный министр Прогнозов и Ведовства извлек из кармана приборчик, похожий на пистолет. Бах с удивлением смотрел на дилона. Кун Канна стал выше ростом, уверенность заменила бывшее смирение, визг, сопровождавший мысли, стал громче и резче — но еще сильнее переменялись глаза. «Пылают», — сказал себе Бах. Из глубоко посаженных темных глаз лился красный свет — воодушевление и ярость.

— Бери, бери! — требовал Кун Канна, всовывая в руку Баха оружие. — Этот резонатор безотказен. Рангуны бессмертны, ибо их жизнь точно совпала с фазами двух светил. Но они разрушаемы. Удар извне может для каждого стать гибельным. Порази Ватуту!

— Ты уверен, что это гарантирует мне жизнь и свободу?

— Гарантии не дам, но возможность есть. Ватута испугается, когда увидит резонатор. А если ты убьешь его, перепугаются все Бессмертные.

Бах долго смотрел на возбужденного дилона.

— Кун Канна, почему ты стараешься мне помочь? Ведь это опасно и для тебя: Бессмертные попытаются, кто дал мне оружие...

— Не попытаются, если не скажешь. Я пленный. У пленных резонаторов быть не может.

— Ты украл этот резонатор?

— Я изготовил его. В их пустые головы не придет, что я могу это сделать. Они решат, что ты украл оружие у хавронов.

— Ты не ответил, Кун Канна, почему помогаешь мне.

— Ненавижу рангунов, разве не ясно? — визг в голосе дилона стал еще резче и громче. — Посмотри на меня, пришелец. Нелюбили тебя не удивило, что министр Властителя такой унижен-

ный, такой покорный, такой угодливый? Разве ваши министры тоже так жалки?

— Твой внешний облик и твой ранг плохо вяжутся...

— Вот-вот, не вяжутся! Оскорбление и издевательство! Мой высокий ранг — это моя голова, мои знания, мое постижение событий. Рангуны кичатся, что их бессмертие ни в чем не испытывает нужды. Но я им нужен — за это они ненавидят меня. На пленнике легко выместить ненависть!

— Значит, это они предписывают тебе покорность и угодливость?

— Я сам предписал себе быть таким. Иным я бы не выжил. Уже не один дилон попадал к ним в плен — где они? Не хочу увеличивать список погибших.

— У тебя нет надежды на освобождение, Кун Канна?

— Какая надежда? Уж кого-кого, а меня Ватута не выпустит. Он знает: среди своих я значил побольше, чем министр у рангунов! В моем нынешнем жалком облике ты не разглядишь того, кем я был в своей стране, — сперва самого выдающегося из Различников, потом самого глубокого из Стирателей. Я получил ранг Отца Стирателя Различий, когда по возрасту еще во Внуки не годился. Великий Гуннар Гунна объявил, что передаст мне звание Старейшины Старейшин, вот каким я был! Подлые хавроны похитили меня сразу после его заявления. Ватута знал, что на таком посту я не потерпел бы их вечных нападений. Он презирает пользу, но опасается вреда — помни об этом!

— Никакой надежды на освобождение!..

— Никакой! Вечный пленник.

— Тяжело тебе жить, Кун Канна!

— Зато у меня есть одно животворящее чувство, одна одушевляющая мысль. Ненавижу рангунов! Ненавижу их бессмысленное бессмертие! Ненавижу их никчемную жизнь! Ненавижу за отсутствие целей, желаний, просто мыслей, наконец! И особо ненавижу за то, что они заставили меня творить зло моей стране. Сколько бед я причинил собратьям! Сколько несчастий и бед!

Он помолчал, взволнованный. Помолчал и Бах, потом спросил:

— Ты считаешь их всех глупцами?

— О нет! Они не глупцы! Но их ум — пустота! Мысль ничего не стремится постичь. Воля не жаждет свершений. Страсть не требует удовлетворения. Да и нет у них страсти — ни к чему, ни к

кому! Какое пустое существование! Какая чудовищная кража бытия у тех, кому так не хватает жизни!

Бах сказал задумчиво:

— У людей слово и дело, чувство и поступок неразделимы. А у вас? Почему при такой ненависти к рангунам ты верно служишь им? Разве ты не мог бы сам воспользоваться резонатором? У тебя, ты сказал, нет надежды, по есть ненависть. Но если ненависть не порождает поступков, она бесцельна. Твоя живая ненависть столь же пуста, как неживое бессмертие рангунов.

Министр Прогнозов и Ведовства опустил голову. Визги звучали надрывно.

— Иновременник, я боюсь хавронов. Я никогда не подниму руку на моих мучителей. Я боюсь!

8

Кун Канна удалился, и тотчас вошли трое стражей. Они стояли у двери — высокие, лохматые, молчаливые. Бах обошел вдоль стены все помещение, присмотрелся к красочным камням на пьедесталах, приблизился к хавронам — они не шевелились, только не спускали с него глаз. Бах нерадостно засмеялся, ему вдруг вообразилось, что он пытается вырваться наружу. Что они будут говорить? В нормальном мире беглецов ругают, грозят: убью, разорву на куски, не смей убежать! А эти, хватая шерстистыми лапами, наверно, вежливо отрекомендуются: «Бедла! Кадла! Рудла!» Вышколили лакеев!

Соблазн испытать вежливость охраны был велик, но Бах не стал искушать судьбу. Погрузившись в похожее на трон кресло, он задумался. Оружие у него теперь есть, это хорошо, но зачем ему оружие? Уничтожать других, чтобы выжить себя, — нет, это не путь! Разве для того они впятером пустились в иные миры, чтобы размахивать оружием? Познавать, а не завоевывать — вот их задача. Ученые, а не конкистадоры! Миссия познания не отменяется, даже если наталкивается на вооруженный отпор. Но и умирать не хотелось.

И Бах стал думать — далека ли цель великого познания? Продвинулись ли они к ней? Что важного узнали? Не густо, с грустью думал Бах. Углубились в миры с другим течением времени, услышали о хронобоях и хроноворотях — астрофизики обрадуются, им будет интересно. Познакомились с сообществом мыслителей-дилонов — странных мыслителей, радующихся мыс-

ли просто как мысли, а не как средству добыть что-то практическое. С каким воодушевлением несчастный Рина Ронна доказывал, что познание природы состоит из двух стадий: сперва открыть закон природы, потом опровергнуть его. Размышление о природе, а не овладение ей — в эту сторону направлена глубокая мысль дилонов. Переплетение противоборствующих рассуждений, ожесточенные бури на интеллектуальном мелководье — где Высший Разум, открытие которого запрограммировано в рейсовом задании хронолета «Гермес»? А ведь дилоны считают себя воплотителями Высшего Разума! Интеллектуальное самокопание — вот что это такое, вот их Высший Разум! Разум грызет сам себя, он самоедствует. Какое жалкое зрелище!

Но, может, дилонов превзошли их вечные враги рангуны? Черта с два, а то — и с три! Один важный признак чего-то высшего у рангунов, правда, есть — биологическое бессмертие. Но какое оно бессмысленное и уродливое! И оно не полное, оно одностороннее. Не умирают по внутренней потребности организма, либо, скажем так, по внутренней необходимости. Их организм так же разрушаем, как и любой другой, но только под напором внешних сил — смерть всегда грозит им извне. Стало быть, они, приобретя бессмертие, бессмертия не приобрели. Они не только просто смертны, как мы, они смертны хуже нас, смертны трагично, вот формула их бессмертия. Ведь вдуматься! Для смертного смерть — это неизбежность самой жизни. Ее можно отдалить, но нельзя отрицать. А для бессмертного рангуна смерть — чудовищная случайность, роковая неудача. Нет, как же они должны страшиться смерти, эти Бессмертные! «И не от этого ли бессмысленность их бессмертной жизни? — размышлял Бах. — Они восхваляют одно бесполезное, никакой пользы нам не нужно, надменно провозглашает Ватута. Я было подумал — словоблудие, глупое хвастовство. Нет, Ватута прав — все полезное им не только не нужно, оно опасно. Ибо что такое польза? Приобретение того, чего нет, но что нужно. Польза, без нужды в ней, — не польза. Но если что-то нужно — значит, чего-то не хватает, значит, нет полноты существования. А неполнота требует восполнения — выход дальше первичного бытия. Но всякий выход из границ закосневшего бессмертия грозит случайностями, случайности грозят бессмертию. Внесмертия нет, любое углубление во “вне” опасно — а что новое не лежит во “вне”?»

А жажда действия — величайшее свойство живого — остается. И у бессмертного, освобожденного от «подножного корма, от

морды, опущенной вниз», эта жажда стократ усилена. Так возникает энергичное переливание из пустого в порожнее, недаром эта хлесткая формулировочка так восхитила Ватуту. Строить — чтобы тут же разрушать; разрушать — чтобы тут же строить. Воевать с дилонами, ни в коей мере не стремясь к победе, ибо победа создает новую ситуацию, а новизна опасна. И войну не прекращать, ибо война — деятельность, а без деятельности не пробессмертствовать все бытие. Война без желания победить, бесполезная война — как раз то, что нужно! Ах черт, опять парадокс — нужно то, что не нужно. Не выбраться из железного круга понятий и дел, очерченных великим настоящим: надо!

— Что же делать? — вслух спросил себя Бах. — Каким волшебным доказательством пронять их души, чтобы не умертвили мое тело?

Трое сторожей, услышав голос, пошли к Баху. Он понял, что сейчас они будут кланяться и отрекомендовываться.

— Кыш! Я вас не звал! — Бах с досадой замахал на них.

Сообразив, что они не нужны, хавроны, пятась, воротились к двери. Но церемонии избежать не удалось.

— Хаврон. Бедла, — доверительно сообщил один, низко кланясь.

— Хаврон. Рудла, — радушно добавил второй и склонился еще ниже.

— Хаврон. Кадла, — угодливо проговорил третий и, опустив голову в поклоне, не поднял ее, пока не уперся спиной в запертую дверь.

Баху явилась новая мысль — и показалась спасительной. Он не будет беседовать с рангунами на языке физических понятий и социальных категорий. Строй их жизни не изменить, психологию не переделать. Он поговорит с Ватутой на языке морали, самом общепонятном языке всех народов Вселенной. Не может же того быть, чтобы рангунам были вовсе чужды концепции добра и зла!

9

Баха разбудил веселый призыв Бессмертного № 29.

— Археолог по имени Академик, чина Бах, по ученой степени человек, — вставай, нас ждут. Ужасно вы, Бахи и человеки, медлительны. Рангуны не переносят медлительных, не переносят...

Кагула так забавно путал имена и звания, что Бах не удержался от смеха, хотя ситуация не веселила. В зале, кроме Баха, Кагулы и трех хавронов, истово вытянувшихся у двери, никого не было. Радостный Кагула разъяснил, что все уже в Главной пещере, только их двоих не хватает, чтобы приступить к восхитительной операции приговора. Он так и сказал: «восхитительной операции». Бах сердито заметил, что для приговоров, какие бы они ни были, люди применяют совсем иные оценки, чем восхищение, и вообще — чем собирается восхищаться Кагула? Бессмертный № 29 сперва вытаращил шарообразные глаза, потом, подумав, сказал:

— Разве тебя не восхищает, что услышишь великого Ватуту?

— Послушаю, что он скажет, тогда решу — стоит ли восхищаться.

В третий раз Бах шел по улице, оглушаемый грохотом и удушьяем пылью. Теперь он заметил известный порядок в лихорадочной деятельности рангунов. Дома строились и разрушались по системе: справа строились, слева разрушались. На правой стороне не было той пыли, что неслась слева, зато грохота у строителей было больше, чем у разрушителей. Бах сказал об этом Кагуле, тот с уважением посмотрел на археолога.

— Ты нашел наше слабое место. Разрушители ломают быстрее, чем строители возводят. Строители не успевают вовремя сдать свои здания на разрушение, у разрушителей частые простои, у разрушителей... Боремся за ритмичную работу, но разрушители постоянно опережают. Как по-твоему, это не оттого, что в разрушители стремятся лучшие работники?

— Именно поэтому. У людей раньше говорили: ломать — не строить, душа не болит. И вообще — дурное дело не хитрое. К вам подходит.

После хорошо освещенного зала и улицы, залитой сиянием двух светил, пещера, как и в прошлый раз, показалась сумрачной. В дальнем углу возвышались два самосветящихся валуна. На одном стоял Кун Канна, обвинив себя в полный обхват гибкими руками, на другой возвели Баха. Стоять было неудобно, валун был покатым и скользким — Бах потоптался и сел, свесив ноги вниз. «В ногах правды нет», — хладнокровно разъяснил он Бессмертному № 29. Тот беспомощно оглянулся на Ватуту, сидевшего на камешке перед валуном. Ватута махнул рукой: добродушный жест, видимо, означал — ладно, пусть сидит. Кагула мигом успокоился и встал рядом с валуном. Позади выстроилась охрана пленника — Бедла, Кадла и Рудла.

Пещера мерно гудела от перешептываний Бессмертных — каждый маленький звук усиливался отражением стен. Ватута милостиво изрек — громкий голос гулко разнесся по подземелью:

— Пришелец! Доказывай, что жизнь, изображенная в твоих воспоминаниях, абсолютно бесполезна для рангунов и что общение с людьми не принесет нам ни пользы, ни вреда.

Бах сразу отметил, что Ватута говорит не только о пользе, но и о вреде. Раньше он требовал одной бесполезности, теперь добавил и безвредность. Новые условия не обеспокоили — скорее порадовали. Бесполезность общения с людьми все же трудней доказывать, чем то, что от людей не будет вреда. И Бах перечислил цели хронавтов: узнать законы природы в мирах с иным течением физического времени, познакомиться с народами иномиров, познакомить их с собой; добраться до разумной сверхцивилизации, есть некоторые надежды, что и такая существует где-то во Вселенной, — с ней бы хорошо завязать дружбу. Вот, собственно, и все. Какая от этого может быть польза рангунам? Да никакой! А какой вред? Тот же самый — никакой!

— Кун Канна, — промолвил Ватута. — Ты когда-то был нашим злым врагом, а не верным помощником, каким стал теперь, и в те свои позорные времена свободы считался у дилонов великим Конструктором Различий и — одновременно — крупнейшим Опровергателем. Докажи, что та твоя слава верна. Опровергни пришельца!

Бах с надеждой посмотрел на Кун Канну. Неужели и вправду дилон, так страстно убеждавший его защищать свою жизнь, с опасностью для себя вручивший ему оружие, будет ныне безжалостно губить его? Дилоны не умеют лгать, но ведь можно и не лгать, только кое-что опустить, кое-что затушевать, что-то, наоборот, акцентировать. «Человеческая, слишком человеческая, — с унынием думал Бах об этой своей надежде, — а ведь дилоны не люди».

И Кун Канна еще не начал своего опровержения, как Бах понял, что пощады не ждать. Кун Канна нервно шевелил чересчур подвижными руками с целой бороной пальцев на ладонях, он дергался, двигал хвостом по гладкому валуну. Его охватил азарт опровержения, восторг от убедительности мысли. Он забыл о Бахе, видел сомнительные утверждения и вдохновенно уничтожал их.

— Как нет пользы от того, что мы встретились с пришельцем из иных миров? Огромная польза, бесспорная польза! Мы думали, что время всегда раздвоено, что два его течения всегда под углом одно к другому, как времена наших Гарун. Но вот оказыва-

ется, что существует и однонаправленное время; и в том времени нет ни хронобоев, ни хроноворотов, ни рассинхронизации, ни попеременного постарения и омоложения, а оно всегда идет вперед, только вперед — от прошлого к будущему. Такое однонаправленное время можно ввести и у себя — дилоны поразмышляют и найдут средства, рангуны сделают. Польза очевидна!

— Потеряете тогда бессмертие, — кинул Бах реплику. Ватута кивнул головой, он ее услышал. И Бах понял, что реплика опрометчива, — он хотел показать бесполезность для рангунов однонаправленного времени, но доказал его вредность: в нем циклического бессмертия не сохранить.

Кун Канна продолжал нанизывать в убийственную цепочку возражение за возражением. И дойдя до Высшего Разума, с восторгом живописал, сколько бесценного можно получить от настоящего Высшего Разума, если он существует. Дилоны всегда считали себя воплощениями Высшего Разума, но это не тот разум, которого ждут пришельцы. У того Разума, наряду с всепроницательностью, есть еще и всемогущество. Дилоны одарены озарением и провидением, но всемогущества у них нет. Именно поэтому сам он, знаменитый Кун Канна, попал в позорный плен... Он хотел, конечно, сказать — в почетный плен! Нет, какая польза, какая великая польза будет от знакомства со всемогущим Высшим Разумом — хоть бы немного перенять от того всемогущества.

И Кун Канна с воодушевлением громко провизжал:

— Я кончил, Властитель!

Ватута наморщил лоб, сжал губы. В пещере установилась густая тишина. Ватута заговорил:

— Итак, пришелец, доказать безвредность и бесполезность твоего прилета тебе не удалось. Доказано, что общение с людьми способно принести рангунам одновременно и пользу, и вред. Ты уяснил, чем это грозит тебе?

— Уверен, что твое решение будет милостивым.

— Самым милостивым, пришелец. Предоставлю тебе самому выбрать способ своей казни. Наиболее простой — распад тела под действием резонатора. Быстро, но мучительно, и казнь тебе не по рангу — так мы расправляемся с провинившимися хавронами, в этой казни нет почета. Гораздо возвышеннее замуровывание с похоронами.

— Замуровывание с похоронами? — Бах не мог отделаться от чувства, что путается в дурном сне — хотелось разобраться в жутковатых подробностях видения.

— Да, замуровывание с последующими похоронами. Отличная казнь, только для особо чтимых. Тебя сперва закладывают в строящееся здание, возводят на твоём теле стены и даже колонны — это уже высшее отличие, но ты можешь просить и о нём, мы тебе не откажем в красивой колонне. Оконченное здание быстро разбивают, тело извлекают и с почетом хоронят. Все Бессмертные при похоронах говорят хорошие речи о прекрасном казнённом. Но, может, тебе хочется ещё большего отличия? Есть и такое. Казнь, которую совершают не рабочие и не воины, а одни Бессмертные. Тебя приводят в тот зал, где мы любовались твоими воспоминаниями, каждый Бессмертный берет с пьедестала один из священных камней, говорит в твою честь похвальную речь и бьет тебя священным камнем. Обычно пятидесяти ударов хватает. Бессмертных около ста, так что не тревожься — смерть обеспечена. Какую ты выбираешь форму преодоления жизни?

— Никакой! Считаю смерть абсолютно излишней.

— В принципе — правильно, — одобрил Ватута. — Мы тоже не признаем смерти. Но мы Бессмертные. А ты? Разве тебе даровано бессмертие?

— Послушайте меня, Ватута, и вы, Бессмертные, — с волнением сказал Бах. — Во всех мирах, где мы побывали, все разумные существа различают категории добра и зла. И если они воистину разумны, они защищают добро против зла.

— Добро и зло? — спросил Ватута. — Никогда не слышал! Расскажи подробнее, что такое добро и что такое зло.

Меньше всего Бах думал, что способен объяснить кому-нибудь природу добра и зла. Он всю жизнь пребывал в убежденности, что каждому и добро и зло понятны без объяснений и обоснований. Но Ватута не издевался, а спрашивал серьезно. Бах с сокрушением подумал, сколько обидных слов о неточности формулировок накидал бы ему университетский профессор философии. И утешив себя мыслью, что сейчас нужна не точность тысячекратно проверенных определений, а самое грубое толкование, он с отчаянной решимостью бросился в омут этических оценок.

Он начал с того, что добро и зло — одновременно и самые общие категории жизни, ибо вбирают в себя все ее муки и успехи, и самые конкретные, ибо сопровождают любого со дня его рождения до дня смерти. И всю историю человечества эти два понятия — добро и зло — противоборствуют. Но побеждает добро, оно главная двигательная сила истории. Когда человек жил

одной собственной семьей, добрым было все, что шло на укрепление, на расцвет семьи, злом было все, что мешало ее благополучию: самые примитивные формы добра и зла. А когда человек объединился в роды, племена, в общество, добро стало шире и благороднее, а зло коварнее и опаснее. Главной целью добра стала охрана благополучия и совершенствования человеческих обществ, а зло, наоборот, превратилось в силу, вредящую обществу. И добро для себя уступило место более высокому понятию — добра для всех. Взаимная дружба и уважение, взаимная поддержка — вот простые выражения общего добра. Не сделай другому того, чего не хотел бы, чтобы сделали тебе! Но шло время, и наступила эпоха еще более высокого обобщения. Человек понял, что живет среди других существ — на Земле и во внесемных мирах, что он — часть природы. И злом стало все, что вредит и человечеству, и иным формам жизни, и благополучию самой природы. Человек стал другом всего живого и разумного, он не ищет себе добра в создании кому-то зла. И если вы, рангуны, явитесь когда-нибудь на наши планеты, вы будете там дорогими гостями, а не пленниками. И никто вам не причинит зла, ибо это означало бы отступить от великих принципов добра. И я уверен, что, во имя высочайших требований морали, вы и мне не причините губительного зла.

Ватута задумался. Баху показалось, что он убедил Властителя.

Ватута сказал:

— Я понял тебя, человек: добро у вас — это то, что приносит пользу, а от зла ждут вреда. Техника безопасности — вот ваше добро и зло. Но к чему это нам? Никакая польза не продлит нашего бесконечного существования. Для вашей короткой жизни добро важно, оно удлиняет жизнь, делает ее прочней. Но ваша мораль не для нас. Мы не знаем ни добра, ни зла. Все эти выдуманные смертными понятия годятся лишь для смертных. Ты меня не убедил. Скажи теперь, какой способ смерти тебе приятней?

— Они все омерзительны! — с отвращением воскликнул Бах.

— Решаю за тебя. Тебя казнят с почетом. Начинается закладка нового строения. Твое тело станет опорой главной колонны. Бедла, Кадла и Рудла, связать пленника!

Охранники подбежали к камню, на котором сидел Бах, и хотели стащить его. Бах отчаянным ударом ноги опрокинул Бедлу, вслед за Бедлой рухнул и Кадла. Рудла, дико заверещав, напал не сзади, а сбоку — Бах воткнул ногу в его лохматую морду.

Рудле досталось больше, чем товарищам, он катался по полу и визжал от боли. Бедла и Кадла, вскочив, снова бросились на Баха, и он снова их свалил. В мозгу Баха зазвучал иступленный призыв Кун Канны:

— Достань резонатор и сокруши их!

Отбрасывая хавронов, Бах мельком взглянул на пленного министра Прогнозов и Ведовства. Кун Канна дергался и прыгал на валуне — то удлиняя руки, размахивал ими в воздухе, то, резко утолщая, прижимал к груди, словно сдерживал мнящееся сердце. И он все снова и снова телепатировал Баху призыв к оружию. Два хаврона стали одолевать Баха — стащили его с валуна, бросили наземь. Кадла наступил ногой на грудь, Бедла вязал руки ремнем.

И лежа на каменном полу, Бах увидел, как Кун Канна сорвался со своего валуна и побежал к сражающимся. Еще на бегу, безмерно удлинив обе руки, он схватил Кадлу за горло, приподнял и далеко отшвырнул. Бедла отшатнулся от нового удара. Кун Канна наклонился над связанным Бахом, лихорадочно ощупывал его одежду, в мозгу Баха гремело:

— Где резонатор? Где резонатор?

Бах услышал выкрик Ватуты. Хавроны, недвижно выстроившиеся вдоль стены, бросились к валуну. Кун Канна с резонатором в руках вскочил на валун, на дилоня ринулся Бедла: раздался визг, и хаврон развалился на две части — голова направо, туловище налево. Кадла успел вскочить, но дилон повернул на него резонатор — и Кадла рухнул. Все хавроны в смятении попятились, ни один не осмелился приблизиться под удар резонатора. И тогда министр Прогнозов и Ведовства с торжествующим визгом, оглушительно усиленным стенами пещеры, обернул резонатор на Ватуту.

Ватута успел вскочить, но не устоял на трясущихся ногах. Кун Канна прицеливался всего мгновение, но и мига хватило Рудле, чтобы заслонить своим телом ошеломленного властителя. И еще увидел лежащий со связанными руками Бах, как смертоносный луч прошелся по груди хаврона — мучительный вопль сраженного стражника еще отражался от стен, когда сам он кучей праха рассыпался у ног шатающегося Ватуты. Кун Канна не успел вторично включить резонатор. Подобравшийся со спины Кагула вскочил на плечи дилоня; тот, круто повернувшись, отшвырнул его, но, падая, Бессмертный № 29 выхватил из рук дилоня резонатор. И когда Кун Канна наклонился над Кагулой, чтобы вырвать оружие, его самого полоснул убийственный луч —

дилон, уже мертвый, упал на рангуна, и только тогда Кагула выпустил резонатор из рук.

Несколько минут пещера гремела, пищала, визжала, звенела на сотни голосов. Ватута поднял руку, но и повелительный жест Властителя не сразу восстановил тишину. Ватута подошел к мертвому дилоу, долго смотрел на него.

— Он казался таким смиренным и угодливым! Как же он ненавидел нас, чтобы решиться на бунт.

Ватута повернулся к Баху. Лицо Властителя перекосила ярость.

— Самая мучительная смерть — вот теперь твой удел, пришелец!

— Прикажи поднять меня! — попросил Бах.

— Лежащий ты мне больше нравишься. Лежи!

— Жаль. Я хотел плюнуть тебе в лицо. И перед всеми твоими Бессмертными громко сказать: будь ты проклят навеки, на все твоё отвратительное бессмертие!

— За это тебе!.. — гневно произнес Ватута и вдруг замолчал.

В сумрачной пещере, освещенной лишь призрачным сиянием самоцветов, вдруг вспыхнул факел. Все Бессмертные и хавроны отшатнулись к стенам. Факел медленно угасал и превращался в силуэты двух человеческих фигур. Призраки материализовались. Бах увидел Марию в боевом скафандре астроразведчика и Асмодей рядом с ней. Мария простерла руку, из руки струился свет. Все, на кого падало сияние, цепенели. Мария направила луч на Ватуту. Властитель затрепетал и сделал шаг к Марии. Она погасила сияние, и он остановился.

— Асмодей, развяжи Баха, — приказала Мария. Низкий сильный голос колокольно прозвучал в пещере. — Вы все здесь облучены, не вздумайте сопротивляться. Ватута, будешь передавать мои приказания своим подданным.

— Буду передавать, — почти беззвучно прошептал Ватута.

Мария подошла к Баху.

— Миша, я так боялась, что хроногенератор проскочит ваше местное время и затормозится где-нибудь в прошлом или будущем. Асмодей сделал почти невозможное, и мы прибыли вовремя.

— Лучше бы вы все-таки явились на час раньше, — с горечью сказал Бах и показал на мертвого Кун Канну.

Отвращение исказило лицо Марии.

— Не хочу и смотреть на него. Ты будешь презирать его, когда узнаешь, что этот предатель сотворил в своей родной Дилонии!

Часть четвертая

МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И ГИБЕЛЬЮ

1

Возглас Марии был похож на стон:

— Анатолий! Я простила тебе гибель сына — гибели Аркадия не прощу.

На экране распадался транспортный шар, из шара вываливались Рина Ронна и Бах; дилон ударило о землю, он лежал неподвижно, коротышку Баха несло как пушинку на ветру в глубину голубого леса. Авиетку трясло. Асмодей, сидевший у пульта, пытался поднять ее, но ее снова бросало на почву. Кнудсен видел две картины одновременно: ту, что показывали датчики хронолета (они отчетливо высвечивали полянку), и ту, что передавали изнутри авиетки ее приборы. Обе картины были безрадостны: нападение было слишком внезапным и мощным.

— Ответь мне! — закричала Мария. — Ответь, я требую!

Кнудсен не отрывал глаз от экрана.

— Подожди! Меня нельзя сейчас отвлекать.

Спустя минуту он обернулся к ней. Полянка на экране погасла. На сером фоне мчалась авиетка, серая и расплывчатая, — скорей привидение, чем реальное тело.

— Чего ты хочешь? Спрашивай побыстрее!

Мария показала на экран.

— Куда их несет? И что с Мишей?

— Ни того, ни другого не знаю. Я вижу не больше, чем ты.

— Ты видишь столько же, но знаешь больше меня. Объясни, что случилось? И почему не поднимаешь хронолет им на помощь?

Он опять повернулся к экрану. Похожая на привидение авиетка теряла последнее подобие предметности. Кнудсен знал гораздо больше Марии — и потому не спешил с ответом. Она продолжала:

— Ты закричал Аркадию: «Ко мне!» Отчего к тебе, а не ты к ним? Почему мы теряем драгоценные минуты, когда им еще можно помочь?

— Мы ничего не теряем, — сказал он. — Нельзя потерять то, чего нет. Мы блокированы. У нас отказали двигатели.

— Но ты кричал: «Ко мне!» Ты звал их к себе, ты требовал, чтобы они убежали от опасности, а сам не спешил на выручку! Ведь так? Почему ты трусил, вот что я хочу знать!

Она стояла перед ним, разгневанная и преображенная. Она и в молодости не была красивой, но, сердясь, хорошела. Сейчас она увиделась ему такой зловеще прекрасной, что сжалось сердце. Она ненавидела его — нужен был сильный толчок, чтобы вырвалась наружу так долго сдерживаемая ненависть. «Сильный толчок? — подумал он с горькой иронией. — Трагедия, а не толчок! Возьми себя в руки! — мысленно приказал он себе. — Хронолет не уничтожен. Не такой корабль “Гермес”, чтобы его можно было превратить в груды обломков с первого удара».

— Не молчи, Анатолий! — гневно крикнула Мария. — Я должна знать все!

Да, она должна знать все, что знает он. Да, он кричал: «ко мне!», а не «иду к вам, держитесь!» Но не оттого, что трусил. Нападение совершилось разом и на хронолет, и на десантный отряд. Но хронолет лишь блокирован и обездвижен, а десантный отряд разметали. Бах, возможно, погиб. Авиетку с Аркадием, Асмондеем и Уве Ланной гонят в плен или на гибель. Она закатывается в невидимость, а что в той невидимости? Связи нет — их передатчики повреждены, приемники «Гермеса» бездействуют.

Блокада «Гермеса» усиливается. Вокруг хронолета дико выкручиваются физические поля. Гравитационные удары, резонансная судорога...

— Но я не чувствую нападения, Анатолий! Мы экранированы?

— Конечно. Сниму на минутку оптический экран, чтобы ты увидела, что снаружи.

Мария, ослепленная, закрыла глаза, но бушевание света проникало и сквозь веки. Мир пылал и содрогался. Огромные деревья — еще недавно величественные стволы с голубыми кронами — метались, раскалывались и рушились белокальными факелами.

Земля стала подобием воды — по ней мчались волны песка и камней, она вспухала и опадала, взбрызгивалась фонтанчиками, взлетала облачками валунов и осколков, земляные волны оторачивало, как пеной, пылью. Небо валилось на землю. Мимо хронолота ошалело пронеслась одна из Гарун. Мария вскрикнула — звезда чудовищным болидом врезалась в планету. Гаруну взметнуло ввысь, она пропала в пылающем лесу.

Кнудсен погасил внешний мир. Только на дисплее расплывалось пятнышко — авиетка пропадала где-то вдали, в еще не возмущенном краю. Светопреставление было поставлено только в окрестностях корабля.

— Анатолий, это ужасно! Ты уверен, что экраны выдержат?

Он ответил с мрачным спокойствием:

— Какое-то время — да. Постараюсь провести контрманевр до того, как защитные экраны откажут.

Она сказала с надеждой:

— Ответим на их нападение контрударом?

Он покачал головой.

— Они держат «Гермес» на прицеле и бьют по кораблю. А по какой цели бить нам? Хочу выскользнуть в фазовое время. Но хрономоторы от неожиданной вибрации, которую автоматы сразу не погасили, разрегулированы. Если не будешь меня отвлекать...

— Я не буду!

И, чтобы не попадаться ему на глаза, она села позади. Кнудсен склонился над пультом, пальцы бегали по кнопкам — как по клавишам рояля в бурном фортепианном пассаже. Мария видела его спину — какая хмурая спина, какие суровые плечи! А в лакированной панели мнемосхемы отражалось его лицо. Лицо было незнакомо. А казалось бы: старый друг, каждая черточка, каждая морщинка — так всегда представлялось — изучены абсолютно. Внешне все такое же: те же морщинки, те же глаза, те же волосы, но все вместе — другое.

Она помнила Анатолия — доброго паренька, так смешно смущавшегося, когда над его неуклюжестью подшучивали друзья; помнила мужчину, подавленного их общим великим несчастьем — гибелью ее сына и мужа; знала и знаменитого хроноконструктора, создателя первых кораблей времени, — спокойного, невозмутимого при осложнениях, равнодушного к своей славе, к ученым почестям... Этого, собранного и натянутого, сурового, почти жестокого — таким он глядел из панельного зеркала, — еще не знала.

Таким, наверное, был древний бог Хронос — недаром он повесил в каюте образ грозного бога.

Он уловил ее взгляд в зеркале, ответил рассеянным взглядом и тут же забыл о ней. На панели вспыхивали и погасали красные и зеленые огоньки, они вытягивались в линии, складывались в запутанные фигурки — схемы взаимодействия аппаратов. В их метании ощущался хаос, пальцы Кнудсена нажимали на кнопки — каждая красная и зеленая вспышка была ответом на приказы с пульта. Пальцы нервничали и сердились, они чего-то добивались, у них что-то не выходило. Правая рука обегала пальцами весь пульт, левая била в одни и те же точки — как бы вызывая что-то из небытия. И вскоре у Марии сложилась ясная картина — правая рука обеспечивала координацию, она создавала общий фон, она трудилась сосредоточенно и хладнокровно. А левая взывала: каждый палец, нажимая на свои кнопки, чего-то настойчиво требовал и раздражался, что требование не исполняется. Марию захватила живая речь левой руки, она хотела проникнуть в скрытое ее значение, но смысл оставался вне ее понимания. Мария не вынесла и сказала очень тихо:

— Не получается...

Кнудсен услышал и сердито ответил — сердился не на нее, а на разлаженные автоматы, она это поняла:

— Получится!

Он продолжал с той же быстротой и настойчивостью манипулировать с клавиатурой, и она вскоре определила, что картина вспышек меняется. Зеленые и красные огоньки складывались в правильные сочетания, стали повторяться одни и те же фигурки. Повторяющиеся фигурки, видимо, образовали схему, какой добивался Кнудсен. Его пальцы успокаивались — уже не раздраженные, просто властные, они приказывали, а не взывали. Из рук исчезало живое чувство, так поразившее Марию: они только что были самостоятельными личностями, со своими мыслями и знаниями, теперь снова стали только руками — работали, как и полагается рукам, исполнителям воли хозяина.

Кнудсен хмуро сказал:

— Выскользнули в фазу. Теперь буду определяться, где мы, и когда мы в этом «где», и что нас ждет?

Она спросила:

— Опасаешься нового нападения?

— Вряд ли. У рангунов нет хронопреобразователей. Мы в другом времени и в другом месте — стало быть, недоступная цель.

Она знала, что любой отход во времени от пути в будущее или в прошлое невозможен без смены места в пространстве. Таков кардинальный закон хронистики — начатки ее она усвоила. Но тот же закон утверждал, что и малый выход в хронофазу иногда сопровождается несоразмерным броском в пространстве. Как далеко от прежнего места это их новое «где»? Не столкнутся ли они при перемещении с крупным материальным телом? Не унесло ли хронолет с Дилоны? Может быть, они снова в межзвездном пространстве? И словно отвечая на ее молчаливые вопросы, Кнудсен сказал:

— Далеко не унесет. И автоматы следят, чтобы перемещение в пространстве было такое же незначительное, как и во времени. Снимаю оптический экран.

Стены кабины стали прозрачными. Хронолет лежал на голой скале в долинке. Вокруг высились горы.

— Мы по-прежнему на Дилоне, это главное. Сейчас выйдем и определимся. Но перед этим я должен кое-что сказать тебе. Не время для выяснения отношений, но ты сама вызвала меня на это.

— Слушаю, Анатолий.

Он глядел строго и печально.

— Ты сказала, Мария, что простила мне гибель сына, но гибели Аркадия не простишь. Я хочу, чтобы ты знала: сам себе я гибели Алексея никогда не прощал. А товарищей мы спасем, если они еще живы. И горе тем, кто будет мешать нам!

Она молча смотрела на него. И все более убеждалась, что он иной, чем она всегда думала.

2

Если это и была Дилона, то неизвестный ее уголок. Дилоны обитали на лесных равнинах, рангуны укрывались в лесистых горах. Здесь тоже вздымались горы, но один голый камень, и травинки не росло на склонах. Мария читала в отчетах астронавтов, что на всех планетах, где есть воздух, вода и тепло, трава и деревья заполняют любые закоулки. Здесь этот закон нарушался. На Дилоне было вдоволь воздуха, воды и тепла — и в этом мертвом уголке тоже; на Дилоне — не так уж далеко отсюда — шумели величественные леса, везде гнездилась жизнь.

Различие было лишь в том, что в иных местах эта жизнь на какое-то время сокрушалась хроноворотами, чтобы опять возро-

диться и снова быть сокрушенной. А здесь и намека не было на жизнь — существующую или погибшую: какая-то абсолютная внежизненность. Мария вытащила «индикатор жизни» — маленький приборчик, с которым не расставалась. Не то что высокоорганизованных клеток, даже бактерий не показывал индикатор.

— Ты знаешь, почему здесь так голо? — спросила Мария.

— Знаю, — ответил Кнудсен.

— Результат хроноворотов, о которых Старейшина Старейшин рассказывал Мише?

— Не думаю. Здесь не кладбище погибшей жизни, а изначальное ее отсутствие. Ничто живое здесь не возникает и сюда не добирается.

— Но почему?

— Погляди на свой наручный передатчик.

На ручном передатчике ярко светилась красная точка — индикатор опасных излучений. Кнудсен сказал, что хронолет, выскользнув по фазовому времени, попал в район интенсивного распада атомных ядер. Здесь все пронизано альфа- и гамма-лучами, здесь свирепствуют нейтронные бури — природа тут казнит саму себя, так можно определить это невеселое место. И, по всему, характер этого страшного уголка сложился таким задолго до того, как на Дилоне народилась жизнь.

— Значит, хронолет вышвырнуло в жерло природного ядерного реактора, так?

— Не в жерло, а на поверхность его. Но нам это самодурство природы не опасно. Конструкторы скафандров постарались, чтобы мы оставались в живых не только в раю, но и в аду.

— Я не поклонница рая, но хотела бы поскорей убраться из ада.

— Тогда возвращаемся на корабль.

— Еще постою здесь несколько минут, если не возражаешь.

Мария осматривала горы, никогда не знавшие жизни, и думала, что если Аркадий прав и где-то существуют могущественные генноинженеры, то и всего их разума не хватит устроить полигон жизнерождения в таких вот гибельных местечках. «А почему бы и нет? — думала она. — Надо лишь создать живую ткань, так же противостоящую смертоносному излучению, как наши скафандры. Вот еще аргумент против Аркадия: существуй такие высшие генноинженеры, они бы сконструировали жизнь защищеннее, чем она реально вышла. Природа, слепая природа — и без Высшего Разума в себе!»

Мария вспомнила, что новых аргументов Аркадию не узнать, ибо, возможно, Аркадия уже нет. Анатолий обещает вызвать товарищей, если они живы. А если нет? Будет мстить за них?

— Обратная синхронизация с временем, в котором мы находились в момент нападения, прошла хорошо, — сказал Кнудсен, когда Мария возвратилась на корабль. — Сдвиг был всего в одно или два столетия вперед, пустяк для наших хронотрансформаторов.

— Будем возвращаться на прежнюю стоянку?

— Поищу другое местечко. Прежняя стоянка под прицелом рангунов.

«Гермес» пронесся над крутогорьем, превратившимся в природный ядерный реактор, и вскоре оказался над лесом. Кнудсен высмотрел извилистую долинку среди крутых холмов. От прицельного обстрела место было защищено надежней, чем прежняя стоянка, а нападения с зенита корабельная защита отражала автоматически. Кнудсен сказал:

— Вывожу на поиск планетолет.

— Авиетка для поиска удобней, Анатолий.

— Но защищена хуже. Планетолет — боевой корабль.

— Ты допускаешь возможность сражения?

— Не отвергаю такой возможности.

Планетолет, космическая ракета на ядерных аккумуляторах, взмыл над лесом. Спустя короткое время Кнудсен приземлился на полянке, где недавно стояли авиетка и два разведочных шара дилонов.

— Вот здесь выпали Рина Ронна и Миша Бах, — Кнудсен показал на примятую траву полянки.

Мария наклонилась над темным пятном, широко разлившимся по оранжевой траве. Кровь, куски одежды, раздробленные кости, клочья кожи и тканей... Несчастливого дилона не разбило о почву при падении с высоты, а разорвало и разбросало.

— Какая ужасная сила в резонансной вибрации! — Мария обернула к Кнудсену побледневшее лицо.

— Во всяком случае, много больше той, какую способно вынести незащищенное тело.

— А следов расправы с Бахом не видно, — сказала Мария.

— Поищем дальше.

Осмотр окрестностей полянки нового не принес.

— Миша не погиб, — сказал Кнудсен. — Вспомни: он цеплялся за прутья развалившегося шара, потом вывалился, но не упал

на почву, а пронесся над ней, как если бы его несло вихрем, и пропал в лесу. В лесу его нет, вихря не было — ни один кустик не поврежден. Миша в плену у рангунов.

— Будем искать авиетку, Анатолий?

Кнудсен ответил не сразу.

— Нет, Мария. Что авиетка сразу не погибла, мы знаем. Знаем и то, что ее унесло на север. Я хочу раньше посоветоваться с дилонами.

Хронавты воротились на планетолет. Кнудсен направил корабль к столице дилонов. Внизу показался город. Кнудсен сделал над ним несколько кругов.

С тяжелым чувством люди смотрели вниз. Города не было. Еще не так давно они вглядывались в высокие цилиндры жилых зданий, удивлялись, что ни на одном не видно окон, веранд и балконов. А потом наблюдали на своем экране, как эти здания противостояли искусственному недротрясению — раскачивались, нагибались, но ни одно не обрушилось, даже трещин не появилось на стенах. А сейчас, сколько хватало взгляда, простирался ландшафт разрушения — улица, забитая обломками зданий, неуспокоенная пыль, тонким туманом, как куполом, накрывшая Столицу.

Планетолет медленно проплывал над обломками, стали видны и дилоны: и недвижимые тела на камнях, и живые, подбиравшие убитых и раненых, и транспортные шары, куда складывали тех, кого поднимали. Шары, полные тел, уходили за пределы города.

— Ужасная картина! — Мария содрогнулась. — Сколько погибло! Половина зданий разрушена.

— Да, многое погибло! — с какой-то нарочитой бесстрастностью отозвался Кнудсен: еще никогда она не слыхала у него такого голоса. Впрочем, никогда ни ему, ни ей не приходилось видеть таких варварских разрушений. Она понимала, что он лишь с великим трудом сдерживает негодование.

Планетолет опустился перед Ратушей. Правая половина прекрасного здания превратилась в холмик камней, на левой половине слетела крыша и на стенах змеились трещины. Но главный вход сохранился, около него стояла охрана. Два рослых охранника преградили людям путь. В отличие от быстро раскодировавших человеческую речь Рина Ронны и Уве Ланны эти два дилона телепатировали что-то невнятное. Но оскал ртов и угрожающее движение рук недвусмысленно объясняли происходящее. Несколько

дилонов встали поодаль, жестикулируя и повизгивая, — по-видимому, готовились помогать охране.

— Дай мне поговорить с ними, — сказала Мария. — Код их мысленных передач я подучила на «Гермесе». Возможно, они поймут меня.

Не было сомнений, что и охрана, и прохожие хорошо разобрались в том, что протелепатировала Мария при помощи наручного передатчика. Но враждебная встреча не преобразовалась в дружественную. Кнудсен шагнул вперед, схватил обоих стражей за плечи и отодвинул.

— Проходи, я за тобой, — сказал он, не отпуская вырывающихся охранников.

Она вошла в туннель, по которому недавно двигались Бах, Аркадий и Асмодей. И намек не было на торжественность той процессии дружеского прибытия хронавтов во Дворец Старейшин. Позади топотала, возмущенно повизгивая, охрана; у зала Проникновения с десятков дилонов пытались остановить людей. Они, казалось, не знали, как повести себя с неожиданными посетителями, — одни показывали назад в туннель, а двое захотели усадить на кресло перед проникновенным зеркалом: и кресло, и зеркало, неповрежденные, стояли на том же месте, где их видели на экране оба хронавта. Кнудсен, не тратя времени на объяснения, размеренно шагал дальше — и все, кто хотел задержать его силой, быстро уступали силе человека: даже легкого толчка ему хватало, чтобы отстранить с дороги любого.

— Ты уверен, что идешь верно? — спросила Мария, стараясь поспеть за широким шагом капитана хронолета.

— Уверен, — ответил он, не оборачиваясь.

— Но Гуннар Гунны здесь может не быть.

— Тогда зачем охрана у входа, зачем нас — уже в здании — стараются не пустить дальше? Нет, все Старейшины здесь. Совершились чрезвычайные события — где еще быть руководителям, как не на общем сборе?

После зала Предварения противодействие людям прекратилось. Дилоны, толпившиеся на дороге, дружно убежали вперед — в самосветящемся туннеле виднелись только спины и хвосты.

— Торопятся предварить правителей, что нашего визита не избежать, — проворчал Кнудсен.

Тем же размеренным широким шагом он вошел в зал. На трех амфитеатрах в строгом порядке, как они предстали Баху и Аркадию — отдельно Различники, отдельно Стиратели и, компакт-

ной кучкой, Дешифраторы и Опровергатели — сидели правители страны. Только четвертый амфитеатр — в нем усадили тогда хронавтов — пустовал. Но Старейшин было много меньше, чем при первом приеме людей.

Катастрофа внесла сумятицу в ритуал торжественных заседаний: присутствовало пять Отцов Конструкторов Различий в малиновых плащах, всего три фиолетовых Отца Стирателя, два зеленых Дешифратора и два желтых Опровергателя. В первом ряду амфитеатра, среди Отцов Стирателей, выделялся одинокий — по виду погруженный в глубокую печаль — Старейшина Старейшин Гуннар Гунна. И, не обращая внимания на остальных, Кнудсен направился к Вещему Старцу, готовясь произнести заранее продуманную фразу:

— Ты пригласил нас двоих прийти на радостное знакомство с вами. Хотя в знакомстве теперь будет мало радости, но мы пришли.

Но еще до того как он произнес первое слово, в мозгу обоих хронавтов прозвучало горестное восклицание Старейшины Старейшин:

— Пришельцы! Чем мы заслужили несчастье, принесенное вами?

Кнудсен знал, что каждое его слово преобразуется в мысль, понятную всем дилонам, — надо следить, чтобы оно было недвусмысленно точным.

— Мы не считаем себя, Гунна, причиной вашего горя.

— До вашего появления не было таких разрушений!

— И до нашего появления дилоны воевали с рангунами. Или рангуны воевали с дилонами — так, наверно, точнее.

— Да, не мы воевали с ними, а они с нами: мы только давали отпор. Огромная разница в этих двух понятиях — нападение и отпор; неплохо, что ты ее постиг. Но до вашего посещения Дилоны война шла по-иному. Что она так страшно переменялась, виноваты вы. Столько разрушений, столько смертей! Никакой враг не сделал нам столько зла, сколько сделали вы, назвавшие себя друзьями! Не будешь же ты возражать против очевидности?

— Буду, — твердо сказал Кнудсен. — Взываю к твоей проницательности, надеюсь на твою глубокую мысль, уверен в твоей выдающейся способности постичь даже непостижимое, хотя буду говорить о простом и понятном... Прошу меня выслушать, Гуннар Гунна.

— Говори, — разрешил Вещий Старец. — И если даже от простого и понятного уклонишься в глубины непостижимого, не смущайся: любой из нас, как ты справедливо заметил, постигает и непостижимое.

Хронавты еще на площади, вступив в перепалку с наружной охраной, поняли, что причина того, что отношение дилонов к людям сменилось на враждебное, — в варварской жестокости рангунов. Даже не видя Гуннар Гунны, Кнудсен не сомневался, что Старейшина Старейшин поставит в вину людям все новые бедствия. Но одновременно Кнудсен не сомневался, что переубедит Старейшин, если использует их любовь к рассуждениям, их привычку докапываться до отдаленных причин любого события, не останавливаясь и перед уходом в дальние абстракции.

— Ты не будешь возражать, Великий Провидец, — так начал Кнудсен, — что рангунам надо было заранее хорошо подготовиться, чтобы нанести такой мощный удар? Подразумеваю материальные средства — орудия, боевую службу...

— Не буду возражать, — промолвил Вещий Старец.

— И что для такой подготовки требуется время? И время немалое! Простым нахрапом, с бухты-барахты... я хотел сказать — без умелой мобилизации всех ресурсов, без длительного их накопления, без сохранения подготовки в тайне...

— Ты и прав, и неправ, пришелец, — промолвил Вещий Старец. — Конечно, накопление ресурсов, использование резервов... Тут твоя мысль проникательна — даже удивительно, что человек способен на такое непростое рассуждение. Но тайны для нас не было.

На мгновение Кнудсен растерялся.

— Вы знали, что совершится такое страшное нападение?

— Вот ты и показал несовершенство человеческого понимания сравнительно с нашим, — не то упрекнул, не то просто установил печальный факт человеческой интеллектуальной отсталости Старейшина Старейшин. — Ты не ощущаешь неодинаковости двух разных понятий: возможности свершения и реального свершения. У дилонов даже дети не путают так грубо этих категорий.

— У нас тоже стараются их не путать, — сделал попытку оправдаться Кнудсен. — Но мы ведь не представители Высшего Разума.

— До Высшего Разума вам далеко, — согласился Гуннар Гунна. — Поэтому мы и предлагали вам использовать наши великие успехи и возможности. Но сейчас...

— Сейчас мы должны исправить то, что еще поддается исправлению. Итак, тайны в подготовке рангунов к решающему удару не было?

— Тайны не было, я уже объяснил. Но почему ты назвал ужасный удар рангунов решающим? Он ничего не мог решить.

— Как не мог? А победа в затянувшейся войне — разве не решение? Такой удар, они могли подумать, принесет им долгожданную победу.

— Нет, — с грустью промолвил Старейшина Старейшин. — Вашей слабой мысли не проникнуть в глубины наших взаимоотношений с рангунами. Вы не сосредоточиваетесь и мыслите... как это ваше хорошее определение? — нахрапом, с бухты-барахты, так? Очень выразительная формула! Иногда у вас такие прекрасные и благородные выражения! Такие глубокие проблемы... Например, та мучительная проблема, о которой так красноречиво повествовал пришелец Бах, — сколько поместится...

— Черт возьми! — не удержался Кнудсен. Его охватил страх, что хитродвижение спора уведет Вещего Старца далеко от темы. Он поспешно поправился: — В данном случае «черт возьми» означает вопрос: как вы проникли в тайну подготовки рангунов к большому наступлению?

— Понял, пришелец. Итак, «черт возьми» — в смысле постижения великой тайны подготовки рангунов к большому наступлению... Но ведь в среде рангунов много дилонов. Один из них — глубокий Кун Канна, великий мыслитель Кун Канна — я его прочил в свои преемники. Этот выдающийся стратег Кун Канна с момента его похищения хавронами трагически раздвоился: душой-он по-прежнему с нами, а искусные руки и мудрая голова верой и правдой служат рангунам. Он провел подготовку того наступления, которое ты неправильно назвал решающим и которое, тем не менее, ужасно и губительно, и, естественно, сообщал нам по секрету, что делает.

— Но удар по дилонам провел, конечно, не он?

— Конечно, он, кто же еще? Неужели ты думаешь, рангуны сами могли провести такую операцию? Разве хоть одного Бессмертного можно сравнить с самым неудачным из дилонов? Понимаешь меня, пришелец?

— Стараюсь, но мне трудно. Позволь возвратиться к термину «решающий удар». Значит, рангуны не стремятся к победе?

— Рад, что до тебя дошла эта простая истина. Они воюют ради войны, а не ради победы. Что им делать, если они победят?

Тем более, если уничтожат нас? Чем тогда они заполнят свое бессмертие?

— Но если так, им было не нужно наносить такой удар.

— Совершенно не нужно. Подготовка к удару — это деятельность; а рангуны деятельны. Но удар, уничтожающий нас, прекратит их военную хлопотню — так, кажется, на вашем языке? И они нанесли этот бессмысленный удар лишь потому, что вы появились на планете. Вот почему мы утверждаем, что вы принесли нам великое горе.

— Бессмысленный, ты сказал? Позволю себе не согласиться. Смысл в нападении был. Надумали расправиться с нами и не посчитались, что погибнет и множество дилонов. Это ведь уже третье нападение на нас. Они обстреливали наш корабль при посадке, хотели уничтожить нашу авиетку при помощи искусственного недротрясения, а теперь применили средства помощней. Мы тоже можем сказать: дружба с вами сделала людей объектом мести рангунов. Мы потеряли трех наших товарищей.

Кнудсен не сомневался, что его контраргументы вызовут растерянность среди дилонов. У этого странного народа рассуждение, которое нельзя опровергнуть, по одной этой причине возводилось в истину. Они не изучали школьной логики, как люди. Они и не подозревали, что об очень многом можно высказать противоположные мнения и ни одно не опровергнуть, потому что в каждом будет истина. Такая словесная диалектика им чужда, хоть в диалектике реальной дилоны сильнее: каждый практически опровергает незыблемые законы природы — то есть находит условия, при каких закон лишается действительности.

Но в следующую минуту Кнудсен убедился, что недооценивает Вещего Старца. Гуннар Гунна, поразмыслив, опроверг Кнудсена — и таким опровержением, которое было радостнее согласия, дороже признания в дружбе. Старейшина Старейшин протелепатировал:

— Очень сильное соображение, пришелец, очень сильное: проклятые рангуны нападали на людей, а не на дилонов, а дилоны погибали от случайности соприсутствия при ударе, направленном против вас.

— Именно это я и утверждаю. Хотели уничтожить людей.

— Но ведь все было по-другому, — продолжал Старейшина Старейшин. — Погибали мы, а вы невредимы.

Кнудсен не сдержал возмущения.

— Если ты считаешь гибель трех хронавтов...

Вещий Старец не дал ему договорить:

— Почему гибель? Все трое живы. В плену, но живы.

У Кнудсена на миг перехватило дыхание. У Марии засияли глаза. Кнудсен медленно проговорил:

— Твои сведения верны?..

— Дилоны не лгут, — с достоинством отвечивал Гуннар Гунна. — Мы ненавидим неправду.

— Такое радостное для нас известие!.. Вы узнали, что наши товарищи живы, глубоким усилием мысли? Или есть иные доказательства?

— Мы видели их в плену. Конечно, изображение примитивней рассуждения. Мысль можно тысячекратно проверить, рассуждение сто раз повторить, а картину достаточно один раз подделывать... Понимаю твои сомнения, пришелец. Будет ли для тебя доказательным изображения твоих друзей после атаки рангунов?

— Будет, будет! — поспешно заверил Кнудсен.

Гуннар Гунна повернул львиную голову к амфитеатру, где восседали зеленые Дешифраторы и желтые Опровергатели. Один Дешифратор поднялся. Гуннар Гунна что-то повелел, не транслировав приказ в человеческие слова. Зато ответ Дешифратора ясно донесся до людей:

— Канал на Клаппу, командира отряда хавронов. Связь через Уве Ланну. Нечеткость передачи вызвана болезненным состоянием Конструктора Различий высокочтимого Уве Ланны.

Стена позади Дешифраторов вспыхнула. На ней замелькали тени и силуэты. Кнудсен и Мария разглядели Аркадия, с трудом выбравшегося из сооружения, похожего на древний человеческий фургон. Аркадия поддерживал Асмодей. В стороне хаврон могучего телосложения показывал мохнатой рукой на темное отверстие в скале: туда один за другим входили вооруженные хавроны, туда же вели ослабевшего Аркадия.

— Расшифруй! — дошло до людей веление Вещего Старца.

Дешифратор свободно вносил в сознание людей свои пояснения. Хронавтов и дилона Уве Ланну забросили в хроноворот аппараты рангунов. Пришельцы выскользнули из губительного хроноворота. Их взял в плен отряд хаврона Клаппы. На Клаппу сфокусирован разведывательный луч, связь с Клаппой тайно создана Уве Ланной. И пленные, и охрана скрылись в пещере от нового хроноворота. Из пещеры связь не действует.

— Теперь канал на бедного Кун Канну, — велел Гуннар Гунна.

Экран озарился новой картиной. По улице городка, окутанной пылью и сотрясаемой грохотом механизмов, вели Баха под конвоем хавронов. Коротышку Баха сопровождал, умеряя широкий журавлиный шаг, бочкообразный рангун. Человек и рангун беседовали.

— Бессмертный № 29, Кагула, любимец Ватуты, — бесстрастно докладывал Дешифратор. — Ватута хочет казнить пришельца. Основание для казни такое — никаких оснований. Вполне в обычае Ватуты, передает Кун Канна. Созывается ассамблея Бессмертных, там согласятся с Ватутой, что пришельца хорошо бы умертвить. Казнь совершится в полдень следующего дня. Ватута предложит пришельцу самому выбрать форму своего умерщвления — знак уважения и высокого почета. У Кун Канны нет возможности вызволить пленника. Почетных казней у рангунов еще не совершалось. Ватута гордится, что первым из Властителей Рангунии совершит такой выдающийся акт.

Картина на экране погасла.

Кнудсен обратился к Старейшине Старейшин. Дилоны мудры и справедливы. Великим укором будет, если они оставят в беде своего гостя. Не допустить беспричинной и преступной казни! Что бы ни предприняли дилоны для вызволения хронавта, они — капитан хронолета Кнудсен и геноинженер Вильсон-Ясуко — добавят свои усилия. Дилоны могут рассчитывать на всю мощь механизмов корабля.

Гуннар Гунна, поразмыслив, заверил хронавтов, что они сделают все возможное, чтобы спасти пленника. И, не дав порадоваться, с печалью констатировал, что никаких возможностей нет и поэтому спасение нереально.

Кнудсен настаивал: оборона дилонов — разве нельзя превратить ее в орудие нападения? Охранные башни — это ведь могущественные крепости, ударить из них по берлогам рангунов! Собрать смельчаков, он сам возглавит такой отряд, вооружение найдется — и грянуть на город Ватуты! А если и это невозможно, то вступить в переговоры с Ватутой, пообещать ему золотые горы и хрустальные замки — не может же быть, чтобы не существовало чего-то такого, что было бы для рангуна ценнее, чем наслаждение от бессмысленной казни человека, не сделавшего ему вреда!

Гуннар Гунна, впадая в кратковременные размышления, поочередно отвергал все планы человека. Защитные орудия дилонов не способны поразить другую сторону планеты, зона действия охранных маяков тоже невелика. И ни один дилон не согласится

войти в отряд для нападения на рангунов — агрессия принципиально чужда дилонам. И переговоры с Ватутой неосуществимы: он твердит, что ему ничего не нужно, ибо он презирает всякую пользу, — а какие могут быть переговоры без того, чтобы выговорить что-то полезное? Дилоны, так страшно пострадавшие от гибели своих близких, всей душой разделяют страдания пришельцев, у которых должен завтра погибнуть друг, но кроме сочувствия, им нечего предложить.

— Постарайтесь сами спасти товарища, — закончил Вещий Старец.

Нахмуренный, злой капитан хронолета размышлял еще дольше, чем дилон, впадающий в трудную сосредоточенность.

— Хорошо, принимаю — собственными усилиями, — снова заговорил Кнудсен. — Совет глубокий и дельный. Но нашего друга казнят завтра. Для серьезной подготовки мало времени.

— Завтра — это очень скоро, — высказал очередную глубокую мысль Гуннар Гунна. — Времени для спасения товарища, ты верно это грустное явление определил, решительно не хватит.

— Послушай меня, великий Гуннар Гунна, — продолжал Кнудсен. — Вы народ глубоких мыслителей. Вы знаете свою планету, знаете все ее законы и свойства, все ее особенности и процессы. На что нам нужно воздействовать, какой местный закон опровергнуть, чтобы хоть немного задержать казнь? Без подготовки, требующей времени, мы не сумеем спасти нашего друга.

— Подожди, пока мы поищем ответ на твой очень непростой вопрос, — сказал Гуннар Гунна.

На этот раз Вещий Старец со Старейшинами пребывал в молчаливом раздумье так долго, что Мария успела перекинуться с Кнудсеном несколькими фразами.

— Анатолий, у тебя не появился план спасения Миши?

— Даже отдаленно не представляю себе, что можно сделать.

— Неужели отказываешься выручать его? — Мария не сдержала негодования.

— Отвечу в стиле дилонов. Ты путаешь разные понятия, Мария. Хотеть — хочу! Что сделать, чтобы исполнить хотение, — пока не знаю.

В мозгу людей зазвучали слова Вещего Старца:

— Мы рассмотрели все физические процессы на планете и не нашли ни одного, воздействие на который помогло бы вам спасти вашего товарища. Конечно, если бы в Рангунии могли остановить течение времени... Но задача эта самой природе

непосильна. Пришелец, мы не сможем тебе подсказать никакого решения.

— Немного мы услышали от них, — грустно сказала Мария.

— «Немного» — все же лучше, чем «ничего», — возразил Кнудсен. — Теперь скорей на корабль, Мария!

— Ты же сказал, что у тебя нет плана спасения Миши.

— Уже есть. Скорей, Мария, скорей!

3

В планетолете Кнудсен объяснил свой новый план. Почему он твердил Старейшине, что нет времени для спасения Баха? «Гермес» не только еще невиданный корабль, свободно плывущий в разных потоках мирового времени, но и могучая крепость, надежно защищенная от атак извне. Но он сконструирован для миссии мира, а не для завоеваний. Конечно, и на нем можно напасть на рангунов и принудить их выдать пленника — и времени на подготовку такого рейда не потребуется. Но сколько тогда погибнет рангунов и хавронов? Ватута без сопротивления не выдаст Баха. В рейсовом задании не предусмотрены войны с другими народами — тем более, их уничтожение.

— Все это я знаю сама, — прервала Мария. — К чему ты kloнишь? Ты сказал, что обдумываешь план спасения Баха. Пока я вижу, что надежного плана не существует.

— Нет, план есть — и вполне надежный! И выполнишь его ты, Мария. Миша когда-то сказал, что ты схожа обликом с валькириями, девами-воительницами северных мифов. Пришел час проверить, только ли внешнеостью напоминаешь ты валькирию. Те девы отважно сражались на поле боя и вызволяли своих воинов из беды. Ты прибудешь к рангунам и выручишь Мишу. Но чтобы подготовиться, нужно время — то самое время, которого в запасе нет. Понятна идея плана?

— Конечно, нет! — сказала Мария. — Можешь не сомневаться, я согласна на все, что ты велишь. Но в чем она, эта подготовка? Где и как ты будешь добывать то время, которого в запасе нет?

— Совместим дальнейшее объяснение с освоением аппаратуры.

В долинке, где Кнудсен укрыл хронолет, ничто не показывало, что рангуны обнаружили корабль. Кнудсен ввел планетолет в трюм.

— Пройдем в хроногенераторную, Мария.

Итак, нужно время, чтобы подготовиться к вторжению в царство Ватуы, а времени нет, говорил Кнудсен, передвигаясь меж-

ду хроногенераторами. Вещий Старец посоветовал затормозить бег времени, будучи твердо убежден, что нет в мире сил, способных остановить течение времени. Но такие силы есть. Вот они — в недрах этих механизмов!

Его план таков. Он переводит хронолет поближе к убежищам рангунов, запускает хроногенераторы на полную мощность — и замедляет бег внешнего времени. Больше чем вдвое время не затормозить — пройдет реально около двух суток там, где рангунам покажется, что они прожили всего одни. Выигрыша в сутки хватит для оснащения Марии в поход. Еще одно: почему Мария, а не он?

— Об этом не спрашиваю! Я горжусь, что ты доверил мне освобождение Миши, независимо от того, какие мотивы...

Кнудсен спокойно остановил ее. Им командуют не мотивы, а причины. Он должен их высказать. Форсирование генераторов произведут автоматы, но присутствие капитана при этом необходимо. Такова строгая инструкция, он сам ее составлял — и не разрешит себе ее нарушить. И последнее: они пока идут на выручку Баха, а не Аркадия, потому что положение Миши серьезней. Аркадию грозят новые хроновороты, но не расправа хавронов — а от хроноворотов он укрыт в пещере. После спасения археолога настанет черед вызволять Аркадия с Асмодеем и Ланной.

— Готовь меня в поход, — нетерпеливо сказала Мария.

4

Кнудсен высмотрел потайное местечко неподалеку от пещеры, куда Бессмертные укрывались на отдых. Приближалась ночь, когда он запустил хроногенераторы. Дежурные хавроны и пленные дилоны не засекли хронолета и не подняли тревоги, а ночь была как ночь: обе Гаруны ушли чуть-чуть за горизонт, север неба светился кровавым пятном. Торможение времени сперва шло слабо, потом все сильнее и сильнее. Когда одна минута за бортом хронолета сравнялась с двумя на корабле, Кнудсен остановил дальнейшее растяжение внешнего времени и пошел проведать, как Мария осваивает боевую экипировку.

— До полного дня, по нашим часам, остались целые сутки, — поделился он успехом. — Рангуны и не подозревают, что спят уже не по своему естественному времени, а по тому, какое мы им диктуем. Демонстрируй теперь свою подготовку.

Мария успела облачиться в форму десантника, выходящего на задание высшей сложности — разведку, диверсию, боевые действия, если без них не обойтись. В училищах астронавтов снаряжение и методы такой операции завершали курс — и всегда считались тем орешком, который трудно разгрызть. Мария начала с боевой аппаратуры: бластеров, стреляющих крохотными шаровыми молниями и лазерными лучами; гранат, создающих при взрыве кратковременные потери сознания; ручных парализаторов, лишаящих воли к сопротивлению; и резонаторов, вызывающих — последняя крайность сражения — распад живой ткани. Мария раскраснелась, глаза блестели — ей нравилось превращение из ученого-геноконструктора, творца новых форм жизни, в воительницу, сражающую противников.

Кнудсен не одобрил увлеченности Марии.

— Нет! Нет, Мария! Это не для хронавтов — ослепить, ослабить, обезоружить, а при большом отпоре и уничтожить. Примитивная война наших предков.

— Захват и казнь пленных тоже весьма примитивны. Одно стоит другого. Не понимаю твоего недовольства.

Она должна понять: он и не подумал бы тормозить внешнее время, если бы планировал победу в прямом сражении. Для этого не нужно длительной подготовки. Умение сражаться заложено в природе человека, за каждым из нас — опыт предков; бессмысленно опорочивать силу этого генетического наследства.

Хоть ситуация не располагала к веселью, Мария рассмеялась.

— Генетическое наследство, ты сказал? В двадцатом веке один ученый псих уверял, что существуют особые гены храбрости и трусости, гомосексуализма и платонизма, религиозного экстаза и атеизма, щедрости и скупости. Я всю жизнь экспериментирую с генами, создавая новые формы животных. Но ни разу не открывала и сама не создавала ни одного из генов, описанных тем ученым — моим однофамильцем Чарльзом Вильсоном.

Кнудсен понял, что перехватил.

— Не хочу знать древних Вильсонов! Пусть не генетическое, а социальное наследство. Покажи, как ты справляешься с хроноэкраном? Как тайно проскользнешь в пещеру к рангунам?

Мария думала, что и эту часть операции хорошо усвоила. Она должна пробраться в пещеру не в том времени, в котором пребывают находящиеся там Бессмертные. Она проникнет в пещеру из близкого грядущего. Ее индивидуальные хрономоторчики обеспечивают выход из грядущего в настоящее так же свобод-

но, как из прошлого в настоящее — она промелькнет мимо всех встречных невидимкой, в крайнем случае — как привидение, и материализуется именно там и именно тогда, где и когда нужно.

Тревога Кнудсена не была, однако, развеяна.

— Делаем хронобросок. Я засекаю время на уход в будущее и возврат в настоящее. Даю на две эти операции одну минуту.

Но Марии понадобилась минута только на то, чтобы исчезнуть. И исчезла она не сразу, а постепенно — сперва расплывались очертания, тело превращалось в силуэт, силуэт становился призраком, призрак тускнел и стирался. Еще медленнее совершилось возвращение из будущего — сперва такой же призрак, после силуэт и лишь потом полная материализация.

— Нет, нет и еще раз нет, Мария! Тебя успеют трижды убить, прежде чем ты выполнишь один хронобросок.

— Если я дам по себе стрелять! Я ведь могу и защищаться.

— Сейчас я покажу тебе, что защита неэффективна. Берем демонстрационные пистолеты. Исчезай!

До того как Мария полностью ушла в близкое будущее, Кнудсен пять раз разрядил в нее пистолет. От двух выстрелов она увернулась, три попадания были удачны. Сама она, стираясь в неведомость, два раза поразила Кнудсена. Последний удачный выстрел был произведен из пистолета, которого Кнудсен уже не увидел, лишь легкая полоска тумана качнулась перед ним, когда вылетела демонстрационная пуля.

При обратном витке хроноброска повторилась та же картина: Кнудсен пять раз успел выстрелить, три пули угодили в Марию. И сама она дважды поразила капитана корабля.

— Плохо, даже очень плохо, — невесело констатировал Кнудсен. — Ты была шесть раз убита. Хронобросок не удался.

— Но и я ровно четыре раза тебя убивала!

— Да, четверых ты убьешь. А если их будет семь? Или семнадцать? Или тысяча? Твоя боевая операция будет удачной в одном случае: если обойдется без боя! Надо победить искусством повыше первобытного умения убивать. Повторим хронобросок еще раз.

И вторая, и третья репетиции не развеяли недовольства Кнудсена. Мария по-прежнему растворялась в будущем слишком медленно. Она оправдывалась:

— Ты настаиваешь: уход только в близкое будущее. Но если я слишком быстро дематериализуюсь в настоящем, я слишком далеко унесусь в будущее. Разве это хорошо?

— Нехорошо. Но все же лучше медленного исчезновения. В будущем тебе не грозят сражения с реальными врагами. Будем повторять хроноброски, пока не отработаешь мгновенности.

Только на третьем десятке повторений Кнудсен расщедрился на похвалу, но продолжал репетиции с прежней настойчивостью.

— Мария, — сказал он на пятидесятой репетиции, — ты выдающийся геноинженер. Но если бы ты ушла в хронавты, то и тут не осталась бы в середнячках. Еще два-три десятка хронобросков — и можно выпускать тебя без больших опасений.

Настал момент, когда он объявил:

— Хватит! Технику исчезновения и материализации ты освоила. Воздействие на противника отработала. Датчики, посланные мной еще до репетиций с хронобросками, проникли в пещеру рангунов и показывают, что суд над Мишей начался. Больше нельзя терять ни минуты!

Она упрекнула его:

— Ты ничего не говорил о датчиках! Что они собой представляют и когда ты их выслал?

— Не хотел говорить, чтобы ты не нервничала, узнав, что судилище уже идет. А датчики по виду — обыкновенные камни, каких множество в пещере. Вряд ли кто определит их истинное назначение.

Мария подумала.

— Ты не можешь превратить их в боевые средства?

— Могу. Но что толку, если мы выведем из строя какое-то количество рангунов? Все равно надо проникать в пещеру, чтобы вывести Баха. Теперь исчезай!

Она пропала столь стремительно, что он не успел махнуть рукой на прощанье. Кнудсен подсел к экрану и включил датчики, высланные в пещеру. Один показал вход и хавронов, замерших на страже, — этот датчик лежал на земле. Один из хавронов, проходя мимо, задел его ногой — картина лишь незначительно переменила угол зрения. Второй валялся в туннеле: он показывал тускло освещенный лаз, то одного, то другого проходящего хаврона. Третий высвечивал саму пещеру — Кнудсен сосредоточился на нем.

В пещере творилась странная процедура: она мало напоминала суд, каким он представлялся Кнудсену. Ему вообразилось, что он присутствует на философском диспуте о природе добра и зла. Бах профессорским голосом излагал концепции добра на разных стадиях развития человечества; вероятно, так же размеренно он объяснял с кафедры азбучные истины археологии своим студентам.

Ватута, зло кривя лицо в улыбке, устанавливал, что в основе добра лежит — от вечной пужды — потребность в пользе, а им, Бессмертным, польза ни к чему, они ни в чем не нуждаются. И стало быть, добро — понятие чисто человеческое, рангуны же вне добра и зла — и поэтому он не видит препятствий к тому, чтобы казнить пришельца по имени Бах, по природе человека, по званию Академика, самой почетной казнью, которую он сам пожелает, — и это будет знаком высокого уважения рангунов к пришельцу.

Теоретические споры всегда были вне интересов Кнудсена, если только не затрагивали основы хронистики. В этой созданной Чарльзом Гриценко и разрабатываемой самим Кнудсеном молодой науке еще много было необъясненного и непонятого. И быстро утратив интерес к предмету препирательств человека и рангуна, Кнудсен стал осматривать пещеру. Датчик угнездился в углублении под потолком и хорошо высвечивал два валуна — на одном сидел Бах, на другом стоял немолодой смиренный дилон — и разбросанные вокруг камни, на которых разместились Бессмертные. Впереди, особо, — Ватута, позади, беспорядочной кучкой, — остальные. Охрану Кнудсен видел отчетливее, чем Бессмертных. Охрану несли хавроны — рослые обезьяны с могучими мышцами и свирепыми мордами, каждый сжимал в мохнатых лапах резонатор. Кнудсен всматривался в них и уверялся, что от таких ни пощады, ни раздумий не ждать: Властитель кивнет — и мигом вся вооруженная орава ринется хватать, вязать, впиваться когтями, рвать клыками. Кнудсен передернул плечами — стало нехорошо от лицемерия лохматых палачей. Пора бы уже Марии появиться! Времени прошло достаточно для хроноброска в близкое будущее и возвращения в настоящее. На репетиции уход и возврат совершались быстрее.

Теоретический диспут в пещере вдруг превратился в битву. На Баха набросились хавроны. Он поразбросал их отчаянными ударами. Кнудсен с волнением и гордостью за Баха глядел, как коротенький полный человечек отражает натиск лохматых гигантов. Баха повалили, один хаврон наступил ему ногой на грудь: другие вязали руки. «Где Мария? — думал Кнудсен. — Почему она задерживается? Нет, почему она задерживается?»

В пещерном сражении возник неожиданный поворот. Пленный дилон, долгое время одиноко горбившийся на валуне рядом с Бахом, — уродливая фигурка, до того смиренная и жалкая, что один взгляд на нее вызывал у Кнудсена смутное недоброжелательство, — вдруг разразился диким визгом и кинулся к сражающимся.

Кнудсен увидел, как дилон выхватил из кармана упавшего Баха резонатор и резко повернул его на хавронов. Один из нападавших сразу распался надвое, другой рухнул, залитый кровью, остальные в страхе попятились, хотя каждый был вооружен. «Боятся применять оружие, чтобы не угодить во Властителя, — этот чертов Ватута слишком близко к сражающимся, — думал Кнудсен. — Что с Марией? Она опаздывает недопустимо!»

В это время возмущившийся дилон с радостным визгом направил резонатор на Ватуту. Властитель Бессмертных пытался отбежать, он — Кнудсен хорошо видел это — весь затрясся. Но Ватуту заслонил своим телом какой-то хаврон; резонатор полоснул по нему, хаврон рухнул, уже разваливаясь и все еще вопя запоздавшим воплем, а на дилона набросился со спины один из Бессмертных — единственный, кто в этой кучке жалко потерявшихся рангунов нашел в себе смелость вмешаться в сражение. Марии все не было, Мария непоправимо запаздывала!

Схватка взбунтовавшегося дилона и Бессмертного закончилась быстро — рангун был много массивнее. Сраженный бунтарь рухнул, на Баха снова набросились и стали вязать. К человеку подошел Ватута. Ярость и жажда мщения искажали львиное лицо Властителя Бессмертных. А Марии все не было, Мария затерялась где-то в просторах грядущего — она, наверно, не сумела найти пути для быстрого возвращения из какого-то слишком далекого «потом» в это так нуждавшееся в ней «сейчас». Кнудсен остро пожалел, что растянул внешнее время только вдвое. Нужно было притормозить бег времени не вдвое, а втрое; ему не удалось надежно подготовить Марию к спасательной операции. Кнудсен положил руку на пульт, нащупал две крайние кнопки — особые кнопки — последнее средство спасения Баха. «Ultima ratio regis», последний аргумент короля — так называли бы эту новую операцию древние. Он ничего не говорил о ней Марии, ей не следовало знать, что есть и еще один способ спасения товарища — способ был чрезмерно жесток. Но если она так и не появится, в момент, когда слуги Ватуты кинутся убивать Баха, один из датчиков — тот, что обычным камешком валяется сейчас в углублении на стене, — вырвется наружу взрывом пламени и ядерных частиц. И верная гибель поразит все живое, кроме человека, защищенного, как все хронавты, от излучения распавшихся ядер. Это еще не будет спасением — связанный пленник сам не выберется наружу, но и немедленной гибели не произойдет.

Ватута грозно заговорил, отклоняясь от лежащего Баха:

— За это тебе!..

И Кнудсен понял, что, когда Властитель Бессмертных закончит свою фразу, наступит миг лихорадочно выстукивать на обеих кнопках шифр взрыва.

Ватута не закончил приговора. Ватута в ужасе окаменел. В сумрачной пещере вдруг вспыхнул факел. И с радостным удивлением Кнудсен увидел, что в погасающем факеле материализуются не одна, а две фигуры. С Марией был Асмодей — жалкий, оборванный, светящийся сквозь дыры одежды не розоватым подобием человеческой кожи, а металлическими скрепками и пластмассовыми пластинками, но, как всегда, быстрый и исполнительный. Всего мог ожидать Кнудсен, когда выяснилось, что Мария сильно опаздывает, но что она отыщет киборга и явится с ним — и отдаленно не мог вообразить.

Мария быстро поворачивалась, из ее руки вырывался конус фиолетового света — все, на кого падало сияние, замирали. Асмодей поспешно развязывал Баха, помогал ему встать на ноги. До Кнудсена донеслось громкое предупреждение Марии: все в пещере облучены, малейшее сопротивление равносильно гибели! Ватута покорно склонил большую голову, он не сопротивлялся. Мария подошла к Баху, перекинулась с ним несколькими словами. Только после этого она обернулась к выходу из пещеры — она знала, что капитан хронолета в эту минуту взволнованно наблюдает за ними, и, сам невидимый, наблюдает, вероятно, именно с этой стороны.

— Анатолий, высылай планетолет!

5

Бах кинулся в объятия Кнудсена. У сдержанного капитана хронолета дрожали губы и влажно сияли глаза. Он сказал:

— Знаешь, я сегодня узнал, что всего горестнее!

Бах с улыбкой смотрел на друга, догадываясь, что речь пойдет о том, как страшились за него. Но Кнудсен сказал по-иному, чем ожидал Бах:

— Самое горестное, когда видишь, как гибнет близкий человек, и знаешь, что можешь спасти его, но ценой гибели тех, кого вовсе не хочешь уничтожать.

— Погибли один Кун Канна и трое хавронов, правда, ребята хорошие, я успел к ним привязаться, — сокрушенно сказал Бах.

— Упрек в их гибели адресован мне? — спросила Мария.

— Тебе, — ответил Кнудсен, — и не только в гибели четверых. Если бы ты задержалась еще на минуту, погибли бы все, кто находился в пещере, — кроме Миши, естественно.

— Ты сам виноват, что я запоздала, — сказала Мария. — Ты снабдил меня хронодетектором. Благодаря ему я нашла Асмодея. Поставь мне в заслугу хоть это.

И она рассказала, что уже собиралась выбираться назад из скачка в будущее, когда хронодетектор обнаружил какой-то непорядок в близком времени. Неподалеку свивался небольшой хроноворот, в кольцо замкнувшегося на себя времени металось материальное тело. Она догадалась, что естественные хроновороты так далеко от полюсов не возникают — он мог быть только искусственным. И когда ударом из своего хроногенератора разорвала хронокольцо, из него вывалился Асмодей. Подробности он расскажет сам.

— Это произошло, когда Аркадий с двумя дилонами бежали в мертвый лес, которого страшно бояться все хавроны, а я остался прикрывать их бегство, — рассказывал Асмодей. — Я был в линии № 3, вы ее еще не видели — настоящий стереозавр с полным набором зубов, к тому же огнедышащий. Подлинное страшило, вы в этом сами убедитесь, когда подремонтируюсь. Хавроны стали меня одолевать. Хронотрансформатор был на издыхании, но вынес меня в иновремя, зато отказал при возвращении. И я запутался в новом времени, только не знаю, каком, все так повторялось, что звенели все контакты в мозгу. Если бы не Мария, мне бы крышка, хотя никакой крышки над собой я не видел — и не совсем понимаю, почему вы, люди, так любите это словечко. Но главное не во мне, главное в том, что я увидел в будущем — я такое увидел! Не поверить! Сейчас я вам все расскажу...

— Ты расскажешь потом. Аркадий, значит, спасся в каком-то лесу? — спросил Кнудсен.

— Он побегал в обезумевший лес, так его называют хавроны, они его ужасно боялись. Они его не преследовали, да и я бы не пустил. А что с ним теперь — не знаю.

Кнудсен распорядился:

— Будем отыскивать Аркадия и его спутников. Мария, поручаю это тебе. Возьми Асмодея.

— Одного Асмодея может не хватить. Разреши взять в помощники десяток хавронов и двух-трех Бессмертных. Что они будут вести себя смирно, уверена.

— Бери кого хочешь, хотя в смирении рангунов я не уверен.

Мария повторила, что убеждена в покорности Бессмертных, но какая-то капля сомнения оставалась и у нее. Вспоминались древние книги о покорении одних народов другими: в них ярко живописались восстания против покорителей и угнетателей. Что хронавты не угнетатели, рангуны убедятся быстро, но покорителями они остаются в любом случае. И, направляясь из салона в трюм, где разместили Бессмертных, Мария тихо твердила про себя строчку из романа о приключениях астронавтов на прекрасной планете, населенной высокоразвитыми гуманоидами. Ни планеты, столь прекрасной, ни совершенных гуманоидов реальные астронавты за двести лет после выхода романа в свет так и не обнаружили — ни в ближнем, ни в дальнем космосе. «Мы покорители сердец, мы завоеватели душ!» — говорил герой романа жителям удивительной планеты, и добросердечные аборигены — волей автора романа — немедленно раскрыли души и отдали сердца покорившим их людям. Мария утешила себя еще одной древней цитатой из кодекса завоевателей и покорителей — она звучала не так красиво, зато внушительно: «Пусть не любят, лишь бы вели себя смиренно».

Пленные рангуны вели себя смиренно. Предоставленный им пустой трюм был достаточно обширен, чтобы вместить пленников и побольше. При появлении Марии все рангуны поспешно выстроились как на параде. Ватута церемонно наклонил голову и чуть отвел назад руки. Асмодей, вошедший вместе с Марией, немедля повторил приветствие Ватуты, ему понравилась красивая поза: наклоненная голова, отброшенные назад руки — и уважение, и непринужденность, отлично подойдет к личине № 17. Мария ограничилась тем, что впервые внимательно присмотрелась к Ватуте — в пылу вторжения в пещеру было не до любования ошеломленным противником. Властитель Бессмертных был импозантен — рослый, крупноголовый, с цилиндрическим туловищем, лишенным бочкообразности, отличавшей почти всех рангунов, с пропорциональными туловищу ногами. Он вполне годился быть статуей самого себя, на такую статую и на Земле ребята взирали бы без смеха — в отличие от бочек на журавлиных ногах-рычагах, какими скульптор должен был бы изобразить остальных Бессмертных.

— Ватута, попрошу тебя об одной услуге, — дипломатично начала Мария.

Он явно не поддавался на дипломатические приемы.

— Твое дело повелевать, мое — исполнять, — промолвил он на приличном человеческом языке — общение с Бахом дало плоды.

Мария решила, что еще не время перевоспитывать Бессмертных. Хорошо: повеление, а не просьба. Надо спасти хронавта Аркадия Никитина и двух его спутников-дилонов, бежавших от хавронов в какой-то мертвый лес. Она хочет, чтобы Ватута сопровождал ее в спасательном отряде со своими помощниками, которых сам отберет.

Асмодей не преминул поспешно объявить:

— Я поведу отряд. Я хорошо помню пещеру, где задержал хавронов, когда они хотели помешать нашему бегству.

Ватута снова наклонил голову — на этот раз такой жест можно было истолковать как знак согласия.

— Пусть ведет блистательный Асмодей, он отважно сражался против моих солдат. Удивляюсь только, что он остался в живых; в последнем донесении Клаппы сообщалось, что Асмодей погиб в битве, а трое других беглецов, несомненно, погибнут, ибо скрылись в безумных лесах, где все противодействует жизни. Даже мы, Бессмертные, избегаем их. Впрочем, я пойду в любое место, куда поведешь, Повелительница!

— Ты уверен, что наши друзья погибли? — спросила Мария, обеспокоенная легкой иронией в ответе Ватуты.

Он выразительно показал на киборга.

— Я был уверен в его гибели, а он жив. Вы умело творите чудеса. Не буду поражен, если в гуще леса повстречаем твоих друзей, веселых и здоровых. После того как ты, внезапно появившись из небытия, взяла нас всех в плен, о чем бестолковые дилоны даже подумать не осмеливались... В общем, я теперь допускаю и недопустимое!

Мария отметила, что общение с Бахом принесло и еще один результат — Властитель Бессмертных не только хорошо объяснялся по-человечески, но и приобрел навыки земного оратора. В данной ситуации он мог бы разглагольствовать и не так напыщенно — и Мария постаралась показать, что лучше бы ему держаться по-иному.

— Три минуты на сборы! Все, кто не в поход, перемещаются из планетолета в другие помещения корабля. Асмодей, быстро!

Планетолет с пассажирами стартовал на север. В рубке у пульты села Мария, рядом разместился Асмодей, позади обоих — невозмутимый Ватута. Сперва потянулись дремучие леса, такие же, как в Дилонии, только гуще — исполинские голубые деревья с пышными кронами. В глаза сверкала Гаруна Белая, был ее час на небосклоне. Сбоку сияла Гаруна Голубая. По мере углубления на

север Белая звезда смещалась вбок, прямо по курсу легла Голубая. Густые леса разрежались: деревья теряли свою высоту и яркость, чаща перебивалась кустарниковыми зарослями, появлялись пустоши, их становилось все больше.

Пейзаж все сильнее омертвлялся — сухие деревья, голые холмы, тускло поблескивающие озера... Ватута, молчавший всю первую половину полета, подал голос:

— Повелительница, ве́ди корабль осторожнее. Впереди пещера, где хавроны держат нашу последнюю заставу.

Мария посадила планетолет у озера против горки, где неширокий лаз вел в пещеру. Площадка перед пещерой хранила следы недавней битвы — валялись трупы хавронов, оружие, остатки боевой личины Асмодея. Киборг поднял обломки зубастой головы.

— Все поломано, Мария. А какой был зверь! Нет, какой зверь! Глаза — факелы, рот — пылающее горнило, каждый зуб — раскаленный металл! А шерсть? Не шерстинки — электрические разряды. Ты бы посмотрела, Мария, как шарахнулись от меня хавроны.

Мария велела идти в пещеру. Асмодей ручным фонарем осветил картину побоища. Всюду лежали мертвые тела — перекоренные, раздробленные, расчлененные; труп возле трупа, труп на трупе. Тяжкое безмолвие нависло над могилой. Асмодей прислушался — и его обостренный слух не уловил ни вздоха, ни стога.

— Мой храбрый Клаппа, — спокойно проговорил Ватута, показывая на растянувшегося во весь рост хаврона. — Лучший солдат моей армии. Его одного хроноворот не разорвал на части.

Планетолет снова поплыл над лесом. Индикаторы обшаривали каменные деревья. Минута шла за минутой, час за часом — беглецов не было видно. Мария повернула к Ватуте побледневшее лицо.

— Неужели Аркадий погиб?

Рангун вежливо проговорил:

— Радуйся, что никого не видишь. Мертвые деревья отбирают жизнь, но тела оставляют. Раз нет трупов беглецов — значит, им удалось пробраться сквозь чащу. Хавронам это еще не удавалось.

— А Бессмертные эти места не посещают?

— Бессмертные эти места не посещают, — бесстрастно повторил Бессмертный № 3.

Лес стал меняться, появились живые стволы, их становилось больше. Индикатор показал, что вдали движется человеческая фигура. Мария впиалась глазами в экран. Это мог быть только Аркадий, но бредущий в лесу человек — пошатывающийся,

старчески согнутый — мало напоминал того юного Аркадия, какого она знала. Человек упал, с усилием повернулся на спину и замер, обратив неподвижные глаза к тусклому небу. Мария опустила планетолет на кучку деревьев — кроны посыпались в стороны, стволы затрещали — и первой выскочила наружу.

Она упала возле Аркадия, схватила его, тормозила, целовала, громко звала:

— Сын мой, родной мой, мы нашли тебя, мы спасли тебя!

Он глядел на нее большими, серьезными, лишенными мысли глазами.

6

Кнудсен оглянул салон. Все пятеро снова были вместе — он сам, сидевший под изображением так странно похожего на него бога Хроноса; Мария, свободно откинувшая голову на спинку кресла, — ей шла эта непринужденная, не лишенная какой-то значительности поза; Бах, с ногами забравшийся в свое кресло, — он любил, усаживаясь, превращать себя в подобие комка; Аркадий, бессильно распростершийся на диване; и Асмодей, отремонтированный, вычищенный, в своей любимой личине № 17 — для нее в его багаже оказался полный дубликат деталей.

— Были несчастья — преодолели, — сказал Кнудсен. — Что дальше?

Бах незамедлительно откликнулся:

— Одно из двух: либо улепетываем восояси с этой негостеприимной планетки, либо задерживаемся на ней. Но для чего?

Мария поморщилась.

— Мне не нравится формула — улепетывать. И где расположено это твое «восояси»? Воротиться на Землю? Выискивать новые негостеприимные планеты? Возвращаю тебе твой вопрос: для чего?

Бах, обожавший научные дискуссии, с увлечением начал спор.

— Очень даже для чего! Вспомни рейсовое задание. Открывать неизвестные цивилизации в мирах с иным физическим временем, поскольку в космосе неизвестных цивилизаций уже нет. И среди неоткрытых цивилизаций обнаружить ту сверхцивилизацию, тех воплощений Высшего Разума, которые три миллиарда лет назад высаживались на Землю и так удивительно походили на современных людей. Дилоны причисляют себя к воплощениям

Высшего Разума, но, думаю, не только Высший, но и обычный разум не всегда найдешь у прекраснодушных дилонов — не говорю уже о дубоватых рангунах, числящих себя вне добра и зла. И те, и другие, к тому же, не человекоподобны. В общем, на Дилоне задание выполнить нельзя. Так в чем же дело? Искать в иных местах!

— Ты ясен, — сказал Кнудсен. — Аркадий?

Аркадий с усилием приподнялся. Исхудавшее, побледневшее лицо кривилось — не то от боли, не то от слабости. Он отдыхал после каждых двух-трех слов, произнесенных слабым голосом:

— Да, не находим... Но дилоны, наши друзья... попали в беду... Предательство — оставить их...

Потратив минуты три на несколько фраз, Аркадий снова откинулся на диван. Мария с нежностью поправила накинутый на него плед.

— Ты, Мария? — спросил Кнудсен.

— Оставаться, — твердо сказала она.

— Итак, тебя никто не поддерживает, Миша, — резюмировал Кнудсен. — Я тоже против того, чтобы покинуть Дилону сейчас.

— Ты приписываешь мне то, чего я не желаю, — хладнокровно отпарировал Бах. — Я и не думал предлагать бегство.

— Если я правильно понял тебя, Миша...

— Ты неправильно понял! Я сказал, что есть две возможности: уходить или оставаться. И каждую можно доказательно обосновать. И я показал, что бегство вполне укладывается в задание рейса. Но я вовсе не стремлюсь бежать с Дилоны. Наоборот, намерен уговорить вас на радикальные меры по оздоровлению планеты. В корне переменить существование рангунов и дилонов — вот моя идея!

— В наше рейсовое задание не вписано вмешательство в жизнь народов, которые мы повстречаем, — напомнил Кнудсен. — Любям только в исключительных случаях разрешено менять образ жизни инопланетян.

Бах ожидал такого возражения. Основа для серьезной дискуссии была создана. Она привскочил на кресле.

— Утверждаю, что на Дилоне исключительная ситуация, требующая нашего вмешательства. Совражество дилонов и рангунов социально бессмысленно и морально нетерпимо. Нужно покончить с их враждой. И чтобы разделаться с ней, вижу только одну эффективную меру. Вы спрашиваете — какую?

— Еще не спросили, но спросим.

— Покончить с бессмертием рангунов — вот единственный способ ликвидировать междоусобицы на Дилоне! — торжественно возгласил Бах.

Он наслаждался эффектом. Мария не сдержала возгласа негодования. Аркадий ничего не сказал, но было видно, как жестоко задела его слова академика. Один Кнудсен сохранил спокойствие, даже иронически улыбнулся — молчаливая улыбка отвечала какой-то собственной мысли.

— Ты хочешь уничтожить рангунов, чтобы ликвидировать их вражду с дилонами? — спросила Мария. — Радикально, конечно...

Бах энергично прервал ее:

— Но глупо — во-первых и преступно — во-вторых, ты это хочешь сказать? Полностью согласен — преступно и глупо! Друзья мои, и мысли не держу уничтожать рангунов, это было бы чудовищно. Нет, надо просто превратить рангунов из бессмертных в смертных. Пусть живут долго, но бессмертие — ликвидировать! Ибо бессмертие аморально, а любая аморальность неизбежно становится преступлением. Хотите обоснований?

— Обосновывай! — разрешил Кнудсен. — Послушаем, как археолог превращается в философа.

Бах махнул рукой. Нет, в философа он не превратится, он из тех сверчков, что знают свой шесток. Но есть изначальные понятия, свойственные каждому, — он будет говорить о них. Итак, бессмертие. В принципе, в бессмертии нет злодейства, оно даже кажется высшим благом бытия — люди всегда мечтали стать бессмертными. Но, к счастью, значительно продлив жизнь, бессмертными так и не стали. Ибо что такое бессмертие? Отмена пределов жизни, иначе — превращение необходимости во вседозволенность. Вату-та, доложу вам, не дурак, он сразу сообразил, что наши понятия добра и зла связаны с бранным бытием человека. Он издевательски обозвал человеческую мораль техникой безопасности нашего существования — и многое тут верно, не буду отрицать.

— Но посмотрите, — с увлечением ораторствовал Бах, — что следует из их удивительной философии, отвергающей великую формулу «надо», издевающейся над понятием «польза». В существовании исчезает разум, отыскивающий самый полезный и справедливый путь в голой необходимости жизни, — и оно само становится бессмысленным. Для чего им бессмертие? А ни для чего! Ибо не содержит в себе цели, просто есть и не требует никаких усилий. Но существование без деятельности невозможно — потребность в деятельности свойственна всему живому. Они дея-

тельны, но деятельностью бессмысленной. Строить, чтобы разрушать, воевать ради войны. Даже жизнь свою не украшать, не улучшать, не совершенствовать! К чему ее совершенствовать? Украшательство от нужды, а они не знают нужды ни в чем.

— Что лихорадочная деятельность рангунов превращается в пустую суету, мы знаем и без твоей лекции, Миша, — заметил Кнудсен.

— Нет! — воскликнул Бах. — Нет, Анатолий, не хлопотня, а трагедия. Хлопотливое строительство превращается в разрушение, деятельная война порождает уничтожение противника. Война на Дилоне не просто длится, она усиливается, она не может не усиливаться. И окончится она лишь взаимным истреблением дилонов и рангунов. Это неизбежно, друзья мои! Бессмертие неспособно вечно сосуществовать со смертной жизнью. Такое сосуществование взрывает само себя. И мы должны совершить гуманную операцию: ликвидировать бессмысленное бессмертие рангунов.

— Гуманную, ты сказал? — переспросила Мария. — Я по-иному представляла себе это понятие.

— Гуманную! — повторил Бах. — И это не парадокс. Настоящая жизнь у рангунов начнется, когда они покончат со своим бессмертием.

— Когда мы покончим с их бессмертием! — спокойно поправил Кнудсен.

— Да, мы! Сами они на это не пойдут, ибо не представляют себе нормальной жизни. Какие возможности интеллекта открывает жизнь, лишенная тупой бесконечности! Оберегать свою жизнь — и разрабатывать тысячи средств обережения! Превращать из короткой в долгую — и еще больше усиливать свой разум! Украшать существование, превращать его из только биологического в эстетическое! Заботиться о потомстве, которого бессмертным не нужно, испытывать любовь, нежность, страсть — ведь всего этого они сейчас лишены. Наполнить жизнь любовью и красотой! Рангуны способны возводить дворцы, но прозябают в пещерах — такова цена их бессмертия. И когда увидят они, что конец жизни неизбежен, то постараются не только отдалить его, но и облагородить все, из чего складывается существование. Тогда и народятся те законы справедливости и добра, которых так не хватает рангунам сегодня.

— Какой гимн смерти! — сказала Мария, качая головой. — Вот уж не ожидала, что твоя любовь к парадоксам простирается так далеко.

— Гимн жизни, а не смерти! Мария, ты геноконструктор, ты творец жизненных форм, ты лучше нас должна понимать, что бессмертие неэтично, что только нормальная жизнь прекрасна. Ты ведь ни разу не создавала бессмертных животных.

— Просто не умею их конструировать. Не знаю, как бы я поступила, если бы умела.

— Зато я знаю. Отвергла бы бессмертных животных как объекты, лишенные стимула к усовершенствованию.

Бах с торжеством оглядел друзей. В том, что переубедил всех, он уверен не был, но что неотвергаемых возражений не встретит, не сомневался.

— Очень хорошо, — сказал Кнудсен. — Допустим, мы приняли твою концепцию аморальности бессмертия. И допустим, твое красноречие покорит и Ватуту, и всех его Бессмертных. Но как тогда внедрить у них это смертное существование со всеми его прелестями — любовью, заботой о продлении рода, украшениями быта? Имеешь конкретные идеи по этой части?

— Об этом пока не думал.

— Напрасно. У меня подозрение, что если рангуны и примут твои идеи об осмысленном существовании, то не согласятся со средствами, какие ты придумал.

— Я еще ничего не придумал.

— Зато я думал за тебя.

— Ты знал, что я хочу предложить?

— Догадывался, скажем так.

— Как ты мог догадываться?

— Думал о том же, о чем думал ты!

— И дошел до тех же выводов?

— Не дошел, а меня довели. Я разговаривал с природой.

— У тебя есть способ непосредственного общения со всей природой?

— Не со всей природой, а с ее полномочным представителем.

— Кто же этот полномочный представитель природы?

— Можешь посмотреть на него.

Кнудсен указал на Асмодея. Радость и смущение — для человекоподобия — были порознь внедрены в сознание Асмодея. Но радостное смущение не было запрограммировано, он дошел до такого чувства собственным усилием. И ухмылку на его лице можно было назвать только радостно-смущенной. В отличие от киборга, капитан хронолета выглядел серьезным и хмурым. Бах воскликнул:

— Ожидая чрезвычайных известий! Верно, Анатолий?

— Верно, Миша. Иначе, как чрезвычайными не назвать те сведения, какие принес Асмодей из своего побега от хавронов. Спасаясь от них, он ускользнул не в фазовое время, что было бы проще, а унырнул в будущее. И по запарке оказался в далеком «потом». Что он там увидел, я переведу на экран. Асмодей, садись в демонстрационное кресло. Сосредоточься на выдаче картин, а комментировать буду я.

7

Демонстрационное кресло помещалось в нише салона. Кнудсен выкатил его на середину.

— Первая картина на экране, — сказал Кнудсен.

Это было сражение киборга с хавронами. В сторонке, в поле бокового зрения Асмодее, промелькнул Аркадий с Саланой на руках, рядом торопился Уве Ланна. На Асмодее наседали хавроны, он отбивался — экран полосовали выбросы пламени из рта ящера; падали, воя и извиваясь, лохматые солдаты. Потом взметнулся сорванный резонатором спинной гребень и, трепеща и содрокаясь в остаточной вибрации, покатился по земле. За гребнем посыпались другие части оболочки ящера. Пламя и дым ослабели. На экран вырвалась свирепая морда Клаппы — осатаневший хаврон пошел на единоличную схватку с киборгом. Картину затянуло туманом, в тумане сновали темные силуэты.

Кнудсен прокомментировал первую картину:

— Асмодей понял, что хавронов не одолеть, что Аркадий с дилонами успел убежать далеко в лес и что надо теперь бежать самому. Обычный побег в пространстве исключался. Асмодей повернул регулятор хрономоторчика на предел, но выскользнул, как я уже говорил, не в боковое время; а напрямик в грядущее. Посмотрите, что он там увидел.

Асмодей удирал не только во времени, но и в пространстве — мир на экране пустился в ошалелый пространственно-временной танец. Леса вырастали и рушились, в лесах бежали, как живые, реки — они бросались то вправо, то влево, вдруг пересыхали, вдруг набухали сверх берегов. Одна гора, оставаясь на своем месте, внезапно побежала за другой горой, та тоже стояла на месте и тоже бежала. Горы были невысокие, остроголовые — скорее крупные скалы, чем горы; их некогда выперло из недр, они держались подошвами в недрах — и вместе с тем непостижимо

неслись по экрану вместе с державшей их почвой. Одна из гор догнала другую, рухнула на нее — взрыва не было, грохот не прозвучал, только мириады камней заполнили весь экран. Мария отшатнулась, в лицо ей метнулась глыба, но, не долетев, пропала. Мир путался в самом себе, расшвыривал и судорожно захватывал все, чем был: леса, горы, небо, реки, даже светила — одна Гаруна бледнела и терялась, падая за горизонт, другая увеличивалась и накалялась — с экрана повеяло жаром. Мария прикрыла рукой лицо, Аркадий что-то пробормотал, Бах вскрикнул.

— Тысячи лет истории планеты, сконцентрированные в минуты хронобега Асмодея, — прокомментировал Кнудсен. — Сейчас Асмодей впадает в ужас, что забрался чрезмерно далеко, и пытается затормозить бег времени. Картина третья. Полюбуйтесь, что ждет Дилону через два или три тысячелетия.

Экран уже не показывал ошалелый бег изменений во времени, теперь мир менялся в пространстве. Асмодей пронесся на экране над городом дилонов. Груда обломков чернела там, где он когда-то высился. Ни одного дилона не виднелось среди обломков, только в сторонке от бывшего города темнело нагромождение предметов. Асмодей устремился к нему — горка мертвецов, трупы, одни трупы. Собрание мертвых тел унеслось в сторону — киборг бежал из страны дилонов.

— Картина четвертая: рангуны, — сказал Кнудсен.

Рангунов тоже не было. Не было и города с попеременно возводимыми и разрушаемыми зданиями — такая же груда развалин, что и у дилонов. В восемь глаз всматривались хронавты в мертвую площадку в горах, где в прошлом так шумно сновали лохматые обезьяноподобные хавроны, смиренно плелись пленные работяги-дилоны, важно вышагивали на журавлиных ногах бочкообразные рангуны. В сторонке от погибшего города мелькнула какая-то фигурка, Асмодей устремился к ней. У голубого великана-дерева сидел рангун, он скорбно взирал на них. Такого рангуна не могло быть, он был очень стар — еще ни одного старика не встречали люди среди Бессмертных. Все запертые сейчас в хронолете были в цветущем возрасте: кто просто юн, кто уже в зрелой поре — ни одного ребенка, ни одного старца. У ног старика, на земле, высветились две фигурки — ребенок, раскинувший ручки, и второй старец, много дряхлее первого. Оба были еще живы, еще слабо шевелились, но смерть уже вцепилась в них — и ребенок, и старец умирали. А первый, живой старик плакал, тряс седой головой.

— Как похож этот ребенок на Ватуту! — воскликнула Мария.

— А плачущий старец — копия Кагулы, Бессмертного № 29, моего, смею думать, доброго друга среди рангунов, — сказал Бах. — Но как он чертовски постарел! Просто безмерно стар! А кто все же третий? Во время суда надо мной присутствовали все Бессмертные — ни один не похож на умирающего старика. И на тех, кто сейчас на корабле, не похож.

— Возможно, мы захватили не всех Бессмертных, — отозвалась Мария. — Но неужели через два тысячелетия останутся только эти трое умирающих? Асмодей, можешь мне ответить?

— Только трое; Мария. Я несколько раз облетел всю Рангуннию, никого больше не было.

— Картина пятая, — объявил Кнудсен. — Присмотритесь теперь к светилам: в них перемены, предвещающие важные события.

На экране сильно увеличилась Гаруна Голубая и столь же сильно потускнела Белая. Мария повернулась к иллюминатору, чтобы поглядеть, что снаружи: но там свирепо сверкала Гаруна Белая, томно светила Гаруна Голубая, ее скромное сияние терялось в неистовом излучении Белой сестры. А на экране Голубая звезда забивала Белую. Бах задумчиво сказал:

— Впечатление, будто Гаруна Голубая перетянула Дилону поближе к себе. Но как это возможно?

— Впечатление правдивое, — сказал Кнудсен. — Я выключаю экран, остальные картины не так интересны и не так важны. Асмодей, ты свободен.

Асмодей выскочил из тесного кресла и, страшно довольный, что вызвал у людей волнение, пристроился у стены. Улыбки разных сортов не были заранее для него разработаны, он был оснащен лишь ухмылкой, но умел сам разнообразить ее — сейчас она изображала почти торжество. Картины грядущего были трагичны, торжествовать было не ко времени, но Асмодей радовался, что свое дело — добыть важные известия — проделал отлично.

— Я не астрофизик и не хронист, — сказал Бах. — Мария в хронистике смыслит не больше моего. Объясни нам, Анатолий, возможно ли зафиксировать грядущее зримой картиной? Ведь грядущего еще нет, оно только грядет, как же фотографировать то, чего нет? По-моему, видения Асмодея — обычные футурологические прогнозы, лишь облеченные в живописные картины.

Кнудсен ответил:

— Нет! Картины Асмодея не гипотезы, а фотографии реальной действительности. И хоть это действительность далекого завтрашнего дня, она не становится от этого менее реальной.

— Значит, и города дилонов, и города рангунов, и сами дилоны, а с ними рангуны с хавронами реально погибнут в скором будущем?

— Нескоро, но непременно погибнут.

— Тогда повторю свой вопрос. Как заранее сфотографировать то, чего еще нет? Никогда не слыхал об этом!

— И этим доказываешь, как далек от астрофизики. Уже пять веков назад астрофизики знали, что реально существует то удивительное явление, которое ты и сегодня отказываешься признать: реальной картины увидеть грядущее. Именно тогда они обнаружили необычайные звезды и выразительно наименовали их черными дырами. При некоторых условиях обычная звезда вдруг схлопывается, превращается из огромного космического тела в небольшой шарик с невообразимой плотностью — в миллиарды раз плотнее воды. Все частицы, все кванты света, пролетая мимо такой звезды, поглощаются ею, как бы проваливаясь в дыру. Для постороннего наблюдателя звезда выпадает из времени, погружается в вечность. А если бы на ней существовал наблюдатель, он, наоборот, увидел бы, как все окружающее время стремительно сжимается, превращается из необозримо длинной линии в точку. И этот наблюдатель воочию увидел бы все будущее Вселенной — вплоть до последнего мига ее существования. И — будь у него фотоаппарат — сфотографировал бы бесконечное грядущее как сиюминутную реальную картину. Вот что знали астрофизики двадцатого столетия и чего ты, Миша, не знаешь в столетии двадцать шестом.

— Принимаю упрек в невежестве. Но почему Дилону ожидается такое трагическое будущее? Можешь объяснить это так, чтобы я понял?

Кнудсен видел трагедию Дилоны в том, что она обретаается в сфере притяжения двух звезд. В местном космосе Гаруна Голубая чужеродна. Эту звезду как-то вышвырнуло из мира антивещества в местный мир. В пространственном «недалеке», очевидно, имеется галактика из таких же звезд, как она. Для местного космоса та галактика невидима, она схлопнулась в точку, закуклилась в самой себе — тот самый «фридмон», закрытый наглухо звездный мир, о котором немало писали еще в двадцатом веке, но который пять последующих веков так и не удалось обнаружить. Так вот, выброшенную из фридмона Гаруну Голубую снова

втягивает туда, она неотвратимо тянет за собой и прихваченную планету. В настоящем на Дилоне действуют оба времени — прямое, и обратное. Этим и объясняется рассинхронизация в телах дилонов, единственная их хворь, как они нам горестно поведали.

— По-твоему, и они, и их города погибли в будущем... извини, погибнут в будущем от усиливающейся рассинхронизации?

— Они погибнут раньше! Усилится их вечная война с рангунами — вот отчего погибнут дилоны. А рангуны потеряют свое биологическое бессмертие.

— Тогда новый вопрос: почему они его потеряют?

Кнудсен пожал плечами, Мария сказала:

— Мне кажется, это лучше растолковать мне. Я все думаю о том умирающем младенце с лицом Ватуты.

И Мария объяснила, что бессмертие рангунов циклично, а не линейно. Люди ведь как рисовали образ бессмертного существа? Бытие тянется вечно, все вокруг стареет и уничтожается, а бессмертный — например, божество — пребывает в неизменности. «Дурная бесконечность» — так презрительно называл когда-то подобную повторяемость философ Гегель. А писатель Свифт поиздевался над бессмертием, законсервировав навечно не молодость, не зрелость, а немощь и дряхлость. У него некие струльдбруги, лишь достигая старости, обретают бессмертие — жалкое, безрадостное, полное мелких свар и лишений. Так вот, бессмертие рангунов совсем иное. В нем гармонически соперничают два тока времени — прямой и обратный.

В этом месте Бах прервал Марию:

— Я доказал вам, что бессмертие рангунов аморально, а ты заговорила о гармонии в зле и бессмысленности? Гармония — это красота! Аморальность — уродство!

Мария с улыбкой возразила:

— Не переходи меру, Миша! В отличие от человека, природа не признает прямых линий и дурных бесконечностей — даже свет искривляется в поле тяготения. Гармония в природе одинакова и в том, что мы называем злым, и в том, что расценивается как добро. А биологическое бессмертие рангунов создано природой.

Противоборство времен, продолжала Мария, почти не меняет процессов в мертвой природе. Зато живая ткань чувствительней. Деревья омертвляются, когда в них возникает переброс времени, дилоны заболевают рассинхронизацией, а рангуны избежали рассинхронизации, переходя от одного тока времени к другому. Так создалось циклическое бессмертие: когда господствует время

Гаруны Белой, они развиваются в прямом направлении — взрослеют, постепенно стареют. А когда пересиливает Гаруна Голубая, столь же постепенно совершают обратную эволюцию — и молодеют. Амплитуда между старением и омоложением пока не очень велика, сами рангуны, возможно, и не ощущают, что молодеют и стареют. Но видения Асмодея показывают, что циклическое движение в дальнейшем превысит жизненные пределы. Цикл расширит свои границы. Рангун в прямом развитии докатится до старости, а в обратном низвалится до младенчества. А при дальнейшем раздвижении цикла превзойдет и эти граничные межи: одни будут умирать от дряхлости, ибо за дряхлостью нет продолжения жизни, а другие от прогрессирующего младенчества, ибо за ним еще не началась жизнь. Так прекратится циклическое бессмертие рангунов.

Некоторое время в салоне стояла тишина. Капитан хронолета прервал затянувшееся молчание:

— Итак, перспектива ясна: никакой перспективы! Не говорю о будущей катастрофе, но и сейчас все скверно. Вещий Старец обвиняет нас в обострении войны...

— Ты хочешь вмешаться в их борьбу?

— Мы уже вмешались, Миша. Мы силой освободили тебя, а всех Бессмертных взяли в плен. Остановиться на этом нельзя. Я хочу прекратить войну рангунов с дилонами.

Бах высоко поднял брови.

— Прекратить войну, которую ведем не мы? Но как? Воспретить ее специальным приказом? Провести среди противников красноречивую агитацию?

— И это, не смейся! Для агитации используем твое красноречие, Миша. Я уничтожу все боевые арсеналы на Дилоне. Сделаю войну технически невыполнимой — вот мой план. Ликвидирую все виды оружия, все технические возможности войны. «Гермес» не уйдет с Дилоны, пока не выполнит этой первоочередной задачи.

С дивана раздался слабый голос Аркадия. Штурман хронолета все обсуждение промолчал, а сейчас, с усилием приподнимая голову, вступил в разговор:

— Анатолий, ты сказал «первоочередная задача». Значит, есть задачи второй и третьей очереди? Асмодей показал, что жизнь на Дилоне должна погибнуть. Она уже и сейчас гибнет, омертвление распространяется... Если бы вы блуждали в том лесу... Равнодушно покинуть планету перед катастрофой!.. Такие оснащенные,

такие могущественные!.. Бездействовать перед свирепым своеволием природы!..

Он снова откинулся на диване. Его жалоба воспламенила увлекающегося Баха. Археолог энергично хлопнул себя по коленям.

— А что? Идея! Побороться не с рангунами и хавронами, а с самой природой! Те же дилоны... Они кое в чем превосходят нас, но куда больше отстают; а ведь ставят перед каждым задачу — опровергнуть хоть один закон природы. Чем мы хуже их? Так давайте опровергнем безобразие, которое устраивает астрофизика с Дилоной!

— Что конкретно предлагаешь?

— То самое, что требуется! Увести Дилону от Голубой Гаруны. Воротить в лоно родной звезды, чтобы больше не было ни хроноворотов, ни рассинхронизаций, ни чертового циклического бессмертия. А средства — ваше дело, астрофизики!

С дивана снова подал голос Аркадий:

— Анатолий, астроинженеры меняют орбиты планет. Та же Урания... Ее ведь отвели от Латоны незадолго до твоего прилета.

Кнудсен вслух размышлял:

— Это произошло, когда Гриценко налаживал свою первую хронолабораторию. Использовали вулканическую потенцию Урании: одни вулканы притушили, другим надали жару. А отдача от их взрывов превратилась в космическую двигательную силу. Урания умчалась в направлении, противоположном тому, куда извергались вулканы. Были и тормозные вулканы, остановившие ее бег в заданное время.

— Короче, превратили Уранию в ракету, а потом затормозили в нужном месте, — сказал Бах. — Вот и решение. Разожжем на Дилоне вулканы и отгоним от Гаруны Голубой на орбиту Гаруны Белой.

Кнудсен покачал головой.

— Миша, Дилона — планета, где легко вызвать недротрясения. Но вулканизма она лишена. В ней отсутствует раскаленное ядро.

— Не имела, так будет иметь! Заразить ее недра искусственным жаром! Использовать для этого естественный атомный реактор, открытый вами в какой-то долинке.

Кнудсен задумался.

— Превратить ослабевший ядерный реактор в искусственный вулкан? Можно попробовать... Кстати, на Земле естественные атомные взрывы уже происходили. В Африке, в Нигерии, нашли остатки ядерного реактора, образовавшегося путем слияния жидких

урановых руд в критическую массу. Правда, это было полтора миллиарда лет назад, и ядерный взрыв был несильным... Хлопок в атмосферу, а не вулкан.

— Об открытии в Нигерии я тоже знаю. Но мы на Дилоне разожжем пожар, которому позавидует сам огненный работяга Гефест или его римский тезка Вулкан. Между прочим, у римлян Вулкан обладал великой привилегией на десять лет отсрочивать любой приговор судьбы. Даже Юпитер не имел таких прав, а бог огня противостоял самой судьбе. Вот какое уважение он заслужил — можно сказать, был первым опровергателем законов мироздания. Слепая судьба гонит Дилону на гибель в какую-то черную яму...

— Черную дыру, — спокойно поправил Кнудсен.

— Я так и говорю — черную дыру схлопнувшегося звездного мирка. А мы не дадим судьбе своевольничать — у нас вулкан не на десять лет, а навсегда отведет от Дилоны уготованный ей скорбный жребий!

Кнудсен заговорил тоном командира, принявшего окончательное решение и отдающего приказы исполнителям:

— Вулканом займешься ты, Миша. Помощником твоим назначаю Асмодея. Тебе, Мария, ставлю задачу дипломатическую. Ватута именует тебя Повелительницей. Но искренно ли его смирение? Если ты убедишь рангунов, что можно спасти Дилону, немалая часть затруднений будет преодолена. Нужно и от дилонов получить согласие. У Миши еще при первой встрече завязалась дружба со Старейшинами — воспользуемся этим. А я буду отыскивать и уничтожать технические средства войны. Поможет мне Аркадий. Он еще слаб, но выздоровление наступит скоро.

Кнудсен глядел на распростертого на диване молодого хроноштурмана. Суровое лицо капитана «Гермеса» светилось ласковой улыбкой.

8

Мария часто посещала помещение, отведенное пленным рангунам, — и Бессмертные встречали ее с такой приветливостью, что она казалась радушием. Уже не один Ватута, но и остальные Бессмертные показывали, что видят в Марии истинную Повелительницу, — она подозревала, что кое-кто готов причислить ее к обладателям Высшей Силы.

Лишь одно тяготило пленных — и Мария хотела сыграть на этом, как на козырной карте. Уже на второй день плена, когда несколько умирилось смятение от неожиданного поворота судьбы, Ватута с сокрушением признался Марии:

— Все хорошо, Повелительница, но, видишь ли, нам нужно дело. Мы принципиальные враги безделья. Кагула, Бессмертный № 29, горюет, что строительство и разрушение в городе лишено надзора, он у нас Верховный Строитель-Разрушитель. Ленивые дилонны способны лишь на длительные размышления о пустяках, а хавроны нерадивы...

Мария в той беседе строго оборвала Властителя Бессмертных:

— У людей создалось нехорошее впечатление о вашей суете, — она сознательно употребила презрительную оценку Баха. — И мы постараемся подыскать вам занятие поэффе́ктивней.

— Полезное, да? Коротышка археолог, он же Бах, поведал нам, что люди признают единственное божество — пользу. Он не преувеличивал? — в очень вежливом, почти смиренном вопросе Ватуты Мария уловила иронию. Возможно, чтобы скрыть ее, Ватута склонился в почтительном поклоне. — Повелительница, мы будем работать на вашу пользу.

— На свою пользу, Ватута! Для себя, а не для нас.

Ватута снова поклонился. Мария могла бы поручиться, что его угодливые поклоны совершаются не столько для свидетельства покорности, сколько чтобы скрыть насмешку в глазах.

И отправившись выполнять задание капитана хронолета, Мария готовилась напомнить Ватуте о его просьбе приобщить их к делу. Рангуны повскакали с мест и поспешили навстречу Марии. Радостно ухмылявшийся Кагула протиснулся ближе всех — этот веселый Бессмертный всегда старался стать рядом с ней. Мария дружески положила руку на его плечо, Кагула счастливо осклабился. К нему пробилось еще двое Бессмертных, Кадана и Варана: один выглядел немного постарше Кагулы, другой был юн. Везде возле Кагулы появлялись эти двое — не то закадычные друзья, не то верные помощники Верховного Строителя-Разрушителя.

В стороне ото всех в своей теперь обычной смиренной позе стоял Ватута — даже в его нарочитом смирении ощущалась величественность, он уже одним этим выделялся среди Бессмертных. Мария направилась к нему, сопровождаемая Кагулой и его двумя спутниками. Говорить надо было со всеми, но обращаться предпочтительно к нему: речь должна прозвучать как слово истинной Повелительницы — значительно и категорично.

— Друзья мои! — Мария встала против Ватуты и подчеркнула голосом обращение, еще ни разу не слышанное пленными. Все Бессмертные уже хорошо владели человеческим языком, особенно Ватута и Кагула, — на них не могло не произвести впечатление новое обращение. — Друзья мои! Мы узнали, что ждет в скором будущем вашу планету. Перспективы нерадостные. Понадобятся совместные усилия людей и рангунов, чтобы избежать больших несчастий.

В помещение вошли Асмодей и Бах. Мария, показав на Асмодея, рассказала, как он ускользнул от хавронов, как унесся в будущее и что обнаружил в том будущем.

— Сейчас вы и сами увидите, что видел наш друг.

Асмодей развернул на стене экран, поставил перед ним демонстрационное кресло. Бах тихо заговорил с Марией.

— Мы с Асмодеем вернулись из радиоактивной долинки. Облетели ее, взяли пробы пород, индикаторами просветили недра на глубину. Обнаружена урановая жила с повышенным содержанием легкого урана. Идеально делящийся материал! И если жилу растворить в воде — а она растворима — и слить урановый ручеек в обширную пещеру, то образуется тот самый объем урана, который ядерщики именуют критическим. Пустоты в недрах тоже найдены — природа сама заготовила помещение для горна.

— В общем, на Дилоне созданы все условия для своего Кракатау, — с улыбкой дополнила Мария.

— Не Кракатау — в сотни раз мощнее! Ведь тот знаменитый Кракатау — что? Побушевал в августе 1883 года, погубил сорок тысяч человек и иссяк. Мы создадим вулкан непрерывного действия, к тому же нарастающего — другой не годится. Нужна твоя помощь, Мария. Нужны рабочие — хавроны, дилоны, рангуны. В общем, все черти с дьяволами. И ангелы в роли прорабов.

— Позабочусь, — пообещала Мария, и Бах ушел.

Большой экран в помещении для пленных давал изображение и крупнее, и отчетливее показанного в салоне — Мария повторно всматривалась в видения киборга, открывая в них новые детали. И комментировала картины грядущего обстоятельнее, чем Кнудсен: бочкообразные Бессмертные и понятия не имели о том, что представлялось естественным для хронавтов.

— Теперь вы знаете, что ждет вашу планету, — закончила Мария.

Рангуны взволнованно переговаривались — и человеческими голосами, и еще более непонятными Марии рыком и клекотом.

том: в отличие от дилонов, Бессмертные свободно высказывались на разные голоса. Кагула громко прокричал Ватуте человеческими словами:

— Это был ты, Ватута, я увидел хорошо, я увидел! Но почему ты превратился в младенца, почему ты превратился, Ватута?

— Это был я, — мрачно согласился Ватута. — Я не знаю, Кагула, почему я превратился в ребенка. Я никогда не был ребенком. Я не мог стать ребенком. А тот плачущий старик — ты, Кагула. Ты был стариком, Кагула.

— Я был стариком, я был, — печально сказал Кагула. — Я видел себя стариком, Ватута. А то тело, что лежало у моих ног, это же Дилай, Хранитель Энергии, он лежал у моих ног, он лежал!.. Ватута, скажи свое великое решение, скажи. Этого же не может быть, чтобы Дилай умер, Бессмертный № 1, твой предшественник, Ватута. Скажи решение, Ватута, скажи!

— Право решения принадлежит Повелительнице! — Ватута зло показал на Марию.

Она слушала их восклицания, всматривалась в их возбужденные лица — и ей показалось, что она не на космическом корабле, в кругу пленных врагов, а в каком-то детском саду, среди детей, которые играют в Бессмертных. Что было бы с рядовыми людьми, не экипажем хронолета, узнай они, что в скором будущем на Земле погибнет все живое? Мария усмехнулась, столь разительно иной представилась реакция людей на грозное известие. Дети, большие дети — странная цивилизация, достигшая технических высот, но не вышедшая из интеллектуального младенчества. От этого, от законсервированного младенчества, и ребяческое их самолюбие, и неосознанная жестокость, и стремление все превращать в игру — детское влечение строить, чтобы тут же разрушать. Все окружающее — набор игрушек! «Дети, — думала она, — сообщество вечных детей, так и не приблизившихся к взрослости — вот истина их поведения; она вовсе не в порочности их бессмертия, как выдумал Бах. Сегодня же докажу ему, что люди, стань и они бессмертными, отнюдь не выйдут из мира морали, отнюдь не станут по ту сторону добра и зла, и деятельность их, по-прежнему разумная и полезная, отнюдь не превратится в подобие детской хлопотни, как он зло именуется младенческую игру в бессмертие».

Ватута впервые изменил предписанному себе смирению.

— Ты улыбаешься, Повелительница! — закричал он. — Пригрозила великими несчастьями — и улыбаешься! Ты радуешься, Повелительница!

— Я улыбаюсь своим мыслям. И ты верно понял — радуюсь.

— Тому, что планете угрожают беды?

— Нет, тому, что это так взволновало вас. Вижу в этом хороший знак. Я ведь предупредила, что лишь соединенные усилия всех — рангунов, дилонов, хавронов — могут предотвратить надвигающуюся беду.

— Дилоны — наши вечные враги, Повелительница. Они ненавидят нас. Мой министр Прогнозов и Ведовства Кун Канна... Мы захватили его в плен, вознесли на такую высоту, а он? Вдруг восстал и погиб, пытаясь наброситься на меня. Все дилоны такие.

— Пусть отношение дилонов к вам тебя не беспокоит. Важно ваше отношение к ним. Хочу устроить твою встречу с Гуннар Гунной. Будешь возражать?

Ватута, видимо, решил, что не следует перебирать в противоборстве. Он покорно склонил голову.

— Твоя воля, Повелительница! Будут еще приказы?

— Будут, Ватута. Войну рангунов с дилонами запрещаю. Строительство и разрушение прекращаются. Освободившиеся жители: вы, ваши солдаты хавроны, ваши пленники дилоны — в общем, все население направляется на строительство важного объекта, которым руководит твой бывший пленник, твой — уверена — будущий друг.

Ватута кивнул Кагуле.

— Ты слышал приказ Повелительницы, Кагула?

— Я жду твоего решения, я жду...

— Будешь командовать всеми строителями объекта Баха.

— Понял. Большое строительство вдалеке от города. Наши мерзкие враги дилоны, наверно, нападут на строителей, Ватута? У них такие резонансные орудия, такие орудия!

Ватута выразительно скривил львиное лицо.

— Повелительница запретила войну.

— Дилоны не нападут, — твердо сказала Мария.

— Будем строить, — радостно сообщил Кагула. — Выстроим и сразу разрушим. Наш бывший пленник будет доволен, он будет...

Мария не сдержала новой улыбки. Представление о рангунах как о народе взрослых младенцев укреплялось. Кагула огорчился, услышав, что строительство разрешается, и самого высокого класса, а разрушение запрещено. Бессмертный № 29, в отличие от Властителя, и не собирался демонстрировать покорность. Он удивился — зачем же строить, если потом нельзя разрушить? Мария

растолковала, что таковы обычаи людей: люди, построив, не разрушают, а надолго сохраняют возведенное.

— Повелительница, — сказал Ватута, — разреши заметить, что находясь на корабле, мы не сможем выполнить твои приказы. Значит ли это, что ты освобождаешь всех пленных?

Мария не колебалась.

— Все освобождаются, Ватута. Вы нам не враги, а хорошие знакомые, и в будущем, я надеюсь на это, — друзья.

Спустя короткое время, уже в салоне хронолета, она повторила капитану корабля и Аркадию, о чем договорилась с Бессмертными.

— Против освобождения рангунов у меня возражений нет, — сказал Кнудсен. — Твои решения одобряю.

— Тебе что-то не нравится? — Мария видела, что он чем-то недоволен.

— Не то, чтобы не нравилось... Тревожусь.

— Что тебя тревожит?

Кнудсена тревожило многое. Хватит ли на всех радиозащитных костюмов, если Кагула ретиво погонит на площадку все население Рангунии? Рангуны узнали, что в будущем им грозит гибель, но дошло ли до них, что и в случае спасения они лишаются своего нынешнего бессмертия? Что вечная повторяемость жизненного цикла прекратится? И что нынешнее их преимущество перед дилонами исчезнет — все будут одинаково смертны.

— Я на этом внимания не концентрировала.

— Вот-вот, не концентрировала! Как нынешние Бессмертные поведут себя, когда поймут, что бессмертию пришел конец? И как воспримут известие, что все орудия войны уничтожаются?

— Я объявила, что запрещаю войну. Они подчинятся.

— Но о ликвидации всех военных средств ты не говорила?

— Об этом не говорила.

Кнудсен покачал головой.

— Это не одно и то же: не воевать — и не иметь орудий войны. Они могут возмутиться, узнав, что их лишают оружия.

— Не думаю. Ватута хорошо запомнил, как я единственным излучателем в руке парализовала их волю к сопротивлению. Вряд ли он осмелится испытать еще раз наши средства обороны.

— Ты считаешь их разновидностью детей. Поступки детей не всегда предсказуемы. Но оставим эту проблему на будущее. Пока ты вела переговоры, я задействовал наши датчики и анализаторы. Имею схему всех батарей, всех мастерских, где собираются

боевые аппараты. Работают дилоны, охраняют хавроны, руководят рангуны. Четырех рангунов тебе не удалось захватить в пещере. Вот их имена — Урана, Китата, Хрон, Парача. Те самые Бессмертные, которые даже торжественные собрания в Тронном зале не посещают — без перерыва дежурят на боевых постах. Они подчиняются велениям Ватуты, а командовал ими погибший Кун Канна. Нужно, чтобы они сдали оружие.

— Ватута велит им.

— Если захочет, — с сомнением проговорил капитан хронолета. — Я не так уверен в его покорности, как ты. Еще одно: как они называли того старичка, который умрет у ног постаревшего Кагулы?

— Дилай, Бессмертный № 1. И титул у него немаловажный — Хранитель Энергии.

— Номер-один... наверно, не случайно! И такое звание — Хранитель Энергии! Очень интересно...

— Чем так привлекает твое внимание Дилай?

— Тем, что его нет. Наши приемники настроены на специфическое излучение рангунов. Аппараты точно фиксируют каждого рангуна, где он ни находится и как ни укрыт. А Бессмертного № 1 они не фиксируют. Он есть, но его нет. Нигде нет, Мария!

9

Бах с увлечением докладывал капитану хронолета, что строительство искусственного вулкана в Долине гибели — так называют это место и рангуны, и дилоны — идет успешнее, чем он рассчитал. На большой глубине обнаружена вместительная пуста; хавроны с бывшими пленными дилонами резонаторами пробивают туда спуск — отличный инструмент для раздробления пород, похвалил резонаторы Бах. Они превращают руду в порошок, а нагнетаемая в жилу вода растворяет руду. Скоро высокоактивная жидкая смесь ринется в подготовленную пещеру — и зародится искусственный вулкан.

— Надеюсь, без большого недротрясения? — осведомился Аркадий. Он уже ходил и начал помогать Кнудсену в поисках арсеналов. — После вибраций, что роняли нас с тобой на землю, я не чувствую любви к тряске.

Бах заверил, что вулкан начнет работать постепенно. Недротрясения рангунов — ведь что? Взрыв и волна от взрыва, еще

взрыв — и еще волна. Они с Асмодеем оборудуют нарастающее извержение из огнедышащего горнила, а не взрыв. Разница!

Узнав, что Мария подготавливает свидание Гуннар Гунны и Ватуты, Бах пожелал участвовать во встрече. Он, можно сказать, приятель Вещего Старца, столько переговорено на разные темы — очень интересно снова повидаться. И с Ватутой надо побеседовать: Властитель Бессмертных хоть и приговорил его к казни, но приговор вынес без злобы — это нельзя не ценить. В общем, он считает свое участие в переговорах необходимым!

Планетолет — его вел Аркадий — опустился на Ратушной площади, окруженной руинами зданий. Ватуту сопровождал его любимец Кагула. Людей и рангунов встретил один из Старейшин. Бах с Аркадием уже совершали путь через залы Проникновения и Предварения, Мария видела этот путь на экране в салоне хронолета, но Бессмертным он был внове: Ватута, чтобы не ронять своего достоинства, не показывал живого интереса, но Кагула, жадно осматриваясь, даже останавливался, чтобы получить все рассмотреть. Мария с удивлением обнаружила, что Ватута нервничает: львиное лицо покраснело, руки подрагивали. А Бах отметил, что тяжелые события последнего времени внесли перемены в ритуал шествия: никто не подумал усаживать их перед зеркалом Проникновения, никто не задерживал в зале Предварения для вопросов и ответов. И еще больше поразило Баха, когда он вошел с Аркадием к Старейшинам, поредение в зале. «Какое малодилонство!» — переиначив слово «малолюдство», сказал себе Бах.

Старейшины поднялись со своих мест, когда вошли люди с рангунами. И на этот раз дилоны не размещались по разным амфитеатрам, сообразно функциям и чинам, а сконцентрировались все на одном, предоставив противоположный амфитеатр рангунам. Люди встали между двумя группами недавних врагов. Мария торжественно начала:

— Вы хорошо знали друг друга, но еще никогда не виделись. Я рада, что устраиваю вашу встречу в час примирения. Отныне прекрасную вашу планету, столь долго сжигаемую пламенем беспощадной вражды, осенит вечный мир. Большая беда угрожает Дилоне, если такого вечного мира не наступит.

Она сделала Ватуте знак приблизиться. Ватута не шел, а вышагивал. Теперь не только Мария, но и Бах, и дилоны, впервые увидевшие Властителя Бессмертных, могли разглядеть, как сильно Ватута волнуется. И Марии, увлеченной идеей, что бочкообразные

рангуны — популяция детей в облике взрослых, увиделось, будто нашаливший мальчишка ждет выговора за проказы. Ватута так потерялся, что приблизившись к Гуннар Гунне, молча стоял перед ним, не поднимая головы. А Старейшина Старейшин скорбно взирал на Властителя рангунов как на нашкодившего сорванца, явившегося с повинной. И еще отметила Мария удивленной мыслью, что оба они — короткорукый, цилиндروفигурный, рослый рангун, пышущий здоровьем и силой, и согбенный, длиннорукий, хвостатый старец-дилон, — несмотря на все их различия, в чем-то, более важном, чем внешнее несходство, очень схожи. «Это оттого, что у них почти одинаковые львиноликие головы», — подумала она.

Вещий Старец, не разжимая рта (даже обычного слабого визга не услышалось) протелепатировал Ватуте; Дешифраторы ввели в сознание людей его слова:

— Столько лет мы знали в тебе нашего злого врага, великий Ватута. Столько лет ты гордился титулом Верховного Злодея. И вот ты явился возвестителем дружбы. Можно ли в это поверить?

Видимо, Властителю рангунов нужно было услышать Старейшину Старейшин, чтобы быстро отделаться от смущения. Он принял обычную надменную позу и громко ответил на человеческом языке, демонстрируя уважение к людям:

— А почему бы и не поверить, Гуннар Гунна? Разве вы не опровергаете законов природы? Опровергнуть законы природы куда труднее, чем изменить себя. Я ведь меньше природы, не так ли?

— Резон в этом есть, — согласился Вещий Старец. — Ты незначительная часть природы и потому меньше, чем вся она. Но надо поразмыслить, что труднее: преодолеть частный закон природы или преодолеть самого себя? Ибо для себя каждый не часть, а всеобъемлющее целое, и потому...

Ватута прервал его с поспешностью, показывающей, что он знает о способности дилонов отдаваться глубоким размышлениям и побаивается, что размышление будет чрезмерно продолжительным.

— Я не сам переделывал себя, Гуннар Гунна. Мне велели восстать против себя. Нами командует Высшая Сила — вот она! — Он показал на Марию и добавил, не скрывая злорадства: — Вы, дилоны, тысячекратно объявляли себя воплощениями Высшего Разума. Теперь вам предстоит убедиться, что Высший Разум вынужден покоряться Высшей Силе.

Старейшина Старейшин с сомнением смотрел на Марию. Бах, стоявший рядом с Гуннар Гунной, вдруг почувствовал, что не мо-

жет отвести от Марии глаз. «Она прекрасна! — с восхищением сказал себе академик. — Не Афродита, конечно, но прекрасна!»

Мария, захваченная врасплох неожиданным обращением Ватуты, только переводила глаза с рангуна на дилона. Раскрасневшаяся, она ждала какого-то выпада против себя и готовилась дать отпор. «Нет, гораздо красивее валькирии с той картины, — думал Бах, — но эти хвостатые и бесхвостые, смертные и бессмертные ничего не понимают в человеческой красоте!» Он впервые видел Марию такой — стройной, решительной, вдохновенной, — и ему стало жаль, что потеряно столько времени: ни разу не любовался ею, только разговаривал и спорил.

Гуннар Гунна снова повернулся к Ватуте.

— Ты сказал, Ватута, Высший Разум должен покориться Высшей Силе? Стало быть, ты отделяешь Разум от Силы? Я должен поразмыслить, верно ли твое утверждение.

Ватута бросил с торжеством:

— Пусть глубокий анализ разъяснит тебе, почему вы, воплоители Высшего Разума, всегда отступали перед нами, которым отказываете не только в Высшем, но даже в простом разуме? И почему ни один рангун не давался вам в плен, а у меня твоих дилонов, Вещий Гуннар Гунна, в плену больше, чем у тебя под свободной властью?

Мария властно прервала их — Аркадий сделал знак, что передача подготовлена:

— Теперь смотрите на экран!

Пока на экране возникали видения Асмодея и потом, во время объяснений Марии, Бах украдкой присматривался к зрителям: дилоны держались намного сдержаннее, чем люди в такой обстановке. Мария объявила короткий перерыв для раздумья. Бах заговорил с Гуннар Гунной. Старейшина Старейшин охотно откликнулся на призыв к беседе.

— Я очень рад снова видеть тебя, пришелец, — протелепатировал он. — Не скрою, еще недавно вы были мне неприятны, я так и сказал вашему капитану Кнудсену. Ибо ваше появление вызвало обострение войны с проклятыми рангунами. Какие разрушения, какие потери! Ты видел наш прекрасный город, пришелец. Что осталось, спрошу тебя? Что сохранилось в нашей любимой столице?

— В городе много развалин...

— А наши замечательные дилоны! — со скорбью продолжал Вещий Старец. — Пришелец, помнишь ли ты великолепного

Стирателя Различий Рина Ронну? Как он открывал сходство у самых несхожих понятий! В том, что мы приняли вас с таким гостеприимством, его огромная заслуга! Такой Стиратель погиб! А юноша Уве Ланна, глубочайший мыслитель, будущее светило Высшего Разума, он так проникновенно постиг ваши души и ваши цели! Помнишь его блистательный доклад о вас в этом зале?

— Наш друг Аркадий Никитин пытался спасти бедного Уве Ланну, но не смог. И его подругу Салану — они ее нашли — спасти не удалось.

— Уве Ланну погубила любовь к Салане, — с грустью объявил Вещий Старец. — Я знаю об ужасном переходе двух дилонов и пришельца Аркадия Никитина через мертвый лес. Еще ни одно живое существо не пересекало ту область гибели. Великая участь была суждена глубокому Уве Ланне, высокая честь — погибнуть самому, отдавая всю свою жизненную силу подруге. А нам — скорбеть о нем.

Бах посчитал, что настал момент выяснить впечатления Вещего Старца от увиденного на экране.

— Вспомни нашу первую встречу в этом зале, — потребовал Гуннар Гунна. — Вспомни, что я тебе тогда говорил. Ты спрашивал, почему я печален? Я разъяснил, что печален, ибо провижу будущее. Я говорил, что губительные хроновороты расширяются и что их могут поставить под свою власть ненавистные рангуны и наслать их на нас — и тогда великому народу дилонов конец. И вот теперь на экране мы увидели, что я узнал в результате длительного размышления и что уже и тогда терзало мою душу. Пришелец! Дилоны никогда не ошибаются в своих прогнозах. Осуществилось, что я предсказывал. Хроновороты захватили всю планету и погубили все живое, не только нас, но и рангунов. Это им расплата за злодеяния.

Бах понял, что мысль Вещего Старца пошла в нежелательном направлении и способна породить нежелательные выводы. Он энергично внес поправки в рассуждения Старейшины Старейшин.

— Грядущую катастрофу вызовут не рангуны, а слепая стихия природы. Гибель Дилоне несет Гаруна Голубая. Несчастный Рина Ронна говорил мне, что время Гаруны Белой — ложное, Гаруны Голубой — истинное.

— Да, теперь мы узнали, что Голубой звезды нужно опасаться больше, чем Белой, — с чувством высказался Гуннар Гунна. — Вы нам открыли горестную истину, что все рассинхронизации

создаются ею. Мы отныне ненавидим Голубую звезду, вот такие важные перемены совершили ваши открытия, пришелец.

Бах деликатно объяснил, что его мало интересуют астрономические эмоции дилонов, — ему важно знать, поддерживают ли Старейшины планы людей. На это Вещий Старец ответил вдохновенной речью. Он всецело за проекты людей. Его покоряет, что увод планеты от злотворной Голубой Гаруны прекратит рассинхронизацию дилонов. Его восхищает, что прекратится, наконец, возмутительное бессмертие рангунов, пусть они станут смертны, как все живые, — лишь тогда возникнет между их двумя враждующими народами настоящая дружба. А что люди уничтожат все орудия войны, переполняет его горячей благодарностью. Рангуны безмерно вооружены, это нетерпимо. Конечно, охранные маяки следовало бы сохранить, ведь доверять рангунам опасно. Но он пойдет на демонтаж последнего маяка, если враги искренно разоружатся. Пусть пришельцы не сомневаются: дилоны завтра же присоединятся к тем, кто вышел на строительство первого вулкана в Долине гибели.

— Не только первого, но и последнего, Гуннар Гунна. Очень рад твоему благоразумию. Впрочем, от воплощений Высшего Разума иных поступков, кроме разумных, мы и не ожидали.

— Подожди еще минутку, — попросил Вещий Старец. — В прошлую встречу ты поставил мне мучающую людей важную задачу и я пообещал, поразмыслив, дать на нее скорый и точный ответ. Но несчастья этих дней, разрушение города... У меня не было возможности сосредоточиться. Попрошу тебя еще подождать, пока я сумею свободно углубиться в столь трудную проблему. Ты, разумеется, понял, что я говорю о том, сколько можно разместить ангелов на острие иглы.

— Дело не к спеху, я подожду, — пообещал академик.

Пока Бах беседовал со Старейшиной Старейшин, Ватута, еще сильнее волнуясь, чем при встрече с Гуннар Гунной, заговорил с Марией:

— Повелительница, сегодня ты сообщила нам много нового. Выходит, при уходе от Гаруны Голубой на орбиту Гаруны Белой рангуны теряют свое бессмертие? Это неизбежно?

— Вам нужно выбирать между гибелью всех рангунов и смертным существованием, которое вы сможете продлевать на долгий срок. Долгое существование не так уж разнится от бессмертия.

Ватута мрачно усмехнулся. Это был первый случай, когда он разрешил себе улыбнуться в присутствии Марии.

— Выбирать между гибелью и смертью, Повелительница? Еще одно. Ты не только запретила войну, но и хочешь уничтожить все наши боевые средства, все запасы оружия?

— Уже уничтожаем, — сказала она спокойно.

Он долго не отрывал от нее хмурого взгляда.

— Разве недостаточно, что не будет войны? Зачем лишать нас средств защиты?

— Ватута, отсутствие оружия есть лучшая гарантия мира.

— Я-то понимаю, — сказал он холодно, — но не уверен, что дилоны, при их неистощимой изобретательности...

— Оружия не должно быть ни у кого. Мы за этим будем следить.

Он опять усмехнулся.

— Да, пока вы здесь. А когда улетите? Последний вопрос: вы говорите, что являетесь везде с миссией мира, но зачем тогда сами так вооружены? Вы подавили нас силой, а не добрым словом. Разве могущественное оружие равнозначно слову дружбы?

На его обвинения можно было ответить исчерпывающе и неотразимо. Но она не захотела спора, которого не слушают другие. Она сказала с подчеркнутой холодностью:

— Поставь свои вопросы перед всеми. И выскажи свои несогласия.

Он сделал шаг назад, склонил голову, широко разбросил в сторону руки — уже знакомый ей знак покорности.

— Какие несогласия, Повелительница? Рангуны выполняют все твои веления. Не уверен, что Гуннар Гунна сможет поступить так же без предварительного размышления, а оно у него длится так долго...

Гуннар Гунна, словно угадав насмешку Ватуты, высказался коротко. Дилоны поддерживают пришельцев. Дилоны завтра же выйдут на строительство вулкана. Мария с тревогой ждала речи Ватуты. Но, как и обещал, он не объявил возражений. Успокоенная Мария предложила разъезд.

— Я так устала, Аркадий, — пожаловалась она в планетоле. — Столько страха перед последним выступлением Ватуты...

Кнудсен в салоне всматривался в мнемосхему. С момента нападения на Аркадия и Баха Мария не видела у капитана хронолета таких злых глаз.

— Что у вас? — спросил он Марию и Аркадия.

— Встреча бывших врагов прошла отлично, — ответила она. — Возражений не было. Наш план принят. Рангуны улетели к себе,

дилоны собирают собратьев. Завтра строительная армия получит прибавку рабочих. Что у тебя?

Он показал на огоньки, вспыхивающие на мнемосхеме.

— Взрываем арсеналы рангунов. Сейчас не это главное.

— Тебя что-то тревожит, Анатолий?

— Да, тревожит. Ватута сразу после вашего совещания поднял восстание. Его поддержали все рангуны, много хавронов. Самые крупные арсеналы заблокированы, уничтожить их дистанционно я не могу — нужна прямая атака. Объявился таинственный Дилай, он снабжает восставших оружием. Очень сожалею, что он умрет лишь в будущем и, лишенный бессмертия, все же доживет до глубокой старости. Нужно покидать хронолет. Охрану его доверим автоматам. Аркадий, грузи в планетолет оружие.

Мария быстро встала, Аркадий выбежал.

— Я готова, — сказала Мария. — Куда идем, Анатолий?

— На стройплощадку. Ватута повел на нее яростное нападение. Будем выручать Мишу и Асмодея.

— Оружие погружено, — прокричал Аркадий, появившись на миг в салоне.

10

На подлете к стройплощадке стало видно облако пыли. Мария подумала было, что вулкан начал действовать. Кнудсен ответил, что пыль от извержения будет другой. Еще в воздухе планетолет затрясся. Кнудсен направил его на вершину единственной скалы в центре Долины гибели, здесь размещались командные аппараты строительства. Все вокруг содрогалось и вибрировало. Аркадий выбежал наружу первый и после нескольких неуверенных шагов свалился, поднялся и снова рухнул — еще не окрепший, устоять на сотрясаемой почве он не мог. Кнудсен помог ему подняться и с минуту поддерживал, пока Аркадий не укрепился на ногах. На капитана корабля тряска почти не действовала — он только раскачивался, широко расставив ноги. И подав Марии руку, когда она спускалась на землю, он посоветовал:

— Не пытайся противостоять качанию почвы, на это не хватит сил. Покачивайся, как качает, лишь бы не свалиться.

Откуда-то издали прибежал Бах. Коротенький археолог даже не пошатывался — сказала многолетняя привычка таскаться по руинам, где все потеряло устойчивость.

— Где Асмодей? — спросил Кнудсен.

— Защищает колодец, куда подается вода под давлением.

— Нужна ему немедленная помощь?

— Думаю, рангуны скоро потеснят его и передвинутся поближе к этой скале.

— Доложи обстановку подробней, Миша.

Бах считал, что на стройке имеются две опасные точки. Первая, где сражается сейчас Асмодей, — колодец в рудную жилу, в него нагнетается вода, растворяющая руду. Если выведут из строя насосы, прекратится подача раствора в подземную пустоту и станет невозможным создание критической массы. Восставшие отлично понимают значение этого места и обрушили на него удары своих резонансных орудий. Асмодей энергично отбивается, используя захваченные резонаторы рангунов, а также наши корабельные вибраторы, настроенные на противофазу: те либо полностью поглощают залпы вражеских орудий, либо сокращают амплитуду резонансных колебаний.

— Что не мешает, однако, почве и в стороне от сражения трястись как в лихорадке, — заметил капитан хронолета.

— Почва тут только трясется, Анатолий! А если бы Асмодей не гасил резонанс, все бы здесь взмывало и рушилось, камни взлетали до неба, и скалы рушились в преисподнюю.

— Очевидно, преисподняя находится неподалеку, — пошутила Мария.

— Мария, ты и не догадываешься, как права! — весело воскликнул Бах. — Преисподняя точно под нами!

И он объяснил, что под скалой, на которой они стоят, на глубине в несколько километров обнаружена та обширная пустота, куда сейчас стекает активный раствор. Заполнение пещеры, предназначенной стать ядром вулкана, совершается по узкой естественной расщелине. И это самое уязвимое место всей стройки! Резонансный удар по расщелине, любое недротрясение, проникающее на глубину, способно полностью оборвать сток раствора в пещеру. И если этого еще не произошло, то лишь потому, что у рангунов в обиходе орудия для поверхностных сейсмических волн — они ведь направлены против дилонов, а те даже на такую маленькую глубину, как рангуны в пещерах, никогда не забираются. Но бывшие пленные рангунов, ныне солдаты Асмодеев, говорят, что несколько таких глубинных орудий сконструированы и есть опасение, что Ватута доставит их к месту боя.

Кнудсен обратился к помощнику:

— Аркадий, назначаю тебя комендантом «преисподней». Все дилоны, направляемые Вещим Старцем, в твоём распоряжении.

Аркадий попросил ещё хавронов. Он присмотрелся в плену к эти лохматым бестиям — народ работающий и исполнительный, а по физической силе один хаврон превосходит двух дилонов. И они, как и рангуны, быстро усваивают человеческую речь, чего дилоны не умеют. Кнудсен пообещал отдать всех хавронов, какие встанут за них.

Автоматы быстро выгружали из планетолета боевую аппаратуру. Аркадий указывал, как размещать её на скале, вознесшейся над «преисподней». В Долину гибели выдвинулся отряд дилонов во главе с самим Гуннар Гунной. Вещего Старца сопровождали три Старейшины: Конструктор Различий, Стиратель Различий и Брат Дешифратор. Два первых шествовали поодаль, Брат Дешифратор держался рядом со Старейшиной Старейшин. Хронавтов удивило, что Верховный Провидец бледен, растерянно оглядывается, шагает неуверенно. Импульсивный Бах решил, что надо подбодрить главу дилонов и сделать это должен он, больше всех людей дружески беседовавший с Вещим Старцем. Он подбежал к Старейшинам.

— Друг Гуннар Гунна! Почему ты так склонил свою могучую голову? Узнал о восстании Ватуты? Неужели тебя испугал безрассудный поступок этого авантюриста? Ты сам называешь его Верховным Злодеем, он оправдывает сейчас это свое позорное звание. Или ты сомневаешься в нашей скорой победе над восставшими?

Брат Дешифратор трудился изо всех сил, переводя быструю речь академика в понятные дилонам мозговые волны. Кнудсен посоветовал Баху настроить свой ручной передатчик на телепатический язык дилонов, корабельный компьютер наконец выдал код перевода слов в волны мозга. Вот здесь на циферблате стоит индекс З-П, это ячейка для общения с дилонами: теперь можно беседовать, пользуясь одним своим аппаратом. Бах включил кнопку З-П. В это время Вещий Старец, выслушав телепатический перевод Брата Дешифратора, выдал ответную передачу:

— Пришелец, я знаю о восстании Ватуты. И знал об этом ещё до того, как он восстал. Он удалился от нас, а я впал в глубокое размышление и скоро постиг, что он вышел из зала Совещений не для мира, а для войны. И когда Братья Дешифраторы доставили мне горестное известие о восстании, в нём не было для меня ничего неизвестного. Снова и снова твержу вам, иновременники: рангунам нельзя верить, на их обещания нельзя полагаться. Но

пугает меня не новая война. Я вижу грядущую победу, хотя под ногами у нас сотрясается почва. Нет, не война страшит меня, а другое.

— Поделись своими страхами.

Вещий Старец вытянул правую руку и, не поворачиваясь, обвел ею вокруг себя. Удлинившаяся рука, обернув спину, вышла с другой стороны и уперлась десятипалой ладонью в свое плечо.

Четверо хронавтов с уважением отметили, что даже безвременно погибший Рина Ронна не вытягивал так свободно руки, хотя и мастерски пользовался этим эффектным жестом.

— Меня удивляет и пугает, пришельцы, — неторопливо телепатировал Старейшина Старейшин, — что вы выбрали для спасительной стройки самое убийственное место на планете. В области хроповоротов гибнет все живое.

— Все верно, в этом месте жизнь не может появиться — слишком велика радиоактивность, — подтвердил Бах. — И любое существо, пришедшее со стороны, должно здесь погибнуть, если не имеет защиты от грозных ядерных излучений. Но у нас есть такая защита. А выбрали это место потому, что только здесь можно устроить ядерное расплавление глубинных пород. Нет, от стихийных сил природы мы защищены надежно! Единственная опасность — нападение рангунов!

Приободрившийся Верховный Провидец известил людей, что не боится рангунов. Он по-прежнему не верит этому коварному народу, но глубокое размышление убедило его, что пришельцы, именующие себя людьми или хронавтами, гораздо сильнее рангунов. И, хоть те используют подвластных им хавронов и многочисленных пленных дилонов...

В этом месте Бах довольно бесцеремонно прервал неторопливое размышление Вещего Старца:

— Ты прав, великий Гуннар Гунна, мы, объединенные, мощнее заклятых врагов. Но надо срочно обрушить нашу мощь на атакующих. Идем на выручку нашего друга Асмодея. Не хочешь ли сопровождать нас?

Гуннар Гунна после непродолжительного раздумья согласился. Трос хронавтов с Гунной и его свитой вошли в частично разгруженный планетолет. Корабль взмыл.

Место сражения с армией Ватуты угадывалось издали не только по густой туче пыли, но и по лихорадочной трескотне вибраторов. К хронавтам и Старейшинам метнулся запыленный Асмодей и радостно крикнул:

— Пока держимся! Немного отступили, но основные позиции сохраняем.

Кнудсен сурово сказал:

— Чего ты ликуешь? Отступление — не повод для восторга. Замешательство не было свойственно киборгу.

— Смотря какое отступление, капитан. Это отступление для успокоения врагов. Я снял с обороны две трети моих солдат. Пусть Миша объяснит, а мне некогда. Скорей давайте новые вибраторы, они дьявольски нужны.

Асмодей побежал командовать выгрузкой оружия. Бах объяснил, что одного не успел рассказать, когда докладывал обстановку. В окружающих Долину гибели горах, на высоте, в глубокой воронке, образовалось озеро. Если пробить из него канал в радиоактивный котлован, то и насосов не понадобится: вода под собственным давлением пойдет по всей рудоносной жиле. Сделать это раньше, чем рангуны доберутся до насосов, — и первая фаза боя выиграна: новообразованный бассейн рангунам не вычерпать. Асмодей снял лишние войска с обороны, чтобы форсировать канал.

К хронавтам снова подбежал Асмодей.

— Я на линию боя. Кто со мной?

Он умчался, не дожидаясь ответа. Роботы тащили с плането-лета оружие. Люди пошли за ними. Немного подумав, трое Старейшин с Верховным Главой неторопливо последовали за ними.

Линия обороны проходила по склону двух гор, замыкавших Долину гибели. Кнудсен недовольно сказал Баху:

— Военной тактике ты не обучен. Позиции нападающих гораздо сильнее наших: они на склоне, а мы в низине.

Академик пожал пухлыми плечами.

— Не обучен военному искусству, верно. Впрочем, как и ты. Ты забываешь, что восстание началось внезапно. Солдаты Ватуты уже подбирались, когда мы и не подозревали, что они готовятся напасть.

Мария сказала с волнением:

— Безумцы! Ватута гонит своих солдат на верную смерть! У нас есть защита от ядерных излучений. А на что надеются рангуны? Если хавроны и победят, ворвавшись сюда, то вскоре после победы погибнут.

— Возможно, они не знают об опасности ядерных излучений?

— А кто назвал это местечко Долиной гибели? Нет, Ватута намеренно жертвует своими солдатами.

— Не только ими, но и собой. — Бах показал на дальний склон голой горы. В отличие от Марии и Кнудсена, академик обладал столь острым зрением, что не нуждался в оптике.

Мария долго вглядывалась, потом сказала:

— Он и другие Бессмертные. Анатолий, разреши мне прогнать всю эту свору с горы.

— Чтобы спасти от убийственного излучения? — спокойно поинтересовался капитан корабля.

— Чтобы угрозой немедленной гибели спасти от гибели не столь близкой.

— Тогда готовься! Снаряжение уже выгружено.

Вскоре воротился убежавший на передовую позицию Асмодей. Оружие было доставлено в самый критический момент, шел сильный натиск хавронов. Он преодолен, но в двух местах отступили. Рангуны готовят решающий штурм, подтягивают новые резонансные орудия. Они встретят отпор, но новое сокращение обороны не исключено. Кнудсен сердито сказал:

— Наотступаемся, пока не отдадим насосов. На человеческом языке это будет называться поражением, Асмодей!

Впервые киборг выглядел растерянным.

— Сделаем что сможем...

— У нас имеются и другие боевые средства, — сказал Бах. — Почему бы не использовать артиллерию хронолета: ядерные курдины, например. Они вмиг разнесут в пыль и прах все позиции противника.

— Разнесут, — с горечью сказал Кнудсен. — Но вместе с теми, кто залег на позиции, — рангунами, хавронами, пленными дилонами. Хороша миссия мира — истреблять сопротивляющихся! Хороший план спасения планеты: сейчас уничтожить тех, кого планируем спасти от гибели в дальнейшем! Запомни, Миша: что бы тут ни случилось, корабельная артиллерия не будет задействована!

— Но наши вибраторы!.. — пробормотал смущенный Бах.

— Они убийственны только для тех, кто сунется под прямой удар. Вызывают болезненные потрясения, выводят из строя, но никого не превращают в пламя и пепел! Разница, Миша!

К ним подошла Мария. Киборг удивленно глядел на свою создательницу — она была в боевой форме. Мария сказала:

— Анатолий, все исправно! гравитатор обеспечит полет, силовая защита предохранит от вибраций, а излучатель однажды уже парализовал психику рангунов и хавронов — и сейчас действует не хуже.

Асмодей радостно осклабился.

— Капитан, позволь и мне в набег! Давно хочется врукопашную, в смысле — с огнем из глаз и пальбой из бластера... С того боя у пещеры, где я один против целой шайки...

У него прожекторно вспыхнули глаза. Кнудсен прервал отрядные воспоминания киборга:

— Летите вместе!

С места, где стояли хронавты, хоть оно было и в низине, хорошо наблюдался полет Марии и Асмодее на склон горы, где затаились нападающие. Гравитаторы не обеспечивали ни высокого подъема, ни большой скорости, но оба приближались к противнику достаточно быстро. Кнудсен не отрывался от бинокля. Бах и без бинокля разглядел, как шарахнулись от Марии выскочившие из укрытий враги.

— Воительница! — восторженно орал Бах. — Нет, какая воительница! Все перед ней падают. Анатолий, смотри, как она атакует!

Кнудсен опустил бинокль и холодно проговорил:

— Напрасно ликуешь, Миша. Рангуны падают, а не замирают. Вспомни пещеру, где она спасла тебя. Сегодня нападение не удалось. Ватута понял, что излучатель — короткофокусный, далеко не разит.

Теперь и Бах разглядел, что сражение не так радужно, как поначалу представилось. Враги разбегались от Марии, а не цепенели, парализованные облучателем. Она настигала то одного, то другого, настигнутый валился и снова поднимался, когда она бросалась к следующему. В пещере рангунам некуда было бежать, здесь они умело рассредоточивались. И те, что оказывались позади Марии или Асмодее, вдогонку направляли на них резонаторы. Ватута скрылся — ни Бах своим невооруженным глазом, ни Кнудсен в бинокль не углядели его среди сражающихся.

— Нет, но почему облученные сразу поднимаются? — вдруг вознегодовал Бах. — Они же парализованы! Асмодей проверял все облучатели, ни один не отказывал.

Кнудсен усмехнулся.

— Недооценили Ватуту. Он не сомневался, что мы применим парализаторы. Присмотрись — и рангуны, и хавроны надели на головы металлические сетки, чтобы ослабить излучение.

— Тогда надо скорей выводить обоих из боя, пока их не сразили резонаторами, — сказал обеспокоенный археолог.

— Я уже послал приказ возвращаться.

Возле Кнудсена и Баха опустились Мария и Асмодей. Асмодей ухмылялся: ему понравилось, что противники разбежались врассыпную.

— Труссы! — выразился он о вылазке в стан противника. — Никто не принял честного боя один на один.

Мария расценивала вылазку иначе.

— Полная неудача! Я и подумать раньше не могла, что нападение с таким оружием, как парализаторы, не даст никакого эффекта.

— Эффект есть, но не тот, какого мы ожидали, Мария, — Кнудсен говорил как всегда спокойно и неторопливо. — Ватута знает, что мы не собираемся уничтожать рангунов, только отбрасываем их, и принял свои меры. Посмотри вправо, куда умчался Асмодей. Там скоро прорвут нашу оборону.

На правом крыле по-прежнему клубилась пыль, оттуда доносился режущий визг резонаторов, распарывающих гранит. Дилоны, оборонявшие подступы к насосам, сражались молча, телепатируя один другому команды Асмодее. Неподалеку тонкая струйка воды стекала в небольшой приямок. Три компрессора, высасывая воду из приямка, вгоняли ее в колодец. Из пыли вырвался Асмодей.

— Прорвали? — спросил капитан хронолета.

— Прорвали! Остановил их на последней линии. Люди, спасайтесь! Скоро хавроны Ватуты перенесут свои резонаторы и прицельно ударят по насосам. Я приказал убираться всем, кто прокладывает канал с горы в долинку. Побегу обезвреживать заряды, заложенные по склону. Ими хочет завладеть Ватута. Я ему этой радости не дам!

С горы спускались рабочие. Асмодей приказал им идти к Аркадию — укрепить «преисподнюю».

— Курдины бы сюда, Анатолий! — чуть не простонал Бах. — Хоть бы одну! Пойми, колодец уступать нельзя.

— Не смей и упоминать о них! — отрезал Кнудсен. — Асмодей! Не надо извлекать заряды. Надо взорвать их. Сможешь?

— Конечно, смогу, но для чего? Их слишком мало, чтобы взрыв образовал канал. Пустая трата взрывчатки.

— Не пустая, нет! — Кнудсен осматривал вершину горы. — На Дилоне не было вулканов, но планета по структуре сейсмически активна. Те недротрясения, что учиняют рангуны, были бы немыслимы, будь она иной. Взрыв на склонах горы может пробудить дремлющие силы. Взрывай заряды, Асмодей!

Асмодей умчался. Позади молчаливой группой стояли Старейшины. Кнудсен подошел к Гуннар Гунне.

— Друзья мои! — взволнованно сказал капитан хронолета. — Нужна ваша помощь. Сюда прорвутся передовые отряды Ватуты. Конечно, мы могли бы физически уничтожить всех рангунов...

Гуннар Гунна с несвойственной ему поспешностью прервал Кнудсена:

— Так сделай это! Если рангуны не сдаются, почему бы не уничтожить их? Разве не ясно, пришелец, что в борьбе двух противников уничтожение одного из них — лучший способ прекратить борьбу?

— Это не наш способ, Гуннар Гунна. У людей свои правила морали. Слушай мою просьбу. Вы умеете в длительных размышлениях находить опровержения законов природы. Я поставлю тебе задачу попроще: поразмысли и найди такой способ, чтобы мы могли разоружить рангунов, никого не истребляя. У нас могущественные боевые средства, но единственное безвредное оружие — временно парализующие излучатели — решительно отказало, а всякое другое — уничтожает.

— Ты правильно поступил, что обратился к нам за помощью, — величаво одобрил Вещий Старец. — Ибо вы, пришельцы, просто разумны, а мы — воплоители Высшего Разума. Я сделаю все, чего ты требуешь.

И он немедленно впал в такую сосредоточенность, что при очередном толчке почвы не устоял на ногах. Два других Старейшины — Различник и Стиратель — едва успели подхватить его под руки. Он и остался так недвижно стоять — двое поддерживали его, а он, опустив величественную голову, не выходил из глубокого размышления.

Кнудсен отошел к своим. Мария и Бах молчаливо следили за бегущим вдалеке Асмоем. Хавроны, захватившие главную линию обороны, обстреливали киборга: то спереди, то по бокам, то позади Асмодея взлетали фонтанчики пыли. Асмодей вдруг упал — не то добежал до нужного места, не то свалился, сраженный.

— Не поднимается! — глухо произнесла Мария.

И, словно отвечая ей, над склонами горы поднялся огненный столб. До людей донесся грохот взрывов, снизу вверх по горе промчался смерч из пламени и камней. Огромные глыбы взлетали и рушились. Асмодей все не поднимался.

— К нему! — Мария побежала наверх, за ней поспешил археолог.

Кнудсен нагнал друзей, когда они стояли над местом, где упал Асмодей. Киборг успел выйти к цепи зарядов, успел включить

взрывную машину, но спастись от падающих глыб не успел. Вокруг валялись разрозненные части того, что еще несколько минут назад составляло прекрасную фигуру и совершенный механизм — сорванная с шеи голова с рожками, торчащими из кудрей, разможенное туловище, изломанные руки, развалившиеся на сочленения ноги. Мария остановившимися глазами смотрела на груды обломков, оставшуюся от ее детища. Бах увидел моторчик индивидуальной силовой защиты и с негодованием пнул его — защита надежно предохраняла от ручных резонаторов, но против рушащихся глыб была бессильна.

Кнудсен прервал горестное молчание Марии и Баха:

— Друзья, соберите останки Асмодея, похороним их, как похоронили бы останки отважного человека. Он выполнил свою боевую задачу и погиб. Посмотри на гору. Нам больше не нужно оборонять насосы.

С горы рушился водопад. Тысячи тонн воды, грохоча и пенясь, устремились в Долину гибели. Бах, отведя взгляд от новоотворенного водопада, с болью проговорил:

— Я просил... Один залп курдины — и наш друг был бы цел!

Кнудсен резко повернулся и пошел назад. Мария позвала его — капитан хронолета не ответил и не обернулся.

11

Аркадий знал, что времени на подготовку обороны «преисподней» в обрез: сразу после падения защитной линии у колодца наступит его черед отражать атаку всей армии Ватуты. Кнудсен передал, что Мария с Асмодеем совершили нападение на атакующих и что вылазка была неудачна. Аркадий должен торопиться.

Аркадий не торопился, он был готов.

А затем донесся грохот взрывов на склоне горы, запиравшей Долину гибели, и он увидел водопад, ошалело ринувшийся из верхнего озера в котлован. Вода с ревом заполняла долинку. На единственном возвышении — скале, нависшей над «преисподней», — скапливались беглецы. Аркадий всматривался в далекую линию обороны — там оставались друзья, они все еще не появились.

Первым прибыл Гуннар Гунна со своей свитой, за ними Кнудсен. Аркадий кинулся к капитану хронолета с вопросом, где остальные.

— Асмодей погиб, Мария и Миша скоро появятся, они собирают его останки. У тебя все в порядке?

— Пусть Ватута приходит — его солдатам не поздоровится.

Кнудсен стоял спиной к новой оборонительной линии, лицом к котловану Долины гибели. Уровень воды поднимался, она уже доходила до колен последних защитников первой линии, торопившихся к спасительной «преисподней». Ни Марии, ни Баха не было видно.

— Скоро Ватута не подойдет, — сказал Кнудсен. — Новое озеро над бывшим колодцем спутало его планы — надо преодолевать воду. Он найдет средство для переправы, но на это ему понадобится время.

— Марии и Миши еще нет, — с тревогой сказал Аркадий.

— Уже идут, — ответил Кнудсен и отошел к Старейшинам.

Мария и Бах брели по пояс в воде. Аркадий спустился со скалы и помог им выбраться наверх. Бах сложил в кучку останки киборга.

— Вот и весь Асмодей тут, — произнес археолог. — Я так привязался к нему!

— Мария сконструирует нового Асмодее, — сказал Аркадий.

Мария грустно покачала головой.

— Если вернемся на Латону. Но это будет уже другой Асмодей. Может быть, и лучше, но другой.

Кнудсен беседовал со Старейшиной Старейшин.

— Пришелец, я выполнил твою просьбу, — торжественно протелепатировал Великий Провидец. — Воплотители Высшего Разума, как тебе известно, свободно решают самые сложные задачи. Я подверг всестороннему изучению твою проблему и окончательно постиг, что нет никаких известных нам средств, способных усмирить проклятых рангунов без физического уничтожения. Я уже объяснял тебе, что этот коварный народ...

— Немного же ты постиг, Верховный Воплотитель Высшего Разума, — с горечью проговорил капитан. — Я и без твоего глубокого размышления знал, что у меня нет никаких средств...

Дилоны, похоже, что-то переняли от людей — Старейшина Старейшин совсем по-человечески прервал Кнудсена:

— Ты не понял меня, пришелец! Нет известных средств, но есть неизвестные. При опровержении законов природы, нашем, как ты знаешь, любимом занятии и непременном долге каждого дилона... В общем, природа для своих законов применяет известные всем средства, а чтобы их опровергнуть, мы конструируем нечто природе неизвестное...

Кнудсен с загоревшимися глазами ждал продолжения.

— Пришелец, единственная тяжкая болезнь дилонов — рассинхронизация организма. В отличие от нас, рангуны избежали разрыва времени в своих телах, ибо освоили свободный поворот своего целостного времени на обратный ход; на этом, как тебе известно, основано их бессмертие. Так вот — опровергни целостность их жизненного времени! Порази их рассинхронизацией головы и тела, желаний и поступков. У вас такие аппараты, такие хроновозможности!.. Спутай время в рангунах!

Старейшина Старейшин еще не окончил, а у Кнудсена уже возник план действий.

— Понял. Благодарю!

Он быстро направился к помощникам. Давно они не видели своего хмурого капитана таким оживленным, почти радостным — состояние отнюдь не по объективной ситуации борьбы с восставшими.

— Друзья, Вещий Старец подсказал мне прекрасный новый план, но надо продумать, как его выполнить, — сказал он, предвзято вопросы. — Обсудим возможности сообща. Сделаем это в хронолете.

Аркадий оглядел подготовленные для обороны позиции.

— Мне тоже покинуть «преисподнюю»? А если нападение произойдет раньше, чем ты ожидаешь?

— Оставайся. Потом сообщим тебе детали нового плана. Остальные — в планетолет.

Бах задержал капитана.

— Анатолий! Я знаю, ты рассердился на мой упрек... Я о курдинах... Случайно вырвалось, прости!

Кнудсен мгновенно стал холодным, почти враждебным.

— Прощаю, но с условием: никогда больше ни случайно, ни преднамеренно не наталкивай меня на такие средства борьбы!

Он первым вошел в планетолет и молчал, пока не ввел небольшой корабль в трюм хронокрейсера.

В салоне, усевшись на привычное свое место под образом лохматого бога Хроноса, капитан хронолета начал обсуждение нового плана неожиданными словами:

— Мне стыдно, что идею рассинхронизации рангунов предложил Вещий Старец, ничего не смыслящий в хронистике, а мы, хронисты и хронавты, даже отдаленно не подошли к этой великопленной мысли!

После такого энергичного вступления Кнудсен изложил саму идею. Бах мгновенно загорелся.

— Я не хронист, хотя и хронавт, то есть путешественник во времени. Я археолог и мало смыслю в хрономоторах, хроногенераторах и хронотрансформаторах. Но мне кажется, что аппаратура, в которой я мало смыслю, вполне пригодна для рассинхронизации наших врагов.

Мария согласилась с Бахом. Она тоже немного смыслит в аппаратуре и тоже уверена, что эта аппаратура отлично спутает жизненное время в рангунах. Кнудсен вскочил.

— И вы не ошибаетесь в своей уверенности! Идемте на склад резервных механизмов.

На складе, у стеллажей, заполненных приборами, Кнудсен показал на громоздкие стационарные хроногенераторы.

— Приглядитесь к ним! У каждого из нас на скафандре хрономоторчик такого же типа, как этот, но слабей. И вы знаете, что пользуясь им, можете менять свое собственное время — убыстрять и замедлять, создавать фазу к основному течению. Такой хрономоторчик, даже частично разлаженный, выручил Аркадия в лесу хроновампиров. А эти громоздкие аппараты — хроноорудия. Они — для нападения, а не для защиты. Обстрел хроноимпульсами выводит неприятеля из его сиюсекундности, выбрасывает в иное время. Выводить из нашего времени рангунов бесполезно, с ними придется сражаться и в ином времени. Вещий Старец подсказал иное использование орудий. В них ведь можно менять и скорость, и фазу хроноимпульса.

— Я поняла, Анатолий! — сказала Мария. — Скорость времени меняется по-разному в разных частях организма — вот и рассинхронизация. А вывод в фазу рассогласовывает совместные действия рангунов, ибо каждый уходит в фазу неодинаково с соседом.

Кнудсен хохотал. Бах, тоже обрадованный, поглядывал на него с удивлением — академик и не подозревал, что его старый друг способен на бурные выражения чувств. Отхохотавшись, капитан сказал:

— Теперь грузим два хроноорудия и — к Аркадию!

Аркадий встретил друзей с облегчением. На противоположном берегу новосотворенного озера рангуны собрали громоздкое сооружение — не то плот, обнесенный металлическими щитами, не то широкопалубную лодку, и установили на палубе массивные орудия-резонаторы, какие Ватута готовил для уничтожения колодца и какими намерен теперь закупорить подземную щель из озера в пещеру.

Кнудсен наблюдал в бинокль возню на другом берегу.

— Отлично придумано! Ватута не глупец, но он думает, что у нас только одно оружие — парализаторы. От них он защитился надежно — и сетками на головах, и металлическими щитами на плоту. Но мы ему приготовили сюрприз. Аркадий, сколько времени понадобится рангунам, чтобы пересечь озеро?

— Через час они будут у «преисподней».

— Часа нам хватит.

Кнудсен объяснил идею нового сражения. Аркадий, гораздо лучше разбиравшийся в аппаратуре, чем Бах и Мария, пришел в восторг.

— Прошу доверить расправу с противниками коменданту «преисподней», — сказал он весело. — Искривление времени однажды уже спасло меня, теперь оно выручит нас всех.

Но Мария тоже захотела участвовать в хроносражении.

— Вы называете меня воительницей. Какая же я воительница, если не воюю? Аркадию хочется повторить свой успех в манипуляциях со временем, а мне, выражаясь языком древних воинов, нужно смыть позор неудачной вылазки. Что морально весомее — повторение успеха или преодоление неудачи?

— Сражение начинает Мария, — решил Кнудсен. — Мише поручаю второе оружие. Он немедленно вступает в бой, если Марию постигнет неудача.

Мария и Бах заняли свои посты. Плот рангунов отчалил от берега. Он быстро двигался по озеру — хавроны энергично работали веслами. Группа вооруженных солдат сгрудилась на носу, чтобы ринуться на скалу, когда плот сядет на береговое дно. За их рослыми фигурами не было видно рангунов: то ли ни один не пошел в атаку, то ли они терялись за солдатами. Капитан «Гермеса» залюбовался порядком на плоту: весельники дружно — с синхронностью до миллисекунд — вздымали и опускали весла, воины смыкались плечами, плот покачивался и покачивал весь отряд как единое целое, ни один солдат не разрешал себе индивидуального движения. Внешний порядок выражал внутреннюю собранность и дисциплину. Ватута посылал в атаку отборных солдат.

— Начинаю! — доложила Мария.

Кнудсен скосил на нее глаза. Она проворно переключала хроноорудие с фазы на фазу, со скорости на скорость. Волны пульсирующего и разрывающегося времени обрушились на вражеский десант. Плот приближался с той же быстротой, гребцы так же синхронно работали веслами, воины каменели в той же пред-

писанной боевой неподвижности. Перемены начались с помутнения обзора. Кнудсен проверил стекла бинокля — не наслала ли пыль, — лишь потом сообразил, что дело не в пыли, а в хронообстреле. Хавроны, стоявшие на носу, ближе всех к скале, вдруг потеряли резкие очертания и яркие краски, их словно замазало однотонной серой грязью. В неподвижном строю возникла толкотня. Один хаврон оборачивался к другому. Какой-то солдат вырвался из строя вперед, двое других отпрянули от борта, словно спасались от падения в бездну. Кто-то замедлил взмахи весла, кто-то их убыстрил. Плот по инерции еще надвигался на скалу, но гребцы — так громко, что их слышали на скале, — корили друг друга в нарушении ритма. Самый вспыльчивый вдруг кинул весло и бросился на соседа — мохнатым кулаком учить трудиться. А сосед, так и не выпустивший весла, внезапно стал терять очертания и непрозрачность — на скамье сидело привидение, а не прежний массивный гребец: сквозь его тело виднелись задние хавроны, а в руке призрака неумоимо двигалось массивное, отнюдь не призрачное весло — только двигалось не в том ритме, как у других гребцов. Драчун, увидев, что сосед превратился в силуэт, издал вопль и ринулся за борт — вода сомкнулась над его головой, но он тут же вынырнул и широкими взмахами рук потянул к берегу.

Плот толкнулся в скалу, солдаты и гребцы попрыгали за борт. Вперед вырвался бочкообразный рангун, дешифратор донес его истошный крик: «Вперед! Вперед!» И тут же, словно не поняв собственного приказа, он бросился назад и, остановившись уже по колено в воде, потерянно оборачивался, словно допрашивая себя, как его сюда занесло.

Мария, непрерывно меняя фазы и силу импульсов, ведя аппарат по всей разбросанной линии атакующих, быстро путала в каждом единство движений. Рангун, командовавший отрядом, снова выбирался из воды на берег, снова орал: «Вперед!» и сам же, вместо броска на защитников, вдруг начинал вертеться — словно собака, преследующая собственный хвост. И его солдаты тоже вертелись, кто вправо, кто влево, у каждого неумоимо трудилась одна нога, другая отказывала — он бежал послушной ногой вокруг второй, окаменевшей. Наступающий отряд превратился в скопище живых волчков, вращающихся в разные стороны, толкающихся плечами, сшибающих один другого и падающих.

— Какой прекрасный приступ массового безумия! Какой роскошный концерт массовой эпилепсии! — восторженно кричал Бах. Он понял, что Марии помощь не понадобится, и, не отдаляясь от

своего хроноорудия, весь отдался смакованию разгрома неприятелей.

Командир отряда чудовищным напряжением воли преодолел непослушание рук и ног и заковылял, спотыкаясь на ровной почве, к передовому хроноорудию. Ручной резонатор, покачиваясь в нетвердых руках, угрожающе нацеливался на Марию. Мария хладнокровно повернула хроногенератор на подходившего Бессмертного. Предводитель отряда вразброд замахал руками, выронил резонатор и стал стираться. Он еще был, и его уже не было — почти вплотную перед хроноорудием пошатывался призрак рангуна, а не рангун. Призрак повалился наземь и замер. Бах подбежал к нему: на земле лежало живое, слабо шевелящееся привидение — сквозь полупрозрачное бочкообразное туловище смутно проступали камни.

— Забери резонатор и сними сетку у него с головы! — крикнула Мария.

Бах с трофеем в руках убрался к своему орудию.

Борьба с командиром отряда отвлекла Марию от нейтрализации остальных. В отряде восстановилось подобие порядка. Уже несколько обезьяноликих солдат лезли на орудия, безошибочно установив, что в них основа обороны. Нападающие были слишком близко, чтобы ограничиться слабыми хроноимпульсами. И люди, и Старейшины позади людей, и рядовые дилоны увидели зрелище, которое могло померещиться лишь в малярийном бреде. У нападающих в телах разорвалось единство времени. Вдруг появились одни свирепо оскаленные морды, морды орали и мчались, а шей, их несущих, не было, и туловищ не было, и ноги отсутствовали. А на другом краю отряда бежали одни ноги без туловищ и голов и чуть повыше ног раскачивались и самостоятельно нацеливались несущиеся сами собой резонаторы. И где-то перли одни лохматые туловища без голов, без ног и без рук.

Еще продолжавшаяся инерция атаки оборвалась. Нападающие валились один за другим. Все пространство перед двумя хроноорудиями было усеяно телами хавронов. Мария остановила хроногенератор. Единство времени медленно восстанавливалось — безногие и безрукие туловища обретали конечности, у безголовых обрисовывались головы.

— Неплохо, — буднично оценил обстановку Кнудсен. — Теперь разоружаем лохматых, пока их силы не восстановились.

Трое хронавтов снимали с хавронов защитные металлические сетки и собирали брошенные резонаторы. Бах наклонился

над сраженным рангуном. Это был его старый знакомый Варана, Бессмертный № 44, вместе с Кагулой, Бессмертным № 29, встречавший пленного Баха в городе рангунов. Варана приходил в себя; он еще не мог подняться, но в глазах возрождалось сознание.

— Привет тебе, Варана, вельможа кровопийцы и Верховного Злодея Ватуты! — обратился Бах к пленному. — Теперь наши роли переменились, не так ли? Но в отличие от вас, обрекших меня на казнь, я не собираюсь насильственно превращать в смерть ваше бессмертие. На короткий срок мы привили тебе любимую болезнь дилонов, маленькую рассинхронизацию организма, — и все. Как себя чувствуешь, дружок Варана?

Варана с усилием приподнял голову, оперся руками о скалу. Ответ — на хорошем человеческом языке — прозвучал стоном:

— Спутаны времена мои. Ах, как спутаны времена мои!

К Баху, услышав его разговор с рангуном, подошли Мария и Кнудсен. Аркадий с дилонами относил в тыл отобранное оружие. Бах продолжал допрашивать пленного:

— А что мой добрый друг Кагула? Все ходит на задних ножках перед Верховным Злодеем? Что так смотришь? Не узнаешь меня?

У Вараны уже хватило сил на обстоятельный ответ:

— Я узнал тебя, иновременник. Ты Бах, археолог, академик и человек, что, как ты сам объяснил, означает одно существо. С твоим другом Кагулой плохо. Ватута заточил Кагулу.

— Заточил своего любимца? Своего спасителя в битве с Кун Канной? Я не ослышался?

— Ты не ослышался, человек и Бах. Кагула отказался воевать с вами. Кагула сказал, что он вам друг, а не враг. Сейчас Кагула в цепях у ног Ватуты. Властитель грозит, что так будет с каждым, кто ослушается. Никто не ослушался, но многие колеблются.

Варана показал, что хочет подняться. Бах помог ему встать на ноги. В разговор вступила Мария:

— Ты не колебался, верно? Я три раза поражала тебя, пока спутала твое жизненное время. Ты зашатался лишь после второго хроноподания.

Бессмертный № 44 бесстрастно возразил:

— Я колебался. Но в душе, а не на ногах. Кагула своим непослушанием поразил мою душу, ты поразила мои ноги.

— Колебался в душе, но всем телом бросился на нас! И вел на нас озверелых хавронов!

— Повелительница! Хавроны выполняли мой приказ, я выполнял приказ Властителя.

— Ты назвал меня Повелительницей? — Мария внимательно всматривалась в рангуна. — Значит ли это, что ты исполнишь мое повеление? Ты отрекаешься от Ватуты?

— Я в твоём плену и в твоей власти. Приказывай, Повелительница, — так тебя назвал сам Ватута. Так тебя называем мы все.

— Очень хорошо! Анатолий, разреши мне действовать? — Кнудсен молча кивнул. — Варана, мы пойдем на приступ позиций Ватуты. Мы хотим выручить нашего друга Кагулу. Повелеваю тебе принять командование над хавронами, которых ты отберешь. С нами пойдут, конечно, не все.

Варана поднял голову.

— Пойдут все, Повелительница. Еще не было случая, чтобы хавроны ослушались моих приказов. Я командую гвардией Ватуты. — И он добавил с радостью: — Спасем Кагулу! Спасем Кагулу!

Кнудсен распорядился:

— Собирайте хавронов. Плот в порядке — отправимся на плоту. Миша, погрузи один хроногенератор. Идем мы трое, Аркадий остается. Поторопимся. Ватута, наверное, нервничает, что долго нет победных реляций, и может сообразить, что это означает поражение.

Кнудсен направился к группе стоявших поодаль Старейшин.

— Друг мой Гуннар Гунна! — сказал он с чувством. — Твоя замечательная идея осуществлена, мы породили в неприятеле жуткую рассинхронизацию, они из воинского отряда превратились в обезумевшее стадо. Спасибо тебе, Верховный Провидец!

Вещий Старец величественно протелепатировал:

— Рад, пришелец, что ты убедился в могучей силе Высшего Разума, свободно опровергающего незыблемые законы природы. А мы убеждаемся, что вы, люди и хронавты, что, впрочем, как мы твердо установили, одно и то же, могли бы стать добрыми помощниками воплощений Высшего Разума. Наше проникновение в любые проблемы, ваша мобильность и энергия так дополняют одно другое, что слияние их породит новую всемирную силу. Я знаю, вы не любите и неспособны всем в себе отдаваться вдохновенному размышлению. Но если ты преодолеешь это, впрочем, извинительное для людей нежелание всецело сосредоточиваться на мысли, то непременно поймешь, сколь благодетелен будет наш союз Высшего Разума и Физического Динамизма.

Кнудсен поспешно сказал:

— Непременно поразмыслию о твоём великолепном совете. Но не сейчас. Снаряжается плот для десанта на тот берег. Не хотите ли сопровождать в последний бой людей и перешедших к нам рангунов?

На лице Верховного Провидца выразилось замешательство.

— Мне нужно поразмыслить, пришелец. Столько важных аргументов за твоё удивительно красивое предложение — и столько убедительных аргументов против. Я должен выяснить разумное соотношение тех и других. Позволь мне не торопиться с ответом.

Он впал в очередную сосредоточенность. Кнудсен более не вмешивался. Он понял: дело сделано, — и пошел к плоту.

12

Хавроны, как и обещал Варана, не выказали ни замешательства, ни сопротивления, когда узнали, что они отныне солдаты пришельцев и будут воевать против своих господ. Гарантией, что новая борьба законна, было уже то, что их неизменный предводитель Варана сразу перешел на сторону пришельцев, потерпев неудачу при высадке. Они даже не вполне верили, что то была их военная неудача, а не временное помрачение умов и непонятный упадок сил, — впрочем, от грозной Долины гибели можно было ожидать любой беды, а загадочных и необъяснимых происшествий — тем более.

Варана вернул солдатам отобранное оружие, они повеселели и с новым приливом мужества ожидали приказа к сражению.

— Мне сдается, им безразлично, против кого и за кого сражаться, — заметил Бах, с любопытством разглядывая ряды хавронов. — Отличные, в общем, ребята! С тремя я даже сдружился. Их звали Бедла, Кадла и Рудла, они непрерывно называли свои имена и оказывали мне всяческое почтение. Их всех сразил министр Прогнозов и Ведовства, робкий по натуре Кун Канна, когда так отважно бросился меня защищать.

— Кун Канна был, конечно, предателем, но довольно странным предателем, — задумчиво сказал Кнудсен. — Из страха перед Ватутой обрушил на своих братьев ужасные бедствия, а сразу после этого напал на Ватуту, зная, что ничто кроме гибели не может его ожидать.

Около Марии, не отходившей от хроногенератора, встал Варана. С ним подошли четверо рослых солдат.

— Повелительница, командовать сражением будешь ты?

— Старший у нас капитан Кнудсен. Но в бой поведу вас я.

— Я выделил для твоей охраны двух солдат. Двое других помогут передвигать оружие. Сам я пойду с десятком хавронов прямо на Ватуту. К счастью, он не догадывается, что я теперь с вами.

— Ты уверен в этом?

— Он ожидает депеши, что мы захватили скалу. Я депеши не послал. Он подумает, что сам хочу доложить о победе. Когда он выйдет ко мне, бей сразу, не ожидая, что он скажет мне и что отвечу я.

— Почему же сразу? Узнав, что ты у нас и что мы используем новое оружие, он покорится. Он уже покорялся.

— Теперь он не покорится. Он взял у Дилая те страшные резонаторы, которые погубили столицу дилонов. Когда я отплывал, пленные дилоны заканчивали монтаж оружия.

— Мой хроногенератор не даст применить резонаторы — ни ручные, ни стационарные.

Варана презрительно усмехнулся. У рангунов лица были подвижные, с быстро меняющимся выражением. Варана выглядел серьезней других рангунов, и, когда на его лице появлялась усмешка, оно казалось еще выразительней, чем у его собратьев.

— Повелительница, ты преувеличиваешь свои возможности. Я видел, как ты умело стреляешь. Но если почва затрясется, если сама ты повалишься на камни, а оружие твое понесется вскачь от тебя, обстрел не удастся. Ты должна поразить Ватуту до того, как взмахом руки он раньше тебя откроет бой.

Мария с минуту раздумывала.

— Ты отдаешь себе отчет, что и сам попадешь в зону обстрела вместе с Ватутой?

— Да. Но раз я на вашей стороне, я хочу обеспечить вашу победу. И еще одно, Повелительница. И ты, и твои друзья не должны показываться, пока я не встану рядом с Ватутой. Охранники прикроют тебя, а остальные люди пусть затаятся.

Все было разумно в плане Вараны — и очень рискованно. Мария подошла к Кнудсену и Баху посоветоваться. Кнудсен спросил, верит ли она сама в верность нового союзника? Мария верила. Тогда, решил капитан хронолета, подчинимся его совету. Если Варана изменник, он все же не успеет предупредить Ватуту до того, как Мария начнет обстрел. А если верен, то нет ничего лучше, как поступить по его совету.

— Мы согласны, Варана, — сказала Мария, возвращаясь к хроногенератору, замаскированному фигурами стоявшей к нему вплотную охраны.

Сдержанный Бессмертный № 44 -- Бах успел сообщить, что в плену, во время его долгой беседы с Кагулой, Варана, сопровождавший Кагулу, не обмолвился ни единым словом, — и на этот раз в ответ только молча наклонил голову.

Плот медленно подплывал к берегу. Из воды торчали крыши палаток и оборонительные щиты — хлынувшая с гор вода затопила сооружения, какие были пониже. Поодаль — в линию — размещались летательные шары, на них рангуны со своими солдатами недавно прибыли в Долину гибели. Двойная цепь вооруженных хавронов выстроились на пологом склоне. Между рядами хавронов сновали рангуны, несколько Бессмертных выбежали навстречу плоту. Ватуты не было.

Толкнувшись в щит, плот остановился. Варана, сделав своим солдатам знак оставаться, сошел на берег. К нему метнулись рангуны. У Марии сильно забилося сердце. Если Варана изменник, он придумал отличное средство победить людей — в самый раз рангунам наносить упреждающий удар! Но толпа рангунов расступилась, Варана шагал дальше один, остальные лишь сопровождали его на отдалении.

На склоне горы показался Ватута. Он сделал с десяток шагов и остановился. Две Гаруны, преследовавшие на небосклоне одну другую в необычайной своей взаимной погоне, заливали косым сиянием мощную фигуру Властителя. Он не просто стоял, а красовался — видный и своему войску, и хавронам на плоту, и людям, таившимся за широкими спинами лохматых солдат. Варана приближался к Властителю. И не дойдя двух-трех шагов, повернул голову назад. Это был условный знак, и Мария не потеряла ни секунды.

Охранники, маскировавшие хроногенератор, расступились. Ватута зашатался, завертелся, замахал руками, свалился на камни, судорожно подергался и замер. Рядом рухнул Варана. Долгую минуту Мария ожесточено осыпала два неподвижных тела хроноимпульсами — массивная фигура Властителя стала терять очертания и стерлась, на камнях покоился лишь силуэт. То же произошло и с Вараной — обоих выбросило в какое-то иное время, не то прошедшее, не то грядущее, — Мария не знала.

И лишь убедившись, что с Властителем рангунов покончено, Мария повернула аппарат на его солдат и офицеров, нестройно

карабкавшихся на гору помочь Ватуте. Несколько импульсов хватило, чтобы внести разброд и смятение в их толпу; три шара взлетели над горой — дна Мария сшибла. Настал черед войска, сгрудившегося у воды. Многоголосый вопль ответил на хроноудар. Мария оставила хроногенератор и велела хавронам, каменно стоявшим на плоту, сходить на берег и собирать оружие.

— А мы пойдем спасать Кагулу и брать Ватуту в плен, если он успел восстановиться в нашем времени, — сказала Мария Кнудсену и Баху.

— Оставишь плот без охраны? — спросил Кнудсен.

Мария пренебрежительно махнула рукой. Оставлять или не оставлять оружие без охраны — дело капитана, а не ее. Он командир и стратег, она — воин. Сама она не сомневается, что никто и не подступится к хроногенератору. Да и кто о нем знает, кроме Вараны, а он наш, и он лежит вон там, с трудом возвращаясь в свое время.

— Ты права. Поторопимся найти Кагулу.

Три человека с трудом пробирались между толкающихся, орущих хавронов, между бессмысленно слоняющихся рангунов. Все были живы, ни у одного не было телесных повреждений — и ни один не держался нормально. Берег превратился в шумное сборище потерявших себя безумцев. Какой-то рангун побежал и едва не свалил Баха, тот сердито крикнул: «Смотри, куда идешь!» Рангун остановился, посмотрел на Баха, не увидел его и снова двинулся как бы сквозь него — археолог еле увернулся. Два хаврона, стоя один против другого, толкались руками: они хотели идти, ни один не давал другому пути, а что можно обойти, они не соображали. Между лишившимися четкого сознания неприятелями деловито сновали хавроны с плота, отбирая оружие.

— Впечатление, будто обитателей сумасшедшего дома выпустили скопом на прогулку, — поделился наблюдениями Бах.

— И ведь никто, держа оружие, не пускает его в ход, — задумчиво сказал Кнудсен. — Страшное было бы зрелище, если бы они стали обстреливать окружающих. Какое чувство дисциплины! Даже потеряв себя, сохранили понимание, что без приказа оружие не должно действовать.

— Инстинкт, а не понимание! — проворчал Бах.

Варана, уже восстановившийся, приподнялся, увидев людей. Бах помог ему встать на ноги. Кнудсен отыскивал Ватуту. Ни вблизи, ни поодаль Ватуты не было.

— Потом разберемся, куда мы его забросили — в будущее или в прошлое, — сейчас отыскиваем Кагулу. Варана, ты не знаешь, где Кагула?

— Знаю. Немного выше пещера, где был Ватута. Он держал Кагулу около себя.

В пещере — небольшом логове, тускло освещенном самосвещающимися стенами, лежал связанный Кагула. Варана стал развязывать его, Мария помогала. Бах торжественно произнес:

— Привет тебе, мой добрый друг, Бессмертный № 29! Мы явились вовремя, чтобы сохранить твоё бессмертие от гибели.

Кагула потопал ногами, чтобы восстановить кровообращение.

— Я знал, что вы явитесь, я знал. Жаль, что Ватута ускользнул!

— Как понимать — ускользнул? Ватута где-то в будущем. Впрочем, возможно, что и в прошлом. В общем, в нашем времени встреча с ним не грозит.

— Ты ошибаешься, иновременник. Он не в прошлом и не в будущем, а у Дилая. Он быстро пришел в себя после вашего нападения и хотел утащить меня с собой, но не смог развязать, не смог... Он улетел на шаре. Я покажу вам склады Дилая, я покажу...

Люди разочарованно переглядывались. Мария вспомнила, что над горой взмыли три шара; два она сбила, третий улетел — на нем, видимо, и спасся Ватута. Кнудсен вызвал Аркадия. На ручных экранчиках появился улыбающийся хроноштурман и заговорил первым:

— Поздравляю, друзья, с удачей! Мне хорошо видно, как мечутся воины Ватуты. Анатолий, не пора ли убираться со скалы? Расщепляющийся материал заполняет «преисподнюю», она и впрямь превращается в настоящее пекло, там уже такое выделение тепла, что припекает. Наши добрые Старейшины что-то часто перебирают ногами. Жду указаний и распоряжений.

Кнудсен разрешил эвакуацию «преисподней» — нападение на нее теперь исключено. Аркадий должен позаботиться о срочной эвакуации обезоруженной армии Ватуты куда-нибудь в страну дилонов. Они трое — Миша, Мария и он — отправляются добывать бежавшего Ватуту, их сопровождают рангуны Кагула и Варана и несколько верных хавронов. Пусть Аркадий доставит три авиетки с боевым снаряжением.

В каждой из трех авиеток за пульт сел человек. В свою авиетку Кнудсен взял Кагулу и Варану. Варана не знал, где убежище хранителя Огня и Энергии Дилая, оно держалось в большой

тайне. Но Кагула, руководивший Строительствами и Разрушениями, бывал там часто — он уверенно показывал путь.

— Здесь! — сказал Кагула, показывая на лесистые горы внизу. Кнудсен с удивлением посмотрел на рангуна: у молодого Бесмертного дрогнул голос — местечко, видимо, было из священных, и Кагулу приводила в смятение мысль, что он явился сюда с оружием в руках. Возможно, было и не так, как вообразилось капитану хронолета, но он не стал доискиваться правды длительным размышлением, а выбрав место, посадил авиетку.

Рядом опустились другие авиетки. Варана скомандовал хавронам выгружать снаряжение. Кнудсен предложил Баху и Марии оборудовать боевую позицию — не исключено, что убежище Ватуты и Дилая придется брать силой. Сам он с Кагулой отправится на последние переговоры с Ватутой. Мария потребовала, чтобы взяли и ее: Ватута еще недавно прислушивался к ее настояниям, она надеется, что и сейчас сумеет воздействовать на него.

Хранилище Огня и Энергии, как и все убежища рангунов, представляло собой пещеру в горе, вход в нее закрывали кусты. Кагула, очень бледный, лишь показал направление, но идти впереди не осмелился — первым шагал Кнудсен. То ли от слабости, то ли от страха Кагула, замедлив шаг, стал пошатываться. Не пройдя и сотни шагов в гору, он воскликнул с испугом:

— Ватута! Дилай!

Кнудсен остановился. Впереди никого не было, капитан хронолета уже решил, что рангуну от волнения померещилось, но в эту минуту кусты раздвинулись. Наружу вышел Ватута и с ним маленький рангун с непропорционально большой головой. Оба встали на крутом склоне, метров на десять выше подходивших хронавтов и Кагулы.

— Ни шагу дальше! — приказал Ватута. — Приветствую тебя, Повелительница. Ты отлично управляешься с орудиями, я бы взял тебя в начальницы моих резонаторов дальнего действия. И тебя приветствую, капитан Кнудсен, ты гораздо лучше командуешь своим войском, чем Варана моей гвардией, — недаром он так легко переметнулся к тебе. А тебя, Кагула, презираю — ты изменник! Ты отказался слушаться меня.

Видимо, Кагулу нужно было оскорбить, чтобы он смог отделаться от страха. В его ответе не слышалось ни робости, ни смирения:

— Скажу тебе то же, что говорил раньше, Великий Ватута: я слушаюсь разума, а ты впал в безумие, ты впал... Твое восстание бессмысленно — сам видишь это, сам видишь.

— Вижу, что мой бывший любимец Кагула попал под влияние дилонов, сдружившихся с людьми. Я давно подозревал в тебе это пагубное перерождение. Недаром ты так охотно беседовал с тем бешеным трусом Кун Канной, моим министром Прогнозов и Ведовства.

— Я спас тебя от нападения Кун Канны, я спас, — с достоинством указал Кагула. — Если бы не я, твоя голова и твои руки отлетели бы от туловища.

— Ты только исполнил свой долг, Кагула. Ты ясен, с тобой толковать не о чем. Пусть люди скажут, чего хотят.

— Мы пришли за тобой, Ватута, — сказал Кнудсен.

— Пришли за мной, но уйдете ли отсюда сами?

— Восстание не удалось, пора прекращать войну.

— Восстание не удалось, война продолжается.

— Ватута, не безумствуй! — воскликнула Мария. — У тебя такая светлая голова, ты не можешь не понимать!..

Ватута страстно прервал ее:

— Перестань, Повелительница! Я честно подчинялся твоей воле, пока вы не решили все переменить на планете.

— Не мы, Ватута! Сама природа уготовила вам гибель, мы спасаем вас!

— Природа со мной не разговаривала, со мной разговаривали вы. Почему я должен вам верить? И отчего вы нас спасаете? Лишаете нас бессмертия, разве не так?

— Ты погибнешь, отстаивая свое мнимое бессмертие!

— Умереть, защищая бессмертие, — разве это плохая доля, Повелительница? Покорюсь я или нет, все равно меня ждет участь жалкого смертного. Так хоть поборюсь. Бессмертие стоит смерти — тебе не нравится такая формула, Повелительница?

— Мне не нравится твое упрямство, Ватута, — сказала она с горечью.

Кнудсен решил подвести итоги спору:

— Слушай меня, Ватута. Внизу установлен хроногенератор. Прицельные фазы сдвинуты на разные углы. Надеюсь, ты прекрасно понимаешь, что это значит. Знаешь, что, когда мы начнем обстрел вашего логова, вас пронзит тяжкая болезнь дилонов — рассинхронизация. И она поразит вас обоих в тысячекратном

усилении. После этого мы возьмем вас голыми руками. Даю полчаса на раздумье.

— Полчаса мне вполне хватит на подготовку к ответу, — насмешливо бросил Ватута.

Ватута и карлик Дилай скрылись в чаще кустов. Кнудсен быстро пошел вниз.

— Скорее, скорее! — командовал он. — Ватута задумал что-то скверное. Нужно до исхода получаса приготовиться к неожиданностям.

Кнудсен приказал хронавтам подготовить защитные хрономоторчики. Рангуны и хавроны тесно обступят Марию и Баха — они будут находиться под защитой людей. Аркадия в безумном лесу спасло, что он на несколько минут отпрянул в прошлое. Возможно, и сейчас придется уходить из настоящего минут на десять.

— Я дам знак на уход в прошлое — действовать тогда мгновенно! Сам займу позицию у хроногенератора.

Когда подготовку к защите закончили, Кнудсен с беспокойством посмотрел на гору и произнес — скорее для себя, чем для товарищей, тесно сгрудившихся неподалеку:

— Прошло пятнадцать минут. Вряд ли Ватута обещанные полчаса...

Над горой взвилось огненное облако. Кнудсен дал знак уходить. Мария и Бах включили защитные хрономоторы. На позиции людей обрушилась туча камней — они их не увидели. Грохот взрыва потряс окрестности — они его не услышали. А когда спустя несколько минут Мария и Бах синхронизировались в настоящем, они не узнали окружающего мира. Гора, взорванная, еще тяжело оседала, по склонам рушились выброшенные из почвы деревья, груды камней завалили площадку, где недавно размещалась боевая позиция. Мария кинулась к хроногенератору — он валялся изуродованный, холодный и ни для чего больше не пригодный. Кнудсен, окровавленный, пытался встать на ноги.

— Ты ранен, Анатолий? — спрашивала Мария, вытирая кровь с лица капитана хронолета. — Где ранен? Да ответь, я так волнуюсь!

Он сделал попытку улыбнуться.

— Немного ранен. Запоздал с уходом в прошлое. Еще повезло, что вовсе не остался в настоящем...

— Повезло! — говорила она, все более волнуясь. И это было страшно на нее непохоже. — Хорошо везение: весь в крови, весь в ссадинах, голова разбита...

К ним подбежали Бах и Кагула, Бах подхватил Кнудсена под мышки. Опираясь на друга, Кнудсен показал рукой на гору.

— Погребен навеки!.. Тысячи тонн над Ватутой! Устроил себе могилу...

Они молча глядели на взорванную, осевшую гору — густое облако пыли медленно, лениво, как бы сознавая никчемность всякой спешки, клубилось над бывшей вершиной. Внезапно тяжелое содрогание свело землю. Затем донесся грохот дальнего взрыва. Взрыв повторился и стал непрерывным тяжким гулом, разносившимся по всей планете.

— «Преисподняя» превратилась в вулкан! — радостно воскликнул Кнудсен. — Друзья мои, друзья! Мы полностью выполнили свою миссию!

13

У койки раненого капитана хронолета сидели Мария и Бах и беседовали о событиях на Дилоне.

— Хочу немного пофилософствовать, — сказал академик. — Думаю о том, что мы совершили на планете, — и многого не понимаю. Надеюсь, ты рассеешь мои недоумения.

Кнудсен улыбнулся.

— Я не философ, а астрофизик и хронист. Попробуем вместе решить твои недоумения. Начинай с главного.

— Начну со странных видений Асмодея, забросившего себя в будущее. Они содержат объективную истину?

— Конечно. Почему ты сомневаешься в этом?

— Потому, что не будет того будущего, какое он увидел. Будущее, которого не будет, — вот парадокс! Предложить бы решение этого парадокса Вещему Старцу — он же Великий Провидец...

— Обойдемся без старцев и провидцев. Мы хоть и не воплощения Высшего Разума, но достаточно разумны, чтобы разобраться в простой проблеме.

— Простой проблеме?

— Да, Миша. То будущее, которое Асмодей увидел, должно было объективно наступить, если бы нас с тобой не было. Оно естественно вытекало из закономерностей природы — и потому Асмодей его увидел. Оно реально в том смысле, что иным быть не могло. Но появились мы, и будущее будет иным — и столь же реальным, как было бы то, в котором очутился Асмодей.

— Итак, мы — та высшая сила, которая меняет объективное развитие в природе?

— Мы просто одна из сил природы — сила разума, столь же естественная, как и слепые ее силы. Вспомни, что наши предки в эпохи общественной разобщенности составляли прогнозы, но поскольку сами творили свою историю, то потом, пугаясь неблагоприятного будущего, меняли настоящее — и будущее получалось не по предсказанию. Раньше люди меняли свое «завтра», теперь мы доросли до преобразования «завтра» природы, то есть природа меняет саму себя, используя свою высшую силу — наш разум. По-моему, ясно.

— Как в подземелье в глухую полночь. Ладно, буду думать.

В каюту вошел Аркадий.

— Дилоны и рангуны пришли прощаться.

Первым вошел Гуннар Гунна, за ним Кагула. Кнудсен показал гостям на диван.

Вещий Старец торжественно поблагодарил хронавтов за все их услуги. Главная услуга — мир, так успешно восстановленный на планете. Дилоны и рангуны отныне в сладостном плену друг у друга. Рангуны приняли в почетный плен Высокий Разум дилонов, дилоны взяли в радостный и плодотворный плен энергию и деловитость рангунов. Это необыкновенное слияние разума и силы сулит прекрасное будущее. Он уже не говорит о том, что борьба двух светил ослабляется, вскоре восстановится единое время и сами собой отомрут злые хвори рассинхронизации у дилонов и тягостное пустое бессмертие у рангунов.

Вещий Старец разглагольствовал так долго, что у Кнудсена сами собой стали опускаться веки. Кагула коротко согласился со всем, о чем повествовал Гуннар Гунна, Воплотитель Высшего Разума, и в заключение вполне по-человечески пожал людям руки.

Бах и Аркадий пошли провожать гостей. Кнудсен с улыбкой сказал Марии:

— Вот и завершилась экспедиция на Дилону. И, как принято в старинных романах, завершилась счастливым концом.

Через некоторое время Аркадий вошел с новым докладом.

— Анатолий, по твоему приказанию принял на время твоей болезни командование хронолетом «Гермес». Корабль взлетел с Дилоны и лег на новый курс.

— Покажи курс, Аркадий.

В каюте капитана висела рейсограмма. Аркадий указал на ярко засветившуюся на карте Гаруну Голубую. Они идут на нее, непрерывно меняя фазу рейсового времени. Где-то за Гаруной находится еще не видная точка — космическая черная дыра, царство схлопнувшейся галактики, исчезнувшей из местного космоса. Когда физическое время на «Гермесе» полностью преобразуется, черная дыра распадется на всю ширь неба миллиардами своих звезд. Их курс — на те неведомые звезды обратного времени.

Сергей Снегов и его фантастические идеи

(Междусловие)

Я прекрасно знаю, что термина «междусловие» не существует; в книгах бывают предисловия или послесловия. Мне же несколько страниц о Сергее Снегове захотелось «внедрить» внутрь книги, отделив друг от друга два разных, на мой взгляд, пласта его творчества. Полуэкзотическое название «интерлюдия» мне не нравится. Пусть уж будет «междусловие», тем более, что сам Сергей Александрович в своих рассказах активно занимался словотворчеством и «натворил» немало новых слов, от которых в руке редактора периодически начинает нервно дрожать красный карандаш.

Кем был С.А. Снегов — фантастом или популяризатором? физиком или философом? автором утопий или сатириком? О нем существуют разные мнения, нередко прямо противоположные. И благо бы они касались оценки результатов его литературного труда! Нет, справочники противоречат друг другу в том, какие у него были отчество и фамилия... наряду с правильной датой рождения — 5 августа 1910 года — называют и 5 марта, и 23 июля... год ареста приводят с точностью плюс-минус три года... Биография Снегова запутанна и извилиста — ну как ему было не стать после этого фантастом?

Будущий писатель родился в Одессе в семье большевика-подпольщика, но его отец, Александр Козырюк, вскоре оставил семью. Мать вышла замуж вторично — за журналиста Иосифа Штейна, который сыграл в судьбе Сережи (ставшего с того времени Сергеем Иосифовичем Штейном) огромную роль. Именно он настоял на том, чтобы мальчик, в свое время ис-

ключенный из второго класса гимназии, поступил в рабочую школу.

В 1932 году, закончив Одесский химико-физико-математический институт, Сергей переехал в Ленинград, работал инженером, проявил себя как талантливый физик и многообещающий ученый. В 1936 году его арестовали и, продержав девять месяцев в камере, приговорили к 10 годам лагерей. Заключение Снегов отбывал на Севере, и не десять лет, а в два раза больше. Он работал инженером на Норильском горно-металлургическом комбинате (где, кстати, подружился с соседом по бараку — Львом Гумилевым), потом в «оборонной шарашке», принимал непосредственное участие в создании ядерного оружия.

После освобождения Снегов поселился в Калининграде и стал профессиональным писателем. В 1957 году в журнале «Новый мир» вышел его роман «В полярной ночи», а автор был принят в Союз писателей СССР. Но и литературная судьба его не была гладкой. Многие из автобиографических произведений оказалось невозможно опубликовать. Книга о советских физиках — творцах атомного оружия — была кардинальным образом «отредактирована» в соответствующих органах. Ему не простили отказа подписать письмо, осуждающее Пастернака. «Литературная газета» ополчилась на повесть «Иди до конца», обвинив Снегова в попытке «реабилитации Христа».

Писатель, не желающий лгать, ушел в фантастику, его первая фантастическая повесть «Тридцать два обличия профессора Крена» вышла в 1964 году. Именно этот жанр принес Снегову невероятную популярность, а его книги были переведены на английский, французский, немецкий, китайский, японский и другие языки. Его эпическая трилогия о далеком будущем — «Люди как боги» (1966), «Вторжение в Персей» (1968), «Кольцо обратного времени» (1977) — была названа одним из самых масштабных утопических произведений советской фантастики и удостоена премии «Аэлита». Однако сам Снегов считал свой роман пародией на «космическую оперу» и был удивлен, когда первую часть трилогии читатели восприняли всерьез и стали требовать продолжения описаний галактической войны звездных армад.

Тот же, уже знакомый по трилогии мир двадцать пятого века служит фоном, на котором разворачивается и действие рассказов, собранных в настоящем томе. Но описаны в них

приключения не тела, а разума; эти произведения являются *научной фантастикой* в самом классическом смысле. По сути, это физические идеи, облеченные в некий минимум литературных одежд. Различные «сепараторы молекул», времяходы и разрывы метрики пространства являются главными персонажами, а легкий детективный сюжет призван облегчить читателю процесс «заглатывания» и усвоения невероятных научных идей.

Лишенный возможности заниматься физикой, Снегов нашел для себя выход в постановке «мысленных» экспериментов, высказывая удивительные гипотезы. Очень часто эти гипотезы касались свойств Пространства и Времени. Вы, уважаемые читатели, уже прочли подборку этих произведений — как серию рассказов про Роя и Генриха Васильевых, так и роман «Хрононавигаторы». И не столь важно, что герои романа выглядят безликими, а их взаимоотношения примитивны, ведь в «твердой» (или технической) НФ идеи могут превалировать над людьми. Особенно если это идеи столь неординарного физика, каким был Сергей Александрович. Впрочем, обратите внимание, с какой доброй усмешкой автор иронизирует и над своими героями, и над ситуациями, в которые они попадают.

Однако непростительно было бы считать Снегова адептом исключительно твердой НФ, его вклад в фантастику намного шире — тут и «космическая опера», и сатира, и попытки осмысления судеб человечества.. Писатель прожил долгую жизнь и умер сравнительно недавно, в 1994 году. Последнее его творение (и одно из лучших) — замечательный социально-философский роман «Диктатор, или Черт не нашего Бога» — дошло до читателя уже после смерти автора. Интерес к социальным проблемам и дар сатирика соединены у Снегова и в ряде других произведений, одним из которых является рассказ про Чудотворца Эриксона, завершающий этот сборник.

Андрей Ермолаев

ЧУДОТВОРЕЦ
ИЗ ВШИВОГО ТУПИКА

Уже за сто метров сержант Беренс разглядел, что новобранец Эриксен — дурак.

Он слишком часто и слишком по-доброму улыбался. И у него были очень ясные не то серовато-голубые, не то голубовато-серые глаза, большие и грустные, к тому же такие круглые и с такими фарфоровыми белками, что казались блюдцами, а не глазами. Индикатор Подспудности записал в призывной карточке Эриксена невероятную характеристику: этот верзила говорил лишь то, что думал, и даже в глухих тайниках его души пронзительный луч индикатора не обнаружил ни черного налета злобы, ни скользкой плесени лживости, ни мутных осадков недоброжелательства, ни электрических потенциалов изортавырывательства, ни молекулярных цепочек заглазоочернительства, притаившихся в маскировочном тумане влицопресмыкательства. О магнитных импульсах к чину и гравитационной тяге к теплым местам и говорить не приходилось. Эриксен был элементарен, как новорожденный, и бесхитростен, как водонапорная башня. Таких людей на Марсе давно уже не водилось.

— Вы, малютка! — сказал толстый сержант Беренс, снизу вверх, но свысока оглядывая двухметрового Эриксена. Сержант Беренс — рост сто шестьдесят два, вес девяносто четыре, карьеризм семьдесят восемь процентов, лживость в границах нормы, свирепость несколько повышенная, ум не выше ноль сорока семи, тугодумность в пределах среднего экстремума, общая оценка: исполнительный до дубинности оптимист — держался с подчиненными высокомерно. Он умел ставить на место даже тех, кто был на своем месте. — Я не понял: из какого сумасшедшего дома вы бежали?

Эриксен спокойно сказал:

— С вашего разрешения, сержант, я в сумасшедшем доме не бывал.

Беренс с сомнением раскручивал ленту магнитного паспорта.

— Но где-то вы жили до того, как вас призвали в армию?

— Я жил в городе номер пятнадцать, восемнадцатый район, сорок пятая улица, второй тупик.

— С ума слезть, — проговорил сержант. — На всех линиях, где у нормальных людей раковые опухоли нездоровых влечений, у этого недотепы сплошные нули и бледные черточки. По-моему, он безнадежен. Что вы сказали, Эриксен? Город номер пятнадцать? Знаю. Сороковой градус широты, сто двадцать восьмой меридиан, островок на пересечении пустого восемнадцатого канала с двадцать четвертой высохшей рекой. Сорок три тысячи жителей, половина — стандартные глупцы, около сорока процентов — глупцы нестандартные, остальные социального значения не имеют.

— Так точно, сержант.

— Мы одиннадцать раз уничтожали этот город, — мечтательно сообщил Беренс. — В последней атаке полковнику Флиту удалось испепелить все дома и разложить на молекулы всех людей и животных. Лишь в одном из подвалов (от флуктуационного непопадания — чудо, так сказал генерал Бреде) уцелел младенец, мы с полчаса слышали его плач. Флит ударил по нему из Суперъядерной-3 — это мегатонный усилитель взгляда. Вы даже представить себе не можете, как сверкали глаза полковника, когда он погружал взгляд в творило орудия. Этот проклятый младенец обошелся нам в два миллиона восемнадцать тысяч двести двенадцать золотых марсов... Боже мой, вообразить только — два миллиона!.. — Беренс посмотрел на Эриксена и добавил: — Это были кибернетические маневры. Атаки разыгрывались на стереоэкране.

— Так точно, — сказал Эриксен.

— Пойдите! — воскликнул сержант, пораженный. — Вы скажи: второй тупик? Вы знаете, как он называется по-другому?

Эриксен опустил голову.

— Уверяю вас, сержант, все правила марсианской гигиены...

— Он называется Вшивым, вот как он называется, — строго напомнил сержант. — И не смейте врать правду, что давно уже ни одной... Название дано по людям, а не по насекомым. Там у вас наблюдались чудовищные выпадения из стандартности, разве не так? Это было гнездовье последних эмигрантов с Земли, самый скверный закоулок на Марсе.

Эриксен молчал. Беренс поднялся. В ширину он был протяженней, чем в высоту, и так как шагал он быстро, то казалось, что он не бежит, а катится. Он бросил Эриксену:

— Следуйте за мной. Первые занятия просты: нейроно-волновая промывка психики на ракетных полигонах.

2

По равнинам Марса грохотал ветер. Утром он налетал с востока, в полдень дул с севера, ночью рвался с юга. В первые годы колонизации Марса направления воздушных потоков были упорядоченней, но пятьдесят лет назад Властитель Номер Тринадцать, сразу по вступлении на Пульт-Престол, приказал ветрам дуть лишь на север, чтобы завалить пылью города Северной Демократии. Коварная Северная Демократия мобилизовала для отпора электрическую мощностъ почти в пятьдесят альбертов, то есть пятьдесят миллиардов киловатт, по терминологии того времени. В результате разгоревшейся пылевой войны прежняя упорядоченность ураганов пропала, яростъ их увеличилась, а пыли везде стало больше. Нынешний Властитель-19, четвертый год со славой диспетчеризировавший южную половину планеты, чтобы добиться перелома в затянувшейся борьбе, призвал под антенны своих полков больше трети населения государства. Назревала большая война — уже не пылью, а водой и кровью.

Первое занятие показалось Эриксену невыносимо тяжелым. «Болван, отдавайтесь полностью и безраздельно! — гремел в его мозгу голос Беренса. — Аккуратней и веселей! Всем существом, ясно?» Отдаваться весело и всем существом Эриксен не умел, но старался проделывать это аккуратно, полностью и безраздельно. Он уже не чувствовал ни рук, ни ног, ни туловища, все слилось в одно грохочущее, ползущее, бегущее, крадущееся целое с органами машины: живой автомат — в нем сам Эриксен был не больше чем маленькой частью, — маневрировал в пылевом полусумраке рядом с сотней таких же одушевленных боевых машин. «Яростней взгляд, пентюх! — надрывался в мозгу Беренс. — Сосредоточьте взгляд, иначе вас опрокинут, тупица!» Эриксен сосредоточивал взгляд, вызывал в себе яростъ, но его легко опрокидывал презрительным оком каждый мчавшийся навстречу солдат. За первый час занятий Эриксен раз десять валился в пыль, задирая двигатели вверх, и только ругань сержанта заставляла его с усилием переворачиваться обратно.

Беренс скомандовал отдых.

— Если бы вы находились не в учебной, а в боевой обстановке, слюнтяй, вас дюжину раз разложили бы сегодня на атомы, — объявил он. Эриксен молчал.

— Здесь усиление взгляда всего в пятьдесят тысяч раз, и крепче, чем оплеуху, вам не заработать! — негодовал Беренс. — А в бою усиления дойдут до ста миллионов — что тогда будет, я хочу знать? Отвечайте, олух, когда вас спрашивает начальник!

— Я стараюсь, — пробормотал Эриксен.

— Вы стараетесь? Вы издеваетесь, а не стараетесь, пустомеля. Вы должны мне отдаться, а вы увиливаете от отдачи, подонок, вот что вы делаете. Я не ощущаю вашего мозга, шизоид! Где ваши мозговые извилины, пустобрех? Я не могу ни за одну из них уцепиться! Ваш мозг гладок, как арбуз, остолоп этакий!

Эриксен и сам понимал, что солдат он неважный. В лучшем случае, его мозг безучастно замирал, когда руки и ноги послушно исполняли команды сержанта.

— Что будет с армией, если расплодятся такие, как вы, обороты? — орал сержант, размахивая кулаком перед носом Эриксена. — Наша непобедимость основана на духовной синхронизации сверху донизу. Подумали вы об этом, балбес? Уяснили себе, дегенерат, что одного такого обрыва интеллектуальной непрерывности, какой устраиваете вы, будет достаточно, чтоб сделать нас добычей грязных северян? Я вас спрашиваю, головешка с мозгами, вы собираетесь отвечать или нет?

— Так точно! — сказал Эриксен. — Будет сделано.

Беренс метнул в него возмущенный взгляд. Взгляд сержанта не был усилен механизмами, и Эриксен снес его, не пошатнувшись. Снова начались маневры.

Эриксен скоро почувствовал, что мозг его понемногу настраивается на волну сержанта. Команды уже не гремели в сознании голосом Беренса, они стали приглушенней, превращались из внешних толчков во внутренние импульсы. Эриксен знал, что полная синхронизация его мозга с верховным мозгом армии наступит в момент, когда приказы извне примут образ собственного его влечения, своей внезапно возникающей страсти. И тогда он, как и другие однополчане, глухо вскрикивая, будет иступленно напрягать мышцы тела и способности души, чтобы немедленно осуществить запыхавшее в нем желание... До такой степени синхронизации было пока далеко.

Эриксен честно отдавался воле сержанта, но дело опять застопорилось. В голове Эриксена не хватало каких-то клепок. В висках застучало, боль разрывала клетки мозга, жаркий пот заструился по телу. Эриксен схватился руками за грудь. Негромко рычащие двигатели стали разворачивать его на месте. Эриксен

судорожно завращался по кругу, и все, на кого падал взгляд его смятенных глаз, взлетали как пушинки, перекувыркивались в воздухе или с грохотом уносились по неровному грунту, надрывно ревя двигателями.

— Стоп! — заорал своим голосом Беренс. — Стоп, дьяволы!

Синхронизация Эриксона продвинулась так далеко, что яростный крик Беренса поразил его оглушительней грома. О других солдатах и говорить не приходилось: уже многие недели Беренс разговаривал с ними лишь их голосами. На полигоне быстро установилась тишина, прерываемая только шумом ветра, поворачивавшего с юга на восток. Беренс выбрался из оболочки и рывкнул:

— Рядовой Эриксен, идите-ка сюда, дубина стоеросовая!

Эриксен вытянулся перед сержантом.

— Нет, поглядите на это чудело гороховое! — негодовал Беренс. — Вы, оказывается, и юродивый в придачу! То этот лодырь не может легонько стрельнуть глазом в ближнего, то бьет зрачками крепче трехдюймового лазера. Что вы уставились на меня, чурбан? Вы своим бешеным взглядом чуть не покалечили целый взвод, чурка с глазами! Или вы позабыли, что у нас учения, а не битва? Ответьте что-нибудь членораздельное, лопух!

Эриксен отрапортовал:

— Так точно. Стараюсь. Можете положиться на меня.

— Так точно. Стараюсь. Можете положиться на меня, — сказал Беренс не своим голосом и окаменел. Полминуты он ошалело глядел на Эриксона, потом завизжал: — Передразниваете, параноик? А о последствиях подумали, чушка безмозглая? Знаете, тюфяк с клопами, чем солдату грозит противодействие?

Эриксен опустил голову. Ум его заходил за разум. Он мог бы поклясться, что не он передразнивал Беренса, а тот его.

— Перерыв на час, хлюпики! — скомандовал сержант. — На вечерних занятиях будем отрабатывать самопожертвование по свободному решению сердца, предписанному свыше.

Уходя, он зарычал на Эриксона:

— Чувырло!

Он укатился в канцелярию, а Эриксен улегся на грунт. Рядом с ним опустился пожилой рыжий солдат.

— Хлестко ругается сержант, — с уважением сказал пожилой. — Он обрушил на вас не меньше ста отборных словечек.

— Всего двадцать восемь, — устало сказал Эриксен. — Я считал их. Дегенерат, болван, балбес, чурбан, лопух, пентюх, дурак,

олух, остолоп, тупица, недотепа, юродивый, параноик, пустобрех, обормот, слюнтяй, пустомеля, лодырь, хлюпик, подонок, головешка с мозгами, дубина стоеросовая, чучело гороховое, чурка с глазами, чушка безмозглая, тюфяк с клопами. Ну и, разумеется, чувырло. Я сам берусь добавить еще с десятков ругательств не слабее этих.

— Сержант их без вас добавит, — уверил рыжий. — Кстати, познакомимся. Джим Проктор, сорок четыре года, рост сто семьдесят восемь, вес шестьдесят девять, лживость средняя, коварство пониженное, сообразительность ниже ноль шести, нездоровые влечения в пределах государственно допустимых, лень и чревоугодие на грани тревожного, все остальное не подлежит преследованию закона...

Эриксен пожал его руку.

— Сожалею, что не могу отрекомендоваться с той же обстоятельностью. Во всех важных отделах психики у меня нули. Я в умственном отношении, видите ли... не совсем...

— Это ничего. И с нулями можно просуществовать, если беречься. У нас был солдат Биргер с полной кругляшкой в области лживости и эгоизма и всего ноль двумя самовлюбленности. И что вы думаете? Он отлично чувствовал себя в казарме. Временами он даже что-то мурлыкал себе под нос.

— Он в нашем взводе?

— Его распылили на учении. Он сослепу сунулся под взгляд генерала Бреде, когда тот скомандовал наступление. Ну и сами понимаете... Квантовые умножители генерала не чета солдатским. Бедный Биргер запылал, как тряпка, вымоченная в бензине. Если не возражаете, я вздремну около вас.

— Спите, пожалуйста.

Проктор тут же захрапел. Эриксен печально осматривал равнину.

Над холмами ревел ураган, гоня красноватую взвесь. С того года, когда энергетические станции спустили с цепей ветры, в атмосфере воздуха стало меньше, чем пыли, — было трудно дышать, уже в ста метрах предметы расплывались. Солнце холодным оранжевым шариком тускло светило в пыли.

Эриксен думал о том, что с детства не видел звезд. О звездах не приходилось и думать. Ураганы пыльной войны день и ночь гремели над планетой, они лишь меняли направления, обегая за сутки все румбы света и тьмы. Люди вставали и засыпали, работали и отдыхали под вечный, непрерывный, наполняющий уши, раздирающий тело грохот.

Планета была отполирована ветрами, красноватый грунт сверкал, как металл, он был металлически тверд и гладок, а все, что можно было извлечь из него, давно было извлечено и, не оседая, вечно моталось в воздухе. Оранжевый шарик солнца светил так тускло, что казался не оранжевым, а серым. «Серос солнце, — с тоской думал Эриксен. — Холодное серое солнце. А спутников Марса вовсе уже не видно!»

Еще он думал о том, что на далекой Земле, покинутой его предками, никогда не бывает пыльных бурь, и люди там могут разговаривать без приборов и без приборов слушать, не рискуя быть оглушенными. Эриксен опасливо одернул себя. О Земле размышлять было заказано. Земля была навеки закрыта для глаз и разговоров. И Северная Демократия, и Южная Диктатура, враждовавшие между собой на Марсе, одинаково запрещали вспоминать Землю, жестоко наказывая ослушников. Эриксен порой нарушал запрет. Но то, что сходило с рук дома, могло выйти боком в казарме.

— Еще попаду под удар гамма-карателей, — пробормотал Эриксен. — Только этого не доставало — гамма-казни!

Из канцелярии выкатился Беренс.

— Строиться, ленивцы! — гремел Беренс, заглушая вой урагана. — Напывай боевую оболочку, разгильдяи!

Проктор, пробудившись, сладко зевнул.

— Чего-то я ему пожелал бы, только не знаю — чего.

— А я пожелал бы, чтоб он уткнулся носом в грунт, а потом погнал нас в казарму на отдых, — сказал Эриксен, наблюдая, как сержант расталкивает спящих солдат.

Эриксен еще не закончил, как Беренс свалился с грохотом, отдавшимся во всех ушах.

Вскочив, он заревел:

— Чего вылупили лазерные гляделки, гады? Живо запускайте моторы, скоты, и марш в казармы на отдых!

Солдаты кинулись к оболочкам. Взыли воздушные двигатели. Вздод, человек за человеком, поворачивался в сторону казармы.

Сержант Беренс, раздувая горловой микрофон, завопил еще иступленнее:

— Куда, мерзавцы? Отставить отдых! Стой, кому говорю!

Вздод торопливо выворачивался от казарм на сержанта. Беренс, катясь вдоль строя, неистовствовал:

— Какой недоносок скомандовал моим голосом возвращение? Я сам слышал, что голос мой, меня не проведете, пройдохи! Я спрашиваю, бандиты, кто кричал моим голосом?..

Беренс докатился до Проктора и яростно заклекотал:

— Это вы, негодяй? Вы, обжора? Вы, проходимец?

Он ткнул кулаком в Проктора. Затрепетав, Проктор гаркнул:

— Никак нет, не я. Так точно, не я.

— Это ваша работа, Эриксен! — надрывался сержант. — Вот они где сказались, ваши психические нули, идиот! Я с самого начала знал, что от такого столба с перекладной взамен рук хорошего ждать не приходится... Я спрашиваю вас, прохвост, почему вы кричите моим голосом?... Вы меня слышите, растяпа?

Эриксен, бледный, сдержанно отрапортовал:

— Так точно, слышу. Никак нет, вашим голосом я не кричал! Я не умею говорить чужим голосом.

Беренс еще побушевал и начал учения. Эриксену и Проктору выпало наступать в переднем ряду. Проктор обалдело скосил на Эриксена оптические усилители и с уважением прошептал:

— А вы, оказывается, чудотворец!

3

В день, когда у сержанта Беренса начались нелады с новобранцем Эриксеном, неподалеку от них, в Верховной Канцелярии, на Центральном Государственном Пульте — сокращенно ЦГП, дежурил командующий Квантово-взглядобойными войсками — сокращенно КВВ, известный всему Марсу лихой полковник Флит, еще ни разу на маневрах не побежденный. Он прохаживался вдоль щита с Автоматическими Руководителями — так недавно стали называться регуляторы общественной структуры — и, всматриваясь в диаграммы самописцев, мурлыкал популярную детскую песенку: «Будешь, подружка, дразнить меня, разложу тебя вмиг на атомы». Дежурство проходило отлично. Диспетчеризация государства шла на высоком уровне.

Внезапно Флит нахмурился. Кривая одного из руководителей показывала, что на ЦГП идет начальник Флита генерал Бреде. Флит недолюбливал генерала Бреде, хотя, по официальным записям нейтральных соглядатаев, они вычерчивались приятелями. Дело было не только в том, что генералу Бреде как первому заместителю Властителя-19 было положено не три, как Флиту, а восемь процентов сомнения и не два, как прочим Верховным Начальникам, а пять процентов иронии и что сам Бреде, по часто повторяющимся импульсивным донесениям приборов Особой Секретности, времена-

ми перебирал отпущенный ему Законом лимит сомнения и иронии, а это Флит считал отвратительным. В конце концов, Флит мог примириться с некоторой нестандартностью своего начальника, дело было не такое уж катастрофическое. Но он не мог примириться с тем, что Бреде начальствует над ним. По личным статьям Флит был выше Бреде (это не относилось к росту, но не рост в армии определяет высоту). Генерал Бреде выглядел анахронизмом в государственной иерархии Южной Диктатуры. Это был обломок древней ракетно-ядерной эпохи. Он и мыслил изжитыми категориями всеобщего механического разрушения и энергетического распада. Испепеленная, превращенная в радиоактивную пыль планета — таковы были его примитивные концепции будущей войны. Правда, Бреде не высказывал таких взглядов открыто — не только люди, но и самописцы высмеяли бы отсталость его стратегических концепций, — но Флит не сомневался, что втайне Бреде от них не отделался.

Не один Флит замечал, что Бреде недооценивает последние открытия в военной технике. Когда стало ясно, что человеческий взгляд, усиленный лазерными устройствами, обладает большей эффективностью, чем термоядерная бомба, отличаясь от последней легкостью перестройки на любую мощность, именно в это время, когда уже не было места сомнению, Бреде усомнился: он принимал Квантово-взглядобойные войска в качестве одной из частей армии, но упрямо отказывался признать их главной ударной силой.

К тому же личная оптика генерала была не на высоте. Командующий армией Южной Диктатуры был до отвращения синеглазым. Невооруженным зрачком он не смог бы убить даже мухи, не говоря уже о том, чтобы сразить человека или поджечь дом. У подчиненных, на которых Бреде кидал взгляд, почти никогда не подгибались колени. Даже рост генерала — семь сантиметров выше уровня для Сановников — Флит считал непозволительным нарушением авторитета. Черноглазый, стандартной фигуры, стандартнотремительный Флит являлся, наоборот, живым воплощением воинственности. В его пылающих очах — меньше всего их можно было назвать отжившим невыразительным словечком «глаза» — сконцентрировались достижения оптической селекции четырех поколений профессиональных военных. У самого Властителя-19 не всегда можно было узреть такой пронзительный взгляд, каким гордился Флит. Без светофильтров беседовать с ним считалось опасным. С женщинами он разговаривал лишь в темноте, чтобы неосторожно не поранить их жаром своей природной оптики. Его

первая жена погибла в ночь свадьбы, и, хотя с тех пор прошло десять лет, Флит не переставал горевать о ней.

Собственно, ночь, как показала запись контрольно-супружеских автоматов, протекала со стандартной бурностью, но на расвете Флит, забывший задернуть портьеры на окнах, испепелил свою бедную возлюбленную отраженным в его зрачках светом далекого солнца.

Бреде кивнул Флиту, уселся в кресло и задумчиво положил ноги на Государственный Пульт.

— Что-то не нравится мне сегодня Земля, — промямлил он. — Доложите земную обстановку, полковник.

С Землей ничего необычного не происходило. На суше строились семьдесят четыре новых города, осушалось три мелководных залива, разливалось сорок семь новых пресноводных морей, вырубались дикие тропические леса и насаждались тропические парки. С космодромов Земли за часы дежурства Флита стартовало за пределы солнечной системы два звездолета, в межпланетном пространстве находится в космическом полете сорок один экспресс. Запущено еще несколько термоядерных станций — интеграторы фиксируют ежесекундный уровень потребления энергии около одного эрга на десять с двадцатью пятью нулями, то есть около миллиона альбертов мощности.

— Почти в тысячу раз больше, чем у нас, — сказал Бреде. — Высокого же уровня добились проклятые земляне.

— Не вижу здесь страшного, генерал. Вы забываете о концентрированности нашего супертоталитарного строя. У нас не существует низменной потребности сделать райским существование каждого человека. Каждый наш эрг в сотни раз боеспособнее земного эрга.

— Это, пожалуй, правильно. Перейдем к Марсу. Что у малопочтенных северян?

В Северной Демократии тоже не произошло ничего нового, если не считать речи Второго Олигарха, прокарканной по внутренним каналам Общественного сознания. Олигарх с обычной своей демагогией нашептывал в подчиненные ему мозги, что только у них настоящая свобода, а на юге, где господствует один человек, нет места индивидуальной независимости и частной инициативе. И еще он прокаркал, что пока монархическое государство на Марсе не уничтожено, до тех пор существует вечная угроза свободе. «Долой единоличного диктатора, — лял он в заключение, — да здравствует свободная демократия Рассредоточенных Олигархов

и частная инициатива под нашим квалифицированным руководством!»

— Чует стервец Второй, что собираемся слопать их всех, — сказал Бреде. — Обратимся к нашим внутренним делам. Как наш главный государственный показатель — косинус пси?

— В пределах ноль девяноста трех, — ответил Флит. — Считаю синхронизацию Властителя-19 с нашим общественным строем идеальной.

— Идеальность — это сто процентов, — заметил Бреде.

— Сто процентов теоретически невозможны, генерал. Существуют конструктивные погрешности приборов. Об индивидуальных отклонениях психики подданных от психики Властителя не говорю, ибо это несущественно.

— Наоборот, весьма существенно, полковник. Если бы индивидуальные отклонения психики не имели места, то зачем синхронизировать солдат на полигонах?

— Осмелюсь заметить: требования к солдатам строже, чем к подданным, — естественно, тут показатели хуже. Тангенс тэта, символизирующий ваше личное единение с армией, еще никогда не поднимался выше девяноста. Наше общество теснее объединено вокруг Властителя-19, чем армия вокруг вас.

— Та-та-та! — сказал Бреде. — Десять процентов моего расхождения с армией тревожат меня в сто раз меньше, чем один процент несинхронности Властителя с народом.

Флит промолвил, накаливая взгляд до нестерпимости:

— Вы говорите удивительные вещи, генерал.

Командующий армией даже не пошевелил ногой на Государственном Пульте.

— Удивительность их не выходит за границы моих штатных прав сомнения и иронии. Добавлю, что такой же высокий косинус пси мы имели в правление Властителя-13, но и семи процентов несинхронности оказалось тогда достаточно, чтобы наша общественная система впала в тяжелейшие автоколебания, едва не закончившиеся революцией.

— Безвременно погибший Властитель-13 был гений, — торжественно сказал Флит. — Если человек гений, его поступки, конечно, не укладываются в общепринятые формы понимания.

— Властитель-13 был дурак, — хладнокровно поправил генерал. — А когда дурак занимает высокий пост, его глупость, естественно, кажется гениальностью.

У Флита перехватило дыхание. Он проговорил, заикаясь:

— Если я правильно... вы сейчас несколько превысили...

Бреде убрал ноги с Государственного Пульта и рванул дверцу приборов Особой Секретности. Самописец командующего армией чертил благожелательную кривую. Флит, уничтоженный, опустил голову. Взгляд синих глаз генерала был черноглазо-тяжек.

— Не судите обо мне по своей мерке, полковник. Вам не принадлежит то, что положено мне. Если бы вы так же высказались о каком-либо из прошедших властителей, я не говорю о благополучно синхронизирующем нас ныне, вас следовало бы атомизировать. Кажется, уже двенадцать часов? Идемте, нас вызывает Властитель.

4

К Центральному Государственному Пульту примыкало помещение Пульт-Престола — сокращенно ПП, где постоянно обитал Верховный Синхронизатор Государства Властитель-19. Его предшественники иногда выбирались за стены своей крохотной резиденции. Он себе этого не разрешал.

Он не разрешал себе даже сойти с Пульт-Престола. Все часы суток он восседал или возлежал на ПП. И ел, и пил, и спал он на ПП, а в дни государственных кризисов совершал на ПП и такие отправления, которые по природе своей требовали некоторого уединения. Происходило это не из боязни Властителя лишиться Пульт-Престола, а по более высоким соображениям.

Дело было в том, что влияние Властителя-19 на государственные дела падало обратно пропорционально квадрату отдаления от Пульт-Престола. Проклятый закон квадратичной зависимости от расстояния, легкомысленно установленный в незапамятные времена физиком Ньютоном, нависал грозной глыбой над каждым неосторожным шагом Верховного Синхронизатора. Один из его предшественников, знаменитый в истории Марса Властитель-13, в какой-то из своих вдохновенных дней объявил об отмене зловредного физического закона, но, как вскоре выяснилось, закон не согласился на свою отмену. Такая же неудача постигла и другое великое начинание Властителя-13: приказ женщинам государства прекратить рожать детей, а дело воспроизводства марсианского человечества полностью передоверить мужчинам — как объектам, лучше поддающимся стандартизации.

Женщины, разумеется, с радостью отказались от вековой обычаи беременности, но мужчины, как ни старались, технологию ро-

дов не осилили — пришлось возвратиться к примитивным методам производства людей.

Властитель-19, большой любитель истории, держал в памяти ошибки предшественников. Его девизом было: «Ни на сантиметр от государственного руководства». Он объявил себя величайшим из властителей Марса. Он приказал вынести из помещения Пульт-Престола портреты своих предшественников — как недостойные быть рядом с ним. Исключение было сделано лишь для портрета Гитлера. «Конечно, этот древний земной неудачник мало чего добился, — с чувством говорил Властитель о Гитлере, — но он был пламенным провозвестником того общественного строя, который успешно установили мы». Важнейшим из государственных решений Властителя-19 было переименование властительных указов (именовавшихся также инвективами) в Диспетчерективы.

Генерал Бреде и полковник Флит сперва, по этикету, приветствовали портрет Гитлера, потом поклонились Верховному Синхронизатору. Тот жестом пригласил их присаживаться в кресла, расставленные вокруг ПП. В креслах сидели другие сановники, управляющие внешними делами, психикой и бытом подданных и энергосоциальной структурой общества.

Сам Властитель-19 восседал на Пульт-Престоле в парадной форме: высокий цилиндр с султаном, черный мундир с орденами, голубые трусики, а ниже — голые волосатые ноги. Единственное развлечение, которое разрешал себе Властитель во время приемов, было шевеление узловатыми пальцами ног, это почти не ослабляло силы его воздействия на государственные дела. В безбрючности и босоногости Властителя-19 таился глубокий общественный смысл. Опыт многих поколений Властителей установил, что исходящая из них эманация государственности канализируется, главным образом, в нижних конечностях, одежда же экранировала их от приемников ПП, и потому чем меньше было одежды на ногах Властителя, тем лучше шли дела в государстве. Было даже предложение назвать государственное руководство Государственным Ноговодством, но проект этот не привился, автора же его, подумав, вскорости распылили.

Лицом и фигурой Властитель-19 походил на свои руководящие ноги — худой, волосатый, с неистовыми глазами, язык его двигался так же безостановочно, как и пальцы ног, хотя движение языка не имело такого значения, как подергивание пальцев. Во время речей Властитель-19, забываясь, усердно почесывался под мышками, на груди и в других местах: мыться на ПП было

неудобно, а удалиться в ванну, так далеко от государственных забот, он побаивался. В эти минуты на него старались не глядеть, а в остальное время он вел себя с достоинством и был почти приятен.

— Я пригласил вас, господа, чтобы объявить свое окончательное решение проблемы Северной Демократии, — объявил Властитель-19. — Я буду максимально краток.

Приглашенные удобнее устраивались в креслах. Когда Властитель-19 хотел быть кратким, он укладывался часа в два.

Он начал с обзора трех больших общественных сил, действующих ныне в Солнечной системе. Первое из них — земное общество. С Землей получилось плохо, недоглядели Землю — такова единственно точная формула. На Земле получила распространение противоестественная философия всеобщего благоденствия. Глубокие различия цвета кожи и глаз, тонкости крови и жесткости волос, роста тела и формы головы, национальности и образования, материального достатка и подбора предков — на все это на сегодняшней Земле наплевали. Там ныне каждый самостоятельно выбирает свою жизненную дорогу: тот стремится в музыканты, другой в космонавты, третий в кораблестроители — ни один не подумает испросить государственного разрешения на личные влечения! Каждый мужчина любит свою женщину, каждая женщина — своего мужчину, вместе они любят своих детей, а еще все вместе они любят всех вместе. Взаимная необоснованная любовь, хаотическое взаимное уважение, ничем не прикрываемая взаимная дружба — таков тот отвратительный цемент, что соединяет разнородных людей, населяющих нынешнюю Землю. В довершение, он добавит, что на Земле осуществлено чудовищное равноправие: все земляне равновластны. И вся эта неразбериха обильно питается могучими энергетическими ресурсами Земли, настолько ныне огромными, что, к сожалению, сейчас нельзя и речи вести об отвоевании нашей прাপланеты и наведении на ней порядка. Землю пока надо оставить в покое. Время взять ее в руки (Властитель зашевелил ногами) не пришло.

Но если от захвата Земли он, с глубоким сокрушением, временно отказывается, то нет причин не расправиться с государственным ублюдком, именующим себя Великой Северной Демократией.

Медлить дольше нельзя. Сегодня один из Олигархов Севера нахально кричал о непобедимости их общества Частной Инициативы. Наглых Олигархов Демократии нужно покорить.

Реальная мощь на Марсе сосредоточена лишь в их Южной Диктатуре, тотально задиспетчеризованной его, Властителя, руководящей волей. Он утверждает с полной ответственностью: еще не существовало столь совершенного государства. Единство сограждан достигло у них высочайшей формы централизации — односущности. Прежняя формула единства — «Все — за одного, один — за всех» — стала попросту жалкой, ибо нет у них разных «всех», а есть лишь Один в миллионах экземпляров. Если на Земле ублажают личные прихоти своих сочленов — «развивают человеческие способности», как говорят там, — если Северная Демократия пытается контролировать влечения своих сограждан, то они, он и Властители, его предшественники, полностью отменили все личное. Они освободили подданных от рабства собственных жизненных целей, от тягот индивидуальных помыслов и причуд, от хаоса необщих мыслей. Человек чувствует себя несвободным, когда жаждет многого, ибо несвобода — в неосуществимости желаний. В Южной Диктатуре люди ничего не жаждут и ни к чему не имеют особых влечений, а следовательно, не испытывают горечи неудовлетворенности и трагедии неудач. Они желают лишь того, чего желает он, их...

Властитель-19 вдруг запнулся, лицо его странно перекошилось, он заверещал не своим голосом:

— Чего вылупили лазерные гляделки, гады? Живо запускайте моторы, скоты, и марш в казармы на отдых!

Его истошный крик потонул в общем вопле. Сановники, сорвавшись с кресел, надрывались теми же не своими голосами:

— ...Марш в казармы на отдых!

— Отставить, мерзавцы! — завопил Властитель. Приближенные диким эхом повторили его команду.

На губах Властителя-19 появилась пена. Он подергивался на Пульт-Престоле, отчаянно бил о его бока заскорузлой Руководящей Пяткой. Проглатывая слова, он яростно бормотал:

— Проходимцы!.. Подлые растяпы!.. Недоноски!..

Потом надвинулась могильная тишина. Властитель-19 свирепо оглядывал сановников. Ноги его были плотно прижаты к ПП. Цилиндр с султаном сместился на ухо. Неожиданное смятение, возникшее в недрах государственного строя, было с успехом ликвидировано.

— Я хочу знать, что это было? — заговорил Властитель. — Генерал Бреде, отвечайте: что это было?

Генерал, приподнявшись, мрачно отрапортовал:

— Ваше Бессмертие, вы отдали неожиданную команду. А почему вы это сделали, мы не понимаем.

Все собравшиеся поддержали его дружным криком:

— Мы не понимаем, Ваша Удивительность!

Властитель-19 снова дернулся. Он секунд пять раздумывал, прикрыв тяжелыми веками бешеные глаза.

— Вам не понять сокровенной глубины моих поступков. Я пошутил. Итак, через неделю начинаем войну против Демократических Олигархов. Теперь марш по местам!

Он с трудом удержался от того, чтобы последнюю диспетчерскую не прокричать тем же не своим голосом, каким недавно кричал непонятные слова.

Флит возвратился на ЦГП.

Под утро туда же пришел генерал. Бреде не уселся за Государственный Пульт и не положил на него ноги, как любил, но прохаживался вдоль щитов с Автоматическими Руководителями. Он почему-то хмурился.

— Косинус пси отличен, — заметил полковник. — Единение Властителя-19 и народа достигло степени тотального слияния в одно целое. Ваш личный тангенс тэта тоже превосходен, хотя по-прежнему хуже косинуса.

— Меня смущает полнота слияния Властителя с народом, — неожиданно сказал Бреде, обратив к полковнику насупленное лицо. Флит искренне удивился.

— Вас смущает совершенство централизации? Все достоинства нашего государства, в частности, его боеспособность, держатся на этом фундаменте.

— Дорогой мой полковник, самые грозные недостатки часто являются обратной стороной достоинств. Если с обожаемым Властителем что-нибудь произойдет...

— Абсолютно исключено. Синхронизация общества и Властителя совершается автоматически.

— Это тоже меня беспокоит — автоматизм тоталитарности.

Полковнику показалось, что он, наконец, поймал своего начальника на ереси.

— Выскажитесь определенной, генерал!

Командующий армией за долгую службу у Властителей 17, 18 и 19 уже не одного деятеля вроде Флита подвергал распылу на лазерных полигонах. Флит был слишком маленьким противником, чтобы тратить на него духовные силы. Бреде лишь передернул плечами.

— Мне отпущено много сомнения, но и мои лимиты не безграничны. Лучше поговорим о вещах более безопасных. Вам не показался знакомым голос, каким неожиданно закричал?..

Флит шлепнул себя по лбу.

— Удивительно знакомый голос! И будь я проклят, если это не голос сержанта Беренса, самого лихого вояки и самого отпетого пройдохи в наших... — Флит, ошеломленный, с ужасом поглядел на Бреде. Бреде значительно поджал губы. Флит заорал на весь ЦГП: — Послушайте! Неужели вы хотите сказать, что вшивка Беренс пытается захватить Верховную Синхронизацию?

Бреде холодно возразил:

— По-моему, о Беренсе заговорили вы. Я лишь обратил ваше внимание на странное изменение голоса Властителя. Замечу попутно, что вы превысили свои скудные пределы, полковник.

Он показал на приборы Особой Секретности. Кривая благонадежности Флита была повреждена резким всплеском в Недопустимость, граничащую со зловещей красной полосой Обреченности. Флит нервно отпрянул от грозного пика на кривой. Он лишь на три миллиметра не дотянул до предела, за которым безжалостные гамма-каратели автоматически обрывают жизнь провинившегося. Бреде спокойно подошел к автоматам Энергетического Баланса Государства. Здесь что-то настолько поразило генерала, что он несколько минут не отрывался от приборов.

Флит еще не оправился от ужаса, вызванного образом чуть не надвинувшейся на него гамма-смерти, когда до него донесся размеренный голос:

— Полковник, какова первая акция нашей стратегической подготовки к войне?

Флит не понял, зачем генералу понадобилось экзаменовать его по столь элементарным пунктам стратегического развертывания, но ответил:

— Мобилизация водных ресурсов, разумеется.

— Как идет эта мобилизация?

— Конечно, отлично! Нам удалось вызвать всеобщее скрытое испарение и сконцентрировать облака на южном полюсе. Мы прихватили солидную толику водных ресурсов северян, пока эти ротозеи не спохватились, что их грабят. Уже вчера на полюсе было скомпрессовано четырнадцать миллиардов тонн воды, то есть сорок процентов водных возможностей планеты.

— А когда мы должны привести эти облачные массы в движение?

— Что за вопрос, генерал! В момент объявления войны, разумеется!

— Войну мы еще не объявили?

— Я отказываюсь вас понимать! Вы же сами слышали диспетчерективу! Война начинается через неделю. Тучи будут сгущаться еще семь дней, а затем мы мощным ударом превратим войну пылевую в войну грязевую — и центры сосредоточения войск противника потонут в болотах.

— В таком случае, должен вам сообщить, полковник, — бесстрастно сказал Бреде, — что облачные массы на полюсе пришли в движение и в данный момент бурно несутся на нас.

Флит, вскрикнув, кинулся к энергетическому щиту. Тут взгляд его увидел нечто еще более страшное. Основной показатель государства, косинус пси, катился вниз. Флит метнулся к щиту, где вычерчивался тангенс тэта. Тангенс тэта стоял на девяноста.

— Генерал! — простонал Флит, обернув к Бреде искаженное страхом лицо. — Армия пока в ваших руках, но государство разваливается. Синхронизация общества летит ко всем...

Бреде подскочил к Флиту и схватил его за шиворот.

— Идиот! — прошипел генерал. — Ваше счастье, что с государством что-то случилось, иначе гамма-каратели... Включайте аварийную сигнализацию по всем каналам!

Флит бросился к щитам. Бреде наклонился над Пультом. Не прошло и секунды, как страна была оповещена, что государственный строй Южной Диктатуры свела непонятная внутренняя судорога. Бреде потащил Флита к дверям Пульт-Престола.

— Еще не все потеряно, — сказал генерал. Он говорил с обычной внешней невозмутимостью. — Пусть Властитель срочно налаживает свою развалившуюся синхронизацию. По-моему, произошло чудо.

— Это революция, — бормотал вконец ослабевший Флит. — К нам проникли земляне. Боже, теперь всем нам крышка! Как думаете, не запросить ли помощи у Олигархов Демократии?

— Кретин! — только и ответил ему генерал.

5

Причиной катаклизма, потрясшего государственный строй Южной Диктатуры, был, разумеется, Эриксен.

Сержант Беренс доказал солдатам, что вырвавшиеся у него слова об отдыхе не имеют ничего общего с его истинными наме-

рениями. После учений взвод не шел, а полз в казармы. Солдаты были так измучены, что половина их отказалась от ужина. Эриксен со стоном упал на койку. Ему было хуже, чем другим: сержант вымещал на нем злобу. Казарма давно храпела, а обессиленный Эриксен все не спал. К нему подобрался Проктор.

— Слушай, парень, — сказал Проктор, переходя на «ты», что в Южной Диктатуре считалось одним из самых серьезных проступков. — Ты все-таки чудотворец.

— Чудотворцев не существует, — вяло возразил Эриксен.

Проктор жарко зашептал:

— Не говори так, парень. Это раньше не существовало чудес, когда жизнь была неразвита. Конечно, пока человек не овладел природой, все совершалось по естественным причинам, как Бог положил. Чудеса были технически неосуществимы, вот и все. А сейчас, когда так высоко... понимаешь? Без чудес нынче невозможно. Мы же не дикари, чтоб обходиться без чудес.

Не дождавшись ответа, Проктор продолжал:

— Как я услышал, что сержант орет твоим голосом твои слова, я тут же смекнул, что произошло чудо.

— Обыкновенная телепатия, — устало сказал Эриксен. — Гипноз на расстоянии. Я внушил Беренсу, что ему говорить, — только и всего.

— Не телепатия, а чудо, — стоял на своем Проктор. — И не гипноз, частное дело двух человек, а энергетическая эманация, нарушившая всю структуру государства, — вот что ты сделал, парень.

— Не понимаю вас, Проктор.

— А чего не понимать? Это же не Беренс кричит на нас, а полковник Флит орет нам голосом Беренса. А в полковнике гремит генерал Бреде, а генералом командует Его Бессмертие. Разве ты этого не проходил в школе? Во всех нас мыслит, чувствует и распоряжается Властитель-19, а если нам кажется, будто это наши мысли, наши чувства и наши голоса, так на это у нас есть свобода воображать, что мы... Ты не голос Беренса заглушил, нет. Ты заглушил в Беренсе голос Флита, то есть голос Бреде, то есть голос... ты понимаешь? И вот я спрашиваю тебя: разве это не чудо?

— Что вы хотите от меня? — спросил Эриксен, всматриваясь в возбужденное лицо Проктора.

Проктор зашептал еще жарче:

— Сотвори новое чудо! Раз ты сержанта Беренса так ловко... Это же одна цепочка, пойми! Одним винтиком завладеть — вся

машина в руках. Слушай меня. На полюсе концентрируют тучи для атаки на северян. Двинь эти тучи на нас. Небольшого бы дождя, понял?

— А зачем вам нужен дождик?

— Во-первых, северян не зальет, их механизмы не потонут — соваться туда будет рискованно. А во-вторых, у нас все раскиснет — обратно, не с чем соваться... И вместо войны — пшик!

— Вы не хотите войны?

— Я хочу домой... И чтоб все эти централизации и тотализации!.. Понял?

Эриксен слышал, как жарко дышит пожилой солдат. На провокатора он не был похож. Но все, что он говорил, отдавало государственной изменой. Эриксену и в голову раньше не приходило, что в казармах могут, невредимые, существовать люди, подобные Проктору.

— А вы не боитесь нейтринных соглядатаев и гамма-карателей? — спросил после некоторого молчания Эриксен. — По-моему, этим приборам не придется долго раздумывать, если они хоть раз к вам прислушаются.

— Чепуха! — нетерпеливо воскликнул Проктор. — В душу мою им не влезть. Да и не один я здесь такой, всех нас не уничтожить. Эх, Эриксен, если бы ты знал, сколько раз мы между собой... Ты только зацепись, вставь палку в колеса чертовой машине, а мы все как один... Чуда, Эриксен, умелого чуда! И потом жить, не оглядываясь на соседа, и делать, что по душе, только бы это не мешало другим, и чтобы никаких войн! Сердце замирает — такая простота жизни!

Эриксен снова взгляделся в рыжего Проктора. В полусумраке казармы цвет волос не был виден, зато ясно различалось, как пылает его лицо и как сверкают глаза. Он уже не шептал, а кричал тихим криком. Эриксен с полминуты молчал, потом сказал:

— Вы знаете, что такой способ жизни осуществлен на Земле?

— Да, знаю, — ответил Проктор прямо. — А теперь скажи по-честному: сделаешь чудо?

Эриксен откинулся на подушку, закрыл глаза. Всю жизнь он мечтал о запретной Земле. И всю свою жизнь боялся высказать вслух сокровенные желания.

И те, кто окружал его, были такие же — мечтали и молчали, Проктор первый заговорил открыто. Эриксену нечего было ответить. Против машины синхронизации реальных средств борьбы не было, а в чудеса он не верил.

— Я сделаю все, что смогу, — сказал он потом. И снова с отчаянием ощутил, как ничтожны его силы.

Проктор убрался на свою койку. Стены казарм дрожали под давлением осатапевшего ветра. С равнины доносился такой грохот, что ныли уши, а в глазах вспыхивали глумливые искорки. Тонкая пылевая взвесь проникала сквозь щели в стенках.

Эриксен лежал с открытыми глазами, но видел не казарму, а то, что было вне ее, — огромную, неласковую планету: воздух, напоенный красноватой пылью, безжизненные равнины, отполированные сухими ураганами до металлического блеска: ни деревца, ни озерка, ни травинки. Как его предков забросило сюда? Почему они остались здесь? Почему?

Нет, почему они из людей превратились в бездушные механизмы?

Эриксен ворочался, снова и снова думал о том, о чем на Марсе думать было запрещено. Он видел Проктора и Властителя-19, Беренса и генерала Бреде, тучи пыли, вольно несущиеся над планетой, облака высосанной из планеты воды, хищно накапливаемые сейчас у полюса...

И вдруг Эриксен вскрикнул — такая боль свела мозг. Он вскочил, хотел позвать на помощь, протянул руку, чтобы разбудить соседа, но боль стала затихать. Голова отяжелела, Эриксену чудилось, что это не голова, а каменный шар — тяжкий шар не держался на хилой шее и покачивался вправо и влево, вперед и назад. Эриксен поспешно лег снова, чтобы не повалиться всем телом вперед, за непостижимо заменившим голову шаром.

Стало легче, но в мозгу творился сумбур: Эриксен слышал стоны и визги, поскрипывания, потрескивания, что-то бормотало бесстрастным голосом прибора: «Косинус пси — девяносто девять и пять десятых, полная синхронизация! Косинус пси — девяносто девять и пять!...» Эриксен напряженно, без мыслей, вслушивался в шумы мозга, пытаясь разобраться в них, но разобраться в них было невозможно, их можно было лишь слушать. Тогда он стал размышлять сам, но размышлять он тоже не мог, он утратил способность к размышлению. Мысли так медленно тащились по неровным извилинам мозга, так запинались на каждой мозговой выбоине и колдобине, словно каждая тянула за собой непомерный груз.

«Тучи! — трудно думал Эриксен. — Ах, да... тучи... Нет, что же?... Тучи... Вот оно что — тучи!.. Ах, нет — синхронизация... Нет, куда же я? Ах, что... что со мной?..» Он вяло, будто в сумрачном

полусне-полубреду, удивлялся себе: он переменялся в эту ночь, ему не нравилась перемена. Раньше он мыслил легко и свободно, мысли вспыхивали, как огни, проносились стремительно, как тени, что же, нет, что же произошло? «Тучи, — все снова думал Эриксен, упрямо выстраивая мысль. — Все... тучи... сюда... и маленький дождь... с полюса сюда... хочу!»

И когда ему удалось не додумать, а доделать эту тяжкую мысль, он, измученный, провалился в сон, как в пропасть.

Его разбудил шум в казарме. Солдаты вскакивали с коек, раздетые кидались к двери.

— Дождь! Дождь! — кричали солдаты. Эриксен тоже протиснулся к дверям. Лишь в древних преданиях и бабушкиных сказках он слышал о чем-то похожем на то, что сейчас разворачивалось перед ним. И охваченный таким же восторгом, как и другие солдаты, он ликующе вопил:

— Дождь! Дождь!

Мир стал непостижимо прозрачен. Марсианская равнина проглядывалась во все стороны на многие километры. Плотные взвеси красноватой пыли, вечно заполнявшие атмосферу, осаждало водой. Постоянно ревушие ветры смолкли, и мерный шум падающей воды был так слаб сравнительно с их надрывным грохотаньем, что чудилось, будто в мире установилась ликующая тишина.

А сверху неслись темные, плотные тучи, из них рушились сверкающие капельки воды, змейки воды, сияющие водяные стрелы — настоящий дождь, первый дождь в жизни! И как — не переставая — изливался дождь на марсианскую саванну, так же — не переставая — солдаты орали:

— Дождь! Дождь!

Рыжий Проктор взобрался на стол и завопил во всю мощь горлового микрофона:

— Слушайте меня, солдаты! Это чудо! Чудо сотворил солдат Эриксен! Я ночью молил Эриксена о дожде, и он пообещал дождь. Славьте чудотворца Эриксена!

Истощенный призыв Проктора потонул в исступленном реве солдатских глоток:

— Славьте чудотворца Эриксена!

Десятки рук схватили Эриксена и подняли над толпой. Солдаты, ликуя, вынесли его под дождь, а Проктор все кричал:

— Молите чудотворца Эриксена о свободе! Пусть он отправит нас по домам! Пусть разрешит жить своей жизнью! Чуда, Эриксен!

И солдаты заглушали моление Проктора дружным ревом:

— На волю, Эриксен! Отпусти нас в нашу жизнь, Эриксен!

Эриксен, промокший и счастливый, оглядывал таких же мокрых и счастливых, восторженно орущих солдат и был готов пообещать все, что они требовали.

— Вы пойдете домой! — прокричал он. — Отпускаю вас в ваши жизни!

И вдруг он понял, что дождь перестает. Тучи медленно поползли назад. Только что они неслись с полюса, как сорвавшиеся с цепи разъяренные псы, а сейчас какая-то мощная сила загоняла их на полюс, как побитых псов в конуру. Солдаты, замолчав, тоже следили за попятным движением туч. Эриксен попытался соскользнуть на почву, но солдаты его не пустили — он по-прежнему возвышался над всеми. И он первый разглядел катящегося к ним Беренса.

— Назад в казармы, бездельники! — издалека вопил сержант. — Бунтуете, падаль! Слезайте немедленно, образина! — зарывал он на Эриксена. — Это вы, мятежник, покусились на синхронизацию государства? Сейчас я покажу вам, чудотворец-недоделыш, истинное чудо!

Он страшно сверкнул на Эриксена лазерными биноклями, но очнувшиеся от оцепенения солдаты взметнули оптические щиты, и убийственный взгляд Беренса погас в броне. Новый взрыв ругательства Беренса заглушил пронзительный выкрик Проктора:

— Чуда, Эриксен! Чуда!

Солдаты разразились воплем: «Чуда, Эриксен!», и Эриксена охватило отчаяние. Короткое опьянение мнимой мощью мигом прошло, когда он увидел Беренса. Чуда не было. Что-то случайно нарушилось в государственном механизме, выпал из гнезда какой-то винтик, образовалась зияющая энергетическая отдушина — и тучи с полюса хлынули в эту прореху. А сейчас авария исправлена, винтик вставлен, и тысячи марсианских термоядерных станций, синхронизованные в едином порыве, гонят назад миллиарды тонн вырвавшейся на волю воды. Он не имеет отношения к этому происшествию, оно возникло и ликвидировано помимо его воли.

И только чтобы успокоить неистовавших солдат, а не потому, что он поверил в себя, он взметнул вверх руки и прокричал:

— Все тучи ко мне! Да погибнет все, что мешает!

И тут, потрясенный, он узрел сотворенное им чудо. Тучи, отброшенные на юг, неслись обратно. Вокруг быстро сгущалась тьма. Прямо над головами солдат, где бешено противоборствовали сталкивающиеся облачные фронты, сверкнули молнии. Спустя ми-

нугу молнии вспыхивали непрерывно, пересекая одна другую, стремясь друг дружке в хвост. Гром в разреженной марсианской атмосфере был несилен, но вспышки ослепляли, как взгляды, усиленные умножителями, — солдаты опускали на глаза квантовые забрала.

Сержант Беренс в это время молчаливо и яростно врубался в гущу солдат, чтобы расправиться с Эриксенон врукопашную. Проктор предостерегающе прокричал:

— Осторожнее, Эриксен! Уничтожь его молнией!

Эриксен едва успел скомандовать, когда к нему простерлись хищные руки сержанта:

— Прочь! Будь уничтожен!

Сержант взлетел высоко в воздух. И он еще не успел коснуться грунта, как с бешеного неба на него низверглась река огня, а вслед устремились новые огненные реки. Сержант Беренс, превращенный в плазму, уже разметал свои атомы по равнине, а молнии все били и били в то место, где он находился в последний миг жизни.

И тогда Эриксен, охваченный страхом содеянного, прокричал тучам:

— Разойдись! Все по местам!

И, очевидно, в их тотально запрограммированном государстве каждой тучке была отведена особая область, потому что напиравшие фронтами облачные массы стали вдруг распадаться. А еще через некоторое время в разрывах облаков засверкало чистое небо с дневными неяркими звездами и далеким неярким Солнцем.

— Свершилось! — сказал кто-то среди всеобщего восхищенного молчания.

Эриксен, по-прежнему возвышавшийся над солдатами, увидел, что из Государственной Канцелярии, находившейся неподалеку от казарм, к ним идут высшие военные чины государства — генерал Бреде и полковник Флит.

6

Когда Бреде с Флитом ворвались на Пульт-Престол, Властитель-19 сидел на ПП, как на лошади, потерянно сжимая волосатыми босыми ногами бока верховного государственного механизма. Бреде, впрочем, Властитель показался похожим не на мужественного всадника, отлично управляющегося с конем, а на огромную, вспучившуюся, до полусмерти перепуганную жабу.

Умный генерал утаил, какие непозволительные ассоциации являются ему на ум.

— Что случилось? — хрипло прокаркал Властитель. — Ужас, что такое!

— Заговор землян, Ваша Удивительность, — доложил Флит, по обязанности младшего начинавший.

— Чудо, — мрачно установил Бреде.

— Чудес не бывает, — с испугом возразил Властитель-19. У него жалко исказилось лицо.

Бреде непочтительно пожал плечами. Еще час назад он был бы мгновенно распылен за открытое неуважение к Высшему Синхронизатору Государства, но сейчас, когда пейтринные согластатаи вышли из строя, а гамма-каратели разладились, он мог позволить себе и эту вольность.

— Вы забываете о достижениях науки, Ваше Бессмертие. Мы развились до уровня, когда любое чудо стало технически возможным.

Бреде, разумеется, не знал, что повторяет мысль солдата Проктора.

— Нет, это ужасно, — сказал Властитель, все больше бледнея. — Мои ноги не ощущают государства. С ума сойти, такая небывалость!

— Косинус пси ниже ноль сорока, — сказал Флит. — И он катится вниз. Энергетические станции отбились от ваших рук. — Он посмотрел на властительные ноги девятнадцатого Синхронизатора. — Мы гибнем, Ваше Бессмертие.

— Срочно доложите: что делать? — приказал Властитель-19 генералу. — Неслыханно, такая удивительность!

Бреде прошелся вдоль щита с важнейшими государственными приборами, распахнул окно. Тучи, ринувшиеся с полюса, сгустились над резиденцией Властителя. Лил преступный дождь, путавший стройную схему стратегического развертывания южан. Бреде минуту вслушивался в шум антигосударственного дождя, затем, не отвечая Властителю, обратился к Флиту:

— Вот вам те недостатки, полковник, которые являются оборотными сторонами наших достоинств — вы недавно настаивали, чтобы я их вам объяснил... Автоматическая синхронизация государства на личность одного человека привела к тому, что общественному механизму стало безразлично, кто его централизует. Какой-то пройдоха легче вписался в нашу общественную систему, чем вы, Ваше Бессмертие, и автоматы перевели синхронизацию

на него. Самописцы показывают, что очаг смуты где-то в казармах Беренса.

Флит воскликнул, направляясь к командным аппаратам Квантово-взглядобойной армии:

— Сейчас я скажу проклятому сержанту пару словечек!..

Властитель-19 жалобно повторил:

— Что мне делать, господа? Какую выдать диспетчерективу?

— Сосредоточьтесь на управлении, — посоветовал Бреде. — Автоматической синхронизации вашей особы с государством больше не существует — добейтесь ее силой воли. Боритесь же за власть, черт подери!

Неистовые, глубоко запавшие глаза Властителя побелели от страха. Он яростно ударил ногами в бока Пульт-Престола.

— Я попытаюсь... Вы сказали — черт подери? Итак, черт подери! Я верну себе власть!

Он на глазах раздувался от напряжения. Вскоре он радостно вскрикнул, ощутив утраченный было контакт с государством.

В эту минуту сержант Беренс катился колесом к взбунтовавшимся солдатам. Бреде молчаливо наблюдал, как замедляется яростный бег летящих с полюса туч и как стихает разрушительный дождь. Властитель-19 был дурак, но хорошо дрался за Верховную Синхронизацию. Флит, обуянный восторгом, не то танцевал, не то маршировал вдоль Пульт-Престола.

— Косинус пси растет! Семьдесят четыре! Восемьдесят два! Восемьдесят пять! Ура, Ваша Удивительность!

— Ура! — заверещал Властитель, подпрыгивая на ПП. — Моя берет!

Бреде с сомнением покачал головой. В голосе Властителя-19 угадывались чужие нотки.

Настоящая борьба только начиналась. Бреде чувствовал, что неизвестный узурпатор, захвативший ночью управление государством, бросит всю свою волю в пылающее горнило Синхронизации. Даже отталкивая чужака концентрированным ударом, Властитель не мог отделаться от резонанса его могучего голоса.

И когда Властитель, вскрикнув, вдруг стал сползать с Пульт-Престола, Бреде кинулся ему на подмогу.

— Все тучи ко мне! — бормотал Властитель уже несомненно чужим голосом. — Да погибнет все, что...

— Замолчите! — отчаянно крикнул Бреде. — Безумец, вы контрассигнуете поведение вашего противни...

Он не успел окончить фразы, не успел поддержать рухнувшего Синхронизатора. На месте, где только что находился Властитель-19, взвился столб дымного пламени. Впервые за многие десятилетия Пульт-Престол был пуст. Бреде вовремя остановился, а Флит со страхом отшатнулся от мрачной туши пустого Пульт-Престола.

— Беренс тоже распылен, — доложил Флит показания приборов. — Государство погибло. Нам остается пустить себе в лоб отраженный в зеркале собственный смертоносный взгляд. Боже мой, какой конец!

— До конца далеко! — энергично возразил Бреде. — Вызовите автоматы Охраны. То, что не удалось плохо вооруженному Беренсу, должно удасться нам.

— Правильно! — закричал Флит, лихорадочно отдавая команды приборам. — Лично расправлюсь с этим узурпатором, будьте покойны! От Флита еще никто не уходил живым.

Когда они вышли из канцелярии, тучи, по команде Эриксена, возвращались на свои места. Генерал и полковник издали увидели Эриксена, восседавшего на руках солдат. До них донеслись ликующие крики толпы.

— Значит, как условились, — зашептал Флит. — Подберемся на дистанцию прицельного попадания, и я с одного взгляда распыляю этого...

Флит исчез, не успев даже вскрикнуть. Рядом с Бреде кружился смерч оранжевой плазмы. Смердная пыль сыпалась на генерала. Автоматы Безопасности отнесли Бреде подальше от места гибели Флита. Минуту генерал ошеломленно глядел на то, во что превратился его недоброжелательный, но верный помощник.

— Так-так! — сказал Бреде. — Гамма-каратели снова действуют!

Он подошел к толпе. Эриксен сделал знак, чтобы его опустили на грунт. Солдаты стояли вокруг Эриксена двумя стенами. Бреде преклонил перед ним колени.

— Да здравствует Властитель-20! — провозгласил он. — Рапортую, Ваше Бессмертие: еще ни разу наше государство не было так тотально синхронизировано, как это сумели сделать вы, Ваша Удивительность! Слава Властителю-20!

Бледный Эриксен смотрел на Бреде круглыми глазами. Солдаты безмолвствовали. Бреде, не поднимаясь, закричал:

— На колени, болваны! Слава Властителю-20!

Один за другим солдаты опускались на колени. Сперва нестройно, потом все громче загремело «ура!». Временно заколебавшийся государственный механизм снова исправно функционировал. Эриксен обернулся к Проктору. У Проктора сверкали глаза и дрожали руки, он так выгнулся вперед, словно собирался броситься на генерала.

— Разрешите, Ваше Бессмертие, возвести вас на Пульт-Престол, — сказал Бреде, вставая с колен. — Я познакомлю вас с тайнами управления нашей несокрушимой Южной Диктатуры.

Эриксен безвольно сделал шаг вперед. Он услышал шепот Проктора, но не остановился.

— Я думал, ты чудотворец, а ты — Властитель, — горько сказал Проктор вслед Эриксену.

Лишь на ступеньках Государственной Канцелярии Эриксен еще раз обернулся. Солдаты молчаливо расходились. Проктора Эриксен не разглядел. Проктора больше не существовало.

После осмотра аппаратуры Централизации Общественной Жизни Эриксен присел на Пульт-Престол. Вокруг ПП теснились высшие чины Южной Диктатуры, явившиеся на поклон к новому владыке.

— Итак, вы утверждаете, переворот сошел отлично? — спросил Эриксен Бреде.

— Превосходно, Ваша Удивительность! Погибло несколько дураков и нахалов, но государство вышло из кризиса крепче, чем было до него. И то, что оно само отыскало вас и сделало центром Тотальной Синхронизации, делает государству честь. Отныне уроженец Бриллиантового тупика...

— Тупик, где я родился, называется Вшивым, — поправил Эриксен.

— Полчаса назад он переименован в Бриллиантовый. А в данный момент в нем уже устанавливают вашу серебряную статую. Итак, я осмелюсь утверждать...

— Я хочу попросить разъяснения, — прервал Эриксен. — Вы, конечно, понимаете, что меня, как новичка в управлении, больше всего интересует, достаточно ли прочен тот государственный организм, нервным центром которого я... так сказать... избран... Откуда ждать опасностей? Не может ли какой-нибудь проходимец?.. Вы меня понимаете, Бреде?

Генерал доложил с военной четкостью:

— Только четыре причины могут разрушить Тотальную Синхронизацию: удар извне, восстание подданных, бонапартистский переворот и технологический распад системы.

— Мне кажется, этих разрушительных причин многовато, чтобы быть спокойным...

— Удар извне, — сказал Бреде. — Его может нанести либо Земля, либо Олигархия Демократов. Земля кичится, что общество их живет лишь для счастья своих сограждан и что во внутренние дела других планет они не вмешиваются. Агрессивной войны Земля не начнет. Что до Северных Олигархов, то военный их потенциал ниже нашего. Думаю, о восстании подданных в нашем обществе тоже говорить не приходится. Что же касается... гм... вашего особого случая, то ожидать повторения... Нужно, так сказать, обладать вашей гениальностью, и даже высшей, чем ваша, ибо вы уже... А это, понимаете...

— Справедливо. И последняя причина — технологическая.

— Она наименее вероятна. Наша государственная система развалится, если автоматы управления начнут взаимно друг друга уничтожать и самодемонтироваться. Пока мозг Верховного Синхронизатора концентрирует управление в себе, опасности этой нет. Ну, а приказывать саморазвал, то есть вызывать почти мгновенный чудовищный взрыв, никакой Властитель не станет, ибо это равносильно самоубийству.

— Что ж, и это логично. Проктор был бы доволен.

— Проктор? Я не совсем понял, что вы хотите сказать, Ваша Удивительность...

— Я хочу сказать, что Властитель-20 начинает свою эру Синхронизации.

И прежде чем ошеломленные сановники успели вмешаться, Эриксен, вскочив на Пульт-Престол, широко простер руки. О том, что произошло вслед за этим, никто из них не сумел поведать миру, ибо их уже не было. Самому же Эриксену какую-то миллионную долю секунды казалось, что он в сияющих одеждах и в славе возносится в заоблачные высоты. А еще через доли секунды миллиарды молекул его тела, разлетевшись на элементарные частицы, сияющим плазменным облачком разносились по освобожденной планете.

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ *(Повести и рассказы)*

ПРАВО НА ПОИСК	7
ПОСОЛ БЕЗ ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ	92
ПРЫЖОК НАД БЕЗДНОЙ	205
УМЕРШИЕ ЖИВУТ	245
СТРЕЛА, ЛЕТЯЩАЯ ВО ТЬМЕ	267
МАШИНА СЧАСТЬЯ	288
ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОФЕССОРА БРАНТИНГА	307
СВЕРХЦЕНТР БЕССМЕРТИЯ	334
СКВОЗЬ СТЕНЫ СКОЛЬЗЯЩИЙ	350
ПРИНУЖДЕНИЕ К ГЕНИАЛЬНОСТИ	374
ТЯЖЕЛАЯ КАПЛЯ ТЩЕСЛАВИЯ	395
К ПРОБЛЕМЕ СРЕДНЕГО	409
РОЖДЕННЫЙ ПОД НЕСЧАСТНОЙ ЗВЕЗДОЙ	429
БРИТВА В ХОЛОДИЛЬНИКЕ	439
ОГОНЬ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА В ТЕБЕ	470

ХРОНОНАВИГАТОРЫ

Часть первая

КОСМИЧЕСКИЕ ПРИШЕЛЬЦЫ	491

Часть вторая

В ФОКУСЕ ХРОНОБОЯ	555

Часть третья

МЕРТВОЕ БЕССМЕРТИЕ	618

Часть четвертая

МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И ГИБЕЛЬЮ	682

Сергей Снегов и его фантастические идеи

<i>(Междусловие А. Ермолаева)</i>	764

ЧУДОТВОРЕЦ ИЗ ВШИВОГО ТУПИКА	767

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим — без предварительного согласования с издателями.

Литературно-художественное издание

Снегов Сергей Александрович
Посол без верительных грамот

Ответственный редактор А.И. Ермолаев
Выпускающий редактор С.Н. Абовская
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор М.А. Белякова
Корректоры Ю.О. Голубева, Т.А. Шельен

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Гипотетическое заключение
№ 77.99.11.953.11.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус».
Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».
Электронные адреса:
WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Грэм»

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Сергей Александрович Снегов (1910—1994), один из классических авторов российской фантастики, начал писать собственно научную фантастику очень поздно (первая публикация — в 1964 г.), однако успел стать одним из признанных мастеров жанра, вошедшим в историю отечественной фантастики прежде всего как автор единственной «советской космической оперы» — «Люди как боги». Но — кем был Сергей Снегов?

На этот счет, как известно, попросту не существует единого мнения, поскольку даже сам этот классик отечественной научной фантастики сплошь и рядом давал своим произведениям оценки **ДИАМЕТРАЛЬНО ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ** оценкам как критиков, так и поклонников его таланта.

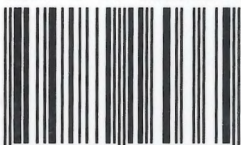
Так **КЕМ** был Сергей Снегов?

Прочитайте — и узнайте сами!

В эту книгу вошли произведения разных лет, относящиеся к циклам «Космические детективы» и «Хрононавигаторы».

ISBN 5-17-016036-4

9 785170 160365